17645

15-го іюля. 1915г. №№5-7

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

15-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1913—1914 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ

Томы LIII—LV.

Н. И. КОХАНОВСКІЙ.

39165

Экономика и экономическій принципъ

въ ихъ отношеніи къ общей системѣ соціальныхъ наукъ.

What science knows it must know definitely; what it sees must be in focus.
J. A. Thomson. Introduction to science.

Ce n'est que par la Science et par l'Art que valent les civilisations.
H. Poincaré. La valeur de la science.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
ИЗДАНІЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
1915.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

1913 года: *№ 1. Протоколы* засѣд. Конфер. Вост. Инст. за 1910-11 акад. годъ. Ц. 1 р. 25 к. *№ 2. К. А. Кузнецовъ.* Опыты по исторіи полит. идей въ Англіи (XV-XVII в.). Ц. 1 р. 50 к. *№ 3. Е. Г. Спальвинъ.* Конфуц. идеи въ этич. ученіи японск. народа. Ц. 25 к. *№ 4. А. В. Рудаковъ.* Образцы нов. оффиц. бумагъ и государств. актовъ на китайск. яз. Ц. 2 р. 50 к. *№ 5. Г. Ц Цыбиковъ.* Лам-рим чэн-по. Т. I, вып. 2. Ц. 2 р. 50 к. *№ 6. Е. Г. Спальвинъ.* Собраніе бесѣдъ и разсужденій соврем. японск. дѣятелей. Ч. I. Японск. текстъ. Ц. 1 р. 50 к. *№ 7. С. А. Полевой.* Період. печать въ Китаѣ. Ц. 1 р. 75 к. *№ 8. В. М. Мендринъ.* Исторія сёгуната въ Японіи. Кн. III. Минамото. II. Ц. 1 р. *№ 9 (послѣд.) То-же.* Кн. IV. Хёдзіо. Ц. 1 р. 50 к.

1914 года: *№ 1. А. В. Гребенщиковъ.* Очеркъ изученія маньчж. яз. въ Китаѣ. Ц. 2 р. *№ 2. П. П. Шмидтъ.* Опытъ Мандаринской Грамматики. I. *№ 3. Каталогъ* Библіотеки Вост. Инст. Ч. II, вып. 1-й. Ц. 1 р. 75 к. *Безпл. прил. Н. В. Кюнеръ.* Сношенія Россіи съ Д. Востокомъ на протяженіи царствованія Дома Романовыхъ. *№ 4. В. М. Мендринъ.* Сёрбунъ. Ч. II, кн. 1-я, вып. 1. *№ 5. P. K. Goldenstedt.* Specimens of English. Ц. 1 р. *№ 6. В. М. Мендринъ.* Сёрбунъ. Ч. II-я, кн. 1-я, вып. 2-й. *№ 7. П. П. Шмидтъ.* Опытъ Мандаринской Грамматики. II, вып. 1-й. *№ 8. То-же.* IV, вып. 1-й. *№ 9. (послѣд.). Протоколы* засѣд. Конфер. Вост. Инст. за 1911-12 ак. годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстія Восточнаго Института выходятъ (въ количествѣ около 100 печатныхъ листовъ, по расчету шрифта цицеро, въ годъ) отдѣльными, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, по возможности законченными по содержанію, выпусками разнаго объема, снабженными двоякой нумераціей: 1) текущей для даннаго гражданскаго года, съ указаніемъ времени выхода, и 2) систематической—съ раздѣленіемъ на томы и выпуски примѣнительно къ отдѣльнымъ академическимъ годамъ изданія. Практиковавшійся до 1913 года пріемъ подписки на академическіе годы изданія въ настоящее время прекращенъ, взамѣнъ чего открытъ пріемъ подписки исключительно на гражданскіе годы изданія по значительно пониженной, съ 1914 года, цѣнѣ 4 руб. въ годъ, съ доставкой во Владивостокѣ и пересылкой въ другіе города. Объемъ печатнаго матеріала, даваемаго подписчикамъ въ теченіе подписного года, остается безъ измѣненія. Прежніе подписчики, подписавшіеся на тѣ или иные академическіе годы изданія, будутъ удовлетворены полностью по мѣрѣ отпечатанія матеріаловъ, относящихся къ подлежащимъ академическимъ годамъ изданія. Подписка принимается въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ гор. Владивостокѣ, Приморской обл., куда и слѣдуетъ обращаться вообще съ требованіями и всякаго рода справками, касающимися издаваемыхъ Восточнымъ Институтомъ «Извѣстій» и прочихъ изданій.

По окончаніи подлежащихъ годовъ изданія, полные комплекты «Извѣстій Восточнаго Института», какъ академическихъ, такъ и гражданскихъ (начиная съ 1913 года) годовъ изданія, отпускаются только по повышенной цѣнѣ 6 руб. за комплектъ съ доставкой въ гор. Владивостокѣ и 8 руб. съ пересылкой заказными бандеролями въ другіе города, за исключеніемъ 1-го года изданія, отпускаемаго по цѣнѣ 2 р. съ доставкой или пересылкой, и 7-го года изданія—по цѣнѣ 5 р. 10 коп. съ доставкой, съ пересылкой же 6 руб. Отдѣльные томы и выпуски, а равно и незаконченные или отчасти распроданные годы изданія, продаются по цѣнѣ, особо нормируемой для отдѣльной продажи выпусковъ, со включеніемъ въ нее стоимости пересылки.

Y 7615

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

15-й годъ изданія. 1913—1914 академическій годъ.

Томы LIII—LV.

Bulletin de l'Institut Oriental.

15-me année. Tomes LIII—LV.

39

ВЛАДИВОСТОКЪ.—VLADIVOSTOK.
ИЗДАНІЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.—ÉDITÉ ET IMPRIMÉ PAR L'INSTITUT ORIENTAL.
1915.

Библиотека ИНИОН СССР

71151

НАПЕЧАТАНО ПО ОПРЕДѢЛЕНІЮ
КОНФЕРЕНЦІИ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
IMPRIMÉ PAR ORDRE
DE LA CONFÉRENCE DE L'INSTITUT ORIENTAL.

Н. И. КОХАНОВСКІЙ.

29465

Экономика и экономическій принципъ

въ ихъ отношеніи къ общей системѣ соціальныхъ наукъ.

What science knows it must know definitely; what it sees must be in focus.
J. A. Thomson. Introduction to science.

Ce n'est que par la Science et par l'Art que valent les civilisations.
H. Poincaré. La valeur de la science.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
ИЗДАНІЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА
1915.

N. I. KOHANOWSKI.

Économique. Principe d'économie.

Leur place dans le système général des sciences sociales.

What science knows it must know definitely; what it sees must be in focus.
J. A. Thompson. Introduction to science.

Ce n'est que par la Science et par l'Art que valent les civilisations.
H. Poincaré. La valeur de la science.

VLADIVOSTOK.
ÉDITÉE ET IMPRIMÉE PAR L'INSTITUT ORIENTAL.
1915.

Его Высокопревосходительству

Приамурскому Генералъ-Губернатору

Шталмейстеру Двора Его Императорскаго Величества

НИКОЛАЮ ЛЬВОВИЧУ ГОНДАТТИ

почтительно посвящаетъ свой трудъ

Авторъ.

Содержаніе.

Стран.:

Предисловіе . . . . . XIII.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Культура и ея отрасли, какъ основаніе системы соціальныхъ наукъ.

1. Общіе элементы въ содержаніи отдѣльныхъ наукъ о культурѣ . . . . . 3.
Принципъ отграниченія отдѣльныхъ наукъ о культурѣ 6.
2. Отрасли культуры . . . . . 7.
3. Матеріальная и духовная сторона въ культурныхъ явленіяхъ . . . . . 13.
4. Разграниченіе отдѣльныхъ отраслей культуры и соотношеніе между ними . . . . . 15.
5. Общая характеристика культуры . . . . . 18.
6. Существо и значеніе хозяйства въ ряду всѣхъ вообще отраслей культуры . . . . . 22.
7. Принципъ хозяйственности, какъ одно изъ выраженій цѣлесообразности . . . . . 27.
8. Общіе принципы соціальной жизни и ихъ специфически экономическое выраженіе. О принужденіи. . 31.
9. Экономическія понятія и установленія. . . . . 39.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общая характеристика хозяйственной стороны соціальной жизни.

10. Цѣлевая обусловленность соціальной жизни. Единообразія въ соціальной и, въ частности, хозяйственной жизни. Неприложимость къ соціальной жизни понятій объективной причинности и закономѣрности. Сознательно и подсознательно цѣлесообразное и случайное. Оцѣнки, какъ основаніе цѣлевой обусловленности соціальной жизни. Принадлежащія сюда воззрѣнія въ соціально-научной литературѣ . . . . 40.

11. Отрицаніе закономѣрности соціальной жизни въ научной литературѣ . . . . . 48.

12. Вопросъ объ экономическихъ понятіяхъ и установленіяхъ въ научной литературѣ . . . . . 62.

13. Сложныя конструкціи экономическаго строя въ научной литературѣ. Необходимость единства въ представленіи экономическаго строя. Соціальная система хозяйствованія, какъ основа экономической теоріи . 70.

14. Неправильныя предположенія изолированнаго и коммунистическаго хозяйства. . . . . 79.

15. Соціально-хозяйственная точка зрѣнія . . . . . 83.

16. Различеніе частнохозяйственной и народнохозяйственной точекъ зрѣнія въ научной литературѣ и возраженія противъ этого . . . . . 85.

17. Индивидуально-субъективная точка зрѣнія и ея недостаточность . . . . . 92.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Предметъ и содержаніе экономики и ея границы.

18. Общія требованія научности въ опредѣленіи предмета и задачъ научнаго изслѣдованія. Приложеніе ихъ къ экономикѣ. . . . . 95.

19. Предпосылка экономическаго человѣка въ экономи-

ческой литературѣ классической школы. Принадлежащія сюда формулировки экономическаго принципа . . . . . 96.
20. Переходныя воззрѣнія о томъ же . . . . . 108.
21. Критика абстрактно-дедуктивной доктрины со стороны нѣкоторыхъ англійскихъ экономистовъ. . . 111.
22. Мнѣніе Ad. Landry о гипотезѣ экономическаго человѣка . . . . . 113.
23. Логическія и историческія категоріи въ экономикѣ, и ихъ научная несостоятельность . . . . . 115.
24. Предположенія экономическаго эгоизма и собственно экономическаго человѣка въ германской и австрійской экономической литературѣ абстрактнаго направленія . . . . . 120.
25.[1] Одностороннее абстрактно-дедуктивное направленіе у L. Cossa и въ русской экономической литературѣ. 150.
26. Критика односторонне-абстрактныхъ воззрѣній со стороны германскихъ экономистовъ . . . . . 158.
27. Продукты абстрактно-дедуктивной разработки научныхъ проблемъ экономики . . . . . 169.
28. Невозможность высшей и общей науки по отношенію къ остальнымъ наукамъ. . . . . 172.
Психологическое направленіе экономики, и возраженія противъ него . . . . . 174.
29. Философское направленіе экономики . . . . . 181.
30. Замѣчанія противъ введенія этическаго начала въ экономику. . . . . 191.
Этическая точка зрѣнія въ области экономической теоріи у нѣкоторыхъ экономистовъ . . . . . 195.
31. Этическое направленіе экономики . . . . . 196.
32. Сторонники этическихъ оцѣнокъ въ области экономики . . . . . 205.
33. Строго объективное направленіе экономики и его представители . . . . . 211.
34. Единство системы хозяйственной дѣятельности, а также изслѣдующей ее науки . . . . . 227.

[1]) Въ текстѣ цифровое обозначеніе § пропущено.

35. Попытки разъединенія частнохозяйственной и народнохозяйственной экономики . . . . . 231.
36. Попытки создать особую науку о міровомъ хозяйствѣ 268.
37. Возраженія экономистовъ противъ допущенія особой частнохозяйственной экономики. . . . . 279.
38. Возраженія экономистовъ противъ допущенія особой науки о міровомъ хозяйствѣ . . . . . 288.
39. Единство хозяйственной жизни въ ея послѣдовательномъ движеніи, и противорѣчащія этому классификаціи ступеней экономическаго развитія . . . . 292.
40. Продолженіе обзора теорій ступеней экономическаго развитія . . . . . 304.
41. Критика означенныхъ теорій въ научной литературѣ 313.
42. Выводы къ правильной классификаціи ступеней экономическаго развитія . . . . . 331.
43. Теорія B. Hildebrand'a и ея разборъ. . . . . 336.
44. Отношеніе къ теоріи B. Hildebrand'a въ экономической литературѣ. . . . . 342.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обзоръ воззрѣній на предметъ и задачи экономики и на отношеніе ея къ другимъ наукамъ, а также болѣе краткихъ опредѣленій экономики.

45. Общія замѣчанія относительно соціально-научнаго направленія экономики . . . . . 356.
46. Германскіе экономисты второй половины XIX в. . 359.
47. Болѣе новая литература . . . . . 406.
48. Своеобразныя воззрѣнія. Cort van der Linden. J. v. Gans-Ludassy . . . . . 421.
49. Соціально-научныя воззрѣнія на экономику въ литературѣ другихъ странъ. . . . . 429.
50. То же въ русской литературѣ . . . . . 433.
51. Особенныя опредѣленія экономики. Въ частности, описательныя опредѣленія . . . . . 439.
52. Опредѣленія экономики по существу цѣлей и назна-

ченія хозяйствованія . . . . . 442.
53. Неправильныя опредѣленія: матеріалистическія, камералистическія, психологическія и основанныя на естественно-научной гносеологіи . . . . . 451.
54. Экономика въ представленіи C. Menger'a, R. Liefmann'a и P. M. Орженцкаго . . . . . 457.
55. Экономика въ представленіи R. Stammler'a. Критическій разборъ его соціально-философской системы . 472.
56. Отношеніе между экономикой и правомъ и оцѣнка ученія R. Stammler'a въ научной литературѣ . . 495.
57. Теорія соціальнаго матеріализма, и общая оцѣнка ея 506.
58. Соціальный матеріализмъ въ представленіи K. Marx'a и Fr. Engels'a . . . . . 511.
59. Разработка ученія соціальнаго матеріализма въ письмахъ Fr. Engels'a и отношеніе къ этимъ письмамъ въ научной литературѣ . . . . . 539.
60. Дальнѣйшій пересмотръ ученія. Ed. Bernstein. H. Greulich. M. Adler. A. Loria. Ортодоксальное направленіе K. Каутскаго. Соціально-матеріалистическія тенденціи въ общей научной литературѣ . . 553.
61. Критика ученія соціальнаго матеріализма въ германской научной литературѣ . . . . . 567.
62. Критика ученія соціальнаго матеріализма въ научной литературѣ другихъ странъ . . . . . 598.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экономическій принципъ.

63. Характеристика экономическаго принципа. Указанія на него въ болѣе старой экономической литературѣ. Классификація опредѣленій экономическаго принципа въ новѣйшей литературѣ . . . . . 612.
64. Опредѣленія экономическаго принципа въ германской экономической литературѣ за послѣдніе полвѣка . . . . . 622.
65. Неправильныя воззрѣнія на экономическій принципъ у германскихъ экономистовъ. . . . . 644.

66. Экономическій принципъ въ болѣе новой французской, англійской и итальянской экономической литературѣ . . . . . 656.
67. Экономическій принципъ въ русской экономической литературѣ . . . . . 663.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Наименованіе науки о хозяйствѣ . . . . . 676.
Примѣчанія къ главѣ первой . . . . . 680.
» » » второй . . . . . 687.
» » » третьей . . . . . 690.
» » » четвертой . . . . . 708.
» » » пятой . . . . . 721.
Алфавитный указатель цитируемыхъ трудовъ . . . i—xxiii.
Замѣченныя опечатки . . . . . xxv.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обстоятельства, при которыхъ авторъ работалъ надъ означенною темою, представляли свои особенности. Съ одной стороны, авторъ по самымъ обязанностямъ своей преподавательской дѣятельности имѣлъ случай расширить свои научные интересы и познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекался отъ научной работы всецѣло въ области своей научной спеціальности. Съ другой стороны, условія выполненія настоящаго труда выразились въ необходимости составить для этого надлежащій подборъ научной литературы, что было достигнуто лишь спустя рядъ лѣтъ, но затѣмъ позволило располагать ею съ большими удобствами, нежели какія можетъ представить библіотека, предназначенная для болѣе широкаго, общаго пользованія. Возможность дальнѣйшаго пополненія научныхъ матеріаловъ въ значительной части отпала во второй половинѣ минувшаго года, но къ тому времени авторъ располагалъ ими уже въ довольно полной мѣрѣ. Остались, конечно, неизбѣжные пробѣлы, обусловленные также невозможностью пріобрѣтенія не имѣющихся въ продажѣ изданій и отчасти восполненные использованіемъ переводныхъ изданій на русскомъ или иномъ языкахъ.

Используемую научную литературу авторъ находилъ необходимымъ пополнить также выдающимися произведеніями прежняго времени—какъ для обогащенія идеями, по тѣмъ или инымъ причинамъ не вошедшими въ оборотъ новѣйшей науки или получившими въ ней слишкомъ скромное мѣсто, такъ и для сопоставленія въ цѣляхъ исторической критики и для освѣщенія генесиса научныхъ идей и, наконецъ, для того,

чтобы нѣсколько эманципироваться отъ условностей и слишкомъ частныхъ особенностей, присущихъ болѣе краткому періоду въ наукѣ. Тѣ же результаты въ теоретическомъ изслѣдованіи отчасти могутъ быть достигнуты использованіемъ возможно обширной литературы, не исключая, конечно, также итальянской и с.-американской экономической литературы, къ чему авторъ и стремился въ предѣлахъ возможности. Наконецъ, самая постановка научнаго изслѣдованія въ настоящемъ трудѣ потребовала привлеченія отчасти также общей гносеологической литературы, при чемъ однако авторъ остерегался широкимъ использованіемъ таковой нарушить единство научнаго изслѣдованія въ своемъ трудѣ.

Въ основаніи предлежащаго труда находится та многолѣтняя работа въ области экономики, при которой авторъ переходилъ отъ одной научной проблемы къ другой и, въ заключеніе, пришелъ къ охватывающему всю научную систему экономики введенію въ нее, каковымъ и представляется настоящій трудъ.

Авторъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду представить въ настоящемъ своемъ трудѣ систематическій обзоръ или сводку теоретико-экономической литературы. Исторія экономическаго быта, исторія экономической науки и теоретическая разработка ея представляютъ вообще самостоятельныя и разнородныя цѣли научнаго изслѣдованія и развѣ только въ ихъ наиболѣе общихъ чертахъ допускаютъ ихъ совмѣстную разработку. Широко цитируя мнѣнія и доводы различныхъ ученыхъ, авторъ дѣлалъ это, чтобы создать средство контроля надъ собою и чтобы избѣжать легко вкрадывающихся неточностей въ пониманіи ихъ. Обосновывая и иллюстрируя по возможности каждое положеніе научными ссылками и выдержками, авторъ не слѣдовалъ также какой-либо опредѣленной научной школѣ и въ воззрѣніяхъ экономистовъ и мыслителей старался найти главнымъ образомъ то приближеніе къ истинѣ, которое частью общѣе, частью индивидуальнѣе научныхъ школъ въ цѣломъ каждой изъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ старался избѣгать слишкомъ лаконическихъ формулъ и такихъ же опредѣленій, вообще не соотвѣтствующихъ индивидуализирующему разно-

образію и вытекающей отсюда сложности соціальной жизни, а, въ частности, несвойственныхъ духу экономики, и лишь способствующихъ чисто словеснымъ разногласіямъ.

Задачи, поставленныя себѣ авторомъ, были двоякаго рода. Прежде всего, сюда принадлежало выясненіе области экономики и соотношенія ея къ другимъ, смежнымъ съ нею, наукамъ. W. Dilthey[1], въ своемъ замѣчательномъ «Введеніи въ духовныя науки», высказывалъ объ этомъ: «Науки, имѣющія предметомъ историко-общественную дѣйствительность, напряженнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, стремятся къ раскрытію связи между ними и къ ихъ обоснованію». Но и въ настоящее время эта научная проблема не можетъ считаться ни нашедшею себѣ опредѣленное рѣшеніе ни утратившею свой интересъ. Съ другой стороны, авторъ обратился противъ коренного недостатка въ состояніи экономической науки, который правильнѣе всего усматривать въ чрезмѣрной разрозненности научныхъ воззрѣній и направленій. Итти этимъ путемъ далѣе, еще болѣе усложнять существующій хаосъ мнѣній или же возобновлять безплодную борьбу различныхъ направленій и теорій—авторъ признавалъ непроизводительнымъ трудомъ въ наукѣ и предпочелъ этому критическое изслѣдованіе отправныхъ проблемъ экономики, какъ онѣ вытекаютъ изъ самой жизни, и относящихся сюда элементовъ научныхъ теорій, которыя, очевидно, должны заключать въ себѣ элементы, пригодные и необходимые для построенія научной системы, менѣе произвольной и болѣе противостоящей одностороннимъ теченіямъ научной мысли. Мы сошлемся здѣсь на правильное замѣчаніе нашего соотечественника въ его иностранномъ научномъ трудѣ: «Чтобы достичь успѣха въ наукѣ, должно согласиться въ простѣйшихъ понятіяхъ»[2]. Подобною задачею проникся и авторъ настоящаго труда и ей же посвятилъ онъ уже разработанные имъ вчернѣ труды по двумъ группамъ основныхъ теоретическихъ понятій экономики: 1) Потребность, благо, полезность; 2) Трудъ, его организація и его

[1]) Einleitung in die Geisteswissenschaften. 1883. S. 4.

[2]) Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie von Dr. Th. Kistiakowski. 1899. S. 32.

производительность. Авторъ убѣжденъ, что существующее расхожденіе во мнѣніяхъ не есть характерное свойство нашей науки, но то состояніе, изъ котораго она должна быть выведена общими усиліями представителей науки, опираясь на сочувствіе этому болѣе широкаго круга интересующихся нашею наукою.

И. д. професс. юрид. наукъ въ Восточномъ Институтѣ
Н. И. Кохановскій.

Владивостокъ.
8 апрѣля 1915 г.

ЭКОНОМИКА и ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ

ВЪ ИХЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОБЩЕЙ СИСТЕМѢ СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Опредѣленія экономики сводятся вообще къ указанію дѣятельности, цѣлью которой является удовлетвореніе потребностей людей, средствомъ—полученіе соотвѣтствующихъ благъ, принципомъ—цѣлесообразность въ ея специфическомъ выраженіи и методомъ—сравнительная оцѣнка вещей, дѣйствій и отношеній.

Такого рода опредѣленія экономики находятъ себѣ восполненіе и оправданіе въ томъ специфическомъ пониманіи дѣятельности, потребностей, благъ, цѣлесообразности и оцѣнки, которое даетъ этимъ элементамъ культуры специфически-хозяйственный характеръ. Безъ такой, хотя бы подразумѣваемой, ближайшей характеристики подобное опредѣленіе не указываетъ собственнаго характера экономики и—независимо отъ присвоеннаго терминамъ специфическаго значенія—могло бы служить также и по отношенію къ инымъ отраслямъ культурнаго общенія людей, ибо всѣ онѣ имѣютъ въ своей основѣ подобные же элементы, хотя бы и съ соотвѣтствующими специфическими особенностями въ послѣднихъ и подъ иными ближайшими наименованіями. Подобное опредѣленіе можно было бы поэтому считать скорѣе общимъ обозначеніемъ отрасли культурнаго общенія, нежели специфическимъ опредѣленіемъ какой-либо одной изъ нихъ.

Такое предположеніе оправдывается общей затруднительностью установить, съ помощью отвлеченнаго опредѣленія, внутреннее существо явленій дѣйствительной жизни. Наука

есть собственно система понятій и сужденій, лишь соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ явленіямъ, которыя сами по себѣ предполагаются извѣстными a priori или же познаются эмпирическимъ путемъ. Опредѣленія отдѣльныхъ наукъ о культурѣ и классификація ихъ должны и могутъ лишь давать нѣкоторыя указанія къ этому непосредственному познанію содержанія и существа каждой изъ нихъ[1].

Что вышеуказанные элементы культурной жизни и научнаго знанія ея не принадлежатъ въ полномъ ихъ составѣ къ экономической области, на это совершенно опредѣленно и вполнѣ убѣдительно указывается въ экономической и философской литературѣ. Siegfried Kraus[2] въ диссертаціи о соціально-научномъ значеніи потребности исходитъ изъ положенія, что каждая область культуры предполагаетъ особый родъ дѣятельностей и обусловливающихъ эти послѣднія потребностей. Точно также K. Knies[3] противопоставлялъ дѣятельности и потребности хозяйственныя и иного рода, а W. Lexis[4] различаетъ потребности хозяйственныя и внѣхозяйственныя. По справедливому замѣчанію J. Rambaud, «политическая экономія была бы однако универсальной наукой, если бы она занималась всѣми желаніями или потребностями человѣчества»[5]. Какъ не менѣе справедливо замѣчаетъ J. Platter, «очень многія науки имѣютъ дѣло съ благами, каждая съ особенными; поэтому каждая будетъ иначе и своеобразно представлять это понятіе: гигіена не такъ, какъ этика, этика —не такъ, какъ эстетика, эстетика не такъ, какъ наука о хозяйствѣ»[6]. Относительно цѣнности высказывается E. Boehm-

[1]) Ср.: W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. 1883. S. 35.

[2]) Ein Beitrag zur Erkenntnis der sozialwissenschaftlichen Bedeutung des Bedürfnisses. 1906.

[3]) Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte. 2 Aufl. 1883. S. 4.

[4]) Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 1910. S. 14 f.

[5]) Cours d'économie politique. T. I. § 16 p. 34 et suiv.

[6]) Grundlehren der Nationaloekonomie. S. I; Wieser, Art. Gut. Handw. d. Staatswiss. 3 Aufl. B. V. S. 205, пытается построить различныя понятія благъ съ точки зрѣнія экономиста и философа или же поэта, но тутъ же противорѣчитъ себѣ. «Эти», говоритъ онъ, «подразумѣваютъ состоянія удовлетвореннаго существованія, цѣли жизни, а тотъ—средства, ведущія къ этому, «средства удовлетворенія потребностей». Соединеніе обоихъ понятій достигается тѣмъ, что «средства удовлетворенія потребностей», поскольку они принадлежатъ къ хозяйству, съ своей стороны

Bawerk: «Понятіе цѣнности принадлежитъ не одной лишь наукѣ о хозяйствѣ. Мы примѣняемъ тотъ своеобразный родъ признанія, который называемъ опредѣленіемъ цѣнности, въ различнѣйшихъ областяхъ жизни. Мы говоримъ о цѣнности добродѣтели, жизни, здоровья, о художественной или литературной цѣнности интеллектуальнаго произведенія точно также, какъ о цѣнности товара или земельнаго участка»[1]. R. Eisler[2] въ своихъ Основахъ философіи духовной жизни выражаетъ это болѣе отвлеченно: «Цѣнность вообще не есть только національно-экономическое понятіе, но логическій родъ, по отношенію къ которому хозяйственное, этическое, эстетическое понятіе цѣнности представляютъ виды»[3]. W. Dilthey[4] указываетъ въ сферѣ духовныхъ наукъ «наличіе цѣлей, благъ, цѣнностей». W. Wundt[5] устанавливаетъ, въ качествѣ общихъ признаковъ духовнаго міра и духовныхъ наукъ, три взаимно обусловленныхъ признака: опредѣленіе цѣнности, поставленіе цѣлей и волевую дѣятельность. Понятіе человѣческой дѣятельности относится, очевидно, ко всѣмъ отраслямъ культурной жизни[6]. Даже начала и система раздѣленія и соединенія дѣятельности не представляютъ собою всецѣло явленія экономическаго характера, но должны быть разсматриваемы, какъ апріорное условіе и общая основа соціальной жизни въ цѣломъ и въ каждой ея отрасли. Довольно широкимъ признаніемъ пользуется телеологическій характеръ всѣхъ вообще проявленій человѣческой дѣятельности, какъ равно и то, что принципъ хозяйственности есть болѣе частное выраженіе начала цѣлесообразности.

суть цѣли хозяйства». Здѣсь ясно обнаруживается несостоятельность указаннаго различенія.

[1]) Art. Werth. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII. S. 756. Подобнымъ же образомъ высказывается о цѣнности G. Schmoller. Art. Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und-methode. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII. S. 494.

[2]) Grundlagen der Philosophie des Geisteslebens. S. 99.

[3]) Dr. A. Döring, въ сочиненіи: Philosophische Güterlehre, сдѣлалъ попытку создать общее ученіе о благахъ, при чемъ изслѣдуетъ здѣсь съ общей точки зрѣнія также вопросъ о потребностяхъ и цѣнности. Едва ли правильно однако строить общую теорію элементовъ культуры внѣ всякаго отношенія къ спеціальнымъ наукамъ объ отрасляхъ культуры.

[4]) O. c. S. 11.

[5]) Logik der Geisteswissenschaften. 3 Aufl. 1908. S. 15 ff.

[6]) Ср.: E. Sax. Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie. 1884. S. 17 f.

Вмѣстѣ съ тѣмъ экономика не опредѣляется и такими своими объектами и элементами вообще, которые въ своемъ конкретномъ составѣ не были бы также объектами и элементами другихъ культурныхъ отраслей и соотвѣтствующихъ имъ наукъ. Невозможно, разумѣется, предположить такую объектную разобщенность отдѣльныхъ культурныхъ отраслей, такъ какъ это опровергается всей совокупностью наблюдаемыхъ культурныхъ явленій, всегда сложныхъ и разностороннихъ и лишь искусственно, путемъ соотвѣтственнаго расчлененія ихъ содержанія, классифицируемыхъ по этимъ культурнымъ отраслямъ.

Общая философія научнаго знанія утверждаетъ даже, что «все это различеніе наукъ по объектамъ несостоятельно. Единственнымъ мотивомъ, опредѣлявшимъ раздѣленіе труда въ наукахъ, было различеніе разныхъ классовъ даваемыхъ намъ въ опытѣ явленій—частью по соображенію съ объективно выступающими у этихъ явленій признаками, частью по соображенію съ связываемыми нами субъективно съ этимъ различеніемъ оцѣнками. Лишь послѣ того, какъ за обособленіемъ отдѣльныхъ явленій послѣдовало образованіе извѣстныхъ важныхъ областей явленій, сдѣлалось привходящимъ вспомогательнымъ принципомъ обособленія областей—именно въ естествовѣдѣніи, въ незначительной мѣрѣ въ математикѣ и духовныхъ наукахъ—различеніе опредѣленныхъ объектовъ. Однако, повышенное значеніе, которое при этомъ придавалось возникновенію объектовъ, позволило и здѣсь признать настоящимъ мотивомъ различенія сведеніе къ разнымъ явленіямъ»[1]. Вмѣстѣ съ умноженіемъ матеріала дифференціація въ области научной дѣятельности идетъ такъ далеко, что «одна и та же область данныхъ опыта даетъ поводъ къ развитію разныхъ отраслей науки вслѣдствіе того, что эта область выказываетъ разныя стороны и представляетъ разныя точки разсмотрѣнія и изслѣдованія»[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «каждая наука основывается на абстракціи, такъ какъ она разсматриваетъ цѣлое какой-либо вещи, которое, какъ единое, мы не можемъ охватить никакой

[1]) W. Wundt. O. c., S. 12.
[2]) R. Eisler. O. c., S. 2.

наукой, съ какой-либо одной изъ его сторонъ, съ точки зрѣнія какого-либо одного понятія. Въ противоположность цѣлокупности вещи и вещей, каждая наука возникаетъ чрезъ основанное на началѣ раздѣленія труда разложеніе ихъ на отдѣльныя качества и функціи, послѣ того какъ найдено понятіе, которое позволяетъ выдѣлить эти и во всемъ ихъ проявленіи въ реальныхъ вещахъ охватить ихъ методологической связью»[1].

Въ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ должно придти къ заключенію, что область экономики опредѣляется ближайшимъ образомъ именно тѣмъ существомъ и характеромъ, которые нерѣдко лишь подразумѣваются въ опредѣленіяхъ, построенныхъ на указаніи упомянутыхъ элементовъ ея или же нѣкоторыхъ изъ нихъ. Выясненіе этого специфическаго характера и существа экономики можетъ быть облегчено сопоставленіемъ различныхъ отраслей или сторонъ культурной жизни людей.

2. Съ развитіемъ культурной жизни проявленія ея специализируются и выдѣляютъ изъ себя новыя стороны, что и приводитъ къ обособленію и умноженію отдѣльныхъ отраслей культуры. Уже въ виду этого не представляется возможности дать исчерпывающій перечень этихъ послѣднихъ. Къ основнымъ сторонамъ или отраслямъ культуры относятся, наряду съ хозяйственной, населеніе со всѣми принадлежащими сюда фактами, опредѣляющими поддержаніе и возобновленіе его, а равно и количественныя качественныя измѣненія въ его составѣ, какъ смертность, рождаемость, заболѣваемость и размѣщеніе населенія, затѣмъ соціально-бытовая, этическая, эстетическая, техническая, государственно-, международно- и частноправовая, политическая, военно-политическая и историческая стороны культурной жизни, а также языкъ, соціальная психика, наука и образованіе и религіозная жизнь населенія[2]. Въ качествѣ одной изъ второстепенныхъ отраслей

[1]) G. Simmel. Soziologie. 1908. S. 4. См. также: W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. 1883. S. 34 f.

[2]) Кромѣ литературы, указываемой въ слѣдующей главѣ, см.: G. Simmel. Soziologie. 1908. S. 2 f.; A. Vierkandt. Die Gründe für die Erhaltung der Cultur.

культуры можно указать спортъ, получившій столь видную роль въ послѣднее время, но имѣвшій ее и въ прежнія времена, какъ, напр., въ древней Элладѣ. Соціально-бытовая сторона культурнаго общенія людей въ обширномъ пониманіи можетъ быть распространяема также и на всѣ вообще проявленія свободной общественности. Но можно понимать соціально-бытовую сторону въ болѣе узкомъ, этнологическомъ смыслѣ, и въ такомъ случаѣ проявленія свободно организующейся, не связанной вполнѣ опредѣленныхъ содержаніемъ, общественности — признать за особую сторону культуры. Національность съ ея различными проявленіями можно разсматривать, подобно семьѣ, какъ одну изъ формъ проявленія различныхъ сторонъ культуры. Но при самоцѣльномъ выдвиганіи начала національности создается національнизмъ, какъ самостоятельная сторона культурной жизни даннаго общества людей.

Изъ перечисленныхъ отраслей культурной жизни нѣкоторыя встрѣчаютъ противъ себя возраженія. Такъ, явленія рожденія, болѣзни, смерти и размѣщенія населенія, а также психическія переживанія принадлежатъ, очевидно, и природѣ, и, напротивъ, религія имѣетъ въ своей основѣ высшее, абсолютное начало. Всѣ указанныя явленія однако не только оказываютъ очевидное воздѣйствіе на общественную жизнь людей, но и съ своей стороны существенно видоизмѣняются ею, тѣмъ самымъ преобразуясь въ культурныя явленія. Культурная жизнь представляетъ поэтому всѣ данныя для обособленія относящихся сюда проявленій общественной жизни въ соотвѣтствующія отрасли культуры. Такимъ образомъ возникаетъ различеніе физіологической и соціальной психологіи[1],

---

1902. (Sonderabdruck aus: Wundt. Philosoph. Studien. Bd. XX.). S. 407: Г. Риккертъ. Науки о природѣ и наукѣ о культурѣ. Пер. со 2-го нѣм. изд. 1911. Стр. 54 сл. Понятіе культуры, утверждаетъ здѣсь Риккертъ, «охватываетъ собою всѣ объекты науки о религіи, юриспруденціи, исторіи, филологіи, политической экономіи и т. д., т. е. всѣхъ «наукъ о духѣ», за исключеніемъ психологіи». Методологическая точка зрѣнія, на которой основывается Rickert, помѣшала ему, какъ и нѣкоторымъ другимъ современнымъ представителямъ философской науки, придти къ различенію физіологической и соціальной психологіи. Ср.: H. Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 1902. Кар. IV. § VII.

[1]) Не индивидуальной и соціальной психологіи, какъ иногда различаютъ (напр.: R. Eisler. O. c., S. 177.).

біологіи и демологіи, абсолютнаго откровенія вѣры и церковно-общественной жизни.

По вопросу о населеніи проводимый здѣсь взглядъ раздѣляетъ, въ своей недавней журнальной статьѣ, Charles Turgeon[1]. Подвергнувъ критикѣ различныя одностороннія теоріи населенія, онъ приходитъ къ выводу, что движеніе населенія въ отдѣльныхъ странахъ, представляющее громадную важность для судебъ человѣчества, есть скорѣе соціальный фактъ. «Населеніе не заключаетъ въ себѣ свой принципъ», высказывается здѣсь; «это—второстепенная причина, или, лучше, сложный фактъ, обусловленный многочисленными вліяніями». Физіологическія причины паденія населенности суть случайности либо исключенія. Если имѣютъ въ настоящее время меньше дѣтей, то потому, что такъ желаютъ». Turgeon не выясняетъ однако вопросъ въ полной мѣрѣ, не касаясь отношенія между пониженіемъ рождаемости и сокращеніемъ смертности и исходя изъ едва ли правильнаго предположенія о вообще послѣдовательномъ паденіи прироста населенія. Болѣе бѣглое замѣчаніе высказалъ къ этому вопросу Franz Eulenburg. «Рожденіе есть прежде всего физіологическій актъ; но чрезъ общественную жизнь людей и институтъ брака оно получаетъ соціальное значеніе и по стольку принадлежитъ соціальнымъ наукамъ»[2]. Приблизительно то же можно было бы сказать и объ умираніи людей, а также и о заболѣваніяхъ ихъ. Съ полной увѣренностью можно утверждать, что съ развитіемъ культуры все болѣе развивается и культурный, соціальный характеръ въ явленіяхъ населенія.

Равнымъ образомъ, нерѣдко отрицается характеръ культурной отрасли въ техникѣ. Но техника есть вообще совокупность культурныхъ пріобрѣтеній въ области всевозможныхъ спеціальныхъ знаній прикладного характера. Техниче-

[1]) Comment expliquer les mouvements de la population humaine. Revue d'économie politique. 1913. №№ 4, 5. См. въ особ. № 5. P. 576 et suiv. См. также: E. Schwiedland. La population au point de vue économique. Revue d'économie politique. 1911. № 1. P. 9—27. Впрочемъ уже гораздо раньше къ этому воззрѣнію приблизился J. B. Say. Traité d'économie politique. L. II. Ch. XI. § 1 (6 éd. 1841.—P. 429), также преимущественно съ экономической стороны.

[2]) Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXII. H. 3. 1911. S. 694 Anm.

ское развитіе представляетъ важность и взаимообусловливается въ отношеніи не только матеріальныхъ, но и духовныхъ проявленій человѣческой культуры, которая «начинается и завершается борьбою между техникой и природой»[1]. Отношеніе техники къ природѣ въ общемъ такое же, какъ и другихъ отраслей культуры. Съ другой же стороны, ближайшее отнесеніе техники къ хозяйству[2] опровергается уже тѣмъ, что техника стоитъ весьма близко и къ инымъ отраслямъ, въ особенности къ эстетикѣ, практическія умѣнія которой вмѣстѣ съ техническими объединяются въ одно понятіе искусствъ, и къ наукѣ, вмѣстѣ съ ними образующей еще болѣе обширное совокупное понятіе наукъ и искусствъ.

Профессоръ Schmoller опредѣляетъ технику, какъ мѣру искусности, знаній и умѣній, съ помощью которыхъ человѣкъ приспособляетъ природу къ своимъ цѣлямъ, или какъ способы и средства всякой вообще дѣятельности людей[3]. Болѣе высокая техника, болѣе высокій уровень хозяйственной жизни и болѣе высокая культура, по мнѣнію профессора Шмоллера, представляются въ исторіи человѣчества явленіями въ извѣстной мѣрѣ сопутствующими и взаимно обусловленными[5]. E. Schwiedland[4] въ слѣдующихъ образныхъ выраженіяхъ представляетъ технику: «Вмѣстѣ наслѣдіе и завоеваніе, искусство труда, техника есть орудіе могущества, которое, восходя къ тысячамъ вѣковъ, досталось намъ, безпрерывно совершенствуясь новыми предначертаніями. Индивидуальное усиліе и въ то же время традиціонное правило, техника основывалась до недавняго времени на опытѣ труда, пріобрѣтенномъ или переданномъ; съ этихъ же поръ, напротивъ, она основывается все болѣе и болѣе на систематическомъ изученіи природы. Изъ эмпирической, какою была, она становится научной, становится сознательной дѣятельностью, обслуживаемой

[1]) Ulrich Wendt. Die Technik als Kulturmacht in sozialer und geistiger Beziehung. 1906. S. 2, 307, 314.

[2]) См. напр.: Dr. Fr. v. Gottl-Ottlilienfeld. Der wirtschaftliche Charakter der technischen Arbeit. 1910. S. 28.

[3]) Grundriss der allgem. Volkswirtschaftslehre. T. 1. 1908. Abs. 76. S. 190.

[4]) Abs. 86. S. 229. См. также: R. Otzen. Kulturwerte der Technik. 1912.

[5]) Art technique et économie politique. Revue d'économie politique. 1913. № 5. P. 545 et suiv.

правилами практическаго порядка». «Наука и техника идутъ однако разными путями. Наука основана на открытіяхъ, техника—на изобрѣтеніяхъ и примѣненіяхъ; чистая наука стремится къ знанію, техника соединяетъ теорію съ практикой и комбинируетъ объекты и силы въ виду какого-либо практическаго результата. Если наука заключается въ отысканіи и познаніи законовъ, то техника есть утилизированіе естественныхъ силъ и примѣненіе въ дѣло принциповъ дѣйствія. Теоретически и практически техника стремится господствовать надъ природой: химическія соединенія, механическое образованіе и перемѣщеніе тѣлъ, перехватываніе, управленіе, мѣра и утилизированіе силъ суть ея дѣла, и для этого она требуетъ методической дѣятельности физической и умственной и провѣренныхъ на опытѣ пріемовъ дѣятельности, которые становятся «спеціально техническими». Техника считается съ характеромъ матеріаловъ и силъ, равно какъ и съ условіями, въ которыхъ она дѣйствуетъ; она приспособляетъ свои методы къ элементамъ и къ обстоятельствамъ для овладѣнія матеріей. Такимъ образомъ, она используетъ матеріалы и силы и успѣшно реализуетъ конструкціи и пріемы, соотвѣтствующія даннымъ цѣлямъ». Далѣе, Schwiedland указываетъ, въ очень широкихъ рамкахъ, виды технической дѣятельности, сообразно цѣлямъ ея: «И цѣли, которыя человѣкъ преслѣдуетъ въ различныхъ крупныхъ областяхъ его дѣятельности, разнородны: онѣ не однѣ и тѣ же въ искусствахъ изобразительныхъ, напр., и въ медицинѣ; цѣль натуралиста различается отъ цѣли геолога, цѣль юриста иная, нежели предпринимателя или рабочаго, работающихъ въ экономической области. И техника всѣхъ этихъ разнородныхъ цѣлей также различна, какъ и сами цѣли. Она представляется намъ во всякомъ случаѣ, какъ возможность осуществленія, какъ способность къ выполненію въ пользу цѣлей, которыя овладѣваютъ человѣкомъ». «Горнопромышленникъ, земледѣлецъ, лѣсоводъ, промышленникъ—извлекающіе изъ земли или производящіе богатства, коммерсантъ, организующій сбытъ или же, если это имѣетъ мѣсто, сохраненіе и поддержаніе, банкиръ, который способствуетъ ихъ производству, ссужая необходимые

капиталы, транспортное предпріятіе, экспедиторъ, вступающій въ договоры съ непосредственными дѣятелями транспортированія, страховщикъ, который за вознагражденіе принимаетъ на себя риски по извѣстнымъ ущербамъ, всѣ эти дѣятели нуждаются, при выполненіи своей профессіи, въ извѣстной техникѣ, т. е въ способности достигать преслѣдуемой цѣли въ данныхъ, природныхъ и соціальныхъ, обстоятельствахъ, достигать съ увѣренностью, вполнѣ и практично, наконецъ простымъ и изящнымъ образомъ. Свойство дѣятельности, хорошо приспособленной къ преслѣдуемой цѣли, есть ея техническая успѣшность»[1].

Но необходимо различать технику и технологію. Послѣдняя представляетъ систему прикладныхъ знаній, принадлежащихъ къ области естествознанія[2]. Факты совмѣщенія въ одной научной или практической спеціальности разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ относится къ культурной жизни, другой же—къ природѣ, не представляютъ, разумѣется, довода противъ включенія техники въ рядъ отраслей культурной жизни людей.

Далѣе, надлежитъ остановиться на исторической сторонѣ народной жизни. Она образуетъ нѣчто единое и цѣлостное, нѣчто отдѣльное и до извѣстной степени самостоятельное, послѣдовательно развивающееся и характеризующее совокупный строй культурной жизни въ ея общемъ поступательномъ движеніи и въ данную эпоху. Въ ея содержаніи объединяются цѣли и средства и вообще явленія культуры и подвергаются общей исторической оцѣнкѣ[3]). Въ выясненіи послѣдней и отчасти разработкѣ ея заключаются главная научная цѣль исто-

---

[1]) P. 547 et suiv.

[2]) См.: Докладъ ст. Кржижановскаго. Методы изслѣдованія хозяйственнаго значенія техники въ сочиненіяхъ проф. А. И. Чупрова. Записки И. Харьк. Университета. 1909. Кн. 3-я. Стр. 22—33.

[3]) H. Rickert. Geschichtsphilosophie. S. 79, 104, 108. (Die Philosophie im Beginn des XX Jahrhunderts. B. II. 1905) различаетъ эмпирическую исторію, которой онъ отказываетъ въ самостоятельной оцѣнкѣ, и философію исторіи, къ которой онъ относитъ таковую. Но это противопоставленіе непріемлемо само по себѣ и, сверхъ того, едва ли согласуется съ общими методологическими воззрѣніями того же автора. Правильнаго взгляда по этому вопросу держится Dr. K. Wieland. Die historische und die kritische Methode in der Rechtswissenschaft. 1910. S. 21 f.

рика и испытаніе, которымъ опредѣляется успѣшность его труда. Но и въ практической жизни можно усмотрѣть особую историческую сторону—правда, въ маловажныхъ случаяхъ нерѣдко игнорируемую—и даже спеціальное направленіе дѣятельности для исторической стороны культуры. И въ силу всего этого она представляетъ самостоятельную отрасль культурной жизни.

3. Всѣ вышеуказанныя отрасли имѣютъ въ своей основѣ аналогичные и до извѣстной степени конкретно совпадающіе элементы, каковыми представляются общественно признанныя —хотя бы и не общепризнанныя—и общественно обезпечиваемыя потребности культурнаго человѣка, средства къ удовлетворенію ихъ, спеціальное выраженіе общаго руководящаго принципа цѣлесообразности и также спеціально выраженное начало сравнительной оцѣнки, а равно и общественно организованная дѣятельность людей. Изъ общаго предположенія соціальнаго признанія и достиженія вытекаетъ, что всѣ вообще явленія культурной жизни должны имѣть внѣшнее выраженіе того или иного рода, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ это внѣшнее выраженіе представляетъ болѣе или менѣе матеріальную сущность явленія, въ иныхъ же случаяхъ это внѣшнее выраженіе есть какъ бы внѣшній символъ, не принадлежащій къ существу явленія, но условно представляющій его. Но общую и основную сущность культурныхъ явленій образуетъ соціальное начало, проявляющееся въ соціальномъ характерѣ ихъ. Уже въ виду этого признаніе всего круга явленій, образующихъ какую-либо отрасль культурной жизни, матеріальными представляется неправильнымъ, ибо матеріальное само по себѣ объективно и лишено субъективно-соціальнаго характера. Что представляла бы, напр., билонная монета, если разсматривать ее съ точки зрѣнія предполагаемаго матеріальнаго критерія хозяйства? Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ возможность того, якобы основного, различія между отдѣльными отраслями культуры, что однѣ изъ нихъ имѣютъ духовный или отвлеченный характеръ и другіе—матеріальный[1]. Да

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется едва ли правильной и необходимой и вся-

и какую отрасль культуры можно было бы признать духовной и какую—матеріальной? Всякій положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключалъ бы уже въ себѣ ошибку.

Во всей культурной жизнедѣятельности, въ каждомъ ея проявленіи находятъ себѣ примѣненіе всѣ вообще духовныя и физическія силы человѣка—первыя во всѣхъ присущихъ имъ формахъ сознанія, воли и психическихъ чувствованій, вторыя—либо въ полномъ и всестороннемъ дѣйствіи ихъ, либо въ скрытой формѣ напряженія общей психофизической организаціи человѣка и хотя бы частичнаго примѣненія физической природы человѣка. Въ отдѣльныхъ видахъ культурной дѣятельности, какъ и въ отдѣльныхъ конкретныхъ проявленіяхъ ея, получаютъ преимущественное примѣненіе различныя частныя проявленія силъ и энергіи людей. Но уже необходимость сообщеній съ другими людьми, безъ чего никакое проявленіе человѣческаго бытія не могло бы быть соціальнымъ или культурнымъ, требуетъ использованія также и физической природы человѣка. Къ этому присоединяется то внутреннее единство психофизической организаціи человѣка, которое не допускаетъ научнаго или реальнаго разъединенія физическаго и психическаго въ живомъ человѣкѣ, или—иными словами—матеріальнаго и духовнаго[1]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ ни одна сторона культурной жизни не предполагаетъ исключительнаго примѣненія или хотя бы полнаго преобладанія матеріальнаго или духовнаго начала. Это относится, разумѣется, и къ хозяйственной сторонѣ въ культурной жизни людей[2].

Rickert указываетъ на то, что рѣзкое противопоставленіе матеріальнаго и духовнаго создается именно тѣмъ, что тѣлесные объекты, какъ они представляются съ естественно-научной точки зрѣнія, сравниваются съ внутреннимъ, воззрительнымъ матеріаломъ нашего сознанія[3]. Быть можетъ, нѣ-

---

кая иная искусственная классификація отраслей культуры и соотвѣтствующихъ наукъ на тѣ или иныя дробныя группы, какъ это дѣлаютъ, напр.: W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften; W. Wundt. Logik der Geisteswissenschaften; W. Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 23. Aufl. 1900. § 16 S. 41.

[1]) См.: Wundt. O. c., S. 14.

[2]) Этотъ вопросъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ ученіямъ о благахъ и трудѣ.

[3]) Grenzen der naturwiss. Begriffsbildung. S. 176 ff.

сколько вульгарно, но по существу неоспоримо и убѣдительно и слѣдующее замѣчаніе того же автора: «Лишь спиритисты полагаютъ, что духовная жизнь непосредственно воздѣйствуетъ на другую духовную жизнь. Пока мы не принимаемъ ихъ теорій, мы должны держаться того, что все, что прямо вліяетъ на духовную жизнь человѣка и индивидуально опредѣляетъ ее, состоитъ изъ тѣлесныхъ явленій, и равнымъ образомъ ни одинъ человѣкъ не можетъ прямо воздѣйствовать въ духовномъ мірѣ иначе, какъ чрезъ тѣлесныя явленія»[1]. Наконецъ, противопоставленіе матеріальнаго и духовнаго опровергается гносеологически абстрактнымъ характеромъ всѣхъ вообще культурныхъ явленій, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія отдѣльной культурной отрасли и науки о ней[2].

4. Изъ факта совмѣстнаго существованія и развитія вышепоименованныхъ отраслей культурной жизни вытекаетъ необходимость извѣстнаго взаимнаго разграниченія ихъ и посвященныхъ имъ наукъ и признанія извѣстной близости и взаимоотношенія какъ между тѣми, такъ и между другими. Въ этихъ отношеніяхъ необходимо принимать во вниманіе параллельное и совмѣстное протеканіе явленій, относящихся къ разнымъ отраслямъ культурной жизни. Сложный, по общему правилу, характеръ какого-либо культурнаго явленія требуетъ отнесенія его къ каждой изъ соотвѣтственныхъ отраслей культуры. На этомъ основаніи всякая дѣятельность, хотя бы непосредственно направленная къ иной цѣли,—какъ, напр., дѣятельность научная, судебная, педагогическая, врачебная, художественная, религіозная—представляется хозяйственной, по скольку она, на ряду съ своимъ специфическимъ назначеніемъ и характеромъ, имѣетъ и свою хозяйственную сторону[3]. И лишь въ наиболѣе рѣзко выраженныхъ и при томъ исключительныхъ случаяхъ несоразмѣрности въ культурномъ значеніи разныхъ сторонъ сложнаго явленія и незначительности въ немъ экономической стороны послѣдняя игнорируется, а са-

[1]) O. c. S. 553.

[2]) См. выше, стр. 7 прим. 1, а также: Wundt. O. c. S. 12, 14.

[3]) Ср.: G. Schoenberg. Die Volkswirtschaft. (Handbuch der Politischen Oekonomie. 4. Aufl. B. I. S. 3.).

мое явленіе остается внѣ сферы экономики. Съ другой же стороны не относятся къ сферѣ экономики тѣ, напр., психическія переживанія, этическія побужденія, а равно и всѣ вообще проявленія иныхъ отраслей культурной жизнедѣятельности, которыя лишь сопутствуютъ хозяйственной дѣятельности, но не составляютъ и не могутъ составить самаго существа послѣдней.

Весьма нерѣдко однако подъ понятіе экономическаго явленія подводится все конкретное содержаніе даннаго культурнаго явленія или та часть содержанія, которая выходитъ изъ рамокъ экономическаго[1]. Безъ сомнѣнія, этимъ игнорированіемъ истинныхъ границъ экономическаго и стремленіемъ къ объектному отграниченію его и обусловливается столь распространенная грубо-матеріалистическая тенденція въ экономическихъ воззрѣніяхъ, а съ другой стороны — и игнорированіе тѣсныхъ взаимоотношеній между экономической и прочими сторонами соціальной жизни. Въ дѣйствительности, единственно правильнымъ воззрѣніемъ представляется то, что каждая сторона культуры имѣетъ универсальное распространеніе, въ каждомъ конкретномъ случаѣ сливаясь съ остальными въ сложное единство культурныхъ проявленій, и чрезъ посредство своихъ элементовъ въ этихъ послѣднихъ способствуя объединенію всѣхъ отраслей культуры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о сравнительномъ значеніи и достоинствѣ различныхъ сторонъ культуры и ихъ проявленій въ отдѣльныхъ случаяхъ вообще не допускаетъ абсолютнаго рѣшенія. Ни одна отрасль культуры не имѣетъ абсолютнаго преобладанія, но каждая обладаетъ своей точкой зрѣнія, своимъ критеріемъ, которымъ въ принадлежащей ей сферѣ подчиняетъ всѣ прочія, въ свою очередь подчиняясь точкѣ зрѣнія и критерію каждой другой культурной отрасли. Равнымъ образомъ, вопросъ объ иниціативѣ, которая бы исходила отъ одной какой-либо отрасли относительно возникновенія даннаго культурнаго явленія, сложнаго въ своей конкретности, вообще не допускаетъ опредѣленнаго рѣшенія по существу, а развѣ

[1]) Въ этомъ смыслѣ правильно замѣчаетъ о трудѣ K. Rodbertus-Jagetzow. Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände. H. I. 1842. S. 4. Его взглядъ оспариваетъ однако E. Sax. Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. S. 14 f. Anm.

только по конкретнымъ обстоятельствамъ случая.

Всякое одностороннее воззрѣніе, приписывающее одной или нѣкоторымъ отраслямъ культуры абсолютное преобладаніе надъ прочими, противно истинной идеѣ культуры. Одностороннее направленіе нерѣдко имѣло однако мѣсто въ исторіи человѣчества и въ научныхъ воззрѣніяхъ. Исторія показываетъ намъ примѣры крайняго преобладанія государства и военной культуры (милитаризмъ), религіозной культуры и религіозныхъ учрежденій (клерикализмъ). Сюда же принадлежатъ теорія Т. Р. Мальтуса и ея вліяніе на современныхъ экономистовъ и политиковъ вмѣстѣ съ послѣдующимъ направленіемъ мальтузіанства, теоріи абсолютнаго преобладанія государства (меркантилизмъ, соціализмъ), права (R. Stammler), психики (австрійская школа экономистовъ и ея послѣдователи въ другихъ странахъ и въ иныхъ отрасляхъ соціальной науки), экономики (экономическое воззрѣніе на исторію), односторонній и чрезмѣрный эстетизмъ, даже одностороннее преобладаніе науки (схоластика).

Очень хорошо высказывается по поводу крайностей эстетизма профессоръ C. Kindermann: «Излишекъ вредитъ и здѣсь; такъ, въ особенности онъ вызываетъ чувство блаженства на мѣсто упорнаго труда и ведетъ къ подавленію цѣлесообразности. Никакая соціальная функція, также и религіозная и научная и художественная, не имѣетъ абсолютнаго значенія. Лишь чрезъ органическое включеніе въ цѣлую народную жизнь, по соображенію съ совокупностью обстоятельствъ, каждый родъ дѣятельностей можетъ достичь длительно благопріятныхъ результатовъ для всей среды и для себя»[1].

Въ общемъ, уже самая многочисленность и взаимоисключающая противоположность этихъ односторонніхъ направленій въ общественной жизни и въ научныхъ представленіяхъ о ней говорятъ противъ нихъ и позволяютъ допустить, съ теоретической точки зрѣнія, лишь относительный перевѣсъ одной или нѣкоторыхъ сторонъ культуры въ ея отдѣльныхъ проявленіяхъ или—до извѣстной степени—и вообще въ данныхъ условіяхъ эпохи и страны.

[1]) Volkswirtschaft und Kunst. 1903. S 41 ff.

Оставаясь въ нераздѣльной взаимозависимости, отрасли культуры получаютъ обособленіе и спеціальное развитіе путемъ практической и теоретической разработки каждой изъ нихъ. И какъ въ ихъ практическихъ проявленіяхъ эти отрасли сливаются въ одно цѣлое въ различныхъ совмѣщеніяхъ ихъ, такъ въ посвященныхъ имъ наукахъ сохраняется общность въ содержаніи и въ основныхъ методахъ научной разработки. Это нераздѣльное соединеніе и совмѣстное развитіе всѣхъ отраслей культуры предупреждаетъ одностороннее преобладаніе одной какой-либо изъ нихъ, а также обезпечиваетъ гармоническое, всестороннее развитіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

5. Представляя собою въ каждомъ случаѣ въ отдѣльности и въ общей совокупности своей различное по ихъ комбинаціямъ и по преобладанію той или иной изъ нихъ сліяніе отдѣльныхъ отраслей или сторонъ своихъ, культура не характеризуется полнымъ единствомъ. Тѣмъ не менѣе, многостороннія проявленія культуры представляются практически едиными, а равно и имѣютъ мѣсто факты общей культурной оцѣнки, облегчающей разграниченіе и уравновѣшеніе отраслей культуры.

Помимо специфическихъ оцѣнокъ, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ культурнымъ отраслямъ, должно допустить надъ первыми общую культурную оцѣнку, которая только и можетъ обезпечить гармонію а вмѣстѣ съ тѣмъ и единство культурной жизнедѣятельности. Эта общая оцѣнка также не имѣетъ своимъ мѣриломъ абсолютный идеалъ, такъ какъ вообще таковой не можетъ получить положительнаго значенія, пока не претворится въ соціальной жизни. Эта общекультурная оцѣнка болѣе непосредственно относится къ конечной идеѣ или цѣли культуры, каковою идеей можетъ быть либо сохраненіе внутренняго тождества въ процессѣ культурнаго развитія, либо обезпеченіе существованія и прогресса. Чрезъ посредство обще-культурной оцѣнки приводится въ соотвѣтствіе съ этой конечной цѣлью и осуществленіе идей и цѣлей отдѣльныхъ отраслей культуры. Эта высшая и общая оцѣнка не находитъ себѣ вообще обособленнаго выраженія, но проявляется косвенно, въ оказываемомъ ею воздѣйствій на спе-

цифическія оцѣнки.

Въ качествѣ цѣлостнаго понятія культура можетъ быть опредѣлена, какъ совокупный результатъ послѣдовательнаго развитія людей, т. е. ихъ личныхъ и общественныхъ качествъ и условій жизни, какъ совокупность всего того, чего люди достигли благодаря взаимному общенію и совмѣстной дѣятельности[1]. Опредѣляемое той средой, въ которой протекаетъ жизнь людей со всѣми культурными явленіями, понятіе культуры можетъ быть сближено съ понятіемъ соціальной или общественной, иначе—народной жизни. Наконецъ, съ формальной стороны культура представляетъ систему общенія, основаннаго на приложеніи сознанія и воли людей, началъ цѣли и оцѣнки и прогресса въ формальномъ и матеріальномъ содержаніи культуры. Такимъ образомъ, съ прогрессомъ культуры все болѣе устраняется изъ жизни людей подсознательное, случайное и стихійное и все болѣе упрочивается и облегчается самый прогрессъ[2].

Это утверждалъ и G. Rümelin, еще не располагавшій телеологической идеей. «Хотя мы знаемъ очень мало изъ исторіи нашего рода», говорилъ онъ, «мы, кажется, въ правѣ заключить, что при этомъ имѣетъ мѣсто постепенное возобладаніе высшихъ психическихъ силъ надъ низшими, гуманныхъ надъ животными силами. Духовныя пріобрѣтенія эпохи въ законахъ и нравахъ, въ религіи, наукѣ и искусствѣ можно уподобить плотинамъ и валамъ, которые, сотни разъ прорываемые, возобновляются и возводятся далѣе для охраненія и распространенія отвоеванной у волнъ дикихъ страстей территоріи. Позднѣйшее поколѣніе всегда имѣетъ ту выгоду, что работаетъ съ болѣе обширнымъ основнымъ капиталомъ; хотя индивидъ появляется на свѣтъ и съ одинаковыми наклонностями и задатками, но уже накопленныя сокровища цивилизаціи обще-

[1]) H. Rickert. Grenzen der naturwiss. Begriffsbildung. Kap. IV. Abschn. VIII; L. Stein. Die Anfänge der menschlichen Kultur. 1906. S. 2, 6.

[2]) Идея послѣдовательнаго укрѣпленія телеологической связи между культурными явленіями по мѣрѣ роста культуры лежитъ и въ основѣ односторонняго воззрѣнія, что значеніе психическихъ и этическихъ причинъ со временемъ все усиливается въ ущербъ господству физическихъ, или матеріальныхъ причинъ. Представителями этого воззрѣнія являются экономическіе матеріалисты и, съ другой стороны, G. Schmoller. Art. Volkswirtschaft u. s. w. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII S. 477.

ства оказываютъ все возрастающую помощь и содѣйствіе къ развитію высшихъ духовныхъ силъ человѣка[1].

Исходнымъ пунктомъ—хотя только въ смыслѣ логическаго начала, но не съ точки зрѣнія историческаго развитія человѣка—культурнаго прогресса представляются естественныя условія существованія живыхъ существъ, т. е. жизнь въ природѣ. Отсюда культуру можно опредѣлить, какъ возвышеніе или господство надъ природой[2]. Развитіе культуры приводитъ къ все большему подчиненію ей природы, вслѣдствіе чего природа въ той ея части, въ которой она получила служебное значеніе для человѣка, представляется матеріальнымъ элементомъ культуры, въ то же время оставаясь частью природы въ иныхъ отношеніяхъ[3].

Извѣстный минимумъ возвышенія человѣка надъ естественными условіями существованія и, стало быть, извѣстный минимумъ культуры безусловно необходимъ для жизни людей и наблюдался всюду и во всѣ времена. Въ соціальной наукѣ можетъ быть поэтому рѣчь не о возникновеніи, но о развитіи культуры. Человѣка невозможно мыслить—ни, слѣдовательно, изучать—иначе, какъ члена прогрессирующей соціальной жизни стоящей надъ уровнемъ пассивно входящихъ въ составъ природы «животныхъ»[4]. Уже Аристотель утверждалъ, что—отождествляемое имъ съ государствомъ—общество «возникаетъ ради самой жизни, но существуетъ ради хорошей жизни», что человѣкъ есть по своей природѣ существо, предназначенное къ гражданскому общенію, и что государство уже потому предшествуетъ индивиду, что послѣдній не можетъ обойтись безъ него и если бы могъ не участвовать или не нуждаться въ немъ то былъ бы не членомъ или частью государства, но либо животнымъ либо богомъ[5]. Подобно этому, и съ тѣмъ же смѣшеніемъ общества и государства, высказывался Ad.

[1]) Reden und Aufsätze. (1875.) S. 28 f. См. въ особ.: Schäffle. Das gesellsch. System d. menschl. Wirtschaft. 3 A. B. I. S. 3.

[2]) Lexis. Wesen d. Kultur. S. 1. (Die Kultur d. Gegenwart. T. I. Abt. I. I.).

[3]) Ср.: П. Струве. Хозяйство и цѣна. Ч. I стр. 64; W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. 1883. S. 24 f; Fr. Staudinger. Wirtschaftliche Grundlagen der Moral. S. 3.

[4]) Ср.: Ad. Ferguson. An Essay on the History of Civil Society. A new ed. 1789. P. 13.

[5]) Politica. 1252. B 1253 a.

Müller, что «человѣкъ немыслимъ внѣ государства» и что таковое необходимо имѣло бы мѣсто уже при наличіи одной пары людей разнаго пола[1]. Какъ замѣчаетъ объ этомъ T. Kistiakowski, «должно когда-нибудь отважиться признать, что общество не есть историческая категорія»[2]. Въ этомъ же направленіи даетъ намъ указаніе и мудрость священнаго писанія въ его повѣствованіи о первоначальномъ состояніи человѣческаго рода.

Экономическая наука никоимъ образомъ не можетъ восходить въ своихъ историческихъ и этнологическихъ изысканіяхъ и отправныхъ воззрѣніяхъ ранѣе, нежели всякая иная соціальная наука, не исключая исторіи съ принадлежащими къ ней палеоантропологіей и археологіей. За эти предѣлы, указываемые самой идеей культуры и наукъ о ней, выходитъ K. Bücher[3], когда онъ утверждаетъ: «Предположеніе такого первобытнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ долженъ вести борьбу за существованіе, не будучи вооруженъ никакими иными вспомогательными средствами сверхъ имѣющихся у животнаго, принадлежитъ однако къ необходимымъ пособіямъ всѣхъ наукъ, изучающихъ человѣчество въ историческомъ развитіи». Нельзя также принять и примыкающее къ этому положеніе Buecher'a: «Человѣкъ, безъ сомнѣнія, въ теченіи неизмѣримаго пространства времени существовалъ не работая». Еще болѣе уклоняется отъ содержанія и задачъ соціальныхъ наукъ K. Kautski, когда онъ вводитъ въ доктрину матеріалистическаго пониманія исторіи вопросъ о происхожденіи человѣка путемъ преобразованія организма низшихъ животныхъ подъ вліяніемъ условій жизни.

Примѣненіе теоріи Дарвина и принципа естественнаго отбора къ объясненію происхожденія человѣка и общественнаго существованія его, допускаемое и нѣкоторыми экономистами, представляется безусловно неправильнымъ, ибо начало прогресса и послѣдовательнаго развитія не свойственно природѣ и не должно поэтому входить въ содержаніе чистыхъ, т. е.

[1]) Die Elemente der Staatskunst. Th. I. S. 40, 70.

[2]) Gesellschaft und Einzelwesen. 1899. S. 134. Anm. 2; см. также: H. Huth. Die Bedeutung der Gesellschaft bei Ad. Smith und Ad. Ferguson. Diss. 1906. Kap. I.

[3]) Die Entstehung der Volkswirtschaft. 5. Aufl. 1906. I. S. 7 f.

не прикладныхъ естественныхъ наукъ. Какъ убѣдительно высказываетъ H. Rickert, «всякое вѣрованіе въ «естественный прогрессъ» и въ «естественныя цѣнности» покоится на антропоморфизмѣ, который съ естественно-научной точки зрѣнія совершенно несостоятеленъ. Нельзя ставить человѣка въ одинъ рядъ съ другими живыми существами и тотчасъ же выдѣлять его изъ нихъ, какъ высшее существо»[1]. Самое понятіе «борьбы за существованіе», примѣненное Бюхеромъ въ приведенной выше выдержкѣ, есть скорѣе красивая фраза, нежели совершенно опредѣленное и выясненное во всемъ своемъ содержаніи научное понятіе[2].

6. Изложенное выше о культурѣ и ея отрасляхъ можетъ послужить какъ къ положительному, такъ и отрицательному опредѣленію экономики, въ смыслѣ установленія общихъ чертъ, присущихъ хозяйству, какъ отрасли культуры, и исключенія особенностей, присущихъ инымъ отраслямъ культуры, а равно и къ выясненію отношеній между хозяйствомъ и иными отраслями.

Хозяйство должно, очевидно, имѣть свое особое содержаніе, не совпадающее съ содержаніемъ иныхъ культурныхъ отраслей. Оставляя въ сторонѣ техническую, бытовую, этическую, эстетическую, демологическую и прочія стороны въ жизни людей, остается, въ качествѣ прямого содержанія экономики, распоряженіе личными силами и объективными средствами въ смыслѣ обезпеченія фактической осуществимости индивидуальныхъ и общественныхъ цѣлей, присущихъ культурной жизни и двигающихъ ее по пути прогресса. При этомъ, какъ вытекаетъ изъ самаго этого заданія, предполагается соблюденіе начала хозяйственности. Въ этомъ смыслѣ существо хозяйственной дѣятельности находитъ себѣ практическое выраженіе въ хозяйничаньи и предпринимательствѣ и нѣкоторую аналогію—въ отличающемся отъ экономики объектив-

[1]) Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. S. 619. Указываемой здѣсь погрѣшности не избѣжалъ и R. Goldscheid. Darwin als Lebenselement unserer modernen Kultur. 1909.

[2]) Въ томъ же направленіи высказывается и Lexis. Art. Gesellschaftlicher Darwinismus. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3. Aufl. B. I. S. 1027 ff.; см. впрочемъ уже: Ferguson. O. c. Part I Section I.

нымъ и прикладнымъ характеромъ—счетоводствѣ[1]. Было бы, разумѣется, чрезмѣрнымъ ограниченіемъ содержанія хозяйства предполагать, что къ нему принадлежитъ одно лишь принципіальное распоряженіе матеріальными и личными средствами. Самый фактъ наличія или отсутствія тѣхъ и другихъ средствъ, степень снабженности ими, относительныя качества ихъ и условія, при которыхъ ими можно располагать, точно также ближайшимъ образомъ принадлежатъ къ существу экономики. Сюда же привходятъ соотвѣтствующія взаимоотношенія отдѣльныхъ лицъ и ихъ группъ, стремленія и интересы людей, а равно и относящіяся къ хозяйству отдѣльныя и общія организаціи. Тѣмъ не менѣе, само по себѣ и непосредственно, конкретное взаимоотношеніе людей во всей его полнотѣ, какъ и вся полнота личныхъ переживаній и общественныхъ условій вмѣстѣ съ пользованіемъ жизнью и личнымъ напряженіемъ въ цѣляхъ обезпеченія этого, не представляютъ прямого содержанія хозяйства, которое исчерпывается хозяйственными расчетами и примыкающими къ нимъ волевыми актами, а также фактическими обстоятельствами и перемѣнами, имѣющими значеніе съ точки зрѣнія хозяйственныхъ расчетовъ[2].

[1]) Къ сравненію экономіи съ бухгалтеріей авторъ пришелъ самостоятельно, руководствуясь при этомъ соображеніемъ, что нѣкоторая общность въ сложныхъ явленіяхъ не даетъ еще основаній для сопоставленія и сближенія ихъ во всей полнотѣ, какъ это подтверждается и извѣстной поговоркой: Comparaison n'est pas raison. Уже при корректурѣ вышеприведеннаго текста авторъ имѣлъ возможность ознакомиться съ инымъ взглядомъ по этому вопросу г. П. Струве въ статьѣ «Политическая экономія и бухгалтерія». (Русская Мысль. 1913. Ноябрь). Здѣсь выдвигается проблема «систематическаго превращенія политической экономіи въ настоящую эмпирическую науку» съ помощью «статистической обработки первичныхъ данныхъ критически построенной и критически осуществляемой бухгалтеріи». Въ этой проблемѣ дѣло идетъ не только объ экономіи и бухгалтеріи, но и статистикѣ. Если политическая экономія должна быть эмпирической, то то же должно признать и о другихъ соціальныхъ наукахъ и равнымъ образомъ на основѣ соотвѣтствующей статистической бухгалтеріи, которая, имѣя мало общаго съ обычной коммерческой бухгалтеріей, сводилась бы къ полной регистраціи конкретныхъ явленій, имѣющихъ извѣстное значеніе съ точки зрѣнія данной отрасли культуры. Къ этому необходимо прибавить однако, что и «бухгалтерія» и статистика не могутъ быть исключительными методами индукціи въ области соціальныхъ наукъ, такъ какъ онѣ обезличиваютъ и объективируютъ факты и требуютъ восполненія ихъ индивидуальнымъ и субъективнымъ. Наконецъ, необходимо принять во вниманіе методологическую несостоятельность чистой индукціи, безъ комбинированія ея съ дедукціею.

[2]) Ср.: Rodbertus-Jagetzow. Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustaende. H. I. 1842. S. 4 f.; Fr. Hermann. Staatswirthschaftliche Untersuchungen. 2 Aufl. 1870. Abs. 31 S. 66, Abs. 32 S. 67 f.; Fr. v. Gottl-Ottlilienfeld. O. c. S. 24 f.

Вопросъ объ обоюдномъ разграниченіи различныхъ отраслей культуры не допускаетъ абсолютнаго рѣшенія уже въ виду неопредѣленности самой системы ихъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ разграниченіи должно исходить изъ предположенія, что каждая отрасль культуры имѣетъ свое особенное содержаніе и направленіе. Въ силу этого, напр., экономика не можетъ быть ни психологической ни этической, какъ не можетъ она быть теологической или эстетической. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при этомъ разграниченіи прикладныя отрасли должны быть относимы къ однородной съ ними главной, если только можно дать сколько-нибудь развитое общее ученіе о нихъ, такъ какъ разработка послѣдняго не допускаетъ такого разъединенія основной и дополнительныхъ къ ней отраслей. Этому не противорѣчитъ и тотъ нѣкоторый интересъ, проявляемый относительно данной прикладной отрасли внѣ рамокъ всей этой самостоятельной культурной отрасли. Изученіе хозяйственной психологіи не можетъ поэтому принадлежать къ задачамъ экономики, и, напротивъ, прикладныя отрасли техники принадлежатъ частью не къ общей системѣ техники, а къ соотвѣтствующимъ инымъ отраслямъ культуры; таковы, напр., техника хозяйства, права, государственной, церковной, научной дѣятельности. Основанія денежнаго обращенія, кредита и банковаго дѣла, биржевой дѣятельности связаны съ существомъ хозяйственной жизни и не могутъ быть отдѣлены отъ него. Но психологія изучаетъ отраженіе хозяйственныхъ явленій въ психикѣ, этика изслѣдуетъ и подчиняетъ своему контролю также и хозяйственные добродѣтели и недостатки, право нормируетъ также и хозяйственную дѣятельность, государство контролируетъ и направляетъ её. Каждая отрасль культуры и соотвѣтствующая наука косвенно имѣютъ дѣло также и съ фактами хозяйственной жизни. Въ своей конкретной хозяйственной дѣятельности индивидъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общество въ цѣломъ, сообразуется съ требованіями и указаніями психики, этики, права, эстетики, техники, религіи и т. д., представляющихъ какъ бы спеціальныя цензуры въ отношеніи къ хозяйственной дѣятельности и въ то же время предъявляющихъ къ послѣдней положительные запросы и требованія. Но такая же роль при-

надлежитъ хозяйственной отрасли и экономикѣ по отношенію къ прочимъ отраслямъ.

Хозяйство объединяетъ средства и цѣли всѣхъ вообще отраслей культуры, руководствуясь при этомъ собственной, экономической оцѣнкой ихъ и, въ видахъ объединенія, отвлекаясь отъ специфическихъ особенностей, присущихъ цѣлямъ и средствамъ каждой отрасли культуры. Съ этой точки зрѣнія можно противопоставить вообще абстрактный характеръ явленій, изучаемыхъ экономикой, и конкретныя свойства, присущія тѣмъ же явленіямъ, но принадлежащія иной какой-либо отрасли культуры. Можно, конечно, признать, что въ извѣстной мѣрѣ и всякая другая отрасль основана на сопоставленіи средствъ и цѣлей[1], объединяемыхъ также съ помощью абстракціи отъ специфическихъ свойствъ явленій другихъ отдѣльныхъ отраслей культуры. Каждая отрасль культуры примыкаетъ въ своемъ конкретномъ содержаніи къ инымъ, но имѣетъ въ то же время свою систему цѣлей и приспособленныхъ къ нимъ средствъ, свою основную идею и критерій, лежащіе въ основѣ свойственной данной отрасли системы оцѣнокъ.

Подобно техникѣ, праву и всякой иной отрасли, экономика выполняетъ какъ бы служебную, но въ то же время и руководящую роль относительно прочихъ отраслей. Съ этой точки зрѣнія явленія экономическаго порядка почти не обладаютъ внутренней абсолютной самоцѣльностью и въ большинствѣ находятъ себѣ конечную мотивировку, raison d'être въ совокупной культурной жизни. Но и здѣсь все зависитъ отъ того, какая отрасль культуры находится въ фокусѣ нашего зрѣнія. Соціальная этика, а она по существу такова, напр., также выполняетъ подобную же роль относительно техники, хозяйства, права, государства и пр. и въ этой своей роли также находитъ себѣ raison d'être и сферу своего практическаго дѣйствія и разработки. Въ конечномъ итогѣ въ этомъ и

[1]) Въ примѣненіи къ хозяйственной жизни это нашло себѣ выраженіе у Cort van der Linden. Lehrsätze über die ökonomischen Kategorien. (K. Frankenstein's Zeitschrift für Litteratur und Geschichte der Staatswiss. B. III. H. 1—2. S. 55): «Цѣль сравнивается не только съ другими конечными цѣлями, но каждая изъ нихъ опять таки съ возможными средствами къ ихъ достиженію. Также и это соотношеніе средствъ выражается количественно».

обнаруживается взаимозависимость культурныхъ отраслей въ ихъ развитіи, значеніи и проявленіи.

Сложный составъ явленій культуры съ одной стороны смягчаетъ рѣзкость проявленія чертъ, присущихъ отдѣльнымъ отраслямъ культурной жизни, съ другой же—представляется необходимымъ условіемъ правильнаго протеканія и развитія культурной жизни. Такимъ образомъ, психическія въ тѣсномъ смыслѣ, этическія, эстетическія явленія, техническія умѣнья и дѣятельности, религіозныя убѣжденія и дѣйствія, правовыя отношенія и т. д. въ своихъ конкретныхъ проявленіяхъ сопутствуютъ, въ качествѣ элементовъ или сторонъ культурной жизни, хозяйственнымъ проявленіямъ, но лишь правильное, взаимноуравновѣшенное сочетаніе проявленій всѣхъ сторонъ культурной жизни, обезпечиваетъ вѣрное направленіе и правильный ходъ экономической, какъ и всякой иной стороны въ культурной жизни[1]. Такъ, въ удовлетвореніи своихъ различныхъ потребностей человѣкъ считается не только съ хозяйственными условіями и соображеніями, но и съ указаніями религіи, этики, права, съ техническими условіями и т. д., и уже вслѣдствіе этого хозяйственная жизнедѣятельность пріобрѣтаетъ свойственные ей характеръ и содержаніе[2].

Чисто экономическія явленія, внѣ связи съ другими сторонами культурной жизни, представляютъ либо искусственно или односторонне обособленные отъ общей жизни факты[3] либо абстрактную схему, неспособную объяснить послѣдовательный ходъ своего развитія и протеканія[4]. Этимъ отчасти и объясняется недостаточность экономической теоріи для выясненія и руководства экономической жизнедѣятельности[5]. Этимъ же обусловливается склонность экономистовъ выходить въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ изъ рамокъ экономики, обращаясь къ выясненію явленій также съ этической, психо-

---

1) Ср.: Ad. Wagner. Grundlegung. 3 Aufl. 1893. § 110. S. 289.

2) Ср.: S. Kraus. Beitrag zur Erkenntnis der sozialwissensch. Bedeutung des Bedürfnisses. 1906. S. 44; E. Levasseur. Précis d'économie politique. Nouv. éd. 1906. P. 8.

3) Ср. относительно явленій потребленія: J. Rambaud. O. c., t. I. § 16 p. 35.

4) Ср.: Ingram. History of political economy. 2 ed. 1910. P. 199.

5) Ср.: C. Rümelin. Reden und Aufsätze (1875) S. 13 f.; W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. S. 35.

логической и другихъ точекъ зрѣнія. Но на этомъ пути возникаетъ затрудненіе въ видѣ необходимой спеціализаціи какъ въ практической, такъ и въ научной дѣятельности.

7. Общее направленіе цѣлесообразности, характеризующее культурную жизнь и вытекающее изъ приложенія высшихъ способностей людей, находитъ себѣ спеціальное выраженіе въ каждой культурной отрасли. Необходимость такихъ началъ цѣлесообразности и возрастающая строгость ихъ соблюденія еще болѣе подтверждаются прогрессивнымъ развитіемъ, необходимо присущимъ общественной жизни людей вообще. Безъ этихъ началъ цѣлесообразности, ихъ точнѣйшей выработки и все болѣе же строгаго соблюденія, правильное развитіе не могло бы имѣть мѣста. Культурный идеалъ съ формальной точки зрѣнія есть такимъ образомъ достиженіе гармоніи и полноты въ общей системѣ этихъ спеціальныхъ выраженій цѣлесообразности. Необходимыми предположеніями этого представляются всестороннее и свободное, съ точки зрѣнія соотношеній между ними, развитіе отдѣльныхъ сторонъ культурной жизни. Такъ какъ наивысшая успѣшность дѣйствія каждаго изъ этихъ началъ цѣлесообразности зависитъ отъ общаго состоянія и прогресса культуры, то отсюда вытекаетъ, что одностороннее направленіе культуры, въ смыслѣ рѣшительнаго преобладанія одной или нѣкоторыхъ сторонъ ея и соотвѣтствующихъ имъ началъ цѣлесообразности, стѣсняетъ полное развитіе и дѣйствіе даже ихъ самихъ. Преимущества гармоническаго развитія сторонъ культуры и необходимость стремленія къ этому представляются съ этой точки зрѣнія очевидными.

Къ числу этихъ спеціальныхъ выраженій цѣлесообразности принадлежитъ и принципъ экономіи или хозяйственности. Абсолютнымъ выраженіемъ его представляется достиженіе наибольшихъ результатовъ, съ точки зрѣнія преслѣдуемыхъ цѣлей, при наименьшей затратѣ личныхъ и иныхъ средствъ. Универсальное дѣйствіе этого принципа легче всего можетъ быть доказано необходимостью этого съ точки зрѣнія длящагося развитія культуры вообще и отдѣльныхъ отраслей ея, какъ это прекрасно выразилъ G. Simmel. «Всякое восходящее раз-

витіе въ ряду организмовъ можетъ быть разсматриваемо», говоритъ онъ, «какъ подчиненное тенденціи къ сбереженію силъ. Болѣе развитое существо отличается отъ низшаго тѣмъ, что оно можетъ выполнить прежде всего тѣ же функціи, какъ и это, а сверхъ того, и еще нѣкоторыя». «Каждое существо тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ съ меньшимъ количествомъ силъ оно достигаетъ одинаковой цѣли. Вся культура направлена не только къ тому, чтобы примѣнить для нашихъ цѣлей какъ можно больше силъ природы, стоящей ниже человѣка, но и къ тому, чтобы осуществлять каждую изъ этихъ цѣлей со все большимъ сбереженіемъ силъ»[1]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, принципъ хозяйственности, въ возможномъ согласованіи съ иными спеціальными началами цѣлесообразности, проникаетъ всю культурную жизнедѣятельность, не исключая и умственной, этической и эстетической. Съ этой точки зрѣнія, и проводимый нѣкоторыми новѣйшими философами принципъ экономіи въ мышленіи (Ernst Mach; Richard Avenarius)[2] можно разсматривать какъ частный случай того принципа хозяйственности, которымъ регулируется хозяйственная сторона культурной жизнедѣятельности людей. Строго хозяйственный характеръ принципа и его принадлежность хозяйству вытекаютъ уже изъ того, что другія стороны культуры не обладаютъ способами къ опредѣленію хозяйственности. Характеръ присущихъ другимъ сторонамъ культуры средствъ и цѣлей и оцѣнокъ тѣхъ и другихъ не обезпечиваетъ возможности этого точно также, какъ, напр., хозяйственная сторона дѣятельности не обезпечиваетъ правомѣрности, эстетичности, технической успѣшности.

Представляя собой одну изъ нормъ цѣлесообразности, принципъ хозяйственности не можетъ однако осуществляться въ полномъ обособленіи и пренебреженіи иныхъ спеціальныхъ выраженій общаго направленія цѣлесообразности, проникающаго культурную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ одна изъ нормъ цѣлесообразности, принципъ хозяйственности отнюдь не совпадаетъ съ началомъ эгоизма и не представляетъ собою начало

---

[1]) Ueber soziale Differenzierung. Kap. VI.
[2]) П. Струве. Хозяйство и цѣна. Ч. I. Стр. 4 прим. 1.

хозяйственнаго эгоизма. Это ясно обнаруживается, напр., въ случаѣ добросовѣстнаго и тщательнаго завѣдыванія чужимъ хозяйствомъ или предпріятіемъ. Отождествленіе хозяйственности съ эгоистической эксплоатаціей другихъ создало бы антисоціальное пониманіе хозяйственной жизни—будь то въ теоріи или на практикѣ. На низкомъ уровнѣ культуры, когда положительныя и отрицательныя проявленія соціальной жизни еще не достаточно обособились, эгоистическое направленіе дѣятельности нерѣдко довольно близко подходитъ къ хозяйственности и, такъ сказать, восполняетъ ее въ примѣненіи къ взаимоотношеніямъ между людьми въ области хозяйственной дѣятельности. Однако, техническій прогрессъ, повышая участіе въ производствѣ техническихъ капиталовъ и количество расходуемыхъ на единицу труда матеріаловъ и получаемыхъ продуктовъ и ставя капиталистовъ и рабочихъ въ болѣе тѣсную взаимозависимость, вытѣсняетъ эгоизмъ, а отчасти и альтруизмъ, изъ области дѣловыхъ отношеній и замѣщаетъ хозяйственностью, способствуя этимъ высшему развитію народнаго хозяйства. Равнымъ образомъ, и вообще болѣе интенсивное проявленіе хозяйственныхъ взаимоотношеній, образующихъ народное хозяйство, способствуетъ искорененію или ограниченію выгодъ эгоистическаго направленія хозяйственной дѣятельности. Къ тому же, эгоизмъ и своекорыстіе трудно совмѣстимы съ высшей хозяйственностью въ постановкѣ и организаціи хозяйства. Напротивъ, проявленіе строгой корректности и извѣстной предупредительности въ дѣловыхъ отношеніяхъ даетъ обыкновенно и хозяйственныя выгоды[1]. Представляется поэтому правильнымъ отнесеніе стремленія иныхъ людей обдѣлить другихъ къ моральному, а не къ хозяйственному побужденію. Какъ замѣчаетъ объ этомъ R. Ihering, «моральный, а не хозяйственный мотивъ вызываетъ первыхъ на противоборство. Чтобы очистить себя отъ подозрѣнія въ скупости и показать, что для нихъ не въ деньгахъ суть, они нерѣдко вслѣдъ затѣмъ проявляютъ акты не мотивированной, чисто тенденціозной щедрости—они воюютъ изъ-за гроша и дарятъ талеръ»[2]. На-

[1]) Ср.: Ferguson: O. c. P. 218. Huth. o. c. S. 61. отмѣчаетъ подобную же мысль у Ad. Smith'a, въ его Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms.

[2]) R. v. Ihering. Der Zweck im Recht B. I. 4 Aufl. 1904. Kap. VII. S. 180.

конецъ, болѣе интенсивное проявленіе иныхъ выраженій общей цѣлесообразности, гармонируя съ началомъ хозяйственности, въ то же время противопоказуетъ и противодѣйствуетъ проявленію эгоизма.

Значеніе принципа экономіи въ условіяхъ изолированной дѣятельности, абстрактно разсуждая, представлялось бы не вызывающимъ сомнѣній. Но при широкомъ развитіи раздѣленія и соединенія дѣятельности и обмѣна, а равно вообще хозяйственныхъ взаимоотношеній, соблюденіе хозяйственности представляется общей, совмѣстно достигаемой задачей. Эта задача ближайшимъ образомъ относится къ народнохозяйственному производству и потребленію и примыкающему къ нимъ обращенію. Что касается распредѣленія, то оно представляетъ въ данномъ отношеніи скорѣе общій учетъ итоговъ раздѣленія дѣятельности и раздѣленія потребленія. Соблюденіе принципа хозяйственности, не будучи тождественно ни съ скупостью ни съ эгоистической эксплоатаціей другихъ, всего болѣе согласуется съ должной оцѣнкой всѣхъ условій и моментовъ хозяйственной жизни, не исключая и имущественнаго и личнаго содѣйствія со стороны другихъ лицъ. Наконецъ, соблюденіе хозяйственности вообще имѣетъ результатомъ устраненіе, самодѣятельностью населенія, при содѣйствіи государства и другихъ культурныхъ факторовъ, тѣхъ условій, при которыхъ эгоистическая эксплоатація другихъ могла бы получить особенное распространеніе и стать хотя бы отчасти нормой хозяйственной дѣятельности. Принципъ хозяйственности можетъ быть опредѣленъ также чрезъ отнесеніе къ нему понятія производительности хозяйственной дѣятельности—поскольку она опредѣляется производительностью,—понятія же выгодности—лишь въ предѣлахъ совпаденія ея съ производительностью, подчиняя послѣдней при этомъ и организацію обращенія.

Принципъ хозяйственности не есть чисто объективная норма, дѣйствующая, какъ своего рода естественный или психическій законъ, помимо осознанія и соблюденія его въ данной соціальной средѣ. Хотя этотъ принципъ и поддается абсолютному формулированію, но практическое соблюденіе его

допускаетъ чрезвычайное ступененіе, въ зависимости отъ индивидуальныхъ и соціальныхъ условій. По мѣрѣ развитія культурности и въ ея составѣ—хозяйственности, общее сознаніе и соблюденіе принципа экономіи все повышаются, хотя все же остаются далекими отъ идеала—вслѣдствіе недостатка энергіи и вниманія къ этому, а равно и вслѣдствіе недостаточности и несовершенства и неполнаго дѣйствія тѣхъ спеціальныхъ указаній въ этомъ направленіи, которыя должны исходить отъ каждой изъ культурныхъ отраслей. Общеизвѣстенъ фактъ крайней нехозяйственности дикарей и мало культурныхъ людей. По этой же причинѣ иногда не недостатокъ капиталовъ, техническихъ знаній и условій, но именно общій недостатокъ хозяйственности препятствуетъ процвѣтанію промышленности въ странѣ, и именно этимъ обусловливается иногда необходимость таможеннаго огражденія. Напротивъ, кажущееся лишь нарушеніе принципа экономіи зачастую обусловливается осложненностью хозяйственной жизни. Такой характеръ можетъ имѣть, напр., архитектурное украшеніе фабричныхъ строеній, благотворительное попеченіе о рабочихъ, устройство парка въ имѣніи и т. д.

8. Во всѣхъ своихъ проявленіяхъ культурная жизнь необходимо имѣетъ соціальный характеръ, проявляющійся въ скрытомъ, потенціальномъ или въ активномъ, осуществляемомъ общеніи съ другими людьми. Въ основѣ этого общенія лежитъ также и соблюденіе начала экономіи, хотя бы и далеко неполное, необходимо ведущее къ использованію, частью исконнаго, частью развивающагося разнообразія въ силахъ и потребностяхъ людей, чрезъ систему раздѣленія культурныхъ функцій членовъ организованной общественной среды, въ частности, въ области хозяйства – чрезъ систему раздѣленія дѣятельности и потребленія. Логически необходимыми предположеніями человѣческаго общенія представляется вмѣстѣ съ тѣмъ какъ противоположеніе индивидовъ, являющихся самостоятельными элементами сложнаго цѣлаго, такъ и объединеніе ихъ въ цѣлостное единство—то и другое въ соціальныхъ образованіяхъ различнаго объема и «порядка».

Представляя такимъ образомъ въ всѣхъ своихъ проявленіяхъ разные моменты общенія, культурная жизнь, во всѣхъ отрасляхъ, необходимо основывается на соблюденіи началъ личнаго интереса съ сопутствующими ему собственной отвѣтственностью и иниціативой, а также началъ взаимности, соревнованія и солидарности. Дѣйствіе этихъ началъ не обнаруживаетъ полнаго единства и соразмѣрности. Эти послѣднія въ большей или меньшей мѣрѣ достигаются всѣмъ строемъ общественной жизни людей, какъ результатъ практическаго компромисса между указанными началами и исторически выработавшагося modus vivendi. Представляя собою продуктъ развитія соціальной жизни, это сплетеніе указанныхъ соціальныхъ началъ можетъ представлять и дѣйствительно представляетъ существенныя различія, которыми обусловливаются особенности эпохъ, націй, расъ.

Указанныя выше начала проявляютъ свое дѣйствіе и въ хозяйственной жизни—въ специфическихъ формахъ собственнаго хозяйственнаго интереса и, въ связи съ этимъ, собственнаго попеченія о себѣ и собственной предпріимчивости, а также возмездности, конкурренціи и общности экономическихъ интересовъ.

Всѣ эти и именно эти начала необходимо обусловливаютъ хозяйственную жизнь. Возложеніе на каждаго индивида, способнаго къ тому, въ опредѣленныхъ границахъ и съ возможными смягченіями, личной отвѣтственности обезпечиваетъ необходимую долю экономической и иной свободы, поддерживаетъ въ индивидѣ трудовую энергію и бережливость и представляетъ такимъ образомъ необходимую основу для общаго проведенія хозяйственности и для всего существующаго экономическаго строя[1]. Возмездность, въ тѣхъ ея проявленіяхъ, которыя учитываются и регулируются хозяйствомъ, есть характерная черта народнохозяйственныхъ явленій. Наряду съ строгой и детальной возмедностью постепенно развивается также примѣненіе суммарной и групповой возмездности, мотивами которой могутъ быть упрощеніе расчетовъ, въ видахъ сбере-

[1]) Высокую оцѣнку этому началу даетъ Ed. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. 1899. S. 130 f.

женія вызываемыхъ ими издержекъ, та суммарная справедливость, выше которой не могутъ вообще подняться какъ народнохозяйственное распредѣленіе, такъ и обращеніе, и иногда также тенденціозное стремленіе дать то или иное направленіе хозяйственнымъ отношеніямъ. Въ качествѣ примѣровъ такой возмездности можно указать почтовый тарифъ и съ другой стороны—безплатныя услуги разнаго рода со стороны предпріятій, какъ развлеченія въ ресторанѣ или на пароходѣ, цѣнныя приложенія къ № газеты и т. д. Безвозмездныя дѣйствія и отношенія получаютъ экономическое значеніе, какъ изъятія—во многихъ случаяхъ лишь мнимыя—изъ общаго порядка возмездности и по сколько они отражаются на хозяйственныхъ отношеніяхъ вообще или облекаются въ форму экономическихъ дѣйствій и отношеній. Возмездность есть вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе объективной экономической справедливости, безвозмездныя же дѣйствія и отношенія представляютъ одно изъ проявленій начала общности интересовъ или солидарности. Конкурренція есть необходимый коррелятивъ индивидуальнаго начала, есть своего рода центробѣжная сила, уравновѣшиваемая центростремительной силой общественной солидарности. Наконецъ, принципъ общности интересовъ находитъ себѣ проявленіе, какъ въ имѣющихъ свою хозяйственную сторону взаимоотношеніяхъ, основанныхъ на тождествѣ или соотвѣтствіи хозяйственныхъ интересовъ индивидовъ, такъ и въ особенности—въ альтруистическихъ, общественныхъ и государственныхъ мѣрахъ попеченія объ общихъ интересахъ и объ интересахъ отдѣльныхъ группъ и членовъ общества. Къ этому присоединяется обезпеченіе индивидуальныхъ и общественныхъ проявленій хозяйственной жизни соотвѣтствующимъ отмежеваніемъ сферы дѣятельности и свободы индивидовъ и высшихъ интересовъ всего общества. Значеніе и необходимость солидаризма опредѣляются уже тѣмъ, что весь строй соціальной и въ частности хозяйственной жизни вырабатывается общественной средой, которая не можетъ имѣть своею цѣлью самоуничтоженіе или борьбу противъ себя[1].

[1]) Ср.: E. Sax. Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. 1884. S. 55.

Государство въ своемъ цѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей внутренней жизни есть продуктъ начала общности интересовъ[1], но въ своихъ составныхъ элементахъ и въ своемъ противопоставленіи другимъ государствамъ оно есть осуществленіе также и прочихъ соціальныхъ принциповъ.

Въ соотвѣтствіи съ комбинированнымъ дѣйствіемъ указанныхъ принциповъ хозяйственная жизнь представляетъ существенныя особенности въ своемъ цѣломъ и въ его частяхъ—безъ того, однако, чтобы эти особенности можно было разсматривать, какъ особыя системы хозяйственной дѣятельности. Существо послѣдней остается единымъ при всемъ безконечномъ разнообразіи конкретныхъ осуществленій ея.

Культурный и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическій прогрессъ ведетъ къ развитію всѣхъ охарактеризованныхъ выше соціальныхъ принциповъ въ своихъ экономическихъ и иныхъ проявленіяхъ. Все расширяется при этомъ сфера дѣйствія индивидуальной свободы и использованія ея въ личныхъ интересахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развиваются начала возмездности и конкурренціи, съ устраненіемъ преградъ для ихъ дѣйствія со стороны традиціи, рутины, классовой и расовой группировки населенія. Но одновременно развивается также регулированіе и восполненіе соціальной жизни началомъ солидарности.

Всѣ указанныя здѣсь начала соціальной жизни и народнаго хозяйства въ частности представляютъ собой основу и нашли себѣ явственное выраженіе въ экономической системѣ Ад. Смита. Несмотря на то, что связь между прочими принципами и общностью интересовъ представлялась ему отчасти таинственной, онъ все же признавалъ всѣ разсматриваемые здѣсь принципы и приписывалъ имъ основоположное значеніе въ народнохозяйственной жизни[2].

Начало общности интересовъ нашло себѣ признаніе также

---

[1]) Ср.: J. Steuart. Inquiry into the Principles of Political Oeconomy 1767. Vol. I. B. I. chap. I. P. 6.

[2]) An Inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations. Ed. by E. Cannan. 1904. B. I. Ch. I, II, IV, Ch. IX (Vol. I P. 100), B. IV Ch. II (Vol. I. P. 421), ch. VII pt. III (Vol. II p. 100, 101), Ch. IX (Vol. II. P. 162, 172, 184 f.). Ср. также: R. Zeuss. Ad. Smith und Eigennutz. 1889; R. de Waha. Die Nationalökonomie in Frankreich. 1910. S. 428.

у Montesquieu[1], D. Hume[2], Hutcheson[3], J. Steuart[4] и Ad. Ferguson[5], а впослѣдствіи у A. Comte[6] и у французскихъ экономистовъ—въ качествѣ, очевидно, необходимаго и естественнаго коррелятива и восполненія, безъ которыхъ и иныя начала не могли бы проявить свое дѣйствіе[7].

Но особенно рѣшительно признавалъ значеніе началъ личнаго интереса, конкурренціи, возмездности и солидарности Fr. Bastiat[8].

Несмотря на общее развитіе всѣхъ указанныхъ принциповъ, особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ въ этомъ отношеніи принципъ солидарности. Идея солидарности объединила въ новѣйшее время обширную группу общественныхъ дѣятелей и ученыхъ во Франціи. Во главѣ ихъ стоятъ Charles Gide и Léon Bourgeois[9]. Въ германской экономической литературѣ представителемъ этой идеи является въ особенности H. Pesch[10].

Развитіе дѣятельности государствъ въ этомъ направленіи и распространяющееся признаніе этой идеи въ научной и публицистической литературѣ свидѣтельствуютъ о возрастающемъ значеніи принципа солидарности въ современной культурной жизни. Но само по себѣ обособленное выдвиганіе начала солидарности представляетъ собою своего рода односторонность, также какъ и противоположное этому игнорированіе или даже отрицаніе общественной солидарности въ отношеніи къ хозяйственной жизни. И въ то время какъ первая односторонность легко вызываетъ утопическія представленія объ общемъ соціальномъ

---

[1]) Esprit des Lois. L. I. Chap. II.
[2]) Цитируется у E. Sax. Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. S. 54.
[3]) Sax. Grundlegung der theoret. Staatswirthschaft. S. 12.
[4]) O. c., B. I. chap. I. P. 6.
[5]) O. c., Part I. Sect. III. P. 24.
[6]) Cours de Philosophie Positive. T. IV. Leç. 50.
[7]) Литературу указываетъ отчасти E. Sax. Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. I. § 2.
[8]) Harmonies économiques. 9 éd. 1884. Chap. IV, X, XXI.
[9]) Ch. Gide et Ch. Rist. Histoire des doctrines économiques. 1909. L. V. Ch. III; R. de Waha. O. c. B. III T. II.
[10]) Lehrbuch der Nationalökonomie. B. I, см. въ особ. Abs. 127. Отправляясь отъ проводимыхъ нѣкоторыми экономистами (въ особ. Ad. Wagner) трехъ принциповъ частнохозяйственнаго, коллективнаго и каритативнаго, Pesch устраняетъ третій изъ нихъ, остальнымъ же двумъ противопоставляетъ, какъ новый организаціонный принципъ, совмѣщающій въ себѣ оба эти—«солидарный принципъ общаго блага».

и экономическомъ строѣ[1], послѣдняя обращаетъ этотъ вопросъ въ проблему, не поддающуюся разрѣшенію обычными средствами научнаго изслѣдованія и разрѣшаемую лишь съ помощью искусственной и чуждой существу соціальной жизни гипотезы экономическихъ законовъ. Такъ, вообще прибѣгающій къ этой гипотезѣ, K. Marx, въ своемъ I томѣ «Капитала», становится на положительную почву изслѣдованія соціальной жизни, какъ скоро допускаетъ дѣйствіе начала общаго интереса; въ особенности, это относится къ изслѣдованіямъ по вопросамъ о раздѣленіи труда и о продолжительности рабочаго дня въ промышленности.

Изъясненные четыре принципа соціальной жизни, на общей телеологической основѣ, указывалъ и R. Ihering[2]. Основнымъ двигателемъ гражданскаго оборота онъ признаетъ эгоизмъ. Началу возмездія, производимому изъ эгоизма, приписывается особенно важное положительное значеніе, какъ основѣ справедливости, независимости и всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ намъ гражданскимъ оборотомъ. Конкурренція разсматривается, какъ соціальное самоурегулированіе эгоизма, восполняемое индивидуальнымъ самоурегулированіемъ его. Наконецъ, сознаніе общности интересовъ опредѣляется, какъ облагороженная форма эгоизма, направленнаго на то, что мы имѣемъ обще съ другими. Такимъ образомъ, сводя всѣ эти начала къ одному общему источнику въ мотивѣ эгоизма[3], Ihering заключаетъ, что «эгоизмъ, служа себѣ, служитъ міру». Вторымъ двигателемъ общественнаго порядка признается принужденіе, опредѣляемое какъ «осуществленіе какой-либо цѣли посредствомъ преодолѣнія чужой воли». Совокупность всѣхъ относящихся сюда явленій и основныхъ положеній образуетъ организацію или систему соціальнаго принужденія, осуществляемую правомъ и государствомъ. Конечный результатъ перваго тома цитируемаго труда—соціальная необходимость принужденія. Организацію принужденія для цѣлей общества Ihering отождествляетъ

---

[1]) E. Sax. Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. S. 55.

[2]) R. v. Ihering. Der Zweck im Recht. B. I. 4 Aufl. 1904. Кар. VII, VIII.

[3]) Ср. противныя этому мнѣнія D. Hume (E. Sax. O. c. S. 54), а также B. Földes. Individualprinzip, Sozialprinzip und sozialethisches Problem. J. f. Nationalökon. u. Stat. 1904. III F. B. XXVIII. H. I. S. 15.

съ государствомъ и правомъ[1].

Въ дѣйствительности, начала личнаго интереса и общности интересовъ представляются въ одинаковой мѣрѣ первоначальными принципами. Это вытекаетъ уже изъ того, что общественное существованіе людей не можетъ разсматриваться, какъ продуктъ индивидуальнаго существованія людей, но должно предполагаться имѣвшимъ мѣсто изначала культуры[2], представляющей объектъ соціальныхъ наукъ. То общее, что заключается въ обоихъ разсматриваемыхъ началахъ и что нерѣдко смѣшиваютъ съ индивидуально-личнымъ началомъ, есть субъективный характеръ ихъ. Напротивъ, начала возмездности и конкурренціи способствуютъ объективному регулированію хозяйственной жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не вполнѣ можно согласиться и съ изложеннымъ взглядомъ на начало принужденія. Въ этомъ послѣднемъ представляетъ важность воздѣйствіе на волю въ направленіи, указываемомъ сознаніемъ людей. Принужденіе можетъ быть примѣнено индивидомъ къ самому себѣ либо къ другому индивиду, но принужденіе можетъ исходить и отъ организованнаго общества. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходима сначала умственная дѣятельность, которою опредѣляется желаемое направленіе индивидуальныхъ воленій, а за этимъ получаетъ дѣйствіе извѣстная комбинація пріемовъ, которые обезпечиваютъ реализацію этого принципіальнаго рѣшенія и къ составу которыхъ и принадлежитъ соціальное принужденіе. Въ правѣ и государствѣ основное содержаніе и сводится къ такому соціальному опредѣленію и направленію человѣческихъ воленій, причемъ моментъ принужденія привходитъ сюда, какъ одинъ изъ пріемовъ и какъ средство къ тому. Подобнымъ же образомъ моментъ принужденія присущъ и каждой другой сторонѣ культурной жизни и въ частности хозяйственной.

При этомъ и въ хозяйственной, и въ правовой, и въ государственной, и во всякой иной сторонѣ соціальной жизни соціальное направленіе индивидуальныхъ воленій частью

[1]) B. I. S. 183, 240.

[2]) Ср.: Aristotelis Politica. A. 1252 в. 1253a; Ad. Müller. Die Elemente der Staatskunst. Th. I. 1809. S. 40, 70; Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. 1899. S. 134.

имѣетъ твердый и вполнѣ опредѣленный характеръ и источникъ, частью представляется не столь рѣшительнымъ и исходящимъ отъ соціальнаго общенія, но не отъ какого-либо опредѣленнаго органа послѣдняго. Обыкновенно впрочемъ и то и другое направленіе соціальной жизни дѣйствуютъ совмѣстно, хотя и не всегда въ полной гармоніи.

9. Охарактеризованныя выше внутреннее соціальное самоопредѣленіе и самоурегулированіе представляется необходимымъ предположеніемъ соціальной жизни; безъ этого соціальная жизнь имѣла бы не телеологическій, но случайный или причинно-обусловленный характеръ. Это достигается выработкою и примѣненіемъ руководящихъ понятій и установленій, вообще многостороннихъ и въ числѣ своихъ сторонъ имѣющихъ обыкновенно также и экономическую сторону. Отвлекаясь отъ прочихъ сторонъ, мы получаемъ такимъ образомъ болѣе или менѣе разработанную систему экономическихъ понятій и установленій, имѣющихъ назначеніемъ служить къ поддержанію и развитію хозяйственной жизни и своею основою — выше опредѣленные соціальные принципы. Сюда принадлежатъ собственность и наслѣдованіе, капиталъ, процентъ, разные виды кредита, имущественный и личный наемъ, предпріятіе, товарищества, страхованіе въ его различныхъ отрасляхъ, система раздѣленія и соединенія дѣятельности, организація личныхъ доходовъ производнаго характера, формы раздѣленія и соединенія потребленія, моды, а также и хозяйственная сторона въ такихъ соціальныхъ установленіяхъ, какъ семья, государство, церковь, классовая и иная группировка населенія и различныя иныя формы имущественныхъ и личныхъ отношеній хозяйственнаго характера и значенія.

Эти экономическія понятія-установленія усваиваются людьми вмѣстѣ съ сознательнымъ вступленіемъ ихъ въ хозяйственное общеніе и, укореняясь въ нихъ, пріобрѣтаютъ особый авторитетъ и до извѣстной степени апріорный характеръ. Тѣмъ не менѣе, измѣненія въ общихъ культурныхъ и экономическихъ условіяхъ, случайныя и намѣренныя, по различнымъ мотивамъ, отступленія отъ указанныхъ понятій и

установленій, вмѣшательство государства, внѣшнія вліянія и пр. обусловливаютъ возникновеніе, измѣненіе и изчезновеніе отдѣльныхъ экономическихъ понятій и установленій, среди которыхъ могутъ имѣть мѣсто также и получившія неправильное направленіе или же и вовсе отрицательные, равно какъ и установленія и понятія, имѣющія своимъ назначеніемъ борьбу съ таковыми.

Первоначальное возникновеніе, измѣненіе и даже упраздненіе установленій и понятій могутъ обусловливаться чисто частной иниціативой. Наиболѣе цѣлесообразныя и удачныя дѣйствія вызываютъ подражаніе со стороны другихъ; такимъ образомъ, индивидуальныя дѣйствія полагаютъ начало обыкновенію, которое постепенно обращается въ постоянное установленіе. Точно также, хозяйственная дѣятельность частныхъ лицъ, вслѣдствіе совпаденія ея въ однородныхъ случаяхъ, создаетъ, измѣняетъ, иногда же и упраздняетъ народнохозяйственныя установленія и понятія. Новыя понятія-установленія могутъ возникать также научнымъ путемъ, получая затѣмъ практическое примѣненіе и признаніе. Государство также не остается въ сторонѣ отъ этого процесса, но съ помощью установляемыхъ имъ законовъ или иныхъ мѣропріятій даетъ принудительныя указанія въ этомъ отношеніи. Обыкновенно государство пользуется своею властью для того, чтобы точнѣе опредѣлить и укрѣпить существующія понятія и установленія, но иногда измѣняетъ или создаетъ вновь или отмѣняетъ ихъ, слѣдуя въ этомъ нерѣдко примѣру другихъ странъ. Въ новѣйшее время народнохозяйственныя понятія и установленія подчиняются отчасти и воздѣйствію международно-правоваго и частнаго международнаго общенія. Экономическая исторія указываетъ на возникновеніе и развитіе въ указанномъ порядкѣ частной собственности на землю, залога, аренды и продажи земли, товариществъ, страховыхъ, банковыхъ и биржевыхъ операцій, ярмарокъ и т. д., возникновеніе и преобразованіе, а затѣмъ упраздненіе рабства. Исчерпывающій перечень этихъ понятій и установленій было бы невозможно дать, какъ равно нельзя предполагать ихъ существующими въ идеѣ внѣ ихъ дѣйствительнаго примѣненія и внутренняго соображенія съ ними.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

10. Экономическія понятія и установленія, очевидно, имѣютъ руководящую роль въ дѣлѣ направленія и поступательнаго развитія хозяйственной жизни. Но понятія и установленія, которымъ человѣкъ подчиняется въ силу отношенія своего къ данному народному хозяйству, представляютъ только общія указанія, которыя онъ используетъ въ предпринимаемыхъ имъ дѣйствіяхъ по собственному усмотрѣнію и подъ вліяніемъ обстоятельствъ и другихъ людей. Этимъ, а также взаимодѣйствіемъ отраслей культурной жизни, достигнутымъ господствомъ надъ природой и свободнымъ, въ данныхъ конкретныхъ условіяхъ, цѣлеполаганіемъ индивидовъ и общества и опредѣляется ближайшимъ образомъ хозяйственная жизнь. При этомъ имѣющаяся аналогія въ строѣ хозяйственной жизни въ различныя эпохи и у различныхъ расъ достаточно объясняется значительной степенью сходства въ присущихъ людямъ культурныхъ задаткахъ и въ тѣхъ логическихъ формахъ, въ которыхъ выливаются экономическія понятія и установленія. Наконецъ, безспорно имѣющія мѣсто извѣстныя единообразія въ общественной и, въ частности, въ хозяйственной жизни находятъ себѣ единственно возможное объясненіе въ относительной устойчивости нѣкоторыхъ, сознательныхъ и подсознательныхъ, приложеній цѣлесообразности въ связи съ подобной же устойчивостью на сторонѣ причинной обусловленности—безъ того, однако, чтобы отсюда можно было перейти къ признанію причинной законосообразности или хотя бы только причинной правильности[1]. Эти единообразія предста-

[1]) Ср.: W. Ed. Biermann. W. Wundt und die Logik der Sozialwissenschaft. Jahrbuecher fuer Nationalökon. u. Stat. 1903. B. 25. H. 1. S. 61.

вятся еще болѣе понятными. если признать въ каждой культурной отрасли наличіе руководящихъ понятій и установленій и всеобъединяющихъ оцѣнокъ. Отмѣченныя выше единообразія находятъ себѣ единственно возможное выраженіе въ нѣкоторыхъ статистическихъ выводахъ, указывающихъ большее или меньшее сходство и приближеніе величинъ, относящихся къ какой-либо группѣ однородныхъ явленій. Однако, и самая устойчивость этихъ однобразій не представляется полной, и статистическія данныя, констатирующія подобное единообразіе, еще не суть законъ[1]. Скорѣе здѣсь проявляется недостатокъ закона, но вмѣстѣ и невозможность послѣдняго, такъ какъ явленія этого рода имѣютъ, очевидно, сложный характеръ, проистекая частью изъ сознательной или подсознательной цѣлевой обусловленности, частью изъ естественно-причинной.

Данныя выше объясненія не оставляютъ, какъ намъ кажется, настолько существенныхъ пробѣловъ, чтобы вызвать обращеніе, за отсутствіемъ иного выхода, къ идеѣ общесоціальныхъ либо собственно экономическихъ законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ создается безпрепятственная возможность подвергнуть критическому изслѣдованію самую идею такихъ законовъ.

По своему наиболѣе безспорному примѣненію въ естественныхъ наукахъ, законъ представляетъ пріемъ научнаго объясненія, который примѣняется не ко всѣмъ типическимъ явленіямъ природы, но лишь къ случаямъ, когда отсутствуетъ непосредственное объективное познаніе какого-либо рода явленій въ ихъ причинной связи съ другими явленіями. Понимаемый въ этомъ смыслѣ научный законъ восполняетъ отсутствіе объективнаго, внѣшняго по отношенію къ соціальному «мы» людей, причиннаго постиженія типическихъ явленій. Развитіе естественныхъ наукъ можетъ такимъ образомъ выразиться не только изысканіемъ новыхъ научныхъ законовъ, но и вытѣсненіемъ научныхъ законовъ болѣе детальнымъ и болѣе реальнымъ причиннымъ объясненіемъ. Съ этой точки зрѣнія

---

[1]) Ср.: G. Rümelin. Ueber den Begriff eines sozialen Gesezes. 1867. (Reden und Aufsätze. 1875. S. 19 f.); подобнымъ же образомъ W. Lexis, A. Wirminghaus. A.-D. Xenopol (см. далѣе, § 11).

представляется правильнымъ опредѣленіе закона, какъ формулы дѣйствія силы[1], разумѣя подъ этой послѣдней скрытую, невыясненную еще или недоступную для познанія причину.

Причинность съ присущими ей особенностями, какъ типичность ея, имѣетъ мѣсто и въ культурной жизни, но лишь по сколько она не вытѣснена телеологической связью между явленіями или объектами культурной жизнедѣятельности. Вслѣдстіе этого, какъ самое проявленіе причинности, такъ и въ особенности типическій характеръ ея, имѣютъ характеръ случайнаго исключенія въ соціальной жизни либо привходятъ извнѣ, какъ проявленіе природы. Что касается подсознательнаго примѣненія начала цѣлесообразности, то и оно, какъ находящееся въ зависимости отъ измѣняющихся соціальныхъ условій, не представляется достаточно однообразнымъ и типическимъ и по мѣрѣ развитія культуры вообще уступаетъ мѣсто все болѣе сознательному и болѣе свободному примѣненію начала цѣлесообразности. Поэтому подчиненіе случаевъ подсознательнаго примѣненія цѣлеообразности причинно-закономѣрной правильности также не представляется правильнымъ и умѣстнымъ.

Наряду съ сознательно и подсознательно цѣлесообразными проявленіями соціальной жизни, къ послѣдней имѣютъ отношеніе явленія причиннаго порядка, принадлежащія преимущественно къ природѣ, и случайные факты. Что касается послѣднихъ, то опредѣленіе ихъ въ примѣненіи къ соціальной жизни не должно быть метафизическимъ или объективнымъ, но соціальнымъ[2]. Равнымъ образомъ, случайное имѣетъ вообще

---

[1]) Ср.: G. Rümelin. O. c. S. 3—6.

[2]) Это пониманіе случайности не противорѣчитъ болѣе общему опредѣленію ея у Cournot—если только оставить въ сторонѣ различеніе причинной и цѣлевой обусловленности: «Понятіе о случайности есть понятіе о совпаденіи фактовъ, раціонально другъ отъ друга независимыхъ,—совпаденіи, которое само по себѣ является только чистымъ фактомъ, которому нельзя приписать ни законности ни разумности». См.: В. Веретеннковъ. Случайность въ историческомъ процессѣ и статистическій методъ. Ж. М. Н. Просв. Ноябрь 1913 г. Стр. 23. Опредѣленіемъ случайности занимается также Ed. Meyer въ своемъ трудѣ: Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Перев. съ нѣм. А. Малинина. 1904. Стр. 15 сл., 19—26. Приводимые въ двухъ поименованныхъ трудахъ примѣры частью и представляютъ собою совпаденіе фактовъ причиннаго и цѣлевого порядка, но самыя опредѣленія случайности не отмѣчаютъ этого и, наряду съ общей каузальной точкой зрѣнія, имѣютъ отвлеченно-объективный характеръ, чуждый соціальной

своей противоположностью не необходимое, но причинно или телеологически обусловленное. Съ этой точки зрѣнія, случайнымъ въ соціальной жизни представляется каждое явленіе, соціально непредусмотрѣнное и непреднамѣренное. Сюда принадлежитъ именно совпаденіе фактовъ либо различнаго характера—частью цѣлевого, частью причиннаго, либо фактовъ цѣлевого характера, но не объединенныхъ общей телеологической связью. Вопросъ о случайности внѣ связи съ соціальной жизнью уже выходитъ изъ соціальной области или, если можетъ быть отнесенъ сюда, то лишь съ точки зрѣнія непостиженія причинной связи извѣстнаго явленія природы наукой, которая въ своемъ цѣломъ также принадлежитъ къ соціальной жизни, или культурѣ. По мѣрѣ развитія соціальной жизни соціальныя случайности, примѣромъ которыхъ могутъ быть также конъюнктуральныя обстоятельства, ограничиваются и вытѣсняются все болѣе строгимъ и полнымъ сознаніемъ и соблюденіемъ цѣлесообразности. Благодаря этому, желательныя случайности уступаютъ мѣсто преднамѣренному и, можетъ быть, болѣе своевременному достиженію того же или высшаго эффекта, а нежелательныя—предотвращаются или парализуются или же, по крайней мѣрѣ, смягчаются и отсрочиваются. Самое проявленіе случайностей не можетъ такимъ образомъ имѣть правильный характеръ.

Цѣлевая обусловленность соціальной жизни опирается на различнаго рода оцѣнки, соотвѣтственно отраслямъ культуры. Всѣ эти оцѣнки имѣютъ субъективно-соціальный характеръ[1], такъ какъ онѣ относятся къ средствамъ соціальной жизни, исходятъ отъ цѣлей соціальной жизни и выражаются въ соціальныхъ взаимоотношеніяхъ. Всѣ эти моменты исключаютъ возможность объективной причинности соціальныхъ явленій и объективной же закономѣрности ихъ[2].

жизни и исторіи въ частности. Болѣе правильное пониманіе случая въ исторіи даетъ A.-D. Xenopol. La théorie de l'histoire. 2 éd. 1908 p. 274 et suiv.

[1]) H. Rickert. Grenzen der naturwiss. Begriffsbildung. S. 573 f.

[2]) Правильно формулируетъ оспариваемое имъ въ области науки телеологическое воззрѣніе Dr. Max Adler. Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft. Marx-Studien. B. I. S. 212 f. Въ литературѣ противнаго направленія начинаютъ считаться уже съ распространяющимся телеологическимъ воззрѣніемъ. Такъ, O. Spann. Zur Logik der sozialwiss. Begriffsbildung (Festgaben für Fr.

Съ полной силой глубоко продуманной и тщательно разработанной идеи представилъ это W. Dilthey: «Человѣкъ находитъ въ своемъ самосознаніи суверенность воли, отвѣтственность за дѣйствія, способность подчинять все мыслямъ и сопротивляться всему въ замкѣ своей личной свободы, и этимъ онъ обособляетъ себя отъ природы въ цѣломъ. Въ дѣйствительности, онъ оказывается въ этой природѣ—пользуясь выраженіемъ Спинозы, какъ imperium in imperio. И такъ какъ для него существуетъ лишь то, что является фактомъ его мышленія, то въ этомъ, самостоятельно въ немъ дѣйствующемъ, духовномъ мірѣ заключаются всякая цѣнность, всякая цѣль жизни, въ осуществленіи духовныхъ актовъ—всякая цѣль его дѣятельности. Такъ выдѣляется изъ міра природы міръ исторіи, въ которомъ—въ общей связи объективной необходимости, что и есть природа—блистаетъ въ безчисленныхъ пунктахъ этого цѣлаго свобода; здѣсь акты воли дѣйствительно создаютъ нѣчто—въ противоположность тому механическому протеканію перемѣнъ въ природѣ, которое въ зачаткѣ содержитъ уже все, что въ немъ наступаетъ—чрезъ затрату своихъ силъ и свои пожертвованія, значеніемъ которыхъ индивидъ обладаетъ въ своемъ настоящемъ опытѣ, и вырабатываютъ развитіе въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ: въ своемъ сознаніи далеко отъ пустого и празднаго повторенія въ протеканіи природы, представленіемъ котораго, какъ якобы идеаломъ историческаго прогресса, упиваются идолопоклонники интеллектуальнаго развитія[1].

Выясненію дѣйствія причины и цѣли и различія между ними въ сферѣ соціальной жизни уже раньше этого поспособствовалъ въ особенности R. Ihering[2]. Признавая необходимость единства во всемъ мірѣ движущей силы, онъ признаетъ тако-

J. Neumann. 1905. S. 170) софистически разсуждаетъ: «Дѣло идетъ не о системѣ цѣлей, но о системѣ средствъ для данныхъ цѣлей—стало быть, не о цѣлевой связи, но о причинной связи средствъ. Обсужденіе цѣлей, конечныхъ человѣческихъ цѣлей, имѣетъ вообще философскій, а не соціально-научный характеръ». A. Voigt. Teleologische und objektive Volkswirtschaftslehre. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. N. F. IV J. H. 8/9 1913. S. 525. категорически заявляетъ: «Искорененіе телеологіи изъ національной экономіи есть практическая задача ея представителей. Лишь чрезъ это она можетъ стать наукой».

[1]) O. c., S. 7 f., 10 ff.

[2]) Der Zweck im Recht. B. I. 1877. 4 Aufl. 1904. Vorrede u. Kap. I, II.

вой силой не причину, но цѣль въ общемъ смыслѣ, по отношенію къ которой различаетъ, какъ частныя проявленія ея, законъ причинности и законъ цѣлевой. Первый дѣйствуетъ въ области неодушевленнаго міра, второй—для одушевленныхъ существъ. Оба закона объединены тѣмъ, что исполняютъ лишь то, что заложено въ нихъ конечной цѣлью. Не удовлетворяясь этимъ, исходящимъ изъ области вѣрованій, объединеніемъ причины и цѣли, Ihering сводитъ ихъ также и къ одному логическому началу въ видѣ общаго закона достаточнаго основанія или причинности, при чемъ различаетъ механическій законъ причинности и психологическій, или, иначе, цѣлевой. Въ качествѣ общаго условія приложенія цѣли указывается воля, которая предполагается также и у животныхъ, по крайней мѣрѣ, въ ея существенныхъ чертахъ, «за исключеніемъ самосознанія, которое и у человѣка можетъ длительно или кратковременно отсутствовать или не имѣть примѣненія». При этомъ цѣль вообще опредѣляется какъ «представленіе о томъ будущемъ, которое воля намѣревается осуществить». «Всюду въ природѣ, гдѣ жизнь достигаетъ духовнаго развитія, возникаетъ также и собственное попеченіе о жизни, самоопредѣленіе и самосохраненіе, т. е. воля и цѣль. Каждое живое существо поставлено для себя самого блюстителемъ, стражемъ и охранителемъ, и природа позаботилась о томъ, чтобы это не было скрыто отъ него и чтобы у него не было недостатка въ потребныхъ для рѣшенія этой задачи средствахъ». Быть можетъ, правильно утверждаетъ R. Ihering, хотя бы только относительно человѣка, а не животнаго также, что жизнь «есть обезпеченіе существованія собственною силою (volo, а не cogito, sum), жизнь есть практическое установленіе цѣлевой связи между внѣшнимъ міромъ и собственнымъ существованіемъ. Всѣ способности живого существа: ощущеніе, разумъ, память имѣютъ лишь одинъ смыслъ—помогать въ этомъ живому существу». «Также и дѣйствія по привычкѣ, при которыхъ ни о чемъ больше не думаютъ, суть цѣлевыя дѣйствія. Они представляютъ въ жизни индивида такое же явленіе, какъ въ жизни народа нравы и обычное право. У обоихъ, какъ индивида, такъ и народа, болѣе или

менѣе ясно сознаваемая или чувствуемая цѣль вызывала дѣйствія. но частое повтореніе того же дѣйствія по тѣмъ же поводамъ и съ тою же цѣлью въ такой мѣрѣ связало цѣль и дѣйствіе, что цѣль перестала быть замѣтнымъ для сознанія моментомъ волевого процесса». Ihering прекрасно представилъ значеніе воли и цѣлеполаганія въ жизни людей и въ отношеніи къ природѣ: «Человѣческая воля означаетъ границу царства природы; гдѣ начинается область первой, тамъ прекращается область послѣдней. Безконечная цѣпь причины и дѣйствія во внѣшнемъ мірѣ прерывается при каждомъ актѣ человѣческой воли; надъ нею имѣетъ власть не законъ причинности, но цѣлевой. Воля свободна по отношенію къ природѣ, она повинуется не ея закону, но своему собственному. Но въ то время какъ природа не имѣетъ власти надъ волею, воля имѣетъ власть надъ природою; послѣдняя должна повиноваться ей, если та этого хочетъ—каждый актъ человѣческой воли есть источникъ причинности для внѣшняго міра. Такимъ образомъ, волю можно назвать началомъ и концомъ причиннаго движенія въ природѣ—воля означаетъ возможность собственной причинности вопреки внѣшнему міру». «Внѣшнему міру извѣстно убѣжище воли, и онъ часто стучится грубою рукою въ ворота, требуя впуска: природа—посредствомъ голода и жажды, человѣкъ—съ помощью угрозъ и насилія. Но если только воля сама не откроетъ ему воротъ, осаждающій не войдетъ, и если замокъ охраняетъ твердая воля, то весь міръ можетъ штурмовать его и ничего не подѣлаетъ». «Правда, свидѣтелей слабости человѣческой воли можно исчислять милліардами, но и они не опровергаютъ нашего утвержденія; ибо послѣднее заключается не въ томъ, что внѣшнія вліянія косвенно (посредствомъ психологическаго давленія) не могутъ воздѣйствовать на волю, но въ томъ, что они не имѣютъ непосредственной (механической) власти надъ нею, или, что то же, что воля подчинена не закону причинности, но закону цѣли. Поэтому воля есть поистинѣ творческая, т. е. сама изъ себя созидающая сила въ мірѣ—такъ въ Богѣ, такъ, по его подобію, и въ человѣкѣ. Двигатель этой силы есть цѣль. Въ двухъ частицахъ quia и ut отражается

противоположность двухъ міровъ: quia—природа, ut—человѣкъ. Въ этомъ ut онъ имѣетъ притязаніе на весь міръ, ибо ut означаетъ возможность цѣлеотнесенія внѣшняго міра къ своему я, и этому отнесенію ни его я ни внѣшній міръ не ставятъ предѣловъ; съ этимъ ut Богъ отдалъ людямъ всю землю, какъ моисеева исторія сотворенія міра (кн. Бытія I, 26, 28) повѣствуетъ объ этомъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ Ihering признаетъ цѣль творческой силой и единственнымъ практическимъ источникомъ для всего права.

Изложенныя воззрѣнія знаменитаго германскаго юриста не свободны, конечно, отъ недостатковъ. Сюда принадлежитъ прежде всего чрезмѣрное сближеніе человѣка съ низшими животными, обладающими лишь инстинктомъ разума и воли и поэтому—лишь пассивнымъ выполненіемъ цѣлей существованія, исключающимъ возможность творческаго цѣлеполаганія и прогресса. Сюда же принадлежитъ и недостатокъ вниманія къ соціальному характеру человѣческаго существованія и дѣятельности, въ противность типическому существованію низшихъ существъ. Наконецъ, монистическія тенденціи автора въ конечномъ общемъ не обоснованы и чужды изслѣдуемому вопросу, который имѣетъ своимъ прямымъ началомъ лишь очевидную противоположность и обособленность природы и культуры. Тѣмъ не менѣе, эти воззрѣнія въ цѣломъ освѣщаютъ телеологическую идею, которой проникнута соціальная жизнь и въ ея составѣ—хозяйственная дѣятельность.

Не менѣе извѣстный представитель другой отрасли соціальной науки, Albert Schäffle, въ спеціально посвященной этому вопросу статьѣ, высказывается въ томъ же направленіи: «Соціальная жизнь не есть только слѣдствіе естественныхъ внѣшнихъ причинъ и непроизвольныхъ предшествующихъ внутреннихъ. Болѣе или менѣе, даже большею частью и культурно-исторически—въ возрастающей степени, она есть продуктъ дѣйствій, которыя эмпирически могутъ быть познаны, какъ произвольныя, какъ опредѣляемыя субъективными, индивидуальными и коллективными, представленіями цѣли»[1].

---

[1]) Zur Causalität und Teleologie in der Sozialwissenschaft. Zeischrift für die ges. Staatswiss. J. 36. H. 4. 1880. S. 644.

xi. Сила традиціи, возникшей чрезъ распространеніе основъ естествовѣдѣнія на весь кругъ наукъ, сдѣлала то, что идея соціальныхъ или собственно хозяйственныхъ законовъ представляется пользующейся широкимъ признаніемъ[1], а отрицаніе этихъ законовъ представляетъ въ наукѣ болѣе рѣдкое явленіе[2].

Къ болѣе раннимъ представителямъ этого воззрѣнія принадлежалъ Bruno Hildebrand. Въ своей замѣчательной и имѣющей важное значеніе въ исторіи развитія экономической науки, но недостаточно оцѣненной статьѣ «О современныхъ задачахъ науки національной экономіи», помѣщенной въ первомъ томѣ основаннаго имъ научнаго журнала, Hildebrand приходитъ между прочимъ къ тому заключенію, что «гипотеза, по которой также и хозяйственныя дѣйствія подчинены неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, не можетъ быть удержана»[3].

Почти одновременно съ этимъ W. Arnold, въ своемъ трудѣ о культурѣ и правѣ, исходилъ изъ противопоставленія наукъ естественныхъ и историческихъ—въ отношеніи объекта и метода ихъ. «Ибо гдѣ мы дѣлаемъ предметомъ нашего разсмотрѣнія внѣшнюю природу, мы имѣемъ дѣло съ необходимо дѣйствующими законами или ихъ причинной связью и лишь по сколько человѣкъ принужденъ признавать ихъ надъ собой, онъ становится объектомъ естественной науки; но въ исторіи, занимающейся проявленіями человѣческаго духа, прекращается исключительное господство естественныхъ законовъ. Какого бы мы ни были мнѣнія о конечномъ соотношеніи свободы и необходимости, мы должны признать свободную человѣческую волю, какъ соопредѣляющій факторъ, наряду съ обширной, можетъ быть, областью силъ, дѣйствующихъ, какъ естественные законы»[4].

Gustav Rümelin посвятилъ понятію соціальнаго закона двѣ

---

[1]) Это же воззрѣніе преобладаетъ также и у соціологовъ. См., напр.: Enquête sur la sociologie. Les documents du progrès. Février 1908.

[2]) Противное этому утвержденіе у П. Струве. Хозяйство и цѣна. Ч. I, стр. 57—61, есть, какъ будто бы, искусственный пріемъ для подкрѣпленія собственнаго воззрѣнія на естественный законъ въ политической экономіи.

[3]) Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. B. I. 1863. S. 25, 137.

[4]) Cultur und Rechtsleben. 1865. S. I f., 45; см. однако S. 97, гдѣ естественнымъ законамъ приписывается особое значеніе въ отношеніи къ политической экономіи.

академическихъ рѣчи, относящіяся къ 1867 и 1878 году. Въ первой[1] онъ высказался въ положительномъ смыслѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ свое опредѣленіе научнаго закона, правильно представивъ существо научнаго закона, но не уяснивъ истинное отношеніе между причинной обусловленностью вообще и научнымъ закономъ. Именно, онъ отвергаетъ обычное опредѣленіе закона, какъ «выраженія постоянной связи между причиной и слѣдствіемъ», такъ какъ, «если бы таковыя были законами, то мы обладали бы уже милліонами ихъ». Этого рода постоянныя соотношенія разсматриваются, какъ свойства вещей, какъ «постоянныя причинныя зависимости второстепеннаго характера», законъ же имѣетъ своей задачей отысканіе гораздо меньшаго числа болѣе общихъ первичныхъ причинъ. Законъ имѣетъ своимъ предметомъ «не конкретныя произведенія природы, какъ вода и огонь», но «силы, этотъ краеугольный камень чувственнаго воспріятія міра, столь же загадочное, какъ и необходимое понятіе, стоящее на рубежѣ между физикой и метафизикой. Объектъ закона суть постоянныя дѣйствія силъ». «Законъ есть поэтому выраженіе элементарнаго, постояннаго, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ познаваемаго въ своей основной формѣ образа дѣйствія силъ. Только по соображеніямъ цѣлесообразности вошло въ обыкновеніе говорить о законахъ и тогда, когда мы можемъ установить лишь самый фактъ, но не характеръ дѣйствія силъ, признавая однако эти законы, въ отличіе отъ истинныхъ, эмпирическими, т. е. несовершенными, какъ бы предварительными». «Въ законѣ сила проявляется, какъ ограниченная и связанная съ опредѣленнымъ постояннымъ образомъ дѣйствія. Законъ есть опредѣленіе силъ».

Опредѣляя соціальный законъ, какъ «выраженіе элементарной основной формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ», Rümelin изслѣдуетъ приложеніе этой идеи къ соціальной жизни и соціальнымъ наукамъ, при чемъ приходитъ къ очень осторожнымъ заключеніямъ. Онъ признаетъ вполнѣ соотвѣтствующими приведенному сейчасъ опредѣленію соціальнаго закона основныя положенія національной экономіи о движеніи цѣнъ

[1]) Reden und Aufsaetze. (1875). S. 1—31.

и заработныхъ платъ, о конкурренціи, о денежномъ обращеніи, но указываетъ, что явленія дѣйствительной жизни вслѣдствіе сложности своей представляютъ существенныя отклоненія отъ абстрактнымъ путемъ выведенныхъ научныхъ положеній. Въ особенно тѣсную связь Rümelin ставитъ соціальные законы къ статистикѣ, служащей частью къ отысканію, частью къ провѣркѣ и удостовѣренію ихъ. Онъ однако отрицательно относится къ понятію закона большихъ чиселъ, которые «ближайшимъ образомъ не выражаютъ ничего другого, какъ общественный, историческій фактъ». «Всѣ эти числа, какъ бы и въ какомъ бы порядкѣ ихъ ни ставить, никогда не будутъ ничѣмъ другимъ, какъ выраженіемъ фактовъ, какъ цѣннымъ матеріаломъ для характеристики народовъ, государствъ и временъ, какъ историческими свидѣтельствами весьма цѣннаго рода, какъ обильными свѣдѣніями для законодателя и государственнаго человѣка, для всѣхъ соціальныхъ наукъ, для каждаго мыслящаго». Въ особенности осторожно заключеніе цитируемаго ученаго относительно большихъ чиселъ въ области произвольныхъ дѣяній людей, какъ въ уголовной статистикѣ. «Трудно запутать въ болѣе плотный узелъ важныя истины съ болѣе легковѣсными и грубыми недоразумѣніями, нежели въ этомъ ряду мыслей», именно когда «эти постоянныя числа и отношенія, являющіяся лишь продуктомъ эмпирически данныхъ факторовъ, превращаются въ нѣчто реальное, въ господствующія силы, въ соціальные законы, которые управляютъ нравственной жизнью людей съ одинаковой силой, какъ рожденіе и смерть, какъ цѣны и заработныя платы». Результаты своихъ розысковъ соціальныхъ законовъ Rümelin признаетъ не крупными. «Тому требованію отъ соціальнаго закона, что онъ представляетъ постоянную основную форму для массоваго дѣйствія психическихъ силъ, повидимому, удовлетворяютъ лишь нѣкоторыя общія положенія національной экономіи относительно порядка и расчлененія хозяйственной жизни; но и этимъ, повидимому, не принадлежитъ безусловная сила, какъ основаннымъ на предположеніяхъ, что хозяйственныя отношенія находятся подъ дѣйствіемъ лишь непосредственно относящихся къ нимъ мотивовъ, и что не имѣетъ мѣста никакое вторженіе прочихъ

психическихъ силъ». Независимо отъ этого гипотетическаго характера соціальныхъ законовъ, они имѣютъ лишь условное значеніе въ виду того, что при устойчивости ихъ формы измѣняется ихъ сила подъ вліяніемъ происходящаго послѣдовательнаго внутренняго преобразованія соціальныхъ силъ. За всѣми приведенными ограниченіями и оговорками, Rümelin въ заключеніе признаетъ «лишь одинъ родъ великихъ и абсолютныхъ законовъ—законы развитія человѣчества, которые еще на необозримую даль научнаго познаванія будутъ сокрыты и доступны лишь для исполненной предчувствія вѣры». Онъ признаетъ также, въ качествѣ естественнаго закона нашей истинной природы, нравственный законъ, законъ прогресса, находящій себѣ измѣнчивое, соціальное осуществленіе въ законахъ государства.

Такой, по существу, ограничительный выводъ по вопросу о соціальныхъ законахъ представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что Rümelin исходилъ изъ облегченнаго понятія соціальнаго закона, какъ формы, а не формулы массоваго дѣйствія соціальной силы. Что касается непознаваемыхъ законовъ развитія, то это есть необоснованная и не имѣющая научной цѣнности гипотеза. Наконецъ, законъ прогресса перестаетъ быть закономъ, какъ только выяснены лежащіе въ основѣ его факторы, каковыми представляются разумность человѣка, соціальное существованіе людей и телеологическая основа послѣдняго.

Несмотря на столь скромныя положительныя признанія въ пользу соціальныхъ законовъ въ первой рѣчи о нихъ, Rümelin въ позднѣйшей рѣчи на эту тему, произнесенной спустя 11 лѣтъ[1], нашелъ нужнымъ отказаться отъ этихъ своихъ прежнихъ признаній. «Въ теченіи ряда лѣтъ я не упускалъ изъ вида», говоритъ онъ теперь, «задачу найти такого рода законы и искалъ ихъ не только въ статистикѣ и обществовѣдѣніи, но и у историковъ и философовъ. Я встрѣтилъ при этомъ многочисленныя правила и однообразія, основанныя на опытѣ положенія обширнаго значенія, ясныя и вѣрныя причинныя отно-

[1]) Ueber Geseze der Geschichte (1878). Reden und Aufsätze. Neue Folge. 1881. S. 118—148.

шенія, но никогда—положеніе, соотвѣтствующее той формулѣ закона, которая представила бы выраженіе постоянной и непремѣнной основной формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ». Такой результатъ объясняется имъ тѣмъ, что въ противоположность физическому міру, въ психическихъ явленіяхъ отсутствуетъ точная количественная соразмѣрность и возможность безусловнаго и безошибочнаго дѣйствія закона, типическое же и нормальное здѣсь такъ пересѣкается и осиливается индивидуальнымъ, что можетъ мыслиться лишь, какъ идеалъ или фактическая средняя, опредѣляемая статистическимъ путемъ. Уже законы мышленія не имѣютъ абсолютнаго характера и представляютъ «лишь правила, которыми внимательное, не впавшее въ ошибку, направленное лишь къ познанію истины, мышленіе непроизвольно руководится и должно руководиться, если желаетъ достичь истины и убѣдить въ томъ другихъ.» «Но и это уже значительно измѣненное и ослабленное понятіе закона, мы должны, кажется, оставить, если мы перейдемъ изъ области знанія въ область воленія. Говоря о законахъ человѣческой воли, мы сейчасъ предполагаемъ нѣчто разнообразное и несравнимое, и не законы, господствующіе фактически надъ нашей волей, хотя бы по аналогіи съ законами мышленія, а нормы и предписанія, которымъ мы должны бы слѣдовать, но которымъ мы одинаково можемъ слѣдовать или не слѣдовать». Далѣе проводится въ данномъ отношеніи весьма существенная мысль о необходимости параллелизма между идеями психологическаго и историческаго индетерминизма или обратнаго ему детерминизма и необходимости. «Но вообще духовныя науки», высказывается далѣе, «не могутъ измѣряться масштабомъ, имѣющимъ примѣненіе къ естественнымъ наукамъ. Гдѣ привходитъ идея свободы, проникающая и преодолѣвающая всѣ элементы природы, тамъ измѣняются также методы и идеалы знанія. Отдѣльное и индивидуальное становится здѣсь однократнымъ и неповторяемымъ, которое заключаетъ свое значеніе въ самомъ себѣ и не выступаетъ, какъ простой примѣръ общаго». Rümelin указываетъ затѣмъ лишь на эмпирическій законъ прогресса человѣчества, какъ конечный итогъ всего историческаго изслѣдованія, но

противопоставляетъ этому, что принятіе мірового закона нравственнаго прогресса не представляется ни логически необходимымъ, ни допустимымъ съ точки зрѣнія свободы воли, ни доказуемымъ. Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ онъ заключаетъ, что въ исторіи «не имѣется естественныхъ законовъ, которые выражали бы необходимое долженствованіе (ein Müssen), неуклонное соотношеніе познаваемыхъ условій и слѣдствій». Но въ полной дисгармоніи со всѣмъ этимъ и какъ бы повторяя взглядъ, выраженный въ заключительной части предшествующей рѣчи, Rümelin въ заключеніе говоритъ о естественныхъ этическихъ законахъ нашей истинной идеальной природы.

По существу свободенъ отъ идеи научной закономѣрности въ области хозяйственной жизни и, напротивъ, проводитъ въ ней телеологическую идею одинъ изъ наиболѣе выдающихся экономистовъ-теоретиковъ—A. Schäffle[1].

H. Roesler[2] признавалъ по отношенію къ народному хозяйству лишь законы и нормы, устанавливаемые общественной жизнью.

Изъ числа современныхъ представителей экономической науки и статистики противъ идеи естественной закономѣрности соціальной жизни высказываются въ особенности J. Conrad и W. Lexis. Какъ замѣчаетъ объ этомъ въ своемъ, получившемъ чрезвычайное распространеніе, курсѣ первый изъ нихъ, «старая школа полагала, что она нашла общезначимые естественные законы хозяйства. Наблюденіе показало, что эти, такъ называемые законы были лишь правилами, дѣйствительными для опредѣленнаго времени и мѣста. Старый соціализмъ существенно способствовалъ тому, чтобы поколебать это воззрѣніе». «Благодаря новому, компромиссному направленію, получило общее признаніе, что задачею нашей науки не служитъ познаніе всеобщихъ естественныхъ законовъ въ хозяйственной жизни. Ибо она слишкомъ сложна; всегда дѣйствуетъ совмѣстно столь большое число факторовъ, что изолированіе ихъ возможно лишь весьма рѣдко. Съ другой стороны, основа этой жизни—человѣкъ со своими потребностями и способно-

[1]) Das Gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. 3 A. 1873.
[2]) Vorlesungen über Volkswirthschaft. 1878. Einleitung. I. § 4.

стями, на протяженіи времени подверженъ такимъ перемѣнамъ, что каждая культурная ступень должна обнаруживать иныя явленія, и тѣ же естественныя причины, тѣ же политическіе моменты, тѣ же законодательныя мѣропріятія могутъ дѣйствовать совершенно различнымъ образомъ»[1].

Въ этомъ же смыслѣ высказывается по этому вопросу въ своемъ теоретическомъ курсѣ W. Lexis[2]. «Народнохозяйственная теорія не предвидитъ, какъ, напр., астрономическая, опредѣленныя явленія, но представляетъ предвидѣніе осуществимыхъ возможностей въ формѣ: «если различныя возможныя обстоятельства наступятъ, то произойдетъ то или то». Эта теорія основывается, стало быть, на всестороннемъ познаніи фактическихъ хозяйственныхъ состояній и явленій. Однако, въ ней имѣетъ свои права также и абстракція, но только она не должна служить въ качествѣ удобнаго замѣстителя познанію дѣйствительныхъ фактовъ. Допуская «абстрагированіе отъ множества частностей и, съ другой стороны, своего рода интуитивное проникновеніе въ общую связь явленій, даваемую экономическимъ раціонализмомъ», Lexis ограничиваетъ значеніе этой обстрактной схемы «лишь методологическимъ руководствомъ для представленія могущихъ проявиться въ дѣйствительности комбинацій» и отвергаетъ какія-либо «иллюзіи относительно значенія абстрактныхъ «законовъ» народнаго хозяйства для познанія дѣйствительности».

Болѣе детально разсматриваетъ W. Lexis вопросъ о законѣ въ своей спеціальной статьѣ[3]. Въ его подлинномъ значеніи законъ опредѣляется здѣсь, какъ «руководящее указаніе для человѣческой воли». О законахъ логическихъ или математическихъ можно говорить лишь въ переносномъ смыслѣ. Такой же метафорическій характеръ имѣетъ и понятіе естественнаго закона. «Подъ все болѣе усиливающимся вліяніемъ естественно-научнаго міровоззрѣнія, понятіе естественнаго закона, первоначально метафорическимъ путемъ выведеннаго изъ волевого закона, дѣлается самостоятельнымъ и затѣмъ

---

[1]) Grundriss zum Studium der polit. Ökonomie T. I. 4 Aufl. § 115. S. 386 f.
[2]) Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 1910 S. 21.
[3]) Art. Gesetz. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. IV. S. 727—732.

въ свой чередъ переносится на явленія человѣческой жизни». «Какъ физическій организмъ, человѣкъ, несомнѣнно, также подлежитъ такимъ законамъ; но пытались удостовѣрить господство формулъ, на подобіе естественныхъ законовъ, также и надъ человѣческими дѣйствіями, которыя, безъ сомнѣнія, опредѣляются индивидуальною волею». «Это воззрѣніе было вызвано наблюденіемъ однообразія и правильности въ извѣстныхъ массовыхъ явленіяхъ общественной жизни людей, въ особенности же статистическимъ установленіемъ приблизительнаго постоянства численныхъ отношеній, въ которыхъ выступаютъ извѣстныя явленія въ обширномъ населеніи. Такое постоянное численное отношеніе казалось представляющимъ какъ бы прямую аналогію съ естественнымъ закономъ». «Это заключеніе по аналогіи», говоритъ Lexis, «однако, неосновательно, ибо при наблюденіи большихъ рядовъ приблизительно то же численное отношеніе для извѣстныхъ дѣйствій можетъ выступить просто, какъ почти неизмѣнный результатъ совпаденія отдѣльныхъ случаевъ—безъ того, чтобы при этомъ должно было существовать какое-либо господствующее или руководящее вліяніе, направленное къ достиженію именно этого численнаго отношенія. «Признавая важность научнаго изслѣдованія этихъ правильностей въ массовыхъ общественныхъ явленіяхъ, Lexis отрицаетъ однако наличіе закона въ массовыхъ правильностяхъ, даже если бы они относились къ такому явленію, какъ средняя годовая температура Берлина, такъ какъ «здѣсь есть на лицо лишь результатъ эмпирическаго существованія запутаннаго комплекса условій и причинъ», естественный же законъ есть «опредѣленно констатированная норма для неразложимаго далѣе основнаго явленія или для сосуществованія многихъ основныхъ явленій». Исходя отъ нормальнаго постоянства въ массовыхъ явленіяхъ не связанныхъ, Lexis допускаетъ повышенное постоянство въ соціальныхъ явленіяхъ, регулируемыхъ строго проводимыми волевыми законами, но вообще приписываетъ соціальнымъ массовымъ явленіямъ меньшее постоянство, нежели массовымъ явленіямъ не связаннымъ. Въ заключеніе Lexis отрицательно высказывается объ экономическихъ и историческихъ законахъ. «Когда

говорятъ объ особыхъ народнохозяйственныхъ законахъ, то подъ ними разумѣютъ либо общія положенія о хозяйственномъ поведеніи отдѣльныхъ людей, либо общія заключенія изъ предположенія, что множество людей, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ для себя по извѣстнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, находится въ сношеніи и соревнованіи между собою». Указывая на разнообразіе въ мотивахъ дѣятельности людей и—можно было бы къ этому прибавить, въ силѣ дѣйствія мотивовъ—и на чрезвычайную сложность дѣйствительныхъ отношеній въ жизни, Lexis присоединяетъ къ этому, что «если бы даже законъ дѣйствительно исполнился, то не получилось бы ничего больше, какъ предусмотрѣнный результатъ совмѣстной дѣятельности многихъ людей на основаніи извѣстныхъ, согласно опыта преобладающихъ у нихъ, мотивовъ». Противъ понятія историческихъ законовъ Lexis возражаетъ, указывая на индивидуальность всего дѣйствительно историческаго, при чемъ и «народная жизнь, какъ массовое явленіе, развивается тѣмъ индивидуальнѣе и исключительнѣе во времени, чѣмъ выше восходитъ культурное развитіе».

По вопросу о массовыхъ соціальныхъ явленіяхъ въ ихъ отношеніи къ т. н. закону большого числа A. Wirminghaus[1] указываетъ на то, что въ этихъ большихъ числахъ соціальныхъ явленій представляютъ интересъ не эти правильности, но именно уклоненія и колебанія, вызываемыя опредѣленными существенными причинами, выясненіе которыхъ и представляетъ задачу статистическаго изслѣдованія[2].

Примыкая къ этому, можно признать формулу большого числа лишь внѣшней формой представленія массовыхъ явленій, заимствуемой изъ математической теоріи вѣроятности, въ которой дѣло идетъ о совершенно однородныхъ массовыхъ явленіяхъ. Нѣкоторое приближеніе къ нимъ представляютъ и массовыя соціальныя явленія—въ виду нѣкоторой однородности ихъ и извѣстной устойчивости внѣшнихъ, постороннихъ

---

1) Art. Theorie der Massenerscheinungen. Wörterbuch der Volksvirtschaft. 3 Aufl. B. II. S. 366 f.

2) Въ этомъ же смыслѣ, съ присоединеніемъ цитатъ изъ противоположныхъ воззрѣній и остроумной критики на нихъ, высказывается A.-D. Xenopol. La Théorie de l'Histoire. 2 éd. 1908. P. 371 et suiv.

условій ихъ. Эти предположенія нѣкоторой однородности изслѣдуемой группы соціальныхъ фактовъ и ихъ условій представляются, вообще говоря, настолько естественными, что не нуждаются для своего объясненія въ особыхъ научныхъ законахъ. Что касается уклоненій отъ той нормы постоянства, которая указывается математической теоріей вѣроятности, то они и должны представлять объектъ соціальныхъ изслѣдованій массовыхъ и детальныхъ, но вообще недостаточно привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, недостаточно избѣгающихъ своего рода circulus vitiosus, образуемый изученіемъ однородныхъ явленій и констатированіемъ ихъ нѣкоторой однородности въ формѣ извѣстнаго постоянства относящихся къ нимъ большихъ чиселъ.

E. Philippovich[1] въ своемъ курсѣ обходится безъ этой идеи соціальныхъ или же хозяйственныхъ законовъ.

Категорически высказывается по этому вопросу Werner Sombart: «Изслѣдованіе природы завершается закономъ: законъ есть знаніе. Законъ есть математическая формулировка, которая правильную послѣдовательность явленій природы путемъ точнаго примѣненія измѣримыхъ величинъ приводитъ къ идейному единству такимъ образомъ, что ни одинъ феноменъ не остается упущеннымъ и является возможность подведенія отдѣльныхъ случаевъ подъ общее правило. Существуютъ ли такіе законы для міра людей, находимся ли мы на пути къ отысканію ихъ, есть ли у насъ малѣйшій способъ къ тому? Отвѣтъ: нѣтъ. Этого рода законы, которыми мы располагаемъ въ области національной экономіи, суть лишь замаскированные законы природы, какъ, напр., законъ убывающей производительности почвы. Не существуетъ ни одного закона, въ какой бы области онъ ни проявлялъ свое дѣйствіе, который бы господствовалъ надъ человѣчествомъ и, стало быть, былъ бы дѣйствителенъ всегда и во всѣхъ случаяхъ.» «Какъ можно было бы представить законъ, имѣющій всеобщее значеніе,

[1]) Grundriss der politischen Oekonomie. B. I. 10 Aufl. 1913. Есть упоминаніе о своеобразныхъ законахъ, которымъ подлежитъ обработка почвы (S. 36.). Сверхъ того, къ задачамъ экономической науки Philippovich относитъ выясненіе регулярности экономическихъ фактовъ, приписывая таковую планомѣрному, сознательному вмѣшательству человѣка въ ходъ развитія. (§ 16. S. 42).

тогда какъ объектъ (содержаніе) и силы въ человѣческой исторіи безпрерывно мѣняются?»[1].

R. Stammler отрицаетъ возможность соціальныхъ и собственно экономическихъ законовъ, но устанавливаетъ идею закономѣрности соціальной жизни въ связи съ дѣйствующей системой права. «Невозможно дать», говоритъ онъ, «отдѣльные національно-экономическіе научные тезисы, которые были бы необходимы, общезначимы и независимы отъ измѣнчиваго содержанія особыхъ правовыхъ системъ»[2]. По поводу предполагавшихся К. Марксомъ «имманентныхъ законовъ» процесса обращенія денегъ и товаровъ, какъ основы для дальнѣйшаго развитія соціальнаго познанія капиталистическаго порядка производства Stammler замѣчаетъ: «Такой строгой закономѣрности можно было бы достичь развѣ, если бы причинность человѣческихъ дѣйствій, осуществляющихъ мѣновый процессъ и обращеніе товаровъ, была уже точно познана. Но этого нѣтъ, и едва ли можно было бы этого достичь. «Причинность актовъ человѣческой воли ускользаетъ отъ точнаго научнаго констатированія. Математическая основа здѣсь невозможна, и средства экспериментированія оказываются непримѣнимыми». «Обобщеніе выступающихъ здѣсь соціальныхъ явленій въ немногіе объединяющіе законы представляется всегда въ высшей степени проблематичнымъ»[3]. Stammler признаетъ лишь телеологическо-закономѣрное опредѣленіе и направленіе соціальной жизни чрезъ примѣненіе правового принужденія[4].

Въ этомъ же смыслѣ высказываются слѣдующіе воззрѣніямъ R. Stammler'a, W. Ed. Biermann и Karl Diehl. Biermann указываетъ на непослѣдовательность исторической школы экономистовъ, не отказавшихся отъ идеи экономическихъ законовъ и лишь намѣтившихъ иной путь къ исканію ихъ. Biermann отрицаетъ возможность контраста въ этомъ отношеніи между теоріей соціальной жизни и исторіей, а въ понятіи историческаго закона видитъ contradictio in adjecto[5].

---

[1]) Das Lebenswerk von Karl Marx. 1909. S. 42 ff.
[2]) Wirtschaft und Recht. 2 Aufl. § 36 S. 211 f.
[3]) § 51 S. 285.
[4]) § 101 S. 545 ff.
[5]) Sozialwissenschaft, Geschichte und Kulturwissenschaft. Jahrbücher für

Съ гносеологической точки зрѣнія онъ признаетъ гораздо болѣе научнымъ въ критическомъ самоограниченіи отрицать законы, гдѣ они по своему характеру непознаваемы, нежели принимать ихъ, и такимъ образомъ отвергаетъ понятіе закономѣрности, какъ общій критерій науки[1].

Diehl не менѣе рѣшительно заявляетъ: «Я не могу примкнуть къ воззрѣнію Вагнера о существованіи хозяйственныхъ «законовъ» даже въ этой осторожной формулировкѣ; не существуетъ ни одного хозяйственнаго закона, и должно было бы быть прямою задачею экономиста серьезно предостерегать противъ принятія такихъ законовъ, вмѣсто того чтобы постояннымъ повтореніемъ о существованіи такихъ законовъ сообщать нашей наукѣ степень точности, которой она по своему характеру не можетъ имѣть. Мнѣ представляется также неправильнымъ предполагать здѣсь лишь споръ о словахъ; здѣсь идетъ дѣло о точномъ установленіи значенія знаній, достигаемыхъ нашей наукой; они не могутъ претендовать на закономѣрность»[2]. Въ своей вступительной рѣчи 1909 г. K. Diehl отрицательно высказывается о попыткахъ абстрактно-теоретической школы К. Менгера къ выведенію «хозяйственныхъ законовъ» изъ эгоизма или изъ поведенія homo oeconomicus. «Эта предпосылка слишкомъ узка, какъ и предпосылка т. н. системы конкуренціи слишкомъ неопредѣленна, чтобы имѣть возможность развить отсюда ясныя и безупречныя закономѣрности». «Построеніе такихъ «законовъ» ведетъ къ представленію, что будто бы существуетъ какое-то «нормальное» народное хозяйство и что хозяйственныя явленія, не согласующіяся съ «закономъ», представляютъ уклоненія отъ нормы». Вмѣстѣ съ тѣмъ K. Diehl указываетъ на то, что и германская историческая школа отнюдь не отвергаетъ существованія національно-экономическихъ законовъ: «Главные представители исторической школы, хотя и съ инымъ обоснованіемъ,

---

Nationalökon. u. Stat. 1904. B. 28. H. 5. S. 593 f., 600; Beilage zur Allgemeinen Zeitung. J. 1903. № 143. S. 502.

[1]) W. Wundt und die Logik der Sozialwissenschaft. Jahrbuecher fuer Nat-Oekon. und Stat. 1903. B. 25. H. 1. S. 62. Anm. 3.

[2]) Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. III Folge. B. 24. 1902. S. 94 f. См. того же автора и въ томъ же журналѣ: B. 28. 1904. S. 823 ff.

нежели классическая національная экономія, но оттого не менѣе энергично, признали существованіе экономическихъ законовъ. Нѣкоторые представители прямо обосновали новую «естественную теорію народнаго хозяйства»[1].

Въ американской экономической литературѣ выступилъ противъ идеи законовъ культурнаго развитія, экономическихъ или иныхъ, Thorstein Veblen, ставящій въ связь съ принятіемъ ихъ относительную безплодность въ теоретическомъ отношеніи исторической школы германскихъ экономистовъ[2].

Во французской литературѣ Émile de Laveley (Liège) отрицалъ идею естественныхъ законовъ соціальной жизни: «Вообще называютъ экономическіе законы естественными законами; это—ошибка. Законы природы, какъ, напр., тяготѣнія или химическаго сродства, падаютъ на человѣка, какъ и на остальную вселенную. Должно стараться узнать ихъ, чтобы извлечь изъ этого пользу, какъ это достигнуто уже въ большинствѣ промышленныхъ отраслей и особенно въ примѣненіи пара и электричества. Но законы, которыми спеціально занимается политическая экономія, не суть законы природы; они предписываются законодателемъ. Онъ извлекаетъ пользу изъ первыхъ—повинуясь имъ, и изъ вторыхъ—улучшая ихъ. Одни ускользаютъ отъ воли человѣка, другіе проистекаютъ изъ нея»[3].

Въ новѣйшее время B. Nogaro высказалъ, что для возвышенія соціальныхъ наукъ хотя бы до уровня достовѣрности, достигнутаго т. н. точными науками, единственнымъ средствомъ представляется отказаться отъ метода констатированія соціальныхъ отношеній и отъ концепцій, основанныхъ на методѣ естественныхъ наукъ и перейти къ выясненію содержанія соціальныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что законъ Грешама—единственный, сохранившійся изъ всей классической системы—отчасти потерялъ въ своемъ

[1]) Die Bedeutung der wissensch. Nationaloekonomie fuer die praktische Wirtschaftspolitik. Ibidem. 1909. März. B. 37. H. 3. S. 303 f. Едва ли поэтому есть основаніе говорить о крушеніи идеи естественнаго закона въ политической экономіи, какъ это дѣлаетъ П. Струве. Хозяйство и цѣна. Ч. I Отд. I. Гл. II.

[2]) Quarterly Journal of Economics. Vol. XVI № 1. Nov. 1901: Gustav Schmollers Economics.

[3]) Éléments d'économie politique. 2-e éd. 1884. L. I. ch. II § 8 P. 16 et suiv.

авторитетѣ и что «быть можетъ, болѣе не дѣлается попытокъ признанія законовъ связи феноменовъ, которые перестаютъ имѣть въ себѣ нѣчто таинственное. Но чрезъ то составляютъ себѣ болѣе правильное представленіе о характерѣ отношеній, который должна установить экономическая теорія»[1].

Отрицательный взглядъ на соціальные или собственно экономическіе законы, необходимо вытекающій изъ телеологическаго воззрѣнія и проводимый цитированными сейчасъ экономистами, не раздѣляется вообще большинствомъ экономистовъ. Преобладаютъ въ современной наукѣ мнѣнія половинчатаго характера о законахъ измѣняющихся, относительныхъ, допускающихъ изъятія или представляющихъ лишь тенденціи. Этого рода воззрѣнія не имѣютъ строго научнаго характера и представляютъ лишь компромиссъ между старой, подвергшейся критикѣ, теоріей и ея, во всякомъ случаѣ не лишенной убѣдительности, критикой.

Прежняя вѣра въ научные законы также и въ области соціальной науки, въ ихъ истинность и ихъ значеніе въ качествѣ конечнаго идеала научнаго знанія во всякомъ случаѣ поколеблены. Charles Gide,— придерживающійся въ этомъ вопросѣ упрочившагося воззрѣнія и утверждающій, что назначеніемъ науки является открытіе необходимыхъ соотношеній между объектами ея изученія, называемыхъ законами и основанныхъ на статистическихъ среднихъ, которыя показываютъ поведеніе людей, разсматриваемыхъ въ массѣ,—дѣлаетъ характерное въ этомъ отношеніи замѣчаніе: «Впрочемъ, въ послѣдніе годы вѣра въ необходимость, т. е. въ послѣдовательную связь (un enchaînement) всѣхъ феноменовъ, которая не могла бы быть иной и которую достаточно сильный умъ могъ бы вмѣстить, для всѣхъ этихъ отношеній, въ формулы, значительно ослабѣла въ наукѣ, и вѣра въ нѣкоторую случайность, т. е. въ существованіе многихъ путей, открытыхъ для эволюціи и непредусмотримыхъ, какъ одинаково возможные, не представляется болѣе несогласимой съ истинной наукой»[2].

---

[1]) Revue d'économie politique. Octobre 1908. P. 668, 673 et suiv.
[2]) Cours d'économie politique. 2 éd. 1911. P. 7 note.

12. Вопросъ объ экономическихъ понятіяхъ и установленіяхъ привлекъ къ себѣ мало вниманія, какъ въ экономической, такъ и въ соціальныхъ наукахъ вообще. При этомъ болѣе подробно разработали его Carl Menger и Rudolph Stammler въ тенденціозномъ направленіи, для обоснованія своихъ теоретическихъ воззрѣній, которыя, какъ постараемся показать, не могутъ быть признаны правильными.

Carl Menger[1] относитъ къ соціальнымъ феноменамъ такого рода, какъ экономическія, такъ и внѣ-экономическія явленія —деньги, рынки, цѣны, проценты, земельныя ренты, рабочія платы и съ другой стороны—право, обычай, языкъ, государство и тысячу другихъ явленій соціальной жизни вообще и народнаго хозяйства въ частности[2]. Опредѣляя феномены народнаго хозяйства, какъ отнюдь не непосредственныя жизненныя проявленія всего даннаго народа, но какъ результирующую всѣхъ безчисленныхъ единично-хозяйственныхъ стремленій въ народѣ, онъ и разсматриваетъ ихъ съ такой единично-хозяйственной точки зрѣнія[3]. Необходимость соотвѣтствія хозяйственныхъ институтовъ и нормирующихъ законовъ съ данными историческими условіями признается при этомъ существенной лишь въ примѣненіи къ практическимъ наукамъ, какъ экономическая политика[4]. Эти, служащіе для общественнаго благополучія и чрезвычайно важные для его развитія, институты возникаютъ, развиваются и преобразуются. Возникаютъ они либо безъ акта общей соціальной воли, благодаря лишь импульсу индивидуальныхъ стремленій, или, говоря иначе, путемъ «органическаго» процесса образованія, либо путемъ сознательной дѣятельности публичной власти, направленной къ извѣстнымъ соціальнымъ цѣлямъ, либо, наконецъ, нерѣдко совмѣстнымъ дѣйствіемъ обоихъ указанныхъ факторовъ[5]. Menger признаетъ абсурдной теорію, видящую въ соціальныхъ институтахъ нѣчто первоначальнѣйшее, какъ бы природный

---

[1]) Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Перев. съ нѣм.

[2]) Стр. 153, 169.

[3]) Стр. 82.

[4]) Кн. II гл. III.

[5]) Стр. 152, 135, 169 сл.

продуктъ народной жизни[1]. Отдавая рѣшительное преобладаніе «органическому» происхожденію соціальныхъ институтовъ, Menger заключаетъ, что этому соотвѣтствуетъ точное направленіе теоретическаго изслѣдованія съ индивидуальной и вмѣстѣ съ тѣмъ типической точки зрѣнія[2].

Изложенныя сейчасъ воззрѣнія представляютъ однако рядъ существенныхъ недостатковъ. Прежде всего, наряду съ отдѣльными феноменами хозяйственной жизни указываются цѣлыя отрасли культурной жизни, какъ право, языкъ, государство. Затѣмъ, рѣзко противопоставляются, по самой природѣ, «органическое» и государственное происхожденіе институтовъ, при чемъ въ первомъ результирующая безчисленныхъ единично-хозяйственныхъ стремленій разсматривается, какъ простая совокупность ихъ, не пріобрѣтающая соціально-цѣлевого характера, несмотря даже на необходимость соотвѣтствія ихъ съ историческими условіями и важность для общественнаго благополучія. Но уже независимо отъ абсурдности индивидуалистическаго представленія соціальныхъ институтовъ, само по себѣ индивидуальное есть элементъ соціальной жизни, соціальное явленіе, и имѣетъ соціальный характеръ, въ противность не-индивидуальному, типическому въ природѣ и естествознаніи; естественно-научные методы изученія здѣсь такимъ образомъ неприложимы. Наконецъ, представляется произвольнымъ заключеніе, что народно-хозяйственныя явленія обыкновенно являются непреднамѣреннымъ результатомъ стремленій индивидовъ къ ихъ собственнымъ интересамъ.

R. Stammler[3] опредѣляетъ экономическіе феномены, какъ однородныя массовыя проявленія соціально-урегулированныхъ отношеній между людьми, при данныхъ условіяхъ необходимо существующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образующихъ необходимое условіе познанія соціальной жизни. Образованіе соціально-экономическихъ феноменовъ совпадаетъ съ конкретнымъ осуществленіемъ данной соціальной жизни и можетъ быть вполнѣ выяснено лишь путемъ опредѣляющихъ эмпири-

---

[1]) Стр. 156.
[2]) Стр. 171.
[3]) Witfschaft und Recht. 2 Aufl. §§ 44, 45, 50, 51, 52, 54, 58.

ческихъ основаній данной человѣческой дѣятельности. «Экономическіе феномены не представляютъ собою что-либо самостоятельное и независимое отъ соціальнаго регулированія; они не суть соціально-естественныя образованія; они выступаютъ не вслѣдствіе «элементарнаго дѣйствія экономическихъ силъ» самихъ по себѣ». Соціальная жизнь знаетъ какъ преобразованія, такъ и новообразованія соціально-экономическихъ феноменовъ, а затѣмъ и исчезновенія ихъ. «Образованіе соціально-экономическихъ феноменовъ происходитъ чрезъ посредство человѣческихъ поступковъ». Отдѣльные экономическіе феномены соединяются въ сложныя составныя образованія. Соотношенія различныхъ соціально-экономическихъ феноменовъ могутъ лишь съ натяжкой быть подведены подъ отношеніе причины и слѣдствія и вовсе не поддаются подведенію подъ естественно-научную категорію причинности. Всѣ движенія соціальной жизни осуществляются лишь чрезъ посредство соціальныхъ феноменовъ. Предшествующая соціальная жизнь порождаетъ соціальные феномены, представляющіе собою конкретное осуществленіе урегулированной соціальной жизни, но также и стремленія къ измѣненію соціальнаго порядка. «Исторія представляетъ такимъ образомъ постоянный круговоротъ, въ которомъ общественные феномены вызываютъ новообразованіе соціальнаго порядка и этотъ въ свою очередь дѣлаетъ возможными другіе соціальные феномены». Окончательную отвѣтственность за соціальные феномены Stammler приписываетъ законодательству, такъ какъ оно регулируетъ въ томъ, а не въ иномъ, направленіи жизненныя побужденія индивидовъ». Наличіе нежелательныхъ соціальныхъ явленій, если только они не могутъ быть устранены безъ этого, вызываетъ измѣненіе соціальнаго порядка. Вопросу о классификаціи соціальныхъ явленій Stammler придаетъ особенно важное значеніе. При этомъ въ составѣ соціальныхъ феноменовъ онъ отмѣчаетъ и отрицательные феномены, къ которымъ принадлежатъ массовыя проявленія неосуществленія возможныхъ отношеній или нарушеній соціальнаго регулированія. Въ качествѣ примѣровъ этихъ отрицательныхъ феноменовъ указываются проституція, торговля

опіумомъ, чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня.

Приведенный очеркъ воззрѣній вышепоименованныхъ авторовъ по вопросу о соціальныхъ феноменахъ показываетъ, что они правильно оцѣнили жизненное и научное значеніе этихъ феноменовъ, но при этомъ тенденціозно использовали его для обоснованія своихъ теорій. Главнѣйшая погрѣшность Штаммлера въ данномъ отношеніи заключается въ предположеніи, что существуютъ лишь экономическіе и никакіе другіе феномены. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, массовыя соціальныя взаимоотношенія заключаютъ въ себѣ какъ экономическую, такъ и иныя стороны, и въ научномъ представленіи абстрагируются въ соотвѣтствующіе односторонніе феномены. Въ этомъ смыслѣ послѣдніе образуютъ экономическій строй, государственный строй, правопорядокъ и т. д. Противопоставленіе соціальныхъ феноменовъ и соціальнаго строя представляется поэтому неправильнымъ.

G. Rümelin[1], въ своей первой рѣчи о понятіи соціальнаго закона, какъ постоянной основной формы дѣйствія силы, указывалъ, что политическая экономія получила въ результатѣ своихъ дедуктивныхъ изысканій «цѣлый рядъ простыхъ основныхъ понятій цѣнностей, цѣнъ, заработныхъ платъ, труда, капитала, ренты, денегъ, кредита».

A. Schäffle отмѣтилъ значеніе относящихся сюда установленій въ народномъ хозяйствѣ. Но онъ не вполнѣ отграничивалъ экономическую сторону этихъ институтовъ отъ публично- и частно-правовой. «Наши», утверждалъ онъ, «дѣйствительно народнохозяйственныя пріобрѣтенія соціальной организаціи нельзя цѣнить слишкомъ низко. Сюда принадлежатъ положенія публичнаго и частнаго права о трудѣ и услугахъ, о господствѣ надъ вещественными благами и обращеніи благъ. Мы видимъ предъ собой разнообразнѣйшія дѣйствія экономической политики и экономической полиціи относительно пошлинъ, денегъ, мѣръ и вѣса. Мы располагаемъ организаціей національнаго соревнованія въ дѣлѣ матеріальныхъ интересовъ, правомъ конкурренціи. Мы находимъ ограниченіе различныхъ формъ предпріятій торговымъ правомъ, представительство національ-

[1]) Reden und Aufsätze (1875). S. 12 f.

ныхъ хозяйственныхъ интересовъ за границею, равно какъ иныя дѣйствія и заботы общественныхъ органовъ, которыя перечисляются въ ученіи объ управленіи. При помощи всего комплекса хозяйственнаго права, хозяйственной политики и народнохозяйственнаго управленія воля и сила государственныхъ органовъ проникаютъ въ игру частнохозяйственныхъ силъ, столкновеній, разрѣшеній споровъ, успѣховъ, соединеній, взаимоотношеній и дополненій. Безъ этого не могло бы быть и рѣчи о народномъ хозяйствѣ, имѣлся бы лишь хаосъ частнохозяйственныхъ актовъ, большею частью лишенный интереса и во всякомъ случаѣ—вѣрнаго направленія къ общему самосохраненію»[1].

G. Schmoller[2] представляетъ народное хозяйство также и какъ «единую систему соціально-экономическихъ организацій и установленій народа».

H. Dietzel[3] признаетъ въ рамкахъ каждаго хозяйственнаго строя извѣстные феномены, какъ раздѣленіе труда, обмѣнъ, деньги, которые, варьируя въ формѣ, по существу представляются постоянными и необходимыми, или, по крайней мѣрѣ, желаемыми, при всѣхъ обстоятельствахъ пригодными средствами къ достиженію хозяйственныхъ цѣлей.

E. Philippovich[4] указываетъ въ ряду задачъ науки о народномъ хозяйствѣ на первомъ планѣ: «выдѣлить тѣ организаціи, установленія, дѣйствія и сужденія, которыя посвящены заботамъ о потребныхъ благахъ», при чемъ отмѣчаетъ, что въ общей культурной жизни сюда привходятъ элементы иного порядка.

Къ обсуждаемому вопросу въ болѣе широкой его постановкѣ, имѣетъ отчасти отношеніе и то опредѣленіе человѣческаго общества, изучаемаго соціальными науками, которое даетъ Cort van der Linden[5]: «Человѣческое общество представляется намъ,

---

[1]) Bau und Leben des sozialen Körpers. 2 Aufl. B. II. S. 226 f.

[2]) Art Volkswirtschaft u. s. w. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII. S. 429, 464.

[3]) Theoretische Sozialökonomik. 1895. Einleitung. Kap. III § 6. S. 118 f.

[4]) Grundriss der Polit. Oekon. B. I. 10 Aufl. § 16. S. 41.

[5]) Lehrsaetze ueber die oekonomischen Kategorien. K. Frankenstein's Zeitschrift für die Litteratur und Geschichte der Staatswiss. B. III. H. 1—2. 1894. S. 44, 62.

какъ система постоянно видоизмѣняющихся, координированныхъ и подчиненныхъ общественныхъ формъ—отъ весьма кратковременныхъ и неустойчивыхъ образованій, возникающихъ въ общественномъ оборотѣ и вскорѣ опять исчезающихъ, до длящихся соединеній семьи, поколѣнія и народа и вплоть до общенія народовъ и всепроникающей человѣчности». Онъ отмѣчаетъ далѣе, что дѣйствія людей, какъ бы произвольны они не казались, экономія сводитъ къ прочнымъ категоріямъ цѣнности, процента, заработной платы, ренты.

Цѣнныя мысли объ экономическихъ понятіяхъ и установленіяхъ высказываетъ въ особенности Stanislaus Grabski[1]. Онъ указываетъ, въ качествѣ элементовъ народнаго хозяйства, простѣйшіе, неразложимые далѣе національно-экономическіе понятія, факты и установленія, которымъ приписываетъ объективное, непосредственно наблюдаемое существованіе. «Мы непосредственно сознаемъ», высказываетъ онъ, «что мы располагаемъ общезначимыми понятіями цѣнности, капитала, процента, ренты и т. д.; и лишь потому, что мы твердо убѣждены въ объективной, всѣми нашими согражданами признанной правильности ихъ, мы дѣлаемъ ихъ критеріями нашихъ хозяйственныхъ сужденій и стремленій. Мы прямо ощущаемъ далѣе результаты соглашенія нашихъ собственныхъ хозяйственныхъ стремленій съ таковыми же другихъ хозяйствующихъ людей, какъ конкретные экономическіе факты, и лишь потому, что мы ихъ ясно и отчетливо отличаемъ отъ нашихъ понятій, въ извѣстной мѣрѣ сознавая какъ ихъ конкретное значеніе, такъ и ихъ субъективное происхожденіе—мы стараемся всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи и признаваемыми обществомъ за законные способами, устроить это соглашеніе возможно выгоднѣе для насъ, стараемся получить возможно высшія цѣны за наши продукты и съ другой стороны возможно дешево купить нужныя намъ блага, требуемъ за нашъ трудъ возможно большее вознагражденіе, сами же предлагаемъ другимъ возможно низшія заработныя платы и т. д. Мы ясно представляемъ наконецъ національно-экономическія установле-

[1]) Zur Erkenntnisslehre der volkswirtsschaftlichen Erscheinungen. 1900. S. 95 f.

нія, какъ стоящую надъ нами силу, какъ такія объективныя границы нашихъ индивидуальныхъ экономическихъ стремленій, которыя нельзя переходить, въ виду санкціонированія и охраненія ихъ организаціей высшаго порядка.

E. Philippovich[1] признаетъ первой задачей науки о народномъ хозяйствѣ «констатированіе хозяйственныхъ фактовъ, т. е. выдвиганіе въ общественной жизни людей тѣхъ организацій, установленій, дѣйствій и сужденій, которыя посвящены заботѣ о потребныхъ матеріальныхъ благахъ». «Къ задачамъ экономической науки будетъ, напр., принадлежать—показать намъ, какъ люди производятъ и пріобрѣтаютъ, какимъ образомъ доходъ отъ производства раздѣляется между различными классами населенія, въ какихъ формахъ протекаетъ торговый оборотъ на рынкѣ, какія установленія служатъ для облегченія производства и обращенія и какъ всѣ эти факты происходили въ прошломъ». Эти задачи, относимыя авторомъ къ экономическому описанію и экономической исторіи, имѣютъ своимъ содержаніемъ разсматриваемыя здѣсь экономическія понятія-установленія.

Изъ болѣе раннихъ экономистовъ Carl Rodbertus-Jagetzow[2] приписывалъ экономическимъ понятіямъ реальное значеніе и историческій характеръ.

E. Sax[3] указываетъ, въ качествѣ наиболѣе общихъ экономическихъ категорій, которыя «руководятъ экономическимъ мышленіемъ и дѣятельностью», потребность, благо, трудъ, цѣнность, капиталъ, издержки, объективный и личный доходъ, домоводство.

Ed. Richter[4], въ своемъ гносеологическомъ очеркѣ, затрогиваетъ соотношеніе между соціальными понятіями и индивидуальностью. Къ этому же вопросу о соціальныхъ понятіяхъ-установленіяхъ имѣютъ отношеніе общія замѣчанія, которыя высказываетъ G. Simmel въ своей статьѣ «О сущности со-

---

[1]) Das Kapital. Vierter sozialer Brief. Herausgeg. v. Th. Kozak. 1884. S. 72, 74 f.

[2]) Grundriss der politischen Oekonomie. B. I. 10 Aufl. 1913. § 16 S. 41 f.

[3]) Grundlegung der theoret. Staatswirthschaft. 1887. Abschn. III. S. 113.

[4]) Die Vergleichbarkeit naturwissenschaftlicher und geschichtlicher Forschungsergebnisse. Deutsche Rundschau, 15 April 1904. № 14. S. 155.

ціальной психологіи»[1].

Въ англійской литературѣ J. St. Mill[2], въ предисловіи къ первому изданію своего трактата сопоставляя трудъ Ад. Смита и новыя задачи экономической науки, высказалъ между прочимъ: «До сихъ поръ однако не сдѣлано попытки комбинировать практическій методъ Смита въ обсужденіи предмета съ послѣдующимъ приращеніемъ знаній, или представить экономическіе феномены общества въ соотношеніи съ лучшими соціальными идеями настоящаго времени, какъ это, съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ, сдѣлалъ онъ по отношенію къ философіи своего вѣка».

Въ итальянской литературѣ Benedetto Croce[3], въ своемъ разборѣ книги Stammler'a говоритъ объ экономическихъ феноменахъ, которые необходимы при данныхъ условіяхъ соціальнаго строя и чрезъ которые дѣйствуетъ экономическій принципъ; въ качествѣ такихъ экономическихъ феноменовъ онъ указываетъ прибыль, ренту, процентъ, заработную плату, а также интересъ, трудовую цѣнность и кризисы. Противъ включенія трехъ послѣднихъ можно возразить, что первые два представляются лишь теоретическими понятіями, третье же есть сложное явленіе извѣстнаго состоянія хозяйственной жизнедѣятельности.

Въ русской экономической литературѣ І. Кулишеръ, въ примѣненіи къ экономической исторіи, указываетъ на институты хозяйственной жизни[4].

Въ общемъ, повторяемъ, вопросъ объ экономическихъ понятіяхъ-установленіяхъ не встрѣтилъ достаточнаго вниманія и признанія въ экономической наукѣ. Игнорируется вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе ихъ, какъ общихъ формъ и научнаго изслѣдованія и практическаго осуществленія хозяйственной жизни, въ силу этого поддерживающихъ связь между экономической теоріей и дѣйствительной жизнью. Наконецъ, не находитъ себѣ чрезъ то яснаго выраженія одна изъ основныхъ задачъ эко-

[1]) Archiv für Sozialwiss. u. Sozialpolitik. 1908. B. XXVI. H. 2. S. 286.
[2]) Principles of Political Economy etc. Ed. by W. Ashley. 1909. P. XXVIII.
[3]) Materialismo storico ed economia marxistica. 2 ed. 1907. P. 154 s.
[4]) Экономическая исторія какъ наука, и періоды въ хозяйственномъ развитіи народовъ. Русская Мысль. Іюль 1908. Стр. 57.

номической науки: возможное содѣйствіе къ выработкѣ, поддержанію и осуществленію экономическихъ понятій и установленій, которыя бы способствовали упроченію стремленія къ единству въ народнохозяйственной жизни, а также поддержанію и реализаціи достигнутаго уровня культурности и дальнѣйшему возвышенію и распространенію ея[1].

13. Въ современной теоретической литературѣ отводится мѣсто также вопросамъ «систематологіи», представляющей своего рода классификацію и характеристику экономическихъ направленій и воззрѣній теоретическаго и практическаго характера, получаемыхъ теоретическимъ путемъ. Изъ нихъ къ вышеуказаннымъ соціальнымъ принципамъ можно отнести — скорѣе, нежели видѣть въ этомъ самостоятельные принципы хозяйственной жизни — указанія трехъ хозяйственныхъ системъ: частно-хозяйственной, коллективно-хозяйственной и каритативной, различныя комбинаціи которыхъ якобы образуютъ народное хозяйство.

Такъ, уже A. Schäffle[2] различалъ три организаціон-

---

[1]) Изложенная выше характеристика основъ народнохозяйственнаго строя расходится съ воззрѣніями на это П. Б. Струве въ его новомъ трудѣ: Хозяйство и цѣна. Часть I,—воззрѣніями, которыя А. Мануиловъ (Вѣстникъ Европы Октябрь 1913 г., стр. 328—339) подводитъ подъ обычное опредѣленіе народнаго хозяйства. Опредѣляя хозяйство, какъ «субъективное телеологическое единство хозяйствованія», г. Струве противопоставляетъ этому народное хозяйство, какъ псевдохозяйство, въ которомъ отсутствуютъ субъективное телеологическое единство и непосредственное проявленіе принциповъ хозяйствованія, какъ глубоко и существенно отличающуюся отъ единства «систему», въ которой господствуютъ начало гетерогеніи цѣлей и безсознательное, какъ систему взаимодѣйствія истинныхъ хозяйствъ, къ которой приложимо преимущественно причинное истолкованіе и которая, будучи «дѣломъ рукъ человѣческихъ», превосходно поддается объясненію съ точки зрѣнія законосообразности, оперирующей съ понятіями причинной зависимости. (Н. с., стр. 5, 7, 18 сл., 38 сл.). Коренная погрѣшность заключается здѣсь, какъ намъ кажется, въ недостаточномъ вниманіи къ тому, что «между системой и единствомъ нѣтъ, конечно, абсолютной противоположности и непереходимой пропасти». Вѣдь даже отдѣльный человѣкъ, строго говоря, не представляетъ собой «субъективнаго телеологическаго единства», хотя бы съ хозяйственной лишь точки зрѣнія. Затѣмъ, во всей сферѣ культурной жизни не представляется возможности говорить о безсознательномъ, а развѣ о подсознательномъ—въ смыслѣ тяготѣнія къ соціальному, по ихъ природѣ, сознанію и единству. Съ этой точки зрѣнія и отдѣльное хозяйство и народное хозяйство представляютъ собой стремленіе къ соціальному телеологическому единству. (Ср.: G. Simmel. Ueber soziale Differenzierung. Einleitung.

[2]) Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. 3 Aufl. 1873. B. I. § 17. S. 24 f.

ныхъ принципа народнаго хозяйство: спекулятивный (представленный частными интересами капитала), публичный (основанный на бюрократическомъ началѣ) и безмездно-либеральный. Народное хозяйство основывается на обусловленной данными обстоятельствами комбинаціи этихъ различныхъ организацій, оказывающихъ различное дѣйствіе на хозяйственную жизнь. Спекулятивныя имущества—частныя, компаній и артельныхъ товариществъ служатъ въ области пріобрѣтенія и обмѣна вещественныхъ благъ основаніемъ высшей хозяйственности. Публичныя имущества служатъ къ болѣе экономическому и единообразному строю въ отношеніи къ благамъ обширнаго или всеобщаго пользованія.

Спекулятивная и публичная организаціи, которыя въ особенности различалъ Schäffle, имѣютъ однако въ своей основѣ начала и личнаго интереса и общности интересовъ. Примѣненіе къ данному случаю преимущественно того, либо другого начала имѣетъ свое объясненіе въ традиціи, въ незаконченности процесса развитія или же, нормально, въ соображеніяхъ цѣлесообразности, которой подчиненъ и принципъ хозяйственности. Хотя государство и не есть спеціально-хозяйственная организація, однако и его строй и дѣятельность имѣютъ свою хозяйственную сторону и не изъемлются изъ-подъ дѣйствія принципа хозяйственности. Въ виду этого представляется вообще рискованнымъ приписывать высшую хозяйственность всецѣло спекулятивной дѣятельности. Напротивъ, должно предполагать, что въ области организованныхъ услугъ, къ которой принадлежитъ почти вся государственная дѣятельность, высшая хозяйственность обезпечивается именно публичной организаціей, на что впрочемъ имѣются указанія у самого Schäffle. Что касается начала возмездности и изъятій изъ него, то таковыя имѣютъ мѣсто въ дѣятельности, основанной какъ на индивидуальномъ интересѣ, такъ и на общности интересовъ. Въ силу этого Schäffle и не могъ отграничить, по субъектамъ или объектамъ, указываемый имъ третій организаціонный принципъ.

Подобнымъ же образомъ Ad. Wagner[1] признаетъ три орга-

[1]) Grundlegung der politischen Oekonomie. 3 Aufl. 1892. Th. I. Halbband II. §§ 290, 293—298, 300—302.

низаціонныхъ принципа въ народномъ хозяйствѣ: частно-хозяйственный, или индивидуалистическій, который одинъ только и разсматривался въ прежней политической экономіи, принудительно-общественно-хозяйственный, или коммунистическій-соціалистическій, и каритативный. Различіе между этими принципами сводится къ различію мотивовъ, опредѣляющихъ хозяйственную дѣятельность. Этимъ принципамъ соотвѣтствуютъ три хозяйственныхъ системы, различающіяся между собою по отношенію къ возмездности, покрытію издержекъ, отчасти даже къ способамъ производства и, въ особенности, къ распредѣленію благъ между нуждающимися въ нихъ. Частно-хозяйственный принципъ основывается на стремленіи къ собственной хозяйственной выгодѣ, съ чѣмъ Wagner отождествляетъ возможно строгое осуществленіе экономическаго принципа, спеціальной возмездности и конкуренціи, при дѣйствіи закона спроса и предложенія и съ примѣненіемъ правовой формы договора. Общественно-хозяйственный принципъ вытекаетъ изъ поставленія цѣлей въ основанныхъ на интересѣ обществахъ людей. Эти цѣли ставятся либо добровольно, по договорному соглашенію сочленовъ общества, либо принудительною властью подлежащаго органа, при чемъ соблюдается лишь общая возмездность. Наконецъ, каритативный принципъ свободенъ отъ эгоистическихъ мотивовъ—по крайней мѣрѣ, въ идеалѣ—и отъ внѣшняго принужденія. Всѣ указанные принципы необходимо участвуютъ въ каждомъ народномъ хозяйствѣ, хотя и въ весьма различныхъ сочетаніяхъ ихъ. Изъ трехъ указанныхъ хозяйственныхъ системъ третья, каритативная, хотя и выполняетъ важныя функціи въ народномъ хозяйствѣ, все же въ общемъ не выступаетъ на ряду съ двумя первыми, какъ координированная имъ. Ad. Wagner проводитъ необходимость компромисса и средней позиціи между крайностями чистаго хозяйственнаго индивидуализма и системы конкуренціи съ одной стороны и чистаго соціализма и авторитативной системы съ другой. Онъ заключаетъ отсюда въ пользу частичнаго, или, иначе, государственнаго соціализма.

Противъ изложенной теоретической схемы, помимо выше сдѣланныхъ замѣчаній, должно возразить со стороны искус-

ственнаго характера всего построенія ея. Народное хозяйство не представляетъ въ дѣйствительности комбинаціи трехъ различныхъ принциповъ или системъ. Принципъ хозяйственности нельзя представлять, какъ начало хозяйственнаго эгоизма, и психическая мотивація вообще постороння хозяйствованію въ собственномъ смыслѣ. Наконецъ, выраженіе: государственный соціализмъ, несмотря на распространенность его, представляется до крайности условнымъ.

Какъ это имѣетъ мѣсто и относительно частнаго, или гражданскаго права, существуетъ лишь одна экономическая система—соціальная, въ которой проявляютъ свою дѣятельность какъ индивиды, такъ и различныя группы ихъ. Каждая соціальная единица, независимо отъ ея обширности и занимаемаго ею мѣста въ общей восходящей организаціи, въ своей хозяйственной дѣятельности руководится принципомъ хозяйственности и хозяйственными понятіями и установленіями, въ свою очередь основанными на вышеуказанныхъ принципахъ личнаго интереса, возмездности, соревнованія и солидарности. Что въ отдѣльныхъ случаяхъ хозяйственной дѣятельности по преимуществу проявляется начало личнаго интереса, въ другихъ же—начало солидарности, представляется вполнѣ естественнымъ. Можно допустить это и по отношенію къ отдѣльнымъ хозяйственнымъ понятіямъ и установленіямъ. Но предполагать, что какъ тѣ, такъ и другіе случаи принадлежатъ къ особымъ хозяйственнымъ системамъ, не представляется основаній. Что касается каритативнаго принципа и соотвѣтствующей системы дѣятельности, то сюда отнесены—и, разумѣется, неправильно—такіе акты человѣческой воли и сознанія, цѣлевая обусловленность которыхъ не всегда или лишь въ слабой степени регулируется хозяйственными соображеніями, скорѣе отступающими здѣсь предъ соображеніями иного рода.

Ни научныя соображенія ни условія дѣйствительной жизни не позволяютъ вообще заключить къ существованію двухъ или нѣсколькихъ организацій или системъ, комбинація которыхъ въ той или иной соразмѣрности представляла бы собой народное хозяйство. Въ подобномъ воззрѣніи кроется, въ сущности, попытка эклектическаго объединенія противополож-

ныхъ соціальныхъ ученій.

Совершенно правильно отвергаетъ вышеизложенную классификацію K. Diehl[1]. Въ основу этого раздѣленія Wagner кладетъ психологическій моментъ. Но, говоритъ Diehl, Wagner самъ принужденъ былъ допустить, что и въ общественныхъ установленіяхъ стремленіе къ собственной выгодѣ вовсе не исключено, съ другой же стороны и въ частно-хозяйственной системѣ альтруистическіе мотивы играютъ свою роль, а въ каритативной системѣ устраненіе эгоистическихъ побужденій есть, по выраженію Вагнера, «лежащій въ основѣ идеалъ.» Каритативныя установленія Diehl признаетъ за необходимыя дополненія всякой хозяйственной организаціи, а не за особую форму организацій. Разграниченіе двухъ другихъ главныхъ формъ представляетъ трудности и въ томъ отношеніи, что такія предпріятія, какъ Имперскій Банкъ, государственныя желѣзныя дороги отойдутъ ко второй категоріи наравнѣ съ чисто коллективистическими установленіями.

Къ этому можно присоединить, что едва ли представляется правильнымъ опредѣлять частно-хозяйственную систему чрезъ отнесеніе къ ней возможно строгаго выполненія принципа хозяйственности и, какъ регулирующаго принципа, конкуренціи. Напротивъ, намъ представляется, что въ общественныхъ установленіяхъ принципъ хозяйственности находитъ и долженъ находить себѣ болѣе строгое соблюденіе, и безъ этого общественное установленіе не могло бы продолжительно существовать. Отчасти это обусловливается большей односторонностью общественнаго установленія, тогда какъ человѣкъ объединяетъ въ себѣ всевозможныя цѣли, разнообразіемъ которыхъ затрудняется строгое соображеніе съ принципомъ хозяйственности. Не вполнѣ вяжется также начало конкуренціи съ индивидуальной хозяйственной системой. Наконецъ, соединеніе и раздѣленіе труда и обмѣнъ, въ виду которыхъ Carl Rodbertus-Jagetzow[2] приписывалъ народному хозяйству даже коммунистическій характеръ, должны бы быть относимы

[1]) Jahrbuecher für Nationaloek. und Stat. 1902. B. 24 H. 1. S. 101 f.

[2]) Das Kapital. Vierter sozialer Brief. 1884. S. 78. Ср. въ особенности: Ad. Smith. Inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations. B. I chap. I.; Fr. Bastiat. O. c., chap. I.

скорѣе къ общественной организаціи, нежели къ индивидуалистической. Въ общемъ, какъ это подтверждается приведенными соображеніями, должно признать, что различія въ организаціи народнохозяйственной дѣятельности, въ предѣлахъ дѣйствительныхъ экономическихъ фактовъ, не могутъ служить основаніемъ для классификаціи всѣхъ вообще явленій хозяйственной жизни, такъ какъ та или иная организація относится лишь къ способамъ достиженія цѣлей, а не къ самымъ цѣлямъ, и такъ какъ, вообще говоря, обѣ формы соціальной дѣятельности—чрезъ индивидовъ и чрезъ общественные органы—дѣйствуютъ совмѣстно.

Одинаково неправильнымъ представляется и противопоставленіе въ экономической теоріи, какъ это дѣлаетъ H. Dietzel[1], системы конкуренціи, или децентрализованной, и системы коллективистической, или централизованной. Внутрихозяйственные феномены онъ представляетъ равнымъ образомъ элементами соціальныхъ феноменовъ той и другой системы. Но въ то время какъ соціально-хозяйственная дѣятельность при первой системѣ осуществляется съ помощью договоровъ между отдѣльными, другъ отъ друга независящими субъектами, при послѣдней—наоборотъ, чрезъ рѣшенія коллективнаго субъекта. Коллективное хозяйство Dietzel уподобляетъ единичному хозяйству, взятому въ увеличенномъ размѣрѣ. «Внѣшній, административно-техническій аппаратъ въ коллективномъ хозяйствѣ существенно иной, нежели въ отдѣльномъ хозяйствѣ, но принципы, по которымъ управляются то и другое, должны—именно при предположеніи, что лишь хозяйственная цѣль имѣетъ руководящее значеніе—точно соотвѣтствовать. Есть лишь количественныя, но не качественныя различія. Анализъ простыхъ отношеній отдѣльнаго хозяйства облегчаетъ анализъ сложныхъ отношеній коллективнаго хозяйства». Въ соотвѣтствіи съ этимъ Dietzel признаетъ гораздо болѣе легкимъ дѣломъ научное изслѣдованіе коллективной системы, нежели системы конкуренціи. Въ исторіи науки Dietzel приписываетъ исключительное вниманіе къ системѣ конкуренціи физіократамъ и Ад. Смиту. «Противъ метода демонстрированія хозяй-

[1]) H. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik. 1895. Einleitung. Kap. III § 2, 6.

ственной жизни лишь на этомъ порядкѣ, разсматривавшемся, какъ абсолютно должный, естественный, вѣчный, историческая школа выставила возраженіе, что господство системы конкуренціи есть относительно-обоснованная, можетъ быть, скоропреходящая фаза развитія, а не окончательное завершеніе его». Dietzel самъ выражаетъ убѣжденіе, что «возможно и необходимо не только ученіе о системѣ конкуренціи, которое во всякомъ случаѣ представляется наиболѣе настоятельнымъ, но также и ученіе о коллективной системѣ». «Всякій экономическій строй въ исторіи представляется, какъ компромиссъ между децентрализованнымъ и централизованнымъ порядкомъ, какъ смѣшанныя формы весьма различнаго содержанія, смотря по тому, сфера господства того и другого представляется ли болѣе или менѣе распространенной». И только «экономическая теорія изолируетъ ту и другую систему въ цѣляхъ болѣе простого и точнаго причиннаго анализа». «Приблизительное господство централизованной системы» Dietzel приписываетъ абсолютистской эрѣ и «равнымъ образомъ, лишь приблизительное» господство системы конкуренціи—послѣдующей эпохѣ, въ будущемъ же онъ ожидаетъ болѣе централизованный экономическій строй.

Dietzel такимъ образомъ осторожнѣе и ближе къ жизни формулируетъ свои воззрѣнія. Но и противъ его теоріи можно привести выше изложенныя соображенія и главнымъ образомъ то, что была бы ничѣмъ неоправдываемой растратой соціальныхъ силъ выработка—въ практической ли дѣятельности или только въ теоріи—двухъ соціальныхъ системъ взамѣнъ одной цѣлостной и болѣе или менѣе единой, несмотря на свою сложность, соціальной системы.

Необходимость совмѣщенія въ народномъ хозяйствѣ трехъ указываемыхъ Ад. Вагнеромъ организаціонныхъ принциповъ доказываетъ въ своей диссертаціи Paul Kirschner[1].

E. Philippovich[2] изъ трехъ вышеуказанныхъ хозяйственныхъ системъ отвергаетъ третью по тому соображенію, что

---

[1]) Die Unzulänglichkeit des privat- und gemeinwirtschaftlichen Organisationsprinzips in der Volkswirtschaft. 1908.

[2]) Grundriss der politischen Oekonomie. B. I. 10 Aufl. § 9. 10. S. 26 ff.

на одностороннихъ актахъ не можетъ быть построена никакая длящаяся организація, но поддерживаетъ различеніе двухъ прочихъ системъ. Онъ отправляется при этомъ отъ слѣдующей альтернативы: «Люди либо вступаютъ во взаимоотношенія, какъ самостоятельныя, равноправныя личности на основаніи свободнаго договора, и тогда эти отношенія регулируются свободными волевыми актами сторонъ. Либо же люди подчиняются авторитету, регулирующему ихъ поведеніе. Авторитетъ, регулирующій ихъ взаимоотношенія, можетъ быть различнаго происхожденія». Въ соотвѣтствіи съ указаннымъ различіемъ имѣютъ мѣсто двѣ хозяйственныя организаціи: оборотно-или частно-хозяйственная и общественно-хозяйственная. Первая предполагаетъ раздѣленіе труда, частную собственность и свободу въ опредѣленіи содержанія заключаемыхъ договоровъ. Въ общественно-хозяйственной организаціи отсутствуетъ спеціальная возмездность. «Въ размѣрѣ своихъ требованій къ отдѣльнымъ членамъ и чрезъ то въ своихъ хозяйственныхъ затратахъ общественное хозяйство связано способностью къ тому своихъ членовъ и естественными предположеніями хозяйства». «Всего очевиднѣе проявляется общественно-хозяйственный принципъ въ принудительныхъ общеніяхъ, напр., въ государствѣ». Въ вопросѣ о соотношеніи между обѣими хозяйственными системами Philippovich въ извѣстной мѣрѣ противорѣчитъ себѣ. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что «оборотное и общественное хозяйства рѣзко различаются между собою по основному принципу», съ другой же стороны признаетъ, что «урегулированный оборотъ есть не что иное, какъ переходъ къ общественно-хозяйственному порядку, основанному на господствѣ обычаевъ, нравовъ, права, т. е. на факторахъ, ограничивающихъ частнохозяйственный принципъ въ оборотѣ».

Въ основѣ изложеннаго воззрѣнія лежитъ совершенно недопустимое предположеніе, что установленія частнохозяйственнаго оборота, какъ собственность и договорное отношеніе, существуютъ сами по себѣ, и что лишь ограниченія ихъ создаются обычаями, нравами и правомъ. Недостатокъ генетической точки зрѣнія представляетъ такимъ образомъ слабую сторону

въ воззрѣніяхъ по этому вопросу Philippovich'a.

Къ изложеннымъ выше воззрѣніямъ A. Schäffle и Ad. Wagner'a примыкаютъ также G. Gross и E. Sax. Первый изъ нихъ исходитъ отъ—по существу противорѣчащаго общей идеѣ принципа—опредѣленія послѣдняго, какъ «суммы основныхъ положеній». Онъ признаетъ три принципа: частно-хозяйственный, общественно-хозяйственный и каритативный, при чемъ приписываетъ преобладающее значеніе первому изъ нихъ, а остальнымъ—дополнительную роль[1]. Что касается двухъ первыхъ началъ, то ихъ относительную оцѣнку можно было бы сравнить съ оцѣнкой значенія каждой изъ двухъ частей ножницъ. Значеніе общественнаго начала здѣсь, конечно, преуменьшено. Но Gross не сосредоточиваетъ своихъ разсужденій на систематологіи, а болѣе озабочивается изслѣдованіемъ различныхъ началъ, опредѣляющихъ хозяйственную жизнь.

Emil Sax различаетъ индивидуализмъ и коллективизмъ, какъ двѣ общихъ тенденціи развитія въ соціальной жизни или, также, какъ двѣ основныхъ силы въ соціальныхъ образованіяхъ и движеніяхъ, при чемъ противопоставляетъ этому индивидуализмъ и коллективизмъ, или соціализмъ, какъ теоріи, основанныя на одностороннемъ принятіи въ основу и постулированіи одной изъ этихъ элементарныхъ силъ. Индивидуализмъ «охватываетъ прирожденное стремленіе каждаго человѣка разсматривать себя самого, какъ средоточіе соціальнаго круга», при чемъ столкновеніе хозяйственныхъ стремленій индивидовъ даетъ въ результатѣ взаимоограниченіе съ удержаніемъ того же начала хозяйственнаго эгоизма. Напротивъ, «экономическій коллективизмъ заключается въ отнесеніи стремленія къ матеріальному поддержанію и развитію къ—превосходящему, въ пространствѣ и времени, область каждаго, также и наиболѣе развитаго, индивида—общенію индивидовъ, въ которомъ объединяются послѣдніе». «Экономическій коллективизмъ проявляется въ государствѣ (въ обширнѣйшемъ смыслѣ, стало быть, включая общину, корпорацію, вообще всякій «принудительный союзъ»)[2]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, «эконо-

[1]) Wirtschaftsformen und Wirtschaftsprinzipien. 1888. T. II.
[2]) Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. 1884. Abschn. V.

мическая сторона коллективизма представляетъ собой объектъ изученія теоретическаго государственнаго хозяйства»[1]. Къ содержанію этого послѣдняго Sax относитъ политическую экономію, какъ таковую, и финансовую науку. Въ своемъ изложеніи собственно объ индивидуализмѣ и коллективизмѣ онъ даетъ обзоръ относящейся сюда литературы о принципахъ личнаго и общественнаго интересовъ. Въ общемъ, можно признать, такимъ образомъ, что Sax отклонился отъ систематологической постановки вопроса, хотя и опредѣлилъ именно подъ вліяніемъ ея содержаніе своего основного труда.

14. Отрицая систему или принципъ чисто индивидуалистической хозяйственной дѣятельности, какъ одного изъ организаціонныхъ элементовъ народнаго хозяйства, необходимо отвергнуть также и теоретическое противопоставленіе, какъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ системъ, изолированнаго и народнаго хозяйства.

Съ этимъ не должно однако смѣшивать указаніе системы натуральнаго хозяйства, какъ примитивнаго состоянія хозяйственной жизни, ибо и при этихъ условіяхъ существуетъ, хотя и въ мало развитомъ состояніи, народное хозяйство, вполнѣ же и постоянно изолированнаго существованія индивидовъ или семей нельзя предполагать и тогда. Къ тому же, всѣ другія стороны культурной жизни равнымъ образомъ сближаютъ людей и тѣмъ исключаютъ возможность собственно-хозяйственной изолированности. Такимъ образомъ, низкій уровень культурности характеризуется соотвѣтствующимъ состояніемъ человѣческаго общенія и все же необходимостью послѣдняго, но не отсутствіемъ его или возможностью существовать внѣ таковаго. Изолированное состояніе противорѣчитъ самой природѣ человѣка съ присущими ему духовными способностями и культурными задатками и не можетъ быть предполагаемо соціальной наукой.

R. Stammler[2] совершенно справедливо отвергаетъ мнѣніе, что предметомъ научнаго изслѣдованія въ національной эко-

[1]) Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. 1887. Abschn. I.
[2]) Wirtschaft und Recht. 2 Aufl. 1906. § 28, 17, S. 151, 84.

номіи представляется хозяйство in abstracto, которое распадается на изолированное и соціальное. Истиннымъ исходнымъ пунктомъ науки политической экономіи онъ признаетъ понятіе соціальной жизни. Какъ замѣчаетъ Stammler, представленію объ изолированномъ существованіи людей недостаточно соотвѣтствовалъ бы и человѣкъ, «пожелавшій, какъ нынѣшній переселенецъ, по возможности уйти отъ своего прежняго общества или, какъ Робинзонъ, принужденный временно вести таковое существованіе»[1].

Опровергаемое здѣсь воззрѣніе представлено однако въ экономической литературѣ. Сторонники его исходятъ изъ атомистическаго предположенія чисто индивидуалистической хозяйственной жизни, которая лишь благодаря тѣмъ или инымъ связующимъ моментамъ пріобрѣтаетъ соціальный характеръ. Въ дѣйствительности же, однако, эти связующіе моменты необходимо обусловливаютъ существованіе человѣка и хозяйственную дѣятельность его и принадлежатъ къ основному содержанію ихъ.

Изъ числа болѣе раннихъ экономистовъ Johann Schön[2], съ особой логической послѣдовательностью, исходилъ изъ понятія хозяйства, или экономіи, живыхъ существъ вообще, различая въ немъ хозяйство животныхъ и хозяйство людей, а въ послѣднемъ—изолированное хозяйство семьи или рода, общественное хозяйство и государственно-общественное. Второе изъ этихъ хозяйствъ людей основано на обмѣнѣ и раздѣленіи труда, въ третьемъ въ—лицѣ государства создается противовѣсъ частнымъ интересамъ и стремленіямъ. Соотвѣтственно тремъ указаннымъ системамъ дается и различное опредѣленіе хозяйственныхъ благъ.

Fr. Hermann[3] въ развитіи своей экономической теоріи исходилъ отъ изолированнаго поселенца. Такое совершенно

---

[1]) См. также: Кэри. Руководство къ соціальной наукѣ. Перев. съ англ. 1869. Гл. II; James Bonar. Elements of Political Economy. 2 ed. 1904. P. 5; Fr. Bastiat. Harmonies économiques. 9 éd. 1884. Chap. IV. P. 93 et suiv.; E. Sax. Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. S. 12; А. Я. Антоновичъ. Курсъ политической экономіи. 1886. Стр. 2 и сл.

[2]) Johann Schön. Neue Untersuchung der Nationalökonomie u. s. w. 1835. Einleitung. Kap. I § 2. Th. I. Abschn. I. Kap. I.

[3]) Staatswirthschaftliche Untersuchungen. 2 Aufl. 1870. Grundlegung.

изолированное положеніе хозяйства авторъ признаетъ возможнымъ въ такихъ случаяхъ, когда поселяется отдѣльно работоспособный мужчина, семья или же община съ однимъ общимъ хозяйствомъ. На изолированномъ поселенцѣ лежитъ не только разнообразнѣйшая техническая дѣятельность, но и домоводство и соблюденіе принципа хозяйственности, который указывается цитируемымъ авторомъ чрезъ соотвѣтствующее опредѣленіе, но безъ обозначенія его таковымъ.

Carl Rodbertus-Jagetzow[1] въ своемъ опредѣленіи народнаго хозяйства (Nationalökonomie oder Staatswirthschaft), наиболѣе существеннымъ предположеніемъ котораго онъ признавалъ раздѣленіе труда, исходилъ отъ предшествующаго этому состоянія изолированнаго хозяйства. По опредѣленію Rodbertus'a, «подъ изолированнымъ хозяйствомъ должно разумѣть только такое, которое индивидъ велъ бы лишь для себя, безъ всякаго хозяйственнаго сношенія съ другими, также исключительно для себя одного производя средства удовлетворенія своихъ потребностей». Уже такому состоянію присущи извѣстныя хозяйственныя понятія, какъ потребность, средства удовлетворенія, трудъ, производство, продуктъ, капиталъ, отчасти доходъ, потребленіе, стоимость, хозяйствованіе. Народное хозяйство возникаетъ лишь съ раздѣленіемъ труда, и это послѣднее полагаетъ конецъ изолированному хозяйству».

Carl Menger, изслѣдуя сущность и источникъ цѣнности, высказываетъ между прочимъ: «Цѣнность благъ, какъ и экономическій характеръ ихъ, независима отъ человѣческаго хозяйства въ его соціальномъ проявленіи, независима также отъ правопорядка, даже отъ наличія общества. Она наблюдается также въ изолированномъ хозяйствѣ и не можетъ поэтому корениться въ правопорядкѣ»[2].

Изъ современныхъ экономистовъ Paul Leroy-Beaulieu[3] присоединяетъ къ своему опредѣленію науки слѣдующее поясне-

[1]) Das Kapital. Vierter sozialer Brief. Herausgeg. v. Th. Kozak. 1884. S. 71—78. См. также его Zur Erkenntniss u. s. w. Какъ справедливо замѣчаетъ П. Б. Струве. Н. с., стр. 23, «изолированное хозяйство Родбертуса есть тоже абстракція, не воспроизводящая никакой исторической дѣйствительности».

[2]) Grundsaetze der Volkswirtschaftslehre. 1872. S. 80 Anm.

[3]) Traité théorique et pratique d'économie politique. 3 éd. 1900. T. I. P. 11 et suiv.

ніе: «Экономика, въ дѣйствительности, регулируетъ не только трудъ людей въ обществѣ; многіе изъ ея законовъ примѣнимы точно также къ изолированному хозяйству, даже къ изолированному человѣку». «Если мы разсматриваемъ хозяйство, существующее отдѣльно и безъ отношеній къ сосѣдямъ, если бы даже мы приняли гипотезу о Робинзонѣ, то многіе изъ экономическихъ законовъ, всѣ тѣ, которые касаются производства и потребленія, примѣнимы къ нему. Изолированный человѣкъ имѣлъ бы выгоду, напр., отъ примѣненія раздѣленія труда—въ той мѣрѣ, которую допускала бы его уединенность». Авторъ указываетъ также на возможность примѣненія къ изолированному хозяйству законовъ производительности капитала и сбереженій.

Но Leroy-Beaulieu игнорируетъ при этомъ, что раздѣленіе труда, капиталъ и пр. суть соціально-экономическія установленія, а не естественные или логическіе законы, существующіе внѣ времени и мѣста.

Далѣе, John Bates Clark, признаваемый главою современной школы экономистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ составѣ общей экономической науки различаетъ, какъ часть ея, науку экономіи изолированной жизни. Какъ излагаетъ онъ въ самомъ началѣ своего курса, «уединенный человѣкъ, живущій въ пещерѣ, питающійся мясомъ животныхъ и одѣвающійся въ ихъ шкуры, создавалъ бы богатство и пользовался бы имъ»[1]. «Установленіе законовъ, управляющихъ процессами, съ помощью которыхъ такой человѣкъ заставляетъ землю доставлять ему средства къ существованію и къ комфорту, образуетъ науку экономіи изолированнаго человѣка, которая является частью общей науки экономики»[2].

Clark упускаетъ изъ виду, что эпохи «изолированнаго охотника» и цивилизованнаго общества не совпадали бы во времени, и что какъ изолированный охотникъ не представляетъ части цивилизованнаго общества, такъ точно это же должно было бы признать и относительно экономіи изолирован-

---

1) J. St. Mill. Principles of Political Economy. Preliminary remarks. относитъ подобныя условія существованія къ общинѣ.

2) Essentials of Economic Theory. 1907. P. 1.

наго охотника. Въ дѣйствительности, рѣчь можетъ быть лишь о различныхъ стадіяхъ въ развитіи культурнаго общенія людей и ихъ хозяйственной жизни, при чемъ въ ряду этихъ стадій нельзя предполагать изолированной охотничьей жизни.

А. И. Чупровъ[1] утверждалъ, что въ началѣ исторіи страны «племя дикарей или кочевниковъ бродитъ разрозненными семьями, безъ всякой связи одной семьи съ другою».

Но одинаково неправильнымъ представляется и противоположное утвержденіе, что первобытная хозяйственная жизнь имѣла чисто коммунистическій строй. Присущіе человѣку эгоистическіе инстинкты наряду съ низкимъ уровнемъ общественной организаціи исключаютъ возможность этого. Karl Bücher[2], на котораго ссылается І. Кулишеръ[3] при установленіи своей классификаціи періодовъ хозяйственной жизни, приписываетъ племенамъ, находящимся на низшемъ уровнѣ культуры, крайній эгоизмъ и индивидуально-хозяйственныя черты. Такіе факты, какъ совмѣстное обладаніе и пользованіе землею при существованіи людей охотою или скотоводствомъ, общинное землевладѣніе—на невысокихъ ступеняхъ земледѣлія, даже устройство жилищъ сообща, совмѣстныя охоты и рыбныя ловли, еще не позволяютъ заключать объ общности одежды, украшеній, амулетовъ, талисмановъ, оружія, дѣтей. Такимъ образомъ, можно полагать, что въ каждую эпоху существуетъ, соціальный строй, въ которомъ проявляются всѣ вышеуказанные соціальные принципы (см. выше, § 8) и который поэтому исключаетъ возможность какъ вполнѣ изолированнаго, такъ и вполнѣ коммунистическаго существованія[4].

15. Гораздо болѣе распространено въ экономической литературѣ нѣсколько иное воззрѣніе о совмѣщеніи въ совокуп-

[1]) Курсъ политической экономіи. 1913. Стр. 11.

[2]) Die Entstehung der Volkswirtschaft. 5 Aufl. 1906. I, II.

[3]) Политическая экономія. 1911. Стр. 8. Первобытное хозяйство опредѣляется здѣсь, какъ «общинное, племенное, коммунистическое, господствующее въ наиболѣе раннюю эпоху исторіи человѣчества»; см. также о первоначальномъ коммунизмѣ: Sax. Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. S. 65 Anm. Иначе и правильнѣе: E. Sax. Grundlegung u. s. w. I. § 4.

[4]) См. также: Ed. Bernstein. Die verschiedenen Formen des Wirtschaftslebens. 2 Aufl.; Dr. K. Weule. Die Urgesellschaft und ihre Lebensfürsorge. 1912 S. 76 f.; W. Bissing. Die Kultur des alten Ägyptens. 1913. S. 2 f.

ной хозяйственной жизни точекъ зрѣнія и интересовъ индивидуальныхъ и общественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о несовпаденіи или даже противоположности ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Невозможно, конечно, отрицать, что случаи этого рода, дѣйствительно, имѣютъ мѣсто. Но должна ли считаться съ этимъ политическая экономія уже въ своихъ основныхъ теоретическихъ положеніяхъ и опредѣленіяхъ или же она можетъ ограничиться принципіальнымъ признаніемъ возможности этого, предоставивъ разработку этого вопроса экономической политикѣ? Такое распредѣленіе задачъ между теоретической и прикладной экономикой представляется тѣмъ болѣе обоснованнымъ и правильнымъ, что экономическая теорія имѣетъ своимъ назначеніемъ выясненіе существа экономическихъ понятій и установленій, внѣ примѣненія ихъ къ конкретной обстановкѣ хозяйственной дѣятельности въ отдѣльныхъ случаяхъ, и обезпеченіе необходимой опредѣленности въ научныхъ опредѣленіяхъ и характеристикахъ и въ классификаціяхъ. Представляется при этомъ очевиднымъ, что всякій разъ, какъ индивидуалистическая точка зрѣнія идетъ въ разрѣзъ съ соціальной точкой зрѣнія и съ общими интересами, она должна игнорироваться теоріей или приниматься во вниманіе, какъ — за нѣкоторыми исключеніями — отрицательный фактъ, противодѣйствіе которому относится къ задачамъ прикладной экономики.

Въ отношеніи къ обсуждаемому вопросу особенно погрѣшаютъ тѣ теоретики, которые либо даютъ субъективно индивидуальное толкованіе понятіямъ блага, полезности, цѣнности и т. п., либо совмѣщаютъ въ своихъ теоретическихъ системахъ индивидуальное и соціальное пониманіе отдѣльныхъ понятій. Общее примѣненіе этихъ двухъ точекъ зрѣнія могло бы привести къ построенію двухъ хозяйственныхъ системъ, что, какъ отмѣчено выше, нашло себѣ мало сторонниковъ въ наукѣ. Примѣненіе же двухъ точекъ зрѣнія лишь къ нѣкоторымъ вопросамъ вноситъ моментъ субъективной произвольности.

Совокупность населенія не представляетъ вообще такого сплоченнаго единства, чтобы можно было предполагать един-

ство взгляда не только въ вопросахъ экономической политики, но и текущей хозяйственной дѣятельности, осуществляемой частными хозяйствами. Противъ допущенія указанной двойственности въ точкахъ зрѣнія говоритъ уже неизбѣжность, за нѣкоторыми лишь исключеніями, сліянія индивидуальныхъ точекъ зрѣнія въ соціальныя вслѣдствіе совпаденія ихъ у отдѣльныхъ индивидовъ. Характернымъ образчикомъ этого служатъ явленія спроса и предложенія. Точки же зрѣнія и интересы меньшинства, какъ и служащія послѣднему нѣкоторыя понятія и установленія уже нельзя, строго говоря, относить къ индивидуальнымъ или частнохозяйственнымъ. Народнохозяйственнымъ представляется не одно лишь то, что служитъ всему населенію или большинству его или исходитъ отъ нихъ. Къ тому же преобладаніе части населенія можетъ и не быть полнымъ, можетъ относиться именно къ проведенію одной какой-либо точки зрѣнія или интереса, при томъ въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ. Народное хозяйство совмѣщаетъ въ себѣ воззрѣнія и интересы и соотвѣтствующія имъ понятія и установленія также и частичныхъ группъ, по сколько онѣ не встрѣчаютъ себѣ рѣшительнаго противодѣйствія и отрицанія въ области экономической и иной политики.

16. Вопреки изложеннымъ соображеніямъ не только рядъ экономистовъ разныхъ школъ различаетъ частнохозяйственную и народнохозяйственную точки зрѣнія, но существуютъ цѣлыя школы и направленія въ политической экономіи, которыя базируются на частнохозяйственной точки зрѣнія. Такъ, Lauderdale[1] построилъ свое изслѣдованіе о богатствѣ на отрицаніи тождества національнаго богатства и совокупности индивидуальныхъ богатствъ. Къ первому онъ относитъ все, чего желаетъ человѣкъ, какъ полезнаго или пріятнаго для себя и что при томъ существуетъ въ болѣе или менѣе ограниченномъ количествѣ. Можно полагать, что такая двойственность въ отправномъ понятіи неблагопріятно отразилась на положительныхъ научныхъ результатахъ его трактата. J. St. Mill[2]

[1]) Inquiry into the nature and origin of Public Wealth. 1804. P. 45 seq., 50, 55 seq. et passim.

[2]) Principles of Political Economy. Ed. by W. Ashley. Bk. I chap. II § 7, 8.

давалъ различный объемъ понятію производительнаго труда съ національной или всеобщей точки зрѣнія и съ точки зрѣнія индивидовъ. И должно полагать, что этимъ отчасти и обусловлены неясность и противорѣчивость воззрѣній J. St. Mill'я по этому вопросу. Въ первой четверти прошлаго вѣка H. Storch[1] примѣнилъ двойственную точку зрѣнія къ вопросу о цѣнности и полезности: «Могущія быть проданными произведенія, которыя образуютъ національный доходъ, должны быть разсматриваемы въ политической экономіи двоякимъ образомъ: въ отношеніи къ индивидамъ—какъ цѣнности, а въ отношеніи къ націи—какъ блага, ибо національный доходъ опредѣляется не по цѣнности, какъ доходъ индивида, но по его полезности или по потребностямъ, которыя онъ можетъ удовлетворить». Совершенно также Storch разрѣшаетъ и вопросъ о производительности труда и значеніи капитала. Въ то же время онъ устраняетъ понятіе потребительной цѣнности, находя его излишнимъ наряду съ понятіемъ полезности. Storch устанавливаетъ также и различеніе между національнымъ и индивидуальнымъ капиталомъ: въ отличіе отъ второго первый даетъ доходъ лишь чрезъ непосредственное его примѣненіе къ производству и заключаетъ въ своемъ составѣ также естественныя и пріобрѣтенныя способности производителей. Примѣненная къ главнымъ понятіямъ экономики, эта двойственность точки зрѣнія даетъ въ результатѣ какъ бы двѣ экономическихъ системы, изъ которыхъ одна—національная лишена положительнаго характера. И только особой склонностью къ двоякой точкѣ зрѣнія можно объяснить, что Ad. Wagner ссылается на приведенныя разсужденія Storch'а безъ какихъ-либо оговорокъ или возраженій.

Въ германской литературѣ H. Mangoldt обнаруживаетъ двойственность точекъ зрѣнія, прилагаемыхъ къ тому же понятію производительнаго труда. Какъ онъ утверждаетъ, «индивидъ съ своей частнохозяйственной точки зрѣнія назоветъ производительнымъ всякій трудъ, если выгода, получаемая имъ отъ него, больше, нежели понесенная имъ затрата труда и издержекъ».

---

[1]) Considérations sur la nature du revenu national. Paris. 1824. Chap. I, II, IV, VI. P. 6 note, 19, 42—50, 58—61.

Съ народнохозяйственной же точки зрѣнія, трудъ производителенъ, «если польза, проистекающая отъ него для народа, какъ совокупности, больше, нежели понесенная жертва». Производительность труда съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія не всегда совпадаетъ. Mangoldt отрицаетъ народнохозяйственную производительность дѣйствій, сопряженныхъ съ обманомъ, биржевой спекуляціей, пари и т. п., и, напротивъ, признаетъ производительными лишь съ народнохозяйственной точки зрѣнія такія работы, какъ выправленіе рѣкъ, сооруженіе дорогъ, и давшіе непосредственно отрицательный результатъ опыты въ области агрономіи и индустріи[1]. Но что касается дѣйствій обманныхъ или азартныхъ, то къ нимъ понятіе производительности вообще не приложимо. Народнохозяйственная же производительность публичныхъ работъ вообще не поддается точному учету въ смыслѣ приведеннаго выше, но обусловливается только предположеніемъ общей цѣлесообразности извѣстнаго предпріятія или рода дѣятельности. Вопросъ о производительности труда съ народнохозяйственной точки зрѣнія представляется, вообще говоря, едва ли разрѣшимымъ, если только не примѣнить и въ этомъ случаѣ тотъ же порядокъ сопоставленія стоимости производства и въ частности труда съ цѣнностью или цѣной продукта или ближайшаго результата труда. При преобладаніи частной организаціи труда и производства рѣшеніе вопроса о производительности труда должно происходить съ соотвѣтствующей точки зрѣнія самихъ трудящихся и ихъ работодателей. Общее подчиненіе всѣхъ случаевъ трудовой дѣятельности одной народнохозяйственной системѣ дѣлаетъ и подобную квалификацію труда вообще народнохозяйственной, за исключеніемъ случаевъ полной изолированности частной дѣятельности или коллизіи между нею и народнымъ хозяйствомъ. Самъ Mangoldt въ болѣе подробномъ изложеніи по этому вопросу долженъ былъ сдѣлать оговорки и смягченія. Такой характеръ имѣютъ его замѣчанія, что «и для народнохозяйственнаго разсмотрѣнія имѣетъ свое значеніе частнохозяйственная производительность», и что опредѣленіе народнохозяйственной производительности

[1]) Grundriss der Volkwirtschaftslehre. 2 Aufl. § 26 S. 24 ff.

возможно лишь при условіи экономической свободы, нарушаемой личной зависимостью или монополіями[1]. Еще менѣе удачно проводилъ W. Roscher[2] различеніе производительности съ точки зрѣнія частнаго, народнаго и міроваго хозяйства, тогда какъ A. Schaeffle[3], восходя отъ хозяйственнаго къ народнохозяйственному принципу, вводитъ вопросъ въ область экономической политики. Далѣе, Fr. Kleinwaechter[4] различаетъ хозяйство частное или индивидуальное, народное и всего человѣчества, при чемъ замѣчаетъ, что то, что полезно для какого-либо индивида, не всегда таково и для народа, и то, что полезно для какого-либо народа, не всегда таково и для человѣчества. Но независимо отъ не-реальности понятія «всего человѣчества», а отчасти и недостаточной реальности экономическаго понятія народа, рѣчь можетъ быть лишь о болѣе или менѣе исключительныхъ случаяхъ коллизіи между болѣе частными и болѣе обширными народнохозяйственными фактами, интересами и точками зрѣнія. Въ ученіи о капиталѣ, слѣдуя Ad. Wagner'y, Kleinwaechter различаетъ между капиталомъ, какъ орудіемъ производства—въ народномъ хозяйствѣ, и капиталомъ, какъ имуществомъ, служащимъ для пріобрѣтенія—въ частномъ хозяйствѣ. Но не ведетъ ли это къ расчлененію хозяйственной жизни на народнохозяйственное производство и частнохозяйственное распредѣленіе? Въ виду недопустимости такого вывода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цитированнаго отправнаго положенія, представляется предпочтительнымъ иное мнѣніе того же автора: «Производительность и выгодность суть два понятія, которыя—какъ и понятія производства и пріобрѣтенія—сами по себѣ не имѣютъ между собою ничего общаго». Указывая при этомъ, что предпріятіе по большей части тѣмъ выгоднѣе (rentabeler), чѣмъ оно продуктивнѣе, авторъ сопровождаетъ это оговоркой: «Это положеніе нельзя, конечно, представлять безъ исключеній, ибо интересы индивида часто противостоятъ интересамъ совокупнымъ[5]». Приведенное сей-

[1]) Volkswirtschaftslehre. S. 30. 32.
[2]) Grundlagen der Nationaloekonomie. 23 Aufl. § 53 S. 144 f.
[3]) Das gesellsch. System der menschl. Wirthschaft. 3 Aufl. B. 1 § 12 S. 17.
[4]) Lehrbuch der Nationaloekonomie. 2 Aufl. 1909. S. 9 f., 154 ff.
[5]) O. c., S. 94.

часъ воззрѣніе согласуется съ высказаннымъ нами выше. W. Lexis въ своей статьѣ о благахъ[1] возражаетъ противъ отнесенія къ нимъ правъ, привилегій и отношеній, при чемъ замѣчаетъ, что эти права и пр. могутъ имѣть характеръ составныхъ частей лишь частнохозяйственныхъ имуществъ, въ народномъ же хозяйствѣ не имѣютъ объективнаго бытія. Однако, независимо отъ вопроса о благахъ, и съ народнохозяйственной точки зрѣнія представляется болѣе правильнымъ опредѣлять имущества по ихъ экономической величинѣ и составу, т. е. съ учетомъ сервитутныхъ и обязательственныхъ правоотношеній, а не въ ихъ натуральномъ составѣ. H. Schullern[2] примѣняетъ двойственную точку зрѣнія къ квалификаціи правъ и, въ частности, сервитутовъ, какъ благъ. Относя сервитуты вообще къ благамъ съ частнохозяйственной точки зрѣнія, онъ обусловливаетъ признаніе этого съ народнохозяйственной точки зрѣнія тѣмъ, чтобы право имущества господствующаго по своему значенію превышало обязательство, лежащее на служебномъ имуществѣ. Такимъ образомъ, признаніе сервитута благомъ обусловлено предварительнымъ конкретнымъ изслѣдованіемъ даннаго сервитута, тогда какъ вообще относительно благъ такое требованіе не существуетъ. При этомъ остается невыясненнымъ, какъ опредѣляется такое значеніе сервитута и представляется ли оно постояннымъ. Различеніе частнохозяйственнаго и народнохозяйственнаго капитала ввели въ научный обиходъ Rodbertus-Jagetzow[3] и Rau[4]. Послѣдній противопоставлялъ истинный народнохозяйственный капиталъ, къ которому относилъ также суммы, отданныя взаймы за границу, и капиталъ съ точки зрѣнія ученія о частномъ хозяйствѣ, къ которому принадлежатъ, сверхъ того, и прочія имущества, служащія для полученія дохода отъ другихъ. Здѣсь, такимъ образомъ, Rau ставитъ опредѣленіе капитала въ зависимость отъ понятія народнаго дохода, опредѣляя послѣдній скорѣе съ бухгалтерской точки зрѣнія, нежели со стороны теоретической сущности этого понятія. Но подобныя представленія о

[1]) Art. Gut. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. I. S. 1219.
[2]) Grundzuege der Volkswirtschaftslehre. 1911. S. 12. Ср.: S. 82.
[3]) Zur Erkenntniss unsrer staatswirthsch. Zustände. 1842. (см. далѣе, § 22).
[4]) Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. Abth. I. 8 Aufl. § 54.

народномъ доходѣ и объ истинномъ народнохозяйственномъ капиталѣ и представляютъ собою частнохозяйственную точку зрѣнія. Принимая вообще различеніе частнохозяйственной и народнохозяйственной точки зрѣнія въ экономической теоріи, Ad. Wagner, въ примѣненіи къ понятію капитала, указываетъ слѣдующіе случаи несовпаденія двухъ точекъ зрѣнія: отдаваемое взаймы или внаймы потребительное имущество частью представляетъ капиталъ лишь съ точки зрѣнія собственника; такой же характеръ имѣютъ монопольныя правоотношенія, какъ патенты, «за исключеніемъ случая, если они являются для народа (народнаго хозяйства) условіемъ достиженія новыхъ благъ»; наконецъ, «блага, которыя индивидъ въ силу существующихъ правоотношеній или формъ оборота долженъ употребить на изготовленіе новыхъ благъ, представляютъ капиталъ для него,—національный же капиталъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, если эти блага вообще необходимы для достиженія новыхъ благъ». Послѣднее относится лишь къ той части заработныхъ платъ, которая достаточна для содержанія самихъ трудящихся, включая предпринимателей[1]. Что при такомъ построеніи понятіе и классификація капитала представляются недостаточно опредѣленными и неудовлетворяющими требованіямъ научной системы, едва ли требуетъ особыхъ доказательствъ. Въ дѣйствительности, интересамъ науки можетъ послужить не расчлененіе точекъ зрѣнія, а отдѣловъ производства и распредѣленія, съ принятіемъ двухъ самостоятельныхъ народнохозяйственныхъ понятій капитала—производственнаго и владѣльческаго. То же различеніе Wagner дѣлаетъ относительно объективнаго и личнаго доходовъ, а относительно издержекъ различаетъ даже три точки зрѣнія—человѣчества, народнаго и единичнаго хозяйства[2]. Подобное дробленіе точки зрѣнія даетъ въ результатѣ сложную и вмѣстѣ безплодную систематику съ хотя бы частью непріемлемыми положеніями, исключающую ясное и опредѣленное теоретическое выясненіе вопроса. Слишкомъ узкимъ и неправильнымъ представляется, напр., опредѣленіе издержекъ съ

[1]) Grundlagen. der polit. Oekonomie. 3 Aufl. § 127, 131, 129.
[2]) Theoretische Socialoekonomik. Abt. I. 1907. § 15 S. 42 ff.

первой точки зрѣнія, какъ «исключительно совокупности человѣческаго труда всякаго рода, затраченной на полученіе валового дохода». Но трудъ, какъ таковой, внѣ оцѣнки различныхъ результатовъ и условій его, не представляетъ собою экономическое явленіе, да и суммированіе его, въ виду его разнородности, не представляется возможнымъ. Независимо отъ того, это понятіе издержекъ съ точки зрѣнія человѣчества имѣетъ тѣмъ меньше смысла, что отсутствуетъ опредѣленіе съ той же точки зрѣнія дохода. Вообще же, по отношенію къ издержкамъ возможна лишь одна точка зрѣнія несущаго ихъ хозяйства. Къ полной совокупности отдѣльныхъ хозяйствъ это понятіе, въ значеніи общей суммы издержекъ, неприложимо вслѣдствіе неизбѣжной относительности понятія издержекъ, въ какой бы формѣ ни разсматривать ихъ. Различеніе частнохозяйственной и народнохозяйственной точекъ зрѣнія представлено также и въ русской экономической литературѣ[1].

Выше приведены были уже нѣкоторыя возраженія противъ такого индивидуализма, который логически противоставлялся бы общественному началу и общественной точкѣ зрѣнія. Сюда въ особенности принадлежатъ соображенія необходимости групповыхъ совпаденій въ индивидуальныхъ точкахъ зрѣнія, а равно и взаимообусловленности и необходимаго соотвѣтствія объектовъ индивидуальныхъ хозяйственныхъ сужденій и интересовъ. Сверхъ того, экономическія понятія и установленія, которыми руководится индивидъ въ своихъ хозяйственныхъ сужденіяхъ и въ практической дѣятельности, не могутъ быть разсматриваемы, какъ имѣющія индивидуальный характеръ и происхожденіе. Наконецъ, то обстоятельство, что народнохозяйственныя явленія по существу суть хозяйственныя взаимоотношенія между индивидами и ихъ групповыми образованіями, исключаетъ частнохозяйственную, или индивидуалистическую, точку зрѣнія, которая не была бы въ то же время соціальной или соціально-экономической точкой зрѣнія. Невозмож-

---

[1]) Напр., о производительности труда—Д. И. Пихно. Основанія политич. экономіи. 1890. § 21; о капиталѣ—П. И. Георгіевскій. Политическая экономія. Т. I. 4 изд. 1904. Стр. 122, а въ отношеніи къ долговымъ капиталамъ—Графъ С. Ю. Витте. Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ. Лекція XI.

ность такой индивидуалистической, не-соціальной точки зрѣнія въ области экономическихъ понятій, разсматриваемыхъ экономической теоріей, вытекаетъ уже изъ невозможности изолированнаго культурнаго существованія людей или даже группъ ихъ. Въ области практическихъ интересовъ индивидъ имѣетъ еще свои индивидуальныя стремленія, цѣли и точки зрѣнія, но въ сферѣ понятій, относящихся къ экономической теоріи, индивидъ не заинтересованъ въ этомъ и самостоятельно не можетъ идти дальше отрицанія соціальныхъ понятій и установленій. Указываемое же въ экономической литературѣ противопоставленіе частнохозяйственныхъ и народнохозяйственныхъ понятій есть либо шаблонный пріемъ восполненія недостаточно развитыхъ научныхъ понятій, либо неудачное развитіе ихъ.

17. Въ то время какъ вышеприведенныя воззрѣнія характеризуются стремленіемъ найти особую народнохозяйственную точку зрѣнія, сторонники теорій австрійской экономической школы исходятъ отъ противоположнаго стремленія выдвинуть субъективно-индивидуальную, а частью типическую индивидуальную точку зрѣнія въ экономической теоріи. Такъ, E. Boehm-Bawerk, исходя изъ того мнѣнія, что качество блага не заключено въ вещи, но основано на отношеніи между нею и опредѣленнымъ субъектомъ, заключаетъ отсюда: «Въ видахъ точности слѣдовало бы поэтому не просто говорить о благахъ, но всегда лишь о благахъ для A, для B, т. е. для вполнѣ опредѣленныхъ субъектовъ». «Важнѣйшее различіе въ точкѣ зрѣнія—между единичнохозяйственной и народнохозяйственной точками зрѣнія. Первая позволяетъ признавать лишь тѣ вещи благами, которыя соотвѣтствуютъ потребностямъ опредѣленнаго индивида и въ то же время имѣются въ его распоряженіи—обстоятельство, ограничивающее кругъ индивидуально-хозяйственныхъ благъ». «Въ отношеніи къ народному цѣлому представляются благами всѣ тѣ вещи, которыя состоятъ въ отношеніи блага къ которому-нибудь изъ членовъ народа[1]». Этотъ же экономистъ различаетъ въ понятіи цѣн-

[1]) Rechte und Verhältnisse vom Standpuncte der volkswirtschaftlichen Gueterlehre. 1881. S. 18 ff.

ности цѣнность въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ. По опредѣленію его, «цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть практическое значеніе, которое благо получаетъ для круга интересовъ опредѣленнаго субъекта вслѣдствіе того, что онъ замѣчаетъ зависимость его благосостоянія въ какой-либо части отъ обладанія благомъ; напротивъ, цѣнность въ объективномъ смыслѣ есть признанная пригодность блага для достиженія какого-либо отдѣльнаго внѣшняго результата». Къ послѣдней онъ относитъ и мѣновую цѣнность. Преобладающее значеніе приписывается субъективной цѣнности: «Въ разновидности субъективной цѣнности цѣнность есть одно изъ важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ основныхъ понятій науки о хозяйствѣ». При этомъ величина субъективной цѣнности опредѣляется большимъ или меньшимъ интересомъ благосостоянія, который мы ставимъ въ зависимость отъ блага. Отождествляя мѣновую цѣнность съ цѣнами, E. Böhm-Bawerk приходитъ къ теоріямъ субъективной цѣнности и цѣны, охватывающимъ въ совокупности всѣ явленія цѣнности[1]. Наконецъ, въ понятіи капитала E. Böhm-Bawerk различаетъ частный, или пріобрѣтательный капиталъ и народнохозяйственный, или производственный капиталъ. При этомъ первое понятіе онъ относитъ преимущественно къ теоріи распредѣленія и второе—къ теоріи народнохозяйственнаго производства[2]. Указанная индивидуалистическая точка зрѣнія получила распространеніе въ абстрактныхъ экономическихъ школахъ, въ особенности же—въ австрійской, американской, англійской и отчасти германской экономической литературѣ, но, естественно, нашла себѣ откликъ и въ русской наукѣ[3].

Несмотря на распространенность въ новѣйшей теоретической литературѣ политической экономіи индивидуально-субъективной точки зрѣнія, послѣдняя вызываетъ противъ себя существенныя возраженіи. Такъ, отмѣченная выше неизбѣжность совпаденія индивидуальныхъ точекъ зрѣнія и подчиненія ихъ болѣе общимъ точкамъ зрѣнія обусловливается уже

[1]) Art. Wert. Handw. der Staatswiss 3 Aufl. B. VIII. S. 756 f., 760, 767.
[2]) Art. Kapital. Handw. der Staatswiss 3 Aufl. B. V. S. 778.
[3]) Напр.: А. С. Шоръ. Основныя проблемы теоріи политич экономіи. 1907; М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политич. экономіи 2. изд. 1911 г. Отд. I и III.

затруднительностью проведенія индивидуальной точки зрѣнія и напрасной растратой, въ связи съ этимъ, извѣстной части силъ и средствъ. Фактъ рыночной оцѣнки какой-либо вещи, напр., рѣшаетъ вопросы о признаніи чего-либо благомъ, о цѣнности его и устраняетъ надобность въ индивидуальной умственной дѣятельности этого рода. Кромѣ того, въ виду соціальнаго характера хозяйственной жизни, индивидуально-субъективныя точки зрѣнія представлялись бы безполезными, такъ какъ онѣ не обезпечивали бы соотвѣтствія съ ними, а, стало быть, и практическаго примѣненія ихъ въ данной общественной средѣ. Наконецъ, усвоивши индивидуально-субъективную точку зрѣнія, индивидъ долженъ былъ бы распространить ее также и на другія стороны культуры[1], прилагая ее, напр., въ области этики, права, политики, техники и пр., что угрожало бы полной анархіей во всей совокупной сферѣ культурной жизни.

Нельзя, разумѣется, отрицать факты индивидуальнаго отклоненія отъ соціальныхъ точекъ зрѣнія, но эти факты не могутъ представить основанія для классификаціи. Такимъ образомъ, должно признать, что индивидуально-субъективное проявляется не столько въ общихъ руководящихъ точкахъ зрѣнія, сколько развѣ въ опредѣленіи конкретныхъ цѣлей личной жизни и соотвѣтствующихъ имъ средствъ.

Что касается предположенія индивидуальной типической точки зрѣнія, то таковая представляетъ проявленіе болѣе общей абстракціи или гипотезы и будетъ разсмотрѣна далѣе.

---

[1]) Ср.: C. Menger. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политич. экономіи въ особ.. Перев. Кн. I гл. 7. Стр. 74.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

18. Каждая соціальная наука имѣетъ дѣло съ явленіями, абстрагированными отъ общей конкретной сложности дѣйствительной жизни. Отсюда вытекаетъ необходимость абстрактнаго характера въ каждой соціальной наукѣ, какъ и въ наукѣ вообще. Но къ этому присоединяется не менѣе необходимое требованіе истинности, реальности науки, осуществленіе котораго невозможно съ помощью одной лишь абстракціи. Основныя погрѣшности въ научной методологіи вызываются односторонним выдвиганіемъ одного изъ указанныхъ началъ науки, либо механическимъ, внѣшнимъ совмѣщеніемъ ихъ.

Ограничиваясь чисто принципіальной стороной затронутой здѣсь проблемы научности и не касаясь именно методологической, или научно-технической ея стороны, должно признать безспорнымъ, что необходимыя достоинства научнаго изслѣдованія обезпечиваются лишь при соблюденіи слѣдующихъ основныхъ требованій:

а) Должны быть правильно избраны основной предметъ и задача научнаго изслѣдованія, абстрагированіе отъ которыхъ, очевидно, недопустимо.

б) Должны быть оставлены въ сторонѣ моменты, которые образуютъ спеціальную область другихъ наукъ и абстрагированіе отъ которыхъ поэтому возможно и должно имѣть мѣсто.

в) Между родственными по ихъ содержанію науками должно поддерживаться, въ духовномъ направленіи и интересахъ ихъ представителей, общеніе, которымъ только и могутъ быть предупреждены какъ нарушеніе спеціализаціи, такъ и разобщенность близкихъ между собою наукъ и отсутствіе взаимосодѣй-

ствія и взаимоконтроля между ними.

Что касается перваго изъ приведенныхъ сейчасъ положеній, должно принять основнымъ предметомъ соціальныхъ наукъ общественную жизнь и дѣятельность съ присущими имъ чертами, а каждой изъ этихъ наукъ въ отдѣльности—соотвѣтствующую сторону общественнаго существованія людей. При этомъ послѣднее должно разсматриваться не какъ результатъ игры человѣческихъ страстей и желаній и не какъ естественно развивающійся жизненный процессъ, но какъ продуктъ болѣе или менѣе сознательнаго и свободнаго цѣлеполаганія и осуществленія цѣлей. Поэтому недопустимой абстракціей представляется уже принятіе индивида, какъ основного объекта соціальнаго изученія—въ особенности, если при этомъ имѣется въ виду средній, типическій и абстрактно изолированный индивидъ.

Что касается второго положенія, то политическая экономія не должна вторгаться въ спеціальную сферу изученія исторіи, этики, психологіи и пр. Смѣшеніе относящихся къ нимъ вопросовъ въ спеціальныхъ трудахъ, посвященныхъ одной изъ нихъ, нарушаетъ цѣльность труда, легко ведетъ къ заблужденіямъ даже въ собственно спеціальныхъ частяхъ его и неблагопріятно отражается на качественной или количественной продуктивности научной дѣятельности.

Наконецъ, въ отношеніи къ третьему положенію, «соціальное» единство родственныхъ наукъ достигается тѣмъ, что представители ихъ являются по возможности научно освѣдомленными въ другихъ изъ нихъ. Окончательно же эта цѣль достигается взаимосодѣйствіемъ на этой почвѣ между представителями данной науки и связью между литературами близкихъ между собой наукъ.

19. Противъ перваго изъ вышеприведенныхъ трехъ положеній погрѣшаетъ свойственная абстрактнымъ экономистамъ предпосылка «экономическаго человѣка» (homo oeconomicus), которую впервые формулировалъ и научно обосновалъ J. St. Mill[1] въ «Опытѣ объ опредѣленіи политической экономіи и

[1]) Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. (1 ed.—1844). 3 ed. 1877. Essay V. P. 137 seq. Ср. также его «Систему логики». Кн. VI гл. IX § 3, гл. VIII § 3. (Перев. съ англ. 1900).

о свойственномъ ей методѣ изслѣдованія». Онъ утверждалъ здѣсь, что согласно обычному пониманію политической экономіи, «она трактуетъ не обо всей природѣ человѣка, видоизмѣненной соціальнымъ порядкомъ, и не обо всемъ поведеніи человѣка въ обществѣ. Она интересуется имъ лишь, какъ существомъ, желающимъ обладать богатствомъ и способнымъ оцѣнить относительную пригодность средствъ къ достиженію этой цѣли». «Она вполнѣ абстрагируетъ отъ всякой другой страсти или мотива у человѣка, за исключеніемъ тѣхъ, которые могутъ быть разсматриваемы, какъ начала, постоянно противодѣйствующія желанію богатства, именно—отвращенія къ труду и желанія пользоваться въ данный моментъ дорого стоющими удовольствіями. Эти она принимаетъ въ извѣстной мѣрѣ въ расчетъ, такъ какъ они не сталкиваются только случайно, подобно другимъ желаніямъ, съ преслѣдованіемъ богатства, но сопутствуютъ этому всегда, какъ тормазъ или препятствіе, и, слѣдовательно, неотдѣлимо сливаются съ разсмотрѣніемъ этого. Политическая экономія разсматриваетъ человѣчество, какъ занятое исключительно пріобрѣтеніемъ и потребленіемъ богатства, и старается показать, каково было бы направленіе дѣятельности, къ которой побуждалось бы человѣчество, если бы этотъ мотивъ, на сколько онъ не былъ бы парализованъ двумя вышеупомянутыми, постоянно противодѣйствующими мотивами, всецѣло господствовалъ бы надъ всѣми дѣйствіями его. Она показываетъ, какъ человѣчество, подъ вліяніемъ этого стремленія, накопляетъ богатство и примѣняетъ это богатство къ производству другого богатства, по взаимному соглашенію санкціонируетъ институтъ собственности, устанавливаетъ законы для воспрепятствованія индивидамъ въ посягательствахъ, съ насиліемъ или обманомъ, на чужую собственность, принимаетъ различныя мѣры для повышенія производительности труда, устанавливаетъ по соглашенію раздѣленіе продукта подъ дѣйствіемъ соперничества (соперничество же управляется извѣстными законами, которые представляются конечными регуляторами раздѣленія продукта) и примѣняетъ извѣстныя средства (какъ деньги, кредитъ и пр.) для облегченія распредѣленія. Всѣ эти функціи, хотя многія изъ нихъ суть въ дѣй-

ствительности результатъ множества мотивовъ, разсматриваются политической экономіей, какъ вытекающія исключительно изъ стремленія къ богатству. Наука переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію законовъ, которые управляютъ всѣми этими функціями, при предположеніи, что человѣкъ есть существо, насущными условіями своей природы предназначенное предпочитать большее количество богатства меньшему во всѣхъ случаяхъ за единственнымъ изъятіемъ, которое образуютъ два вышеопредѣленные противодѣйствующіе мотива. Не потому, чтобы экономисты были всегда такъ ограничены, что предполагаютъ человѣчество дѣйствительно такъ созданнымъ, но потому, что это есть необходимый пріемъ научной дѣятельности». «Для того, чтобы судить, какъ человѣкъ будетъ дѣйствовать при разнообразіи желаній и антипатій, которыя конкурируя дѣйствуютъ въ немъ, мы должны знать, какъ онъ дѣйствовалъ бы при исключительномъ вліяніи одного изъ нихъ». «Въ человѣческой дѣятельности есть извѣстныя отрасли, главной и признанной цѣлью которыхъ представляется пріобрѣтеніе богатства. Политическая экономія принимаетъ во вниманіе только ихъ». «На сколько извѣстно или можетъ быть предполагаемо, что поведеніе людей въ преслѣдованіи богатства находится подъ стороннимъ вліяніемъ иныхъ свойствъ нашей природы, помимо желанія получить наибольшее количество богатства съ наименьшимъ трудомъ и самопожертвованіемъ, заключенія политической экономіи будутъ на столько далеки отъ примѣнимости ихъ къ объясненію или предвидѣнію реальныхъ фактовъ, на сколько они не видоизмѣнены правильнымъ учетомъ мѣры вліянія, оказываемаго иною причиною». Вмѣстѣ съ тѣмъ Mill признаетъ, ссылаясь на всѣхъ наиболѣе выдающихся представителей ея, политическую экономію по существу абстрактной наукой и ея методомъ—методъ a priori.

Въ вышеприведенной обширной выдержкѣ J. St. Mill приписываетъ людямъ, въ ряду природныхъ, но видоизмѣняемыхъ общественностью свойствъ и импульсовъ, стремленіе къ богатству, подъ которымъ Mill, какъ и большинство англійскихъ экономистовъ, разумѣетъ хозяйственныя блага[1]. Этому стре-

[1]) См. его же Principles of Political Economy etc. Ed. by W. Ashley. 1909. P. 9.

мленію къ богатству приданъ апріорный характеръ, проявляющійся практически въ томъ, что общественныя установленія разсматриваются, какъ возникающія подъ вліяніемъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ этому импульсу дается опредѣленіе, сближающее его съ принципомъ хозяйственности — съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что онъ разсматривается не какъ логически необходимый принципъ дѣйствованія, изъ котораго еще нельзя заключить къ содержанію и цѣли дѣятельности, но какъ присущій людямъ импульсъ къ общей цѣли — пріобрѣтенію богатства, т. е. хозяйственныхъ благъ. Имѣющіяся въ приведенныхъ выдержкахъ упоминанія объ общественной природѣ людей и объ отношеніи означеннаго импульса также къ потребленію вообще не имѣли существеннаго значенія и въ послѣдующей экономической литературѣ по этому вопросу вовсе отпали. Наконецъ, Mill, признавая — что весьма замѣчательно — вліяніе стремленія къ богатству также и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не имѣетъ главнаго значенія по сравненію съ другими импульсами, однако исключаетъ изъ-за своей абстрактной тенденціи всѣ эти случаи изъ сферы политической экономіи, произвольно и чрезмѣрно ограничивая этимъ ея содержаніе. Недостаточность абстрактнаго разсмотрѣнія подтверждается въ особенности несостоятельностью предлагаемыхъ, при заключеніи къ дѣйствительнымъ условіямъ, поправокъ за счетъ дѣйствія иныхъ импульсовъ, свойственныхъ людямъ. Но основнымъ недостаткомъ въ изложенныхъ воззрѣніяхъ представляется молчаливое предположеніе, что дѣятельность людей опредѣляется импульсами и что въ этихъ послѣднихъ заключается основной и конечный предметъ соціально-научнаго изслѣдованія. Въ дѣйствительности же, воля и сознаніе и общественность, освобождая жизнь людей отъ чисто животнаго подчиненія импульсамъ, выдвигаютъ начало свободнаго, личнаго и соціальнаго, цѣлеполаганія на основѣ общественнаго строя жизни. Представляя собою безконечное разнообразіе, эти цѣли, съ ихъ хозяйственной стороны далеко не сводятся къ одному только желанію пріобрѣтенія съ противодѣйствующей этому несклонностью къ труду и къ воздержанію. Выясненіе этихъ цѣлей и ихъ осуществленія принадлежитъ къ задачамъ каждой

соціальной науки и, разумѣется, не можетъ быть осуществлено одной лишь абстрактной научной дѣятельностью въ формѣ дедукціи изъ присущихъ людямъ импульсовъ. J. St. Mill впрочемъ самъ въ своемъ обширномъ трактатѣ политической экономіи отступилъ отъ этихъ своихъ воззрѣній о томъ, какова должна быть наука политической экономіи[1].

Всѣ указанныя недостатки и погрѣшности дѣлаютъ презумпцію «экономическаго человѣка» научно-несостоятельной. Но въ абстрактной, атомистической, направленной къ причинному объясненію явленій, системѣ экономической науки эта презумпція представила необходимый элементъ, и въ силу этого она получила широкое признаніе и распространеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она согласовалась и съ общимъ направленіемъ ученія D. Ricardo[2], не относясь лишь къ его представленіямъ о рабочемъ классѣ въ совокупности, которому въ этой экономической системѣ отводится вообще лишь пассивная роль. Однако и представители абстрактнаго направленія въ наукѣ, въ своихъ воззрѣніяхъ на науку и въ своихъ научныхъ трудахъ, не могли вовсе игнорировать экономическую дѣйствительность. Отсюда проистекаетъ двойственность воззрѣній, стремленіе совмѣстить элементы противоположныхъ воззрѣній и отчасти небезуспѣшныя попытки внести поправки въ абстрактную научную схему. Такой именно характеръ получило изложенное воззрѣніе J. St. Mill'я у послѣдователей его.

Сюда принадлежалъ прежде всего его ученикъ J. E. Cairnes[3]. Первою задачею экономиста онъ признаетъ установленіе отправныхъ предположеній (premisses), или конечныхъ фактовъ, физическихъ и умственныхъ, изъ которыхъ выводятся научныя заключенія,—именно тѣхъ фактовъ, которые обусловливаютъ производство и распредѣленіе богатства. Только исчерпывающее знаніе указанныхъ предпосылокъ могло бы при-

[1]) Ср.: Francis Walker, Political Economy. 3 ed. 1892. P. 15 note; J. N. Keynes. The scope and method of Political Economy. 3 ed. 1904. P. 116 seq.

[2]) Отмѣтимъ здѣсь неточность въ переводѣ въ русскомъ изданіи (1891 г., стр. 199) «Исторіи политической экономіи» Ингрэма. Относимое авторомъ къ гипотетической наукѣ, предположеніе «экономическаго человѣка» переводчикъ приписалъ Д. Рикардо.

[3]) The Character and Logical Method of Political Economy. (1 ed.—1857). 2 ed. 1875. Lect. II § 2, 3.

близить политическую экономію, по точности предсказаній, къ абсолютно-совершенной наукѣ, какъ астрономія. Но это представляется невозможнымъ вслѣдствіе крайней многочисленности этихъ фактовъ, ихъ разнообразія, неясности управляющихъ ими законовъ и чрезвычайной многосложности и трудности всей этой задачи въ цѣломъ. Но невозможность абсолютнаго научнаго совершенства не должна отвращать отъ открытія, по крайней мѣрѣ, солидныхъ и цѣнныхъ результатовъ. Къ указаннымъ предпосылкамъ Cairnes относитъ желанія, стремленія и склонности людей, нѣкоторые важнѣйшіе физіологическіе факты человѣческой природы и главныя физическія особенности естественныхъ элементовъ производства. Изъ первой группы умственныхъ фактовъ прежде всего Cairnes указываетъ «всеобщее желаніе физическаго благосостоянія и богатства, равно какъ и средствъ къ достиженію его» и «интеллектуальную способность сужденія о производительности средствъ къ какой-либо цѣли, вмѣстѣ съ склонностью достичь нашихъ цѣлей наиболѣе легкими и малыми средствами». По весьма характерному замѣчанію цитируемаго автора, «эти факты, умственные или физическіе, экономистъ будетъ разсматривать не съ цѣлью выясненія ихъ, но какъ данныя его разсужденій, какъ руководящія причины, обусловливающія производство и распредѣленіе богатства»[1].

Вслѣдъ за этимъ Cairnes старается расширить и обосновать указанныя посылки абстрактной политической экономіи[2]. Постигнувъ главные факты, отъ которыхъ должно отправляться при научномъ изслѣдованіи производства и распредѣленія, должно заняться «второстепенными причинами, физическими или умственными, политическими или соціальными, которыя воздѣйствуютъ на человѣческое поведеніе въ преслѣдованіи богатства» съ тѣмъ, чтобы по изслѣдованіи ихъ значенія включить ихъ въ научныя предпосылки. Къ этимъ второстепеннымъ фактамъ отнесены политическія и соціальныя установленія, усовершенствованія въ производствѣ, «тѣ мотивы и принципы дѣятельности, которые могутъ быть развиты съ

[1]) O. c.. § 2. P. 39—42.
[2]) P. 42—45. Къ этой части изложенія присоединяется J. N. Keynes (см. ниже).

прогрессомъ общества», въ частности—«вліяніе обычаевъ на видоизмѣненіе человѣческаго поведенія въ преслѣдованіи богатства», а равно нравственныя и религіозныя соображенія, по сколько они вліяютъ на поведеніе людей въ преслѣдованіи богатства. Признавая невозможнымъ констатировать и точно учесть всѣ эти обстоятельства, Cairnes признаетъ это необходимымъ хотя бы относительно главнѣйшихъ изъ нихъ. «И по соразмѣрности съ тѣмъ, какъ это сдѣлано, по соразмѣрности съ полнотой предпосылокъ и съ искусствомъ, съ какимъ онѣ обсуждаются, наука политической экономіи приблизится къ тому совершенству, которое достигнуто въ другихъ отрасляхъ знанія; въ той же мѣрѣ ея заключенія будутъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными событіями, и ея теоріи станутъ надежными и вѣрными руководителями для практическаго государственнаго дѣятеля и для филантропа».

Далѣе, Cairnes выясняетъ характеръ науки политической экономіи[1]. Онъ признаетъ очевиднымъ, что экономистъ, въ своемъ научномъ изслѣдованіи отправляясь отъ безспорныхъ фактовъ человѣческой природы—«желанія богатства и несклонности къ труду» и изслѣдуя съ строго логической точностью, но опуская другіе принципы, также оказывающіе свое дѣйствіе, приходитъ къ заключеніямъ, несходнымъ съ дѣйствительностью. Въ научномъ матеріалѣ создается такимъ образомъ различіе между предпосылками, или умственными и и физическими фактами, которымъ приписывается характеръ положительной истины, и выводимыми отсюда теоріями, имѣющими лишь гипотетическій характеръ и сообщающими его политической экономіи.

Извѣстный американскій экономистъ Francis A. Walker[2] различалъ въ политической экономіи двѣ школы—англійскую и германскую. «Экономисты первой школы настаиваютъ на томъ, что настоящія предпосылки чистой политической экономіи состоятъ изъ немногихъ извѣстныхъ фактовъ человѣческой природы, человѣческаго общества и физическаго устройства земли; что эти предпосылки, числомъ не болѣе пяти

[1]) § 3, въ особ.: p. 49—57.
[2]) Political Economy. 3 ed. 1892. § 16—22.

или шести, представляютъ всѣ, требуемыя изслѣдованіемъ; что цѣль экономическаго изслѣдованія не можетъ выйти изъ этихъ предѣловъ, не нарушая чистоты и простоты науки и не вводя ошибки и смѣшенія». Напротивъ, «экономисты второй школы утверждаютъ, что область политической экономіи—выясненіе явленій богатства». «Съ этой точки зрѣнія, все, что существенно вліяетъ на производство и распредѣленіе богатства, не можетъ игнорироваться экономистомъ. Вся человѣческая исторія становится ея областью. Прочія науки, какъ физическія, такъ и нравственныя, обращаются на службу ей». Walker возражаетъ на это, что такое распространеніе политической экономіи дѣлаетъ ее превышающею человѣческія силы. «Политическая экономія, понимаемая такимъ образомъ, становится трудомъ, въ которомъ должны соучаствовать многіе люди и послѣдовательныя эпохи, матеріалъ для котораго накопленъ въ человѣческомъ опытѣ и постоянно возрастаетъ. Она становится трудомъ, который никогда не сдѣланъ, но всегда долженъ быть дѣлаемъ, возрастая вмѣстѣ съ ростомъ знанія у поколѣній».

Это воззрѣніе представляется однако, очевидно, несостоятельнымъ. Мотивъ облегченія науки не можетъ имѣть роли въ рѣшеніи вопроса о содержаніи и направленіи науки. Равнымъ образомъ, не можетъ имѣть значенія соображеніе обширности или даже неисчерпаемости научнаго матеріала. Предположеніе, что наука когда-нибудь должна быть готова и не требовать дальнѣйшаго труда, представляется точно также несостоятельнымъ. Наконецъ, фактъ чрезвычайнаго повышенія продуктивности при примѣненіи раздѣленія дѣятельности въ его различныхъ видахъ указываетъ на необходимость возрастающаго проведенія началъ раздѣленія и соединенія дѣятельности также въ области науки ради возможно высшаго развитія ея.

Fr. Walker указываетъ на то, что означенной предпосылкѣ экономическаго человѣка въ общемъ удовлетворяетъ уже не мало трактатовъ и что наиболѣе выдающимся изъ нихъ является трактатъ D. Ricardo. Въ заключеніе Walker приходитъ къ компромиссу между обоими направленіями: «Политическая

экономія должна начинать съ метода Рикардо. На основаніи взятыхъ немногихъ простыхъ предположеній, должны быть изслѣдованы процессы производства, обмѣна и распредѣленія богатства и приведены въ одну законченную систему, которая можетъ быть названа чистой политической экономіей, произвольной, или апріорной, или же рикардіанской, по имени ея величайшаго представителя. Эта схема должна представить скелетъ всѣхъ экономическихъ изслѣдованій, который долженъ быть облеченъ въ плоть и кровь реальной, жизненной политической экономіи, разсматривающей людей и общества, какъ они есть, со всѣми ихъ симпатіями, апатіями и антипатіями».

Но это воззрѣніе, которое не принадлежитъ всецѣло прошлому, заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе между дедуктивной и эмпирической частями одной науки.

Указанное воззрѣніе на существо и задачи политической экономіи защищалъ и Walter Bagehot. «Политическая экономія», высказывалъ онъ, «имѣетъ дѣло не со всѣмъ реальнымъ человѣкомъ, какъ мы его знаемъ въ дѣйствительности, но съ болѣе простымъ, воображаемымъ человѣкомъ, соотвѣтствующимъ чистому опредѣленію, изъ котораго удалены всѣ неблагопріятствующіе и противоположные элементы. Абстрактный человѣкъ этой науки увлеченъ однимъ желаніемъ—обладать богатствомъ, не потому, что когда-либо было существо, дѣйствовавшее всегда, какъ указывало это желаніе, но потому, что найдено удобнымъ изолировать эффекты этой силы отъ всѣхъ прочихъ». «Назначеніе первоначальныхъ предположеній политической экономіи—показать, какимъ образомъ главное изъ хозяйственныхъ желаній—желаніе достичь богатства—дѣйствовало бы, если бы мы разсматривали его дѣйствующимъ, на сколько возможно, само по себѣ». Bagehot отмѣчаетъ—и находитъ такое начало вполнѣ естественнымъ, что первые представители политической экономіи желали «трактовать въ одной наукѣ всѣ причины, которыя производили или уничтожали богатство, которыя, какъ сказали бы они, сдѣлали націи богатыми или бѣдными»[1].

---

[1]) The preliminaries of Political Economy. Economic Studies. (1 ed.—1879) 7 ed. by R. H. Hutton. 1908. P. 97 seq.

Bagehot трактуетъ этотъ вопросъ также и въ другой своей научной работѣ[1]. «Наука политической экономіи», говорится здѣсь, «какова она въ Англіи, можетъ быть опредѣлена, какъ наука о дѣловой дѣятельности, какъ въ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ обществахъ». «Имѣя предметомъ условія дѣловой дѣятельности, она предполагаетъ, что человѣкъ дѣйствуетъ исключительно по мотивамъ дѣловой дѣятельности. Она предполагаетъ, что каждый человѣкъ, покупая, покупаетъ вполнѣ охотно и, продавая, продаетъ вполнѣ охотно, каждый нуждаясь въ полученіи всей возможной выгоды».

Въ этой послѣдней выдержкѣ—если оставить въ сторонѣ сведеніе учитываемыхъ экономикой интересовъ всецѣло къ деньгамъ—намѣчается уже болѣе опредѣленная формулировка стремленія къ богатству или къ выгодѣ, указывающая на одинъ изъ путей, приводившихъ къ формулированію принципа хозяйственности. Въ этой формулировкѣ, которую въ еще болѣе зачаточномъ видѣ дали уже J. St. Mill[2] и Cairnes[3], соотвѣтствующее предположеніе не является лишь однимъ изъ приписываемыхъ человѣку импульсовъ, а принципомъ, подъ руководствомъ котораго человѣкъ опредѣляетъ образъ и отчасти также родъ своей дѣятельности.

Этимъ именно путемъ пошелъ раньше другихъ и рѣшительнѣе Nassau William Senior[4], который въ ряду основныхъ четырехъ предпосылокъ политической экономіи на первомъ мѣстѣ даетъ предположеніе, что каждый человѣкъ желаетъ получить добавочное богатство съ возможно малымъ пожертвованіемъ. Senior присоединяетъ къ этому оговорку противъ смѣшенія его формулы съ предположеніемъ, «что каждый или

[1]) The Postulates of English Political Economy. Ibid. P. 6 seq.

[2]) Essays etc. P. 140. 144 (см. выше).

[3]) O. c. P. 41 (см. выше).

[4]) Political Economy. 2 ed. 1850. P. 26 seq. Cairnes, o. c. p. 51 seq., воспроизводитъ три возраженія, которыя дѣлаетъ Senior въ другомъ научномъ трудѣ (Introductory Lecture on Political Economy. 1852. P. 63.) противъ гипотетическаго трактованія политической экономіи. Senior указываетъ прежде всего на непривлекательность подобнаго изложенія науки. «Во-вторыхъ, писатель, отправляющійся отъ произвольно принятыхъ предположеній, рискуетъ забыть, повременамъ, ихъ необоснованность и вести изслѣдованіе такъ, какъ если бы они были истинными». Наконецъ, «третье возраженіе противъ гипотетическихъ разсужденій—подверженность ихъ ошибкѣ вслѣдствіе либо нелогичности заключенія либо опущенія какого-либо элемента, необходимо привходящаго къ данному случаю».

хотя бы даже кто-либо желаетъ неопредѣленнаго количества каждой вещи», и въ особенности—съ тѣмъ предположеніемъ, что «богатство, хотя бы универсальное (т. е. деньги), служитъ или должно быть главнымъ предметомъ человѣческихъ желаній».

Эту переходную формулировку хозяйственнаго импульса-принципа приняли также John Neville Keynes[1] и Henry Sidgwick[2].

Къ другой идеѣ, также удовлетворяющей требованіямъ научности, подошелъ, исходя изъ того же стремленія къ богатству, Henry Fawcett[3]. Онъ утверждалъ, что политическая экономія «не игнорируетъ другихъ мотивовъ, помимо желанія богатства». «Мы изолируемъ этотъ классъ феноменовъ, такъ какъ этого необходимо требуетъ научное изслѣдованіе. Всякій соціальный вопросъ, прямо или косвенно, вызываетъ извѣстныя соображенія богатства и, стало быть, имѣетъ сторону, съ которой онъ долженъ быть разсматриваемъ политической экономіей». Въ видѣ примѣра Fawcett всесторонне разсматриваетъ съ экономической стороны вопросъ о принудительномъ обученіи. Здѣсь такимъ образомъ нашла себѣ выраженіе идея универсальнаго распространенія экономическаго интереса въ области соціальной жизни.

Весьма обширно трактуетъ вопросъ о сущности и задачахъ политической экономіи J. N. Keynes. Въ общемъ онъ присоединяется къ взглядамъ, которые высказывали Cairnes и Bagehot и оспариваетъ возраженія со стороны Cliffe Leslie и Knies'a. Keynes признаетъ, что «совершенно правильно начинаясь съ абстракцій, въ своемъ полномъ содержаніи политическая экономія съ одинаковымъ основаніемъ можетъ быть названа какъ реалистической, такъ и абстрактной наукой». При этомъ видное мѣсто въ политической экономіи отводится «абстракціи, по которой люди въ своихъ экономическихъ дѣйствіяхъ предполагаются дѣйствующими исключительно въ виду извѣстной непосредственной цѣли, именно—достиженія максимума цѣнности съ минимумомъ труда и пожертвованія». Во избѣжа-

[1]) The scope and method of Political Economy. (1 ed.—1890). 3 ed. 1904. P. 119.

[2]) The Principles of Political Economy. (1 ed.—1883). 3 ed. 1901. P. 44.

[3]) Manual of Political Economy. 7 ed. 1888. B. I ch. I P. 4—5.

ніе недоразумѣній Keynes рекомендуетъ «разсматривать экономическаго человѣка скорѣе, какъ стремящагося къ достиженію извѣстной непосредственной цѣли, нежели какъ дѣйствующаго по чисто экономическимъ мотивамъ», а равно признаетъ несущественными конечныя цѣли и болѣе отдаленные мотивы человѣческой дѣятельности. Импульсъ желанія богатства признается впрочемъ также и въ своемъ общемъ абстрактномъ выраженіи. «Ибо, хотя и справедливо, что наша хозяйственная дѣятельность подвержена вліянію разнообразныхъ мотивовъ, которые то усиливаются, то парализуются одинъ другимъ, вѣрно также и то, что въ хозяйственныхъ дѣлахъ желаніе богатства оказываетъ болѣе однородное и гораздо болѣе сильное вліяніе на людей, взятыхъ въ массѣ, нежели какое-либо иное непосредственное желаніе. Вслѣдствіе этого, для достиженія простоты, представляющейся реквизитомъ научно-точнаго изслѣдованія предмета, правильно и даже необходимо изслѣдовать результаты этого желанія при предположеніи, что оно дѣйствуетъ безпрепятственно. Игнорируя первоначально всѣ иные мотивы и обстоятельства, за исключеніемъ относящихся къ свободной и полной конкуренціи, мы можемъ до нѣкоторой степени, въ извѣстныхъ отрасляхъ изслѣдованія, опредѣлить болѣе устойчивыя и постоянныя тенденціи дѣятельности и отсюда достичь перваго приближенія къ истинѣ. Фактически это есть въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма значительное приближеніе». «Предположеніе, что люди побуждаются этимъ желаніемъ, соединяется въ экономическихъ разсужденіяхъ съ иными предположеніями — какъ, напр., отсутствіе насилія и обмана, — которыя полагаютъ извѣстныя границы способамъ проявленія этого желанія». Въ дальнѣйшемъ однако Keynes признаетъ необходимымъ пополнить научное изслѣдованіе обращеніемъ къ дѣйствительной жизни. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ различаетъ абстрактную или же чистую теорію политической экономіи, пользующуюся почти исключительно дедуктивнымъ и гипотетическимъ методомъ и восполняющую ее конкретную экономику. Эта послѣдняя не довольствуется одними лишь гипотетическими результатами. Ея законы достигаются либо прямымъ обобщеніемъ изъ опыта

либо съ помощью дедуктивнаго метода. Въ послѣднемъ случаѣ однако предпосылки приспособляются къ спеціальнымъ указаніямъ опыта. Формулируя конкретныя эмпирическія теоріи мы стараемся представить законы, дѣйствующіе въ данную эпоху или въ данномъ состояніи общества. Мы имѣемъ чистую теорію par excellence, когда мы интересуемся экономическими людьми, при предположеніи, что они имѣютъ дѣло исключительно другъ съ другомъ въ условіяхъ экономической свободы. На этой основѣ выработались законы конкурентныхъ цѣнъ, заработныхъ платъ, рентъ, процента и т. д. въ ихъ наиболѣе общихъ и абстрактныхъ формахъ»[1].

При томъ характерѣ, какой дается здѣсь конкретной экономикѣ, представляется немотивированнымъ удержаніе, наряду и именно какъ первой части политической экономіи, также абстрактной, или чистой экономіи. Единственнымъ объясненіемъ этого представляются нежеланіе порвать съ укоренившейся въ наукѣ традиціей, въ частности же — отсутствіе яснаго различенія между хозяйственнымъ импульсомъ и принципомъ экономіи.

Въ своей небольшой статьѣ объ абстрактной политической экономіи[2] тотъ же экономистъ также удерживаетъ въ общемъ составѣ экономической науки абстрактную и конкретную политическую экономію. Первая «можетъ имѣть универсальное значеніе, но лишь въ силу своего гипотетическаго характера. Она можетъ оставаться вдали отъ дѣйствительныхъ конкретныхъ фактовъ». Конкретная экономія «изслѣдуетъ особенныя состоянія, которыя чистая теорія открыто игнорируетъ, и въ особенности занимается квалификаціями и ограниченіями, съ помощью которыхъ должны быть истолковываемы абстрактныя теоріи. Она не притязуетъ на универсальность, но довольствуется истолкованіемъ и выясненіемъ дѣйствительныхъ экономическихъ феноменовъ, характеристикой данной эпохи или даннаго состоянія общества».

20. Уже упомянутые выше экономисты проявляли нѣко-

1) O. c. Chap. IV, Notes to chap. IV.

2) Abstract Political Economy. Palgrave's Dictionary of Political Economy. Vol. I. P. 5.

торое вниманіе къ критическимъ возраженіямъ, которыя вызывало противъ себя дедуктивное обоснованіе политической экономіи на извѣстныхъ абстрактныхъ предпосылкахъ, изъ коихъ главную представляли желаніе богатства и несклонность къ безвыгодному труду, или, иначе, идея экономическаго человѣка.

Нѣкоторые другіе экономисты обратили особливое вниманіе на эту критику и постарались раскрыть и восполнить дефекты, которые, по ихъ предположеніямъ, давали поводъ къ такой критикѣ. Однако, стремленіе сохранить основную сущность этихъ воззрѣній, выражающуюся въ абстрактномъ и атомистическомъ представленіи политической экономіи, присуще и нѣкоторымъ изъ этихъ экономистовъ.

W. Bagehot[1] защищалъ англійскую экономію отъ предубѣжденія противъ нея въ остальной Европѣ указаніемъ на то, что англійскіе экономисты говорятъ не о реальныхъ людяхъ, но о воображаемыхъ, стоящихъ ближе къ тому кругу дѣловой дѣятельности, которая получила наибольшее развитіе именно въ Англіи. Напротивъ, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ англійскихъ экономистовъ, Alfred Marshall въ этомъ именно усмотрѣлъ дефектъ и соотвѣтственно этому внесъ поправку въ основную предпосылку англійской экономіи, вмѣстѣ съ тѣмъ лишивъ эту предпосылку яснаго и опредѣленнаго содержанія. Marshall опредѣляетъ экономику съ одной стороны, какъ изученіе богатства, и съ другой, болѣе важной— какъ изученіе человѣка. «Экономика есть изученіе людей, какъ они живутъ, движутся и мыслятъ въ обычной жизненной дѣятельности. Но, главнымъ образомъ, она занимается тѣми мотивами, которые наиболѣе сильно и наиболѣе постоянно воздѣйствуютъ на поведеніе человѣка въ дѣловой сторонѣ его жизни». «Но, прежде всего, наиболѣе устойчивый мотивъ къ обычной дѣловой дѣятельности есть желаніе матеріальнаго вознагражденія за трудъ». Нѣсколько далѣе, Marshall допускаетъ, что «быть можетъ, болѣе ранніе англійскіе экономисты слишкомъ сосредоточивали свое вниманіе на мотивахъ индивидуальной дѣятельности. Въ дѣйствительности, экономисты, какъ и всѣ другіе представители соціальной науки,

[1]) O. c. P. 6. seq.

имѣютъ дѣло съ индивидами, главнымъ образомъ какъ съ членами соціальнаго организма». «Справедливо, что дѣятельность цѣлаго слагается изъ дѣятельности образующихъ его частей, и что въ большинствѣ экономическихъ проблемъ лучшій отправный пунктъ можетъ быть найденъ въ мотивахъ, которые воздѣйствуютъ на индивида, разсматриваемаго не какъ изолированный атомъ, но какъ членъ извѣстной отдѣльной торговой или промышленной группы; но также справедливо, на чемъ настаивали германскіе писатели, что экономика имѣетъ большой и возрастающій интересъ къ мотивамъ, связаннымъ съ коллективной собственностью и съ коллективнымъ преслѣдованіемъ важныхъ цѣлей». «Но въ дѣйствительности», утверждаетъ далѣе Marshall, «разнообразіе мотивовъ, трудности измѣренія ихъ и способъ преодолѣнія этихъ трудностей принадлежатъ къ главнымъ объектамъ, которыми мы будемъ заниматься въ остальной части этого трактата». «Экономисты», резюмируетъ онъ, «изучаютъ дѣйствія индивидовъ, но изучаютъ ихъ скорѣе въ отношеніи къ соціальной, нежели индивидуальной жизни; и стало быть, лишь въ малой мѣрѣ интересуются личными особенностями темперамента и характера». Экономисты имѣютъ дѣло «не съ абстрактнымъ или «экономическимъ» человѣкомъ; но съ человѣкомъ съ плотью и кровью. Они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который въ значительной степени подчиняется эгоистическимъ мотивамъ въ своей дѣловой дѣятельности, но который не стоитъ выше тщеславія и безпечности ни ниже удовлетворенія хорошимъ выполненіемъ своего дѣла самимъ по себѣ или пожертвованіемъ себя для блага семьи, близкихъ или страны, съ человѣкомъ, который оказывается не ниже любви къ добродѣтельной жизни; они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, какъ онъ есть. Но занимаясь главнымъ образомъ тѣми сторонами жизни, въ которыхъ дѣйствіе мотива на столько регулярно, что оно можетъ быть предсказываемо, и оцѣнка движущихъ силъ можетъ быть провѣрена на результатахъ, они обосновали свой трудъ на научной основѣ»[1].

Въ конечномъ итогѣ, Marshall сохранилъ старое воззрѣніе

[1]) Principles of Economics. Vol. I. 5 ed. 1907. B. I. ch. I. § 1, ch. II §§ 1, 6, 7.

на сущность политической экономіи, основанное на абстрактномъ представленіи индивида, т. е. человѣка, какимъ онъ предполагается въ общественной средѣ, и на типическихъ мотивахъ, долженствующихъ служить къ общему причинному объясненію экономическихъ явленій.

James Bonar придалъ указанной абстракціи стремленія къ богатству общественный характеръ, при чемъ—довольно характерно для себя—сравниваетъ въ этомъ отношеніи человѣческое общество съ муравьями и пчелами. Политическая экономія считается съ двумя стремленіями людей—къ богатству и къ семейной жизни. Другія стремленія людей, какъ честолюбіе и любознательность, представляютъ гораздо менѣе единообразія. Два же выдѣленныхъ стремленія позволяютъ притти къ тѣмъ болѣе достовѣрной оцѣнкѣ общихъ тенденцій, чѣмъ обширнѣе кругъ изучаемыхъ явленій[1].

21. Противъ охарактеризованныхъ абстрактныхъ воззрѣній на сущность политической экономіи прямо выступили въ англійской экономической литературѣ уже упоминавшійся Senior и затѣмъ Cliffe Leslie и W. E. Johnson.

Въ своемъ болѣе раннемъ очеркѣ[2] Cliffe-Leslie говоритъ о любви къ деньгамъ съ одной стороны, какъ о любви къ множеству различныхъ вещей, имѣющихъ то общее между собою, что ихъ можно получить за деньги. Съ другой стороны, онъ опредѣлялъ любовь къ деньгамъ, какъ то «универсальное желаніе богатства, отъ котораго экономисты вывели теорію цѣнъ, вмѣстѣ съ различными важными истинами относительно условій промышленной энергіи и благосостоянія». Въ болѣе поздней работѣ[3] Cliffe-Leslie проявилъ уже критическое отношеніе къ той «доктринѣ абстрактной политической экономіи, что умственный принципъ, который ведетъ къ производству и накопленію, есть желаніе богатства. «Желаніе богатства», высказывается здѣсь, «есть общее наименованіе для различнѣй-

---

[1]) Elements of Political Economy. 2 ed. 1904. P. 4—8.

[2]) The love of money (publ. 1862). Essays in Political Economy. 2 ed. 1888. P. 2-3.

[3]) On the philosophical method of Political Economy. (publ. 1876). Ibidem. P. 166—170.

шихъ потребностей, желаній и чувствованій, значительно различающихся между собою по своему экономическому характеру и дѣйствію, подвергающихся существеннымъ перемѣнамъ въ однихъ отношеніяхъ, но сохраняющихъ постоянство въ другихъ отношеніяхъ». «Такимъ образомъ, всѣ желанія, потребности, стремленія, вкусы, цѣли и идеи, которымъ удовлетворяютъ различныя вещи, подразумѣваемыя подъ богатствомъ, собраны вмѣстѣ въ политической экономіи, какъ принципъ человѣческой природы, являющійся источникомъ промышленной дѣятельности и движущимъ принципомъ экономическаго міра». Съ другой стороны, Cliffe-Leslie признаетъ, что «любовь къ накопленію или къ собственности, пріобрѣтательная наклонность, желаніе богатства независимо отъ его непосредственнаго или спеціальнаго примѣненія есть принципъ соціальнаго роста, съ которымъ долженъ знакомить экономистъ». Но и здѣсь необходимо было бы считаться съ различными конкретными обстоятельствами. «Желаніе богатства никоимъ образомъ не представляется необходимо стимуломъ къ промышленности и еще менѣе къ воздержанію», такъ какъ и разбойный баронъ, и купецъ, и расточительный сынъ всѣ движимы любовью къ богатству въ его разныхъ видахъ.

Въ своей критикѣ Cliffe-Leslie обращается и противъ той относительной формулировки желанія богатства, которую далъ Senior, также отвергавшій абсолютное выраженіе стремленія къ богатству. Въ общемъ, возраженіе Cliffe-Leslie относится къ этому же абсолютному выраженію и представляется вполнѣ правильнымъ, хотя и нѣсколько узкимъ возраженіемъ противъ означенной презумпціи.

W. E. Johnson[1], возражая противъ предположенія «экономическаго человѣка», указываетъ на то, что при этомъ игнорируется вліяніе такихъ мотивовъ, какъ классовые предразсудки, общественное мнѣніе, чувствительность, сочувствіе и личное участіе, а также обычаи, привычки и незнаніе. Затѣмъ, то обстоятельство, что въ хозяйственной жизни единицею представляется не индивидъ, но семья, а равно и фи-

[1]) Art.: Economic man. Palgrave's Dictionary of Political Economy. Vol. I. P. 676 seq.

лантропическія и тщеславныя побужденія вызываютъ несоотвѣтствіе между предназначеніемъ богатства и тѣмъ чисто эгоистическимъ направленіемъ въ пріобрѣтеніи ихъ, которое предполагается у экономическаго человѣка. Но въ особенности расходится оспариваемое предположеніе съ той ролью, которая отводится абстрактной теоріей рабочему классу и которая могла бы скорѣе быть подведена подъ предположеніе не-экономическаго человѣка.

22. Во французской литературѣ интересныя критическія замѣчанія представилъ противъ гипотезы «экономическаго человѣка» Adolphe Landry[1] въ своемъ курсѣ политической экономіи. Приверженность классическихъ экономистовъ къ этой гипотезѣ—нѣсколько преувеличиваемую имъ—Landry объясняетъ простотой этой гипотезы и той точностью, которую съ помощью ея можно придать экономической наукѣ: «въ дѣйствительности, вмѣстѣ съ этой гипотезой экономика оказывается базирующейся всецѣло на одномъ психологическомъ принципѣ». Тѣ указанія, какія вообще дѣлались относительно несоотвѣтствія между дѣятельностью экономическаго и реальнаго человѣка, Landry сводитъ къ слѣдующимъ рубрикамъ: «1) Homo oeconomicus есть эгоистъ; онъ занятъ лишь своими собственными интересами, реальный же человѣкъ преслѣдуетъ также альтруистическія цѣли. 2) Среди эгоистическихъ цѣлей человѣка есть и такія, которыхъ экономическій человѣкъ не преслѣдуетъ. 3) Осуществляя тѣ эгоистическія цѣли, которыя характеризуютъ экономическаго человѣка, реальный человѣкъ, въ отличіе отъ него, совершаетъ много неблагоразумныхъ дѣйствій. 4) Реальный человѣкъ нерѣдко бываетъ жертвою ошибки или невѣдѣнія. 5) Наконецъ, реальный человѣкъ проявляетъ часто нѣкоторую беззаботность относительно своихъ интересовъ; даже его эгоистическія дѣйствія не такъ расчитаны, какъ дѣйствія экономическаго человѣка». Присоединяя къ указаннымъ положеніямъ свои разъясненія, Landry сводитъ существенныя различія между экономическимъ и реальнымъ человѣкомъ къ слѣдующимъ четыремъ положеніямъ: «1) Реаль-

[1]) Manuel d'économique. 1908. Alin. 55—65.

ный человѣкъ вообще живетъ для своей семьи, а не исключительно для себя самого. 2) Онъ не удѣляетъ достаточно вниманія послѣдствіямъ своихъ дѣйствій. 3) Онъ недостаточно оцѣниваетъ будущія блага. 4) Онъ слишкомъ легко принимаетъ на себя риски или черезчуръ избѣгаетъ ихъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Landry предлагаетъ новое опредѣленіе экономическаго человѣка. Для него «homo oeconomicus есть человѣкъ, который сознаетъ свои интересы, насколько его познанія позволяютъ ему различать ихъ, и который преслѣдуетъ ихъ; а наши экономическіе интересы не суть только накопленіе богатствъ». Съ точки зрѣнія такого пониманія Landry признаетъ самую гипотезу необходимой для разрѣшенія нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ.

Подвергая критическому разбору приведенныя замѣчанія Landry, должно признать, что его опредѣленіе экономическаго человѣка представляется слишкомъ общимъ и недостаточнымъ, а указаніе необходимости этой гипотезы необоснованнымъ и неправильнымъ по существу. Сознавать свои интересы—недостаточно, ихъ нужно раньше создать, ихъ нужно соразмѣрять съ возможностью ихъ осуществленія. Въ этихъ интересахъ необходимо именно различать экономическую и иныя стороны культурной жизни, стремясь къ извѣстному равновѣсію между всѣми ими. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было бы привнести сюда хозяйственное соображеніе цѣлей и средствъ въ соотвѣтствіи съ экономическимъ принципомъ. Наконецъ, что касается самой гипотезы экономическаго человѣка, то ко всѣмъ прочимъ возраженіямъ противъ нея можно присоединить еще и то, что не-реальность и противорѣчіе реальности проявляются также въ игнорированіи различій возраста, здоровья, личныхъ особенностей и качествъ и внѣшнихъ обстоятельствъ. И если бы уже существовала необходимость въ подобной гипотезѣ, то должно было бы предпочесть предположеніе, такъ сказать, экономическаго момента въ жизни человѣка, т. е. того момента весьма различной длительности, къ которому пріурочиваются имѣющіе хозяйственное значеніе акты человѣческой воли и сознанія. Такое предположеніе удовлетворяло бы потребностямъ экономической науки, представляясь при этомъ гораздо менѣе

произвольнымъ и менѣе отклоняющимся отъ явленій дѣйствительной жизни. Но и послѣ этой поправки останется еще одинъ неустраненный доводъ противъ этой гипотезы — именно, игнорированіе пассивнаго, несамостоятельнаго положенія хозяйственнаго субъекта въ различныхъ случаяхъ.

23. Въ германской экономической наукѣ одностороннія абстракціи выразились также въ формѣ особыхъ логическихъ понятій или категорій, противопоставляемыхъ аналогичнымъ имъ историко-правовымъ понятіямъ. По своему характеру эти логическія понятія или категоріи представляютъ нѣкоторое подобіе понятіямъ естественнаго права, стоящимъ внѣ всякаго отношенія къ условіямъ времени и мѣста.

Въ предисловіи ко второму изданію Втораго и третьяго соціальныхъ писемъ[1] Carl Rodbertus-Jagetzow высказался за строгое обособленіе во всѣхъ частяхъ нашей науки логическихъ и историческихъ категорій, въ особенности относительно понятія капитала. Точно также и въ своемъ болѣе раннемъ и позднѣйшемъ трудахъ[2] Rodbertus противопоставлялъ понятія національнаго и частнаго капитала, приписывая первому абсолютное значеніе и второму — относительное. По опредѣленію его, «тотъ есть безусловно необходимый для производства, капиталъ, этотъ представляется лишь относительно необходимымъ, вслѣдствіе современныхъ условій». Первый «вытекаетъ изъ самой природы вещей», есть «капиталъ въ себѣ», «имѣетъ абсолютное значеніе, которое онъ самъ заимствуетъ изъ природы и изъ прогресса производства». Напротивъ, частный капиталъ «вытекаетъ изъ случайныхъ принадлежностей историческаго порядка», «не есть основное, вѣчное національно-экономическое понятіе, получаетъ свое содержаніе лишь изъ измѣнчивой правовой исторіи народовъ», «необходимъ лишь по силѣ правового института собственности на капиталъ». Къ національному капиталу относятся лишь матеріалы и орудія производства, но не содержаніе производителей и вообще не

[1]) Zur Beleuchtung der socialen Frage. Th. I. 2 Aufl. Herausg. v. M. Wirth. 1890. S. 1.

[2]) Zur Erkenntniss u. s. w. 1842. Erstes Theorem; Das Kapital. Herausg. v. Th. Kozak. S. 72, 74 f., 299—315.

готовые для потребленія продукты (не: unmittelbare Güter). При этомъ, по характерному совпаденію понятій, національный капиталъ выясняется изъ условій изолированно-хозяйничающаго человѣка, хотя само по себѣ понятіе національнаго капитала предполагается при этихъ условіяхъ невозможнымъ и ненужнымъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ опредѣленій, они по существу представляютъ противопоставленіе производственнаго и владѣльческаго капиталовъ. Оба эти понятія имѣютъ соціальный характеръ, но одно стоитъ ближе къ производству, другое—къ распредѣленію. Идея права и собственности, въ отношеніи къ абсолютному, не можетъ быть противопоставляема технической идеѣ, которую Rodbertus и самъ ставитъ въ связь съ прогрессомъ производства. Столь различное толкованіе понятій производственнаго и владѣльческаго капиталовъ объясняется чрезмѣрной абстрактностью и отсюда произвольностью ихъ опредѣленія.

Ссылаясь «прежде всего» на Rodbertus'a, Ad. Wagner[1] проводитъ различеніе чисто-экономической и соціальной или историческо-правовой точекъ зрѣнія въ политической экономіи, а отсюда и различеніе соотвѣтствующихъ категорій въ хозяйственной жизни и въ особенности также въ примѣненіи къ главнымъ экономическимъ понятіямъ. Съ чисто-экономической точки зрѣнія человѣкъ вообще или человѣчество въ цѣломъ противопоставляется внѣшней природѣ и отсюда дѣлаются заключенія къ хозяйственнымъ отношеніямъ. Со второй точки зрѣнія индивиды и различныя общественныя соединенія людей разсматриваются въ условіяхъ существующихъ взаимоотношеній между ними. Wagner примѣняетъ какъ ту, такъ и другую точку зрѣнія къ классификаціи и опредѣленію свободныхъ и хозяйственныхъ благъ, а также и капиталовъ. Разграничивая при этомъ оба понятія капитала иначе, нежели Rodbertus, онъ относитъ къ чисто-экономическому, или національному капиталу также и необходимое содержаніе производителей, и приближается такимъ образомъ къ былому различенію производительнаго и непроизводительнаго потребленія, при

[1]) Grundlegung u. s. w. Th. I. §§ 109, 113 f., 123, 129.

чемъ однако, въ довершеніе систематологической путаницы, признаетъ въ этомъ отношеніи правильность, для нѣкоторыхъ проблемъ, также и точки зрѣнія Robertus'a[1].

Обращаясь къ критикѣ означеннаго различенія, о которомъ вообще трудно рѣшить, представляетъ ли оно методологическій пріемъ, теоретическое понятіе или же научную классификацію[2], должно признать, что означенное различеніе точекъ зрѣнія или категорій обусловливается ошибочностью общихъ исходныхъ воззрѣній на соціальную жизнь. Въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ можно, конечно, различать чисто-экономическую точку зрѣнія, какъ она опредѣляется хозяйственнымъ соображеніемъ и волею и принципомъ хозяйственности, и тотъ сложный характеръ конкретной жизни, который основанъ на совмѣщеніи точекъ зрѣнія и спеціальныхъ принциповъ различныхъ отраслей культуры. Но эта фактическая сложность и разносторонность жизни не укладывается въ рамки экономической теоріи. Въ послѣдней возможна поэтому лишь одна точка зрѣнія, т. ск. относительно-абстрактная—въ смыслѣ эмпирической неполноты и односторонности ея, но не въ смыслѣ полнаго выдѣленія или отрицанія связи съ иными точками зрѣнія, свойственными другимъ отраслямъ культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта точка зрѣнія должна быть субъективно-соціальной въ опредѣленномъ выше смыслѣ, такъ какъ только при этомъ возможно притти къ опредѣленности, напр., въ понятіяхъ производственнаго и владѣльческаго капиталовъ (см. выше, § 15 и сл.).

K. Diehl[3], ссылаясь на починъ Rodbertus'a по отношенію къ понятію капитала, высказывается за болѣе широкое различеніе чисто-экономическихъ и историко-правовыхъ понятій, въ частности въ отношеніи къ поземельной рентѣ. При этомъ онъ указываетъ, что «эти, т. н. чисто-экономическія понятія вовсе не являются національно-экономическими, но естествен-

---

[1]) См. объ этомъ: E. Sax. Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. § 55. S. 324 f. Anm.

[2]) H. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik. S. 123, относитъ это къ систематологическимъ вопросамъ, которымъ и придаетъ важное значеніе.

[3]) Die Bedeutung der wissensch. Nationalökonomie für die praktische Wirtschaftspolitik. Jahrb. f. Nationalökon. u. Stat. 1909. III F. B. 37. H. 3. S. 310.

нонаучно-техническими понятіями, которыя мы примѣняемъ въ національной экономіи. Чистая экономія», замѣчаетъ онъ, «въ смыслѣ, даваемомъ нѣкоторыми экономистами, построившими систему понятій, независимо отъ всякой организаціи, исходя лишь изъ зависимости людей отъ ограниченности міра благъ, ведетъ къ методологическимъ заблужденіямъ».

Подобно тому, какъ Diehl, такъ и H. Dietzel[1] различаетъ естественныя и соціальныя категоріи, относя къ первымъ постоянные элементы соціально-хозяйственной жизни, не затрогиваемые различіями въ экономическомъ строѣ. Наличіе такого желѣзнаго инвентаря онъ объясняетъ тѣмъ, что «отношеніе между человѣкомъ и матеріей находится подъ господствомъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ фактовъ природы». Первоначально, въ качествѣ естественныхъ категорій Dietzel указываетъ «ограниченіе пространствомъ и временемъ, связанность видовъ растеній и животныхъ съ извѣстными областями на землѣ, различія въ плодородіи почвы, въ продуктивности копей и пр.»; напротивъ, къ соціальнымъ категоріямъ отнесены всѣ проявленія хозяйственной жизни, которыя обусловлены особенностями соціальнаго порядка и которыя могутъ быть поэтому объяснены лишь чрезъ него. Но затѣмъ Dietzel относитъ къ указаннымъ естественнымъ фактамъ «извѣстныя явленія въ рамкахъ каждаго экономическаго строя», постоянное наличіе которыхъ объясняется какъ рядомъ общихъ чертъ, присущихъ хозяйственнымъ взаимоотношеніямъ людей, такъ и тѣмъ, что «извѣстныя явленія необходимо, естественно вызываются хозяйственнымъ мотивомъ, какъ при всѣхъ условіяхъ пригодныя средства къ достиженію хозяйственныхъ цѣлей». Dietzel относитъ сюда раздѣленіе труда и обмѣнъ, а также деньги.

Но что касается собственно природныхъ явленій, то въ своемъ чистомъ видѣ они не являются элементами соціальной и въ частности хозяйственной жизни, въ культурныхъ же видоизмѣненіяхъ ихъ они уже не имѣютъ постояннаго характера. Постоянныя же явленія соціальныя не имѣютъ естественнаго характера и всего удобнѣе могутъ быть представлены, какъ

[1]) Theoretische Sozialökonomik. 1895. Einleitung. Кар. III § 6.

общія экономическія понятія и установленія.

Различеніе логическихъ и историческихъ категорій проникло также въ русскую экономическую литературу. Такъ, М.И. Туганъ-Барановскій[1] признаетъ чрезвычайно-важнымъ дѣленіе экономическихъ понятій на логическія и историческія понятія или категоріи. Въ качествѣ основныхъ логическихъ категорій хозяйства онъ указываетъ цѣнность и стоимость.

Но, конечно, и всякое другое теоретическое понятіе, какъ потребность, благо, годность и пр. имѣютъ подобный же логическій характеръ, и говорить объ этомъ—означаетъ впадать въ тавтологію.

П. Б. Струве различаетъ категоріи чистаго хозяйствованія или, попросту, хозяйственныя, и категоріи междухозяйственныя, къ которымъ присоединяетъ еще соціальныя категоріи, вытекающія изъ соціальнаго неравенства людей, находящихся между собою въ общеніи. «Для бытія хозяйственныхъ категорій не нужно ни общества, ни хозяйственнаго общенія». «Основными категоріями этого рода являются потребность, цѣнность (субъективная) и трудъ. Но чистое хозяйствованіе знаетъ и такія категоріи, какъ издержки производства, капиталъ, доходъ, рента». «Всѣ междухозяйственныя категоріи выражаютъ всегда явленія и отношенія объективныя, но въ то же время человѣческія,—отношенія между людьми». Струве находитъ, что его «раздѣленіе экономическихъ категорій, въ значительной мѣрѣ совпадая по своимъ мотивамъ съ раздѣленіемъ на естественныя и соціальныя (абстрактныя и историческія), заслуживаетъ предпочтенія передъ этимъ послѣднимъ, какъ логически болѣе ясное и точное, а потому и методологически для догматическихъ, или систематическихъ цѣлей политической экономіи болѣе плодотворное»[2].

Къ этой оцѣнкѣ своего мнѣнія мы не можемъ однако присоединиться. Прежде всего, соціальныя отношенія неравенства вызываютъ противъ себя возраженія, такъ какъ они выходятъ изъ рамокъ экономики. Затѣмъ, собственно хозяйственныя категоріи весьма близки къ экономическимъ понятіямъ, которыя

[1]) Основы политической экономіи. 2 изд. 1911 г. Отд. I, гл. III, IV.
[2]) Н. с. Ч. I. Отд. I, гл. I.

приписываетъ изолированному человѣку цитируемый у Струве Rodbertus, и отличаются отклоненіемъ отъ исторической перспективы въ сторону логической абстракціи, чѣмъ однако не устраняются изложенныя нами выше возраженія противъ такого рода классификацій экономическихъ понятій.

24. Абстрактныя направленія въ германской и австрійской экономической литературѣ, по сколько они исходятъ изъ практическаго объясненія хозяйственной дѣятельности человѣка, основаны на предположеніи экономическаго эгоизма, либо собственно на гипотезѣ экономическаго человѣка.

Уже J. Fr. E. Lotz[1] утверждалъ, что «наука государственнаго хозяйства, изслѣдуя законы человѣческой дѣятельности и ихъ вліяніе на пріобрѣтеніе, обладаніе и использованіе благъ, разсматриваетъ всегда только разумно-чувственную сторону человѣка, со стороны его эгоизма», въ то время какъ право и этика направляютъ и регулируютъ эту, обусловленную эгоизмомъ и вытекающимъ изъ него стремленіемъ къ пріобрѣтенію, обладанію и использованію благъ, дѣятельность, сообщая ей правовой и нравственный характеръ.

Fr. Hermann[2] приписывалъ людямъ два основныя стремленія, проявляющіяся одно—въ дѣятельности отдѣльныхъ хозяйствъ, а другое—въ дѣятельности народнаго хозяйства. «Хозяйство индивида обнаруживаетъ не иное какое-либо стремленіе, какъ къ исключительному обладанію возможно большимъ количествомъ благъ съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ; и по отношенію къ непричастнымъ ему совокупное хозяйство также является исключающимъ и эгоистичнымъ. Напротивъ, для объясненія хозяйственныхъ явленій внутри какого-либо общенія эгоизмъ недостаточенъ». При этомъ Hermann отмѣчаетъ, что основной хозяйственный импульсъ эгоизма нерѣдко проявляется недостаточно энергично и не всегда обезпечиваетъ человѣка даже при трудолюбіи его и отсутствіи внѣшнихъ стѣсненій. «Въ государствѣ также—наряду съ основнымъ стремленіемъ индивидовъ существовать для себя, которое проявляется въ

---

[1]) Handbuch der Staatswirthschaftslehre. B. I. 1821. § 4.
[2]) Staatswirthschaftliche Untersuchungen. 1. Aufl. 1832. §§ 8, 11—13.

хозяйствѣ, какъ эгоизмъ дѣйствуетъ другая, столь же глубоко въ человѣческой природѣ коренящаяся сила, направленная къ охраненію и дальнѣйшему существованію рода. Изъ нея вытекаютъ всѣ установленія общества, даже само государство. Духъ общественности (Gemeinsinn, такъ можно называть этотъ принципъ) есть также основное условіе хозяйственнаго развитія народа, такъ какъ лишь этому можно приписать общеполезныя установленія, которыя промышленная дѣятельность индивида предполагаетъ, но которыхъ не можетъ создать эгоизмъ». Сюда относится дѣятельность государства и добровольная общеполезная дѣятельность гражданъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ на національную экономію возлагаются двоякаго рода задачи, а равно и сама она подраздѣляется на двѣ науки. «Прослѣживая въ народномъ хозяйствѣ принципъ эгоизма во всѣхъ его выраженіяхъ и проявленіяхъ, получаютъ законы промышленной дѣятельности и обмѣна отдѣльныхъ хозяйствъ». «Эту часть общей національной экономіи можно назвать народно-хозяйственной наукой въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ какъ здѣсь идетъ дѣло объ установленіи законовъ, почти не зависящихъ отъ произвола (какъ бы объ естественномъ ученіи о промышленной дѣятельности и обмѣнѣ), то эту часть можно назвать теоретической». Другая часть общей національной экономіи относится къ хозяйственной полиціи.

Въ изложенныхъ первоначальныхъ воззрѣніяхъ Hermann'a, къ которымъ довольно близко подходили, въ отношеніи къ частной хозяйственной дѣятельности, и воззрѣнія Rau[1], принципъ хозяйственности не отдѣленъ отъ эгоизма, и на этой основѣ базируется естественное ученіе о хозяйственной дѣятельности, или теоретическая экономія, имѣющая задачею установленіе научныхъ законовъ. Здѣсь, такимъ образомъ, имѣется значительная аналогія съ выше изложенными воз-

[1]) См.: Fr. Hermann. O. c. I. Aufl. § 13 S. 18. Karl Knies. Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte 2 Aufl. 1883. S. 227 f., приводя соотвѣтствующія выдержки изъ болѣе стараго изданія курса K. Rau, констатируетъ смягченное направленіе, отправляющееся отъ стремленія къ выгодѣ. Однако, въ послѣднемъ изданіи Rau. Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. Abth. I. 1868 относящееся сюда изложеніе было еще болѣе смягчено, сведясь къ содержанію принципа хозяйственности.

зрѣніями англійскихъ классиковъ въ отношеніи какъ основного отправнаго воззрѣнія, такъ и характера теоретической науки о хозяйствѣ. Но независимо отъ англійскихъ экономистовъ построивши эти воззрѣнія, Hermann, также какъ и Rau, впослѣдствіи отказался отъ этой односторонней и несогласующейся съ дѣйствительными условіями точки зрѣнія.

Затѣмъ, K. S. Zachariä[1] предполагалъ, наряду съ наукой о народномъ хозяйствѣ, особую, удовлетворяющую требованіямъ строгой научности, общую теорію хозяйства, предметомъ которой служитъ родовое понятіе пріобрѣтенія, какъ собственный и опредѣленный видъ причинной обусловленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «теорія хозяйства наставляетъ въ искусствѣ стать богатымъ, т. е. достичь обладанія имуществомъ, достаточно значительнымъ, чтобы поставить его собственника въ возможность удовлетворять всѣ свои потребности и желанія», но не въ смыслѣ крайней ограниченности послѣднихъ. Zachariä приписываетъ людямъ стремленіе къ пріобрѣтенію, основанное на различныхъ конкретныхъ желаніяхъ и потребностяхъ, свойственныхъ людямъ. При всей силѣ обосновываемаго такимъ образомъ стремленія къ пріобрѣтенію, это стремленіе находитъ себѣ противодѣйствіе въ склонности къ праздности и къ наслажденію жизнью, получаемому безъ труда. На исходъ борьбы между этими противоположными стремленіями оказываетъ вліяніе также стремленіе къ самосохраненію.

Въ извѣстной степени оба варіанта вышеуказанныхъ отправныхъ воззрѣній соединилъ въ своей теоріи Ad. Wagner[2], предполагающій особую «хозяйственную природу» у человѣка, которую и опредѣляетъ, какъ «природу человѣка, которая получается изъ существа человѣческихъ потребностей, изъ ихъ удовлетворенія, изъ стремленія къ удовлетворенію— какъ стремленія (Trieb) къ самосохраненію и собственному интересу, изъ положенія труда и хозяйства и изъ оцѣнки всѣхъ этихъ моментовъ въ душѣ человѣка, поэтому посредствомъ соображеній, сравненій и сужденій при господствѣ экономическаго принципа». «Основныя черты хозяйственной

---

[1]) Vierzig Bücher vom Staate. Th. VII. 2 A. 1843. S. 6 f., 27, 33, 36 f., 39.
[2]) Grundlegung u. s. w. Th. I §§ 28—53, 67—75, 81.

природы прочно заложены въ психофизической организаціи людей и такъ же мало измѣняются, какъ внѣшняя природа, по крайней мѣрѣ, въ періоды времени, обозрѣваемые человѣческой исторіей. По столько эту «хозяйственную природу человѣка» въ этихъ ея основныхъ чертахъ и надлежитъ разсматривать, какъ абсолютную категорію». Wagner признаетъ указанное предположеніе необходимымъ исходнымъ пунктомъ при каждомъ экономическомъ изслѣдованіи. «Историческая школа», высказываетъ онъ при этомъ, «преувеличиваетъ индивидуальное разнообразіе и историческую дифференціацію и измѣненіе хозяйственной и общей человѣческой природы и опускаетъ однородное, постоянное, переоцѣниваетъ перемѣнное, недооцѣниваетъ постоянное. Это постоянное въ хозяйственной природѣ человѣка, слѣдовательно, и въ его жизненныхъ стремленіяхъ, въ его мотивахъ, позволяетъ поэтому заключить, даже вынуждаетъ къ тому, что постолько же хозяйственныя дѣйствія и обусловленныя ими хозяйственныя явленія сами постоянны и однородны».

Исходя изъ хозяйственной природы «человѣка вообще», Ad. Wagner признаетъ необходимымъ принимать при этомъ во вниманіе три слѣдующихъ важныхъ пункта: «индивидуальное дифференцированіе хозяйственной природы, фактъ, что хозяйственная природа есть лишь одна сторона всей человѣческой природы, и дальнѣйшій фактъ, что человѣкъ, хотя и опредѣляемый различными мотивами, есть единая дѣятельная сущность. Нѣкоторыя серьезныя ошибки теоретиковъ либерально-индивидуалистической экономики проистекли изъ того, что эти пункты не принимались вовсе или недостаточно принимались во вниманіе». Wagner предполагаетъ различные мотивы, въ различной мѣрѣ и комбинаціи ихъ выступающіе какъ вообще, такъ и въ хозяйственной области. «Они вытекаютъ частью изъ стремленія къ удовлетворенію, въ особенности также изъ хозяйственнаго эгоизма (Selbstinteresse), частью находятся въ связи съ другими сторонами психической природы человѣка». «Тотъ мотивъ, который національная экономія большей частью единственно преслѣдуетъ въ своей дѣятельности, стремленіе къ собственной хозяйственной

выгодѣ, представляется именно въ хозяйственной дѣятельности особенно сильнымъ и важнымъ, но все же не единственнымъ». Онъ представляетъ лишь одинъ изъ элементовъ въ категоріи родственныхъ ему мотивовъ, которые, какъ относящіеся къ положительнымъ ощущеніямъ пріятнаго или къ избѣжанію ощущеній непріятнаго собственнымъ чувствующимъ и мыслящимъ «я», можно обозначить наименованіемъ эгоистическихъ мотивовъ. Wagner опять-таки упрекаетъ прежнюю теорію за недостаточное вниманіе въ инымъ эгоистическимъ мотивамъ. Наряду съ ними Wagner предполагаетъ не-эгоистическій мотивъ, проявляющійся также и въ хозяйственной дѣятельности—въ качествѣ корректива къ первымъ или и замѣщая ихъ: «мотивъ, въ которомъ дѣло идетъ о собственныхъ ощущеніяхъ пріятнаго или объ избѣжаніи ощущеній непріятнаго, но не эти ощущенія или, по крайней мѣрѣ, не одни только они представляютъ движущую силу». При этомъ дается слѣдующій перечень группъ мотивовъ (Leitmotive) въ хозяйственной дѣятельности: «1) Стремленіе къ собственной хозяйственной выгодѣ и боязнь собственной хозяйственной нужды. 2) Боязнь наказанія и надежда на признаніе. 3) Честолюбіе, стремленіе къ значительности и боязнь позора и неуваженія. 4) Стремленіе къ дѣятельности и удовлетворенность ею, какъ трудовой дѣятельностью и въ ея результатахъ, а также боязнь послѣдствій бездѣятельности (пассивность)». Къ этому присоединяется не-эгоистическій мотивъ: «внутреннее побужденіе къ нравственному поведенію, дѣйствіе чувства долга и боязнь собственнаго внутренняго порицанія (угрызенія совѣсти)». Въ каждомъ изъ этихъ мотивовъ различаются двѣ стороны, пріятная и непріятная, или, иначе, положительная и отрицательная. Характерно также даваемое Ад. Вагнеромъ опредѣленіе экономическаго принципа—«чисто психологическаго принципа, т. е. стремленія добровольно предпринимать лишь такой трудъ, при которомъ, по внутренней оцѣнкѣ человѣка, пріятность удовлетворенія превышаетъ тягость усилія (пожертвованія), равно какъ дальнѣйшее стремленіе къ возможно высшей суммѣ (максимумъ) результата труда и вмѣстѣ съ тѣмъ къ возможности удовле-

творенія возможно меньшей мѣрой (минимумъ) усилія, или пожертвованія труда, не заключающаго въ себѣ самомъ свою цѣль или вознагражденіе».

Это тяжеловѣсное опредѣленіе сводитъ экономическій принципъ почти къ животному импульсу, такъ какъ «чисто психологическій принципъ», или, иначе, стремленіе къ превышенію, по внутренней оцѣнкѣ, пріятности надъ тягостью едва ли означаетъ что-либо большее. Что касается приведеннаго выше перечня хозяйственныхъ мотивовъ, то едва ли возможно признать его полнымъ и не заключающимъ въ себѣ существенныхъ пробѣловъ и относящимся къ совершенно реальнымъ духовнымъ двигателямъ людей[1]. Занимающіеся спеціально торгово-промышленной дѣятельностью вырабатываютъ въ себѣ особенное стремленіе къ выгодѣ, которая представляетъ ихъ заработокъ и прибыль и тождественна съ успѣшностью ихъ дѣятельности. Но во многихъ отрасляхъ дѣятельности стремленіе къ выгодѣ является неумѣстнымъ и иногда вредитъ даже личнымъ интересамъ субъекта. Затѣмъ, отнесеніе страха предъ наказаніемъ, надежды на признаніе, стремленія къ дѣятельности—къ эгоистическимъ мотивамъ вызываетъ противъ себя возраженія. Перечень мотивовъ представляется и крайне скуднымъ, такъ какъ игнорируются альтруистическіе мотивы и всѣ духовныя движенія, относящіеся къ удовлетворенію потребностей. Проблема психической мотивації требуетъ, разумѣется, несравненно болѣе спеціальной разработки и вообще представляется неразрѣшимой въ экономическомъ изслѣдованіи[2,3], тогда какъ устраняющее всякую надобность въ этомъ сопоставленіе цѣлей и средствъ хозяйственной дѣятельности принадлежитъ, очевидно, прямо къ содержанію

---

1) Ср.: Othmar Spann. Wirtschaft und Gesellschaft. 1907. S. 24.

2) Ср.: J. N. Keynes. O. c. P. 91 note.

3) Eugen Schwiedland въ статьѣ: «Die psychologischen Grundlagen der Wirtschaft» (Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1905. N. 1) представилъ болѣе разносторонній, но все еще, быть можетъ, недостаточно спеціальный очеркъ прикладной психологіи, основанный на научной литературѣ соціальной психологіи, полное знаніе и дальнѣйшая разработка и пополненіе которой не могутъ, конечно, входить въ задачи экономистовъ. Но, разумѣется, изслѣдованія въ области прикладной психологіи относятся къ области соціальной науки, что и присуще книгѣ: Psychologie und Wirtschaftsleben. Ein Beitrag zur angewandten Experimental-Psychologie. Von Hugo Münsterberg. 1912.

хозяйственной дѣятельности и науки о ней. Въ совокупности же, изложенное ученіе Вагнера точно также индивидуалистично и построено на данныхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія съ экономической точки зрѣнія. Менѣе направленное къ построенію абстрактной экономической теоріи—по сравненію съ соотвѣтствующими предпосылками англійскихъ экономистовъ,—оно введено скорѣе въ качествѣ самостоятельной проблемы въ экономической теоріи и въ связи съ этимъ отличается въ извѣстной мѣрѣ схоластическимъ оттѣнкомъ. Ad. Wagner довольно пространно и близко къ вышеупомянутымъ англійскимъ экономистамъ трактуетъ о методѣ дедукціи и изолированія въ политической экономіи, исходя главнымъ образомъ отъ перваго хозяйственнаго мотива, но присоединеніе къ этому метода индукціи и общее практическое направленіе, даваемое наукѣ цитируемымъ ученымъ, смягчаютъ значеніе того, что говорится здѣсь.

Общій характеръ своихъ гносеологическихъ воззрѣній Ad. Wagner обнаруживаетъ въ относящихся сюда критическихъ замѣчаніяхъ, обращенныхъ противъ различныхъ экономическихъ школъ. Главную ошибку старой теоріи британской экономики онъ видитъ въ томъ, «что она слишкомъ обособляла хозяйственную природу человѣка изъ всеобщей природы его, имѣла дѣло лишь съ первою въ своихъ дедукціяхъ и изслѣдованіяхъ, разсматривала человѣка слишкомъ исключительно зависящимъ отъ перваго мотива также и въ жизни, слишкомъ мало принимала во вниманіе другіе мотивы, ихъ комбинаціи между собою и съ первымъ мотивомъ, различную степень силы этихъ мотивовъ, а также и перваго, смотря по индивидамъ и у нихъ опять-таки—по эпохамъ, народамъ, классамъ и т. д., въ теоріи, часто умышленно, даже вовсе не принимала во вниманіе, въ практической части, въ политикѣ—также недостаточно». Историческому направленію Wagner вмѣняетъ въ ошибку, что оно не только указало на недостатки предшествующаго направленія, но и впало въ противоположную крайность въ своемъ заключеніи, что «даже съ цѣлью лишь методологическаго изолированія причинъ и дедуцированія изъ одного мотива, въ особенности перваго,

не должно гипотетически допускать абстракціи отъ дѣйствія прочихъ мотивовъ, чтобы установить прежде всего, какъ при такомъ предположеніи будутъ протекать хозяйственныя дѣйствія и зависящія отъ нихъ хозяйственныя явленія». Въ частности, ново-историческому направленію экономистовъ приписывается та ошибка, что «въ противоположность старой теоріи первый мотивъ въ его постоянномъ значеніи для хозяйственной дѣятельности, какъ существенно постоянное, недооцѣнивается, отдѣльные мотивы, въ виду того, что дѣйствуютъ совмѣстно и что человѣкъ дѣйствуетъ, какъ единое существо, слишкомъ мало изолируются, и вмѣстѣ съ устраненіемъ гипотетическаго изолированія мотивовъ въ чрезмѣрной степени отвергается основаніе дедуктивнаго процесса и въ заключеніе—самъ онъ». Соціализму приписывается въ данномъ отношеніи та ошибка, что человѣческая природа, какъ у человѣчества вообще, такъ и у индивида, черезчуръ ставится въ зависимость отъ внѣшнихъ условій, при чемъ переоцѣнивается вліяніе матеріальныхъ факторовъ и экономическихъ условій на мотивацію людей. На этомъ основаніи Wagner признаетъ необходимымъ, избѣгая отмѣченныхъ ошибокъ, создать психологическую основу для метода и системы соціальной экономіи. Онъ самъ признаетъ это эклектическимъ пріемомъ, оправдывая его сложностью самой проблемы.

Въ этихъ замѣчаніяхъ заключается даже не эклектизмъ, а противорѣчіе. Кромѣ того, изслѣдованіе различныхъ мотивовъ, ихъ комбинацій, силы ихъ проявленія и пр. уже не можетъ быть достигнуто одной дедукціею, не можетъ также представить ни цѣли, ни средства или пріема дедуктивнаго изслѣдованія. Наконецъ, абстрагированіе отъ существеннаго, каковымъ представляются въ экономикѣ изслѣдованіе и сопоставленіе цѣлей и средствъ, недопустимо и ведетъ къ искаженію дедуктивнаго процесса и самой науки—по сколько изслѣдователь примѣняетъ избранный имъ ошибочный пріемъ.

Разсматриваемой основной проблемой научнаго изслѣдованія въ экономикѣ особенно много занимался также другой германскій экономистъ абстрактнаго направленія, Heinrich Dietzel. Въ представляющемъ продолженіе къ цитированному выше

труду Вагнера, остающемся неоконченнымъ, курсѣ теоретической соціальной экономики[1] Dietzel признаетъ задачею экономической теоріи описаніе и объясненіе, съ помощью метода изолированія, существа и процесса хозяйственныхъ феноменовъ. Въ соотвѣтствіи съ этой задачей, «положенія экономической теоріи пользуются (а) презумпціей экономическаго человѣка». «Принимается, что эта психическая сила [хозяйственнаго мотива] дѣйствуетъ изолированно. Далѣе, (б) презумпціей дѣятельности по принципу наименьшаго средства». «Наконецъ, (в) презумпціей, что экономическимъ людямъ извѣстно перемѣщеніе экономической конъюнктуры вслѣдствіе наступленія факта А». «Причинныя формулы, выведенныя съ помощью такихъ презумпцій при примѣненіи метода изолированія, не могутъ объяснить полную реальность хозяйственной жизни, имѣютъ лишь гипотетическое значеніе». Въ качествѣ надежной основы методики Dietzel принимаетъ хозяйственный мотивъ, специфическую причинность котораго теоретическая соціальная экономика желаетъ охарактеризовать, абстрагируя его отъ прочихъ мотивовъ и опредѣляя реагированіе экономическаго человѣка на имѣющія хозяйственное значеніе событія чрезъ общій принципъ наименьшаго средства. Онъ оспариваетъ также то воззрѣніе, которое представляетъ хозяйственность, т. е. принципъ наименьшаго средства, какъ специфическую причину для хозяйственной дѣятельности, и именно ссылается при этомъ на то, что этотъ принципъ лежитъ въ основѣ всякой вообще дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Dietzel выступаетъ противъ мнѣнія, которое, въ отличіе отъ J. St. Mill'я, представляютъ Rau, Wagner и C. Menger, отстаивающіе презумпцію эгоизма. «Вопросъ о томъ, имѣетъ ли и въ какой степени хозяйственная дѣятельность свои корни въ эгоизмѣ или въ общемъ интересѣ, не заботитъ экономическую теорію». «Дѣятельность, которую она предполагаетъ, подъ единственнымъ импульсомъ хозяйственнаго мотива, по принципу наименьшаго средства, при полномъ знаніи хозяйственной конъюнктуры, можетъ быть эгоистической или не-эгоистической. Сама по себѣ она этически безразлична». «Презумпція экономическаго

[1]) Theoretische Sozialökonomik. 1895. Einleitung. Kap. III. § 2.

мотива необходимо вытекаетъ изъ задачи экономической науки».

Изложенныя воззрѣнія не заключаютъ въ себѣ еще ближайшаго опредѣленія сущности экономическаго мотива и отграниченія его отъ экономическаго принципа, также признаваемаго цитируемымъ авторомъ, и не даютъ данныхъ, которыя бы доказали самое существованіе его у всѣхъ вообще людей, занимающихся хозяйственной дѣятельностью. Dietzel спѣшитъ истолковать въ пользу своего мнѣнія неясное въ общемъ изложеніи замѣчаніе, которое высказалъ въ своей академической рѣчи (1886 г.) E. Philippovich[1]: «Экономическая теорія исходитъ изъ факта, что люди преслѣдуютъ хозяйственныя цѣли хозяйственнымъ путемъ, и ея задача исчерпывается наблюденіемъ вызванныхъ этимъ явленій. Какіе мотивы стоятъ за этими хозяйственными дѣйствіями, безразлично». Во всякомъ случаѣ буквальный смыслъ этого положенія представлялся бы намъ ближе стоящимъ къ истинѣ, если оставить въ сторонѣ мнѣніе автора этой выдержки, которое все же не совпадаетъ съ мнѣніемъ Dietzel'я[2].

Тѣ же воззрѣнія, нѣсколько болѣе развитыя, излагаетъ Dietzel въ своей спеціальной статьѣ въ Словарѣ государственныхъ наукъ[3]. Здѣсь съ еще большей ясностью обнаруживается, въ какой мѣрѣ онъ приближается къ воззрѣніямъ вышеупомянутыхъ англійскихъ экономистовъ. Ссылаясь на нихъ, Dietzel показываетъ, что задача экономики заключается не въ выясненіи конкретныхъ экономическихъ явленій, ибо это невозможно, если только не обратиться ко всей сложной дѣйствительности соціальной жизни, а въ систематическомъ, при помощи метода изолированія, описаніи образа дѣйствія одной изъ многочисленныхъ причинъ соціальной жизни— «хозяйственнаго мотива, т. е. стремленія къ богатству». «Абстрактная предварительная работа восполняется послѣдующей реалистической работой, и этимъ путемъ достигается конечная цѣль, уразумѣніе существующаго». Тѣ результаты, которые уже достигнуты и еще могутъ быть достигнуты при

[1]) Über Aufgabe und Methode der politischen Ökonomie. 1886. S. 39.
[2]) E. Philippovich. O. c., S. 54 Anm. 27.
[3]) Art.: Selbstinteresse und Methodenstreit in der Wirtschaftstheorie. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. 1911. B. VII. S. 438—446.

этомъ, Dietzel ставитъ въ зависимость отъ виртуозности ученыхъ изслѣдователей. Въ качествѣ необходимыхъ предпосылокъ указываются здѣсь прежде всего «свойство руководиться исключительно хозяйственнымъ мотивомъ (т. е. стремленіемъ къ удовлетворенію потребности въ матеріальныхъ благахъ, въ богатствѣ)», при чемъ должна быть допущена фикція, что «реагирующіе субъекты суть явно коммерческіе люди (Marktmenschen)», а затѣмъ еще та предпосылка, что «реагирующіе субъекты дѣйствуютъ согласно хозяйственнаго принципа, т. е. такъ направляютъ свои дѣйствія, что стараются осуществить хозяйственныя цѣли—достиженіе хозяйственной выгоды, избѣжаніе хозяйственнаго убытка—съ возможно меньшей затратой хозяйственныхъ средствъ». «Предпосылка хозяйственнаго мотива получается непосредственно изъ назначенія хозяйственной теоріи; назначеніе этой частичной науки не можетъ быть инымъ, какъ представить хозяйственныя явленія, которыя получаются, если человѣка побуждаютъ лишь хозяйственныя потребности, если имъ имѣются въ виду лишь хозяйственныя цѣли». «Чрезъ предпосылку хозяйственнаго мотива экономическая теорія обособляется отъ другихъ частичныхъ наукъ, въ то время какъ она имѣетъ общую съ ними предпосылку наименьшей затраты средствъ». «Исключительное соображеніе хозяйственнаго мотива въ причинныхъ формулахъ экономической теоріи есть логически необходимое, просто неопровержимое слѣдствіе признанія того, что эта наука должна быть теоріей явленій лишь одной стороны соціальной жизни». Путемъ абстрагированія отъ не-хозяйственныхъ мотивовъ, которые in concreto могутъ оказывать вліяніе и въ хозяйственной сферѣ, экономическая теорія чрезвычайно облегчаетъ достиженіе конечной цѣли всего соціально-теоретическаго изслѣдованія—выясненія сложныхъ конкретныхъ явленій. Одновременно Dietzel опровергаетъ предпосылку эгоизма, указывая на то, что послѣдній проявляетъ свое дѣйствіе во всѣхъ сторонахъ соціальной жизни и имѣетъ чуждый хозяйственной жизни этическій характеръ. Съ принятіемъ предпосылки эгоизма, методъ изолированія ставится вообще на зыбкую почву въ виду недоказуемости положенія, что эгоизмъ есть дѣй-

ствительно наиболѣе общая и наиболѣе могущественная сила въ хозяйственной дѣятельности.

Но можно спросить въ такомъ случаѣ, доказуемо ли положеніе о томъ, что въ хозяйственной дѣятельности всѣ люди руководятся стремленіемъ къ выгодѣ и что всѣ они занимаются хозяйственной дѣятельностью, понимая ее именно въ этомъ смыслѣ? И не представляются ли гипотезы всеобщаго эгоизма и всеобщаго стремленія къ выгодѣ одинаково неправильными? Можно ли также признать, что принципъ наименьшаго средства присущъ всѣмъ сторонамъ соціальной жизни, а не хозяйственной только сторонѣ ея? Всѣ эти вопросы Dietzel оставляетъ не разрѣшенными и не поставленными. Наконецъ, имѣя въ виду то особое значеніе, которое дается въ научной теоріи понятіямъ эгоизма и стремленія къ выгодѣ, трудно согласиться со столь рѣзкимъ противопоставленіемъ ихъ[1].

Всецѣло слѣдуетъ воззрѣніямъ англійскихъ классиковъ въ данномъ отношеніи W. Wygodzinski—въ своемъ краткомъ Введеніи въ науку о народномъ хозяйствѣ[2]. Онъ не отрицаетъ важности индукціи, но считаетъ ее дополнительнымъ и менѣе надежнымъ средствомъ научнаго изслѣдованія. Что касается дедуктивнаго метода, то этотъ предполагаетъ «возможность изолированія наблюдаемыхъ предметовъ и явленій отъ внѣшняго міра; при этомъ должны дѣйствовать разъ избранныя предположенія для того, чтобы не рушилась доказательность». «Это изолированіе возможно лишь въ умѣ, не контролируемое дѣйствительными фактами. Отсюда вытекаетъ особенная затруднительность этого метода. Малѣйшее отклоненіе нарушаетъ гармонію и устойчивость зданія, построеннаго на столь шаткомъ основаніи». Въ качествѣ отправныхъ предположеній указываются обычно принимаемыя при этомъ. «Теоретическая соціальная экономія, пользующаяся дедуктивнымъ или изолирующимъ методомъ, предполагаетъ общество, въ которомъ индивиды суть чисто экономическіе люди, движимые лишь

[1]) E. Philippovich. O. c. S. 54 Anm. 27. усматриваетъ полное совпаденіе въ воззрѣніяхъ по этому вопросу взаимно полемизирующихъ между собою Dietzel'я и Menger'a.

[2]) Einführung in die Volkswirtschaftslehre. 1912. S. 10—14.

стремленіемъ къ пріобрѣтенію, выступающіе лишь въ роли покупщиковъ и продавцовъ земельныхъ участковъ, капиталовъ, рабочей силы, товаровъ». «Гипотетическій экономическій человѣкъ долженъ дѣйствовать хозяйственно, т. е. по принципу наименьшаго средства, стремясь обезпечить максимумъ хозяйственныхъ потребностей при минимумѣ хозяйственныхъ затратъ. Далѣе, принимается, что «экономическій человѣкъ, homo oeconomicus видитъ и оцѣниваетъ наступленіе хозяйственно важнаго событія. Иными словами, имъ долженъ руководить просвѣщенный эгоизмъ». Wygodzinski приписываетъ этому изолирующему методу важное значеніе въ дѣлѣ отысканія хозяйственныхъ законовъ, при чемъ повторяетъ обычный примѣръ «знаменитой книги объ «Изолированномъ государствѣ» одного изъ величайшихъ германскихъ экономистовъ» J. H. v. Thünen'a. Затѣмъ отмѣчается неизбѣжное и необходимое несоотвѣтствіе экономическаго человѣка «историческому человѣку», въ связи съ чѣмъ полагаются существенныя ограниченія примѣненію вышеизложеннаго метода и обосновывается привнесеніе «метода народнохозяйственной индукціи». «Внѣхозяйственнымъ мотивамъ и явленіямъ присуща та особенность, что они имѣютъ хозяйственныя послѣдствія. Едва ли можно представить себѣ что-либо болѣе нехозяйственное, но также и и глубже вторгающееся въ сферу хозяйства, нежели война». «Мы можемъ принять какъ несомнѣнное, что каждому индивиду подтверждаетъ его ежедневный опытъ,—что историческій человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности отнюдь не всегда руководится хозяйственными побужденіями». Въ изслѣдованіи дѣйствительной жизни «руководящій мотивъ экономическаго человѣка болѣе не выручитъ насъ». «Въ дѣйствительности тѣ экономическія соображенія безчисленнымъ образомъ пересѣкаются, перевѣшиваются, отклоняются желаніями и страстями, высокимъ подъемомъ мыслей и тупой неосвѣдомленностью».

И къ изложенной сейчасъ теоріи, конечно, примѣнимы приведенныя выше возраженія. Что въ особенности здѣсь привлекаетъ къ себѣ критическое вниманіе, это—тѣсное смѣшеніе гносеологической и методологической проблемы. Въ дѣй-

ствительности, первая изъ нихъ въ отношеніи къ экономикѣ подлежитъ компетенціи экономистовъ, вооруженныхъ необходимымъ общимъ отправнымъ пониманіемъ соціальной жизни; напротивъ, въ области методологіи экономистамъ можетъ принадлежать лишь второстепенная роль. И что особенно несостоятельно въ собственной методологіи экономистовъ, это— игнорированіе той истины, что ни одно научное положеніе или свѣдѣніе не можетъ быть достигнуто разъединеннымъ примѣненіемъ дедукціи и индукціи. Совмѣстное же примѣненіе обоихъ методовъ исключаетъ произвольно абстрактныя предпосылки въ дедукціи и самое базированіе научнаго изслѣдованія на импульсивной мотивації. Въ частности, относительно ссылки на Тюнена должно замѣтить, что столь продолжительный успѣхъ его научнаго труда относится къ изслѣдованію техническихъ условій дѣятельности, изолированныхъ отъ дѣйствія прочихъ соціальныхъ условій въ ихъ конкретномъ разнообразіи, и что здѣсь не играютъ роли тѣ предпосылки, въ которыхъ и заключается корень ошибки въ разсматриваемой абстракціи экономическаго человѣка, экономической природы человѣка или же хозяйственнаго эгоизма.

Въ германской экономической литературѣ послѣднихъ лѣтъ M. Weyermann и H. Schönitz строятъ теорію науки о частномъ хозяйствѣ именно на проблемѣ конкретнаго описанія предѣловъ и варіантовъ «экономическаго человѣка»[1].

Напротивъ, Carl Menger[2], отказавшись отъ формулы «экономическаго человѣка» съ приписываемыми ему атрибутами, въ качествѣ основныхъ предпосылокъ теоретической экономіи указываетъ догму неизмѣннаго своекорыстія, или личнаго эгоизма, къ которой присоединяетъ также предположенія отсутствія ошибки, незнанія, внѣшняго принужденія и пр.. Безъ этой догмы и относящихся къ ней предположеній Menger не предполагаетъ возможности точной національной экономіи, имѣющей своею задачею открыть законы народнаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ служащей къ познанію одной, хотя и

[1]) Weyermann—Schönitz. Wissenschaftliche Privatwirtschaftslehre. 1912.

[2]) Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften, und der Politischen Oekonomie insbesondere. 1883. Buch 1 cap. VII.

крайне важной, хозяйственной стороны человѣческой жизни, тогда какъ познаніе прочихъ сторонъ ея можетъ быть достигнуто лишь съ помощью другихъ теорій, отправляющихся отъ иныхъ стремленій людей, — напр., духа общественности, строгаго господства правовой идеи и пр.. Menger кратко возражаетъ противъ того пониманія догмы своекорыстія, что «свободное отъ воздѣйствія экономической политики государства преслѣдованіе частнаго интереса со стороны отдѣльныхъ хозяйствующихъ индивидовъ должно имѣть результатомъ высшую ступень общаго блага».

Допуская также и эмпирическо-реалистическую науку, Menger строго разграничиваетъ ихъ, исходя изъ того, что «точная національная экономія, по своей природѣ, должна выяснить намъ законы хозяйственности, а эмпирическо-реалистическое ученіе о народномъ хозяйствѣ—выяснить правильности въ послѣдовательности и сосуществованіи реальныхъ явленій человѣческаго хозяйства (которыя въ своей полной эмпирической дѣйствительности содержатъ въ себѣ также и многочисленные элементы нехозяйственности)»[1]. «Сущность этого точнаго направленія теоретическаго изслѣдованія заключается въ томъ, что мы сводимъ человѣческіе феномены къ ихъ первоначальнѣйшимъ и простѣйшимъ конститутивнымъ факторамъ, прилагаемъ къ этимъ послѣднимъ соотвѣтствующую ихъ природѣ мѣру и наконецъ стараемся изслѣдовать законы, по которымъ изъ тѣхъ простѣйшихъ элементовъ, мыслимыхъ въ ихъ изолированности, образуются болѣе сложные человѣческіе феномены»[2]. При этомъ истинный характеръ точнаго направленія обрисовывается въ слѣдующей за этимъ тирадѣ: «Реальны ли отдѣльные конститутивные факторы человѣческихъ явленій, мыслимые въ ихъ изолированности, поддаются ли они въ дѣйствительности точному измѣренію, обнаруживаются ли фактически тѣ компликаціи, при которыхъ (соотвѣтственно природѣ точнаго изслѣдованія) должно отвлечься отъ воздѣйствія различныхъ факторовъ реальной человѣческой жизни: все это для точнаго направленія теоретическаго изслѣдованія въ

[1]) S. 59.
[2]) S. 43; см. также: S. 77.

области соціальныхъ явленій столь же безразлично, какъ и въ области природы». Нѣсколько дальше авторъ вновь подчеркиваетъ свое отрицательное отношеніе къ реализму научнаго изслѣдованія: «Провѣрка точной теоріи народнаго хозяйства на полномъ эмпиризмѣ есть равнымъ образомъ методологическій абсурдъ, отрицаніе основъ и предположеній точнаго изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особыхъ цѣлей, которымъ служатъ точныя науки». «Реализмъ въ теоретическомъ изслѣдованіи по отношенію къ точному направленію послѣдняго не есть нѣчто высшее, но нѣчто отличающееся отъ него»[1]. Точному изслѣдованію Menger приписываетъ также сингуляристическій и вмѣстѣ типическій характеръ. «Кто хочетъ теоретически понять явленія народнаго хозяйства, сложные человѣческіе феномены, тотъ долженъ обратиться къ ихъ истиннымъ элементамъ, къ сингулярнымъ хозяйствамъ въ народѣ и стараться изслѣдовать законы, по которымъ первые построяются изъ вторыхъ. Но кто пойдетъ противоположнымъ путемъ, тотъ не понимаетъ сущности народнаго хозяйства, онъ сообразуется съ фикціей, онъ не понимаетъ также важнѣйшую задачу точнаго направленія теоретическаго изслѣдованія, задачу свести сложные феномены къ ихъ элементамъ»[2]. Въ дальнѣйшемъ изложеніи это получаетъ обоснованіе еще и въ томъ, что «народное хозяйство должно изслѣдовать не только общую сущность тѣхъ явленій человѣческаго хозяйства, которыя, какъ, напр., рыночныя цѣны, вексельные курсы, курсовыя цѣны бумагъ, монетная система, банкноты, торговые кризисы и пр., имѣютъ народнохозяйственный характеръ, но и сущность сингулярныхъ явленій человѣческаго хозяйства, какъ, напр., существо потребностей индивида, существо благъ, существо обмѣна, даже существо такихъ явленій, которыя, имѣя чисто субъективный характеръ, проявляются только въ индивидѣ, какъ потребительная цѣнность въ ея субъективномъ проявленіи»[3]. По вопросу о типичности авторъ вновь обнаруживаетъ

[1]) S. 54; см. также: S. 59. Этотъ взглядъ весьма рѣшительно поддерживаетъ В. Левитскій. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890. Стр. 111 и сл.

[2]) S. 87.

[3]) 123 f. Anm.

расхожденіе между точной теоріей и дѣйствительностью. «Затрудненія, создающіяся для реалистическаго направленія теоретическаго изслѣдованія вслѣдствіе не-типическаго характера феноменовъ, не существуютъ для точнаго направленія въ виду своеобразнаго пониманія теоретической проблемы въ этомъ послѣднемъ. Точное изслѣдованіе сводитъ реальныя явленія къ ихъ простѣйшимъ элементамъ, мыслимымъ, какъ строго типическія, и стремится установить строго типическія отношенія, естественные законы этихъ послѣднихъ. Формы явленій, надъ которыми оно оперируетъ, мыслятся однако строго типическими не только въ отношеніи къ мѣстнымъ, но и временнымъ условіямъ, и фактъ развитія реальныхъ феноменовъ не оказываетъ поэтому никакого вліянія на родъ и способъ, какими точное изслѣдованіе предпринимаетъ разрѣшить теоретическую проблему»[1]. Признаваемый же авторомъ генетическій или историческій характеръ научнаго изслѣдованія[2] достигается соотвѣтствующимъ расчлененіемъ научныхъ проблемъ. «Точныя науки поэтому столь же мало игнорируютъ фактъ развитія феноменовъ, какъ и постулатъ всякой теоріи —прослѣдить во всѣхъ фазахъ измѣненіе явленій, представляющихся нашему познанію. Каждая новая форма явленія, порождаемая жизнью, каждая новая фаза развитія феноменовъ представляетъ новую проблему для точнаго направленія теоретическаго изслѣдованія. Оно принимаетъ во вниманіе въ дѣйствительности смѣну явленій, но только существенно инымъ образомъ, нежели это имѣетъ мѣсто въ реалистическомъ направленіи теоретическаго изслѣдованія»[3]. Свою гносеологическую систему Menger старается подкрѣпить указаніемъ на необходимость абстракціи отдѣльныхъ сторонъ соціальныхъ явленій[4] и съ помощью рѣзкихъ выраженій скорѣе, чѣмъ логическихъ соображеній, отвергаетъ «легкомысленный» упрекъ въ атомизмѣ[5]. Главнымъ аргументомъ служитъ для него то, что «односторонній коллективизмъ въ разсматриваніи хозяй-

---

[1]) S. 115.
[2]) S. 88, 95.
[3]) S. 116 f.
[4]) Buch I Cap. VI.
[5]) Buch I Cap. VIII.

ственныхъ феноменовъ совершенно инадэкватенъ точному теоретическому изслѣдованію, а потому и упрекъ въ атомизмѣ въ вышеупомянутомъ значеніи слова въ отношеніи къ точной національной экономіи представляется недоразумѣніемъ. Этотъ упрекъ относится къ ней, какъ къ точной наукѣ и наравнѣ со всѣми прочими точными науками».

Изложенная теорія опровергается въ корнѣ тѣмъ, что своекорыстіе, если такъ обозначить начало личнаго интереса въ примѣненіи къ хозяйственной жизни, не исключаетъ изъ послѣдней иныхъ соціальныхъ началъ, равно какъ и не устраняется ими по отношенію къ другимъ сторонамъ соціальной жизни[1]. Указываемые, наряду съ догмой своекорыстія, духъ общественности и правовая идея имѣютъ уже совершенно иной характеръ, который имѣлся бы, напр., скорѣе также въ идеѣ благосостоянія, обезпеченія человѣческихъ цѣлей соотвѣтствующими средствами. Но и независимо отъ всего этого, для каждаго непредубѣжденнаго человѣка представляется однако очевиднымъ, что невозможно построить научную теорію какъ отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни, такъ и соціальной жизни въ цѣломъ, на основаніи одного какого-либо стремленія, приписываемаго каждому. Догма своекорыстія еще не сообщаетъ намъ всѣхъ тѣхъ познаній хозяйственной жизни, которыя мы пріобрѣтаемъ инымъ путемъ и безъ которыхъ и эта догма оказалась бы совершенно безполезной и ничего ровно не дающей для науки.

Вообще весь этотъ гносеологическій трудъ Menger'а полонъ смѣлыхъ логическихъ парадоксовъ, откровенно-рѣзкая формулировка которыхъ какъ бы должна дѣйствовать ошеломляющимъ образомъ на читателя. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше цитатъ уже сами по себѣ обнаруживаютъ свою внутреннюю несостоятельность. Такой характеръ имѣютъ игнорированіе такого свойства объектовъ научнаго изслѣдованія, какъ реальность, обоснованіе научнаго изслѣдованія на такихъ свойствахъ первоначальныхъ элементовъ, которыя отсутствуютъ въ сложныхъ явленіяхъ дѣйствительности, именно сведеніе

[1]) Такъ, см. уже W. Arnold. O. c. S. 90, а также вышеприведенныя возраженія Dietzel'я.

не-типическихъ явленій къ строго-типическимъ элементамъ, совмѣщеніе въ одномъ индивидуальнаго и типическаго, а съ другой стороны—генетическаго и типическаго, затѣмъ также признаніе сингулярныхъ хозяйствъ элементами явленій народнаго хозяйства, устраненіе упрека въ атомизмѣ чрезъ отрицаніе соціальной общности и съ ссылкой на другія точныя науки, которыя отчасти и являются атомистическими[1]. При всемъ томъ это произведеніе Менгера, по-видимому, оказало вліяніе на формулировку абстрактныхъ воззрѣній и въ руской экономической литературѣ.

Обоюдныя возраженія Dietzel'я и Menger'a, отчасти аналогичныя, не подтверждаютъ однако предположенія, что ихъ воззрѣнія существенно различаются между собою или имѣютъ существенное преимущество одно предъ другимъ. Представляется очевиднымъ, что концепція «экономическаго человѣка» основана на эгоизмѣ, освѣдомленности, цѣлесообразности, но съ другой стороны и концепція эгоизма базируется на предположеніяхъ хозяйственнаго направленія, освѣдомленности и цѣлесообразности. Мнѣніе о совпаденіи обоихъ воззрѣній[2], такимъ образомъ, по существу справедливо.

Въ другомъ, болѣе раннемъ трудѣ, вообще не менѣе цѣнимомъ, C. Menger, также исходя изъ идеи закономѣрности народнохозяйственныхъ явленій, признаетъ задачею теоретической науки о народномъ хозяйствѣ изслѣдованіе «условій, при которыхъ люди развиваютъ предусмотрительную дѣятельность, направленную на удовлетвореніе своихъ потребностей», а вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе закономѣрныхъ «явленій, совершенно независимыхъ отъ человѣческой воли и обусловливающихъ собою результатъ хозяйственной дѣятельности людей»[3]. Далѣе, въ изложеніи «основныхъ положеній науки о народномъ хозяйствѣ», C. Menger лишь въ видѣ исключенія упоминаетъ о человѣческомъ эгоизмѣ. Установивъ недостаточность количества хозяйственныхъ благъ для покрытія

[1]) Menger. O. c., S. 64, 88. сопоставляетъ точное направленіе политической экономіи со всѣми прочими точными науками.

[2]) E. Philippovich. Über Aufgabe und Methode der politischen Ökonomie. 1886. S. 54 Anm. 24.

[3]) Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. 1872. S. IX.

соотвѣтствующихъ потребностей индивидовъ, образующихъ общество, C. Menger замѣчаетъ къ этому: «Въ этомъ кроется побужденіе къ проявленію человѣческаго эгоизма, и тамъ, гдѣ располагаемое количество не достаточно для всѣхъ, каждый индивидъ будетъ стараться возможно полно покрыть свою собственную надобность съ устраненіемъ другихъ»[1]. Menger однако неоднократно указываетъ иное начало, которому придаетъ общее руководящее значеніе въ хозяйственной жизни. Такъ, при изслѣдованіи основаній и границъ экономическаго обмѣна, Menger заключаетъ, «что принципъ, который приводитъ людей къ обмѣну есть тотъ же, который вообще руководитъ ими во всей хозяйственной дѣятельности ихъ, есть именно стремленіе къ возможно полному удовлетворенію ихъ потребностей»[2].

Представляется однако очевиднымъ, что охарактеризованное въ приведенной выдержкѣ начало эгоизма недостаточно для выясненія существа хозяйственной жизни. Кромѣ приведенной затѣмъ цитаты, этому служатъ скорѣе слѣдующія соображенія, имѣющія слишкомъ мало общаго съ эгоизмомъ: «Культурные люди», высказываетъ Menger, «заботятся объ удовлетвореніи своихъ потребностей не только за короткій промежутокъ времени, но далеко впередъ, стремятся къ обезпеченію ихъ на много лѣтъ, даже на всю жизнь, и по общему правилу, сверхъ этого, прилагаютъ заботу къ тому, чтобы и у ихъ потомковъ не было недостатка въ средствахъ, потребныхъ для удовлетворенія ихъ потребностей. Всюду, куда простираются наши взоры, мы видимъ у культурныхъ народовъ систему грандіозныхъ попеченій объ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей»[3]. Почти непосредственно предъ приведеннымъ замѣчаніемъ объ эгоизмѣ Menger изъ факта превышенія потребности въ извѣстномъ благѣ надъ имѣющимся количествомъ его выводитъ слѣдующія четыре правила, которыми руководятся люди въ своей дѣятельности: «1) Получить въ свое распоряженіе каждую часть благъ, находящихся въ

[1]) Ibidem. Cap. II § 3. S. 55.
[2]) Cap. IV § 1 S. 159. См. также: Cap. II S. 32 ff., 51 ff., Cap. IV. S. 158 f., 171.
[3]) S. 33.

означенномъ количественномъ отношеніи. 2) Сохранить ихъ полезныя качества». «3) Произвести выборъ между болѣе важными потребностями, которыя они удовлетворяютъ располагаемыми ими количествами благъ, имѣющихся здѣсь въ виду, и тѣми потребностями, отъ удовлетворенія которыхъ они откажутся. 4) Съ каждымъ даннымъ количествомъ благъ, находящихся въ означенномъ отношеніи, чрезъ цѣлесообразное примѣненіе, достигать возможно большаго результата и опредѣленнаго результата—съ возможно малымъ количествомъ, или, другими словами, располагаемыя ими количества какъ потребительныхъ, такъ и производственныхъ средствъ использовать наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ для удовлетворенія ихъ потребностей. Дѣятельность людей», заключаетъ Menger, «направленную на вышеназванныя цѣли, въ ея совокупности мы называемъ ихъ хозяйствомъ, а находящіяся въ означенномъ отношеніи блага, какъ исключительные объекты его,—хозяйственными благами[1].

Даже первое изъ этихъ четырехъ положеній, по нашему мнѣнію, не должно быть относимо къ хозяйственному эгоизму, такъ какъ первоначальная, или же и производная, апропріація благъ, соотвѣтствующая общему проявленію и условію хозяйственнаго характера послѣднихъ[2], еще не опредѣляетъ послѣдующаго примѣненія благъ, а именно къ этому окончательному моменту и могутъ преимущественно относиться эгоистическія побужденія. Кромѣ того, система раздѣленія и соединенія дѣятельности и обмѣна переноситъ вопросъ въ область всеобщаго стремленія къ пріобрѣтенію абстрактнаго эквивалента хозяйственныхъ благъ, вообще не ограниченнаго какой-либо абсолютной суммой.

Другой представитель австрійской школы и въ сочиненіи,

---

[1]) S. 52 f.

[2]) Ср.: П. Б. Струве, Проблема производства и проблема вмѣненія въ политической экономіи. Изв. С.-Петерб. Политехнич. Инст. 1910 г. Отдѣлъ наукъ экон. и юрид. Т. XIII. Стр. 11; Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. Вып. I. Введеніе. 1909 г. (Литограф. изд.). Стр. 7. На пріобрѣтеніе, какъ характерное свойство хозяйственныхъ благъ, указывали уже: Jean-Baptiste Say. Cours complet d'économie politique. 3 éd. 1852. T. I. Partie I. Chap. I. P. 64; T. R. Malthus. Principles of Political Economy. 2 ed. 1836. Chap. I, sec. II. P. 33; Fr. Schmitthenner. Zwölf Bücher vom Staate. B. I. 2 Aufl. 1839. § 249. S. 330; Rodbertus-Jagetzow. Zur Erkenntniss u. s. w. 1842. S. 4.

вышедшемъ вскорѣ послѣ отмѣченнаго выше гносеологическаго изслѣдованія Menger'a—E. Sax[1], заявивъ о полной солидарности вообще съ воззрѣніями Menger'a, высказываетъ однако возраженія противъ нихъ, при чемъ именно стремится поставить въ нѣкоторую связь пользованіе абстрактно-дедуктивнымъ и эмпирическимъ методами.

Равнымъ образомъ, E. Philippovich[2] основываетъ чистую или точную теорію экономическаго оборота на изолированіи хозяйственнаго эгоизма и изслѣдованіи его проявленій при принятыхъ предположеніяхъ, къ которымъ принадлежитъ свобода, индивидуализмъ, частная собственность, отсутствіе заблужденія, привычки и недостатка энергіи и опредѣленная мѣра упомянутаго эгоизма, какъ онъ проявляется въ дѣловомъ мірѣ. Достигаемые при этомъ научные законы дѣйствительны лишь при совершенно опредѣленныхъ предположеніяхъ и представляютъ лишь тенденціи къ проявленію своему въ дѣйствительности. Поэтому, «въ силу многихъ отклоненій, которыя дѣйствительность обнаруживаетъ вопреки чистой теоріи, вслѣдствіе дѣйствія иныхъ условій и иныхъ силъ, чѣмъ предполагаемыя этою», чистая теорія оказывается недостаточной для объясненія эмпирической, дѣйствительности и восполняется эмпирической, реалистической теоріей, изслѣдующей конкретныя явленія. Характерно даваемое при этомъ въ цитируемомъ трудѣ опредѣленіе обоихъ методовъ изслѣдованія, въ которомъ имъ придается назначеніе устанавливать связь между причиной и дѣйствіемъ, указывающее какъ бы на служебную роль въ отношеніи къ спеціальной теоріи хозяйственно-психической мотиваціи. Съ изложеннымъ выше расходится само по себѣ правильное замѣчаніе: «Индукція и дедукція взаимно обусловливаются. Дедукція безъ основанія и провѣрки на индукціи приводила бы къ пустымъ формуламъ, одна индукція—къ массѣ не связанныхъ между собою общихъ положеній».

Существуетъ, далѣе, и такой варіантъ абстрактно-дедуктивной теоріи, по которому отъ предположенія односторонне-

[1]) Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie. 1884. IV. S. 32—48.
[2]) Grundriss der Politischen Ökonomie. B. I. 10 Aufl. 1913. § 17.

индивидуалистическихъ стремленій въ хозяйственной дѣятельности заключаютъ къ существованію экономическихъ законовъ теоретическаго характера. Однимъ изъ крайнихъ выразителей этого возраженія явился Friedrich Julius Neumann[1]. Отвергнувъ возраженія противъ всей вообще разсматриваемой здѣсь доктрины со стороны Lujo Brentano, Neumann приходитъ къ слѣдующему парадоксальному положенію: «Прежде всего эти законы вовсе не должны согласоваться съ дѣйствительностью. Это именно очень часто выдвигалось тѣми классическими экономистами. И, во-вторыхъ, именно вслѣдствіе такого несоотвѣтствія законы представляются даже особенно цѣнными, хотя пользованіе ими, вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія разныхъ причинъ либо многихъ, происходящихъ изъ нихъ, законовъ представляется иногда нелегкимъ». Наконецъ, по заключительнымъ объясненіямъ Neumann'a, «стремленіе къ заботѣ о себѣ и о близкихъ, собственный хозяйственный интересъ зависитъ не отъ произвола или прихоти, но вобще навязывается индивидамъ силою обстоятельствъ. Вслѣдствіе ограниченности хозяйственныхъ средствъ этотъ интересъ долженъ по общему правилу развиваться въ хозяйственный эгоизмъ, т. е. въ стремленіе, въ противность интересамъ другихъ, интересъ собственный и своихъ близкихъ выдвигать на первый планъ, при чемъ, повидимому, столь различная степень господства этого стремленія съ точки зрѣнія общихъ явленій имѣетъ лишь второстепенное значеніе»[2].

За примѣненіе метода изолированія высказывается также W. Lexis. Не безъ противорѣчія со своими воззрѣніями на соціальные и экономическіе законы, Lexis замѣчаетъ: «Абстрактный методъ науки о народномъ хозяйствѣ, или методъ изолированія предполагаетъ, что дѣловая или промышленная

---

[1]) Wirtschaftliche Cesetze nach früherer und jetziger Auffassung. Jahrb. f. Nationalökon. u. Stat. III F. B. 16 H. 1. 1898. См. въ особ.: S. 29.

[2]) S. 38. Въ болѣе ранней своей статьѣ: Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. J. 48. H. 3. 1892. S. 466 ff., Neumann приходитъ къ различенію трехъ видовъ хозяйственныхъ законовъ: законовъ эгоизма въ хозяйственной области, законовъ справедливаго уравненія интересовъ въ замкнутомъ кругу людей и законовъ справедливаго ограниченія интересовъ преимущественно по соображеніямъ публичнаго характера. И здѣсь такимъ образомъ рѣчь идетъ о законахъ психо-этической мотивации.

дѣятельность человѣка управляется исключительно хозяйственнымъ принципомъ, и изъ этого единственно принимаемаго въ соображеніе мотива выводятся законы абстрактной теоріи народнаго хозяйства, относительно которой однако допускается, что она часто не совпадаетъ съ конкретной дѣйствительностью». Lexis отрицаетъ также близость метода изолированія къ естественно-научному. Вмѣстѣ съ тѣмъ Lexis даетъ одностороннее истолкованіе какъ принципу хозяйственности, такъ и общему направленію современной торгово-промышленной дѣятельности, становясь въ этомъ отношеніи на ту точку зрѣнія, которую проводилъ Bagehot[1], и проводя ее еще рѣшительнѣе. «Сущность денежно-хозяйственнаго производства», говоритъ Lexis, «вынуждаетъ къ тому, чтобы оно велось по такъ называемому хозяйственному принципу, именно со стремленіемъ достигать возможно большей денежной выгоды съ возможно малыми затратами. Поэтому пріобрѣтательная дѣятельность представляетъ въ существующемъ строѣ особый отрѣзъ общественной жизни, въ которомъ въ качествѣ преобладающаго импульса (Triebfeder) дѣйствуетъ то, что обыкновенно обозначаютъ, какъ собственный хозяйственный интересъ. Многіе называютъ это эгоизмомъ, но въ этомъ словѣ кроется нравственное неодобреніе, само по себѣ неосновательное. Эгоистическое направленіе и безпощадная жажда пріобрѣтенія, быть можетъ, живутъ во многихъ; но вообще капиталистическій производитель и продавецъ товаровъ, каковъ бы ни былъ его образъ мыслей, въ своей дѣловой дѣятельности отнюдь не имѣютъ свободнаго выбора; общимъ положеніемъ рынка ему предписанъ опредѣленный путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать, если желаетъ раціонально хозяйничать и не разорить себя». Но въ области расходованія своего личнаго дохода каждый дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію. На этихъ условіяхъ современной народнохозяйственной дѣятельности и обосновывается точка зрѣнія причинной обусловленности[2].

Болѣе осторожно высказывается Lexis въ спеціальной

---

[1]) См. выше, § 20.

[2]) Allgemeine Volkswirtschaftslehre. S. 15, 17.

статьѣ о собственномъ интересѣ, какъ о смягченномъ выраженіи эгоизма. Этотъ интересъ основывается здѣсь на томъ, что «такъ какъ хозяйствующій человѣкъ прежде всего имѣетъ цѣлью удовлетворить свои собственныя личныя потребности, то и его пріобрѣтательная дѣятельность существенно опредѣляется его интересомъ». Допуская уже возможность чистообъективнаго соблюденія принципа хозяйственности, Lexis утверждаетъ однако, что «вообще въ частныхъ предпріятіяхъ эгоизмъ играетъ свою роль» и что «въ этомъ смыслѣ собственный интересъ по общему опыту представляется главной побуждающей силой въ пріобрѣтательной человѣческой дѣятельности». Lexis приходитъ къ тому заключенію, что принципъ хозяйственности есть опредѣленное выраженіе хозяйственнаго интереса, что собственный интересъ можетъ исключительно опредѣлять хозяйственную дѣятельность, но проявляется вообще тѣмъ активнѣе, чѣмъ крупнѣе предпріятіе. Съ этимъ не вполнѣ согласуется утвержденіе, что «такъ какъ собственный интересъ есть вполнѣ индивидуальный импульсъ, то, естественно, онъ можетъ дѣйствовать лишь въ отдѣльныхъ лицахъ». Сфера дѣйствія собственнаго интереса отнесена при этомъ въ гораздо большей мѣрѣ къ промышленной дѣятельности, нежели къ частнохозяйственному примѣненію доходовъ. «Собственный интересъ есть движущая и руководящая сила главнымъ образомъ лишь для дѣловой частной дѣятельности; но этого», какъ полагаетъ Lexis, «достаточно, чтобы предоставить ему рѣшающее вліяніе на строй и протеканіе народнохозяйственнаго процесса». Общее заключеніе Lexis'a, въ примѣненіи къ разсматриваемому нами вопросу, клонится къ признанію собственнаго интереса, какъ предпосылки дедуктивнаго изслѣдованія, но съ оговоркой о необходимости знанія при этомъ всѣхъ конкретныхъ условій хозяйственной жизни[1]. Авторъ однако не поясняетъ, какое примѣненіе могутъ получить эти конкретныя условія при дедукціи изъ собственнаго интереса хозяйствующаго человѣка прочихъ народнохозяйственныхъ положеній. Въ общемъ изложенныя сейчасъ воз-

[1]) Art.: Selbstinteresse. Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II. S. 781 ff.

зрѣнія, начиная съ самаго обоснованія собственнаго интереса, имѣютъ очень натянутый характеръ и далеки отъ того, чтобы представлять собою цѣпь строго обоснованныхъ, въ каждой части и въ совокупности, научныхъ положеній.

Julius Wolf исходитъ въ своемъ изложеніи національной экономіи, какъ точной науки, между прочимъ и изъ мотивації индивидуальной и общественной жизни. Къ этому онъ пріурочиваетъ «хозяйственный эгоизмъ, какъ продуктъ развитія заключающихся въ желаніяхъ положительныхъ раздраженій». Именно, «заключающіяся въ желаніяхъ положительныя раздраженія вызываютъ къ жизни стремленія эгоизма, жадности, скупости и т. д., находящія себѣ сознательное выраженіе. Съ присоединеніемъ чувствъ справедливости и болѣе значительной дозы сознательныхъ соображеній, они очищаются до т. н. здороваго эгоизма, какъ факта воли, который на высшей ступени развитія лежитъ въ основѣ хозяйственной жизни». Внѣ зависимости отъ этого Wolf разсматриваетъ силы и ихъ проявленія, какъ трудъ, техническая идея и норма хозяйственности[1]. Въ своей новой журнальной статьѣ Wolf замѣчаетъ: «Безъ изолирующей абстракціи конкретная національная экономія до сего времени всегда была дилетантизмомъ — болѣе или менѣе остроумнымъ, но все же таковымъ». Конкретную національную экономію онъ признаетъ здѣсь невозможной безъ теоретической, а теоретическую — безъ изолирующей абстракціи и логической дедукціи[2].

Абстрактную систему классической школы, основанную на началѣ личнаго интереса, воспринялъ, но попытался восполнить параллельной системой альтруизма Lothar Dargun[3]. Свою основную классификацію хозяйственныхъ дѣйствій онъ основываетъ на различеніи приложеній хозяйственнаго принципа. При этомъ, «поступать хозяйственно» опредѣляется, какъ «стремленіе къ достиженію съ возможно малой затратой имущественной цѣнности возможнаго обилія матеріальныхъ средствъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей». Въ зависи-

[1]) Nationalökonomie als exakte Wissenschaft. 1908. § 1, 7.
[2]) Der Aufstieg der theoretischen Nationalökonomie. Zeitschrift für Sozial wissenschaft. N. F. IV J. H. 8/9. 1913. S. 599.
[3]) Egoismus und Altruismus in der Nationalökonomie. 1885.

мость отъ того, обращено ли это стремленіе непосредственно къ собственной пользѣ дѣйствующаго или же другихъ лицъ, и ставится указанная классификація хозяйственныхъ дѣйствій на эгоистическія и альтруистическія. Dargun принимаетъ научныя изысканія англійскихъ классическихъ экономистовъ, какъ имѣющія цѣлью изучить хозяйственныя проявленія собственнаго интереса, но признаетъ неправильнымъ объяснять всѣ явленія человѣческаго хозяйства, въ томъ числѣ и альтруистическія, чрезъ собственный интересъ. Сообразно этому рекомендуется измѣнить и самую постановку научнаго изслѣдованія. «Изолированіе силы, которую должно изслѣдовать, для того чтобы оно приводило къ цѣли, должно быть двоякаго рода: во-первыхъ, изслѣдованіе должно быть направлено на одну эту силу или рядъ явленій, при возможной абстракціи отъ привходящихъ проявленій иного рода; во-вторыхъ, изслѣдованіе не должно охватывать всѣ случаи, въ которыхъ выступаетъ изслѣдуемый феноменъ, но лишь такіе, въ которыхъ онъ выступаетъ наиболѣе рѣзко, наиболѣе ясно, наиболѣе вліятельно, и прочія, препятствующія изслѣдованію, вліянія —наиболѣе слабо. Поэтому, желая изучить роль альтруизма въ хозяйственной жизни, должно будетъ изучать тѣ хозяйственныя явленія, въ которыхъ онъ выступаетъ наиболѣе рѣзко; равнымъ образомъ, значеніе эгоизма будетъ познано тамъ, гдѣ онъ выступаетъ наиболѣе явственно, именно при обмѣнѣ». Несмотря на то, что при этомъ указывается на необходимость болѣе широкаго примѣненія индукціи, наукѣ придается здѣсь абстрактный характеръ: «Мы легко можемъ конструировать хозяйственный міръ—одинъ, управляемый и пополняемый лишь эгоистическими, и другой—лишь альтруистическими рядами явленій; но въ первомъ будутъ отсутствовать альтруистическіе, въ послѣднемъ—эгоистическіе ряды явленій. Дѣйствительному міру хозяйства не соотвѣтсвовала бы хотя бы приблизительно ни одна изъ этихъ конструкцій». Принадлежность теоріи альтруизма къ теоретической наукѣ о хозяйствѣ обосновывается ссылкой на методологическое замѣчаніе J. St. Mill'я. Вмѣстѣ съ тѣмъ опровергается критическое замѣчаніе со стороны представителей исторической

школы о томъ, что абстрактная экономическая система представляетъ отраженіе лишь современной дѣйствительности. «Въ дѣйствительности соціально-экономическая теорія описываетъ не конкретную форму хозяйства и именно не форму современнаго хозяйства. Она стремилась постигнуть закономѣрность явленій эгоистическаго хозяйства въ состояніи свободнаго оборота; если ея заключенія правильны, они подтвердятся въ каждомъ хозяйствѣ, по сколько подтвердятся сдѣланныя предположенія». Тѣмъ не менѣе Dargun признаетъ существующую національно-экономическую теорію несовершенной: «То, что называется въ настоящее время національной экономикой, есть экономика свободно проявляемаго собственнаго интереса, а не просто экономика, есть лишь обрывокъ того, чѣмъ она должна быть». Сообразно этому, «вся цѣль національно-экономической науки подлежитъ измѣненію». По мнѣнію цитируемаго автора, «вся національная экономія слагается изъ двухъ обширныхъ рядовъ явленій, изъ которыхъ одинъ основанъ на стремленіи человѣка къ полученію матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, другой же—на стремленіи человѣка къ полученію этихъ средствъ для удовлетворенія потребностей другихъ людей. Совокупность дѣйствій, имѣющихъ ближайшей цѣлью собственную экономическую выгоду дѣйствующаго, называется хозяйственно-эгоистической, совокупность дѣйствій, имѣющихъ ближайшей цѣлью экономическую выгоду другихъ лицъ—хозяйственно-альтруистической». «Хозяйственный характеръ и хозяйственный результатъ дѣйствія опредѣляются существенно его ближайшей цѣлью, которая по общему правилу поддается точному констатированію и обнаруживается недвусмысленными проявленіями». Болѣе отдаленная цѣль дѣйствія представляется съ этой точки зрѣнія безразличной. «Такое ограниченіе ближайшей цѣлью представляется прямо необходимымъ въ виду того соображенія, что извѣстныя основныя явленія хозяйства, именно явленія рынка, опредѣленіе мѣновой цѣнности и, слѣдовательно, также и цѣнъ, лишь при этомъ могутъ быть правильно обсуждены, такъ какъ здѣсь рѣшаютъ хозяйственныя эгоистическія дѣйствія, безъ отношенія къ ихъ болѣе

отдаленной цѣли». Къ этимъ же двумъ категоріямъ хозяйственныхъ дѣйствій Dargun сводитъ и явленія смѣшаннаго эгоистическо-альтруистическаго характера, которымъ онъ даетъ наименованіе мутуалистическихъ. Экономическія понятія эгоистическаго и альтруистическаго получаютъ при этомъ совершенно особый смыслъ—не своеобразной психической силы, но просто имѣющаго значеніе въ экономикѣ обстоятельства, показывающаго, для кого ближайшимъ образомъ совершается дѣйствіе по намѣренію дѣйствующаго. Допуская, что различные психическіе мотивы лежатъ въ основѣ какъ альтруизма, такъ и эгоизма, Dargun указываетъ однако, что эти мотивы не вліяютъ на хозяйственный результатъ дѣйствія и не всегда оказываются на лицо.

Dargun такимъ образомъ признаетъ хозяйственность недостаточнымъ опредѣленіемъ хозяйственной дѣятельности, но требуетъ еще указанія, въ чью пользу направлено данное дѣйствіе. Прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ имѣетъ существенное значеніе такая квалификація хозяйственныхъ дѣйствій или, иначе говоря, какое реальное значеніе можетъ получить выясненіе того, въ чью именно пользу обращено хозяйственное дѣйствіе въ первоначальный моментъ, отнюдь не представляющійся рѣшающимъ. Этотъ вопросъ разрѣшается отрицательно, такъ какъ научное пониманіе хозяйственной жизни ничего не выигрываетъ при этомъ, а возникаетъ лишь разнорѣчіе между такимъ формальнымъ приложеніемъ эгоизма и альтруизма и ихъ реальными проявленіями въ связи съ хозяйственной дѣятельностью. Попытка ограничить указанную квалификацію того или другого акта ближайшимъ моментомъ приводитъ къ психологическимъ условностямъ, ничего по существу не выясняющимъ. Въ качествѣ образчика этого можно указать квалификацію, какъ эгоистическаго дѣйствія, похищенія имущества для цѣлей благотворенія[1]. Въ общемъ, вносимая Dargun'омъ поправка въ классическую теорію можетъ служить скорѣе къ вящщему опроверженію послѣдней.

Главнѣйшій представитель научнаго соціализма, Karl Marx,

[1]) O. c. S. 15.

хотя и не занимавшійся спеціально экономической гносеологіей и точнымъ опредѣленіемъ своего направленія съ этой стороны, все же выходилъ изъ извѣстныхъ абстрактныхъ предпосылокъ, среди которыхъ преобладали предположеніе личнаго и классоваго эгоизма, а также идея діалектическаго развитія и матеріалистическое воззрѣніе на исторію. Все построеніе основныхъ теоретическихъ воззрѣній Маркса сводится къ извѣстнымъ абстрактнымъ предположеніямъ, къ схематическому представленію экономической жизни, къ признанію неизбѣжности происходящаго въ ней развитія, къ признанію лишь второстепеннаго значенія телеологическаго начала, къ абстрактному представленію прошедшаго, настоящаго и будущаго въ экономической исторіи. Этотъ абстрактно дедуктивный моментъ, безъ сомнѣнія, игралъ не послѣднюю роль въ сближеніи Маркса именно съ Рикардо[1], а не съ Ад. Смитомъ[2]. Но, разумѣется, и кругъ отправныхъ предпосылокъ и самые пріемы постановки и разрѣшенія научныхъ вопросовъ у Маркса сложились самостоятельно и представляются сложнѣе и разнообразнѣе, нежели у англійскихъ классиковъ. Самые сторонники его разсматриваютъ научное направленіе Маркса именно такимъ образомъ. Въ предисловіи къ второму изданію перваго тома «Капитала», Marx приводитъ между прочимъ мнѣніе проф. Зибера, что «методъ Маркса есть дедуктивный методъ всей англійской школы, недостатки и достоин-

[1]) D. Ricardo самъ считалъ себя черезчуръ теоретикомъ. По его мнѣнію, «въ политической экономіи такъ много комбинацій и такъ много дѣйствующихъ причинъ, что представляется очень рискованнымъ обращеніе къ опыту, кромѣ какъ если мы увѣрены, что всѣ причины отклоненій извѣстны и ихъ дѣйствія точно оцѣнены». См.: Letters of D. Ricardo to Th. R. Malthus. Ed. by J. Bonar. 1887. XXXVI. P. 96, а также: Preface: P. VIII, XII, XIV, XVI. Ученый издатель этихъ писемъ приводитъ въ своемъ предисловіи мнѣніе Mc Culloch, что изслѣдованія Рикардо были «слишкомъ абстрактны для того, чтобы быть особенно полезными практически», а также отмѣчаетъ индивидуалистическое направленіе ученія Ricardo въ примѣненіи къ теоріи и политикѣ. «Онъ не только», высказываетъ Bonar на основаніи собственныхъ признаній Ricardo, «какъ индивидуалистъ, обычно разсматривалъ людей, какъ отдѣльныхъ конкурирующихъ членовъ, и желаніе богатства—какъ постоянный и господствующій мотивъ людей, но и представлялъ свои общія сужденія черезчуръ абсолютно».

[2]) Ср.: Marx. Theorien über den Mehrwert. Herausgeg. v. K. Kautsky. T. I. S. 158. Марксъ упрекаетъ здѣсь Смита въ недостаткѣ теоретичности и въ интересѣ къ эмпирическимъ даннымъ. Положительную оцѣнку трактата Ад. Смита, со стороны комбинированія имъ методовъ индукціи и дедукціи, даетъ I. Ingram. History of Political Economy. 2 ed. P. 90, 93.

ства котораго присущи лучшимъ теоретическимъ экономистамъ». W. Sombart[1] слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ одну изъ главныхъ и основныхъ теорій Маркса: «Въ концѣ концовъ Марксъ самъ показалъ, что законъ цѣнности никогда не можетъ получить силу въ мірѣ фактовъ. Мы знаемъ, что формулировку Маркса въ лучшемъ случаѣ можно примѣнить, какъ эвристическій принципъ для выясненія опредѣленныхъ экономическихъ соотношеній, но что она отнюдь не представляется теоретическимъ выраженіемъ для эмпирической жизни». Какъ правильно замѣчаетъ В. Левитскій[2], «представители соціализма Марксъ и Родбертусъ во всѣхъ своихъ теоретическихъ ученіяхъ исходили изъ «посылки эгоизма», фактическую роль эгоизма въ хозяйственной жизни они даже преувеличивали». Необходимо однако отмѣтить, что по отдѣльнымъ, частнымъ вопросамъ Marx далъ научныя изслѣдованія, основанныя на той правильной комбинаціи индукціи и дедукціи, которая исключаетъ предвзятыя и не подлежащія критической провѣркѣ предположенія.

Въ итальянской экономической литературѣ Luigi Cossa[3] примыкаетъ, хотя и съ существенными оговорками и ограниченіями, къ абстрактному направленію въ области теоретической экономики.

Подобнымъ же образомъ, и нѣкоторые русскіе экономисты выказываютъ предпочтеніе разработкѣ экономической теоріи съ помощью дедукціи, отправляясь отъ условныхъ предпосылокъ. Въ извѣстной мѣрѣ это должно признать относительно экономистовъ, воспринявшихъ вмѣстѣ съ основными воззрѣніями К. Маркса также и условныя предположенія, изъ которыхъ онъ исходилъ. Изъ числа экономистовъ, оказавшихъ особенно значительное вліяніе на развитіе русской экономической науки, сюда принадлежитъ А. И. Чупровъ. Въ его «Курсѣ политической экономіи» это выразилось общимъ абстрактнымъ характеромъ послѣдняго, но также и прямо

---

[1]) Das Lebenswerk von Karl Marx. 1909. S. 34. См. также: Hugo Rickes. Wert und Tauschwert (1899). S. 31; 69; С. О. Загорскій. Карлъ Марксъ, классики и кризисъ исторической школы въ Германіи. 1909.

[2]) Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890. Стр. 204.

[3]) Introduzione dell' Economia Politica. 3 ed. 1893. Parte teorica. Capo VI § 2.

высказано въ разсужденіи о методахъ экономическихъ изслѣдованій и въ Предварительныхъ понятіяхъ[1]. Послѣ краткаго предварительнаго разсмотрѣнія индуктивнаго метода А. И. Чупровъ приходитъ «къ выводу, что пріемы чисто индуктивнаго изслѣдованія, въ примѣненіи къ анализу сложныхъ экономическихъ фактовъ, не могутъ дать надежныхъ заключеній о причинной зависимости между явленіями. Между тѣмъ истинное знаніе заключается въ пониманіи причинъ изучаемыхъ фактовъ». За этимъ слѣдуетъ пространное, положительное изложеніе существа дедуктивнаго процесса изслѣдованія, стремящагося «найти законы сложнаго явленія, исходя изъ законовъ простѣйшихъ причинъ, производящихъ это явленіе». Общее заключеніе, къ которому приходитъ авторъ: «Теоретическая политическая экономія, какъ наука дедуктивная, также не можетъ обойтись безъ своего рода аксіомъ, т. е. извѣстныхъ положеній, которыя она считаетъ за доказанныя и на которыя поэтому она постоянно опирается въ своихъ разсужденіяхъ. Экономическая теорія отправляется отъ предположенія о человѣкѣ, какъ существѣ разумномъ, обладающемъ способностью приспособлять средства къ цѣлямъ. Изъ этого предположенія слѣдуетъ, что человѣкъ, если ему представляется выборъ, непремѣнно предпочтетъ большую выгоду меньшей, меньшую жертву большей или, что то же, будетъ стремится достигать наибольшей выгоды съ наименьшими пожертвованіями». При этомъ особое значеніе придается отысканію законовъ экономіи, хотя и имѣющихъ гипотетическій характеръ. Въ этихъ отправныхъ предположеніяхъ, скрывающихъ въ себѣ и начало эгоизма, заключается одностороннее и неправильное представленіе о соціальной жизни, одной изъ сторонъ которой представляется хозяйственная жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя цѣли, какъ и способы научнаго изслѣдованія не нашли себѣ вполнѣ правильнаго выясненія.

А. А. Исаевъ[2] приходитъ къ заключенію «о необходимости обѣихъ методъ для политической экономіи: дедуктивной—для

---

[1]) Курсъ политической экономіи. Изд. 1913 г. Стр. 37—57.

[2]) Начала политической экономіи. Изд. 7. 1908. Введеніе. Глава II; см. также его Составныя части и методы политической экономіи. 1887.

теоріи и индуктивной—для исторіи хозяйственнаго быта и ученія объ экономической политикѣ». «Для теоріи преимущество дедуктивной методы предъ индуктивной обнаруживается въ томъ, что послѣдняя, поставляя себѣ болѣе широкую задачу—раскрыть законы во всей полнотѣ ихъ существованія,—не рѣшаетъ ея и не можетъ рѣшить, а ограничивается построеніемъ эмпирическихъ законовъ, истинность которыхъ сомнительна внѣ круга произведенныхъ наблюденій. Первая же, ограничивая свою задачу изученіемъ законовъ, какъ они слагаются подъ вліяніемъ одной силы, даетъ положенія, не обнимающія явленій дѣйствительности во всей полнотѣ, но всегда истинныя, независимо отъ времени и мѣста». «Экономистъ, признавая разсчетъ, самолюбіе главной силой, управляющей человѣкомъ въ хозяйственной дѣятельности, раскрываетъ отношенія между типами хозяйственныхъ явленій, какъ они слагаются подъ вліяніемъ только этой силы».

М. И. Туганъ-Барановскій[1] раздѣляетъ политическую экономію на теоретическую экономію, абстрактную и конкретную, и затѣмъ на практическую экономію. «Абстрактная политическая экономія, устанавливающая общіе причинные законы народнаго хозяйства, не можетъ не пользоваться по преимуществу дедуктивнымъ методомъ», тогда какъ конкретная экономія носитъ по необходимости индуктивный характеръ. «Экономистъ отказывается отъ совершенно безнадежной попытки изучать народохозяйственныя явленія во всей ихъ сложности, какъ они наблюдаются въ эмпирической дѣйствительности. Вмѣсто того, онъ ставитъ себѣ болѣе скромную задачу. Онъ конструируетъ упрощеннаго человѣка, дѣйствующаго въ упрощенной соціальной средѣ. Такимъ образомъ, создаются основныя посылки политической экономіи, исходя изъ которыхъ экономистъ приходитъ къ своимъ выводамъ. Въ центрѣ всѣхъ экономическихъ построеній лежитъ опредѣленное представленіе о мотивахъ, управляющихъ человѣческимъ поведеніемъ. Экономистъ предполагаетъ, въ полномъ согласіи съ дѣйствительностью, что средній человѣкъ стремится къ возможному увеличенію своего богатства, но при этомъ имѣетъ

[1]) Основы политической экономіи. 2 изд. 1911. Отд. I. Гл. II.

въ виду не только себя лично, но и свою семью (дѣйствуетъ, какъ bonus pater familias, говоря языкомъ римскаго права). Хозяйственная мотивація человѣка признается находящейся въ согласіи съ господствующимъ въ современномъ обществѣ гражданскимъ правомъ, покоящимся на началахъ частной собственности и правѣ наслѣдованія. Къ этому присоединяется предположеніе, что дѣятельность человѣка находится въ полномъ согласіи съ хозяйственнымъ принципомъ и основывается на полномъ знаніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла». Цитируемый авторъ признаетъ приведенныя опредѣленія достаточными для того, чтобы обезпечить не-абстрактность изучаемаго хозяина и соблюденіе условій исторической соціальной среды. Ссылаясь на Л. І. Петражицкаго и согласуясь въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ Дитцеля, г. Туганъ-Барановскій отвергаетъ «посылку эгоизма».

Въ дополненіе къ этому можно привести замѣчаніе того же автора въ предисловіи къ указываемому ниже труду Войтинскаго: «Психологическій методъ есть единственно возможный методъ абстрактной экономической дедукціи и этимъ методомъ пользовались всѣ крупные экономическіе теоретики, начиная отъ Смита и Рикардо и кончая Марксомъ и Менгеромъ»[1]. Здѣсь, вѣроятно, имѣются въ виду психическіе мотивы подобные тѣмъ, отъ которыхъ отправлялись въ своихъ дедуктивныхъ изслѣдованіяхъ названные ученые.

Обращаясь къ рекомендуемой г. Туганъ-Барановскимъ работѣ Вл. Войтинскаго[2] мы встрѣчаемся здѣсь съ заданіемъ свести коллективныя явленія хозяйственной жизни людей къ индивидуально-типическимъ хозяйственнымъ мотиваціямъ. «Въ соціально-экономической жизни», утверждаетъ авторъ, «нѣтъ ничего, кромѣ дѣйствія людей. Дѣйствія людей вполнѣ объясняются мотивами, подъ вліяніемъ которыхъ они дѣйствуютъ. Мотивы, управляющіе дѣйствіями людей, опредѣляются вполнѣ внутренними свойствами каждаго человѣка и внѣшними явленіями, воспринимаемыми имъ». «Хозяйственная дѣ-

---

[1]) Вл. Войтинскій. Рынокъ и цѣны. Съ предисл. М. И. Туганъ-Барановскаго. 1906. стр. VI.

[2]) Н. с. Введеніе.

ятельность каждаго человѣка зависитъ не отъ всѣхъ свойствъ его характера, не отъ всѣхъ его склонностей, но лишь отъ извѣстныхъ группъ мотивацiи, подъ вліяніемъ которыхъ ему приходится дѣйствовать въ погонѣ за матеріальными благами». «Всѣ явленія хозяйственной жизни могутъ быть, поэтому, объяснены хозяйственными мотивацiями всѣхъ людей и внѣшними условіями, дѣйствующими на нихъ». «Политическая экономія, прежде всего, является теоретической наукой. И, какъ таковая, она занимается лишь изученіемъ и объясненіемъ типичныхъ явленій хозяйственной жизни. А типичныя, устойчивыя явленія хозяйственной жизни опредѣляются, очевидно, типичными хозяйственными мотивацiями типичныхъ контрагентовъ хозяйственнаго строя. Итакъ, коллективныя хозяйственныя явленія, интересующія политическую экономію, могутъ быть объяснены изъ типичныхъ системъ хозяйственныхъ мотивацій, свойственныхъ контрагентамъ экономическаго строя».

Приведенная сейчасъ стройная система положеній, съ помощью которыхъ авторъ пытается опредѣлить характеръ и содержаніе экономики, вызываетъ противъ себя серьезныя возраженія. Прежде всего, оставляется безъ выясненія выраженіе: дѣйствія людей. Въ соотвѣтствіи съ таковымъ же понятіемъ въ правѣ, наиболѣе общимъ образомъ можно опредѣлить дѣйствія людей, какъ сознательно-волевые акты въ области хозяйственной жизни, находящіе себѣ внѣшнее проявленіе чисто принципіальное или и фактическое и, очевидно, не исчерпывающіе собою все содержаніе хозяйственной жизни. Затѣмъ, хозяйственная мотивацiя въ ея полномъ составѣ имѣетъ своимъ главнымъ и активнымъ элементомъ цѣлеполаганіе, при томъ индивидуальное, со стороны даннаго индивида и другихъ, и общественное. Внѣ этого цѣлеполаганія не существуетъ самостоятельной хозяйственной мотивацiи. Наконецъ, не представляется правильнымъ отождествлять общественныя, коллективныя явленія и единичныя, типическія. Есть соціальныя явленія, которыя сосредоточиваются въ отдѣльныхъ индивидахъ, но не въ типическомъ индивидѣ; существуютъ также соціальные факты, выступающіе объективно. По самому существу своему типическое исключаетъ въ себѣ

прогрессивное развитіе и познается, по сколько оно дѣйствительно существуетъ не дедуктивнымъ путемъ, а на основаніи отдѣльныхъ актовъ наблюденія и опыта. Предметами соціально-экономическаго изслѣдованія могутъ быть хозяйственныя понятія и установленія, внѣэкономическія условія хозяйственной дѣятельности, обычныя цѣли, средства и пріемы дѣятельности. Если только не разсматривать все это, какъ въ собственномъ смыслѣ типическія явленія, если предполагать лишь нѣкоторыя совпаденія, приближенія и аналогіи въ соціальныхъ явленіяхъ, то самое понятіе типическаго представится недопустимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ излишнимъ. Типическое, ограничиваемое рамками одной какой-либо эпохи, есть contradictio in adjecto. И никакія попытки ввести дедуктивное изслѣдованіе, на типической основѣ, въ рамки бытово-историческихъ условій эпохи и страны не могутъ восполнить дефекты въ отправныхъ воззрѣніяхъ на соціальную жизнь и на задачи соціально-научнаго изслѣдованія. Всѣ эти соображенія не исключаютъ, разумѣется, того, что самое выполненіе поставленныхъ себѣ цѣлей научнаго изслѣдованія представляется въ извѣстныхъ частяхъ гносеологически и методологически правильнымъ.

Далѣе, С. О. Загорскій[1] обнаруживаетъ особое сочувствіе къ методу Ricardo въ той переработкѣ, которую далъ К. Marx. Единственнымъ выходомъ изъ методологическаго кризиса исторической школы г. Загорскій признаетъ «синтезированіе дедуктивно-абстрактнаго метода и использованія эмпирическаго матеріала». И эта формулировка довольно близко напоминаетъ свойственную представителямъ абстрактно-дедуктивной экономики мысль о необходимости наряду съ этимъ также и въ эмпирическихъ изслѣдованіяхъ.

Наконецъ, къ абстрактному направленію принадлежитъ также тяготѣющій къ австрійской экономической школѣ и къ германской абстрактной школѣ, В. Левитскій не являющійся всецѣло послѣдователемъ К. Менгера, какъ это иногда утверждалось[2]. Двѣ изъ посылокъ экономической теоріи В. Левитскій

[1]) Карлъ Марксъ, классики и кризисъ исторической школы въ Германіи. 1909.
[2]) Янжулъ. Книга о книгахъ.

признаетъ «основными и никогда не теряющими окончательно своего значенія, а именно—исходныя положенія теоріи общественнаго хозяйства, что хозяйственный интересъ есть господствующій мотивъ хозяйственной дѣятельности и что государственное вмѣшательство не парализуетъ свободнаго проявленія этого мотива въ хозяйственномъ оборотѣ». При этомъ подъ хозяйственнымъ интересомъ онъ разумѣетъ эгоистическій интересъ[1]. Отсюда же опредѣляется и общій характеръ хозяйственныхъ отношеній: «Такъ какъ всѣ люди, прикосновенные къ хозяйственнымъ дѣламъ, знаютъ, что хозяйственный оборотъ основанъ на «выгодѣ», «хозяйственномъ интересѣ», то это вноситъ извѣстнаго рода опредѣленность въ хозяйственныя отношенія относительно видовъ, плановъ, разсчетовъ и ожиданій соотвѣтствующихъ результатовъ: всякій знаетъ, что и съ нимъ будутъ поступать въ силу одного разсчета коммерческой выгоды, которому самъ онъ слѣдуетъ въ отношеніи къ другимъ. Передъ единообразнымъ разсчетомъ, основаннымъ на эгоизмѣ, въ хозяйственномъ оборотѣ сглаживается разница въ общественномъ положеніи лицъ, разница въ національности, религіи и т. п. д. и устанавливается своего рода равенство всѣхъ лицъ, участвующихъ въ хозяйственномъ оборотѣ». Далѣе, правда, допускаются случаи яваго отступленія отъ принциповъ хозяйственнаго интереса, подъ вліяніемъ гуманныхъ побужденій; къ этому присоединена еще одна существенная оговорка, что «также и въ тѣхъ случаяхъ, когда эгоизмъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ хозяйственной жизни, проявляясь въ формѣ стремленія къ возможно большей выгодѣ, онъ невсегда еще ведетъ къ хозяйственному образу дѣйствій». Въ конечномъ итогѣ В. Левитскій, ссылаясь на Вагнера, Шэффле и Сакса, признаетъ, что «данное въ ихъ сочиненіяхъ направленіе разработки теоретическихъ вопросовъ политической экономіи, должно считаться единственно правильнымъ». Къ такому заключенію цитируемый авторъ приходитъ послѣ обсужденія вопроса объ основныхъ организаціонныхъ

[1]) Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890. Стр. 109, 100, 217 сл. прим. 13.

принципахъ въ хозяйственномъ строѣ[1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ принимаетъ воззрѣнія Dargun'a, научныя заслуги котораго онъ до крайности преувеличиваетъ.

Въ приведенныхъ выдержкахъ, принимая во вниманіе и эти послѣднія замѣчанія, заключается, конечно, и весьма существенное противорѣчіе, вызываемое предположеніемъ чистомеханическаго сочетанія трехъ системъ хозяйственныхъ отношеній. Представленная картина господства хозяйственнаго эгоизма не только опровергается привнесеніемъ другихъ предполагаемыхъ организаціонныхъ принциповъ или системъ; но и опускаемымъ здѣсь изъ виду вліяніемъ иныхъ сторонъ культурной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляемое г. Левитскимъ предположеніе[2], что цѣна товаровъ, кредитъ и мѣновой оборотъ, деньги, банки, процентъ и прочія хозяйственныя явленія, протекаютъ и подлежатъ изученію на основѣ эгоизма, элементарно неправильно, такъ какъ эти явленія могутъ найти себѣ достаточное и единственно-правильное объясненіе именно безъ всякой ссылки на эгоистическія соображенія и на интересы эгоистическаго свойства, если только подъ этими послѣдними не подразумѣвать просто личные интересы, не имѣющіе психологическаго характера. Наконецъ, невозможно въ одно и то же время и утверждать и отрицать, что эгоизмъ, въ качествѣ хозяйственнаго интереса и стремленія, придаетъ хозяйственный характеръ человѣческимъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ г. Левитскій утверждаетъ съ одной стороны, что «ни обыденный опытъ, ни самый точный психологическій анализъ не могутъ открыть въ области явленій хозяйственнаго оборота ничего другого, кромѣ индивидуальнаго эгоизма», съ другой же стороны, что «также и въ тѣхъ случаяхъ, когда эгоизмъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ хозяйственной жизни, проявляясь въ формѣ стремленія къ возможно большей выгодѣ, онъ невсегда еще ведетъ къ хозяйственному образу дѣйствій»[3]. По отношенію къ первой сентенціи авторъ ссылается на классическихъ экономистовъ, по отношенію ко вто-

---

[1]) Стр. 212—239.
[2]) Стр. 211 сл.
[3]) Стр. 212, 214.

рой—на ихъ критика Cliffe-Leslie. И первые и второй—своего рода авторитеты, но не пригодные для эклектической комбинаціи.

26. Изложенныя выше одностороннія обстрактныя воззрѣнія нашли себѣ возраженія со стороны многихъ германскихъ экономистовъ, въ особенности—принадлежащихъ къ исторической школѣ.

Съ такими возраженіями выступилъ русско-германскій экономистъ Theodor Bernhardi[1], упрекавшій классическихъ экономистовъ въ игнорированіи общественной основы существованія и дѣятельности людей. Какъ онъ замѣчаетъ, «въ цѣляхъ представить въ чистомъ видѣ условія, на которыхъ покоится пріобрѣтеніе людьми благъ, обладаніе и примѣненіе этихъ благъ для человѣческихъ цѣлей, часто пытались разсматривать нуждающагося и пріобрѣтающаго человѣка ближайшимъ образомъ, какъ обособленное существо. При этомъ люди мыслятся, какъ объединяемые лишь связями обмѣна, а въ остальномъ свободные отъ всякаго общественнаго соотношенія и отъ требованій, которыя оно могло бы предъявить индивиду». Не отрицая нѣкоторой полезности такого разсмотрѣнія, пока оно не остается исключительнымъ, Bernhardi указываетъ на противорѣчія, заключающіяся въ освобожденіи человѣка отъ всякой общественной обязанности и въ предположеніи собственности и права, въ признаніи общественнаго характера промышленной дѣятельности человѣка и въ индивидуалистическомъ представленіи о цѣляхъ промышленныхъ стремленій. Сверхъ того, даже независимо отъ принципіальной стороны въ этомъ вопросѣ, чисто эмпирическое разсмотрѣніе промышленнаго оборота необходимо ведетъ къ признанію болѣе полнаго и болѣе опредѣленнаго отношенія между индивидомъ и общественнымъ цѣлымъ. «Такимъ образомъ, и съ этой стороны отношеніе индивида къ цѣлому отнюдь не можетъ разсматривать-

[1]) Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigenthum angeführt werden. St. Petersburg. 1849. §§ 4—6, 8. W. Roscher. Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. 1874. S. 1041. замѣчаетъ о цитируемомъ трудѣ: «Въ цѣломъ онъ принадлежитъ къ лучшему, что написано противъ односторонностей смитіанизма, еще болѣе—рикардіанства».

ся, какъ одностороннее, какъ затрогивающее лишь одинъ моментъ жизни. Напротивъ, все существованіе человѣка стоитъ въ опредѣленномъ отношеніи къ данному кругу, въ которомъ протекаютъ его пріобрѣтательныя стремленія и въ которомъ все взаимно обусловливается. Послѣдователи Смита, либо отправляясь отъ какого-либо спеціальнаго изслѣдованія, какъ Ад. Смитъ, либо поступая и болѣе методично, вообще игнорируютъ этотъ основной исходный пунктъ. «Въ шаткой общности они предполагаютъ существо и назначеніе государства сами по себѣ понятными и ставятъ себя на какую-либо болѣе или менѣе произвольно избранную, второстепенную точку зрѣнія, чтобы съ завидной увѣренностью исходить отъ нея. Не должно поэтому удивляться, если ведущееся въ этомъ духѣ изслѣдованіе лишено прочной основы, если въ немъ, можетъ быть, нельзя открыть никакого связующаго принципа, къ которому могло бы быть сведено отдѣльное. Такая безпринципность приводитъ, естественно, къ недостатку связи и послѣдовательности, къ односторонности, даже къ противорѣчіямъ въ результатахъ, къ которымъ, какъ полагаютъ, приходятъ». «Сторонники этой школы, какъ и ихъ глава, примкнули бы, разумѣется, къ тому воззрѣнію, которое подчиняетъ государство цѣлямъ частной жизни, индивидуальному эвдемонизму; и это воззрѣніе, дѣйствительно, выступаетъ, какъ преобладающее въ ихъ системѣ, всякій разъ, какъ государство противопоставляется подданнымъ. Общество выступаетъ здѣсь не какъ необходимое или обоснованное само по себѣ, и государство—скорѣе какъ просто полицейское или охранное установленіе лишь съ отрицательными полномочіями». «При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что этотъ эвдемонизмъ отнюдь не заключаетъ въ себѣ демократическаго принципа. Это есть скорѣе преобладающій эгоизмъ опредѣленнаго сословія, господствовавшій и надъ учителемъ науки. Трудящаяся масса разсматривается всегда лишь какъ служебное орудіе». «Вся система подчинена въ разныхъ отношеніяхъ частнохозяйственной точкѣ зрѣнія и не можетъ возвыситься до народнохозяйственной или, по крайней мѣрѣ, удержаться на ней». «Все атомистически расчленено, и даже въ цѣломъ Ад. Смитъ и

его ученики видятъ лишь множество координированныхъ, находящихся въ сношеніяхъ отдѣльныхъ хозяйствъ».

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается мѣткая характеристика абстрактно-дедуктивной школы экономистовъ съ присущими ей основными недостатками. Но не вполнѣ правильно смѣшеніе съ нею направленія Ад. Смита.

Одновременно съ этимъ Bruno Hildebrand[1] упрекалъ Ад. Смита и его послѣдователей въ полномъ забвеніи того, «что человѣкъ, какъ соціальное существо, есть всегда дитя цивилизаціи и продуктъ исторіи и что его потребности, его образованіе, его отношенія къ вещественнымъ благамъ, также какъ и къ людямъ, не остаются всегда одни и тѣ же, но различаются между собою въ географическомъ отношеніи и всегда мѣняются въ исторіи и прогрессируютъ вмѣстѣ со всей культурой человѣчества». Ученіе смитіанизма «исходитъ изъ того же атомистическаго воззрѣнія на человѣческое и гражданское общество и трактуетъ отдѣльныхъ индивидовъ, какъ единственную цѣль общества. Подобно тому, какъ для политическаго раціонализма государство представлялось лишь правовымъ установленіемъ, для экономическаго раціонализма экономическое общество представлялось лишь союзомъ или системой отдѣльныхъ хозяйствъ для болѣе легкаго и удобнаго удовлетворенія ихъ частныхъ потребностей. Тотъ основывалъ общество на правовомъ договорѣ, этотъ — на торговомъ договорѣ индивидовъ, и частная выгода индивидовъ въ обоихъ случаяхъ имѣла значеніе причины и связи для общества». «Въ этомъ возведеніи индивидуальной выгоды на степень высшаго принципа экономической науки» Hildebrand видитъ также оторванность ея отъ этическихъ задачъ человѣчества и основаніе для упрека въ матеріализмѣ. При этомъ, между англійской и германской фракціями смитіанской школы предполагается «лишь то различіе, что первая исходитъ изъ положенія, что частный эгоизмъ съ необходимостью ведетъ всегда самъ собою къ общему благу, послѣдняя же, напротивъ, не повсюду признаетъ это положеніе и желаетъ восполнить народное хозяйство, основанное на человѣческомъ эгоизмѣ, народнохозяй-

[1]) Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848. § 6. S. 27—34.

ственной политикой, преслѣдующей цѣль общаго блага». Въ такой комбинаціи двухъ точекъ зрѣнія Hildebrand справедливо видѣлъ противорѣчіе: «Разъ допускаютъ въ хозяйственной жизни народа, наряду съ господствомъ эгоизма, также и господство духа общественности, ограничивающее тотъ эгоизмъ и подчиняющее его нравственнымъ принципамъ, то должно отвергнуть также и правильность всѣхъ тѣхъ законовъ, которые основаны на предположеніи исключительнаго господства эгоизма; ибо эгоизмъ и духъ общественности не могутъ дѣйствовать, какъ двѣ разъединенныя силы въ двухъ обособленныхъ мірахъ, но должны, въ дѣйствительности, въ весьма различной и измѣняющейся мѣрѣ, въ зависимости отъ нравственности и просвѣщенія народа, дѣйствовать совмѣстно и обоюдно». Въ конечномъ итогѣ, Hildebrand оттѣняетъ естественный, не-соціальный характеръ опровергаемаго имъ направленія: «Національно-экономическая наука представлялась для всей смитіанской школы естественнымъ ученіемъ обмѣна, въ которомъ индивидъ принимается какъ чисто эгоистическая сила, подобно всякой силѣ природы дѣйствующая постоянно въ одномъ и томъ же направленіи и при одинаковыхъ условіяхъ производящая всегда одинаковыя дѣйствія. Поэтому, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи ея законы и правила назывались естественными законами хозяйства, и имъ приписывали, какъ и другимъ законамъ природы, вѣчное постоянство».

Своей критикой, направленной также и противъ вышеотмѣченныхъ воззрѣній Rau, Hermann'a и Zachariä, цитируемый авторъ, безъ сомнѣнія, оказалъ вліяніе какъ на послѣдующее развитіе экономической науки въ Германіи, такъ и въ частности, можно полагать, на воззрѣнія двухъ первыхъ изъ упомянутыхъ сейчасъ экономистовъ—по отношенію къ позднѣйшимъ изданіямъ ихъ курсовъ политической экономіи.

Въ томъ же направленіи оказалъ вліяніе также Karl Knies[1], видѣвшій въ этомъ вопросѣ кардинальный пунктъ для науки о народномъ хозяйствѣ. По замѣчанію его, «частный эгоизмъ,

[1]) Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte. (1 A.—1853). 2 Aufl. 1883. III. 3.

собственный интересъ играетъ въ національной экономіи на столько значительную роль, онъ приведенъ въ на столько тѣсную и глубокую связь съ методомъ полученія законовъ науки народнаго хозяйства и имѣетъ такое опредѣляющее воздѣйствіе на всю постановку нашей науки, что представляется умѣстнымъ болѣе пространное обсужденіе этого. «Политическая экономія съ исторической точки зрѣнія» находится также въ совершенно особомъ отношеніи къ догмѣ о неизмѣнномъ личномъ интересѣ». Въ общемъ, оцѣнка этой догмы со стороны Knies'a сводится къ тому, что «она не только основана на абстракціи отъ исторической жизни, какъ эта послѣдняя представляется у народовъ и индивидовъ, но и позволяетъ заключить объ отсутствіи въ ней внутренней логичности». Knies указываетъ на противорѣчіе между признаніемъ частнаго эгоизма положительною силою, ведущею къ общему благу, и мѣропріятіями къ обузданію и ограниченію этой силы, а равно и на то, что прогрессъ просвѣщенія и ограниченіе себялюбія идутъ рука объ руку; и, если признать эгоизмъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности всѣхъ людей, то отсюда необходимо заключить, что и во всей своей дѣятельности люди руководятся эгоистическими мотивами. «Необходимо либо притти къ отрицанію всякаго самосознанія у человѣка, либо мыслить абсолютное противорѣчіе, какъ дѣйствительное единство, если только допустить предположеніе, что человѣка можно представлять себѣ исполненнымъ любви къ ближнимъ—въ качествѣ христіанина, и духа общественности и патріотизма—въ качествѣ гражданина, гуманнымъ и справедливымъ—въ бытовыхъ отношеніяхъ, и лишь въ его торговой конторѣ, на рынкѣ, при заключеніи договора съ рабочими и т. п.—исполненнымъ эгоизма и заботящимся о возможномъ умноженіи своей собственной выгоды». «Не знаешь», высказывается далѣе, «на какое противорѣчіе во всемъ этомъ ученіи указывать главнымъ образомъ, чтобы показать сомнительность построенныхъ на немъ національно-экономическихъ законовъ. Эгоизмъ долженъ служить мотивомъ хозяйственной дѣятельности, но отнюдь не у всѣхъ людей; онъ способствуетъ общему благу, но отнюдь не во всѣхъ случаяхъ; онъ общеполезенъ, такъ

сказать, въ своей слабости и опасенъ въ своей силѣ; онъ опредѣляетъ хозяйственную дѣятельность человѣка, но отнюдь не всякую иную и т. д.». Knies признаетъ также правильнымъ замѣчаніе Hildebrand'a о противорѣчивости той комбинаціи эгоизма и духа общественности, которую проводилъ Hermann въ первомъ изданіи своего курса.

Далѣе, Adolf Held[1] противопоставлялъ старое индивидуалистическое и отправляющееся лишь отъ эгоизма ученіе и новое направленіе германской національной экономіи, отказавшееся отъ «этическаго матеріализма» и не пропадающее въ абстракціяхъ.

Hermann Roesler[2], отрицавшій особые законы хозяйственной жизни, противопоставлялъ индивидуальнымъ интересамъ закономѣрный порядокъ и внутреннюю разумность, обезпечиваемыя общественностью. По замѣчанію его, «весь споръ о настоящемъ характерѣ хозяйственныхъ законовъ сводится къ тому, должно ли дѣлать предметомъ изслѣдованія абстрактную, либо конкретную человѣческую природу. Такъ какъ абстрактнаго человѣка никогда не было и не будетъ, то та абстрактная природа есть, очевидно, чистая фантазія, продуктъ только мысленнаго творчества, лишенный жизни и дѣятельности, другими словами, переходящее разумную мѣру выдвиганіе нѣкоторыхъ нивеллирующихъ идей. Напротивъ, конкретная человѣческая природа остается въ истинныхъ рамкахъ положительной реальности вещей; и представляется лишь передержкой утверждать, что тѣ выдвигаемыя нивеллирующія идеи единственно только могутъ быть универсальными истинами и исключительнымъ предметомъ науки».

Albert Schäffle[3] утверждалъ, что всѣ чувствованія и стремленія людей оказываютъ воздѣйствіе на созданіе и примѣненіе благъ.

Но особенно рѣшительно оспариваетъ одностороннее абстракт-

---

[1]) Ueber einige neue Versuche zur Revision der Grundbegriffe der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. J. 14. B. II. H. 3. 1876. S. 170.

[2]) Vorlesungen über Volkswirthschaft. 1878. Einleitung. S. 11.

[3]) Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. 3 Aufl. B. II. § 186 ff.

ное направленіе классической экономіи Lujo Brentano[1]. По опредѣленію его, «классическая экономія создала человѣка, свободнаго отъ всякихъ особенностей профессіи, класса, національности и культуры. Она также не отличаетъ крестьянина отъ купца, инстинктовъ непросвѣщеннаго пролетарія отъ инстинктовъ утонченнаго культурнаго человѣка, не говоря уже о значительныхъ различіяхъ внутри самого рабочаго класса. Она не признаетъ различій расы, религіи, исторической эпохи». «Въ ея психологіи существуютъ лишь двѣ импульсивныхъ силы человѣческой дѣятельности. Одна изъ нихъ есть стремленіе къ возможно большей выгодѣ. Таковъ принципъ, который, по ея мнѣнію, неограниченно господствуетъ надъ всѣми человѣческими отношеніями, стоящими внѣ сферы полового влеченія. Половое влеченіе представляется, въ дѣйствительности, еще болѣе могущественнымъ». «При этомъ французскіе физіократы, Адамъ Смитъ, Рикардо и прочіе главари классической національной экономіи, дѣлаютъ всѣ выводы, вытекающіе изъ подобнаго воззрѣнія. Не они признали, что индивидуальная глупость, препятствуя распознаванію выгоды, можетъ повлечь за собою несоотвѣтствіе между ихъ теоретическими положеніями и дѣйствительными поступками людей. Эта уступка дѣйствительности была сдѣлана впервые ихъ учениками, старавшимися защитить ихъ методъ». Далѣе, указывается, что усиленное проявленіе хозяйственнаго эгоизма принадлежитъ новѣйшему времени и что «при этомъ дѣло идетъ не объ импульсѣ, присущемъ вообще людямъ отъ природы, но [что] это стремленіе создается лишь извѣстнымъ историческимъ развитіемъ». Между тѣмъ классическая экономія считается лишь съ стремленіемъ къ большому, но не независимому доходу, и, сосредоточивъ все вниманіе только на одномъ слѣдствіи эгоизма—на конкуренціи, игнорируетъ неспособность многихъ къ успѣшному участію въ такой конкуренціи, а равно и то, что въ хозяйственной жизни имѣетъ важное значеніе также традиція и что съ другой стороны, даже въ странахъ, стоящихъ на высокой ступени экономическаго развитія, еще далеко не всѣ хозяйственныя отношенія

[1]) Die klassische Nationalökonomie. 1888. См. въ особ.: S. 3 f., 17 ff., 27, 29.

проникнуты эгоистическими стремленіями къ пріобрѣтенію. Brentano отмѣчаетъ и сомнительное преимущество абстрактно-дедуктивной экономики, заключающееся въ легкости разработки и построенія ея[1], при кажущемся реализмѣ, вытекающемъ изъ характера самыхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, при чемъ «даже для ученой дѣятельности не требуется ни положительнаго изученія отдѣльныхъ явленій жизни, ни какого-либо научнаго аппарата». Въ этомъ же направленіи высказался Lujo Brentano и въ своей позднѣйшей рѣчи[2], при чемъ и здѣсь онъ распространяетъ свою критику также на физіократовъ и на Ад. Смита: «Эгоизмъ былъ для нихъ не только главнымъ двигателемъ въ хозяйственной дѣятельности, съ помощью котораго ранѣе наблюдавшіяся явленія могли бы по большей части получить дополнительное объясненіе; онъ былъ для нихъ, какъ и у Hobbes'a, аксіомою, изъ которой они выводили дальнѣйшія научныя положенія. При этомъ отправлялись не только отъ правового, но и отъ фактическаго равенства людей». Неблагопріятныя послѣдствія политики невмѣшательства, которая была подготовлена этимъ ученіемъ, послужили вмѣстѣ съ тѣмъ къ опроверженію его. «Результатомъ было, что отъ этого ошибочнаго метода отказались; на мѣсто дедуцированія научныхъ положеній изъ эгоизма выступило наблюденіе индивидуальныхъ явленій жизни».

Gustav Cohn[3] высказывается противъ выведенія экономическаго поведенія, стоящаго выше всякихъ перемѣнъ историко-этическаго разнообразія, изъ абсолютной формулы принципа хозяйственности и изъ эгоизма, безъ провѣрки путемъ наблюденія и безъ изученія другихъ факторовъ въ человѣческой душѣ и въ исторіи.

Противъ односторонности и абстрактнаго направленія англійской классической школы высказывается также Johann Conrad[4].

Julius Gans-Ludassy[5] подвергаетъ предположеніе экономическаго человѣка критикѣ съ логической стороны. При этомъ

[1]) См. напр.: Francis Walker. O. c. § 17. P. 12. (см. выше, § 19 стр. 103).
[2]) Ethik und Volkswirtschaft in der Geschichte. 1901. S. 35 et passim.
[3]) System der Nationalökonomie. B. I. 1885. § 47. S. 71 f.
[4]) Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. Teil. I. 7 Aufl. 1910. §§ 95, 116.
[5]) Die wirtschaftliche Energie. Th. I. 1893. Cap. VI: III. S. 402—437.

онъ различаетъ въ этомъ понятіи два болѣе частныя понятія, не допускающія соединеніе ихъ въ одно: человѣка богатства и человѣка хозяйственности, олицетворяющихъ въ себѣ стремленіе либо къ богатству, либо къ хозяйственности. Что касается перваго, то «предположеніе человѣка богатства не только ложно, безплодно и безсмысленно, даже противно заданіямъ экономики, но и опасно, такъ какъ оно можетъ доставить ей противниковъ, которыхъ заслуживаетъ не она, а тотъ. Экономическій человѣкъ есть денежный дуракъ, совершенно ослѣпленный корыстолюбіемъ, есть поклонникъ золотого тельца; все, что попадаетъ въ его руки, онъ обращаетъ въ деньги, онъ не имѣетъ щепетильности, совѣсти, характера, сердца; для него не существуетъ неправды, но лишь опасность конфликта съ правосудіемъ; онъ соблюдаетъ бережливость, умѣренность, усердіе, но онъ не можетъ продолжительно существовать; нашъ міръ не созданъ для него; ибо онъ всегда занятъ увеличеніемъ своего богатства, не заботится о пользованіи жизнью, о поддержаніи здоровья, семейномъ счастьѣ, душевномъ довольствѣ, гражданской чести; онъ знаетъ лишь одного бога, которому постоянно служитъ, и лишь одинъ товаръ, на который все промѣняетъ,—богатство». «Экономическій человѣкъ, посколько онъ думаетъ лишь объ умноженіи богатства, не существуетъ; очевидно, что онъ не могъ бы существовать, если бы онъ какимъ-нибудь чудомъ и появился на свѣтъ». Но и другое предположеніе экономическаго человѣка не выдерживаетъ критики, такъ какъ принципъ хозяйственности въ одномъ какомъ-либо пониманіи его неприложимъ и къ удовлетворенію потребностей и къ объективной дѣятельности. Общіе выводы Gans-Ludassy, заслуживающіе полнаго вниманія, таковы: «Экономическій человѣкъ есть либо человѣкъ богатства, и тогда онъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, представляетъ ложную абстракцію, ошибку; либо въ экономическомъ человѣкѣ видятъ только цѣлесообразно дѣйствующее существо, и тогда онъ согласуется съ дѣйствительностью, но тогда онъ не есть уже homo oeconomicus, а просто хозяйствующій человѣкъ». «Абстракція не направляется къ устраненію существенныхъ признаковъ, но

къ комбинированію ихъ. Она служитъ къ тому, чтобы выявить единство во множествѣ, именно единство финальности во множествѣ мотивацій».

Gustav Schmoller[1] считаетъ «ученіе объ эгоизмѣ или интересѣ, какъ постоянномъ и однообразномъ психологическомъ исходномъ пунктѣ всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій, не чѣмъ инымъ, какъ безпочвенной поверхностностью». Эгоизмъ «отнюдь не принадлежитъ только хозяйственной жизни», «во всякомъ случаѣ не есть всегда постоянная сила, одинаковая величина»; вмѣстѣ съ тѣмъ эгоизмъ представляетъ на столько элементарную силу, что ссылка на нее отнюдь не можетъ служить къ опредѣленію конкретныхъ явленій хозяйственной жизни.

Сюда же принадлежатъ критическія замѣчанія Schmoller'a[2] противъ цитированнаго выше метологическаго труда C. Menger'a. Въ желаніи Menger'a создать точную науку съ помощью дедуктивныхъ заключеній Schmoller видитъ смѣшеніе между ученіемъ объ общемъ существѣ народнаго хозяйства и схоластическими упражненіями, столь же погрѣшающими, какъ и ихъ отправныя посылки. «На абстракціи», возражаетъ далѣе Schmoller, «основывается, разумѣется, всякое мышленіе и познаніе; но представляетъ важность правильное абстрагированіе, такъ чтобы въ результатѣ нашихъ абстракцій получать научныя истины, а не призрачные фантомы, или воображаемыя робинзонады, которыя зачастую должны возмѣщать народнохозяйственныя изслѣдованія и истины». «Мы не на столько претенціозны, чтобы желать объяснить наиболѣе сложныя явленія изъ одного единственнаго элемента, лишь бы оставаться точными, т. е. дедуктивными».

Andreas Voigt[3], въ связи съ даваемымъ имъ универсальнымъ опредѣленіемъ хозяйственной дѣятельности, замѣчаетъ: «Безразлично также, по какимъ мотивамъ дѣйствуютъ. Можно

---

[1]) Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. 1898. III. S. 50 f. Не столь же рѣшительно высказывается Schmoller въ статьѣ: Volkswirtschaft u. s. w. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII. S. 475 f.

[2]) Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften. 1888. См. въ особ.: S. 283 f., 293 f..

[3]) Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. 1911. S. 256 f.

хозяйничать изъ-за чистаго эгоизма,—стало быть, чтобы пріобрѣсти возможно много имущества и чрезъ то расширить область экономическаго могущества своей личности или доставить себѣ самому удовлетвореніе. Но можно также изъ любви къ своимъ дѣтямъ, родственникамъ или согражданамъ собирать блага и въ ихъ интересахъ завѣдывать благами».

Наконецъ, Richard Ehrenberg[1] изслѣдуетъ мотивы дѣятельности, которыми воодушевлялись выдающіеся представители дѣлового міра. Авторъ отмѣчаетъ широко распространенную въ населеніи и съ теченіемъ времени возрастающую антипатію къ пріобрѣтенію большихъ денегъ: распространены взгляды, что тотъ, кто получаетъ въ избыткѣ, какъ бы отнимаетъ у другихъ, не имѣетъ права на какое-либо иное, нравственное вознагражденіе; распространено предубѣжденное исканіе низкихъ побужденій въ отношеніи дѣятелей и предпріятій торговли и промышленности. Въ связь съ этимъ ставятся также проявленія антисемитизма. Цитируемые авторомъ представители дѣлового міра не проявляютъ однако голаго стремленія къ выгодѣ или богатству, но совмѣщаютъ съ этимъ частью личное честолюбіе, частью стремленіе къ дѣятельному, созидающему существованію, частью интересъ къ судьбѣ своего предпріятія, который стараются сообщить также всѣмъ вообще своимъ сотрудникамъ, частью привязанностью и внутреннимъ влеченіемъ къ стихійнымъ или инымъ внѣшнимъ условіямъ дѣятельности (въ особ., у земледѣльцевъ). Отмѣчается также чрезвычайная важность и необходимость точнаго исчисленія и расчета для современнаго крупнаго предпріятія. Намъ представляется однако неправильнымъ ограниченіе этого сферой крупнаго предпріятія или вообще торговой дѣятельности. Напротивъ, можно думать, что именно недостатокъ такой калькуляціи и расчета въ различныхъ случаяхъ хозяйственной дѣятельности и даетъ мѣсто, въ качествѣ замѣщающаго ихъ суррогата, эгоистическому направленію хозяйственной дѣятельности, циническому стремленію къ наживѣ. Безъ указанной хозяйственной основы или ея суррогата было бы вообще невозможно предполагать прочнаго успѣха. Самъ Ehren-

[1]) Selbstinteresse und Geschäftsinteresse. Thünen-Archiv. B. I. H. 3. 1905. S. 279—319.

berg обособляетъ и выдвигаетъ на первый планъ, въ противность личному эгоизму, интересъ предпріятія (Geschäftsinteresse). Съ развитіемъ современныхъ условій дѣятельности «эгоизмъ едва ли сталъ сильнѣе, предпріятіе же развилось и вмѣстѣ съ нимъ—также дѣловой интересъ». «Впослѣдствіи, можетъ быть, будутъ говорить въ болѣе широкомъ смыслѣ объ интересахъ хозяйственныхъ единицъ». Воздерживаясь пока отъ этого, Ehrenberg видитъ важный успѣхъ для науки въ замѣнѣ отжившаго ученія о собственномъ интересѣ, или эгоизмѣ, объективнымъ хозяйственнымъ интересомъ.

Этотъ выводъ цитируемаго автора имѣетъ свое значеніе, хотя и болѣе узкое, нежели вся предполагаемая сфера приложенія мотива хозяйственнаго эгоизма. Для насъ представляются особенно цѣнными и то, что служитъ къ выясненію общихъ воззрѣній и побужденій, вліяющихъ на направленіе и интенсивность хозяйственной дѣятельности, и уже отмѣченный объективный моментъ детальнаго и чисто позитивнаго исчисленія и учета экономическихъ условій дѣятельности.

27. Противъ выше изложенныхъ требованій а) абстрагированія отъ постороннихъ моментовъ, относящихся къ содержанію иныхъ, естественныхъ либо соціальныхъ, наукъ, и б) отнесенія къ предметамъ и задачамъ даннаго научнаго изслѣдованія всѣхъ существенныхъ элементовъ изслѣдуемыхъ явленій погрѣшаетъ рядъ отдѣльныхъ экономическихъ теорій, преимущественно разработанныхъ классической школой, и научныхъ экономическихъ направленій въ цѣломъ.

Прежде всего здѣсь надлежитъ отмѣтить такіе характерные продукты абстрактно-дедуктивной экономики, какъ законъ населенія, общая теорія спроса и предложенія, теорія дифференціальной ренты, желѣзный законъ заработной платы и законъ, или теорія трудовой цѣнности. Затѣмъ, должно остановиться здѣсь на психологическомъ, или гедонистическомъ, этическомъ и абстрактно-философскомъ направленіяхъ въ экономической литературѣ.

Мальтусовъ законъ населенія, лежащій въ основаніи экономической системы D. Ricardo, представляетъ произвольную

и явно утрированную научную теорію, стремящуюся, вопреки дѣйствительности и съ игнорированіемъ ея, представить явленія населенія, какъ естественный фактъ, лишь подчиняющійся воздѣйствію соціальныхъ условій[1].

По отношенію къ спросу и предложенію здѣсь имѣется въ виду такое теоретическое представленіе, которое исключительно сводится къ количественному соотношенію между размѣрами спроса и предложенія, при чемъ игнорируются условія и обстоятельства и качества спроса и предложенія. Игнорируются иногда именно организація спроса и предложенія, техническія условія ихъ, а также условія мѣста и времени, степень настоятельности спроса и предложенія и степень вліянія отдѣльныхъ представителей спроса и предложенія, а равно и той и другой стороны въ совокупности ея, общіе размѣры, распредѣленіе по мѣсту и времени, степень интенсивности спроса и предложенія и оборота и, въ результатѣ всего этого, движеніе цѣнъ во времени и мѣстныя и групповыя различія между ними.

Въ теоріи дифференціальной ренты[2] односторонне выдвигаются естественныя условія землепользованія и игнорируются общія соціальныя и собственно-экономическія условія хозяйственной дѣятельности, какъ относящіяся къ правовому порядку и къ организаціи торговли, кредита, перевозокъ и страхованія, какъ распространенность техническихъ знаній, общее развитіе промышленности, непрерывный и все прогрессирующій потокъ техническихъ усовершенствованій, размѣры землевладѣнія и землепользованія въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, общая постановка и планъ хозяйства, развитіе спеціальныхъ культуръ и подсобныхъ отраслей сельскаго хозяйства, состояніе рабочаго вопроса и т. д. Изъ необходимыхъ средствъ научнаго изслѣдованія относящихся сюда явленій игнорируются понятія-установленія предпринимательской прибыли и переоцѣнокъ владѣльческихъ капиталовъ въ связи съ тенденціей къ извѣстному уровню свободной, не-капитализованной прибыли и такого

[1]) См. выше, § 2. Критикѣ теоріи Мальтуса посвящена II книга извѣстнаго сочиненія: Progress and Poverty, by Henry George.

[2]) См.: Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. Лекціи. Вып. II. Общая часть. 4-е изд. (Литограф.). 1913. Стр. 117—136.

же дохода отъ владѣльческаго капитала—на реальной основѣ возрастанія доходности землевладѣнія подъ вліяніемъ все болѣе интенсивнаго землепользованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теорію ренты вводится несущественный и вообще не принадлежащій къ основному содержанію спеціальныхъ теорій распредѣленія моментъ дифференціальной величины дохода отъ землевладѣнія.

Желѣзный законъ заработной платы, получившій свое наименованіе и болѣе рѣшительную формулировку отъ Ф. Лассаля[1], но, какъ это убѣдительно показалъ самъ Лассаль, присущій всей классической политической экономіи и опровергнутый, съ помощью реалистической критики, К. Марксомъ[2], основанъ на предположеніяхъ хозяйственнаго эгоизма, закона населенія, государственнаго невмѣшательства и абсолютнаго экономическаго преобладанія работодателей. Равнымъ образомъ, представляются несостоятельными вообще отвергнутыя въ настоящее время, принадлежавшія классической школѣ, теоріи фонда заработныхъ платъ и естественной величины ихъ.

Arthur Salz[3] въ своей монографіи о теоріи фонда заработныхъ платъ высказываетъ между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «Если поставить писателей, по сродству ихъ воззрѣній, въ два ряда: Ricardo, Mc Culloch, Torrens и ихъ послѣдняго единомышленника Cairnes съ одной стороны, Longe, Thornton, Mill'я позднѣйшаго времени и Cliffe Leslie—съ другой, то въ спорѣ о фондѣ заработныхъ платъ выкажется не просто различіе во мнѣніяхъ по спеціальному научному вопросу, не имѣющее далѣе никакого особаго значенія, но представится противоположность двухъ совершенно различныхъ воззрѣній и сужденій о соціальной жизни, двухъ методовъ изслѣдованія; принципіальный споръ рѣшается при этомъ. Тамъ—естест-

[1]) Ferdinand Lassalle's politische Reden und Schriften. Herausgeg. v. E. Blum: B. I. Offenes Antwortschreiben u. s. w. S. 15 f.; B. III. Herr Bastiat-Schulze von Delitsch, der ökonomische Julian. Schluss. S. 219 ff. Противорѣчіе этому закону: B. II. Arbeiterlesebuch. S. 96 f.

[2]) Das Kapital. B. I. Kap. XXII. 5, XXIII. 3. См. также: Ed. Bernstein. Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus. 4 Aufl. 1904. T. I. (См. въ особ.: S. 57 f.).

[3]) Beiträge zur Geschichte und Kritik der Lohnfondstheorie. 1905. S. 148 f. Абстрактныя теоріи классической школы по вопросамъ о поземельной рентѣ и заработной платѣ, въ связи съ представленіями о земледѣльческомъ и рабочемъ классахъ подвергаетъ критикѣ L. Brentano въ цитированной выше рѣчи: Die klassische Nationalökonomie.

венно-правовое, механическое, дедуктивное и индивидуалистическое построеніе хозяйственныхъ явленій, здѣсь—стараніе критически познать существующее, эмпирическое трактованіе и этическое обсужденіе».

John Ingram ставитъ на счетъ абстрактнаго направленія классической школы неправильное трактованіе рабочаго вопроса: «Трудъ разсматривается какъ товаръ, подобно всякому другому продаваемому благу. И однако представляется болѣе, чѣмъ яснымъ, что, если даже позволить себѣ называть его товаромъ, онъ въ различныхъ отношеніяхъ не есть таковой и не можетъ стать таковымъ—такъ, относительно затруднительности перемѣщенія рабочей семьи и относительно слишкомъ частой невозможности выжидать сбыта». «Научное воззрѣніе», заключаетъ цитируемый авторъ, «которое на столько поддерживаетъ ложное и неблагородное трактованіе соціальныхъ вопросовъ, не есть истинная наука. Стоитъ только быть ближе къ дѣйствительности и не скрывать ее подъ шаткими собирательными названіями, чтобы получить болѣе гуманныя и болѣе истинныя воззрѣнія на условія хозяйственной жизни. Представляется характерной особенностью привычки къ метафизическому мышленію—говоря вмѣстѣ съ Контомъ,—что продукты спекулятивнаго измышленія принимаются за реальное; и политическая экономія изобилуетъ этимъ»[1].

Теорія трудовой цѣнности основана на подобныхъ же предпосылкахъ и рѣзко расходится съ экономической дѣйствительностью[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое вообще понятіе экономической цѣнности, не стоящее въ тѣсной связи съ дѣйствительными фактами оцѣнки представляетъ такую абстракцію, которая не соотвѣтствуетъ требованіямъ научнаго реализма. Разнообразіе и противоположность этихъ теорій служатъ лучшимъ показателемъ той произвольности ихъ, которая всего менѣе совмѣстима съ строгой научностью.

28. Требованіямъ строгой научности удовлетворяетъ, естественно, такое разграниченіе отдѣльныхъ отраслей соціальной

[1]) Die nothwendige Reform der Volkswirthschaftslehre. Uebers. S. 19 f.
[2]) См. выше, § 25.

науки, при которомъ всѣ проявленія соціальной жизни могли бы найти себѣ спеціальное выясненіе, безъ противорѣчій, пробѣловъ или повтореній, въ содержаніи отдѣльныхъ наукъ и съ сохраненіемъ самостоятельности каждой изъ нихъ. Сказанное относится, въ частности, къ соціальной психологіи, этикѣ, философіи, исторіи, экономикѣ, правовѣдѣнію и къ прочимъ соціальнымъ наукамъ. Всѣ онѣ должны быть опредѣленно разграничены между собою—при томъ не на основѣ различенія конкретныхъ объектовъ, а точекъ зрѣнія[1].

Уже въ силу необходимости раздѣленія труда въ наукѣ[2] и спеціализаціи дѣятелей науки устраняется возможность какой-либо высшей и общей науки, которыя бы объединяла всѣ вообще науки или хотя бы только соціальныя науки въ одну подчиненную ей систему. Но каждая наука взаимно обусловливаетъ собою другія. Ни логика, ни философія, ни психологія, ни филологія, ни соціологія не должны поэтому выходить изъ рамокъ своихъ спеціальныхъ задачъ и точекъ зрѣнія, не должны стремиться стать наукою надъ науками, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего была бы схоластика или дилетантизмъ. «Царство наукъ о духѣ», остроумно замѣчаетъ Н. Н. Алексѣевъ[3], «есть широко развитая федерація, а не унитарное государство. И въ этомъ царствѣ нѣтъ никакой центральной и суверенной власти».

Вышеизложеннымъ исключается перенесеніе въ экономику психологической, этической, философской, также какъ и эстетической, технической или юридической точки зрѣнія[4]. Въ самомъ дѣлѣ, должно представляться очевиднымъ, что между каждой изъ прочихъ соціальныхъ точекъ зрѣнія и экономической не можетъ быть на столько полнаго совпаденія, чтобы при этомъ достигалась необходимая гармонія въ квалификаціи и группировкѣ явленій на основаніи какой-либо принятой комбинированной системы спеціальныхъ оцѣнокъ, принадле-

---

[1]) См. выше, §§ 5, 1.

[2]) Ср.: Ad. Smith. Inquiry etc. B. I ch. I.

[3]) Основныя философскія предпосылки психологической теоріи права Л. І. Петражицкаго. Юридическій Вѣстникъ. 1913. Кн. IV. Стр. 13 сл.

[4]) Ср.: J. Schumpeter. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. 1908. Teil I. Кар. II.

жащихъ отдѣльнымъ сторонамъ культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросы о томъ, возможна ли собственно экономическая квалификація и оцѣнка соціальныхъ явленій, и умѣстно ли, допустимо ли въ области экономики базироваться на психологическомъ или этическомъ представленіи и оцѣнкѣ всѣхъ явленій,—не должны вызывать сомнѣній по отношенію къ положительному отвѣту на первый и отрицательному—на второй.

Въ частности, психическія переживанія, сопутствующія всѣмъ вообще проявленіямъ жизни человѣка—не исключая интеллектуальной и физической дѣятельности его, представляютъ какъ бы особую сторону ихъ, которая и служитъ предметомъ изученія особой науки соціальной психологіи. При этомъ возникаютъ проблемы установленія соотношенія между собственно психическими явленіями и иными, такъ сказать, болѣе матеріальными проявленіями жизни человѣка, а равно и соотношенія между всѣми этими явленіями съ одной стороны и сознаніемъ и волею, которыя въ своихъ различныхъ проявленіяхъ представляютъ регулирующую и творческую силу въ каждой отрасли культурной жизни. Что касается перваго отношенія, то, въ соотвѣтствіи съ областью физіологической психологіи и по аналогіи со всѣми вообще соціальными науками должно признать, что соціальная психологія имѣетъ дѣло съ болѣе обширной группой явленій психофизическаго характера[1]. Во второмъ отношеніи дѣло идетъ о различеніи психическихъ или же и психофизическихъ переживаній и тѣхъ актовъ воли и сознанія, которые имѣютъ своимъ назначеніемъ либо научное постиженіе, либо практическое управленіе первыми—хотя бы даже именно съ точки зрѣнія соціальной психологіи[2].

Абстрагированная отъ всѣхъ вышеизложенныхъ проявленій, образующихъ особую отрасль соціальной жизни и науки, че-

[1]) Ср.: Н. Н. Алексѣевъ. Н. с. Стр. 14. Онъ приходитъ къ подобному же заключенію, но безъ раздвоенія психологіи на соціальную и естественную. См. также: Aristoteles. Ethica Nicomachea. Lib. x. Cap. 5. 1175a—1176a. (Русскій переводъ Э. Л. Радлова. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1887. Декабрь.).

[2]) Ср.: М. А. Сириновъ. Теоретическая политическая экономія, какъ наука. Вып. I. 1910. Стр. 117; Алексѣевъ. Н. с. Стр. 14 и сл.; G. Simmel. Soziologie. 1908. S. 21 f.

ловѣческая жизнедѣятельность въ остальномъ выражается такими, руководимыми сознаніемъ и волею, жизненными проявленіями, которыя уже свободны отъ психофизическихъ переживаній, но заключаютъ въ себѣ, на ряду съ прочими своими сторонами, также хозяйственныя проявленія воли и сознанія[1]. Предположеніе, что эти послѣднія нераздѣльно сливаются съ психическими проявленіями въ одно цѣлое, опровергается изложеннымъ выше и представляетъ своего рода научный матеріализмъ, какъ это отмѣтилъ H. Rickert[2].

Обращаясь къ содержанію психическихъ переживаній, какъ таковыхъ, необходимо признать, что сложность и чрезвычайное разнообразіе ихъ не позволяютъ подводить ихъ подъ такую упрощенную классификацію, какъ различеніе пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если и должно допустить, что психическія переживанія могутъ быть подвергнуты экономическому учету, то лишь на общихъ основаніяхъ хозяйственной оцѣнки, въ основѣ которой лежитъ болѣе или менѣе общее субъективное сужденіе о полезномъ въ его положительныхъ и отрицательныхъ (пожертвованіе) проявленіяхъ и въ различнѣйшихъ величинахъ, но отнюдь не о пріятномъ. Съ экономической точки зрѣнія пріятное есть, очевидно, лишь частный и не наиболѣе существенный случай по отношенію къ полезному. Обсуждать хозяйственныя явленія съ точки зрѣнія пріятнаго и непріятнаго есть своего рода маниловщина, недопустимая въ наукѣ, имѣющей дѣло съ богатствомъ и бѣдностью и съ дѣловой стороной жизни.

Всѣ вообще основныя и общія понятія политической экономіи, какъ потребность, благо, полезность или годность, трудъ, цѣнность, капиталъ имѣютъ своей основой отнюдь не переживанія пріятнаго или тягостнаго. Хозяйственная жизнедѣятельность, проявляясь по поводу психофизіологическихъ состояній и переживаній человѣка, не имѣетъ однако ихъ своимъ прямымъ содержаніемъ. И если ранніе экономисты вводили признакъ пріятнаго въ опредѣленія потребности, блага или же полезности, то это дѣлалось въ видѣ сопоставленія

[1]) Ср.: Л. І. Петражицкій. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ. 1904. I.
[2]) Die Grenzen der naturwissensch. Begriffsbildung. S. 551.

съ необходимымъ и полезнымъ[1] или просто полезнымъ[2]—по соотвѣтствію съ практическимъ значеніемъ потребности или блага.

Вопреки вышеприведеннымъ соображеніямъ и выводамъ, психическія переживанія вводятся иногда въ содержаніе экономики, при томъ различнымъ образомъ: а) въ связи съ ученіемъ о мотивировкѣ хозяйственной дѣятельности; б) въ примѣненіи къ теоріямъ цѣнности и дохода на капиталъ; в) въ видѣ особой системы гедонистической экономики.

Первое проводится всѣми вообще представителями абстрактно-дедуктивной экономики; болѣе же общее выраженіе этому дали Ad. Wagner и E. Sax. Wagner выдвигаетъ психологическую сторону экономическихъ проблемъ, вводя ее въ рамки экономической науки. При этомъ «именно оказывается, что народнохозяйственныя проблемы, какъ нераздѣльно связанныя съ человѣкомъ, его дѣятельностью и волею, поэтому—съ его мотивами и импульсами, прежде всего суть вообще психологическія проблемы и должны разсматриваться и трактоваться, какъ таковыя». Въ силу этого «національная экономія есть въ нѣкоторомъ отношеніи прикладная психологія». Wagner отмѣчаетъ, что ранѣе это менѣе игнорировалось, чѣмъ впослѣдствіи, но упрекаетъ болѣе старую британскую школу въ узкости, грубости и односторонности ея психологіи: «Болѣе развитая, болѣе тонкая психологія, проникновеніе въ силу окружающихъ обстоятельствъ и привычекъ ведутъ здѣсь къ исправленію заключеній болѣе старой теоріи»[3].

E. Sax, отправляясь отъ понятія «основного экономическаго отношенія» между общими матеріальными условіями нашего существованія и нашими жизненными цѣлями, приходитъ къ опредѣленію содержанія науки: «Выясненіе душевныхъ явленій, происходящихъ въ человѣкѣ вслѣдствіе основного экономическаго отношенія, есть содержаніе націо-

---

[1]) См, напр.: Ad. Smith. Inquiry etc. B. I ch. V; Henri Storch. Considérations sur la nature du Revenu National. 1824. P. 2 et suiv.

[2]) См., напр.: Lauderdale. Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth. 1804. P. 56 seq.

[3]) O. c. § 3 S. 14 f.

нально-экономической теоріи. Въ этомъ смыслѣ она есть прикладная психологія. Она изслѣдуетъ, какія представленія и чувствованія, желанія и стимулы и, въ заключеніе, конкретныя волевыя побужденія въ человѣкѣ подъ вліяніемъ основного экономическаго отношенія возникаютъ и должны возникать».

Теоріи субъективной оцѣнки на основѣ предѣльной полезности находятъ себѣ различное выраженіе, частью собственно психологическое, частью болѣе отвлеченное. Въ общемъ, какъ показалъ Dr. F. Lifschitz, эти теоріи погрѣшаютъ отсутствіемъ опредѣленнаго критерія оцѣнки, переоцѣнкою значенія психическихъ переживаній въ отношеніи къ оцѣнкамъ, поверхностнымъ и по существу дилетантскимъ использованіемъ общихъ психологическихъ воззрѣній, безъ солиднаго психологическаго изслѣдованія явленій оцѣнки и при смѣшеніи субъективизма съ психологизмомъ[1]. Если принять во вниманіе также крайнюю индивидуалистичность такой оцѣнки, то этого будетъ достаточно для того, чтобы доказать несоотвѣтствіе тѣмъ процессамъ оцѣнки—въ ея предварительной и послѣдующихъ стадіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ дѣйствительности. Эта не-реальность указанной теоріи обусловлена, безъ сомнѣнія, произвольнымъ истолкованіемъ психологическаго начала, присоединяемаго къ собственно-экономическому явленію оцѣнки, такъ какъ при правильномъ выясненіи психическихъ переживаній въ связи съ явленіями оцѣнки получилось бы осложненное научное познаніе, до извѣстной степени приближающееся къ этнографическимъ изслѣдованіямъ.

Аналогичный характеръ имѣетъ и весьма близкая, по своему происхожденію и характеру, къ указанной теоріи цѣнности теорія Böhm-Bawerk'a о доходѣ на капиталъ[2], получившая распространеніе въ особенности въ австрійской и

---

[1]) Zur Kritik der Böhm-Bawerkschen Werttheorie. 1908. S. 110 f. Ср.: А. А. Мануиловъ. Къ вопросу о предметѣ и характерѣ теоретич. экономіи. Юрид. Вѣстникъ. 1913 г. Кн. I. Стр. 31; М. И. Туганъ-Барановскій. Н. с. Стр. 40 и сл.

[2]) Относительно обѣихъ теорій см.: Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im 19. Jahrhundert. 1908. T. I, I. S. 42. (W. Lexis).

американской экономической[1] литературахъ. И въ этой теоріи дѣло идетъ по существу о подобномъ же субъективно-психологическомъ и, равнымъ образомъ, опредѣляемомъ съ помощью произвольной абстракціи критеріи оцѣнки благъ по моменту времени[2]. Здѣсь такимъ образомъ повторяется та же попытка положить въ основу хозяйственной жизни и экономической теоріи индивидуально-субъективное соображеніе, отнюдь не исчерпывающее всѣхъ хозяйственныхъ взаимоотношеній и противорѣчащее многимъ изъ нихъ, само по себѣ крайне поверхностное и незначительное.

Еще болѣе всеобъемлющее значеніе придается психологическому моменту, также въ произвольномъ упрощеніи его, группой экономистовъ, научное направленіе которыхъ по преимуществу можетъ быть признано гедонистическимъ[3]. Сюда принадлежитъ въ особенности Hermann Heinrich Gossen[4], W. Stanley Jevons[5], Maffeo Pantaleoni[6], Vilfredo Pareto[7]. Исходнымъ понятіемъ этого направленія можно считать гедонистическій принципъ, т. е. гедонистическое выраженіе принципа хозяйственности[8]. Базируясь на этой видоизмѣненной основѣ, отмѣченное направленіе сохранило абстрактно-дедуктивный характеръ классической политической экономіи. Къ

---

[1]) См.: Joseph Schumpeter. Die neuere Wirtschaftstheorie in den Vereinigten Staaten. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. J. 34. H. 3. 1910. S. 913—963.

[2]) Capital und Capitalzins. 2 Abtheilung: Positive Theorie des Capitales (1 Aufl.—1889). Ср.: М. И. Туганъ-Барановскій. Соціальная теорія распредѣленія. Изв. С.-Петерб. Политехн. Инст. 1913. Отдѣлъ наукъ экономич. и юридич. Т. XX. Стр. 59 сл.

[3]) Въ одной изъ новѣйшихъ исторій экономическихъ ученій: Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours, par Charles Gide et Charles Rist. L. V ch. I. Ch. Gide подъ общимъ наименованіемъ гедонистовъ разсматриваетъ ученія родственныхъ между собою школъ: психологической и математической, при чемъ къ первой относитъ группу австрійскихъ экономистовъ, а также многихъ новѣйшихъ американскихъ экономистовъ. Къ основателямъ всего этого направленія принадлежитъ также L. Walras и C. Menger.

[4]) Entwickung und Gesetze des menschlichen Verkehrs u. s. w. (Ausg.—1853) N. A. 1889.

[5]) The Theory of Political Economy (1 ed.—1871). 4 ed. 1911.

[6]) Principii di economia pura. 1889. Цитируемъ по англ. изданію: Pure Economics. Translated by T. B. Bruce. 1898.

[7]) Cours d'économie politique. 1896.

[8]) См.: Gossen. O. c. S. 33; Jevons. O. c. Ch. III. P. 37; Pantaleoni. O. c. Ch. II. P. 9; Pareto. O. c. Table analytique. P. 423: Maximum d'ophélimité.

этому присоединяется пользованіе графическими или буквенными математическими выраженіями.

Свое теоретическое ученіе Jevons всецѣло основываетъ на идеѣ «расчета удовольствія и тягости (calculus of pleasure and pain)». При этомъ тягость разсматривается какъ отрицательная величина удовольствія, и этимъ путемъ достигается возможность, такъ сказать, алгебраизаціи политической экономіи. Главу о предѣльной полезности Jevons начинаетъ слѣдующимъ опредѣленіемъ: «Удовольствіе и тягость суть, безъ сомнѣнія, конечныя цѣли экономическаго расчета. Удовлетворить наши нужды до высшей мѣры съ наименьшимъ усиліемъ—обезпечить наибольшее количество того, что желательно, за счетъ наименьшаго количества того, что нежелательно—другими словами, довести до максимума удовольствіе—есть проблема экономики». Jevons разсматриваетъ теоретическую экономію, какъ отрасль экономической соціологіи. Примыкая въ отношеніи первой къ цитированному выше труду Cairnes'a, Jevons высказываетъ: «Дедуктивная наука экономики должна провѣряться и дѣлаться полезной съ помощью чисто-эмпирической науки статистики. Теорія должна облекаться въ реальность и жизненность фактовъ. Но затрудненія къ такому сочетанію неизмѣримо велики, и я оцѣниваю ихъ также, какъ это дѣлаетъ Cairnes въ своихъ замѣчательныхъ лекціяхъ: «О характерѣ и логическомъ методѣ политической экономіи». Я не пытаюсь примѣнить статистику въ этомъ трудѣ и не претендую на какую-нибудь цифровую точность»[1]. Въ своей журнальной статьѣ «о будущемъ политической экономіи»[2], къ чествованію столѣтія экономическаго трактата Ад. Смита, Jevons различаетъ абстрактную и конкретную политическую экономію. «Теорія экономіи представляется, въ дѣйствительности, механикой полезности и собственнаго интереса». Теорія науки состоитъ изъ тѣхъ общихъ законовъ, которые такъ элементарны и такъ глубоко основаны на трудѣ человѣка и внѣшняго міра, что остаются тѣми же

[1]) The Theory of Political Economy. P. 20—23, 32, 37.

[2]) The Future of Political Economy (1876). The Principles of Economics ...and other papers. 1905. P. 195—200.

во всѣ эпохи, доступныя для нашего разсмотрѣнія». Въ противоположность этому, «конкретная политическая экономія едва ли однако можетъ быть названа наукой, но состоитъ изъ многихъ обширныхъ отраслей изслѣдованія».

Jevons, такимъ образомъ, указываетъ постулатъ совмѣщенія абстрактно-дедуктивнаго теоретизированія съ фактическими данными, но самъ же усматриваетъ едва ли преодолимыя трудности этого. Мало того, конкретныя экономическія изслѣдованія онъ не признаетъ даже наукой. Къ этой путаницѣ въ области методологіи примыкаетъ произвольное и неправильное опредѣленіе предмета и заданій экономической науки.

По опредѣленію M. Pantaleoni, «экономическая наука состоитъ изъ законовъ богатства, систематически выведенныхъ изъ гипотезы, что люди побуждаются желаніемъ достичь наивысшаго возможнаго удовлетворенія ихъ потребностей съ наименьшимъ возможнымъ индивидуальнымъ пожертвованіемъ. Эта гипотеза правильно называется гедонистической предпосылкой экономики, такъ какъ каждая экономическая теорія можетъ быть выражена въ формѣ заключенія изъ силлогизма, имѣющаго своей большой или малой посылкой гедонистическую гипотезу и другой своей посылкой—какой-либо фактъ, могущій представлять истину, заимствованную изъ иной науки или удостовѣренную съ помощью индукціи самимъ экономистомъ». Pantaleoni исходитъ такимъ образомъ изъ «гипотезы психологическаго гедонизма» или, другими словами, изъ «предположенія, что единственный мотивъ всякаго дѣйствія есть гедонистическій импульсъ». Вмѣстѣ съ этимъ принимается гипотеза экономическаго человѣка (homo oeconomicus), побуждаемаго индивидуальнымъ или же общественнымъ эгоизмомъ, съ различеніемъ при этомъ интересовъ настоящаго и будущаго времени. Къ предположеніямъ гедонистической теоріи относится и соизмѣримость удовольствія и тягости[1].

V. Pareto отправляется отъ особаго понятія полезности (ophélimité), которому придаетъ вполнѣ субъективный характеръ[2].

---

[1]) O. c. Part I. Ch. I—III.
[2]) O. c. § 1—7.

Противъ этого направленія возражаетъ John Neville Keynes[1], указывающій на то, что «Jevons въ своей «Теоріи политической экономіи» представилъ науку, кажется, черезчуръ психологическаго и недостаточно соціальнаго характера». «Представленіе Jevons'a о расчетѣ удовольствія и тягости исходитъ отъ теоріи полезности, экономическую важность которой было бы трудно преувеличить. Эта теорія не должна однако составлять центральную теорію экономики. Скорѣе должно разсматривать ее, какъ существенное данное или основу экономическихъ разсужденій, нежели какъ интегральную часть науки. Представляется болѣе надлежащимъ, чтобы это относилось скорѣе къ отрасли прикладной психологіи, которой можетъ быть давно наименованіе гедоники». Keynes, впрочемъ, настолько идетъ при этомъ на встрѣчу этой теоріи, что приписываетъ ей «важное значеніе въ экономикѣ, но только скорѣе въ качествѣ предпосылки, нежели конечнаго вывода науки».

29. На ряду съ абстрактными направленіями, основанными на психологическихъ посылкахъ, экономическая литература— безъ сомнѣнія, чрезмѣрно изобилующая различными направленіями въ отношеніи къ общимъ цѣлямъ и заданіямъ научнаго изслѣдованія—заключаетъ въ себѣ также изслѣдованія абстрактно-логическаго характера. Послѣдній отчетливо проявился во всей вообще экономической литературѣ рикардіанскаго направленія, у J. v. Thünen'a и у Rodbertus'a, затѣмъ у новѣйшихъ абстрактныхъ экономистовъ Германіи и Австріи. Ad. Wagner—съ присущей ему склонностью къ совмѣщенію, въ своей теоретико-познавательной системѣ, всѣхъ идей и направленій—обозначаетъ «построенную на дедуктивномъ методѣ науку о хозяйствѣ, какъ логическую науку». Отвергая новѣйшія стремленія къ чисто индуктивной наукѣ о хозяйствѣ и отмѣчая логическій характеръ ея у рикардіанской школы и родственныхъ ей направленій на континентѣ, Wagner, склоняясь къ компромиссу между ними, заключаетъ: «Также и оспариваемый характеръ хозяйственной науки, какъ абстрактной,

[1]) O. c. P. 91 seq., note.

можетъ быть удержанъ въ томъ же объемѣ, какъ и науки логической»[1].

John Kells Ingram высказывается объ этомъ въ заключительной главѣ своей Исторіи политической экономіи: «Экономическія изслѣдованія до сего времени были большею частью въ рукахъ юристовъ и писателей, а не истинно ученаго класса». «Ихъ образованіе имѣло вообще метафизическій характеръ. Вслѣдствіе этого политическая экономія удержала во многомъ форму и духъ, которые были ей присущи въ 17 и 18 столѣтіяхъ, вмѣсто того, чтобы прогрессировать съ теченіемъ времени и принять истинно позитивный характеръ. Она однородна съ схоластической логикой, съ абстрактной, не-исторической юриспруденціей, съ апріорной этикой и политикой и съ иными подобными устарѣлыми системами мышленія. И представляется естественнымъ ожидать, что тѣ, кто наиболѣе упорно настаиваютъ на удержаніи ея традиціоннаго характера, почерпнули свою обычную духовную пищу въ этихъ областяхъ устарѣлаго мышленія»[2].

Мало преимуществъ по сравненію съ этимъ имѣло бы и такое направленіе экономической науки, которое примыкало бы къ новой метафизикѣ или старалось бы развить таковую въ своей области. Такого именно направленія держится въ настоящее время Joseph Schumpeter[3]. Какъ характеризуетъ его Diehl, Schumpeter «отбрасываетъ даже психологическое углубленіе въ проблему цѣнности и устанавливаетъ новую систему логики хозяйственныхъ вещей независимо отъ какой-либо формы организаціи, независимо отъ психологическаго обоснованія какъ со стороны волевой теоріи, такъ и со стороны ученія о чувствованіяхъ»[4].

Совершенно категорически и съ полной откровенностью высказывается объ этомъ и самъ авторъ. Избравъ предметомъ своего труда чистую экономію, относящуюся къ статикѣ народнаго хозяйства, Schumpeter отказывается отъ понятій причины

[1]) O. c.. § 72. S. 186 ff.
[2]) History of Political Economy. 2 ed. Ch. VII. P. 240.
[3]) Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. 1908.
[4]) Die Bedeutung der wissensch. Nationalökonomie u. s. w. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1909. III F. B. 37. H. 3. S. 302.

и дѣйствія и отъ контроверзы telos и causa и вводитъ взамѣнъ «болѣе совершенное понятіе функціи», какъ способствующее «ясности и чистотѣ разсужденій», «хотя бы отъ этого изложеніе и становилось сухимъ и безжизненнымъ»[1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается также отъ апріорнаго принятія извѣстной методологической системы и отъ классификаціи наукъ на естественныя и духовныя[2]. Исходный пунктъ и содержаніе чистой экономіи опредѣляются при этомъ совершенно отвлеченно. Въ основу науки положена система экономическихъ количествъ, въ которой всѣ прочія зависятъ отъ каждаго изъ нихъ и которая предполагается въ извѣстномъ состояніи равновѣсія. Этимъ опредѣляются также содержаніе и задачи науки. «Мы можемъ опредѣлить нашу задачу», заявляетъ авторъ, «какъ выясненіе нашей системы и тенденцій движенія въ ней. Разъ эта задача возможна какъ единая (съ точки зрѣнія единства системы), безъ того чтобы въ процессѣ мышленія мы должны были прибѣгать къ матеріальнымъ положеніямъ другихъ наукъ, то имѣется законченная въ себѣ наука экономіи. Положенія, изъ которыхъ состоитъ выясненіе, мы называемъ экономическими законами, если они имѣютъ достаточное значеніе. Совокупность ихъ образуетъ науку чистой или теоретической экономіи»[3]. На сколько эта послѣдняя далека отъ конкретной дѣйствительности и даже не имѣетъ съ ней почти ничего общаго, вытекаетъ, напр., изъ утвержденія,— которое цитируемый авторъ не считаетъ парадоксальнымъ— «что чистая экономическая теорія не имѣетъ ничего общаго съ существомъ хозяйствованія и что нѣтъ вообще надобности въ опредѣленіи хозяйствованія»[4]. Основной проблемой экономіи Schumpeter признаетъ: «характеризовать извѣстныя необходимости, налагаемыя на хозяйственную дѣятельность ограниченностью количествъ благъ,—всегда и всюду, каковы бы ни были конкретныя формы и иныя условія хозяйства—и заключать отсюда къ слѣдствіямъ первыхъ»[5]. Въ своемъ при-

[1]) S. XVI f.
[2]) S. XIII f., 535.
[3]) S. 28 f.
[4]) S. 32.
[5]) S. 239 f.

страстіи къ отвлеченному мышленію авторъ приходитъ къ единственному, можетъ быть, въ этомъ родѣ положенію: «Высшій интересъ чистой экономіи, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, что она представляетъ распространеніе области чистаго мышленія»[1]. Послѣ приведенныхъ сейчасъ положеній, а равно цитировавшихся выше взглядовъ абстрактныхъ экономистовъ, не представляетъ ничего особеннаго утвержденіе автора: «Въ нашей области обнаруживается то же, что имѣетъ значеніе и для всѣхъ точныхъ наукъ, что наша точная система, правильно представленная и продуманная до конца, также представляетъ построеніе, чуждое дѣйствительности», но, по мнѣнію автора, пригодное для нея[2].

Одной изъ отправныхъ ошибокъ цитированнаго произведенія является отрицательное отношеніе къ методологіи. Возражая противъ привнесенія въ экономику задачъ, относящихся къ области психологіи, соціологіи, физіологіи и т. д.[3], Schumpeter поступаетъ непослѣдовательно, не распространяя это на логику, а, наоборотъ, предпочитая слѣдовать въ этомъ исключительно одному лишь апріорному положенію: «дѣйствовать всегда разумно»[4]. Если этотъ принципъ можетъ замѣнить собою методологію, то то же можно сказать и о хозяйственной жизни, что впрочемъ и самъ авторъ отваживается признать. Вообще же этотъ принципъ ведетъ къ практической, либо къ теоретической мудрости, а та и другая принадлежатъ философской наукѣ. Охарактеризованное сейчасъ научное направленіе указываетъ, можетъ быть, на одностороннее и неправильно примѣненное развитіе воззрѣній автора. Соотвѣтственно этому и отнюдь не просто неправильно опредѣлилъ Schumpeter и исходный пунктъ чистой экономіи. И нужно ли говорить о крайней скудости содержанія такой чистой или теоретической экономіи!

Русская экономическая литература въ недавнее время пополнилась философскимъ трудомъ С. Булгакова[5]. По обще-

[1]) S. 563, а также VII f.
[2]) S. 272.
[3]) S. 23 f., 26.
[4]) S. XIV.
[5]) Философія хозяйства. Часть первая. Міръ какъ хозяйство. 1912.

му характеру изложенія и используемой литературѣ это есть философское и—перифразируя собственное выраженіе автора—даже не научно-философское произведеніе[1]. Но въ немъ находятъ себѣ выясненіе также понятія и опредѣленія хозяйства и труда, экономическій матеріализмъ, соціальная закономѣрность и методологія политической экономіи и дается оцѣнка абстрактной политической экономіи. Слѣдуя именно своему мнѣнію, что «философская система есть тоже своего рода художественное произведеніе» и своему противопоставленію философіи и науки, авторъ даетъ образныя и одностороннія, подчасъ не совпадающія опредѣленія, которымъ трудно дать какое-либо примѣненіе съ научной точки зрѣнія. По вопросу объ объемѣ понятія хозяйства, которое именно отождествляется съ подневольнымъ трудомъ, С. Булгаковъ признаетъ, что «хозяйство по существу включаетъ въ себя весь человѣческій трудъ во всѣхъ его примѣненіяхъ, отъ чернорабочаго до Канта, отъ пахаря до звѣздочета». «Это напряженная активность человѣческой жизни, во исполненіе Божьяго слова; въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ свой, и притомъ всякій хлѣбъ, т. е. не только матеріальную пищу, но и духовную: въ потѣ лица, хозяйственнымъ трудомъ, не только производятся хозяйственные продукты, но созидается и вся культура»[2]. Авторъ ограничивается однако тѣмъ, что констатируетъ неопредѣленность логическихъ границъ въ опредѣленіи объекта политической экономіи, а не признаетъ принципіальнаго распространенія ея на всю область культуры[3]. Общій характеръ человѣческаго хозяйства опредѣляется, по-существу, правильно: «Хозяйство животныхъ, если и можно о немъ говорить, представляетъ собой неизмѣнное, инстинктивное воспроизведеніе одного и того же процесса, при отсутствіи всякаго прогресса, и политической экономіи, какъ наукѣ исторической, нечего было бы дѣлать предъ этой неподвижностью. Человѣческое же хозяйство есть процессъ общественно-историческаго развитія, и политическая экономія этому учитъ, какъ истинѣ самоочевидной».

---

[1]) См.: I—IV, 28, 30.
[2]) Стр. 45 и сл., 276 и сл.
[3]) Стр. 276—279.

«Возможность исторіи, историческихъ процессовъ, а въ томъ числѣ хозяйства (и знанія), основана на этой способности къ новому творчеству, идущему дальше простого воспроизведенія или повторенія стараго. Вся исторія въ этомъ смыслѣ есть нѣчто индивидуальное, въ противоположность типическому. Если понимать закономѣрность въ смыслѣ однообразія, типичности, въ томъ смыслѣ какъ понимаетъ ее напр. соціологія, то надо признать, что исторія незакономѣрна, хотя это и не значитъ, что въ ней не дѣйствуетъ законъ причинности»[1]. Авторъ признаетъ впрочемъ и «конкретное творчество жизни, въ которомъ дѣйствуетъ живая причинность, т. е. причинность черезъ свободу»[2]. Наконецъ, политическая экономія опредѣляется, какъ «наука о народномъ богатствѣ, по сколько оно становится личнымъ достояніемъ, или, наоборотъ, о личномъ хозяйственномъ удѣлѣ каждаго, по сколько онъ зависитъ отъ соціальныхъ условій хозяйства»[3].

Такимъ образомъ, въ опредѣленіи объекта политической экономіи, за исключеніемъ указанія на законъ причинности, воззрѣнія цитируемаго автора представляютъ интересъ и удовлетворяютъ требованіямъ научной истинности. Но въ вопросѣ о методахъ соціальной науки и, въ частности, политической экономіи онъ отказывается отъ всякихъ новшествъ и, признавая условность и фиктивность старой методологіи, удерживаетъ ее со всѣми присущими ей недостатками. «Если соціальная наука», высказывается здѣсь, «держится на фикціи, именно на завѣдомо невѣрномъ предположеніи о не индивидуальности индивидуальнаго, типичности и закономѣрности того, что по самому существу своему отрицаетъ и эту типичность и закономѣрность, то и самое существованіе ея становится проблематичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможна соціальная наука при завѣдомой гипотетичности ея основоположеній? со столь рѣзко выраженнымъ прагматизмомъ всѣхъ ея построеній, съ множественностью ея объектовъ и закономѣрностей? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь въ такомъ смыслѣ, что соціаль-

---

[1]) Стр. 112 и сл.
[2]) Стр. 261 и сл.
[3]) Стр. 276.

ная наука существуетъ на томъ же основаніи, какъ и другія науки. Ея raison d'être въ ея практической полезности»[1]. «Типы и законы, статическіе и динамическіе, подмѣченныя единообразія въ пространствѣ и времени, только на томъ предположеніи и опираются, что соціальная наука имѣетъ основной инвентарь дѣйствующихъ соціальныхъ силъ, выбрасывая лишь «несущественное», и что дѣйствительность въ извѣстныхъ предѣлахъ однообразна и повторяется, а въ этомъ смыслѣ закономѣрна»[2]. При этомъ авторъ предполагаетъ, по соотвѣтствію съ множественностью соціальныхъ наукъ, также и множественность установляемыхъ ими закономѣрностей. Отмѣченное здѣсь расхожденіе научнаго познаванія и дѣйствительности онъ опровергаетъ—или, лучше, пытается опровергнуть съ помощью метафоры: «Чрезъ ея [науки] a priori набрасывается на соціальную жизнь сѣть механизма, неизмѣнности и единообразія, и она пріобрѣтаетъ въ познаніи лишь то, что можетъ быть поймано въ эту сѣть. Но нельзя же самую сѣть принимать за уловъ и торжествующе потрясать ею какъ научнымъ открытіемъ или завоеваніемъ науки, между тѣмъ какъ она въ дѣйствительности есть только орудіе, методъ, а не итогъ или результатъ». Очевидно, допуская возможность произвольнаго опредѣленія этого «a priori» и игнорируя то обстоятельство, что уловъ зависитъ также отъ сѣти и результатъ—отъ орудія, авторъ продолжаетъ: «Поэтому соціальный детерминизмъ не есть выводъ соціальной науки, но ея методическая предпосылка, обусловливающая самое ея существованіе». «Человѣческая свобода, какъ творчество, вноситъ въ соціальную жизнь нѣчто совершенно новое и индивидуальное, что нарушаетъ постулируемое соціологіей единообразіе и всеобщую типичность соціальной жизни. Въ дѣйствительности и это единообразіе, и эта типичность есть только фикція, совершенно несоотвѣтствующая конкретной дѣйствительности, такъ что въ этомъ смыслѣ соціальная наука не отличается отъ другихъ наукъ, также придерживающихся своихъ методологическихъ условностей. Соціальная дѣйствительность вовсе не

[1]) Стр. 264.
[2]) Стр. 259.

есть тотъ механизмъ, который знаетъ соціологія, но живое творчество исторіи, которое совершенно отметается соціологіей»[1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ принимается также методъ абстракціи и изоляціи и фикція экономическаго человѣка. «Абстрактная (или теоретическая) политическая экономія», замѣчается объ этомъ, «широко примѣняетъ методъ дедукціи изъ нѣкоторыхъ простыхъ предложеній, играющихъ роль аксіомъ, но въ дѣйствительности представляющихъ собой такія методологическія фикціи или схемы. При послѣдовательномъ построеніи (которое само по себѣ содержитъ, конечно, возможность еще и самостоятельныхъ ошибокъ) достигается нѣкоторое выясненіе значенія, какое имѣетъ данный, подвергаемый абстрактному изученію факторъ. Благодаря этому изолирующему методу только и могутъ быть установляемы тѣ своеобразные законы, которые знаетъ политическая экономія. Нельзя возражать принципіально противъ этого метода абстракціи и изоляціи, какъ такового»[2]. «Въ своихъ послѣднихъ заданіяхъ,—въ стремленіи устанавливать законы хозяйственной жизни, политическая экономія (хотя бы и историческаго направленія) есть наука соціологическая, привносящая съ собой, въ качествѣ a priori, опредѣленныя методологическія предпосылки, и, прежде всего, характерный соціологическій детерминизмъ. Благодаря этому детерминизму она вычеркиваетъ индивидуальность и ставитъ на ея мѣсто группы и классы, «совокупности», въ которыхъ индивидуальное всецѣло закрывается типическимъ, поэтому устраняется свобода и творчество, и повсюду видится лишь непрерывная соціальная закономѣрность. Такъ построяется политическая экономія какъ наука, и такъ стилизуется въ ея изображеніи экономическая жизнь»[3]. «Ничего новаго, или отрицаніе историческаго и индивидуальнаго, есть поэтому боевой лозунгъ и политической экономіи, этой старшей дочери соціологіи, въ такой же мѣрѣ, какъ ея матери»[4]. «Пресловутый экономическій человѣкъ» разсматривается при этомъ, какъ «важное инструментальное понятіе политической экономіи», которое

[1]) Стр. 260.
[2]) Стр. 256.
[3]) Стр. 280.
[4]) Стр. 285.

«можно и спокойно примѣнять въ мѣру его практической пригодности, твердо однако памятуя объ инструментальномъ и условномъ характерѣ научныхъ понятій вообще и этого въ особенности»[1]. «Всѣ построенія экономическаго человѣка, личнаго или коллективнаго, основаны на представленіи объ экономическомъ автоматѣ; отсюда необходимый и роковой для нея фатализмъ политической экономіи, оборотная сторона ея методологическаго детерминизма. Опять таки, и здѣсь она остается права для опредѣленныхъ своихъ цѣлей, и въ извѣстныхъ предѣлахъ можетъ удовлетворяться автоматомъ, вмѣсто личности»[2].

Не задаваясь здѣсь вообще цѣлью общей оцѣнки того или другого научнаго произведенія, а лишь стремясь выяснить основныя проблемы экономики и отношеніе къ нимъ отдѣльныхъ авторовъ, мы усматриваемъ, съ точки зрѣнія проводимыхъ здѣсь воззрѣній, несоотвѣтствіе съ ними и въ цитированномъ сейчасъ трудѣ. При этомъ коренная погрѣшность представляется въ отправномъ воззрѣніи на философію, въ противопоставленіи философіи и науки, какъ двухъ разныхъ направленій нашего мышленія и познанія[3]. Съ точки зрѣнія общей классификаціи сторонъ, или отраслей культуры нельзя предполагать философію, какъ нѣчто самостоятельное. Отрицаніе научнаго характера и научной методологіи въ философіи отняло бы у послѣдней всякое положительное значеніе, если только не относить его къ художественной или религіозной сторонѣ жизни, что, разумѣется, вовсе не имѣется при этомъ въ виду. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать такая не-научная философія въ примѣненіи къ хозяйству? выяснить мѣсто и значеніе хозяйства въ общей системы культуры? Но эта проблема можетъ быть разрѣшена лишь научнымъ путемъ, такъ какъ она имѣетъ дѣло съ абстракціями, правильно представить которыя безъ этого было бы невозможно. Намъ кажется, что только игнорированіемъ односторонне-абстрактнаго характера хозяйственной стороны общественной жизни

[1]) Стр. 283.
[2]) Стр. 286 и сл.
[3]) См.: стр. 32.

и можно объяснить упреки въ «экономизмѣ» экономики. Культура въ совокупности не должна быть односторонне-направленной, но каждая сторона культуры не можетъ быть всесторонней. Соотношеніе же между хозяйствомъ и другими сторонами культуры основано прежде всего на выясненіи существа и предѣловъ хозяйственной жизни, а это есть уже, несомнѣнно, научная проблема. Вмѣстѣ съ тѣмъ предубѣжденность цитируемаго автора противъ «экономизма»[1] обусловливается узкимъ—напоминающимъ отчасти аристократизмъ древне-греческой философіи—представленіемъ о хозяйствѣ, относящимся лишь къ части человѣчества и лишь къ богатству и его источникамъ, не распространяющимся на нетрудящихся по тѣмъ или инымъ причинамъ и проистекающую главнымъ образомъ отсюда бѣдность, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ къ поощренію созиданія богатства и къ оправданію этого. Представляется также неяснымъ, что именно разумѣетъ авторъ подъ философіей и въ частности—подъ философіей хозяйства. Во всякомъ случаѣ экономическая жизнь не есть нѣчто самоочевидное и само собою понятное, изъ чего, а не только по поводу чего могла бы творить философія. Можно также полагать, что авторъ самъ погрѣшаетъ противъ своего собственнаго, справедливаго и прекрасно выраженнаго положенія: «Науки отвѣчаютъ лишь на свои собственные вопросы, имѣютъ силу только въ предѣлахъ своей компетенціи, и источникомъ постоянныхъ недоразумѣній является недостаточное разграниченіе областей компетенціи, сопровождающееся выхожденіемъ за ея предѣлы. Только при точномъ и ясномъ соблюденіи компетенціи каждой науки и возможна ихъ множественность, неразрывно связанная съ сознательной ихъ односторонностью. Напротивъ, когда выводы спеціальныхъ наукъ прилагаются внѣ своей условной значимости, когда они принимаются за безусловныя истины о вещахъ и жизни, порождается цѣлый рядъ кошмаровъ псевдонаучнаго міровоззрѣнія, которые густою тучей нависли надъ современностью»[2]. Другой, также отмѣченный выше, коренной недостатокъ заклю-

[1]) Н. с. Глава первая.
[2]) Стр. 249; см. также: стр. 258.

чается въ предположеніи, что старая методологія абстрактно-дедуктивной школы въ отношеніи къ соціальной жизни представляется единственно-возможной.

Здѣсь же можно отмѣтить своеобразную и, конечно, не удовлетворяющую требованіямъ научности попытку примѣнить логику къ матеріальному разрѣшенію экономическихъ проблемъ, или построить, при матеріальномъ примѣненіи логики, систему экономическихъ отношеній. Комбинацію логическихъ и экономическихъ изслѣдованій авторъ этой попытки С. Герингъ назвалъ «логикой экономіи»[1]. Существеннымъ элементомъ ея онъ дѣлаетъ также начало энергіи въ различныхъ приложеніяхъ этого отвлеченнаго понятія, примѣняемаго взамѣнъ обыденныхъ проявленій и понятій хозяйственной жизни. Обращеніе къ содѣйствію логики обусловливаетъ чрезмѣрную и произвольно-направляемую отвлеченность научныхъ положеній и выводовъ, при чемъ пользованіе понятіями и положеніями кинематики и энергетики еще болѣе облегчаетъ отсутствіе строгаго согласованія съ дѣйствительной экономической жизнью.

30. Этическое направленіе хозяйственной жизни легко можетъ показаться вообще наиболѣе естественнымъ и необходимымъ, и возраженіе противъ него — расходящимся съ истиной и вмѣстѣ съ тѣмъ предосудительнымъ. И тѣмъ не менѣе такое смѣшеніе этической и экономической точекъ зрѣнія представляется ошибочнымъ — при томъ не только въ теоріи, но и въ практической хозяйственной дѣятельности. Хозяйственное соображеніе и хозяйственныя цѣли представляются вообще необходимо односторонними, подобно соображеніямъ и цѣлямъ всякой иной стороны въ культурной жизни и въ противность болѣе или менѣе всеобъемлющей культурной точкѣ зрѣнія и обще-культурнымъ цѣлямъ. Разграниченіе сторонъ, или отраслей культуры[2] основывается вообще на точкѣ зрѣнія, выражающейся въ критеріи оцѣнки

---

[1]) Логика экономіи. Основныя экономическія понятія съ энергетической точки зрѣнія. 1909.

[2]) См. выше, §§ 1, 4, 6.

цѣлей и средствъ и въ спеціальномъ выраженіи начала цѣлесообразности. Это относится и къ теоретическимъ и даже къ практическимъ проявленіямъ отдѣльной культурной стороны. Поэтому привнесеніе въ данную отрасль культуры точекъ зрѣнія другихъ отраслей нарушаетъ указанное разграниченіе отраслей культуры и расходится съ тѣми соображеніями, которыми вызывается расчлененіе культуры на отдѣльныя отрасли. Къ этимъ послѣднимъ соображеніямъ принадлежитъ въ частности то, что проявленіе отдѣльныхъ отраслей комбинируется вообще безконечно-разнообразно, въ смыслѣ преобладанія нѣкоторыхъ изъ нихъ и, напротивъ, стушевыванія и почти игнорированія другихъ. Въ силу этого, во многихъ случаяхъ этическія соображенія, совмѣстно съ правовыми и и религіозными соображеніями, могутъ имѣть руководящее значеніе; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, этическія соображенія могутъ не играть роли, представляться безразличными, рѣшающее же значеніе можетъ принадлежать хозяйственнымъ соображеніямъ. Синтезъ идей и цѣлей, принадлежащихъ къ различнымъ отраслямъ жизни, не можетъ относиться вообще къ задачамъ отдѣльной отрасли и въ частности экономической. Въ области экономики этическій моментъ отпадаетъ вмѣстѣ съ общимъ устраненіемъ всякой иной мотиваціи, кромѣ чисто хозяйственной, изъ экономическаго изслѣдованія. Какъ бы ни были высоки идеальныя этическія стремленія, привнесеніе ихъ непосредственно въ каждый актъ хозяйственной жизни еще не обезпечитъ ихъ торжества, но легко можетъ повлечь за собой отступленіе отъ хозяйственной цѣлесообразности и неуспѣшность хозяйственной дѣятельности. Принципіальное введеніе этическихъ соображеній въ экономическую область связано было бы также съ необходимостью творческой разработки и критическаго изслѣдованія этическихъ идей и стремленій[1] и опредѣленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ относительной важности чисто-хозяйственныхъ и этическихъ соображеній. Кромѣ того, представляется очевидной недопустимость какъ двухъ или нѣсколькихъ этикъ, въ томъ числѣ самостоятельной и хозяйственной, такъ и поглощенія этики

[1]) Ср.: Ad. Weber. Die Aufgaben der Volkswirtschaftslehre. 1909. S. 50.

хозяйствомъ или обратно. Наконецъ, принятіе этическихъ соображеній къ руководству въ собственно-хозяйственной области, свелось бы въ дѣйствительности либо къ фиктивному принятію чужого девиза, чужого знамени, либо къ рутинному соблюденію того, что принято, либо къ логикѣ хозяйственной жизни по мотивамъ и соображеніямъ, чуждымъ послѣдней. Само собою разумѣется, что отказъ отъ подчиненія въ области экономики этическимъ соображеніямъ еще не равнозначущъ принятію ни чисто объективно-научнаго направленія, свойственнаго естествознанію, ни всецѣло отвлеченной точки зрѣнія «чистой науки», не равнозначущъ имъ въ силу признанія субъективно-телеологическаго, личнаго и соціальнаго, характера соціальной жизни, принятія экономическихъ понятій-установленій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ экономической теоріи и практической дѣятельности, общаго проведенія сужденій оцѣнки—съ точки зрѣнія, какъ соотвѣтствія указаннымъ понятіямъ-установленіямъ, такъ и просто хозяйственнаго соотвѣтствія средствъ и цѣлей, и, наконецъ, признанія взаимодѣйствія различныхъ отраслей культуры.

Введеніе этическаго начала въ экономику находитъ себѣ объясненіе, между прочимъ, въ неправильномъ отнесеніи выше охарактеризованныхъ соціальныхъ принциповъ[1] къ области этики, между тѣмъ какъ они представляются общими соціальными принципами и поэтому лишь въ своемъ специфическомъ проявленіи могутъ принадлежать этикѣ. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній, оставляя въ тѣни собственно экономическія выраженія этихъ принциповъ, распространять этическія выраженія ихъ также и на область экономики.

На ряду съ этимъ представляется недопустимымъ внѣшнее взаимодѣйствіе отдѣльныхъ отраслей культуры разсматривать, какъ полное слiяніе нѣкоторыхъ изъ нихъ или какъ полное господство какой-либо одной изъ нихъ надъ другими. Какъ мы пытались выяснить выше[2], всѣ, а не нѣкоторыя лишь отрасли находятся во взаимодѣйствіи между собою. И какъ бы ни было практически важно вліяніе этики на успѣшность

[1]) См. выше, § 8.
[2]) § 4, 6.

хозяйственной дѣятельности, все же представляется невозможнымъ предполагать полную зависимость и подчиненность ея, игнорируя при этомъ обратное вліяніе хозяйства на нравственность, а также и взаимозависимость между хозяйствомъ и техникой, правомъ, государственностью, религіозностью и т. д. Несмотря на такое взаимодѣйствіе, каждая отрасль культуры сохраняетъ однако свою самостоятельность, что и обнаруживается въ многочисленныхъ случаяхъ расхожденій и даже коллизій между отдѣльными отраслями, и въ частности—между хозяйствомъ и этикой.

Если оставить въ сторонѣ вопросы гносеологіи, въ области теоретической экономіи всего болѣе поддается этическому представленію вопросъ о благахъ и ихъ полезности. Конечно, можно было бы примѣнить это и къ понятію потребности, но вообще это послѣднее понятіе пользовалось меньшимъ вниманіемъ въ экономической литературѣ. И вотъ, уже издавна экономисты-теоретики признавали нужнымъ предостерегать противъ приложенія къ понятію хозяйственнаго блага внѣ-экономической точки зрѣнія. Такъ, уже Jean-Baptiste Say высказался по поводу этого: «Здоровая мораль, драгоцѣнное пониманіе своихъ истинныхъ интересовъ, приводитъ человѣка къ вѣрной оцѣнкѣ истинныхъ благъ. Политическая экономія разсматриваетъ эту оцѣнку, какъ фактъ, и предоставляетъ наукѣ о нравственности и общественности человѣка заботу о просвѣщеніи и направленіи людей въ этомъ вопросѣ, какъ и въ иныхъ жизненныхъ дѣлахъ»[1]. Подобнымъ же образомъ, Joseph Droz, давъ опредѣленіе полезности, прибавляетъ къ этому: «Безъ сомнѣнія, замѣчаютъ, что выраженіе: полезность не имѣетъ въ политической экономіи того строгаго смысла, который оно получаетъ въ морали. Эти двѣ науки кажутся противоположными въ важномъ вопросѣ, но наблюдатель видитъ тотчасъ, что онѣ сближаются и объединяются. По сколько эти науки основываются на совершенныхъ принципахъ, онѣ оказываютъ обоюдное одна другой содѣйствіе»[2]. Въ новѣйшей французской литературѣ Charles Gide[3] также отрицаетъ какой-либо посто-

[1]) Traité d'économie politique. 6 éd. 1841. Livre I. Ch. I. P. 57 note.
[2]) Économie politique. 1829. L. I Ch. III. P. 21.
[3]) Cours d'économie politique. 2 éd. 1911. P. 44.

ронній оттѣнокъ въ понятіи экономической полезности.

Подобнымъ же образомъ, John Stuart Mill замѣчаетъ: «Политической экономіи нѣтъ дѣла до сравнительной оцѣнки различныхъ пользованій съ точки зрѣнія философа или моралиста»[1]. Въ особенности рѣшительно проводится это воззрѣніе въ новѣйшей американской экономической литературѣ[2].

Въ германской литературѣ Ad. Wagner, оспаривая противоположный взглядъ Roscher'a замѣчаетъ: «Также и то, что служитъ къ удовлетворенію неразумной или безнравственной потребности, есть благо, пока именно, хорошо ли это или дурно, существуетъ потребность»[3]. Мнѣніе Roscher'a оспариваетъ также H. Dietzel[4].

Противоположный взглядъ представленъ лишь немногими экономистами. Изъ нихъ W. Roscher[5] въ своемъ опредѣленіи благъ называетъ таковыми «все то, что признано пригоднымъ къ посредственному или непосредственному удовлетворенію истинной человѣческой потребности». Къ этому Roscher присоединилъ замѣчаніе: «Опредѣленіе: истинный не только исключаетъ изъ области благъ все то, что могло бы быть средствомъ удовлетворенія лишь неразумныхъ или безнравственныхъ потребностей, но и объявляетъ также притязаніе на основное понятіе всей науки народнаго хозяйства, какъ предметъ столько же этическаго, какъ и психологическаго изслѣдованія».

Бельгійскій экономистъ Émile de Laveley[6] различалъ между истинными и ложными потребностями и благами, но не находилъ однако возможнымъ отрицать характеръ благъ въ этихъ ложныхъ благахъ. Laveley признавалъ тѣсную связь

[1]) Principles of Political Economy. Ed. by W. J. Ashley. Book III. Ch. I § 2. P. 437. См. также: W. Bagehot. Economic Studies. 7 ed. 1908. P. 107.

[2]) Bullock. Introduction to the Study of Economics. 3 ed. § 56 P. 86—87; J. B. Clark. Essentials of Economic Theory. 1907. P. 6; R. T. Ely. Outlines of Economics. 1903. P. 120; Edwin Seligman. Principles of Economics. 1905. § 4. P. 8; H. R. Seager. Introduction to Economics. 3 ed. 1910. § 26, P. 48.

[3]) O. c. § 110. S. 289. Wagner находитъ излишней какую-либо особую квалификацію благъ—даже и съ точки зрѣнія этическаго или психологическаго направленій.

[4]) Theoretische Sozialökonomik. S. 170 Anm.

[5]) Grundlagen u. s. w. 23 Aufl. 1900. § 1. S. 2, S. 4 Anm. 9.

[6]) Éléments d'économie politique. 2 éd. 1884. L. I. Ch. I. § 1, 2, 3.

между моралью и политической экономіей, обнаруживающуюся въ совпаденіи правилъ морали и экономіи; въ то же время онъ признавалъ, что политическая экономія подчинена философіи и религіи.

А. А. Исаевъ[1] полагаетъ, что «нравственное чувство побуждаетъ стать на сторону тѣхъ мыслителей, которые осуждаютъ роскошь». Онъ допускаетъ, однако, общественную роскошь—съ тѣмъ впрочемъ еще ограниченіемъ, что «и общественная роскошь, созидаемая на государственныя, земскія и городскія средства, заслуживаетъ осужденія, если не удовлетворяются насущныя потребности». Это осужденіе роскоши авторъ обосновываетъ соображеніями моральнаго характера.

Какъ ни различаются между собою цитированныя мнѣнія, они имѣютъ между собой то общее, что выходятъ изъ области экономики: W. Roscher вводитъ не-экономическій признакъ въ опредѣленіе благъ и съ помощью этого признака старается отграничить экономическое понятіе благъ; Laveley устанавливаетъ различеніе какъ потребностей, такъ и благъ по не-экономическому признаку; Исаевъ осуждаетъ извѣстную отрасль потребленія по не-экономическимъ мотивамъ. И именно наличіе этого не-экономическаго момента переноситъ ихъ разсужденія за предѣлы экономики.

31. Этическая идея была введена въ экономическую систему германскими экономистами, въ видѣ реакціи противъ односторонности экономическаго эгоизма абстрактно-дедуктивной экономики. Эта реакція выразилась въ измѣненіи характера внутреннихъ мотивовъ, опредѣляющихъ хозяйственную дѣятельность. При этомъ представляетъ, конечно, существенное различіе, признается ли этотъ этическій факторъ принадлежащимъ хозяйственной жизни или воздѣйствующимъ извнѣ, на ряду съ иными проявленіями взаимодѣйствія сторонъ культурной жизни. Второе воззрѣніе представляется неоспоримымъ и получило широкое распространеніе во французской экономической литературѣ. Существуетъ еще и третье воззрѣніе, по которому между отдѣльными сторонами культуры предполагается или

[1]) Начала политической экономіи. 7 изд. 1908. Отд. IV. Гл. I. Стр. 651 и сл.

постулируется на столько полная гармонія, что, напр., этичное и хозяйственное совпадаютъ.

Представителемъ этого послѣдняго воззрѣнія былъ A. Schäffle[1]. Онъ предполагалъ, что существуютъ весьма различныя оцѣнки, какъ нравственная, политическая, эстетическая, научная, религіозная, политическая, которыя относятся къ однимъ объектамъ и при нормальномъ состояніи цивилизаціи согласуются между собою. «Національная экономія охотно признаетъ, что лишь при истинной нравственности можно достигнуть высшей успѣшности производства и потребленія, высшей мѣры богатства по отношенію къ внѣшнимъ и внутреннимъ благамъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ, «цѣль всякаго хозяйства, возможно высшая чистая польза, означаетъ не возможно большее денежное богатство, а наивозможную полноту всесторонняго нравственнаго развитія личности и образованія индивидовъ и народовъ посредствомъ хозяйственнаго производства и потребленія внѣшнихъ благъ. Примѣненіе денегъ служитъ лишь средствомъ въ процессѣ общественнаго достиженія этой цѣли». Но и самъ Schäffle признаетъ впрочемъ, что «уродливое развитіе народнаго хозяйства можетъ привести къ такому пренебреженію нравственнымъ назначеніемъ со стороны многихъ индивидовъ, которое по грубости и озвѣрѣнію оставитъ позади себя даже состояніе изолированной жизни индивидовъ. Такое уродливое развитіе встрѣчается все еще въ досадно-обширномъ размѣрѣ». Уже это послѣднее обстоятельство обнаруживаетъ неправильность цитированнаго выше положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенное опредѣленіе отнимаетъ самостоятельную роль и значеніе у хозяйства и игнорируетъ текущія задачи его, болѣе характеризующія его, нежели конечная цѣль, относящаяся уже къ культурѣ въ совокупности. Игнорируется при этомъ и неизбѣжность несоотвѣтствія между отраслями культуры, что опять-таки ведетъ къ необходимости признать самостоятельное содержаніе и направленіе въ каждой изъ нихъ.

Особенно выдвигаетъ этическое направленіе въ экономикѣ глава ново-исторической школы G. Schmoller. По замѣчанію

[1]) Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. 3 Aufl. 1873. B. I. § 94. S. 165 f., § 1 S. 2, § 2 S. 3 f., § 22 S. 35, § 27 S. 48, § 12 S. 17.

его, «современное понятіе труда, хотя бы чисто индивидуальнаго, имѣетъ нравственное содержаніе; мы называемъ трудомъ такую разумную самодѣятельность, которая стремится посредствомъ длительнаго усилія создать что-либо, какъ надлежаще признанное, и которая въ извѣстномъ смыслѣ сама обратилась въ цѣль, по сколько именно является для насъ школой всѣхъ добродѣтелей, служитъ къ сохраненію всѣхъ благъ и представляетъ основу нашей общественной организаціи. Такимъ образомъ, уже всѣ индивидуальныя хозяйственныя дѣйствія не лишены, на ряду съ технической, также своей этической стороны. Но большинство дѣйствій, изслѣдуемыхъ въ народномъ хозяйствѣ, не принадлежитъ къ области индивидуальной технической дѣятельности; наука о народномъ хозяйствѣ не есть технологія, она изслѣдуетъ главнымъ образомъ отношенія отдѣльныхъ хозяйствъ между собою и къ цѣлому, и здѣсь дѣло идетъ именно о дѣйствіяхъ, въ которыхъ техническая сторона, если не совершенно стушевывается, то все же при всѣхъ обстоятельствахъ получаетъ опредѣленный видъ, форму и направленіе отъ нравственности и права, отъ этической системы»[1]. Подобнымъ же образомъ высказывается Schmoller и въ своей статьѣ о народномъ хозяйствѣ и наукѣ о ней[2]. Здѣсь проводится мысль, что «мы не должны ограничивать науку о народномъ хозяйствѣ техническо-экономическимъ [элементомъ] и эмпирическими изслѣдованіями его; наша наука имѣетъ дѣло прежде всего съ человѣческими дѣйствіями и ихъ причинами (т. е. съ общественными и нравственными цѣлями) и съ общественнымъ нравственно-правовымъ порядкомъ хозяйственной жизни. И потому останется очень немного, если изъ науки народнаго хозяйства устранить нравственныя цѣли, психико-нравственные мотивы и упорядоченіе ихъ моралью, обычаемъ и правомъ». Schmoller указываетъ далѣе на неразрывную связь вопросовъ экономической политики съ основными вопросами этики и на невозможность разнорѣчія въ этомъ

[1]) Über einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft (1875). Вновь издано въ: Über einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. 1898. S. 45 ff.

[2]) Volkswirtschaft u. s. w. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. 1911. B. VIII. S. 494 ff.

отношеніи между наукой и политикой.

Въ изложенныхъ воззрѣніяхъ заключается та существенная погрѣшность, что экономическая сторона въ общественныхъ явленіяхъ недостаточно отличается отъ иныхъ сторонъ въ тѣхъ же явленіяхъ. Въ частности, приведенное опредѣленіе труда характеризуетъ трудъ съ этической, а не съ экономической точки зрѣнія. Съ этой послѣдней точки зрѣнія трудъ есть примѣненіе личныхъ силъ человѣка въ цѣляхъ полученія хозяйственныхъ благъ и въ соотвѣтствіи съ принципомъ хозяйственности. При этомъ возможно, что трудъ, какъ таковой, представитъ своего рода хозяйственное благо, по сколько онъ будетъ непосредственно обладать свойствомъ экономической, т. е. вводимой въ хозяйственный расчетъ, полезности. Въ особенныхъ же отрицательныхъ проявленіяхъ, какія могутъ сопровождать его, трудъ совпадетъ съ недостаточнымъ или происходящимъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ удовлетвореніемъ потребностей. Само собою разумѣется, что и техническая сторона въ трудѣ, какъ и въ другихъ культурныхъ явленіяхъ, не принадлежитъ къ области хозяйства. Все, что высказываетъ Schmoller объ этической сторонѣ соціальныхъ явленій, съ одинаковымъ основаніемъ можно было бы высказать и объ эстетической. Выдѣляя изъ соціальныхъ явленій этическую сторону ихъ, не должно устранять изъ нихъ все или слишкомъ много, и въ такомъ случаѣ останется достаточно матеріала для экономиста. Наконецъ, и государственная политика вообще не бываетъ односторонне-экономической; въ ней есть и этическая и правовая стороны, и за выдѣленіемъ этихъ и еще иныхъ останется опять-таки вся экономическая сторона.

Подобныхъ вышеизложеннымъ воззрѣній держится также G. Cohn[1]. Онъ исходитъ при этомъ изъ того, что «надъ первоначальнымъ существованіемъ человѣчества созидается міръ обычая (Sitte), который охватываетъ первый осадокъ всѣхъ обыкновеній, на коихъ основана возможность совмѣстной жизни, —міръ обычая, образующій историческій зачатокъ, изъ котораго при высшей культурѣ развиваются всѣ виды человѣческихъ свойствъ и добродѣтелей, всѣ установленія государства

[1]) System der Nationalökonomie. B. I. 1885. §§ 280 ff. S. 373 ff.

и права, вся объективная и субъективная мораль». «Въ существѣ этого нравственнаго порядка лежитъ прогрессирующее самоусовершенствованіе». «Прогрессирующее проникновеніе импульсивной жизни сознаніемъ цѣлесообразности есть осуществленіе нравственнаго порядка въ исторіи». Хорошія и дурныя качества, добродѣтели и пороки Cohn разсматриваетъ, какъ «историческое развитіе естественнаго стремленія къ самоупроченію подъ вліяніемъ нравственнаго порядка». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что «личный интересъ (Eigennutz) оказываетъ въ экономической дѣятельности и за ея предѣлами могущественное вліяніе» и, «не заключая въ себѣ совокупность дѣйствующихъ въ настоящее время моральныхъ силъ, однако, преимущественно проявляетъ свое дѣйствіе и необходимъ для дальнѣйшаго движенія хозяйственной жизни». Новѣйшая исторія показала однако, что предполагавшееся старой школой единообразіе личнаго интереса, въ дѣйствительности, не имѣетъ мѣста. «Все указывало скорѣе на то, что дѣло шло здѣсь о послѣдовательномъ преобразованіи содержанія и что утвержденіе объ единообразномъ проявленіи личнаго интереса превращается въ проблему нравственнаго преобразованія хозяйственно направленнаго импульса личнаго самосохраненія подъ дѣйствіемъ историческихъ моментовъ нравственности и права».

Эти воззрѣнія G. Cohn'a, котораго вообще считаютъ однимъ изъ представителей этическаго направленія въ экономикѣ[1], заключаютъ въ себѣ существенные логическіе недостатки, къ которымъ въ особенности относится неуказаніе соотношенія между нравственнымъ порядкомъ и началомъ личнаго интереса, при чемъ общественный строй какъ бы независимо обосновывается на томъ и на другомъ.

Gustav Schönberg[2] полагалъ, что народное хозяйство есть

[1]) См. полемическія замѣчанія: J. Platter. G. Cohns ethische Nationalökonomie. 1886; A. Voigt. Teleologische und objective Volkswirtschaftslehre. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. N. F. IV Jahrg. H. 8/9. 1913. S. 525 f. Anm. Изъ нихъ Platter, среди жестокой критики противъ вышеуказаннаго труда отмѣчаетъ, что этическое направленіе его автора легко мирится съ соображеніями эгоистическо-дѣлового характера, примѣненными къ отношеніямъ между предпринимателями и рабочими.

[2]) Die Volkswirtschaft. §§ 9, 27, 32. (Handbuch der Politischen Oekonomie. 4 Aufl. 1896. B. I. S. 16 f., 55, 63).

явленіе матеріальнаго характера, но что въ то же время оно имѣетъ также большое нематеріальное, этическое и культурное, значеніе, вытекающее изъ соотношенія между хозяйственной и культурной жизнью, изъ того, что народное хозяйство становится основою для выполненія нравственныхъ обязанностей и жизненныхъ цѣлей индивидовъ и нравственныхъ задачъ народа и средствомъ для нравственной культурной жизни членовъ народа и для непрерывнаго культурнаго прогресса всего народа. Въ зависимости отъ соотвѣтствія съ этой задачей опредѣляется и «цѣнность народнаго хозяйства». Этими нравственными моментами и оправдывается особая наука о народномъ хозяйствѣ. Расцвѣтъ и прогрессъ въ экономической исторіи культурныхъ народовъ XIX в. Schönberg приписываетъ экономической свободѣ и новому соотношенію между этикой и государствомъ съ одной стороны и народнымъ хозяйствомъ съ другой. Это новое, болѣе тѣсное отношеніе этики къ народному хозяйству Schönberg признавалъ особымъ и характернымъ признакомъ современнаго народнаго хозяйства: «Во первыхъ, побѣдило воззрѣніе, что между этикой и народнымъ хозяйствомъ не должно быть противорѣчій, что нравственный законъ долженъ имѣть силу и для народнаго хозяйства, долженъ выполняться въ немъ, и оно должно быть нравственнымъ выраженіемъ народной жизни. И, во вторыхъ, культурные народы энергично стремятся въ государствѣ, наукѣ и обществѣ дѣйствовать сообразно этому. Въ этомъ и заключается въ извѣстной мѣрѣ знаменіе времени».

Въ изложенныхъ сейчасъ воззрѣніяхъ необычно поражаетъ утвержденіе, что 19 вѣкъ принесъ радикальную перемѣну въ чисто принципіальномъ вопросѣ о соотношеніи между этикой и народнымъ хозяйствомъ. При этомъ упускается изъ вида, что и этика является продуктомъ культурнаго развитія и что и на всякомъ иномъ уровнѣ своей разработки этика должна была находиться въ аналогичномъ отношеніи къ хозяйственной жизни. Ибо съ научной точки зрѣнія область этики охватываетъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя проявленія этическихъ отношеній. Хозяйственныя дѣйствія и отношенія могутъ въ большей или меньшей мѣрѣ удовлетворять

требованіямъ нравственности, но они не могли получить моральный характеръ, если только ранѣе были свободны отъ него. Разграниченіе этики и хозяйства, какъ двухъ сторонъ общественной жизни представляется продуктомъ научнаго абстрагированія, а потому и не можетъ измѣняться во времени.

Принадлежащій къ ордену іезуитовъ и издавшій свой курсъ съ разрѣшенія католическихъ властей, H. Pesch[1] исходитъ изъ идеи «подчиненія матеріальнаго благосостоянія высшимъ цѣлямъ человѣка» и признаетъ національную экономію этической наукой, которая, не представляя собою составную часть собственно науки о морали, однако не должна расходиться съ послѣдней; «она получаетъ отъ морали прежде всего отрицательное руководство, обладаетъ въ ея ученіяхъ критеріемъ для изслѣдованія своихъ собственныхъ ученій по отношенію къ ихъ истинности и правильности». Вмѣстѣ съ съ тѣмъ Pesch высказывается за большее вниманіе въ наукѣ къ религіозному началу.

Съ практической точки зрѣнія, можетъ быть, нельзя возражать противъ этого мнѣнія. Присоединеніе этическихъ и религіозныхъ идей можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть полезное значеніе и при преподаваніи той или иной науки, какъ и въ разныхъ отрасляхъ практической дѣятельности. Но эти привходящіе элементы не принадлежатъ къ содержанію экономики.

Rudolf Stolzmann[2], исходя изъ опредѣленія этики, какъ общаго формальнаго принципа, постулируетъ пониманіе народнаго хозяйства въ принципѣ, какъ этической системы цѣлей (als ethisches Zweckgebilde).

Тактика, которую F. Lassalle и K. Marx направили противъ общественнаго строя и науки буржуазнаго направленія, имѣла въ своей основѣ также и этическую идею и этимъ выходила изъ строгихъ рамокъ экономики[3].

Въ англійской литературѣ этическое направленіе экономики

---

[1]) Lehrbuch der Nationalökonomie. B. I. 1905. Abs. 140 ff. S. 420 ff. См. также: Idem. Abs. 147. S. 457 f.

[2]) Der Zweck in der Volkswirtschaft. 1909. S. IV f.

[3]) Ср. о Марксѣ: H. Herkner. Der Kampf um das sittliche Werturteil in der Nationalökonomie. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw. J. 36. 1912. H. 2. S. 3 Anm.

защищаетъ J. Ingram[1]. Онъ ссылается на A. Comte'a, который «во первыхъ, оспариваетъ попытку обособить изслѣдованіе хозяйственныхъ явленій отъ изслѣдованія совокупности соціальныхъ явленій, во вторыхъ, обращается противъ метафическаго или неправильно абстрактнаго характера многихъ народнохозяйственныхъ воззрѣній, въ третьихъ,—противъ преобладанія дедукціи, неправильно допускаемаго при экономическомъ изслѣдованіи, и, въ четвертыхъ, осуждаетъ слишкомъ абсолютную формулировку ея заключеній». Къ этимъ положеніямъ присоединяется и самъ Ingram. «Наиболѣе замѣчательное свойство соціальнаго цѣлаго», полагаетъ онъ, «есть внутренняя связь различныхъ жизненныхъ проявленій его, и если мы желаемъ трактовать эти послѣднія, какъ независимыя одни отъ другихъ, то мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что впадемъ въ теоретическія и практическія заблужденія». «Лишь въ одной отрасли изслѣдованія можно стать мастеромъ; но все-таки эти отрасли суть лишь части одного научнаго цѣлаго, и можетъ представлять гораздо большую важность выясненіе того, какъ относятся эти отдѣльныя части между собою и къ цѣлому». Подобно этому высказался J. Ingram и въ заключеніи своей Исторіи политической экономіи[2]. «Экономика», утверждаетъ онъ, «должна всегда разсматриваться, какъ лишь одинъ отдѣлъ болѣе обширной науки соціологіи, въ живой связи съ другими отдѣлами послѣдней и съ нравственнымъ синтезомъ, завершающимъ всю интеллектуальную систему». Равнымъ образомъ, онъ считаетъ невозможнымъ никакой частичный синтезъ въ практической экономической области въ силу того, что «экономическая реорганизація общества необходимо предполагаетъ всеобщее обновленіе, интеллектуальное и нравственное не въ меньшей степени, нежели матеріальное».

Ingram, такимъ образомъ, опирается на вообще не получившее признанія воззрѣніе болѣе полнаго единства соціальной науки. Вслѣдствіе этого онъ неправильно сливаетъ въ одну научную проблему изслѣдованіе какъ внутренней сущ-

[1]) Die nothwendige Reform der Volkswirthschaffslahre. Uebers. und eingeleitet von H. Scheel. S. 7 ff.

[2]) History of Political Economy. Conclusion. P. 242, 246.

ности, такъ и болѣе внѣшнихъ соотношеній отдѣльной культурной отрасли, каковою является и экономика.

Съ этимъ привнесеніемъ этической идеи въ область экономики въ корнѣ расходится эгоистическое и вмѣстѣ съ тѣмъ аэтическое направленіе, приписываемое экономической дѣятельности абстрактной школой. Но и въ остальной экономической литературѣ вообще преобладаетъ скорѣе то воззрѣніе, что экономика и этика представляютъ самостоятельныя области, хотя и находящіяся въ постоянномъ взаимодѣйствіи.

Въ французской литературѣ это категорически выразилъ M. H. Baudrillart[1]: «Мы оспариваемъ изолированіе политической экономіи, а не ея самостоятельность. Мы полагаемъ, что она, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общество, можетъ лишь выиграть отъ тѣснаго сближенія со смежными науками, какъ мораль, право, политика, исторія — безъ того, чтобы это сближеніе послужило для этихъ или для нея поводомъ къ поглощенію».

Изъ англійскихъ экономистовъ объ этомъ замѣчаетъ Henry Fawcett: «Политическая экономія, оставаясь въ своихъ собственныхъ границахъ, не должна давать намъ кодексъ соціальной этики, который позволилъ бы рѣшать, что хорошо или дурно, и что справедливо или несправедливо»[2].

Въ германской литературѣ Heinrich Dietzel[3] признаетъ собственно хозяйственное дѣйствіе этически безцвѣтнымъ или безразличнымъ и получающимъ связь съ извѣстнымъ этическимъ побужденіемъ лишь въ конкретныхъ случаяхъ.

Въ русской экономической литературѣ С. Булгаковъ[4] сурово осуждаетъ «эклектическую, философски безпринципную смѣсь этики и экономическаго матеріализма, которую мы имѣемъ, напр., въ историко-этическомъ направленіи въ политической экономіи». Равнымъ образомъ, В. Я. Желѣзновъ[5] упрекаетъ историческую школу въ томъ, что «усиленно выдвигая этическіе моменты, она придала всему ученію о мотивахъ совершенно фальшивую, сентиментальную окраску, далеко отступая въ

---

[1]) Des rapports de l'économie politique et de la morale. 2 éd. P. 5.
[2]) Manual of Political Economy. 7 ed. B. I ch. I P. 5.
[3]) Theoretische Sozialökonomik. S. 83.
[4]) Н. с. Стр. 3, примѣч.
[5]) Очерки политической экономіи. 7 изд. 1912. Лекція 2. Стр. 93.

своихъ построеніяхъ отъ односторонняго, узкаго, но трезваго реализма англійскихъ экономистовъ».

У обоихъ этихъ русскихъ экономистовъ указанная точка зрѣнія опирается на склонность къ абстрактно-дедуктивному направленію[1].

32. Вопросъ о введеніи этики въ область экономики или же подчиненіи ея этикѣ нашелъ себѣ и болѣе принципіальную формулировку въ проблемѣ сужденій оцѣнки. Естественно, и эта проблема вызвала борьбу двухъ противоположныхъ мнѣній. Дѣло идетъ при этомъ о признаніи или же отрицаніи умѣстности и необходимости тѣхъ особенныхъ сужденій въ области экономики, которыя имѣютъ характеръ соціальной оцѣнки изслѣдуемыхъ экономическихъ явленій. Сюда же привходитъ и вопросъ объ идеалахъ и о представленіяхъ должнаго въ области соціальной жизни. Само собою разумѣется, что здѣсь не исключена возможность разногласій и о томъ, идетъ ли дѣло о метафизической или же о реалистической оцѣнкѣ, о чисто-этической, либо обще-культурной, либо наконецъ иной не спеціально-экономической оцѣнкѣ, и представляютъ ли такія оцѣнки основное содержаніе экономическаго изслѣдованія или же привходятъ, какъ неизбѣжные[2] посторонніе акцессуары его, основанные на неизгладимой всесторонности всякаго культурнаго проявленія. Также и вопросъ относительно идеаловъ и представленій должнаго можетъ обсуживаться весьма различно—даже безъ того, чтобы переходить при этомъ на безплодную почву чисто статическаго разсмотрѣнія.

Въ пользу положительнаго разсмотрѣнія этой проблемы выступили G. Schmoller, H. Herkner, A. Hesse, Otto Neurath.

Schmoller[3] разсматриваетъ совмѣстно вопросы о телеологическихъ представленіяхъ и сужденіяхъ этической оцѣнки. Въ германской группѣ наукъ о духѣ первой и второй половины

---

[1]) См. выше, стр. 188 и сл., а также: В. Я. Желѣзновъ, Н. с. Стр. 83 и сл.

[2]) Ср.: Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. 1911. Здѣсь отмѣчаются многократныя неудачи въ отношеніи къ требованію, согласно устава «германскаго общества соціологіи», о полномъ устраненіи, изъ научныхъ докладовъ и преній по нимъ, сужденій оцѣнки.

[3]) Art.: Volkswirtschaft u. s. w. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII. Abs. 19. S. 490 ff.

минувшаго столѣтія онъ усматриваетъ при этомъ то существенное различіе, что въ первую половину столѣтія наука находилась подъ вліяніемъ идеалистической метафизики, а во вторую—усвоила представленіе телеологической связи и отнесеніе всего переживаемаго къ цѣнностямъ нравственнымъ, культурнымъ и инымъ. Но отмѣчаются также и отрицательныя мнѣнія объ этомъ, нерѣдко высказываемыя въ настоящее время. Въ дальнѣйшемъ, выясняя соотношеніе между цѣлью и причиной, Schmoller, ссылаясь также на M. Weber'a и O. Spann'a, отвергаетъ воззрѣніе Stammler'a, къ которому примкнули и нѣкоторые изъ молодыхъ экономистовъ, о томъ, что представленіе цѣлей человѣческой дѣятельности несовмѣстимо съ изслѣдованіемъ причинности и закономѣрности. Далѣе устанавливается, «что сужденія нравственной оцѣнки представляютъ лишь одинъ изъ видовъ сужденій оцѣнки и что сужденія оцѣнки возникли изъ чувствованій оцѣнки (Wertgefühle)», относительно же всѣхъ возможныхъ видовъ оцѣнки,— что «всѣ онѣ находятся въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи, всѣ въ совокупности могутъ быть нами признаны, какъ культурныя цѣнности, всѣ онѣ въ концѣ концовъ имѣютъ своимъ центромъ нравственную оцѣнку, которая показываетъ, къ чему должно стремиться относительно совокупности жизненныхъ цѣлей и приведенія ихъ въ гармонію, и имѣетъ своимъ предметомъ нужныя для этого чувствованія, нравы, нормы и установленія. Хозяйственная оцѣнка», продолжаетъ цитируемый авторъ, «приводитъ желательное для хозяйственныхъ цѣлей въ правильный оцѣночный и сравнительный порядокъ; всѣ хозяйственныя средства и цѣли суть однако въ то же время слуги и исполнители высшихъ человѣческихъ, индивидуальныхъ и общественныхъ цѣлей; и такимъ образомъ, всѣ иныя области жизни съ ихъ сужденіями оцѣнки отражаются вмѣстѣ съ тѣмъ въ хозяйственномъ сужденіи цѣнности и цѣны». Въ конечномъ выводѣ Schmoller признаетъ національную экономію этической наукой, но рекомендуетъ тактъ, объективность и сдержанность въ проведеніи идеаловъ и должнаго.

Такимъ образомъ, въ изложенномъ воззрѣніи дѣлается попытка соединить причинное объясненіе и закономѣрность съ

телеологіей и этической и иными оцѣнками—сочетаніе, болѣе понятное съ эклектической, нежели съ строго научной точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Schmoller исходитъ изъ ненаучнаго представленія о неравенствѣ и неодинаковомъ достоинствѣ разныхъ областей жизни и ставитъ въ этомъ отношеніи собственно хозяйственныя оцѣнки въ служебное и подчиненное положеніе. Расходясь при этомъ, въ соотвѣтствіи съ духомъ своего научнаго направленія, съ самой сущностью научной абстракціи, Schmoller отказывается отъ выдѣленія въ особую отрасль научнаго изслѣдованія собственно хозяйственныхъ оцѣнокъ и не предполагаетъ чисто экономическихъ идеаловъ и должнаго. Въ общемъ, это обоснованіе этическаго характера экономики заключаетъ въ себѣ существенные недостатки, не допускающіе принятія его хотя бы съ тѣми или иными поправками.

Heinrich Herkner выступилъ съ апологіей этическихъ оцѣнокъ въ національной экономіи въ спеціально посвященномъ этому изслѣдованіи[1]. Вмѣстѣ съ критическимъ опроверженіемъ противоположныхъ воззрѣній здѣсь дается цѣлый рядъ доводовъ и положеній въ указанномъ направленіи, при чемъ скрытой основой всѣхъ разсужденій автора служитъ недостатокъ у него научной абстракціи, эмпирически цѣлостное представленіе соціальной жизни. Это прежде всего относится къ идеаламъ послѣдней. Народное благосостояніе (Volkswohlstand) Herkner разсматриваетъ, какъ идеалъ философской этики, не отрицавшійся до сихъ поръ ни однимъ представителемъ экономической науки. Вся область соціально-экономической политики обосновывается, равнымъ образомъ, на этихъ идеалахъ и нравственной оцѣнкѣ, къ чему присоединяется указаніе на невозможность разъединенія въ представителяхъ науки научной и политической или иной практической дѣятельности. Оспаривая также возраженія, сводящіяся къ указанію субъективизма и произвольности этическихъ и иныхъ оцѣнокъ, слѣдствіемъ чего было бы и ограниченное признаніе науки, основанной на такихъ оцѣнкахъ, Herkner утверждаетъ, что нравственное сознаніе культурныхъ народовъ не заключаетъ

[1]) Der Kampf um das sittliche Werturteil in der Nationalökonomie. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw. J. 36. H. 2. 1912. S. 515—555.

въ себѣ основныхъ различій и можетъ поэтому послужить основой для этихъ сужденій оцѣнки. По замѣчанію автора, «разумѣется, не представляется задачею экономиста давать научное обоснованіе этики, но онъ можетъ при примѣненіи этическихъ мѣрокъ также точно ссылаться на результаты научной этики Паульсена или Вундта, какъ врачъ ссылается на изслѣдованія признаннаго химика или физіолога». Кромѣ того, Herkner полагаетъ, «что въ сомнительномъ случаѣ всегда дѣлается предположеніе о спорности нормы, и экономистъ либо вовсе отказывается примѣнять её, либо, по крайней мѣрѣ, явственно отмѣчаетъ субъективность своего сужденія». При этомъ Herkner упускаетъ изъ вида, что не существуетъ «научной этики», а лишь этическая наука и этическая сторона въ жизни и во взаимоотношеніяхъ людей, и что ссылка на представителей науки этики и различеніе безспорныхъ и, напротивъ, сомнительныхъ положеній этики уже предполагаетъ научную дѣятельность, принадлежащую къ области этики, а не экономики. Въ дальнѣйшемъ изложеніи цитируемый авторъ высказываетъ, что даже простое констатированіе фактовъ необходимо предполагаетъ извѣстный выборъ этихъ фактовъ, при чемъ представляется во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе явное принятіе оцѣнокъ передъ таковымъ въ скрытой формѣ, такъ какъ эти явныя оцѣнки доступны для читателя или слушателя и могутъ ими быть исправляемы или устраняемы. Herkner усиленно доказываетъ неизбѣжность сужденій оцѣнки въ научныхъ изслѣдованіяхъ, которая можетъ быть лишь замаскирована, но не устранена, принятіемъ соотвѣтствующаго стиля изложенія.

Но это можно принять лишь съ тѣмъ ограниченіемъ, что такія сужденія оцѣнки должны признаваться привходящими извнѣ, принимаемыми, какъ и самые факты, не подлежащими новой провѣркѣ и въ области экономики приводимыми къ собственно экономическимъ оцѣнкамъ. Этическія оцѣнки должно признать обычной внѣ-экономической принадлежностью объектовъ научной и практической хозяйственной дѣятельности. Съ этой, чуждой цитируемому автору, точки зрѣнія не вызываютъ возраженій противъ себя и утвержденія

его, что сужденія оцѣнки пользуются широкой распространенностью въ экономической литературѣ и что принципіальное и полное устраненіе ихъ могло бы лишь повредить экономической наукѣ.

Albert Hesse въ защиту сужденій этической оцѣнки въ области экономики далъ свою гносеологическую теорію[1]. Въ современной наукѣ онъ различаетъ два противоположныхъ основныхъ направленія: чисто-эмпирической науки, основывающейся на законѣ причинности и на законѣ субстанціи, и болѣе новаго, телеологическаго направленія, основывающагося на сужденіяхъ оцѣнки. При этомъ предполагаются три вида сужденій оцѣнки: сужденія логической, технической и этической оцѣнокъ. Познавательная дѣятельность, имѣющая задачею постиженіе причинныхъ отношеній между явленіями, хотя и распространяется на всю совокупность научнаго изученія, представляется однако недостаточной и односторонней въ области тѣхъ интересовъ людей, къ которымъ приложимы сужденія оцѣнки. Объектомъ народнохозяйственнаго изслѣдованія Hesse признаетъ факты, посредствомъ нормъ правовыхъ и конвенціональныхъ внѣшне урегулированнаго, общенія, имѣющаго въ виду снабженіе благами. Сужденія оцѣнки прежде всего служатъ къ отграниченію интересующей насъ въ хозяйственномъ отношеніи области явленій и къ установленію соотвѣтствующихъ проблемъ и представляются такимъ образомъ средствомъ познавательной дѣятельности. Техническія оцѣнки служатъ къ выбору наиболѣе пригоднаго изъ различныхъ средствъ съ точки зрѣнія данной конкретной цѣли. Нравственныя оцѣнки имѣютъ общимъ своимъ назначеніемъ согласованіе конкретныхъ цѣлей съ принятой конечной цѣлью. Такое руководствованіе со стороны нравственныхъ оцѣнокъ представляется здѣсь, какъ необходимое и въ научной и въ практической дѣятельности въ области хозяйства, при томъ какъ въ совокупности народнаго хозяйства, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ актѣ, относящемся къ нему. Hesse не признаетъ ни необходимой ни возможной полную объективность науки. «Об-

[1]) Die Werturteile in der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. III F. B. 43 H. 1—2. 1912. S. 179—201.

ласть научнаго труда практически безгранична. Существо науки заключается не въ принужденіи къ признанію ея истинности, но въ своеобразіи постиженія и разсмотрѣнія единичнаго, въ порядкѣ деталей, въ объединеніи разнообразнаго. Наука не сводится лишь къ опытной наукѣ. Не вещи суть объекты науки, а проблемы. Единство, въ которое формируется содержаніе сознанія, не небходимо представляетъ конечное единство знанія. Значеніе, на которое притязуютъ результаты научнаго изслѣдованія, не есть необходимо общезначимость опыта. Единый порядокъ можетъ быть и въ такомъ сопоставленіи цѣлей, которому не свойственна эта общезначимость. Исключить эти проблемы изъ научнаго трактованія означало бы изъять ихъ изъ принципіальнаго разсмотрѣнія и предоставить дилетантизму». Авторъ признаетъ, однако, значительную и отчасти преувеличиваемую имъ объективность сужденій оцѣнки. «Въ отношеніи къ объективности ихъ значенія», утверждается здѣсь, «совершенно наравнѣ съ сужденіями опыта стоятъ сужденія технической оцѣнки; они основаны на знаніи законовъ природы. Также и сужденія логической оцѣнки, которыя постигаютъ внутреннюю связь цѣлей, общезначимы; они опираются на законы мышленія. Напротивъ, сужденія этической оцѣнки не имѣютъ принуждающаго характера, такъ какъ законы воленія содержатъ лишь императивы. Измѣряемые масштабомъ объективности опыта, сужденія нравственной оцѣнки представляются всегда субъективными». Вслѣдъ за этимъ признается однако и значительная степень общезначимости нравственныхъ оцѣнокъ, что показывается и ссылкой на общую норму поведенія, вытекающую изъ понятія «добрыхъ нравовъ» и справедливости. Въ заключеніе цитируемый авторъ отмѣчаетъ существенную важность различенія результатовъ научнаго изслѣдованія отъ указанныхъ сужденій оцѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трехъ разновидностей этихъ сужденій.

Критическій разборъ отмѣченной теоріи будетъ кстати начать той цитатой изъ Канта, которою заканчиваетъ свою статью A. Hesse: «Представляетъ крайнюю важность изолировать знанія, которыя по своему роду и по своему происхожденію

различны отъ другихъ, и тщательно остерегаться того, чтобы они не сливались въ одно съ иными, съ которыми они обыкновенно соединены въ ихъ примѣненіи»[1]. Намъ кажется, что цитированный выше авторъ именно противъ этого и погрѣшаетъ въ своей классификаціи оцѣнокъ, различая виды ихъ не въ соотвѣтствіи съ отдѣльными отраслями культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицая собственно правовыя, психологическія, экономическія и еще иныя оцѣнки. Въ общей идеѣ оцѣнокъ и въ опредѣленіи ихъ научнаго и практическаго значенія авторъ, можетъ быть, вполнѣ правъ и даже не особенно оригиналенъ, но допущеніе собственно экономическихъ оцѣнокъ, имъ не опровергнутое и само по себѣ неоспоримое, опровергаетъ всѣ дальнѣйшіе выводы его теоріи. Что касается практической дѣятельности и, въ частности, политики, то, въ соотвѣтствіи съ приведенной сейчасъ цитатой изъ Канта, здѣсь вполнѣ возможно сліяніе различныхъ оцѣнокъ—съ точки зрѣнія экономической, правовой, этической, народнаго здравія, просвѣщенія, военной мощи и т. д. Hesse погрѣшаетъ еще однако и въ томъ отношеніи, что приписываетъ сужденіямъ технической, а также логической оцѣнокъ чисто объективный характеръ. Техника зависитъ не отъ однихъ лишь законовъ природы, но и отъ научнаго и практическаго представленія о нихъ, отъ техническихъ знаній и умѣній, отъ общей системы техническихъ идей и усовершенствованій, и всѣ эти данныя, очевидно, не имѣютъ объективнаго характера. Равнымъ образомъ, логическія оцѣнки, неотдѣлимыя отъ общей группы научныхъ оцѣнокъ, не имѣютъ чисто объективнаго характера въ томъ смыслѣ, какой дается ему у Hesse.

33. Обращаясь къ обзору противоположныхъ вышеизложеннымъ воззрѣній должно оговориться, что проводимая при этомъ точка зрѣнія строго объективнаго изслѣдованія того, что есть, при чемъ изъ означеннаго изслѣдованія принципіально исключаются сужденія оцѣнки, должна быть отвергнута, какъ несоотвѣтствующая характеру соціальной жизни. То, что есть, можетъ быть исключительно и всецѣло объектомъ изученія

[1]) Kant. Kritik der reinen Vernunft.

въ области естествознанія, въ частности—относительно естественной жизни животныхъ. Культура же необходимо предполагаетъ прогрессъ, который, будучи существенной принадлежностью ея, не можетъ оставляться безъ вниманія ни, тѣмъ болѣе, отрицаться въ наукахъ о культурѣ. Послѣднія должны поэтому отмѣчать также прогрессивныя и противоположныя имъ регрессивныя явленія культурной жизни, при чемъ необходимыми средствами констатированія ихъ должны служить сужденія оцѣнки. Представляется однако необходимымъ ограниченіе лишь тѣми оцѣнками, которыя принадлежатъ къ имѣющейся въ виду въ данномъ случаѣ отрасли культуры и науки о ней. Каждая изъ соціальныхъ наукъ способна учесть и оцѣнить прогрессивныя и регрессивныя измѣненія въ культурѣ лишь въ своихъ собственныхъ границахъ, а равно можетъ и должна примѣнять при этомъ лишь присущія ей сужденія оцѣнки. Какъ намъ кажется, всѣ доводы и соображенія по разсматриваемому вопросу могутъ найти себѣ примиреніе именно въ такомъ рѣшеніи его.

Два противоположныхъ научныхъ направленія—крайнее дедуктивное и крайнее индуктивное по преимуществу допускаютъ отмѣченный здѣсь абсолютный аэтизмъ. Яркимъ представителемъ перваго въ области теоретической экономики и съ этой точки зрѣнія можно признать D. Ricardo[1].

Къ рѣшительнымъ противникамъ сужденій оцѣнки въ экономической наукѣ принадлежитъ съ другой стороны Lujo Brentano[2]. Онъ исходитъ здѣсь изъ указанія на чрезвычайный разбродъ мнѣній въ области экономической и финансовой науки, при чемъ ставитъ это въ связь съ методологическими трудностями, а также и чрезвычайнымъ и все возрастающимъ обиліемъ научнаго матеріала, къ которому ежедневно присоединяются все новые факты, требующіе научнаго изслѣдованія ихъ раньше, нежели это будетъ выполнено относи-

[1]) Ср.: Hans Gehrig. Der sozialpolitische Gehalt u. s. w. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. III F. B. 43 H. 1—2. 1912. S. 216 f.

[2]) Ueber Werturteile in der Volkswirtschaftslehre. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXIII H. 3. 1911. S 695—714. Ранѣе напечатано было въ апрѣльскомъ выпускѣ 2-го тома журнала: Cosmopolis (1896). Какъ поясняетъ авторъ, относящіяся сюда его воззрѣнія сложились у него давно и принадлежатъ къ содержанію его лекцій.

тельно множества уже издавна существующихъ явленій. Къ этому присоединяется еще произвольное расширеніе задачъ экономической науки. «Во всѣхъ другихъ областяхъ знанія», замѣчаетъ авторъ, «ученые ограничиваются изложеніемъ того, что есть». «Они видятъ свою задачу исключительно въ установленіи фактическаго, а также причинной связи, соединяющей факты. Ни у кого однако не возникаетъ желанія учить, каковы должны быть вещи. Но именно поэтому ихъ дисциплина и представляетъ дѣйствительно науку. Если бы они учили большему, то ихъ дисциплина была бы уже не наукой, но ремесломъ или искусствомъ. Ибо вся наука занимается лишь знаніемъ, а не дѣятельностью». Напротивъ, въ современной экономической наукѣ, «вмѣсто того, чтобы ограничиваться изложеніемъ того, что есть, и причинной связи, соединяющей факты, многіе учатъ тому, что должно быть. Вмѣсто науки, познающей дѣйствительную хозяйственную жизнь народовъ, они даютъ ученіе о народномъ хозяйствѣ, не какъ оно существуетъ, но какъ они хотѣли бы его осуществить. На сколько разнообразны интересы, предубѣжденія, идеалы, на столько же разнообразно слагаются, понятнымъ образомъ, народнохозяйственныя научныя системы, и этому же соотвѣтствуетъ отказъ различныхъ экономистовъ отъ того, чтобы одинъ переубѣждалъ другого». Авторъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что обусловленное этимъ расхожденіе мнѣній въ области экономической науки за послѣднія два десятилѣтія скорѣе усиливалось, нежели убывало. Эта опасность однако еще усиливается убѣжденіемъ нѣкоторыхъ экономистовъ, что они не должны оставаться чуждыми вопросамъ политики даннаго момента. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи вѣянія и направленія кореннымъ образомъ измѣнялись на протяженіи какой-либо четверти вѣка. Практическое примѣненіе пріобрѣтенныхъ научныхъ положеній Brentano признаетъ дѣломъ не теоретика, а практическаго государственнаго человѣка. Самая практическая примѣнимость экономической теоріи, какъ и естественно-научной, ставится при этомъ въ зависимость отъ того, чтобы при этомъ не занимались изысканіями того, что само по себѣ желательно. При этихъ услові-

яхъ экономическая наука выполняетъ слѣдующія задачи относительно государственнаго дѣятеля: «Она показываетъ ему, во первыхъ, какъ и почему современныя экономическія условія сложились такъ, какъ они есть. Это есть первое требованіе для того, чтобы уразумѣть настоящее и соотвѣтственно этому быть въ состояніи успѣшно дѣйствовать». «Во вторыхъ, она учитъ его тому, что есть. Она показываетъ ему вещи, какъ они есть въ дѣйствительности. Она показываетъ ихъ въ ихъ обусловленности территоріей, населеніемъ, техникой, обычаемъ, правомъ, государственнымъ строемъ и управленіемъ, международноправовыми отношеніями и отношеніями сбыта. Она показываетъ ему при этомъ, какія слѣдствія получаются изъ этихъ основныхъ условій, именно изъ существующаго правопорядка, если послѣдній долженъ быть сохраненъ и если при томъ опредѣленныя цѣли, прямо признанныя желательными, должны быть достигнуты. Но она учитъ его, въ третьихъ, еще большему: она даетъ ему указанія относительно будущаго». Ибо научно образованный человѣкъ имѣетъ возможность «дѣлать обоснованныя предположенія о будущемъ, т. е. научать будущему, не какъ оно должно быть въ соотвѣтствіи съ какими-либо желаніями или идеалами, но какъ оно вытекаетъ изъ направленія развитія и изъ условій, при которыхъ послѣднее происходитъ». «Научное изслѣдованіе», повторяетъ авторъ въ своемъ заключеніи, «знаетъ лишь одну цѣль: познаніе дѣйствительности. Этой одной цѣли оно должно подчинять рѣшительно все съ неуклонной строгостью: собственное я изслѣдователя со всѣми его эгоистическими чувствованіями и стремленіями, съ его мнѣніями, излюбленными идеями, его интересами. Ничто не должно быть для него священнѣе истины. Во все должно оно проникать, ни предъ какой провѣркой или расчлененіемъ оно не должно останавливаться». Въ такомъ случаѣ авторъ предполагаетъ возможность преодолѣнія чрезвычайныхъ затрудненій въ наукѣ и достиженія согласія между экономистами.

Эта надежда автора, къ сожалѣнію, представляется неосуществимой, такъ какъ въ этомъ отношеніи разсужденія его построены на circulus vitiosus. Но также и другія погрѣш-

ности можно усмотрѣть въ изложенной выше статьѣ-лекціи. Авторъ ея не предполагаетъ различій по существу между какими-либо отдѣльными группами наукъ и въ основу соціальныхъ наукъ кладетъ лишь факты, причинно связанные между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разъединяя науку и практическую дѣятельность, онъ тѣмъ не менѣе предполагаетъ возможность достаточной гармоніи и взаимодѣйствія между ними. Послѣдовательное развитіе жизни, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія науки предполагается при этомъ какъ бы стихійно проистекающимъ. Наконецъ, въ противорѣчіе съ собственными положеніями, Brentano всецѣло базируется на должномъ и желательномъ въ своей экономической гносеологіи, и требуетъ отъ ученаго и отъ государственнаго человѣка знать, что происходитъ, если должны быть осуществлены цѣли, прямо признаваемыя желательными. Этотъ тяжеловатый оборотъ рѣчи лишь въ слабой степени маскируетъ неизбѣжность въ соціальныхъ наукахъ вопросовъ о должномъ и желательномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и телеологическаго объясненія культурныхъ явленій и соотвѣтствующихъ данной наукѣ оцѣнокъ ихъ.

Къ противникамъ сужденій оцѣнки въ нашей наукѣ принадлежитъ далѣе Werner Sombart, который высказывался по этому вопросу и ранѣе[1], но особенно рѣшительно—на съѣздѣ «Союза соціальной политики» въ Вѣнѣ (1909 г.). По опредѣленію его, дѣло идетъ о томъ, имѣютъ ли экономисты своею задачею установленіе того, что есть, или—наряду съ этимъ либо даже исключительно—того, что должно быть; другими словами, «въ національно-экономическомъ разсмотрѣніи, по сколько оно имѣетъ научный характеръ и направлено къ этому, должны ли быть устранены или же включены сужденія оцѣнки, имѣющія различное обоснованіе, большею частью этическое». При разрѣшеніи этого вопроса Sombart считаетъ необходимымъ различать между этическими оцѣнками хозяйствующаго субъекта и экономиста, занимающагося научнымъ изслѣдованіемъ. Признавая важную роль этики въ жизни, онъ отрицаетъ какую бы то ни было роль этики въ экономической наукѣ. Такое аэтическое направленіе обосновывается при

[1]) См. Herkner. O. c. S. 3 ff.

этомъ невозможностью достигнуть иначе единства мнѣній экономистовъ, несмотря на все усиливающуюся дифференціацію въ личностяхъ и оцѣнкахъ. Неизбѣжность такихъ разногласій показывается уже на положеніи, заимствуемомъ изъ доклада E. Philippovich'a, что «задача хозяйства заключается въ поддержаніи жизни и въ жизнеспособности людей», а равно и предполагается въ отношеніи къ вопросу о производительности виноградниковъ, служащихъ для винодѣлія. Такимъ образомъ, Sombart приходитъ къ заключенію: «Каждое сужденіе оцѣнки базируется въ концѣ концовъ на личномъ міросозерцаніи человѣка. Личное міросозерцаніе имѣетъ всегда метафизическую основу, оно переходитъ въ сферы, лежащія внѣ эмпирическаго міра, и въ эти глубины міросозерцанія не проникаетъ научное знаніе». Относительно какихъ-либо сужденій оцѣнки Sombart считаетъ научный споръ въ такой же мѣрѣ невозможнымъ, какъ и о томъ, красивѣе ли блондинки или же брюнетки[1]. Въ этомъ же направленіи высказался Sombart и на первомъ германскомъ соціологическомъ съѣздѣ. «Въ концѣ концовъ», говорилъ онъ, «вопросъ о культурной цѣнности, какъ и обо всѣхъ цѣнностяхъ, есть чисто личный, не имѣющій ничего общаго съ научнымъ знаніемъ»[2].

Съ этимъ мнѣніемъ однако невозможно согласиться, такъ какъ въ немъ скрывается игнорированіе самаго существа соціальныхъ наукъ и экономики въ частности, все содержаніе которыхъ основано на относительной оцѣнкѣ всѣхъ изучаемыхъ явленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе, что оцѣнки имѣютъ всецѣло индивидуально-субъективный характеръ, представляется совершенно непріемлемымъ, какъ это мы пытались показать выше[3]. Самое стремленіе искоренить разногласія въ наукѣ и даже поводы къ нимъ представляется и неумѣстнымъ и неосуществимымъ. Но разумѣется, каждая наука прямо имѣетъ дѣло лишь съ свойственными ей оцѣнками, примыкающими къ всякимъ инымъ и къ общей культурной оцѣнкамъ[4].

[1]) Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik in Wien. 1909. Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 132. 1910. S. 565—572.

[2]) Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages v. 19—22 Okt. 1910 in Frankfurt a. M. 1911. S. 82 f.

[3]) См. выше, § 17.

[4]) Къ правильному рѣшенію этой важнѣйшей гносеологической проблемы

Въ качествѣ единомышленника Зомбарту на упомянутыхъ съѣздахъ выступалъ также Max Weber. Такъ, на второмъ съѣздѣ, въ преніяхъ по поводу доклада Г. Канторовича о наукѣ права и соціологіи, M. Weber высказалъ: «Вполнѣ правильно будетъ изслѣдовать здѣсь, какое дѣйствіе имѣли, напр., правовыя нормы на крестьянъ въ той или иной стадіи. Но желательно ли было это дѣйствіе, отрадно ли это съ той или иной историко-философской точки зрѣнія, объ этомъ мы не можемъ здѣсь судить, такъ какъ это суть вещи, связанныя съ чисто субъективнымъ практическимъ личнымъ отношеніемъ отдѣльнаго изслѣдователя и не поддающіяся разрѣшенію съ помощью нашего общаго труда здѣсь. Мы трактуемъ, само собою разумѣется, также и сужденія оцѣнки, которыя намъ встрѣчаются, на сколько эти проявленія жизни имѣютъ значеніе для нашихъ констатированій, какъ объектъ нашего разсмотрѣнія, и мы стараемся ихъ познать путемъ выясненія. И это познаніе, конечно, невозможно, если только мы сами неспособны къ внутреннему оцѣнивающему отношенію къ вопросу, котораго касается то сужденіе оцѣнки. Мы сами не хотимъ однако брать на себя оцѣнку, но констатировать и объяснять факты и—это есть единственная форма оцѣнокъ, имѣющихъ у насъ мѣсто—изслѣдовать логическіе вопросы научной дѣятельности»[1].

довольно близко подошелъ H. Rickert, авторитетное мнѣніе котораго по этому вопросу не можетъ игнорироваться. Въ своемъ трудѣ о Философіи исторіи (Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts. B. II. 1905. S. 51—133; см. также: Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 2 Aufl. 1910) Rickert отправляется отъ противопоставленія общаго и частнаго, какъ важнѣйшаго различія въ логическомъ отношеніи. Онъ приходитъ далѣе къ тому общему выводу, что науки обобщающія абстрагируютъ отъ всѣхъ иныхъ интересовъ и оцѣнокъ, кромѣ развѣ чисто научныхъ, но что наука индивидуализирующая необходимо имѣетъ дѣло также съ иными интересами и оцѣнками, помимо собственно научныхъ. Разумѣется, не со всѣми относящимися сюда воззрѣніями Риккерта можно согласиться. Такъ, представляются ошибочными отнесеніе къ собственно индивидуализирующимъ наукамъ одной только исторіи, а не соціальныхъ наукъ вообще, принятіе въ основу методологической классификаціи наукъ, отнесеніе къ исторіи обще-культурныхъ оцѣнокъ и, въ частности, уступки и оговорки въ пользу требованія безусловной объективности научнаго изслѣдованія. Намъ кажется, что соціальное въ его высшемъ выраженіи есть достаточно надежная основа научности и въ дѣйствительности является основою послѣдней, и что лишь на этой общей основѣ можетъ съ успѣхомъ проявиться научная объективность, при чемъ послѣдняя не исключаетъ собою и оцѣнокъ, если только онѣ не имѣютъ субъективно-произвольнаго характера.

[1]) Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. S. 324; см. также:

Но и это мнѣніе заключаетъ въ себѣ существенныя погрѣшности. Авторъ требуетъ, чтобы научный изслѣдователь былъ вообще способенъ къ оцѣнкамъ, чтобы онъ изучалъ ихъ, на сколько онѣ имѣютъ значеніе для изслѣдованія, но изучалъ бы ихъ лишь какъ всякій внѣшній фактъ познанія. Изучая дѣйствіе правовой нормы, изслѣдователь долженъ однако воздержаться отъ общаго заключенія, такъ какъ оно уже было бы сужденіемъ оцѣнки. При этомъ M. Weber не выясняетъ, признаетъ ли онъ невозможнымъ такое же согласованіе оцѣнокъ, остающихся въ рамкахъ данной отрасли культуры, какое, напр., обнаруживается въ явленіяхъ рыночныхъ оцѣнокъ всего, что принадлежитъ къ объектамъ экономическаго оборота или ихъ элементамъ. Очевидно, окончательное рѣшеніе вопроса находится въ зависимости отъ того, разумѣть ли подъ оцѣнкой опредѣленный пріемъ сужденія или же строить наши разсужденія по аналогіи съ той, научно несостоятельной, субъективной теоріей цѣнности, которою отнюдь не исчерпываются явленія оцѣнки ни въ жизни ни въ наукѣ. Наконецъ, само собою разумѣется, что въ области научнаго изслѣдованія не приходится заниматься чисто практической дѣятельностью, но все же приходится подвергать ее критическому изслѣдованію и хотя бы принципіальной провѣркѣ, приходится основывать всю систему науки на практическихъ оцѣнкахъ. Въ виду этого обойтись однѣми лишь логическими оцѣнками и объективнымъ изслѣдованіемъ встрѣчаемыхъ иныхъ оцѣнокъ не представляется возможнымъ.

Иной характеръ имѣютъ, на нашъ взглядъ, воззрѣнія, проводимыя M. Weber'омъ въ его спеціальной статьѣ объ объективности соціально-научнаго и соціально-логическаго познанія[1]. Weber предполагаетъ здѣсь особую группу соціальныхъ наукъ, или наукъ о культурѣ, по отношенію къ которымъ онъ признаетъ непригоднымъ абстрактно-дедуктивное изслѣдованіе. По опредѣленію его, «соціальная наука, кото-

S. 95, 97, а равно: Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik in Wien. 1909. S. 581 ff.

[1]) Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und socialpolitischer Erkenntniss. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1904. B. XIX. H. 1. S. 24—87. A. Hesse. O. c., S. 180 Anm. 1. относитъ и этотъ трудъ къ направленію чисто объективнаго изслѣдованія.

рой мы желаемъ заниматься, есть реальная наука. Мы хотимъ уразумѣть окружающую насъ реальность жизни, въ которую мы вдвинуты, въ ея своеобразіи, связь и культурное значеніе ея отдѣльныхъ явленій въ ея современномъ видѣ съ одной стороны, основанія ея историческаго, такого, а не иного, становленія съ другой»[1]. «Исходный пунктъ соціально-научнаго интереса есть, безъ сомнѣнія, дѣйствительное и, стало быть, индивидуальное образованіе окружающей насъ соціальной культурной жизни въ ея универсальной, но оттого, естественно, не менѣе индивидуально сложившейся связи и въ ея становленіи изъ иныхъ, само собою разумѣется, въ свою очередь индивидуально сложившихся соціальныхъ культурныхъ состояній»[2]. «Цѣль соціально-экономическаго познаванія въ нашемъ смыслѣ: познаніе дѣйствительности въ ея культурномъ значеніи и въ ея причинной связи»[3]. «Мы отмѣтили, какъ культурныя науки, такія дисциплины, которыя стремятся познать жизненныя явленія въ ихъ культурномъ значеніи. Значеніе формы культурнаго явленія и основаніе этого значенія не могутъ однако быть выведены, обоснованы и уяснены ни изъ какой, хотя бы и самой совершенной системы понятій законовъ, ибо они предполагаютъ отнесеніе культурныхъ явленій къ идеямъ цѣнности[4]. Понятіе культуры есть понятіе цѣнности. Эмпирическая дѣйствительность есть для насъ культура потому и по стольку, что мы ставимъ её въ отношеніе къ идеямъ цѣнности; она охватываетъ тѣ и только лишь тѣ составныя части дѣйствительности, которыя становятся для насъ значительными въ силу того отношенія»[5]. «Но что имѣетъ для насъ значеніе, то», по справедливому утвержденію M. Weber'a, «естественно, не можетъ быть открыто никакимъ безусловнымъ изслѣдованіемъ эмпирически даннаго, констатированіе же послѣдняго служитъ предположеніемъ того, что нѣчто становится объектомъ изслѣдованія. Значительное, какъ таковое, не совпа-

[1]) S. 46.
[2]) S. 47 f.
[3]) S. 49.
[4]) Въ подлинникѣ здѣсь, какъ и еще кое-гдѣ въ разсматриваемой статьѣ, сказуемыя при двухъ подлежащихъ выражены въ единственномъ числѣ.
[5]) S. 50.

даетъ, естественно, ни съ какимъ закономъ, какъ таковымъ, и тѣмъ дальше отъ этого, чѣмъ общезначимѣе этотъ законъ. Ибо специфическое значеніе для насъ составной части дѣйствительности заключается, конечно, не въ тѣхъ изъ ея отношеній, которыя она раздѣляетъ съ возможно многочисленными другими частями. Отнесеніе дѣйствительности къ идеямъ цѣнности, которыя сообщаютъ ей значеніе, отборъ и расположеніе отмѣченныхъ этимъ составныхъ частей дѣйствительнаго, съ точки зрѣнія ихъ культурнаго значенія, есть совершенно иного и противоположнаго рода точка зрѣнія по сравненію съ анализомъ дѣйствительности относительно законовъ и систематизаціи ея въ общихъ понятіяхъ. Оба рода мыслительныхъ системъ дѣйствительнаго не находятся въ необходимомъ логическомъ соотношеніи между собою»[1]. «Не только цѣль нашего труда не достигается хотя бы точнымъ представленіемъ тѣхъ понятій и законовъ (которые служатъ къ изслѣдованію родовыхъ элементовъ массовыхъ экономическихъ явленій), но и вопросъ, что должно быть принято объектомъ образуемыхъ родовыхъ понятій, отнюдь не представляется безусловнымъ, а рѣшается по соображенію съ значеніемъ, которое извѣстныя составныя части того безконечнаго разнообразія, называемаго оборотомъ, получаютъ для культуры. Мы стремимся къ познанію явленія историческаго, т. е. имѣющаго значеніе въ его своеобразіи. И рѣшающее при этомъ: лишь чрезъ предположеніе, что только конечная часть безконечнаго множества явленій имѣетъ значеніе, мысль о познаваніи индивидуальныхъ явленій вообще дѣлается логически состоятельной». «Число и характеръ причинъ, опредѣляющихъ какое-либо индивидуальное событіе, всегда безконечны, и не существуетъ никакого, заключающагося въ самихъ вещахъ, признака къ выдѣленію нѣкоторой части ихъ, какъ единственно принимаемыхъ въ соображеніе. Попытка строго безусловнаго познанія дѣйствительности привела бы единственно лишь къ хаосу фактическихъ сужденій о безчисленныхъ отдѣльныхъ наблюденіяхъ». «Въ этотъ хаосъ вносится порядокъ лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ка-

[1]) S. 50 f.

ждомъ случаѣ лишь часть индивидуальной дѣйствительности имѣетъ для насъ интересъ и значеніе, такъ какъ только она стоитъ въ отношеніи къ культурнымъ идеямъ цѣнности, съ которыми мы подходимъ къ дѣйствительности. Лишь опредѣленныя стороны всегда безконечно разнообразныхъ отдѣльныхъ явленій: тѣ, которымъ мы присваиваемъ общее культурное значеніе — имѣютъ поэтому научную цѣнность, суть единственно предметъ причиннаго выясненія». «Причинный вопросъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ индивидуальности явленія, не есть вопросъ о законѣ, но о конкретныхъ причинныхъ соотношеніяхъ, не есть вопросъ о томъ, подъ какую формулу подвести явленіе, какъ экземпляръ, но какой индивидуальной комбинаціи приписать его, какъ результатъ; это вопросъ вмѣненія». «Познаніе законовъ причинности здѣсь можетъ быть не цѣлью, но лишь средствомъ изслѣдованія»[1]. Въ соотвѣтствіи съ воспроизведенными воззрѣніями разрѣшается авторомъ и поставленная въ заголовкѣ цитируемаго труда основная проблема. «Не существуетъ», высказывается объ этомъ, «просто объективнаго научнаго анализа культурной жизни, или — что, можетъ быть, болѣе узко, но для нашей цѣли не означаетъ, конечно, ничего иного — соціальныхъ явленій независимо отъ спеціальныхъ и одностороннихъ точекъ зрѣнія, согласно съ которыми — явственно или подразумѣваемо, сознательно или безсознательно — въ качествѣ объекта изслѣдованія избираются, анализируются или представляются въ расчлененіи»[2]. M. Weber приходитъ, такимъ образомъ, въ результатѣ къ тому заключенію, «что не имѣетъ смысла объективное трактованіе культурныхъ явленій въ томъ направленіи, что въ качествѣ идеальной цѣли научной дѣятельности должно было бы служить сведеніе эмпирическаго къ законамъ. Это не такъ, не потому, какъ часто утверждалось, что культурныя или же духовныя явленія имѣютъ объективно менѣе закономѣрное протеканіе, но потому, что 1) познаніе соціальныхъ законовъ не есть познаніе соціальной дѣйствительности, но лишь одно изъ разнообразныхъ вспомогательныхъ средствъ, въ ко-

[1]) S. 52 f. См. также: S. 46, 60.
[2]) S. 45.

торыхъ нуждается для этой цѣли наше мышленіе, и что 2) никакое познаніе культурныхъ явленій не мыслимо иначе, какъ на основаніи значенія, которое имѣетъ для насъ всегда индивидуально характеризуемая дѣйствительность жизни въ опредѣленныхъ отдѣльныхъ отношеніяхъ»[1]. Важнымъ средствомъ познанія въ соціальной наукѣ M. Weber признаетъ идеально-типическія понятія—однако не въ смыслѣ того, что должно быть, а въ чисто логическомъ смыслѣ, съ отнесеніемъ впрочемъ и здѣсь къ культурнымъ цѣнностямъ. Идеальный типъ «не есть представленіе дѣйствительнаго, но онъ стремится доставить представленію одинаковыя средства выраженія. Это есть, стало быть, идея исторически данной современной организаціи общества, раскрывающаяся передъ нами на тѣхъ же логическихъ началахъ, на какихъ, напр., построили идею «городского хозяйства» среднихъ вѣковъ, какъ генетическое понятіе»[2]. Идеальные типы «стремятся быть, или безсознательно являются, по общему правилу идеальными типами не только въ логическомъ, но и въ практическомъ смыслѣ», содержащими въ себѣ то, что представляется намъ существеннымъ въ извѣстномъ историческомъ явленіи. «Въ этомъ значеніи идеи суть однако уже не чисто логическія вспомогательныя средства, уже не понятія, которыми соизмѣряется дѣйствительность, но идеалы, изъ которыхъ она обсуживается со стороны цѣнности. Дѣло идетъ здѣсь уже не о чисто теоретическомъ случаѣ отнесенія эмпирическаго къ цѣнностямъ, но объ оцѣнкахъ, принадлежащихъ [напр.] къ понятію христіанства»[3]. Какъ по внѣшности противорѣчиво выясняетъ авторъ вслѣдъ за этимъ, идеальный типъ самъ по себѣ не есть сужденіе оцѣнки и предполагаетъ лишь логическое совершенство понятія[4]. «Простое родовое понятіе въ смыслѣ комплекса признаковъ, общихъ многимъ явленіямъ, есть, напр., понятіе обмѣна, пока я оставляю въ сторонѣ значеніе составныхъ частей понятія, стало быть, просто анализирую обыденное словоупотребленіе». Всѣ такъ называе-

[1]) S. 54 f.
[2]) S. 64 ff.
[3]) S. 72 f.
[4]) S. 73 f.

мыя понятія національной экономіи M. Weber признаетъ въ ихъ генетической формѣ идеальными типами[1]. «Также и развитія», замѣчаетъ авторъ, «могутъ быть конструируемы именно какъ идеальные типы, и эти конструкціи могутъ имѣть весьма высокую эвристическую цѣнность. Но при этомъ возникаетъ въ очень сильной мѣрѣ опасность смѣшенія идеальнаго типа съ дѣйствительностью»[2]. При этомъ «историческимъ дисциплинамъ, всѣмъ тѣмъ, которымъ вѣчно прогрессирующее движеніе культуры приноситъ все новыя проблемы», приписывается «преходимость всѣхъ, но также и неизбѣжность все новыхъ идеально-типическихъ конструкцій»[3]. M. Weber относится отрицательно къ тому направленію нашей науки, которое, представляя собой комбинацію этическаго эволюціонизма и историческаго релятивизма, «пыталось отнять у этическихъ нормъ ихъ формальный характеръ, опредѣлить содержаніе сферы нравственнаго отнесеніемъ сюда совокупности культурныхъ цѣнностей и такимъ образомъ возвысить національную экономію до достоинства этической науки на эмпирической основѣ. Снабжая совокупность всѣхъ возможныхъ культурныхъ идеаловъ печатью нравственнаго, теряли специфическое достоинство этическихъ императивовъ, не выигрывая ничего въ объективности значенія тѣхъ идеаловъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергаетъ и то неясное воззрѣніе, что «національная экономія создаетъ и должна создавать сужденія оцѣнки изъ специфически хозяйственнаго міровоззрѣнія». Дѣятельность научной критики не должна останавливаться предъ идеалами и сужденіями оцѣнки. Самое назначеніе науки опредѣляется при этомъ тѣмъ, что разсмотрѣніе конечныхъ элементовъ человѣческой дѣятельности связывается съ категоріями цѣли и средства. «Научному разсмотрѣнію безусловно доступенъ скорѣе всего вопросъ о пригодности средствъ къ данной цѣли. Такъ какъ мы (въ границахъ нашего знанія) въ состояніи дѣйствительно установить, какія средства способны или неспособны привести къ предположенной цѣли, то мы можемъ этимъ путемъ взвѣсить вообще

[1]) S. 75.
[2]) S. 76.
[3]) S. 79 f.

шансы достиженія съ опредѣленными имѣющимися въ распоряженіи средствами опредѣленной цѣли и чрезъ то косвенно критически разобрать само цѣлеполаганіе». Привести это взвѣшиваніе къ рѣшенію уже не является возможною задачею науки, но человѣка, проявляющаго волю: онъ взвѣшиваетъ и выбираетъ, по своей совѣсти и своему личному міровоззрѣнію, между цѣнностями, о которыхъ идетъ дѣло». «Мы можемъ далѣе дать ему для этого рѣшенія знаніе значенія желаемаго. Мы можемъ научить его соотношенію и значенію цѣлей, которыя онъ желаетъ и между которыми онъ выбираетъ, прежде всего чрезъ указаніе и логически связанное развитіе идей, которыя лежатъ или могутъ лежать въ основаніи. Ибо само собою разумѣется, одна изъ существеннѣйшихъ задачъ каждой науки о культурной жизни людей—раскрыть для умственнаго постиженія идеи, за которыя частью въ дѣйствительности, частью мнимо борются и будутъ бороться. Это не выходитъ изъ рамокъ науки, которая стремится къ мысленному порядку въ эмпирической дѣйствительности, пока средства, служащія къ этому уясненію духовныхъ цѣнностей, суть индукціи въ обыкновенномъ смыслѣ слова». Что касается научной критики сужденій оцѣнки, то таковой приписывается формально-логическій характеръ, въ смыслѣ внутренней непротиворѣчивости желаемаго[1]. Въ дальнѣйшемъ изложеніи цѣль сводится вообще къ причинѣ съ помощью искусственнаго истолкованія обоихъ понятій: «Цѣль есть для нашего разсмотрѣнія представленіе результата, становящагося причиною дѣйствія; мы принимаемъ во вниманіе и эту причину, какъ и всякую, способствующую или могущую способствовать имѣющему свое значеніе результату. И специфическое значеніе причины основывается лишь на томъ, что мы не только констатируемъ человѣческое дѣйствіе, но можемъ и желаемъ его понимать»[2]. Въ заключительной части своей работы M. Weber устанавливаетъ различеніе абсолютныхъ идей цѣнности и конкретныхъ точекъ зрѣнія. «Объективность соціально-научнаго значенія», гово-

[1]) S. 24 ff.
[2]) S. 58.

рится здѣсь, «зависитъ скорѣе отъ того, что хотя эмпирически данное всегда тяготѣетъ къ тѣмъ идеямъ цѣнности, которыя лишь однѣ сообщаютъ этому знанію цѣнность, и познается въ своемъ значеніи изъ нихъ, но однако никогда не обращается въ пьедесталъ для эмпирически невозможнаго представленія ихъ дѣйствія. И намъ всѣмъ присущая, въ какомъ-либо видѣ, вѣра въ сверхэмпирическое дѣйствіе послѣднихъ и высшихъ идей цѣнности, на которыхъ мы основываемъ смыслъ нашего существованія, не исключаетъ, но предполагаетъ безпрерывную измѣнчивость конкретныхъ точекъ зрѣнія, при которыхъ эмпирическая дѣйствительность получаетъ значеніе: жизнь, въ ея ирраціональной дѣйствительности, и ея содержаніе возможныхъ значеній неисчерпаемы; конкретная форма отнесенія цѣнности остается поэтому текущею, подверженной измѣненію въ неясномъ будущемъ человѣческой культуры. Свѣтъ, исходящій отъ тѣхъ высшихъ идей цѣнности, падаетъ на постоянно мѣняющуюся конечную часть громаднаго хаотическаго потока фактовъ, проходящаго во времени»[1,2].

---

[1]) S. 86.

[2]) Въ этой же своей работѣ M. Weber проводитъ также нѣкоторыя другія воззрѣнія, представляющія интересъ съ точки зрѣнія общей нашей темы: 1) допущеніе робинзонадъ въ экономической теоріи (S. 70); 2) признаніе универсальности экономическаго во всей культурной жизни (S. 38 f.); 3) признаніе хозяйственныхъ и иныхъ установленій (S. 37), и 4) опроверженіе абстрактно-дедуктивнаго и психологическаго направленія экономики (S. 62 ff.). Какъ отмѣчается здѣсь между прочимъ, при разработкѣ абстрактно-дедуктивной экономики, имѣвшей своею конечною цѣлью точные научные законы, «не принималось во вниманіе, что для достиженія этого результата хотя бы въ простомъ случаѣ совокупность исторической дѣйствительности должна была предполагаться данною и извѣстною и что если бы конечному духу это знаніе было доступно, нельзя было бы представить себѣ какой-либо познавательной цѣнности абстрактной теоріи». «Именно, имѣющіяся по сіе время, частью блестящія психологическія объясненія экономическихъ явленій показываютъ во всякомъ случаѣ, что при этомъ идутъ не отъ анализа психологическихъ свойствъ человѣка къ анализу общественныхъ установленій, но именно наоборотъ, выясненіе психологическихъ условій и дѣйствія установленій предполагаетъ точное знаніе этихъ послѣднихъ и научный анализъ ихъ соотношеній». При установленіи абстрактной теоріи дѣло идетъ лишь повидимому о дедукціяхъ изъ основныхъ психологическихъ мотивовъ, на дѣлѣ же—скорѣе о спеціальномъ случаѣ одной формы образованія понятій, которая свойственна наукамъ о человѣческой культурѣ и въ извѣстной мѣрѣ необходима имъ». «По своему содержанію эта конструкція [абстрактной экономической теоріи] имѣетъ сама по себѣ характеръ утопіи, получаемой съ помощью мысленнаго выдвиганія опредѣленныхъ элементовъ дѣйстви-

Изъ вышеприведенныхъ многочисленныхъ выдержекъ вытекаетъ, что Max Weber не всегда былъ тѣмъ рѣшительнымъ отрицателемъ оцѣнокъ, какимъ онъ выказалъ себя, выступая противъ нихъ совмѣстно съ Sombart'омъ на вышеупомянутыхъ съѣздахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ воззрѣнія, выразившіяся въ приведенныхъ выдержкахъ, представляютъ значительный интересъ, какъ матеріалъ для положительнаго разрѣшенія гносеологическихъ проблемъ въ области экономики, хотя они и не свободны отъ извѣстныхъ недостатковъ. Такъ, имъ, можетъ быть, недостаточно опредѣленъ характеръ тѣхъ оцѣнокъ, которыя имѣютъ примѣненіе въ области экономики. Сюда должны быть относимы, прежде всего, высшія и болѣе общія экономическія цѣнности и сужденія оцѣнки, имѣющія формально-логическое значеніе, затѣмъ—болѣе реальныя цѣнности и оцѣнки, находящіяся въ извѣстномъ отношеніи къ первымъ съ одной стороны и къ рыночнымъ оцѣнкамъ съ другой. Идеальные типы было бы правильнѣе и проще замѣнить индивидуально-групповыми характеристиками, въ соотвѣтствіи съ принципомъ индивидуально-группового изученія, присвояемымъ неокантіанцами соціальнымъ наукамъ[1]. Существенную погрѣшность представляетъ смѣшеніе причинной и цѣлевой обусловленности, что опровергается какъ разнородностью ихъ, такъ и признаваемымъ и у M. Weber'а разъединеніемъ двухъ основныхъ группъ наукъ—естественныхъ и соціальныхъ. Въ частности, должно отмѣтить и отсутствіе принципіальнаго и категорическаго отрицанія соціальной закономѣрности, какъ таковой[2].

Противъ допущенія этическихъ оцѣнокъ въ экономикѣ—и

тельности». На ряду съ этимъ M. Weber оспариваетъ также относящіяся сюда воззрѣнія представителей, не исключая выдающихся, исторической школы, которые «прямо или скрыто настаиваютъ на мнѣніи, что конечною цѣлью каждой науки представляется приведеніе ея матеріала въ систему понятій, содержаніе которыхъ надлежитъ пріобрѣтать посредствомъ наблюденія эмпирическихъ правильностей и постепенно совершенствовать, пока не возникнетъ отсюда законченная и потому дедуктивная наука. Для этой цѣли историко-индуктивная работа настоящаго времени является-де предварительной работой, обусловливаемой несовершенствомъ нашей дисциплины» (S. 81). Здѣсь мѣтко раскрывается несовершенство методологическаго пониманія у исторической школы.

[1]) H. Rickert. Geschichtsphilosophie. (Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts. B. II. 1905). S. 74 ff. См. также: Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. Вып. I. Введеніе. 1909. (Литограф. изд.). Стр. 39 и сл., 47.

[2]) Ср.: Die Objektivität usw, S. 53 f.

въ этихъ предѣлахъ правильно—высказываются Ad. Weber[1] и L. Pohle[2].

34. Экономика, какъ и каждая соціальная наука, имѣетъ дѣло съ соотвѣтствующей стороной общественнаго существованія и дѣятельности людей. Какъ уже показано выше, предположеніе вполнѣ изолированныхъ культурныхъ явленій, изолированнаго человѣческаго существованія не выдерживаетъ научной критики. Но возникаетъ еще вопросъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ общимъ требованіямъ научности, формулированнымъ выше[3]: какова именно, по ея объему и порядку (въ научной подчиненности), та общественная среда, въ которой развиваются соціальныя явленія, подлежащія изученію. Правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ единственно въ томъ смыслѣ, что непосредственно участвующіе въ соціальномъ актѣ элементы выступаютъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ и, вообще не представляя собою замкнутаго и сплоченнаго соціальнаго круга, относятся къ весьма различному и въ этомъ смыслѣ измѣняющемуся объему соціальной среды. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться, въ экономической сферѣ, на такія явленія, какъ опредѣляемыя понятіями спроса-предложенія, рынка, системы цѣнъ и т. д. Но что касается общихъ границъ, въ которыхъ происходятъ соціальныя и, въ частности, хозяйственныя явленія, то онѣ должны быть всеобъемлющими, исчерпывающими всѣ явленія этого рода и при томъ во всѣхъ стадіяхъ протеканія этихъ явленій. Соціальная наука въ своей тенденціи восходитъ всегда къ всеобщему понятію человѣчества на всемъ пространствѣ и во всѣ времена, не игнорируя, разумѣется, также и существенныхъ различій между отдѣльными эпохами или націями. Соціальная наука не только отрицаетъ предположеніе изолированнаго индивида, но и изолированной отъ остального человѣчества націи или эпохи, какъ и всякой иной соціальной группы или единицы.

---

[1]) Die Aufgaben der Volkswirtschaftslehre als Wissenschaft. 1909.
[2]) Die gegenwärtige Krisis in der Volkswirtschaftslehre. 1911.
[3]) См. § 18.

Такимъ образомъ, экономика—и съ этой точки зрѣнія это наименованіе науки заслуживаетъ предпочтенія—есть наука о хозяйственной сторонѣ въ культурной жизни человѣческихъ обществъ, общественныхъ группъ и единицъ разнаго рода и разнаго «порядка»—отъ случайно отдѣльно выступающаго хозяйствующаго субъекта и вплоть до хозяйственнаго общенія всѣхъ культурныхъ странъ и населеній міра во всѣ времена, какъ это проявляется, напр., въ совокупной системѣ раздѣленія и соединенія дѣятельности.

Хозяйственные интересы, дѣйствія и отношенія пріурочиваются вообще, какъ къ общей организаціи ихъ, къ общему понятію хозяйства[1]. Подъ этимъ послѣднимъ и должно разумѣть болѣе или менѣе планомѣрно организованную совокупность указанныхъ хозяйственныхъ элементовъ, пріуроченную къ хозяйственному субъекту, представленному отдѣльнымъ индивидомъ или той или иной группой ихъ, и къ хозяйственному объекту, который образуютъ имущественныя средства, относящіяся къ данному хозяйству. Это общее пониманіе хозяйства распространяется на болѣе частныя понятія отдѣльнаго, народнаго и мірового хозяйства. Отдѣльное, народное и мировое хозяйства имѣютъ между собою также и то общее, что каждое изъ нихъ предполагаетъ остальныя и въ свою очередь предполагается ими. Разумѣется, между ними невозможно предполагать полное тождество содержанія съ различіемъ лишь въ объемѣ. По существу различіе между ними сводится, такъ сказать, къ раздѣленію и соединенію экономическихъ функцій ихъ, но это и дѣлаетъ ихъ обоюдно связанными между собою.

Въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ и содержаніемъ соціальной жизни изъ указанныхъ хозяйственныхъ элементовъ наиболѣе общее и важное значеніе имѣютъ, разумѣется, хозяй-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ понятіе хозяйства представится болѣе спеціальнымъ по сравненію съ болѣе обширнымъ понятіемъ общества. Въ данномъ случаѣ представляютъ интересъ соотвѣтствующія опредѣленія общества у слѣдующихъ авторовъ: Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. S. 83 f.; G. Simmel. Soziale Differenzierung. 1890. S. 14; St. Grabski. Zur Erkenntnislehre der volksw. Erscheinungen. S. 30. См. также опредѣленіе хозяйства и отдѣльнаго хозяйства: G. Schmoller. Art. Volkswirtschaft usw. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII. S. 427.

ственныя отношенія, такъ какъ хозяйственные интересы не имѣютъ при этомъ самостоятельнаго значенія, хозяйственныя же дѣйствія вообще по стольку принимаются во вниманіе, по скольку они вызываютъ или измѣняютъ хозяйственныя отношенія. Разсматривая хозяйственныя организаціи въ указанныхъ общихъ формахъ, какъ, по преимуществу, совокупности хозяйственныхъ отношеній, должно признать, что и отдѣльное и народное и міровое хозяйство заключаютъ въ своемъ содержаніи хозяйственныя отношенія, въ которыхъ участвуютъ на обѣихъ сторонахъ иногда одно и то же отдѣльное хозяйство, но вообще отдѣльныя хозяйства, принадлежащія къ тому же или къ разнымъ народнымъ хозяйствамъ. Первый случай касается внутреннихъ отношеній въ данномъ хозяйствѣ или же и такихъ, въ которыхъ участвуетъ еще иное хозяйство; сюда принадлежитъ, напр., предусматриваемый Уставомъ о векселяхъ случай трассированія или ремиттированія (по иногороднимъ переводнымъ векселямъ) на самаго векселедателя. Въ виду этого объединенія въ отдѣльномъ хозяйствѣ, равно какъ и въ народномъ и міровомъ хозяйствѣ, разнаго рода хозяйственныхъ отношеній, представляется невозможнымъ ни выдѣлить ихъ въ особыя категоріи ни подвергнуть ихъ обособленному научному изслѣдованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того что частное хозяйство заключаетъ или можетъ заключать въ своемъ составѣ также и внѣшнія хозяйственныя отношенія, не можетъ быть и послѣдовательно-подчиненнаго соотношенія между частнымъ, народнымъ и міровымъ хозяйствомъ. Противъ изложеннаго какъ бы говоритъ выдѣленіе въ особую отрасль международнаго права. Въ дѣйствительности, однако, международное право не можетъ служить аргументомъ по аналогіи, такъ какъ непосредственными субъектами международнаго права признаются всегда государства, а не отдѣльные индивиды или иныя соціальныя группы. Такое обособленіе субъектовъ международныхъ правоотношеній обусловливаетъ особый характеръ послѣднихъ и выдѣленіе ихъ въ особую отрасль права. Напротивъ, въ области хозяйственной жизни субъектами различныхъ хозяйственныхъ отношеній могутъ быть отдѣльныя хозяйства, вслѣдствіе чего не можетъ вполнѣ обособиться какая-либо

группа отношеній той или иной соціальной емкости ни, стало быть, научное разсмотрѣніе ея. Отдѣльныя хозяйства и народныя хозяйства имѣютъ, разумѣется, свои конкретныя особенности и подлежатъ въ этомъ отношеніи существеннымъ измѣненіямъ съ теченіемъ времени. Но такъ какъ не существуетъ и не можетъ существовать ни чисто индивидуальное ни собственно типическое, естественнонаучное изученіе отдѣльнаго хозяйства или конкретнаго народнаго хозяйства, то уже поэтому не можетъ быть и особыхъ наукъ объ отдѣльномъ хозяйствѣ, народномъ хозяйствѣ и міровомъ хозяйствѣ. Но и помимо этого, всестороннее познаніе хозяйственной жизни возможно лишь исходя изъ той идеи, что всѣ отдѣльныя хозяйства и объединяющія ихъ, въ ихъ элементахъ, народныя хозяйства и міровое хозяйство не могутъ разсматриваться, какъ самостоятельно и обособленно существующія, но, напротивъ, представляютъ одну общую систему, которая и является нераздѣльнымъ предметомъ экономической науки, въ особенности въ ея теоретической части. Каждое изъ этихъ хозяйствъ базируется на общихъ соціальныхъ системахъ хозяйственныхъ понятій и установленій. По мѣрѣ своего цѣлокупнаго развитія міровое хозяйство примыкаетъ къ тѣмъ же общимъ системамъ понятій-установленій, хотя и оказываетъ на нихъ замѣтное воздѣйствіе. И если соціальная среда, въ которой протекаютъ хозяйственныя явленія, именуется народнымъ хозяйствомъ, а не частно-народно-міровымъ хозяйствомъ, то это обусловливается естественнымъ стремленіемъ къ простотѣ и опредѣленности наименованій и преобладаніемъ государства-націи въ совокупной экономической организаціи. Сверхъ того, частное, народное и міровое хозяйства не исчерпываютъ всѣхъ формъ общихъ хозяйственныхъ организацій[1]: сюда же должно отнести хозяйственныя системы отдѣльныхъ районовъ и территорій, а также отдѣльныхъ колоній съ одной стороны и тѣснѣйшія экономическія общенія

---

[1]) См. объ этомъ: H. Dietzel. Theoret. Sozialökonomik. Einl. Kap. II. § 4. S. 55; K. Diehl. Jahrbücher für Nazionalökon. und Stat. B. 46. H. 4. 1913. S. 469; Ad. Wagner. Grundlegung usw. § 152. S. 361; Weyermann-Schönitz. Wissensch. Privatwirtschaftslehre. 1912. S. 13. Иначе, и при томъ произвольно, разрѣшалъ эту проблему J. Kautz. Theorie und Geschichte der National-Oekonomik. Th. I. 1858. § 93 S. 282.

отдѣльныхъ государствъ съ другой. Отдѣльныя части одной страны обнаруживаютъ болѣе тѣсное мѣстное хозяйственное общеніе и иногда значительную степень своеобразія и обособленности отъ другихъ частей той же страны; то же иногда имѣетъ мѣсто и въ отношеніи элементовъ населенія, не связанныхъ между собою въ одну территоріальную единицу. Міровое общеніе показываетъ подобныя же групповыя образованія, въ которыхъ участвуютъ иногда даже не народныя хозяйства въ цѣломъ, но ихъ части.

Изложенныя соображенія, какъ намъ кажется, не позволяютъ принять мнѣніе, по которому отдѣльное или частное хозяйство, народное и міровое представляютъ самостоятельныя экономическія системы, предполагающія возможность и предпочтительность обособленнаго научнаго изслѣдованія ихъ.

35. Вопросъ о соотношеніи между указанными организаціями экономической дѣятельности представляетъ собою важную проблему экономической гносеологіи, различно разрѣшавшуюся отдѣльными экономическими направленіями. Признавая значеніе частнохозяйственной, народнохозяйственной и міровой организаціи и связи хозяйственныхъ явленій, меркантилисты погрѣшали въ томъ отношеніи, что чрезмѣрно разъединяли ихъ и своими практическими мѣропріятіями нарушали естественное соотвѣтствіе между ними, выходя изъ рамокъ допустимыхъ и благотворныхъ отклоненій отъ того фактическаго соотношенія между указанными тремя организаціями, которое безъ государственнаго воздѣйствія также не могло бы быть вполнѣ правильнымъ. Слѣдуя въ данномъ вопросѣ физіократамъ, но при гораздо болѣе научной разработкѣ его, классическіе экономисты выдвинули тотъ фактъ, что частное хозяйство принимаетъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ непосредственное участіе въ отношеніяхъ мірового хозяйства. Но они погрѣшали въ томъ, что преуменьшали значеніе національной связи и организаціи хозяйственныхъ явленій. Германскіе камералисты, оставаясь на почвѣ научно разрабатываемой экономики и финансоваго преуспѣянія, отклонялись отъ прямого содержанія хозяйственной дѣятельности, несоразмѣрно

много занимаясь прикладной стороной въ дѣятельности отдѣльныхъ хозяйствъ.

Послѣ того какъ современная экономика пришла, благодаря совмѣстнымъ усиліямъ дѣятелей науки и практическихъ, къ болѣе правильнымъ воззрѣніямъ по этому вопросу, въ новѣйшей германской литературѣ нашли себѣ мѣсто новаторскія выступленія въ духѣ обособленнаго изученія явленій частнохозяйственнаго, народнохозяйственнаго и международнохозяйственнаго порядка. Эти попытки вытекли изъ прикладныхъ отраслей знанія, введенныхъ въ программы многочисленныхъ коммерческихъ академій, и нашли себѣ рѣшительный отпоръ со стороны представителей болѣе строгой науки въ германскихъ университетахъ. Такія прикладныя дисциплины возникали и получали развитіе по соображеніямъ практическихъ задачъ обученія—безъ того, чтобы при этомъ были строго установлены мѣсто въ общей системѣ наукъ и характеръ такихъ прикладныхъ дисциплинъ. Новѣйшее развитіе прикладныхъ отраслей знанія въ связи съ экономикой представляетъ собой довольно близкую аналогію исконной нѣмецкой камеральной наукѣ, представлявшей смѣшеніе экономическихъ, финансовыхъ и техническихъ знаній и правилъ. Онѣ представляютъ, по существу, спеціальныя отрасли обширной группы техническихъ знаній, которыя, принадлежа къ соціальнымъ наукамъ, имѣютъ, по своему содержанію, нѣкоторое сродство съ экономической наукой и отчасти пока еще не нашли себѣ точнаго отграниченія отъ нея.

Техника охватываетъ вообще обширную группу научныхъ и собственно практическихъ знаній, которыя всего легче проявляютъ стремленіе къ дифференцированію въ какъ бы самостоятельныя, но по существу частичныя дисциплины, техническій характеръ которыхъ нерѣдко упускается изъ вида. Какъ установлено было уже выше[1], по идеѣ техника, подобно всякой отрасли культуры, распространяется на всѣ проявленія культурной жизни, представляя въ нихъ особую сторону, которая и охватывается совокупнымъ понятіемъ техники. Но разумѣется, послѣдняя не исчерпывается соотвѣтствующими

[1]) См. §§ 2, 4, 6.

познаніями и умѣніями. Къ ней принадлежатъ также извѣстныя идеи, склонности, привычки и сноровки, а также навыки воли. И эти внутренніе техническіе элементы имѣютъ преобладающее значеніе въ особенности въ области домашняго обихода жизни, представляя техническую сторону послѣдняго, проявляющуюся наряду съ хозяйственной и прочими сторонами въ принадлежащихъ сюда явленіяхъ. Игнорированіе отмѣченнаго характера и содержанія техники, сопутствующей хозяйству, но отъ него обособляемой, смѣшеніе техники и экономики или неправильное разграниченіе ихъ должны необходимо отразиться на системѣ экономическихъ наукъ и вызвать въ ней попытки классификаціи знаній и научныхъ проблемъ по произвольно избраннымъ, большею частью объективнымъ моментамъ.

Но уже и въ древности, исходя изъ чисто прикладного направленія экономики, указывалось различіе между экономіями или хозяйствами государевымъ, намѣстничьимъ, общественнымъ и частнымъ, при чемъ первое изъ нихъ характеризовалось, какъ наиболѣе важное и простѣйшее изъ нихъ, третье—какъ наиболѣе сложное и наиболѣе легкое и четвертое—какъ наименѣе важное и наиболѣе сложное[1].

Что касается германской камеральной науки и именно ея слѣдовъ въ позднѣйшей литературѣ, то умѣренный и какъ бы невольный представитель ея, Friedrich Carl Fulda[2], высказался объ этомъ въ первоначальномъ изданіи своихъ «Основаній экономико-политическихъ или камеральныхъ наукъ»: «Если камеральныя науки могутъ быть разсматриваемы, какъ отрасли общей государственной науки, а эта имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, какъ отъ природы разумнымъ, предназначеннымъ къ распоряженію вещами существомъ, то его техническія способности, которымъ камеральныя науки посвящаютъ преимущественно свое вниманіе—вопреки чему всѣ другія отрасли государственной науки обращаютъ вниманіе преимущественно на его моральныя способности—и это, вытекающее изъ при-

[1]) Aristotelis Oekonomika. B. I. 1345 b.

[2]) Grundsäze der ökonomisch-politischen oder Kameralwissenschaften (I A.—1802). 1816. Vorrede.

роды человѣка, какъ непосредственнаго объекта всей государственной науки, конечное назначеніе лежатъ въ основѣ настоящаго очерка». Во второмъ изданіи Fulda уже болѣе рѣшительно заявляетъ, что частная экономія, трактуемая въ камеральныхъ энциклопедіяхъ наиболѣе подробно, вплоть до описанія воздѣлыванія отдѣльныхъ растеній и техники производствъ, имѣетъ лишь второстепенное значеніе для экономиста (Staatswirth), завися отъ мѣстныхъ условій, и требуетъ лишь краткихъ указаній въ общихъ чертахъ, но что главнымъ образомъ заслуживаютъ вниманія, какъ болѣе существенныя, національная и государственная экономія. Все содержаніе названнаго небольшого труда подраздѣлено на слѣдующія рубрики: частная экономія, національная экономія и государственная экономія, подраздѣляемая въ свою очередь на экономическую политику (Gewerbspolizei) и финансовую науку. По объясненію автора, «первая часть камеральныхъ наукъ лежитъ, соотвѣтственно этому, внѣ области государственныхъ наукъ, вторая образуетъ философское основаніе третьей и третья составляетъ часть позитивныхъ ученій, относящихся къ государству»[1].

Подобной же классификаціи экономическихъ наукъ держался Karl Heinrich Rau, въ своей книгѣ о камеральной наукѣ[2] различавшій частную экономію и политическую экономію, съ раздѣленіемъ этой на чистую и прикладную, а послѣдней, въ свою очередь, на народнохозяйственную политику и финансовую науку. Уже здѣсь Rau высказался за отдѣленіе народнохозяйственной науки отъ частнохозяйственной, какъ не соотвѣтствующихъ между собою по содержанію. Въ частнохозяйственной наукѣ онъ различалъ двѣ части: первая часть трактуетъ о технической сторонѣ производства и вторая — о примѣненіи благъ къ удовлетворенію потребностей. Rau устранилъ вовсе частнохозяйственную науку изъ собственнаго изложенія экономическихъ наукъ въ своемъ капитальномъ трудѣ[3],

---

[1]) § 14. S. 6.

[2]) Ueber die Kameralwissenschaft. 1825. (Karl Diehl. Privatwirtschaftslehre usw. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1913. III F. B. 46. H. 4. S. 448 f.; B. Harms. Volkswirtschaft und Weltwirtschaft. S. 16 f.).

[3]) Lehrbuch der politischen Oekonomie. 3 Bände.

заключающемъ въ себѣ основы народнохозяйственной науки, народнохозяйственной политики и финансовой науки. Rau впрочемъ и здѣсь[1] различалъ частную и политическую экономію, при чемъ опредѣлялъ первую, какъ главнымъ образомъ трактующую о производствѣ и представляющую собою «весьма обширную науку, части которой обыкновенно излагаются отдѣльно, безъ принятія во вниманіе общей связи между ними».

J. Kautz[2] различалъ между техническими свѣдѣніями по хозяйству (technische Wirthschaftskunde) и этико-соціальной экономикой. Первая изъ нихъ «какъ собственно прикладное ученіе (Kunstlehre) объ отдѣльныхъ отрасляхъ пріобрѣтательной и промышленной дѣятельности, основывающихся на особенныхъ техническихъ, физическихъ и математическихъ началахъ, раздѣляется на агрономію, ученіе о лѣсномъ дѣлѣ, горномъ дѣлѣ, индустріи, строительномъ дѣлѣ и торговлѣ и въ своей совокупности и единствѣ обозначается нѣкоторыми, какъ частная экономія». Съ другой стороны, въ соотвѣтствіи съ субъектами хозяйствованія, онъ проводитъ различеніе между ученіями объ индивидуальномъ, общественномъ (Vereins-), общинномъ, народномъ, государственномъ и міровомъ хозяйствахъ. «Въ то время какъ въ индивидуальной, общественной и общинной экономической наукѣ должна развиваться совокупность истинъ и началъ, согласно которымъ индивиды сами по себѣ или въ семьѣ, въ товарищескомъ соединеніи или какъ община удовлетворяютъ посредствомъ матеріальныхъ благъ свои разнообразнѣйшія потребности, и, далѣе, правительственная экономія или финансовая наука изслѣдуетъ максимы и правила наилучшаго устройства и веденія государственнаго устройства, національная экономика или наука о народномъ хозяйствѣ изслѣдуетъ и развиваетъ совокупность принциповъ и истинъ, относящихся къ снабженію независимаго, государственно-національнаго общенія экономическими благами, также какъ, съ другой стороны, міровая экономія занимается изслѣдованіемъ и изложеніемъ тѣхъ за-

[1]) Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. I. Abth. 8 Aufl. §§ 3, 23.
[2]) Theorie und Geschichte der National-Oekonomik. Th. I. 1858. § 92 f.

коновъ и правилъ, по которымъ совокупность всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ народовъ, мыслимая какъ объединенно-связанное общество или міровое общеніе, осуществляетъ свою хозяйственную жизнь, развивается и стремится организовать свое великое экономическое хозяйство». «До сего времени», заключаетъ Kautz, «индивидуальная экономія, какъ ученіе о хозяйствѣ индивидовъ или обществъ, какъ частныхъ лицъ, такъ же мало научно изслѣдуется и спеціально выясняется, какъ и міровая экономія, которая, однако, значительную часть своихъ ученій и принциповъ должна почерпать лишь изъ народнохозяйственной науки и поэтому едва ли требуетъ признанія ея особой, самостоятельной отраслью знанія».

Въ изложенной системѣ отраслей экономики Kautz какъ бы находится подъ вліяніемъ идеи тѣхъ т. ск. концентрическихъ круговъ, въ которыхъ размѣщается хозяйственная и иная дѣятельность людей. Но какъ концентрическія окружности не даютъ особенныхъ круговъ, такъ тѣмъ болѣе нельзя представлять себѣ самостоятельныхъ хозяйственныхъ системъ удовлетворенія потребностей въ индивидуальномъ, народномъ и міровомъ хозяйствахъ; такое предположеніе противорѣчило бы очевиднымъ фактамъ всей хозяйственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ отнесеніе къ индивидуальному хозяйству также всѣхъ болѣе ограниченныхъ общеній, нежели народное хозяйство, представляется произвольнымъ и неправильнымъ.

W. Roscher[1] признаетъ частной экономикой соотвѣтствующую часть прежней камеральной науки. Эта частная экономика «не есть ни простая ни чистая наука, но лишь по практическимъ соображеніямъ составившееся сочетаніе частью естественнонаучныхъ, частью національноэкономическихъ положеній. Такъ, напр., въ земледѣліи ученіе о родахъ почвы, объ обработкѣ, о питаніи животныхъ и растеній и пр. имѣютъ чисто естественнонаучный характеръ; напротивъ, ученіе объ издержкахъ производства, о помѣщеніи капитала и вознагражденіи за трудъ, о сбытѣ продуктовъ, о чистомъ доходѣ и цѣнѣ земельныхъ участковъ—чисто національноэкономическаго

[1]) Grundlegung usw. § 20 S. 51 f.

характера. Также и національный экономистъ нуждается въ познаніи естественнонаучной стороны; она необходима для каждой детальной и жизненной теоріи, еще болѣе—для всей народнохозяйственной практики. Большое различіе заключается однако въ томъ, что камералистъ интересуется матеріальными благами ради нихъ самихъ, экономистъ же—лишь по сколько они касаются народной жизни». Roscher высказывается вмѣстѣ съ тѣмъ противъ слишкомъ строгаго формальнаго отграниченія своей спеціальности экономистами.

Въ изложенномъ, какъ это явствуетъ изъ прикладнаго примѣненія и даваемыхъ Roscher'омъ примѣровъ, называемые имъ естественнонаучными элементы частной экономики принадлежатъ въ дѣйствительности къ области техники, и то же, въ смыслѣ особой прикладной отрасли техники, должно признать и относительно чисто практическихъ пріемовъ осуществленія хозяйственныхъ актовъ, относимыхъ Roscher'омъ къ національноэкономическимъ элементамъ частной экономики.

Ad. Wagner, слѣдуя Rau и подъ вліяніемъ присущей ему склонности къ систематикѣ и къ эклектизму, также приходитъ къ расчлененію экономики на національную и частную. Послѣдняя нашла себѣ здѣсь слѣдующее опредѣленіе и обоснованіе: «Частная и политическая экономика имѣютъ между собою то общее, что онѣ предполагаютъ состояніе раздѣленія труда и обмѣна, посредствомъ которыхъ отдѣльныя хозяйства соединяются между собою. Поэтому и частная экономика разсматриваетъ отдѣльное хозяйство не какъ вполнѣ изоли-изолированно существующее само по себѣ, но и вмѣстѣ какъ элементъ системы обмѣна. Однако, она интересуется отдѣльнымъ хозяйствомъ, какъ преслѣдующимъ собственныя хозяйственныя цѣли лишь для себя или принадлежащихъ къ нему лицъ и поэтому лишь съ точки зрѣнія этого хозяйства. Она имѣетъ дѣло съ этимъ хозяйствомъ, какъ съ элементомъ системы обмѣна, лишь на сколько дѣятельность хозяйства и успѣшность этой дѣятельности обусловливаются положеніемъ его, какъ элемента». «Она представляетъ по существу служащее практической потребности собраніе правилъ преимущественно естественно-научнаго, технологическаго рода, соеди-

ненныхъ съ положеніями изъ другихъ дисциплинъ: науки права, также и политической экономіи и т. д., въ цѣляхъ указать технически наилучшую и экономически наиболѣе успѣшную и поэтому (съ частнохозяйственной точки зрѣнія) приносящую наивысшій чистый доходъ (наиболѣе выгодную) эксплоатацію (Betrieb) хозяйства. Она расчленяется по главнымъ группамъ системы раздѣленія труда и по дальнѣйшимъ спеціальнымъ группамъ внутри ихъ со все большей спеціализаціей въ соотвѣтствіи съ успѣхами техники и раздѣленія труда». Wagner относитъ сюда различныя отрасли торгово-промышленныхъ знаній, а также и собственно ученіе о домашнемъ хозяйствѣ: «Въ общемъ неизмѣримая и именно въ новѣйшее время все развивающаяся экстенсивно и интенсивно, вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія техники, область человѣческаго знанія. Однако, въ цѣломъ и въ отдѣльности, не настоящія науки, также и не т. н. практическія науки: не только потому, что здѣсь большею частью дѣло идетъ о комбинированіи положеній различныхъ иныхъ наукъ, не потому также, что дѣло идетъ объ ученіяхъ, служащихъ практическимъ цѣлямъ, но потому, что эти ученія, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ, служатъ лишь этой цѣли, т. е. прикладнымъ знаніямъ лишь по отношенію къ преслѣдованію частныхъ хозяйственныхъ интересовъ—которые, разумѣется, могутъ быть также и народнохозяйственными,—а не прикладнымъ знаніямъ ради познаванія». Даже при спеціализаціи въ этой области Wagner признаетъ непосильнымъ для одного человѣка усвоеніе всей области частной экономики. «Соединить эту область знаній со спеціальностью экономиста, какъ это было у камералистовъ прошлаго вѣка и нашего [XVIII и XIX в.] до эпохи Rau, либо со спеціальностью юриста, административнаго дѣятеля, уже больше совершенно невозможно. Однако, не одни эти внѣшнія основанія дѣлаютъ необходимымъ отдѣленіе частной экономики отъ политической экономіи, но это принципіально обусловливается вышепоказаннымъ различіемъ задачъ и точекъ зрѣнія». «Частная экономика имѣетъ вѣдь также свое основаніе болѣе въ иныхъ ученіяхъ, нежели въ таковыхъ теоретической національной экономіи, прежде

всего въ технологическихъ. Въ современной частной экономикѣ, и почти во всѣхъ ея частяхъ, сильно и, вѣроятно, все болѣе и болѣе перевѣшиваетъ технологическій моментъ». Въ итогѣ Wagner настаиваетъ на отдѣленіи частной экономики отъ политической экономіи: «Частная экономика, если признать ее наукой, есть вспомомогательная наука для политической экономіи, она не представляетъ часть послѣдней, ея изслѣдованія и ихъ результаты не суть національноэкономическіе изслѣдованія и результаты». Онъ выражаетъ однако также сожалѣніе, что нынѣ спеціалисты-теоретики политической экономіи, тяготѣя къ духовнымъ наукамъ, къ праву, исторіи, философіи, филологіи, слишкомъ чуждаются частной экономики[1].

Обособленное представленіе частнаго, народнаго и мірового хозяйствъ связано у Wagner'а съ его опредѣленіемъ этихъ понятій. Именно, опредѣляя хозяйство вообще, какъ «совокупность направленныхъ къ постоянному полученію и примѣненію благъ для удовлетворенія потребностей, планомѣрно, въ соотвѣтствіи съ принципомъ хозяйственности происходящихъ трудовыхъ дѣятельностей въ замкнутомъ или предполагаемомъ таковымъ кругѣ человѣческихъ потребностей и ихъ удовлетворенія», Wagner еще подчеркиваетъ односторонность этого опредѣленія, не дающаго указаній на соціальный характеръ хозяйствъ, своимъ дальнѣйшимъ опредѣленіемъ народнаго и мірового хозяйствъ, какъ высшихъ и болѣе обширныхъ понятій, какъ совокупностей связанныхъ между собою взаимоотношеніями (и по отношенію къ народному хозяйству объединяемыхъ въ одно органическое цѣлое) отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ связи съ этимъ объективнымъ въ своей основѣ представленіемъ хозяйствъ Wagner и приходитъ къ заключенію, что «раздѣленіе мірового хозяйства на различныя самостоятельныя народныя хозяйства и различеніе между народнымъ и міровымъ хозяйствами являются, въ виду вполнѣ реальныхъ условій, умѣстными, даже необходимыми». Въ совокупномъ міровомъ хозяйствѣ Wagner различаетъ также болѣе тѣсныя группы народныхъ хозяйствъ[2].

---

[1]) Grundlegung. § 29. S. 83. § 99 S. 255 ff.
[2]) O. c. § 145 S. 349, § 149 S. 355, § 152 S. 361.

Коренной недостатокъ изложенныхъ воззрѣній Wagner'a лежитъ въ игнорированіи самостоятельной технической науки съ относящимися къ ней прикладными знаніями. Признавъ это, онъ не имѣлъ бы надобности въ сомнительномъ результатѣ—констатированіи необозримо обширной области практическихъ знаній, научный характеръ и мѣсто которыхъ въ общей системѣ соціальныхъ наукъ оказываются и оставляются имъ невыясненными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Wagner, какъ и Rau[1], ошибочно относитъ къ частной экономикѣ, какъ специфически свойственную ей, точку зрѣнія наивысшаго чистаго дохода, который однако представляетъ собой соціальноэкономическое явленіе, вытекающее изъ сопоставленія единичныхъ фактовъ.

K. Menger[2], различающій историческія, теоретическія и практическія науки о хозяйствѣ, относитъ первыя и вторыя къ народному хозяйству въ совокупности, послѣднія же подраздѣляетъ на народнохозяйственную политику и практическое ученіе объ отдѣльномъ хозяйствѣ, а это ученіе, въ свою очередь,—на финансовую науку и «практическое ученіе о частномъ хозяйствѣ, науку о принципахъ, по которымъ частныя лица (живущія при данныхъ соціальныхъ условіяхъ) могутъ (въ зависимости отъ обстоятельствъ) организовать свое хозяйство наиболѣе цѣлесообразно». Menger отвергаетъ мнѣніе о принципіальномъ различіи между практическимъ ученіемъ о частномъ хозяйствѣ и практическимъ ученіемъ о народномъ хозяйствѣ. Онъ утверждаетъ, что и первое изъ нихъ относится къ хозяйству соціально организованныхъ людей и что частнохозяйственная наука совершенно также, какъ другія практическія науки о хозяйствѣ, основана на теоретической національной экономіи и на иныхъ теоретическихъ наукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ болѣе отвергается мнѣніе тѣхъ, которые, какъ J. St. Mill[3], вообще не признаютъ частное хозяйство предметомъ науки, а лишь предметомъ искусства.

Ad. Wagner[4] справедливо оспариваетъ взглядъ Menger'a,

---

[1]) Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 8 Ausg. § 3.

[2]) Untersuchungen usw. Anhang. IV. S. 252 ff.

[3]) Essays on some unsettled Questions of Political Economy. 3 ed. 1877. P. 125.

[4]) Grundlegung usw. § 99 S. 258.

поддерживая принципіальное различіе между частнохозяйственной и народнохозяйственной наукой. Наиболѣе естественнымъ и правильнымъ выходомъ изъ этихъ разногласій будетъ, очевидно, примиреніе мнѣній трехъ выдающихся экономистовъ чрезъ признаніе особой практической науки объ искусствѣ и техникѣ хозяйствованія или, точнѣе, обширной группы прикладныхъ техническихъ наукъ.

G. Мауг[1] далъ свою особую классификацію наукъ общественныхъ и въ ихъ составѣ государственныхъ, въ составѣ же этихъ послѣднихъ—экономическихъ наукъ. Вся эта его систематика наукъ имѣетъ вообще внѣшній характеръ и, не основываясь на правильномъ расчлененіи и синтезѣ явленій соціальной жизни, не можетъ имѣть большого научнаго значенія[2]. Характерно также его отношеніе къ новѣйшимъ гносеологическимъ исканіямъ на методологической или болѣе широкой философской основѣ. «Я нахожу», высказываетъ Мауг, «что новѣйшее, т. н. теоретико-познавательное или, еще общѣе, философское обоснованіе не мало способствуетъ неудобопонятности самихъ по себѣ вполнѣ доступныхъ для пониманія проблемъ, также и въ области моральной статистики, въ особенности уголовной»[3]. Оставляя въ сторонѣ опредѣленіе общественныхъ наукъ у Мауг'а, только формальное и имѣющее «органическій» оттѣнокъ, должно отмѣтить формальный же характеръ и слишкомъ обширный объемъ, приданный понятію государственныхъ наукъ, которое относится не только къ наукѣ о государственной организаціи и дѣятельности, какъ таковыхъ, но и, въ разныхъ комбинаціяхъ ихъ, къ статистикѣ, соціальному ученію и соціологіи, а также къ наукѣ о хозяйственной жизни и наукѣ права[4]. Самъ собою возникаетъ при этомъ вопросъ, почему не отнести въ такомъ случаѣ сюда также, напр., теологію и ученіе о церкви и этику. Самъ Мауг указываетъ на неопредѣленность и неустановленность понятія и группы государственныхъ наукъ, которое, казалось бы, уже поэтому не можетъ быть полезно въ классификаціи наукъ,

[1]) Begriff und Gliederung der Staatswissenschaften. (I A.—1901). 3 Aufl. 1910.
[2]) Ср.: O. Spann. Wirtschaft und Gesellschaft. 1907. S. 85 f.
[3]) S. 16.
[4]) S. 18.

не представляясь вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ для нея. Въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ между общественными науками Мауг идетъ безплоднымъ путемъ спеціальнаго разсмотрѣнія для отдѣльныхъ наукъ. Что касается области экономическаго изслѣдованія[1], то здѣсь онъ различаетъ главныя и второстепенныя дисциплины, при чемъ къ первымъ относитъ науку о домоводствѣ (Haushaltslehre) и науку о народномъ хозяйствѣ, а къ послѣднимъ—экономическую исторію, экономическую статистику и экономическую географію. Къ національной экономіи или наукѣ о народномъ хозяйствѣ присоединены также міровыя экономическія отношенія. Въ наукѣ о домоводствѣ Мауг различаетъ общее ученіе о домоводствѣ, частнохозяйственную науку и финансовую науку, изъ которыхъ общее ученіе представляется еще не разработаннымъ, частнохозяйственная наука—лишь возникающей и финансовая наука—хорошо разработанной именно трудами германскихъ ученыхъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи наука о домоводствѣ должна отвлечь къ себѣ добрую часть изслѣдованій о потребленіи.

Къ сдѣланнымъ выше замѣчаніямъ необходимо присоединить здѣсь неправильность включенія частнохозяйственной науки въ группу государственныхъ наукъ, а также неправильность тѣснѣйшаго соединенія наукъ о домоводствѣ и финансовой, съ созданіемъ надъ ними еще объединяющей ихъ общей науки. Въ дѣйствительности, финансовая наука имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ вопросамъ экономической политики и къ ученіямъ о производствѣ и предпринимательствѣ и гораздо меньше соприкасается съ домоводствомъ. Что касается высшихъ общихъ наукъ, къ которымъ Мауг обнаруживаетъ нѣкоторую склонность, то едва ли возможно настаивать на признаніи за ними таковой роли[2].

За особую частнохозяйственную науку высказывается также J. Wolf[3], пытающійся придать ей характеръ научной дисциплины, стоящей во взаимодѣйствіи къ народнохозяйственной наукѣ. Недостатокъ его воззрѣнія заключается въ необосно-

---

[1]) §§ 19 ff. S. 78 ff.

[2]) См. выше, стр. 173.

[3]) Der Aufstieg der theoretischen Nationalökonomie. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1913. H. 8/9. S. 596 f.

ванности положенія о необходимости или предпочтительности и самой возможности расчлененія экономики на народнохозяйственную и частнохозяйственную, въ то время какъ представлялось бы, повидимому, вполнѣ естественнымъ, чтобы изслѣдованіе хозяйственной жизни, не различающееся вообще въ исходныхъ положеніяхъ, не раздвоялось на двѣ совершенно особыя части въ зависимости отъ разсмотрѣнія ея въ цѣломъ или въ частяхъ.

J. Wolf ссылается на то, что «безъ точнаго знанія отдѣльнаго хозяйства для теоретической національной экономіи, пожалуй, невозможно превысить ограниченный инвентарь болѣе или менѣе цѣнныхъ общихъ истинъ. Созданіе теоретической національной экономіи необходимо предполагаетъ высоко развитую частнохозяйственную науку». При этомъ «частнохозяйственная наука никоимъ образомъ не имѣетъ дѣла съ среднимъ земледѣльческимъ, промышленнымъ или торговымъ предпріятіемъ (Betrieb) опредѣленной страны; скорѣе, объектомъ частнохозяйственной науки представляется абстрактное построеніе, съ которымъ конкретныя предпріятія болѣе или менѣе сходствуютъ: чисто капиталистическое предпріятіе. Не иное что предполагаетъ и теоретическая національная экономія. Не въ предположеніи, но въ задачѣ различается она отъ частнохозяйственной науки. Если частнохозяйственная наука изслѣдуетъ отдѣльное капиталистическое предпріятіе само по себѣ, то теоретическая національная экономія изслѣдуетъ вытекающія изъ капиталистическаго порядка дѣятельности соціальныя явленія, какъ цѣна, заработная плата, процентъ, рента и т. п. Къ обѣимъ задачамъ можно, стало быть, одновременно приступить, даже должно». «Частнохозяйственная наука должна заимствовать свои проблемы изъ конкретной національной экономіи, которая имѣетъ своимъ объектомъ не абстрактныя построенія, но опредѣленныя народныя хозяйства. Конкретная же національная экономія не можетъ обойтись безъ теоретической національной экономіи, по сколько она желаетъ дѣйствительно быть наукой».

Въ новѣйшей литературѣ наблюдаются два, основанныя на прикладныхъ дисциплинахъ, стремленія—къ созданію особыхъ

наукъ частнохозяйственной и международнохозяйственной. Гносеологическую разработку и обоснованіе первой принялъ на себя въ особенности Weyermann, иниціаторомъ же и главнымъ представителемъ по отношенію къ второй является Bernhard Harms.

Къ этого же рода литературѣ относительно частнохозяйственной науки принадлежитъ также небольшой трудъ профессора коммерческой академіи L. Gomberg'a, премированный «Германскимъ союзомъ коммерческаго образованія». Gomberg[1] отправляется отъ предположенія необходимости двухъ различныхъ точекъ зрѣнія въ хозяйственной наукѣ: «точки зрѣнія отдѣльнаго хозяйства, которое стремится къ полученію извѣстнаго излишка отъ своей дѣятельности, и точки зрѣнія народнаго или соціальнаго хозяйства, которое имѣетъ цѣлью охрану общаго интереса и должно искать руководящія нормы для урегулированія хозяйственной дѣятельности индивидовъ, чтобы выгода одного не была ущербомъ для другого, чтобы индивидуальная дѣятельность согласовалась съ народнымъ и соціальнымъ порядкомъ, чтобы народное благосостояніе и богатство возрастали». Эти народнохозяйственныя задачи находятъ себѣ выраженіе въ экономической политикѣ государства. Съ другой стороны, народное хозяйство имѣетъ своимъ объектомъ «результаты дѣятельности отдѣльныхъ хозяйствъ, съ ея вліяніемъ на общее хозяйственное развитіе». Отсюда авторъ приходитъ къ обоснованію различенія двухъ хозяйственныхъ наукъ: «Народнохозяйственная наука должна заниматься результатами дѣятельности отдѣльныхъ хозяйствъ, чтобы раскрыть отсюда принципы дѣятельности государства, какъ руководителя экономической политики. Сюда принадлежитъ однако точное знаніе результатовъ дѣятельности отдѣльныхъ хозяйствъ въ государствѣ, чтобы было возможно вывести достовѣрныя заключенія изъ позитивныхъ, дѣйствительно наступившихъ хозяйственныхъ явленій. Но наблюденіе и изученіе этого дѣйствительно происходящаго въ хозяйственной дѣятельности есть задача науки объ отдѣльномъ хозяйствѣ». Ближайшимъ образомъ опредѣляется соотношеніе объ-

[1]) Handelsbetriebslehre und Einzelwirtschaftslehre. 1903.

ихъ этихъ наукъ изъ нижеслѣдующаго: «Установленные народнохозяйственной наукой, съ помощью дедукціи, принципы могутъ быть контролируемы лишь изслѣдованіями науки объ отдѣльномъ хозяйствѣ, которая наблюдаетъ экономическія явленія, оцѣниваетъ, комбинируетъ ихъ результаты по ихъ однородности и устанавливаетъ типическое въ этихъ явленіяхъ. Раціональное развитіе народнохозяйственной науки вмѣстѣ съ тѣмъ обусловлено отдѣльнохозяйственной наукой, возвышенной до научнаго значенія, и пока эта послѣдняя не обособлена, преграждена также и возможность развитія первой». По дальнѣйшему же замѣчанію автора, «сперва должна быть обособлена, въ качествѣ особой отрасли хозяйственной науки, отдѣльнохозяйственная наука, занимающаяся отношеніями и законами отдѣльнохозяйственной дѣятельности, и за ней должна послѣдовать народнохозяйственная наука, которая должна заниматься общественными результатами этой дѣятельности». Что касается содержанія отдѣльнохозяйственной науки, то она «обнимаетъ фактическія данныя о хозяйствѣ (Wirtschaftskunde, познаніе хозяйственныхъ условій и состояній), ученіе о хозяйственномъ предпріятіи (Wirtschaftsbetriebslehre, ученіе объ организаціи и управленіи отдѣльныхъ хозяйствъ), равно какъ ученіе о констатированіи проявленій отдѣльнаго хозяйства, путемъ цѣлесообразнаго наблюденія и изслѣдованія отдѣльнохозяйственной дѣятельности (оцѣнка, счисленіе и повѣрка). Особенную часть отдѣльнохозяйственной науки образуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наука счисленія (Verrechnungswissenschaft), которая, посредствомъ записи, систематической группировки, оцѣнки и изслѣдованія наступившихъ хозяйственныхъ явленій, предоставляетъ первой возможность достигнуть ея цѣли—отысканія нормъ раціональной организаціи и управленія отдѣльнымъ хозяйствомъ». «Наука счисленія изучаетъ принципы проведенія сужденій оцѣнки въ хозяйствѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) инвентарная опись; 2) смѣта; 3) бухгалтерія; 4) отчетность и 5) контроль; имъ должна предшествовать еще основная часть: ученіе объ оцѣнкахъ и таксаціи». «Къ указаннымъ выше двумъ наукамъ Gomberg присоединяетъ общую хозяйственную науку, которая «зани-

малась бы вопросами, имѣющими основоположное значеніе для изученія, какъ то: потребности, блага, состояніе, цѣнность и пр.» Наука объ отдѣльномъ хозяйствѣ заключаетъ въ себѣ какъ частное, такъ и общественное хозяйство (хозяйство государства, общины, другихъ публичныхъ юридическихъ лицъ». При этомъ, «торгововѣдѣніе, ученіе о торговомъ предпріятіи и т. п. суть лишь части отдѣльнохозяйственной науки и трактуютъ лишь одну опредѣленную отрасль отдѣльнаго хозяйства (торговлю) съ различныхъ точекъ зрѣнія». Заключающаяся въ разсматриваемомъ трудѣ программа отдѣльнохозяйственной науки слагается изъ четырехъ главныхъ частей, изъ которыхъ три трактуютъ объ объектѣ, именно о формахъ хозяйствъ, объ ихъ задачахъ и операціяхъ, съ различеніемъ при этомъ частныхъ и публичныхъ хозяйствъ, затѣмъ о средствахъ отдѣльнохозяйственной дѣятельности, далѣе о задачахъ ея, и, наконецъ, четвертая часть представляетъ науку счисленія. Содержаніе всѣхъ этихъ частей во всемъ, что касается частныхъ хозяйствъ, представляется чрезвычайно обширнымъ и разнороднымъ, заключая въ себѣ многочисленные элементы общей и практической политической экономіи, а также прикладныхъ и техническихъ отраслей знаній, при томъ въ самомъ необычномъ расположеніи.

Обращаясь къ научной оцѣнкѣ воззрѣній Gomberg'a, должно признать научную цѣнность ихъ невысокою и содержащіяся въ нихъ классификацію, разграниченіе и опредѣленіе содержанія науки не могущими представить положительный интересъ ни для экономиста ни для гносеолога; методологическія воззрѣнія автора представляются также неопредѣленными и спутанными, даваемая же авторомъ программа отдѣльныхъ дисциплинъ вообще исключаетъ возможность научной разработки ихъ.

Weyermann и его соавторъ Shönitz[1] исходятъ изъ противопоставленія понятій соціальнаго и частнаго хозяйства, при чемъ первое представляется ими опредѣленнѣе и правильнѣе, тогда какъ по отношенію ко второму научный анализъ и построеніе соотвѣтствующихъ понятій нашли у нихъ меньше

[1]) Grundlegung und Systematik einer wissensch. Privatwirtschaftslehre usw. 1912.

вниманія и разработаны съ меньшей удовлетворительностью и подъ вліяніемъ проводимыхъ ими предвзятыхъ предположеній. Соціальное хозяйство опредѣляется, какъ «хозяйство представляемыхъ какъ одно цѣлое, соединенныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ, или, кратко выражаясь, хозяйство человѣческаго общества». При этомъ область соціальнаго хозяйства предполагается весьма различная, съ расширеніемъ ея за предѣлы народнаго хозяйства въ направленіи мірового хозяйства, либо также съ ограниченіемъ ея провинціей, округомъ провинціи, общиной или даже извѣстной профессіональной группой этой общины, съ отнесеніемъ къ ней также разсѣянной группы отдѣльныхъ хозяйствъ, въ извѣстномъ отношеніи представляющихъ одну единицу, каковы, напр., цѣлевыя соединенія мало сплоченнаго характера[1]. Въ этомъ же смыслѣ существо народнаго хозяйства опредѣляется здѣсь, какъ соціальноэкономическая связь отдѣльныхъ хозяйствъ[2]. Вся высшая духовная культура: религія, наука, искусство и т. д. признаются при этомъ немыслимыми безъ этой основы «планомѣрнаго хозяйства, которое снабжаетъ культурное человѣчество безусловно необходимыми для высшей духовной дѣятельности благами»[3]. Это послѣднее опредѣленіе представляется, конечно, одностороннимъ и неточнымъ съ точки зрѣнія констатированія дѣйствительной взаимозависимости отраслей культуры. Экономическому принципу приписывается совершенно правильно относительный характеръ и различная сила дѣйствія по отношенію къ различнымъ эпохамъ, группамъ населенія и отдѣльнымъ народамъ. Однако практическое значеніе этихъ различій крайне преувеличивается, до своего рода reductio ad absurdum, въ результатѣ чего авторы отвергаютъ всеобщее значеніе этого принципа съ точки зрѣнія частныхъ хозяйствъ[4]. Гораздо слабѣе представляется въ разработкѣ названныхъ авторовъ все, что относится къ экономической гносеологіи, не исключая того, т. ск., ирраціональнаго объекта, каковымъ, по существу, только и оказывается выдвигаемая на-

[1]) S. 12 f.
[2]) S. 17.
[3]) S. 65.
[4]) S. 74.

званными авторами система частнаго хозяйства, тѣсно связываемая ими съ различными элементами экономической гносеологіи. Въ разработкѣ этой послѣдней они впрочемъ выходятъ за предѣлы необходимаго и непосредственно связаннаго съ поставленной и обсуждаемой ими проблемой. Къ отправнымъ воззрѣніямъ цитируемыхъ авторовъ принадлежитъ также то, что «соціальноэкономическія явленія имѣютъ въ своей основѣ три существенныхъ фактора: правопорядокъ, природу и частнохозяйственную дѣятельность людей. Послѣдняя представляется громадной силой, которая регулируется, умѣряется и споспѣшествуется строгостью природныхъ условій, но затѣмъ въ обширной мѣрѣ—правовыми и административными установленіями»[1]. Частнохозяйственному фактору приписывается, по сравненію съ двумя прочими, преобладающая роль и непосредственное воздѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Weyermann-Schönitz принимаютъ органическую теорію къ объясненію соціальной жизни: «Національная экономія разсматриваетъ соціальноэкономическое сцѣпленіе отдѣльныхъ хозяйствъ или, пользуясь аналогіей, взаимодѣйствіе и совмѣстность отдѣльныхъ клѣтокъ въ организмѣ—съ точки зрѣнія совокупнаго организма. Представляется само собою яснымъ—и въ дѣйствительности поразительно, какъ эта аналогія не была проведена уже давно,—что возможно также отдѣльную клѣтку въ этомъ совокупномъ организмѣ и отдѣльныя группы однородныхъ клѣтокъ сдѣлать предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія, которое можетъ притязать на научный характеръ. Мы абстрагируемъ при такомъ разсмотрѣніи прежде всего отъ всякаго отношенія къ другимъ клѣткамъ, разсматриваемъ скорѣе внутреннія явленія, организацію и пр. привлеченной къ изслѣдованію отдѣльной клѣтки, т. е. отдѣльнаго частнаго хозяйственнаго предпріятія»[2,3]. Въ цитируемомъ сочи-

[1]) S. 69; см. также: S. 20 f., 39.

[2]) S. 15.

[3]) Аналогія организма, какъ и всѣ вообще научныя аналогіи, заимствованныя изъ совершенно иной области знанія, основана на внѣшнемъ только и весьма отдаленномъ сходствѣ и не можетъ поэтому служить для дѣйствительнаго обогащенія науки. Въ указанной аналогіи принимается во вниманіе лишь внѣшняя сторона организма, а не воспроизведшія и поддерживающія его скрытыя силы живой природы. Столь же внѣшне и поверхностно разсматривается въ этой

ненiи означенная экономія служитъ для обособленнаго представленія отдѣльныхъ частныхъ хозяйственныхъ предпріятій, какъ объекта особой науки, восполняющей соціальноэкономическую науку[1]. Имѣя въ виду, что частная хозяйственная дѣятельность сама представляетъ лишь случайный отрывокъ изъ дѣятельности отдѣльныхъ хозяйствъ, и, сверхъ того, далеко не исчерпывается производственной дѣятельностью, а эта послѣдняя—сферою приложенія частныхъ хозяйственныхъ предпріятій, можно заключить отсюда, какъ мало помогаетъ эта аналогія уясненію дѣйствительнаго значенія частнаго предпріятія для совокупнаго народнаго хозяйства. Частнохозяйственную науку Weyermann-Schönitz разсматриваютъ не какъ самостоятельную науку, но какъ вспомогательную науку, представляющуюся одной изъ составныхъ частей совокупной системы соціальной экономіи, на ряду съ общей національной экономіей, спеціальной національной экономіей и финансовой наукой[2]. Совокупная система соціальной экономіи, какъ они представляютъ её, такимъ образомъ, довольно близко подходитъ къ старой нѣмецкой камеральной наукѣ[3]. Принимая психологическую основу экономическихъ явленій и соотвѣтствующее направленіе научнаго изслѣдованія ихъ, цитируемые авторы приходятъ къ понятію экономическаго человѣка, и въ этомъ понятіи устанавливаютъ гносеологическую связь между національной и частнохозяйственной экономіей. Именно, въ то время какъ національная экономія имѣла до

аналогіи и другая сторона его—общество. На почвѣ этой аналогіи, противъ которой говоритъ также противоположность природы и культуры, потерпѣлъ неудачу выдающійся теоретикъ-экономистъ Albert Schäffle въ своемъ Bau und Leben des socialen Körpers. Все, что есть правильнаго въ этой аналогіи, сводится къ признанію организованности соціальной жизни. Представляетъ поэтому значительный шагъ въ развитіи науки вытѣсненіе указанной аналогіи констатированіемъ и дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ организаціи общества. Эта аналогія, безъ сомнѣнія, представляетъ негодное научное средство, и обращеніе къ ней указываетъ на недостаточную, съ точки зрѣнія научной оцѣнки, разборчивость въ выборѣ средствъ научнаго изслѣдованія и обоснованія. См. объ этомъ: E. Gothein. Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft. Handw. der Staatswiss. III. Aufl. B. IV. S. 688 ff.; Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. Kap. II; K. Menger. Untersuchungen usw. B. III. Cap. I. S. 149 ff.; K. Diehl. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1913. III. F. B. 46. H. 4. S. 460.

[1]) S. 67 f., 70 f., 76 f.

[2]) S. 79.

[3]) Ср.: Lexis. Kameralwissenschaft. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. V. S. 752.

сихъ поръ дѣло лишь съ плохо выполняющимъ свое назначеніе родовымъ понятіемъ экономическаго человѣка, частнохозяйственная экономія призвана конкретизировать его, выяснить границы и варіаціи его, представить идеальные типы частнохозяйственныхъ предпріятій и частнохозяйственной дѣятельности и интереса и всѣмъ этимъ послужить на пользу соціальноэкономическаго познанія[1]. Авторы оставляютъ при этомъ безъ вниманія, что неполнота отводимаго ими для частнохозяйственной науки матеріала дѣлаетъ невозможнымъ правильное разрѣшеніе указанной задачи. Подобно тому, какъ относительно національной экономіи, въ примѣненіи къ частнохозяйственной экономіи они различаютъ ученіе о частномъ хозяйствѣ—общее и спеціальное, частнохозяйственную исторію и политику, но, отождествляя послѣднюю съ частнохозяйственной техникой, исключаютъ ее изъ области частнохозяйственной науки[2]. При этомъ выдвигается требованіе научной объективности, исключающей вопросы о должномъ и всякія практическія указанія и точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ группъ изъ области систематическаго ученія о частномъ хозяйствѣ[3]. Политика и техника признаются лишь условно допустимыми для представителей науки, какъ выходящія изъ предѣловъ общезначимой науки[4]. Нельзя не возразить однако противъ сближенія техники и политики именно въ отношеніи къ частнохозяйственной экономіи. Согласно сказаннаго ученіе о частномъ хозяйствѣ опредѣляется, какъ «наука констатированія опыта и дѣйствительности, ученіе о существующемъ (Lehre vom Sein)»[5]. Но отрицая начало оцѣнки (Wertung), Weyermann-Schönitz устанавливаютъ необходимость отнесенія къ цѣнности (Wertbeziehung), хотя и признаютъ необщеустановленность этого различенія въ наукѣ[6]. Такое отнесеніе къ цѣнности должно представить критерій для отбора существеннаго изъ общаго хаоса явленій. Въ

---

[1]) S. 19 f. См. также: S. 34, 66 f. и 32, 37, 63, 110 Anm.
[2]) S. 85.
[3]) S. 40 ff.
[4]) S. 50.
[5]) S. 54.
[6]) S. 55, 75.

этомъ отношеніи проводится здѣсь то различіе, что «отнесеніе къ цѣнности остается въ области констатированія фактовъ, оцѣнка же—нѣтъ». «Оцѣнка должна всегда быть одобреніемъ или порицаніемъ. Относить къ цѣнности не означаетъ ни того ни другого». Мы не находимъ однако такое различеніе обоснованнымъ и формулированнымъ правильно. Отнесеніе къ цѣнности и есть оцѣнка, и обратно. Съ точки зрѣнія, проводимой въ цитируемомъ трудѣ, умѣстнѣе было бы говорить о простомъ констатированіи факта оцѣнки. Но этого было бы недостаточно: всякая оцѣнка относительна и, кромѣ того, можетъ быть констатирована лишь суммарнымъ пріемомъ оцѣнки. Представляетъ однако важность тотъ спеціальный критерій, который лежитъ въ основѣ оцѣнокъ, свойственныхъ данной отрасли культуры, и строгое соблюденіе котораго исключаетъ общее совпаденіе оцѣнки съ одобреніемъ или порицаніемъ, которыя, точно также, какъ, напр., вопросъ объ убѣжденіяхъ, не могутъ служить критеріями научнаго изслѣдованія. Въ качествѣ общей цѣли всякаго частнаго хозяйствованія цитируемые авторы признаютъ стремленіе къ доходу, но лишь въ общемъ смыслѣ. По относящемуся сюда объясненію, «частное хозяйство отнюдь не необходимо связано съ стремленіемъ къ наибольшей выгодности, т. е. съ экономическимъ принципомъ. Все, что мы можемъ сказать объ общей цѣли всякаго частнаго хозяйствованія, и что имѣетъ силу также и относительно соціальнаго хозяйствованія, есть достиженіе какого-либо дохода»[1].

Отрицательное отношеніе цитируемыхъ авторовъ къ экономическому принципу вытекаетъ при этомъ изъ смѣшенія его съ предпріимчивостью, съ своей стороны обусловливающею достиженіе наивысшей доходности[2]. Именно здѣсь, въ такомъ пониманіи экономическаго принципа, какъ и въ принятіи указаннаго критерія какого-нибудь дохода, обнаруживается, на сколько проектируемая частнохозяйственная наука основывается на одностороннемъ отнесеніи ея къ организаціи производственной лишь дѣятельности въ предпріятіи. Вмѣстѣ

[1]) S. 76.
[2]) См.: S. 74.

съ тѣмъ, принимаемый взамѣнъ экономическаго принципа критерій «какого-нибудь дохода» не имѣетъ экономическаго характера, и гораздо правильнѣе будетъ видѣть въ немъ критерій технической цѣлесообразности, во всѣхъ практическихъ случаяхъ необходимо восполняемый, на ряду съ прочими возможными критеріями, какъ правомѣрность, эстетичность и пр., также и началомъ хозяйственности. Критеріемъ технической цѣлесообразности должно считать, какъ намъ кажется, именно достижимость или достиженіе извѣстнаго объективнаго результата. Въ этомъ критеріи какого-нибудь дохода обнаруживается техническая основа проектируемой частнохозяйственной науки—разумѣется, не въ смыслѣ отождествленія техники съ политикой, а именно въ значеніи особой стороны культурной дѣятельности. Правильность такого заключенія подтверждается самими авторами, которые указываютъ, какъ издавна разработанную отрасль частнохозяйственнаго характера—агрономію (Landwirtschaftslehre) и, какъ въ новѣйшее время распространяющуюся отрасль того же характера,—коммерческія науки[1], а въ качествѣ примѣровъ того, что имѣетъ нѣкоторое значеніе съ данной точки зрѣнія, приводятъ способъ снятія копій, организацію служебнаго персонала, выборъ мѣста для предпріятія, планъ финансированія предпріятія, постановку варрантной операціи и т. д. Всѣ эти факты, независимо отъ обусловленныхъ ими экономическихъ послѣдствій, принадлежатъ къ прикладной, технической сторонѣ дѣятельности, которая въ общей совокупности своей образуетъ систему техники, распространяющуюся на всѣ виды человѣческой дѣятельности, не исключая, напр., медицины, науки, религіи, и въ принципѣ столь же универсальную, какъ и хозяйственная сторона.

Къ прямому указанію содержанія частнохозяйственной науки авторовъ принудила самая задача, поставленная ими себѣ. Они держатся при этомъ той слишкомъ общей точки зрѣнія, что «имѣется недостатокъ не въ матеріалѣ, а въ свѣдущихъ работникахъ»[2]. Относимый сюда матеріалъ представляется, од-

[1]) S. 7, 86.
[2]) S. 39.

нако, далеко неоднороднымъ и заключаетъ въ себѣ элементы прикладной техники, элементы народнохозяйственные и сырой матеріалъ эмпирическаго характера, требующій предварительной обработки въ смыслѣ абстрагированія его, научнаго объясненія и введенія въ общую систему изучаемыхъ явленій. Въ составѣ указываемаго матеріала имѣются также частные интересы, мотивы и расчеты, которые, послѣ такой научной подготовки должны войти въ содержаніе общей, т. е. соціальной экономики, такъ какъ относящееся къ индивидамъ или небольшимъ группамъ ихъ, по сколько оно имѣетъ вообще значеніе съ точки зрѣнія данной соціальной науки, принадлежитъ къ ея содержанію. Цитируемые авторы высказываютъ, что «частнохозяйственная наука даетъ возможность съ наибольшей точностью выдѣлить изъ соціально-хозяйственнаго явленія ту важную часть, которая упадаетъ на счетъ участниковъ, хозяйственно пекущихся о самихъ себѣ»[1]. Представляется однако очевиднымъ, что такъ какъ начала личнаго интереса и возмездности необходимо предполагаются соціальной хозяйственной жизнью, то и указываемый въ приведенной цитатѣ вопросъ относится прямо къ компетенціи народнохозяйственной науки, наравнѣ со всѣми другими вопросами ея. Здѣсь имѣетъ значеніе несоотвѣтствіе въ понятіяхъ народнаго хозяйства и частнаго хозяйства у цитируемыхъ авторовъ, несоотвѣтствіе, которое способствовало принятію особой частнохозяйственной науки. Признавая объектомъ народнохозяйственной науки соціальноэкономическое сцѣпленіе отдѣльныхъ хозяйствъ[2], цитируемые авторы опредѣляютъ частное хозяйство, какъ «дѣятельность частныхъ, пекущихся о самихъ себѣ, субъектовъ хозяйства, ради полученія извѣстнаго дохода»[3]. Но если бы исходить изъ основного понятія хозяйства вообще, какъ комплекса хозяйственныхъ интересовъ, актовъ и взаимоотношеній, то получалось бы то соотвѣтствіе понятій частнаго и народнаго хозяйства, которымъ исключалась бы мысль о несовпаденіи ихъ конкретнаго содержанія.

---

[1]) S. 28; см. также: S. 19, 36.
[2]) S. 14.
[3]) S. 79.

Что касается частныхъ интересовъ, то представляется внѣ сомнѣнія ихъ принадлежность, по сколько они вообще имѣютъ въ этомъ отношеніи какое-либо значеніе, къ области народнаго хозяйства и науки о немъ. Эта идея лежитъ въ особенности въ основѣ ученія классической школы экономистовъ. Наряду съ этимъ даваемая авторами примѣрная программа[1] и нѣкоторыя иныя части изложенія страдаютъ прямыми позаимствованіями изъ соціальной экономики. Таковы именно вопросы объ экономическомъ принципѣ, о факторахъ производства, о формѣ единоличнаго и компанейскихъ предпріятій, о вліяніи на величину заработныхъ платъ въ предпріятіи соотношенія между суммой ихъ и затратами[2] капитальными и пр. Weyermann-Schönitz утверждаютъ также, что частнохозяйственная наука, подобно народнохозяйственной, интересуется дѣятельностью не только въ области земледѣлія и торговли, но и мелкой промышленности и индустріи, включая горное дѣло[3]. Въ связи съ этимъ, можно полагать, «для научнаго изученія частнаго хозяйства необходимою основою является вообще въ настоящее время отсутствующій у соціальныхъ экономистовъ опытъ частнохозяйственно-техническаго характера»[4]. Разсмотрѣніе торговопромышленной дѣятельности по ея отраслямъ, организаціи предпріятій съ точки зрѣнія относящихся къ нимъ различныхъ техническихъ функцій, выполняемыхъ соотвѣтствующимъ персоналомъ, со стороны размѣщенія предпріятія и его отдѣленій и пр., также со стороны формъ финансированія и кредитованія, характеристика производящихся операцій, все, что относится къ коммерческому счисленію и счетоводству, все это, хотя и отнесено въ цитируемомъ трудѣ къ частнохозяйственной наукѣ, въ дѣйствительности представляетъ собою прикладныя отрасли техники. Къ послѣдней, очевидно, должна принадлежать вся совокупность научныхъ и практическихъ указаній относительно способовъ, пріемовъ и порядка дѣятельности не только инженеровъ и вообще спеціалистовъ-техниковъ, а также рабочихъ,

[1]) S. 94 ff.
[2]) S. 94 ff., 30 f.
[3]) S. 8, 87 f.
[4]) S. 29.

но и всего остального хозяйскаго, служебнаго и иного вспомогательнаго персонала предпріятій[1]. Наконецъ, къ сырому матеріалу, изученіе и обработка котораго требуется соціальной экономикой, можно отнести указываемые здѣсь также балансы частныхъ предпріятій, данныя о несостоятельностяхъ предпріятій, конкретные факты, какъ очерки отдѣльныхъ выдающихся предпріятій (wie Krupp oder Wertheim)[2].

Вышеизложеннымъ достаточно освѣщаются недостатки даваемаго авторами общаго опредѣленія: «Частнохозяйственная наука есть та частичная дисциплина соціальной (національной) экономіи, которая имѣетъ объектомъ дѣятельность частныхъ хозяйствующихъ субъектовъ, пекущихся о самихъ себѣ для достиженія извѣстнаго дохода, и которая, въ противоположность соціальноэкономическому разсмотрѣнію въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, разсматриваетъ эту дѣятельность съ точки зрѣнія интересовъ этихъ частныхъ хозяйствъ, съ расчлененіемъ по ихъ отдѣльнымъ типамъ». Но если искомая наука есть часть соціальной экономіи, то, какъ таковая, она не нуждается въ полной, законченной системѣ и не должна заключать въ себѣ повтореній изъ другихъ частей соціальной экономіи, ни поглощать въ своемъ содержаніи, полностью или частью, особыя прикладныя дисциплины, существующія или имѣющія возникнуть. Дѣятельность частныхъ лицъ и попеченіе ихъ о собственномъ интересѣ относятся ко всей совокупности содержанія соціальной экономіи. Въ частности, также система этой науки нисколько не страдаетъ отъ того, что народнохозяйственный обмѣнъ или распредѣленіе осуществляются съ помощью производственной дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ, на общей основѣ и въ восполненіе системы раздѣленія дѣятельности. Что касается типовъ частныхъ хозяйствъ, то, если подъ ними разумѣется не сырой и не этно-

---

[1]) Въ подтвержденіе этого сошлемся на книгу: Industrielle Verwaltungstechnik. Von Ingenieur S. Herzog. 1912. По сколько вообще возможно соотвѣтствіе между выработанной теоретикомъ программой и систематическимъ руководствомъ практическаго направленія, въ содержаніи предлагаемой цитируемыми здѣсь авторами частнохозяйственной науки и руководства Herzog'a имѣется замѣчательное совпаденіе.

[2]) S. 26 f., 30, 66.

графическій матеріалъ, они также входятъ въ содержаніе соціальной экономіи, въ ея практическую часть, не тождественную, разумѣется, съ частнохозяйственной наукой. Затѣмъ, стремленіе къ полученію извѣстнаго дохода, какъ лишенное существеннаго признака хозяйственности, можетъ быть—въ соотвѣтствіи съ преобладающимъ, за выдѣленіемъ соціальноэкономическихъ элементовъ, техническо-прикладнымъ содержаніемъ частно-хозяйственной дисциплины—понимаемо, какъ критерій технической дѣятельности, которая, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія экономиста, имѣетъ raison d'être въ полученіи извѣстнаго положительнаго результата, т. е. извѣстнаго валового и чистаго дохода объективнаго характера (Ertrag). Далѣе, представляется недостаточно выясненнымъ сочетаніе строгой объективности изученія и исключенія точки зрѣнія частнохозяйственнаго интереса съ одной стороны и разсмотрѣнія дѣятельности съ точки зрѣнія этихъ частныхъ хозяйствъ[1]. Наконецъ, отмѣченное выше ограниченіе матеріала и задачъ этой науки частнохозяйственными предпріятіями[2], при чемъ авторы допускаютъ возможность включенія въ будущемъ въ частнохозяйственную науку также ученія о потребительномъ хозяйствѣ, какъ самостоятельнаго отдѣла этой науки[3],—существенно измѣняетъ общее направленіе и характеръ ея и именно въ особенности по отношенію къ рабочему вопросу, который также представленъ въ упомянутой программѣ ея. Даже независимо отъ личныхъ стремленій и сочувствій и при чисто объективной постановкѣ изслѣдованія, научный матеріалъ и избранный фокусъ разсмотрѣнія не могутъ не отразиться на результатахъ научнаго изслѣдованія и, конечно, не могутъ сообщить послѣднимъ всесторонности, если не обладаютъ ею сами. Но вопросъ въ томъ, возможно ли однако избѣжать односторонности, если имѣть въ виду лишь хозяйственную дѣятельность въ предпріятіяхъ.

Изложенныя и разобранныя выше воззрѣнія Weyermann[4] повторилъ вновь въ болѣе сжатой формѣ и съ небольшими

[1]) Ср. именно: S. 40 и 80.
[2]) S. 25 f., 32, 66, 103 ff.
[3]) S. 71.
[4]) Das Verhältnis der Privatwirtschaftslehre zur Nationalökonomie. 1913.

измѣненіями въ выраженіяхъ въ своей вступительной рѣчи (осенью 1912 г.). Опредѣленіе частнохозяйственной науки здѣсь пополняется въ томъ отношеніи, что ея объектомъ признается «дѣятельность пекущихся о самихъ себѣ субъектовъ хозяйствъ ради достиженія извѣстнаго дохода—отъ пріобрѣтательной дѣятельности либо отъ потребленія». Какъ поясняетъ къ этому авторъ, «потребленіе также направлено къ достиженію дохода въ смыслѣ разницы между пользованіемъ и стоимостью, и поэтому мы въ свое время нарочито взяли въ основу указаннаго опредѣленія повсюду имѣющееся намѣреніе достигнуть дохода»[1]. Weyermann ссылается при этомъ на статью Liefmann'a, помѣщенную въ послѣдней (IV) книгѣ журнала Шмоллера за 1912 годъ[2]. Въ дѣйствительности, однако, указанное измѣненіе въ опредѣленіи и ссылка не гармонируютъ съ тѣми воззрѣніями, которыя высказывались въ разобранномъ выше произведеніи, такъ какъ цитируемый теперь Liefmann исходитъ изъ предположеній, что «каждый хозяйствующій стремится къ наибольшему доходу» и что «вся хозяйственная дѣятельность опредѣляется не какой-либо цѣнностью благъ, но доходомъ (Ertrag), который у потребителя есть нѣчто вполнѣ индивидуальное, лишь для него самого констатируемое, въ пріобрѣтательномъ же хозяйствѣ выступаетъ, какъ денежная сумма». Здѣсь, такимъ образомъ, находитъ себѣ признаніе общій принципъ хозяйственности, съ другой же стороны въ общемъ понятіи дохода соединяются два совершенно разнородныхъ содержанія, изъ которыхъ одно имѣетъ индивидуально-субъективный характеръ, не допускающій объективнаго выраженія его въ отношеніи величины, и по своему происхожденію представляетъ сбереженіе на потребительномъ расходѣ, другое же имѣетъ чисто объективный характеръ и происхожденіе. Къ области частнаго хозяйства Weyermann здѣсь прямо относитъ и счетоводство[3]. По утвержденію автора «занятіе частнымъ хозяйствомъ, естественно,

[1]) S. 14.

[2]) Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. J. 36. H. 4. 1912. S. 1—78 (1565—1642): Liefmann. Theorie des Sparens und der Kapitalbildung. См. въ особ.: S. 3 f.

[3]) O. c., S. 15.

на много болѣе ранняго происхожденія, нежели занятіе народнымъ хозяйствомъ, какъ равно частное хозяйство вѣками старше народнаго хозяйства»[1]. Это утвержденіе, основанное на общихъ соображеніяхъ и приводимое голословно, легко можетъ оказаться неправильнымъ, какъ только стать на точку зрѣнія относительности понятій частнаго хозяйства и въ особенности частнаго предпріятія и народнаго хозяйства, развивающихся исторически и въ тѣсномъ взаимоотношеніи между собою. Вообще этотъ вопросъ относится къ исторіи культуры въ ея разныхъ отрасляхъ, а не къ одной лишь хозяйственной сторонѣ ея. Съ положительной стороны Weyermann характеризуетъ частнохозяйственную науку тѣмъ, что «она старается изслѣдовать и систематически познать жизнь и стремленіе частнаго хозяйства. Для этой цѣли она перемѣщается въ среду объектовъ изслѣдованія, частныхъ хозяйствъ либо хозяйственныхъ группъ, пользуясь также служащей ея познавательнымъ цѣлямъ чисто методологической фикціей освобожденія отъ разныхъ соціальныхъ сцѣпленій»[2]. Въ качествѣ предмета частнохозяйственной науки Weyermann называетъ «спеціализацію и конкретизацію homo oeconomicus, не одно ограниченіе познаніемъ его системы счетоводства и т. п.»[3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упрекаетъ классическую теорію въ чрезмѣрной абстрактности и общности ея гипотезы экономическаго человѣка[4]. Въ заключеніе Weyermann слѣдующимъ образомъ формулируетъ выдвигаемую имъ проблему: «Дѣло идетъ не о фантазерскомъ пропагандированіи новой науки или рискованной преобразовательной идеи, но лишь о продолженіи и современномъ дальнѣйшемъ развитіи и углубленіи существенныхъ частей классической національной экономіи, которая по чисто историческимъ основаніямъ сильно оттѣснена на задній планъ, даже поборота»[5]. Но можно было бы остановиться еще на вопросѣ, ограничивается ли тяготѣніе цитируемаго автора къ классическому направленію лишь об-

[1]) S. 26.
[2]) S. 25 f.
[3]) S. 43.
[4]) S. 38 ff.
[5]) S. 46.

ластью частнохозяйственной науки либо оно распространяется также и на національную экономію. Въ первомъ случаѣ возникло бы несоотвѣтствіе между обѣими комбинируемыми имъ науками, во второмъ—авторъ создалъ бы себѣ затрудненіе въ виду разногласія своего или невыясненности отношенія съ существующими въ настоящее время направленіями національной экономіи.

Вскорѣ послѣ опубликованія изложенной выше рѣчи перваго изъ нихъ, Weyermann-Schönitz дали свои объясненія[1] по поводу критики, направленной противъ ихъ общаго произведенія, при чемъ стараются достигнуть соглашенія съ противниками на почвѣ существенныхъ уступокъ, къ которымъ приглашаютъ и другую сторону. «Если Brentano», говорится здѣсь, «полагаетъ, что между особенной частнохозяйственной наукой и народнохозяйственной наукой въ извѣстномъ отношеніи не существуетъ различія, такъ какъ обѣ науки сдѣлали предметомъ разсмотрѣнія частное пріобрѣтеніе, то онъ безусловно правъ». Авторы желаютъ только, чтобы эта частнохозяйственная наука восполнила пробѣлъ—признаваемый также и самимъ Brentano,—чтобы она именно представила научное изображеніе частнохозяйственной дѣятельности (Wirtschaftsbetriebe). «Весь вопросъ частнохозяйственной науки въ нашемъ смыслѣ есть не что иное, какъ вопросъ о большей основательности національноэкономическаго изслѣдованія въ этихъ и подобныхъ областяхъ. Если такимъ образомъ Brentano и съ нимъ Ehrenberg признаютъ наблюденіе явленій въ публичныхъ и частныхъ хозяйствахъ имѣющимъ столь большое значеніе для народнохозяйственнаго изслѣдованія—въ работахъ ихъ учениковъ это замѣтно сильно обнаруживается,—то мы въ этомъ вполнѣ сходимся». Далѣе, развивается вновь тотъ взглядъ, что ни въ частнохозяйственной ни въ народнохозяйственной наукѣ, не должно допускать политики интересовъ. Въ заключеніе, указывая въ качествѣ существеннаго результата всей полемики рѣзкое различеніе частной экономіи, какъ частичной научной дисциплины соціальной

[1]) Ueber das Verhältnis der Privatwirtschaftslehre zur Volkswirtschaftslehre. Bank-Archiv. XII J. № 10. 15 Febr. 1913.

экономіи, или лучше, какъ пренебреженной составной части соціальной экономіи, и частной экономіи, какъ техники, Weyermann-Schönitz оставляютъ вторую безъ разсмотрѣнія и принимаютъ первую: «Насъ, экономистовъ, интересуетъ лишь первая дисциплина, относительно которой мы послѣ всего можемъ притти къ согласію». Вмѣстѣ съ тѣмъ авторы стараются опереться на авторитетъ Brentano въ вопросѣ объ учрежденіи особой каѳедры для каждой отрасли спеціальной народнохозяйственной науки, при чемъ къ числу этихъ отраслей относятъ частную экономію.

Послѣ всѣхъ уступокъ цитируемыхъ авторовъ, для нихъ, какъ представителей особой прикладной отрасли изученія, сохраняетъ наибольшее значеніе именно этотъ практическій вопросъ. Но именно въ данномъ случаѣ особенно существенно то соображеніе, что проектируемая дисциплина представляетъ собою совмѣщеніе вопросовъ, частью и безъ того разсматриваемыхъ національной экономіей, не могущей отказаться отъ этого, частью представляющихъ объектъ посторонних прикладныхъ дисциплинъ; и иного содержанія она не можетъ имѣть, если только она должна быть частичной и въ то же время особой экономической наукой.

Извѣстный авторъ учебныхъ руководствъ въ области коммерческаго образованія Johann Friedrich Schär[1] поставилъ своею цѣлью сведеніе разрозненныхъ дисциплинъ коммерческаго характера къ одной наукѣ съ установленіемъ опредѣленнаго соотношенія между нею и національной экономіей. Этой своей наукѣ онъ даетъ наименованіе науки о торговомъ предпріятіи. Вся область коммерческой науки или, иначе, частнохозяйственной науки о купеческихъ предпріятіяхъ слагается изъ выше названной науки о торговомъ предпріятіи, счетоводства и разныхъ отраслей прикладныхъ и граничащихъ съ иными научными областями знаній[2]. Съ точки зрѣнія науки о торговомъ предпріятіи также и національная экономія представляется для нея вспомогательной наукой[3]. Наука о

[1]) Allgemeine Handelsbetriebslehre B. I. 2 verm. Aufl. 1913. (1 A.—1911).
[2]) S. 24 ff.
[3]) S. V.

торговомъ предпріятіи подраздѣляется на общую и спеціальную, при чемъ послѣдняя распадается на множество вопросовъ, наиболѣе пригодныхъ для монографическаго ихъ изслѣдованія[1]. На упреки въ смѣшеніи частнаго хозяйства съ національной экономіей, Schär, въ предисловіи къ новому изданію своего труда, возражаетъ, «что самостоятельная частнохозяйственная наука не существуетъ, что она скорѣе есть лишь отрасль общей хозяйственной науки и можетъ быть введена въ научную систему, лишь поставленная въ связь съ національной экономіей, своей наукой-матерью»[2]. Задачею науки о торговомъ предпріятіи онъ признаетъ «давать руководство, какъ должно организовать и вести торговое дѣло, чтобы оно достигало своей цѣли»[3]. Къ этому присоединяется еще слѣдующее опредѣленіе: «Подъ предпріятіемъ (Betrieb) разумѣютъ планомѣрную дѣятельность, направленную къ тому, чтобы привести хозяйственное начинаніе (Unternehmen) въ постоянное движеніе для достиженія преднамѣренной цѣли. Говорятъ о предпріятіи земледѣльческомъ, индустріальномъ, лѣсохозяйственномъ, торговомъ. Въ то время какъ объ индустріальномъ и земледѣльческомъ предпріятіи уже издавна создалась богатая литература, о торговомъ предпріятіи еще не опубликованъ хотя бы одинъ цѣльный трудъ»[4]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ опредѣленіемъ предпріятія, наука о торговомъ предпріятіи представляется частью частнохозяйственной науки, наряду съ ученіями о частныхъ хозяйствахъ добывающей промышленности, обрабатывающей, торговли и даже колоніальномъ[5]. Общую часть науки о торговомъ предпріятіи Schär основываетъ на основныхъ понятіяхъ національной экономіи[6]. Пользуясь уже упоминавшимся біологическимъ сравненіемъ, онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе своей науки къ національной экономикѣ торговли, т. е. къ одному изъ отдѣловъ спеціальной или практической національной эко-

1) S. VI.
2) S. IX.
3) S. 32.
4) S. 31.
5) S. 42 f., 40.
6) S. 32.

номіи: «Изслѣдованіе отдѣльнаго хозяйства, клѣтки народнохозяйственнаго организма, есть существенная составная часть національной экономіи, и коммерческая наука есть необходимое звено національной экономики торговли». При этомъ «экономистъ разсматриваетъ торговлю съ народнохозяйственной стороны, коммерціалистъ (Handelswissenschaftler)—съ частнохозяйственной точки зрѣнія. Экономистъ изслѣдуетъ соединеніе во времени, въ пространствѣ и идейное связанныхъ между собою обмѣномъ хозяйственныхъ единицъ въ области торговыхъ начинаній (Handelsunternehmungen), тогда какъ наука о торговомъ предпріятіи имѣетъ задачею показать, какъ чрезъ затрату труда, силы и средствъ рыночныя блага могутъ быть выпущены въ оборотъ, чтобы затраченная на это работа и дѣйствующій при этомъ капиталъ приносили доходъ (Ertrag)». Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ отрицаетъ возможность строгаго разграниченія народнохозяйственнаго и частнохозяйственнаго изслѣдованія. «Въ наукѣ о торговомъ предпріятіи едва ли есть какая-либо проблема, которая бы всецѣло частнохозяйственнымъ путемъ могла быть выяснена и сдѣлана полезною для жизни, если бы только должно было строго соблюдать вышеупомянутую грань между частнохозяйственными и народнохозяйственными изслѣдованіями и въ трактованіи и выясненіи останавливаться именно тамъ, гдѣ начинается соприкасаніе съ народнымъ хозяйствомъ». «Если только не желать принизить коммерческую науку просто до торговой техники и относящіяся сюда работы—до образцовой конторы, то ихъ представителямъ должно быть предоставлено право къ чисто частнохозяйственному изслѣдованію ихъ проблемъ пріурочить разсмотрѣніе народнохозяйственныхъ соотношеній, результаты своихъ изслѣдованій обосновать на народномъ хозяйствѣ. Ибо въ конечномъ итогѣ также и отдѣльное хозяйство подчинено общимъ народнохозяйственнымъ законамъ, и мы далѣе будемъ имѣть часто случай показать, что частнохозяйственныя предпріятія должны подчиняться этимъ общимъ, обосновываемымъ національной экономіей, законамъ»[1]. Schär замѣчаетъ однако, что «болѣе новыя вѣянія въ національ-

[1]) S. 36 ff.

ной экономіи идутъ въ направленіи къ идеалу чистой науки, и что, напротивъ, частнохозяйственная наука, въ особенности наука о торговомъ предпріятіи, на ряду съ чистымъ изслѣдованіемъ въ области отдѣльнаго хозяйства преслѣдуетъ также практическія цѣли. Каждая профессіональная наука и каждая область знанія, направленная къ примѣненію въ практической жизни должна также быть технической и прикладной наукой»[1]. Schär приходитъ такимъ образомъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Національная экономія старается изслѣдовать соотношенія совокупной хозяйственной жизни, соединеніе во времени, пространствѣ и идейное связанныхъ между собою обмѣномъ хозяйственныхъ единицъ. Такъ какъ эта наука необходимо предполагаетъ знаніе элементовъ частнохозяйственной науки, то послѣдняя, изслѣдованіе хозяйственныхъ единицъ, есть существенная составная часть первой; но такъ какъ она до сего времени не представляла самостоятельной области изслѣдованія, то она и пренебрегалась главнымъ образомъ изъ-за обширности національноэкономической науки и изъ-за недостатка раздѣленія труда. Частнохозяйственная наука принимаетъ отдѣльное хозяйство, элементъ хозяйственнаго организма, центральнымъ пунктомъ своего изслѣдованія; но стараясь установить условія, при которыхъ хозяйственная единица, клѣтка хозяйственнаго организма, можетъ развиваться, поддерживать себя и преуспѣвать, она необходимо должна привлекать въ область своихъ изслѣдованій также и соотношенія ея съ другими хозяйственными единицами и съ хозяйственнымъ цѣлымъ, зависимость ея жизненныхъ функцій отъ цѣлаго хозяйственнаго организма: частнохозяйственная наука должна основываться на національной экономіи; первая не есть, стало быть, новая самостоятельная наука, но до сихъ поръ пренебрегавшаяся, разрабатывавшаяся несистематично и органически связанная съ нею частичная область послѣдней». «Національная экономія должна экспериментально испытывать результаты своихъ изслѣдованій на отдѣльныхъ хозяйствахъ и опредѣлять ихъ правильность или же дѣйствіе; частнохозяйственная наука идетъ обратнымъ путемъ, выводя изъ разсмотрѣнія отдѣль-

[2]) S. 41.

наго хозяйства общія начала предпріятія и общественныя функціи». Какъ утверждаетъ Schär, частнохозяйственная наука обнаруживаетъ лишь кажущееся расхожденіе въ точкахъ зрѣнія съ національной экономіей и далека отъ того, чтобы вносить въ послѣднюю какой-либо новый принципъ, въ родѣ ученія о прибыли; она подчиняется общимъ законамъ всего хозяйственнаго организма, претендуетъ лишь на относительную самостоятельность и обогащаетъ хозяйственную науку новымъ матеріаломъ и новыми методами изслѣдованія[1].

Изложенныя воззрѣнія представляютъ, безъ сомнѣнія, извѣстныя практическія удобства и совершенно естественно выработались у извѣстнаго представителя собственно коммерческихъ дисциплинъ за время его продолжительной практической и педагогической дѣятельности. Экономическіе элементы, безъ сомнѣнія, повышаютъ интересъ и привлекательность прикладныхъ дисциплинъ—при томъ, можетъ быть, въ той мѣрѣ, въ какой это могло бы даже показаться достаточнымъ для собственно практическихъ торговыхъ дѣятелей. Но болѣе строгая научная критика не можетъ однако допустить подобное совмѣщеніе техники съ экономикой. Широко опредѣляя рамки частнохозяйственной науки въ цѣломъ ея содержаніи и относя ее къ экономикѣ, Schär даетъ послѣдней не только превышающій человѣческія силы объемъ, но и лишаетъ ее единства содержанія. Универсальность дѣйствія экономическаго принципа и проявленія хозяйственной стороны и совмѣщеніе ихъ съ другими культурными принципами и сторонами, включая и технику, не были раскрыты для вышеназваннаго автора и вызвали въ немъ ошибочное представленіе, сводящееся по существу къ признанію единства экономики и техники. Какъ правильно указываетъ Diehl, въ общей части науки о торговомъ предпріятіи преобладаетъ у Schär'a національно-экономическій матеріалъ, и «напротивъ, все то, что Schär перечисляетъ, какъ матеріалъ его спеціальной науки о торговомъ предпріятіи, должно бы представлять содержаніе науки о тор-

[1]) Nationalökonomie und Handelsbetriebslehre. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. III F. B. 43. H. 1-2. 1912. S. 95 ff. См. также статью Diehl'я въ томъ же журналѣ: B. 46. H. 4. 1913. S. 466 f.

говомъ предпріятіи, стало быть, технику отдѣльныхъ отраслей торговли»[1].

Также причастный къ преподаванію въ области высшаго коммерческаго образованія, W. Prion[2] равнымъ образомъ высказывается за основаніе особой частнохозяйственной науки, для чего, по его мнѣнію, накопилось уже достаточно научнаго матеріала. Эта частнохозяйственная наука, подобно соціальной экономіи, должна быть самостоятельной частью хозяйственной науки въ обширнѣйшемъ смыслѣ, а не частью національной экономіи. На ряду съ этой поправкой Prion не соглашается также съ содержаніемъ частнохозяйственной науки, какъ его опредѣляютъ Weyermann-Schönitz. «Съ очевиднымъ стараніемъ», говоритъ онъ, «указываютъ авторы, что здѣсь и тамъ встрѣчающіеся заголовки, извѣстные изъ національной экономіи, не должны означать ничего національно-экономическаго: повсюду дѣло идетъ де о частнохозяйственномъ изложеніи, повсюду имѣетъ де значеніе точка зрѣнія отдѣльныхъ частныхъ предпріятій. Таково, конечно, должно быть направленіе частнохозяйственной науки,—и вопреки этому прямому выдвиганію частнохозяйственной точки зрѣнія не вполнѣ избѣгается впечатлѣніе, что частнохозяйственное ученіе авторовъ все же сильно переходитъ въ соціальноэкономическую науку. Конечно, простой указатель содержанія можетъ ввести въ заблужденіе; но впечатлѣніе усиливается отсутствіемъ важныхъ частнохозяйственныхъ точекъ зрѣнія. Какъ таковыя, я могъ бы указать: проблема издержекъ, оборота, сопоставленія издержекъ съ оборотомъ, отношенія между капиталомъ, издержками, цѣной и рентой, вліяніе товарныхъ запасовъ на распоряженіе деньгами и постановку дѣла. Сверхъ этихъ пунктовъ, я замѣчаю отсутствіе вопроса о спекуляціи, освѣдомленіяхъ, даже всей вообще конторской или предпринимательской организаціи (въ обширнѣйшемъ смыслѣ)».

---

[1]) S. 43 f.

[2]) Handelsbetriebslehre oder Privatwirtschaftschaftslehre. Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik. 1912. B. XXXIV. H. 3. S. 905—924. Нелестный и, какъ свойственно Harms'y, черезчуръ личный отзывъ о цитируемомъ здѣсь авторѣ съ научной стороны даетъ Harms. O. c. S. 346 Anm.

Эти замѣчанія Prion'a, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ преднамѣренно для него, приводятъ къ еще большему оттѣненію прикладного техническаго характера частнохозяйственной науки. Послѣ же еще болѣе тщательнаго опредѣленія ея содержанія, эта наука, безъ сомнѣнія, утратила бы вовсе свои собственно хозяйственные элементы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право именоваться хозяйственной вообще и спеціально—частнохозяйственной наукой.

Подобныхъ же воззрѣній по вопросу о содержаніи и системѣ экономическихъ наукъ держится Rudolf Dietrich[1], спеціально интересующійся предлагаемой имъ наукой о предпріятіи (Betrieb-Wissenschaft). Онъ представляетъ экономическую науку въ слѣдующей системѣ: А. Основная наука, или наука объ экономическихъ понятіяхъ. Б. Экономическая наука въ тѣсномъ смыслѣ или наука о хозяйственной жизни. I. Введеніе. II. 1. а. Наука объ обмѣнѣ (хозяйственная или народнохозяйственная наука въ тѣсномъ смыслѣ); б. Наука о предпріятіи; 2. Наука домоводства. В. Исторія экономической науки. Къ первой части отнесены вопросы о понятіи и составѣ науки о хозяйственной жизни, а также о значеніи и результатахъ статистики; наука объ обмѣнѣ занимается вопросами о внѣшней жизни предпріятій и о конкуренціи, наука домоводства—потребительными хозяйствами. Общинное хозяйство и государственное хозяйство, какъ цѣлостныя понятія, разсматриваются во введеніи второй части, по существу же—входятъ въ науку домоводства. Исторія науки имѣетъ одной изъ настоятельныхъ задачъ раскрытіе прежнихъ заблужденій въ ней. Собственно наука о предпріятіи опредѣляется при этомъ, какъ наука о сущности, строеніи и внутренней жизни предпріятій. Этой наукѣ приписывается важное значеніе, и знакомство съ ней признается необходимымъ для обширнаго круга дѣятелей. Въ краткомъ обзорѣ рубрикъ содержанія ея указывается: I. Существо и роды предпріятій; II. Строеніе и составъ отдѣльныхъ предпріятій; III. Внутренняя жизнь предпріятій: работы предпріятій; IV. Этика предпріятій: этическій порядокъ жизни предпріятій. Къ первой изъ этихъ рубрикъ отнесены также исторія и современное состо-

яніе, ко второй—государственная регламентація, третья заключаетъ въ себѣ слѣдующіе вопросы: работы предпріятій въ ихъ хозяйственномъ значеніи, трудовое время какъ общая мѣра ихъ работъ, доходъ (Ertrag, покрытіе издержекъ) какъ общая цѣль, и искусство управленія предпріятіемъ.

Въ общемъ итогѣ, въ представленіи цитируемаго автора, какъ вся система экономическихъ наукъ, такъ и предлагаемая имъ наука о предпріятіи характеризуются крайней бѣдностью содержанія, общностью указаній содержанія и такой постановкой вопросовъ и расположеніемъ матеріала, которыя не могутъ служить ни научнымъ ни практическимъ цѣлямъ.

Оспаривая вообще иныя аналогичныя предположенія относительно прикладныхъ наукъ, посвященныхъ практической дѣятельности, Dietrich въ особенности останавливается на предлагаемой Weyermann'омъ частнохозяйственной наукѣ, при чемъ указываетъ на неудачность самаго наименованія ея и на произвольность отграниченія ея содержанія отъ остальной хозяйственной дѣятельности.

Что касается проектируемой самимъ Dietrich'омъ науки о предпріятіи, то для не предубѣжденныхъ и именно не подчинившихся рутинѣ, вытекающей изъ постояннаго занятія прикладными отраслями знанія, представится очевиднымъ, что этого рода наука не можетъ войти указываемымъ имъ образомъ въ общую систему экономическихъ наукъ, и что сама по себѣ эта наука представляла бы собою развѣ прикладную дисциплину смѣшаннаго содержанія и характера, именно заключающую въ себѣ экономическіе, техническіе и этическіе элементы[2].

Всѣ приведенныя и разобранныя выше попытки обосновать частичную или и самостоятельную частнохозяйственную

[1]) Begründung einer Betrieb-Wissenschaft. Schmollers Jahrbuch. 1913. J. 37. H. 2. S. 63—121 (595—653).

[2]) Какъ отмѣчаетъ это и Harms (Probleme der Weltwirtschaft. 1912. S. 92), Betrieb, къ которому относятся разсужденія Dietrich'a, не есть собственно предпріятіе (Unternehmung, gleich Erwerbswirtshaft), а техническая организація производства, при чемъ одно предпріятіе можетъ заключать и нѣсколько такихъ организованныхъ производствъ. Нѣкоторое подобіе приведенному выраженію представляетъ въ русскомъ языкѣ заводъ, но это слово получило иное значеніе. Указанный техническій оттѣнокъ въ понятіи: Betrieb распространяется, очевидно, и на относящуюся сюда науку, проектируемую Dietrich'омъ.

науку не могутъ, такимъ образомъ, поколебать основную истину о необходимости единства экономической науки, на общей основѣ соціальнаго строя культурной жизни со стороны опредѣленія его экономическимъ принципомъ и съ освобожденіемъ экономической науки отъ всѣхъ постороннихъ элементовъ, какъ философскихъ, психологическихъ, этическихъ, такъ равно и техническихъ[1].

36. Классическая школа политической экономіи, подобно физіократамъ выдвигая начало государственнаго невмѣшательства, вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточивала свое вниманіе на обезпеченіи безпрепятственнаго экономическаго развитія и богатства на всемъ пространствѣ хозяйственной дѣятельности — отъ отдѣльнаго хозяйства и до совокупности цивилизованныхъ націй, въ идеалѣ стремясь устранить всякое средостѣніе между единичнымъ хозяйствомъ и хозяйственной жизнью всѣхъ

---

[1]) Къ разобранной выше прикладной техникѣ принадлежитъ также выдвинувшійся въ новѣйшее время вопросъ о повышеніи производительности на основѣ соблюденія принциповъ научно поставленнаго завѣдыванія предпріятіемъ и такового же выполненія работъ, хотя, безъ сомнѣнія, этотъ вопросъ имѣетъ и огромное хозяйственное значеніе и съ этой стороны долженъ интересовать также экономистовъ. Какъ высказываетъ иниціаторъ этого вопроса Frederick Winslow Taylor во вступленіи къ своему труду: Principles of Scientific Management, задачею этого его труда было «показать, что наилучшее завѣдываніе есть истинная наука, покоющаяся на ясно опредѣленныхъ законахъ, правилахъ и принципахъ и что основные принципы научнаго завѣдыванія примѣнимы ко всякаго рода человѣческой дѣятельности—отъ наиболѣе простыхъ индивидуальныхъ актовъ до работы большихъ компаній, требующихъ наиболѣе разработанной совмѣстной организаціи труда». Къ принципамъ научнаго завѣдыванія относятся научное изслѣдованіе, усовершенствованіе и стандартизація трудовыхъ дѣйствій, орудій и матеріаловъ, подборъ и подготовка къ ихъ функціямъ рабочихъ, наиболѣе раціональное раздѣленіе труда и отвѣтственности съ освобожденіемъ рабочихъ отъ всѣхъ функцій, кромѣ прямолежащихъ на нихъ, дружественное и индивидуальное трактованіе рабочихъ, дисциплина и наиболѣе дѣйствительныя формы вознагражденія за трудъ при достаточной высотѣ платы. Въ данномъ случаѣ характерно, что весь этотъ вопросъ возникъ и получилъ разработку въ техническихъ кругахъ С.-Ам. Соед. Штатовъ, и что, по сообщенію указываемаго ниже германскаго автора, раціонализація веденія промышленныхъ предпріятій вошла въ учебныя программы для инженеровъ въ германскихъ политехникумахъ. Общій очеркъ упомянутой системы представилъ непринадлежащій къ ея защитникамъ Wilhelm Kochmann: Das Taylorsystem und seine volkswirtschaftliche Bedeutung. Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik. 1914. B. 38 H. 2. S. 391-424. Изъ относящейся сюда оригинальной литературы отмѣтимъ: Fr. W. Taylor. The Principles of Scientific Management. 1911; Fr. W. Taylor. Shop Management; Harrington Emerson. Efficiency as a Basis for Operation and Wages. 3 ed. 1912; H. Emerson. The twelve Principles of Efficiency. 1911.

націй, но не предполагая какихъ-либо различій въ зависимости отъ этого въ изложеніи политической экономіи. При вообще ограниченной роли, отводившейся общими школами государству, единство экономіи отдѣльнаго хозяйства, націи и націй въ совокупности было одной изъ аксіомъ названныхъ школъ. Исторически обусловливалось это обширными внѣшними экономическими связями и интересами, издавна присущими тѣмъ странамъ, которыя создали два указанныхъ экономическихъ направленія. Въ иныхъ условіяхъ находилась въ этомъ отношеніи Германія, сознательно приступившая въ новѣйшее время къ созданію и развитію своей внѣшней хозяйственной дѣятельности, послѣ того какъ въ самой странѣ достигнута была высокая ступень интенсивности хозяйственной дѣятельности. Эти историческія условія, естественно, должны были вызвать въ наиболѣе рьяныхъ представителяхъ этого новѣйшаго экономическаго «курса» германской политической жизни идею обособленной міровой экономіи и посвященной ей науки.

Въ то время какъ упомянутые выше авторы пытаются преобразовать систему экономическихъ наукъ, расчленяя экономику на частнохозяйственную и народнохозяйственную науки, Bernhard Harms пытается создать въ системѣ экономическихъ наукъ еще особую науку о міровомъ хозяйствѣ. Во вступленіи къ указанному обширному труду своему онъ указываетъ, что центръ тяжести его изслѣдованія заключается въ попыткѣ обосновать науку о міровомъ хозяйствѣ (Weltwirtschaftslehre), при чемъ эта проблема ставится въ зависимость отъ разрѣшенія двухъ вопросовъ: 1) относительно наличія соціальноэкономическихъ фактовъ и тенденцій, оправдывающихъ предположеніе о существованіи особаго мірового хозяйства внѣ рамокъ хозяйственныхъ общеній, опредѣляемыхъ государственными границами; 2) о наличіи основаній къ созданію, въ системѣ хозяйственныхъ наукъ, особой науки о міровомъ хозяйствѣ. Рѣшая оба эти вопроса въ положительномъ смыслѣ, Harms замѣняетъ существующую классификацію экономическихъ наукъ собственными измышленіями, носящими на себѣ отпечатокъ поспѣшности и недостаточной разработки и вмѣ-

стѣ съ тѣмъ безъ нужды выходящими изъ рамокъ центральной проблемы.

Къ понятію хозяйства Harms пріурочиваетъ очень сложную классификацію. Первую и наиболѣе разнородную группу представляютъ отдѣльныя хозяйства (Einzelwirtschaft), опредѣляемыя какъ «руководимая хозяйствующимъ субъектомъ организація для полученія, (сохраненія) и примѣненія вещественныхъ благъ» и различаемыя на частныя и публичныя отдѣльныя хозяйства, при чемъ отдѣльное хозяйство представляетъ комбинацію пріобрѣтательнаго и потребительнаго хозяйства. Къ публичнымъ отнесены государственное, общинное, областное и уѣздное [земскія] хозяйства, а также хозяйства различныхъ общественно-публичныхъ установленій и юридическихъ лицъ[1]. Частныя хозяйства различаются на пріобрѣтательныя съ одной стороны и потребительныя хозяйства и частныя общественныя хозяйства съ другой. Пріобрѣтательныя хозяйства по роду промысла раздѣляются на производственныя, торговыя, транспортныя, комиссіонныя, страховыя, по оказанію услугъ, театральныя, образовательныя, трактирногостиничныя, при чемъ внутри этихъ «категорій» авторъ предполагаетъ еще особыя подгруппы. «Потребительное хозяйство есть существенная составная часть отдѣльныхъ хозяйствъ и нормально находится приблизительно въ соразмѣрности съ пріобрѣтательнымъ хозяйствомъ»[2]. Народное хозяйство образуетъ «отношенія отдѣльныхъ хозяйствъ между собою и къ государственной власти»[3]. По болѣе полному опредѣленію, «народное хозяйство есть совокупность обусловливаемыхъ свободою обмѣна и техническими условіями его, равно какъ регулируемыхъ единымъ правомъ и споспѣшествуемыхъ хозяйственнополитическими мѣропріятіями отношеній, и ихъ взаимодѣйствій, между отдѣльными хозяйствами государственноединаго народа»[4]. Аналогично этому міровое хозяйство опредѣляется какъ «совокупность обусловливаемыхъ высокоразвитымъ обмѣномъ и регулируемыхъ, а также споспѣшествуемыхъ

[1]) S. 94 f.
[2]) S. 93 f., 347, 358, 360.
[3]) S. 98.
[4]) S. 100, 383.

государственными международными договорами отношеній, и ихъ взаимодѣйствій, между отдѣльными хозяйствами земного шара»[1].

Приведенныя опредѣленія, лежащія въ основѣ всѣхъ положеній и выводовъ Harms'a и потому требующія къ себѣ особаго вниманія, представляютъ существенныя погрѣшности, которыми отчасти и обусловлена самая своеобразность научной позиціи Harms'a. Общее опредѣленіе хозяйства заключаетъ въ себѣ излишнее и по существу неправильное[2] ограниченіе хозяйства кругомъ вещественныхъ благъ, въ прямомъ противорѣчіи со всѣмъ существомъ и назначеніемъ публичныхъ хозяйствъ, также подводимыхъ подъ это опредѣленіе. Расчлененіе отдѣльнаго хозяйства на пріобрѣтательное и потребительное есть, по существу, механическое разсѣченіе единой организаціи на части и расходится съ конкретнымъ разнообразіемъ цѣлей и содержанія отдѣльныхъ частныхъ и публичныхъ хозяйствъ. Внесеніе въ экономическую науку различенія не отдѣльныхъ отраслей дѣятельности, а отдѣльныхъ хозяйствъ, принадлежащихъ разнымъ отраслямъ дѣятельности, равносильно сведенію всего существеннаго въ хозяйственной жизни къ различіямъ въ отрасляхъ дѣятельности. Съ другой же стороны, въ виду отнесенія сюда какъ частныхъ, такъ и публичныхъ и всѣхъ вообще коллективныхъ хозяйствъ, общая группа отдѣльныхъ хозяйствъ представляется слишкомъ разнородной по своему составу, и это, безъ сомнѣнія, ослабляетъ позицію автора въ его построеніи группы частнохозяйственныхъ наукъ. Эта погрѣшность обусловлена какъ бы принятіемъ точки зрѣнія гражданскаго, или частнаго права, въ противность которому однако область хозяйственной жизни имѣетъ всегда также политическую сторону, отъ которой, напротивъ, абстрагируетъ частное право. Затѣмъ, опредѣленія отдѣльнаго, народнаго и мірового хозяйства не приведены въ строгое соотвѣтствіе между собою, отчего и возникаетъ мысль объ ихъ разнородности по существу. Такъ, въ опредѣленіи частнаго хозяйства игнорируется,

[1]) S. 105, 383.
[2]) См. выше, § 3, а также: Кохановскій. Н. с. Стр. 11 сл.

что къ содержанію его принадлежитъ не просто «организація», но организація хозяйственныхъ актовъ и отношеній[1], при чемъ единство воли хозяйствующаго субъекта и строгая планомѣрность хозяйства вообще не вполнѣ или и вовсе не обезпечиваются. Это же опредѣленіе можетъ быть отнесено также къ хозяйствамъ народному и міровому. Въ опредѣленіи послѣднихъ, благодаря чисто механическому процессу ихъ построенія, Harms упускаетъ изъ вида общность факторовъ и лишь относительное преобладаніе иныхъ изъ нихъ въ томъ и другомъ случаѣ. И народное хозяйство и міровое хозяйство и даже отдѣльное частное хозяйство имѣютъ своими факторами какъ внутреннія, такъ и внѣшнія политическія и правовыя условія, а равно и внутреннія и внѣшнія природныя и соціальныя условія вообще. Въ силу этого предположеніе о различіи между этими тремя хозяйствами по существу и по образующимъ ихъ факторамъ оказывается несостоятельнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаютъ и надобность и возможность трехъ отдѣльныхъ наукъ о нихъ, съ общей для нихъ основой въ видѣ чистой экономики.

Между тѣмъ Harms проводитъ именно такую классификацію отдѣльныхъ отраслей въ общей системѣ соціальноэкономической науки, различая въ ней чистую и прикладную соціальноэкономическую науку и раздѣляя послѣднюю на науку объ отдѣльномъ хозяйствѣ, науку о народномъ хозяйствѣ и науку о міровомъ хозяйствѣ[2]. По признанію самаго автора, «это даетъ, естественно, полное преобразованіе современной народнохозяйственной науки». Чистую экономику онъ представляетъ, какъ «универсальную теорію, абстрагирующую отъ всякихъ политическихъ организацій и мѣропріятій»[3]. Наибольшее приближеніе къ идеалу чистой теоріи онъ видитъ въ Theoretische Sozialökonomik Dietzel'я, къ сторонникамъ же чистой теоріи имъ относятся австрійская школа и въ Германіи— Neumann, въ извѣстной мѣрѣ—Ad. Wagner и принципіально— J. Wolf, L. Pohle, Liefmann; но «наиболѣе послѣдователь-

[1]) Отчасти признаетъ это и Harms. См.: S. 355 f., 358.
[2]) S. 339, 428.
[3]) S. 327, 382.

нымъ представителемъ абстрактной теоріи показалъ себя въ превосходной книгѣ Joseph Schumpeter»[1], хотя онъ, и по мнѣнію Harms'a, слишкомъ суживаетъ содержаніе чистой экономики. Какъ утверждаетъ Harms, «съ помощью чистой теоріи совокупная соціально-экономическая жизнь, отъ производства до потребленія, можетъ быть вполнѣ абстрактно проанализирована, чему не требуется дальнѣйшихъ примѣровъ, такъ какъ классическая экономическая наука представляется живѣйшимъ доказательствомъ возможности такого изслѣдованія». Авторъ держится того, имѣющаго для всей его системы важнѣйшее значеніе, мнѣнія, «что чистая экономика образуетъ существенную составную часть соціальной экономики и представляетъ основу для всякаго соціальноэкономическаго изслѣдованія также конкретныхъ хозяйственныхъ явленій»[2]. Въ такомъ абстрактномъ анализѣ производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія благъ на основѣ метода изолированія и исходя отъ опредѣленной отправной точки, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ притти къ опредѣленнымъ гипотетическимъ законамъ, Harms видитъ начало соціальноэкономическаго мышленія. При этомъ онъ вполнѣ присоединяется къ общей части упомянутаго труда Dietzel'я, какъ къ образцу того, чѣмъ должна быть чистая экономика въ предлагаемой системѣ[3]. Исключая изъ соціальноэкономической науки вопросъ о долженствующемъ быть и ссылаясь на то, что «каждый практическій вопросъ хозяйственной жизни имѣетъ свою теоретическую сторону»[4], Harms устраняетъ изъ своей системы практическую соціальную экономику и прямо переходитъ къ прикладной соціальноэкономической наукѣ, которой онъ даетъ особый характеръ описательно-объяснительной науки. Прикладной характеръ понимается «именно въ томъ смыслѣ, что конкретныя, изслѣдованныя путемъ точнаго наблюденія состоянія должны быть выяснены съ помощью теоріи, но не въ томъ смыслѣ, чтобы изъ теоріи получать руководящія положенія для практической политики». Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ

[1]) S. 327 f., 332.
[2]) S. 331.
[3]) S. 332 f.
[4]) S. 334, 336.

приходитъ къ расчлененію прикладной соціальноэкономической науки на три отдѣльныхъ науки, соотвѣтственно различенію имъ отдѣльнаго, народнаго и мірового хозяйства[1]. Ближайшая характеристика этихъ наукъ и въ особенности, разумѣется, третьей изъ нихъ составляетъ главную задачу труда и трактуется авторомъ достаточно подробно. Отвергая иныя пониманія частнохозяйственной науки, Harms утверждаетъ, «что частнохозяйственная наука должна пользоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ чисто индуктивнымъ методомъ, должна видѣть свою задачу исключительно въ томъ, чтобы описывать и объяснять точно наблюдаемые факты. Все прочее лежитъ безусловно внѣ круга ея задачъ»[2]. При этомъ обособляются общая часть частнохозяйственной науки, включая сюда также гносеологическіе и методологическіе вопросы частнохозяйственной науки, и спеціальная частнохозяйственная наука, подраздѣляемая на науки о пріобрѣтательномъ и о потребительномъ хозяйствахъ, при чемъ первая распадается въ свою очередь на общую и спеціальную части, спеціальная же часть ея на отдѣлы, посвященные отдѣльнымъ отраслямъ дѣятельности, перечисленнымъ выше, съ ихъ еще болѣе детальнымъ подраздѣленіемъ[3]. Общая система наукъ объ отдѣльномъ хозяйствѣ охватываетъ, кромѣ наукъ частнохозяйственныхъ, также науку о коллективномъ хозяйствѣ (Gemeinwirtschaftslehre) или финансовую, къ которой принадлежатъ публичная финансовая наука, подраздѣляющаяся на общую и спеціальную, а эта послѣдняя—на науки о государственномъ и мѣстномъ коллективномъ хозяйствѣ, и наука о частномъ коллективномъ хозяйствѣ[4]. Объ этой послѣдней наукѣ Harms находитъ нужнымъ упомянуть ради полноты, хотя наука эта не существуетъ и едва ли создастся въ предвидимомъ будущемъ[5]. Представляющая собою вторую группу прикладныхъ экономическихъ наукъ, наука о народномъ хозяйствѣ мало останавливаетъ на себѣ вниманіе автора. Въ виду наличія чистой

1) S. 337 f., 382 f.
2) S. 355 f.
3) S. 358 ff., 369 ff.
4) S. 347 f., 377 ff.
5) S. 380.

экономики онъ даетъ своей наукѣ о народномъ хозяйствѣ описательный характеръ, подраздѣляя ее на общую и спеціальную науки и въ видѣ примѣра разбирая содержаніе общей науки о германскомъ народномъ хозяйствѣ[1]. Наука о міровомъ хозяйствѣ, представляющая третью и послѣднюю группу среди прикладныхъ экономическихъ наукъ и имѣющая всецѣло германское происхожденіе, отправляется отъ международнаго обмѣна въ цѣломъ и приходитъ этимъ путемъ къ государственнымъ границамъ. И она также подраздѣляется на общую и спеціальную части, при чемъ «общая часть образуется ближайше на соціальноэкономико-географической основѣ». Даваемый авторомъ обзоръ содержанія науки о міровомъ хозяйствѣ указываетъ на такую обширность и разносторонность содержанія, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ обычному представленію объ извѣстномъ единствѣ и цѣльности содержанія науки и безусловно исключаютъ спеціальное усвоеніе ея. Общая часть науки о міровомъ хозяйствѣ въ указанномъ обзорѣ подраздѣлена на пять основныхъ раздѣловъ. Первый раздѣлъ, озаглавленный: «Естественныя основы хозяйственной жизни на землѣ», могъ бы скорѣе годиться для введенія въ общую коммерческую географію. Второй раздѣлъ: «Общественное хозяйство на государственно ограниченной территоріи; предѣлы его развитія» цѣликомъ выходитъ изъ рамокъ мірового хозяйства, имѣя въ своемъ содержаніи вопросы о государствѣ и хозяйствѣ, образованіи государствъ, существѣ народнаго хозяйства, объ естественныхъ условіяхъ добывающей промышленности въ народномъ хозяйствѣ, о законѣ убывающей производительности почвы, и еще рядъ вопросовъ, на нашъ взглядъ, праздныхъ: «различія въ народнохозяйственномъ располаганіи минералами; естественныя границы обрабатывающей промышленности въ народномъ хозяйствѣ; различія въ культурныхъ условіяхъ обрабатывающей промышленности въ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствахъ» и пр. Третій основной раздѣлъ озаглавленъ: «Общеніе мірового обмѣна (Міровое хозяйство)» и заключаетъ въ своемъ содержаніи между прочимъ общее изслѣдованіе о средствахъ сообщеній и сношеній, о народно-

[1]) S. 459, 429.

хозяйственномъ значеніи мірового обмѣна, о сущности раздѣленія труда, о теоріи развитія всѣхъ производительныхъ силъ націи и государственной экономической политикѣ, о значеніи поѣздокъ съ разными цѣлями, объ эмиграціи, о принципіальномъ положеніи колоній въ міровомъ хозяйствѣ. Четвертый основной раздѣлъ посвященъ «правовому или хозяйственнополитическому регулированію и споспѣшествованію мірового обмѣна», при чемъ часть принадлежащихъ сюда вопросовъ отнесена къ третьему раздѣлу. Пятый основной раздѣлъ трактуетъ о «міровомъ хозяйствѣ, какъ предметѣ научнаго изслѣдованія» и имѣетъ гносеологическое и методологическое содержаніе. Спеціальная наука о міровомъ хозяйствѣ имѣетъ еще болѣе необъятное содержаніе и заключаетъ въ себѣ введеніе и три основныхъ части. Первая часть содержитъ детальное и всестороннее изслѣдованіе о мореходствѣ со включеніемъ морского страхованія и государственной политики мореходства, о судоходствѣ на главнѣйшихъ и международныхъ рѣкахъ, о международномъ желѣзнодорожномъ движеніи и о трансконтинентальныхъ линіяхъ въ различныхъ странахъ, о международномъ почтовомъ и телеграфномъ дѣлѣ. Вторая часть имѣетъ своимъ предметомъ «производство, обращеніе и потребленіе главнѣйшихъ сырыхъ матеріаловъ и промышленныхъ продуктовъ въ міровомъ хозяйствѣ». Указывая примѣрно ея содержаніе лишь по отношенію къ нѣкоторымъ частямъ этой широкой темы, Harms вводитъ сюда программу вопросовъ по общей организаціи міровой торговли, хлопку и издѣліямъ изъ хлопка и хлѣбамъ, при чемъ попутно выясняетъ организацію биржъ и биржевыхъ операцій, значеніе хлопка и хлѣбовъ въ человѣческомъ хозяйствѣ и даетъ свѣдѣнія объ этихъ товарахъ во всѣхъ отношеніяхъ также по отдѣльнымъ странамъ. Наконецъ, третья основная часть трактуетъ объ «экономическихъ стремленіяхъ къ распространенію міровыхъ державъ», а въ частности—о «русскомъ міровомъ государствѣ и панславистской идеѣ» и о «Японіи и Китаѣ и т. н. желтой опасности»[1]. Вышеперечисленныя рубрики подраздѣляются большею частью на еще болѣе детальные подраздѣленія и вопросы.

[1]) S. 434 ff.

Этотъ обзоръ общей системы экономическихъ наукъ и ихъ содержанія, какъ ихъ представляетъ профессоръ Harms, самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о несостоятельности всего этого построенія, слишкомъ грандіознаго по замыслу и подобнаго, по своей неосуществимости и научной не-реальности, воздушнымъ замкамъ. Harms какъ бы задается стремленіемъ въ наукѣ о міровомъ хозяйствѣ сдѣлать сводку всего болѣе важнаго въ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствахъ съ одной стороны и съ другой—объединить совокупность прикладныхъ свѣдѣній, относящихся къ хозяйственной области, къ торгово- и товаровѣдѣнію, къ разнымъ отраслямъ технологіи и коммерческой географіи, присоединяя сюда еще вопросы права и политики. Далѣе, въ содержаніи проектируемой имъ общей системы наукъ обнаруживается неудовлетворительность всей системы съ точки зрѣнія научной архитектоники. Такъ, различеніе и разграниченіе наукъ основаны не на различіяхъ въ точкахъ зрѣнія, которыя въ сущности избѣгаются авторомъ, и даже не въ объектахъ, а въ томъ объемѣ или пространствѣ изслѣдованія, которые даются отдѣльнымъ наукамъ; спеціальная часть науки раздѣляется опять-таки на общую и спеціальную; чисто индуктивный характеръ науки совмѣщается съ гносеологическими и методологическими изслѣдованіями; предлагается такой nonsens, какъ чисто индуктивная общая частнохозяйственная наука. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣленіе прикладной соціальноэкономической науки на науки объ отдѣльномъ, народномъ и міровомъ хозяйствахъ не является исчерпывающимъ. Вѣдь находитъ же нужнымъ самъ Harms дать особую науку объ общинномъ коллективномъ хозяйствѣ.

Въ виду всѣхъ отмѣченныхъ коренныхъ недостатковъ въ научной системѣ Harms'a послѣдняя представляется несостоятельною во всѣхъ своихъ частяхъ и не могущею послужить къ выдѣленію и обоснованію особыхъ наукъ о частномъ хозяйствѣ и о міровомъ хозяйствѣ, какъ и чистой экономики.

Gottfried Zöpfl[1] является сторонникомъ пространственнаго распространенія сравнительной науки о народномъ хозяйствѣ

[1]) Art.: Kolonien und Kolonialpolitik. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. V. S. 923 ff.

также на внѣ-европейскіе страны, подобно тому какъ она уже разработана въ области исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проводитъ идею образованія спеціальной науки колоніальной политики, а также науки о міровомъ хозяйствѣ. Въ этой послѣдней «дѣло идетъ отнюдь не о представленіи чужого народнаго хозяйства — это было бы только расширеніемъ сравнительной науки о народномъ хозяйствѣ, а не особой дисциплиной, — но о совокупности всей международной, отъ государства къ государству совершающейся хозяйственной дѣятельности». При этомъ къ общей части отнесено ученіе о внѣшней хозяйственной дѣятельности, или о міровомъ хозяйствѣ, и къ спеціальной практической части — внѣшняя экономическая политика. Тѣ же части Zöpfl различаетъ и въ колоніальной наукѣ, при чемъ основываетъ первую на статическомъ и вторую — на динамическомъ принципѣ.

Не присоединяясь къ той рѣзкой, соединяющейся съ личными нападками, критикѣ, которую направляетъ противъ Zöpfl'я Harms[1], мы не можемъ однако одобрить идею самостоятельныхъ наукъ, проектируемыхъ Zöpfl'емъ, и именно по тѣмъ основаніямъ, что явленія и вопросы, относимыя къ этимъ наукамъ, входятъ въ кругъ соотвѣтствующихъ соціальныхъ наукъ, и что объ эти науки не имѣютъ ни исключительно имъ свойственныхъ руководящихъ точекъ зрѣнія ни обособленныхъ объектовъ. Въ частности, относительно колоніальной науки, которую признавалъ и W. Roscher, должно отмѣтить крайнюю условность научнаго понятія колоніи, въ особенности въ экономическомъ отношеніи. Именно съ этой послѣдней точки зрѣнія не представляется полныхъ и безусловныхъ различій между Австраліей, Остъ-Индіей, Канадой, С.-А. Соединенными Штатами, Аргентиной, и, съ другой стороны, въ неопредѣленномъ положеніи представятся такія части страны, какъ Сибирь или Кавказъ. Вопросъ объ эмиграціи никакъ не удастся подвергнуть цѣлостному обсужденію въ предѣлахъ именно колоніальной науки. Вопросъ объ отношеніяхъ между туземнымъ и пришлымъ населеніемъ и о правовомъ урегулированіи ихъ въ странахъ и колоніяхъ съ зна-

[1]) O. c., S. 75 ff.

чительной иммиграціей и вопросъ о колоніяхъ съ слабымъ притокомъ переселенцевъ и съ малоразвитыми дѣятельностью и экономической заинтересованностью въ нихъ со стороны метрополій представляются, очевидно, самостоятельными. Вообще, уже скорѣе умѣстна была бы самостоятельная наука о колоніяхъ, зиждящаяся на правовой или политической связи между странами, въ области правовѣдѣнія, именно въ области публичнаго права либо въ видѣ чисто прикладной и вспомогательной дисциплины смѣшаннаго содержанія, на подобіе полицейскаго права. Но Zoepfl имѣетъ въ виду самостоятельную науку, по отношенію къ которой наука права признается имъ вспомогательной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если даже оставить въ сторонѣ научную методологію, примѣненіе статическаго принципа и метода въ общемъ ученіи о колоніяхъ противорѣчитъ крайней измѣнчивости и разнообразію изучаемыхъ объектовъ и ограниченной приложимости къ нимъ отвлеченной теоріи[1].

37. Изначала признававшіяся англійской и французской экономической литературой единство экономической науки по ея объекту и вмѣстѣ съ тѣмъ ея обособленіе отъ другихъ сторонъ культурной жизни и посвященныхъ имъ наукъ—въ данномъ случаѣ имѣется въ виду главнымъ образомъ техника во всѣхъ возможныхъ ея разновидностяхъ—получили себѣ впослѣдствіи болѣе или менѣе полное признаніе также въ германской наукѣ. Вновь подтвердилось это въ новѣйшей полемикѣ со стороны представителей строгой науки противъ отмѣченныхъ тенденцій къ расчлененію экономики, исходившихъ отъ представителей прикладныхъ дисциплинъ.

По вопросу о т. н. частнохозяйственномъ моментѣ классически ясно и убѣдительно высказался J. B. Say[2]: «Политическая экономія разсматриваетъ земледѣліе, торговлю и промышленность лишь въ ихъ отношеніи къ умноженію или уменьшенію богатствъ, а не въ ихъ процессахъ выполненія.

---

[1]) Напротивъ, W. Roscher und R. Jannasch въ своемъ совмѣстномъ (въ 3 изд.) трудѣ: Kolonien, Kolonialpolitik und Ausswanderung. 1885, представили характеристику колоній съ экономической стороны.

[2]) Traité d'économie politique. 6 éd. par Horace Say. 1841. Discours préliminaire. P. 2 et suiv.

Она указываетъ, въ какихъ случаяхъ торговля истинно продуктивна, въ какихъ—то, что она приноситъ одному, отнимается у другого, въ какихъ она выгодна для всѣхъ; она учитъ даже оцѣнивать каждый изъ этихъ процессовъ, но лишь въ ихъ результатахъ. На этомъ она останавливается. Остальное въ наукѣ негоціанта слагается изъ знанія методовъ его спеціальности. Онъ долженъ знать товары, которые представляютъ предметъ его торговли, ихъ качества, ихъ недостатки, мѣсто, откуда ихъ получаютъ, мѣста сбыта ихъ, средства передвиженія, цѣнности, которыя онъ можетъ дать въ обмѣнъ, способъ соблюсти свои расчеты. То же можно сказать о земледѣльцѣ, мануфактурщикѣ, администраторѣ: всѣ имѣютъ нужду въ изученіи политической экономіи, чтобы знать причину и результаты каждаго явленія; и каждый, чтобы быть искуснымъ въ своей части, долженъ присоединить сюда изученіе пріемовъ своего искусства».

J. St. Mill[1] признавалъ политическую и домашнюю экономію противоположными, предполагая сходство между ними лишь въ отношеніи къ результатамъ практическаго примѣненія той и другой. Въ то время какъ политическая экономія, по опредѣленію Mill'я «есть наука, а не искусство, занимается естественными законами, а не правилами поведенія, и учитъ, какъ творятся вещи сами по себѣ, а не какой видъ рекомендуется давать имъ, чтобы достичь какой-либо особой цѣли», «домашняя экономія, на сколько она можетъ быть сведена къ принципамъ, есть искусство. Она состоитъ изъ правилъ, или максимъ разума относительно содержанія семьи, регулярно снабжаемой тѣмъ, что нужно по ея потребностямъ, и съ обезпеченіемъ, при данной суммѣ средствъ, возможно наибольшаго количества матеріальнаго комфорта и обладанія».

Эти опредѣленія Mill'я, наряду съ общей неудовлетворительностью ихъ, погрѣшаютъ отсутствіемъ различенія экономическаго и техническаго момента, какъ въ домашнемъ обиходѣ, такъ и въ болѣе широкой общесоціальной жизни. Съ точки зрѣнія различія между двумя указанными моментами,

[1]) Essays on some unsettled Questions of Political Economy. 3 ed. 1877. P. 125.

противоположеніе политической и домашней экономіи—которое Mill не вполнѣ выдерживаетъ, указывая на аналогію между практическимъ приложеніемъ политической экономіи и результатами домашней экономіи—отпадаетъ, и послѣдняя перестаетъ быть изъятой изъ сферы научнаго изслѣдованія.

Въ то время, какъ у Mill'я это изъятіе обусловливается предположеніемъ чисто прикладного, исключающаго науку, характера домашней экономіи, нѣкоторымъ экономистамъ, указывающимъ на аналогію между политической и домашней экономіей[1], повидимому, не чужда мысль, что эта послѣдняя не можетъ представлять интересъ въ такой мѣрѣ, чтобы стать объектомъ научнаго изученія.

Что касается новѣйшей полемики противъ идеи особой частнохозяйственной науки въ германской литературѣ, то въ этомъ смыслѣ высказался Lujo Brentano[2]. Онъ указываетъ на то, что частнохозяйственная наука возникла значительно ранѣе, нежели народнохозяйственная, имѣющая своими необходимыми условіями производство на рынокъ и наличіе государственной власти. Первое даетъ возможность сопоставить достигнутый результатъ съ затраченными издержками и тѣмъ поощряетъ стремленіе къ возможному превышенію результата надъ издержками. Государственная власть своими мѣропріятіями обособляетъ подчиненныя ей частныя хозяйства отъ другихъ группъ ихъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было развитіе науки о частныхъ хозяйствахъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ—въ видѣ камеральной науки въ Германіи и у не германскихъ меркантилистовъ. Позже на мѣсто этихъ конкретныхъ частнохозяйственныхъ наукъ выступила абстрактная народнохозяйственная наука. По отношенію къ проблемамъ современной науки Brentano высказывается за увеличеніе числа и дальнѣйшую спеціализацію экономическихъ профессуръ, но отвергаетъ мысль о созданіи особой частнохозяйственной науки. Партизановъ этой послѣдней онъ упрекаетъ въ томъ, что они

[1]) James Steuart. Inquiry into the Principles of Political Economy. 1767. Vol. I. Book I. Introduction; James Bonar. Elements of Political Economy. 2 ed. 1904. Ch. I. P. 1 seq.

[2]) Privatwirtschaftslehre und Volkswirtschaftslehre. Bank-Archiv. J. XII. № 1. 1. Okt. 1912. S. 1—6.

видятъ объектъ ея въ пріобрѣтеніи (Erwerb), которое однако представляется также объектомъ изслѣдованія народнохозяйственной науки. Подобная же общность содержанія отмѣчается также вообще между общей и спеціальной частнохозяйственной наукой съ одной стороны и теоретической и практической народнохозяйственной наукой. Существенное различіе между ними усматривается однако въ точкѣ зрѣнія. Такъ, въ этой новой наукѣ предполагаются лишь три фактора производства: природа, трудъ и капиталъ, но не государство, ни достигнутое состояніе культуры; игнорируются, такимъ образомъ, факты, о которыхъ говоритъ каждый торговый отчетъ, какъ значеніе частнаго права, государственнаго строя и управленія, международноправовыхъ положеній, культурныхъ пріобрѣтеній, значеніе общей совокупности для отдѣльнаго хозяйства. Частнохозяйственная наука имѣетъ въ виду, въ качествѣ субъекта хозяйства, лишь предпринимателя и поэтому правильнѣе должна была бы называться частнопредпринимательской наукой. Если Weyermann-Schönitz высказываютъ, что Ад. Смитъ базируется при выведеніи и обоснованіи теоретическихъ положеній на соображеніяхъ частныхъ предпринимателей, то они смѣшиваютъ соображенія этихъ послѣднихъ съ соображеніями индивида. «Ад. Смитъ и его ученики нигдѣ не принимали за отправный пунктъ разсмотрѣнія интересъ предпринимателя, но всегда — интересъ всякаго индивида; и въ то время какъ Ад. Смитъ предполагалъ полное сочувствіе безпристрастнаго зрителя къ стремленію всякаго индивида обезпечить свою выгоду, онъ осуждалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ стремленіе отдѣльнаго хозяина (Privatwirtschafter), гдѣ только оно распространялось на счетъ другихъ». Brentano отмѣчаетъ также противоположность интересовъ отдѣльныхъ предпринимателей между собою и по отношенію къ общему интересу. «Также, что касается отношенія между работодателемъ и рабочимъ, дѣлать исходнымъ и конечнымъ пунктомъ разсмотрѣнія, вмѣсто человѣка, предпріятіе и его успѣхъ — означаетъ возвратъ къ меркантилизму. Тамъ рабочій разсматривался лишь какъ объектъ; въ качествѣ субъекта хозяйственной жизни ему дали значеніе впервые Ад. Смитъ и его школа, выдвинувъ требованіе сво-

боды труда и трудового договора». Въ заключеніе Brentano указываетъ на необходимость для національной экономіи частнохозяйствовѣдѣнія (Privatwirtschaftskunde), съ тѣмъ чтобы проводилась точка зрѣнія общаго интереса, а не отдѣльныхъ предпринимателей, и чтобы не возникало хотя бы непреднамѣренное представительство интересовъ, означающее конецъ наукѣ.

Въ резюмированной выше статьѣ авторъ частью выходитъ изъ рамокъ темы, частью слишкомъ обостряетъ—въ личную сторону—вопросъ о частнопредпринимательской тенденціи въ частнохозяйственной наукѣ. Онъ игнорируетъ также технически-прикладной характеръ той зачаточной науки, возникновеніе которой относитъ уже къ древности, а также тѣ, несомнѣнно, значительные зачатки народнохозяйственной экономики и финансовой науки, которые можно прослѣдить задолго до Ад. Смита. Но по существу должно признать правильными его замѣчанія относительно отвергаемой имъ якобы науки либо якобы экономической науки о частномъ хозяйствѣ не съ народнохозяйственной точки зрѣнія.

Этотъ выводъ принимаетъ, въ своемъ отвѣтѣ на отмѣченную статью, Richard Ehrenberg. Мнѣніе его представляется тѣмъ болѣе вѣсскимъ, что цитированная сейчасъ статья направлена также противъ него, что самъ онъ былъ ранѣе противнаго мнѣнія, и что пропагандируемый имъ методъ точно-сравнительнаго экономическаго изслѣдованія, основанный на изолирующемъ изученіи отдѣльныхъ явленій и опредѣляемый имъ, какъ изученіе клѣтокъ (Zellenforschung!)[1], т. е. той же аналогіей организма, какою пользуются Weyermann-Schönitz, весьма близокъ къ заданіямъ частнохозяйственной науки. Въ 1900 году[2] Ehrenberg былъ объ этомъ слѣдующаго мнѣнія: «Я съ своей стороны твердо убѣжденъ, что мы можемъ лишь притти къ удовлетворительному научному познанію народнаго хозяйства, если будемъ систематически разрабатывать частнохозяйственную науку и возможно строго отдѣлять ее отъ народнохозяй-

---

[1]) Archiv für exacte Wirtschaftsforschung (Thünen-Archiv). B. III. H. 3. 1910. S. 338 f.

[2]) Handelspolitik. 1900. S. 93 f.

ственной науки. Частное хозяйство есть клѣтка совокупной хозяйственной жизни. Какъ можно понять ее, не изслѣдуя жизнь частнаго хозяйства? Народное хозяйство состоитъ, во всякомъ случаѣ, не только изъ частныхъ хозяйствъ, но и изъ многочисленныхъ публично-хозяйственныхъ или соціально-хозяйственныхъ элементовъ. Но если народнохозяйственная наука развивается въ науку ранѣе частнохозяйственной, то это есть то же, какъ строить домъ съ крыши. Народнохозяйственная наука должна шагъ за шагомъ бороться противъ смѣшенія частно- и народнохозяйственныхъ понятій, изъ чего проистекли безчисленныя теоретическія ошибки и недоразумѣнія. Но если уже экономисты-теоретики нуждаются въ частнохозяйственной наукѣ, то на сколько больше—практики, прежде всего представители торговой политики!» «Дѣло идетъ здѣсь не о констатированіи производственныхъ условій даннаго момента, но о созданіи теоріи веденія (des Betriebes) частныхъ хозяйствъ, въ особенности хозяйственныхъ предпріятій».

Въ настоящее время[1] Richard Ehrenberg высказывается въ противоположномъ смыслѣ: «Двѣнадцать лѣтъ назадъ я случайно высказался однажды за созданіе особой частнохозяйственной науки, но очень скоро созналъ свое заблужденіе». «Я вполнѣ согласенъ съ Брентано, что не существуетъ и не можетъ существовать никакой частнохозяйственной науки». «Для обособленія частно- и народнохозяйственной науки нѣтъ ни малѣйшаго основанія, для особой частнохозяйственной науки нѣтъ никакого объекта». «Или въ университетѣ должно читать лекціи о нормальномъ состояніи хозяйственной жизни, въ спеціальныхъ же школахъ, напротивъ, излагать, какъ можно хищнически хозяйничать съ силами природы и человѣка? Опасному заблужденію особой частнохозяйственной науки долженъ быть положенъ конецъ скоро и вполнѣ». Предполагая при этомъ совпаденіе содержанія въ существенномъ между прикладными дисциплинами (Betriebslehren) для подготовки земледѣльцевъ, промышленниковъ, коммерсантовъ съ одной стороны и соотвѣтствующими частями народнохозяйственнаго ученія о производствѣ, авторъ однако впадаетъ все въ ту же

[1]) Bank-Archiv. J. XII. № 4. 14 Nov. 1912. S. 55 ff.

погрѣшность игнорированія преобладающаго техническаго элемента въ указанныхъ прикладныхъ дисциплинахъ.

Приведенныя сейчасъ общія заключенія Ehrenberg'a находятъ себѣ опору въ классификаціи экономическихъ наукъ, которую вкратцѣ формулируетъ Andreas Voigt[1]. Принимая въ основу классификаціи хозяйственные субъекты или виды хозяйственныхъ единицъ, онъ предполагаетъ соотвѣтственно этому двѣ большихъ категоріи частныхъ и публичныхъ хозяйствъ и науки о нихъ. «Экономическая наука о частномъ хозяйствѣ и о предпріятіяхъ и ихъ отношеніяхъ есть именно то, что мы называемъ народнохозяйственной наукой, тогда какъ экономическая наука о публичномъ хозяйствѣ есть финансовая наука». Въ качествѣ соединяющаго ихъ звена, относящагося къ той и другой наукѣ, Voigt указываетъ ученіе о публичныхъ предпріятіяхъ. «Наряду съ этими спеціальными частями экономической науки заслуживаетъ, конечно, разработки и вниманія также общая экономическая наука, относящаяся ко всѣмъ частямъ».

Противъ особой частнохозяйственной науки, какъ ее проектировали и старались обосновать Weyermann-Schönitz, выставилъ рядъ возраженій Dr. Goetz Briefs[2]. Онъ указываетъ на то, что «критерій изображенія фактовъ не исчерпываетъ понятіе науки» и что «выдѣленіе частнохозяйственной науки представляется обоснованнымъ лишь въ томъ случаѣ, если указываемые авторами новые результаты исключительно могутъ быть достигнуты посредствомъ отдѣльной отъ соціальной экономіи, въ ея теперешнемъ составѣ, частнохозяйственной науки», а между тѣмъ это, по мнѣнію Briefs'a, и не удалось доказать. По отношенію къ констатированію стремленій субъектовъ частныхъ хозяйствъ Briefs справедливо замѣчаетъ: «Чистое стремленіе либо объективируется въ результатѣ: тогда его можетъ и будетъ постигать и соціальный экономистъ; либо оно остается воображаемымъ, не объективируется: тогда оно, какъ единичное явленіе, не имѣетъ значенія для теоретической

[1]) Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. 1911. S. 258.
[2]) Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. III F. B. 43. H. 5. 1912. S. 658—669.

соціальной экономіи; а какъ общую тенденцію, его постигаетъ и соціальный экономистъ». По вопросу о большей пригодности частнохозяйственнаго разсмотрѣнія къ достиженію извѣстныхъ народнохозяйственныхъ знаній, Briefs высказываетъ, что наоборотъ, именно «представитель частнохозяйственной науки, изслѣдующій соціальноэкономическія явленія съ точки зрѣнія отдѣльнаго хозяйства, необходимо долженъ приходить къ одностороннему и неправильному сужденію». Имѣющіеся здѣсь въ виду «авторы приходятъ къ ошибочному заключенію вслѣдствіе ошибочнаго предположенія, что соціальный экономистъ руководствуется при изслѣдованіи всецѣло и абсолютно народнохозяйственными точками зрѣнія. По моему же мнѣнію, дѣло обстоитъ такъ: соціальный экономистъ изслѣдуетъ—быть можетъ, не въ такой мѣрѣ теряясь въ частностяхъ, какъ частнохозяйственный—хозяйственную клѣтку либо съ цѣлью составить соціальноэкономическое сужденіе лишь съ помощью обобщенія на достаточно обширной эмпирической основѣ либо онъ желаетъ полученное, но еще не оцѣненное сужденіе измѣрить народнохозяйственными принципами». Далѣе, «построеніе типовъ выходитъ изъ рамокъ частнохозяйственной науки», а вмѣстѣ съ тѣмъ пестрое разнообразіе типовъ едва ли можетъ оказаться полезнымъ для теоретической соціальной экономіи. Briefs приходитъ такимъ образомъ къ необходимости отклонить частнохозяйственную науку и въ качествѣ частичной дисциплины и въ качествѣ особаго метода, на подобіе статистики. «Какъ можно представить себѣ утвержденіе авторовъ, что частнохозяйственная наука располагаетъ обособленнымъ объектомъ самостоятельнаго характера подобно общей и спеціальной національной экономіи и финансовой наукѣ въ совокупной наукѣ соціальной экономіи, когда они сами въ другомъ мѣстѣ говорятъ, что частнохозяйственная наука работаетъ лишь съ той точки зрѣнія, чтобы доставить соціальной экономіи новыя знанія, и что лишь то подлежитъ частнохозяйственному изслѣдованію, что заключаетъ въ себѣ признакъ соціальноэкономической оцѣнки?» «Что должно быть сдѣлано», по мнѣнію Briefs'а, «это—расширеніе эмпирической основы: большое число хорошихъ монографій, рядъ соціально-библіографи-

ческихъ институтовъ, историко-архивныя работы—все это поставленное планомѣрно и въ цѣлесообразномъ обзорѣ; не механическое собираніе матеріала, проходящее мимо типическаго и чуждое способности съ помощью оцѣнки отдѣлять существенное отъ несущественнаго». Общее заключеніе, къ которому приходитъ Briefs: «Авторы правильно признали необходимость расширенія эмпирической основы экономической науки; мнѣ лишь представляется ихъ ошибка въ томъ, что изъ этой необходимости они заключили къ необходимости частнохозяйственной науки и просмотрѣли, что расширеніе эмпирической основы есть вполнѣ обыкновенный, постоянно повторяющійся процессъ развитія соціальной экономіи, который отнюдь не требуетъ новыхъ дисциплинъ и вспомогательныхъ наукъ».

За единство экономической науки въ ея нынѣшнемъ составѣ высказывается также K. Diehl[1]. Отмѣчая неустановленность содержанія и самаго наименованія науки о торговой дѣятельности, авторъ отвергаетъ также попытку, которую дѣлаютъ Weyermann-Schönitz, распространить частнохозяйственную науку на всѣ отрасли матеріальной дѣятельности, устранить изъ нея характеръ техническаго наставленія къ возможно правильному веденію предпріятія и дать ей характеръ чисто объективнаго изслѣдованія. Diehl настаиваетъ на томъ, что національная экономія и наука о торговой дѣятельности (Handelsbetriebslehre) должны быть опредѣленно отграничены и имѣть въ своей основѣ различныя точки зрѣнія, при чемъ національная экономія не должна заниматься прикладными вопросами технического характера, которые должны принадлежать частнохозяйственно-техническимъ дисциплинамъ. Извѣстные общіе элементы этихъ послѣднихъ должны войти въ программу университетскихъ курсовъ, съ тѣмъ однако, чтобы это не было задачею экономистовъ.

Тѣ же воззрѣнія проводитъ K. Diehl и въ своей послѣдующей статьѣ[2]. Здѣсь рѣшительно оспаривается, «чтобы въ

[1]) Nationalökonomie und Handelsbetriebslehre. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. III F. B. 43. H. 1—2. S. 94—112.

[2]) Privatwirtschaftslehre, Volkswirtschaftslehre, Weltwirtschaftslehre. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. III F. B. 46. H. 4. S. 433—482.

цѣляхъ такого усовершенствованія національноэкономической теоріи было необходимо или цѣлесообразно развитіе особой частичной дисциплины, т. н. частнохозяйственной науки. Напротивъ, онъ (ich) полагаетъ, что пріемъ авторовъ былъ бы по столько вреденъ, что во-первыхъ, съ этимъ соединялась бы огромная потеря времени, такъ какъ очень многое изъ того, что должна давать т. н. частнохозяйственная наука, излагается уже въ теоретической и практической національной экономіи. А во-вторыхъ, особая разработка частнохозяйственной науки слишкомъ легко ведетъ къ трактованію темъ и предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ народнохозяйственной наукой», какъ это Diehl усматриваетъ и въ систематическомъ обзорѣ, даваемомъ авторами.

38. Вопреки увлеченію нѣкоторыхъ экономистовъ идеею особой міровой экономіи и науки о ней, большинство германскихъ экономистовъ, оставаясь на почвѣ экономической исторіи и соотвѣтствующихъ этому воззрѣній экономической науки, признаютъ реальное и теоретикопознавательное единство народнаго хозяйства и мірового хозяйства[1].

Охарактеризованное выше стремленіе Harms'a создать особую науку о міровомъ хозяйствѣ не встрѣтило себѣ сочувствія въ научныхъ сферахъ, вызвавъ противъ себя, подобно попыткѣ ввести въ систему экономическихъ наукъ частнохозяйственную экономію, рѣшительный отпоръ. Этому посвятилъ двѣ своихъ журнальныхъ статьи Dr. Moritz Ignaz Bonn[2]. Въ первой изъ этихъ статей, напечатанной ранѣе выхода главнаго труда Harms'a, Bonn весьма убѣдительно доказываетъ невозможность такой науки. Онъ основывается при этомъ на невозможности обособить міровыя хозяйственныя явленія отъ народнохозяй-

[1]) Изъ болѣе старой литературы отмѣтимъ: Fr. C. Fulda. O. c. § 8. S. 3, § 139. S. 91. изъ болѣе же новой: M. Haushofer. Grundzüge der polit. Ökonomie. 1894. S. 7; K. Wiedenfeld. Art.: Weltwirtschaft. Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II. S. 1348. Напротивъ, E. Philippowich. Grundriss. B. I. 10 Aufl., § 7. S. 22 f., въ связи съ происходящимъ развитіемъ мірового хозяйства допускаетъ имѣющія его своимъ объектомъ науку и политику.

[2]) Eine neue Wissenschaft? Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. 33. H. 3. 1911. S. 842—857; Das Wesen der Weltwirtschaft. Archiv usw. B. 35. H. 3. 1912. S. 798—814.

ственныхъ въ виду того, что тѣ и другія конкретно совпадаютъ: міровыя хозяйственныя явленія имѣютъ существенное значеніе и для народныхъ хозяйствъ, а равно, обратно, чисто внутреннія экономическія явленія представляютъ важность и съ точки зрѣнія мірового хозяйства; самое отнесеніе извѣстнаго явленія къ міровому хозяйству болѣе или менѣе произвольно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Bonn высказывается противъ предположенія, что міровое хозяйство возникаетъ въ позднѣйшее время, въ качествѣ новой ступени экономическаго развитія. По его мнѣнію, «это воззрѣніе неправильно. Скорѣе, всегда существовало міровое хозяйство въ примѣненномъ выше смыслѣ. При этомъ, въ извѣстномъ смыслѣ отношенія были, можетъ быть, даже чаще, чѣмъ теперь, такъ какъ отдѣльныя народныя хозяйства обнимали меньшую область. Было большее число народныхъ хозяйствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ единицъ, связанныхъ между собою. Современное развитіе привело здѣсь къ сильнымъ сокращеніямъ»[1]. Въ конечномъ итогѣ, «количество и степень отношеній международнаго обмѣна возрасли, но сами по себѣ они не возникли лишь въ настоящее время». И даже полное объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ, если допустить возможность этого, въ одно экономическое цѣлое было бы равносильно образованію одного расширеннаго народнаго хозяйства, въ которомъ отсутствовали бы, въ отличіе отъ дѣйствительныхъ народныхъ хозяйствъ, присущія послѣднимъ внѣшнія экономическія взаимоотношенія. Обращаясь къ содержанію науки, Bonn и здѣсь видитъ доказательство ненужности особой науки о міровомъ хозяйствѣ: «Можно сказать безъ преувеличенія, что наука о народномъ хозяйствѣ развилась именно на международныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ—достаточно указать на Ад. Смита или Рикардо—и исходила изъ существованія наряду разныхъ народныхъ хозяйствъ и проистекающихъ отсюда международнохозяйственныхъ взаимоотношеній. Изслѣдованія народнаго хозяйства

[1]) Въ своей второй статьѣ Bonn говоритъ уже о томъ, что «нашъ періодъ, съ точки зрѣнія міровыхъ хозяйственныхъ отношеній, характеризуется тѣмъ, что движеніе людей и капиталовъ постоянно создаетъ новыя народныя хозяйства». По существу однако оба эти наблюденія не исключаютъ одно другое и не противорѣчатъ общимъ положеніямъ цитируемаго автора.

съ болѣе національной точки зрѣнія получили признаніе лишь сравнительно поздно, но и они также предполагали наличіе международныхъ взаимоотношеній. Теорія международныхъ хозяйственныхъ отношеній стала неотъемлемой составной частью всей нашей народнохозяйственной теоріи. Нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять эту теорію и снабжать ее этикетомъ новой науки—теоретической науки о міровомъ хозяйствѣ». Въ своей второй статьѣ Bonn подвергаетъ разбору капитальный трудъ Harms'a, при чемъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Harms не смогъ провести утверждаемое имъ самостоятельное отграниченіе мірового хозяйства отъ народнаго хозяйства; онъ не доказалъ поэтому и необходимость новой науки. 2) Въ міровомъ хозяйствѣ дѣло идетъ лишь о частичной области, которая, конечно, заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія. Какъ предметъ мірового хозяйственнаго изученія, должно разсматривать международныя перемѣщенія благъ и людей—частью между существующими народными хозяйствами, частью какъ предшествующее условіе народнохозяйственныхъ новообразованій. Это изученіе должно осуществляться съ помощью обычныхъ средствъ народнохозяйственнаго изслѣдованія. 3) Вопреки всѣмъ его пышнымъ заявленіямъ Harms не далъ въ этой области собственныхъ изслѣдованій». Къ положеніямъ первой статьи Bonn'a вполнѣ присоединяется также Ludwig Feuchtschwanger[1], по замѣчанію котораго «M. J. Bonn по отношенію къ существу спора высказалъ въ отъ перваго до послѣдняго слова справедливой статьѣ то, что само собою понятно для научнаго работника».

Одинаковыя почти по содержанію, хотя и менѣе рѣзкія замѣчанія высказываетъ Karl Diehl[2]. Также и по его мнѣнію, «не существуетъ особой науки о міровомъ хозяйствѣ, которая могла бы быть обособлена въ чемъ-либо, по содержанію или методологически. На принципіальный вопросъ Harms'a, представляется ли обоснованнымъ и цѣлесообразнымъ расширить область изученія экономическихъ наукъ разработкой

[1]) Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im D. R. 1912. H. 1. S. 470.

[2]) Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1913. B. 46 H. 4. S. 468—482.

самостоятельной области, т. н. науки о міровомъ хозяйствѣ, должно дать отрицательный отвѣтъ». Diehl указываетъ на то, что наименованіе науки народнохозяйственною представляется неяснымъ, но отнюдь не должно быть понимаемо въ ограничительномъ смыслѣ, а распространяется какъ на міровыя, такъ и общинныя экономическія явленія. Diehl находитъ, что понятіе мірового хозяйства суживается у Harms'а одностороннимъ выдвиганіемъ фактора международныхъ договоровъ, а также искажается предположеніемъ полной обособленности и вмѣстѣ съ тѣмъ аналогичности правовыхъ нормъ, съ которыми связаны мѣры содѣйствія и регулированія народнаго и мірового хозяйствъ. Diehl, напротивъ, утверждаетъ, что «безъ промежуточнаго звена народнохозяйственнаго общенія, къ которому принадлежатъ эти отдѣльныя хозяйства, эти международныя хозяйственныя отношенія не представляютъ интереса для экономиста, будетъ ли итти дѣло о договорахъ относительно торговли, судоходства, или также о явленіяхъ, каковы международный экспортъ капиталовъ или международные картели. Насъ интересуетъ прежде всего: какъ вліяютъ подлежащія установленія на народнохозяйственныя условія соотвѣтствующихъ странъ, тогда какъ частнохозяйственныя воздѣйствія на отдѣльныя хозяйства представляются для цѣлей нашего изслѣдованія второстепенными». На этомъ основаніи и въ противность мнѣнію Harms'а, «даже при высоко развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ соціальноэкономическая наука, если она желаетъ опираться на конкретныя формы организаціи, должна быть все же народнохозяйственной наукой въ собственномъ смыслѣ, принимая исходнымъ и центральнымъ пунктомъ разсмотрѣнія конкретныя организаціи отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ». И даже «все болѣе возрастающія обширность и интенсивность мірового оборота никоимъ образомъ не могутъ оправдать существованіе особой хозяйственной формы, т. н. мірового хозяйства, и особой частичной дисциплины, т. н. науки о міровомъ хозяйствѣ», которыя старается обосновать Harms. Наконецъ, въ качествѣ аргумента противъ проектируемой Harms'омъ науки Diehl приводитъ разнородность и необъятность ея содержанія, какъ оно дается первымъ.

39. Къ разсматриваемой проблемѣ единства или, напротивъ, расчлененія хозяйственной жизнедѣятельности и посвященной изученію ея науки имѣетъ отношеніе также вопросъ объ отдѣльныхъ стадіяхъ, на которыя распадается экономическое развитіе въ различныя времена и у различныхъ народовъ. Экономисты, предполагающіе, что человѣчество либо отдѣльныя группы націй прошли въ своемъ экономическомъ развитіи рядъ фазъ, которыя можно было бы обозначить, примѣрно, какъ эпоха предшествующая правильному хозяйствованію, эпоха отдѣльныхъ хозяйствъ, эпоха мѣстныхъ или районныхъ хозяйственныхъ группъ, эпоха народнаго хозяйства и, наконецъ, эпоха мірового хозяйства, эти экономисты противорѣчатъ тѣмъ самымъ идеѣ послѣдовательно и въ общей соціальной связи протекающаго единства развитія экономической стороны культуры и экономической науки. Напротивъ, тѣ экономисты, которые, признавая существенныя измѣненія и особенности въ экономическомъ строѣ разныхъ эпохъ и націй, не видѣли бы въ изслѣдованіи такихъ якобы по самой ихъ идеѣ различныхъ экономическихъ системъ прямую цѣль экономической науки, стояли бы на почвѣ принципіальнаго единства, какъ въ экономической дѣйствительности, такъ и въ наукѣ о ней[1].

Къ первой группѣ принадлежитъ Karl Bücher[2], признающій задачею науки въ отношеніи къ народному хозяйству не только динамическое, но и генетическое познаніе и выясненіе хозяйственныхъ явленій, а необходимымъ средствомъ для этого —приложеніе къ экономическимъ явленіямъ прошлаго «тѣхъ же средствъ логическаго расчлененія, психологическо-изоли-

[1]) Къ первому рѣшенію этой дилеммы принадлежатъ также Rodbertus, Marx, Engels, Kautsky, въ основѣ воззрѣній которыхъ лежитъ идея противопоставленія различныхъ экономическихъ системъ, смѣняющихся въ исторіи человѣчества. См.: Rodbertus. Das Kapital. Vierter socialer Brief. 1884. S. 71 ff.; Marx. Das Kapital. B. I. Vorwort zur zweiten Auflage; Marx. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. Vorwort; Engels. Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft; Kautsky. Ethik und materialistische Geschichtsauffassung. Послѣдній въ особенности осложнилъ рядъ самостоятельныхъ эпохъ, переживаемыхъ человѣчествомъ, дарвинистическимъ воззрѣніемъ. Общую характеристику относящихся къ вопросу о ступеняхъ развитія сужденій Маркса и Энгельса даетъ Sombart, хотя впрочемъ съ своей особой точки зрѣнія. См.: Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. B. XIV. 1899. H. 3-4. S. 376 ff.

[2]) Die Entstehung der Volkswirtschaft. 5 Aufl. 1906. Abschn. III.

рующей дедукціи, которыя относительно современнаго хозяйства такъ блестяще оправдались въ рукахъ мастеровъ старой абстрактной національной экономіи». По мнѣнію Bücher'a, «первый вопросъ, который долженъ себѣ поставить экономистъ, желающій постичь хозяйство народа въ очень отдаленную эпоху, это: есть ли это хозяйство народное хозяйство; его явленія по существу одинаковы ли съ таковыми нашего нынѣшняго хозяйства, основаннаго на обмѣнѣ, или же тѣ и другія по существу различаются между собою». Bücher вмѣняетъ въ погрѣшность новой исторической школѣ то, что она, «вмѣсто того, чтобы проникать съ помощью такихъ изслѣдованій въ сущность прежнихъ экономическихъ эпохъ, почти безъ разсмотрѣнія перенесла на прошлое обычныя, абстрагированныя отъ явленій современнаго народнаго хозяйства категоріи или же до тѣхъ поръ оставалась при основанныхъ на обмѣнѣ хозяйственныхъ понятіяхъ, пока они не представились соотвѣтствующими всѣмъ хозяйственнымъ эпохамъ». Отсюда авторъ приходитъ къ установленію ступеней развитія, по его мнѣнію, принадлежащему «къ необходимымъ методологическимъ средствамъ. Оно представляетъ даже единственный путь, съ помощью котораго экономическая теорія можетъ использовать результаты изслѣдованія хозяйственной исторіи. Но ступени развитія не должно смѣшивать съ эпохами во времени, по которымъ историкъ расчленяетъ свой матеріалъ. Историкъ въ извѣстномъ періодѣ не можетъ упустить ничего изъ изложенія, что въ немъ произошло важнаго, въ то время какъ ступени теоретика должны отмѣтить лишь нормальное, случайное же могутъ съ успѣхомъ оставить безъ вниманія. При медленномъ, большею частью длящемся вѣка, преобразованіи, которому подвержены всѣ экономическія явленія и установленія, развитіе не можетъ не поспѣшать быстро въ одномъ случаѣ, медлительно задержаться въ другомъ, а именно такія анормальныя явленія могутъ представляться для историка особенно важными. Для теоретика же суть лишь въ томъ, чтобы схватить общее развитіе въ главныхъ фазахъ его, между тѣмъ какъ такъ называемые переходные періоды, въ которыхъ всѣ явленія приходятъ въ движеніе, должны остаться безъ раз-

смотрѣнія. Лишь такимъ образомъ возможно найти сквозныя черты или, скажемъ смѣло, законы развитія». Общее положеніе, въ соотвѣтствіи съ которымъ Bücher опредѣляетъ ступени развитія, представлено имъ слѣдующей формулой: «Внимательное изученіе, дѣйствительно считающееся съ жизненными условіями прошлаго и не измѣряющее его явленія масштабомъ настоящаго, должно притти къ результату, что народное хозяйство есть результатъ тысячелѣтняго историческаго развитія и не старѣе современнаго государства, что предъ его возникновеніемъ на протяженіи обширнаго пространства времени человѣчество хозяйствовало безъ обмѣна или при такихъ формахъ обмѣна продуктовъ и услугъ, которыя не могутъ считаться народнохозяйственными». Обращаясь къ отысканію точки зрѣнія, которая вводила бы въ сущность явленій народнаго хозяйства и въ то же время указывала бы организаціонный моментъ прежнихъ экономическихъ эпохъ, Bücher ищетъ ее «въ отношеніи, въ которомъ стоитъ производство благъ къ ихъ потребленію, выражающемся разстояніемъ пути, который дѣлаютъ блага отъ производителя къ потребителю». Съ этой точки зрѣнія онъ раздѣляетъ «все экономическое развитіе, по крайней мѣрѣ, для центральныхъ западноевропейскихъ народовъ, гдѣ оно можетъ быть исторически прослѣжено съ достаточной точностью», на три ступени: «1) Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (чисто собственное производство, хозяйство безъ обмѣна), на которой блага потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ они возникли; 2) ступень городского хозяйства (производство на заказчиковъ или ступень прямого обмѣна, на которой блага переходятъ непосредственно изъ производящаго хозяйства въ потребляющее; 3) ступень народнаго хозяйства (товарное производство, ступень обращенія благъ), на которой блага по общему правилу должны пройти рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они достигнутъ израсходованія». На первой ступени «весь круговоротъ хозяйства отъ производства до потребленія совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)». «Обмѣнъ первоначально вовсе неизвѣстенъ. Примитивный человѣкъ, далекій отъ того, чтобы обладать врожден-

ной склонностью къ обмѣну, имѣетъ, напротивъ отвращеніе къ этому». Имѣя въ виду лишь моногамическіе народы, Bücher приписываетъ имъ, на ряду съ семьей, также болѣе обширную родовую общинную организацію, основанную сначала на преобладаніи материнства. При своемъ разложеніи эта община была замѣщена искусственнымъ расширеніемъ семьи чрезъ присоединеніе къ ней постороннихъ элементовъ на основѣ рабства и личной зависимости. Такая хозяйственная автономія рабовладѣльческаго дома признается въ особенности характеризующей соціальную и отчасти политическую исторію древняго Рима. Переходъ отъ первой ко второй ступени происходитъ съ потерею отдѣльнымъ хозяйствомъ его самостоятельности, въ смыслѣ удовлетворенія потребностей не исключительно лишь своими продуктами. «Такимъ образомъ возникаютъ односторонне развитыя отдѣльныя хозяйства, основанныя на правильномъ взаимообмѣнѣ излишка ихъ продуктовъ». Лишь постепенно происходило затѣмъ обособленіе городского населенія въ отношеніи образа жизни и занятій. Bücher предполагаетъ при этомъ болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе городовъ на извѣстной территоріи. «Область привоза и сбыта городского рынка совпадали. Деревенскіе жители доставляли жизненные припасы и сырые матеріалы и на выручку покупали трудъ городского ремесленника либо непосредственно въ видѣ труда либо косвенно, въ видѣ годовыхъ продуктовъ, заранѣе поштучно заказанныхъ или купленныхъ на рынкѣ изъ лавки производителя. Горожане и крестьяне были въ обоюдномъ отношеніи постоянныхъ покупателей». «Городскіе ремесленники имѣли исключительное право сбыта на рынкѣ. Ремесленные продукты изъ другихъ городовъ допускались лишь въ томъ случаѣ, если соотвѣтствующія отрасли не имѣли представителей въ городѣ; обычно они доставлялись производителями извнѣ для продажи на ярмаркахъ, и здѣсь различныя области городскихъ рынковъ приходили въ соприкосновеніе между собою». Что касается третьей ступени развитія, то «образованіе народнаго хозяйства есть по существу результатъ политической централизаціи, которая начинается около конца среднихъ вѣковъ и

въ настоящее время получаетъ завершеніе съ созданіемъ національно-единаго государства. Собираніе хозяйственныхъ силъ идетъ рука объ руку съ подчиненіемъ отдѣльныхъ политическихъ интересовъ высшимъ цѣлямъ совокупности». Въ области политики это нашло себѣ выраженіе въ меркантилизмѣ, съ присущимъ ему стремленіемъ къ созданію замкнутаго государственнаго хозяйства, способнаго удовлетворять всѣ потребности принадлежащихъ къ нему національнымъ трудомъ и ставящаго всѣ естественные рессурсы страны и всѣ индивидуальныя силы населенія на общую службу посредствомъ оживленнаго внутренняго обмѣна. Дальнѣйшія фазы народнаго хозяйства выразились экономическимъ либерализмомъ и возрожденіемъ національнаго направленія съ внѣшнимъ огражденіемъ и національнымъ рабочимъ законодательствомъ. Къ очерку отдѣльныхъ ступеней развитія Bücher присоединяетъ также нѣкоторые сравнительные выводы: «На ступени домашняго хозяйства каждое благо расходуется въ хозяйствѣ, гдѣ оно возникло; на ступени городского хозяйства оно непосредственно переходитъ изъ производящаго хозяйства въ потребляющее; на ступени народнаго хозяйства оно, какъ при своемъ возникновеніи, такъ и по изготовленіи, переходитъ чрезъ различныя хозяйства, циркулируетъ. На протяженіи всего развитія удлиняется разстояніе между производствомъ и потребленіемъ». «Отдѣльное хозяйство на первой ступени представляется вмѣстѣ производственнымъ и потребительнымъ общеніемъ; его организація дается семьею. На ступени городского хозяйства остается то же положеніе, на сколько подмастерье и крестьянскій батракъ участвуютъ въ хозяйствѣ ихъ работодателей. Въ народномъ хозяйствѣ производственное и потребительное общеніе разъединяются». «Семья вслѣдствіе этого перестала представлять хозяйственную единицу общества; производство благъ лишь въ видѣ исключенія принадлежитъ еще къ ея функціямъ; она есть только органъ потребленія и субъектъ потребительнаго имущества». Bücher отмѣчаетъ наконецъ, что «домашнее хозяйство—городское хозяйство—народное хозяйство не представляютъ послѣдовательныхъ ступеней, совершенно отдѣленныхъ одна отъ другой.

Всегда преобладалъ одинъ родъ хозяйствованія; онъ представлялся въ глазахъ современниковъ нормальнымъ. Также и въ настоящее время выступаютъ еще нѣкоторые элементы городского хозяйства и даже замкнутаго домашняго хозяйства. Еще нынѣ очень замѣтная часть національнаго производства благъ не поступаетъ въ народнохозяйственное обращеніе, но потребляется въ тѣхъ же отдѣльныхъ хозяйствахъ, которыя его произвели; еще другая часть заканчиваетъ свое движеніе, перейдя изъ одного хозяйства въ другое». Къ характеристикѣ этихъ экономическихъ ступеней замкнутаго домашняго хозяйства, городского и народнаго хозяйствъ Bücher присоединяетъ еще возраженіе противъ предположенія дальнѣйшей четвертой экономической ступени. «Представляется ошибочнымъ», говоритъ онъ, «считать возможнымъ отъ облегченія международнаго обмѣна, послѣдовавшаго въ либеральную эпоху, заключать, что періодъ народнаго хозяйства истекаетъ и уступаетъ мѣсто періоду мірового хозяйства». Bücher ссылается здѣсь на подъемъ государственной дѣятельности въ экономической области въ новѣйшую эпоху. «Съ другой стороны», продолжаетъ онъ, «это т. н. міровое хозяйство, по крайней мѣрѣ, до сего времени не обнаружило явленій, отклоняющихся отъ явленій народнаго хозяйства, и представляется весьма сомнительнымъ, чтобы таковыя обнаружились въ предвидимомъ будущемъ».

Отмѣченная теорія стадій экономическаго развитія оказала вліяніе въ экономической литературѣ и въ своемъ буквальномъ видѣ либо въ болѣе или менѣе уклоняющихся отъ него варіантахъ получила значительное распространеніе. Быть можетъ, наиболѣе разногласій вызвалъ здѣсь именно вопросъ о присоединеніи къ этой схемѣ еще дальнѣйшей ступени мірового хозяйства. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Bücher'а раздѣляютъ Diehl[1] и въ русской экономической литературѣ—В. Я. Желѣзновъ[2]. Защищая схему Bücher'а, Diehl истолковываетъ ее не въ буквальномъ смыслѣ постепеннаго удлиненія пути, совершаемаго благами между производствомъ и потреблені-

[1]) Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. III. F. B. 46. H. 4. 1913. S. 476 ff.
[2]) Очерки политической экономіи. 7 изд. 1912. Лекція I.

емъ[1], но въ отношеніи къ той инстанціи, которая въ данныхъ условіяхъ опредѣляетъ экономическій строй въ его различныхъ конкретныхъ проявленіяхъ. Diehl старается при этомъ опереться на авторитетъ Schmoller'a, который «разсматриваетъ политическую организацію, какъ опредѣляющую ступени хозяйственнаго развитія, и соотвѣтственно этому устанавливаетъ ступени деревенскаго, городского и территоріально-народнаго хозяйства». Но въ дѣйствительности, воззрѣнія и выводы Schmoller'a основываются также на отнесеніи хозяйственной организаціи ко всему вообще соціальному строю жизни[2]. Кромѣ того, Schmoller неоднократно указываетъ также на міровое хозяйство, какъ выраженіе высшаго развитія хозяйственной жизни. Такъ, въ началѣ своего курса, при краткомъ обзорѣ экономическихъ эпохъ, Schmoller заключаетъ: «Сумму нынѣ взаимно соприкасающихся, вошедшихъ въ обоюдную взаимозависимость народныхъ хозяйствъ мы называемъ міровымъ хозяйствомъ». Въ обзорѣ общихъ идей и стремленій, присущихъ лучшимъ новѣйшимъ экономическимъ трудамъ, Schmoller отмѣчаетъ между прочимъ, «что въ отношеніи государствъ между собою, хотя каждое изъ нихъ и должно развивать свою хозяйственную жизнь, однако имѣетъ мѣсто возрастающее сближеніе въ смыслѣ мірового хозяйства»[3].

Къ предположенію особой стадіи мірового хозяйства склоняются[4] H. Dietzel, Ad. Wagner, E. Philippovich, A. Sartorius, а также I. M. Кулишеръ. Кромѣ того, B. Harms также оспариваетъ мнѣніе Bücher'a по этому вопросу. По замѣчанію Dietzel'я, «по сколько существуетъ обмѣнъ между отдѣльными народными хозяйствами, на ряду съ конкретными народнохозяйственными организмами образуется столь же конкретный міровой хозяйственный организмъ, имѣющій, разумѣется, какъ теоретическое, такъ и практическое значеніе»[5]. Ad.

---

[1]) Такъ именно высказывается самъ Bücher. O. c., S. 91, 143. См. также: Pesch. Lehrbuch der Nationalökonomie. B. I. Abs. 94. S. 230, а равно Harms. O. c., S. 41.

[2]) Grudriss usw. T. I. 1908. Abs. 3. S. 4.

[3]) Idem. Abs. 3. S. 4, Abs. 50. S. 123 f.; см. также еще Abs. 119 S. 380, и въ особ. Abs. 106 S. 299 въ первыхъ двухъ изданіяхъ цитируемаго труда,

[4]) Въ этомъ же смыслѣ высказался также Julius Lehr. Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft. 1893. S. 91.

[5]) Theoretische Sozialökonomik. 1895. S. 55.

Wagner[1] допускаетъ, что «міровое хозяйство можетъ затѣмъ въ свою очередь, какъ и народное хозяйство, принять характеръ великаго организма, въ которомъ отдѣльныя народныя хозяйства (или, точнѣе сказать, отдѣльныя хозяйства въ нихъ) получаютъ функцію членовъ. Фактически», по его мнѣнію, «современный обмѣнъ клонится къ тому, чтобы—при благопріятствующихъ этому вліяніяхъ настоящаго времени, болѣе чѣмъ въ какую-либо прошедшую эпоху міровой исторіи—объединить народныя хозяйства въ охватывающій всю землю міровой хозяйственный организмъ. Статистика міровой торговли отражаетъ это развитіе». Сюда же относится замѣчаніе C. J. Fuchs'a, въ его краткомъ руководствѣ народнохозяйственной науки: «Между тѣмъ какъ болѣе ранняя міровая торговля ограничивалась немногими рѣдкими, высокоцѣнными товарами, международный товарообмѣнъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ, благодаря возникновенію фабричной промышленности и современныхъ средствъ обмѣна, испыталъ чрезвычайное расширеніе. Возникли международное раздѣленіе труда, міровой рынокъ съ его цѣнами и извѣстное міровое хозяйство»[2]. По поводу этого мнѣнія можно было бы, конечно, замѣтить, что международное раздѣленіе труда и соотвѣтствующій обмѣнъ продуктовъ существовали буквально во всѣ времена, и что фабричная промышленность и современныя средства обмѣна оказали на внѣшнія хозяйственныя отношенія не большее вліяніе, нежели и на внутреннія. Далѣе, E. Philippovich, въ своемъ очеркѣ періодовъ развитія экономической жизни, указываетъ періоды замкнутаго домашняго хозяйства, городского хозяйства, государственно-связаннаго обмѣна, развитого народнаго хозяйства и мірового хозяйства, полное развитіе котораго еще принадлежитъ будущему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ міровую хозяйственную науку и политику, какъ «вынуждаемое фактами дальнѣйшее развитіе эмпирической теоретической народнохозяйственной науки»[3]. K. Wiedenfeld опредѣляетъ міровое хозяйство, какъ эконо-

---

[1]) Grundlegung usw. § 153 S. 362.
[2]) Volkswirtschaftslehre. 1909. S. 107, 51.
[3]) Grundriss usw. B. I. 10 Aufl. 1913. §§ 4-7.

мическую эпоху, относя сюда лишь неразрывное объединеніе отдѣльныхъ областей міра въ одно хозяйственное цѣлое. «Лишь если необходимое стало предметомъ правильнаго внѣшняго обмѣна благами, если этотъ обмѣнъ возвысился до рѣшающаго хозяйственнаго элемента для цѣлаго, и если разныя области не могутъ обойтись одна безъ другой и должны быть признаны необходимыми одна для другой, лишь тогда можемъ мы говорить о міровомъ хозяйствѣ»[1]. A. Sartorius von Waltershausen[2] различаетъ въ ходѣ развитія современныхъ западноевропейскихъ народовъ четыре послѣдовательныхъ главныхъ типа общества: примитивное собственное хозяйство, средневѣковый небольшой городъ, народное хозяйство новаго времени и міровое хозяйство. Переходъ отъ одного типа къ другому можетъ имѣть различную длительность. Современную Германію Sartorius относитъ къ народнохозяйственному и міровому хозяйственному типамъ, преимущественно къ первому. Міровое хозяйство представляется самостоятельно существующимъ: «Если мы видимъ, что современный міровой обмѣнъ обладаетъ международной и частной связью, которую не должно цѣнить слишкомъ низко и благодаря которой въ него вносится порядокъ и безопасность, то было бы ошибочно хотѣть видѣть въ міровомъ хозяйствѣ просто расширенное народное хозяйство. Ибо не существуетъ всеобломлющей и снабженной властью и волею организаціи, какъ государство, которая допускала бы совмѣстное хозяйство всей земли въ смыслѣ повышенія и развитія производства благъ, равно какъ и мѣропріятія къ охраненію потребленія». И тѣмъ не менѣе міровое хозяйство, по мнѣнію цитируемаго автора, есть соціальное образованіе, подобно нѣкоторымъ инымъ поддерживаемое лишь общими интересами. «Міровое хозяйство, какъ международный длящійся порядокъ производства и обмѣна, ежедневно открывается нашему познанію, если только мы возьмемъ на себя трудъ поразмыслить надо всѣмъ окружающимъ насъ». Sartorius ука-

[1]) Art.: Weltwirtschaft. Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. 1911. B. II. S. 1347 f.

[2]) Begriff und Entwicklungsmöglichkeit der heutigen Weltwirtschaft. 1913.

зываетъ на множество фактовъ международнаго раздѣленія и соединенія труда, международныхъ соглашеній хозяйственнаго значенія и частныхъ экономическихъ соглашеній и организацій, выходящихъ за предѣлы отдѣльныхъ странъ. Въ воззрѣніяхъ цитируемаго сейчасъ автора можно, такимъ образомъ, подмѣтить нѣкоторую двойственность по вопросу о томъ, представляется ли міровое хозяйство искони существующимъ или же возникающимъ лишь въ новѣйшее время и даже нынѣ не осуществленнымъ въ полной мѣрѣ. J. Fr. Schär[1], въ цитированномъ уже выше введеніи въ науку о торговомъ предпріятіи указываетъ, кромѣ предварительной ступени исканія пищи, четыре экономическихъ ступени: замкнутое домашнее хозяйство, городское хозяйство съ цеховымъ раздѣленіемъ труда, національное хозяйство и международное или міровое хозяйство. «Хотя бы ходъ развитія отъ замкнутаго домашняго хозяйства къ міровому хозяйству, отъ грубой мѣновой торговли къ развитой міровой торговлѣ, и не всегда и не всюду прямолинейно слѣдовалъ четырьмя названными ступенями, представляется однако несомнѣннымъ, что въ настоящее время хозяйство всѣхъ народовъ въ ихъ совокупности стало зависимымъ элементомъ мірового хозяйства». Подобнымъ же образомъ русскій экономистъ Кулишеръ[2] классифицируетъ хозяйственную жизнь на слѣдующіе періоды: первобытное хозяйство, замкнутое домашнее хозяйство, самодовлѣющее городское хозяйство, народное хозяйство и міровое или международное хозяйство, къ которому и относится авторомъ капиталистическая система производства. Bernhard Harms, въ разобранномъ выше трудѣ, отмѣчая обратное мнѣніе Bücher'a въ болѣе ранней журнальной статьѣ, признаетъ отрицаніе имъ же мірового хозяйства, какъ дальнѣйшей стадіи, прямымъ противорѣчіемъ къ тому организаціонному принципу, отъ котораго отправляется Bücher въ своей теоріи, логически ведущей къ міровому хозяйству[3]. Въ своемъ обзорѣ относящейся сюда экономической литературы, Harms весьма

[1]) O. c. S. 65 f.
[2]) Политическая экономія. 1911. Стр. 8 и сл.
[3]) O. c., S. 40 f.

убѣдительно показываетъ научную необходимость признанія мірового хозяйства, какъ реальнаго явленія или, лучше, сложнаго комплекса таковыхъ[1].

Отрицать міровое хозяйство вообще не имѣетъ за себя никакихъ основаній. Общее понятіе хозяйства въ приложеніи къ совершенно реальнымъ фактамъ этого рода съ логической необходимостью ведетъ къ признанію понятія мірового хозяйства. Но при этомъ возникаютъ еще важные вопросы: объ объемѣ мірового хозяйства, о сравнительномъ научномъ значеніи понятій единичнаго, народнаго и мірового хозяйства и о возникновеніи мірового хозяйства. Относительно перваго вопроса возможно колебаніе между всеобемлющимъ понятіемъ и болѣе ограниченнымъ[2]. Первое относилось бы ко всей совокупности хозяйственныхъ отношеній и лежащихъ въ ихъ основѣ хозяйственныхъ понятій и установленій, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, теоретически отрицаемыхъ нами, случаевъ, когда извѣстная группа людей въ своей культурной жизни была бы абсолютно отрѣзана отъ остального міра. Второе было бы результатомъ подѣленія общей совокупности хозяйственныхъ отношеній, а также понятій и установленій между міровымъ и народнымъ хозяйствами. Въ виду невозможности такого подѣленія, остается принять первое понятіе мірового хозяйства, какъ совокупности всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, а также понятій и установленій. Второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ сводится къ тому, какое понятіе хозяйства должно быть положено въ основу экономической науки. Но въ виду того, что всѣ эти понятія совпадаютъ какъ въ своихъ конкретныхъ элементахъ, такъ и въ принципахъ, и что все различіе между ними заключается лишь въ фокусѣ зрѣнія, представляется очевиднымъ, что ни одно изъ понятій хозяйства въ отдѣльности, а лишь общее понятіе хозяйства вмѣстѣ съ тремя указанными спеціальными примѣ-

[1]) O. c. I: Die Weltwirtschaft in der wirtschaftswiss. Literatur. S. 3 ff.

[2]) J. Lehr. O. c. S. 91, относилъ къ міровому хозяйству «всѣ международныя отношенія, торговлю и обращеніе, а также производство и потребленіе,—послѣднія, разсматриваемыя, какъ цѣлое, или суммируемыя по отдѣльнымъ странамъ въ цѣляхъ сравненія и представленія международнаго раздѣленія труда». Очевидно, что къ міровому хозяйству должно отнести полностью также отношенія по всему торговому обмѣну, какъ внѣшнему, такъ и внутреннему.

неніями его можетъ представить основаніе для экономической науки, имѣющей и соотвѣтствующее этому содержаніе. Наконецъ, въ вопросѣ о началѣ мірового хозяйства также возможны двѣ точки зрѣнія. Если міровое хозяйство представлять себѣ непремѣнно, какъ единое цѣлое, имѣющее одну общую организацію и, пользуясь уже приводившейся аналогіей, напоминающее этимъ организмъ, то необходимо будетъ принять позднее возникновеніе мірового хозяйства или даже признать его еще не осуществившимся, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые теоретики. Но если удовлетвориться относительнымъ понятіемъ мірового хозяйства, если исходить изъ того, что наука не можетъ представить изолированной отъ остального міра культурной (въ какой мѣрѣ культурной, здѣсь безразлично) жизни, если признать несомнѣнный фактъ культурнаго и въ частности экономическаго общенія между отдѣльными народами, то вопросъ о моментѣ возникновенія мірового хозяйства отпадетъ изъ научнаго разсмотрѣнія[1]. Этотъ вопросъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ таковому же относительно народнаго хозяйства. И здѣсь можно колебаться между абсолютнымъ и относительнымъ понятіемъ, но наука должна избрать послѣднее, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ понятіемъ общества, по отношенію къ которому нельзя представить себѣ предшествующей изолированной жизни людей[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общесоціальному понятію-установленію семьи, какъ единицы и органа соціальной жизни, совершенно неправильно приписывать абсолютный, надъ-историческій характеръ и неизмѣняемость на пространствѣ всего существованія человѣчества[3]. Моногамія представляетъ норму, осуществляемую въ жизни современныхъ культурныхъ народовъ. Но относить хозяйственную жизнь къ моногамической семьѣ означало бы крайнее ограниченіе понятія хозяйства или даже за-

[1]) Такъ. M. Bonn. Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik. 1911. B. 33. H. 3. S. 847, утверждаетъ, что міровое хозяйство въ смыслѣ сплетенія отдѣльныхъ хозяйствъ не новаго происхожденія, но существовало всегда.

[2]) H. Pesch. O. c., S. 234, 242, признаетъ неправильнымъ разсматривать народное хозяйство, какъ ступень экономическаго развитія. По его мнѣнію, народное хозяйство, какъ часть народной жизни и экономическій строй, какъ часть общественной организаціи, должны быть обсуживаемы не только по ихъ историческому состоянію, но и съ принципіальной точки зрѣнія.

[3]) Ср. въ этомъ отношеніи: Marx. Kapital. B. I. Kap. XII, 4. Anm. 50 a. Fr. E.).

мѣну его частнымъ эмпирическимъ представленіемъ. Въ области экономической теоріи надлежитъ принять въ основу понятіе хозяйства, какъ комплекса явленій, въ которыхъ преобладаютъ хозяйственныя отношенія между отдѣльными соціальными единицами, всегда необходимо группирующимися въ болѣе обширныя соціальныя группы, при чемъ хозяйственныя отношенія частью остаются въ предѣлахъ такой группы, частью выходятъ изъ нихъ. Вотъ всѣ необходимыя предположенія для построенія понятій единичнаго, народнаго и мірового хозяйствъ[1]. Обильный и не подогнанный подъ воззрѣнія автора матеріалъ фактическихъ данныхъ, разработанный Bücher'омъ, вполнѣ подтверждаетъ указанную систему теоретическихъ понятій[2].

Въ соотвѣтствіи съ вышеизложеннымъ, мы и приходимъ къ необходимости отвергнуть всѣ тѣ вообще классификаціи экономическаго развитія, которыя основаны на предположеніяхъ послѣдовательнаго возникновенія и, стало быть, совпаденія единичнаго, народнаго и мірового хозяйствъ или еще и предшествующей имъ и промежуточныхъ между ними формъ хозяйственной жизни. Равнымъ образомъ, мы должны отвергнуть и возможность обоснованія классификаціи экономическаго развитія на общекультурныхъ, либо этнографическихъ, а также техническихъ, политическихъ, правовыхъ или же иныхъ не спеціально- и не обще-экономическихъ критеріяхъ. Наконецъ, мы отвергаемъ общеисторическія или хозяйственноисторическія характеристики эпохъ, используемыя въ качествѣ классификаціи ступеней экономическаго развитія вообще[3].

40. Трудности, которыя представляетъ научное разграниченіе отдѣльныхъ отраслей культуры, и относящіяся сюда ошибочныя воззрѣнія, имѣвшія мѣсто въ научной литературѣ, распространяются естественно и на обсуждаемый здѣсь вопросъ о ступеняхъ экономическаго развитія.

---

1) См. выше, § 34.
2) Die Entstehung usw. Vortrag I. II.
3) Ср.: G. v. Below. Wirtschaftsstufen. Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II. S. 1382 f.

Одна изъ первыхъ по времени классификацій «главныхъ ступеней развитія націй», авторомъ которой былъ Friedrich List[1], представляетъ именно смѣшеніе обще-культурныхъ, техническихъ и меркантилистическихъ признаковъ и тенденцій. List различаетъ здѣсь дикое состояніе, состояніе пастушества, земледѣлія, земледѣльческомануфактурное и земледѣльческомануфактурноторговое, пріурочивая къ этому свою теорію промышленнаго воспитанія націй. Эта теорія погрѣшаетъ также и въ томъ отношеніи, что относится вообще лишь къ нѣкоторымъ націямъ и даже по отношенію къ нимъ не подтверждается дѣйствительностью, не представляя собою въ то же время логически обоснованнаго теоретическаго построенія.

На недостаточномъ отграниченіи экономики отъ техники, съ присоединеніемъ сюда раздѣляемыхъ цитируемымъ авторомъ соціальныхъ тенденцій, основывается классификація экономическихъ ступеней W. Sombart'a. Въ своей теоріи промышленнаго труда и ея организаціи Werner Sombart[2] отправляется отъ группы отвлеченныхъ понятій, среди которыхъ основное значеніе имѣютъ понятіе хозяйственной дѣятельности человѣка, т. е. «дѣятельности, вызванной необходимостью полученія предметовъ внѣшней природы, матеріальныхъ благъ, для восполненія нашего индивидуальнаго существованія», а также идея необходимости извѣстной объективной организаціи таковой дѣятельности въ обществѣ. По отношенію къ этой организаціи, или хозяйственному порядку (Wirtschaftsordnung), авторъ придаетъ рѣшающее значеніе различенію того, «какіе органы—единичныя или коллективныя личности—воздѣйствуютъ на развитіе хозяйственной жизни». Отказываясь отъ ближайшаго опредѣленія измѣняющихся во времени мотивовъ хозяйственной дѣятельности, Sombart ограничивается чисто абстрактной идеей экономическихъ принциповъ и соотвѣтствующихъ имъ хозяйственныхъ системъ. Въ дальнѣйшемъ авторъ основывается

[1]) Das nationale System der politischen Oekonomie. Herausg. v. Waentig. 1904. Einleitung. S. 63 f.

[2]) Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation. Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. B. XIV. 1899. H. 3-4. S. 310—405. Почти совпадаетъ съ этимъ изложеніе въ послѣдующемъ трудѣ того же автора: Современный капитализмъ. Перев. съ нѣм. 1 т. 1 вып. 1903. Введеніе. Глава II, III.

на построеніи двухъ противопоставляемыхъ имъ понятій хозяйства и [техническаго] предпріятія (Wirtschaft— Betrieb), именно формъ того и другого. По относящемуся сюда опредѣленію автора, «форма хозяйства есть созданная хозяйствующимъ субъектомъ, на основаніи хозяйственнаго порядка, организація, построенная такимъ образомъ, чтобы въ ней всѣ элементы производства соединялись въ одно соотвѣтственно конечной цѣли производства, именно использованію продуктовъ; форма [техн.] предпріятія есть опредѣленный способъ соединенія трудовыхъ силъ въ одно [техн.] предпріятіе, т. е. въ одинъ организованный трудовой процессъ, съ цѣлью изготовленія опредѣленнымъ способомъ опредѣленныхъ потребительныхъ благъ. По сколько эта цѣль, изготовленіе потребительныхъ благъ, при какомъ бы то ни было [техн.] предпріятіи остается тою же, но сама представляется лишь средствомъ къ конечной цѣли производства— использованію продуктовъ, мы можемъ различать форму хозяйства и форму [техн.] предпріятія такимъ образомъ, что первую обозначимъ какъ цѣлевую и вторую—какъ форму средства». Необходимость этого различенія авторъ обосновываетъ и тѣмъ, что формы хозяйства и формы [техн.] предпріятія могутъ комбинироваться весьма различнымъ образомъ: домашнее хозяйство или хозяйственное предпріятіе можетъ располагать для цѣлей производства различными формами [техническаго] предпріятія. Обращаясь къ вопросу о классификаціи формъ [техн.] предпріятія, Sombart останавливается на отысканіи принципа раздѣленія ихъ, который и находитъ въ общихъ началахъ организаціи труда. «Вся организація человѣческаго труда», утверждается здѣсь, «покоится, съ самаго начала планомѣрнаго производства, лишь на двухъ различныхъ принципахъ: спеціализаціи и кооперація. Ничего иного не можетъ придумать человѣкъ, кромѣ обоихъ этихъ организаціонныхъ принциповъ, которые исключительно лежатъ въ основѣ также наиболѣе совершенной постановки [техн.] предпріятія». Исходя изъ этого, Sombart различаетъ двѣ основныхъ группы [техн.] предпріятій: «такія, въ которыхъ постановка производственныхъ факторовъ такова, что продуктъ представляется продуктомъ отдѣльнаго работника, и такія, въ которыхъ постановка производствен-

ныхъ факторовъ такова, что продуктъ представляется продуктомъ совокупнаго работника. Первыя суть индивидуальныя, вторыя—общественныя [техн.] предпріятія». Дальше дается слѣдующая таблица, представляющая болѣе подробную систематику формъ [техническихъ] предпріятій (Betriebe):

Индивидуальныя предпріятія:	Переходныя предпріятія:	Общественныя предпріятія:
1) Единичное пр.	4) Расширенное пр. съ помощниками.	7) Мануфактура.
2) Семейное предпр.	5) Малое общественное предпр.	8) Фабрика.
3) Пр. съ помощниками.	6) Крупное индивидуальное предпр.	
Т. н. мелкія [техн.] пр.	Т. н. среднія [техн.] пр.	Т. н. крупныя [техн.] пр.

Несмотря на свое, упомянутое выше, противопоставленіе хозяйственной и техническо-организаціонной стороны предпріятія, а, можетъ быть, и основываясь именно на вытекающемъ изъ такого раздвоенія параллелизмѣ между ними, Sombart руководится тѣми же воззрѣніями и при классификаціи хозяйственныхъ ступеней. Критеріемъ въ различеніи ихъ авторъ принимаетъ степень обобществленія, основываясь на формулѣ: «Степень спеціализаціи хозяйственныхъ дѣятельностей рѣшаетъ о степени обобществленія хозяйственной жизни». Указанному принципу раздѣленія экономическихъ ступеней приписываются при этомъ слѣдующія достоинства: «1) Онъ представляетъ соціальный феноменъ, къ которому мы примыкаемъ; 2) онъ даетъ возможность сравнивать разные роды хозяйствованія, 3) представляетъ наиболѣе существенный фактъ для развитія хозяйственной жизни, привлекая къ непосредственному разсмотрѣнію развитіе производительныхъ силъ, и 4) скорѣе всего согласуется съ дѣйствительнымъ историческимъ развитіемъ хозяйственной жизни». Но авторъ принужденъ присоединить къ этому оговорку—значеніе которой, повидимому, не вполнѣ учитываетъ,— именно сводящуюся къ тому, что «спеціализація можетъ осуществляться внутри одного, производственнаго или потребительнаго, хозяйства либо же имѣть мѣсто между различными хозяйствами. Въ послѣднемъ случаѣ дѣя-

тельность отдѣльнаго производственнаго хозяйства представляетъ спеціальность». Лишь въ этомъ смыслѣ Sombart примѣняетъ понятіе спеціализаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обобществленія. Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ указанной таблицей формъ предпріятій, онъ приходитъ къ различенію трехъ хозяйственныхъ ступеней: индивидуальнаго хозяйства, переходнаго хозяйства и общественнаго хозяйства. Эти ступени находятъ себѣ при этомъ слѣдующую характеристику: «I. Ступень индивидуальнаго хозяйства есть та, на которой все, что потребно для потребительнаго хозяйства, изготовляется въ томъ же хозяйствѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ является производственнымъ, и, самое большее, существуетъ лишь соприкосновеніе, а не сплетеніе съ другими хозяйствами. II. Ступень переходнаго хозяйства, или, иначе называя, общественнаго хозяйства низшаго порядка, характеризуется тѣмъ, что уже наступило постоянное обособленіе потребительнаго и производственнаго хозяйства. Совокупное потребленіе хозяйства регулярно покрывается при содѣйствіи другихъ хозяйствъ. Уже господствуетъ, стало быть, состояніе обобществленія, однако еще не особенно развитого и дифференцированнаго. Значительная часть изъ всего, что потребно, производится еще внутри того же хозяйства, въ которомъ оно потребляется, такъ что зависимость отдѣльнаго хозяйства еще не абсолютная; производство же различныхъ хозяйствъ другъ на друга происходитъ пока большею частью въ рамкахъ старыхъ формъ общенія, опредѣляющихъ еще и мѣру и направленіе также и интерлокальныхъ отношеній. III Ступень общественнаго хозяйства въ настоящемъ смыслѣ, общественнаго хозяйства высшаго порядка, есть та, на которой дифференціація производственныхъ хозяйствъ и ихъ сплетеніе въ нераздѣльное цѣлое вполнѣ осуществились и достигли такой степени, въ количественномъ и пространственномъ отношеніяхъ, что на ряду съ прежними общеніями и надъ ними искусственно создались новыя формы соотношеній отдѣльныхъ производственныхъ хозяйствъ, стало быть, на мѣсто прежнихъ организмовъ выступаетъ механизмъ хозяйственной жизни».

Sombart признаетъ однако недостаточнымъ различеніе эко-

номическихъ ступеней, представляющихъ лишь общіе контуры картины. «Что же сообщаетъ хозяйственной жизни, въ рамкахъ отдѣльной хозяйственной ступени, отличительный колоритъ, характеристическую форму? Безъ сомнѣнія, хозяйственная система, когда-либо достигшая примѣненія. Лишь въ ней выступаетъ какъ бы творческій элементъ хозяйствующаго человѣка. Хозяйственную ступень, т. е. степень обобществленія, онъ получаетъ, какъ объективный фактъ, какъ мѣру своихъ производительныхъ силъ, а порядокъ хозяйственныхъ отношеній, оживленіе цѣлаго чрезъ поставленіе цѣли въ хозяйственномъ принципѣ и осуществленіе ея создаетъ онъ». Sombart признаетъ поэтому необходимымъ на ряду съ систематикой хозяйственныхъ ступеней дать таковую относительно хозяйственныхъ системъ. Въ этомъ отношеніи Sombart различаетъ между двумя возможными лейтмотивами, или преобладающими хозяйственными принципами отдѣльныхъ эпохъ. «Два этихъ принципа раздѣляютъ въ дѣйствительности два міра, и смотря по тому, какой принципъ господствуетъ надъ хозяйственной системой, мы можемъ различать двѣ большихъ группы хозяйственныхъ системъ: 1) какъ хозяйства для покрытія потребленія и 2) для пріобрѣтенія». Въ первомъ случаѣ производитель интересуется главнымъ образомъ технической стороной дѣятельности, во второмъ—привходитъ спекулятивный расчетъ, свойственный купцу. При господствѣ принципа пріобрѣтенія хозяйственный порядокъ каждаго пріобрѣтательнаго хозяйства долженъ содержать слѣдующіе элементы, долженъ представлять возможность 1) производства въ обмѣнъ, производства товаровъ и 2) свободы производства по мѣсту, времени, роду и пр. производства»,—послѣднее, по крайней мѣрѣ, при значительномъ развитіи пріобрѣтательнаго хозяйства. Но и при этой хозяйственной системѣ правовое положеніе работника относительно руководителя производства можетъ быть различно, выражаясь въ зависимомъ положеніи перваго либо въ основанномъ на свободномъ договорѣ. Далѣе, при господствѣ принципа покрытія потребленія Sombart различаетъ четыре главныхъ типа хозяйственныхъ системъ этой группы: «1) покрытіе собственнаго потребленія собственнымъ трудомъ, 2) покрытіе собственнаго

потребленія чужимъ трудомъ, 3) покрытіе чужого потребленія собственнымъ трудомъ и 4) покрытіе чужого потребленія чужимъ трудомъ». Подъ первый случай Sombart подводитъ хозяйства первобытныхъ родовыхъ общинъ, большихъ семей и деревенскихъ общинъ, подъ второй—хозяйства расширенныя за предѣлы сородичей и занимающихъ равное положеніе односельчанъ, также пользующіяся трудомъ несвободныхъ людей и организованныя, какъ одно общее производственное и потребительное хозяйство или же на основѣ совмѣстной дѣятельности многихъ отдѣльныхъ хозяйствъ, подъ третій—взаимное удовлетвореніе потребностей на основѣ обмѣна, но безъ преобладанія принципа производства для пріобрѣтенія, каковы именно средневѣковое городское хозяйство и всѣ вообще мѣновыя хозяйства въ примитивныхъ экономическихъ условіяхъ; четвертый случай отнесенъ къ соціалистическому режиму, но упоминается имъ «лишь изъ любви къ симметріи», тѣмъ болѣе, что онъ не обнаружился ни въ какихъ эмпирическихъ проявленіяхъ. Относя господство принципа производства для пріобрѣтенія лишь къ третьей экономической ступени и пріурочивая различныя хозяйственныя системы къ экономическимъ ступенямъ, Sombart приходитъ къ слѣдующей таблицѣ:

	Индивидуальное хоз.			Переходное хозяйство.			Общественное хозяйство.			
Системы хозяйства:	1) Первобытное родовое хоз.	2) Семейныя общины, хоз. большихъ семей.	3) Расширенное собственное хоз. съ хоз. объединеніемъ.	4) Расширенное собственное хозяйство съ отдѣльными хоз. единицами (помѣстья).	5) Деревенское хоз.	6) Мѣновое, въ особ. городское хозяйство.	7) Соціалистическое хоз.	8) Древнее рабовладѣльческое хозяйство.	9) Рабовладѣльческое хозяйство нов. колоній.	10) Капиталистическое рыночное хоз. съ свободнымъ наемнымъ трудомъ.
Группы хоз. системъ съ общимъ хоз. принципомъ:	Хозяйства для покрытія потребленія.							Хозяйства для пріобрѣтенія.		

Въ изложенной сейчасъ теоріи имѣетъ рѣшающее значеніе опредѣленіе хозяйственной дѣятельности, несомнѣнно, слишкомъ широкое и не отграничивающее ее отъ технической дѣятельности. Вопросы организаціи производства принадлежатъ именно къ прикладной техникѣ, а взятые болѣе широко—къ культурѣ въ цѣломъ. Съ другой стороны, принятіе во вниманіе лишь активной, дѣятельной стороны культурной жизни представляется неправильнымъ по своей односторонности. Самое производство (Betrieb) авторъ принимаетъ слишкомъ узко, относя сюда изъ крупныхъ предпріятій лишь мануфактуры и фабрики. Въ связи съ указаннымъ пониманіемъ хозяйственной дѣятельности стоятъ игнорированіе общаго принципа хозяйственности и замѣна его двумя руководящими и преобладающими, каждый въ различныя эпохи, принципами. Эти два принципа соотвѣтствуютъ также и различенію двухъ основныхъ группъ производственныхъ организацій—индивидуальныхъ и общественныхъ, при чемъ первый изъ этихъ принциповъ распространяется и на промежуточную группу производственныхъ организацій. Такое совпаденіе обоихъ принциповъ съ характеромъ группъ производственныхъ организацій и экономическихъ ступеней, не подкрѣпляя всей теоріи, даетъ ей круговой характеръ.

Самыя экономическія ступени, какъ ихъ различаетъ Sombart, въ своей основѣ представляютъ нѣчто общее не только съ соотвѣтствующей схемой Bücher'a, но и Hildebrand'a, и въ этой общей сущности трехъ теорій можно съ увѣренностью предполагать научную истину. Нельзя однако согласиться съ принимаемыми здѣсь критеріями различенія экономическихъ ступеней. Понятіе обобществленія, большаго или меньшаго, хозяйственной жизни неправильно въ томъ отношеніи, что начало общественности искони и всегда присуще культурной жизни и развивается совмѣстно съ другими соціальными принципами[1]. Спеціализація и кооперація не исчерпываются матеріальнымъ производствомъ, а въ немъ—случаями раздѣленія дѣятельности между различными хозяйствами. Такое опредѣленіе критерія классификаціи неизбѣжно отражается и на научномъ

[1]) См. выше: §§ 8, 13, 14.

достоинствѣ самой классификаціи. Къ недостаткамъ этой теоріи принадлежитъ и представленіе трехъ ступеней развитія—начальной, переходной и конечной. Это представленіе противорѣчитъ всѣмъ даннымъ исторіи культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расходится съ основными предположеніями соціальныхъ наукъ, не знающихъ въ соціальной жизни ни начала, ни конца, ни перехода отъ одного къ другому. Что касается хозяйственныхъ системъ, то не только представляется необоснованнымъ ихъ субъективный характеръ по сравненію съ объективными экономическими ступенями, но и самый подборъ первыхъ—произвольнымъ и неудачнымъ, а характеристика ихъ—упрощенною до одной черты съ упущеніемъ всѣхъ прочихъ, и самое распредѣленіе системъ между экономическими ступенями—явно неправильнымъ. Въ общемъ итогѣ изложенная теорія представляетъ собою комбинацію нѣкоторыхъ метафизическихъ сужденій съ историческими чертами, на общей основѣ соціалистическихъ тенденцій автора.

Классификація хозяйственныхъ системъ, даваемая М. И. Туганъ-Барановскимъ[1], не представляя строго послѣдовательныхъ ступеней развитія, основана на противопоставленіи гармоническихъ и антагонистическихъ хозяйственныхъ системъ. Въ основу различенія положена здѣсь принадлежность средствъ производства и согласованность интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Къ гармоническимъ системамъ отнесены первобытное хозяйство, мелкое товарное и «пока не существующее соціалистическое», а къ антагонистическимъ—рабское, крѣпостное и капиталистическое. Намъ представляется, что въ этой классификаціи слишкомъ упрощено и вмѣстѣ съ тѣмъ искажено содержаніе хозяйственной жизни, подвергающееся развитію,—и именно подъ вліяніемъ иллюзій лучшаго давняго прошлаго и лучшаго будущаго, нежели доступныя для нашей критической оцѣнки менѣе отдаленное и настоящее[2]. Болѣе подробный раз-

[1]) Основы политич. экономіи. 2-е изд. 1911 г. Стр. 87 и сл.

[2]) Съ нашей оцѣнкой совпадаетъ и даваемая В. В. Святловскимъ, съ которой мы ознакомились уже при корректированіи этихъ страницъ. См. его Примитивно-торговое государство, какъ форма быта. 1914. Стр. 338 и сл. Фактическое положеніе въ этомъ отношеніи въ средніе вѣка вѣрно отмѣтилъ І. Кулишеръ. Русская Мысль. 1908. Іюль. Стр. 61.

боръ этой теоріи, не представляющійся необходимымъ, потребовалъ бы не только обращенія къ фактамъ, но и къ выясненію экономическихъ понятій.

41. Полезныя указанія къ вопросу объ экономическихъ ступеняхъ даютъ также критическіе обзоры относящихся сюда теорій.

Къ болѣе раннимъ принадлежатъ въ этомъ отношеніи замѣчанія, которыя высказываетъ въ своей «Политической экономіи съ исторической точки зрѣнія» Karl Knies[1]. Онъ подвергаетъ разбору воззрѣнія по этому вопросу главнымъ образомъ List'a, Rau и Roscher'a и схему экономическихъ ступеней, разработанную Hildebrand'омъ, а также даетъ свои общія заключенія, не отличающіяся впрочемъ полной опредѣленностью рѣшенія самой проблемы. Knies исходитъ изъ признаваемаго имъ за неоспоримое положенія, что какъ территоріи, занимаемыя населеніемъ, такъ и національный характеръ политико-экономически самостоятельныхъ народовъ представляются различными. «Какимъ образомъ однако указанія на историческія ступени развитія могутъ хотя бы на мгновеніе оставить насъ въ сомнѣніи относительно своей цѣнности, если мы видимъ въ нихъ противорѣчіе всякому соображенію о различіи территорій и народовъ? И если бы мы захотѣли отодвинуть національныя особенности народовъ за наблюдаемыя у всѣхъ народовъ общечеловѣческія побужденія и дѣятельности, имѣется ли какая-нибудь отговорка, которая могла бы представить намъ различія въ природныхъ основахъ народнаго хозяйства ничтожными и безразличными?»[2] Въ то время какъ приведенное замѣчаніе не представляется особенно убѣдительнымъ, какъ не исключающее болѣе или менѣе значительной общности также и въ естественныхъ условіяхъ существованія человѣка, болѣе обосновано другое замѣчаніе относительно абсолютизма относящихся сюда теорій, всегда заканчивающихся горизонтомъ настоящаго времени:

[1]) Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte. 2 A. 1883. (1 A.—1855). Abschn. III. 6.

[2]) S. 364. Ср. съ этимъ: G. v. Below. Historische Zeitschrift. B. 86. H. I. S. 27.

«Всегда человѣкъ считаетъ себя мудрѣе и благоразумнѣе, нежели его предки и всѣ прежнія поколѣнія, и какъ часто онъ имѣетъ такъ мало уваженія къ прогрессу жизни и мысли грядущихъ поколѣній, что приписываетъ имъ не иную роль, какъ обезьянъ и жвачныхъ животныхъ!» Knies рѣшительно отвергаетъ «предположеніе о наступившемъ уже теперь, хотя бы и въ отдѣльныхъ только странахъ, высшемъ совершенствѣ хозяйственныхъ формъ народной жизни, при которомъ оставаться вѣчно или же къ которому вѣчно стремиться предстояло бы поколѣніямъ будущаго»[1]. Несмотря на все это, Knies признаетъ положительное значеніе названной проблемы: «Справедливо утратили къ себѣ довѣріе общіе шаблоны экономическихъ ступеней развитія, какъ ихъ намъ представили Fr. List и его послѣдователи. Но мы», говоритъ Knies, «настоятельно совѣтовали бы воздержаться отъ слишкомъ низкой оцѣнки значенія этой проблемы», которую и связываетъ съ необходимымъ познаніемъ научной закономѣрности и съ общимъ культурнымъ развитіемъ, ссылаясь при этомъ на необходимость исторической основы для національной экономики[2].

Въ своихъ возраженіяхъ противъ схемы List'a Knies игнорируетъ имѣющія существенное значеніе оговорки его относительно размѣровъ страны, климатическихъ и иныхъ природныхъ особенностей и политическаго положенія ея[3] и упрекаетъ его въ предполаганіи однообразныхъ повсюду естественныхъ условій[4]. Knies относится критически также и къ сходствующей съ схемой List'a схемѣ ступеней, авторомъ которой является Rau. Какъ замѣчаетъ Knies по отношенію къ обѣимъ этимъ теоріямъ, «по объективнымъ основаніямъ должны потерпѣть неудачу всѣ попытки представить экономическія ступени развитія народовъ, по сколько стараются вызываемыя развитіемъ перемѣны пріурочить къ различіямъ въ объектахъ, по отношенію къ которымъ или съ помощью которыхъ народы хозяйственно трудятся,—я могъ бы сказать, по сколько характеристику экономическихъ ступеней развитія стара-

[1]) S. 369.
[2]) S. 376 f.
[3]) См.: Das nationale System der Politischen Oekonomie. Кар. XV.
[4]) Die polit. Oekonomie usw., S. 384.

ются пріурочить къ distinctio rerum, а не къ modus rerum gerundarum». «Сообразно этому, ступени хозяйственнаго развитія народовъ можно было бы получить не чрезъ различеніе отраслей промышленности, которыя въ совокупности представляютъ чрезъ всѣ отдѣльные періоды проходящее развитіе, но путемъ наблюденія рода все обновляющихся формъ (Gestaltungen) хозяйственныхъ дѣятельностей и задачъ народовъ, съ чѣмъ связано и подмѣчаніе болѣе сильнаго выдвиганія отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей, какъ слѣдствіе особыхъ и именно заключающихся въ территоріи причинъ»[1]. Особое вниманіе удѣляетъ Knies тѣмъ, собственно, зачаткамъ теорій хозяйственныхъ ступеней, которые разсѣяны въ трудахъ W. Roscher'a. Наибольшее признаніе Knies оказываетъ двухчленному различенію натуральнаго и денежнаго хозяйства[2], при чемъ и это различеніе связываетъ съ именемъ Roscher'a, несмотря на то, что оно лишь намѣчается только что названнымъ экономистомъ и при томъ въ трудѣ, изданномъ послѣ трактующаго объ этомъ труда Hildebrand'a[3].

Въ ряду упомянутыхъ критическихъ очерковъ выдѣляется принадлежащій извѣстному историку G. v. Below'y. Послѣ историко-литературныхъ справокъ по этому вопросу, Below[4] обращается къ разбору теорій въ отдѣльности. Въ частности, относительно теоріи Bücher'a, Below отмѣчаетъ, что по первоначальной версіи, восходящей къ 1876 г., эта теорія заключала въ себѣ еще особую ступень хозяйства деревенской общины. Включеніе такой ступени въ общую схему Below признаетъ вполнѣ обоснованнымъ: «Хозяйство деревни не образуется изъ суммы принадлежащихъ къ нему домашнихъ хозяйствъ. Съ другой стороны, оно не можетъ быть отождествлено съ городскимъ хозяйствомъ, хотя и имѣетъ съ нимъ кое-что общее, въ особенности для германскаго средневѣковья». Устраненіе этой ступени въ позднѣйшей теоріи Bü-

[1]) S. 370 ff.
[2]) S. 375, 377.
[3]) W. Roscher. Ueber das Verhältniss der Nationalökonomik zum klassischen Alterthume. 1849. (Ansichten der Volkswirthschaft. 3 A. B. I. 1878.)
[4]) Über Theorien der wirtsch. Entwicklung der Völker, mit besonderer Rücksicht auf die Staatswirtschaft des deutschen Mittelalters. Historische Zeitschrift. B. 86. H. I. 1900. S. 1—77.

cher'a Below объясняетъ невозможностью установить соотношеніе во времени между ступенями домашняго хозяйства и деревенскаго. «Гдѣ деревенское хозяйство вообще имѣетъ мѣсто, оно проявляется одновременно съ домашнимъ хозяйствомъ. Съ теченіемъ времени домашнія хозяйства въ большинствѣ случаевъ достигаютъ большей независимости внутри деревенскаго хозяйства», но встрѣчаются и противоположныя явленія, какъ это Below констатируетъ на примѣрѣ русской общины[1]. Приведенное замѣчаніе Below'а можетъ послужить и какъ аргументъ противъ предположенія замкнутыхъ домашнихъ хозяйствъ, т. е. противъ первой экономической ступени, какъ ее представляетъ Bücher. Въ своихъ возраженіяхъ противъ указанныхъ этимъ ступеней развитія Below въ особенности отмѣчаетъ «игнорированіе значенія, которое имѣетъ торговля уже на примитивныхъ ступеняхъ»[2], какъ это видно изъ данныхъ, приводимыхъ самимъ Bücher'омъ. Below указываетъ на факты болѣе значительнаго, нежели иногда на ступени городского хозяйства, развитія торговли у племенъ, которыя самъ Bücher призналъ бы находящимися на ступени домашняго хозяйства и у которыхъ вообще отсутствуютъ особенности городского хозяйства. Тотъ торговый обмѣнъ, который отнесенъ Bücher'омъ къ высшей ступени—народному хозяйству, нерѣдко встрѣчается у народовъ, которымъ Bücher приписалъ бы низшую ступень. Below замѣчаетъ при этомъ, что Bücher односторонне выдвигаетъ въ своей теоріи промышленное развитіе съ относящейся къ ней торговлей[3]. И это замѣчаніе, прибавимъ отъ себя, косвенно говоритъ въ пользу теоріи Hildebrand'а или близкихъ къ ней. Въ особенности оспариваетъ Below характеристику городского хозяйства въ теоріи Bücher'а. «Bücher желаетъ истолковать случаи, приводимые имъ, какъ отклоненія отъ принятаго имъ принципа, не придавая имъ значенія конститутивнаго элемента всего хозяйственнаго порядка». Однако «и въ средніе вѣка (и уже на болѣе раннихъ ступеняхъ) интерлокальный об-

[1]) S. 7 f., 19 f.
[2]) S. 35.
[3]) S. 26 ff.

мѣнъ образуетъ уже конститутивный элементъ въ хозяйственной жизни. Не должно низко оцѣнивать многочисленныя и разнообразныя установленія для этого. Въ высшей степени характерно для среднихъ вѣковъ, что отдѣльные города въ такой значительной мѣрѣ самодовлѣютъ. Но существуетъ однако нѣсколько крупныхъ хозяйственныхъ центровъ, изъ которыхъ черпаютъ прямо или косвенно всѣ города. И далѣе, имѣются центры средняго характера, отъ которыхъ въ свою очередь зависятъ группы мелкихъ городовъ въ разныхъ направленіяхъ»[1]. Равнымъ образомъ, неправильно представляетъ Bücher характеръ и положеніе промышленной дѣятельности на ступени городского хозяйства. Онъ представляетъ именно ремесленниковъ, какъ предоставляющихъ свой трудъ заказчику (Lohnwerk) и работающихъ вообще на заказъ, при чемъ видитъ грубую ошибку въ воззрѣніи на средневѣковыхъ цеховыхъ ремесленниковъ, какъ на классъ капиталистовъ. Возражая противъ этого, Below отвергаетъ воззрѣніе на ремесленниковъ-хозяевъ, какъ на промышленный рабочій классъ, указываетъ на гораздо болѣе значительное развитіе торговли уже для болѣе раннихъ хозяйственныхъ эпохъ, на то, что формы хозяйства группировались скорѣе по отдѣльнымъ товарамъ, нежели эпохамъ, и что хозяйственная зависимость сельскихъ районовъ отъ городовъ [и отъ кого именно въ нихъ? Н. К.] преувеличивается[2]. Общія замѣчанія Below'а частью вполнѣ правильны и согласуются съ отмѣченными вкратцѣ детальными возраженіями его, частью представляютъ полемику между экономистомъ-теоретикомъ и историкомъ. Послѣдняя выразилась въ обсужденіи вопроса объ историческомъ или, напротивъ, теоретическомъ характерѣ изложенія Bücher'а по вопросу о ступеняхъ экономическаго развитія[3]. Намъ представляется, что при постановкѣ этого вопроса вообще, какъ и рѣшеніи его, историкъ можетъ принять полезное участіе именно своею критикою, и что абстрактныя обобщенія въ хозяйственной области тѣмъ самымъ уже не могутъ быть относимы къ области об-

---

[1]) S. 55, 53.
[2]) S. 57, 59 f.
[3]) S. 22 ff.

щей исторіи. Но должно согласиться съ общими замѣчаніями критика, что Bücher слѣпо подчиняется своей теоріи развитія по отношенію ко всѣмъ частностямъ, представляетъ себѣ экономическое развитіе слишкомъ прямолинейно, при чемъ упускаетъ изъ виду, какъ «многія явленія имѣютъ мѣсто въ различныя эпохи, отнюдь не всегда находятся въ связи съ опредѣленной ступенью развитія», что онъ слишкомъ много вниманія отдаетъ общему, правильному, нормальному, игнорируя въ своихъ общихъ заключеніяхъ отклоненія отъ этого»[1].

Въ своихъ возраженіяхъ противъ теоріи Bücher'a Below ссылается, по отношенію къ древности, на авторитетъ другого извѣстнаго историка Ed. Meyer'a, опровергающаго относящіяся сюда утвержденія Bücher'a. Послѣдній видитъ у всѣхъ народовъ древности не болѣе, какъ переходное состояніе отъ первой ко второй хозяйственной ступени[2]. Ссылаясь на множество фактовъ изъ наиболѣе отдаленныхъ временъ, Meyer утверждаетъ, что «даже при очень примитивныхъ условіяхъ торговли, обмѣнъ собственныхъ продуктовъ на чужіе товары играетъ очень важную роль. Во всякомъ случаѣ, у всѣхъ народовъ, которыми занимается исторія, торговля является однимъ изъ основныхъ фактовъ культурнаго развитія»[3]. Обрисовавъ далѣе экономическія условія древней Греціи, Meyer проводитъ слѣдующую параллель: «Седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени четырнадцатому и пятнадцатому вѣку послѣ Р. Х., пятое—шестнадцатому», третій же вѣкъ сравнивается даже съ XVII и XVIII столѣтіями[4].

Къ этому же вопросу обращается въ своей статьѣ М. Хвостовъ. По замѣчанію его, «Мейеръ, основываясь на фактахъ исторіи Востока, Греціи и Рима, вполнѣ достаточно показалъ, что представлять себѣ хозяйственную исторію древняго міра,

---

1) S. 27, 30 f., 33, 40.

2) O. c., S. 117.

3) Ср. также цитируемое ниже однородное утвержденіе G. Schmoller'a: Grundriss usw. T. II. 1904. Abs. 149. S. 4.

4) Экономич. развитіе древняго міра. Перев. 1906. (Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. III F. B. IX). См. также весьма содержательную статью М. Ростовцева. Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ. Русская Мысль. Мартъ. 1900. Стр. 195—217.

какъ замкнутый, вполнѣ связный процессъ, совершенно невозможно, что мы находимъ здѣсь эволюціонные процессы различныхъ обществъ, которые часто переплетаются между собою, но вовсе не представляютъ законченнаго цѣлаго. Не только хозяйственныя отношенія Востока, Греціи и Рима различаются весьма существенно другъ отъ друга, но даже на болѣе ограниченномъ пространствѣ, напр., въ самой Греціи, мы видимъ весьма значительное разнообразіе хозяйственныхъ формъ. Если, такимъ образомъ, нельзя сливать въ одну картину хозяйственныя отношенія различныхъ территорій, то столь же непозволительно представлять, какъ одно цѣлое, хозяйственные порядки различныхъ эпохъ»[1].

Но особенно замѣчательныя, смѣлыя и въ то же время убѣдительныя заключенія принимаетъ А. Погодинъ. Онъ исходитъ изъ того воззрѣнія, что человѣчество вообще туго на изобрѣтенія, общераспространенность которыхъ указываетъ поэтому не на совпаденіе однородныхъ изобрѣтеній, но на распространеніе разъ достигнутаго изобрѣтенія. Какъ справедливо утверждаетъ А. Погодинъ, «безъ культурнаго обмѣна не можетъ быть культурной общности, не можетъ существовать одинаковаго употребленія предмета». Ссылаясь на находки громадныхъ скопленій каменныхъ издѣлій палеолитической эпохи, цитируемый авторъ высказываетъ предположеніе, «не были ли эти стоянки мастерскими, снабжавшими своими отбивными орудіями окрестное населеніе». «Переходя къ новѣйшему каменному вѣку, мы уже не встрѣчаемъ среди ученыхъ сомнѣнія въ томъ, что часть его мастерскихъ удовлетворяла прямо потребностямъ сбыта. Такова, напр., мастерская въ Mesvin въ Бельгіи». «Если существовалъ обмѣнъ въ области кремневой культуры, то онъ», заключаетъ авторъ, «долженъ былъ касаться и другихъ предметовъ. И дѣйствительно, въ палео- и неолитическихъ стоянкахъ найдено не мало предметовъ иноземнаго происхожденія. Часть ихъ могла явиться на новыя мѣста съ передвиженіемъ ихъ владѣльцевъ, другая часть обязана своимъ появленіемъ здѣсь, несомнѣнно, торго-

[1]) Изученіе экономическаго быта древности. Ж. М. Нар. Просв. 1900. Іюнь. Стр. 283 и сл.; см. также въ особ. стр. 287 и сл.

вымъ сношеніямъ людей». Въ частности, факты торговаго распространенія раковинъ и янтаря представляются, по мнѣнію цитируемаго автора, особенно несомнѣнными въ неолитическую эпоху. «Можетъ ли быть», говоритъ онъ далѣе, «вопросъ о торговлѣ у народа, во всякомъ случаѣ, первобытнаго, дикаго? Мнѣ кажется, что вопросъ надо бы измѣнить, поставивъ такимъ образомъ: существуютъ ли племена безъ торговли, подразумѣвая подъ этой послѣдней обмѣнъ необходимыми или привлекательными предметами. Такая торговля можетъ практиковаться и при существованіи, недостойномъ, по выраженію Пеше, человѣка, т. е. у народа не знающаго употребленія огня»[1].

Въ той постановкѣ, которую даютъ вопросу объ обмѣнѣ цитированные выше авторы, находитъ себѣ естественное подтвержденіе, что порядокъ хозяйственнаго общенія искони свойственъ человѣчеству, и что предположеніе замкнутаго домашняго хозяйства, принимаемое Bücher'омъ, столь же мало пріемлемо для соціальной науки, какъ и его же предположеніе существованія на протяженіи многихъ тысячелѣтій при чисто инстинктивномъ удовлетвореніи потребностей, какое мы обыкновенно предполагаемъ у животныхъ,—не трудясь и не обладая никакими иными средствами, кромѣ тѣхъ, которыя мы находимъ у звѣрей[2].

Теорія Bücher'а вызываетъ однако противъ себя не мало и другихъ возраженій. Затрогиваемый Below'ымъ вопросъ объ отношеніи между исторіей и теоріей все же не нашелъ себѣ правильнаго разрѣшенія у Bücher'а. Разработавъ крайне интересный историкоэтнографическій матеріалъ, Bücher пріурочиваетъ къ нему произвольно-абстрактныя построенія, примыкающія къ статическому направленію классической школы. Эта комбинація историческихъ изысканій и статическихъ построеній не можетъ дать въ результатѣ ничего иного, какъ отрывочныя представленія отдѣльныхъ экономическихъ системъ, на столько же

---

[1]) Распространеніе культуры въ доисторическія времена. Ж. М. Нар. Просв. 1900. Іюнь. Стр. 259—280. Bücher. O. c., S. 5 f., справедливо указываетъ, что до сего времени еще не найдено племя, которое бы не было знакомо съ употребленіемъ огня.

[2]) Die Entstehung usw. Vortrag I.

отступающихъ отъ дѣйствительности, какъ и лежащія въ ихъ основѣ абстракціи. Такой произвольно-абстрактный характеръ имѣетъ и избранный Bücher'омъ общій критерій различенія экономическихъ ступеней по разстоянію пути, совершаемаго благомъ между моментами производства и потребленія. Разнородность въ этомъ отношеніи отдѣльныхъ видовъ благъ имѣла, безъ сомнѣнія, мѣсто во все времена и представляется особенно очевидной въ современномъ хозяйственномъ оборотѣ. Для теоретика же имѣетъ существенное значеніе то именно обстоятельство, что такое разнообразіе существовало вообще при самыхъ различныхъ экономическихъ условіяхъ и что общее развитіе хозяйственнаго оборота не можетъ быть измѣряемо по одному этому признаку. Общія отправныя воззрѣнія Bücher'а на соціальную жизнь также вызываютъ противъ себя критику. Если Bücher предлагаетъ экономисту ставить себѣ вопросъ, является ли «хозяйство народа» въ какую-либо эпоху народнымъ хозяйствомъ, если Bücher утверждаетъ, что въ теченіи тысячелѣтій человѣчество хозяйствовало безъ народнаго хозяйства и что народное хозяйство возникаетъ лишь въ связи съ національно-политическими условіями новыхъ вѣковъ и не раньше конца среднихъ вѣковъ[1], то что же разумѣетъ онъ подъ народомъ, человѣчествомъ и до-современнымъ государствомъ и на сколько онъ отличаетъ ихъ отъ современнаго народа и современнаго государства? Въ связи съ отмѣченнымъ неправильнымъ воззрѣніемъ на моментъ возникновенія народнаго хозяйства, Bücher неправильно сводитъ все существо средневѣковой хозяйственной жизни къ системѣ городского хозяйства съ тяготѣющимъ къ городу внѣгородскимъ райономъ при слѣдующей характеристикѣ хозяйственной жизни: «наибольшая часть благъ все еще не покидаетъ хозяйство, въ которомъ возникаетъ [и у ремесленниковъ ? Н. К.]. Меньшая часть путемъ обмѣна переходитъ въ другія хозяйства; но проходимый имъ путь очень короткій — отъ производителя къ потребителю. Обращеніе благъ не существуетъ» за нѣкоторыми исключеніями, не имѣющими конститутивнаго характера. Однако самое развитіе отраслей торговопромышленной дѣятель-

[1]) Die Entstehung usw. S. 128, 86, 90, 135, 143.

ности, народнохозяйственнаго раздѣленія труда[1] и средствъ и установленій хозяйственнаго обращенія было бы немыслимо при такихъ условіяхъ. Одинаково неправильно воззрѣніе Bücher'а на низшую хозяйственную единицу. Домашнее хозяйство, при томъ замкнутое, Bücher предполагаетъ на первой хозяйственной ступени и отрицаетъ его—для третьей. Отмѣтивъ факты разъединенія производства и потребленія и образованія спеціально-производственныхъ предпріятій, Bücher замѣчаетъ къ этому: «Большинство отдѣльныхъ хозяйствъ живетъ вообще отъ своего дохода. Семья вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ представлять хозяйственную единицу общества; производство благъ лишь въ видѣ исключенія принадлежитъ къ ея функціямъ; она есть только органъ потребленія и носительница потребительнаго имущества»[2]. Такимъ образомъ, Bücher предполагаетъ домашнее хозяйство тогда, когда семья въ современномъ смыслѣ отсутствовала—предположеніе изначала моногамическихъ народовъ должно отвергнуть,—и отрицаетъ его для того времени, когда семья, какъ простѣйшая группа индивидовъ, представляетъ преобладающую низшую соціальную единицу. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ, что должно разумѣть подъ хозяйствомъ. Bücher признаетъ имъ какъ бы комбинацію матеріальнаго производства и потребленія, но отнюдь не полученіе дохода хотя бы съ помощью хозяйственной дѣятельности не на дому и расходованіе этого дохода на цѣли потребленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываніе домашнимъ имуществомъ. Но если средневѣковый ремесленникъ содержалъ себя и семью на заработокъ внѣ дома, то точно также Bücher долженъ былъ бы отрицать въ этомъ случаѣ семью, какъ хозяйственную единицу. Погрѣшность кроется здѣсь не только въ произвольныхъ предположеніяхъ, но и въ слишкомъ эмпирическомъ пониманіи хозяйства и хозяйственной дѣятельности.

Below вкратцѣ воспроизводитъ и подвергаетъ критикѣ также изложенную нами выше теорію экономическихъ ступеней Sombart'а. Привѣтствуя отказъ отъ теоріи развитія, Below признаетъ «его остроумныя изслѣдованія, по меньшей мѣрѣ, отличной

---

[1]) Ср.: S. 129.
[2]) S. 144, ср.: S. 128.

гимнастикой ума». Below констатируетъ не такъ много новаго въ этой теоріи, какъ это можно было бы заключить изъ критическаго отношенія Sombart'a къ инымъ теоріямъ, а также частью замѣтное, частью скрытое вліяніе Bücher'a, которому приписываетъ также превосходство въ оригинальномъ знаніи историческихъ фактовъ. Какъ частное возраженіе, должно отмѣтить указаніе Below'a, что, напр., военныя поставки Круппа также основаны на принципѣ покрытія потребности[1]. Но было бы правильнѣе видѣть въ этомъ случаѣ, какъ по идеѣ—во всѣхъ случаяхъ хозяйственной дѣятельности, комбинацію обоихъ указываемыхъ Sombart'омъ руководящихъ принциповъ,—комбинацію, вытекающую изъ сущности экономическаго принципа и изъ общей конечной цѣли всякой человѣческой дѣятельности.

Below подвергаетъ критикѣ также теоріи Hildebrand'a[2], Schmoller'a и Lamprecht'a. Теорія Schmoller'a представляется здѣсь, какъ введеніе къ изслѣдованію меркантилизма въ его историческомъ значеніи, при чемъ этимъ обусловлены также и характеръ и содержаніе самой теоріи[3]. Отзывъ о теоріи Lamprecht'a представляется очень критическимъ[4].

Below высказываетъ также общія замѣчанія объ относящихся сюда теоріяхъ: «Противъ всѣхъ теорій хозяйственнаго развитія народовъ можно сдѣлать возраженіе, которое Hildebrand примѣнилъ къ List'y: онѣ абстрагированы лишь изъ исторіи одного или немногихъ народовъ или даже отдѣльныхъ частей ихъ исторіи. Основу для теоріи Schmoller'a представляютъ въ главномъ лишь судьбы германскаго народа. Bücher ограничилъ свою теорію въ томъ отношеніи, что она дѣйствительна, по крайней мѣрѣ, для центральныхъ и западноевропейскихъ народовъ». Считая невозможнымъ найти общіе законы развитія, изъ которыхъ бы не было многочисленныхъ исключеній, Below признаетъ однако положительное научное значеніе опредѣленія ступеней развитія, хотя бы и не имѣющихъ всеобщаго значенія[5].

[1]) Below O. c. S. 13 ff., 32 f., 44. См. также нѣсколько личное замѣчаніе: S. 5 Anm.
[2]) См. ниже, § 44.
[3]) S. 9.
[4]) S. 15.
[5]) S. 17, 32.

Очень острой и, какъ справедливо замѣчаетъ Below[1], не вытекающей изъ дающей не такъ много новаго собственной его теоріи, критикѣ подвергаетъ предшествующія теоріи Werner Sombart[2]: «Въ то время какъ теоріи Rodbertus'a, Marx-Engels'a, Schmoller'a частью односторонне, частью неполно, частью неудачно формулированы, теорія Bücher'a представляется (halte ich), хотя она, повидимому, содержитъ улучшенное ученіе вышепоименованныхъ авторовъ, въ приданномъ ей Bucher'омъ изложеніи прямо ошибочной, по меньшей мѣрѣ чрезвычайно легко вводящей въ заблужденіе». Оставляя въ сторонѣ частности, Sombart приписываетъ всѣмъ до сихъ поръ изложеннымъ теоріямъ въ большей или меньшей мѣрѣ слѣдующія погрѣшности и недостатки въ принципѣ и въ методѣ: «1) Ни одна изъ прежнихъ теорій—за исключеніемъ впрочемъ теоріи Bücher'a, которой однако критицизмъ не пошелъ въ прокъ,—не представляется критической, т. е. выясняющей важность и значеніе ея принципа раздѣленія, который, повидимому, даже не сознаютъ очень многіе изъ нашихъ теоретиковъ; 2) ни одна изъ нихъ не примѣняетъ безупречнымъ образомъ избранный ею принципъ раздѣленія»; «3) ни одна не можетъ исчерпать своимъ дѣленіемъ случаи хозяйственныхъ явленій». Въ такомъ противопоставленіи своей теоріи всѣмъ прежнимъ Sombart, повидимому, основывается на ошибочномъ убѣжденіи въ незыблемости теоретическихъ выводовъ, полученныхъ съ помощью алгебраическаго метода перестановокъ. Въ виду такой общей оцѣнки теорій экономическаго развитія, умаляется интересъ его критическихъ замѣчаній, направленныхъ противъ отдѣльныхъ теорій.

G. Schmoller[3] заключаетъ свой курсъ политической экономіи изслѣдованіемъ развитія народнохозяйственной жизни въ цѣломъ, при чемъ въ заключеніе даетъ общій обзоръ теорій развитія соціальной жизни. Онъ исходитъ при этомъ изъ опредѣленія хозяйственнаго прогресса, къ которому относитъ повышеніе потребностей, прогрессъ техники, приростъ капи-

---

[1]) O. c., S. 32.
[2]) Archiv für soziale Gesetzg. u. Stat. B. 14. 1899. S. 385, 387.
[3]) Grundriss. T. II. Abs. 272—275. S. 653 ff., Abs. 148 ff. S. 3 ff.

тала и населенія, съ другой же стороны и въ особенности— развитіе общественной организаціи и нравственно-политическаго воспитанія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ обширнымъ пониманіемъ экономическаго прогресса группируются и теоріи развитія. Среди нихъ Schmoller различаетъ наиболѣе старыя и еще теперь наиболѣе распространенныя механическія попытки «выяснить совокупное хозяйственное развитіе, какъ одно цѣлое», примыкая къ внѣшнему, видимому прогрессу техники: «либо къ возникновенію технически обособленныхъ основныхъ отраслей производствъ и профессій, либо въ отдѣльности къ техническимъ средствамъ и методамъ, либо къ техническому характеру обмѣна». Къ этой группѣ отнесена въ частности теорія Листа, относительно которой Schmoller даетъ слѣдующую оцѣнку: «Нельзя отрицать, что эта схема хозяйственнаго ступененія правильно представляетъ извѣстныя общія черты развитія, но съ другой стороны нѣкоторыя отдѣльныя части ея, особенно болѣе старыя, неправильны, и схема ставитъ эпохи на ряду, не выясняя внутреннія причинныя соотношенія; нечего говорить о томъ, что рядъ существеннѣйшихъ различій хозяйственныхъ эпохъ и состояній при этомъ вовсе не схватывается». Schmoller отмѣчаетъ далѣе неустойчивость воззрѣній по этому вопросу у Marx'a, который, первоначально отправляясь отъ гегелевской діалектики, въ общемъ даетъ технологическую конструкцію на основѣ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Болѣе глубокими признаетъ Schmoller тѣ попытки классификаціи, которыя пріурочиваются къ хозяйственному обмѣну и его техническимъ средствамъ. «Обмѣнъ есть слѣдствіе раздѣленія труда, онъ вліяетъ на соціальныя отношенія людей въ самомъ корнѣ, онъ преобразуетъ всякую хозяйственную мысль и дѣятельность людей». Къ этому основанію раздѣленія тяготѣетъ и самъ Schmoller—въ своемъ различеніи «наиболѣе старой эпохи случайнаго обмѣна между сосѣдями, второй эпохи правильнаго мелкаго и мѣстнаго обмѣна (при городскомъ хозяйствѣ) и третьей эпохи крупнаго и дальняго обмѣна»; «еще развитѣе выступаетъ она предъ нами лишь въ послѣднія столѣтія, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ территоріальное, народное и міровое хозяйство.

Но еще важнѣе представляется раздѣленіе на натуральное и денежное хозяйство или, какъ говоритъ Hildebrand, на натуральное, денежное и кредитное хозяйство», при чемъ однако Schmoller отрицательно относится къ предположенію особой эпохи кредитнаго хозяйства[1]. Здѣсь должно также отмѣтить нижеслѣдующее замѣчательное утвержденіе цитируемаго автора: «Подобно тому, какъ не существуетъ непроходимыхъ (pfadlos) странъ, такъ неизвѣстны люди и племена безъ зачатковъ торговли и обмѣна. Уже въ древнѣйшія времена извѣстнаго намъ человѣчества пробуравленные камни, предметы украшеній, металлическія орудія и оружіе передвигались на сотни миль, отъ племени къ племени»[2]. Ко второй группѣ Schmoller относитъ теоріи телеологическо-метафизическаго и психологическо-умственнаго характера. Сюда между прочимъ отнесена теорія Rodbertus'a, какъ различающаго эпоху не-соціальнаго существованія людей и общественную, а въ этой послѣдней—эпохи жизни племенной, государственной и еще предстоящей эпохи полнаго единенія человѣчества. Усматривая также достоинства въ этой теоріи, Schmoller упрекаетъ ее въ отсутствіи «причиннаго обоснованія соотношеній, которыя витаютъ надъ нами на нѣсколько сказочной высотѣ». Наконецъ, какъ третью группу теорій развитія, Schmoller указываетъ «историческое ступененіе формъ экономическаго строя». Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ собственной теоріей Schmoller'a, съ которой онъ сближаетъ теоріи Bücher'a и Sombart'a, при чемъ приписываетъ себѣ научный пріоритетъ. Въ формулировкѣ Bücher'a онъ видитъ «скорѣе желательное восполненіе и развитіе своихъ теорій, нежели замѣну ихъ», Sombart'a же упрекаетъ въ неумѣстной склонности замѣнять старыя выраженія и понятія множествомъ новыхъ. Schmoller представляетъ при этомъ свою классификацію эпохъ съ специфическо-хозяйственной точки зрѣнія въ слѣдующемъ рядѣ: 1) эпоха собственнаго аграрнаго хозяйства и жизни въ племени; 2) эпоха городского хозяйства и городскихъ хозяйственныхъ областей; 3) эпоха среднихъ и территоріальныхъ

[1]) См. ниже, § 44.
[2]) Grundriss. T. II. Abs. 149. S. 4.

хозяйствъ; 4) эпоха образованія болѣе значительныхъ національныхъ государствъ и народныхъ хозяйствъ; 5) эпоха новыхъ міровыхъ государствъ и развивающихся міровыхъ хозяйственныхъ отношеній.

Теоріи ступеней экономическаго развитія подвергъ критическому изслѣдованію также Heinrich Pesch[1]. Противъ сближаемыхъ имъ схемъ Bücher-Schmoller'а[2] Pesch группируетъ рядъ возраженій. Между прочимъ, онъ выдвигаетъ слѣдующій, вполнѣ обоснованный вопросъ: «Достаточно ли въ понятіи народнаго хозяйства видѣть лишь болѣе высокую историческую ступень развитія въ виду большей обширности обмѣна или опредѣленной формы государственной экономической политики?» Цитируя рядъ мнѣній, отрицающихъ это, и приводя соотвѣтствующія данныя изъ экономической исторіи, Pesch замѣчаетъ, что въ особенности недостаточно и односторонне представленіе народнаго хозяйства, лишь какъ ступени развитія обмѣна или же какъ опредѣленнаго историческо-правового состоянія государственной жизни, съ той болѣе обширной соціальной точки зрѣнія, по которой народное хозяйство разсматривается, какъ «часть народной жизни въ государственномъ обществѣ, и экономическій строй—какъ часть общественнаго строя». Pesch высказываетъ также слѣдующія возраженія противъ теоріи Bücher-Schmoller'а: «Теорія не обладаетъ всеобщей примѣнимостью», какъ это признаютъ и сами авторы ея. «2) Хозяйственныя ступени не означаютъ эпохъ въ смыслѣ историческаго развитія. Онѣ берутъ историческій матеріалъ болѣе свободнымъ образомъ, нежели это допустимо для историка, обращаютъ вниманіе лишь на характеристическое извѣстныхъ типическихъ формъ въ разные промежутки времени и оставляютъ безъ разсмотрѣнія нѣкоторые элементы развитія. 3) Хозяйственныя ступени не даютъ строгаго раздѣленія хозяйственныхъ явленій. Интерлокальный тор-

[1]) Lehrbuch der Nationalökonomie. B. I. 1905. Abs. 90—95. S. 216 ff.

[2]) Pesch. O. c., S. 230, указываетъ то различіе между ними, что для «Bücher'а прогрессъ заключается скорѣе въ развитіи обмѣна, въ большемъ разстояніи пути, который совершаютъ блага между производителемъ и потребителемъ, для Schmoller'а—въ переходѣ регулированія хозяйственной жизни къ высшей инстанціи, въ вступленіи новаго, высшаго субъекта, носителя хозяйственно-политической власти».

говый обмѣнъ образуетъ уже конститутивный элементъ средневѣковаго хозяйства, а производство на заказчиковъ имѣется и въ настоящее время. 4) Въ соотвѣтствіи съ чисто историческимъ характеромъ ея, теорія ступеней не должна притязать на то, что она будто бы даетъ полное выраженіе соціальноправовому понятію народнаго хозяйства. Что она именуетъ народнымъ хозяйствомъ, то относится скорѣе къ опредѣленнымъ, особеннымъ сторонамъ въ историческомъ развитіи хозяйственной жизни народовъ. Представляется рѣшительно невозможнымъ пріобрѣсти, исходя изъ этой точки зрѣнія, абсолютный масштабъ для принципіальнаго разсмотрѣнія всесторонняго совершенства народнохозяйственныхъ состояній. Иначе говоря, прогрессъ заключается не необходимо и исключительно въ постоянномъ именно тѣхъ моментовъ, которые вызываютъ, либо означаютъ прогрессъ по теоріи ступеней». Pesch отмѣчаетъ неубѣдительность аргументаціи Bücher'a по вопросу о недопустимости четвертой ступени развитія въ видѣ мірового хозяйства, при чемъ Bücher ссылается на возрожденіе идей меркантилизма и общее развитіе государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь. Противопоставляя этому то соображеніе, что за такою эпохою могла бы наступить новая, болѣе либеральная, которая дала бы полное торжество идеѣ международнаго раздѣленія труда и тѣмъ создала бы новую ступень мірового хозяйства, Pesch, съ своей стороны, устанавливаетъ различіе между понятіями народнаго и мірового хозяйства съ соціальноправовой точки зрѣнія: «Народное хозяйство не есть только историческое понятіе обмѣна, не есть понятіе, образуемое и исчерпывающееся государственной экономической политикой, но соціальноправовое понятіе болѣе обширнаго содержанія». Напротивъ, «понятіе мірового хозяйства есть только понятіе обмѣна. Большая обширность обмѣна однако не господствуетъ и не опредѣляетъ въ послѣдней инстанціи повышающееся развитіе, прогрессъ съ народнохозяйственной точки зрѣнія. Здѣсь рѣшаетъ скорѣе естественноправовая конечная цѣль каждаго народнаго хозяйства, удовлетвореніе потребностей, благосостояніе народа, которому обмѣнъ служитъ лишь какъ средство. Поэтому привхожденіе

мірового хозяйства есть по столько прогрессъ, по сколько оно служитъ общему благу народа, и есть регрессъ, по сколько оно затрогиваетъ и повреждаетъ общее народное благо». «Отсутствуетъ именно прочное соціальное цѣлое, въ рамкахъ котораго міровое хозяйство могло бы быть постоянно присоединено. Напротивъ, народное хозяйство, хозяйственная жизнь государственно объединеннаго народа, обладаетъ соціальными рамками, соціальной связью, и какъ бы легка и слаба эта ни была, она вмѣстѣ съ государственной связью и въ правѣ, болѣе или менѣе во всѣ времена, въ древности, въ средніе вѣка, въ новомъ времени, въ извѣстной степени, извѣстнымъ образомъ существуетъ также фактически».

Въ этихъ своихъ положительныхъ сужденіяхъ Pesch однако существенно погрѣшаетъ, не только оттѣняя государственную организацію, къ которой примыкаетъ народное хозяйство, но и пріурочивая къ нимъ метафизическую естественноправовую идею общаго національнаго блага. Вѣдь и естественное право выходитъ изъ рамокъ національнаго, а соціальныя отношенія, по сколько они фактически имѣютъ мѣсто и при томъ именно за предѣлами отдѣльной націи, государства и народнаго хозяйства, не имѣютъ исключительнаго рыночнаго характера. Всѣ эти соціально-экономическія установленія, какія исходятъ отъ государства или частныхъ общеній въ немъ, проявляютъ вообще очевидную тенденцію выйти изъ тѣсныхъ рамокъ государства и получить всеобщее распространеніе. Но критическія замѣчанія Pesch'а противъ теорій ступеней—Bücher'а и Schmoller'а—по существу вполнѣ справедливы: столь неопредѣленныя, шаткія и не имѣющія ни абстрактно-теоретическаго ни эмпирическаго обоснованія, теоріи неумѣстны въ наукѣ. То же должно признать и относительно даваемой Sombart'омъ классификаціи экономическихъ ступеней.

H. Pesch воспроизводитъ содержаніе теоріи Sombart'а и подвергаетъ ее сочувственной, но тѣмъ не менѣе рѣшительной критикѣ. Онъ признаетъ «чрезвычайную остроту ума, проявленную въ различеніяхъ понятій» и необходимость для науки нѣкоторыхъ изъ даваемыхъ Sombart'омъ новыхъ понятій и различеній. Но, продолжаетъ Pesch, «конечно, едва ли его

теорія ступеней вытѣснитъ господствующую формулировку. Bücher и Schmoller поставятъ на видъ, что три ступени: индивидуальное, переходное и общественное хозяйство въ своемъ конечномъ значеніи имѣютъ въ виду тѣ же установленія и состоянія, какъ и дѣленіе: домашнее, городское, народное хозяйство. Формулировка Sombart'a имѣетъ, правда, большое преимущество въ томъ, что она не вводитъ понятіе народнаго хозяйства въ теорію ступеней и тѣмъ устраняетъ нѣкоторыя возраженія. Съ другой стороны, она имѣетъ, прежде всего, тотъ недостатокъ, что избранные термины (индивидуальное хозяйство, переходное и общественное) менѣе ясно показываютъ суть, нежели термины Bücher'a; затѣмъ, принципъ обобществленія, какъ основаніе для раздѣленія въ теоріи ступеней, все-таки близокъ къ недоразумѣнію, якобы всякая высшая степень обобществленія, какъ это здѣсь понимается, уже сама по себѣ должна означать и высшую хозяйственную ступень». Въ общемъ Pesch приписываетъ теоріи Sombart'a тѣ же недостатки, которые присущи всѣмъ теоріямъ ступеней: «1) Историческое развитіе представляется при этомъ не строго историческимъ образомъ и порядкомъ. Отъ многихъ частностей приходится отвлекаться въ интересахъ общей схемы. 2) Хотя ступени относятся лишь къ одной опредѣленной сторонѣ развитія, онѣ разсматриваются болѣе или менѣе въ общей картинѣ возрастающаго развитія, поэтому и слишкомъ легко—въ ложномъ представленіи вслѣдствіе примѣненія односторонняго масштаба къ оцѣнкѣ всей экономической эволюціи. Не чисто историческое разсмотрѣніе», присоединяетъ къ этому свое заключеніе Pesch, «можетъ, какъ сказано, обезпечить истинный [и прибавимъ, экономическій] масштабъ для оцѣнки прогресса. При этомъ требуется принципіальное представленіе сущности народнаго хозяйства съ телеологической точки зрѣнія»[2,3].

---

[1]) См. выше: §§ 8, 13, 14.

[2]) O. c., S. 243.

[3]) Въ русской литературѣ обзоръ схемъ экономическаго развитія представили І. Кулишеръ. Экономическая исторія, какъ наука, и періоды въ хозяйственномъ развитіи народовъ. Русская Мысль. 1908. Іюль; В. В. Святловскій. Примитивно-торговое государство, какъ форма быта. 1914. Часть III. Гл. VI. В. В. Святловскій въ своемъ обзорѣ указываетъ тотъ недостатокъ въ теоріи Bücher'a и всѣхъ стоящихъ съ нимъ на одной точкѣ зрѣнія, что при этомъ «со-

42. Поставивъ эту проблему, Pesch оставляетъ ее безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, используя ее для перехода къ выясненію неизмѣннаго и свойственнаго всѣмъ экономическимъ ступенямъ существа народнаго хозяйства. Но ограничиться этимъ представляется недостаточнымъ и неправильнымъ. Съ точки зрѣнія генетическаго изслѣдованія, которое по отношенію къ развивающейся соціальной жизни единственно можетъ быть признано позитивнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ критическаго изслѣдованія и спеціальной оцѣнки явленій соціальной жизни, вопросъ о ступеняхъ экономическаго развитія требуетъ болѣе опредѣленнаго рѣшенія.

Обращаясь при этомъ къ основному вопросу о выборѣ критерія къ различенію экономическихъ ступеней, послѣдній необходимо искать въ томъ, что характеризуетъ хозяйственную жизнь во всѣхъ случаяхъ, а, стало быть, также во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло принадлежитъ къ области экономическаго изслѣдованія. Исходя изъ установленнаго выше соціальнаго характера хозяйственной жизни и изъ опредѣленія хозяйства чрезъ преобладающій элементъ: хозяйственныя отношенія[1], въ нихъ именно и должно искать означенный критерій. Но такъ какъ хозяйственныя отношенія затрогиваютъ различныя отрасли хозяйственной жизни: производство, потребленіе, обращеніе и распредѣленіе, такъ какъ и по всѣмъ инымъ соображеніямъ внутреннее содержаніе всѣхъ вообще хозяйственныхъ отношеній представляется безконечно разнообразнымъ, то ближайшимъ образомъ этотъ критерій должно предполагать какъ въ общей интенсивности хозяйственнаго общенія, такъ и въ соотвѣтственно этому разрабатываемомъ общемъ экономическомъ характерѣ отношеній, т. е. въ способахъ хозяйственной оцѣнки и въ примѣняемыхъ при этомъ эквивалентахъ[2]. Эти и только эти элементы съ точки

вершенно упускается изъ виду эволюціонность каждой изъ отдѣльныхъ формъ хозяйства», и предлагаетъ, въ видѣ поправки, расчленить далѣе первую ступень. Едва ли однако чрезъ это можетъ достигнуть себѣ признанія идея общаго единства экономической эволюціи.

[1]) См. выше, § 31. Соціальныя отношенія соотвѣтствующаго рода лежатъ также въ основѣ прочихъ сторонъ культурной жизни, какъ это въ особенности признается въ этикѣ и правѣ.

[2]) Ср.: Marx. Zur Kritik usw. S. 10.

зрѣнія экономическаго изслѣдованія имѣютъ, разумѣется, основоположное значеніе и съ удобствомъ поддаются научной классификаціи въ смыслѣ постепенной диференціаціи и приспособленія средствъ и способовъ, служащихъ къ установленію хозяйственныхъ отношеній.

Избѣгая выходящаго изъ предѣловъ соціальной науки[1] вопроса о до-экономическомъ существованіи людей и основываясь на дѣйствительныхъ условіяхъ хозяйственной жизни въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ, отнюдь не отрицая возможность и, можно сказать, научную необходимость дальнѣйшаго развитія, мы приходимъ такимъ образомъ къ теоретическому различенію слѣдующихъ четырехъ стадій экономическаго прогресса: 1) стадіи натуральнаго обмѣна, 2) взаимоотношеній, основанныхъ на денежной оцѣнкѣ съ примѣненіемъ реальныхъ, полноцѣнныхъ денежныхъ средствъ, 3) широкаго развитія кредита съ внѣдреніемъ его также въ составъ средствъ обращенія, и 4) значительнаго распространенія условныхъ зачетовъ, какъ проявленій общей, а не спеціальной возмездности. Первая изъ этихъ стадій характеризуется ограниченностью хозяйственныхъ отношеній и, въ связи съ этимъ, примитивнымъ характеромъ оцѣнокъ, лежащихъ въ ихъ основѣ[2]. Вторая стадія предполагаетъ уже такую многочисленность хозяйственныхъ отношеній, которая связана съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ экономическихъ оцѣнокъ и эквивалентовъ и со спеціализаціей благъ, служащихъ средствами оцѣнки и обращенія, т. е. деньгами. На третьей стадіи интенсивность хозяйственныхъ взаимоотношеній на столько повышается, что возникаютъ проблемы достаточнаго и при этомъ эластичнаго запаса денежныхъ средствъ и возможной экономіи въ относящихся сюда капитальныхъ затратахъ отдѣльныхъ хозяйствъ и народныхъ хозяйствъ въ цѣломъ. Эти проблемы получаютъ практическое разрѣшеніе въ формѣ кредита во взаимоотношеніяхъ по существу и въ средствахъ обращенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ хозяйственной жизни современныхъ культурныхъ народовъ развивается сложная си-

[1]) См. выше, § 5.

[2]) Наилучшей иллюстраціей къ этому могутъ служить фактическія данныя въ Die Entstehung usw. Bücher'a.

стема кредитноденежныхъ расчетовъ, для осуществленія которой служитъ особая отрасль экономической дѣятельности. Вмѣстѣ съ этимъ создается возможность сложной организаціи хозяйственной жизни на предпринимательской основѣ. Однако съ дальнѣйшимъ развитіемъ народнаго хозяйства связь и взаимоотношенія отдѣльныхъ хозяйствъ продолжаютъ становиться все болѣе тѣсными и многочисленными, вслѣдствіе чего и система кредитноденежнаго хозяйства становится недостаточною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и связанной съ извѣстными неблагопріятными послѣдствіями. Дальнѣйшее развитіе хозяйственныхъ отношеній, выражающееся въ чрезвычайномъ умноженіи ихъ и выработкѣ спеціальныхъ видовъ ихъ, приводитъ именно къ обнаруженію вытекающихъ отсюда же затрудненій техническаго характера и, т. ск., особаго вида конъюктуръ, которыя, какъ и во всѣхъ случаяхъ ихъ, создаютъ незаслуженныя выгоды однимъ за счетъ другихъ. Неблагопріятныя явленія того и другого рода встрѣчаютъ себѣ, естественно, противодѣйствіе, проявляющееся также въ соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ въ общей системѣ экономическихъ понятій и установленій. Какъ идеологическія вѣянія, такъ и нѣкоторыя практическія мѣропріятія позволяютъ заключить, что преобразованіе строя экономическихъ отношеній происходитъ, какъ въ сторону возможныхъ упрощеній и облегченій въ системѣ кредитно-денежныхъ расчетовъ, такъ и привходящихъ сюда тенденцій соціальнаго характера, имѣющихъ цѣлью дать болѣе желательный характеръ и направленіе общей системѣ хозяйственныхъ отношеній. Въ качествѣ средствъ и способовъ борьбы съ указанными неблагопріятными явленіями, можно отмѣтить примѣненіе зафиксированныхъ оцѣнокъ и въ особенности публичныхъ тарифныхъ оцѣнокъ по отношенію ко всѣмъ однороднымъ массовымъ случаямъ оцѣнокъ, выдѣленіе обширнаго разряда принадлежностныхъ, служебныхъ отношеній, не требующихъ самостоятельной оцѣнки, каковы, напр. безплатныя преміи и льготы разнаго рода и дополнительныя обязательства, образованіе цѣлыхъ группъ отношеній, подвергающихся одной общей оцѣнкѣ, каковы, напр., пансіонное содержаніе въ гостиницахъ и разнаго рода абонементы, а равно и тѣхъ сложныхъ хозяйственныхъ отношеній, кото-

рыя создаются вмѣшательствомъ государства въ условія труда, въ санитарныя, правовыя и пр. условія жизни, примѣненіе условныхъ оцѣнокъ и групповыхъ оцѣнокъ, какъ, напр., при иногда примѣняемомъ подоходномъ таксированіи воды, доставляемой въ отдѣльные дома, въ массовыхъ отрасляхъ страхованія—по отношенію къ величинѣ и длительности взносовъ и вознагражденій, наконецъ въ однообразномъ вознагражденіи массоваго труда и въ оцѣнкахъ, базируемыхъ на платежной способности или же соціальномъ положеніи одной изъ сторонъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, иногда же въ отнесеніи эквивалента на счетъ государства или общественныхъ организацій[1]. Ранѣе всего и въ особенно обширной мѣрѣ распространяются указанные и прочіе этого рода пріемы облегченія оцѣнокъ, лежащихъ въ основѣ хозяйственныхъ отношеній, на ту обширнѣйшую область массовыхъ хозяйственныхъ отношеній, въ которой участвуетъ на одной сторонѣ государство въ лицѣ его различныхъ учрежденій. Необходимость упрощеній въ хозяйственныхъ отношеніяхъ и различныя тенденціи соціальнаго характера оправдываются здѣсь издавна массовымъ характеромъ такихъ взаимоотношеній. Отмѣченная четвертая стадія экономическаго развитія не можетъ считаться ни достигшей полнаго развитія ни окончательной. Каково будетъ дальнѣйшее развитіе общаго характера хозяйственныхъ отношеній, едва ли возможно и необходимо высказываться въ настоящее время. Можно однако съ увѣренностью утверждать, что принципы личной иниціативы и отвѣтственности, возмездности, соперничества и общаго интереса не могутъ быть устранены, такъ какъ безъ нихъ утратили бы raison d'être самыя хозяйственныя отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйство вообще.

Было бы неправильно и не логично предполагать, что соціализація хозяйственной жизни есть явленіе позднѣйшее. Уже натуральный обмѣнъ, при всей ограниченности и несовершенствѣ хозяйственныхъ отношеній при немъ, необходимо предпо-

[1]) Кохановскій. Политическая экономія. Введеніе. 1909. Стр. 24 и сл. Ср.: Dr. G. Cassel. Der Ausgangspunkt der theoretischen Oekonomie. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. 1902. J. 58. H. 4. S. 692 f.; А. М. Рыкачевъ. Деньги и денежная власть. Ч. I. 1910.

лагаетъ это. Помимо болѣе или менѣе свободныхъ и явныхъ отношеній натуральнаго обмѣна здѣсь имѣетъ такое значеніе и еще, можетъ быть, гораздо болѣе развитъ скрытый натуральный хозяйственный взаимообмѣнъ. Деньги, этотъ наиболѣе общій въ смыслѣ своего призванія и непосредственно-конкретно наименѣе необходимый видъ благъ, не только облегчаютъ и совершенствуютъ хозяйственныя отношенія, но и освобождаютъ блага, могущія имѣть иное конкретное примѣненіе, при натуральномъ же обмѣнѣ служившія въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, какъ средства оцѣнки и эквивалентъ[1]. Умноженіе свободныхъ хозяйственныхъ отношеній на основѣ денежной оцѣнки и денежнаго эквивалента оказывается несовмѣстимымъ съ сопутствующимъ натуральной системѣ режимомъ личной зависимости, натуральныхъ повинностей и сервитутовъ и, культурно превосходя его во всѣхъ отношеніяхъ, приводитъ съ своей стороны къ полному устраненію его. Кредитъ еще болѣе облегчаетъ хозяйственныя отношенія и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе соціализируетъ блага и потребности. Возможное экономическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обще-культурное значеніе личныхъ силъ и матеріальныхъ (и нематеріальныхъ) средствъ и наивысшей организаціи ихъ находитъ себѣ при этомъ еще болѣе полную реализацію. Съ другой же стороны характеризующія указанную четвертую ступень упрощенія и привходящія соціальныя тенденціи не только соціализируютъ далѣе хозяйственную жизнь, но и облегчаютъ болѣе интенсивное проявленіе началъ личнаго интереса, возмездности и конкуренціи. Тѣ элементы культурной жизни, которые были изъяты изъ-подъ контроля экономическаго принципа, теперь подчиняются ему. Въ конечномъ итогѣ дѣло идетъ о созданіи все болѣе совершенной, качественно и пространственно, системы хозяйственной стороны культуры. Указанныя общія формы хозяйственныхъ отношеній развиваются въ ближайшей связи со всѣмъ характеромъ и условіями экономическаго быта, но эти послѣдніе принадлежатъ уже къ тѣмъ болѣе частнымъ проявленіямъ, которые не могутъ войти въ абстрактныя об-

[1]) Ср.: J. St. Mill. Principles of Political Economy. Ed. by Ashley. B. III. Ch. VII. P. 488.

общенія теоріи экономическихъ ступеней.

Наконецъ, сопоставляя экономическія условія менѣе и болѣе развитаго общенія хозяйствъ, должно признать, что развивающееся общеніе необходимо повышаетъ общую сумму благосостоянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжено съ извѣстной опасностью для менѣе совершенныхъ и почему-либо болѣе слабыхъ хозяйствъ—послѣднее впрочемъ не только на высшихъ, но и на низшей ступени экономическаго развитія, если только въ натуральный обмѣнъ уже могутъ быть вовлечены всѣ вообще имущественныя и личныя средства такихъ хозяйствъ. Рабство, съ экономической точки зрѣнія, и представляетъ крайнее проявленіе неравенства людей въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Аналогичная идея огражденія экономически болѣе слабыхъ хозяйствъ лежитъ также въ основѣ внѣшняго таможеннаго огражденія народнаго хозяйства. Нѣчто подобное отражается и въ жалобахъ на слишкомъ дѣловую систему хозяйственныхъ отношеній, на господство денегъ. Въ этихъ жалобахъ имѣетъ положительное значеніе также и признаніе пагубности и недопустимости односторонняго доминированія хозяйства въ ряду другихъ сторонъ культуры. Но этотъ вопросъ не связанъ непосредственно съ разсматриваемой здѣсь научной проблемой ступеней экономическаго развитія.

43. Изложенная сейчасъ классификація ступеней экономическаго развитія въ своей основѣ принадлежитъ Bruno Hildebrand'y. Уже въ своемъ неоконченномъ трудѣ о «Національной экономіи настоящаго и будущаго», онъ даетъ характеристику трехъ первыхъ изъ имѣющихся здѣсь въ виду экономическихъ ступеней: «Въ средневѣковомъ натуральномъ хозяйствѣ люди были прикрѣплены одинъ къ другому хотя и внѣшними, но прочными связями. Обладатели земли, единственнаго національнаго богатства, со всѣмъ своимъ имуществомъ были привязаны къ услугамъ рабочихъ, которыхъ они вознаграждали плодами или правами пользованія на своихъ земляхъ. Каждая публичная служба могла оплачиваться лишь землею или продуктами». «Незначительный обмѣнъ, очень медленное накопленіе капитала, постоянство разъ при-

нятыхъ промысловыхъ отраслей и характера ихъ веденія, слабый приростъ населенія и неподвижность всѣхъ формъ жизни были характерными признаками этого хозяйственнаго порядка, встрѣчающагося у всѣхъ народовъ въ ихъ первую эпоху экономическаго развитія». «Напротивъ, послѣ того какъ непосредственный натуральный оборотъ былъ вытѣсненъ денежнымъ, жизнь получила гораздо болѣе быстрое теченіе. Въ то время какъ въ натуральномъ хозяйствѣ даже отъ природы подвижные—человѣкъ, его трудъ и его мысли были недвижимо прикованы къ землѣ, денежное хозяйство не только разрушило эти узы и освободило работника отъ земли, обезпечивавшей ему скудное содержаніе, но вовлекло въ денежный оборотъ и отъ природы недвижимую землю. Крупныя помѣстья раздѣлялись на части и переходили изъ рукъ въ руки. Барщина и всѣ крестьянскія повинности были отмѣнены, натуральныя подати превращены въ денежныя и вся собственность пріобрѣла ту же свободную подвижность, какъ самъ человѣкъ. Раздѣленіе труда стало господствовать въ обрабатывающей промышленности. Старыя оцѣпенѣлыя цеховыя общества и гильдіи распались. Промышленная свобода обезпечила для каждой силы просторъ развиваться со всей энергіей. Всюду талантъ старался занять мѣсто, гдѣ онъ могъ наиболѣе успѣшно развернуться. На мѣсто ступененія, которое создали въ обществѣ рожденіе и земельныя правоотношенія, выступила градація по способностямъ. Капиталъ и населеніе росли исполинскими скачками». «Но этотъ порядокъ представляетъ лишь переходъ къ кредитному хозяйству, къ обмѣну человѣческихъ продуктовъ на личное обѣщаніе, опирающемуся на честность, довѣріе и нравственныя качества. При неограниченной длительности этотъ порядокъ [денежнаго хозяйства] обращается опять въ ущербъ обществу, даетъ возвысившимся талантамъ случай использовать подвижность жизни къ собственной выгодѣ и къ ущербу для общаго блага и устанавливаетъ господство денегъ и капитала, столь же тягостное, какъ и прежнее господство земли. Что въ натуральномъ хозяйствѣ приковано одно къ другому внѣшними, осязаемыми узами, а денежнымъ хозяйствомъ раздѣлено, то вновь

соединяется въ кредитномъ хозяйствѣ идейными и нравственными узами. Оно сообщаетъ личной дѣятельности и моральному достоинству человѣка тѣ же свойства, которыми въ денежномъ хозяйствѣ обладаетъ капиталъ». «Въ немъ соединяется высшая подвижность съ внутренней прочностью и создается новый порядокъ жизни, соединяющій выгоды обѣихъ прежнихъ эпохъ экономическаго развитія»[1].

Но въ восполненіе этихъ замѣчаній Hildebrand'a, въ настоящее время, спустя болѣе полувѣка, можно отнестись критически также къ предположенію неограниченной длительности кредитной системы хозяйства, при чемъ должно будетъ притти къ заключенію, что и этотъ болѣе развитой экономическій строй не представляется идеальнымъ и съ теченіемъ времени создаетъ новую, хотя и болѣе терпимую форму господства, а вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляетъ измѣненія въ экономическомъ строѣ, предотвращающія это.

Болѣе подробно развиваетъ и обосновываетъ свою теорію экономическаго развитія тотъ же экономистъ въ своей позднѣйшей статьѣ, помѣщенной во второмъ томѣ основаннаго имъ журнала[2]. Указанная классификація ступеней развитія мотивируется здѣсь указаніемъ на то, что изъ предполагаемыхъ имъ трехъ элементарныхъ процессовъ хозяйствованія, производство и потребленіе связаны необходимо съ національными различіями, завися также отъ природныхъ условій страны. «Иначе обстоитъ съ распредѣленіемъ. Въ немъ безразлично, что распредѣляется. То, что человѣкъ осуществляетъ съ помощью его, не связано даваемымъ природою объектомъ. Поэтому, процессъ распредѣленія не зависитъ отъ климата и почвы и стоитъ выше пространственныхъ явленій природы, есть наиболѣе универсальный, общечеловѣческій. Отсюда вытекаетъ, что распредѣленіе благъ есть та именно сфера, въ которой мы встрѣчаемъ тѣ же общія формы развитія у всѣхъ народовъ и въ одинаковомъ послѣдовательномъ чередованіи». Эти ступени совпадаютъ съ слѣдующими тремя формами обо-

---

1) Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848. § 52. S. 276 ff.
2) Naturalwirtschaft, Geldwirtschaft und Creditwirthschaft. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. B. II. 1864. S. 1—24.

рота: «Либо непосредственно обмѣниваютъ блага на блага, либо пользуются, какъ средствомъ обращенія, благородными металлами, либо обмѣниваютъ блага на обѣщаніе возмѣстить его или равноцѣнность, т. е. въ кредитъ. Во всѣхъ трехъ способахъ обмѣна мѣра цѣнности, примѣняемая въ обращеніи, совершенно одинакова, и въ извѣстномъ денежномъ счетѣ можетъ имѣть мѣсто какъ кредитный, такъ и денежный или натуральный оборотъ. На основаніи этихъ трехъ способовъ обмѣна развиваются три формы хозяйствованія: натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство». Hildebrand слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ характеръ и условія распространенія высшихъ формъ хозяйствованія: «Въ благородныхъ металлахъ народы пріобрѣтаютъ хозяйственное благо, которое по своимъ физическимъ свойствамъ въ большей степени, нежели всякое иное обладаетъ способностью служить не только мѣрою цѣнности всѣхъ вещей, но также общимъ покупательнымъ средствомъ». «Денежное хозяйство можетъ развиться лишь, если уже настало благосостояніе, если народы болѣе производятъ, чѣмъ имъ нужно. Кредитное хозяйство, напротивъ, можетъ возникнуть лишь, если вполнѣ развилось правильное денежное обращеніе, но недостаточная подвижность денежнаго оборота уже ощущается и потребность въ упрощеніи платежныхъ средствъ пробудилась. До этого кредитный оборотъ есть лишь исключеніе изъ правила и результатъ неплатежеспособности въ данный моментъ, есть лишь результатъ нужды, а не проникновенія въ его высшую цѣлесообразность». Обращаясь къ даннымъ исторіи, цитируемый здѣсь авторъ отмѣчаетъ зачатки кредита, но не его полное развитіе у народовъ классической древности, также какъ и факты натуральнаго обмѣна у нѣкоторыхъ изъ современныхъ народностей. Существенное значеніе имѣетъ также замѣчаніе, что «эти три хозяйственныхъ ступени не отдѣлены строго одна отъ другой хронологически, но развиваются путемъ постепеннаго перехода отъ одной къ другой. Въ этомъ онѣ сходны со всѣми великими историческими идеями». Характеризуя болѣе подробно, но тѣми же чертами, какъ и въ цитированномъ выше трудѣ, указанныя ступени экономиче-

скаго развитія, Hildebrand заключаетъ: «Третья форма хозяйства не вездѣ осуществима, она имѣетъ свои необходимыя предположенія, она можетъ развиться лишь на высшей культурной ступени народовъ, но представляетъ для цивилизованныхъ народовъ Европы хозяйственную форму ближайшаго будущаго и наиболѣе дѣйствительное средство для исцѣленія отъ соціальныхъ золъ настоящаго времени».

Къ теоріи Fr. List'a о четырехъ ступеняхъ развитія народовъ Hildebrand относился отрицательно, опровергая ее уже на англійской исторіи, на основаніи которой List построилъ свою теорію. «Въ самой Британіи», возражаетъ Hildebrand, «не оправдывается принимаемый List'омъ ходъ развитія отъ земледѣлія чрезъ промышленность къ торговлѣ. Развитіе англійскаго торговаго могущества и морского владычества въ эпоху отъ королевы Елизаветы до средины прошлаго [т. е. XVIII] столѣтія послѣдовало совершенно независимо отъ англійской фабричной промышленности и только благодаря торговлѣ и обладанію колоніями Британія стала промышленнымъ государствомъ». «Міровая торговля», замѣчаетъ при этомъ Hildebrand, «точно также имѣла свои эпохи развитія въ предметахъ, коими она занималась, какъ и въ обширности области, которую она обнимаетъ, и въ способахъ ея веденія. Каждый народъ проходитъ особый путь экономическаго развитія; одинъ начинаетъ его съ земледѣлія, другой—со скотоводства, третій—съ судоходства. Повсюду природа даетъ первое руководство въ промыслахъ, и разнообразіе почвы и климата, на которой и при которомъ народы начинаютъ свою историческую жизнь, создаетъ вездѣ разнообразіе и различія въ промышленномъ развитіи и въ послѣдовательности отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей»[1].

Обращаясь къ оцѣнкѣ теоріи Hildebrand'a, должно отмѣтить ея огромное положительное значеніе въ наукѣ, не исключающее, разумѣется, и нѣкоторыхъ существенныхъ недочетовъ, неизбѣжныхъ въ каждой новой теоріи, если только ей суждено сохранить свое значеніе при соотвѣтствующихъ поправкахъ въ послѣдующемъ. Къ этимъ недочетамъ данной теоріи при-

[1]) Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848. S. 74, 76.

надлежитъ, повидимому, преувеличенное представленіе о возможномъ развитіи кредита, которое въ дѣйствительности не вытѣснило собою въ той же мѣрѣ денежное хозяйство, какъ въ свое время было вытѣснено натуральное хозяйство. Вообще въ дѣйствительности наблюдаются скорѣе ступени натуральнаго хозяйства, денежно-натуральнаго хозяйства и кредитно-денежнаго, при чемъ и натуральное хозяйство достигаетъ болѣе высокаго развитія, можетъ быть, именно при нѣкоторомъ развитіи денежнаго оборота. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе абсолютнаго значенія третьей ступени противорѣчитъ той идеѣ все прогрессирующаго развитія какъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ, такъ и въ хозяйствѣ всего человѣчества, которую самъ Hildebrand признавалъ закономъ развитія къ все высшей культурѣ. Преувеличенное представленіе соціальныхъ выгодъ кредитнаго хозяйства нами уже было отмѣчено выше. Существенную погрѣшность представляетъ въ этой теоріи также принятіе въ основу классификаціи только средства и способа обращенія, а не экономической сущности хозяйственныхъ отношеній вообще, заключающей два общихъ момента—цѣнность и эквивалентъ, изъ коихъ второй совпадаетъ съ критеріемъ, который принялъ Hildebrand. Именно такое принятіе въ основу двухъ этихъ моментовъ исключаетъ предположеніе о кредитномъ хозяйствѣ, какъ самостоятельной ступени, такъ какъ кредитъ не можетъ вытѣснить деньги въ ихъ первой функціи измѣренія экономическихъ цѣнностей. Представляется именно существенно важнымъ различіе въ процессѣ оцѣнки между предполагаемыми теоріею экономическими ступенями. Въ то время какъ натуральный обмѣнъ исключаетъ возможность строгаго опредѣленія цѣнъ, благодаря полной однородности ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, и ограничиваетъ вообще возможность согласованія отдѣльныхъ оцѣнокъ, денежный оборотъ создаетъ основу для такого согласованія цѣнъ и болѣе точнаго опредѣленія ихъ, съ помощью метода провѣрки и поправокъ переходя отъ прежнихъ оцѣнокъ къ данной, кредитно-денежный же оборотъ создаетъ, совмѣстно съ сложной системой раздѣленія и соединенія производства между различными предпріятіями, сложную систему

оцѣнки хозяйственныхъ благъ не только въ готовомъ видѣ и при ихъ окончательномъ отчужденіи, но и въ ихъ элементахъ, соотвѣтственно цѣпи кредитно-денежныхъ отношеній между отдѣльными участниками въ производствѣ. Такимъ образомъ, лишь кредитно-денежное хозяйство создаетъ совокупную, основанную на соотвѣтствіи отдѣльныхъ элементовъ систему цѣноопредѣленія, слагающуюся изъ двухъ, различающихся между собою по основнымъ факторамъ или критеріямъ оцѣнки, сложныхъ процессовъ товарныхъ и распредѣлительныхъ оцѣнокъ, объединяемыхъ въ одинъ общій процессъ цѣноопредѣленія какъ внутренней взаимозависимостью между ихъ элементами, такъ и дѣйствіемъ спроса и предложенія. Этотъ общій, совокупный процессъ оцѣнокъ предполагаетъ, разумѣется, соотвѣтствующую организацію хозяйственной жизнедѣятельности и обезпечиваетъ не только надлежащія условія точной оцѣнки въ видѣ эластичнаго и подвижнаго кредитно-денежнаго обращенія и капитала, но и совершенство самыхъ методовъ цѣноопредѣленія. Всѣмъ этимъ, вѣроятно, и обусловливалось поразительное сокращеніе экономическихъ кризисовъ въ новѣйшую эпоху, представлявшихъ порожденіе и зло эпохи денежнаго хозяйства. Наконецъ, измѣненія въ процессѣ цѣноопредѣленія въ новую, четвертую, еще, можетъ быть, лишь намѣчающуюся эпоху экономическаго развитія выразились въ малыхъ, но отсюда еще болѣе дѣйствительныхъ мѣрахъ упрощеній и соціальныхъ поправокъ въ общемъ процессѣ обращенія и распредѣленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на протяженіи этихъ четырехъ экономическихъ ступеней все возрастаетъ полнота экономическихъ оцѣнокъ въ смыслѣ распространенія ихъ на всѣ моменты культурной жизни, а, стало быть, и хозяйственное упорядоченіе послѣдней.

44. Въ экономической литературѣ теорія Hildebrand'a нашла себѣ значительное вниманіе, но часто также и слишкомъ суровую критику.

Надлежитъ также отмѣтить здѣсь нѣкоторую аналогію къ этой теоріи въ противопоставленіи у Аристотеля экономіи и хрематистики, при чемъ къ первой относится домашнее хо-

зяйство, основанное на рабовладѣніи и семьѣ, вторая же представляетъ т. н. искусство обогащенія и, какъ говоритъ Аристотель, по мнѣнію однихъ, поглощаетъ все домоводство (oikonomia), по мнѣнію же другихъ,—по крайней мѣрѣ, большую часть его[1].

Въ хозяйственномъ быту людей Аристотель различалъ скотоводство, которымъ занимаются наиболѣе лѣнивые изъ людей, именно номады, затѣмъ земледѣліе, охоту, разбой, рыболовство, при чемъ указывалъ также на различныя комбинаціи этихъ занятій. И это, говоритъ Аристотель, всѣ способы существованія, основанные на непосредственно-естественной дѣятельности, а не на обмѣнѣ и торговомъ оборотѣ. Къ вытекающимъ изъ самой природы вещей принадлежитъ и военное дѣло, по сколько оно, въ видѣ охоты, примѣняется противъ дикихъ звѣрей либо имѣетъ цѣлью пріобрѣтеніе рабовъ, такъ какъ ими никто вѣдь не становится добровольно. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ экономикѣ одна, соотвѣтствующая природѣ, часть ктетики имѣетъ задачею собираніе того, что необходимо для жизни или полезно для государственнаго или домашняго общенія. Другая же часть ктетики преимущественно и справедливо называется хрематистикой, изъ-за которой не представляется границы богатству и обладанію. Каждая вещь можетъ выполнять свое прямое назначеніе или быть средствомъ обмѣна. И тотъ обмѣнъ, который служитъ для полученія того, что недостаетъ, за то, что имѣется въ излишкѣ, представляется согласнымъ съ природою вещей. Въ первоначальномъ общеніи, т. е. въ домашнемъ хозяйствѣ (oikia), не было случая для обмѣна, и лишь съ расширеніемъ общенія, въ общинѣ возникли различія въ потребностяхъ и необходимость въ соотвѣтствующемъ этому обмѣнѣ. Изъ этой необходимости въ об-

---

[1]) Aristotelis Politica. A. 1253 b, 1254 a, 1256 a—1258 b. Ср.: J. Kinkel. Die sozialökon. Grundlagen der Staats- und Wirtschaftslehren von Aristoteles. B. Teil I. Kap. I. Отмѣчаемыя нами воззрѣнія Аристотеля воспроизводитъ также В. В. Святловскій. Н. с., стр. 313 и сл., но въ существенно иномъ видѣ; всего менѣе понятно здѣсь противопоставленіе охоты и хрематистики и, въ частности, указаніе особо рыбоводства. Обусловливается это тѣмъ, что названный авторъ, оставивъ въ сторонѣ теоретическія разсужденія Аристотеля, перешелъ прямо къ краткой и имѣющей лишь дополнительное значеніе практической части его изложенія, которую мы, напротивъ, не воспроизводимъ здѣсь.

мѣнѣ возникло употребленіе денегъ, которымъ Аристотель даетъ свое научное опредѣленіе. Но вмѣстѣ съ этимъ образовалась и затѣмъ получила спеціальный характеръ та другая часть хрематистики, направленная къ полученію наибольшей прибыли отъ обмѣна. Стремленіе къ внѣшнимъ наслажденіямъ направляетъ людей къ этому и налагаетъ соотвѣтствующій отпечатокъ на всѣ занятія и искусства. Признавая предосудительной дѣятельность, направленную къ полученію прибыли, Аристотель осуждаетъ также заемъ изъ процента и ростовщичество, «ибо деньги возникли для обмѣна, процентъ же увеличиваетъ ихъ самъ по себѣ». Такимъ образомъ Аристотель предполагалъ отсутствіе обмѣна между замкнутыми хозяйствами первоначально, затѣмъ развитіе обмѣна натуральнаго и при посредствѣ денегъ, но осуждалъ спекулятивную торговую дѣятельность и не постигалъ значенія кредита, которое въ наблюдавшихся имъ условіяхъ и не успѣло вполнѣ проявиться. Предположеніе замкнутыхъ хозяйствъ совпадаетъ съ его воззрѣніемъ на семью, какъ первичную форму человѣческаго общенія, изъ группы которыхъ возникаетъ сельская община, а изъ этихъ послѣднихъ—государство.

Теорію Hildebrand'a принимаютъ J. Conrad и Ad. Wagner. Сопровождая изложеніе нѣкоторыхъ иныхъ, относящихся къ этому вопросу, теорій критическими замѣчаніями, Conrad принимаетъ теорію Hildebrand'a, при чемъ присоединяетъ къ этому, что «третья фаза получаетъ свой характерный отпечатокъ въ такой же мѣрѣ отъ изобрѣтеній и возрастающаго значенія капитала въ хозяйственной жизни, какъ и отъ всеобщаго примѣненія кредита»[1]. Это замѣчаніе, заключающее въ себѣ доводъ противъ предположенія исключительнаго господства кредита въ третьей стадіи, относится однако къ моменту, не представляющему особенности этой послѣдней, но характеризующему собою экономическій прогрессъ на всѣхъ его ступеняхъ.

Ad. Wagner[2] дѣлаетъ по существу ошибочное замѣчаніе противъ неразличенія у Hildebrand'a двухъ понятій натураль-

[1]) Nationalökonomie (Grundriss usw. T. I.). 7 Aufl. 1910. Abschn. I. Kap. IV.
[2]) O. c., §§ 187 ff. S. 439 ff.

наго хозяйства. Соотвѣтственно этому самъ Wagner различаетъ, какъ двѣ противоположности, состоянія натуральнаго хозяйства и обмѣна, а въ этомъ послѣднемъ, какъ его формы, —натуральное, денежное и кредитное хозяйство. По его опредѣленію, «первое (въ первомъ значеніи этого выраженія) означаетъ здѣсь такое состояніе народнаго хозяйства, когда отдѣльныя хозяйства еще болѣе изолированы, и господствуетъ собственное полученіе (собственное производство) благъ для собственнаго потребленія въ противность основанному на обмѣнѣ пріобрѣтенію, а также сбыту. Въ противоположность этому состояніе мѣнового хозяйства, есть такое, при которомъ уже развились извѣстное раздѣленіе труда, въ особенности также самостоятельныя отдѣльнохозяйственныя производства (предпріятія) и вслѣдствіе этого также характеръ отдѣльныхъ хозяйствъ, какъ мѣновыхъ». Но помимо неумѣстности идеи противоположности въ изслѣдованіи дѣйствительныхъ явленій соціальной жизни, Wagner погрѣшаетъ также въ отрицаніи исконнаго характера раздѣленія труда. Раздѣленіе труда по полу, возрасту, а также во времени и пространствѣ, и раздѣленіе и соединеніе однороднаго труда, превышающаго силы человѣка, во всякомъ случаѣ, необходимо предполагать изначала, и уже отсюда вытекаетъ необходимость извѣстнаго взаимообмѣна и хозяйственныхъ взаимоотношеній,—тѣмъ болѣе, что предположеніе обособленнаго, замкнутаго въ себѣ хозяйства не соотвѣтствуетъ условіямъ примитивной культуры[1]. Wagner присоединяетъ къ этому еще замѣчаніе противъ непосредственной приложимости схемы Hildebrand'a къ дѣйствительной жизни также и въ томъ отношеніи, что «въ разныхъ территоріальныхъ частяхъ народнаго хозяйства и особенно въ разныхъ отрасляхъ хозяйственнаго труда (городъ—деревня, промышленность—земледѣліе) обычно господствуетъ не одна и та же форма оборота. Кредитное хозяйство есть болѣе форма оборота въ городахъ, въ промышленности, тогда какъ деревня еще, можетъ быть, вполнѣ находится въ стадіи денежнаго хозяйства, а отчасти—еще и

[1]) Изслѣдованіе раздѣленія и соединенія труда принадлежитъ къ третьей части нашего труда. О классификаціи формъ раздѣленія и соединенія труда и пр. см.: Кохановскій. Политическая экономія. Общая часть. 4 изд. 1913. Стр. 12 и сл.

въ стадіи натуральнаго хозяйства въ первомъ смыслѣ господства собственнаго полученія благъ». Наиболѣе существеннымъ представляется возраженіе Wagner'a, что «и въ кредитномъ хозяйствѣ деньги продолжаютъ существовать, какъ валюта и мѣрило цѣнности, а замѣщаются въ качествѣ средства обращенія».

K. Bücher, давшій свою классификацію ступеней экономическаго развитія, не является безусловнымъ противникомъ теоріи Hildebrand'a, какъ это видно изъ слѣдующаго замѣчанія: «Деньги въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ сначала вовсе отсутствуютъ, затѣмъ являются непосредственнымъ предметомъ потребленія и средствомъ накопленія. Въ городскомъ хозяйствѣ онѣ по существу суть средство обмѣна; въ народномъ хозяйствѣ онѣ становятся средствомъ обращенія и пріобрѣтенія. Категоріи: натуральное хозяйство, денежное хозяйство, кредитное хозяйство показываютъ надлежаще измѣняющуюся роль денегъ, хотя и не исчерпываютъ ее». Основной недостатокъ теоріи Hildebrand'a Bücher видитъ въ отсутствіи даже сомнѣнія въ томъ, «что основныя явленія хозяйственной жизни по существу во всѣ времена однородны»[1].

J. Lehr[2], излагая теорію Hildebrand'a на ряду съ теоріей List'a, даетъ первой изъ нихъ, какъ впрочемъ и другой, толкованіе въ смыслѣ положительнаго признанія ея. Этотъ характеръ изложенія сохраненъ и въ посмертномъ изданіи того же курса, съ присоединеніемъ такого же изложенія теоріи Bücher'a.

Отмѣченную теорію Hildebrand'a принимаютъ также Peter Resch, Gustav Schönberg и А. Я. Антоновичъ, но параллельно съ этимъ они даютъ также свои классификаціи экономическаго развитія, имѣющія культурно-историческій характеръ и содержаніе.

Теорію Hildebrand'a Resch воспроизводитъ съ поправками, которыя далъ Ad. Wagner. Кромѣ того, Resch[3] различаетъ ступени развитія народнаго хозяйства по состоянію народно-

[1]) Die Entstehung usw. 5 Aufl. 1906. S. 144 f., 88 f.

[2]) Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft. 1893. S. 91 ff.; Idem. Grundbegriffe der Nationalökonomie. 2 Aufl. von Max Heckel. 1901. S. 70 ff.

[3]) Die Entwicklungsstufen der Volkswirtschaft. 1886.

хозяйственнаго производства, а также съ точки зрѣнія народнохозяйственнаго распредѣленія благъ, или опредѣленія доходовъ. Изъ двухъ этихъ классификацій первая основывается главнымъ образомъ на общихъ культурныхъ состояніяхъ въ жизни народовъ, вторая же, кромѣ того, трактуетъ вопросъ объ идеалахъ народнохозяйственнаго распредѣленія. Въ общей сложности Resch изслѣдуетъ экономическое развитіе въ областяхъ производства, обращенія и распредѣленія, при чемъ приходитъ въ концѣ концовъ къ оптимистическому заключенію. Но эта проблема представляется, очевидно, самостоятельной и не связанной съ проблемой классификаціи ступеней развитія, и смѣшеніе обѣихъ проблемъ не можетъ послужить въ пользу въ научной разработкѣ каждой изъ нихъ.

Schönberg[1], на котораго ссылается Resch, классифицируетъ экономическія ступени по состоянію народнохозяйственнаго производства и по состоянію мѣноваго обращенія, ближе слѣдуя въ изложеніи своей второй классификаціи Br. Hildebrand'у.

Антоновичъ[2] различалъ періоды въ развитіи экономической культуры въ сферѣ производства и съ точки зрѣнія распредѣленія имуществъ. Въ первомъ отношеніи онъ, повидимому, не считаетъ необходимымъ единство точки зрѣнія, различая 1) періодъ охоты и рыболовства, 2) скотоводства, 3) земледѣлія, 4) промышленно-торговый и 5) періодъ націонализаціи экономической культуры, т. е. огражденія внутренняго производства отъ иностранной конкуренціи. Во второмъ отношеніи Антоновичъ придерживается классификаціи Hildebrand'а.

Равнымъ образомъ, П. И. Георгіевскій, «съ точки зрѣнія состоянія экономическаго производства» различающій періоды охотничій, пастушескій и осѣдлый, а въ этомъ послѣднемъ— земледѣльческій, ремесленно-торговый и промышленный, признаетъ обмѣнъ «однимъ изъ важнѣйшихъ условій экономическаго развитія общества», условіями же развитія обмѣна—примѣненіе денегъ, такъ какъ безъ этого «при небольшомъ даже развитіи обмѣна ясно сказываются препятствія для непосред-

---

[1]) Handbuch der Politischen Oekonomie. 4 Aufl. B. I. T. I. §§ 16 ff. S. 33 ff. (1 Auflage. 1882.—§§ 15 ff. S. 21 ff.).

[2]) Курсъ политич. экономіи. 1886. Введеніе. Гл. II.

ственнаго обмѣна и соизмѣренія цѣнностей», и развитіе кредита, появленіе котораго «есть естественное слѣдствіе развитія народнаго хозяйства». Тѣмъ не менѣе дѣленіе развитія народнаго хозяйства по способу обмѣна цитируемый ученый находитъ «не вполнѣ правильнымъ»[1].

Теорія Hildebrand'а вызвала противъ себя отдѣльныя возраженія со стороны части германскихъ экономистовъ. Выше уже были указаны замѣчанія Wagner'а. Бѣглое замѣчаніе объ этомъ высказалъ также W. Roscher[2]. Признавая справедливымъ, что «вмѣстѣ съ ростомъ культуры кредитъ получаетъ все большее значеніе, какъ абсолютно, такъ и относительно, хотя въ средніе вѣка, именно въ ленныхъ формахъ, имѣли мѣсто безчисленныя кредитныя сдѣлки», Roscher находитъ однако, что «три противоположности Hildebrand'а не координируются между собою. Тогда какъ натуральный обмѣнъ и покупка на деньги взаимно строго исключаются, нельзя представить себѣ кредитную операцію, существо которой не заключалось бы въ натуральномъ или денежномъ обязательствѣ. Въ денежнохозяйственную эпоху функція денегъ, какъ средства обмѣна, хотя и можетъ быть въ большей части замѣщена кредитомъ, деньги, какъ мѣрило цѣнности, все-таки остаются основою кредита». Но и самъ Hildebrand говорилъ не о противоположностяхъ, а постепенныхъ измѣненіяхъ, не дающихъ мѣста въ дѣйствительности чистымъ формамъ, которыя онъ указывалъ теоретически. Указаніе же на то, что кредитъ, въ его развитомъ видѣ, совмѣщается съ примѣненіемъ денегъ, само по себѣ справедливо, но представляетъ собою скорѣе поправку къ теоріи Hildebrand'а, нежели опроверженіе ея.

Въ особенности многочисленны вообще возраженія противъ третьей изъ предполагаемыхъ Hildebrand'омъ экономическихъ ступеней. Такъ, K. Knies[3], уже въ первомъ изданіи своего критико-гносеологическаго труда, высказывался: «Оба выраженія: натуральное хозяйство и денежное хозяйство представили одну изъ важнѣйшихъ истинъ, завоеванныхъ наукою въ

[1]) Политическая экономія. 4 изд. 1904. Т. I. Стр. 14 и сл., 168 и сл., 178 и сл., 197.

[2]) Grundlagen usw. 23 Aufl. 1900. § 95. Anm. 9. S. 277 f.

[3]) Die polit. Ockonomie usw. 2 A. 1883. S. 376 f., 384.

новѣйшее время». «Именно потому указаніе на натуральное и денежное хозяйство могло встрѣтить столь рѣшительное одобреніе, что здѣсь непосредственно чувствуется тѣсная связь между экономической стороной и всей политической жизнью средневѣковаго феодальнаго государства, или съ рѣшающимъ значеніемъ основанной на движимомъ имуществѣ силы третьяго сословія, и что со всѣхъ сторонъ выступили аналогіи къ метаморфозамъ отъ тяжеловѣсныхъ, но и болѣе постоянныхъ, къ болѣе подвижнымъ, но и менѣе значительнымъ основамъ жизни». Въ послѣдующемъ изданіи Knies присоединилъ къ этому замѣчаніе: «Заимствованное прежде всего изъ области явленій перенесенія благъ и личнаго оборота ступененіе натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства важно, по сколько дѣло идетъ о противопоставленіи натуральнаго и денежнаго хозяйства; третья же ступень не представляетъ вообще противоположности къ предшествующимъ, что упускалось вслѣдствіе неправильнаго пониманія существа кредитнаго оборота», имѣющаго всегда денежнохозяйственный характеръ.

Какъ ни безпорнымъ можетъ показаться это замѣчаніе Knies'а, оно по существу неправильно. Дѣло въ томъ, что самая денежная система подъ вліяніемъ громаднаго количественнаго преобладанія кредитныхъ средствъ обращенія, къ которымъ, помимо неполноцѣнной монеты, принадлежатъ банкноты, чеки и трансферты, векселя и въ особенности вексельные и иные индоссаменты, переводы, кредитивы, зачеты и т. п., утратила чисто монетный характеръ и получила кредитно-денежный характеръ. И такъ какъ цѣнность благъ[1] имѣетъ своими факторами также стоимость ихъ полученія, ихъ качество, соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ или, иначе, общей потребностью и располагаемымъ запасомъ, то и самая цѣнность денегъ обусловлена такимъ характеромъ кредитно-денежной системы. Такимъ образомъ, уже съ указанной точки зрѣнія, должно признать, что современная экономическая эпоха въ культурныхъ странахъ не можетъ быть отнесена къ ступени собственно денежнаго хозяйства, но представляетъ собою результатъ дальнѣйшаго развитія.

[1]) Относительно цѣнности и цѣнъ см.: Кохановскій. Политическая экономія. Общая часть. 4 изд. 1903. Стр. 144 и сл.

G. Schmoller[1], какъ указывалось выше, принимаетъ различеніе натуральнаго и денежнаго хозяйства съ точки зрѣнія технической постановки хозяйственнаго обмѣна. Присоединеніе особой эпохи кредитнаго хозяйства представляется ему нецѣлесообразнымъ, «хотя кредитный платежъ, разумѣется, глубоко вліяетъ на современныя отношенія. Но онъ не произвелъ такихъ измѣненій, какъ медленный, охватывающій три тысячелѣтія переходъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству». «Мы находимся нынѣ еще среди попытокъ новое полное проведеніе денежнаго хозяйства освободить отъ присущихъ ему опасностей и тѣневыхъ сторонъ. Но хотя мы и признаемъ, что едва ли извѣстна болѣе значительная перемѣна въ хозяйственныхъ процессахъ съ технической стороны, нежели эта, она все же не могла бы послужить, какъ единственный принципъ, для объясненія всего хозяйственнаго развитія человѣчества. Она не можетъ объяснить различныя народнохозяйственныя образованія, представляющіяся нашему взору до и послѣ побѣды денежнаго хозяйства, какъ разнообразіе классовыхъ отношеній, всѣ частности раздѣленія труда, все разнообразіе въ формахъ частнаго и государственнаго хозяйства, собственности и т. д.». «Развитіе техники», заключаетъ Schmoller, «есть одна изъ основныхъ причинъ народнохозяйственнаго развитія, но не единственная». «Возвышающееся денежное хозяйство предполагаетъ государство, право, мораль, высокое умственное развитіе. Современное денежное хозяйство есть государственное установленіе; монетное дѣло было первымъ мѣропріятіемъ народнохозяйственнаго огосударствленія».

Въ этихъ воззрѣніяхъ Schmoller'а представляется прежде всего неправильнымъ слишкомъ узкое техническое пониманіе различій натуральнаго и денежнаго хозяйства съ одной стороны и указанія на невозможность этимъ путемъ выяснить существо хозяйственныхъ явленій разныхъ эпохъ. Техническая сторона этого процесса не могла бы, конечно, послужить къ выясненію хозяйственныхъ явленій. Но собственно экономическіе элементы въ процессѣ соціальныхъ взаимоотношеній, разъ они правильно уловлены въ ихъ послѣдовательно

[1]) Grundriss usw. T. II. 1904. Abs. 273. S. 658 f., Abs. 169. S. 93.

протекающихъ видоизмѣненіяхъ и развитіи могутъ послужить къ такому выясненію, разумѣется, съ хозяйственной лишь стороны. Такія соціальныя явленія, какъ классовыя отношенія, раздѣленіе труда, собственность и пр. не могутъ исчерпываться одною своею экономическою стороной и требуютъ выясненія, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, также со всѣхъ иныхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, необходимо остающихся внѣ рамокъ экономическаго изслѣдованія. Въ своемъ изслѣдованіи извѣстнаго экономическаго явленія, Schmoller становится также на точку зрѣнія абсолютнаго развитія его внѣ условій извѣстной націи и послѣдовательнаго теченія времени. Съ этой точки зрѣнія онъ говоритъ о томъ, что развитіе денежной и монетной системы происходило на протяженіи трехъ и даже четырехъ-пяти тысячъ лѣтъ и еще болѣе этого. И даже послѣ такой громадной длительности, «можно было бы почти сказать, что натуральное и денежное хозяйство почти повсюду еще и въ настоящее время въ извѣстной мѣрѣ связаны между собою». Подобное изслѣдованіе извѣстнаго соціальнаго или собственно экономическаго явленія возможно либо съ историко-этнографической точки зрѣнія, либо съ теоретико-экономической, отвлекающейся отъ вопроса о длительности эпохи. Именно съ этой послѣдней точки зрѣнія возможно представить извѣстныя фазы или ступени въ развитіи экономическихъ отношеній. При этомъ однако едва ли представится возможнымъ игнорировать кредитную форму хозяйственныхъ отношеній, также имѣющую свою долгую исторію и отличающуюся существенными особенностями.

Особенно рѣшительной критикѣ подвергъ теорію Hildebrand'a Gustav Cohn[1], относящій ее къ «разнымъ неуспѣшнымъ попыткамъ представить исторію народнаго хозяйства въ типической послѣдовательности ступеней». По его мнѣнію, «различеніе трехъ ступеней частью подготовлено, частью формулировано благодаря неяснымъ воззрѣніямъ на сущность денегъ и вытекающимъ отсюда ошибкамъ». Это дѣленіе оставляетъ безъ вниманія функцію денегъ, какъ мѣры цѣнности, примѣняемыхъ въ этомъ качествѣ также въ кредитныхъ оборотахъ. Дѣйстви-

[1]) Grundlegung. usw. 1885. § 337. S. 453 ff.

тельная противоположность существуетъ лишь между наличнымъ и кредитнымъ хозяйствомъ. «Неправильно также, что оборотъ въ кредитъ, какъ утверждается на основаніи этого трехчленнаго дѣленія, все болѣе распространяется вмѣстѣ съ высшимъ развитіемъ хозяйства и вытѣсняетъ наличный оборотъ; напротивъ, развитіе хозяйства все болѣе отдѣляетъ кредитъ отъ обмѣна и обращаетъ оказаніе кредита въ особую операцію, которая ставитъ покупателя въ возможность покупать на наличныя. Скромное знаніе современнаго дѣлового оборота въ Англіи, Америкѣ и т. д. подтверждаетъ это». Но наибольшее значеніе Cohn приписываетъ тому аргументу, что «обмѣнъ не можетъ быть основаніемъ раздѣленія для историческаго развитія народнаго хозяйства, ибо первая ступень, и притомъ весьма долго длящаяся и своими ростками проникающая глубоко въ современность всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, есть та, въ которой вовсе нѣтъ обмѣна, которая поэтому характеризуется отсутствіемъ обмѣна»[1]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Cohn принимаетъ расчлененіе экономическаго развитія всего лишь на двѣ ступени: «Обѣимъ ступенямъ присуще производство, которое представляется намъ двоякаго рода: одно можно назвать домашне-хозяйственнымъ и другое—основаннымъ на обмѣнѣ».

Но прежде всего, самая классификація, даваемая Cohn'омъ, не представляя никакого научнаго интереса, въ то же время сводится къ непріемлемому наукой предположенію несоціальнаго существованія людей вообще въ теченіи весьма продолжительной эпохи. Что касается кредита, то совершенно не представляется возможности отрицать чрезвычайное развитіе кредита, служащаго для цѣлей оборота и непосредственно восполняющаго средства обращенія. Въ принципѣ этому не противорѣчитъ все большее сосредоточеніе кредитныхъ операцій въ спеціальныхъ установленіяхъ. Отношенія кредитнаго хара-

[1]) Эпоху т. ск. абсолютнаго натуральнаго хозяйства, безъ всякаго обмѣна, предполагаютъ также А. И. Чупровъ. Курсъ политич. экономіи. Изд. 1913 г. Стр. 11, 87 и сл.; І. Кулишеръ. Экономическая исторія, какъ наука и т. д. Русская Мысль. 1908. Іюль. Стр. 68. Напротивъ, H. Roesler. Vorlesungen über Volkswirtschaft. 2 Aufl. 1878. S. 258 ff., W. Lexis. Allgem. Volkswirtschaftslehre. 1910. S. 3, а также графъ С. Ю. Витте. Н. с., Л. III, различая натуральное и денежное хозяйства, допускаютъ обмѣнъ и при первомъ.

ктера становятся при этомъ все болѣе многочисленными, хотя, разумѣется, не исключающими принципіальное, а отчасти и фактическое примѣненіе полноцѣнныхъ денегъ. Но самая идея кредита въ примѣненіи къ организаціи производства и обращенія принадлежитъ, конечно, третьей изъ принимаемыхъ нами стадій экономическаго развитія.

Но наиболѣе суровую оцѣнку далъ этой теоріи Sombart— тотъ изъ современныхъ экономистовъ, который самъ всего дальше стоитъ отъ продуктивной теоретической разработки въ области экономики, вѣроятно, также подъ вліяніемъ своихъ блужданій между общимъ научнымъ и марксистскимъ направленіями. «Это былъ», утверждаетъ Sombart, «одинъ изъ тѣхъ несчастливыхъ пріемовъ, которыми такъ необычайно богата дѣятельность этого ученаго, гдѣ она переходила въ теоретическую область,—когда онъ [Hildebrand] провозгласилъ три ступени натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства. Я едва ли знаю другую теорію, которая бы, несмотря на то, что она такъ ужасно поверхностна, однако одновременно заключала бы въ себѣ такъ много ошибокъ». «Но и по сколько автору этой теоріи представлялась правильная мысль, она была, на сколько мыслимо, поверхностной: онъ различалъ разные порядки хозяйства по ихъ симптомамъ, а не по основному характеру, создающему эти симптомы. Было бы дѣйствительно своевременно при одномъ изъ ближайшихъ подведеній научнаго баланса, забраковать эту старую залежь теоріи». Приводя также отзывъ объ этой теоріи G. Cohn'a и замѣчаніе Ad. Wagner'a относительно низшей ступени, Sombart набрасываетъ тѣнь на самые корни научной подготовки Br. Hildebrand'a[1]. Къ его послѣдователямъ Sombart относитъ G. Schönberg'a, J. Conrad'a, M. Ковалевскаго[2] и изъ истори-

[1]) Archiv für soziale Gesetzgeb. und Stat. B. 14. 1899. S. 372 f. См. указанное выше замѣчаніе Below'a. Historische Zeitschrift. B. 86. S. 5 Anm.

[2]) М. Ковалевскій въ своихъ лекціяхъ: Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. 1899, скорѣе комбинируетъ теоріи Hildebrand'a и Bücher'a предполагая «двѣ главныя эпохи: эпоху хозяйства, расчитаннаго на удовлетвореніе мѣстнаго спроса и на непосредственное потребленіе, 2) эпоху мѣнового хозяйства», а въ каждой изъ этихъ эпохъ—«періоды, различающіеся между собою степенью распространенія обмѣна соотвѣтственно увеличенію плотности населенія», при чемъ различаются хозяйство племени-рода, сельской общины, помѣстья, города, національнаго хозяйства нашего времени и предстоящаго мірового хо-

ковъ—Ed. Meyer'a. Приведенный отзывъ Sombart'a принадлежитъ къ тѣмъ, можно сказать, анти-научнымъ критическимъ оцѣнкамъ и возраженіямъ, которыя бываютъ тѣмъ рѣзче и рѣшительнѣе, чѣмъ меньше они обоснованы. Во всякомъ случаѣ, метафизическая глубина хозяйственной жизни, раскрываемая Sombart'омъ, едва ли заслуживаетъ предпочтенія предъ той классификаціей на основаніи симптомовъ, которая допускаетъ и поправку къ ней въ болѣе широкомъ обоснованіи ея на общемъ существѣ явленій хозяйственной жизни.

Friedrich Kleinwächter[1], признающій гораздо болѣе правильной классификацію Bücher'a, находитъ прежде всего погрѣшность въ представленіи періода натуральнаго хозяйства: «Выраженіе: натуральное хозяйство означаетъ не то, какъ полагали старые экономисты, состояніе, въ которомъ люди имѣли обыкновеніе обмѣнивать въ натурѣ благо на благо, но, скорѣе наоборотъ, то время, когда обмѣнъ вовсе не происходилъ, такъ какъ каждое хозяйство производило все, въ чемъ его члены нуждались. Но въ главномъ», говоритъ Kleinwächter, не замѣчающій внутренняго противорѣчія въ своемъ опредѣленіи натуральнаго хозяйства, «именно, что натуральное хозяйство очень существенно отличается отъ т. н. денежнаго хозяйства, Hildebrand правъ». Еще болѣе отрицательно относится Kleinwächter къ представленію кредитнаго хозяйства, какъ дальнѣйшей особой ступени развитія; кредитъ разсматривается при этомъ лишь какъ средство восполнить недостатокъ денегъ, когда мы не располагаемъ послѣдними. Такимъ образомъ, одностороннее воззрѣніе Hildebrand'a на кредитъ замѣняется здѣсь противоположной крайностью.

H. Pesch[2] въ своей критикѣ теоріи Hildebrand'a слѣдуетъ въ общемъ Cohn'y и Wagner'y.

Критическія замѣчанія E. Philippovich'a[3] въ общемъ близки къ таковымъ Cohn'a, но болѣе умѣренны по тону.

зяйства. Въ этомъ же трудѣ М. Ковалевскій высказывается противъ предположенія первоначальной эпохи двороваго или семейнаго хозяйства, а равно и противъ предположенія новѣйшаго возникновенія народнаго хозяйства. (Относящаяся сюда лекція издана въ томъ же 1899 г. также отдѣльнымъ изданіемъ въ переводѣ съ франц. В. Палеолога).

[1]) Lehrbuch der Nationalökonomie. 2 Aufl. 1909. S. 14 ff.

[2]) O. c., Abs. 93. S. 219 f.

[3]) O. c., S. 8 f.

G. v. Below резюмируетъ въ своемъ разборѣ теоріи Hildebrand'a обычныя возраженія ея критиковъ. Онъ отмѣчаетъ здѣсь, что эта теорія предполагаетъ уже существованіе значительнаго обмѣна благъ и классифицируетъ порядки хозяйства лишь по ихъ симптомамъ, что кредитное хозяйство должно бы имѣть своею противоположностью наличное хозяйство, и что о рѣшительномъ вытѣсненіи однимъ другого изъ нихъ не можетъ быть рѣчи. Далѣе, переходъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству не вездѣ могъ осуществиться и происходилъ съ различнымъ темпомъ и безъ полнаго устраненія перваго. «Наконецъ, отношеніе натуральнаго и денежнаго хозяйства представляетъ лишь очень общія категоріи; оно слишкомъ мало способствуетъ характеристикѣ большого разнообразія хозяйственныхъ состояній». Во всякомъ случаѣ, Below признаетъ важность противопоставленія понятій натуральнаго и денежнаго хозяйства[1].

Приведенныя сейчасъ замѣчанія и возраженія не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что требовало бы новаго обсужденія вопроса, послѣ всего вышеизложеннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ и весь вообще обзоръ приведенной выше литературы не заключаетъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, рѣшающихъ доводовъ противъ классификаціи экономической жизни въ ея развитіи на указанной выше основѣ хозяйственныхъ отношеній, впервые и нѣсколько узко намѣченной у Bruno Hildebrand'a.

---

[1]) O. c., S. 17 ff.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

45. Научныя направленія и представители науки трактуютъ экономику либо какъ одну изъ отраслей болѣе обширной группы знаній, либо какъ самостоятельную область знанія, находящуюся въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ прочимъ наукамъ. Мы не касаемся здѣсь внутренней классификаціи по отдѣльнымъ отраслямъ экономическихъ знаній, какъ имѣющей вообще преимущественно формально-методологическое значеніе, ограничиваясь въ этомъ отношеніи указаніемъ, что здѣсь имѣется въ виду постановка изслѣдованія научныхъ вопросовъ, относимыхъ обыкновенно къ введенію и къ общей части экономики. Наконецъ, экономика трактовалась и какъ несамостоятельная составная часть болѣе обширной науки, выходящей изъ рамокъ экономики. Помимо цѣлыхъ философскихъ направленій, сюда принадлежатъ отдѣльныя попытки, вытекшія изъ своеобразныхъ отправныхъ воззрѣній или изъ совмѣщенія занятій экономикою съ иной научной или практической спеціальностью.

Въ то время какъ въ англійской литературѣ, въ соотвѣтствіи съ національнымъ духомъ, сразу установилась традиція строгаго обособленія экономики, во французской литературѣ на протяженіи почти столѣтія господствовало стремленіе къ философскому энциклопедизму. Въ частности, физіократическое направленіе примыкало къ изслѣдованію естественнаго строя общественной жизни людей съ разныхъ сторонъ, какъ государство, правопорядокъ, хозяйство и пр. Къ этому же общенаучному, въ томъ или иномъ объемѣ, направленію принадлежали A. Comte и A. Clément. Затѣмъ и во Франціи

установилось спеціальное изученіе экономики съ изслѣдованіемъ при этомъ отношеній къ различнымъ другимъ наукамъ. Въ германской литературѣ и до настоящаго времени сохраняется склонность къ болѣе широкимъ группамъ научнаго изслѣдованія соціальной жизни. Помимо школы камералистовъ, сюда принадлежатъ, напр., Friedrich Schmitthenner, Karl Zachariä, Hugo Eisenhart, Lorenz von Stein, Albert Schäffle и до извѣстной степени Gustav Schmoller. Та же склонность нашла себѣ выраженіе въ многочисленныхъ научныхъ журналахъ, систематическихъ изданіяхъ и словаряхъ. Не уничтоживъ спеціализаціи въ общественныхъ наукахъ, этого рода попытки къ объединенію ихъ способствовали признанію ихъ сродства и обособленію ихъ въ одну общую группу, въ противоположность другой группѣ наукъ о природѣ. Эту идею выразилъ въ своемъ Курсѣ позитивной философіи A. Comte: «Какъ бы то ни было, вѣрно то, что совокупность нашихъ знаній о природѣ и о пріемахъ, выводимыхъ нами изъ нея, чтобы измѣнять ее въ нашу пользу, образуютъ двѣ системы, существенно отличныя между собою, которыя надлежитъ излагать и разрабатывать отдѣльно»[1]. Въ этомъ же направленіи оказали дѣйствіе неокантіанское направленіе Windelband-Rickert'a[2,3] и примкнувшихъ къ нимъ экономистовъ, историковъ и философовъ, но также и марксистское направленіе, въ своихъ практическихъ стремленіяхъ объединяющее различныя стороны общей проблемы соціальной жизни, хотя бы съ болѣе или менѣе узкой точки зрѣнія обстоятельствъ и стремленій рабочихъ классовъ.

Независимо отъ послѣдняго, принадлежащія сюда представленія и опредѣленія экономики могутъ имѣть свое исходное начало либо въ какой-либо наукѣ, которой бы приписывалась объединяющая и руководящая роль относительно про-

[1]) Cours de Philosophie Positive. 5 éd. 1907. T. I. P. 37.

[2]) Существеннымъ недостаткомъ этого направленія представляется колебаніе между формально-методологической и критико-реалистической точками зрѣнія, которыя признаются связанными между собою и въ то же время не совпадающими. См.: H. Rickert. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 2 Aufl. 1910. Abschn. III, IV u. VII; Idem. Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 1902. S. 582 f. Anm.; W. Windelband. Geschichte und Naturwissenschaft. 1894. (Präludien. 4 Aufl. B. II. Abh. 5).

[3]) См.: Кохановскій. Политическая экономія. Вып. I. Введеніе. 1909. Стр. 37 и сл.

чихъ соціальныхъ наукъ, въ частности—въ соціологіи, либо въ общемъ понятіи о культурѣ. Но какъ мы видѣли выше, необходимо отвергнуть самую мысль о такой высшей и общей наукѣ[1]. Что касается соціологіи, то содержаніе ея и самое право ея на существованіе, какъ науки теоретической, оспариваются и не могутъ быть признаны окончательно установленными. Различныя воззрѣнія представителей этой науки то сближаютъ ее съ этнологіей, то даютъ ей характеръ ученія объ общихъ формахъ проявленій общественной жизни, то обращаютъ ее въ гносеологическое введеніе къ соціальнымъ наукамъ, то дѣлаютъ ея назначеніемъ восполненіе пробѣловъ въ системѣ общественныхъ наукъ и сосредоточеніе тѣхъ научныхъ знаній, которыя не вошли въ составъ спеціальныхъ общественныхъ наукъ. Въ дѣйствительности, ни по своей роли въ развитіи соціальной науки вообще, ни по своимъ отношеніямъ къ инымъ соціальнымъ наукамъ соціологія не послужила къ образованію общей группы соціальныхъ наукъ и не пріобрѣла центральнаго, руководящаго положенія въ ряду ихъ. Далѣе, психическія переживанія и посвященная ихъ изученію наука, какъ показано выше[2], не могутъ быть признаны общей основой соціальной жизни и наукъ о ней, логика же представляетъ лишь формальное руководство въ научной дѣятельности и, конечно, не опредѣляетъ содержанія и направленія соціальныхъ наукъ, въ совокупности или въ отдѣльности взятыхъ, ни соотношеній между ними. Тѣмъ съ большей увѣренностью можно опереться на общее исходное понятіе культуры, въ обширномъ значеніи этого понятія представляющей самостоятельную категорію явленій, реальность и единство которыхъ едва ли могутъ быть оспариваемы и тѣми, кто даетъ этому выраженію болѣе узкій смыслъ матеріальной либо, наоборотъ, духовной культуры. Равнымъ образомъ, представляются неоспоримыми какъ многосторонность проявленій культуры (въ упомянутомъ всеобъемлющемъ пониманіи этого термина), дѣлающая ее предметомъ изученія со стороны обширной группы наукъ, такъ и принадлежность сюда хозяйственныхъ явленій и науки о нихъ.

[1]) См. выше, стр. 173.
[2]) См. выше, § 2, 28.

Экономика, какъ наука о культурной отрасли, къ назначенію которой принадлежитъ соображеніе иныхъ культурныхъ проявленій и практическіе компромиссы между ними, всего легче могла вызвать вопросъ о мѣстѣ и роли ея въ общемъ составѣ наукъ о культурной жизни[1]. Этотъ вопросъ получилъ свое освѣщеніе со стороны самихъ экономистовъ и ближе подошедшихъ къ нимъ юристовъ, независимо отъ философской разработки того же вопроса съ обще-гносеологической точки зрѣнія[2]. Съ той же спеціальной точки зрѣнія мы постараемся охарактеризовать основныя воззрѣнія различныхъ научныхъ направленій экономики въ лицѣ ихъ представителей—въ примѣненіи къ представленнымъ нами выше научнымъ положеніямъ. Нашъ обзоръ имѣетъ именно задачею показать связь и корни въ экономической литературѣ для проводимыхъ нами воззрѣній, какъ это отчасти дѣлалось нами и выше, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ, но отнюдь не представить исторію или критическій очеркъ экономической литературы[3].

46. Въ качествѣ экономиста, указавшаго новые и болѣе правильные пути и намѣтившаго новыя отправныя воззрѣнія, надлежитъ въ особенности указать Bruno Hildebrand'a, уже неоднократно цитированнаго нами выше. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, помѣщенномъ въ первомъ томѣ основаннаго имъ экономическаго журнала, Hildebrand[4] опредѣлялъ народнохозяйственную дѣятельность, какъ одну изъ отраслей культуры,

---

[1]) Ср.: P. Barth. Philosophie der Geschichte als Soziologie. 1897. S. 288 f.

[2]) Стремленіе оставаться всецѣло на почвѣ экономической науки и трактовать привходящіе сюда вопросы съ принадлежащей къ ней точки зрѣнія не позволяетъ намъ переносить изложеніе въ болѣе обширную, а въ общемъ постороннюю для даннаго вопроса область философской науки, которая не должна быть вовсе чуждой для экономиста, но въ которой онъ не можетъ быть спеціалистомъ.

[3]) Въ брошюрѣ: Джемсъ Левъ. Наша политическая экономія съ точки зрѣнія японцевъ. Перев. съ англ. Изд. Посредника. 1907, сгруппированы различныя опредѣленія политической экономіи и богатства, чтобы дать представленіе о хаосѣ, царящемъ въ этой наукѣ. Тѣ положительные выводы, которые отсюда дѣлаются, не имѣютъ научной цѣнности и тяготѣютъ къ H. George'y. Но раскрываемыя при этомъ пестрота и разногласія въ цитируемыхъ опредѣленіяхъ не могутъ не произвести впечатлѣнія. Мы приступаемъ къ этому обзору съ стремленіемъ способствовать объединенію экономическихъ понятій въ ихъ правильномъ пониманіи.

[4]) Die gegenwärtige Aufgabe der Wissenschaft der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. B. I. 1863. S. 5—26, 137—146.

противополагая при этомъ культуру природѣ: «Между тѣмъ какъ безсознательный міръ движется по кругу по неизмѣннымъ законамъ и хотя и знаетъ перемѣну, но не усовершенствованіе родовъ (Gattungen), не культуру, разумное человѣчество пользуется прогрессирующимъ, все новымъ, произрастающимъ изъ труда и свободы человѣческаго разума развитіемъ и усовершенствованіемъ рода, или культурою. Эта противоположность между жизнью природы и человѣческой культурой оказываетъ свое дѣйствіе и въ наукѣ. Естественная наука изслѣдуетъ господствующій въ безсознательной дѣйствительности законъ, постоянное въ измѣненіяхъ жизни природы; напротивъ того, наука о человѣческой культурѣ—прогрессъ въ самосознательной жизни человѣчества, усовершенствованіе человѣческаго рода въ перемѣнахъ и опытахъ людей». Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ опредѣлялъ и задачи науки политической экономіи, которая «должна изслѣдовать не неизмѣнные и повсюду одинаковые законы въ разнообразіи экономическихъ явленій, но прогрессъ въ измѣненіяхъ хозяйственнаго опыта, усовершенствованіе человѣческаго рода въ хозяйственной жизни человѣчества. Ея задача изслѣдовать движеніе національно-экономическаго развитія отъ ступени къ ступени какъ у отдѣльныхъ народовъ такъ и у всего человѣчества и этимъ путемъ найти основы и строй современной экономической культуры, а равно и задачи, разрѣшеніе которыхъ возлагается на трудъ настоящаго поколѣнія». Отсюда же онъ выводитъ и «необходимость народнохозяйственно-историческаго изслѣдованія»[1]. Народное хозяйство, какъ и языкъ, литература, право и искусство, представляютъ собою отрасли культуры и, оставаясь въ рамкахъ, опредѣляемыхъ естественными законами, представляютъ собою продуктъ свободы и труда человѣческаго разума[2]. Хозяйственныя дѣйствія людей опредѣляются не только личнымъ интересомъ, но и религіей, нравами, понятіемъ права и справедливости[3]. Не отрицая высокую цѣнность хозяйственной свободы, особенно важное значеніе приписывалъ онъ

[1]) S. 145 f.
[2]) Vorwort. Jahrbücher usw., B. I. S. 3.
[3]) Die gegenwärtige Aufgabe usw. S. 22 f.

въ сферѣ національной экономіи нравственнымъ силамъ. «Какъ разумъ повышаетъ способность и даръ человѣка съ меньшей затратой силъ достигать бо́льшихъ національно-экономическихъ результатовъ, такъ и общественная мораль повышаетъ не только прилежаніе, духъ предпріимчивости и выдержку въ трудѣ, но и добросовѣстность въ исполненіи долга, обоюдное довѣріе, кредитъ и готовность къ жертвамъ для общаго блага. Она поднимаетъ отдѣльнаго человѣка изъ его ограниченнаго эгоистическаго міра на высшую точку общественнаго блага, даетъ ему сознаніе связи его спеціальной профессіи съ національной дѣятельностью и чрезъ это сообщаетъ всей его дѣятельности высшія цѣли и высшее освященіе, чрезъ что опять таки возрастаетъ его удовлетворенность профессіей и его трудоспособность». «Эта нравственная сила не можетъ однако быть создана ни чрезъ правительственныя мѣропріятія ни чрезъ экономическія установленія»[1]. Hildebrand отвергалъ хозяйственный детерминизмъ и оптимизмъ, проникающіе доктрину естественныхъ законовъ, будто бы господствующихъ въ сферѣ хозяйственной жизни людей и основываемыхъ на неправильной посылкѣ о всеобщемъ и неизмѣнномъ господствѣ эгоизма и частнаго интереса[2]. Не отрицая привходящее дѣйствіе безсознательной природы и ея законовъ, которая доставляетъ человѣку матеріалы и къ которой принадлежитъ самъ человѣкъ съ своей тѣлесной стороны[3], онъ однако призналъ несостоятельной и безплодной всю гипотезу о національно-экономическихъ естественныхъ законахъ, основанныхъ на человѣческомъ эгоизмѣ, и подвергъ критикѣ не только воззрѣнія по этому вопросу смитіанской школы, но и В. Рошера, котораго упрекаетъ въ непослѣдовательности и въ невыясненности отношенія между началами естественныхъ законовъ и воли человѣка[4]. Hildebrand допускалъ, правда, на ряду съ естественными законами, дѣйствующими въ области явленій природы, переплетающіеся съ ними психологическіе законы, обнаруживающіеся въ дѣйствіи различныхъ, прирожденныхъ

[1]) S. 141.
[2]) S. 138, 17.
[3]) S. 19.
[4]) S. 22, 142.

и усвоенныхъ, мотивовъ человѣческой дѣятельности, но отводилъ послѣднимъ лишь весьма ограниченную роль: «Также мало, какъ деревомъ и металломъ, изъ которыхъ сооружается музыкальный инструментъ, даются тона и гармоніи, которые изъ нихъ извлекаются, дается съ этими законами то сплетеніе, которое изъ нихъ проистекаетъ. Это есть совершенно новый продуктъ, которому присущъ свой особенный жизненный принципъ и который въ значительной мѣрѣ отличается отъ обоихъ факторовъ, коимъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ»[1].

Karl Knies въ различныхъ частяхъ своего труда, посвященнаго политической экономіи съ исторической точки зрѣнія[2], касается опредѣленія экономики, ея основныхъ элементовъ и мѣста въ ряду близкихъ ей отраслей жизни и наукъ о нихъ. Онъ исходилъ отъ трехчленной классификаціи наукъ на естественныя, историческія и умственныя (Geisteswissenschaften), при чемъ ко второй группѣ относилъ науки о государствѣ и обществѣ, включая и политическую экономію[3]. Этимъ наукамъ Knies приписывалъ двойственный характеръ: съ одной стороны здѣсь идетъ дѣло о внѣшне постигаемыхъ явленіяхъ внѣшняго міра, съ другой — о принадлежащей внутреннему міру причинной обусловленности ихъ[4]. Возражая противъ расширенія политической экономіи до рамокъ общей науки о государствѣ и обществѣ, Knies допускалъ умѣстность и такой общей науки, хотя бы подъ наименованіемъ соціологіи[5]. По мѣрѣ своего развитія культура распадается на все болѣе многочисленныя сферы явленій, взаимоотношенія между которыми становятся все болѣе близкими, и въ связи съ этимъ расширяется и разнообразится кругъ дѣятельности и попеченія общей государственной власти[6]. Въ общемъ кругѣ политическихъ и соціальныхъ наукъ задачи экономики или хозяйственной науки отграничиваются «сферою хозяйственныхъ потребностей и хозяйственныхъ дѣятельностей, хозяйственныхъ фактовъ и со-

[1]) S. 142 f.
[2]) Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte. 2 A. 1883.
[3]) S. 5, 490.
[4]) S. 6.
[5]) S. 8 f.
[6]) S. 434.

стояній въ противоположность иного рода потребностямъ и дѣятельностямъ, фактамъ и состояніямъ[1]. Knies однако слишкомъ буквально и объективно понималъ это свое опредѣленіе экономики, и въ этомъ и была основная ошибка въ его воззрѣніяхъ на экономику и на общественную жизнь въ цѣломъ. Въ качествѣ основныхъ мотивовъ, руководящихъ людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности, Knies указывалъ стремленія къ собственному благу и къ общему благу и чувство правомѣрности и справедливости[2]. Но было бы правильнѣе разсматривать указанный имъ третій мотивъ лишь какъ состояніе компромисса и равновѣсія между двумя первыми мотивами, вытекающими непосредственно изъ личной и общественной сторонъ въ жизни людей. Оспаривая мнѣнія Рошера о сущности историческаго направленія и объ естественныхъ законахъ экономическаго развитія[3], Knies проводитъ болѣе правильныя возрѣнія въ томъ и другомъ отношеніи. Онъ отвергаетъ широко распространенный взглядъ о какомъ-либо абсолютномъ предѣлѣ экономическаго развитія народовъ, указываемомъ на основаніи современныхъ или предвидимыхъ въ ближайшемъ будущемъ экономическихъ обстоятельствъ. Онъ отрицаетъ также строгую типичность хозяйственныхъ явленій и экономическаго развитія у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи[4]. Въ качествѣ факторовъ, опредѣляющихъ народнохозяйственныя явленія, Knies указываетъ съ одной стороны соотвѣтствующія естественнымъ законамъ силы природы, съ другой же — человѣческую дѣятельность, представляющую результатъ достигнутаго развитія индивидуальной и національной жизни во всѣхъ ея частяхъ. Онъ заключаетъ отсюда, что народное хозяйство не есть нѣчто произвольное и что свобода человѣка въ экономической сферѣ имѣетъ опредѣленныя границы, но что вмѣстѣ съ тѣмъ «нормальное народное хозяйство» есть безсмыслица[5]. Характерно также и указываемое Книсомъ различіе между частнымъ и народнымъ хозяйствомъ, выражающееся, т. ск., исторической перспективой, свойственной послѣд-

[1]) S. 4.
[2]) S. 232—241.
[3]) S. 35.
[4]) См. выше, стр. 313 и сл.
[5]) S. 397—400.

нему и присвояемой первому, лишь по сколько оно ближе подходитъ къ народнохозяйственной точкѣ зрѣнія, какъ это до нѣкоторой степени имѣетъ мѣсто по отношенію къ семьѣ и родственному кругу[1]. По вопросу о мѣстѣ, занимаемомъ политической экономіей въ группѣ однородныхъ съ ней наукъ, и о соотвѣтствіи и взаимоотношеніяхъ между ними Knies высказывается противорѣчиво. Съ общей гносеологической точки зрѣнія онъ именно высказывается противъ крайняго обособленія ихъ: «Полное обособленіе хозяйствующаго я въ человѣкѣ наряду съ его личностью въ цѣломъ столь же невозможно обосновать, какъ и представленіе совершенно выдѣленной хозяйственной стороны въ фактахъ осложненнаго характера, или указаніе на специфически хозяйственныя явленія въ человѣческой жизни, въ которыхъ иные моменты жизни не должны имѣть участія. Когда человѣкъ занимается хозяйственной дѣятельностью, послѣдняя находится подъ воздѣйствіемъ всей его личности, и когда онъ преслѣдуетъ хозяйственныя цѣли, онъ при этомъ не забываетъ общую задачу своей жизни и своего стремленія, но именно ее и преслѣдуетъ въ тѣхъ. Равнымъ образомъ, при отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ политической экономіи дѣло идетъ не о выступленіи на ряду суммы хозяйственныхъ, политическихъ и пр. составныхъ частей, но о нѣкоторомъ цѣломъ, разнородные причинные элементы котораго объединены внутренней связью. Но если это такъ, то намѣренное удаленіе всѣхъ не представляющихся специфически экономическими элементовъ изъ научной дѣятельности въ политической экономіи не обезпечиваетъ самостоятельность науки, но должно ошибочно суживать необходимыя для нея основы». Сославшись на факты такого рода, какъ освобожденіе рабовъ въ С. Американскихъ Соед. Штатахъ, имущества мертвой руки, фамильные фидеикомиссы въ прошломъ и многочисленные хозяйственные установленія и факты настоящаго времени, Knies высказываетъ: «Мы должны во всякомъ случаѣ признать нравственные и политическіе мотивы, какъ содѣйствующіе факторы этихъ экономическихъ явленій; и наши современники подтвердили, что человѣкъ, даже если онъ дѣй-

[1]) S. 161.

ствуетъ ради хозяйственной цѣли, приводитъ въ движеніе жизненную силу всей своей личности и также чрезъ свою дѣятельность въ предѣлахъ отдѣльныхъ отраслей жизни старается осуществить общую задачу своего стремленія. Поэтому не можетъ быть задачею стремящейся къ самостоятельной области національно-экономической теоріи такъ обособить элементы и факторы, соединенную дѣятельность которыхъ показываетъ дѣйствительная жизнь, чтобы одна сторона цѣлаго разсматривалась, какъ цѣлое, и результатъ, представляющійся слѣдствіемъ совмѣстно дѣйствующихъ силъ, принимался бы, какъ слѣдствіе части этихъ силъ»[1]. Но въ своихъ опредѣленіяхъ содержанія политической экономіи по существу Knies рѣшительно расходится съ изложенными сейчасъ утвержденіями его, при чемъ исходитъ уже изъ идеи несовпаденія конкретнаго состава элементовъ различныхъ сторонъ народной жизни. Такъ, онъ относитъ къ политической экономіи лишь часть производительной дѣятельности, на которую и распространяетъ раздѣленіе труда. Характерно при этомъ самое развитіе мыслей, заключающее въ себѣ непримиримое противорѣчіе: «Также и раздѣленіе совокупныхъ производительныхъ дѣятельностей между вообще дѣятельными членами народа принимается во вниманіе при этомъ [при раздѣленіи совокупной массы доставленныхъ хозяйственныхъ благъ къ потребленію въ отдѣльныхъ мѣстахъ]; на сколько вообще имѣетъ мѣсто потребленіе хозяйственныхъ благъ, никакая область проявленія народной жизни, никакое направленіе дѣятельности не является безъ хозяйственной стороны, и отъ полезнаго раздѣленія совокупныхъ производительныхъ дѣятельностей находится въ зависимости установленіе полезныхъ отношеній въ кругу хозяйственно производительныхъ лицъ. Наука о народномъ хозяйствѣ охватываетъ совокупность хозяйственныхъ дѣятельностей, какъ одну часть въ выполняемой чрезъ раздѣленіе труда совокупности всѣхъ, для народной жизни производительныхъ, дѣятельностей; только въ предѣлахъ совокупности хозяйственно производительныхъ дѣятельностей представляется реальное и личное раздѣленіе труда, въ отношеніи къ продукту и къ занятому дѣятельностью че-

[1]) S. 422—5.

ловѣку; потребленіе же хозяйственныхъ благъ, въ которомъ нуждаются всѣ члены народа, распространяется на основѣ раздѣленія потребленія на всѣхъ». Отсюда Knies выводитъ, что народное хозяйство «чрезъ постоянно на все распространяющееся раздѣленіе и потребленіе благъ, фактически опредѣляемое отнюдь не одними только хозяйственными мотивами, представляется постоянно вовлекаемымъ въ общее движеніе и развитіе народнаго цѣлаго»[1]. Нѣсколько дальше Knies совершенно опредѣленно признаетъ расчлененіе всей дѣятельности людей на отдѣльныя группы результатомъ раздѣленія труда: «Каждый народъ, имѣя позади себя наиболѣе грубую форму существованія, можетъ лишь такимъ образомъ жить, лишь такъ привести къ осуществленію свою высшую судьбу и взятое на себя призваніе, чтобы онъ старался выполнить представляющуюся совокупную задачу на основѣ раздѣленія труда. Хозяйственныя работы представляютъ, такимъ образомъ, чрезъ раздѣленіе труда обособленную, хотя и находящуюся въ тѣсныхъ совокупныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ причинамъ область. Производить хозяйственныя блага представляетъ здѣсь жизненное призваніе и дѣятельность для цѣлаго общества, какъ тамъ воспитаніе молодежи, обученіе человѣка, поддержаніе общественной безопасности, права; одно необходимо для другого и каждое— для цѣлаго»[2]. Такимъ образомъ, Knies предполагалъ общую систему раздѣленія труда, въ которой одни заняты хозяйственной дѣятельностью, другіе—учебной, третьи—административной, четвертые—судебной и, вѣроятно, такъ же и далѣе, при чемъ единство этихъ отраслей дѣятельности поддерживается всеобщимъ участіемъ въ использованіи результатовъ этихъ различныхъ дѣятельностей. Самое раздѣленіе труда при такой точкѣ зрѣнія не есть явленіе экономическаго порядка. Подобная схема представляетъ очевидную ошибку, которой автору надлежало остеречься. Но независимо отъ болѣе общаго вопроса объ опредѣленномъ критеріи отграниченія хозяйственной и иныхъ отраслей дѣятельности, получаетъ особенное значеніе опредѣленіе содержанія и объема хозяйственнопроизводительной дѣя-

[1]) S. 160.
[2]) S. 161.

тельности. Въ началѣ своего труда, послѣ нѣкоторыхъ филологическихъ замѣчаній, Knies даетъ слѣдующее обширное, но недостаточно характеризующее опредѣленіе: «Трактуя о научномъ ученіи о «домоводствѣ» или «веденіи хозяйства», мы во всякомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ человѣческими дѣйствіями, человѣческими состояніями и задачами къ осуществленію человѣческихъ цѣлей, съ изслѣдованіемъ одной области изъ всего круга человѣческой жизни и стремленій. Часть человѣческой жизни, обозначаемая какъ область хозяйственныхъ явленій, отграничивается отъ другихъ областей жизни, разумѣется, и тѣмъ, что тамъ разсматривается особый родъ вещей, предметовъ, которые, какъ дерево, хлѣбъ, желѣзо, существуютъ отдѣльно отъ человѣческой личности подъ наименованіемъ хозяйственныхъ благъ. Но такъ какъ рѣчь идетъ не объ ученіи о вещахъ, но объ ученіи о хозяйствѣ, то и тѣ вещественные предметы не изъ-за интереса, выдѣленнаго изъ ихъ своеобразной вещественной сущности, но лишь по столько становятся предметомъ изученія, по сколько они суть объекты желаній и дѣятельности людей и примѣняются въ качествѣ средствъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей»[1]. Это опредѣленіе, какъ и цитированныя выше замѣчанія, направленныя къ отграниченію хозяйственной дѣятельности, сводятся въ сущности къ нѣкоторой замаскировкѣ произвольнаго утвержденія, что хозяйственными благами должно признавать лишь блага матеріальныя. Сопоставленіе роли человѣка и вещей въ области хозяйства, въ корнѣ противорѣчащее самой идеѣ историческаго направленія въ наукѣ, чего впрочемъ Knies не имѣлъ въ виду, нашло себѣ слѣдующее выраженіе: «Какъ бы рѣшительно ни желали мы принимать къ разсмотрѣнію лишь вещественныя отношенія, относить дѣятельность народнохозяйственной логики лишь къ реальнымъ объектамъ, всегда однако вступаетъ человѣкъ, какъ содѣйствующая причинная сила, все опять проявляется цѣлевое назначеніе всѣхъ этихъ реальныхъ явленій въ кругѣ человѣческой и гражданской жизни, въ которой не существуетъ обособленной самостоятельности экономическихъ дѣйствій и фактовъ»[2]. Въдаль-

[1]) S. 2.
[2]) S. 425.

нѣйшемъ изложеніи Knies принимаетъ какъ истину, коей опредѣляется назначеніе народовъ и государствъ, «что хозяйственная жизнь и дѣятельность суть лишь средства къ цѣли; что она должна служить, на сколько это отъ нея зависитъ, къ достиженію общей задачи государства и высшихъ цѣлей жизни и индивидовъ». Онъ указываетъ затѣмъ на весьма различное положеніе хозяйственнаго круга жизни среди прочихъ въ отдѣльныя эпохи и у отдѣльныхъ народовъ. Но независимо отъ вопроса объ обнаруживаемой въ данныхъ условіяхъ общей энергіи жизненной дѣятельности и технической успѣшности ея, значеніе и мѣсто хозяйственной стороны въ соціальной жизни не на столько измѣняются, чтобы можно было не только разрѣшать, но хотя бы только ставить вопросъ объ относительномъ достоинствѣ и значеніи хозяйственной стороны жизни по сравненію съ прочими. Такимъ образомъ, попытка въ этомъ направленіи отграничить экономическую область отъ всякой иной не представляется удачной. Это въ особенности проявляется въ предшествующемъ болѣе подробномъ развитіи той же мысли: «Но какъ для индивида, который долженъ ѣсть, чтобы жить, а не жить, чтобы ѣсть, хозяйственная сторона его жизнедѣятельности выступаетъ впереди всего прочаго, если дѣло идетъ о прямо необходимыхъ матеріальныхъ условіяхъ для обезпеченія его существованія, между тѣмъ какъ, по сколько онъ не находится въ этомъ состояніи крайней нужды, жизнедѣятельность въ экономической сферѣ представляетъ лишь часть его существованія и его назначенія и для болѣе образованнаго — всегда отнюдь не наивысшую — такъ же точно обстоитъ и съ хозяйственной жизнедѣятельностью всего народа. Гдѣ и по сколько экономическій интересъ развивается до вопроса о существованіи и продолженіи матеріальныхъ жизненныхъ условій народа, тамъ всякій иной интересъ долженъ будетъ отступить предъ рѣшеніемъ въ пользу того, что экономически хорошо и полезно»[1]. Общая оцѣнка экономической стороны жизни здѣсь поразительнымъ образомъ ставится въ зависимость отъ особенныхъ обстоятельствъ случая или эпохи. Но какъ во всѣхъ обстоятельствахъ индивида предѣлъ необ-

[1]) S. 426 ff.

ходимаго не поддается нормированію ни, тѣмъ болѣе, обособленному разсмотрѣнію, такъ точно это и въ жизни народа. Богатство, или экономическая обезпеченность, лишь въ видѣ исключенія освобождаетъ людей отъ напряженной хозяйственной дѣятельности, но по отношенію къ націямъ это вообще не имѣетъ мѣста. Наконецъ, достоинство и важность неэкономическихъ интересовъ могутъ быть весьма различными и отнюдь не непремѣнно высшими по сравненію съ экономическими интересами. Въ дѣйствительности, соотношеніе разныхъ отраслей культурной жизни сводится къ тому, что каждое конкретное проявленіе ея представляется многосторонним и на ряду съ прочими обладаетъ также и экономической стороной, при чемъ можетъ имѣть болѣе или менѣе рѣшительный перевѣсъ и преобладаніе одна изъ нихъ надъ всѣми прочими. Если экономическій или иной спеціальный интересъ, связанный съ даннымъ культурнымъ явленіемъ представляется въ качественномъ или количественномъ отношеніи маловажнымъ, то онъ можетъ быть игнорируемъ. Вслѣдствіе этого объемъ каждой отрасли культурной жизни низводится до разумныхъ предѣловъ, хотя и съ нѣкоторымъ нарушеніемъ тождества ихъ для разныхъ культурныхъ отраслей. Съ этой именно точки зрѣнія могъ бы возникнуть въ частности вопросъ, не подлежатъ ли изъятію изъ экономики нематеріальныя блага и, конечно, едва ли возможно было бы дать на него утвердительный отвѣтъ. Общая многосторонность культурныхъ явленій и предупреждаетъ крайности въ выдвиганіи одной какой-либо стороны въ данномъ культурномъ явленіи. Упуская это изъ вида, Knies, какъ и нѣкоторые другіе экономисты, принужденъ признать политическую экономію нравственно-политической наукой, хотя и при этомъ осложненіи въ характерѣ и содержаніи экономической науки проблема согласованія экономики съ заданіями всѣхъ другихъ отраслей культурной жизни и наукъ о нихъ остается неразрѣшенной. Съ другой же стороны, заботясь болѣе объ отграниченіи наукъ и выясненіи разнородности ихъ, Knies уподобляетъ экономическую и политическую жизнь, съ точки зрѣнія ихъ взаимоотношенія, физической и духовной жизни, при чемъ связываетъ это упо-

добленіе именно съ необходимостью взаимодѣйствія между первыми[1]. По вопросу о закономѣрности соціальной жизни, Knies указываетъ на присущее людямъ сознаніе важности свободы самоопредѣленія, но противопоставляетъ этому необходимость развитія и констатируетъ дѣйствіе въ области хозяйственной жизни, на ряду съ причинностью проявленій естественныхъ законовъ, причинность нравственно-свободныхъ цѣлей человѣка[2]. По отношенію къ хозяйственной жизни Knies допускаетъ законы развитія, и при томъ именно законы аналогіи, предполагающіе не только сходство, но и различія въ сопоставляемыхъ явленіяхъ[3].

Hildebrand и Knies не обладаютъ однако пріоритетомъ въ отношеніи къ соціально-историческимъ воззрѣніямъ на хозяйственную жизнь. Уже ранѣе ихъ эти воззрѣнія формулировалъ, хотя и не въ такомъ обширномъ и систематическомъ видѣ, Wilhelm Roscher, представивъ это въ своемъ Конспектѣ къ лекціямъ о государственномъ хозяйствѣ, по историческому методу[4]. Въ своемъ предисловіи Roscher высказываетъ между прочимъ слѣдующія положенія: «1) Государственное хозяйство не есть только хрематистика, искусство богатѣть, но политическая наука, въ которой дѣло идетъ о томъ, чтобы изслѣдовать человѣка, управлять имъ. Наша цѣль — представить, что народы въ хозяйственномъ отношеніи думали, желали и чувствовали, къ чему они стремились и чего достигли, почему они стремились къ тому и достигли того. Представить это возможно лишь въ тѣснѣйшей связи съ другими науками о народной жизни, въ особенности съ исторіей права, государства и культуры. 2) Народъ не есть однако лишь масса нынѣ живущихъ индивидовъ. Поэтому, кто желаетъ изслѣдовать народное хозяйство, тотъ не можетъ удовлетвориться наблюденіемъ лишь нынѣшнихъ хозяйственныхъ условій». «3. Затруднительность изъ большой массы явленій выдѣлить существенное, закономѣрное, настоятельно требуетъ отъ насъ срав-

[1]) S. 489 f.
[2]) S. 440.
[3]) S. 477 ff.
[4]) Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft. Nach geschichtlicher Methode. 1843. См. отзывъ Brentano, воспроизведенный въ предисловіи къ Geistliche Gedanken e. National-Oekonomen. Von W. Roscher. 1895.

нивать всѣ народы, какіе можемъ, въ хозяйственномъ отношеніи». «4. Историческій методъ не легко будетъ какой-либо хозяйственный институтъ просто хвалить или порицать: ибо, конечно, имѣлось лишь немного институтовъ, которые для всѣхъ народовъ, для всѣхъ ступеней культуры были бы полезны или вредны». Какъ высказывается далѣе, «народное хозяйство, какъ и государство, право, языкъ, есть существенная сторона народнаго развитія». Въ основѣ хозяйственной дѣятельности ставятся при этомъ два двигателя — эгоизмъ и чувство общественности.

Отмѣченныя воззрѣнія получили нѣкоторое развитіе и отчасти видоизмѣненіе въ первомъ томѣ его обширнаго курса. W. Roscher[1] разсматривалъ здѣсь народную жизнь, какъ «одно цѣлое, разнообразныя проявленія котораго тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою. Поэтому, кто хочетъ научно уразумѣть одну сторону ея, тотъ долженъ знать всѣ стороны». При этомъ онъ имѣлъ въ виду преимущественно слѣдующія семь сторонъ народной жизни: языкъ, религію, искусство, науку, право, государство и хозяйство. Изъ нихъ право, государство и хозяйство образуютъ болѣе тѣсную группу соціальныхъ наукъ. «Духовная мощь народа заключается въ значительномъ и гармоническомъ развитіи всѣхъ семи сферъ жизни». «Безъ рѣчи вообще немыслима высшая духовная дѣятельность, безъ религіи всѣ прочія были бы лишены своей глубочайшей основы и высшей цѣли, лишь чрезъ искусство достигаютъ онѣ красоты, лишь чрезъ науку — ясности; праву онѣ подпадаютъ, по сколько онѣ не могутъ избѣжать и не желаютъ мирно сносить конфликты воль, государству — по сколько вообще имѣютъ внѣшнее значеніе; такъ, наконецъ, каждое человѣческое отношеніе, не исключая даже наиболѣе возвышенныхъ и пріятныхъ, имѣетъ свои хозяйственные интересы. Естественно, также изъ наукъ, трактующихъ эти области жизни, каждая въ отдѣльности частью предполагаетъ всѣ прочія, частью способствуетъ ихъ обоснованію». Roscher приводитъ мнѣніе J. Tucker, «что религія, государство и торговля суть лишь части одного общаго пла-

[1]) Grundlagen der Nationalökonomie. 23 A. § 16 S. 41 ff.

на: никакое установленіе въ одной изъ этихъ областей не можетъ поэтому быть подходящимъ, если оно прямо противорѣчитъ двумъ другимъ, ибо творенія Бога не могутъ дисгармонировать». Хозяйство Roscher опредѣлялъ какъ «планомѣрную дѣятельность человѣка, для удовлетворенія его потребности въ внѣшнихъ благахъ». Но при этомъ «хозяйства остаются обыкновенно тѣмъ менѣе изолированными, чѣмъ выше человѣческая культура. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе ихъ способности, тѣмъ естественнѣе обмѣнъ»[1]. Въ народномъ хозяйствѣ онъ видѣлъ реальное цѣлое, а не просто абстракцію, обосновывая это реальностью народа и вообще весьма различной степенью планомѣрности, проводимой въ хозяйственной дѣятельности. По мнѣнію Roscher'a, «народное хозяйство возникаетъ вмѣстѣ съ народомъ. Оно не изобрѣтено людьми, ни получено въ откровеніи отъ Бога, но представляетъ естественный продуктъ задатковъ и побужденій, дѣлающихъ человѣка человѣкомъ. Какъ въ уединенно живущей семьѣ можно подмѣтить зачатки всей государственной дѣятельности, такъ каждое самостоятельное домашнее хозяйство содержитъ зачатки всей народнохозяйственной дѣятельности. Вмѣстѣ съ его народомъ возрастаетъ народное хозяйство и приходитъ къ расцвѣту и зрѣлости». «Наконецъ, оно и исчезаетъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ». Но по отношенію къ хозяйству человѣчества или міровому Roscher прилагалъ иную точку зрѣнія, усматривая «до сего времени лишь значительныя подготовки. Къ нему приближаются чрезъ все болѣе космополитическій характеръ науки, растущее международное раздѣленіе труда, улучшеніе перевозочныхъ средствъ, усиливающуюся эмиграцію, растущее миролюбіе и терпимость народовъ и пр.»[2]. Съ точки зрѣнія соотношенія трехъ факторовъ въ разныхъ отрасляхъ производства Roscher различалъ въ исторіи развитія почти каждаго народнаго хозяйства три великіе періода, характеризующіеся послѣдовательнымъ преобладаніемъ природы, труда и капитала[3]. Но

[1]) § 2 S. 5.
[2]) § 12 S. 32.
[3]) § 47 S. 131.

какъ ни блестящей представляется заключающаяся въ этомъ теорія, она погрѣшаетъ не только произвольностью обобщеній, но и неправильностью тѣхъ теоретическихъ предположеній, изъ которыхъ она исходитъ. Нѣкоторую непослѣдовательность Roscher проявлялъ также въ вопросѣ о матеріалистическомъ или иномъ характерѣ экономики. Признавая хозяйственными благами также и нематеріальныя внѣшнія блага и настойчиво выдвигая въ хозяйственной жизни и въ наукѣ о ней идеалистическій моментъ, допуская наличіе хозяйственнаго интереса вообще во всѣхъ случаяхъ отношеній[1], Roscher однако считалъ національную экономику «по преимуществу занимающейся матеріальными интересами народовъ: какъ удовлетворяются народами потребности въ питаніи и одеждѣ, жилищѣ и отопленіи, половой жизни и пр., какъ это удовлетвореніе вліяетъ на совокупность народной жизни и съ своей стороны опредѣляется совокупностью»[2]. Онъ, такимъ образомъ, приписываетъ экономикѣ по преимуществу матеріальное содержаніе, регулируемое однако не собственно экономическими понятіями и установленіями, но высшими, заимствуемыми или руководящими изъ высшихъ областей человѣческой жизни. Roscher признавалъ особые законы развитія народнаго хозяйства, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ и опредѣлялъ науку о народномъ хозяйствѣ, какъ «ученіе о законахъ развитія народнаго хозяйства, хозяйственной народной жизни». Оспаривая вышеупомянутое возраженіе Hildebrand'a, Roscher поясняетъ: «Я говорю объ естественныхъ законахъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ подмѣчаю объяснимую въ общей связи правильность, не основанную на человѣческомъ намѣреніи. Такія правильности существуютъ». Онъ однако дѣлаетъ оговорку, которая едва ли вноситъ опредѣленность въ излагаемыя имъ научныя воззрѣнія: «Не должно никогда забывать, что естественные законы народнаго хозяйства, какъ и вообще человѣческаго духа, различаются въ главномъ отъ законовъ матеріальнаго міра: они имѣютъ дѣло съ свободными разумными существами, которыя поэтому отвѣтствуютъ предъ Богомъ и

[1]) § 1 f. S. 1 ff., § 16 S 41 f.
[2]) § 21 S. 53.

своею совѣстью и совокупность которыхъ образуетъ способный къ прогрессу родъ»[1]. Далѣе, по утвержденію Roscher'a, «всякое нормальное хозяйство... направлено къ тому, чтобы съ наименьшими затратами достигнуть наибольшей личной пользы», и имѣетъ въ своей основѣ два духовныхъ мотива: собственный интересъ, присущій всѣмъ людямъ, хотя и принимающій различныя формы, проявляющійся въ стремленіи пріобрѣсти возможно больше благъ и потерять ихъ возможно меньше и иногда вырождающійся въ отрицательную форму эгоизма, и совѣсть. Изъ комбинаціи ихъ проистекаетъ духъ общественности (Gemeinsinn), на которомъ покоится послѣдовательно семейная, общинная, національная и общечеловѣческая жизнь. «Лишь чрезъ него осуществляется на землѣ жизнь въ Богѣ, религія становится дѣятельной, нравственной; лишь благодаря ему эгоизмъ дѣйствительно безопасенъ и цѣлесоотвѣтственъ»[2].

Отмѣченная сейчасъ мысль о производномъ характерѣ духа общественности, очевидно, неправильна сама по себѣ[3]. Было бы, конечно, правильнѣе прямо исходить изъ присущихъ человѣку началъ личнаго и общаго интереса, относя ихъ при томъ не къ экономикѣ лишь, но вообще ко всѣмъ сторонамъ и проявленіямъ культурной жизни. Наконецъ, приведенное выше опредѣленіе науки о народномъ хозяйствѣ представляется по меньшей мѣрѣ не исчерпывающимъ содержанія этой науки и едва ли допустимымъ съ точки зрѣнія параллельнаго опредѣленія спеціальныхъ наукъ о народной жизни. Признавая ихъ предметомъ ученіе о законахъ развитія соотвѣтствующей стороны народной жизни, мы придемъ къ цѣлому ряду группъ естественныхъ законовъ, безъ установленія опредѣленнаго соотношенія между законами, принадлежащими къ различнымъ группамъ ихъ.

Въ своемъ предисловіи къ экономико-цивилистическимъ этюдамъ Данквардта[4] W. Roscher высказывалъ, что «право и

[1]) § 13 S. 36 ff.
[2]) § 11 S. 26 ff.
[3]) Ср.: L. Dargun. Egoismus und Altruismus. S. 21.
[4]) H. Dankwardt. Nationalökonomisch-civilistische Studien. Mit e. Vorworte von W. Roscher. 1862. S. IV, VI. Перепечатано въ Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte. Von W. Roscher. 3 A. B. I. См. въ особ. S. 89—92.

хозяйство суть двѣ одинаково первоначальныя, одинаково необходимыя, одинаково близкія внутреннему существу человѣческой природы (въ особ. также нравственности, совѣсти) области жизни. И именно предметы, о которыхъ трактуютъ наука права и наука хозяйства, почти сплошь одни и тѣ же». «Разумѣется, одинъ и тотъ же предметъ въ наукахъ права и хозяйства разсматривается съ весьма различной точки зрѣнія». Случаи кажущихся столкновеній между народнохозяйственными и правовыми воззрѣніями Roscher объяснялъ здѣсь отсталостью послѣднихъ. Но это объясненіе представляется, разумѣется, слишкомъ узкимъ и не соотвѣтствующимъ всему разнообразію отношеній взаимодѣйствія между отдѣльными отраслями народной жизни.

Julius Kautz[1], котораго Luigi Cossa[2] называетъ однимъ изъ иностранныхъ послѣдователей историческаго направленія, основаннаго В. Рошеромъ, Бр. Гильдебрандомъ и К. Книсомъ, а также ученикомъ Рошера и ученѣйшимъ профессоромъ, держался подобныхъ же воззрѣній, ближайшимъ же образомъ онъ слѣдовалъ Рошеру и Кнису, въ первомъ изданіи цитированнаго труда послѣдняго. Kautz исходитъ отъ раздѣленія всей системы наукъ на двѣ основныхъ группы естественныхъ и духовныхъ наукъ, или о жизни природы и жизни людей, при чемъ въ послѣдней различалъ далѣе нѣсколько болѣе детальныхъ группъ и въ ряду ихъ—науки о народной жизни, или соціальныя[3]. Послѣднія онъ опредѣлялъ какъ «ученія о практическомъ воленіи и дѣятельности общественно-объединенныхъ людей»[4]. Въ зависимости отъ различенія цѣлей, интересовъ и проявленій дѣятельности въ народной жизни существуетъ рядъ спеціальныхъ наукъ объ отдѣльныхъ главныхъ сторонахъ ея. Эти отдѣльныя науки имѣютъ своимъ предметомъ правовые, нравственные, государственно-политическіе и экономическіе интересы, задачи и отношенія. Къ этимъ спеціальнымъ наукамъ онъ присоединялъ еще введеніе въ обществовѣдѣніе или общій обзоръ наукъ о народной жизни[5].

[1]) Die National-Oekonomik als Wissenschaft. (1858).
[2]) Introduzione allo studio dell'economia politica. 3 ediz. P. 97, 476.
[3]) § 108 S. 342.
[4]) § 110 S. 347.
[5]) § 110 S. 346 ff.

Указывая далѣе въ качествѣ отдѣльныхъ сторонъ жизни и дѣятельности общества мораль и право, религію и науку, искусство и образованіе, экономію и политику, Kautz отказывается отъ попытки представить исчерпывающую систему этихъ наукъ[1], между которыми онъ признавалъ отношенія взаимной обусловленности и взаимообоснованія[2]. По его опредѣленію, каждый народъ представляетъ «великое этическое цѣлое, которое покоится не только и исключительно на матеріальныхъ, хозяйственныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь же существенно также на правовыхъ, умственныхъ, нравственныхъ и политическихъ основахъ, и, стало быть, проявляетъ не только матеріальные интересы, потребности и стремленія, но одновременно преслѣдуетъ также другія, высшія цѣли, обнаруживаетъ нравственныя, соціальныя и политическія потребности, тенденціи и задачи»[3]. «Всѣ эти отдѣльныя главныя стороны народной жизни представляютъ внутренно связанное, тѣсно соединенное цѣлое; для научнаго разсмотрѣнія и основательнаго познанія каждой изъ главныхъ областей жизни необходимо однако обособленное, спеціальное вниманіе къ этой послѣдней въ соотвѣтствіи съ особенностями и своеобразіемъ относящихся къ нему моментовъ, при чемъ, разумѣется, нужно имѣть въ виду, что привлекшая къ себѣ преимущественное вниманіе отдѣльная область жизни никогда не можетъ быть абсолютно и безусловно отдѣлена и изолирована, но всегда должна быть оцѣниваема и обсуждаема въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ прочимъ областямъ жизни и прогресса»[4]. Приведенное сейчасъ положеніе автора погрѣшаетъ нѣкоторой неопредѣленностью, обусловливаемой отсутствіемъ правильнаго представленія о совпаденіи отдѣльныхъ отраслей народной жизни, какъ въ цѣломъ, такъ и въ объектныхъ элементахъ ея. Что касается опредѣленія хозяйственной области, то оно основывается у Kautz'а на предполагаемомъ общеизвѣстнымъ и не требующимъ выясненія понятіи хозяйственнаго, а равно и на отнесеніи ея къ вещественно-мате-

[1]) § 112 Anm. 3.
[2]) § 112 S. 352.
[3]) § 104 S. 320.
[4]) § 46 S. 127 f.

ріальнымъ благамъ и таковому же имуществу[1]. Представляютъ интересъ, при соотвѣтствующемъ пониманіи, слѣдующія опредѣленія: «Предметомъ и конечной цѣлью всякой хозяйственной дѣятельности, а, стало быть, и народнаго хозяйства, является всегда обезпеченное, длящееся снабженіе національнаго общенія хозяйственными благами, какъ средствами и условіями къ достиженію человѣческаго и соціальнаго назначенія. Общее благосостояніе и совокупный духовно-матеріальный прогрессъ общества въ цѣломъ и отдѣльныхъ членовъ его въ частности, по сколько это обусловлено экономическими факторами и базируется на экономической основѣ, есть основная жизненная цѣль, которой стремятся достичь народы и государство»[2]. «Предметомъ и областью изслѣдованія политической экономіи представляется народная жизнь, на сколько она въ своихъ разнообразнѣйшихъ сферахъ и областяхъ является зависящей отъ экономическихъ благъ; и, разсматриваемая съ этой хозяйственной промышленной стороны, она обращается въ великую систему національнаго обращенія и производства. Не вещественныя блага лишь и сами по себѣ, но человѣкъ и національное общеніе людей есть всегда и повсюду предметъ занятій нашей науки»[3]. Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ Kautz опредѣлялъ: «Наука національной экономіи есть, стало быть,—также какъ соціальная этика, право и политика—относительно заключенная въ себѣ, самостоятельная отрасль науки, т. е. соціальная основная наука, которая охватываетъ опредѣленную, особую область національнаго общества и вслѣдствіе этого служитъ необходимымъ предположеніемъ и основаніемъ для всѣхъ прочихъ отраслей познанія народной жизни»[4]. Цитированнымъ выше опредѣленіямъ недостаетъ болѣе отчетливаго представленія о важности идеи экономіи, какъ она выражается принципомъ хозяйственности. Къ этой идеѣ, нашедшей себѣ указаніе въ опредѣленіи экономики у Roscher'a, Kautz до нѣкоторой степени подходитъ въ слѣдующемъ опредѣленіи: «Идеаломъ и образцомъ народ-

[1]) S. 128.
[2]) § 50 S. 137 f.
[3]) § 104 S. 319.
[4]) § 112 S. 353.

наго хозяйства было бы то состояніе хозяйственной жизни народа, при которомъ съ одной стороны были бы удовлетворительный гармонирующій уровень всѣхъ источниковъ благъ, постоянно обезпеченное, полное и цѣлесообразное использованіе всѣхъ наличныхъ факторовъ благъ, также какъ и совершенно соотвѣтствующее даннымъ условіямъ природнымъ и общественнымъ, разумно и искусно ведущееся, обильное производство разнообразныхъ, удовлетворяющихъ всѣмъ болѣе важнымъ народнымъ потребностямъ средствъ потребленія; каждому хозяйственно трудящемуся члену общества была бы предоставлена возможность къ обезпеченію и украшенію его жизни, обезпечено полное, отвѣчающее требованіямъ гуманности и справедливости, вознагражденіе и компенсація за его усилія и трудъ, а съ другой стороны, на ряду съ разумнымъ и достойнымъ потребленіемъ и использованіемъ благъ, на ряду съ мудрой организаціей государственнаго хозяйства, со стороны государственной власти, дѣятельно способствующей общимъ интересамъ и всеобщему благосостоянію, осуществлялись бы всѣ тѣ соціальныя условія, которыя требуются для развитія и постояннаго усовершенствованія всѣхъ этическихъ, умственныхъ, матеріальныхъ и экономическихъ силъ народа, и вообще со стороны всего государства достигалось бы то, что народное хозяйство являлось бы опорой политической и національной жизни, носителемъ порядка и гармоніи, двигателемъ силы и цивилизаціи государства»[1]. Если отвлечься отъ обычнаго шаблона въ опредѣленіи принципа хозяйственности, здѣсь можно видѣть болѣе соціальное и углубленное представленіе о немъ,—къ сожалѣнію, не примѣненное къ самому опредѣленію хозяйства и экономики. Kautz признавалъ недостаточнымъ чисто позитивное изученіе существующаго въ сферѣ хозяйственной дѣятельности и находилъ необходимымъ относиться со вниманіемъ къ тому, «что по разумнымъ нравственнымъ требованіямъ истинно достойной человѣка жизни внутри экономическаго порядка общества должно быть осуществлено и желаемо, въ особенности же что представляется надлежащимъ съ точки зрѣнія высшихъ законовъ этическаго міропорядка, нрав-

[1]) § 50. S. 138.

ственности и религіи, справедливости и человѣчности»[1]. Здѣсь Kautz, вообще выдвигающій въ политической экономіи нравственно-политическій моментъ[2], погрѣшаетъ противъ приведеннаго выше опредѣленія, согласно котораго національная экономія есть законченная въ себѣ и самостоятельная отрасль науки, такъ какъ послѣднее необходимо предполагаетъ и самостоятельное развитіе хозяйственной жизнедѣятельности и самостоятельныя задачи и стремленія въ этой области, регулирующее же дѣйствіе другихъ сторонъ народной жизни является привходящимъ и не принадлежитъ къ существу нашей науки. Въ качествѣ основныхъ мотивовъ народной и, въ частности, народнохозяйственной жизни Kautz указываетъ стремленія къ собственному и къ общественному интересу[3]. Первичнымъ источникомъ народной жизни во всѣхъ разностороннихъ ея проявленіяхъ Kautz признавалъ народный духъ (Volksgeist)[4] — своего рода мистическая идея, прикрывающая простую мысль о послѣдовательности и общности направленія въ развитіи народной жизни[5]. При этомъ онъ утверждаетъ, что «хозяйство народа, тѣсно и нераздѣльно связанное съ совокупной народной жизнью, возникаетъ вмѣстѣ съ самымъ народомъ, и есть съ одной стороны естественный продуктъ тѣхъ силъ, задатковъ и побужденій, которыя дѣлаютъ человѣка человѣкомъ, съ другой же стороны —также и основаніе и необходимый элементъ къ всестороннему развитію и дѣятельности силъ, задатковъ и способностей народа». «Съ прогрессомъ всеобщей жизни націи соединены въ дѣйствительности и прогрессъ и преуспѣяніе народнаго хозяйства». Kautz даетъ особую теорію историческаго развитія: «Именно въ понятіи органической жизни вообще, а также и народнаго хозяйства, заключается то, что задатки, силы и склонности никогда не реализуются и не проявляются сразу и вдругъ, но развиваются съ теченіемъ времени, въ извѣстномъ ступененіи, и что этимъ измѣненіямъ ея, лишь въ основѣ и единствѣ длящейся и постоянной, сущности соотвѣт-

[1]) § 103. S. 314.
[2]) § 105.
[3]) Buch I. Kap. VI.
[4]) § 51. S. 140.
[5]) Ср.: G. Simmel. Über soziale Differenzierung. Kap. I.

ствуетъ измѣненіе органовъ и внѣшнихъ формъ. Это развитіе, не зависящее отъ случая и произвола, происходитъ закономѣрнымъ образомъ—хотя при этомъ свободное, самосознательное творчество и дѣятельность, разумѣется, никогда не исключены,— совершается на основаніи упомянутаго ступененія по извѣстнымъ періодамъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности представленъ опредѣленной совокупностью характерныхъ хозяйственныхъ основныхъ отношеній, жизненныхъ формъ, потребностей, тенденцій и результатовъ и обусловливаетъ оцѣнку достигнутаго уровня общей и хозяйственной народной жизни». Kautz замѣчаетъ однако, что длительность этихъ періодовъ бываетъ у отдѣльныхъ народовъ весьма различной, и границы періодовъ точно не могутъ быть опредѣлены. Онъ не считаетъ также возможнымъ дать абсолютное рѣшеніе по вопросу о томъ, представляются ли необходимыми вслѣдъ за достиженіемъ періода расцвѣта паденіе и гибель хозяйственной и общей народной жизни[1]. Въ изложенныхъ воззрѣніяхъ Kautz'а справедливо выдвигается имѣющій основополагающее и созидающее значеніе и общее распространеніе принципъ историческаго развитія. Но Kautz впадаетъ въ ошибку, приписывая этому началу имманентный и абсолютный характеръ. Какъ намъ кажется, отрѣшившись отъ этого легкаго и не лишеннаго красивости пріема разрѣшенія историко-философскихъ проблемъ, въ теоретическомъ разсмотрѣніи надлежитъ признать послѣдовательное теченіе народной жизни и ея прогрессивное развитіе за отдѣльную сторону народной жизни или, что то же, культуры, при чемъ должно имѣть въ виду, что и эта сторона послѣдней находится во взаимодѣйствіи съ прочими. Kautz признавалъ закономѣрность проявленія и развитія народной жизни и въ частности хозяйственной. Хотя и признавая различія въ этомъ отношеніи между природой и народной жизнью, онъ однако сопоставлялъ ихъ съ точки зрѣнія закономѣрности ихъ вообще[2]. Наконецъ, къ народнохозяйственной жизни онъ примѣнялъ понятіе организма, характеризующагося внутренней связью частей и чле-

[1]) § 83. S. 244 ff.
[2]) § 100 f.

новъ въ противоположность внѣшней связи ихъ въ механизмѣ. Какъ и Рошеръ[1], признавая понятіе организма однимъ изъ самыхъ темныхъ, Kautz однако считалъ его необходимымъ для теоретическаго выясненія народнохозяйственной жизни[2]. Повидимому, необходимо было свойственное новѣйшему времени распространеніе разнообразныхъ общественныхъ организацій для того, чтобы научная идея организма уступила мѣсто единственно въ этомъ отношеніи пригодному понятію общественно-организованной жизни[3].

Сюда же примыкаетъ, по своимъ воззрѣніямъ на общественныя науки и отношенія между ними, Wilhelm Arnold[4]. Онъ также исходилъ отъ противопоставленія естественныхъ и историческихъ наукъ; предметомъ первыхъ онъ считалъ познаніе естественныхъ законовъ, предметомъ же вторыхъ — историческое развитіе человѣчества или, точнѣе, народовъ. Въ то время какъ въ природѣ господствуютъ необходимо дѣйствующіе законы и ихъ причинная связь, въ исторіи, занимающейся дѣяніями человѣческаго разума, исключительное господство естественныхъ законовъ не имѣетъ мѣста, и въ качествѣ соопредѣляющаго фактора привходитъ свободная человѣческая воля[5]. Народъ есть лишь отчасти естественно-научное понятіе, въ гораздо же большей мѣрѣ — историческое, такъ какъ особенности народа сказываются въ исторической жизни его и въ отношеніи своего характера и направленія, своихъ причинъ, дѣйствій и внутренняго соотношенія являются предметомъ историческаго изслѣдованія[6]. Задачею историческихъ наукъ, а въ частности и національной экономіи, онъ признавалъ изслѣдованіе и представленіе разныхъ сторонъ народной жизни не только какъ проявленій одной и той же духовной силы, но и въ ихъ безчисленныхъ взаимодѣйствіяхъ и на всемъ ихъ историческомъ теченіи вплоть до настоящаго времени[7]. Выра-

[1]) O. c., § 13 ff.
[2]) § 65.
[3]) Ср.: Gothein. Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft. Handw. der Staatswiss. III. Aufl. B. IV. S. 691.
[4]) Cultur und Rechtsleben. 1865.
[5]) S. 1 f.
[6]) S. 3 f.
[7]) S. 10.

женія: народный духъ и организмъ Arnold называетъ пустыми словами[1]. Что касается основныхъ мотивовъ человѣческой жизнедѣятельности, то онъ указываетъ недостаточность одного лишь мотива эгоизма, какъ предполагали болѣе старые экономисты и, слѣдуя Knies'y, принимаетъ три мотива: собственный интересъ, правовое чувство и общественный интересъ[2]. Arnold предполагалъ при этомъ, что эти мотивы различнымъ образомъ проявляются въ областяхъ хозяйственной жизни, права и государства и что вообще каждая отрасль имѣетъ въ основѣ свойственные ей, прирожденные человѣку мотивы. Здѣсь Arnold расходится съ общими своими воззрѣніями такъ же, какъ и въ вопросѣ о естественныхъ законахъ, которые онъ все же допускаетъ въ области хозяйственной культуры[3]. Въ духовной жизни каждаго культурнаго народа Arnold усматривалъ слѣдующія семь особыхъ отраслей: языкъ, искусство, наука, обычай (Sitte), хозяйство, право и государство. По отношенію къ до-христіанскимъ эпохамъ онъ присоединялъ сюда также религію, представлявшую собою національный культъ, въ противоположность христіанству[4]. Въ дѣйствительности, однако, и абсолютный характеръ основныхъ истинъ христіанства и универсальный характеръ его не опровергаютъ того, что отдѣльныя христіанскія исповѣданія получаютъ національныя или племенныя черты и со своей человѣческой стороны представляютъ собою одну изъ сторонъ народной жизни. То же надлежало бы признать и относительно понятія народонаселенія которое самъ Arnold не считалъ естественно-научнымъ и которое не представляется лишь собирательнымъ понятіемъ для всей системы народной жизни. Разумѣется, и въ такомъ пополненномъ видѣ этотъ перечень не можетъ считаться полнымъ.

H. Mangoldt[5] опредѣлялъ науку о народномъ хозяйствѣ, какъ имѣющую своимъ предметомъ «преодолѣніе внѣшняго міра для удовлетворенія потребностей состоящихъ въ національныхъ союзахъ людей» и находящуюся въ отношеніяхъ взаимосодѣйствія къ наукамъ, которыя имѣютъ своимъ пред-

[1]) S. 9.
[2]) S. 90 f.
[3]) S. 45, 97.
[4]) S. 17 f.
[5]) Grundriss der Volkswirtschaftslehre. S. 10 f.

метомъ другія стороны соціальной жизни, какъ науки о государствѣ, правѣ, религіи, филологія и пр., и въ отношеніи обоюднаго поощренія (Anregung) къ этикѣ. Со стороны содержанія онъ обозначаетъ науку о народномъ хозяйствѣ, какъ «науку о законахъ развитія народнаго хозяйства». Именно въ этомъ послѣднемъ воззрѣніи онъ видитъ полное признаніе связи между хозяйственной стороной народной жизни и всѣми прочими сторонами. Приведенное выше опредѣленіе представляется не совсѣмъ удовлетворительнымъ, такъ какъ оно съ одной стороны не отграничиваетъ хозяйство отъ другихъ отраслей—то же можно было бы сказать не только о техникѣ, но даже объ этикѣ, съ другой же—не охватываетъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ явленій, ближе связанныхъ съ субъектами хозяйствъ, и, сверхъ того, даетъ невѣрную характеристику народнаго хозяйства, въ которомъ, какъ въ совокупности опредѣленной группы общественныхъ явленій, наиболѣе существенное значеніе имѣютъ взаимоотношенія и интересы людей. Затѣмъ, если даже назвать научныя положенія, сужденія и опредѣленія политической экономіи законами развитія, останется невыясненнымъ, какимъ образомъ законы развитія народнаго хозяйства могутъ вести къ признанію связи между хозяйственной и иными сторонами народной жизни. Въ качествѣ мотивовъ хозяйственной дѣятельности Mangoldt указывалъ эгоизмъ (Selbstliebe) и общественный интересъ (Gemeinsinn) въ разнообразныхъ варьирующихъ выраженіяхъ ихъ[1].

Albert Schäffle въ своемъ трудѣ: «Bau und Leben des sozialen Körpers»[2] признаетъ результатомъ общественнаго развитія возрастающую культуру и цивилизацію. При этомъ онъ различаетъ десять областей культуры, изъ нихъ четыре внѣшнихъ или матеріальныхъ (строительное дѣло, пути и транспортъ, защита и безопасность, народное хозяйство, техника), пять внутреннихъ или идеальныхъ (общественность, наука, образованіе и воспитаніе, художественныя искусства и литература, право и мораль, религія и церковь) и, какъ увѣнчаніе всѣхъ ихъ,—государство. Эта классификація не свободна, разумѣется,

[1]) S. 7.
[2]) 2 Auflage. 1896. B. I S. 550 ff.

отъ существенныхъ недостатковъ, каковы—неполнота классификаціи, произвольное и непослѣдовательное различеніе матеріальныхъ и идеальныхъ областей культуры и совмѣщеніе въ одной области права и морали. Въ своей «Общественной системѣ человѣческаго хозяйства» Schaeffle представилъ опредѣленіе политической экономіи на основѣ общей культуры, съ обособленіемъ отъ стихійной природы и въ связи съ нѣкоторыми другими соціальными науками. При этомъ онъ отграничивалъ хозяйство кругомъ производства и потребленія внѣшнихъ благъ, т. е. внѣшнею культурою. По относящейся сюда цѣпи опредѣленій, «производство и использованіе внѣшнихъ благъ, или внѣшняя культура, нуждается (при томъ же какъ общественный процессъ) въ упорядочивающемъ, регулирующемъ вмѣшательствѣ, нормативной организаціи и соразмѣреніи. Въ особенности въ область техники вступаетъ экономика, какъ регулятивная и соразмѣряющая дѣятельность. Другая регулятивная дѣятельность есть осуществленіе права публичной властью, или политика. Цивилизованное общество, хозяйственно урегулированное, есть народное хозяйство. Правоурегулированное общественной властью, оно есть государство. Научное представленіе общества со стороны хозяйственнаго регулированія его есть задача національной экономіи. Научное представленіе его съ государственно-правовой стороны есть задача науки о правѣ и государствѣ»[1]. Между хозяйствомъ и моралью въ собственномъ, болѣе узкомъ значеніи Schaeffle предполагаетъ взаимодѣйствіе[2]. Но по его замѣчанію, одностороннее «уродливое развитіе народнаго хозяйства можетъ привести къ пренебреженію въ извѣстной мѣрѣ нравственнымъ назначеніемъ у многихъ индивидовъ, что по грубости и озвѣрѣнію еще далеко оставляетъ за собой состояніе изолированной жизни дикарей»[3]. Техника, въ представленіи A. Schaeffe, имѣетъ менѣе самостоятельный характеръ и лишь служебное значеніе. «Техника есть лишь область практическаго проявленія, объектъ, такъ сказать, матерія регулятивнаго прин-

[1]) Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. 3 A. B. I § 11 S. 20.
[2]) § 22 S. 34 f.
[3]) § 12 S. 17.

ципа хозяйственности». Исходя изъ выраженія Fr. Hermann'a, Schäffle сопоставляетъ ихъ назначеніе слѣдующимъ образомъ: «Техника квалифицируетъ отдѣльные предметы къ потребности, экономика квантифицируетъ все движеніе труда и имущества индивида»[1]. Культуру или цивилизацію онъ опредѣляетъ, какъ постепенный переходъ отъ слѣпо-необходимаго взаимодѣйствія силъ природы къ все болѣе цѣлесообразной дѣятельности, какъ царство самосознанной и самопоставленной цѣлесообразности[2]. Что касается отношенія между общественной жизнью и стихійной природой, то въ цитируемомъ трудѣ проводится по существу правильный взглядъ, не вполнѣ согласующійся съ воззрѣніями Schäffle въ его «Bau und Leben des sozialen Körpers». «Наука хозяйства», высказывается въ цитируемомъ трудѣ, «преслѣдуетъ проявленіе хозяйственнаго закона только въ моральной области внѣшней самодѣятельности человѣка, не является поэтому естественной наукой и не принимаетъ въ себя естественныхъ наукъ. Она не имѣетъ прямо дѣла ни съ науками о посторонней человѣку жизни природы ни съ науками о психофизической природѣ человѣка (физіологія, антропологія, психологія)»[3]. Съ другой же стороны, допуская распространеніе экономичности на внутреннюю духовную дѣятельность человѣка, Schäffle возражалъ противъ соединенія въ одной наукѣ «внутренней и внѣшней экономики»[4]. Къ хозяйственнымъ мотивамъ (Triebfedern) въ человѣческомъ обществѣ Schäffle относилъ «всѣ чувства и побужденія, волнующія грудь человѣка», не исключая воодушевленія наукой, искусствомъ, вѣрой и силы обычая надъ индивидами. «Мы видимъ», прибавляетъ къ этому Schäffle, «что эти стимулы выступаютъ частью, какъ организующія силы народнохозяйственнаго процесса, частью приводятся въ движеніе организующими народное хозяйство вліяніями»[5]. Schäffle не обнаруживаетъ особой склонности къ психологическимъ объясненіямъ въ вопросѣ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности[6].

[1]) § 18 S. 25 f.
[2]) § 2 S. 3.
[3]) § 27 S. 47.
[4]) § 27 S. 48, § 94 S. 165 f.
[5]) B. II § 186 S. 3.
[6]) § 187 S. 4.

Самое опредѣленіе политической экономіи онъ основываетъ на принципѣ хозяйственности. По утвержденію его, «регулированіе производства и присвоенія (присвоеніе пользованія, потребленіе) имѣющихся въ ограниченномъ запасѣ внѣшнихъ средствъ удовлетворенія въ направленіи возможно большей чистой пользы, съ цѣлью возможно обильнаго снабженія всей личной жизни—это регулированіе по опыту представляетъ собой сущность всякаго хозяйства. Осуществленіе этого регулированія въ процессѣ цивилизованной общественности, для которой человѣкъ предназначенъ отъ природы, составляетъ настоящій предметъ разсмотрѣнія въ національной экономіи»[1]. Въ качествѣ регулирующаго принципа Schäffle указываетъ принципъ или законъ хозяйственности. Нѣсколько дальше онъ развиваетъ опредѣленіе хозяйства, какъ балансовой совокупности итоговъ стоимости и пользованія, «ибо хозяйство направлено не на единичный эффектъ удовлетворенія отдѣльной потребности въ отдѣльный моментъ времени, но на наивысшее общее споспѣшествованіе и наименьшее пожертвованіе жизни индивида, къ высшему удовлетворенію всего общества чрезъ наиболѣе успѣшное созданіе, распредѣленіе, примѣненіе и возобновленіе индивидуальнаго и народнаго дохода»[2].

Изложенныя сейчасъ воззрѣнія Schäffle имѣютъ довольно ясно выраженное соціально-научное направленіе и въ виду высокой авторитетности ихъ автора представляютъ существенную опору для соотвѣтствующихъ исходныхъ воззрѣній вообще. По вопросу о техникѣ въ указанномъ сейчасъ трудѣ Schäffle дѣлаетъ ту же погрѣшность, что и Stammler относительно политической экономіи. Оба автора, помѣщая постороннюю имъ область внѣ фокуса, видятъ въ ней лишь служебную принадлежность ихъ спеціальной науки, матерію и объектъ ея. Экономистъ Schäffle дѣлаетъ эту ошибку относительно техники, какъ юристъ Stammler относительно политической экономіи. Въ дѣйствительности, техника представляетъ особую область культуры, которая, хотя и подраздѣляясь на болѣе детальныя отрасли, регулируется собственнымъ принципомъ цѣле-

[1]) § 1 S. 2.
[2]) § 14 S. 21.

сообразности и находится въ отношеніи взаимодѣйствія къ прочимъ отраслямъ культуры. Другой недостатокъ въ изложенныхъ воззрѣніяхъ Schäffle, это—выдѣленіе «внутренней экономики», относящейся къ регулированію въ экономическомъ отношеніи внутренней духовной дѣятельности. Обособленіе этой послѣдней въ отдѣльную отрасль представлялось бы неправильнымъ. Этого рода проявленія духовной дѣятельности человѣка либо вовсе лишены соціальнаго характера и значенія, либо относятся къ соціальной дѣятельности, какъ имѣющіе въ принципѣ соціальный характеръ и значеніе, эвентуально же и свое практическое значеніе, элементы соціальной дѣятельности, подобно непроявленному резерву спроса и предложенія въ общемъ процессѣ мѣноваго обращенія. Изложенныя сейчасъ соображенія тѣмъ болѣе оправдываются въ настоящемъ случаѣ, что и самъ Schäffle въ данномъ произведеніи не исключаетъ изъ внѣшней культуры и относящейся къ ней общей экономики проявленную во внѣ умственную дѣятельность людей.

G. Schönberg[1] разсматривалъ народное хозяйство, какъ одну изъ великихъ первичныхъ основныхъ областей жизни каждаго народа, въ которыхъ протекаетъ его физическая и духовная, матеріальная и нематеріальная жизнь и которыя въ ихъ совокупности представляютъ народную жизнь. «У всякаго культурнаго народа эти области, помимо языка, суть право, искусство, наука и образованіе, семейная жизнь, общественная жизнь (свободное личное общеніе индивидовъ между собою въ гражданскомъ обществѣ) и обычаи, религіозная, политическая и хозяйственная жизнь». Въ оцѣнкѣ значенія хозяйственной области Schönberg отчасти впадаетъ въ преувеличеніе и въ противорѣчіе съ вышеприведеннымъ: «Область хозяйственной жизни въ противность другимъ имѣетъ ту особенность, что охватываетъ первую и необходимѣйшую дѣятельность», существующую и при отсутствіи права, искусства и науки. Народное хозяйство представляетъ самостоятельную область въ смыслѣ преслѣдуемыхъ въ ней особыхъ цѣлей и

[1]) Die Volkswirtschaft. Handbuch der Polit. Oekonomie. B. I. I. § 1 S. 1, § 11 S. 17 f.

задачъ, проявляющихся въ ней особыхъ силъ, предполагаемыхъ ею особыхъ установленій и особой дѣятельности государственныхъ органовъ, выдвигаемыхъ ею особыхъ проблемъ и посвященной ей самостоятельной науки, но въ то же время находится въ тѣснѣйшей причинной связи и взаимной обусловленности съ прочими областями. «Народная жизнь едина, народное же хозяйство—лишь экономическая сторона ея». «Тѣснѣйшая связь и наибольшее взаимодѣйствіе существуютъ между хозяйствомъ и правомъ». Въ качествѣ существеннаго содержанія хозяйственной дѣятельности Schönberg указываетъ при этомъ заботу о физическомъ существованіи, пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ для этого. Но на ряду съ этимъ онъ даетъ и иное опредѣленіе хозяйственной дѣятельности въ смыслѣ дѣятельности, направленной, въ отличіе отъ иныхъ дѣятельностей человѣка, на пріобрѣтеніе и использованіе матеріальныхъ средствъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей[1]. Изъ двухъ приведенныхъ опредѣленій первое представляется болѣе узкимъ и, очевидно, слишкомъ узкимъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ широкимъ въ его неопредѣленности, второе же—произвольно и неправильно отграничивающимъ хозяйственную сторону народной жизни отъ прочихъ. Эти опредѣленія восполняются высказываемымъ въ началѣ цитируемаго труда замѣчаніемъ въ духѣ односторонняго идеализма: «Конечная, высшая цѣль хозяйственной жизни есть всегда стать средствомъ для индивидовъ и народовъ къ исполненію нравственныхъ задачъ жизни». Вопросъ объ отграниченіи отъ иныхъ отраслей народной жизни не нашелъ себѣ опредѣленнаго разрѣшенія. Schönberg высказываетъ, что не представляетъ необходимости, чтобы хозяйственная дѣятельность, т. е. направленная къ пріобрѣтенію матеріальныхъ благъ, была лишь хозяйственной[2]. И онъ могъ бы прибавить къ этому, что тѣмъ меньше необходимо это относительно дѣятельности по использованію благъ. Но Schönberg упускаетъ изъ вида, что самое предположеніе о возможности чисто и исключительно хозяйственной дѣятельности совершенно несостоятельно, ибо

[1]) § 2 S. 2.
[2]) § 2 S. 3.

всякая культурная дѣятельность имѣетъ, хотя бы частью лишь въ зачаткѣ, всѣ стороны, соотвѣтствующія сторонамъ или отраслямъ культурной жизни вообще. Нельзя также принять и опредѣленіе народнаго хозяйства, какъ совокупности «всѣхъ дѣйствій индивидовъ и публичныхъ корпорацій народа, всѣхъ частныхъ и публичныхъ отношеній, всѣхъ организацій, всѣхъ состояній его, которыя относятся къ пріобрѣтенію и расходованію матеріальныхъ благъ для человѣческихъ потребностей, какъ частныхъ, такъ и публичныхъ, въ государствѣ, общинѣ, церкви»[1]. Иной объемъ дается политической экономіи нѣсколько выше, гдѣ авторъ относитъ къ ней «не всю хозяйственную дѣятельность людей, либо народовъ, не всю совокупную область народнаго хозяйства, но лишь общественную хозяйственную жизнь людей», при чемъ изъемлетъ изъ нея техническіе производственные процессы и хозяйственное функціонированіе отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, какъ таковыхъ, вѣдаемыхъ прикладными науками, какъ агрономія и пр.[2]. Однако, не только разъединеніе и несоотвѣтствіе понятій народнаго хозяйства и политической экономіи (Volkswirtschaftslehre!) не представляются оправдываемыми, но и самое понятіе народнаго хозяйства получаетъ при этомъ собирательный характеръ произвольной комбинаціи хозяйственной и технической областей народной жизни.

Къ существеннымъ недочетамъ въ отправныхъ воззрѣніяхъ Schönberg'a принадлежитъ и отсутствіе опредѣленнаго взгляда на технику. «Та сторона хозяйственной дѣятельности», высказывается объ этомъ, «которая состоитъ изъ внѣшнихъ техническихъ операцій по изготовленію или добыванію хозяйственно полезныхъ вещественныхъ благъ и дѣйствій,... есть техническая дѣятельность; совокупность всѣхъ этихъ операцій есть техника, техническій производственный процессъ. Техника сама по себѣ не есть объектъ политической экономіи»[3]. Это опредѣленіе, имѣющее тавтологическій характеръ, не выясняетъ ни существа и границъ техники, ни отношенія между

---

[1]) § 9 S. 14.
[2]) S. 4 Anm. 7.
[3]) § 2 S. 4.

нею и хозяйствомъ. Эта неопредѣленность, конечно, отразилась во вредъ и на его опредѣленіи собственно хозяйственной дѣятельности.

Важное значеніе придается авторомъ психическимъ предпосылкамъ. Наиболѣе общимъ и важнѣйшимъ по отношенію къ явленіямъ хозяйственной жизни мотивомъ Schönberg признавалъ мотивъ самосохраненія и способствованія собственному интересу и благополучію, включая сюда и интересы семьи даннаго индивида. Этотъ мотивъ обнаруживается однако, говоритъ авторъ, не только въ хозяйственной области, но проявляется также въ достиженіи нехозяйственныхъ выгодъ и избѣжаніи нехозяйственныхъ невыгодъ. «Этотъ мотивъ вынуждаетъ людей, которые должны заботиться о самихъ себѣ и могутъ существовать лишь благодаря хозяйственной дѣятельности, къ хозяйственной дѣятельности, побуждаетъ ихъ организовать свою хозяйственную дѣятельность такимъ образомъ, чтобы ихъ интересы были удовлетворены и ихъ благополучіе повышалось, и въ особенности побуждаетъ ихъ при пріобрѣтеніи и удовлетвореніи потребностей достигать цѣли. Онъ представляетъ заложенный въ природѣ человѣка и также и нравственно обоснованный мотивъ. Долгъ индивида—имѣть его, ибо этотъ мотивъ побуждаетъ его заботиться объ интересахъ собственныхъ и своихъ близкихъ, достигать хозяйственной самостоятельности, разумно хозяйствовать, двигаться впередъ, пріобрѣтать имущество; онъ есть главный мотивъ къ трудолюбію, бережливости, къ проведенію принципа хозяйственности въ предпріятіяхъ и домашнихъ хозяйствахъ, есть первѣйшее предположеніе хорошаго состоянія отдѣльныхъ хозяйствъ, предпріятій и народнаго хозяйства. Но онъ не есть элементарная сила, и степень, въ которой онъ господствуетъ надъ индивидами и опредѣляетъ ихъ хозяйственныя дѣйствія, весьма различна для индивидовъ и классовъ въ зависимости отъ образованія, благоразумія, культурности, семейнаго чувства, чувства долга и пр.; но онъ зависитъ также отъ индивидуальнаго хозяйственнаго положенія и отъ общихъ хозяйственныхъ и правовыхъ условій». Дѣйствіе этого мотива комбинируется съ привходящимъ воздѣйствіемъ всевозможныхъ и равнымъ образомъ измѣняющихся и диференцирующихся

мотивовъ, нравственныхъ и безнравственныхъ, желательныхъ и нежелательныхъ. «Этотъ мотивъ», продолжаетъ Schönberg, «проявляетъ регулярное дѣйствіе, опредѣляетъ собою очень многія хозяйственныя дѣйствія людей и, несмотря на свое разнообразіе и диференцированность, представляетъ собою также силу, которая становится главной причиной для проявленія закономѣрностей въ народномъ хозяйствѣ». Но, замѣчается при этомъ, онъ нерѣдко вырождается въ себялюбіе, которое представляетъ въ хозяйственномъ отношеніи мотивъ, исключающій всякіе иные мотивы и соображенія помимо искания собственной выгоды. Schönberg отмѣчаетъ, что по исключенію безнравственные мотивы, какъ лѣность, расточительность, пьянство, нечестность подавляютъ этотъ естественный мотивъ къ вреду для собственнаго блага и блага семьи. Чисто же нравственные мотивы, какъ любовь къ ближнимъ, благодарность, чувства правомѣрности и долга, хотя и все болѣе проявляющіе свое дѣйствіе и сообщающіе народному хозяйству нравственное содержаніе, не имѣютъ однако на столько общаго и правильнаго дѣйствія, «чтобы въ вызываемыхъ ими дѣйствіяхъ индивидовъ позволяли подмѣтить закономѣрность»[1]. Такимъ образомъ, въ своемъ ученіи о психическихъ предпосылкахъ Schönberg на столько сходствуетъ съ классической школой, на сколько вообще это возможно для представителя иной школы. При этомъ мы опять встрѣчаемся, какъ и вообще въ его научныхъ опредѣленіяхъ, съ невыясненностью, что должно разумѣть подъ мотивомъ, есть ли это элементарная психическая сила или же просто направленіе дѣятельности человѣческой воли. Schönberg отмѣчаетъ въ экономической литературѣ также иное пониманіе хозяйственной дѣятельности, имѣющее своимъ предположеніемъ, «что въ своихъ хозяйствахъ и предпріятіяхъ, частныхъ и публичныхъ, въ дѣятельности, направленной какъ къ пріобрѣтенію, такъ и къ расходованію матеріальныхъ благъ, какъ производственной, такъ и потребительной, люди стараются достигнуть цѣлей пріобрѣтенія и потребленія съ возможно малымъ пожертвованіемъ имущества и труда и озабочиваются тѣмъ, чтобы приносимая ими

[1]) § 3 S. 4—9.

жертва оставалась возможно меньше, ни въ какомъ случаѣ не больше, нежели цѣнность того, что ими отъ этого получается». Schönberg возражаетъ однако на это, что вытекающіе отсюда постулаты достиженія возможно высшихъ цѣнностей и наивысшаго использованія наличныхъ производственныхъ силъ не имѣютъ абсолютнаго значенія, и что производство не есть конечная цѣль, но лишь средство для нравственныхъ цѣлей народнаго хозяйства, которыя могутъ встрѣтить себѣ противодѣйствіе въ абсолютномъ проведеніи означенныхъ постулатовъ. Въ этихъ нравственныхъ цѣляхъ заключается поэтому необходимое ограниченіе этихъ постулатовъ[1]. Въ дальнѣйшемъ Schönberg понимаетъ народное хозяйство, какъ исторически образовавшееся, отличающееся отъ всѣхъ другихъ народныхъ хозяйствъ. Однако, въ виду того, что въ массовыхъ явленіяхъ хозяйственной дѣятельности и въ смѣнѣ хозяйственныхъ явленій наблюдаются однообразія, указывающія на дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же или сходныхъ силъ, онъ находитъ возможнымъ говорить о хозяйственныхъ законахъ, не имѣющихъ впрочемъ ничего общаго съ естественными законами и представляющихъ собою разновидвидность историческихъ или соціальныхъ законовъ. Эти законы не суть выраженіе постояннаго, повсюду одинаковаго и необходимаго дѣйствія, не абсолютны, но относительны, допускаютъ исключенія и отклоненія отъ общаго правила, болѣе или менѣе частыя; эти законы не принудительны, такъ какъ свободная воля людей, независимо отъ ея разумности, можетъ дѣйствовать и противъ закона, и общая воля, съ помощью правопорядка, можетъ прямо воспрепятствовать дѣйствію этихъ законовъ. «Закономѣрныя явленія суть лишь постоянныя, по общему правилу наступающія явленія и единообразія». Эти, различные у разныхъ народовъ, законы измѣняются съ теченіемъ времени, и даже въ этихъ измѣненіяхъ проявляются законосообразности, но опять-таки относительныя. «Законы народнаго хозяйства, какъ законы дѣйствительныхъ явленій, суть законы того, что есть, а не что должно быть»[2]. Несмотря на все это, Schönberg придаетъ важность

[1]) § 4. S. 9 f.
[2]) § 13 S. 23—27.

познанію этихъ законовъ, какъ существенному вспомогательному средству не только для объясненія фактическихъ явленій хозяйственной жизни, но и для разрѣшенія практическихъ проблемъ. Schönberg однако оставляетъ открытыми вопросы, на сколько надежно руководство правилъ, опредѣленно неформулируемыхъ, измѣняющихся современемъ, зависящихъ отъ воли индивидовъ и общества въ цѣломъ, и даже возможно ли познаніе этихъ законовъ, такъ чтобы они могли послужить къ практическому руководству, и не представляется ли болѣе правильнымъ обратиться къ непосредственному изученію факторовъ и условій экономическихъ явленій взамѣнъ эмпирическихъ формулъ, претендующихъ на наименованіе законовъ.

G. Schmoller разсматриваетъ народное хозяйство, какъ коллективное цѣлое, подобно государству, народу, обществу, церкви[1]. «Народное хозяйство есть частичное содержаніе общественной жизни; его собственный принципъ есть общественное развитіе хозяйственныхъ явленій на естественно-технической почвѣ». «Народное хозяйство есть на половину естественно-техническая, на половину духовно-соціальная система силъ, которыя ближайшимъ образомъ существуютъ независимо отъ государства, гибнутъ или процвѣтаютъ, но которые при высшемъ и болѣе сложномъ развитіи ставятся въ опредѣленныя границы правомъ и государствомъ, лишь въ соотвѣтствіи съ этими получаютъ свою законченную форму, въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ ними то опредѣляютъ ихъ, то опредѣляются ими. Если такимъ образомъ мы», высказываетъ Schmoller, «обозначаемъ народное хозяйство, какъ частичное содержаніе общественной жизни, какъ одну сторону соціальнаго тѣла, то отсюда слѣдуетъ, что оно можетъ быть выяснено лишь въ связи съ прочими общественными явленіями». По отношенію къ внутреннему содержанію Schmoller опредѣляетъ народное хозяйство, какъ «реальное цѣлое, т. е. связанную совокупность, въ которой части состоятъ въ живомъ взаимодѣйствіи и въ которой цѣлое, какъ таковое, проявляетъ свое явственное дѣйствіе; совокупность, которая вопреки вѣчной пере-

[1]) Grundriss der allgem. Volkswirtschaftslehre. T. I. 1908. Abs. 1 S. 1.

мѣнѣ частей, въ своей сущности, въ своихъ индивидуальныхъ основныхъ чертахъ остается той же въ теченіи годовъ и десятилѣтій и, по сколько измѣняется, представляется намъ какъ развивающійся организмъ. Никогда не будутъ тысячи отдѣльныхъ хозяйствъ, принадлежащихъ къ различнымъ государствамъ представляться и выражаться, какъ одно народное хозяйство. Лишь тамъ, гдѣ люди одной расы и большею частью одного языка, связанные одними чувствами и идеями, обычаями и правовыми нормами, къ тому же имѣютъ одни національныя хозяйственныя установленія и центральные финансы и связаны одною системою обращенія и живымъ мѣновымъ обращеніемъ, мы говоримъ о народномъ хозяйствѣ»[1]. Къ «хозяйничанью» онъ относитъ «прежде всего дѣятельность для внѣшнихъ физическихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ есть условіе нашего существованія», но также и «собираніе припасовъ на будущее время, стирку и чистку, поддержаніе порядка въ домѣ, доставку благъ на то мѣсто, гдѣ они нужны, заключительную подготовку ихъ для потребленія» и торговыя операціи. «И во всемъ этомъ намъ представляется хозяйственной лишь цѣлесообразная, руководимая извѣстными техническими познаніями, отчетливымъ размышленіемъ и нравственными идеями дѣятельность, при томъ направляемая чувствомъ и сужденіями цѣнности, т. е. разумными представленіями о хозяйственныхъ цѣляхъ и средствахъ, ихъ соотношеніяхъ и пользѣ и вредѣ, удовольствіи и непріятности для человѣка»[2]. «Хозяйничанье охватываетъ не всякія «работы», ибо есть работы для высшихъ, не-хозяйственныхъ цѣлей, не всякую дѣятельность для внѣшняго удовлетворенія потребностей, ибо сюда принадлежатъ и спортъ, прогулки, забота о здоровьѣ». «Хозяйственное производство благъ, запасовъ, товаровъ, есть главная область хозяйственной дѣятельности, но сюда принадлежатъ и дѣйствія хозяйственныхъ услугъ, торговая дѣятельность»[3]. Но Schmoller тутъ же замѣчаетъ, что «и всякая иная, не-хозяйственная дѣятельность, предполага-

[1]) S. 5 f.
[2]) S. 1 f.
[3]) S. 3.

ющая свое вознагражденіе въ системѣ раздѣленія труда, какъ дѣятельность учителя, судьи, художника, чрезъ это вознагражденіе, чрезъ намѣреніе съ помощью ея обезпечить себѣ существованіе, пріобрѣтаетъ свою хозяйственную сторону». Изъ этого замѣчанія видно, въ какой мѣрѣ Schmoller—при томъ не только съ точки зрѣнія историческаго развитія жизни, но и въ самомъ опредѣленіи—конкретизировалъ понятіе хозяйственной дѣятельности, такъ что утратился или значительно стушевался самый теоретическій характеръ опредѣленія понятія. Но и помимо этого вышеизложенное опредѣленіе народнаго хозяйства представляетъ существенные недочеты. Прежде всего, отправное воззрѣніе на народную жизнь въ цѣломъ теоретически недостаточно разработано; въ связи съ этимъ техническая сторона ея совмѣщается съ природными условіями жизни людей, хозяйственная сторона жизни совершенно обособлена отъ другихъ по ея объективному содержанію, а не отграничена отъ нихъ по ближайшимъ началамъ дѣятельности[1]; перечень видовъ хозяйственной дѣятельности доведенъ до такихъ подробностей, какъ указаніе стирки и чистки, но объемъ понятія хозяйственныхъ услугъ остается все же точно не выясненнымъ. Понятія общественной жизни и культуры примѣняются независимо, вопреки тождеству ихъ, въ которомъ первое имѣетъ болѣе субъективно-конкретный оттѣнокъ и второе—болѣе отвлеченный. Какъ высказывается Schmoller, «въ весьма распространенномъ выраженіи: культура геній языка образовалъ понятіе, которое вполнѣ намѣренно представляется на половину техническимъ и хозяйственнымъ, на половину моральнымъ и политическимъ»[2]. Остается также неопредѣленнымъ положеніе техники, относительно которой не устанавливается, что она представляетъ собою одну изъ отраслей или сторонъ культуры. По замѣчанію его, «техника представляетъ лишь очень важное промежуточное звено между двумя главными рядами народнохозяйственныхъ причинъ: чисто естественными (климатъ, физіологическая природа человѣка, флора, фауна и пр.) и духовно-нравственными. Эти группы причинъ

[1]) См. также: Abs. 20 S. 38.
[2]) Abs. 86 S. 231.

находятся во взаимодѣйствіи, но ни одна изъ нихъ не господствуетъ надъ другими»[1]. Но, вопреки этому мнѣнію, и оба эти рода причинъ не могутъ быть признаны народнохозяйственными. Въ своемъ довольно подробно разработанномъ ученіи о человѣческихъ мотивахъ[2] Schmoller опредѣляетъ мотивъ, или стимулъ (Trieb), какъ «органическое, исходящее отъ нашихъ чувствованій и опредѣленныхъ представленій раздраженіе къ дѣятельности. Онъ есть естественная основа того, что путемъ воспитанія и пріучиванія, упражненія и тренировки становится культурной привычкой. Все человѣческое воспитаніе стремится этизировать мотивы и въ извѣстномъ смыслѣ возвести ихъ въ добродѣтели; но мотивы современнаго поколѣнія суть уже результатъ воспитательной дѣятельности тысячелѣтій». Schmoller подвергаетъ затѣмъ изслѣдованію стимулы самосохраненія и половой, также стимулъ дѣятельности, признанія и соперничества, и затѣмъ—стимулъ пріобрѣтенія. Въ связи съ этимъ послѣднимъ Schmoller трактуетъ также вопросъ о хозяйственныхъ добродѣтеляхъ, къ которымъ онъ относитъ трудолюбіе и хозяйственность, слагающуюся изъ усердія, любви къ порядку, терпѣнія, упорства и въ особенности—бережливости. Впрочемъ уже въ началѣ своего труда Schmoller даетъ опредѣленіе: «Добродѣтель хозяйственности есть планомѣрно расчитывающая, мудро достигающая наивысшаго успѣха съ наименьшими средствами человѣческая дѣятельность, направлена ли она прямо къ хозяйственнымъ или инымъ цѣлямъ»[3]. Кратко отмѣченное здѣсь ученіе о стимулахъ основано на смѣшеніи въ одну массу физіологическихъ инстинктовъ, каковы инстинкты самосохраненія, жизнедѣятельности и половой инстинктъ, основныхъ соціальныхъ принциповъ, вытекающихъ изъ противопоставленія или, лучше, сопоставленія индивида и общества въ народной жизни, и производныхъ соціальныхъ мотивовъ, какъ мотивы признанія и пріобрѣтенія. Наконецъ, хотя и съ существенными оговорками и не безъ противорѣчія въ формулировкѣ,

[1]) S. 230.
[2]) Abs. 13—22 S. 26—41.
[3]) S. 3.

G. Schmoller принимаетъ идею народнохозяйственныхъ и статистическихъ законовъ, при чемъ разумѣетъ подъ ними «т. н. эмпирическіе законы, причинныя отношенія которыхъ либо еще вовсе не открыты или, по крайней мѣрѣ, еще не измѣрены количественно. Дѣйствительныхъ законовъ, т. е. причинныхъ отношеній, постоянный образъ дѣйствія которыхъ мы не только знаемъ, но и количественно опредѣлили, знаетъ и естествовѣдѣніе лишь немного». «Конечный единый законъ проявленія народнохозяйственныхъ силъ не существуетъ и не можетъ существовать; совокупный результатъ народнохозяйственныхъ причинъ извѣстной эпохи и народа есть всегда индивидуальная картина, которую мы объясняемъ изъ національнаго характера и исторіи при помощи общихъ народнохозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ истинъ, но далеко не сполна можемъ свести къ ея причинамъ. Относительно совокупнаго развитія экономическихъ отношеній людей мы располагаемъ только лишь попытками, гипотетическими положеніями и телеологическими разсмотрѣніями. Но мы стоимъ на твердой почвѣ по отношенію къ многочисленнымъ элементамъ, изъ которыхъ образуются народныя хозяйства отдѣльныхъ странъ и эпохъ. Наиболѣе общее, какъ наиболѣе сложное, остается всегда наиболѣе сомнительнымъ; исходя же отъ единичнаго, мы идемъ впередъ. Болѣе простыя соединенія мы уразумѣваемъ, развитію отдѣльныхъ сторонъ можемъ дать довольно полное причинное объясненіе, исторію отдѣльныхъ хозяйственныхъ институтовъ мы постигаемъ взоромъ»[1].

Приведенныя сейчасъ выдержки, несмотря на то, что авторъ ихъ посвящаетъ лишь немного мѣста обсуждаемому въ нихъ вопросу, представляютъ однако важность, какъ характеризующія гносеологическія воззрѣнія автора. Исходное убѣжденіе его сводится къ тому, что вся жизнь человѣчества опредѣляется причинными отношеніями, которыя однако не поддаются строго закономѣрному познанію вслѣдствіе чрезвычайной сложности и индивидуальнаго разнообразія отдѣльныхъ совокупностей соціальной жизни. Отсюда обращеніе къ такому причинному объясненію отдѣльныхъ частей цѣлаго, ко-

[1]) Abs. 46 S. 109 f.

торое, должно признать, оказывается возможнымъ и болѣе или менѣе успѣшнымъ лишь вслѣдствіе неизбѣжно-произвольнаго опредѣленія ихъ. Такое причинное изслѣдованіе по частямъ ведетъ къ методологическому или и гносеологическому атомизму и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ по существу своего рода contradictio in adjecto. Schmoller игнорируетъ при этомъ то обстоятельство, что индивидуальныя цѣлыя могутъ составиться лишь изъ индивидуально различныхъ элементовъ и что, стало быть, и эти послѣдніе не допускаютъ причинно-типическаго опредѣленія ихъ, хотя бы при попыткахъ этого рода погрѣшности и не могли проявиться въ томъ крупномъ масштабѣ, какъ относительно цѣлаго. Наконецъ, какъ мы видѣли и выше, отсутствуетъ необходимое при этомъ точное констатированіе тѣхъ многочисленныхъ силъ и соотношеній, которыя бы можно было признать элементами, изъ которыхъ образуется цѣлое. Schmoller не высказывается при томъ по существу о научномъ значеніи телеологическаго разсмотрѣнія, которое, будучи обращено къ фактамъ, даетъ хотя бы и не всеобъемлющіе, но положительные научные результаты безъ всякаго насилованія изслѣдуемыхъ явленій соціальной жизни, исходя изъ наиболѣе существеннаго момента въ личной и соціальной жизнедѣятельности людей.

Въ новѣйшей переработкѣ своей статьи о народномъ хозяйствѣ, народнохозяйственной наукѣ и методологіи G. Schmoller признаетъ завершеніе своихъ методологическихъ воззрѣній и ихъ печатнаго изложенія[1]. Какъ бы подводя здѣсь итогъ своимъ методологическимъ изысканіямъ, Schmoller характеризуетъ здѣсь свое направленіе и свои выводы въ отношеніи ихъ, при чемъ довольно подробно высказывается о характерѣ науки о народномъ хозяйствѣ, объ отношеніяхъ между нею и другими науками, о методологическомъ значеніи каузальнаго и телеологическаго объясненія, а равно и сужденій оцѣнки, и о научныхъ законахъ и закономѣрности. Наукѣ о народномъ хозяйствѣ отводится здѣсь мѣсто посреди между прикладными естественными науками, какъ технологія, механика,

[1]) Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode. Handw. d. Staatswiss. 3 Aufl. B. VIII. S. 426—501.

агрономія, наука о лѣсномъ хозяйствѣ, а также антропологія, этнографія, климатологія, географія растеній и животныхъ, съ одной стороны и важнѣйшими духовными науками—психологіей, этикой, науками о государствѣ, правѣ и обществѣ съ другой. Это мотивируется тѣмъ, что «народное хозяйство есть одновременно отчасти формулированіе природы человѣкомъ, отчасти же формулированіе культуры чувствующимъ, мыслящимъ, дѣйствующимъ, организованнымъ обществомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Schmoller отрицаетъ реальное значеніе «неяснаго понятія хозяйственности, которое въ итогѣ означаетъ лишь раціональную дѣятельность».

Но и съ указаннымъ промежуточнымъ мѣстомъ науки о народномъ хозяйствѣ и съ своеобразнымъ раздѣленіемъ функцій и свойствъ между человѣкомъ и обществомъ невозможно, конечно, согласиться.

Schmoller отмѣчаетъ далѣе противоположность общей и спеціальной политической экономіи, при чемъ приписываетъ первой философско-соціологическій и дедуктивный характеръ и относитъ къ ея задачамъ раскрытіе причинъ и типовъ, статическое и динамическое изображеніе, второй же—историческій и камеральный (praktisch-verwaltungsrechtlich), а также описательный характеръ и этическое и телеологическое направленіе. Такая противоположность двухъ частей одной науки едва ли однако можетъ быть мыслима, да и не проводится самимъ авторомъ въ его Grundriss'ѣ. Въ отношеніи къ методамъ Schmoller высказывается противъ полнаго разъединенія ихъ между естественными и духовными, или культурными науками. Возражая лишь противъ того, чтобы дѣлать изъ нея чисто естественную науку, онъ утверждаетъ, что «наука о народномъ хозяйствѣ принадлежитъ во всякомъ случаѣ къ тѣмъ наукамъ, которыя должны, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, примѣнять методы естественныхъ и духовныхъ наукъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, «естественнонаучные и математическіе методы представляютъ по многимъ народнохозяйственнымъ вопросамъ необходимое вспомогательное средство, психологическіе же необходимы для всѣхъ духовныхъ наукъ». Это объясняется тѣмъ, что чѣмъ сложнѣе область извѣстной науки, тѣмъ необходимѣе, чтобы болѣе про-

стыя входящія сюда явленія изслѣдовались съ помощью соотвѣтствующихъ методовъ. Но что именно должно понимать подъ этими многочисленными и разнообразными методами, если только не условное обозначеніе извѣстныхъ точекъ зрѣнія, извѣстныхъ причинныхъ объясненій, заимствованіе которыхъ изъ иныхъ наукъ обусловливается отсутствіемъ точнаго отграниченія этихъ послѣднихъ? Въ основу своего изложенія политической экономіи Schmoller кладетъ изслѣдованіе и установленіе причинныхъ соотношеній и этическую точку зрѣнія. Но первыя имѣютъ объективный характеръ, вторая—соціально-субъективный, при чемъ то и другое по существу чужды хозяйственной области. Такая комбинація, очевидно, не можетъ быть особенно плодотворной для теоретической разработки нашей науки. Полное познаніе системы причинныхъ зависимостей (Verursachungen) Schmoller признаетъ конечной цѣлью научной дѣятельности. При этомъ онъ приходитъ къ тому «простому заключенію, что наука о народномъ хозяйствѣ необходимо должна принимать въ соображеніе естественныя и духовныя причины, что тамъ, гдѣ иныя науки доставляютъ ей уже для ея цѣлей научно обработанныя причины, она ихъ используетъ, гдѣ этого нѣтъ, сама предпринимаетъ изслѣдованіе или же возобновляетъ его тамъ, гдѣ иныя науки оставили его. Такимъ образомъ, дѣло идетъ о трудной двойственной задачѣ привлечь физическія и органическія причины хозяйственной жизни съ одной стороны и психическія съ другой, какъ двѣ самостоятельныя группы причинъ, и при томъ каждую изъ нихъ особо и затѣмъ обѣ въ ихъ взаимодѣйствіи». Оставляя въ сторонѣ вопросъ о способахъ и средствахъ психическаго причиненія, Schmoller утверждаетъ, «что мы имѣемъ дѣло съ двумя самостоятельными системами причиненія, изъ которыхъ каждая, слѣдуя своимъ собственнымъ законамъ, требуетъ и допускаетъ самостоятельное изслѣдованіе зависимостей». Между «естественными и психическими причинами хозяйственныхъ явленій» предполагается противоположность, проявляющаяся въ томъ, «что первыя дѣйствуютъ механически, послѣднія—по законамъ психической мотивації». Но какъ въ одномъ, такъ и въ дру-

гомъ отношеніи «строгая каузальность» признается необходимымъ предположеніемъ наукъ объ обществѣ и о народномъ хозяйствѣ. Независимо отъ разрѣшенія спора между детерминизмомъ и началомъ свободы воли, «внѣ общаго закона достаточныхъ причинъ не существуетъ науки, также и въ области духовной жизни. Но причины психическихъ явленій существенно иныя, нежели механическихъ; ихъ конечные принципы еще такъ мало выяснены, что практическія науки, какъ наука о народномъ хозяйствѣ, оставляя этотъ споръ этикѣ и психологіи, принуждены продолжать свой путь психологическаго и иного детальнаго изслѣдованія, не заблуждаясь въ этомъ, изслѣдуя, каждая на ряду съ прочими, среднихъ людей, равно какъ и необыкновенныхъ въ ихъ существѣ, въ ихъ обусловленности и ихъ дѣйствіяхъ». Допуская, что изъ основныхъ группъ причинъ оказываются преобладающими то физическія и біологическія, то психическія, Schmoller заключаетъ, что «съ ростомъ культуры, все важнѣе становятся психико-этическія причины, и несовершенство болѣе ранней политической экономіи находится въ зависимости отъ того, что она игнорировала эту болѣе значительную и болѣе важную половину причинъ».

Въ дѣйствительности, однако, болѣе ранняя политическая экономія не игнорировала психическихъ и этическихъ факторовъ, а только развѣ односторонне и въ условномъ освѣщеніи представляла ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лишь категорическое противопоставленіе активнаго проявленія воли людей и пассивнаго характера природы можетъ разсматриваться, какъ существенная поправка въ точкѣ зрѣнія по сравненію съ старымъ направленіемъ. Значеніе этого противопоставленія иллюстрируется въ постепенно измѣняющемся соотношеніи силъ человѣка и природы въ производствѣ. Но то же имѣетъ мѣсто и во всѣхъ вообще проявленіяхъ культурной дѣятельности людей. Отсюда вытекаетъ необходимость и гносеологическаго различенія естественныхъ причинъ и человѣческихъ цѣлей. Пассивное же дѣйствіе психическихъ и этическихъ причинъ свойственно въ извѣстной мѣрѣ низшимъ живымъ существамъ и находитъ себѣ проявленіе въ прирожденныхъ и иногда

искусственно развитыхъ въ нихъ инстинктахъ.

Самъ Schmoller занялъ въ этомъ отношеніи по существу неблагодарную, хотя и способствующую сохраненію всего накопленнаго научнаго матеріала, позицію примирителя двухъ противоположныхъ и, можно сказать, взаимоисключающихся научныхъ воззрѣній—дѣлая безуспѣшную попытку совмѣстить строгую причинность и закономѣрность съ принятіемъ во вниманіе человѣческихъ цѣлей и отнесеній къ цѣнности[1]. Вмѣстѣ съ указанной выше строгой причинностью того и другого рода Schmoller принимаетъ также «закономѣрную необходимость одинаковыхъ слѣдствій изъ одинаковыхъ причинъ» по отношенію къ разсматриваемымъ массовымъ явленіямъ. «И можно сказать», утверждаетъ онъ, «что эта необходимость въ области народнохозяйственной дѣятельности на столько значительно больше, нежели въ другихъ духовныхъ областяхъ, что словоупотребленіе пришло къ тому, чтобы говорить гораздо болѣе о народнохозяйственныхъ, нежели о соціальныхъ, эстетическихъ, политическихъ, историческихъ законахъ. Это словоупотребленіе на столько всеобщее, что его нельзя устранить. Мы не располагаемъ другимъ подходящимъ выраженіемъ для характеристики этой необходимости. Также и указаніе на иной характеръ естественныхъ законовъ не принуждаетъ поэтому къ упраздненію понятія закона въ нашей наукѣ, ибо и многіе естественные законы имѣютъ эмпирическій характеръ, указываютъ лишь тенденціи, не имѣютъ совершеннаго характера, въ практической дѣйствительности воспроизводятъ большею частью не абсолютно строгое однообразіе явленій. Никакое животное, никакое дерево не повторяются въ абсолютно одинаковой формѣ; какимъ образомъ должны человѣческіе индивиды, событія и состоянія повторяться вполнѣ точно? Но правильности, повторяемость типическихъ формъ мы находимъ въ области нашей науки наиболѣе всеобъемлющимъ образомъ; наши законы мышленія принуждаютъ насъ признать эту повторяемость въ связи съ опредѣленно очерченными, имѣющими одно значеніе причинами, обозначая ее,

[1]) Ср.: М. А. Сириновъ. Политическая экономія какъ наука. В. II. Стр. 79 и сл.

какъ законы». Въ отношеніи къ развитію отдѣльныхъ спеціальныхъ отраслей народнаго хозяйства и особенно совокупности его Schmoller находитъ возможнымъ положительно говорить лишь о «закономѣрномъ развитіи сходныхъ историческихъ рядовъ, но не болѣе. Мы, конечно, тѣмъ самымъ еще не отказываемся отъ надежды позже подвинуться значительно дальше, нежели теперь; мы не теряемъ при этомъ нашей вѣры, что все въ мірѣ происходитъ по причинамъ и законамъ, ни, тѣмъ болѣе, надежды пріобрѣсти въ нашихъ познаніяхъ извѣстныя вѣроятности рядовъ будущаго развитія». Выдвигая въ такой степени объективный порядокъ вещей, съ другой же стороны—отмѣчая господство телеологіи въ примитивномъ научномъ мышленіи людей и неизбѣжность субъективнаго оттѣнка въ телеологическихъ сужденіяхъ, Schmoller отвергаетъ мнѣніе Stammler'a, «что тамъ, гдѣ мы имѣемъ предъ собой цѣли дѣйствующихъ людей, причинное изслѣдованіе и отысканіе законовъ исключены», и даетъ противорѣчиво высокую оцѣнку телеологическаго изслѣдованія: «Въ ихъ [духовныхъ наукъ] наиболѣе общихъ и высшихъ вопросахъ, эмпирическая разрѣшимость которыхъ оспаривается, выступаютъ телеологическія сужденія, какъ предположенія, гипотезы, надежды и вѣроятія. Повсюду, гдѣ удается представить индивидовъ и духовныя общенія, какъ цѣлое, какъ единицы, становятся цѣлеполаганіе и дѣятельность людей и человѣческихъ обществъ по цѣлямъ, идеаламъ, преднамѣреннымъ дѣйствіямъ, телеологическія изслѣдованія, не только допустимымъ, но и главнымъ предметомъ научнаго изслѣдованія». Сюда же пріурочивается, при томъ по методологическимъ соображеніямъ, отнесеніе къ цѣнностямъ, играющимъ впрочемъ и съ практической точки зрѣнія руководящую роль въ гносеологической системѣ Schmoller'a: «Чѣмъ болѣе усложняются духовные, соціальные, хозяйственные процессы, тѣмъ менѣе удается вполнѣ выяснить причины явленій, свести ихъ къ законамъ психологическимъ или инымъ, научно представить ихъ въ ихъ совокупности и во всѣхъ частностяхъ. Мы можемъ представить въ нихъ лишь болѣе существенное путемъ нѣкотораго отбора. И это происходитъ, какъ правильно говорятъ Rickert и Weber, чрезъ

отнесеніе важнаго къ культурнымъ цѣнностямъ, къ нравственнымъ цѣнностямъ; это происходитъ чрезъ отысканіе длительно или постоянно дѣйствующаго, выдающагося по его своеобразію».

W. Lexis касается трактуемыхъ здѣсь вопросовъ въ своей статьѣ о сущности культуры[1] и въ своемъ «Общемъ ученіи о народномъ хозяйствѣ»[2]. Культуру онъ опредѣляетъ, какъ возвышеніе человѣка надъ естественнымъ состояніемъ чрезъ развитіе и упражненіе его духовныхъ и нравственныхъ силъ —путемъ совмѣстной дѣятельности многихъ внутри человѣческаго общества[3]. Въ культурѣ онъ различаетъ много сторонъ, возникновеніе которыхъ нѣсколько схоластически сводитъ къ соотвѣтствующимъ духовнымъ способностямъ человѣка; онъ указываетъ хозяйственную культуру, правовую и общественную, техническую, научную, художественную, нравственную, и религіозную[4]. Понятію культурныхъ благъ дается ограничительное значеніе идеальныхъ пріобрѣтеній человѣчества, въ соотвѣтствіи съ подобнымъ же воззрѣніемъ его, что «культура проявляется въ умственной организаціи индивидовъ, въ томъ, что они могутъ и знаютъ, въ ихъ чувствованіяхъ и желаніяхъ и въ строѣ ихъ отношеній»[5]. Первоначальнымъ состояніемъ людей Lexis признаетъ ту первобытную культуру, которую можно встрѣтить у наиболѣе низко стоящихъ дикихъ племенъ, ибо, въ противоположность звѣрямъ, человѣкъ не можетъ существовать безъ извѣстныхъ вспомогательныхъ средствъ, пріобрѣтаемыхъ благодаря его умственнымъ силамъ[6]. При опредѣленіи науки о народномъ хозяйствѣ Lexis исходитъ изъ понятія хозяйства, т. е. «урегулированной дѣятельности и попеченія человѣка относительно постояннаго полученія и цѣлесообразнаго использованія благъ, служащихъ къ удовлетворенію его потребностей[7]. Что касается отношенія между хозяйственной стороной и общественной жизнью, то Lexis

[1]) Das Wesen der Kultur. (Die Kultur der Gegenwart. T. I. Abt. I. 1906).
[2]) Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 1910.
[3]) Wesen der Kultur, S. 1.
[4]) S. 2 f.
[5]) S. 3.
[6]) S. 19.
[7]) Allgem. Volkswirtschaftslehre. S. 2.

формулируетъ его въ томъ смыслѣ, что «удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей хотя и даетъ общественной жизни ея матеріальную основу, но отнюдь не все историческое и культурное содержаніе ея». Онъ различаетъ потребности хозяйственныя и внѣхозяйственныя, при чемъ относитъ ко вторымъ внутреннія потребности, не удовлетворяемыя внѣшними средствами, потребности, которыя не могутъ быть удовлетворены ни чрезъ обмѣнъ ни путемъ принужденія, нравственныя потребности, побуждающія человѣка къ самымъ тяжелымъ жертвамъ ради осуществленія извѣстныхъ нравственныхъ идеаловъ, далѣе идеальныя потребности общественнаго характера —на пользу другихъ и именно на пользу государства, народа или всего человѣчества. «Но и внѣхозяйственныя потребности могутъ вести къ расходованію хозяйственныхъ благъ и чрезъ то косвенно вызывать также и хозяйственныя потребности»[1]. Но уже изъ того, что хозяйство есть одна изъ сторонъ жизни, можно заключить, что указываемая Lexis'омъ возможность, т. ск., параллелизма между хозяйственными и внѣхозяйственными потребностями представляетъ общее правило и что лишь въ видѣ изъятій имѣются потребности внѣхозяйственныя, не сопровождаемыя также и хозяйственными. По вопросу о научной закономѣрности хозяйственнаго развитія Lexis такое предположеніе допускаетъ лишь въ смыслѣ противопоставленія ея чисто случайной смѣнѣ состояній и въ смыслѣ утвержденія, что отдѣльныя фазы этого развитія связаны между собою причинностью, вытекающей изъ мотивированной человѣческой дѣятельности[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Lexis приписываетъ основоположное значеніе въ научной системѣ причинной точкѣ зрѣнія, съ разсматриваніемъ совокупнаго хозяйственнаго процесса, какъ массоваго явленія, и съ устраненіемъ индивидуально-субъективныхъ моментовъ въ цѣляхъ выдѣленія простого причиннаго отношенія. «Чрезъ это причинное разсматриваніе народнохозяйственныхъ фактовъ становится возможнымъ свести ихъ къ общимъ положеніямъ, образующимъ въ своей совокупности теорію народнаго хозяйства». Изъ того же, что

[1]) S. 14 f.
[2]) S. 22.

массовыя хозяйственныя явленія, въ извѣстной мѣрѣ независимыя отъ воли индивидовъ, все-таки проистекаютъ изъ человѣческой дѣятельности, Lexis дѣлаетъ тотъ выводъ, что они подлежатъ въ ихъ совокупности этической оцѣнкѣ[1]. Такимъ образомъ, принявъ механическую точку зрѣнія на хозяйственную жизнь, Lexis какъ бы восполняетъ ее этической оцѣнкой, но игнорируетъ аналогичную послѣдней и принадлежащую къ существу хозяйственной жизнедѣятельности экономическую оцѣнку. Но и этическую точку зрѣнія авторъ не проводитъ вполнѣ, такъ какъ преобладающимъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности въ современныхъ условіяхъ онъ признаетъ собственный интересъ[2].

47. Новѣйшая экономическая литература, представленная учениками и младшими современниками вышепоименованныхъ экономистовъ заключаетъ въ себѣ подобныя же попытки опредѣленія хозяйства, какъ отрасли или стороны общей культурной жизни. Сюда принадлежитъ Stanislaus Grabski со своимъ гносеологическимъ изслѣдованіемъ политической экономіи[3]. Онъ исходитъ изъ понятія общества, разумѣя подъ нимъ организацію индивидовъ, какъ единицъ высшаго цѣлаго, или же, въ другомъ опредѣленіи, систему постоянныхъ, длящихся взаимоотношеній людей и цѣлыхъ группъ ихъ[4]. Но такъ какъ «народнохозяйственныя явленія представляютъ лишь особую отрасль общественной жизни», то должны быть найдены спеціальные признаки, обособляющіе ихъ отъ иныхъ соціальныхъ отношеній[5]. Такой признакъ предполагается въ томъ, что «народное хозяйство имѣетъ свою собственную специфическую задачу обезпеченія матеріальныхъ потребностей народовъ, заключающагося въ доставленіи какъ вещественныхъ благъ, такъ и матеріальныхъ услугъ». Приведя также рядъ примѣровъ обмѣна различныхъ услугъ на вещественныя блага, Grabski указываетъ, что народнохозяйственный моментъ во всѣхъ этихъ

---

1) S. 15 f.
2) S 15.
3) Zur Erkenntnislehre der volkswirtschaftlichen Erscheinungen. 1900.
4) S. 30.
5) S. 32.

процессахъ заключается лишь въ услугѣ, т. е. извѣстной матеріальной дѣятел ности и въ обмѣнѣ ея на вещественныя потребительныя средства, а не въ культурныхъ результатахъ и не въ идеальныхъ мотивахъ, побуждающихъ обратиться къ той или иной профессіи[1]. Это опредѣленіе народнаго хозяйства, на нашъ взглядъ представляется однако неудачнымъ, такъ какъ оно одинаково могло бы относиться, напримѣръ, къ техникѣ и такъ какъ оно не объемлетъ тѣ интересы, которые не получаютъ конкретнаго выраженія въ опредѣленныхъ вещественныхъ объектахъ и тѣмъ не менѣе имѣютъ выдающееся значеніе въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній. То обстоятельство, что хозяйственныя отношенія зависятъ отъ различныхъ идеальныхъ соображеній, Grabski объясняетъ тѣмъ, что «народнохозяйственная жизнь находится въ близкомъ, непосредственномъ отношеніи къ этической, эстетической, интеллектуальной, соціальной, политической и религіозной жизни народовъ,—однимъ словомъ, представляетъ продуктъ общаго культурнаго развитія народовъ». По выраженію Грабскаго, «народнохозяйственныя явленія находятся, стало быть, какъ и всѣ прочія соціальныя функціи, въ отношеніи подчиненія къ общественному цѣлому, высшая цѣль котораго—обезпеченіе націи свободнаго развитія ея индивидуальности—представляетъ главный критерій, которымъ они направляются въ ихъ спеціальныхъ стремленіяхъ». Grabski приходитъ такимъ образомъ къ заключенію, что «правильное опредѣленіе народнохозяйственныхъ явленій съ одной стороны должно выражать связь національноэкономической жизни съ прочими отраслями общественной дѣятельности народовъ, съ другой же—самостоятельность народнохозяйственной эволюціи въ рамкахъ, опредѣляемыхъ общимъ ходомъ культуры, такъ какъ политическая экономія обладаетъ собственной, рѣзко отграниченной областью, заимствуя лишь свои смежныя понятія (Grenzbegriffe) у другихъ соціальныхъ наукъ»[2]. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Grabski даетъ впрочемъ уже иной оттѣнокъ своему опредѣленію политической экономіи: «Національная экономія есть духов-

[1]) S. 34 ff.
[2]) S. 35 ff.

ная наука (Geisteswissenschaft), народное хозяйство есть продуктъ духовной жизни; поэтому факторы народнохозяйственныхъ явленій должно искать въ духовныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ, развивающихся по общимъ законамъ и правиламъ психической жизни. Естественно-техническія явленія принимаются здѣсь во вниманіе лишь по столько, по сколько они представляютъ объекты нашихъ сужденій. Что однако мы о нихъ высказываемъ, не зависитъ ни отъ свойствъ матеріальныхъ тѣлъ, ни отъ ихъ взаимныхъ отношеній, ни отъ дѣйствія на нихъ нашего труда, но единственно и только отъ нашихъ матеріальныхъ потребностей, свойственныхъ намъ, какъ соціальнымъ единицамъ»[1].

Здѣсь заключается скрытое противорѣчіе между духовнымъ понятіемъ политической экономіи и народнаго хозяйства и матеріальностью потребностей. Вопросъ о соотношеніи духовнаго и матеріальнаго представляется, по меньшей мѣрѣ, столь же трудно разрѣшимой проблемой, какъ и вопросъ о квадратурѣ круга. Вносить этотъ вопросъ въ опредѣленіе политической экономіи представляется поэтому неумѣстнымъ. Grabski упускаетъ изъ вида, что при всей духовности отдѣльныхъ отраслей соціальной жизни, онѣ могутъ получить соціальное выраженіе лишь въ болѣе или менѣе матеріальной формѣ; стало быть, не только хозяйственныя явленія, но и всѣ вообще соціальныя явленія представляются, по терминологіи Грабскаго, матеріальными, а специфическая особенность хозяйственныхъ явленій оказывается не уловленной его опредѣленіемъ.

Grabski даетъ также общее опредѣленіе соціальныхъ наукъ, «какъ ученій о необходимыхъ формахъ актовъ сознанія, направленныхъ на взаимоотношенія людей по поводу ихъ объективныхъ (т. е. обусловленныхъ цѣлями соотвѣтствующихъ обществъ) стремленій». Онъ характеризуетъ эти соціальныя науки и въ частности науку о народномъ хозяйствѣ, какъ 1) «самостоятельныя науки, обладающія самостоятельными областями ихъ изслѣдованія», 2) «конкретныя науки», и 3) «теоретическія науки, которыя могутъ свести причинное объясненіе ихъ объектовъ изслѣдованія къ законамъ

[1]) S. 102.

болѣе общей и менѣе сложной сферы явленій и установленныя такимъ путемъ причинныя отношенія представить, какъ необходимыя слѣдствія существа соотвѣтствующихъ феноменовъ», подъ коими онъ разумѣетъ экономическія понятія, факты и установленія. Въ качествѣ необходимой основы соціальной, равно какъ и біологической, жизни Grabski указываетъ понятіе цѣли, «съ тѣмъ лишь, чтобы затѣмъ дать ему причинное объясненіе съ помощью гипотезы механически дѣйствующаго приспособленія къ условіямъ борьбы за существованіе»[1]. Такимъ образомъ, Grabski строитъ понятіе соціальной жизни и соціальныхъ взаимоотношеній, какъ и біологической жизни, на началѣ цѣлевой причины (causa finalis) и игнорируя начало свободнаго самоопредѣленія индивидовъ и обществъ въ цѣломъ.

Представляетъ особенно выдающійся интересъ то, что авторъ высказываетъ о т. н. имъ народнохозяйственныхъ феноменахъ. Grabski приписываетъ послѣднимъ правильность и извѣстную связь между всѣми ими и на этомъ именно и основываетъ опредѣленіе народнаго хозяйства. Въ противоположность отмѣченному выше матеріалистическому представленію о хозяйственной сторонѣ соціальной жизни, онъ признаетъ, что мы разсматриваемъ народнохозяйственные феномены не только какъ отношенія людей, но и какъ свойства благъ и наши отношенія къ нимъ, при чемъ указываетъ, что это суть соціальныя, а не матеріальныя свойства благъ, выраженія нашихъ соціальныхъ, а не матеріальныхъ отношеній къ нимъ[2]. Изъ относимыхъ имъ къ народнохозяйственнымъ феноменамъ понятій, фактовъ и установленій, Grabski опредѣляетъ первыя, какъ основныя и общезначимыя народнохозяйственныя понятія, которыя имѣютъ своимъ источникомъ тождество нашихъ формъ сужденій, представляютъ рядъ объективированныхъ формъ сужденія о благахъ и услугахъ и служатъ исходнымъ пунктомъ всей нашей народнохозяйственной жизни и которыя мы дѣлаемъ критеріями нашихъ хозяйственныхъ сужденій и стремленій въ силу того, что убѣждены

[1]) S. 125 f.
[2]) S. 23, 25, 37.

въ ихъ объективной, признанной всѣми нашими согражданами, правильности[1]. Къ этимъ понятіямъ отнесены цѣнность, капиталъ, процентъ, рента, богатство. Grabski опредѣляетъ эти понятія также, какъ «общія формы сужденій для всѣхъ сочленовъ общества». Эти понятія «не суть результаты нашего личнаго опыта; они образуютъ скорѣе постоянныя составныя части нашей національной культуры, которую мы пріобрѣтаемъ не собственными силами, но получаемъ готовыми отъ общества безъ нашего содѣйствія, которая намъ навязывается помимо нашихъ воли и вѣдома. Такъ какъ они суть не результаты, но апріорные критеріи индивидуальныхъ хозяйственныхъ стремленій, имѣющіе своими результатами народнохозяйственные факты, то эти индивидуальныя стремленія никоимъ образомъ не могутъ быть признаны частнохозяйственными». «И настоящая причина того, что различные индивиды, несмотря на эти различія, координируются въ одно органическое цѣлое, заключается не въ природѣ этихъ соединеній, но въ общезначимости національноэкономическихъ понятій, по отношенію къ которымъ въ остальномъ разнородные индивиды одинаковы»[2]. Ко второму разряду феноменовъ Grabski относитъ конкретные народнохозяйственные факты, имѣющіе въ своей основѣ опредѣленныя выше понятія и представляющіе «результатъ соглашенія нашихъ собственныхъ хозяйственныхъ стремленій съ таковыми другихъ хозяйствующихъ людей». «Независимо отъ ихъ естественной основы, именно отъ основныхъ народнохозяйственныхъ понятій, народнохозяйственные факты представляютъ . . . . массу единичныхъ фактовъ, причинныя отношенія которыхъ почти невозможно опредѣлить, такъ какъ они никогда не наступаютъ вновь въ той же формѣ и при тождественныхъ обстоятельствахъ»[3]. Двумъ указаннымъ разрядамъ феноменовъ Grabski въ извѣстной степени противопоставляетъ третій, именно народнохозяйственныя установленія. Онъ видитъ въ нихъ средство къ предупрежденію распаденія общественнаго единства, заключающееся въ подчиненіи индивида обществу. «Мы

[1]) S. 75, 96.
[2]) S. 80 f.
[3]) S. 80 ff., 96.

подчиняемся имъ не потому, что они суть общепризнанныя, объективно значимыя истины или соотвѣтствуютъ нашимъ личнымъ потребностямъ, но исключительно потому, что они санкціонированы и обезпечены государствомъ, церковью, общиной, классомъ, къ которымъ мы принадлежимъ или хотя бы и общественнымъ мнѣніемъ — короче, какой-либо организаціей высшаго порядка»[1].

Вышеприведенныя воззрѣнія заключаютъ въ себѣ тотъ существенный недостатокъ, что понятія и установленія разъединены и даже противопоставлены, тогда какъ съ первыми поставлены рядомъ конкретные факты. Введеніе послѣднихъ въ научную классификацію на ряду съ общими понятіями не имѣетъ вообще за себя никакихъ основаній. Приводимыя же авторомъ, въ качествѣ основныхъ экономическихъ понятій, цѣнность, капиталъ, процентъ и т. п. представляютъ собою равнымъ образомъ и экономическія установленія. Разъединеніе основныхъ понятій и установленій хозяйственной жизни представляется логически недопустимымъ. Развѣ только нѣкоторыя чисто теоретическія понятія, не получившія общаго признанія и практическаго значенія, какъ таковыя, могутъ и не быть вмѣстѣ съ тѣмъ установленіями. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что есть также и сложныя основныя понятія и установленія, представляющія въ сущности группу болѣе простыхъ понятій и установленій. Такой характеръ имѣетъ понятіе-установленіе капитала. Противопоставленіе было бы возможно скорѣе между установленіями и общими принципами, но съ послѣдними отнюдь нельзя смѣшивать основныя понятія. Эти существенныя погрѣшности, вмѣстѣ съ указываемой ниже, умалили цѣнность изложенія по существу замѣчательной идеи о сущности экономическаго строя.

Въ связи съ своей теоріей народнохозяйственныхъ феноменовъ Grabski довольно близко подходитъ къ вѣрному пониманію присущей народному хозяйству правильности. «Правильность (Regelmässigkeit) экономическихъ фактовъ основывается единственно и исключительно на томъ, что они находятся въ опредѣленномъ отношеніи къ основнымъ понятіямъ.

[1]) S. 82 ff., 96.

Ибо постоянное и правильное соединеніе разнородныхъ элементовъ возможно лишь тогда, если они сходны, т. е. въ какомъ-либо отношеніи одинаковы. И однако, одинаковость хозяйствующихъ людей можно подмѣтить лишь въ отношеніи къ наиболѣе общимъ формамъ ихъ сужденій, которыя въ ихъ сознаніи объективируются въ общезначимыя народнохозяйственныя понятія цѣнности, капитала, процента, ренты и т. д.»[1]. Подобный же характеръ имѣетъ и болѣе общее опредѣленіе общества: «Общество представляетъ систему правилъ и формъ нашихъ взаимоотношеній, къ которымъ индивиды приспособляютъ свои конкретныя отношенія»[2].

Grabski однако впадаетъ въ односторонность, когда онъ сводитъ основныя народнохозяйственныя понятія, какъ главный разрядъ феноменовъ, къ логическимъ формамъ, и въ преувеличеніе—въ своей гносеологической оцѣнкѣ формальнаго единства и правильности соціальной и въ частности народнохозяйственной жизни[3].

Grabski даетъ также любопытную характеристику отношенія къ вопросу объ экономическихъ феноменахъ главныхъ экономическихъ школъ. Классическая политическая экономія, говоритъ онъ, «дѣлаетъ содержаніе нашихъ понятій, т. е. приписываемыя благамъ и услугамъ качества, предметомъ ея изслѣдованій и разсматриваетъ ихъ, какъ чисто объективные, существующіе независимо отъ нашего сознанія факты внѣшняго міра. Цѣнность, капиталъ, процентъ, рента—все это суть либо имманентныя качества вещей, либо опредѣленныя категоріи и комплексы ихъ, либо, наконецъ, подчиненныя имъ типическія отношенія, природу и причинную связь которыхъ она старается вывести изъ самой сущности вещей». «Но такъ какъ существо матеріальныхъ предметовъ остается неизмѣннымъ во всѣхъ условіяхъ времени и мѣста, то и классическая школа должна была признать сущность подлежащихъ народнохозяйственныхъ феноменовъ за неизмѣнныя слѣдствія вѣчнаго мірового порядка, и законы, выражающіе причинную связь ихъ, за абсолютныя истины»[4].

[1]) S. 82.
[2]) S. 50.
[3]) Кар. V.
[4]) S. 66, 77.

Что касается исторической школы, то, по опредѣленію Грабскаго, она, выйдя изъ наивнаго реализма классической школы, впала въ номинализмъ Рошера и Вагнера и еще далѣе —въ агностицизмъ Шмоллера и Брентано. «Основные феномены народнохозяйственной жизни представляются для нея— какъ и для той—фактами внѣшняго міра, на который мы хотя и можемъ реагировать, но которая развивается независимо отъ нашего сознанія и воли. Единственное принципіальное различіе заключается въ томъ, что она считаетъ ихъ уже не за имманентныя свойства благъ, но за результаты хозяйственной дѣятельности людей. Посредствомъ чисто исторической критики было однако и невозможно достигнуть большаго. Агностицизмъ исторической школы, такъ сказать, a priori ограничилъ ихъ познавательно-теоретическую точку зрѣнія». «Наивный реализмъ классической національной экономіи подъ вліяніемъ направленной на него исторической школой критики перешелъ въ критико-познавательный номинализмъ»[1].

Наконецъ, «точная школа» К. Менгера, по толкованію Грабскаго, «признаетъ всѣ феномены народнохозяйственной жизни за психическія явленія. Ихъ сущность, по ея мнѣнію, заключается не въ содержаніи нашихъ національно-экономическихъ понятій, въ субъективномъ характерѣ которыхъ она вполнѣ убѣждена, но въ ихъ образованіи». Въ соотвѣтствіи съ представленіями некритическаго самонаблюденія, «народнохозяйственные феномены, по ея воззрѣнію, представляются, слѣдовательно, проявленіями отношенія между хозяйствующимъ субъектомъ и благами, при чемъ ихъ характеръ обусловленъ съ одной стороны духовной организаціей первыхъ и съ другой—объективнымъ характеромъ послѣднихъ». Grabski справедливо замѣчаетъ, что вслѣдствіе этого народнохозяйственные феномены теряютъ вовсе соціальный характеръ, проистекающій лишь изъ взаимоотношеній соціальныхъ единицъ[2].

Въ общемъ итогѣ Grabski признаетъ, что эти двѣ школы, —какъ, разумѣется, и классическая—не были въ состояніи притти къ дѣйствительной гносеологіи относительно народно-

[1]) S. 69 ff., 82.
[2]) S. 72 f.

хозяйственныхъ феноменовъ[1].

C. Fuchs[2] въ своемъ краткомъ изложеніи политической экономіи опредѣляетъ науку о народномъ хозяйствѣ посредствомъ понятій хозяйственной дѣятельности и хозяйства. Хозяйственная дѣятельность есть лишь одна изъ отраслей человѣческой дѣятельности, вытекающая изъ присущихъ человѣку потребностей. «Вся человѣческая жизнь основана на удовлетвореніи извѣстныхъ потребностей, и въ ростѣ потребностей и ихъ болѣе тонкомъ развитіи заключается развитіе человѣческой культуры, какъ матеріальной, такъ и духовной»[3]. Необходимымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности Fuchs признаетъ возмездный характеръ ея[4]. Хозяйство онъ опредѣляетъ какъ «планомѣрную организацію постоянной дѣятельности, которая имѣетъ цѣлью и обезпечиваетъ удовлетвореніе потребностей на опредѣленный промежутокъ времени». При этомъ дѣло идетъ всегда о сопоставленіи и сбалансированіи запаса благъ и надобности, затраты и результата, «расходовъ» и «доходовъ»[5]. Народное хозяйство имѣетъ своимъ предметомъ взаимодѣйствія между отдѣльными хозяйствами, ихъ совмѣстную дѣятельность въ хозяйственной сферѣ и представляетъ собою соціальную организацію отдѣльныхъ хозяйствъ и всей хозяйственной дѣятельности народа[6]. Народное хозяйство есть лишь одна изъ основныхъ отраслей жизни каждаго народа, къ которымъ авторъ относитъ также семью, общество, религію, обычаи, право, политику, искусство, науку и образованіе. Въ народномъ хозяйствѣ онъ признаетъ «въ извѣстномъ отношеніи главное: оно есть основа и предположеніе всей культуры, его состояніе обусловливаетъ степень культуры, его развитіе — прогрессъ культуры». Fuchs указываетъ далѣе, что народное хозяйство имѣетъ задачею «дать человѣческой жизни необходимую хозяйственную основу для возможности стремиться къ высшимъ цѣлямъ». Дальнѣйшею же

---

1) S. 74 f.
2) Volkswirtschaftslehre. 2 Aufl. 1909.
3) S. 5.
4) S. 7.
5) S. 11.
6) S. 18.

цѣлью, «которую оно преслѣдуетъ и должно преслѣдовать, по сколько оно при этомъ не впадаетъ въ противорѣчіе съ господствующими воззрѣніями на высшія жизненныя цѣли человѣчества, служитъ понятіе и развитіе внѣшней культуры, возможно полное удовлетвореніе потребностей всѣхъ ихъ членовъ съ помощью хозяйственныхъ (вещественныхъ) благъ— безъ критики этихъ потребностей—и именно не только удовлетвореніе существующихъ, но и развитіе новыхъ потребностей—стало быть, возрастающее удовлетвореніе потребностей всѣхъ ихъ членовъ». Такимъ образомъ, «конечная цѣль народнаго хозяйства не заключается въ немъ самомъ»[1].

Обращаясь къ критической оцѣнкѣ вышеприведенныхъ опредѣленій, должно отмѣтить, что перечень отраслей культуры не представляется безспорнымъ. Прежде всего, вызываютъ противъ себя возраженія неуказаніе техники и, напротивъ, включеніе сюда семьи, которая представляетъ, въ качествѣ одной изъ сложныхъ единицъ народной жизни, лишь одинъ изъ органовъ населенія, а равно и хозяйственной, этической, правовой, религіозной и другихъ сторонъ соціальной жизни. Не вполнѣ также можно согласиться и съ воззрѣніями автора по вопросу о положеніи и роли хозяйственной стороны въ общей системѣ культурныхъ отраслей. На ряду съ взаимодѣйствіемъ и взаимозависимостью между ними и невозможностью, съ общесоціальной точки зрѣнія, предпочтенія одной изъ нихъ предъ прочими, необходимо имѣть въ виду, что стремленіе къ высшей интенсивности развитія соціальной жизни распространяется на всѣ ея отрасли и сообщаетъ имъ извѣстную самоцѣльность, чему способствуетъ и раздѣленіе различныхъ функцій въ населеніи. Въ опредѣленіи хозяйственной дѣятельности и цѣлей народнаго хозяйства оттѣненъ и специфическій моментъ хозяйственнаго расчета и общехозяйственнаго соображенія. Представляются однако неправильными смѣшеніе «принципа хозяйственности» съ «хозяйственнымъ эгоизмомъ»[2], равно какъ и объектное отграниченіе хозяйственной стороны жизни признакомъ матеріальности ея проявленій.

---

[1]) S. 19 f.
[2]) S. 21.

Siegfried Kraus[1] въ своей диссертаціи о соціально-научномъ значеніи потребности исходитъ изъ представленія о самостоятельныхъ и находящихся во взаимодѣйствіи отрасляхъ культуры, каждой изъ которыхъ присущъ свой кругъ потребностей, въ ихъ конкретныхъ проявленіяхъ сходящихся опять въ многостороннія проявленія культурныхъ потребностей. «Въ качествѣ объекта соціальныхъ наукъ», высказываетъ онъ во вступленіи къ своей работѣ, «обозначаютъ вообще кругъ явленій, опредѣляемый направленной къ удовлетворенію потребностей совмѣстной жизнью и совмѣстной дѣятельностью, т. е. кругъ явленій, существенные элементы которыхъ суть человѣческія дѣйствія (въ обширнѣйшемъ смыслѣ)». «Изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ», замѣчаетъ онъ далѣе, «до сего времени одна лишь національная экономія создала такое общее понятіе» о характерѣ или общей сущности потребности. Разсматривая различныя потребности—хозяйственныя, научныя, художественныя, религіозныя и пр., какъ условія соотвѣтствующихъ областей дѣятельности, S. Kraus приводитъ систему потребностей въ связь съ проблемой взаимозависимости этихъ областей жизни, своею совокупностью образующихъ систему культуры, при чемъ обосновываетъ взаимозависимость между ними на зависимости между потребностями, относящимися къ разнымъ областямъ[2]. Въ заключеніе[3] онъ высказываетъ рядъ положеній, представляющихъ значительный интересъ и служащихъ для опроверженія матеріалистическаго пониманія исторіи путемъ выясненія самостоятельности, по ихъ существу, каждой культурной категоріи отъ прочихъ изъ нихъ. Эту самостоятельность Kraus констатируетъ въ слѣдующемъ: «1) Даже если бы, въ смыслѣ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, развитіе всѣхъ прочихъ категорій культурной жизни зависѣло во всѣ времена отъ хозяйства (либо отъ производственныхъ средствъ), эта зависимость, помимо вышезатронутой производной, относится не къ конститутивнымъ и не къ представляющимъ существа элементамъ проявляющихся

[1]) Ein Beitrag zur Erkenntnis der sozialwissenschaftlichen Bedeutung des Bedürfnisses. 1906. S. 1, 3, 5, 44, 46 f.
[2]) S. 44.
[3]) S. 47.

въ тѣхъ категоріяхъ потребностей; 2) развитіе каждой культурной категоріи, если оно вообще въ этомъ смыслѣ находится въ зависимости отъ развитія иныхъ категорій, не должно однако въ принципѣ находиться въ зависимости отъ иныхъ опредѣленныхъ категорій (напр., хозяйства); 3) каждая культурная категорія въ принципѣ—происходитъ ли это фактически въ исторіи или нѣтъ—можетъ измѣняться независимо отъ того, происходятъ ли измѣненія въ иныхъ областяхъ культуры. Поэтому каждая культурная категорія, на основаніи господствующей въ ней движущей силы потребностей человѣческихъ индивидовъ, въ принципѣ можетъ взять на себя ту роль, которую матеріалистическое пониманіе исторіи приписываетъ лишь хозяйству: быть независимо перемѣнной въ культурной жизни, по отношенію къ которой прочія категоріи представляются зависимо перемѣнными».

Изложенныя воззрѣнія Kraus'a могутъ, на нашъ взглядъ, не безъ пользы послужить и къ опредѣленію экономики, какъ одной изъ наукъ о культурѣ.

Alfred Amonn[1], въ своемъ критико-методологическомъ изслѣдованіи теоретической національной экономіи, отправляется отъ противопоставленія эмпирическаго и научнаго объекта. «Съ различныхъ точекъ зрѣнія, при различныхъ цѣляхъ познанія, въ одномъ и томъ же эмпирическомъ объектѣ могутъ представляться важными очень различные, содержащіеся въ немъ, элементарные признаки. Научное мышленіе получаетъ поэтому изъ одного и того же эмпирическаго объекта весьма различные объекты познанія, которые и лежатъ въ основѣ столь же различныхъ наукъ. Чрезъ посредство мышленія эмпирическій объектъ можетъ быть постигаемъ всегда лишь односторонне, но при томъ въ различномъ смыслѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ стать предметомъ весьма различныхъ наукъ и не можетъ самъ по себѣ опредѣлять своеобразіе какой-либо науки. Это дается лишь мышленіемъ, создающимъ съ помощью своей логической обработки эмпирическаго міра умственный объектъ познанія»[2]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ «также и исчерпывающее познаніе

[1]) Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. 1911.
[2]) S. 19, 29, 50, 54.

эмпирическаго объекта хозяйства возможно не съ помощью одной теоретической науки, національной экономіи, но лишь чрезъ рядъ самостоятельныхъ, логически одна отъ другой независимыхъ отдѣльныхъ соціальнонаучныхъ дисциплинъ—право, обычай, этику, психологію, технологію и т. д.,— изъ которыхъ каждая, включая національную экономію, не относится ни ко всѣмъ хозяйственнымъ феноменамъ ни лишь къ таковымъ, но просто пересѣкаетъ эмпирическую область хозяйства»[1]. «Какъ каждая въ отдѣльности изъ естественныхъ наукъ можетъ сама по себѣ въ своихъ понятіяхъ постигать лишь одну сторону своего эмпирическаго объекта и при томъ простирается на другіе эмпирическіе объекты, въ которыхъ та же сторона представляется данною, такъ и національная экономія, какъ единая теоретическая соціальная наука, можетъ познавать въ своихъ понятіяхъ и представлять лишь одну сторону ея эмпирическаго объекта соціальнаго хозяйства и должна при томъ относиться, за предѣлами хозяйства, ко всему, въ чемъ еще представляются данными тѣ же соціальныя условія и отношенія. Теперь находитъ себѣ объясненіе требованіе исторической школы понимать народнохозяйственную науку, какъ историко-этическую, и ея объектъ, народное хозяйство, разсматривать какъ обусловленное различнѣйшими естественными, нравственными, правовыми, техническими фактами, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется заблужденіе школы относительно возможности достичь этого въ одной, единственной и единой, научной дисциплинѣ, заблужденіе, которое въ такой же мѣрѣ господствовало надъ теоретической національной экономіей и затрудняло соглашеніе между обоими направленіями»[2]. Въ дальнѣйшемъ цитируемый авторъ, оставаясь на методологической точкѣ зрѣнія, выясняетъ объектъ познанія національной экономіи. «Не просто хозяйство», говоритъ онъ, «есть, стало быть, объектъ теоретической національной экономіи, но ея соціальная форма проявленія, и при томъ не всякая возможная, но вполнѣ опредѣленная единая соціальная форма проявленія, которая мыслима и осу-

[1]) S. 106 f.
[2]) S. 107 f.

ществляется лишь при вполнѣ опредѣленныхъ предполагаемыхъ условіяхъ. Всякая возможная соціальная форма проявленія потому не можетъ быть объектомъ теоретической національной экономіи, что при этомъ теоретическое единство науки совершенно рушилось бы, и она обратилась бы въ конгломератъ вполнѣ разнородныхъ проблемъ и знаній». Въ опредѣленіи границъ и объекта національной экономіи особое значеніе придается даннымъ соціальнымъ условіямъ, благодаря чему «съ одной стороны не все, что называютъ хозяйствомъ, даже если это и соціальное хозяйство, есть объектъ теоретической національной экономіи, съ другой стороны—не только то, что обыкновенно обозначаютъ, какъ хозяйство либо какъ соціальное хозяйство»[1]. Обозначеніе національной экономіи, какъ соціальной науки, Amonn принимаетъ со строго методологической точки зрѣнія, признавая несовпаденіе критеріевъ соціальнаго и хозяйственнаго. Какъ утверждается при этомъ, «національная экономія, разсматриваемая какъ соціальная наука, ея проблемы, ея объектъ какъ соціально обусловленныя—вотъ единственно возможный исходный пунктъ»[2]. «Въ основаніи основныхъ проблемъ національной экономіи лежатъ, въ качествѣ соціально обусловленныхъ проблемъ, соціальныя отношенія. По своей сущности они суть отношенія (Verkehrsbeziehungen) между людьми, т. е. они состоятъ изъ взаимно обусловленныхъ и обоюдно соотвѣтствующихъ воленія и дѣятельности многихъ индивидовъ». Но эти воленіе и дѣятельность Amonn предполагаетъ «обусловленными принципіально двоякимъ образомъ—какъ соціально, такъ и чисто индивидуально, т. е. съ одной стороны условіями, которыя даются и мыслимы лишь въ соціальномъ общеніи (Verkehr)» и «съ другой стороны, условіями, которыя направляютъ или могутъ направлять индивида въ его дѣятельности также внѣ соціальнаго общенія и независимо отъ этого (какъ стремленіе къ своей собственной пользѣ или выгодѣ)»[3]. Вмѣстѣ съ этимъ принципъ хозяйственности сво-

[1]) S. 102, 104.
[2]) S. 162 f.
[3]) S. 166 f.

дится къ индивидуальному и въ то же время общему, а не специфически экономическому. «Предположеніе этого общаго индивидуальнаго принципа хозяйственности дѣятельности, какъ общаго принципа разума всякой разумной и поэтому доступной для познаванія дѣятельности, хотя и необходимо для специфически національноэкономическаго познаванія, но не обусловливаетъ специфической своеобразности его, какъ національноэкономическаго. Своеобразіе соціальныхъ отношеній создается не своеобразіемъ ея индивидуальной обусловленности, но своеобразіемъ ея соціальной обусловленности. Не опредѣленная чисто индивидуальная обусловленность создающихъ соціальныя отношенія воленія и дѣятельности имѣетъ значеніе для своеобразія этихъ отношеній, но опредѣленная особая соціальная обусловленность. Но таковая фактически дана для специфически національноэкономическихъ проблемъ не только въ чисто отрицательномъ, но также и въ положительномъ смыслѣ»[1]. Къ основнымъ національноэкономическимъ проблемамъ Amonn относитъ «проблему мѣновой цѣнности и цѣны, проблему заработной платы, процента и ренты и, далѣе, болѣе сложныя проблемы денегъ и кредита». Эти «національноэкономическія основныя проблемы суть опредѣленнымъ образомъ соціально и индивидуально обусловленныя соціальнонаучныя проблемы»[2]. Въ окончательномъ опредѣленіи Amonn'a, «предметъ познаванія національной экономіи есть своеобразная единая форма и образованіе, которыя принимаютъ соціальныя отношенія въ общеопредѣленной организаціи соціальнаго общенія»[3]. Національная экономія должна представить теоретическое основаніе для прочихъ изъ совокупности дисциплинъ, образующихъ политическую экономію[4].

Въ изложенныхъ воззрѣніяхъ наиболѣе цѣннымъ и имѣющимъ положительное значеніе представляется разграниченіе наукъ по точкамъ зрѣнія, а не по самостоятельнымъ объектамъ. Коренной недостатокъ заключается въ разъединеніи индивидуальнаго и соціальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ признаніи двойствен-

[1]) S. 169; см. также S. 236.
[2]) S. 189.
[3]) S. 191.
[4]) S. 105.

наго характера въ человѣкѣ, при чемъ игнорируется, что взаимоотношенія и взаимодѣйствія между людьми, при естественномъ стремленіи къ единству и цѣльности личности въ каждомъ человѣкѣ, оказываютъ вліяніе на всю личность со всѣми ея качествами и задатками. Очевидная несогласованность имѣется между утвержденіями, что хозяйственный моментъ представляетъ собою лишь одну изъ сторонъ въ соціальныхъ явленіяхъ, и что, съ другой стороны, принципъ хозяйственности, какъ всеобщій, выходитъ за предѣлы экономіи и не можетъ служить для характеристики ея.

48. Своеобразно ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ о мѣстѣ политической экономіи въ общемъ ряду наукъ Cort van der Linden. Онъ исходитъ изъ правильнаго въ общемъ взгляда на общее основаніе классификаціи наукъ, если оставить въ сторонѣ его предположеніе единой высшей, относительно другихъ, науки. «Каждая наука», утверждаетъ онъ, «опредѣляется общимъ признакомъ или категоріей». «Науки раздѣляются не такъ, что каждая изслѣдуетъ извѣстную группу предметовъ, привлекаетъ къ себѣ часть изъ массы ихъ, но такимъ образомъ, что каждая изслѣдуетъ въ совокупности явленій опредѣленныя качества и прослѣживаетъ и разъединяетъ различныя серіи координаціи и подчиненія»[1]. Онъ различаетъ далѣе великую систему наукъ о природѣ на прочной основѣ математики, систему искусствъ и систему соціальныхъ наукъ. Наука о природѣ характеризуется чрезъ указаніе присущихъ ей отвлеченныхъ принциповъ[2]. Искусства опредѣляются чрезъ противопоставленіе природѣ: «Въ искусствѣ мы знаемъ, такъ какъ можемъ; въ наукѣ мы можемъ, такъ какъ знаемъ. Причинная наука разсматриваетъ природу, какъ нѣчто чуждое, какъ оно есть, стало и станетъ. Искусство разсматриваетъ природу, какъ нѣчто свое, какъ оно должно быть или стать. Причинная наука разсматриваетъ природу, какъ объектъ, искусство разсматриваетъ ее, какъ творецъ». Тремъ перечисленнымъ систе-

[1]) Lehrsätze über die ökonomischen Kategorien. Zeitschrift für Litteratur und Geschichte der Staatswissenschaften. 1894. B. III H. 1—2. S. 38 f.

[2]) S. 42 f.

мамъ Cort van der Linden приписываетъ категоріи координаціи, гармоніи и долга (Pflicht). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ къ заключенію, что экономія не имѣетъ отношенія ни къ одной изъ этихъ категорій и не принадлежитъ ни къ одной изъ означенныхъ системъ[1]. Это обосновывается между прочимъ и тѣмъ, казалось бы, противнымъ этому, доводомъ, что не представляется возможности точно отграничить и опредѣлить мѣсто экономіи въ ряду соціальныхъ наукъ—вслѣдствіе общности между экономіей и правомъ, экономіей и политикой. Въ качествѣ критерія хозяйственныхъ явленій Cort van der Linden указываетъ «т. н. экономическій законъ», чѣмъ и опредѣляется существо экономики: «Человѣкъ ищетъ наибольшей выгоды. Онъ поэтому при своихъ дѣйствіяхъ всегда стоитъ предъ выборомъ. Онъ взвѣшиваетъ послѣдствія, на сколько ихъ предусматриваетъ, чтобы выполнить наилучшее дѣйствіе. Однако явленія, которыя онъ можетъ провести въ жизнь, качественно отчасти или цѣликомъ различны». «Человѣкъ оцѣниваетъ различныя выгоды по ихъ величинѣ. Онъ стремится къ наибольшей выгодѣ. Экономическое дѣйствіе есть поэтому результатъ количественнаго сужденія о различныхъ конечныхъ цѣляхъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ «экономическій принципъ можетъ быть правильнѣе формулированъ: человѣкъ стремится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ къ высшей цѣлесообразности. Экономической категоріей должна быть поэтому количественная цѣлесообразность природы и человѣческаго общества», проявляемая въ цѣнности и ея разновидностяхъ, какъ капиталъ, процентъ, рента, заработная плата, мѣновая цѣнность[2]. Выборъ конечныхъ цѣлей и ихъ осуществленіе характеризуются какъ дѣйствіе, проявленіе воли, энергія живого человѣка[3]. «Твердая основа экономической науки есть познаніе конкретнаго человѣка, какъ его представляетъ намъ физіологія, біологія и психологія». «Какъ часть природы, онъ есть слѣдствіе безконечнаго ряда причинъ. Но онъ есть въ то же время результатъ безконечнаго стремленія къ гармоніи. Онъ живетъ, какъ

1) S. 49, 54.
2) S. 56 f.
3) S. 59.

соціальное существо, какъ индивидъ и носитель общественности, и въ задаткахъ и характерѣ кристаллизовались безконечныя попытки упорядочить его личность, отграничить его индивидуальность отъ различныхъ общественныхъ организацій, въ которыхъ онъ обращается. Но кромѣ того, онъ есть экономическое существо, результатъ безконечной оцѣнки конечныхъ цѣлей и идеаловъ. Его экономическая природа есть въ дѣйствительности зерно его существа, онъ можетъ проникаться лишь этимъ слабымъ, но все прогрессирующимъ стремленіемъ къ совершенству»[1].

Изложенныя воззрѣнія страдаютъ произвольностью и неудовлетворительностью общей системы, при чемъ экономика неправильно выдѣлена изъ состава соціальныхъ наукъ. Самое же опредѣленіе существа экономики представляетъ извѣстное приближеніе къ истинѣ.

Dr. Julius Gans-Ludassy въ своемъ весьма обширномъ и строго логическомъ трудѣ, посвященномъ собственно методикѣ экономики[2], не выдвигаетъ на первый планъ вопросъ объ общей системѣ соціальныхъ наукъ и держится ошибочнаго и не лишеннаго странности взгляда относительно значенія и мѣста экономической науки[3]. Но тѣмъ не менѣе его попытка опредѣлить въ полномъ объемѣ сущность и основное содержаніе политической экономіи, вмѣстѣ съ исходными логическими понятіями ея, представляетъ имѣющій свое положительное значеніе вкладъ въ литературу по этому вопросу. Gans-Ludassy въ своемъ опредѣленіи хозяйственнаго начала исходитъ изъ положенія, что лишь тѣ изъ фактовъ нашего наблюденія имѣютъ экономическій характеръ, въ основѣ которыхъ лежитъ отношеніе субъекта къ объекту его воли. Но такъ какъ предметами нашей воли бываютъ либо цѣли, либо средства, и такъ какъ цѣль есть въ сущности извѣстное состояніе субъекта, то «поэтому экономическое познаніе есть такое, которое обращено на средства къ возможнымъ цѣлямъ»[4]. Другимъ исходнымъ понятіемъ служитъ для него понятіе эконо-

[1]) S. 60 f.
[2]) Die Wirtschaftliche Energie. Th. I. System der ökonomistischen Methodologie.
[3]) Cap. I. Abschn. I II.
[4]) S. 95 f.

мическаго явленія, существеннымъ признакомъ котораго онъ признаетъ цѣлесообразность его[1]. Далѣе онъ доказываетъ, что и, обратно, всѣ цѣлесообразныя дѣйствія, а затѣмъ и всѣ «массовыя явленія», подъ которыми разумѣются, очевидно, соціальныя явленія, представляются хозяйственными[2]. Онъ приходитъ такимъ образомъ къ заключеніямъ, что «существенный признакъ хозяйственности заключается только въ цѣлесообразности»[3] и что «моменты хозяйственнаго, экономическаго и цѣлесообразнаго тождественны»[4]. Возражая противъ опредѣленія хозяйственности той или иной мѣрою осуществленія ея[5], Gans-Ludassy опредѣляетъ хозяйственность, какъ стремленіе къ высшей хозяйственной пользѣ (Differenz), разумѣя подъ этой послѣдней превышеніе результата надъ затратой[6] или же, иначе говоря, цѣнности цѣли надъ цѣнностью средствъ[7]. Всякое хозяйственное дѣйствіе и, въ частности, выборъ при опредѣленіи цѣлей и средствъ къ ихъ достиженію основываются на хозяйственномъ сужденіи (Urtheil). Это сужденіе «никоимъ образомъ не есть твердая, постоянная величина; оно подлежитъ развитію и совершенствуется вообще по мѣрѣ роста пониманія связи вещей и хозяйственной причинности»[8]. Въ отношеніи къ хозяйственности и цѣлесообразности примѣнена такимъ образомъ относительная точка зрѣнія, единственно оправдываемая эволюціонно-теоретическимъ направленіемъ[9]. Gans-Ludassy выдвигаетъ, какъ имѣющую важное значеніе въ вопросѣ о хозяйственной пользѣ и хозяйственности, теорію ущербовъ (Residuen), въ которыхъ различаетъ отбросы, бракъ, ломъ и испорченный матеріалъ, избѣжаніе и утилизированіе которыхъ признаетъ наиболѣе характернымъ проявленіемъ хозяйственности[10]. Хозяйственная дѣятельность основывается на хозяйственномъ расчетѣ (Calcul), служащемъ

---

[1]) S. 212, 229.
[2]) S. 215 f.
[3]) S. 370.
[4]) S. 363, 388, 394.
[5]) S. 373.
[6]) S. 383, 390, 392. 396.
[7]) S. 387.
[8]) S. 389.
[9]) S. 398.
[10]) S. 370 f.

для предварительнаго суммарнаго выясненія хозяйственной пользы[1]. Отдѣльные моменты общей экономической теоріи Gans-Ludassy объединяетъ въ метафизическомъ понятіи хозяйственной энергіи (Wirtschaftliche Energie), къ которой относится всякое дѣйствіе чего-либо цѣлесообразнаго, пригоднаго для достиженія извѣстной цѣли. Хозяйственная энергія представляетъ собою такимъ образомъ болѣе общій и высшій принципъ по сравненію съ цѣнностью. Хозяйственная энергія охватываетъ въ совокупности условія, при которыхъ достигается извѣстная цѣль[2]. Наконецъ, для методологическихъ воззрѣній Gans-Ludassy характерна идея стремленія къ счастью, какъ къ конечной, хотя и неосуществимой цѣли въ жизни человѣчества и въ научныхъ познаніяхъ людей. «Если человѣкъ и не для того на землѣ, чтобы стать счастливымъ, то онъ дѣйствуетъ такъ, какъ если бы его жизнь имѣла эту цѣль. Счастье есть вмѣстѣ съ тѣмъ на языкѣ Канта не конститутивный, но регулятивный принципъ жизни. Это есть постулатъ, предназначенный всегда оставаться лишь постулатомъ и никогда не осуществляется въ дѣйствительности»[3]. Gans-Ludassy особенно высоко ставитъ экономику, такъ какъ, по его представленію, одна эта наука имѣетъ своимъ прямымъ объектомъ счастье, своею задачею — умноженіе счастья[4]. Это опредѣленіе конечной цѣли человѣческой жизнедѣятельности имѣетъ произвольный характеръ. Въ немъ односторонне фиксируются психическія переживанія, сопутствующія проявленіямъ хозяйственной воли и сознанія человѣка и на основѣ сложившихся привычекъ стремящіяся къ дальнѣйшему росту и въ этой своей потенціальной части частью неопредѣлившіяся, частью же относимыя инстинктивно также къ воспоминаніямъ и предположеніямъ о прошломъ, какъ и къ стремленіямъ и желаніямъ относительно будущаго. Уже непримиримая съ этой точки зрѣнія противоположность личнаго и общаго счастья представляетъ серьезный недочетъ въ этой идеѣ счастья. Позитивистическое рѣшеніе вопроса о конечной цѣли человѣчества

[1]) S. 372.
[2]) S. 984 f.
[3]) S. 20 f.
[4]) S. 988.

должно скорѣе быть относимо къ болѣе реальному и болѣе элементарному моменту, какъ личное и соціальное стремленіе продолжать и развивать свою жизнедѣятельность при сохраненіи нѣкотораго внутренняго тождества послѣдней. Эта проблема представляется и болѣе общей и высшей по сравненію съ столь условной и такъ нерѣдко жертвуемой и утрачиваемой идеей счастья. Жить, сознавать, что живешь, хотѣть жить, упрочивать свое существованіе при указанномъ предположеніи внутренняго единства — есть вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно болѣе научная формулировка конечной проблемы, нежели стремленіе къ счастью[1] — беря то и другое какъ съ индивидуальной, такъ и съ соціальной точки зрѣнія. Доказательствомъ этому служитъ содержаніе какъ хозяйственной дѣятельности, такъ и экономической науки. Какъ отмѣчено было уже, Gans-Ludassy особенно выдвигаетъ моментъ цѣлесообразности. Онъ отождествляетъ его съ одной стороны съ экономическимъ моментомъ, съ другой же стороны противорѣчіе началу цѣлесообразности видитъ въ неразумности[2]. Съ этимъ однако не вполнѣ согласуется опредѣленіе связи между цѣлью и средствомъ, какъ особаго вида причинности, какъ экономической причинности[3]. Это еще усугубляется отрицаніемъ свободы воли или, точнѣе, отождествленіемъ воли съ формою, въ которой мы познаемъ причиненіе нашихъ дѣйствій[4]. Gans-Ludassy сближаетъ также естественные законы и тѣ законы, которымъ подчинена хозяйственная жизнь. Исходя изъ опредѣленія развитія, какъ измѣненія, онъ не усматриваетъ различія по существу между законами развитія и прочими законами и въ соотвѣтствіи съ этимъ вообще относится отрицательно къ историческому методу въ примѣненіи къ теоретической наукѣ и, въ частности, къ политической экономіи[5]. Изъ вышеизложенныхъ воззрѣній Gans-Ludassy вытекаютъ и его опредѣленія экономики. «Экономика», утверждаетъ онъ, «какъ наука, имѣетъ задачею

---

[1]) Въ этомъ отношеніи представляютъ интересъ замѣчанія Gans-Ludassy на стр. 216-й и 982 и сл.

[2]) S. 369.

[3]) S. 16 f., 388 f., 442 ff., 489.

[4]) S. 478, 482, 487, 792.

[5]) S. 800—824.

постигнуть законы хозяйственной жизни. Но разъ хозяйственные законы равнозначущи съ законами развитія хозяйства, то отсюда слѣдуетъ, что вопросъ о томъ, представляется ли экономика наукою о законахъ или о развитіи, безцѣленъ въ виду совпаденія обѣихъ задачъ. Сообразно этому, экономика есть наука о законахъ, по сколько она должна установить законы, распространяющіе свое дѣйствіе на всѣ стадіи хозяйства; она есть наука о развитіи, по сколько эти стадіи суть стадіи развитія»[1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, послѣ разбора различнаго рода опредѣленій экономики, Gans-Ludassy приходитъ къ заключенію о необходимости принять финально-цѣлевое опредѣленіе экономики, какъ имѣющей своимъ предметомъ средства къ цѣлямъ (Zweckvermittlung)[2]. «Экономика есть наука о дѣятельности. Ея предметъ—не только человѣческая дѣятельность, ибо въ обособленіи отъ всей природы она не можетъ быть понята». «Такъ какъ благосостояніе каждаго живого существа зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ осуществляются присущія ему цѣли, то экономика, какъ наука объ осуществленіи такихъ цѣлей, и есть наука о благосостояніи живыхъ существъ, въ особенности людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ эвбіотика. По сколько съ каждымъ средствомъ къ цѣли повышается чувство счастья, экономика вообще есть наука о счастьѣ, экономика представляется наукой о счастьѣ вообще и, стало быть, эвдемонологіей. Разъ она есть эвдемонологія, она можетъ быть разсматриваема и какъ систематическое представленіе свойственной живымъ существамъ борьбы за существованіе и возвышеніе послѣдней у людей до борьбы за счастье. Такъ какъ, далѣе, вся культура имѣетъ назначеніемъ умножить человѣческое счастье, и то, что называютъ цивилизаціей, есть не что иное, какъ совокупность всѣхъ мѣропріятій къ этой цѣли, то экономика можетъ разсматриваться, какъ наука о культурѣ и объ условіяхъ прогресса цивилизаціи. Дѣло идетъ въ экономикѣ не только о богатствѣ, но и о причинахъ его и его дѣйствіяхъ; дѣло идетъ, далѣе, не только о богатствѣ, но и о благосостояніи, лежащемъ внѣ

[1]) S. 797.
[2]) S. 983.

богатства, о счастьѣ»[1]. Gans-Ludassy признаетъ экономику важнѣйшею изъ всѣхъ наукъ, такъ какъ она одна изъ всѣхъ наукъ имѣетъ своимъ непосредственнымъ объектомъ счастье, тогда какъ другія науки лишь служатъ счастью[2]. Что касается состоянія, въ которомъ находится эта труднѣйшая, по мнѣнію Gans-Ludassy, наука, то оно представляется зачаточнымъ; экономика представляется ему полной ошибокъ и еще далекой отъ того, чтобы быть наукой въ истинномъ смыслѣ слова[3].

Останавливаясь критически на воспроизведенныхъ вкратцѣ воззрѣніяхъ Gans-Ludassy, приходится отмѣтить, какъ коренную ошибку въ его отправныхъ воззрѣніяхъ—игнорированіе соціальнаго характера проявленій хозяйственной жизнедѣятельности, неразличеніе отраслей или сторонъ соціальной жизни и соотвѣтствующихъ имъ явленій и отсутствіе отграниченія природы и культуры. Отсюда проистекаетъ странное воззрѣніе на отношеніе между иными науками и экономикой. То общее положеніе, что каждый случай человѣческой дѣятельности, вообще говоря, имѣетъ свою хозяйственную сторону, должно признать правильнымъ, но способъ выраженія этого у Gans-Ludassy слишкомъ крайній, когда онъ называетъ категоріи права, искусства, науки, семейной жизни, общественности, обычаевъ, религіозныхъ чувствованій, политики и хозяйства формами проявленія хозяйственной энергіи[4]. Во всякомъ случаѣ теоретически необходимо расчлененіе фактовъ соціальной жизни на хозяйственныя и иныя явленія. Существенной ошибкой представляется вмѣстѣ съ тѣмъ сведеніе цѣлевого отношенія къ причинному и подзаконному. Сведеніе психическихъ актовъ къ causa finalis допустимо лишь въ предѣлахъ естественно-физіологической жизни, а не соціальной. Если не система правовыхъ нормъ, то совокупность общихъ понятій и установленій вноситъ единообразіе въ человѣческую жизнедѣятельность въ каждой ея отрасли, но отсюда еще далеко до поглощенія индивидуальной и групповой воли причинной связью и естественной закономѣрно-

[1]) S. 982 f.
[2]) S. 988.
[3]) S. 346.
[4]) S. 986 f.

стью. Въ связи съ этими воззрѣніями Gans-Ludassy находится распространеніе экономики и на область инстинктивно-физіологической жизни всѣхъ вообще живыхъ существъ.

49. Въ англійской литературѣ выразителемъ соціально-научныхъ воззрѣній на экономику до нѣкоторой степени былъ John K. Ingram. Въ ученой рѣчи, произнесенной въ 1878 г., онъ отмѣтилъ новое направленіе въ политической экономіи Германіи и отчасти другихъ странъ, совпадающее до нѣкоторой степени съ направленіемъ A. Comte'a. Ingram пришелъ при этомъ къ слѣдующимъ постулатамъ: «Изслѣдованіе хозяйственныхъ явленій внутри общества должно быть поставлено въ систематическую связь съ изслѣдованіемъ всѣхъ другихъ сторонъ соціальной жизни; крайнее направленіе къ абстракціи и неправильное сведеніе разнообразія хозяйственной жизни къ якобы простымъ законамъ должны быть устранены; на мѣсто дедуктивнаго метода долженъ получить дѣйствіе историческій; экономическіе законы и основанныя на нихъ практическія требованія должны получить менѣе абсолютную формулировку»[1]. Подобныя же воззрѣнія Ingram проводитъ и въ своемъ извѣстномъ трудѣ по исторіи политической экономіи. Затѣмъ, Henry Sidgwick въ статьѣ, посвященной опредѣленію политической экономіи[2], высказалъ: «Наука политической экономіи имѣетъ дѣло съ извѣстнымъ классомъ соціальныхъ дѣятельностей и отношеній, изученіе которыхъ съ выгодой можетъ отчасти быть отдѣлено отъ изученія остального; но обособленіе это только частичное, такъ какъ большинство иныхъ соціальныхъ дѣятельностей, какъ вознаграждаемыхъ по соревнованію, имѣетъ хозяйственный характеръ, равно какъ оказываетъ большее или меньшее вліяніе на дѣятельности, которыми политическая экономія болѣе спеціально интересуется». Что касается внѣ-экономическихъ элементовъ въ соціальной жизни, то «нельзя установить общаго правила, въ какихъ предѣлахъ эти другіе элементы должно принимать въ расчетъ, ибо ихъ

---

[1]) Die nothwendige Reform der Volkswirtschaftslehre, übers. und eingeleitet von H. v. Scheel. S. 31.

[2]) Political Economy. Palgrave's Dictionary. Vol. III, p. 132 seq.

отношенія къ торгово-промышленной дѣятельности неопредѣленно варьируютъ въ законченности и важности въ различныхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ».

Въ американской литературѣ R. Ely[1] устанавливаетъ восемь группъ различныхъ проявленій общественной жизни людей: языкъ, искусство, просвѣщеніе, религію, семейную жизнь, общественность, политическую жизнь и хозяйственную жизнь. Эти роды человѣческой дѣятельности въ теоріи, какъ и въ дѣйствительности, не могутъ быть совершенно раздѣлены, и между ними существуетъ взаимозависимость. По опредѣленію Ely, «экономика есть наука, трактующая о соціальныхъ явленіяхъ, обусловливаемыхъ дѣятельностью человѣка по достиженію и использованію богатства, и имѣющая дѣло со всѣми другими сторонами его жизни, на сколько онѣ воздѣйствуютъ на его общественную дѣятельность въ данномъ отношеніи». E. Seligman[2] различаетъ въ соціальной жизни людей, какъ ея отрасли, этическія, правовыя, политическія и экономическія отношенія людей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ соціальной наукѣ онъ различаетъ экономику, юриспруденцію, этику, политику и, наконецъ, соціологію, какъ основную соціальную науку. Даваемое имъ при этомъ опредѣленіе «экономики, или политической экономіи», не свободно отъ существенныхъ недостатковъ.

Къ охарактеризованнымъ выше соціально-научнымъ воззрѣніямъ до нѣкоторой степени подошелъ и A. E. Cherbuliez[3]. Онъ классифицировалъ всѣ вообще науки на такія, которыя изучаютъ явленія, независящія отъ человѣческой воли, и такія, которыя, напротивъ, имѣютъ предметомъ результаты человѣческой воли. Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшую классификацію второй группы наукъ, по существу неправильную, ограничимся слѣдующей цитатой: «Экономическая наука изучаетъ, разумѣется, тѣ же соціальные факты, какъ и наука права и извѣстныя нравственныя науки, но она изучаетъ ихъ съ присущей ей точки зрѣнія, она изучаетъ въ этихъ сложныхъ

[1]) R. Ely and Wicker. Elementary Principles of Economics, P. 1—3. См. также: R. Ely. Outlines of Economics. 1903. P. 3, 83.

[2]) Principles of Economics. § 2, 3.

[3]) Précis de la science économique. T. I ch. I p. 1-4.

фактахъ то, что не относится ни къ праву ни къ морали». Авторъ, къ сожалѣнію, уклоняется затѣмъ отъ этой идеи, неудачно расчленяя явленія, изучаемыя наукой права и экономической и при этомъ ограничивая область политической экономіи матеріальными богатствами. Émile de Laveley характеризуетъ политическую экономію въ связи съ иными науками, имѣющими предметомъ изученіе человѣческихъ обществъ, при чемъ утверждаетъ, что «политическая экономія не есть наука точная, ибо она занимается потребностями человѣка, безпрестанно варьирующими, и его свободными дѣйствіями», и что она не есть также физическая наука ни часть естественной исторіи человѣка. «Какъ должны люди быть сорганизованы, или, другими словами, какіе законы должны они принять, чтобы достичь, съ помощью труда, наиболѣе полнаго и наиболѣе раціональнаго удовлетворенія своихъ потребностей —вотъ проблема, къ разрѣшенію которой стремится политическая экономія. Послѣдняя есть дѣло законодательства. Она преслѣдуетъ идеалъ подобно морали, праву и политикѣ». «Она изслѣдуетъ, каковы суть законы религіи, нравственности, политики, гражданскіе и торговые, которые наиболѣе благопріятствуютъ производительности труда». Далѣе выясняется отношеніе политической экономіи къ отмѣченнымъ сейчасъ областямъ жизни людей, соединенныхъ въ общество и наукамъ о ней. «Разсматривая человѣка въ его стремленіи къ полезному, политическая экономія подчинена наукамъ, разсматривающимъ человѣка въ его стремленіяхъ къ истинѣ и добру, т. е. философіи или же религіи». «Въ кодексѣ нравственности заключаются истинные корни экономическихъ законовъ. Добро, объектъ нравственности, и польза, объектъ политической экономіи, хотя и не сливаясь вмѣстѣ, неразъединимы». «Политическая экономія и право проникаютъ другъ друга. Кто игнорируетъ право, не сможетъ глубоко вникнуть въ политическую экономію, и кто игнорируетъ политическую экономію, не сможетъ взойти до основъ разума. Всѣ акты экономической жизни происходятъ подъ господствомъ гражданскихъ установленій, и всѣ гражданскія установленія имѣютъ конечнымъ основаніемъ экономическіе интересы». «Хорошій госу-

дарственный строй есть первая основа производительнаго труда и сбереженій, создающихъ капиталъ, т. е. экономическаго прогресса. Деспотизмъ и анархія равнымъ образомъ ставятъ препятствіе этому. Ранѣе изданія государственнаго закона, должно всегда изслѣдовать, каково будетъ его вліяніе на ростъ благосостоянія. Административная наука, представляющая лишь примѣненіе публичнаго права, должна руководиться тѣми же принципами». «Политическая экономія не можетъ ничего доказать безъ содѣйствія статистики и исторіи»[1]. Въ такихъ нѣсколько конкретныхъ чертахъ Laveley въ сущности вѣрно характеризуетъ отношеніе содержанія политической экономіи къ другимъ областямъ общественной жизни, а равно и взаимоотношенія соотвѣтствующихъ наукъ. Давая при этомъ понятію законовъ правильное значеніе соціальнаго установленія, Laveley все же односторонне понимаетъ его, игнорируя другой не менѣе важный моментъ—экономическія понятія; наличіе этого послѣдняго момента правильнѣе оттѣняетъ также и мѣсто въ политической экономіи другого изъ нихъ.

Здѣсь же надлежитъ отмѣтить слѣдующее замѣчаніе итальянца Benedetto Croce: «Экономика есть, на ряду со всякой другой, независимая область человѣческой дѣятельности, какъ область этики, эстетики, логики и т. д. Моральныя блага и удовлетвореніе высшихъ нравственныхъ потребностей человѣка именно потому, что это суть блага и потребности, подлежатъ разсмотрѣнію политической экономіи; но лишь по сколько они суть блага и потребности, а не по сколько они нравственны или безнравственны, эгоистичны или альтруистичны»[2]. Примыкая къ понятію экономическаго феномена у Stammler'a, какъ «группы гомогенныхъ фактовъ, имѣющихъ характеръ необходимости», Croce предполагаетъ возможность двоякаго пониманія соціальной экономіи—какъ теоретической и описательной науки. «При первомъ пониманіи подразумѣвается наука, имѣющая предметомъ (какъ и свойственно наукамъ) необходимыя отношенія. Но какъ установить эту необходимость? какъ образовать свойственныя соціальной экономіи

[1]) Éléments d'économie politique. L. 1 chap. I, II.
[2]) Materialismo storico ed economia politica. 2 ed. P. 96—8, p. 152—5.

понятія? Конечно, руководясь однимъ принципомъ, абстрагируя отъ конкретной дѣйствительности одну сторону; и этимъ принципомъ сможетъ быть для экономіи только экономическій принципъ, соціальная же экономія будетъ разсматривать лишь одну экономическую сторону данной соціальной жизни». Здѣсь, такимъ образомъ, проскальзываетъ мысль, что проявленія разныхъ отраслей человѣческой дѣятельности относятся къ одному и тому же объекту, и разграниченіе ихъ основано на присущихъ каждой изъ нихъ особенныхъ принципахъ. Но на ряду съ этимъ обнаруживается стремленіе построить чистую экономію, на основаніи экономической природы человѣка и отвлекаясь отъ конкретныхъ условій существованія общества. При этомъ, законы соціальной и политической экономіи допускаются въ качествѣ дедукцій изъ экономическаго принципа, дѣйствующаго въ данныхъ правовыхъ условіяхъ.

50. Въ русской литературѣ А. Я. Антоновичъ[1] различалъ «въ сферѣ дѣятельности, имѣющей своею задачею удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей человѣка, физическій, этическій и общественный элементы, между которыми существуетъ неразрывная связь, но которые въ то же время имѣютъ самобытное значеніе и служатъ источникомъ какъ возникновенія, такъ и развитія отдѣльныхъ, самостоятельныхъ наукъ. Физическій элементъ представляетъ собою техническую сторону въ дѣятельности людей». «Этическій элементъ состоитъ въ нравственно-юридическомъ порядкѣ, вліяющемъ на энергію и направленіе дѣятельности». «Третій элементъ дѣятельности людей, называемый общественнымъ или политическимъ, состоитъ изъ естественныхъ законовъ и фактовъ борьбы и союзности въ отношеніяхъ между людьми». «Этотъ общественный элементъ въ дѣятельности людей, направленный къ удовлетворенію какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ потребностей, и составляетъ предметъ науки, называемой политическою экономіею» и изучающей естественные законы совокупности разнообразныхъ сношеній между людьми.

Эта попытка систематики областей человѣческой дѣятель-

[1]) Курсъ политической экономіи. 1886. Введеніе. § 1.

ности и посвященныхъ имъ отраслей не можетъ, конечно, быть признана удачной[1]. Противопоставленіе физической, этической и общественной областей дѣятельности представляется, очевидно, неправильнымъ. Сверхъ того, такая классификація основана на неправильныхъ представленіяхъ о техникѣ и этикѣ, которымъ равнымъ образомъ свойствена внѣшняя форма выраженія на общей основѣ интеллектуальной и психофизической природы человѣка и культурнаго общенія людей. Своей систематикой А. Я. Антоновичъ какъ бы отрицалъ общественный характеръ въ правѣ и государственности. Наконецъ, предположеніе естественныхъ законовъ общественности и отнесеніе ихъ всецѣло къ экономической области также должно отвергнуть.

Правильныя, хотя и краткія замѣчанія по разсматриваемому вопросу дѣлаетъ проф. П. И. Георгіевскій, высказывающій, что каждая изъ сторонъ жизни народа обусловливаетъ до извѣстной степени другія стороны, въ свою очередь испытывая на себѣ ихъ воздѣйствіе, и что каждая изъ общественныхъ наукъ изучаетъ общество только съ извѣстной, опредѣленной стороны, въ частности же политическая экономія изучаетъ хозяйственную сторону общественныхъ явленій[2].

Представляютъ интересъ также замѣчанія, которыя высказываетъ объ этомъ А. С. Шоръ. По утвержденію его, принципомъ разграниченія сферы политической экономіи и сферы другихъ общественныхъ наукъ долженъ служить не столько объектъ, сколько точка зрѣнія. «Всѣ факты, обусловленные состояніемъ внѣшняго міра и организаціей человѣка, мы разсматриваемъ въ политической экономіи лишь съ точки зрѣнія ихъ хозяйственныхъ послѣдствій. Существуютъ, однако, и общественныя явленія, которыя интересуютъ насъ съ хозяйственной точки зрѣнія лишь до тѣхъ поръ, пока мы желаемъ разсматривать ихъ хозяйственное значеніе[3]. Сопоставляя далѣе области явленій хозяйственнаго, юридическаго и политиче-

---

[1]) Ср.: Орженцкій. Понятіе объ экономическомъ явленіи. 1903. Стр. 104.
[2]) Политическая экономія. 4 изд. Т. I. Ч. I. Введеніе. Стр. 11, 14.
[3]) Основныя проблемы теоріи политич. экономіи. 1907. Стр. 288 и сл.

скаго характера, А. С. Шоръ приходитъ къ выводу, что эти сферы пересѣкаются между собой, оставляя отрѣзки, лежащіе внѣ общей для нихъ области. Поэтому «нельзя утверждать, что вся разница между политической экономіей и другими соціальными науками сводится лишь къ разницѣ въ точкѣ зрѣнія, которой эти различныя науки придерживаются въ отношеніи къ общему для нихъ объекту»[1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шоръ приходитъ къ выводу, что «между отдѣльными хозяйственными явленіями существуетъ обыкновенно внутренняя причинная связь, а лишь изрѣдка внѣшняя», при чемъ однако является признанной и возможность воздѣйствія на хозяйство внѣшнихъ соціальныхъ силъ, не обусловленныхъ даннымъ состояніемъ хозяйства[2]. Что касается опредѣленія политической экономіи, то, считая излишнимъ упоминаніе въ немъ о производствѣ и потребленіи, какъ само собою разумѣющихся, и объ обмѣнѣ, который онъ считаетъ лишь однимъ изъ видовъ распредѣленія, Шоръ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ современную политическую экономію: «Политической экономіей называется наука о фактическомъ распредѣленіи благъ между группами, состоящими изъ хозяйственныхъ единицъ»[3]. Независимо отъ произвольныхъ и неудачныхъ предпосылокъ, это опредѣленіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному содержанію экономической науки. Нельзя также не признать преувеличеннымъ мнѣніе о несовпаденіи сферъ отдѣльныхъ общественныхъ наукъ. Это несовпаденіе представляется въ дѣйствительности лишь фактическимъ смягченіемъ общаго принципа и относится къ отдѣльнымъ явленіямъ или группамъ ихъ, какъ исключеніямъ изъ общаго правила. Помимо этого, Шоръ высказываетъ критическія замѣчанія противъ экономическаго матеріализма и противъ теоріи Stammler'a.

Здѣсь же надлежитъ отмѣтить трудъ М. А. Сиринова, посвященный, какъ указываетъ и подзаглавіе, характеристикѣ и критическому изслѣдованію «новѣйшихъ теченій въ области

---

[1]) Стр. 289—292.
[2]) Стр. 292.
[3]) Стр. 288.

методологіи общественныхъ наукъ въ ихъ значеніи для политической экономіи»[1]. Исходныя воззрѣнія названнаго автора въ области собственно гносеологіи представляются не вполнѣ выдержанными. По опредѣленію его, «общество есть нѣкоторое реальное единство; это есть тожество воль. Такое общество, очевидно, можетъ существовать и внѣ правового урегулированія и независимо отъ него»[2]. Авторъ различаетъ вообще чисто-индивидуальныя переживанія и соціальныя переживанія, или переживанія тожества воль. При этомъ между ними проводится то различіе, что «индивидуальныя переживанія не выходятъ изъ сферы индивидуума, не оказываютъ вліянія на другихъ (въ нашемъ смыслѣ, конечно),—соціальныя переживанія суть переживанія тожества воль. Мы имѣемъ дѣло съ соціальными переживаніями въ томъ случаѣ, если они сопереживаются двумя или нѣсколькими лицами, какъ тожественныя». «Утверждая самымъ категорическимъ образомъ», продолжаетъ авторъ, «что признакъ соціальнаго является существеннымъ въ опредѣленіи экономическаго явленія, мы тѣмъ самымъ не считаемъ соціально-экономическими явленіями всѣ тѣ, которые его не имѣютъ. Всѣ эти явленія являются гетерогенными въ политической экономіи: они или суть явленія чисто-индивидуальныхъ переживаній, или явленія міра вещей. Первымъ моментамъ совершенно нѣтъ мѣста въ политической экономіи, какъ соціальной наукѣ. Вторыя могутъ входить въ ея предѣлы,—необходимо лишь помнить, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло или съ неэкономическими явленіями, а явленіями другого порядка, привнесенными въ науку по соображеніямъ цѣлесообразности,... или же міръ вещей долженъ разсматриваться совсѣмъ подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ въ наукахъ не соціальныхъ»[3]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Сириновъ отрицаетъ чисто-индивидуалистическое направленіе изслѣдованія въ соціальныхъ наукахъ и въ частности т. н. робинзонады, равно какъ приложеніе механическаго взгляда[4]. Осо-

---

[1]) Теоретич. политич. экономія, какъ наука. В. I. 1910; Политич. экономія, какъ наука. В. II. 1910. Здѣсь вообще имѣется въ виду II выпускъ.

[2]) Стр. 42.

[3]) Стр. 11 и сл., 48 и сл.

[4]) Гл. II.

бенно подробно опровергается различеніе естественныхъ и соціальныхъ, или же логическихъ и историческихъ категорій, приписывая этой проблемѣ недопускаемый имъ естественно-научный характеръ[1]. Вышеопредѣленная сфера соціальныхъ переживаній, въ соотвѣтствіи съ «цѣлями, на которыя направлена дѣятельность лицъ, живущихъ въ обществѣ», подраздѣляется на отдѣльныя группы воленій, которыя и представляютъ предметъ отдѣльныхъ спеціальныхъ дисциплинъ. Въ частности, «тѣ воленія, которыя имѣли и имѣютъ обыкновенно въ виду экономисты, направлены на пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ, удовлетворяющихъ наши въ нихъ потребности». Какъ поясняетъ при этомъ авторъ, «потребности въ матеріальныхъ благахъ—потребности насущныя, свойственныя всѣмъ людямъ,—отъ степени удовлетворенія этихъ потребностей часто зависитъ и степень удовлетворенія другихъ». Такимъ образомъ, въ окончательной формѣ авторъ даетъ слѣдующій видъ своему опредѣленію сферы экономическаго: «Экономическая сфера есть совокупность тожественныхъ воленій людей, живущихъ въ обществѣ, цѣль которыхъ составляетъ пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ»[2]. Изъ этого опредѣленія авторъ намѣренно исключаетъ признакъ хозяйственнаго расчета, признавая введеніе его принципіально недопустимымъ[3]. Не удовлетворяясь этимъ, М. А. Сириновъ подвергаетъ критикѣ самый этотъ принципъ, который въ его абсолютномъ и объективномъ значеніи имъ признается недостижимымъ; «съ точки же зрѣнія силъ и возможности, лежащихъ въ самихъ факторахъ, экономическій принципъ наибольшаго дѣйствія сведется къ простому констатированію факта, что всякій факторъ во всякихъ конкретно данныхъ условіяхъ производитъ тотъ именно результатъ, какой онъ въ силахъ произвести, и въ этой формулировкѣ экономическій принципъ обнимаетъ собою не только какой-либо видъ человѣческой дѣятельности, но представляетъ собою общую сумму всѣхъ явленій міра». Наконецъ, въ субъективномъ пониманіи, «онъ

---

[1]) Гл. IX, X, XI.
[2]) Стр. 72 и сл.
[3]) Стр. 2, 73 и сл.

совпадаетъ съ принципомъ всякой цѣлесообразной дѣятельности вообще, какъ это хорошо уже выяснилъ Gans-Ludassy». «Съ этой точки зрѣнія вся дѣятельность людей въ обществѣ будетъ экономической. Это, съ одной стороны,—а съ другой, такое опредѣленіе погрѣшаетъ противъ методовъ общественныхъ наукъ. Предметъ ихъ можетъ быть опредѣленъ не по средствамъ, а по цѣли, которая данными средствами достигается. И такъ», заключаетъ авторъ, «ни съ объективной, ни съ субъективной точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія методологіи общественныхъ наукъ принципъ хозяйственнаго расчета не можетъ быть признанъ характеризующимъ экономическое явленіе»[1]. Что касается положенія экономической сферы въ общей совокупности соціальной жизни, то М. А. Сириновъ отрицаетъ, «что экономическую сферу можно отмежевать въ абсолютно самостоятельную и независимую область»; онъ предполагаетъ высшее единство соціальной жизни, «возможность и долженствованіе ея достигнуть этой гармоніи цѣлаго подъ главенствомъ верховной этической цѣли». Признавая, такимъ образомъ, этическій характеръ политической экономіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ невозможность совмѣстить это съ изслѣдованіемъ подъ знакомъ причины[2], а отсюда заключаетъ о недопустимости не только естественно-научной исторіи и политики, но и теоріи политической экономіи[3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ признается совершенно негоднымъ дѣленіе на общую и спеціальную части. Съ точки зрѣнія цитируемаго автора, «экономическая наука если и можетъ чѣмъ заниматься, такъ лишь тѣмъ, что предоставляется исторической школой на долю спеціальной части,—вся же первая часть не позволительна въ соціальныхъ изслѣдованіяхъ». «И если дѣленіе на общую и особенную части въ политической экономіи и допустимо, то подъ общимъ нужно очевидно понимать болѣе распространенныя переживанія, и подъ спеціальнымъ—менѣе распространенныя. На нашъ взглядъ, однако, это совершенно ненужно». Равнымъ образомъ, отвергается и обычное дѣленіе на отдѣлы

---

[1]) Стр. 77.
[2]) Стр. 79 и сл.
[3]) Стр. 106.

производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія[1]. По мнѣнію цитируемаго автора, «политическая экономія можетъ располагать свой матеріалъ въ любомъ порядкѣ»,—въ видѣ «ряда монографій, содержащихъ въ себѣ исчерпывающее изученіе интересующихъ насъ въ данный моментъ явленій», при чемъ «лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности» предпочтителенъ порядокъ убывающей распространенности явленій[2].

Изложенныя сейчасъ воззрѣнія, въ которыхъ правильно отмѣченъ соціальный характеръ хозяйственной сферы и науки о ней, заключаетъ въ себѣ однако, на нашъ взглядъ, также и погрѣшности. Прежде всего, мы не можемъ принять проводимаго здѣсь пониманія индивидуальнаго, которое въ дѣйствительности есть одно изъ проявленій соціальной жизни и не можетъ быть относимо къ вещамъ. Невозможно представить себѣ такую раздвоенность личности, чтобы ея индивидуальныя и соціальныя проявленія имѣли различный характеръ, ни отожествлять понятія индивидуальнаго и единичнаго. Самое опредѣленіе общества представляется слишкомъ формальнымъ и отвлеченнымъ. Но въ особенности не можемъ мы согласиться съ цитированнымъ опредѣленіемъ политической экономіи и ея сферы.

51. Въ экономической литературѣ преобладаютъ однако вообще тѣ опредѣленія экономики и ея предмета, которыя не базируются на предположеніи обширной и цѣлостной группы наукъ, связанныхъ общностью содержанія и включающихъ нашу науку. При этомъ само собою разумѣется, что эта обособленность представленія экономики можетъ имѣть весьма различную мѣру или даже быть лишь кажущейся подъ вліяніемъ краткости изложенія. Въ виду этого эти особенныя опредѣленія могутъ представлять интересъ и съ точки зрѣнія общекультурныхъ отправныхъ воззрѣній. Было бы излишне указывать на крайнее разнообразіе и несогласованность всѣхъ этихъ опредѣленій экономики. Нельзя игнорировать также, что основныя воззрѣнія и направленіе того или иного пред-

[1]) Стр. 108 и сл.; вып. I стр. 172.
[2]) Стр. 114.

ставителя экономики не исчерпываются опредѣленіемъ науки и въ видѣ исключенія могутъ даже отклоняться отъ него. Тѣмъ не менѣе имѣетъ свое особое значеніе, что именно ученый пожелалъ особенно выдвинуть и оттѣнить чрезъ включеніе въ составъ основного опредѣленія науки. Такимъ образомъ, эти опредѣленія экономики въ извѣстной мѣрѣ характеризуютъ ихъ авторовъ, а равно, въ своей совокупности, и экономическую науку и вмѣстѣ съ тѣмъ поддаются извѣстному комбинированію ихъ въ однородныя группы[1].

Въ ряду этихъ особенныхъ опредѣленій встрѣчаются опредѣленія внѣшняго описательно-перечневого характера и опредѣленія по существу. Первыя изъ нихъ вообще менѣе претенціозны и иногда могутъ оказаться свободными отъ существенныхъ недостатковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они и не имѣютъ существеннаго научнаго значенія. Вторыя, хотя бы и лишенныя широкой и углубленной основы, какую представляетъ понятіе общественной жизни или культуры въ цѣломъ и въ соотвѣтствующемъ ея расчлененіи, скорѣе могутъ представлять интересъ для характеристики экономики какъ съ точки зрѣнія специфическихъ особенностей ея, такъ отчасти и общихъ чертъ, присущихъ ей, какъ одной изъ соціальныхъ наукъ.

Описательнаго характера опредѣленіе далъ Ad. Held[2]. «Національная экономика», говорилъ онъ, «есть наука, которая учитъ, какъ люди соединяютъ свои силы, чтобы приспособить природу къ удовлетворенію ихъ потребностей, какъ продуктъ этой дѣятельности въ разной мѣрѣ поступаетъ въ пользу индивидовъ, классовъ, народовъ, какъ продукты примѣняются для человѣческихъ цѣлей и замѣщаются все новыми». Обширное опредѣленіе описательно-перечневого характера представилъ J. Kudler[3]; описательное опредѣленіе даютъ также

[1]) Спеціально интересуясь въ данномъ случаѣ вводными понятіями экономической теоріи, мы не касаемся здѣсь вопроса о внутренней системѣ экономическихъ знаній, образующихъ группу спеціальныхъ наукъ. Относительно отмѣченнаго вопроса см. наше Введеніе. 1909. Стр. 50 и сл.

[2]) Art. Nationalökonomie. Bluntschli's Staatswörterbuch in drei Bänden. B. II. S. 658 f. Связь съ общесоціальными отправными воззрѣніями имѣютъ опредѣленія хозяйственной науки, которыя далъ тотъ же экономистъ въ другихъ своихъ трудахъ: Grundriss für Vorlesungen über Nationalökonomie. 2 Aufl. 1878. S. 10; Einige neue Versuche zur Revision der Grundbegriffe der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. J. 14. 1876. B. II. H. 3. S. 160.

[3]) Die Grundlehren der Volkswirthschaft. Th. I. 1846. § 3. S. 3 f.

A. W. Flux[1] и A. Graziani[2], на ряду же съ инымъ опредѣленіемъ—J. St. Mill[3], H. R. Seager[4] и др. Подобный же характеръ отчасти присущъ и опредѣленію науки о народномъ хозяйствѣ въ курсѣ проф. Л. В. Ходскаго[5].

Къ указанной группѣ опредѣленій экономіи болѣе или менѣе близко подходятъ тѣ, которыя лишь односторонне и недостаточно, но все же внѣшнимъ образомъ характеризуютъ экономику, ограничиваясь указаніемъ лишь общей цѣли либо нѣкоторыхъ изъ задачъ, къ которымъ имѣетъ отношеніе хозяйственная дѣятельность[6]. Сюда принадлежатъ опредѣленія политической экономіи, какъ науки о богатствѣ или о благахъ[7], о созданіи и распредѣленіи благъ[8], о производствѣ и присвоеніи благъ[9], о производствѣ и потребленіи[10] или о пріобрѣтеніи и потребленіи благъ[11], объ обезпеченіи благъ[12], объ обезпеченіи

---

1) Economic Principles. P. VII, 1 seq.

2) Istituzioni di economia politica. 2 ed. P. 8.

3) Essays on some unsettled Questions of Political Economy. P. 138.

4) Introduction to Economics. P. 1.

5) Политическая экономія въ связи съ финансами. 5 изд. Т. I. Стр. 1 и сл. Собственно опредѣленіе политической экономіи не лишено и соціальнаго оттѣнка.

6) Многіе изъ принадлежащихъ сюда авторовъ ограничиваютъ содержаніе хозяйства и экономики матеріальностью объектовъ ихъ, хотя и не вводя этого въ самыя опредѣленія. См. также далѣе о матеріалистическихъ опредѣленіяхъ хозяйства и экономики.

7) Ad. Smith. Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Bk. IV. Introduction; N. W. Senior. Political Economy. 3 ed. P. 1; Francis A. Walker. Political Economy. 3 ed. P. 1; Irving Fisher. Elementary Principles of Political Economy. P. 1; Macvane. Working Principles of Political Economy. P. 11; Joseph Droz. Économie politique. P. 5; P. Rossi. Cours d'économie politique. 4 éd. T. I. P. 41; Scialoja. Principes de l'économie sociale. Trad. P. 20 (собственно: отношенія между благами и человѣкомъ); E. Nazzani. Sunto di economia politica. 9 ed. 1903. P. 2, 4; Matthäus Liberatore. Grundsätze der Volkswirtschaft. Übers. S. 20 ff. (наука объ общественномъ богатствѣ); Cossa. Introduzione allo studio dell' economia politica. 3 ed. P. 11; M. Haushofer. Grundzüge der politischen Ökonomie. 3 A. S. 11; C. Herckenrath. Die ökonomischen Bedingungen des sozialen Lebens. T. I. S. 13 f. (наука о богатствѣ и бѣдности); J. Wolf. Nationalökonomie als exacte Wissenschaft. § 3 S. 5.

8) Turgot. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses. Collection des principaux économistes. Vol. III. Éd. par E. Daire. 1844. (ср.: Block. O. c. T. I. P. 71).

9) J. N. Keynes. The Scope and Method of Political Economy. P. 99 seq.

10) James Mill. Elements of Political Economy. P. 3; A. Marshall. Principles of Economics. V. I p. 49; Ch. Raper. The Principles of Wealth and Welfare. P. 1,3.

11) J. Schön. Neue Untersuchung der Nationalökonomie. S. 3; Ad. Wagner. Grundlegung der politischen Oekonomie. Th. I § 29 S. 81 (присоединяетъ къ этому указаніе принципа хозяйственности).

12) Ad. Landry. Manuel d' économique. P. 5—6; B. Nogaro. Éléments d' économie

существованія[1], или съ цѣлью обезпечить благосостояніе[2], объ отношеніяхъ по производству[3], объ обмѣнѣ[4].

52. Гораздо большій интересъ представляютъ для науки тѣ опредѣленія экономики, въ которыхъ заключается болѣе или менѣе успѣшная попытка выяснить и установить самую сущность хозяйства и науки о хозяйствѣ.

Къ опредѣленіямъ по существу до нѣкоторой степени близки древнія, въ греческой философіи, опредѣленія экономики, понимавшейся впрочемъ скорѣе въ смыслѣ практическаго искусства и въ этомъ смыслѣ сближавшейся съ другими практическими искусствами общественнаго существованія людей. Такъ, Ксенофонтъ, въ діалогахъ Сократа, высказываетъ, что экономія есть наименованіе науки, подобно медицинѣ, металлургіи и архитектурѣ, и что какъ каждое изъ искусствъ имѣетъ свое дѣло, такъ и экономія. Дѣломъ хорошаго хозяина является хорошо завѣдывать собственнымъ имуществомъ или порученнымъ ему чужимъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы получить даже большое вознагражденіе, если бы, принявъ на себя хозяйство, онъ смогъ не только выполнить должное, но и пріумножить хозяйство чрезъ достиженіе избытка. Нѣсколько дальше Ксенофонтъ приводитъ общее заключеніе Сократа: Итакъ, экономія есть наименованіе науки, посредствомъ которой люди могутъ умножить хозяйства, хозяйство же есть совокупность имущества, имущество же есть то, что полезно для каждаго въ жизни, полезно же все, чѣмъ кто-либо умѣлъ бы пользоваться[5].

Въ одномъ изъ произведеній Аристотеля, посвященномъ этикѣ[6], въ начальныхъ строкахъ, проводится мысль, что въ соотвѣтствіи съ человѣческими цѣлями существуютъ различ-

politique. Introduction; E. Philippovich. Grundriss der politischen Oekonomie. B. I S. 1, 36; W. Wygodzinski. Einführung in die Volkswirtschaftslehre. S. 5.

1) Thomas Nixon Carver. Distribution of Wealth. P. XI.

2) P. Cauwès. Cours d'économie politique. 3 éd. T. I alin. 7 p. 7.

3) М. Н. Соболевъ. Элемент. учебникъ политич. экономіи. Стр. 4 и сл.

4) R. Whately. Introductory Lectures on Political Economy. Lect. I; H. Macleod. The Elements of Economics. Vol. I bk. II p. 137.

5) Xenophontis scripta minora. Oeconomicum. Cap. I, VI. 4.

6) Ethica Nicomachea. 1094 a, b.

ныя занятія, искусства и знанія, и что цѣлью экономики является богатство. Во второй главѣ приписываемаго Аристотелю сочиненія объ экономикѣ[1], устанавливается различеніе экономіи государевой, намѣстничьей, политической и частной. Наконецъ, въ сочиненіи Аристотеля о политикѣ[2] проводится противопоставленіе экономики и хрематистики, при чемъ этой послѣдней придается спекулятивно-капиталистическій характеръ и ей отводится позднѣйшая, по ходу развитія, эпоха. Симпатіи самого Аристотеля клонились къ домашней хозяйственной дѣятельности, восполняемой натуральнымъ и денежнымъ взаимообмѣномъ. Въ опредѣленіи хозяйства Аристотель исходитъ изъ понятія домашняго хозяйства, съ образующими домашній бытъ отношеніями между господиномъ и рабами и отношеніями семейственными[3].

Представляетъ интересъ и имѣетъ свои достоинства относящееся ко времени до Смита, т. е. къ той эпохѣ въ наукѣ, когда обходились вообще безъ опредѣленія ея—опредѣленіе James Steuart'a[4]. «Экономія», говоритъ онъ въ началѣ своего трактата, «есть вообще искусство обезпеченія всѣхъ потребностей семьи, съ благоразуміемъ и бережливостью. Если какая-либо вещь необходимая или полезная не достаетъ, если какая-либо заготовленная вещь утеряна или неправильно примѣнена, если слуга, животное имѣются въ излишнемъ числѣ или безполезны, если чья-либо болѣзнь или слабость пренебрегается, мы непосредственно наблюдаемъ недостатокъ экономіи. Предметомъ ея, въ частномъ быту, представляется, слѣдовательно, обезпеченіе пропитанія и прочихъ потребностей и примѣненіе каждаго индивида». «Что представляетъ собою экономія въ домашнемъ быту, то есть политическая экономія въ государствѣ». «Главнымъ предметомъ этой науки служитъ обезпечить извѣстный фондъ для существованія всѣхъ

---

[1]) Oeconomica. B. 1345 b.

[2]) Politica. A. 1253 b, 1256.

[3]) См.: Kautz. Geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomik. I. Abth. S. 133; Kinkel. Sozialökon. Grundlagen der Staats- und Wirtschaftslehren von Aristoteles. B. Teil I. Kap. I; K. Marx. Das Kapital. B. I. Kap. IV. Anm. 6; Fr. J. Neumann. Grundlagen der Volkswirtschaftslehre. Kap. I. S. 21 ff.

[4]) An Inquiry into the Principles of Political Economy. London. MDCCLXVII. Vol. I. bk. I. ch. I. p. 1 seq.

обитателей, предупреждать всякое обстоятельство, которое могло бы сдѣлать существованіе непрочнымъ, снабжать всѣмъ необходимымъ для обезпеченія потребностей общества и дать примѣненіе обитателямъ (предполагая ихъ свободными людьми) такимъ образомъ, чтобы естественно создать обоюдныя отношенія и зависимости между ними, дабы ихъ разные интересы побуждали ихъ къ снабженію другъ друга въ ихъ встрѣчающихся потребностяхъ». Въ этомъ опредѣленіи J. Steuart представилъ какъ существо экономіи, такъ и тотъ общій источникъ, изъ котораго проистекаетъ вся система народнохозяйственныхъ взаимоотношеній. Въ общемъ это опредѣленіе по своему духу близко къ вышеуказанному древнегреческому пониманію.

Правильное воззрѣніе на существо экономики и отграниченіе ея отъ другихъ наукъ представилъ выдающійся французскій экономистъ Charles Dunoyer[1]. Въ предисловіи къ своему главному труду, примѣнительно къ содержанію его, онъ говоритъ между прочимъ: «Если эта книга имѣетъ какую-либо заслугу, то это, разумѣется, приданіе общественной экономіи болѣе широкой и болѣе правильной идеи». «Здѣсь идетъ дѣло идетъ не томъ, чтобы дать трактаты о политикѣ или морали, какъ и не объ агрономіи и технологіи. Надлежитъ трактовать не о какомъ-либо искусствѣ, но объ условіяхъ мощи, общихъ всѣмъ искусствамъ; надлежитъ излагать болѣе совершенно и болѣе полно, чѣмъ это дѣлали, какая совокупность работъ входитъ въ экономію общества и на совокупности какихъ средствъ покоится мощь всякаго труда. Такое изложеніе не только не представляетъ трактата de omni re scibili, смѣшенія всѣхъ наукъ, но это есть трудъ весьма обособленный, весьма опредѣленный, весьма спеціальный, у котораго нѣтъ недостатка—я надѣюсь, это признаютъ—ни въ простотѣ ни въ единствѣ». «Слово: экономія выражаетъ по существу лишь идеи порядка, закона, правила. Экономія относительно вещи это—распоряженіе ею въ виду извѣстной цѣли». «Экономія человѣческаго тѣла есть порядокъ, въ которомъ все устроено для упражненія и развитія его силъ. И

[1]) De la liberté du travail. 1845. T. I. Préface.

что представляетъ собою экономія общества, какъ не, подобнымъ же образомъ, порядокъ, по которому все устроено для упражненія и развитія соціальныхъ силъ? И что представляетъ собою наука этой экономіи, какъ не знаніе этихъ силъ и ихъ средствъ, т. е. знаніе всѣхъ работъ общества и условій, коимъ подчинена ихъ мощь».

Въ германской литературѣ Rodbertus-Jagetzow[1] представилъ не лишенное извѣстнаго приближенія къ истинѣ, но искаженное грубо выраженной матеріалистической тенденціей объясненіе существа и назначенія экономики, выводимое изъ несоразмѣрности между безграничностью человѣческихъ потребностей и возможностью обезпечить ихъ удовлетвореніе. По относящемуся сюда опредѣленію, «хозяйство есть завѣдываніе наличными благами съ цѣлью возможно лучшаго удовлетворенія потребностей. Обозначать его лишь какъ простое стремленіе къ такимъ цѣлямъ не точно. Кто ничего не имѣетъ и срываетъ для себя плодъ, тотъ не хозяйничаетъ, а работаетъ. Лишь если онъ имѣетъ выработанное, начинается хозяйство; онъ можетъ обращаться съ этимъ хозяйственно или расточительно, хорошо или плохо способствовать хозяйственнымъ цѣлямъ. Здѣсь не мѣсто болѣе обосновывать это ограниченіе понятія, но не представляетъ трудности показать, какъ всякая дѣйствительно хозяйственная дѣятельность покрывается понятіемъ просто завѣдыванія имѣющимся, и то ограниченіе оправдывается повсюду при естественномъ подраздѣленіи хозяйственной области на производственное хозяйство, государственное хозяйство и потребительное или домашнее хозяйство». Въ связи съ этимъ и трудъ опредѣляется, какъ во всѣхъ случаяхъ тождественное по идеѣ, но различное по интенсивности «подчиненіе и служеніе человѣческой силы и времени по отношенію къ цѣли присвоенія извѣстной вещи, поэтому всегда пожертвованіе и понужденіе своей воли (Willkühr)».

Весьма замѣчательное опредѣленіе экономики далъ Fr. Hermann[2]: «Хозяйство», утверждаетъ онъ, «не есть самостоятель-

[1]) Zur Erkenntniss unsrer staatswirthsch. Zustände. 1842. S. 4 ff.
[2]) Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2 Aufl. 1870. S. 66 ff.

ная дѣятельность; оно есть лишь одна сторона совокупнаго труда къ удовлетворенію потребностей. Оно есть соблюденіе мѣры, надзоръ и обоюдный расчетъ въ области техническихъ операцій и сдѣлокъ обращенія или при примѣненіи благъ къ потребностямъ». «Безъ этого подчиненія хозяйственному принципу техника можетъ имѣть большое значеніе въ опытахъ и въ безвозмездной дѣятельности; но если она упускаетъ количественное соразмѣреніе и соображеніе труда и имущества, примѣняемыхъ ею для своихъ цѣлей, то она дѣйствуетъ внѣ области хозяйства». «Наука о хозяйствѣ имѣетъ дѣло не съ благами, какъ таковыми, не—какъ часто говорится—съ изготовленіемъ, раздѣленіемъ и потребленіемъ благъ. Эти дѣйствія суть предметъ горной промышленности, земледѣлія, индустріи, торговли, домашняго хозяйственнаго попеченія, учрежденій для осуществленія задачъ общественной жизни. Она трактуетъ, въ техникѣ, какъ и при удовлетвореніи потребностей, всѣ блага лишь какъ продукты человѣческой дѣятельности и предметы обладанія, какъ итогъ труда и имущества, которые въ формѣ потребительной и мѣновой цѣнности сводитъ къ величинамъ одинаковаго рода, чтобы можно было сопоставить, что человѣкъ вложилъ въ нихъ изъ своихъ пожертвованій [и, должно къ этому прибавить, чего онъ можетъ достигнуть чрезъ обладаніе и пользованіе ими]. Она занимается только этими количественными соотношеніями цѣнности, чтобы во всѣхъ случаяхъ опредѣлять потребную для изготовленія благъ мѣру пожертвованія труда и имущества, привести ее въ соотвѣтствіе съ данными средствами и сдѣлать наиболѣе дѣйствительной для преднамѣренныхъ цѣлей. Она отвлекается отъ безчисленныхъ качественныхъ различій, разсматриваетъ блага, какъ однородныя количества, и показываетъ, какъ въ нихъ ведется учетъ примѣненію средствъ къ жизни, для цѣлей жизни: она есть наука о величинѣ благъ». Это опредѣленіе, къ которому авторъ его присоединялъ еще указаніе на законы и соціальныя правила, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ успѣшную попытку разрѣшить проблему отграниченія экономики и другихъ отраслей или сторонъ человѣческой жизнедѣятельности. Это опредѣленіе экономики не получило однако распростра-

ненія и иногда цитируется лишь въ той его второстепенной части, которая упоминаетъ о законахъ, или даже, въ своемъ цѣломъ, вызываетъ выраженіе недоумѣнія у иныхъ изъ ученыхъ авторовъ[1].

Къ этой же группѣ опредѣленій хозяйства принадлежитъ краткое замѣчаніе объ этомъ, которое далъ въ своемъ докладѣ въ Политехническомъ Союзѣ Friedrich v. Gottl-Ottlilienfeld[2]. Приписывая хозяйству господствующую и руководящую роль по отношенію къ техникѣ, хотя и не отрицая обратное воздѣйствіе, цитируемый авторъ обозначаетъ хозяйство «искусствомъ правильнаго компромисса между цѣлями, съ точки зрѣнія ихъ осуществленія». Этотъ взглядъ на сущность хозяйства представляется справедливымъ, по сколько оно мотивируется несоразмѣрностью средствъ и цѣлей. Но самое содержаніе цѣлей, вообще говоря, не контролируется хозяйствомъ, какъ это все же допускаетъ Gottl.

Но въ особенности выдается то, относящееся сюда же, опредѣленіе хозяйства, которое далъ Andreas Voigt[3] въ своемъ докладѣ на первомъ германскомъ соціологическомъ конгрессѣ 1910 года въ Франкфуртѣ на М. Приведя остроумныя возраженія противъ обычныхъ опредѣленій хозяйства, Voigt приходитъ къ отрицательному заключенію относительно нихъ: «Цѣль, удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, опредѣляетъ ближайшее высшее общее понятіе, но не содержитъ специфическаго признака хозяйства. Далѣе, не средство рѣшаетъ; мы должны признать хозяйственными какъ матеріальныя, такъ и нематеріальныя средства. Нельзя, наконецъ, и никакой опредѣленный мотивъ обозначить, какъ исключительно хозяйственный; въ хозяйственной жизни дѣйствуютъ скорѣе всѣ мотивы, какъ эгоистическіе, такъ и альтруистическіе». Но если цѣль, средство и мотивъ не могутъ послужить къ обозначенію хозяйственнаго, то для этого пригодно соотношеніе между ними[4],

1) M. Block. Le progrès de la science économique. T. I p. 77, гдѣ объ этомъ опредѣленіи замѣчается между прочимъ: «Mais il fallait faire connaître son point de vue».

2) Der wirtsch. Charakter der technischen Arbeit. 1910.

3) Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages vom 19—22 Okt. 1910. 1911. S. 249 ff.

4) Ср. нѣсколько мелочное возраженіе Liefmann'a (Jahrbücher für National-

именно между цѣлью и средствомъ. «Чтобы познать это отношеніе, мы должны исходить изъ факта, господствующаго надъ всей человѣческой жизнью, именно, что человѣческія потребности въ принципѣ безграничны, человѣческія же средства всегда ограничены. Существуетъ, стало быть, всеобщее и неустранимое несоотвѣтствіе между потребностями и средствами, и отсюда возникаетъ задача распоряжаться имѣющимися средствами такимъ образомъ, чтобы посредствомъ ихъ достигалось возможно полное удовлетвореніе потребностей, или, какъ можно еще выразить это, удовлетворять данныя потребности съ возможно малыми средствами. Экономическая задача есть т. н. задача максимума, какъ обыкновенно выражаются въ математикѣ. При данныхъ условіяхъ долженъ достигаться максимумъ опредѣленнаго эффекта. Вотъ специфически хозяйственная проблема, и повсюду, гдѣ мы съ этимъ встрѣчаемся, и гдѣ она лучше или хуже рѣшается, имѣетъ мѣсто хозяйствованіе. Хозяйствовать означаетъ распоряжаться средствами согласно хозяйственнаго принципа, т. е. распоряжаться такъ, чтобы съ средствами достигалось возможно много. Хозяйствовать означаетъ (disponieren) располагать, пользуясь современнымъ выраженіемъ. Какой цѣли служатъ средства», поясняетъ Voigt, «снабженію ли вещественными или духовными благами, производству ли или потреблению благъ, даже полученію ли или уничтоженію благъ, войнѣ или миру—это совершенно безразлично». «Также какого рода средства, безразлично для хозяйственной природы задачи. Можно и должно такъ же хозяйствовать съ духовными и нематеріальными силами, съ пространствомъ, временемъ, умственной энергіей, какъ и съ матеріалами и физическими силами. Наконецъ, безразлично также, по какимъ мотивамъ дѣйствуютъ. Можно быть хозяйственнымъ изъ чистаго эгоизма, стало быть, чтобы пріобрѣсти возможно много имущества и чрезъ то умножить хозяйственную сферу власти своей личности и доставить себѣ удовольствія (Genüsse). Но можно собирать блага изъ любви къ своимъ дѣтямъ, родственникамъ или соотечественникамъ и

ökon. und Stat. 1913. B. 46 H. 5 S. 639), съ указаніемъ, что это отношеніе не распространяется на мотивы.

въ ихъ интересахъ завѣдывать этими благами». «Есть, стало быть, экономія (Oekonomik) благотворительности, равно какъ экономія пріобрѣтенія благъ и производства ихъ. Стратегія имѣетъ свою экономическую сторону, равно какъ соціальная среда (der soziale Stoffwechsel) или ученая дѣятельность». «И не только созидать науку представляетъ экономическую задачу, но именно также сообщать науку, распространять и примѣнять. Хозяйственная дѣятельность проявляется, стало быть, во всѣхъ областяхъ человѣческой, общественной жизни. Она не ограничивается опредѣленной областью соціальныхъ явленій, но проникаетъ ихъ всѣ, и такъ почти во всемъ. Не все явленіе, не вся дѣятельность цѣликомъ является хозяйственной, но каждое соціальное явленіе имѣетъ свою хозяйственную сторону и можетъ разсматриваться съ хозяйственной точки зрѣнія». На возможныя возраженія «противъ этого далеко охватывающаго, почти универсальнаго пониманія хозяйственнаго» Voigt отвѣчаетъ указаніемъ внутренней спеціализаціи хозяйственныхъ наукъ. Но уступая возраженіямъ, послѣдовавшимъ на его докладъ, A. Voigt призналъ, впрочемъ, что не представляется необходимости въ распространеніи науки національной экономіи на всю область соціальныхъ явленій, подчиняющихся принципу хозяйственности[1].

Мы привели указанное опредѣленіе A. Voigt'a in extenso, какъ наиболѣе близкое къ нашему собственному пониманію, хотя и выработавшемуся независимо отъ цитированнаго сейчасъ автора[2].

Простое опредѣленіе по существу, приближающееся къ древне-греческому пониманію, дали Bonar и É. de Laveley. Bonar[3] опредѣляетъ экономію въ наиболѣе узкомъ и первоначальномъ смыслѣ, какъ «домоводство, завѣдываніе матеріальными рессурсами семьи, что въ настоящее время называютъ домашнимъ хозяйствомъ». «Приложеніе этой общей идеи завѣдыванія рессурсами къ обществамъ даетъ политическую экономію». Laveley[4], исходя изъ древняго словообразованія,

1) Ibidem. S. 334.
2) См. отчасти уже въ нашемъ Введеніи. 1909. Стр. 14 и сл.
3) Elements of Political Economy. Ch. I P. 1 seq.
4) Éléments d'économie politique. 2 éd. P. 1. Нѣсколько дальше (p. 18) авторъ

заключаетъ, что выраженіе: политическая экономія означаетъ «законъ или законы, которые должны управлять завѣдываніемъ благами въ городѣ, т. е. въ обществѣ. Таковъ въ дѣйствительности предметъ экономической науки».

Попытки кратко уловить существо хозяйства или же науки о немъ представили J. G. Courcelle Seneuil, H. Schullern zu Schrattenhofen, Adolph Wenckstern.

Courcelle Seneuil слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ политическую экономію: «Она есть отрасль соціальной науки, имѣющей предметомъ самопроизвольную дѣятельность человѣка. Предметъ политической экономіи есть часть этой дѣятельности, которая примѣняется къ производству, присвоенію и потребленію богатствъ». «Она есть моральная наука, которая ничего не увидитъ тамъ, гдѣ человѣческая воля не заинтересована»[1]. По опредѣленію Schullern'a, наука о народномъ хозяйствѣ есть «ученіе о всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, съ помощью которыхъ люди въ своей совмѣстной соціальной жизни планомѣрно прилагаютъ попеченіе къ удовлетворенію потребностей хозяйственными благами, и именно съ точки зрѣнія не отдѣльнаго индивида, но совокупности народа»[2]. Наконецъ, по выраженію Wenckstern'a, «народное хозяйство есть та сумма дѣятельностей народовъ, которая получается съ точки зрѣнія, что дѣятельности по созданію и примѣненію физическихъ и духовныхъ благъ развиваются для поддержанія и развитія человѣчества»[3]. Въ приведенныхъ сейчасъ опредѣленіяхъ имѣется то общее, что они раскрываютъ соціально-субъективный характеръ хозяйственныхъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ стараются —не вполнѣ удачно, впрочемъ—отмѣтить и специфическую цѣль, обусловливающую эти явленія.

Dr. H. Duncker[4] даетъ правильное опредѣленіе хозяйствованія, какъ «предусмотрительной и цѣлесознающей дѣятельности къ покрытію надобности въ благахъ», при все усили-

---

даетъ уже другое опредѣленіе, какъ «науки о полезномъ или о богатствѣ». Относительно понятія законовъ у Laveley см. выше, § 11 стр. 60.

1) Art.: Économie politique. Nouveau Dictionnaire d'économie politique. T. I p. 764 et suiv.

2) Grundzüge der Volkswirtschaftslehre. S. 19.

3) Einführung in die Volkswirtschaftslehre. S. 1.

4) Volkswirtschaftliche Grundbegriffe. 2 Aufl. 1910.

вающемся проведеніи хозяйственнаго принципа. Но далѣе авторъ, слѣдуя соціальноматеріалистическимъ воззрѣніямъ и относя къ благамъ лишь вещественные предметы, утверждаетъ, что наука о народномъ хозяйствѣ даетъ основы общественной жизни и развитія людей и представляетъ поэтому основную науку для всей совокупной области общественныхъ наукъ.

Къ этой же группѣ опредѣленій принадлежатъ до нѣкоторой степени и тѣ, въ которыхъ, иногда на ряду съ иными опредѣляющими признаками, хозяйственная сфера опредѣляется чрезъ экономическій принципъ, при томъ въ сколько-нибудь правильномъ выраженіи этого послѣдняго[1].

53. Среди множества опредѣленій экономики имѣются далѣе рядъ пониманій, представляющихъ, съ нашей точки зрѣнія, существенные недостатки.

Здѣсь прежде всего надлежитъ отмѣтить чрезвычайно обширную группу опредѣленій, ограничивающихъ сферу хозяйства матеріальными явленіями[2]. Въ этихъ опредѣленіяхъ содержаніе экономики опредѣляется матеріальными потребностями[3] или благами[4] либо матеріальнымъ существовані-

---

[1]) Графъ С. Ю. Витте. Конспектъ лекцій. Лекція I. Стр. 1; А. А. Исаевъ. Начала политич. экономіи. 7 изд. 1908. Стр. 11 и сл.; А. И. Чупровъ. Курсъ политич. экономіи. Изд. 1913 г. Стр. 6 и сл. Ср.: выше, стр. 387, а также Roscher. Grundlagen usw. § 11 S. 26.

[2]) Приводимая въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ литература не можетъ быть полной. Помимо неизбѣжныхъ при этомъ пропусковъ, этому препятствуютъ различія въ формулировкѣ опредѣленій. Въ частности, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ русской литературѣ въ курсахъ И. Иванюкова, В. Я. Желѣзнова и В. В. Святловскаго, указаніе матеріальныхъ благъ совмѣщается съ указаніемъ общественныхъ отношеній по поводу ихъ.

[3]) J. Conrad. Grundriss. T. I. Nationalökonomie. 7 Aufl. 1910. S. 3 (по замѣчанію самого автора, лишь во избѣжаніе необъятнаго распространенія экономики, но признавая однако хозяйственный характеръ въ духовной дѣятельности и относя къ хозяйственнымъ благамъ также личныя услуги и отношенія); I. M. Кулишеръ. Политич. экономія. Стр. 5; А. Скворцовъ. Основанія политич. экономіи. Стр. 1; А. И. Чупровъ. Курсъ политич. экономіи. Изд. 1913 г. Стр. 7.

[4]) R. Torrens. An Essay on the Production of Wealth. 1821. P. 1; R. Jones. Literary Remains consisting of Lectures and Tracts on Political Economy. 1859. P. 4, 187, 542 seq.; A.-E. Cherbuliez. Précis de la science économique etc. 1862. T. I. P. 4, 11, 63 et suiv.; Th. Bernhardi. Versuch einer Kritik der Gründe... für grosses und kleines Grundeigenthum usw. 1849. S. 145; K. Rau. Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. Abth. I. 8 Ausg. § 2; K. Rodbertus. Zur Erkenntniss unsrer staatswirthsch. Zustände. H. 1 S. 1; K. Knies. Die polit. Oekonomie usw. S. 2; J. Kautz. National-Oekonomik usw. § 46 S. 127 ff., § 104 S. 319; Fr. J. Neumann. Grundlagen der Volkswirtschaftslehre. 1889. S. 9 f., 27 f.; H. Dietzel. Theoretische

емъ[1] или же матеріальнымъ благосостояніемъ[2] либо, наконецъ, соціально-трудовыми отношеніями въ области матеріальнаго производства[3].

Подобнаго же рода опредѣленіе даетъ также Werner Sombart[4]. Свое изложеніе по этому вопросу онъ начинаетъ выдержкой изъ газетнаго отчета о концертномъ исполненіи пѣвца: «Было удивительно, съ какой экономіей онъ умѣлъ распоряжаться своими голосовыми средствами; при законченной техникѣ его пѣнія ему удавалось» и т. д. Съ нашей точки зрѣнія приведенная характеристика пѣнія представляется по существу допустимой и развѣ слишкомъ хозяйственной въ примѣненіи къ дѣятельности, казалось бы, всецѣло эстетической, въ которой хозяйственная сторона, на первый взглядъ, должна бы вовсе стушеваться. Sombart приводитъ однако данную выдержку для того, чтобы отмѣтить несостоятельность ея. Въ даваемыхъ имъ затѣмъ опредѣленіяхъ техники и хозяйства онъ приписываетъ этимъ двумъ понятіямъ различный объемъ—полный для техники и ограниченный для хозяйственной дѣятельности. Относя къ техникѣ совокупность познаній и навыковъ или, иначе, всякій искусственный пріемъ для цѣлесообразнаго достиженія какого-либо результата», онъ заключаетъ отсюда, что въ этомъ смыслѣ всякая отдѣльная отрасль человѣческой дѣятельности имѣетъ свою технику. Хозяйство же онъ опредѣляетъ, какъ «организованное попеченіе о существованіи», отличающееся отъ подобной же дѣятельности животныхъ планомѣрнымъ характеромъ перваго. По соотвѣтствію съ этимъ Sombart создаетъ болѣе узкое понятіе матеріальной или экономической техники, разумѣя подъ нею «совокупность всѣхъ

Sozialökonomik. 1895. Buch I. § 2 S. 159 ff.; J. Platter. Grundlehren der Nationalökonomie. S. 1; М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политич. экономіи. 2 изд. Стр. 8.

[1]) E. Dühring. Cursus der National- und Sozialökonomie. 3 Aufl. 1892. S. 3.

[2]) J. Soden. National-Oekonomie. B. I. 1815. Abs. 14 S. 13; J. Fr. E. Lotz. Handbuch der Staatswirthschaftslehre. 1821. B. I. § 1 S. 2 f., § 8 S. 18; J. Simonde de Sismondi. Nouveaux principes d'économie politique. 2 éd. 1827. T. I. p. 8; Fr. Skarbek. Théorie des richesses sociales. 1829. T. I. p. 10; H. Pesch. Lehrbuch der Nationalökonomie. B. I. Abs. 97 S. 246, Abs. 130 S. 403; N. G. Pierson. Principles of Economics. Transl. from the Dutch. 1913. Vol. I. P. 1.

[3]) А. Богдановъ и И. Степановъ. Курсъ политической экономіи. 1910. Т. I. Стр. 1, 3.

[4]) Technik und Wirtschaft. Vortrag. 1901. S. 3 ff.

тѣхъ навыковъ и познаній, которые служатъ къ цѣлесообразному использованію предметовъ внѣшней природы». Матеріалистическая тенденція въ области экономики у цитируемаго автора взяла такимъ образомъ верхъ и надъ широкимъ пониманіемъ техники и надъ таковымъ же понятіемъ экономическаго принципа.

Далѣе, встрѣчаются неправильныя опредѣленія. Такъ, Gottlieb Hufeland[1], имѣя въ виду политическую экономію и изъемля отсюда финансовое искусство и прикладныя отрасли, какъ земледѣліе, лѣсное хозяйство и горное дѣло, опредѣлялъ эту науку, которой далъ наименованіе науки или, точнѣе, искусства государственнаго хозяйства (Staatswirthschaftskunst), какъ дѣятельность государства относительно благъ. Vilfredo Pareto[2] опредѣлялъ чистую политическую экономію, какъ одну изъ естественныхъ наукъ. Сюда же, къ неправильнымъ опредѣленіямъ, должно отнести гедонистическое направленіе экономики, основывающееся на искаженномъ представленіи экономическаго принципа[3]. Въ частности, Emil Sax[4] опредѣлялъ экономическую науку въ соотвѣтствіи съ задачами т. н. точнаго направленія научнаго изслѣдованія: «Содержаніемъ національно-экономической теоріи служитъ выясненіе душевныхъ явленій, которыя разыгрываются въ людяхъ вслѣдствіе основного экономическаго соотношенія. Въ этомъ смыслѣ она есть прикладная психологія». Сущность экономіи онъ выводитъ изъ упомянутаго основного экономическаго отношенія — между ограниченностью средствъ и неограниченной расширяемостью цѣлей, при чемъ, однако, разсматриваетъ экономическія дѣйствія людей всецѣло со стороны заключающихся въ нихъ простѣйшихъ психическихъ актовъ. Чрезъ посредство послѣднихъ естественныя причины вызываютъ измѣненія въ состояніи вещей, осуществляемыя человѣкомъ.

---

[1]) Neue Grundlegung der Staatswirthschaftskunst. Th. I. 1807. S. 7, 10. (Idem. Wien. 1815, S. 6, 8). Нѣкоторую аналогію этому представляетъ Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft, von E. Sax. 1887.

[2]) Cours d'économie politique. T. I alinéa I p. 2.

[3]) H. H. Gossen. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. (1 A. —1853). Neue A. 1889. S. 34; W. Stanley Jevons. The Theory of Political Economy. 4 ed. 1911. P. 21, 23; R. Liefmann. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. III F. B. 47 H. 6 S. 732 f. (см. ниже, § 54). См. также выше, § 28 стр. 178 и сл.

[4]) Die neuesten Fortschritte der nationalökon. Theorie. 1889. S. 8 f.

Отсюда предположеніе закономѣрной связи между основнымъ экономическимъ соотношеніемъ и опредѣленнымъ экономическимъ поведеніемъ людей, какъ его необходимымъ слѣдствіемъ.

Ad. Wagner[1] обмолвился подобнымъ же замѣчаніемъ: «Національная экономія, какъ наука, есть въ нѣкоторомъ отношеніи прикладная психологія»[2]. Это—не основное у него, но и не случайное—опредѣленіе, можетъ быть, представляетъ и результатъ замѣтнаго тяготѣнія къ внѣшнимъ условіямъ хозяйства, каковы психика и право. Основнымъ представляется у Вагнера опредѣленіе политической экономіи ея объектомъ—«хозяйствомъ вообще», подъ которымъ онъ разумѣетъ «совокупность трудовыхъ дѣятельностей, направленныхъ на продолжительное пріобрѣтеніе и примѣненіе благъ къ удовлетворенію потребностей и планомѣрно, согласно экономическаго принципа происходящихъ въ замкнутомъ или въ предполагаемомъ замкнутымъ кругѣ человѣческихъ потребностей и удовлетворенія»[3]. Но что касается послѣдняго опредѣленія, то трудовая дѣятельность не есть единственный видъ дѣятельности, имѣющей хозяйственное значеніе, по конкретному же содержанію своему она принадлежитъ также и инымъ отраслямъ общественности.

Наконецъ, довольно многочислены опредѣленія, которыя съ методологической точки зрѣнія можно охарактеризовать, какъ проникнутыя естественно-научными тенденціями, такъ какъ народнохозяйственная жизнедѣятельность изображается въ нихъ, какъ подчиненная объективнымъ законамъ или закономѣрнымъ тенденціямъ. Въ этого рода опредѣленіяхъ экономики представляется существенно важнымъ не незыблемость увѣренности въ безусловномъ могуществѣ и дѣйствіи законовъ, но то

---

[1]) Grundlegung der politischen Oekonomie. 3 Aufl. Th. I. § 3 S. 14 f.

[2]) Хотя Wagner и допускаетъ, что при хозяйственной, какъ и всякой вообще, дѣятельности людей не-эгоистическій мотивъ служитъ коррективомъ извнѣ или даже замѣщаетъ эгоистическіе мотивы (§ 33 S. 87), однако представляется по существу правильнымъ относящееся къ нему замѣчаніе B. Crоce (O. c., p. 96-7): «Въ подобныхъ изслѣдованіяхъ экономисты дѣлаютъ грубую ошибку, отождествляя понятія экономическаго и эгоистическаго». Crоce указываетъ также, что съ одинаковымъ основаніемъ можно было бы назвать психологіей и всякую другую науку, такъ какъ все, что мы познаемъ, проходитъ чрезъ человѣческую психику.

[3]) O. c.. § 29 S. 81, § 349, § 56 S. 143. Въ § 56 присовокупляется еще: «Поэтому все [есть объектъ политической экономіи], что касается пріобрѣтенія и примѣненія благъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей». Это выражено однако неопредѣленно и широко.

воззрѣніе, что эти законы, законосообразности, правильности или же тенденціи имѣютъ вполнѣ реальный характеръ или даже господствуютъ надъ дѣйствительной жизнью и представляютъ поэтому объектъ и цѣль научнаго изслѣдованія. Это воззрѣніе въ особенности проявилось у J. B. Say, въ представленіи котораго факты и ихъ природа, какъ она раскрывается въ законахъ или принципахъ, имѣютъ тождественный характеръ. «Политическая экономія», высказываетъ онъ въ предисловіи къ своему трактату, «цѣликомъ основана на фактахъ; ибо природа вещей есть фактъ, также какъ событіе, вытекающее изъ нея. Явленія, причины и результаты которыхъ политическая экономія старается познать, могутъ разсматриваться либо какъ факты общіе и постоянные, одинаковые во всѣхъ сходныхъ случаяхъ, либо какъ частные факты, которые происходятъ, конечно, также въ силу общихъ законовъ, но гдѣ многіе законы дѣйствуютъ сразу и не уничтожаясь видоизмѣняются одинъ другимъ». «Наука не можетъ притязать на познаваніе всѣхъ этихъ модификацій, возобновляющихся ежедневно и безконечно варьирующихъ; но она излагаетъ общіе законы и выясняетъ ихъ съ помощью примѣровъ, реальность которыхъ можетъ быть констатирована каждымъ читателемъ». «Общіе законы, управляющіе теченіемъ вещей, называются принципами, какъ скоро дѣло идетъ объ ихъ примѣненіи». «Политическая экономія, подобно точнымъ наукамъ, слагается изъ небольшого числа основныхъ принциповъ и большого числа слѣдствій или дедуктивныхъ умозаключеній изъ этихъ принциповъ»[1]. Подобнымъ же образомъ J. B. Say высказывался и въ своемъ курсѣ: «Познаніе этихъ естественныхъ и постоянныхъ законовъ, безъ которыхъ человѣческія общества не могли бы существовать, образуетъ эту новую науку, которой дали наименованіе политической экономіи. Эта наука, съ помощью которой не создаются изобрѣтенныя системы, произвольно задуманные планы организаціи, бездоказательныя гипотезы, но познаніе того, что есть, познаніе фактовъ, реальность которыхъ можетъ быть установлена»[2]. Къ изложенному воззрѣнію тѣсно примыкаетъ

[1]) Traité d'économie politique. 6 éd. par H. Say. P. 5, 13.
[2]) Cours complet d'économie politique pratique. 3 éd. par H. Say. P. 3.

H. Storch. «Политическая экономія», въ его опредѣленіи, «есть наука о естественныхъ законахъ, опредѣляющихъ благосостояніе націй, т. е. ихъ богатство и ихъ цивилизацію. Эти законы не суть продуктъ людей; они вытекаютъ изъ природы вещей; ихъ не создаютъ, а находятъ»[1]. Опредѣленіе экономики, какъ трактующей о научныхъ законахъ на протяженіи протекшаго съ того времени столѣтія, было принято весьма многими экономистами различныхъ эпохъ, странъ и направленій[2].

---

[1]) Cours d'èconomie politique. 1815. T. I. Introduction générale. P. 23.

[2]) Во французской литературѣ: A. Batbie. Cours d'économie politique. T. I. P. 7; Joseph Garnier. Traité d'économie politique. 5 éd. P. 33; E. Levasseur. Précis d'économie politique. P. 2; P. Cauwès. Cours d'économie politique. 3 éd. T. I. P. 7; P. Leroy-Beaulieu. Traité théorique et pratique d'économie politique. T. I. P. 11; A. Béchaux. Le droit et les faits économiques. 1889. Introduction; M. Block. Le progrès de la science économique. T. I. P. 77; G. Blanchard. Cours d'économie politique. T. I. P. 2; L. Leseine. Introduction générale à l'étude de l'Économie politique. T. I. Chap. I. § 1, 2; Yves Guyot. La science économique. Ses lois inductives. 4 éd. P. 4, 82.; J. Rambaud. Cours d'économie politique. 1910. T. I. § 1, 7. P. 5, 6, 12. Въ англійской литературѣ: McCulloch. Principles of Political Economy. 2 ed. 1830. P. 1; J. St. Mill. Essays on some unsettled Questions of Political Economy. Essay V; Idem. Principles of Political Economy etc. Ed. by W. J. Ashley. 1909. P. 1, 21; J. E. Cairnes. The Character and Logical Method of Political Economy. 2 ed. 1875. P. 39; H. Fawcett. Manual of Political Economy. 7 ed. P. 4 (пользуется смягченнымъ выраженіемъ: «Political Economy is concerned with those principles which regulate the production, the distribution and the exchange of wealth»); H. D. Macleod. Elements of Economics. 1881. Vol. I. P. 133; J. L. Shadwell. System of Political Economy. 1877. Въ американской литературѣ: Amasa Walker. Science of Wealth. 7 ed. P. 17; J. B. Clark. Essentials of Economic Theory. 1907. P. 1; Alvin Johnson. Introduction to Economics. 1909. P. 20, 18, 8. Въ германской литературѣ: J. Schön. Neue Untersuchung der Nationalökonomie. 1835. S. 9; Fr. Hermann. Staatswirthsch. Untersuchungen. 2 Aufl. 1870. S. 67; H. Mangoldt. Grundriss der Volkswirthschaftslehre. 2 Aufl. S. 9; Fr. G. Schulze. Nationalökonomie. 1856. S. 1, 3 f.; A. Emminghaus. Art.: Volkswirtschaft. Handwörterbuch von Rentsch. S. 984; W. Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 23 Aufl. § 16. S. 41; J. Lehr. Grundbegriffe der Nationalökonomie. 2 Aufl. S. 11; P. Schullern zu Schrattenhofen. Grundzüge der Volkswirtschaftslehre. 1911. Abs. 6 S. 19. Въ итальянской литературѣ: Ant. Scialoja. Les principes de l'économie sociale. Trad. 1844. P. 1; M. Pantaleoni. Pure Economics. Transl. Chap. I. P. 3; C. Supino. Principi di economia politica. 3 ed. P. 7. Въ русской литературѣ: А. Я. Антоновичъ. Курсъ политической экономіи. 1886. Стр. 14—25; А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. 7 изд. Стр. 23 и сл.; Д. И. Пихно. Основанія политич. экономіи. Стр. 1; Д. Д. Моревъ. Руководство политической экономіи. 5 изд. § 5. Стр. 10; В. В. Святловскій. Конспектъ лекцій по политич. экономіи. 1910. Стр. 46 и сл.; Г. О. Симоненко. Политич. экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. 1900. Стр. 11; А. Скворцовъ. Основанія политической экономіи. Стр. 19; М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. 2 изд. 1911. Стр. 13 (какъ одно изъ опредѣленій, даваемыхъ авторомъ); Л. В. Федоровичъ. Теорія политической экономіи. Ч. I. Стр. 7; Графъ С. Ю. Витте. Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ. 1912. Стр. 31.

54. Къ указанной сейчасъ группѣ по своему направленію принадлежитъ также Carl Menger. Его основныя воззрѣнія, проникнутыя полемикой противъ исторической школы въ политической экономіи, какъ бы соединяютъ произвольную абстракцію на индивидуалистической и статической основѣ, въ точной теоріи, съ болѣе близкими къ реальной дѣйствительности представленіями о существѣ и элементахъ соціальной жизни. Однако, въ самой разработкѣ науки тѣ и другіе элементы ея разобщаются путемъ созданія нѣсколькихъ экономическихъ наукъ, самостоятельныхъ, различныхъ и даже противоположныхъ между собою. Menger[1] устанавливаетъ слѣдующіе моменты въ опредѣленіи какой-либо науки: 1) точное обозначеніе науки, 2) объектъ, къ которому относится изслѣдованіе, и 3) «формальную точку зрѣнія, съ которой послѣдній долженъ быть изслѣдуемъ (напр., историческая, теоретическая и т. д.)». Соотвѣтственно этому составу опредѣленія онъ предполагаетъ три возможныхъ основныхъ недостатка въ немъ, при чемъ признаетъ даже «главнымъ недостаткомъ опредѣленій теоретической національной экономіи» отсутствіе точнаго указанія формальной точки зрѣнія. «Большинство опредѣленій», замѣчается здѣсь, «оставляетъ насъ въ сомнѣніи, изслѣдуетъ ли данная наука народное хозяйство съ исторической, теоретической или практической точки зрѣнія или, другими словами, является ли она исторической, теоретической или практической наукой о народномъ хозяйствѣ; большею частью эти три вполнѣ различныя точки зрѣнія изслѣдованія совершенно перемѣшиваются между собою».

Едва ли однако—если только не слѣдовать слѣпо указкѣ искуснаго въ діалектикѣ автора—возможно признать такое основоположное значеніе въ разъединеніи формальныхъ точекъ зрѣнія. Нѣкоторую опору означенное мнѣніе Menger'а можетъ, пожалуй, найти въ методологическихъ воззрѣніяхъ Windelband-Rickert'а, также переносящихъ центръ тяжести въ научномъ изслѣдованіи съ дѣйствительнаго содержанія его на вопросъ о томъ, какимъ научнымъ путемъ мы идемъ въ научномъ изслѣдованіи. Между тѣмъ все значеніе этого

[1]) Untersuchungen usw. Anhang II. S. 238 ff.

вопроса ограничивается лишь обезпеченіемъ правильнаго примѣненія основныхъ общихъ пріемовъ познанія и соблюденія начала экономіи мышленія. Полное разъединеніе въ самостоятельныя науки теоретической, исторической и практической точекъ зрѣнія, внутреннимъ своимъ мотивомъ имѣющее спасти произвольно-абстрактную систему теоретической экономіи,—не вытекая изъ указанныхъ сейчасъ требованій правильнаго примѣненія пріемовъ изслѣдованія и его экономичности—не только не служитъ къ обезпеченію полноты и научной цѣнности результатовъ изслѣдованія, но именно препятствуетъ этому и обусловливаетъ разъединенность и отсутствіе научной гармоніи въ разныхъ отрасляхъ экономической науки. Въ то время какъ специфически историческая точка зрѣнія принадлежитъ особой отрасли знаній, которая относится къ особой же сторонѣ культуры, теоретическая точка зрѣнія въ области соціальной жизни и науки не можетъ быть статической и, стало быть, совпадаетъ съ той генетической, динамической или же исторической точкой зрѣнія, которая относится къ постановкѣ изученія каждой отрасли культуры. Самъ Menger высказывается, что «историческія познанія могутъ скорѣе служить матеріаломъ, на основаніи котораго мы можемъ установить законы явленій (напр., законы развитія народнаго хозяйства)»[1]. Представляется также ошибочнымъ мнѣніе Menger'a, что теоретическая наука имѣетъ своею задачею изслѣдованіе типовъ и типическихъ соотношеній, историческая же—выясненіе сущности и связи индивидуальныхъ явленій[2]. Въ дѣйствительности, въ виду не-типическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ соціальнаго характера явленій соціальной жизни, каждая соціальная наука, не исключая исторіи, имѣетъ своимъ назначеніемъ изслѣдованіе индивидуально-групповыхъ явленій[3].

Menger противопоставляетъ—и въ этомъ уже есть своего рода односторонность—специфическому хозяйственному стремленію людей, направленному на покрытіе потребности въ благахъ[4], иныя, не-экономическія стремленія: изъ взаимодѣй-

[1]) S. 28 f.
[2]) S. 26, 32 f.
[3]) Ср.: H. Rickert. Geschichtsphilosophie. (Philosophie im Beginn des XX Jahrhunderts. B. II S. 74 ff.
[4]) Въ подлинникѣ этому соотвѣтствуютъ выраженіе: Deckung ihres Güterbe-

ствія тѣхъ и другихъ образуется дѣйствительная народная жизнь, а въ ней народное хозяйство, которое поэтому въ своемъ реальномъ проявленіи отнюдь не должно быть разсматриваемо, какъ результатъ лишь стремленій перваго рода[1]. Menger сурово и тѣмъ не менѣе справедливо осуждаетъ т. н. этическое направленіе политической экономіи, признавая его «по отношенію какъ къ теоретическимъ, такъ и къ практическимъ задачамъ политической экономіи непонятнымъ, лишеннымъ всякаго болѣе глубокаго смысла постулатомъ, заблужденіемъ изслѣдованія». Онъ указываетъ, что и анти-этическія явленія могутъ имѣть экономическій характеръ и требуютъ себѣ экономическаго выясненія, что мысль объ этическомъ направленіи экономики не болѣе основательна, нежели объ экономическомъ направленіи этики, и что вообще эта идея обусловливается недостаточной оцѣнкой хозяйственной стороны народной жизни по сравненію съ иными, признаваемыми за болѣе высокія[2]. Съ этими сужденіями не вполнѣ гармонируетъ однако то обширное пониманіе этическаго, которое выказываетъ Menger, когда онъ обозначаетъ всю соціальную жизнь, какъ «область этическаго міра», «область этическихъ явленій», къ которымъ въ частности принадлежитъ народное хозяйство[3]. Подобный же характеръ имѣетъ, безъ сомнѣнія, и замѣчаніе Menger'a, что «представляется неточнымъ выраженіемъ, если теоретическую національную экономію называютъ естественной наукой: въ дѣйствительности, она есть точная этическая наука»[4]. Къ хозяйству онъ относитъ лишь «предусмотрительную дѣятельность людей, направленную на посредственное и непосредственное обезпеченіе потребности въ благахъ, между тѣмъ какъ акты собственно потребленія благъ сами по себѣ не

darfes, что въ русскомъ изданіи (1894. Стр. 57) переведено словами: «удовлетвореніе вещественной потребности». Такая передача гармонируетъ съ распространенной въ русской экономической литературѣ матеріалистической тенденціей, но расходится съ воззрѣніями самаго Menger'a. Такая же неточность повторяется на стр. 73 (S. 78), 74 (S. 78), на стр. 222 дважды (S. 232), затѣмъ на стр. 254 и сл. (S. 263 f.).

[1]) Anm. 26 S. 61 f.

[2]) Anhang IX. S. 288 ff.

[3]) S. 43, 125.

[4]) Anm. 18. S. 39.

охватываются понятіемъ богатства»[1]. Но это утвержденіе ограничивается необходимостью хозяйственнаго урегулированія также расходованія благъ, какъ это призналъ самъ Menger[2]. Неясно и по существу безсодержательно опредѣленіе народнаго хозяйства, «какъ организованной компликаціи отдѣльныхъ хозяйствъ, какъ множества хозяйствъ, соединеннаго въ высшее единство, которое однако само не есть хозяйство въ строгомъ смыслѣ слова»[3]. Прибѣгая къ популярному, но въ то же время мало понятному сравненію, Menger усматриваетъ въ этой компликаціи хозяйствъ такое же соотношеніе, какъ въ цѣпи, представляющей цѣлое, но не какъ въ механизмѣ, который, состоя изъ колесъ и пр., представляетъ единое цѣлое. Это сравненіе не гармонируетъ однако съ признаніемъ народнаго хозяйства соціальнымъ организмомъ[4]. Menger присоединяетъ сюда еще отрицательныя опредѣленія, что народное хозяйство не есть ни совокупность рядомъ стоящихъ изолированныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, ни одно хозяйство, какъ таковое, и что «ни тотъ фактъ, что отдѣльныя хозяйства народа вступаютъ между собою въ обмѣнъ, ни то обстоятельство, что властители народа развиваютъ дѣятельность, направленную на содѣйствіе отдѣльнымъ хозяйствамъ въ ихъ совокупности, ни, наконецъ, наличіе собственно финансоваго хозяйства государства не могутъ сдѣлать отдѣльныя хозяйства народа единымъ хозяйствомъ народа, народнымъ хозяйствомъ въ собственномъ смыслѣ слова»[5]. Menger пытается обосновать точное направленіе научнаго изслѣдованія на самой природѣ хозяйства. По утвержденію его, «первоначальнѣйшіе факторы человѣческаго хозяйства суть потребности, предоставленныя людямъ непосредственно природою блага (соотвѣтствующія средства какъ потребленія, такъ и производства) и стремленіе къ возможно полному удовлетворенію потребностей (къ возможно полному покрытію потребности въ благахъ). Всѣ эти факторы въ концѣ концовъ не зависятъ отъ

1) S. 232, 263.
2) Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. S. 53.
3) Untersuchungen usw. S. 235.
4) S. 233.
5) S. 233, 235.

человѣческаго произвола, даны соотвѣтствующимъ порядкомъ вообще: исходный пунктъ и конечная цѣль всякаго хозяйства (потребность и располагаемое количество благъ съ одной стороны и достижимая полнота покрытія потребности въ благахъ съ другой) въ концѣ концовъ даны хозяйствующимъ людямъ, строго опредѣлены въ своемъ существѣ и мѣрѣ. Точное направленіе теоретическаго изслѣдованія должно учить насъ законамъ, по которымъ на основѣ даннаго фактическаго положенія изъ указанныхъ элементарнѣйшихъ факторовъ человѣческаго хозяйства, въ ихъ изолированности отъ иныхъ, вліяющихъ на реальныя явленія человѣчества, факторовъ, происходитъ развитіе не всей совокупности реальной жизни, но болѣе сложныхъ феноменовъ человѣческаго хозяйства; оно должно насъ поучать этому не только относительно существа, но и относительно мѣры этихъ феноменовъ, и такимъ образомъ раскрывать намъ пониманіе послѣднихъ, по своему значенію аналогичное тому, которое представляютъ для насъ точныя естественныя науки относительно явленій природы»[1]. «Что для сохраненія нашей жизни и нашего благосостоянія мы можемъ сдѣлать, что въ этомъ отношеніи зависитъ отъ нашей власти и произвола, это — проходить тотъ путь отъ строго опредѣленнаго исходнаго пункта къ столь же строго опредѣленной конечной цѣли, на сколько возможно, цѣлесообразнѣе, т. е. въ нашемъ случаѣ, на сколько возможно, хозяйственнѣе». «Произволъ, заблужденіе и прочія вліянія могутъ привести и дѣйствительно приводятъ къ тому, что дѣйствующіе люди могутъ избрать различные пути отъ строго даннаго исходнаго пункта къ столь же строго опредѣленной конечной цѣли ихъ дѣятельности. Несомнѣнно однако, что при вышеуказанныхъ предположеніяхъ всегда лишь одинъ путь можетъ быть наиболѣе цѣлесообразнымъ. Это имѣетъ силу, само собою разумѣется, также и относительно человѣческаго хозяйства». «Если хозяйствующіе люди желаютъ при данныхъ обстоятельствахъ обезпечить съ возможной полнотой удовлетвореніе своихъ потребностей, то отъ того строго опредѣленнаго исходнаго пункта къ той столь же строго опредѣленной конечной цѣли хозяйства ведетъ только одинъ путь,

[1]) S. 45; см. также: Anhang VI. S. 263 f.

точно предуказанный экономическимъ положеніемъ вещей, и этотъ путь, или, что то же самое, хозяйственная дѣятельность человѣка тѣмъ самымъ опредѣляется, хотя и не фактически, но экономически, такъ какъ указанныя условія оказываются вѣрными въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Въ каждомъ конкретномъ хозяйствѣ мыслимы безчисленныя направленія дѣятельности хозяйствующихъ субъектовъ; справедливо однако, что независимо отъ экономически несущественныхъ различій, мыслимо всегда лишь одно и при томъ строго опредѣленное направленіе его». «Точное направленіе теоретическаго изслѣдованія въ указанной области», заключаетъ авторъ, «изслѣдуетъ явленія хозяйственности, феномены, которые, какъ мы видѣли, строго опредѣлены, и оно приходитъ поэтому хотя и не къ точнымъ законамъ реальныхъ, отчасти въ высшей степени не-экономическихъ явленій человѣческаго хозяйства, но къ точнымъ законамъ хозяйственности»[1]. Эту хозяйственность Menger отождествляетъ съ проявленіями человѣческаго своекорыстія въ стремленіяхъ къ обезпеченію своей потребности въ благахъ[2]. Menger однако отвергаетъ сведеніе теоретической экономіи лишь къ системѣ научныхъ законовъ; онъ требуетъ, чтобы основанная на полномъ абстрагированіи отъ не-экономическихъ условій дѣйствительности, точная экономическая теорія давала также общую характеристику абстрактныхъ экономическихъ феноменовъ: «Теоретическая наука о народномъ хозяйствѣ должна представлять намъ не только законы хозяйственныхъ явленій, но также ихъ общую сущность. Изложеніе указанной науки, которое, напр., выясняло бы намъ законы, но не существо благъ, цѣнности и различныхъ формъ, въ какихъ она проявляется, хозяйства, цѣны, земельной ренты, процента на капиталъ, предпринимательской прибыли, денегъ и т. д., должно было бы во всякомъ случаѣ признаваться неполнымъ. Опредѣленіе теоретической науки о народномъ хозяйствѣ (не говоря уже объ опредѣленіи политической экономіи вообще), какъ «науки о законахъ народнаго хозяйства» поэтому во всякомъ случаѣ слишкомъ узко. Еще менѣе

[1]) S. 264 f.
[2]) Buch I. Cap. 7.

правильнымъ представляется указанное опредѣленіе, если понятіе законовъ понимается въ какомъ-либо произвольно избранномъ, обозначающемъ лишь опредѣленный родъ ихъ смыслѣ»[1]. Существо точнаго направленія теоретической экономіи опредѣляется наконецъ характеромъ относимыхъ сюда законовъ. Устраняя вообще понятіе естественныхъ законовъ, а равно и квалификацію чистой національной экономіи, какъ естественной науки, Menger различаетъ, въ соотвѣтствіи съ направленіемъ научнаго изслѣдованія, эмпирическіе и точные законы явленій этическаго міра». Результатомъ реально-эмпирическаго направленія теоретическаго изслѣдованія являются «эмпирическіе законы, теоретическія познанія, которыя намъ выясняютъ фактическія (но отнюдь не безусловно не предполагающія исключеній) правильности въ послѣдовательности и сосуществованіи реальныхъ феноменовъ». Напротивъ, получаемыя въ точномъ направленіи теоретическаго изслѣдованія «законосообразности (Regelmässigkeiten) въ послѣдовательности феноменовъ, не только представляются намъ не знающими исключеній, но и заключаютъ въ самихъ себѣ ручательство невозможности исключеній»[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу практическихъ соображеній, Menger допускаетъ совмѣщеніе въ общемъ изслѣдованіи и изложеніи теоретической національной экономіи «не только точныхъ, но и эмпирическихъ законовъ, даже различныхъ видовъ этихъ послѣднихъ, и не только элементарныхъ, но и производныхъ законосообразностей въ общей связи народнохозяйственныхъ явленій»[3].

Изложенныя воззрѣнія Menger'a заключаютъ въ себѣ ту ошибочную отправную мысль, что потребности, даваемыя природою блага и стремленіе къ возможно полному удовлетворенію потребностей независимы отъ человѣческаго произвола и опредѣляются фактическими условіями. Такая точка зрѣнія равносильна произвольному ограниченію научнаго изслѣдованія и опровергается фактами дѣйствительной жизни. То обстоятельство, что каждому человѣку присущи всѣ эти элементы, еще

1) S. 240.
2) B. I. Cap. 4; см. также Anhang V.
3) S. 50 f., 244.

не исключаетъ индивидуальнаго разнообразія, національныхъ различій и измѣненій ихъ во времени въ зависимости отъ личныхъ особенностей и воли людей и отъ относящихся сюда соціальныхъ условій, и этимъ достаточно обосновывается необходимость и важность научнаго изслѣдованія ихъ, а не признаніе ихъ апріорными фактами народнаго хозяйства. Другой коренной недостатокъ изложенныхъ воззрѣній обусловленъ полнѣйшей абстракціей отъ всѣхъ иныхъ стремленій, кромѣ чисто хозяйственныхъ[1]. Экономическая дѣятельность приводитъ однако къ равнодѣйствующей, къ компромиссу, внѣ-экономическіе элементы культурной дѣятельности, которые даютъ такимъ образомъ почву и конечные объекты для собственно-хозяйственной дѣятельности. Въ окончательномъ итогѣ оцѣнка благъ, труда и т. д. учитываетъ именно эти внѣ-экономическіе моменты. Поэтому точное направленіе теоретической экономіи оказывается лишеннымъ всякаго жизненнаго содержанія и примѣнимымъ лишь въ сферѣ гносеологіи. Напротивъ, то направленіе, которое основывается лишь на относительной абстракціи и признаетъ объектомъ хозяйственной дѣятельности все содержаніе культурной жизни, хотя и не соотвѣтствуетъ ригоризму точнаго направленія, однако въ непосредственномъ изслѣдованіи дѣйствительности даетъ болѣе положительные результаты, которыми Menger и находитъ нужнымъ пользоваться. Методологическія побужденія къ полному изолированію изучаемыхъ теоретической наукой экономическихъ явленій усугубляются мнѣніемъ, что существуетъ противоположность именно «между специфически хозяйственнымъ (направленнымъ къ обезпеченію потребности въ благахъ) стремленіемъ и иными, не-экономическими стремленіями людей, изъ взаимодѣйствія которыхъ возникаетъ реальная народная жизнь и въ ней—народное хозяйство»[2]. Но Menger упускаетъ изъ вида, что это взаимодѣйствіе обезпечивается единствомъ конкретнаго содержанія соціальной жизни и соотвѣтствующей этому общностью въ содержаніи соціальныхъ наукъ, и что, съ другой стороны, взаимодѣйствіе имѣетъ мѣсто между хозяйственной и всякой

[1]) S. 67.
[2]) Anm. 26 S. 62.

иной стороной соціальной жизни, а не между первой и якобы противоположной ей группой прочихъ, что, разумѣется, отнюдь не одно и то же.

Въ ряду неправильныхъ опредѣленій экономики надлежитъ отмѣтить попытки R. Liefmann'a построить психологическое пониманіе хозяйства. При этомъ всѣ основныя экономическія понятія, какъ полезность (Nutzen), стоимость (Kosten), доходъ (Ertrag, Einkommen) во всѣхъ ихъ проявленіяхъ и элементахъ разсматриваются не какъ количества благъ или денегъ, но какъ понятія оцѣнки, относящейся къ сопутствующимъ психическимъ переживаніямъ. Примыкая къ вышеприведенному опредѣленію A. Voigt'a, Liefmann утверждаетъ, что «хозяйствованіе есть располаганіе (Disponieren), и располаганіе есть, безъ сомнѣнія, нѣчто психическое»[1]. Обычную формулировку экономическаго принципа: «наибольшій результатъ съ возможно малой затратой средствъ» онъ находитъ слишкомъ общей и не могущей отграничить хозяйство отъ техники. Взамѣнъ этого принимается психическое пониманіе этой формулы, какъ специфически хозяйственное выраженіе ея: «возможно больше удовлетворенія, чувства удовольствія, съ возможно малымъ чувствомъ неудовольствія»[2]. Область хозяйственнаго отграничивается соображеніями сопоставленія затрачиваемыхъ средствъ и достигаемаго удовлетворенія: «Отдѣльное дѣйствіе становится хозяйственнымъ, если оно происходитъ подъ вліяніемъ соображенія расчета различныхъ возможностей удовлетворенія потребностей и затрачиваемыхъ различныхъ издержекъ». Въ этой проблемѣ раздѣленія стоимостей между потребностями «ни цѣль ни средства, о которыхъ идетъ дѣло, не являются данными и постоянными. Цѣль есть удовлетвореніе потребностей, которыя сами по себѣ безконечно велики, но не всѣ и большинство не вполнѣ могутъ быть удовлетворены, и которыя однако убываютъ въ силѣ съ повышеніемъ удовлетворенія»[3]. Примѣнительно къ идеѣ предѣльной полезности Liefmann формули-

[1]) Wirtschaft und Technik. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1914. B. 47 H. 6 S. 733 f.

[2]) S. 738.

[3]) Das Wesen der Wirtschaft und der Ausgangspunkt der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1913. B. 46 H. 5 S. 647.

руетъ законъ равенства предѣльныхъ доходовъ (Ertrag), разумѣя подъ этими протяженіе (Spannung) полезности и стоимости, при чемъ высшее удовлетвореніе предполагается именно при равенствѣ предѣльныхъ доходовъ[1] относительно всѣхъ потребностей. Далѣе, приписывая техникѣ и не обособленному отъ нея понятію хозяйственнаго количественно-матеріалистическій характеръ, авторъ различаетъ также чистую и экономическую технику, основывая послѣднюю на понятіяхъ оцѣнки въ трудѣ или деньгахъ. Устраненіе этихъ критеріевъ оцѣнки признается вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ къ достиженію правильнаго пониманія хозяйства[2]. Изъ двухъ возможныхъ исходныхъ точекъ зрѣнія—индивидуальной и соціальной Liefmann отдаетъ рѣшительное предпочтеніе первой, такъ какъ основанныя на ней различныя «экономическія системы стремятся вывести всѣ хозяйственныя явленія, также и мѣноваго хозяйства, изъ хозяйственныхъ дѣйствій отдѣльнаго человѣка»[3]. Авторъ находитъ возможнымъ и предпочтительнымъ «представить понятіе хозяйственной дѣятельности или хозяйствованія такимъ образомъ, чтобы оно одинаково послужило основою какъ для частнаго хозяйства, такъ и для явленій мѣноваго хозяйства и тѣмъ сдѣлало возможнымъ построеніе законченной единой теоріи, чего не можетъ будто бы дать ни одна соціальная отправная точка зрѣнія». Принятіе индивидуальной отправной точки зрѣнія мотивируется еще и тѣмъ, что конечной цѣлью механизма мѣноваго хозяйства является возможно полное удовлетвореніе потребностей всѣхъ отдѣльныхъ людей и что причина всей хозяйственной жизни заключается всецѣло въ чувствованіяхъ потребностей у отдѣльныхъ людей[4].

Изложенная теорія, независимо отъ свойственной ея автору самоувѣренности, представляетъ характерный образецъ развитія идей австрійской школы съ присущимъ ей индивидуальнымъ субъективизмомъ въ опредѣленіи существа экономическихъ явленій. Къ основнымъ дефектамъ этого рода теорій принадлежитъ противопоставленіе индивидуальнаго и соціаль-

[1]) B. 46 S. 649 f.; O. c., B. 47 S. 743 f.
[2]) B. 47 S. 767 ff.
[3]) B. 46 S. 603 f.
[4]) B. 46 S. 616 f., 627

наго съ принятіемъ въ основу перваго изъ нихъ. Далѣе, авторъ погрѣшаетъ, приписывая именно техникѣ матеріальный характеръ и относя къ ней даже болѣе объективное примѣненіе принципа хозяйственности и, съ другой стороны, отождествляя хозяйствованіе съ психическими переживаніями, цѣли и средства хозяйственнаго сознанія и воли съ чувствованіями. Огромная и при томъ наиболѣе интенсивно-хозяйственная часть дѣятельности утрачиваетъ, съ принятіемъ теоріи Liefmann'a, непосредственно хозяйственный характеръ и значеніе.

Въ русской экономической литературѣ Р. М. Орженцкій посвятилъ спеціальный трудъ[1] опредѣленію области экономики. Онъ сводитъ вопросъ къ опредѣленію экономическаго явленія. Должно замѣтить однако, что такая постановка вопроса тяготѣетъ къ несвойственному соціальнымъ наукамъ атомизму и, въ виду крайней абстрактности своей, не обезпечиваетъ полнаго опредѣленія и отграниченія всей сферы хозяйственной жизнедѣятельности. Первая часть разсматриваемаго труда имѣетъ своимъ предметомъ критическій обзоръ существующихъ опредѣленій. Подвергнувъ разбору попытки опредѣлить экономическое чрезъ тотъ или иной специфическій критерій, Орженцкій приходитъ къ заключенію, что такіе критеріи, какъ начала обмѣна или возмездности, понятіе потребности, цѣлесообразность и принципъ хозяйственности имѣютъ болѣе широкое примѣненіе, выходящее за предѣлы экономическаго. Опредѣленіе экономическаго не можетъ также, по его мнѣнію, заключаться въ понятіи богатства, въ свойствахъ вещей и въ частности—въ физическихъ свойствахъ ихъ. Равнымъ образомъ, отвергается опредѣленіе экономическаго явленія съ помощью понятія полезности, такъ какъ «полезность есть только отношеніе вещи къ человѣку; понятіе же экономическаго должно заключать... въ себѣ и отношеніе человѣка къ вещи». Эта послѣдняя мотивировка представляется нѣсколько непонятной: дѣло идетъ не о расчлененныхъ между собою, что само по себѣ уже непріемлемо, отношеніяхъ между человѣкомъ и вещью, но о взаимоотношеніяхъ между людьми, или соціальныхъ отношеніяхъ и интересахъ съ ихъ хозяйственной

[1]) Понятіе объ экономическомъ явленіи. 1903.

стороны. Въ своемъ рѣшеніи проблемы опредѣленія экономическаго явленія Р. Орженцкій утверждаетъ, что именно «свойство измѣряться деньгами» «составляетъ характерную особенность экономическаго явленія и при томъ единственную, по которой экономическое явленіе можетъ быть ограничено отъ неэкономическаго, наиболѣе согласно съ установившимися обычными представленіями о той и другой области и соотвѣтственно реальному различію въ самихъ явленіяхъ одной и другой категоріи». Онъ оговаривается впрочемъ тутъ же, что «при всемъ томъ денежная оцѣнка есть только внѣшній симптомъ экономичности, а не ея сущность. Прежде всего дѣло здѣсь не въ денежной измѣримости, а въ точной измѣримости; деньги же представляютъ, если не единственное, то во всякомъ случаѣ наиболѣе удобное средство точнаго измѣренія, какое намъ дано современнымъ строемъ нашей жизни»[1]. «Какъ только», говорится далѣе, «подобная оцѣнка имѣетъ мѣсто, соотвѣтствующія блага теряютъ свой этическій характеръ и становятся экономическими товарами. Такимъ образомъ въ современныхъ условіяхъ жизни мы можемъ опредѣлить понятіе экономическаго явленія посредствомъ понятія экономической цѣнности, подчиняющейся волѣ субъекта и точно измѣримой посредствомъ конечной цѣнности, матеріальнымъ выраженіемъ которой являются деньги»[2]. Ближе опредѣляются характеръ и значеніе экономической цѣнности въ заключительной фразѣ всего изслѣдованія: «Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ изученія экономическихъ явленій мы не выходимъ за предѣлы психическихъ процессовъ субъекта, вытекающихъ изъ соотношенія его съ внѣшнимъ міромъ. Это соотношеніе приводитъ къ образованію цѣнностей, которыя, съ одной стороны, влекутъ человѣка къ цѣлямъ, съ другой— выражаютъ собою тѣ причины, которыя вызываютъ тѣ или другія его дѣйствія. Въ частности, экономическія цѣнности опредѣляютъ собою все экономическое поведеніе человѣка и общества»[3]. Выводя явленія цѣнности изъ психическихъ со-

[1]) Стр. 75 и сл.
[2]) Стр. 337.
[3]) Стр. 308.

стояній и волевыхъ проявленій и обосновывая соціальныя науки на принципѣ причинности, при чемъ цѣлесообразность не отрицается, но разсматривается какъ обратная причина[1], Р. Орженцкій различаетъ міръ внутреннихъ цѣнностей и не выходящихъ за ихъ предѣлы дѣйствій и міръ внѣшнихъ физическихъ явленій и дѣйствій другихъ лицъ, къ которому принадлежатъ внѣшнія цѣнности, представляющія своеобразный міръ субъективно-объективныхъ явленій, въ коихъ состоянія внутренней психики направлены на внѣшніе объекты—будь то предметы физической природы или другіе люди и ихъ дѣйствія,—подчиненные своимъ собственнымъ законамъ[2]. Изъ этихъ внѣшнихъ цѣнностей выдѣляются тѣ, называемыя авторомъ практическими, цѣнности, которыя допускаютъ волевое воздѣйствіе. Далѣе, «практическія цѣнности, рядомъ съ различіемъ по степени доступности волевымъ воздѣйствіямъ, могутъ обнаруживать и другое различіе по признаку количественной сравнимости: въ то время, какъ однѣ изъ нихъ сравнимы между собою болѣе или менѣе неопредѣленно и, по преимуществу, въ качественныхъ терминахъ—лучше, хуже; другія поддаются болѣе точному количественному сравненію»[3]. «Сдѣлавъ такую классификацію практическихъ цѣнностей по двумъ признакамъ подчиняемости волѣ и количественному характеру, мы получимъ группу объектовъ, которые характеризуются и доступностью волевому воздѣйствію и точной количественной сравнимостью ихъ цѣнностей». «Такого рода цѣнности, подчиняющіяся волевому воздѣйствію и обладающія количественнымъ характеромъ, мы называемъ экономическими, дѣятельность, на нихъ направленную,—экономической, а науку, изучающую экономическія цѣнности и дѣятельность,—экономической наукой или теоріей политической экономіи»[4]. «Что измѣримость посредствомъ денегъ», говорится далѣе, «является характерною особенностью экономическихъ цѣнностей и явленій, хорошо извѣстно на практикѣ; это вѣрный симптомъ того, что вещь по природѣ своей относится къ

[1]) Стр. 149 и сл., 160 и сл.
[2]) Стр. 310 и сл.
[3]) Стр. 312.
[4]) Стр. 314 и сл.

категоріи экономическихъ явленій, либо стала таковою въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ. Всѣ товары, всякое удовольствіе, всякій убытокъ, если ихъ можно точно оцѣнить на деньги, безпорно относятся всегда и всѣми къ экономическимъ объектамъ, которые обыкновенно нельзя считать экономическими. Такъ случается, что продаютъ за деньги совѣсть, честь и очень часто любовь; какъ только подобная оцѣнка имѣетъ мѣсто, соотвѣтствующія блага теряютъ свой этическій характеръ и становятся экономическими товарами. Такимъ образомъ въ современныхъ условіяхъ жизни мы можемъ опредѣлить понятіе экономическаго явленія посредствомъ понятія экономической цѣнности, какъ цѣнности, подчиняющейся волѣ субъекта и точно измѣримой посредствомъ конечной цѣнности, матеріальнымъ выраженіемъ которой являются деньги»[1]. Подтвержденіе этому своему взгляду авторъ находитъ у C. Menger'a и Marshall'я.

Въ проводимомъ у автора субъективно-психологическомъ пониманіи цѣнности, послѣдняя представляетъ собою начало, выходящее изъ границъ экономическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишенное соціальнаго характера, основывающагося вообще на соціальномъ общеніи, а не на свойствахъ и проявленіяхъ единичной личности. Что касается собственно денежной оцѣнки, то таковая не распространяется на довольно многочисленную группу экономическихъ явленій, каковы, въ частности, отношенія по обмѣну, а не по продажѣ, и вообще всѣ хозяйственныя отношенія натуральнаго, а не денежнаго характера. Представляется неправильнымъ также противопоставленіе, какъ двухъ противоположныхъ категорій, экономическаго и не-экономическаго, при чемъ область этики относится ко второй. Оставаясь на точкѣ зрѣнія ограниченной области экономическаго, Р. Орженцкій признаетъ очевидной нелѣпостью предположеніе, что «въ религіозной, эстетической, этической дѣятельности, всюду будетъ заключаться въ то же время и экономическая дѣятельность», «такъ какъ экономическая дѣятельность это специфическая отрасль дѣятельности вообще, а не лишенный содержанія остовъ всякой дѣятельности вооб-

[1]) Стр. 337.

ще»[1]. Останавливаясь въ частности на дѣятельности художника, ученаго, подвижника, гражданина, Р. Орженцкій категорически отрицаетъ экономическій характеръ въ подобной дѣятельности, съ точки зрѣнія удовлетворенія какъ собственныхъ потребностей, такъ и чужихъ: «Всѣ эти и множество другихъ видовъ дѣятельности направлены на удовлетвореніе своихъ и чужихъ потребностей, но не представляютъ собою экономической дѣятельности»[2]. Но тѣмъ самымъ нашъ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе, которое не можетъ быть устранено замѣчаніемъ его, что фактъ не-экономическій, подвергаясь денежной оцѣнкѣ, становится экономическимъ въ отдѣльномъ случаѣ[3]. Онъ самъ впрочемъ высказываетъ, что «поскольку интересъ вещи переложимъ на точную мѣру денегъ, постольку онъ получаетъ характеръ экономическій, посколько не не подается денежной оцѣнкѣ—этическій. Точно также въ совѣтѣ врача, трудѣ наставника экономическую часть услуги мы отдѣляемъ денежнымъ вознагражденіемъ отъ этической, которая никакой денежной оцѣнкой не можетъ быть измѣрена»[4]. При этомъ, въ качествѣ критерія отграниченія экономическаго принимается «наше субъективное отношеніе къ внѣшнимъ объектамъ»[5], на основѣ котораго и создается возможность точнаго измѣренія въ денежной оцѣнкѣ[6]. Но вопреки этому субъективное отношеніе къ объектамъ вовсе не представляется на столько исключительнымъ и категорическимъ, чтобы было исключено при этомъ приложеніе различныхъ точекъ зрѣнія, различныхъ субъективныхъ отношеній одного и того же субъекта даже и къ тому же объекту.

Вообще въ разсматриваемомъ опредѣленіи экономическаго нельзя не усмотрѣть недостаточность его въ отношеніи къ отграниченію специфической области экономическаго, при чемъ восполненіе этого недостатка неминуемо ведетъ къ признанію постоянно- и, такъ сказать, нормально-экономическаго ха-

---

1) Стр. 53,49,104.
2) Стр. 49.
3) Стр. 336 и сл.
4) стр. 76.
5) Стр. 52, 72 и сл.
6) стр. 76 и сл.

рактера лишь въ отношеніи къ внѣшнимъ объектамъ, имѣющимъ матеріальное выраженіе[1]. Но въ виду того, что этотъ дополнительный критерій не нашелъ себѣ категорическаго указанія, М. Туганъ-Барановскій замѣчаетъ по поводу этого опредѣленія у Р. Орженцкаго: «Если бы это было вѣрно, то всякая дѣятельность въ современномъ обществѣ была бы экономической, такъ какъ всякая дѣятельность оплачивается деньгами и, значитъ, допускаетъ количественное экономическое измѣреніе»[2].

Въ общемъ итогѣ воззрѣнія Р. М. Орженцкаго сводятся къ нижеслѣдующимъ: 1) онъ игнорируетъ телеологическій характеръ связи между явленіями соціальной жизни и невозможность смѣшенія объективной причинной связи и субъективно-соціальной телеологической связи явленій; 2) переноситъ вопросъ о сущности хозяйственныхъ явленій въ область индивидуально-субъективныхъ психическихъ переживаній; 3) въ своемъ опредѣленіи экономическаго явленія допускаетъ смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ критеріевъ: цѣнности, какъ условія и величины оцѣнки, съ одной стороны, и цѣнностей, какъ объектовъ оцѣнки, въ ограничительномъ пониманіи этихъ послѣднихъ, съ другой; 4) ограничиваетъ область экономики опредѣленнымъ кругомъ постоянно-экономическихъ явленій и объектовъ, присоединяя сюда случайно-экономическія явленія; 5) отрицаетъ руководящее значеніе принципа хозяйственности, какъ критерія, служащаго къ опредѣленію экономическаго; 6) принимаетъ въ качествѣ такового общіе формальные моменты, не относящіеся всецѣло и исключительно къ экономическому, не представляющіе его сущности и, что въ особенности заслуживаетъ вниманія, несогласимые съ сущностью индивидуально-субъективной оцѣнки, къ которой однако пріурочиваетъ ихъ цитируемый авторъ.

55. Rudolf Stammler, исходя изъ противоположенія «природы, какъ совокупности явленій, данныхъ намъ въ простран-

---

[1]) См. въ особ.: н. с., стр. 315 и сл.
[2]) Основы политич. экономіи. 2 изд. 1911. Стр. 15 прим.

ствѣ и времени» и соціальной жизни людей[1], разработалъ теорію соціальной жизни на двойственной основѣ хозяйства и права. Онъ проводитъ однако идею монизма соціальной науки въ томъ смыслѣ, что правопорядокъ и соціальное хозяйство должны разсматриваться лишь какъ форма и матерія одного и того же предмета и не какъ двѣ самостоятельно существующія вещи, находящіяся въ какомъ-то взаимодѣйствіи, съ другой же стороны — идею единства соціальной жизни въ томъ смыслѣ, что всѣ движенія человѣческаго общества, а, стало быть, и опредѣляющія основанія правовыхъ измѣненій въ своемъ возникновеніи и дѣйствіи охватываются одной и той же закономѣрностью[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергаетъ научное воззрѣніе, по которому хозяйственная жизнь представляется отдѣльной и самостоятельной и находится въ соотношеніи и взаимодѣйствіи съ иными проявленіями культурной жизни людей[3]. Въ своемъ опроверженіи этого послѣдняго воззрѣнія Stammler кратокъ и воздерживается отъ аргументаціи[4].

Путемъ противопоставленія понятія соціальной жизни «лишь физическому существованію» и изолированному существованію Stammler открываетъ критерій соціальной жизни въ видѣ своеобразной связи между людьми, вытекающей изъ внѣшняго урегулированія взаимоотношеній и совмѣстной жизни индивидовъ. Въ этомъ моментѣ внѣшняго урегулированія онъ видитъ необходимую предпосылку общественной жизни въ противоположность чисто физическому сосуществованію, относящемуся къ области естествознанія[5]. Подъ внѣшнимъ правиломъ человѣческаго поведенія Stammler разумѣетъ «правило, которое по своему смыслу совершенно независимо отъ побу-

[1]) Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 2 Aufl. § 2 S. 7 f.

[2]) O. c. § 35 S. 202, § 58 S. 313; Art.: Recht. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. VII S. 39 f.

[3]) Wirtschaft und Recht. § 2 S. 10.

[4]) Въ качествѣ типическаго труда этого направленія Stammler указываетъ цитированное выше сочиненіе Arnold'a: Kultur und Rechtsleben. Stammler подвергаетъ этотъ трудъ критикѣ со стороны совпаденія нѣкоторыхъ выраженій въ немъ и несоотвѣтствія иныхъ его положеній съ воззрѣніями Stammler'a. Въ первомъ изданіи сочиненія: Wirtschaft und Recht (1 Aufl. § 56 S. 317), Stammler называетъ еще классификацію сторонъ культурной жизни у Arnold'a «безпорядочной композиціей» (eine tumultuarische Komposition).

[5]) §§ 18, 21.

жденій индивида къ соблюденію его»[1]. «Основнымъ предположеніемъ понятія соціальной жизни, какъ своеобразнаго объекта, представляется такимъ образомъ исключительно идея внѣшняго регулированія взаимоотношеній людей, установленнаго людьми не въ смыслѣ естественнаго закона, какъ познаваемаго лишь единства естественныхъ явленій, но въ смыслѣ положенія, опредѣляющаго совмѣстную жизнь». Развивая основныя положенія своей теоріи Stammler высказываетъ дальше: «Мы можемъ назвать эти внѣшне установленныя и внѣшне понуждающія правила соціальными, такъ какъ лишь они составляютъ окончательный основной признакъ соціальной жизни, какъ особаго объекта познанія и внѣ ихъ или полной абстракціи отъ нихъ невозможно вообще никакое соціально-научное изслѣдованіе»[2]. Соціальную жизнь, какъ она представляется подъ дѣйствіемъ внѣшняго регулированія, Stammler характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ понятіи соціальной жизни взаимоотношенія и обоюдное поведеніе людей мыслятся, какъ подчиненныя правиламъ. Должно достигаться соотвѣтствіе въ правѣ и обязанности; и не просто должны быть два односторонніхъ обязательства, но они должны сливаться въ синаллагматическомъ (двустороннемъ) отношеніи. Для этого требуется, чтобы были установлены связывающія правила вообще, совершенно независимыя отъ внутреннихъ побужденій единичнаго субъекта, требующія лишь внѣшней лояльности, для которой совершенно безразличны особенности въ внутреннихъ мотивахъ индивида. Лишь благодаря этому, становится возможной идея связанности, въ прямую противоположность къ предполагаемому совершенно изолированнымъ человѣку; получается инстанція для дѣятельности индивида, отдѣленная отъ послѣдняго въ его абстрактно предполагаемой изолированности, стоящая самостоятельно и совершенно оригинально создающая понятіе соціальной жизни»[3]. Внѣшнее регулированіе можетъ достигаться либо правовыми положеніями либо конвенціональными, или условными

[1]) § 19 S. 98 f.
[2]) S. 100.
[3]) S. 101.

нормами, каковы требованія этикета, мода, разнаго рода обычаи, правила рыцарской чести[1]. Stammler видитъ различіе между тѣми и другими въ степени ихъ обязательности, которая представляется абсолютною въ отношеніи нормъ права и условною, хотя и связанною съ косвенными послѣдствіями,— у конвенціональныхъ правилъ[2]. Уже вслѣдствіе этого «мы знаемъ лишь юридически упорядоченныя человѣческія общества, и въ нихъ—какъ второстепенное и терпимое—отдѣльныя конвенціональныя правила». Въ соотвѣтствіи съ этимъ анализъ соціальной жизни даетъ въ результатѣ, какъ репрезентативную форму ея, прежде всего право[3]. Форма взаимоотношеній, изъ коихъ образуется соціальная жизнь, есть такимъ образомъ правоотношеніе. Къ правовой формѣ соціальной жизни Stammler относитъ и закономѣрность послѣдней[4]. «Право есть необходимое средство къ общезначимой закономѣрности соціальной жизни людей»[5]. Съ другой же стороны, «какъ понятіе силы тяготѣнія находитъ свое формально-обоснованное примѣненіе въ томъ, что благодаря ему становится возможнымъ достичь единства и закономѣрности въ многообразіи разнородныхъ явленій, такъ и признакъ правового принужденія въ соціальныхъ правилахъ получаетъ свое общезначимое оправданіе въ томъ, что лишь благодаря ему открывается возможность опредѣлить и направить соціальную жизнь закономѣрнымъ образомъ»[6]. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, съ точки зрѣнія правильнаго образованія соціальной жизни Stammler выдвигаетъ проблему правильнаго права (das richtige Recht)[7].

Stammler различаетъ вообще два понятія закономѣрности: въ смыслѣ научнаго познанія причинной обусловленности и въ смыслѣ закономѣрности цѣлеполаганія[8]. При этомъ «закономѣрность соціальной жизни, заключающаяся въ единой точкѣ зрѣнія для всякой возможной формы ея, можетъ быть най-

---

[1]) § 23.
[2]) § 24 S. 124 f.
[3]) § 24 S. 129 f., § 43 S. 251 f., § 44 S. 253, § 45 S. 257, § 47 S. 263.
[4]) § 33 S. 183, § 36 S. 212.
[5]) § 96 S. 547. См. также: § 33 S. 183, § 87 S. 488.
[6]) § 96 S. 545.
[7]) Anm. 181 S. 666 ff.; Art.: Recht. S. 41.
[8]) Wirtschaft und Recht. § 63 S. 342, 344, § 65 S. 353, 359.

дена лишь въ телосѣ»[1]. Въ виду того, что каждая цѣль является средствомъ къ дальнѣйшей цѣли, единство цѣлей обусловливается соотвѣтствіемъ съ конечной цѣлью, санкціонирующей всѣ остальныя частныя цѣли[2]. «Свободная отъ всякой эмпирической обусловленности воля, полаганіе и выборъ своихъ цѣлей, такъ чтобы они вели въ направленіи абсолютной конечной цѣли,—въ этомъ заключается телеологическая закономѣрность, обозначаемая выраженіемъ: долженствованіе»[3]. Отвергая предположеніе, что свобода могла бы означать свободу отъ законопричинности въ сферѣ эмпирически данныхъ условій, Stammler приходитъ къ формулѣ: «Свободная воля есть объективно значимое цѣлеполаганіе»[4]. Обращаясь далѣе къ выясненію послѣдней общей цѣли, которой опредѣляется закономѣрность соціальной жизни, Stammler приходитъ къ выводу, что въ виду разнообразія всѣхъ возможныхъ человѣческихъ обществъ ни одна конкретная цѣль, имѣющая опредѣленное содержаніе, не можетъ получить такого значенія, и что здѣсь можетъ быть рѣчь только о нѣкоторой формальной идеѣ. Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ выше, онъ заключаетъ: «Общество свободно волящихъ людей есть безусловная конечная цѣль соціальной жизни»[5].

Stammler дѣлаетъ также попытку методологически отграничить матерію отъ формы. По его аргументаціи, всякое отдѣльное содержаніе нашего сознанія при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается сложнымъ и заключающимъ въ своемъ составѣ части двоякаго рода: «одна заключаетъ въ себѣ элементы устойчивые и постоянно повторяющіеся въ отдѣльныхъ представленіяхъ; другіе элементы въ ихъ своеобразіи непостоянны и мѣняются въ своихъ проявленіяхъ». «Первые суть—обусловливающіе элементы, вторые—опредѣлимые; первые мыслятся нами какъ форма, вторые же

---

[1]) § 79. S. 440 ff. Въ этомъ случаѣ Stammler и W. Ed. Biermann. W. Wundt und die Logik der Sozialwissenschaft. Jahrbücher für Nationalökon. и Stat. III F. B. 25. H. 1. 1903. S. 58, дѣлаютъ встрѣчныя ссылки одинъ на другого.

[2]) § 65. S. 352 ff.

[3]) S. 356.

[4]) S. 357.

[5]) § 96 S. 542 f., § 99 S. 561, 563.

—какъ матерія понятія». «Такъ, въ каждой статьѣ какого-либо кодекса содержится та идея, что дѣло идетъ здѣсь о правовыхъ положеніяхъ, со всѣми общими предположеніями ихъ и выводами, и къ этому примыкаютъ различныя частныя опредѣленія, которыя составляютъ пеструю систему разнообразныхъ правовыхъ образованій». Съ помощью критическаго изслѣдованія содержанія нашего мышленія мы можемъ въ нашихъ представленіяхъ обособить составныя части, безъ которыхъ высшее понятіе сохраняется полностью, и тѣ, съ устраненіемъ которыхъ исчезаетъ и оно. Первыя составляютъ матерію, вторыя—форму понятія[1]. Матеріей Stammler называетъ то, «что научно опредѣлимо и подлежитъ опредѣленію съ помощью познанія». Въ отличіе отъ естествознанія, съ точки зрѣнія котораго матерія есть то, что движется въ пространствѣ и не измѣняется въ количествѣ, «въ понятіи соціальной жизни матерія означаетъ совмѣстную дѣятельность, направленную къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей». При этомъ имѣются въ виду лишь соціальныя потребности, т. е. такія, удовлетвореніе которыхъ обусловливается совмѣстной дѣятельностью людей, которая объединялась бы связью между людьми и единствомъ въ преслѣдованіи опредѣленныхъ цѣлей. Соціальное изслѣдованіе имѣетъ дѣло не съ потребностями, какъ таковыми, но съ характеромъ совмѣстной дѣятельности, направленной къ удовлетворенію ихъ. Мысль о величинѣ и количествѣ при этомъ отпадаетъ, и вопросъ сводится къ единству направленія въ содержаніи совмѣстныхъ цѣлей[2]. Совмѣстную дѣятельность, направленную къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, Stammler обозначаетъ терминомъ: соціальное хозяйство. Съ своей формальной стороны оно опредѣляется вышеохарактеризованнымъ внѣшнимъ регулированіемъ[3].

Политическая, или національная экономія представляетъ одну изъ трехъ соціальныхъ наукъ, которыя только и считаетъ возможными Stammler; при чемъ «всякое отвѣтвленіе означаетъ лишь подраздѣленіе, желательное эмпирически и условно». Эти

[1]) § 22 S. 112 ff.
[2]) § 25 S. 132, 134 ff., § 37 S. 216 f.
[3]) § 25 S. 131 ff.

три основныя соціальныя науки—соціальная философія, наука права и наука о народномъ хозяйствѣ[1]. Соціальная философія имѣетъ цѣлью констатировать необходимое и общезначимое для общественнаго существованія людей, познать тѣ понятія и принципы, которые имѣютъ одинаковое значеніе для всей соціальной жизни, постигнуть систематически закономѣрность, присущую вообще общественной жизни людей независимо отъ всякаго особеннаго содержанія какого бы то ни было исторически даннаго соціальнаго бытія[2]. «Наука права означаетъ систематическое изслѣдованіе опредѣленнаго правопорядка съ чисто формальной стороны его»[3]. Входя третьей составною частью въ соціальную науку, политическая экономія должна имѣть своимъ конечнымъ отправнымъ пунктомъ—какъ и всѣ направленія и роды соціальной науки—общественное существованіе людей, а не хозяйственную дѣятельность человѣка, какъ таковую. Столь же справедлива, какъ и приведенная сейчасъ, но равнымъ образомъ клонится къ неправильному заключенію и слѣдующая мысль цитируемаго автора: «Я не согласенъ съ тѣмъ, что объектомъ научнаго изслѣдованія въ политической экономіи является хозяйство in abstracto, распадающееся на хозяйство изолированное и соціальное». Въ соотвѣтствіи съ этимъ опредѣляется «объектъ національной экономіи: конкретная организація опредѣленно урегулированной совмѣстной дѣятельности, направленной къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей»[4]. Stammler особенно настаиваетъ на томъ, что въ политической экономіи, какъ соціальной наукѣ, немыслима «чисто хозяйственная точка зрѣнія, сама по себѣ независимая отъ совершенно опредѣленнаго соціальнаго регулированія и въ конкретной опредѣленности логически не обусловленная имъ»[5]. Въ противность этому Stammler констатируетъ въ экономической литературѣ «однообразное массовое явленіе: экономисты отрицаютъ, что національная экономія не имѣетъ дѣла ни съ чѣмъ, кромѣ какъ съ изслѣ-

[1]) § 37.
[2]) § 1 S. 7, § 4 S. 15.
[3]) § 30 S. 161 ff., § 34 S. 184 ff.
[4]) § 27 S. 144 f., § 28 S. 151 f., § 34 S. 192.
[5]) S. 192.

дованіемъ конкретнаго выполненія опредѣленно урегулированной совмѣстной дѣятельности, и пытаются прежде всего утвердить понятія и теоретическія положенія соціально-экономической науки, которыя были бы независимы отъ опредѣленнаго регулированія. Онъ упрекаетъ также Маркса за то его обратное воззрѣніе, будто «совокупность производственныхъ условій образуетъ экономическое строеніе общества, реальную основу, на которой высится правовая надстройка». Stammler приходитъ такимъ образомъ къ слѣдующему положенію: «Всѣ хозяйственныя отношенія въ національно-экономическомъ смыслѣ представляются внѣшне урегулированными. Экономическихъ категорій къ познанію человѣческой общественной жизни, при которыхъ бы не предполагалось, въ качествѣ основоположнаго условія, опредѣленное соціальное регулированіе, не существуетъ вовсе»[1]. Связующимъ звеномъ между хозяйствомъ и правомъ предсталяются экономическіе феномены, т. е. «однородныя массовыя проявленія соціально урегулированныхъ отношеній между людьми»[2], или, иначе, «правоотношеній»[3]. «Экономическіе феномены не суть нѣчто самостоятельное и независимое отъ соціальнаго регулированія, не суть соціальныя естественнообразованія; они не выступаютъ самостоятельно вслѣдствіе первичнаго дѣйствія экономическихъ силъ;—но всѣ соціальныя явленія не означаютъ ничего другого, какъ однородныя массовыя проявленія извнѣ опредѣленно урегулированныхъ отношеній между людьми»[4]. «Понятіе экономическаго феномена заключаетъ въ себѣ идею необходимости, идею, что при данномъ соціальномъ регулированіи и при настоящихъ условіяхъ непремѣнно должно было произойти такъ, какъ произошло»[5]. На ряду съ положительными Stammler отмѣчаетъ и отрицательные соціальные феномены, при чемъ относитъ сюда массовое неосуществленіе юридически возможныхъ отношеній или же—прямое или косвенное—нарушеніе соціаль-

[1]) § 35.
[2]) § 51 S. 281.
[3]) § 44 S. 253, § 47 S. 263.
[4]) § 51 S. 287.
[5]) § 44 S. 252.

наго регулированія[1]. Политическая экономія, имѣя своимъ матеріаломъ экономическіе феномены, изслѣдуетъ ихъ съ ихъ количественной стороны, классифицируетъ ихъ, отъ наблюденій надъ соціальнымъ хозяйствомъ заключаетъ относительно необходимаго хода и развитія его. При этомъ она нуждается въ теоретическомъ матеріалѣ, который сама и должна пріобрѣсти для себя, разрабатывая его самостоятельно, но собирая его въ зависимости отъ данной соціальной формы, опредѣленнаго регулированія совмѣстной дѣятельности людей[2]. «Такъ какъ вообще не существуютъ соціально-экономическіе законы, независимые отъ особеннаго содержанія опредѣленнаго (правового) регулированія, то констатированіе необходимости извѣстныхъ экономическихъ феноменовъ путемъ массоваго наблюденія представляетъ единственно закономѣрную основу исключительно соціальнохозяйственнаго познанія. Отыскивать общезначимую закономѣрность соціальнаго хозяйства самого по себѣ было бы неизбѣжно безплоднымъ усиліемъ: для познанія экономическихъ феноменовъ доступно всегда лишь необходимое развитіе въ конкретномъ осуществленіи соціальнаго порядка, такъ что результатъ этого познаванія вообще неизбѣжно обусловленъ особеннымъ содержаніемъ даннаго внѣшняго регулированія совмѣстной дѣятельности. Общезначимая закономѣрность соціальной жизни, независимая отъ всего особеннаго содержанія опредѣленнаго правопорядка, не существуетъ для соціальнаго хозяйства, но лишь для самой формы соціальной жизни[3]. Относя, какъ указывалось, закономѣрность соціальной жизни къ правовой формѣ ея, Stammler высказываетъ, что исторія соціальной жизни человѣка представляетъ постоянный круговоротъ, въ которомъ общественные феномены вызываютъ преобразованіе соціальнаго строя, а этотъ съ своей стороны создаетъ возможность другихъ соціальныхъ феноменовъ»[4]. Наконецъ, со стороны своего объема соціальное хозяйство опредѣляется отнесеніемъ къ нему всей урегулированной дѣятельности, направленной на удо-

[1]) § 48 S. 266 f.
[2]) § 44, 45, 61 S. 325.
[3]) S. 287.
[4]) § 58 S. 314.

влетвореніе потребностей соціальнаго характера, отнюдь не исключая отсюда т. н. высшихъ или идеальныхъ потребностей и дѣятельностей высшаго порядка. Stammler отвергаетъ самую идею матеріальныхъ, какъ единственно «хозяйственныхъ» потребностей и цитируя удачно слова священнаго писанія: «Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ», ссылается на несостоятельность попытокъ подобнаго рода классификаціи потребностей и дѣятельностей людей и на недопустимость предположенія, что существуютъ міръ матеріальный и духовный съ присущими каждому изъ нихъ силами своего рода[1]. Это мнѣніе было бы вполнѣ справедливо, если бы оно было направлено противъ нерѣдко имѣющаго мѣсто конкретнаго представленія о хозяйственныхъ потребностяхъ. Но и самъ Stammler погрѣшаетъ въ этомъ отношеніи, при чемъ, какъ будетъ показано дальше, заходитъ въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко, относя къ области хозяйства потребности, интересы, цѣли и дѣятельность научнаго и эстетическаго характера и при томъ не только съ вообще присущей также и имъ экономической стороны, но съ поглощеніемъ соотвѣтствующихъ отраслей соціальной жизни хозяйственною. Возникающія отсюда затрудненія и недостатки въ научной систематикѣ Stammler предупреждаетъ устраненіемъ вообще изъ сферы хозяйства потребностей, какъ таковыхъ,—тѣмъ самымъ лишая содержаніе хозяйства, изучаемаго экономикой, его жизненной основы.

Представляя соціальную жизнь, какъ монистическое сочетаніе правовой формы и хозяйственной матеріи и отрицая на ряду съ ними иныя равноправныя стороны или отрасли соціальной жизни, Stammler высказываетъ нѣсколько замѣчаній по отношенію къ тому содержанію человѣческой жизни, которое нерѣдко указывается въ качествѣ самостоятельныхъ, хотя и находящихся во взаимодѣйствіи соціальныхъ отраслей. Принадлежащіе сюда сужденія и выводы Stammler'а имѣютъ значеніе также и въ томъ отношеніи, что они могутъ способствовать выясненію того, всѣ ли существенно важные

[1]) § 26, 29; Art.: Recht. S. 39.

элементы соціальной жизни улавливаются его соціальной теоріей и въ какой мѣрѣ правовая форма и хозяйственная матерія соціальной жизни представляютъ все разнообразное содержаніе соціальной жизни и развиваются независимо отъ какихъ-либо иныхъ элементовъ ея. Болѣе близкое вниманіе къ относящемуся сюда изложенію обнаруживаетъ чрезвычайную абстрактность въ развитіи мыслей, увлекающую Stammler'а далеко отъ реальной жизни и дѣлающую его изложеніе безпредметнымъ.

Въ вопросѣ о населеніи, именно о плотности населенія, Stammler указываетъ на возможность либо естественно-научнаго и техническаго изслѣдованія именно: какое количество населенія можетъ существовать въ данномъ районѣ съ присущими послѣднему особенностями и какъ оно можетъ наилучше быть размѣщено съ соблюденіемъ требованій гигіены, либо изслѣдованія съ соціальной точки зрѣнія: «какъ и какими средствами населеніе распредѣляется и должно распредѣляться сообразно соціальнымъ цѣлямъ. Но въ этомъ послѣднемъ смыслѣ право не воздѣйствуетъ на какое-то мистическое «естественное» распредѣленіе населенія, какъ на самостоятельно данный объектъ; ничего подобнаго мы вообще не знаемъ. Такъ какъ условія населенія и жилищныя исторически всегда представляются урегулированными и подчиненными опредѣленному правопорядку и въ соціально-научномъ изслѣдованіи могутъ быть разсматриваемы во всякомъ случаѣ лишь какъ урегулированныя, то рѣчь можетъ быть лишь о томъ или иномъ родѣ регулированія. Нормированіе вопросовъ разселенія и жилищнаго можетъ измѣняться и часто сильно измѣняется. Въ измѣненіи подлежащихъ правовыхъ нормъ и вмѣстѣ съ ними мѣняется и характеръ соціальной жизни»[1]. Въ приведенныхъ сейчасъ замѣчаніяхъ Stammler признаетъ вопросъ о плотности населенія естественно-научнымъ, соціальнымъ же—лишь вопросъ о распредѣленіи населенія соотвѣтственно соціальнымъ цѣлямъ. Но какъ разъединеніе этихъ вопросовъ, такъ и базированіе соціальной стороны въ вопросѣ о населеніи всецѣло на правопорядкѣ едва ли можно

[1]) § 38 S. 222 f.

принять или разсматривать какъ аргументъ въ пользу обсуждаемой сейчасъ соціально-философской теоріи. Самъ Stammler далѣе расходится съ этимъ, допуская изслѣдованіе заболѣваемости и смертности съ соціальной точки зрѣнія, именно въ связи съ изслѣдованіемъ исторически данныхъ экономическихъ феноменовъ съ точки зрѣнія условій, при которыхъ возможно существованіе сочленовъ правового союза[1].

Stammler высказывается также о человѣческой рѣчи: «Языкъ, въ затрогиваемомъ здѣсь смыслѣ, есть не что иное, какъ родъ примитивнаго соглашенія. Простой голосовой звукъ не представляетъ при этомъ интереса». «Но онъ пріобрѣтаетъ соціальное значеніе, разъ имъ должно что-либо обозначаться по общему соглашенію. Ибо въ этомъ заключается идея (явнаго или молчаливаго) конвенціональнаго урегулированія». «Грамматическія правила суть, стало быть, внѣшнія конвенціональныя правила для взаимныхъ сношеній людей—jus et norma loquendi, которыя по своему существу имѣютъ то же значеніе въ качествѣ способа выраженія мыслей, какъ и правила этикета, вѣжливости, приличія для человѣческаго поведенія вообще». Но указывая факты явственнаго конвенціональнаго и даже правового регулированія разговорной рѣчи и признавая абсурднымъ предположеніе, будто рѣчь можетъ найти себѣ примѣненіе у изолированнаго человѣка, какъ такового[2], Stammler однако устраняетъ изъ своей соціально-философской системы вопросы о соціальномъ характерѣ и о значеніи рѣчи, общемъ и съ точки зрѣнія отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни, равно какъ и вообще о конвенціональномъ регулированіи въ его различныхъ отрасляхъ и о необходимости ввести его въ область соціальнаго изученія соотвѣтственно его реальному значенію, не ограничиваясь лишь правовымъ регулированіемъ, очевидно, не исчерпывающимъ, напримѣръ, сущности и назначенія рѣчи въ соціальной жизни.

Очень своеобразно, но не свободно отъ противорѣчія и въ корнѣ непріемлемо воззрѣніе Stammler'а на нравственность. Онъ исходитъ при этомъ изъ противопоставленія внѣшняго

[1]) § 50 S. 279 f.
[2]) § 19 S. 97 f.

регулированія совмѣстной жизни людей и предписаній морали, основанныхъ всецѣло на внутреннемъ убѣжденіи, присущихъ людямъ, мыслимымъ въ полной изолированности, и не устанавливающихъ никакой связи между людьми. Нравственное сознаніе могло бы прогрессировать и у людей, предполагаемыхъ изолированными. Мораль налагаетъ на индивида нѣкоторыя обязанности, не предоставляя ему правъ, и не зиждется на началѣ взаимности[1]. Между законами природы и предписаніями морали Stammler указываетъ нѣкоторое формальное сходство[2]. Далѣе, онъ предполагаетъ полное расхожденіе между нравственными и правовыми обязанностями съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица, но устанавливаетъ возможность и даже необходимость полной гармоніи съ точки зрѣнія содержанія воли, стоящей надъ индивидомъ. «Тогда—конечно, существующее—различіе между правомъ и моралью представится лишь какъ выработка двухъ отдѣльныхъ задачъ при одной и той же закономѣрности воли». «Но такъ какъ эти, по содержанію различныя, отдѣльныя задачи подчинены одинаковому основному закону цѣлей, то ихъ рѣшенія въ случаѣ правильности, никогда не противорѣчатъ между собою, но лишь взаимно дополняются и могутъ предъявлять требованія къ индивиду въ гармоніи и согласіи». Вслѣдъ за этимъ еще рѣшительнѣе проводится это же воззрѣніе: «Мы считаемъ уже достаточно установленнымъ, что чистая мораль и истинное право суть лишь два особенныхъ выраженія одной и той же закономѣрности человѣческой воли,—для того, чтобы устранить недоразумѣніе, будто оба они нами принципіально должны разъединяться. Оба суть правильное воленіе, но только примѣняемое къ различнымъ проблемамъ»[3]. Однако дальше Stammler говоритъ: «Нравственность и безнравственность возможны въ обоихъ формально различныхъ родахъ жизни человѣка, подъ дѣйствіемъ права, какъ и въ рамкахъ лишь конвенціональнаго союза»[4]. Stammler такимъ образомъ высказываетъ противоположныя мнѣнія, что мораль индивидуалистична и что

[1]) § 19 S. 99—101.
[2]) § 66 S. 360 f.
[3]) § 69 S. 380 ff.
[4]) § 95 S. 540.

она болѣе или менѣе совпадаетъ съ соціальной закономѣрностью, что она воздѣйствуетъ въ гармоніи съ правомъ и что она возможна также въ условіяхъ исключительно конвенціональнаго союза. Едва ли также правильно рѣшительное противопоставленіе права и нравственности со стороны внѣшняго по источнику и обоюднаго по дѣйствію между лицами характера предписаній перваго и односторонняго внутренняго характера требованій второй. Наконецъ, не представляется возможнымъ признать содержаніе соціальной жизни исчерпываемымъ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ ея, въ которомъ мораль не находитъ себѣ упоминанія и даже не предполагается.

Stammler не отрицаетъ и науку соціальной психологіи, но, допуская въ соціальной наукѣ и соціально-психологическое разсмотрѣніе, отводитъ ему мѣсто послѣ критико-познавательнаго и даетъ ему болѣе конкретныя задачи. Соціально-психологическое разсмотрѣніе онъ ставитъ «логически не надъ, а подъ понятіемъ соціальнаго». Оно получаетъ свое мѣсто лишь отъ этого понятія, а не обратно обосновываетъ его. Что можно было бы сказать, напр., объ опредѣленіи понятія собственности, если бы желать вывести его изъ точки зрѣнія психологіи собственности?» Stammler принимаетъ также, что и соціальное регулированіе само должно представлять психически обусловленный актъ и что соціально-психологическая точка зрѣнія приложима къ результатамъ дѣйствія какого-либо соціальнаго правила, но противопоставляетъ этому, что идея соціальнаго регулированія имѣетъ по существу логическій характеръ и потому совершенно независима отъ психологическаго объясненія[1]. Остается однако недоказаннымъ что научное изслѣдованіе сложнаго соціальнаго цѣлаго должно или можетъ происходить путемъ сведенія его къ чисто-логической простѣйшей идеѣ, что понятія соціальнаго и соціально-психологическаго не суть два различныхъ понятія, при чемъ второе изъ нихъ подчинено первому, какъ болѣе обширному. Авторъ именно упускаетъ изъ виду, что при общей сознательно-волевой основѣ всѣхъ проявленій соціальной жизни, психическія переживанія представляютъ одну изъ развиваю-

[1]) § 22 S. 116—9.

щихся на этой основѣ отраслей соціальныхъ явленій. Но это послѣднее положеніе въ корнѣ расходится съ общими отправными воззрѣніями Stammler'a.

Къ вопросу о техникѣ и отношеніи ея къ соціальной жизни и къ соціальной наукѣ Stammler обращается во многихъ мѣстахъ своего труда, но высказывается объ этомъ недостаточно систематично и не безъ противорѣчія. Вообще онъ сближаетъ технологію и техническую точку зрѣнія съ естествознаніемъ[1], противопоставляя ихъ соціальной жизни и наукѣ[2]. Именно, техника опредѣляется, какъ возможность надлежащаго господства надъ природой и направленія естественныхъ условій жизни, и технологія—какъ искусство подчинять себѣ природу[3]. Отсюда Stammler находитъ возможнымъ заключить о сродствѣ природы и техники и о полномъ несоотвѣтствіи и даже противоположности между техникой и соціальной жизнью въ его пониманіи послѣдней, допуская лишь слѣдующую альтернативу: «Либо разсматриваютъ направленную на удовлетвореніе потребностей совмѣстную дѣятельность людей лишь съ естественнонаучно-технической точки зрѣнія либо какъ общественную, т. е. внѣшне-урегулированную. Естественная экономія (Naturökonomie) либо соціальная экономія—ничего третьяго нѣтъ»[4]. При этомъ альтернативное противопоставленіе относится къ точкамъ зрѣнія технической и внѣшняго регулированія, тогда какъ экономическое изслѣдованіе въ логическомъ отношеніи отодвигается на второй планъ. Съ другой же стороны Stammler не вовсе отрицаетъ соціальный характеръ и значеніе техники. Правда, онъ оговаривается, что не технически возможный, но соціально осуществленный порядокъ производства имѣетъ рѣшающее значеніе для формы даннаго общества[5], и что не техника, а техническая изобрѣтательность въ значеніи субъективнаго момента, и техническое развитіе отдѣльныхъ членовъ правового общенія находятся въ зависимости отъ правилъ, регулирующихъ соціаль-

[1]) § 26 S. 137, § 27 S. 146 f., § 34 S. 186 ff., 192, § 53 S. 295.
[2]) § 26 S. 142, § 28 S. 151, § 34 S. 188, § 58 S. 315.
[3]) § 39 S. 224, § 50 S. 274 f.
[4]) § 34 S. 192, § 35 S. 204 f., § 53 S. 295.
[5]) § 42 S. 243 ff., § 54 S. 299, § 72 S. 400.

ную жизнь[1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «технологія создаетъ лишь возможность образованія экономическихъ феноменовъ, но сама по себѣ отнюдь не осуществляетъ ихъ. Чтобы перейти въ дѣйствительность, она должна получить примѣненіе въ совмѣстной дѣятельности людей, стало быть, быть включенной въ урегулированное соціальное существованіе». Допуская, что «природа и господство надъ природой, или технологія, образуютъ, само собою разумѣется, только грубую основу, характеръ которой имѣетъ и долженъ имѣть значеніе для своеобразія расположенной на ней соціальной жизни», онъ тѣмъ не менѣе признаетъ съ соціально-научной точки зрѣнія логическій пріоритетъ, предъ всѣми прочими моментами, установленныхъ людьми правилъ. «Данное состояніе технологіи», говорится далѣе, «даетъ возможность къ извѣстному роду осуществленія соціальнаго порядка. Но чтобы достичь самаго осуществленія, нужна дѣятельность людей и урегулированныя взаимоотношенія ихъ. Стало быть, недостаточно указывать лишь на технологію, какъ на единственную будто бы причину соціально-экономическихъ явленій. Она есть лишь одинъ изъ моментовъ, которые необходимо принимать въ соображеніе для объясненія опредѣленнаго вида урегулированной совмѣстной дѣятельности въ хозяйственныхъ феноменахъ соціальнаго характера». Съ этой точки зрѣнія цитируемый авторъ сопоставляетъ технологію съ численностью и свойствами объединенныхъ правомъ людей[2]. Какъ высказывается далѣе, «технологія, какъ опредѣленная возможность господства надъ природой, всегда имѣетъ значеніе для развитія человѣческаго общества; но это происходитъ такимъ образомъ, что возможность лучшей техники и всякое практическое использованіе новыхъ изобрѣтеній вводится въ существующее соціальное регулированіе. Въ этомъ случаѣ прежде всего появляются лишь соціально-экономическіе феномены, измѣненія въ конкретномъ осуществленіи соціальной жизни при использованіи этой новой техники».

---

[1]) § 39 S. 224 f., § 51 S. 282, § 54 S. 298 f. Art.: Recht. Handwörterbuch der Staatswiss. III Aufl. B. VII. S. 40.

[2]) § 50 S. 274 ff.

Нельзя не отмѣтить чисто защитительный характеръ изложенія по этому вопросу. Stammler касается техники, чтобы показать согласимость ея съ общимъ воззрѣніемъ о формѣ и матеріи соціальной жизни, но оставляетъ безъ разрѣшенія вопросъ о томъ, какое мѣсто въ послѣдней принадлежитъ субъективно-соціальнымъ проявленіямъ техники. Изложенныя выше воззрѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ къ себѣ существенныхъ поправокъ. Сюда относится, прежде всего, то, что природа есть вообще необходимая основа соціальной жизни, но что господство надъ природой и вносимый человѣкомъ въ природу прогрессъ принадлежатъ культурѣ и представляютъ собою соціальныя явленія. Затѣмъ, техническій прогрессъ и достигнутая въ немъ система техническихъ идей, методовъ и навыковъ не представляютъ явленій экономическаго порядка, а совершенно иного и собственнаго рода явленія. Не представляется также допустимымъ отнесеніе техники къ вымышленной абстракціи изолированнаго человѣка[1]. Такимъ образомъ, вопреки общимъ тенденціямъ Штаммлера, технику должно разсматривать, какъ особую категорію явленій соціальной жизни, имѣющую лишь первичную связь съ природой, являющуюся факторомъ и въ то же время продуктомъ общаго развитія соціальной жизни.

Равнымъ образомъ, формула матеріи и формы соціальной жизни оказывается слишкомъ узкой и ограниченной и неизбѣжно вызываетъ отступленіе отъ нея, какъ только заходитъ рѣчь о государственной организаціи соціальной жизни. Опредѣляя внѣшнее регулированіе, какъ форму соціальной жизни, Stammler оговаривается, что «дѣло идетъ при этомъ вовсе не о государственной организаціи. Государство представляетъ лишь подраздѣленіе возможной соціальной жизни, родъ общественнаго бытія людей, особенное отграниченіе котораго представляетъ частный вопросъ и при принципіальномъ опредѣленіи понятія соціальной жизни можетъ быть оставлено въ сторонѣ»[2]. Далѣе (въ § 29) Stammler въ соціальной жизни, въ которой онъ видитъ совмѣстную дѣятельность людей,

[1]) § 34 S. 186; Art.: Recht. S. 38.
[2]) Wirtschaft und Recht. § 20 S. 104.

внѣшнимъ образомъ урегулированную и направленную къ удовлетворенію потребностей, различаетъ экономическій и политическій моменты[1]. Онъ указываетъ при этомъ, что рѣчь идетъ здѣсь не о двухъ совершенно разъединенныхъ и конкретно не совпадающихъ областяхъ, но о двухъ частяхъ одного и того же предмета, переходящихъ одна въ другую въ неразрывной связанности между собою, о двухъ отрасляхъ единаго общественнаго бытія людей. Различіе между хозяйственной и политической дѣятельностью онъ ищетъ «въ той особенной задачѣ, которая можетъ оказаться при выполненіи соціальнаго хозяйства». «Политической или же также публичной называютъ обыкновенно дѣятельность, направленную къ обезпеченію общества во внѣ и внутри и стараніе правильно и прочно осуществлять и развивать далѣе внѣшнее регулированіе этой общественной жизни. Въ противоположность этому, вся то дѣятельность, которая болѣе непосредственно и прямо обращена на полученіе необходимыхъ для существованія, полезныхъ и пріятныхъ благъ, считается хозяйственной въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова»[2]. Stammler высказываетъ, что «всю соціальную жизнь должно разсматривать какъ единую и что мысль объ этомъ единствѣ всѣхъ отдѣльныхъ проявленій общественнаго бытія людей должна быть главнымъ принципомъ научнаго изслѣдованія и познанія этого бытія»; но вслѣдъ за этимъ же замѣчаетъ, что различеніе спеціальнаго соціально-экономическаго или политическаго направленія дѣятельности «отдѣльнаго члена общества «можетъ послужить для классификаціи урегулированной совмѣстной дѣятельности по разнымъ конкретнымъ задачамъ въ отдѣльности. Подобное же положеніе вновь высказано въ § 61: «Соціальная жизнь всегда и необходимо регулируется установленнымъ людьми образомъ, и представляетъ единство, въ которомъ всегда можно встрѣтить оба— по конкретной дѣятельности отдѣльнаго участника въ правовомъ союзѣ соотвѣтственно различаемые—момента экономической и политической дѣятельности». Среди упомянутыхъ

[1]) § 29 S. 154-8; см. также: § 61 S. 324; Art.: Recht. S. 39.
[2]) § 29 S. 156.

выше соціальныхъ феноменовъ онъ различаетъ политическіе и экономическіе, при чемъ указываетъ, что первые могутъ быть не только рѣшающими факторами измѣненій публичнаго права, но и оказывать рѣшительное вліяніе на соціально-экономическіе феномены въ тѣсномъ смыслѣ, а чрезъ то и на преобразованіе соціальнаго хозяйства и, наконецъ, на существующее право. Съ другой стороны, Stammler допускаетъ, что всякое значительное движеніе въ соціально-экономическихъ феноменахъ въ собственномъ смыслѣ и всякое вытекающее отсюда измѣненіе соціальнаго хозяйства рано или поздно имѣютъ послѣдствіемъ соотвѣтственное преобразованіе той части даннаго правопорядка, которая сама по себѣ предназначена лишь къ формальному осуществленію правопорядка вообще»[1].

Приведенныя выше сужденія Штаммлера не свободны отъ противорѣчія: политическую дѣятельность онъ относитъ къ соціально-экономической въ обширномъ смыслѣ, политическій же строй—къ правопорядку, опредѣляющему форму соціальной жизни; политической дѣятельности онъ придаетъ характеръ частнаго вида дѣятельности отдѣльныхъ индивидовъ и въ то же время различаетъ, какъ особый видъ, политическіе феномены; не предполагаетъ прямое воздѣйствіе послѣднихъ ни на хозяйство ни на правопорядокъ, приписывая имъ въ этомъ отношеніи лишь косвенное воздѣйствіе на хозяйство—чрезъ посредство собственно экономическихъ феноменовъ и на правопорядокъ—чрезъ двойное посредство этихъ послѣднихъ и хозяйства. И устранить эти недостатки системы возможно лишь чрезъ допущеніе, какъ особой стороны конкретной соціальной жизни, политической дѣятельности и политическаго строя общественной жизни, при томъ въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи съ соціальнымъ хозяйствомъ.

Та же нелогичность обнаруживается въ отнесеніи конкретнаго правопорядка къ высшему понятію урегулированной и вслѣдствіе этого научно закономѣрной соціальной жизни и политическаго правопорядка—къ конкретному осуществленію соціальной жизни. Вообще воззрѣніе Stammler'a на право погрѣшаетъ въ двухъ отношеніяхъ: въ соотвѣтствіи съ его тер-

[1]) § 61 S. 324 ff.

минологіей данный правопорядокъ имѣетъ конкретный характеръ и долженъ былъ бы, подобно политическому моменту, быть отнесенъ какъ къ формѣ, такъ и къ матеріи соціальной жизни; правопорядокъ представляетъ результатъ сліянія т. н. имъ конвенціональныхъ и правовыхъ нормъ, какъ это лучше всего видно изъ обычнаго и международнаго права[1]. Лучше же сказать, различеніе конвенціональныхъ и правовыхъ нормъ вообще не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи къ принципіальному опредѣленію соціальной жизни и, служа къ абстрактному опредѣленію соціальной жизни въ теоріи Штаммлера, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ къ тому произвольному отграниченію этого понятія, благодаря которому существенныя конкретныя проявленія соціальной жизни остаются внѣ общаго понятія ея.

Мы показали это выше относительно населенности, этики, языка, техники, государственности. То же приходится признать относительно науки и искусства. Опредѣляя ихъ, какъ особый, вносящій единство, родъ пониманія и обсужденія на началѣ объективной истинности, со стороны конкретнаго осуществленія ихъ содержанія Stammler относитъ ихъ къ сферѣ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ все къ тому же соціальному хозяйству[2]. Онъ однако упускаетъ изъ вида, что какъ присущія наукѣ или искусству пониманіе и оцѣнка, такъ и потребности не совпадаютъ съ экономическими и основываются на особенныхъ точкахъ зрѣнія, присущихъ имъ, какъ отдѣльнымъ сторонамъ соціальной жизни. Изъ изложеннаго вытекаетъ также, что своему отвлеченному опредѣленію соціальной жизни Stammler далъ односторонне и утрированно юридическій характеръ, тогда какъ рѣчь должна была бы быть о всесторонникъ соціальныхъ связяхъ, проявляющихся во взаимоотношеніяхъ людей и дающихъ человѣческой жизнедѣятельности соціальный характеръ по существу и формально.

[1]) Очевидная оплошность заключается въ замѣчаніи автора: «Wenn Wagner neben dem Rechte noch die Sitte erwähnt, so wissen wir aus früherem, dass sich diese als Konventionalregel mit dem Rechte unter dem Oberbegriffe der äusseren Regelung vereint; für welche wir aber repräsentativ das Recht einstweilen einzusetzen befugt waren». (§ 35 S. 204).

[2]) § 29 S. 153 f.

Такимъ образомъ, соціально-философская система Stammler'а должна быть признана несостоятельной въ цѣломъ и представляющей обильный матеріалъ для критики въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ. Исходное методологическое воззрѣніе на форму и матерію соціальной жизни въ общемъ можно бы допустить скорѣе, какъ естественнонаучно-философскую проблему, нежели какъ методъ рѣшенія и выясненія основъ соціальной жизни[1]. Stammler указываетъ на полное несходство между понятіями матеріи въ природѣ и въ соціальной жизни. Но тѣмъ самымъ, казалось бы, уничтожается всякая возможность перенесенія этого естественно-научнаго понятія по аналогіи въ область соціальной жизни[2], какъ это подтверждается и принадлежащимъ сюда опредѣленіемъ: «Въ понятіи соціальной жизни матерія означаетъ совмѣстную дѣятельность, направленную на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей». «Но мы имѣемъ дѣло въ самомъ по себѣ соціальномъ изслѣдованіи вовсе не съ потребностями, какъ таковыми, а съ родомъ совмѣстной дѣятельности, направленной на удовлетвореніе ихъ. Этотъ родъ и способъ должно научно опредѣлить и закономѣрно направить. Но при этомъ въ общемъ совершенно отпадаетъ идея величины и количества». Метафизическій характеръ изложенія у Stammler'а обусловливаетъ не только обращеніе къ методу различенія формы и матеріи, но и такую общую манеру изложенія, которая пользуется безсодержательными сочетаніями словъ, какъ: движенія матеріи соціальной жизни[3], и рядъ несообразностей по существу. Таково, въ частности, представленіе о внѣшнемъ характерѣ регулированія соціальной жизни, тогда какъ послѣдовательное развитіе соціальной жизни даетъ именно внутренній характеръ ея проявленіямъ и общимъ понятіямъ и установленіямъ ея. Предполагая подчиненіе соціальной

---

[1]) Cort van der Linden, O. c., S. 54,—въ статьѣ, предшествовавшей первому изданію сочиненія Stammler'а: Wirtschaft und Recht, но не упоминаемой имъ—высказывается относительно затруднительности отграниченія политической экономіи и права: «Право должно представить форму и экономія—содержаніе. Однако справедливость безъ содержанія нельзя въ дѣйствительности мыслить, и это содержаніе остается, кромѣ того, чрезъ это отрицаніе на столько неопредѣленнымъ, какъ возможно».

[2]) Ср.: Grabski. Zur Erkenntnisslehre. S. 88 Anm.

[3]) § 59 S. 317.

жизни объективнымъ внѣшнимъ правиламъ, Stammler игнорируетъ лежащія въ основѣ соціальной жизни воленія и свободу и вытекающій отсюда субъективно-соціальный характеръ проявленій соціальной жизни, а также логическую необходимость внутренняго прогресса въ ней.

Идея правовой урегулированности и основанной на этомъ закономѣрности соціальной жизни не соотвѣтствуетъ обширному и многостороннему содержанію соціальной жизни, которая при всѣхъ условіяхъ и логически и исторически необходимо характеризуется всей полнотой своего содержанія хотя бы въ зачаткахъ его элементовъ. Логически понятіе соціальной закономѣрности, будучи подвергнуто анализу, разлагается на соотношенія между цѣлями и средствами и оцѣнки ихъ. Постоянный характеръ этихъ элементовъ создаетъ устойчивость въ ходѣ соціальной жизни и безъ общей внѣшней фиксаціи этого, т. е. безъ того, чтобы для объясненія этого возможно было бы или надлежало бы обращаться къ идеѣ объективной закономѣрности. Значеніе и характеръ права Stammler вообще представилъ неправильно. Право, какъ одна изъ отраслей соціальной жизни, развивается совмѣстно съ прочими и имѣетъ также и свою формальную сторону и свое внутреннее существо. Такъ, долговое обязательство имѣетъ, помимо юридической формы, и свою юридическую сущность, отличную отъ экономической сущности кредитнаго отношенія[1]. Вопреки мнѣнію Stammler'а, идея автократическаго права, логически предшествующаго государственной организаціи[2], представляется абсурдной. Скорѣе возможно было бы отнести пріоритетъ между ними къ государству, далекому въ примитивныхъ условіяхъ отъ правового характера. Это тѣмъ болѣе такъ, что Stammler, можно сказать, изъемлетъ изъ права конвенціональныя нормы[3]. Но точно также и въ отношеніи къ хозяйственнымъ явленіямъ, урегулированнымъ правовыми нормами, пріоритетъ вообще не можетъ быть приписанъ этимъ

---

[1]) Ср.: Arnold. Cultur und Rechtsleben. S. 95; Roscher. Ansichten der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. I S. 90 ff.; Cherbuliez. Précis de la science économique, t. I p. 3. См., напротивъ: Stammler. Wirtschaft und Recht. § 35. S. 206.

[2]) § 20 S. 102, § 23 S. 122, § 24 S. 124 f., § 50 S. 275 f.

[3]) § 95 S. 537 Ср.: P. Barth. Philosophie der Geschichte als Sociogie 1897. S. 287 Anm.

послѣднимъ[1], какъ это однако утверждаетъ Stammler, не располагающій болѣе убѣдительнымъ аргументомъ, нежели ссылка на отвлеченную математику и логику[2]. Для него представляется несомнѣннымъ, что «всякое понятіе собственности возникаетъ въ обусловленности впервые установляющей его правовой нормы»[3]. Это однако не только фактически невѣрно, но и логически же опровергается тѣмъ, что совокупность нормъ права не совпадаетъ съ цѣлями хозяйства и лишь въ нѣкоторой части находится въ болѣе тѣсномъ отношеніи къ нему. Правовое регулированіе не можетъ быть разсматриваемо какъ единственная основа общей закономѣрности соціальной жизни, но представляетъ одно изъ тѣхъ спеціальныхъ регулированій соціальной жизни, которыя достигаются съ помощью понятій и установленій, а также сопоставленія цѣлей и средствъ и оцѣнокъ, свойственныхъ каждой отрасли соціальной жизни въ отдѣльности. Подобнымъ же образомъ и хозяйственная жизнь представляется внутренно саморегулируемой, если отвлечься отъ взаимодѣйствій отдѣльныхъ отраслей или сторонъ соціальной жизни и сліянія ихъ въ послѣдней[4]. И точно также правопорядокъ, чего однако не допускаетъ Stammler[5], имѣетъ своимъ объектомъ правовую сторону въ существованіи и дѣятельности людей, съ особыми присущими ей цѣлями, средствами и оцѣнками. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое понятіе соціальной философіи, какъ научнаго изслѣдованія о томъ, «какой основоположной формальной закономѣрности подчинена соціальная жизнь людей» въ отвлеченіи отъ исторически даннаго правопорядка[6] представляется до крайности узкимъ и одностороннимъ. Нужно быть узкимъ юристомъ, чтобы притти къ такому пониманію соціальной философіи, и воспринятіе подобнаго воззрѣнія представителями иной соціальной науки могло бы быть объяснено развѣ научнымъ недоразумѣніемъ либо неудачнымъ эклектизмомъ. Сведеніе соціаль-

[1]) Ср.: Орженцкій. Н. с., стр. 116; Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. S. 77.

[2]) Wirtschaft und Recht. § 30 S. 161; Art. Recht. S. 41.

[3]) § 35 S. 199 f.

[4]) Ср.: A. Schäffle. Das gesellschaftliche System usw. B. I § 1 S. 1 f., § 11 S. 16; А. С. Шоръ. Основныя проблемы теоріи политич. экономіи. Стр. 292.

[5]) § 24 S. 124, § 35 S. 203.

[6]) § 1 S. 6 f.

ной жизни къ формѣ и матеріи, при одностороннемъ и какъ бы взаимно дополняемомъ пониманіи той и другой, соединяется у Stammler'а съ отрицаніемъ идеи взаимодѣйствія разныхъ сторонъ общественной жизни людей, при чемъ отвергаются подобныя воззрѣнія Arnold'а и Wagner'а[1]. Но эта мысль о взаимодѣйствіи есть только неизбѣжно несовершенное выраженіе сложности культурныхъ явленій, искусственно расчленяемыхъ на отдѣльныя стороны ихъ въ соотвѣтствіи съ возможностью приложенія различныхъ точекъ зрѣнія въ отдѣльности. Во всякомъ случаѣ произвольное упрощеніе въ представленіи соціальной жизни не имѣетъ никакихъ преимуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ идея взаимодѣйствія не связана непремѣнно съ каузальной точкой зрѣнія, какъ ошибочно полагаетъ Stammler[2].

56. Избравъ предметомъ своего изслѣдованія вопросъ, занимавшій многихъ ученыхъ изслѣдователей, R. Stammler разработалъ его совершенно своеобразно и, что вообще опасно въ научной работѣ, не опираясь на научныя изысканія и положенія предшествовавшей научной литературы.

Какъ указываетъ K. Knies, вопросъ объ отношеніи между хозяйствомъ и правомъ («Wirtschaft und Recht»[3]) привлекалъ къ себѣ вниманіе весьма многихъ ученыхъ изслѣдователей; къ нимъ принадлежатъ W. Arnold, Dankwardt, W. Endemann, Thöl, L. Goldschmidt, H. Rösler, v. Scheel и германскіе соціалисты Rodbertus, Lasalle и Engels. У различныхъ изъ этихъ изслѣдователей представлены прямо противоположныя мнѣнія. «Съ одной стороны, утверждали и старались доказать, что относящіяся сюда правовыя нормы и правопорядки являются и должны являться лишь результатомъ хозяйственныхъ потребностей и явленій; съ другой же стороны, столь же рѣшительно заявляли, что хозяйственныя жизненныя отношенія и явленія, если не прямо сами являются и остаются всегда правоотношеніями, то все же лишь продуктами правоотношеній»[4]. Въ этой общей формулировкѣ мнѣ-

[1]) § 35 S. 202 f., § 38.
[2]) § 38.
[3]) Кавычки въ подлинникѣ.
[4]) Die polit. Oekonomie usw. 2 Aufl. S. 127.

ній, которую далъ K. Knies, конечно, нѣтъ и намека на различіе формы и матеріи въ соціальной жизни. Самъ Knies, оспаривая нижеприведенное замѣчаніе Roscher'a, рѣзко возражаетъ также противъ мнѣнія, дѣлающаго правопорядокъ отвѣтственнымъ за всѣ состоянія хозяйственной жизни, и настаиваетъ на томъ, что «если для хозяйственныхъ объектовъ даны особыя правовыя нормы, то все же остается должнымъ различать въ томъ же объектѣ хозяйственную и правовую сторону». Въ видѣ примѣра онъ указываетъ различіе по существу между правовой и національно-экономической точками зрѣнія по отношенію къ пріобрѣтенію вещи чрезъ завладѣніе[1].

W. Roscher, различавшій цѣлый рядъ сторонъ въ народной жизни, проявляющихся совмѣстно и въ тѣсной связи между собою, и предполагавшій особенно тѣсное соотношеніе между правомъ, государствомъ и хозяйствомъ, бѣгло замѣчаетъ: «Какъ всякій хозяйственный актъ, по намѣренію или нѣтъ, предполагаетъ правовыя формы, такъ и преобладающее большинство юридическихъ законовъ и рѣшеній имѣетъ хозяйственное содержаніе. Въ безчисленныхъ случаяхъ наука права представляетъ намъ лишь внѣшнее: какъ; лишь національная экономика присоединяетъ сюда болѣе глубокое: почему»[2]. Но это замѣчаніе представляетъ результатъ лишь поверхностнаго сопоставленія хозяйственной и правовой стороны извѣстнаго акта или явленія. Въ дѣйствительности право занимается установленіемъ и проведеніемъ условій правомѣрности, которыя и формулируетъ соотвѣтствующимъ образомъ, экономика же старается показать и осуществить условія хозяйственнаго выполненія. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Knies'a, на котораго впрочемъ ссылается Roscher, гораздо глубже и содержательнѣе.

Выше[3] мы отмѣтили уже приближающееся къ основному воззрѣнію Stammler'a, но не упоминаемое послѣднимъ замѣчаніе Cort van der Linden'a, въ связи съ его довольно туманными представленіями относительно научной классификаціи.

---

[1]) S. 132 f.
[2]) Grundlagen usw. 23 Aufl. § 16 S. 41 f.
[3]) См. выше, § 55. Стр. 492.

Въ германской литературѣ критическія замѣчанія и возраженія противъ теоріи Stammler'a высказали между прочими P. Barth, M. Weber, Grabski[1], W. Hasbach и O. Spann.

Первый изъ нихъ возражаетъ противъ установившагося подъ вліяніемъ національной экономики смѣшенія понятій соціальнаго и экономическаго. «При этомъ словоупотребленіи, повидимому, совершенно забываютъ, что религія и наука, вообще совокупное міросозерцаніе и государственная жизнь точно также соціальны и для огромнѣйшей части исторіи были въ гораздо большей мѣрѣ соціальны, нежели хозяйство, которое, какъ показалъ K. Bücher[2], въ качествѣ народнаго хозяйства, а не домашняго и городского хозяйства, представляетъ продуктъ лишь новаго времени, лишь въ новое время могло вообще начать дѣйствовать соціально». Отвергая вообще его понятіе соціальной жизни, Barth возражаетъ противъ обоихъ элементовъ ея въ пониманіи Stammler'a: «Онъ имѣлъ въ виду принудительную власть, связываемую въ настоящее время съ правомъ, забывая, что внѣшній законъ, проявляющійся не въ обычаѣ, но даваемый законодателемъ и поэтому приводимый въ дѣйствіе посредствомъ принужденія есть очень позднее явленіе въ исторіи общества. Его опредѣленіе соціальнаго слишкомъ узко, такъ какъ оно исключаетъ изъ понятія соціальнаго внутреннее общеніе, какъ религіозныя, нравственныя, эстетическія идеи»[3].

M. Weber въ своей незаконченной статьѣ по поводу второго изданія книги Stammler'a далъ мелочную и, по намѣренію критика, уничтожающую критику, имѣющую, по квалификаціи Н. Алексѣева[4], филологическій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать, что исходныя теоретико-познавательныя воззрѣнія самаго M. Weber'a не могли послужить къ плодотворной критикѣ ученія R. Stammler'a. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему могъ притти критикъ, оспаривающій противопоставленіе природы и соціальной жизни, какъ это дѣлаетъ M.

[1]) См. выше, § 55 S. 492.

[2]) Относительно упоминаемой здѣсь теоріи Bücher'a см. выше, §§ 39, 41.

[3]) O. c., S. 286 ff.

[4]) Н. Н. Алексѣевъ. Соціальная философія Штаммлера. Вопросы филос. и психол. 1909. Кн. 96 (1). Стр. 5. См. также: O. Spann. Wirtschaft und Gesellschaft. 1907. S. 143 Anm.

Weber? Въ частности, онъ выясняетъ здѣсь соотношеніе между историческимъ матеріализмомъ и ученіемъ Stammler'a.

Къ критикамъ ученія Stammler'a принадлежитъ также O. Spann[1]. Представивъ въ главныхъ чертахъ ученіе Stammler'a, Spann развиваетъ рядъ возраженій противъ него. Въ противопоставленіи, какъ двухъ задачъ научнаго изслѣдованія, формы и матеріи соціальной жизни, а равно въ различеніи только права и хозяйства онъ усматриваетъ роковой дуализмъ. Въ формулѣ: «Соціальная жизнь есть регулированіе и урегулированное содержаніе», съ точки зрѣнія соціальнаго монизма, Spann видитъ двойную непослѣдовательность абсолютнаго противопоставленія обоихъ моментовъ и отнесенія примата къ формѣ. Далѣе указывается несоотвѣтствіе въ опредѣленіяхъ соціальнаго феномена и соціальнаго хозяйства, или соціальной матеріи,— «понятія, которое представляется гораздо обширнѣе, нежели старое понятіе національной экономіи». Беря оба термина, какъ ихъ толкуетъ Stammler, Spann полагаетъ, что «въ понятіе соціальнаго хозяйства (соціальной матеріи) входятъ, очевидно, явленія, которыя понятіе экономическаго феномена не можетъ принять въ себя. Явленія рѣчи, искусства, науки, религіи, соціальной морали и т. д., несмотря на то, что и они въ извѣстномъ смыслѣ все же представляютъ массовыя явленія общества, лежатъ именно внѣ однородныхъ массовыхъ явленій правоотношеній». Такъ, хотя религіозное общеніе и предполагаетъ извѣстный внѣшній уставъ и регулированіе (по существу конвенціональнаго характера), но при этомъ въ широкихъ рамкахъ, предоставляемыхъ ими, имѣютъ мѣсто «явленія, познаніе которыхъ отнюдь не можетъ быть познаніемъ правоотношеній». Это вполнѣ правильное заключеніе Spann'a должно быть, разумѣется, отнесено и къ инымъ соціальнымъ явленіямъ не-правового характера. Въ особенности, однако, останавливается Spann на полагаемой въ основу всего телеологической точкѣ зрѣнія. Какъ утверждается здѣсь, «ясное обсужденіе показываетъ, что цѣлевое разсмотрѣніе можетъ относиться лишь къ понятію связи, какъ одинаково направленнаго воленія, но не къ понятію психологической связанности.

[1]) O. c., Kap. IV. S. 142—168. Здѣсь указана также литература вопроса.

Ибо въ послѣднемъ случаѣ оно необходимо примѣшиваетъ въ свое разсмотрѣніе каузальные элементы. Во первомъ же случаѣ это хотя и устраняется, но и самое отнесеніе становится сомнительнымъ». Вмѣстѣ съ утвержденіемъ недостаточности чисто телеологическаго познаванія Spann отвергаетъ цѣлевую закономѣрность, какъ нормативную и основанную на единствѣ цѣли соціальнаго регулированія, т. е. на единствѣ соціальныхъ цѣлей и на безусловной и общезначимой конечной цѣли, соціальномъ идеалѣ, который однако не можетъ въ дѣйствительности быть основою изслѣдованія формы соціальной жизни. Spann, напротивъ, отстаиваетъ самостоятельную закономѣрность хозяйства на принципіально каузальной основѣ, при чемъ въ видѣ примѣровъ называетъ законъ ренты J. v. Thünen'a, правило Грэшама, законъ убывающей производительности почвы и «всѣ законы цѣнности», при чемъ въ отношеніи послѣдняго ссылается на явленія, предусматриваемыя теоріей предѣльной полезности. Телеологическое разсмотрѣніе, возможное лишь по отношенію къ формѣ въ виду единства воленія, оказывается неприложимымъ къ матеріи, въ силу чего изслѣдованіе формы и матеріи разъединяется. «Телеологическое (направленное на формальное единство воленія) познаніе соотношенія средства и цѣли не можетъ никогда быть описаніемъ каузальной системы средствъ; оно вообще не можетъ принять въ себя каузальныхъ элементовъ».

Такимъ образомъ, отмѣченныя сейчасъ возраженія противъ ученія Stammler'a основываются частью на ошибочныхъ воззрѣніяхъ самого критика. Самое понятіе хозяйства у Spann'a представляется слишкомъ объективнымъ и недостаточно абстрактнымъ. Принятіе психической обусловленности и каузальной закономѣрности въ области хозяйства также должно быть признано несостоятельнымъ. Изъ указываемыхъ имъ законовъ второй, который онъ самъ не рѣшается назвать закономъ, а равно первый и третій представляютъ лишь болѣе частное примѣненіе принципа хозяйственности, послѣдніе же—не имѣютъ положительнаго экономическаго характера, принадлежа скорѣе къ области экономически направленной логики и психологіи[1].

[1]) См. объ этомъ выше, § 28 стр. 177.

Wilhelm Hasbach[1] представилъ критическій очеркъ ученія Stammler'a, также исходя изъ противоположныхъ этому воззрѣній причиннаго изслѣдованія, хозяйственной психологіи, отправнаго предположенія изолированнаго хозяйства и экономическаго принципа. Относясь поэтому вполнѣ отрицательно къ этому ученію, Hasbach признаетъ его «карточнымъ домикомъ изъ софизмовъ и ложныхъ заключеній». Указывая семь особыхъ областей въ общеніи людей: мѣропріятія обороны, языкъ, искусство, науку, религію, нравственность и право и общественное хозяйство, Hasbach отмѣчаетъ въ ученіи Stammler'a тенденцію къ необъятному расширенію экономической науки вплоть до scientia omnium rerum humanarum ac divinarum.

Въ своемъ критическомъ разборѣ воззрѣній Stammler'a, не вполнѣ удачномъ и отчасти отраженномъ Stammler'омъ въ новомъ изданіи его книги, Th. Kistiakovski[2] даетъ цѣнное указаніе относительно дѣйствительнаго значенія научной системы Stammler'a. «Въ этомъ опредѣленіи», какъ высказывается здѣсь, «Stammler окончательно смѣшиваетъ правовое и соціальное понятіе общества. Къ внѣшнему регулированію относится не соціальное разсмотрѣніе, но правовое и этическое. Всѣ правила и нормы, отграничивающія во-внѣ общество, могутъ логически быть вполнѣ отдѣлены отъ урегулируемыхъ конкретныхъ обстоятельствъ, что признаетъ и Stammler, и въ такой изолированной формѣ образуютъ предметъ науки права, науки о нравахъ (Sittenlehre) и этики». Такимъ образомъ, соціально-философская конструкція Stammler'a комментируется здѣсь, какъ собственно юридическая конструкція общества, въ которой правильная классификація и опредѣленіе иныхъ отраслей соціальной жизни не играютъ роли, при чемъ, однако, означенная юридическая конструкція относится лишь къ сферѣ частнаго права и, вопреки мнѣнію цитируемаго критика, не распространяется на этику.

Вполнѣ отрицательный отзывъ о «Хозяйствѣ и правѣ» Stammler'a высказалъ въ своемъ семинарѣ въ Берлинскомъ Университетѣ проф. Ad. Wagner.

---

[1]) Güterverzehrung und Güterhervorbringung. 1906. S. 75 ff.

[2]) Gesellschaft und Einzelwesen. 1899. S. 74—79. Ср.: Алексѣевъ. Н. с., II.

Кругъ экономистовъ, усвоившихъ отправныя воззрѣнія R. Stammler'a, представляется—какъ это признаютъ и они сами —крайне ограниченнымъ и не обѣщаетъ распространиться и впредь. Сюда принадлежатъ W. Ed. Biermann[1], Karl Diehl[2], Albert Hesse[3] и Rudolf Stolzmann[4], пришедшій, по его словамъ, самостоятельно къ однороднымъ воззрѣніямъ и затѣмъ примкнувшій къ R. Stammler'у. Ихъ работы представляютъ ту положительную сторону, что въ своихъ попыткахъ ближайшимъ образомъ примѣнить воззрѣнія Stammler'a къ экономикѣ они способствуютъ распространенію болѣе правильныхъ воззрѣній въ ней, оттѣняя соціальный характеръ экономики и телеологическое направленіе ея и отрицая идею каузальной закономѣрности.

Въ итальянской литературѣ B. Croce[5] пріурочиваетъ къ изложенію ученія Stammler'a свои заключенія относительно проблемъ экономической науки.

Русская научная литература заключаетъ въ себѣ рядъ критическихъ оцѣнокъ и замѣчаній о книгѣ Stammler'a.

Основныя предпосылки его соціальной философіи выясняетъ Н. Н. Алексѣевъ[6]. Онъ признаетъ положительное значеніе его «Хозяйства и права», какъ «единственной въ своемъ родѣ попытки, съ одной стороны, дать принципіальную философскую критику экономическаго матеріализма, съ другой, построить соціальную философію на основѣ кан-

---

[1]) См. его: Wundt und die Logik der Sozialwissenschaft. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. 1903. III F. B. 25. H. 1 S. 58 f., 63. Авторъ доходитъ здѣсь до яснаго признанія того, что «всѣ тенденціи населенности исключительно зависятъ отъ правопорядка». См. еще его же: Sozialwissenschaft, Geschichte und Naturwissenschaft. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. 1904. III F. B. 28. H. 5. S. 601.

[2]) См. его: Über die nationalökon. Lehrbücher von Wagner, Schmoller, Dietzel und Philippovich mit besond. Rücksicht auf die Methode der Sozialwissenschaft. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. 1902. III F. B. 24 H. 1 S. 90, 117, 133.

[3]) См. его: Der Begriff der Gesellschaft in H. Spencer's Soziologie. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. III F. B. 21 H. 6 S. 776 ff.; Die Werturteile in der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. 1912. III F. B. 43. H. 1-2. S. 185 f.

[4]) Der Zweck in der Volkswirtschaft. 1909. См.: S. III, VI, 40 ff. (1 Ausgabe: Soziale Kategorie.).

[5]) Materialismo storico ed economia marxistica. 2 ed. 1907. IV.

[6]) Соціальная философія Р. Штаммлера. Вопросы философіи и психологіи. 1909. Кн. 96 (1).

товскаго критицизма», и считаетъ изученіе Штаммлера, несмотря на всѣ его промахи и недостатки, необходимымъ, чтобы войти въ проблему современной соціальной философіи и сколько-нибудь удовлетворительно въ ней разобраться. Въ методологическомъ отношеніи Н. Алексѣевъ констатируетъ у Stammler'a сочетаніе двухъ разнородныхъ принциповъ—монизма и плюрализма: первый проявляется въ исходной идеѣ единства соціальной жизни, второй—въ множественности познавательныхъ пріемовъ въ предѣлахъ этого единства. Особое значеніе его соціальной философіи Н. Алексѣевъ признаетъ въ томъ, что «ея основныя тенденціи болѣе направлены въ сторону освобожденія соціальной науки отъ принциповъ натурализма, чѣмъ тенденціи соціальной философіи виндельбандо-риккертовской школы. Соціальная философія Штаммлера является однимъ изъ передовыхъ этапныхъ пунктовъ въ рѣшеніи основной проблемы новѣйшаго времени—построить логику и философію той великой области знанія, которую одни называютъ наукою о духѣ, другіе науками о культурѣ—и равнымъ образомъ построить новое духовно- и культурно-историческое міросозерцаніе въ противоположность натурализму, доселѣ господствовавшему въ философіи». Но все же цитируемый авторъ полагаетъ, «что Штаммлеръ, правильно поставивъ вопросъ, далъ совершенно недостаточное его рѣшеніе» и «что съ теоретико-познавательной точки зрѣнія основоположное единство Штаммлера такъ и остается сплошнымъ иксомъ». Н. Алексѣевъ справедливо находитъ совершенно бездоказательнымъ, «что «это общая особенность формы»—подлежать самостоятельному научному изслѣдованію». «Такимъ образомъ возможность юриспруденціи и соціальной философіи, какъ самостоятельныхъ наукъ—равно какъ и возможность юридическаго и философскаго метода—остаются у Штаммлера необоснованными. Столь же необоснованной является у него и самостоятельность третьей соціальной дисциплины—политической экономіи». Изученіе конкретнаго осуществленія урегулированнаго сотрудничества политической экономіей, по его возможному характеру, критикъ остроумно сближаетъ съ естественно-научнымъ изученіемъ. Въ этомъ заключается, на нашъ взглядъ, правильное

и существенное возраженіе противъ общей гносеологической системы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ самой соціальной философіи Stammler'a.

Общую характеристику воззрѣній Stammler'a даетъ Р. М. Орженцкій[1], при чемъ въ передачѣ ихъ отчасти допускаетъ неточности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и произвольныя отступленія. Противъ мнѣнія, что «политическая экономія должна заниматься лишь изложеніемъ явленій массоваго осуществленія юридическихъ нормъ въ дѣйствительной жизни», онъ возражаетъ тѣмъ, что «первое же приложеніе его на дѣлѣ потребовало [бы] исключенія изъ наиболѣе разработанной соціальной науки $^{9}/_{10}$ ея содержанія и превращенія остающейся части изъ самостоятельнаго изслѣдованія своихъ особыхъ явленій въ статистическое перечисленіе юридическаго матеріала». Далѣе, становясь на свою собственную точку зрѣнія, онъ упрекаетъ Stammler'a въ смѣшеніи закона юридическаго съ закономъ естественнымъ, а того и другого вмѣстѣ—съ практическими правилами поведенія. Какъ утверждаетъ Р. Орженцкій, «законъ, въ смыслѣ юридической нормы, представляетъ собою внѣшнепринудительное правило, требующее извѣстнаго поведенія, независимо отъ того, имѣло ли бы мѣсто такое поведеніе само по себѣ, по своимъ собственнымъ законамъ или нѣтъ». «Ясно, что самое существованіе юридической нормы предполагаетъ, что, при ея отсутствіи, требуемое содержаніемъ нормы поведеніе либо не происходило бы вовсе, либо происходило бы инымъ образомъ (налогъ не уплачивался бы, противодѣйствіе оказывалось бы, обязательства излагались бы въ иной формѣ). Отсюда слѣдуетъ, что поведеніе людей, независимо отъ юридическихъ нормъ, подчинено своимъ собственнымъ законамъ. Необходимо поэтому отличать законъ нормативный отъ закона явленій. Законъ въ послѣднемъ смыслѣ не требуетъ того или иного поведенія и не создаетъ его, подобно тому, какъ требуетъ или создаетъ поведеніе правовая норма; законъ явленія представляетъ собою только абстрактное выраженіе той правильности въ послѣдованіи и сосуществованіи явленій, какая существуетъ сама

[1]) Понятіе объ экономическомъ явленіи. Стр. 112 и сл., 349 и сл.

по себѣ. Выраженіе, что законъ управляетъ явленіями, имѣетъ, какъ само собою понятно, лишь переносное значеніе. Наконецъ, практическія правила поведенія, какъ правила грамматики, агрономіи, технологіи и т. д., не представляютъ собою ни внѣшне обязательныхъ нормъ, создающихъ своимъ содержаніемъ извѣстное поведеніе, ни законовъ, по которымъ явленія происходятъ сами собою. Такого рода правила лишь указываютъ содержаніе обязательныхъ нормъ или сущность собственныхъ законовъ явленій съ тою цѣлью, чтобы на основаніи этого знанія выбрать и рекомендовать тотъ или другой наиболѣе цѣлесообразный способъ поведенія». Цитируемый авторъ приходитъ здѣсь къ выводу: «Языкъ существуетъ, возникаетъ и развивается по своимъ собственнымъ законамъ, независимо отъ того, существуютъ ли учебники грамматики или нѣтъ. Правда, грамматическія правила оказываютъ вліяніе на поведеніе людей, но лишь тѣмъ, что уясняютъ имъ существующія формы рѣчи и собственные законы языка». Р. Орженцкій отмѣчаетъ, что развитіе языка происходитъ независимо отъ соціально-правового регулированія, но онъ при этомъ предполагаетъ, что «по мнѣнію автора [т. е. Stammler'a], правила грамматики представляютъ собою такія же нормы для языка, какъ юридическія нормы для всякаго другого поведенія людей». Предположеніе естественныхъ законовъ причиннаго характера также относительно соціальныхъ явленій, вводимое Р. Орженцкимъ, не только слабо аргументировано имъ, но и въ корнѣ противорѣчитъ основнымъ воззрѣніямъ Stammler'a. Съ своей стороны мы находимъ единственно правильнымъ предположеніе особаго рода правилъ цѣлесообразности, проявляющихся въ сохраненіи и развитіи языка и существующихъ реально по столько лишь, по сколько онѣ сознательно или подсознательно проявляютъ практически свое вліяніе. Болѣе правильныя замѣчанія высказываетъ Р. Орженцкій объ отношеніи между хозяйствомъ и правомъ: «Экономическое поведеніе есть именно одна изъ такихъ формъ поведенія, которая создаетъ соціальныя отношенія сама по себѣ; правовая норма можетъ затѣмъ присоединиться къ этой формѣ поведенія, подчинить ее себѣ, предписать ей внѣшній видъ, но логически она не

находится ни въ какомъ соотношеніи съ экономическимъ явленіемъ. Вслѣдствіе этого a priori допустимо несовпаденіе юридическаго съ экономическимъ и такое несовпаденіе дѣйствительно имѣетъ мѣсто, чѣмъ окончательно подрывается ученіе Stammler'a». Указывая затѣмъ на наличіе юридическихъ нормъ, не осуществляемыхъ экономическимъ поведеніемъ, и экономическаго поведенія, для котораго вовсе нѣтъ юридическихъ нормъ, а также на факты, что игнорируемыя почему-либо правомъ экономическія явленія облекаются въ несоотвѣтствующія имъ юридическія формы, установленныя для другихъ экономическихъ отношеній, и что экономическое явленіе, нежелательное праву, все же существуетъ, хотя и подъ покровомъ посторонней ему юридической нормы, Р. Орженцкій заключаетъ отсюда, что очевидно, «во всѣхъ этихъ случаяхъ юридическая норма нисколько не измѣняетъ природы прикрываемаго ею отношенія», и «что экономическое явленіе не есть только простое осуществленіе правовой нормы, но что оно имѣетъ свое самостоятельное существованіе, и уже если говорить о взаимномъ ихъ отношеніи, то можно утверждать, что первоначально существуетъ экономическое явленіе, какъ форма поведенія и возникающія изъ нея соціальныя отношенія, а затѣмъ возникаютъ соотвѣтствующія нормы».

М. А. Сириновъ[1], цитирующій M. Weber'a, Алексѣева и Spann'a, «признаетъ за работами Штаммлера крупное историческое значеніе», но отрицаетъ какую-либо цѣнность ихъ въ настоящее время и находитъ, «что ученіе Штаммлера о соціальныхъ явленіяхъ совершенно несостоятельно—несостоятельно не потому, что авторъ допустилъ невѣроятную путаницу понятій, а несостоятельно принципіально».

А. С. Шоръ[2], ссылаясь также на Р. М. Орженцкаго, считаетъ совершенно необоснованнымъ взглядъ Штаммлера на соотношеніе между хозяйствомъ и правомъ—въ виду того именно, что «хозяйственный порядокъ распредѣленія лишь незначительной своей долей совпадаетъ съ порядкомъ, созданнымъ какимъ-нибудь законодательствомъ».

---

[1]) Политическая экономія, какъ наука. В. II. Глава VI. Стр. 38 и сл.
[2]) Основныя проблемы теоріи политической экономіи. Стр. 290 и сл.

57. Въ изложенномъ выше ученіи R. Stammler базируется на матеріалистическомъ воззрѣніи на соціальную жизнь, какъ это видно изъ самаго заглавія разобраннаго произведенія[1]. При этомъ онъ однако произвелъ переработку или, вѣрнѣе, «превращеніе» (Umwälzung) этого воззрѣнія—въ цѣляхъ пригонки его къ задачамъ философіи права. Между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса и ихъ учениковъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію предполагаетъ выведеніе формъ соціальной жизни изъ опредѣляющихъ первыя собственно матеріальныхъ отношеній и условій[2], Stammler, напротивъ, отождествляетъ опредѣляющую форму соціальной жизни съ правовымъ регулированіемъ, относя къ матеріи соціальной жизни вообще всѣ иныя проявленія послѣдней[3]. Это превращеніе основного воззрѣнія представляетъ любопытное pendant къ тому превращенію, которое продѣлалъ Marx надъ діалектическимъ методомъ Гегеля, о чемъ самъ Marx говоритъ въ своемъ предисловіи къ второму изданію (1873 г.) перваго тома «Капитала»: «Мой діалектическій методъ не только отличается въ основѣ отъ метода Гегеля, но и представляетъ прямую противоположность ему. Для Гегеля процессъ мышленія, который онъ подъ именемъ идеи превращаетъ въ самостоятельный субъектъ, есть деміургъ дѣйствительности, которая представляетъ лишь его внѣшнее выраженіе. У меня, наоборотъ, идеальное есть не что иное, какъ обращенное и переведенное въ головѣ человѣка матеріальное»[4].

Въ своемъ чистомъ и разработанномъ видѣ теорія соціальнаго матеріализма[5], называемаго также историческимъ матеріализмомъ[6], экономическимъ матеріализмомъ, матеріалистическимъ

---

[1]) Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 2 Aufl. 1906. (1 A.—1896).

[2]) См., напр.: K. Marx. Das Kapital. B. I. IV Ausg. S. 50 f., а также: Stammler. O. c. § 9 S. 34 f.

[3]) См.: Max Weber. R. Stammlers Ueberwindung der materialistischen Geschichtsauffassung. Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik. 1907. B. XXIV, H. 1. S. 116 f.

[4]) Das Kapital. B. I. 4 Aufl. S. XVII.

[5]) Этимъ наименованіемъ—на нашъ взглядъ наиболѣе удачнымъ по его соотвѣтствію со всей полнотой соціальной жизни, охватываемой матеріалистическимъ воззрѣніемъ—отчасти пользуется R. Stammler. O. c., §§ 6 f., 13 f., 78, а также Anm. 8, 37.

[6]) Примѣнено въ письмѣ Fr. Engels'a къ C. Schmidt'y (v. 27 Okt. 1890). Этого, повидимому, не зналъ Th. Masaryk. O. c., S. 92.

пониманіемъ исторіи или такимъ же воззрѣніемъ на исторію[1] принадлежитъ къосновнымъ ученіямъ т. н. научнаго соціализма и имѣетъ своими первыми представителями прямыхъ основателей послѣдняго, каковыми были собственно K. Marx и Fr. Engels[2].

Матеріалистическое воззрѣніе объединяетъ соціальную жизнь, но подъ угломъ зрѣнія, который скорѣе всего долженъ былъ быть избранъ активно настроенными представителями этого воззрѣнія, какъ наиболѣе освобождающій отъ связанности опредѣленными идеями и традиціями и наиболѣе идущій навстрѣчу вожделѣніямъ и взглядамъ, освобождаемой отъ всѣхъ, даже лучшихъ проявленій «аристократизма», массы населенія[3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ основная предпосылка этого воззрѣнія легко можетъ показаться на первый разъ вполнѣ естествен-

[1]) Это наименованіе далъ Fr. Engels. Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. (1 A.—1878).

[2]) Fr. Engels. Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 3 Aufl. S. 13, говоритъ объ этомъ: «Обоими этими великими открытіями: матеріалистическимъ воззрѣніемъ на исторію и раскрытіемъ тайны капиталистическаго производства чрезъ прибавочную цѣнность, мы обязаны Марксу. Съ ними сталъ соціализмъ наукой, которую надлежитъ теперь далѣе разрабатывать во всѣхъ ея деталяхъ и соотношеніяхъ». K. Kautsky въ своей полемической статьѣ: Bernstein und das Sozialdemokrat. Programm. 1899. S. 8, присоединяетъ къ этой цитатѣ свое замѣчаніе: «Они [открытія] не создали современный соціализмъ, но дали впервые возможность научно, методически обосновать и разработать соціализмъ. Изъ этихъ обоихъ открытій открытіе матеріалистическаго воззрѣнія стало основоположнымъ. Съ нимъ стоитъ и падаетъ марксизмъ, т. е. высшая до сего времени доступная ступень соціалистической теоріи». Подобнымъ же образомъ высказывается Ed. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. 1899. S. 4: «Никто не будетъ оспаривать, что главный элементъ въ фундаментѣ марксизма, т. ск., основной законъ, проникающій всю систему, есть его специфическая теорія исторіи, носящая наименованіе матеріалистическаго воззрѣнія на исторію. Съ нимъ онъ въ принципѣ стоитъ и падаетъ; по мѣрѣ того, какъ оно испытываетъ ограниченія, страдаетъ взаимоотношеніе прочихъ его элементовъ». См. также: E. Hammacher. Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. 1909. S. 66 ff.; R. Stammler. Wirtschaft und Recht. § 10 S. 40; L. Voltmann. Der historische Materialismus. 1900. S. 1; V. Cathrein. Der Sozialismus. 9 Aufl. 1906. S. 125; Lorenz. Die marxist. Sozialdemokratie. S. 1.

[3]) Kautsky. O. c., S. 10, замѣчаетъ относительно этого: «Матеріалистическое пониманіе исторіи стало теоріей, посредствомъ которой пролетаріатъ обосновываетъ свои соціалистическія притязанія. Это чрезвычайно расширило ея историческое значеніе, но сузило возможность ея научнаго развитія, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время». Ср. также: W. Sombart. Sozialismus und soziale Bewegung. 6. Aufl. 1908. S. 99 f. Th. Masaryk. O. c., S. 118 f., утверждаетъ, что «историческій матеріализмъ Marx'a есть преимущественно позитивистическій аморализмъ», но что въ то же время его работы проникнуты идеологической тенденціей.

ной и необходимой: вполнѣ логичнымъ представлялось бы, что предварительно всякой иной дѣятельности человѣкъ долженъ обезпечить себя наиболѣе необходимымъ для своего существованія и средствами ко всякой иной дѣятельности[1]. Но если бы даже возможна была классификація потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію въ зависимости отъ ихъ настоятельности, то все же эта классификація не могла бы свестись къ различенію матеріальнаго и нематеріальнаго. Помимо того, непосредственное заготовленіе средствъ къ существованію и къ разнымъ родамъ дѣятельности прежде всего предполагаетъ соотвѣтствующія свѣдѣнія и цѣли, а также соотвѣтствующіе запросы изъ области другихъ сторонъ культурной жизни. При отсутствіи иныхъ проявленій жизни невозможно даже представить себѣ физическое существованіе и дѣятельность людей, такъ какъ аналогія животнаго существованія въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, вовсе не убѣдительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ искони присущее человѣческому обществу раздѣленіе и соединеніе дѣятельности изначала же необходимо выходитъ изъ рамокъ физической и при томъ настоятельно необходимой жизнедѣятельности[2]. На низкомъ уровнѣ культуры собственно хозяйственная сторона дѣятельности представляется точно также весьма мало развитой и несложной и, разумѣется, не могла бы обезпечить сама по себѣ существованіе человѣка. Но и во все послѣдующее время хозяйственность соблюдается такъ не полно и съ такими грубыми и намѣренными нарушеніями ея, что отсюда отнюдь нельзя было бы заключить къ односторонне господствующей и руководящей роли хозяйства либо матеріальной стороны жизни въ общей жизнедѣятельности людей. Напротивъ, скорѣе можно было бы заключить, что хозяйственность соблю-

---

[1]) Въ этомъ именно смыслѣ, въ своей рѣчи у могилы Marx'a, Fr. Engels указывалъ «доселѣ сокрытый идеологическими передержками простой фактъ, что раньше всего люди должны сначала ѣсть, пить, имѣть жилище и одежду, прежде чѣмъ они могутъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и т. д.». Противъ этого возражаютъ: Woltmann. O. c., S. 213; М. И. Туганъ-Барановскій. Теоретич. основы марксизма. 1905. Стр. 29; Masaryk. O. c., S. 126 f.

[2]) См.: K. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. 5 Aufl. S. 27 ff.; Idem. Arbeit und Rhythmus. 4 Aufl. S. 13 ff.; G. Schmoller. Grundriss usw. T. I. 1908. S. 349 f.

дается при этомъ какъ бы между прочимъ и далеко не въ полной мѣрѣ, частью даже подсознательно. Наконецъ, въ этомъ отношеніи имѣетъ свое значеніе и позднее возникновеніе экономической науки, которая не могла бы отсутствовать, если бы хозяйство дѣйствительно имѣло созидающее и опредѣляющее значеніе относительно прочихъ проявленій культурной жизни людей. Въ матеріалистическомъ воззрѣніи игнорируется и крайне важный моментъ, имѣющій первичный характеръ и, какъ это убѣдительно показалъ H. Spencer[1], являющійся однимъ изъ самостоятельныхъ началъ, опредѣляющихъ соціальную организацію, умственныя и нравственныя качества населенія и систему раздѣленія труда, а равно и внѣшнее общеніе народовъ. Это—война, военный духъ, военная организація, послѣдствія войнъ. Было бы, конечно, грубой ошибкой видѣть въ этомъ моментѣ просто продуктъ экономическихъ стремленій, интересовъ и условій, которыя могутъ имѣть въ этомъ отношеніи лишь нѣкоторое косвенное вліяніе, въ порядкѣ взаимодѣйствія между разными отраслями культуры. Подобнымъ же образомъ, потребности, интересы, взаимоотношенія и оцѣнки въ иныхъ областяхъ культуры вообще являются существенными и элементарными факторами соціальной жизни и ея развитія. Исходнымъ пунктомъ соціальной науки вообще можетъ быть лишь человѣкъ, способный къ культурѣ, т. е. обладающій и пользующійся всѣми соотвѣтствующими задатками, а не пріобрѣтающій ихъ впослѣдствіи или же только впослѣдствіи обращающійся къ ихъ примѣненію[2].

Какъ это можно вывести изъ существующихъ формулировокъ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, оно имѣетъ своими главными элементами естественно-научный, техническій и экономическій матеріализмъ. По сколько однако дѣло идетъ о существующей въ данную эпоху системѣ раздѣленія и соединенія дѣятельности и общесоціальнаго положенія отдѣльныхъ группъ населенія и въ частности рабочаго класса, по отношенію къ этимъ вопросамъ матеріалистическое воззрѣніе выходитъ изъ присущихъ ему рамокъ какъ въ своихъ предпосыл-

[1]) Principles of Sociology. Vol. II. 1900. Part V.
[2]) См. выше, §§ 3, 5.

кахъ, такъ и выводахъ. Всѣмъ этимъ ограничивается роль собственно экономическаго элемента въ этомъ воззрѣніи. Если разсматривать хозяйственную сторону соціальной жизни въ правильномъ пониманіи, которое мы старались показать выше, то неприложимость къ ней матеріалистическаго опредѣленія представится совершенно очевидною. Что касается техники, то представленіе о ней, какъ о располагаемомъ запасѣ машинъ, орудій и иныхъ производственныхъ средствъ, т. е. сведеніе ея къ понятію производственнаго капитала, очевидно, неправильно. Техника[1] имѣетъ своимъ основнымъ содержаніемъ развивающуюся систему полезныхъ идей, изобрѣтеній и усовершенствованій, а также навыковъ и познаній въ разныхъ видахъ дѣятельности. Накопленіе этихъ элементовъ техники и даже самое утилизированіе ихъ не представляютъ собою нѣчто односторонне-матеріальное. Вообще, какъ развитіе и даже простое сохраненіе техники, такъ и воздѣйствіе ея на иныя отрасли культуры можетъ имѣть мѣсто лишь въ силу взаимозависимости между техникой и ими[2]. Наконецъ, еще одинъ элементъ матеріалистическаго воззрѣнія—природа, доставляющая объекты человѣческой дѣятельности, своимъ участіемъ въ человѣческой жизни не могла бы активно и самостоятельно способствовать развитію человѣческой культуры. Къ тому же, человѣчество используетъ въ своей дѣятельности природу весьма различнымъ образомъ – между прочимъ, въ чистой наукѣ, поэзіи, искусствѣ вообще. Узко-утилитарное отношеніе къ природѣ представляется часто не только мелочнымъ и неэстетичнымъ, но именно и непрактичнымъ[3].

Представляется, такимъ образомъ, очевиднымъ, что матеріальный производственный капиталъ и матеріальныя же природныя условія, даже при приложеніи къ нимъ хозяйственности, не могли бы создать или хотя бы продолжить культуру во всѣхъ ея отрасляхъ.

---

[1]) См. выше. § 2 стр. 9 и сл.

[2]) Ср.: K. Bücher. Arbeit und Rhythmus. 4 Aufl. S. 9 f.: «Всего неправильнѣе тѣ ученыя конструкціи, которыя пріурочиваютъ совершенно новыя культурныя эпохи къ возникновенію гончарнаго дѣла или обработки желѣза, къ изобрѣтенію плуга или ручной мельницы».

[3]) Относительно природы см.: Masaryk. O. c., S. 127 f.

Разсматриваемое воззрѣніе лишено однако даже необходимой логической основы, такъ какъ самыя понятія матеріальнаго и не-матеріальнаго не поддаются точному опредѣленію и разграниченію между собою ни, тѣмъ болѣе, разъединенію ихъ, при томъ не только по отношенію къ сознательно-волевой жизни людей, но и по отношенію къ живымъ существамъ вообще[1]. Игнорированіе этого со стороны руководившихся обыденными ненаучными взглядами представителей матеріалистическаго воззрѣнія и произвольное и различное отграниченіе матеріальныхъ проявленій культуры и представляютъ коренные недостатки этого воззрѣнія.

58. Если оставить въ сторонѣ зачатки этого міровоззрѣнія, обозначаемаго нами, какъ соціальный матеріализмъ, и неизбѣжные случаи аналогичныхъ болѣе раннихъ идей и воззрѣній[2], то возникновеніе его должно быть отнесено къ первой половинѣ сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія. По указанію Fr. Engels'a (въ 1883 г.), основная идея этого воззрѣ-

---

[1]) См. выше, § 3 стр. 13 и сл., а также: M. Verworn. Naturwissenschaft und Weltanschauung. Rede. 1904.

[2]) Max Lorenz. O.c., S. 49, остроумно и по существу болѣе или менѣе вѣрно опредѣляетъ генесисъ марксизма, утверждая, что «марксизмъ содержитъ въ себѣ три составныхъ части: французскій матеріализмъ, германскую діалектику, англійскую дѣйствительность. И эти три соединены въ одно не французомъ или нѣмцемъ или англичаниномъ, но спаяны въ пламени іудейскаго духа». E. Hammacher. O. c., S. 66, замѣчаетъ объ этомъ же: «Что тайну исторіи должно искать въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, что ея теченіе зависитъ поэтому отъ отношеній собственности и отъ перемѣнъ въ нихъ, наступившихъ благодаря техническимъ или инымъ успѣхамъ, что на этой основѣ зиждется опредѣляющая мнѣнія классовая борьба, исчерпывающая содержаніе исторіи, это признавалъ болѣе или менѣе ясно французскій соціализмъ. [L. v.] Stein призналъ къ тому самостоятельную роль, которую призванъ играть пролетаріатъ, какъ носитель развитія; подъ вліяніемъ діалектики Гегеля онъ приходитъ къ положенію, что навѣрно, должно произойти уничтоженіе существующаго общественнаго строя». Hammacher возражаетъ однако противъ мелочного выискиванія сходныхъ мыслей у предшествующихъ авторовъ для умаленія послѣдующаго. «Почти всего бывало такъ, что рѣшеніе извѣстной проблемы медленно подготовлялось, предчувствовалось предшественниками, даже случайно высказывалось; такія отношенія характеризуются тѣмъ, что они могутъ быть установлены лишь послѣдующимъ поколѣніемъ. Успѣхъ въ такомъ случаѣ даетъ право, и онъ, безъ сомнѣнія, достался Марксу. Марксъ и Энгельсъ въ этомъ отношеніи могутъ быть сравниваемы съ Ад. Смитомъ». Какъ совершенно правильно полагаетъ также R. Stammler. Wirtschaft und Recht. § 9 S. 35, «споръ о личномъ пріоритетѣ относительно соціальнаго матеріализма тѣмъ болѣе безразличенъ для систематическаго познанія по существу, что въ послѣдній полувѣкъ названная теорія, безъ сомнѣнія, относилась собственно лишь къ Марксу».

нія присуща была какъ ему, такъ и Марксу задолго до 1845 года, но при встрѣчѣ его съ Марксомъ весной этого года эта идея оказалась уже вполнѣ разработанной послѣднимъ[1].

Первоначальныя формулировки этой теоріи не имѣли наиболѣе грубо- и рѣзко-матеріалистическаго характера. Въ полемической работѣ противъ Прудона (1847 г.) Маrх[2] утверждалъ: «Соціальныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Пріобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ способъ производства, а съ измѣненіемъ способа производства, порядка поддержанія своего существованія, они измѣняютъ всѣ свои соціальныя отношенія. Ручная мельница даетъ вамъ общество съ феодаломъ, паровая— общество съ промышленнымъ капиталистомъ. Тѣ же люди, которые устанавливаютъ соціальныя отношенія сообразно съ своей матеріальной производительностью, производятъ также принципы, идеи, категоріи, сообразно съ своими соціальными отношеніями. Такимъ образомъ, эти идеи, эти категоріи столь же не вѣчны, какъ и отношенія, въ нихъ проявляющіяся. Онѣ суть историческіе и преходящіе продукты». Маrх не находитъ возможнымъ, по отношенію къ дѣйствительной исторіи, допустить, чтобы «экономическія отношенія, разсматриваемыя какъ непреложные законы, какъ вѣчные принципы, идеальныя категоріи, были раньше дѣятельныхъ и дѣйствующихъ людей»[3]. Въ совмѣстномъ произведеніи Маркса и Энгельса, относящемся къ 1847 году, высказывается: «Что иное доказываетъ исторія идей, какъ не то, что производство духовныхъ благъ измѣняется вмѣстѣ съ матеріальнымъ? Господствующія идеи эпохи были всегда идеи господствующаго класса. Говорятъ объ идеяхъ, реформирующихъ все общество; этимъ выражаютъ лишь тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго, что съ разложеніемъ прежнихъ жизненныхъ условій рука объ руку идетъ и разло-

[1]) Das Kommun. Manifest. Vorrede II. (6 Ausg. 1898—S. 4 Anm.; 7 Ausg.— 1906. S. 18 Anm.). Это отмѣтилъ и E. Seligman. The Economic Interpretation of History. 1903. P. 31 seq., note.

[2]) Misère de la philosophie. Nouv. éd. Paris. 1908. Chap. II § 1. Observation 2-e. P. 155 et suiv.

[3]) O. c., ch. II § 1. Observ. 6-e. P. 164 et suiv.

женіе старыхъ идей»[1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторы проводятъ аналогію между порядкомъ присвоенія и производства матеріальныхъ и духовныхъ продуктовъ, а также признаютъ, что «идеи свободы совѣсти и вѣры проявили лишь господство свободной конкуренціи въ области знанія»[2]. Въ этомъ проскальзываетъ уже до нѣкоторой степени признаніе универсальности хозяйственнаго начала, съ распространеніемъ его на не-матеріальную область непосредственно.

Болѣе рѣшительно высказался К. Марх въ памфлетѣ, посвященномъ событіямъ во Франціи. «На различныхъ формахъ собственности», говорится здѣсь, «на соціальныхъ условіяхъ существованія, высится вся надстройка различныхъ и своеобразно сложившихся чувствованій, иллюзій, образовъ мыслей и міроззрѣній. Весь классъ создаетъ и слагаетъ ихъ изъ своихъ матеріальныхъ основъ и изъ соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній. Отдѣльный индивидъ, до котораго они доходятъ путемъ традиціи и воспитанія, можетъ воображать, что они образуютъ настоящія опредѣляющія основы и исходную точку его дѣятельности»[3]. Подобнымъ же образомъ Марх высказался въ предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи» (1859)[4]. Упомянувъ о своемъ трудѣ по критическому пересмотру гегелевской философіи права, онъ замѣчаетъ къ этому: «Мое изслѣдованіе привело къ заключенію, что правоотношенія, какъ и формы государства, не могутъ быть поняты ни сами по себѣ ни на основаніи такъ называемаго развитія человѣческаго духа, но скорѣе коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность коихъ Гегель, слѣдуя примѣру англичанъ и французовъ XVIII вѣка, называлъ гражданскимъ обществомъ,—что анатомію гражданскаго общества должно искать въ политической экономіи». Обратившись къ занятіямъ политической экономіей, Марх пришелъ къ общему положенію, которымъ затѣмъ руководствовался и которому даетъ слѣдую-

[1]) Das Kommun. Manifest. Vorrede II.

[2]) Ibidem. II. 7 A. S. 35, 37. (6 A.—S. 21, 23).

[3]) Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 3 Aufl. 1885. (Zuerst erschien.—1852.).

[4]) Zur Kritik der politischen Oekonomie. Vorwort [von K. Marx]. Hrsg. von K. Kautsky. 1897. S. X ff.

щую формулировку: «Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни опредѣляетъ ходъ соціальной, политической и духовной жизни. Не бытіе людей опредѣляется сознаніемъ, но, обратно, ихъ сознаніе опредѣляется ихъ общественнымъ бытіемъ. На извѣстной ступени ихъ развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ наличными производственными отношеніями, или, что представляетъ лишь юридическое выраженіе этого, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ оковы. Тогда настаетъ эпоха соціальнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономической основы измѣняется раньше или позже вся громадная надстройка. При разсмотрѣніи этихъ перемѣнъ должно всегда различать между матеріальнымъ, констатируемымъ съ естественно-научной правильностью, переворотомъ и правовыми, политическими, религіозными, художественными или философскими, короче—идеологическими формами, въ которыхъ люди познаютъ этотъ конфликтъ или борются изъ-за него. Какъ индивидъ не можетъ обсуждаться по тому, что онъ о себѣ думаетъ, такъ и такая эпоха переворота не можетъ обсуждаться по ея сознанію, но скорѣе это сознаніе должно объяснят ся изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ конфликта между общественными производительными силами и отношеніями производства. Общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно обширна, и новыя, высшія отношенія производства не появляются никогда раньше, чѣмъ матеріальныя условія ихъ созрѣютъ въ лонѣ стараго общества,

Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда лишь задачи, которыя оно можетъ разрѣшить; ибо при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача возникаетъ, лишь когда имѣются уже матеріальныя условія ея разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ своего становленія. Въ общемъ, можно указать азіатскій, античный, феодальный и современный буржуазный порядокъ производства, какъ поступательныя эпохи экономической общественной формаціи. Буржуазныя производственныя отношенія суть послѣдняя антагонистическая форма общественнаго процесса производства, антагонистическая не въ смыслѣ индивидуальнаго антогонизма, но выросшаго изъ общественныхъ жизненныхъ отношеній индивидовъ; но развивающіяся на лонѣ буржуазнаго общества производительныя силы создаютъ вмѣстѣ матеріальныя условія къ разрѣшенію этого антогонизма. Этой общественной формаціей заключается поэтому предварительная исторія человѣческаго общества».

Въ главѣ второй перваго тома «Капитала», трактующей о процессѣ обмѣна, Маrх разсматриваетъ создающія обмѣнъ правоотношенія, принимающія форму договора, какъ волевыя отношенія, въ которыхъ отражаются экономическія отношенія. «Содержаніе этого правового и волевого отношенія дается самимъ экономическимъ отношеніемъ. Лица существуютъ здѣсь другъ для друга лишь какъ представители товара и поэтому какъ товаровладѣльцы. Вообще въ дальнѣйшемъ мы найдемъ, что характерныя экономическія маски лицъ представляются лишь олицетвореніями экономическихъ отношеній, въ качествѣ представителей которыхъ они противостоятъ другъ другу»[1].

Различно понимая право и экономію[2], Маrх отнюдь не былъ склоненъ разсматривать экономическія отношенія, какъ точно также представляющія проявленіе человѣческой воли, но придалъ имъ чисто объективный или, что въ данномъ случаѣ

[1]) Das Kapital. B. I. IV Aufl. S. 50 f.

[2]) Но въ 1842 г., еще какъ прямой послѣдователь Hegel'я, Маrх писалъ, что свобода правосудія должна слѣдовать лишь «собственнымъ прирожденнымъ законамъ права», при чемъ уподоблялъ свободу центральному солнцу, вокругъ котораго вращается каждый изъ его міровъ. (P. Weisengrün. Die Entwicklungsgesetze der Menschheit. 1888. S. 82 f.).

то же, матеріальный характеръ, не рѣшившись однако на такую же объективацію юридическихъ отношеній. Между тѣмъ, въ экономическихъ отношеніяхъ не въ меньшей степени проявляются воля и сознаніе людей, нежели въ области права. Если бы Маrх предполагалъ это, онъ неизбѣжно пришелъ бы къ идеѣ параллелизма или даже конечнаго совпаденія между правомъ и экономіей, какъ и прочими сторонами, въ культурныхъ взаимоотношеніяхъ людей. Допущенное же Маrх'омъ различіе въ точкѣ зрѣнія привело его къ разъединенію въ соціальной жизни матеріальнаго основанія и не-экономическихъ надстроекъ на немъ. Разъ признавши экономическія отношенія матеріальными, Маrх утрачивалъ критерій къ отграниченію экономическаго и сталъ относить къ послѣднему все, въ чемъ онъ не находилъ характера субъективныхъ сознательно-волевыхъ актовъ. Здѣсь представляется намъ одинъ изъ любопытныхъ пунктовъ въ развитіи доктрины соціальнаго матеріализма.

Далѣе, въ примѣчаніи къ главѣ XIII того же тома «Капитала»[1], трактуя объ орудіяхъ и машинахъ, Маrх, въ сопоставленіи съ дарвинизмомъ, излагаетъ свою теорію матеріализма. «Дарвинъ направилъ интересъ», замѣчаетъ здѣсь Маrх, «на исторію естественной технологіи, т. е. на образованіе растительныхъ и животныхъ органовъ, какъ производственныхъ орудій для жизни растеній и животныхъ. Не заслуживаетъ ли такого же вниманія исторія образованія производственныхъ органовъ общественнаго человѣка, какъ матеріальной основы каждой отдѣльной общественной организаціи? И не было ли бы легче представить ее, такъ какъ, по выраженію Vico, человѣческая исторія тѣмъ отличается отъ естественной исторіи, что одну мы создали и другую — нѣтъ? Технологія раскрываетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства его жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его общественныхъ отношеній жизни и вытекающихъ изъ нихъ умственныхъ представленій. Даже всякая исторія религіи, игнорирующая эту матеріальную основу, не критична. Въ дѣйствительности, гораздо лег-

[1]) Anm. 89 S. 335 f. См. также: S. 45, Anm. 73 S. 580.

че посредствомъ анализа найти земное ядро въ туманѣ религіозныхъ образовъ, чѣмъ, наоборотъ, изъ данныхъ условій дѣйствительной жизни развить ея религіозныя формы. Послѣднее есть единственно матеріалистическій и поэтому научный методъ. Недостатки абстрактнаго естественно-научнаго матеріализма, исключающаго историческій процессъ, обнаруживаются уже изъ абстрактныхъ и идеологическихъ представленій его защитниковъ, едва лишь они рѣшаются выйти за предѣлы своей спеціальности».

Въ приведенной сейчасъ цитатѣ выводы Маркса основаны на очевидномъ смѣшеніи понятій, относящихся къ природѣ и къ культурѣ. Прежде всего, технологія имѣетъ совершенно иныя задачи, нежели предполагаемыя выше. «Активное отношеніе человѣка къ природѣ», какъ и «процессъ производства его жизни» во всей ихъ полнотѣ, очевидно, выходятъ изъ рамокъ любой культурной отрасли, не исключая техники или экономіи, и не принадлежатъ къ области естествознанія. Страненъ также обнаруживаемый при этомъ взглядъ на научный методъ. Наконецъ, неправильно и исканіе въ содержаніи религіи земного вмѣсто болѣе разносторонняго соціальнаго, равно какъ и игнорированіе особаго источника религіи въ культурныхъ задаткахъ, присущихъ людямъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ.

Подобные же недостатки и, кромѣ того, противорѣчіе имѣются въ опредѣленіи труда. Съ одной стороны, по опредѣленію Магх'а, «трудъ есть прежде всего процессъ, совершающійся между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ своей собственной дѣятельностью осуществляетъ, регулируетъ и контролируетъ обмѣнъ веществъ между собой и природой. Веществу природы онъ самъ противостоитъ, какъ сила природы. Чтобы усвоить вещество природы въ извѣстной формѣ, пригодной для его жизни, онъ приводитъ въ движеніе принадлежащія его тѣлу естественныя силы, руки и ноги, голову и руку. Воздѣйствуя этими движеніями на внѣшнюю природу и измѣняя ее, онъ измѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою собственную природу. Онъ развиваетъ дремлющія въ ней способности и подчиняетъ игру ея силъ своему упра-

вленію». Но вслѣдъ затѣмъ дается уже совершенно иная характеристика человѣческаго труда: «Но и самой плохой строитель съ самаго начала отличается отъ наилучшей пчелы тѣмъ, что, прежде чѣмъ строить клѣтку изъ воска, онъ уже построилъ ее въ своей головѣ». «Онъ не только видоизмѣняетъ то, что есть въ природѣ, но осуществляетъ въ томъ же свою цѣль, извѣстную ему, которая, какъ законъ, опредѣляетъ родъ и образъ его дѣятельности и которой онъ долженъ подчинять свою волю»[1].

Расходится съ матеріалистическимъ пониманіемъ также и замѣчаніе его къ цѣнности труда: «Объемъ т. н. насущныхъ потребностей, какъ и способъ ихъ удовлетворенія, есть продуктъ исторіи и потому зависитъ въ значительной степени отъ культурнаго уровня страны, между прочимъ въ существенной мѣрѣ и отъ того, при какихъ условіяхъ и поэтому съ какими привычками и жизненными потребностями образовался классъ свободныхъ рабочихъ. Въ противоположность другимъ товарамъ опредѣленіе цѣнности рабочей силы содержитъ въ себѣ историческій и нравственный моментъ»[2].

Изъ матеріалистическаго воззрѣнія исходитъ Маркс въ своемъ замѣчаніи во второй половинѣ III тома «Капитала»: «Непосредственное отношеніе собственниковъ производственныхъ условій къ непосредственнымъ производителямъ—отношеніе, данная форма котораго, естественно, соотвѣтствуетъ всегда опредѣленной ступени развитія порядка и способа труда и поэтому ея общественно-производительной силѣ—есть то, въ чемъ мы находимъ глубочайшую тайну, сокровенную основу всего общественнаго строя и поэтому также политической формы отношенія суверенитета и зависимости, короче,—данной особенной формы государства. Это не препятствуетъ тому, что та же экономическая основа—та же по главнымъ условіямъ,—благодаря безконечно разнообразнымъ эмпирическимъ обстоятельствамъ, естественнымъ условіямъ, расовымъ отношеніямъ, внѣшнимъ историческимъ вліяніямъ и т. д., можетъ обнаруживать въ своемъ проявленіи безконечныя варіаціи и ступе-

[1]) Kapital. B. I. Kap. V S. 140.
[2]) S. 134.

ненія, объяснимыя лишь чрезъ анализъ этихъ эмпирически данныхъ обстоятельствъ»[1].

Но отношеніе между собственниками производственныхъ средствъ и непосредственными производителями, согласующееся съ порядкомъ и способомъ труда, опредѣляется въ равной мѣрѣ и правомъ, этикой, государствомъ, общимъ укладомъ соціальной жизни и прочими сторонами культуры и отнюдь не можетъ быть признано объективно-матеріальнымъ. Marx самъ съ чувствомъ возмущенія говоритъ о злоупотребленіяхъ въ этомъ дѣлѣ и о громадномъ значеніи регламентаціи и надзора со стороны государства. Въ указанномъ всестороннекультурномъ содержаніи соціальнаго вопроса и заключается ключъ къ тайнѣ, которую Marx не пожелалъ или не могъ раскрыть.

Вопросу о продолжительности рабочаго дня Marx придавалъ вообще особое значеніе. Относительно «инстиктивно выросшаго изъ производственныхъ отношеній рабочаго движенія по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана онъ цитируетъ заключеніе англійскаго фабричнаго инспектора R. J. S.: «Дальнѣйшіе шаги къ преобразованію общества невозможно предпринять съ какой-либо надеждой на успѣхъ, если предварительно не будетъ ограниченъ рабочій день и не будетъ строго вынуждаться предписанная норма его»[2]. Въ многовѣковой борьбѣ между капиталистами и рабочими Marx противопоставлялъ современное фабричное законодательство и англійскіе рабочіе статуты до средины XVШ вѣка: «Въ то время какъ современный фабричный законъ насильственно сокращаетъ рабочій день, эти статуты стараются насильственно удлинить его. Во всякомъ случаѣ притязанія капитала въ его эмбріональномъ состояніи, когда онъ еще только образуется и обезпечиваетъ свое право на присвоеніе достаточнаго количества прибавочнаго труда не только простою силою экономическихъ отношеній, но и при содѣйствіи государственной власти, представляются очень и очень скромными по сравненію съ уступками, которыя онъ принужденъ дѣлать, ворча и

[1]) B. III. 2. Kap. XXI S. 324 f.
[2]) B. I Kap. VIII. 7. S. 265.

сопротивляясь, въ зрѣломъ возрастѣ»[1].

Въ приведенныхъ сейчасъ разсужденіяхъ едва ли можно усмотрѣть матеріалистическое истолкованіе исторіи.

Не имѣвшій случая въ такой мѣрѣ, какъ Marx, углубляться въ изученіе конкретныхъ условій соціальной жизни, его единомышленникъ и сотрудникъ—въ прямомъ значеніи слова, Fr. Engels, въ предисловіи къ своему труду, посвященному полемикѣ съ E. Dühring'омъ, замѣчаетъ между прочимъ, что такъ какъ развиваемыя здѣсь воззрѣнія въ наибольшей части обоснованы и развиты Марксомъ и лишь въ меньшей части имъ, Энгельсомъ, то само собою разумѣется, что и это его изложеніе послѣдовало съ вѣдома Маркса и съ прочтеніемъ ему всей рукописи и даже при частичномъ авторскомъ участіи его. «Marx и я», высказываетъ здѣсь Engels, «пожалуй, одни только спасли извѣстную діалектику[2], перенеся её изъ германской идеалистической философіи въ матеріалистическое пониманіе природы и исторіи. Но къ діалектическому и при томъ матеріалистическому пониманію природы принадлежитъ знакомство съ математикой и естествознаніемъ». Признавая Маркса основательнымъ математикомъ, самъ Engels израсходовалъ на усвоеніе указанныхъ наукъ лучшую часть изъ восьми лѣтъ, послѣ того какъ отказался отъ торговой дѣятельности[3]. Далѣе, въ своемъ введеніи Engels въ слѣдующихъ выраженіяхъ вкратцѣ опредѣляетъ и мотивируетъ новое воззрѣніе на исторію, а равно и указываетъ его значеніе: «Новые факты принудили подвергнуть новому изслѣдованію всю исторію до сего времени, и при этомъ оказалось, что вся исторія до сего времени была исторіей борьбы классовъ, что эти боровшіеся между собою классы общества были всегда результатами отношеній производства и обмѣна, однимъ словомъ—экономическихъ отношеній своей эпохи; что, стало быть, всякій экономическій строй (Struktur) общества образуетъ реальную основу, которою въ конечной инстанціи должна быть объясняема вся надстройка (Ueberbau) изъ правовыхъ и

[1]) B. I. Kap. VIII. 5. S. 233. См.: H. Pesch. Lehrbuch usw. B. I. Abs. 116 S. 319.

[2]) Относительно діалектики см. стр. 528 и сл.

[3]) Herrn E. Dührings' Umwälzung der Wissenschaft (1 A.—1878). 3 A. 1894. S. XII, XIV.

политическихъ установленій, равно какъ и изъ образа религіозныхъ, философскихъ и иныхъ представленій. Вмѣстѣ съ этимъ былъ изгнанъ идеализмъ изъ его послѣдняго прибѣжища, было дано матеріалистическое воззрѣніе на исторію и найденъ путь къ тому, чтобы объяснить сознаніе людей изъ ихъ бытія, а не, какъ до сихъ поръ, ихъ бытіе изъ ихъ сознанія»[1]. Въ II главѣ раздѣла III этого произведенія, посвященной теоретическому выясненію соціализма, Engels даетъ относящееся сюда опредѣленіе: «Матеріалистическое воззрѣніе на исторію исходитъ изъ положенія, что производство и вмѣстѣ съ производствомъ обмѣнъ продуктовъ его суть основаніе всего общественнаго строя, что въ каждомъ исторически выступающемъ обществѣ раздѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и соціальное раздѣленіе на классы или сословія сообразуются съ тѣмъ, что и какъ производится и какъ произведенное обмѣнивается. Въ соотвѣтствіи съ этимъ послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ должно искать не въ головахъ людей и не въ томъ, что они все болѣе постигаютъ вѣчную правду и справедливость, но въ измѣненіяхъ порядка производства и обмѣна; ихъ должно искать не въ философіи, а въ экономіи подлежащей эпохи. Пробуждающееся сознаніе, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, что разумное становится нелѣпымъ и благодѣтельное бѣдственнымъ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ методахъ производства и формахъ обмѣна незамѣтно произошли перемѣны, къ которымъ болѣе не подходитъ согласованный съ прежними экономическими условіями общественный порядокъ. Этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказано, что средства къ устраненію обнаружившихся недостатковъ равнымъ образомъ должны заключаться, въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, въ измѣнившихся производственныхъ отношеніяхъ. Эти средства нельзя изобрѣсти изъ головы, но должно открыть съ помощью головы въ представляющихся матеріальныхъ фактахъ производства»[2]. Однако въ этомъ же произведеніи, говоря о классификаціи наукъ,

[1]) S. 12.
[2]) S. 286.

Engels указываетъ въ качествѣ третьей группы ихъ «науки историческія, которыя изслѣдуютъ условія жизни людей, общественныя отношенія, правовыя и государственныя формы съ ихъ идеальной надстройкой изъ философіи, религіи, искусства и пр., въ ихъ историческомъ слѣдованіи и ихъ современныхъ результатахъ»[1].

Раздѣленіе историческихъ наукъ на относящіяся къ основѣ соціальной жизни и къ идеальной надстройкѣ, само по себѣ не безспорное, еще не представляетъ чисто матеріалистическаго воззрѣнія, будучи свободно отъ присущей послѣднему крайней односторонности. Къ особенностямъ въ представленіи матеріалистическаго воззрѣнія у Engels'а принадлежитъ, можетъ быть, болѣе тѣсное отношеніе къ натурализму и выдвиганіе въ собственно экономической сторонѣ матеріализма не только производства, но и обмѣна, хотя все же лишь въ отношеніи къ матеріальнымъ средствамъ существованія (S. 148).

Къ началу 80-хъ годовъ относится незаконченная и напечатанная лишь послѣ смерти автора работа, носящая весьма характерное заглавіе: «Участіе труда въ очеловѣченіи обезьяны»[2].

Очень рѣшительно высказался Fr. Engels въ своей рѣчи у могилы Маркса (17 März 1883): «Какъ Дарвинъ открылъ законъ развитія органической природы, такъ Марксъ—законъ развитія человѣческой исторіи. Простой фактъ, доселѣ сокрытый подъ идеологическими покровами, что люди прежде всего должны ѣсть, пить, пользоваться жилищемъ и быть одѣтыми, до того какъ они могутъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и пр.; что, стало быть, производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ къ существованію и вмѣстѣ съ тѣмъ данная ступень экономическаго развитія народа или эпохи образуетъ основу, изъ которой развились государственныя установленія, правовыя воззрѣнія, искусство и даже религіозныя воззрѣнія данныхъ людей, и изъ которой они поэтому должны быть объясняемы, не наоборотъ, какъ дѣлали до сихъ поръ»[3].

---

[1]) S. 83.

[2]) См.: Masaryk. O. c., S. 103; Woltmann. O. c., S. 214; Benno Erdmann. Die philosophischen Voraussetzungen der materialist. Geschichtsauffassung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. J. 31. H. 3. 1907. S. 37 (955). Аналогичную цитату изъ Marx'a приводитъ Cathrein O. c., S. 135.

[3]) Цитировано у Th. Masaryk. O. c., S. 103; Woltmann. Der historische Materialismus. S. 213; Lorenz. Die marxistische Sozialdemokratie. S. 4.

Къ хозяйственной основѣ жизни здѣсь прямо отнесено обезпеченіе такихъ потребностей жизни, безъ которыхъ существованіе людей представляется, очевидно, невозможнымъ. При этомъ упускается изъ виду, что культурныя потребности, въ отличіе отъ физіологическихъ, представляютъ неразложимое слiяніе разныхъ ступеней настоятельности, равно какъ и хозяйственныя блага получаютъ такой же характеръ неопредѣленной или неустановленной настоятельности, если только отвлечься отъ факта постепеннаго возрастанія практическаго характера извѣстной потребности по мѣрѣ ея распространенія. Культурная жизнь, которой только и живутъ люди, предполагаетъ не просто потребность въ пищѣ, жилищѣ, или одеждѣ, но цѣлыя группы такихъ потребностей, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности уже не имѣетъ насущнаго характера, а, напротивъ, заключаетъ въ себѣ разнородныя условія и цѣли, которыми она мотивируется и которымъ она служитъ. Въ связи съ этимъ обезпеченіе людей пищею, жилищемъ и одеждою необходимо предполагаетъ и обнаруживаетъ дѣйствіе этики, политики, права, эстетики, даже религіи[1]. Если бы люди могли сознать и обезпечить свои насущныя нужды безъ проявленія этихъ другихъ сторонъ культуры и соотвѣтствующихъ имъ задатковъ, если бы они изначала были лишены послѣднихъ и соотвѣтствующихъ имъ, въ своей общности столь же непреодолимыхъ, какъ и питаніе, запросовъ жизни и возможности хотя бы нѣкотораго удовлетворенія ихъ, то не было бы условій для культурнаго развитія, и люди, подобно животнымъ, оставались бы въ одномъ состояніи. Указанные сейчасъ факты представляются гораздо болѣе элементарными и неоспоримыми, нежели остающееся на уровнѣ инстинкта низшихъ животныхъ констатированіе насущныхъ нуждъ человѣка и выдвиганіе ихъ на особую первую очередь задачъ человѣческой дѣятельности.

Вскорѣ послѣ того, въ предисловіи къ новому изданію (1883 г.) общаго труда его и Marx'a, Fr. Engels такъ излагалъ отправное положеніе въ основномъ содержаніи озна-

[1]) М. Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. 1905. Стр. 29 и сл., 53 и сл.

ченнаго произведенія, приписываемомъ имъ Marx'y: «Хозяйственное производство и съ необходимостью вытекающее изъ него расчлененіе общества въ каждую историческую эпоху образуетъ основу для политической и умственной исторіи той эпохи»[1].

Въ предисловіи къ первому изданію (1884 г.) своего труда: «Происхожденіе семьи, собственности и государства» Engels высказываетъ: «По матеріалистическому воззрѣнію, въ послѣдней инстанціи опредѣляющій моментъ въ исторіи есть производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. Но это само имѣетъ двоякій характеръ: съ одной стороны—производство средствъ къ существованію, предметовъ питанія, одежды, жилища и необходимыхъ для того орудій; съ другой стороны—производство людей самихъ, продолженіе рода. Общественныя установленія, при которыхъ живутъ люди опредѣленной исторической эпохи и страны, обусловлены обоими родами производства: ступенью развитія съ одной стороны труда, съ другой—семьи»[2].

Далѣе, въ своемъ предисловіи къ третьему изданію (1885 г.) цитированнаго выше памфлета Marx'a, Engels опять обращается къ характеристикѣ матеріалистическаго воззрѣнія: «Именно Marx открылъ великій законъ движенія исторіи, законъ, что всѣ историческія битвы—въ политической ли, религіозной, философской или иной идеологической области, въ дѣйствительности представляютъ лишь болѣе или менѣе ясное выраженіе борьбы общественныхъ классовъ, и что существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ также столкновенія этихъ классовъ въ свою очередь обусловливаются степенью развитія ихъ экономическаго положенія, родомъ и способомъ ихъ производства и обусловленнаго этимъ ихъ обмѣна»[3].

Особый интересъ, съ точки зрѣнія систематическаго философскаго и гносеологическаго выясненія и обоснованія матеріалистической доктрины Marx-Engels'a, представляетъ трудъ Engels'a о L. Feuerbach'ѣ, первоначально напечатанный въ

[1]) Das Kommun. Manifest. Vorwort II.
[2]) Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats. 14 Aufl. 1913. S. VIII.
[3]) Der Achtzehnte Brumaire. 3 Aufl. 1885. S. IV.

періодическомъ изданіи 1886 года и затѣмъ вышедшій въ отдѣльномъ пересмотрѣнномъ изданіи въ 1888 г.[1] Въ своемъ предисловіи Engels откровенно признаетъ несовершенство ихъ, т. е. Marx-Engels'a, тогдашняго изложенія матеріалистическаго воззрѣнія на исторію и ихъ познаній въ области экономической исторіи, какъ эти выразились въ относящейся сюда ихъ рукописи 1845/46 года. Въ упомянутомъ сейчасъ трудѣ Engels исходитъ изъ противопоставленія, какъ двухъ возможныхъ противоположностей, идеализма и матеріализма, при чемъ характеризуетъ первый идеями первоначальности духа по сравненію съ матеріей и сотворенія міра и второй—идеею первоначальности природы[2]. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Engels отмѣчаетъ существенное различіе въ одномъ пунктѣ между исторіей развитія общества и исторіей развитія природы. «Въ природѣ», высказываетъ онъ объ этомъ, «если оставить въ сторонѣ обратное воздѣйствіе людей на природу, дѣйствуютъ одна на другую явственно слѣпыя, безсознательныя силы, и въ ихъ взаимодѣйствіи получаетъ значеніе всеобщій законъ. Во всемъ, что происходитъ—какъ въ безчисленныхъ кажущихся случайностяхъ, видимыхъ на поверхности, такъ и въ конечныхъ результатахъ, показывающихъ закономѣрность внутри этихъ случайностей,—не происходитъ ничего, какъ желаемая сознательная цѣль. Напротивъ, въ исторіи общества дѣятели суть одаренные явственно сознаніемъ, дѣйствующіе съ соображеніемъ или страстью, стремящіеся къ опредѣленнымъ цѣлямъ люди; ничто не происходитъ безъ сознаннаго намѣренія, безъ желаемой цѣли. Но это различіе, какъ ни важно оно для историческаго изслѣдованія, именно отдѣльныхъ эпохъ и событій, не можетъ ничего измѣнить въ фактѣ, что теченіе исторіи подчинено внутреннимъ всеобщимъ законамъ». «Столкновенія безчисленныхъ отдѣльныхъ волъ и отдѣльныхъ дѣйствій въ области исторіи создаютъ положеніе вполнѣ анологичное положенію безсознательной природы. Цѣли дѣйствій желанны, но результаты, дѣйствительно выте-

[1]) Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. 5 Aufl. 1910.
[2]) S. 14 f.

кающіе изъ дѣйствій, не желались или, по сколько они представляются все-таки въ ближайшемъ соотвѣтствующими желанной цѣли, имѣютъ въ концѣ концовъ совсѣмъ иныя, нежели желаемыя, слѣдствія. Историческія событія также кажутся въ цѣломъ и большомъ подчиняющимися случайности. Но гдѣ однако на поверхности проявляетъ свою игру случай, тамъ всегда господствуютъ надъ нимъ внутренніе сокровенные законы, и суть лишь въ томъ, чтобы открыть эти законы»[1]. Engels съ одной стороны не признаетъ рѣшающаго значенія за тѣми мотивами, частью идеальными, которыми руководятся люди, но признаетъ необходимымъ дальнѣйшее изслѣдованіе того, «какія историческія причины преобразуются въ головахъ дѣятелей въ такіе мотивы»[2], съ другой же стороны—придаетъ рѣшающее значеніе «мотивамъ, которые побуждаютъ большія массы, цѣлые народы и въ каждомъ народѣ—цѣлые классы народа, и притомъ не моментально, къ преходящимъ взрывамъ и быстро затухающимъ вспышкамъ, но къ длящемуся, приводящему къ великой исторической перемѣнѣ, дѣйствію». «Обосновать движущія причины», говоритъ авторъ, «которыя отражаются здѣсь въ головахъ дѣйствующихъ массъ и ихъ вождей, т. н. великихъ людей, какъ опредѣленные мотивы, отчетливо или нѣтъ, непосредственно или въ идеологической, даже въ надчеловѣческой формѣ, это есть единственный путь, который можетъ насъ навести на слѣдъ законовъ, господствующихъ надъ исторіей въ цѣломъ и большомъ, какъ и въ отдѣльные періоды и въ отдѣльныхъ странахъ. Все, что приводитъ людей въ движеніе, должно пройти чрезъ ихъ голову; но какую форму приметъ оно въ этой головѣ, зависитъ очень отъ обстоятельствъ»[3].

Въ исторіи развитія науки о природѣ Engels придаетъ наибольшее значеніе тремъ научнымъ открытіямъ соотношенія естественныхъ процессовъ: 1) открытію «клѣтки, какъ единицы, изъ умноженія и дифференцированія которой развивается всякое растительное и животное тѣло, такъ что не только

[1]) S. 43 f.
[2]) S. 44 f.
[3]) S. 46.

развитіе и ростъ всѣхъ высшихъ организмовъ признаются происходящими согласно единаго всеобщаго закона, но и въ способности клѣтки къ измѣненію указанъ путь, которымъ организмы измѣняютъ свой родъ (Art) и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ совершать болѣе, чѣмъ индивидуальное развитіе»; 2) открытіе превращенія энергіи, и 3) «впервые систематически представленное Дарвиномъ[1] удостовѣреніе того, что окружающій насъ нынѣ составъ естественныхъ организмовъ, включая людей, есть результатъ продолжительнаго процесса развитія изъ немногихъ, первоначально одноклѣточныхъ зародышей, и что эти

[1]) Роль дарвинизма въ разработкѣ матеріалистическаго воззрѣнія, какъ единичный примѣръ «истинно научнаго вліянія какого-либо ученія», освѣщаетъ Paul Weisengrün. Die Entwicklungsgesetze der Menschheit. 1888. S. 80 ff. Здѣсь отмѣчены главнѣйшіе моменты въ разработкѣ и распространеніи теоріи, основанной Дарвиномъ. «Въ 1859 году появился трудъ Дарвина». «Годъ спустя уже свирѣпствовала борьба за и противъ». «Почти въ томъ же году появились работы Huxley и Hooker'a. Началось примѣненіе теоріи къ различнѣйшимъ областямъ. Пролился настоящій потопъ сочиненій». «Возникаетъ цѣлая литература за и противъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть здѣсь произведенія, которыя содержатъ общія примѣненія теоріи (это есть начало перехода отъ естественно-научной области къ философской)... Назовемъ произведенія: A. Schleicher. Der Darwinismus und die Sprachwissenschaft. Weimar. 1865; G. Jäger. Die Darwin'sche Theorie und ihre Stellungsnahme zur Moral und Religion. Stuttgart. 1869. Затѣмъ, O. Schmidt. Descendenztheorie und Darwinismus. Leipzig. 1873. Далѣе, F. Bolle. Die Darwin'sche Lehre von der Entstehung der Arten und ihre Anwendung auf die Schöpfungsgeschichte; Fr. Schultze. Kant und Darwin. Jena. 1875. Büchner въ своихъ «шести лекціяхъ о теоріи Дарвина о превращеніи видовъ и первомъ возникновеніи міра организмовъ, а также о примѣненіи теоріи превращенія къ человѣку, отношеніи этой теоріи къ ученію о прогрессѣ и т. д.», Leipzig. 1868, пытается примѣнить теорію Дарвина къ своимъ матеріалистическимъ цѣлямъ, своему чисто эмпирическому и естественному образу объясненія. Съ 1877 г. появляется журналъ Kosmos—Zeitschrift für einheitliche Weltanschauung, herausg. v. O. Caspari, G. Jäger, C. Sterne. Онъ представлялъ направленіе Дарвина и разсматриваетъ всѣ соціальныя науки, какъ естественно-научныя области». Weisengrün отмѣчаетъ также косвенное вліяніе дарвинизма чрезъ посредство научныхъ сочиненій болѣе общаго характера и даже чрезъ такихъ мыслителей, какъ Oken, Goethe, Geoffroy St. Hilaire. Этотъ очеркъ распространенія дарвинизма въ эпоху послѣ первыхъ заявленій Marx-Engels'a въ матеріалистическомъ духѣ и во время разработки матеріалистическаго воззрѣнія исходитъ отъ сторонника послѣдняго и относится къ моменту отдѣльнаго изданія цитируемаго въ текстѣ произведенія Engels'a. Здѣсь нашло себѣ обоснованіе участіе дарвинизма если не въ основаніи, то въ упроченіи и украшеніи матеріалистическаго воззрѣнія Engels'омъ и въ послѣдующемъ ортодоксальномъ развитіи его у Каутскаго. Теперь, когда время значительно умѣрило увлеченіе идеями дарвинизма, обоснованіе на нихъ соціальной теоріи исключаетъ возможность образованія соотвѣтствующаго соціально-научнаго направленія и указываетъ лишь на своеобразіе и связанную съ этимъ изолированность воззрѣній у соотвѣтствующаго автора. См.: Stammler. Wirtschaft und Recht. § 51. S. 287; Referat von Hermann Jäger. Deutsche Literaturzeitung. 1909. № 51/52. Sp. 3216 ff.; E. Bernheim. Lehrbuch der Historischen Methode usw. 3 Aufl. 667 ff.

въ свою очередь произошли изъ возникшей химическимъ путемъ протоплазмы или бѣлка». Эти и прочіе успѣхи въ естествовѣдѣніи устранили, по мнѣнію Engels'a, т. н. естественную философію, которая должна была уступить свое мѣсто діалектической, въ смыслѣ ея собственной связанности, «системѣ природы». «Но что имѣетъ значеніе относительно природы, понимаемой вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ историческій процессъ развитія, то имѣетъ значеніе также относительно исторіи общества во всѣхъ ея отрасляхъ и относительно совокупности всѣхъ наукъ, занимающихся человѣческими (и божественными) вещами». «Здѣсь также, какъ и въ области природы, надлежало устранить эти искусственно созданныя соотношенія чрезъ отысканіе дѣйствительныхъ;—задача, въ концѣ концовъ приходящая къ тому, чтобы открыть общіе законы движенія, которые осуществляются, какъ доминирующіе, въ области человѣческаго общества»[1]. Съ точки зрѣнія основателей матеріалистическаго воззрѣнія, діалектика опредѣляется, какъ «наука объ общихъ законахъ движенія какъ внѣшняго міра, такъ и человѣческаго мышленія—два ряда законовъ, по существу тождественные, по выраженію же различные, такъ какъ человѣческая голова можетъ примѣнять ихъ сознательно, въ то время какъ въ природѣ и до сего времени большею частью въ человѣческой исторіи они осуществляются безсознательнымъ образомъ, въ формѣ крайней необходимости, среди безконечнаго ряда видимыхъ случайностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ діалектика понятія сама стала лишь сознательнымъ рефлексомъ діалектическаго движенія дѣйствительнаго міра», въ противоположность пониманію діалектики у Hegel'я. Эту «матеріалистическую діалектику» Engels признаетъ ихъ, т. е. Marx'a и его, «лучшимъ рабочимъ орудіемъ и наиболѣе сильнымъ оружіемъ»[2].

Діалектика представляетъ собою вообще неотъемлемую и постоянную принадлежность въ ученіи Marx-Engels'a[3]. K. Marx построилъ на ней свою теорію развитія капитализма, которое

[1]) L. Feuerbach.S. 41 ff., 21. Ср. Marx. Misère de la philosophie. P. 151; Engels. Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft. S. 10

[2]) L. Feuerbach. S. 38 f.

[3]) Lorenz. O. c., S. 41.

якобы имѣетъ завершиться экспропріаціей экспропріаторовъ. «Капиталистическій способъ присвоенія, вытекающій изъ капиталистическаго способа производства, поэтому капиталистическая частная собственность, есть первое отрицаніе индивидуальной, основанной на собственномъ трудѣ частной собственности. Но капиталистическое производство порождаетъ, съ необходимостью естественнаго процесса, свое собственное отрицаніе. Оно есть отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ пріобрѣтеній капиталистической эпохи: коопераціи и общаго владѣнія землей и производственными средствами, которыя сами произведены съ помощью труда»[1].

Защищая въ этомъ Marx'a отъ нападокъ Dühring'a, Fr. Engels уже тогда представилъ діалектику, какъ универсальный процессъ развитія, проникающій все сущее независимо отъ болѣе частныхъ различій въ немъ. «Что представляетъ отрицаніе отрицанія? Чрезвычайно общій, а поэтому также чрезвычайно обширно дѣйствующій и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія, законъ, который проявляется въ животномъ и растительномъ мірѣ, въ геологіи, въ математикѣ, въ исторіи, въ философіи». «Діалектика есть не что иное, какъ наука объ общихъ законахъ движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мышленія». «Это уже полное отсутствіе уразумѣнія природы діалектики, если г. Dühring принимаетъ ее лишь за средство доказыванія, какъ можно смотрѣть на формальную логику или элементарную математику». Но діалектика имѣетъ свои методы, соотвѣтствующіе даннымъ условіямъ. «Я долженъ, стало быть, такъ поставить первое отрицаніе, чтобы оставалось или становилось возможнымъ второе». «Всякій родъ вещей имѣетъ свой особенный родъ отрицанія для того, чтобы при этомъ происходило развитіе, и точно также—всякій родъ представле-

[1]) Das Kapital. B. I. 4 Aufl. Кар. 25. 7. S. 728 f. Въ обсужденіе предсказаній будущаго мы не будемъ входить по примѣру самихъ марксистовъ. Ср.: Атлантикусъ. Взглядъ въ государство будущаго. Перев. 1906. Предисловіе К. Каутскаго. Стр. VI и сл.; Ed. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus usw. Fr. Engels. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Abschn. III. Кар. II, изображая послѣдствія обобществленія средствъ производства чисто утопически, связываетъ осуществленіе этого съ кризисами. (См.: Bernstein. O. c., S. 26).

ній и понятій»[1].

Отвергая абсолютныя теоріи морали, Engels проводитъ то мнѣніе, что «въ дѣйствительности каждый классъ, даже каждый родъ занятій имѣетъ свою собственную мораль и нарушаетъ даже и ее, гдѣ можетъ это сдѣлать безнаказанно, и любовь, долженствующая все соединять, обнаруживается войнами, столкновеніями, тяжбами, домашними ссорами, разводами и возможной эксплоатаціей однихъ другими»[2]. Всю вообще соціальную жизнь Engels основываетъ на хозяйственныхъ условіяхъ. «По крайней мѣрѣ, въ современной исторіи доказано, что вся политическая борьба есть классовая борьба, и всякая борьба за эмансипацію классовъ, вопреки необходимо политической формѣ — ибо всякая классовая борьба есть политическая борьба — въ концѣ концовъ вращается около экономической эмансипаціи. По крайней мѣрѣ, здѣсь государство, политическій строй есть второстепенное, гражданское же общество, царство экономическихъ отношеній — рѣшающее». «Въ современной исторіи государственная воля въ цѣломъ и большомъ опредѣляется мѣняющимися потребностями гражданскаго общества, перевѣсомъ того или иного класса, въ конечной инстанціи — развитіемъ производительныхъ силъ и отношеній обмѣна. Но если уже въ настоящее время, съ его колоссальными средствами производства и обмѣна, государство не есть самостоятельная область съ самостоятельнымъ развитіемъ, но его состояніе и его развитіе въ конечной инстанціи обусловлены жизненными экономическими условіями общества, то въ еще большей мѣрѣ это должно имѣть значеніе для всѣхъ прошедшихъ временъ, когда производство матеріальной жизни людей еще не совершалось съ этими богатыми вспомогательными средствами, гдѣ, стало быть, необходимость этого производства должна была проявлять еще большее господство надъ людьми. Если государство еще нынѣ, въ эпоху крупной промышленности и желѣзныхъ дорогъ, въ общемъ и большомъ есть лишь рефлексъ, въ итогѣ, экономическихъ потреб-

[1]) Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Abschn. I. Kap. XIII; см. также: K. Marx. Misère de la Philosophie. Chap. II. Observation I.

[2]) L. Feuerbach usw. S. 34 f.

ностей господствующаго надъ производствомъ класса, то еще болѣе это должно было быть въ эпоху, когда поколѣніе людей должно было расходовать гораздо большую часть своего совокупнаго времени жизни на удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ потребностей, стало быть, было гораздо зависимѣе отъ нихъ, нежели мы теперь»[1]. То же самое признаетъ Engels относительно «частнаго права, которое по существу лишь санкціонируетъ при данныхъ обстоятельствахъ нормальныя экономическія отношенія между индивидами». Съ другой стороны, «въ государствѣ представляется намъ первая идеологическая сила надъ людьми». «Государство, ставъ независимой отъ общества силою, создастъ сейчасъ дальнѣйшую идеологію. У профессіональныхъ политиковъ, у теоретиковъ государственнаго права и у юристовъ частнаго права связь съ экономическими фактами вовсе утрачивается. Такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ экономическіе факты должны принимать форму юридическихъ мотивовъ, чтобы быть санкціонированными въ формѣ законовъ, и такъ какъ при этомъ, само собою разумѣется, должно принимать въ соображеніе всю уже дѣйствующую правовую систему, то поэтому юридическая форма должна быть все и экономическое содержаніе — ничто. Государственное право и частное право трактуются, какъ самостоятельныя области, обладающія своимъ независимымъ развитіемъ, пригодныя для изложенія ихъ самихъ по себѣ и требующія этого путемъ послѣдовательнаго устраненія всѣхъ внутреннихъ противорѣчій. Идеологіи еще болѣе высокія, еще болѣе удаленныя отъ матеріальной, экономической основы, принимаютъ форму философіи и религіи. Здѣсь связь представленій съ ихъ матеріальными условіями становится все болѣе запутанной, все болѣе затемненной промежуточными членами. Но все-таки она существуетъ»[2]. Отмѣтивъ факты преобладанія религіозной формы идеологій въ прошломъ, Engels заключаетъ однако: «Разъ образовавшись, религія содержитъ всегда унаслѣдованный матеріалъ, такъ какъ во всѣхъ идеологическихъ областяхъ традиція представляетъ

[1]) S. 48 ff.
[2]) S. 50 ff.

великую консервативную силу. Но измѣненія, происходящія съ этимъ матеріаломъ, вытекаютъ изъ классовыхъ отношеній, стало быть, изъ экономическихъ отношеній людей, производящихъ эти перемѣны. И этого довольно». Какъ говоритъ въ заключеніе Fr. Engels, марксово «воззрѣніе на исторію полагаетъ конецъ философіи въ области исторіи точно также, какъ діалектическое воззрѣніе на природу дѣлаетъ равнымъ образомъ ненужной и невозможной всякую философію природы»[1].

Въ общемъ содержаніи матеріалистическаго воззрѣнія представлялъ наиболѣе трудностей для его авторовъ вопросъ о соотношеніи между естественнымъ и соціальнымъ матеріализмомъ. Тѣмъ не менѣе обойти этотъ вопросъ невозможно было для тѣхъ, кто въ послѣдовательной эволюціи своей теоріи соединилъ оба эти понятія матеріализма. И Fr. Engels въ въ своихъ попыткахъ научно разработать и обосновать матеріалистическое воззрѣніе касается этого вопроса, давая ему однако не всегда одинаковое рѣшеніе. Къ приведенному выше замѣчанію о различіи, которому не придается впрочемъ особаго значенія, между природой и исторіей развитія общества[2] примыкаетъ также слѣдующее замѣчаніе: «Feuerbach вполнѣ правъ въ томъ, что чисто естественно-научный матеріализмъ представляетъ «основаніе зданія человѣческой науки, но не само зданіе». Ибо мы живемъ не въ природѣ, но въ человѣческомъ обществѣ, и оно точно также имѣетъ свою исторію развитія и свою науку, какъ и природа. Дѣло шло, стало быть, о томъ, чтобы науку объ обществѣ, т. е. совокупность т. н. историческихъ и философскихъ наукъ, привести въ соотвѣтствіе съ матеріалистической основой и возсоздать на ней»[3]. Съ другой стороны, какъ въ этомъ, такъ и въ болѣе раннихъ трудахъ Engels'a, нѣтъ недостатка въ непосредственномъ слія-ніи естественнаго и соціальнаго матеріализма.

Сюда принадлежитъ очеркъ важнѣйшихъ открытій въ области естествознанія[4]. Въ своемъ сочиненіи противъ Düh-

[1]) S. 56.
[2]) См. выше, стр. 525 и сл.
[3]) L. Feuerbach usw. S. 22.
[4]) См. выше, стр. 526 и сл.

ring'a Engels утверждаетъ: «Дѣйствительное единство міра заключается въ его матеріальности, и это доказывается не парой передержекъ, но въ долгомъ и трудномъ развитіи философіи и естествознанія»[1]. Мало того, Engels приходитъ далѣе къ слѣдующему опредѣленію жизни: «Жизнь есть образъ существованія бѣлковыхъ тѣлъ, и этотъ образъ существованія заключается по существу въ постоянномъ возобновленіи составныхъ химическихъ частей этихъ тѣлъ». «Вездѣ, гдѣ мы находимъ жизнь, мы находимъ её соединенной съ бѣлковымъ тѣломъ, и вездѣ, гдѣ мы находимъ бѣлковое тѣло, тамъ мы безъ исключенія находимъ и проявленія жизни. Безъ сомнѣнія, необходимо присутствіе также иныхъ химическихъ соединеній въ живомъ тѣлѣ, чтобы вызвать особыя дифференціаціи въ этихъ проявленіяхъ жизни; просто для жизни они не требуются, кромѣ какъ по сколько они служатъ для питанія и превращаются въ бѣлокъ. Низшія живыя существа, извѣстныя намъ, суть не что иное, какъ простые комки бѣлковины, и они обнаруживаютъ уже всѣ существенныя проявленія жизни». «Если бы когда-либо химіи удалось искусственно изготовить бѣлокъ, этотъ бѣлокъ долженъ выказывать проявленія жизни, хотя бы столь слабыя. Сомнительно, разумѣется, откроетъ ли химія одновременно надлежащую пищу для этого бѣлка. Изъ обмѣна веществъ, производимаго питаніемъ и выдѣленіемъ, какъ существенной функціи бѣлка, и изъ присущей ему пластичности вытекаютъ далѣе всѣ прочіе простѣйшіе факторы жизни: способность къ раздраженіямъ—заключающаяся уже во взаимодѣйствіи между бѣлкомъ и его пищею; контрактность (Kontraktibilität)—обнаруживаемая уже на очень низкой ступени при потребленіи пищи; возможность роста, на низшей ступени включающая размноженіе посредствомъ дѣленія; внутреннее движеніе, безъ котораго невозможны ни потребленіе ни усвоеніе пищи»[2].

Какъ бы въ дальнѣйшее развитіе этого Engels въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ далъ свое объясненіе духовныхъ проявленій человѣческой жизни[3]. Какъ утверждается здѣсь, «все, что

[1]) Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. S. 31.
[2]) S. 74 ff.
[3]) L. Feuerbach usw. S. 23 f.

движетъ человѣка, должно пройти чрезъ его голову—даже ѣда и питье, которыя начинаются вслѣдствіе ощущаемыхъ посредствомъ головы голода и жажды и заканчиваются вслѣдствіе также ощущаемаго посредствомъ головы утоленія. Воздѣйствія внѣшняго міра на человѣка отпечатлѣваются въ его головѣ, отражаются въ ней, какъ чувствованія, мысли, побужденія, воленія, короче—какъ идеальныя стремленія, и становятся въ этомъ видѣ идеальными силами»[1]. Съ этой точки зрѣнія Engels упрекаетъ старый матеріализмъ въ томъ, что въ области исторіи «онъ принимаетъ дѣйствующіе тамъ идеальные мотивы (Triebkräfte), какъ послѣднія причины, вмѣсто того чтобы изслѣдовать, что же стоитъ позади нихъ, что за мотивы у этихъ мотивовъ»[2].

Представляетъ, далѣе, интересъ, что подобно Магх'у и Engels расходится съ своей теоріей, обращаясь къ дѣйствительнымъ условіямъ въ положеніи рабочихъ. Выступленія рабочихъ противъ предпринимателей даже безъ надежды на успѣхъ онъ объясняетъ именно тѣмъ, что рабочіе «должны заявить, что они, какъ люди, не могутъ приспособляться къ обстоятельствамъ, но что обстоятельства должны быть согласуемы съ ними, людьми»[3].

Engels даетъ также опредѣленіе экономики, при томъ въ выраженіяхъ, нерѣдко примѣняемыхъ въ научной литературѣ: «Политическая экономія, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, есть

---

[1]) B. Erdmann. O. c., S. 21 ff., обозначаетъ это пониманіе матеріализма, какъ теорію отраженія (Bildertheorie), давая ей слѣдующую оцѣнку: «Это не есть научное введеніе въ матеріализмъ. Но матеріализмъ самъ нельзя больше разсматривать, какъ научную теорію. Лишь тотъ, кто остался нетронутымъ современнымъ психологическимъ и теоретико-познавательнымъ изслѣдованіемъ, можетъ еще нынѣ быть представителемъ его». Но быть можетъ, Erdmann не вполнѣ правильно называетъ теорію отраженія нелѣпостью. Здѣсь важно лишь установить, что внутренняя сущность человѣческихъ переживаній не исчерпывается означенными механическими воздѣйствіями извнѣ, хотя бы они и имѣли предполагаемый Engels'омъ характеръ, что эти воздѣйствія не представляютъ источникъ внутреннихъ переживаній и не опредѣляютъ ихъ всецѣло, и что существуютъ внутреннія силы въ человѣкѣ, которыя оказываютъ гораздо болѣе рѣшительное вліяніе на внѣшнюю обстановку человѣческой жизни.

[2]) L. Feuerbach usw. S. 45.

[3]) Die Lage der Arbeitenden Klasse in England. (Zuerst erschienen—1845). 4 Aufl. 1913. S. 221. Цитируется въ этомъ же смыслѣ у Ernst Günther. Revisionistische Bewegung in der deutschen Sozialdemokratie. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw. J. 30. H. 1. 1906. S. 229 Anm.

наука о законахъ, которые управляютъ производствомъ и обмѣномъ матеріальныхъ средствъ къ жизни въ человѣческомъ обществѣ». Съ этимъ не вполнѣ гармонируетъ признаніе экономики исторической наукой. Engels обосновываетъ это тѣмъ, что «условія, при которыхъ люди производятъ и обмѣниваютъ, измѣняются отъ страны къ странѣ и въ каждой странѣ — отъ поколѣнія къ поколѣнію. Политическая экономія не можетъ, слѣдовательно, быть тою же для всѣхъ странъ и для всѣхъ историческихъ эпохъ». «Политическая экономія есть вмѣстѣ съ тѣмъ по существу историческая наука. Она трактуетъ историческій, т. е. постоянно измѣняющійся матеріалъ; она изслѣдуетъ ближайшимъ образомъ особенные законы каждой отдѣльной ступени развитія производства и обмѣна, и можетъ лишь въ заключеніе этого изслѣдованія выставить немногіе, вообще дѣйствительные для производства и обмѣна, совершенно общіе законы. При этомъ однако само собою разумѣется, что дѣйствительные для опредѣленныхъ способовъ производства и формъ обмѣна законы дѣйствительны для всѣхъ періодовъ исторіи, которымъ свойственны эти способы производства и формы обмѣна». Что касается распредѣленія, то оно находится въ зависимости отъ производства и обмѣна и опредѣляется ими, хотя до своего приведенія въ соотвѣтствіе съ ними, своими пережитками оказываетъ на нихъ обратное воздѣйствіе. Въ связь съ различіями въ распредѣленіи ставятся и классовыя различія. Существующую политическую экономію Engels признаетъ слишкомъ узкой, какъ имѣющей своимъ предметомъ «почти исключительно генесисъ и развитіе капиталистическаго способа производства». Для полноты соціалистической критики буржуазной экономіи онъ признаетъ необходимымъ знакомство съ прежними и существующими въ менѣе развитыхъ странахъ формами производства, обмѣна и распредѣленія.

Приведенныя выше выдержки характеризуютъ основныя воззрѣнія Marx'a и Engels'a, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ выясненіе таковыхъ воззрѣній не въ видѣ случайныхъ и варьирующихъ формулировокъ и не въ стѣснительныхъ условіяхъ

[1]) Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Abschn. II Kap. I. S. 149 ff.

защиты своихъ воззрѣній. Самое изложеніе отмѣченныхъ воззрѣній въ позднѣйшемъ изъ цитированныхъ трудовъ относится къ тому времени, когда эти воззрѣнія уже успѣли подвергнуться необходимой внутренней разработкѣ и критикѣ у того изъ ихъ авторовъ, который, переживъ другого, унаслѣдовалъ его идеи и вмѣстѣ съ тѣмъ долгъ дальнѣйшаго ихъ обоснованія и ихъ защиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ представленныя выше воззрѣнія заключаютъ въ себѣ существенныя погрѣшности, подрывающія научное значеніе матеріалистической доктрины. Прежде всего—по отношенію къ опредѣленію идеализма и матеріализма—научное противопоставленіе ихъ, основанное на предположеніи того или иного первоисточника и первопричины въ изучаемой сложной совокупности явленій природы и жизни людей, не представляетъ преимуществъ предъ непосредственнымъ изученіемъ тѣхъ и другихъ явленій особо, съ противопоставленіемъ такимъ образомъ природы и культуры, какъ двухъ великихъ областей въ дѣйствительности и наукѣ. Къ этому противопоставленію приходитъ на одинъ моментъ и самъ Engels съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же устранить это путемъ произвольнаго признанія фактовъ жизни людей имѣющими случайный характеръ и столь же необоснованнаго и неправильнаго положенія, что все случайное подчинено объективнымъ законамъ, аналогичнымъ съ всеобщими законами природы. При этомъ самая идея сближенія и аналогіи природы и жизни людей основана на положеніяхъ, не выдерживающихъ критики и явно несостоятельныхъ, какъ не находящихъ себѣ никакого фактическаго или теоретическаго подтвержденія. Такова именно точка зрѣнія на природу, какъ на процессъ развитія, предположеніе первоначально химическаго и далѣе органическаго и эволюціоннаго происхожденія всѣхъ живыхъ существъ и идея всеобщихъ законовъ, господствующихъ въ этомъ развивающемся процессѣ природы и общественной жизни. Далѣе, надлежитъ отмѣтить діалектическую идею, которая въ ученіи Marx-Engels'а играетъ роль всеобщаго и основного закона, такъ сказать, ритмическаго развитія путемъ внутреннихъ противорѣчій, группирующимся по тремъ фазамъ положенія, отрицанія его и отрицанія отрицанія; вмѣ-

стѣ съ тѣмъ эта идея получила примѣненіе въ гносеологіи марксизма. Въ дѣйствительности, однако, діалектическая идея во всякомъ случаѣ не менѣе метафизична, нежели отвергаемая Engels'омъ философія, такъ какъ всѣ указанныя черты діалектики лишены реальнаго характера, представляя собою лишь тенденціозное примѣненіе продукта метафизической философіи[1]. Равнымъ образомъ недопустимы представленіе о всѣхъ нематеріальныхъ проявленіяхъ жизни людей, какъ лишь внѣшнихъ формахъ, подъ которыми скрываются матеріальныя экономическія причины, къ отысканію которыхъ должно стремиться[2], и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебрежительное отношеніе къ тѣмъ переживаніямъ, какія имѣютъ мѣсто въ головахъ или въ мозгу людей, какъ объ этомъ выражается Engels[3]. Въ частности, ошибочно предположеніе, что въ эпоху интенсивной промышленной дѣятельности она должна менѣе поглощать дѣятельность людей, нежели, напр., въ эпоху класси-

[1]) Ср.: Stammler. O. c., S. 272, 387 f.; Lorenz. O. c., Кар. I. Abs. 6.

[2]) Противное этому утвержденіе далъ Wilhelm Schulz въ своемъ сочиненіи: Die Bewegung der Produktion. Eine geschichtlich-statistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft. Zürich. 1843. Объ этомъ сочиненіи Marx отозвался, какъ о «работѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, достойной похвалы» (Kapital. B. I. Кар. XIII. Anm. 88 S. 334; ср.: Stammler. Wirtschaft und Recht. S. 632 Anm. 9). Schulz высказался въ указанномъ трудѣ: „Господствующая религія и религіозное воспитаніе, эта первая духовная пища въ народной жизни, проникающая чрезъ всѣ вены внутренняго человѣка, вліяетъ на весь образъ мышленія (Gesinnungs- und Denkweise), обусловливаетъ поэтому въ значительной мѣрѣ успѣхи даже въ такихъ наукахъ и искусствахъ (Lehren und Künsten), въ которыхъ поверхностный наблюдатель едва ли еще откроетъ какую-нибудь связь съ религіей. Хотя и нельзя говорить о языческой или христіанской математикѣ, однако большее или меньшее усердіе, съ которымъ предавались разработкѣ той или иной математической дисциплины, было отчасти обусловливаемо импульсами, которые сообщались всему движенію народнаго духа специфически различнымъ народнымъ вѣрованіемъ». Въ «существенныхъ различіяхъ въ землепользованіи, которыя вовсе не всецѣло можно объяснять лишь климатическими и физическими условіями», цитируемый авторъ видитъ «скорѣе въ значительной мѣрѣ слѣдствіе большаго или меньшаго усердія и разума, направленныхъ здѣсь и тамъ къ земледѣлію». (S. 34, 109). Въ еще болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ высказался Schulz противъ идей гегельянства и матеріализма въ заключительныхъ страницахъ своего труда, проникнутаго глубокой религіозностью.

[3]) Georg Jäger. Sinn und Wert des Marxismus. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw. J. 34, H. 3. 1910. S. 257 (1169), въ общемъ относящійся къ марксизму съ точки зрѣнія сочувственной критики, замѣчаетъ объ этомъ: «Матеріалистическую психологію марксистовъ можно трактовать лишь съ нѣкоторой ироніей. Они замѣняютъ слово: духъ словомъ: голова, и матеріалистическая личина готова. Голова функціонируетъ затѣмъ точно такъ, какъ у идеологовъ духъ; она показываетъ себя еще едва ли не самостоятельнѣе и духовнѣе».

ческой древности, когда обыденныя потребности людей были гораздо менѣе развиты, а въ основу соціальнаго раздѣленія дѣятельности было положено различеніе грубыхъ работъ, по возможности перелагавшихся на рабовъ, и высшихъ, въ особенности идейныхъ дѣятельностей[1]. Но что въ данномъ случаѣ имѣетъ для насъ наиболѣе существенное значеніе, представляется недоказаннымъ и недоказуемымъ произвольное отождествленіе матеріальнаго и экономическаго. Въ противопоставленіи этому отождествленному понятію идеологическаго заключается интересная научная аналогія къ обращенному противопоставленію правовой формы и общей, главнымъ образомъ экономической матеріи въ ученіи R. Stammler'a[2]. Marx и Engels, какъ и впослѣдствіи Stammler, погрѣшаютъ именно тѣмъ, что, во-первыхъ, не различаютъ экономическихъ понятій и установленій отъ иныхъ, въ частности правовыхъ понятій и установленій, эмпирически смѣшивая всѣ относящіяся къ извѣстному конкретному явленію понятія-установленія въ одну категорію, которой приписываютъ односторонній характеръ въ соотвѣтствіи съ общимъ своимъ направленіемъ, а, во-вторыхъ, произвольно суживаютъ область хозяйства и экономики, устраняя изъ нея отдѣлъ распредѣленія, необходимаго въ той или иной формѣ при всякой организаціи человѣческой жизни. Такимъ путемъ, отрицая юридическую сторону въ проблемѣ производства и экономическую сторону—въ проблемѣ распредѣленія Marx-Engels, какъ и Stammler пришли къ разъединенію права и экономики, какъ формы и матеріи, такъ или иначе пріурочивъ къ нимъ прочія проявленія культурной жизни.

Что касается въ частности опредѣленія экономики Engels'омъ, то признаніе ея исторической наукой расходится не только съ выдвиганіемъ въ ней законовъ, но и съ самымъ матеріалистическимъ воззрѣніемъ на исторію. Тѣ научные результаты, которые можетъ дать его примѣненіе, вообще имѣютъ совершенно иной характеръ, нежели исторія, и близки именно къ той философіи, которую такъ рѣшительно осудилъ самъ Engels.

---

[1]) См.: James Bonar. Philosophy and Political Economy in some of their Historical Relations. 1893. B. I.

[2]) См.: Stammler. Wirtschaft und Recht. 2 A. § 32 S. 173, § 62 S. 331 f.

Съ конструктивной точки зрѣнія нельзя признать правильнымъ предположеніе, что производство и обмѣнъ имѣютъ свой особый характеръ и большею частью также законы, но что распредѣленіе лишь обусловливается ими совмѣстно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще отрицательное отношеніе къ распредѣленію, какъ и къ классовымъ различіямъ, всего менѣе способствуетъ какъ научному выясненію, такъ и практическому разрѣшенію относящихся сюда проблемъ.

59. Разработка соціальнаго матеріализма Engels'омъ нашла себѣ завершеніе въ четырехъ его письмахъ, относящихся къ 1890, 1893 и 1894 годамъ и опубликованныхъ въ 1895 году[1]. Въ этихъ своихъ письмахъ Engels защищаетъ доктрину матеріалистическаго пониманія исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ей болѣе осторожную формулировку, присоединяя къ этому необходимыя, для сохраненія самой теоріи, оговорки и смягченія, въ смыслѣ нѣкотораго признанія также не-экономическихъ факторовъ исторіи.

«Марксъ и я отчасти сами были виноваты», высказываетъ Engels въ своемъ первомъ письмѣ (an J. Bloch), отъ 21 сент. 1890 г., «въ томъ, что экономической сторонѣ иногда приписывается учениками болѣе вѣса, чѣмъ ей надлежитъ. Мы должны были выдвигать, предъ противниками, отрицаемый ими главный принципъ, и при этомъ не всегда было время, мѣсто и случай воздать должное остальнымъ, участвующимъ во взаимодѣйствіи, моментамъ. Но какъ только дошло до представленія отрывка изъ исторіи, стало быть, до практическаго примѣненія, дѣло перемѣнилось, и устранилась возможность ошибки. Къ сожалѣнію, однако, слишкомъ часто

---

[1]) Полный текстъ научнаго содержанія этихъ писемъ воспроизведенъ въ Dokumente des Sozialismus. 1903. B. II. H. 14-15. S. 65—78. См. также: L. Woltmann. Der historische Materialismus. S. 238—251; Th. Masaryk. Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus. S. 103-109; H. Greulich. Die materialistische Geschichtsauffassung. 1907. S. 6, 8 ff.: Fr. Mehring. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. 5 Aufl. 1913. B. I. Anmerkungen. S. 385 ff. Изъ нихъ въ сочиненіи Mehring'a приведено полностью лишь одно изъ этихъ писемъ; въ прочихъ указанныхъ изданіяхъ даются лишь болѣе или менѣе подробныя выдержки. Первоначально эти письма были опубликованы въ Leipziger Volkszeitung. 1895. 3 Beilage zu № 250, Der Sozialist. Akademiker. 1895. 1 und 15 Oktober (S. 351, 373) и въ указанномъ сочиненіи Mehring'a.

думаютъ, что новую теорію вполнѣ поняли и могутъ примѣнять безъ дальнѣйшаго, какъ только усвоены главныя положенія, да и то не всегда правильно. Отъ этого упрека я не могу избавить и иного изъ новыхъ марксистовъ, и здѣсь натворены также и удивительныя нелѣпости». «По матеріалистическому воззрѣнію на исторію, въ конечной инстанціи опредѣляющій въ исторіи моментъ есть производство и воспроизведеніе дѣйствительной жизни. Болѣе не утверждалось ни Магх'омъ, ни мною. Если же кто-либо это перетолковываетъ въ томъ направленіи, что экономическій моментъ есть единственно опредѣляющій, то онъ обращаетъ тотъ тезисъ въ ничего не говорящую, абстрактную, абсурдную фразу. Экономическое положеніе», говорится въ этомъ письмѣ, «есть основа, но различные моменты надстройки—политическія формы классовой борьбы и результаты ея—строй, послѣ выигранной борьбы установленный побѣдившимъ классомъ, правовыя формы и даже отраженія (Reflexe) всѣхъ этихъ дѣйствительныхъ столкновеній въ мозгу участниковъ, политическія, правовыя, философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія и ихъ дальнѣйшее развитіе въ догматическія системы, оказываютъ и свое вліяніе на теченіе исторической борьбы и во многихъ случаяхъ преимущественно опредѣляютъ ея форму. Именно во взаимодѣйствіи всѣхъ этихъ моментовъ въ концѣ концовъ осуществляется, какъ необходимость, экономическое движеніе чрезъ все безчисленное множество случайностей (т. е. вещей и событій, внутренняя связь между которыми такъ отдаленна и трудно обнаруживаема, что мы можемъ разсматривать ее, какъ несуществующую и пренебречь ею). Иначе примѣненіе теоріи къ любому періоду исторіи было бы легче рѣшенія простого уравненія первой степени. Мы сами дѣлаемъ нашу исторію, но, во-первыхъ, при весьма опредѣленныхъ предположеніяхъ и условіяхъ. Изъ нихъ экономическія являются въ концѣ концовъ рѣшающими. Но и политическія и пр. условія и даже мерещащаяся въ головахъ людей традиція играютъ роль, хотя и не рѣшающую». Далѣе Engels указываетъ, въ видѣ примѣровъ, факты исторіи, государственной жизни, филологіи, попытки объяснить которыя дѣйствіемъ экономиче-

скихъ причинъ были бы смѣшнымъ педантизмомъ[1]. Представляя исторію, какъ результатъ столкновенія многихъ индивидуальныхъ стремленій, изъ которыхъ каждое въ свою очередь имѣетъ свою сложную обусловленность, Энгельсъ заключаетъ отсюда, что происходящее этимъ порядкомъ историческое событіе представляется какъ бы продуктомъ безсознательно и безвольно дѣйствующей силы. «Такимъ образомъ протекаетъ до сего времени исторія, подобно естественному процессу и по существу подчиненная тѣмъ же естественнымъ законамъ. Но изъ того, что отдѣльныя воли—изъ которыхъ каждая желаетъ того, къ чему её побуждаетъ ея физическая организація и внѣшнія, въ конечной инстанціи экономическія обстоятельства, ея собственныя личныя или обще-соціальныя—не достигаютъ того, чего онѣ хотятъ, но сливаются въ общую среднюю, во всеобщій итогъ, изъ этого нельзя заключить, что ихъ можно приравнять нулю. Напротивъ, каждая воля вноситъ свою долю въ равнодѣйствующую (Resultante) и по столько же содержится въ ней».

Во второмъ, наиболѣе обширномъ письмѣ (an C. Schmidt, v. 27 Okt. 1890) Engels даетъ распространенное пониманіе экономическихъ условій, а также устанавливаетъ относительную самостоятельность и собственное движеніе политическихъ и юридическихъ функцій и въ особенности областей идеологіи, парящихъ высоко, какъ религія, философія и пр. Engels при этомъ довольно близко подходитъ къ идеѣ образованія отдѣльныхъ отраслей соціальной жизнедѣятельности чрезъ общественное раздѣленіе труда, но все же признаетъ преобладающее значеніе хозяйства, приписывая ему матеріальный характеръ и относя сюда не-дифференцированное цѣлое соціальной жизни. На ряду съ производствомъ Engels ставитъ торговлю и денежный рынокъ, приписывая имъ «собственное развитіе, особые, обусловленные [ихъ] собственной природой законы и особенныя фазы» и предполагая внутреннее взаимодѣйствіе между ними. Такое постепенное обособленіе торговли отъ производства въ собственномъ смыслѣ, и затѣмъ денежнаго рынка—отъ торговли и представляетъ въ основѣ «исто-

[1]) Ср.: Stammler O. c., § 14. S. 66.

рическій матеріализмъ вообще». «Это легче всего понять», поясняетъ онъ, «съ точки зрѣнія раздѣленія труда. Общество создаетъ извѣстныя общія функціи, безъ которыхъ оно не можетъ обойтись. Назначенные для того люди образуютъ новую отрасль раздѣленія труда внутри общества. Они пріобрѣтаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ особенные интересы также и по отношенію къ ихъ препоручителямъ (въ подлинникѣ: Mandataren), обособляются отъ нихъ, и государство на лицо. И дальше идетъ, какъ въ товарной торговлѣ и затѣмъ—въ денежной: новая самостоятельная сила хотя и должна въ общемъ и большомъ слѣдовать за движеніемъ производства, но также реагируетъ, въ силу присущей ей, т. е. однажды сообщенной ей и постепенно далѣе развивающейся самостоятельности, въ свой чередъ на условія и ходъ производства. Есть взаимодѣйствіе между неравными силами—экономическимъ движеніемъ и стремящейся къ наивозможной самостоятельности и, съ созданіемъ ея, обладающей собственнымъ движеніемъ политической силой; экономическое движеніе въ общемъ и большомъ совершается, но оно должно также испытывать обратное воздѣйствіе отъ созданнаго ею и надѣленнаго относительною самостоятельностью политическаго движенія, движенія, съ одной стороны, государственной власти и, съ другой,—одновременно съ нею созданной оппозиціи». Отмѣтивъ, съ очевиднымъ преувеличеніемъ, служебную, или же, въ противномъ случаѣ, такъ сказать, самоубійственную роль государственной власти по отношенію къ экономическому развитію, Engels обращается къ праву. «Съ правомъ одинаково: какъ скоро становится нужнымъ новое раздѣленіе труда, создающее професіональныхъ юристовъ, опять открывается новая самостоятельная область, которая, при общей своей зависимости отъ производства и торговли, обладаетъ однако и особой способностью обратнаго воздѣйствія на эти области». Въ современномъ государствѣ право должно не только соотвѣтствовать общему экономическому положенію, быть его выраженіемъ, но также быть имѣющимъ свою внутреннюю связь выраженіемъ, не бьющимъ само себя внутренними противорѣчіями. И ради осуществленія этого все болѣе отпадаетъ

вѣрность отраженія экономическихъ условій. И это тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже случается, что какой-либо законодательный кодексъ представляетъ рѣшительное, несмягченное и неприкрытое выраженіе господства одного класса: это было бы уже само противъ понятія права». Отраженіе экономическихъ условій въ экономическихъ принципахъ «происходитъ безъ того, чтобы это сознавалось дѣйствующими; юристъ воображаетъ, что онъ оперируетъ съ апріорными положеніями, между тѣмъ какъ это лишь экономическіе рефлексы—такъ все стоитъ на головѣ. И мнѣ», говоритъ Engels, «представляется очевиднымъ, что эта обращенность, которая, пока она не познана, образуетъ то, что мы называемъ идеологическимъ воззрѣніемъ, въ свою очередь оказываетъ обратное дѣйствіе на экономическую основу и можетъ, въ извѣстныхъ границахъ, модифицировать ее. Основа наслѣдственнаго права, предполагая одинаковую ступень развитія семьи, есть экономическая. Несмотря на это, будетъ затруднительно доказать, что абсолютная свобода завѣщанія въ Англіи, сильное ограниченіе ея во Франціи имѣютъ во всѣхъ деталяхъ лишь экономическія причины. Но оба [порядка] въ очень значительной мѣрѣ воздѣйствуютъ обратно на экономію, оказывая вліяніе на распредѣленіе имуществъ». Что касается «еще выше парящихъ въ воздухѣ идеологическихъ областей религіи, философіи и пр.», то въ нихъ Engels видитъ отраженіе, съ современной точки зрѣнія, главнымъ образомъ отрицательно-экономическаго: «низкое экономическое развитіе доисторическаго періода имѣетъ своимъ дополненіемъ, но иногда также условіемъ и даже причиною, ложныя представленія о природѣ». «Исторія наукъ есть», по мнѣнію Engels'a, «исторія постепеннаго устраненія этой глупости, либо замѣны ея новою, все менѣе абсурдною глупостью. Люди, занимающіеся этимъ, принадлежатъ опять-таки особымъ отраслямъ раздѣленія труда и выступаютъ, какъ работающіе въ независимой области. И по сколько они образуютъ самостоятельную группу внутри общественнаго раздѣленія труда, по столько ихъ производства (Produktionen), включая ихъ ошибки, имѣютъ обратное вліяніе на все общественное развитіе,

даже на экономическое. Но при всемъ томъ они сами находятся подъ господствующимъ вліяніемъ экономическаго развитія». «Но какъ опредѣленная область раздѣленія труда, философія каждой эпохи имѣетъ предположеніемъ извѣстный матеріалъ мышленія, который достался ей отъ предшествующихъ и отъ котораго она исходитъ. И отсюда проистекаетъ, что экономически отсталыя страны играютъ однако первую скрипку въ философіи». «Конечное господство (Suprematie) экономическаго развитія также и въ этихъ областяхъ стоитъ прочно, но находитъ себѣ мѣсто въ опредѣляемыхъ отдѣльною областью самою условіяхъ: въ философіи, напр., чрезъ воздѣйствіе экономическихъ вліяній (которые большею частью опять-таки дѣйствуютъ лишь въ ихъ политическомъ и пр. одѣяніи) на наличный философскій матеріалъ, доставшійся отъ предшественниковъ. Экономія не создаетъ здѣсь ничего непосредственно отъ себя, но опредѣляетъ порядокъ измѣненія и дальнѣйшаго развитія предшествующихъ идей, и то большей частью косвенно, между тѣмъ какъ политическіе, юридическіе и моральные рефлексы оказываютъ наиболѣе прямое дѣйствіе на философію». Еще разъ подтверждая, что вопреки возраженію Barth'a, Marx и онъ, Engels, признавали «обратное воздѣйствіе политическихъ и пр. рефлексовъ экономическаго движенія на это движеніе», Engels высказываетъ даже, что «власть (т. е. государство, Staatsmacht) есть также экономическая величина». Въ заключительныхъ строкахъ опубликованной части этого письма содержится интересное замѣчаніе о діалектикѣ, которая связывается съ историческимъ матеріализмомъ, какъ методъ научнаго соціализма, и которая тѣмъ не менѣе имѣетъ своимъ кореннымъ недостаткомъ, не подмѣченнымъ со стороны Маркса и Энгельса, механическое или, по меньшей мѣрѣ, чисто формальное представленіе историческаго развитія, въ дѣйствительности протекающаго такъ же разнообразно и свободно, какъ разнообразны характеры и особенности людей и ихъ общеній. Engels говоритъ здѣсь о своихъ противникахъ: «Чего не достаетъ тѣмъ господамъ, это діалектики. Они лишь видятъ всегда здѣсь причину, тамъ слѣдствіе. Что это пустая абс-

тракція, что въ дѣйствительномъ мірѣ такія метафизическія полярныя противоположности существуютъ лишь въ кризисахъ, но что все великое теченіе (Verlauf) подвигается впередъ въ формѣ взаимодѣйствія силъ, хотя и весьма неравныхъ, изъ которыхъ экономическое движеніе далеко сильнѣйшее, рѣшительнѣйшее; что здѣсь ничто не абсолютно и все относительно, этого они не видятъ; Hegel для нихъ не существуетъ».

Въ третьемъ письмѣ (an Fr. Mehring, v. 14 Juli 1893) Engels устанавливаетъ характеръ идеологіи, и выдвигаетъ начало взаимодѣйствія. Идеологія опредѣляется здѣсь, какъ «процессъ, выполняемый т. н. мыслителемъ съ сознаніемъ, но съ ложнымъ сознаніемъ. Настоящія силы, движущія его, остаются для него неизвѣстными; иначе не было бы и идеологическаго процесса. Онъ воображаетъ, стало быть, ложныя или мнимыя движущія силы. Такъ какъ это есть процессъ мышленія, то онъ выводитъ его содержаніе, какъ его форму, изъ чистаго мышленія, либо своего собственнаго либо своихъ предшественниковъ. Онъ работаетъ лишь съ матеріаломъ мышленія, который безъ разсмотрѣнія принимаетъ, какъ созданный мышленіемъ, и не ищетъ болѣе отдаленнаго, независимаго отъ мышленія, процесса; и это представляется для него само собою понятнымъ, такъ какъ всякое дѣйствіе, вслѣдствіе того, что оно происходитъ черезъ посредство мышленія, кажется ему и въ послѣдней инстанціи основаннымъ на мышленіи. Историческій идеологъ (историческое здѣсь должно быть принимаемо съ распространеніемъ на политическое, правовое, философское, теологическое, короче—на всѣ области, относящіяся къ обществу, а не только къ природѣ) располагаетъ такимъ образомъ въ каждой научной области матеріаломъ, образовавшимся самостоятельно изъ мышленія прежнихъ поколѣній и прошедшимъ самостоятельный, собственный рядъ развитія въ мозгу этихъ, слѣдующихъ одно за другимъ, поколѣній. Во всякомъ случаѣ внѣшніе факты, принадлежащіе къ той же или иной области могутъ воздѣйствовать опредѣляюще на это развитіе; но эти факты, по молчаливому предположенію, сами по себѣ суть только

продукты процесса мышленія, и мы такимъ образомъ остаемся все же въ области чистаго мышленія, удачно переваривающаго даже самые твердые факты. Эта видимость самостоятельной исторіи государственныхъ устройствъ, правовыхъ системъ, идеологическихъ представленій въ каждой особенной области прежде всего ослѣпляетъ большинство людей». «И съ тѣхъ поръ какъ создалась буржуазная иллюзія о вѣчности и конечномъ характерѣ капиталистическаго производства, даже преодолѣніе меркантилистовъ физіократами и Смитомъ принимается просто какъ побѣда идеи, не какъ идейное отраженіе измѣнившихся экономическихъ фактовъ, но какъ достигнутый наконецъ, правильный взглядъ на всегда и всюду существующія фактическія условія». «Отрицая самостоятельное историческое развитіе различныхъ идеологическихъ областей, играющихъ роль въ исторіи, мы отрицаемъ у нихъ также и всякое историческое дѣйствіе. Въ основаніи этого лежитъ обычное не-діалектическое представленіе о причинѣ и дѣйствіи, какъ прямо противоположныхъ одинъ другому полюсахъ, а также абсолютное игнорированіе взаимодѣйствія; при этомъ почти намѣренно упускается изъ вида, что историческій моментъ, созданный другими, въ концѣ концовъ экономическими, фактами, реагируетъ на свою среду и можетъ даже обратно воздѣйствовать на свои собственныя причины».

Наконецъ, въ четвертомъ письмѣ (an H. Starkenburg, v. 25 Januar 1894.) Engels опредѣляетъ объемъ понятія экономическихъ условій: «Подъ экономическими отношеніями, которыя мы разсматриваемъ, какъ опредѣляющую основу исторіи общества, мы разумѣемъ родъ и способъ, какими люди опредѣленнаго общества производятъ средства къ своему существованію и обмѣниваютъ между собою продукты (по сколько существуетъ раздѣленіе труда). Слѣдовательно, вся техника производства и перемѣщенія включается сюда. Эта техника опредѣляетъ, по нашему воззрѣнію, также родъ и порядокъ обмѣна, далѣе, раздѣленіе продуктовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ уничтоженіемъ родовой общины, также раздѣленіе классовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія господства и подчиненія, вмѣстѣ съ тѣмъ государство, политику, право и пр. Далѣе, въ экономическія

обстоятельства включаются географическая основа, на которой они разыгрываются, и фактически перешедшіе остатки прежнихъ эпохъ экономическаго развитія, удержавшіеся часто лишь въ силу традиціи или по инерціи, а также, естественно, и среда, окружающая эту общественную форму извнѣ. Если техника, какъ вы говорите, зависитъ большею частью отъ состоянія науки, то эта еще болѣе—отъ состоянія и потребностей техники». «Объ электричествѣ мы знаемъ нѣчто разумное съ того времени, какъ открыто его техническое примѣненіе. Въ Германіи исторію наукъ пишутъ, къ сожалѣнію, такъ, какъ если бы она упала съ неба. Мы смотримъ на экономическія условія, какъ на нѣчто, въ послѣдней инстанціи обусловливающее собой историческое развитіе. Но раса есть сама историческій фактъ. Здѣсь однако не слѣдуетъ упускать двухъ пунктовъ: а) Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и пр. развитіе основано на экономическомъ. Но всѣ они воздѣйствуютъ одно на другое и на экономическую основу. Отнюдь не то, чтобы экономическое положеніе было причиной и одно только было активно, а все остальное было бы лишь пассивнымъ дѣйствіемъ. Но есть взаимодѣйствіе, на основѣ всегда осуществляющейся въ послѣдней инстанціи экономической необходимости». «Это не есть, какъ легко представляютъ себѣ часто, автоматическое дѣйствіе экономическаго положенія, но люди сами дѣлаютъ свою исторію, въ данной, обусловливающей ихъ, средѣ, на основаніи оказавшихся фактическихъ отношеній, между которыми экономическія, какое бы вліяніе со стороны прочихъ, политическихъ и идеологическихъ, ни могло быть, въ конечной инстанціи суть однако рѣшающія и представляютъ идущую насквозь, единственно ведущую къ уразумѣнію красную нить. б) Люди дѣлаютъ свою исторію сами, но доселѣ не общей волею и не по общему плану, даже не въ данномъ, опредѣленно отграниченномъ обществѣ. Ихъ стремленія перекрещиваются, и во всѣхъ такихъ обществахъ господствуетъ поэтому необходимость, дополненіемъ и формою проявленія которой является случайность. Необходимость, проникающая здѣсь чрезъ всякую случайность, есть

опять-таки въ концѣ концовъ экономическая. Здѣсь выступаютъ для разсмотрѣнія т. н. великіе люди. Что появился такой человѣкъ и именно данный, въ данное время и въ данной странѣ, это, конечно, чистая случайность. Но если исключить его, то является потребность въ замѣнѣ его, и эта замѣна найдется, tant bien que mal, съ теченіемъ времени». «Такъ и со всѣмъ прочимъ случайнымъ и якобы случайнымъ. Чѣмъ болѣе удалена изслѣдуемая область отъ экономическаго и чѣмъ ближе она къ чистому абстрактно-идеологическому, тѣмъ болѣе мы найдемъ случайностей въ ея развитіи, тѣмъ болѣе зигзаговъ дѣлаетъ ея кривая. Но если начертить среднюю ось кривой, то окажется, что чѣмъ длиннѣе разсматриваемый періодъ и чѣмъ обширнѣе изслѣдуемая область, тѣмъ болѣе близка къ параллели эта ось относительно оси экономическаго развитія».

Въ приведенныхъ здѣсь выдержкахъ доктрина историческаго матеріализма характеризуется тѣмъ, что устанавливается различеніе непосредственнаго и косвеннаго вліянія однихъ фактовъ на другіе, предположеніе односторонняго воздѣйствія конечныхъ причинъ относительно слѣдствій замѣняется идеею взаимодѣйствія, при чемъ однако нѣкоторымъ изъ нихъ приписывается несамостоятельное возникновеніе и зависимая роль; кругъ экономическихъ обстоятельствъ указывается весьма широко. Въ опредѣленіе историческаго процесса вводится и моментъ индивидуальной воли. Факторы исторіи подраздѣлены на имѣющіе рѣшающую роль и прочіе. До нѣкоторой степени допущено предположеніе преобладанія въ отдѣльныхъ случаяхъ и не-экономическихъ условій и факторовъ. Что касается повторяющагося выраженія о дѣйствіи экономическихъ условій въ концѣ концовъ или въ послѣдней инстанціи, то необходимо обратить вниманіе на обратный порядокъ разсмотрѣнія. Въ дѣйствительности, рѣчь идетъ о первичномъ дѣйствіи экономическихъ причинъ, модифицируемомъ общимъ взаимодѣйствіемъ прочихъ факторовъ, подлежащихъ и самостоятельному внутреннему развитію. Ко всему этому должно присоединить вопросъ объ опредѣленныхъ границахъ экономическихъ условій. Вѣдь если этому понятію дать болѣе обширный объемъ, какъ это дѣла-

етъ Stammler (а отчасти и Engels, относящій сюда общественное раздѣленіе труда, торговлю и денежный рынокъ, и даже технику, расу и власть, а Kautsky—даже химію и математику) и если признать совмѣщеніе въ конкретныхъ фактахъ экономическаго съ иными сторонами культуры, то и односторонность экономическаго пониманія исторіи тѣмъ самымъ смягчится[1]. При полномъ же и правильно опредѣляемомъ объемѣ понятія экономическаго экономическое пониманіе исторіи получило бы тотъ же свободный отъ предвзятыхъ тенденцій характеръ, что и распространеніе принципа экономіи на мышленіе[2]. Но если оставить въ сторонѣ экономическое пониманіе исторіи въ этомъ наиболѣе полномъ и отвлеченномъ значеніи, то въ итогѣ представленная здѣсь эволюція означенной доктрины сводится къ допущенію взаимодѣйствія, какъ наиболѣе существенной и основной въ ней идеи[3]. И эта идея представляется, очевидно, необходимой какъ съ логической, такъ и съ нравственной точки зрѣнія. Какъ правильно замѣтилъ W. Biermann, «соціальная наука, которая, съ научнымъ созданіемъ марксизма, совершенно не цѣнила бы вліяніе интеллектуальныхъ и нравственныхъ фактовъ на соціальную жизнь и стремилась бы выводить все изъ dura necessitas въ порядкѣ естественныхъ законовъ происходящаго экономическаго развитія, заключаетъ, въ концѣ концовъ, въ самой себѣ противорѣчіе. Ибо къ чему соціально-научно мыслить и разсуждать, если активное, телеологическое воздѣйствіе на хозяйственную жизнь представляется совершенно исключеннымъ!»[4].

Въ конечной своей основѣ представленная выше доктрина соціальнаго матеріализма характеризуется произвольнымъ и необоснованнымъ отождествленіемъ съ хозяйственно-матеріаль-

---

[1]) Ср.: Masaryk. O. c., § 26 S. 113; А. С. Шоръ. Н. с., стр. 293.

[2]) Съ этой точки зрѣнія характерно, что редакція цитируемаго нами журнала: Dokumente des Sozialismus присоединяетъ къ перепечаткѣ писемъ Engels'a замѣтку о работахъ вѣнскаго экономиста Eman. Herrmann'a по вопросу объ «экономіи языка», при чемъ названный ученый исходилъ изъ положенія, что «языки развиваются согласно тѣмъ же экономическимъ законамъ, которые имѣютъ дѣйствіе въ хозяйственной жизни народовъ».

[3]) Ср.; А. С. Шоръ, Н. с., стр. 294 и сл.

[4]) W. Ed. Biermann. Sozialwissenschaft, Geschichte und Naturwissenschaft. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1904. B. 28 H. 5. S. 604. Подобнымъ же образомъ возражаетъ Stammler. O. c., § 83. S. 465.

нымъ всего, разсматриваемаго какъ необходимое, а равно и всего, не предполагаемаго идеологическимъ. При этомъ исключена, казалось бы, столь естественная и безспорная — съ реальной, не-метафизической точки зрѣнія, идея сложнаго единства человѣческой жизнедѣятельности и взаимодѣйствія и параллелизма между отдѣльными сторонами ея, безъ абсолютной и при томъ неравной оцѣнки ихъ, со стороны ихъ возникновенія и практическаго значенія. Въ общемъ эта доктрина, при всемъ трудолюбіи ея авторовъ, сохранила въ себѣ явственные слѣды дилетантизма и отсутствія строгой школы, съ которыми приступили къ ней авторы[1], и партійной тенденціозности, увѣнчавшейся образованіемъ соотвѣтствующей соціально-политической партіи.

Письма Engels'a, посвященныя окончательной формулировкѣ и отчасти защитѣ матеріалистическаго воззрѣнія, сыграли важную роль въ развитіи послѣдняго и привлекли къ себѣ особое вниманіе его изслѣдователей. Такъ, уже при первомъ опубликованіи письма къ C. Schmidt'y, редакція газеты[2], впервые напечатавшей представлявшую общій интересъ часть этого письма, предпослала этому замѣчаніе: «Мы имѣемъ возможность предложить нашимъ читателямъ изъ частнаго письма нашего незабвеннаго Fr. Engels'a очень интересный экскурсъ о матеріалистическомъ воззрѣніи на исторію, экскурсъ, изъ котораго вновь съ полной ясностью обнаруживается, какъ далеко по существу Engels стоялъ отъ всякой догматизирующей исторической конструкціи, какъ полно онъ признавалъ относительную самостоятельность и обратное воздѣйствіе не-экономическихъ факторовъ на экономію. Матеріалистическое воззрѣніе на исторію заключается не въ томъ — какъ ему охотно вмѣняютъ противники, — что игнорируется это отношеніе общаго взаимодѣйствія, но въ томъ, что внутри этого взаимодѣйствія различное значеніе и сила отдѣльныхъ факторовъ оцѣниваются сравнительно и такимъ образомъ признается несравнимая и равнымъ образомъ центральная роль экономической жизни въ исторіи».

[1]) Ср.: Masaryk. O. c., § 32. S. 138.

[2]) Leipziger Volkszeitung, v. 26 Okt. 1895. Перепечатано въ Dokumente des Sozialismus. B. II. H. 14/15. S. 65.

Ревизіонистъ Bernstein[1] видитъ въ упомянутыхъ письмахъ существенную поправку къ болѣе раннимъ формулировкамъ матеріалистическаго воззрѣнія, съ отказомъ отъ монистическаго пониманія и съ принятіемъ, взамѣнъ того, начала взаимодѣйствія матеріальныхъ и духовныхъ силъ. По мнѣнію Bernstein'a, означенная теорія выигрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ научности, ничего не теряя въ своемъ единствѣ, и лишь въ этомъ улучшенномъ изложеніи можетъ отнынѣ служить основою для соціалистической теоріи.

Полемизирующій съ нимъ по этому поводу K. Kautsky[2] проявляетъ отрицательное отношеніе къ «частнымъ письмамъ Энгельса» и защищаетъ «матеріалистическое воззрѣніе на исторію въ его классической формѣ».

Критикъ марксизма, Th. Masaryk[3] говоритъ объ этихъ письмахъ: «Engels пытался объяснить историческій матеріализмъ еще въ 90-хъ годахъ. Эти объясненія изъ столь поздняго времени и въ виду многихъ высказанныхъ воззрѣній тѣмъ болѣе важны, что представляютъ отвѣтъ на опредѣленные письменные запросы. Читатель увидитъ сейчасъ, что Engels отказывается отъ прежнихъ опредѣленій, данныхъ имъ самимъ и Marx'омъ. Хотя Engels и упрекаетъ противниковъ въ томъ, что они не желаютъ понимать дѣло, въ дѣйствительности онъ измѣняетъ свои взгляды: прежде онъ представлялъ идеологію, лишь какъ одѣяніе, костюмъ, въ лучшемъ случаѣ— признакъ, своего рода сигналъ или манометръ у экономическаго котла; теперь сигналъ или костюмъ становится дѣйствующей соціальной силой».

L. Woltmann[4] усматриваетъ въ этихъ письмахъ «важную самокритику прежнихъ формулировокъ историческаго матеріализма», «существенныя и разъясняющія модификаціи первоначальной теоріи». Вопреки противоположному заявленію Engels'a Woltmann высказываетъ, что Marx и Engels «утверждали иногда гораздо больше и не утверждали того, что здѣсь при-

---

[1]) Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. 1899. S. 11 f. (см. далѣе).

[2]) Bernstein und das sozialdemokratische Programm. 1899. S. 12, 18.

[3]) O. c., § 25 S. 103 f.

[4]) O. c., S. 242, 250.

знаетъ Engels, какъ напр., что идеологическія представленія воздѣйствуютъ на ходъ исторической борьбы и во многихъ случаяхъ преимущественно опредѣляютъ ея форму. Понятіе взаимодѣйствія есть незамѣчавшійся въ прежнихъ формулировкахъ новый моментъ, но способный смягчить много односторонностей въ прежнемъ пониманіи».

Heinrich Herkner[1] и Eugen v. Philippovich[2] также отмѣчаютъ отказъ Engels'a отъ прежнихъ рѣзкихъ формулировокъ разсматриваемаго ученія.

Ernst Günther[3] въ своемъ обзорѣ ревизіонистскаго движенія въ германской соціалдемократіи съ очевиднымъ преувеличеніемъ заключаетъ даже, что Fr. Engels, проводившій ортодоксальную точку зрѣнія въ сочиненіи, направленномъ противъ Дюринга, «въ рядѣ писемъ совершенно отрекается отъ историческаго матеріализма—по крайней мѣрѣ, для всякаго логически мыслящаго человѣка».

Сюда же принадлежитъ замѣчаніе М. Ковалевскаго[4], что «Энгельсу пришлось говорить въ послѣдніе годы своей жизни противъ попытокъ свести исторію той или другой эпохи къ уравненію съ однимъ неизвѣстнымъ, которымъ былъ бы экономическій укладъ даннаго общества».

Приведенныя мнѣнія, не исключая и мнѣнія Каутскаго, клонятся къ признанію существенныхъ поправокъ, внесенныхъ въ матеріалистическую доктрину цитированными письмами Engels'a. Эти поправки, безъ сомнѣнія, выразились въ существенномъ ограниченіи монистической идеи и введеніи идеи взаимодѣйствія культурныхъ отраслей, хотя все же въ предположеніи примата и преобладанія матеріально-хозяйственнаго. Но и въ этой новой версіи матеріалистическая доктрина не является незыблемой и неопровержимой. Представляется, напротивъ, очевиднымъ, что и такое допущеніе примата и конечнаго преобладанія матеріально-хозяйственныхъ условій не восполняется необходимымъ выясненіемъ существа

[1]) Die Arbeiterfrage. 5 Aufl. 1908. Abschn. 94. S. 618.
[2]) Grundriss usw. B. I. 10 Aufl. § 39 S. 126.
[3]) Die revisionistische Bewegung in der deutschen Sozialdemokratie. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. J. 29. H. 4. 1905. S. 15 (1249).
[4]) Современные соціологи. 1905. Стр. 311.

и границъ понятія матеріально-хозяйственнаго и что эти первоначальность и преобладаніе не подтверждаются и не могутъ быть подтверждены ни теоретическими ни фактическими данными и, напротивъ, опровергаются тѣми и другими.

60. Дальнѣйшій пересмотръ этого воззрѣнія принадлежитъ Ed. Bernstein'у, при чемъ его изложеніе не свободно отъ противорѣчій и отъ старанія обойти затрудненіе, вызываемое коренной несостоятельностью теоріи, съ помощью утонченной осторожности и уклончивости выраженій. Представляется очевиднымъ, что его принадлежность къ партіи, исповѣдующей марксизмъ, либо воспрепятствовала ему совершенно свободно высказаться, либо и наложила свою печать на внутренній процессъ его мышленія[1].

«Было бы», высказываетъ Bernstein «огромнымъ шагомъ назадъ отступить сколько-нибудь отъ болѣе зрѣлой формы, которую Fr. Engels далъ этой теоріи въ письмахъ, къ первоначальнымъ опредѣленіямъ и, опираясь на нихъ, дать ей «монистическое» толкованіе. Скорѣе слѣдуетъ восполнить первоначальныя опредѣленія этими письмами. Основная мысль теоріи отъ этого не теряетъ въ единствѣ, самая же теорія выигрываетъ въ научности. Съ этими дополненіями она впервые становится теоріей научнаго разсмотрѣнія исторіи». «Кто въ настоящее время примѣняетъ матеріалистическую теорію исторіи, обязанъ примѣнять ее въ наиболѣе развитой, а не въ первоначальной формѣ; именно, онъ обязанъ принимать въ полной мѣрѣ во вниманіе, на ряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, правовыя и нравственныя понятія, историческія и религіозныя традиціи каждой эпохи, вліянія географическихъ и прочихъ естественныхъ условій, къ которымъ принадлежитъ также природа самого человѣка и его духовныхъ способно-

[1]) Ernst Günther. O. c., 1906, S. 253, замѣчаетъ объ этомъ: «Какъ иначе должны были поступить Bernstein, David, Schippel? Разумѣется, они могли остаться въ рядахъ соціалдемократіи эрфуртскаго толка лишь при томъ, что они сами дѣлали не совсѣмъ ясными конечные выводы своихъ идей, что они порой не отступали и предъ нѣкоторой двусмысленностью». Günther однако не находитъ возможнымъ упрекать ихъ за это, разъ что они хотѣли сохранить свою роль и вліяніе по отношенію къ приверженной марксизму массѣ.

стей». Въ примѣчаніи къ этому говорится даже: «Какъ выше показано, также и историческій матеріализмъ заключаетъ въ себѣ соединеніе матеріальныхъ и идеологическихъ силъ». Ссылаясь на письмо Энгельса къ К. Шмидту, Bernstein утверждаетъ: «Историческій матеріализмъ отнюдь не отрицаетъ, стало быть, собственное движеніе политическихъ и идеологическихъ силъ; онъ отрицаетъ только необусловленность этого собственнаго движенія и показываетъ, что развитіе экономическихъ основъ общественной жизни—производственныхъ отношеній и классоваго развитія—оказываетъ въ заключеніе болѣе сильное вліяніе на движеніе этихъ силъ». «Чисто экономическія причины создаютъ ближайшимъ образомъ лишь почву для воспріятія извѣстныхъ идей, но какъ эти идеи приходятъ и распространяются и какую форму они принимаютъ, зависитъ отъ цѣлаго ряда привходящихъ вліяній. Историческому матеріализму причиняютъ больше вреда, чѣмъ пользы, если гордо отвергаютъ a priori, какъ эклектизмъ, рѣшительное признаніе воздѣйствій иной, кромѣ чисто экономической, природы и соображеніе съ иными экономическими факторами, сверхъ производственной техники и ея предвидимаго развитія». Bernstein проводитъ затѣмъ, хотя и не безъ противорѣчія, ту мысль, что зависимость прочихъ соціальныхъ установленій отъ экономики и природы съ теченіемъ времени все болѣе ослабѣваетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ и господство надъ соціальной жизнью исторической необходимости. «Такъ какъ люди», высказываетъ онъ, «придаютъ экономическимъ факторамъ все большее значеніе, легко можетъ показаться, что они играютъ въ настоящее время якобы большую роль, нежели прежде. Однако это не такъ. Заблужденіе вызывается лишь тѣмъ, что экономическій мотивъ въ настоящее время свободно выступаетъ тамъ, гдѣ онъ прежде былъ скрытъ отношеніями господства и идеологіями всякаго рода. Идеологіей, которая бы опредѣлялась не экономіей и не природой, дѣйствующей, какъ экономическая сила, современное общество много богаче, нежели прежнія общества. Науки, искусства, значительная часть соціальныхъ отношеній зависятъ нынѣ въ гораздо меньшей степени отъ экономіи, нежели въ какую бы

то ни было эпоху прежде. Говоря яснѣе, достигнутое теперь состояніе экономическаго развитія предоставляетъ идеологическимъ и въ особенности этическимъ факторамъ больше простора для самодѣятельности, нежели это было раньше. Вслѣдствіе этого причинная связь между технико-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ прочихъ соціальныхъ установленій становится все болѣе посредственной, и вмѣстѣ съ тѣмъ естественныя необходимости перваго становятся все менѣе руководящими построеніемъ послѣднихъ». Въ относящемся сюда примѣчаніи содержатся между прочимъ слѣдующія положенія: «Сельское населеніе и рабочіе были прежде юридически связаны частью ради экономическихъ цѣлей, частью подъ вліяніемъ идеологій, въ которыхъ отражалось господство природы надъ человѣкомъ». «У доисторическихъ народовъ окружающая природа есть рѣшающая экономическая сила и въ качествѣ таковой оказываетъ огромное вліяніе на ихъ мышленіе и чувствованіе». Въ заключеніе Bernstein отдаетъ предпочтеніе наименованію: экономическое пониманіе исторіи. «Экономическое пониманіе исторіи не должно означать, что признаются лишь экономическія силы, лишь экономическіе мотивы, но только то, что хозяйство всегда представляетъ рѣшающую силу, исходный пунктъ крупныхъ историческихъ движеній. Выраженію: матеріалистическое пониманіе исторіи присущи a priori всѣ недоразумѣнія, вообще соединяющіяся съ понятіемъ матеріализма. Философскій или естественно-научный матеріализмъ детерминистиченъ; марксистское пониманіе исторіи не таково: оно не приписываетъ экономической основѣ народной жизни безусловно опредѣляющаго вліянія на ея формы»[1].

Такимъ образомъ, въ воспроизведенныхъ выше сужденіяхъ своихъ Ed. Bernstein выдвигаетъ сложный составъ предусматриваемыхъ экономическимъ пониманіемъ исторіи факторовъ ея, а также проводитъ идею постепенной эмансипаціи не-матеріальныхъ проявленій соціальной жизни отъ экономическихъ факторовъ, обращаясь къ искусственному объясненію столь

[1]) Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. 1899. Кар. I. b. Но гораздо рѣшительнѣе однако выражается Bernstein въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ (см. далѣе, § 61).

очевиднаго факта болѣе или менѣе параллельнаго развитія всѣхъ вообще сторонъ соціальной жизни и упуская изъ вида, что его объясненіе въ корнѣ противорѣчитъ самой идеѣ соціальнаго матеріализма, тѣмъ самымъ какъ бы относимой лишь къ болѣе варварскимъ временамъ. Неосторожно поставленный при этомъ вопросъ о значеніи идеологіи въ прошедшей исторіи оставляется безъ категорическаго разрѣшенія. Однако, признаніе, что экономическій мотивъ нынѣ свободнѣе выступаетъ, тогда какъ прежде былъ прикрытъ отношеніями господства и идеологіей всякаго рода, и что въ прежнее время правовая зависимость поселянъ и рабочихъ обусловливалась также идеологіей, откуда бы она ни брала свое содержаніе,—все это заключаетъ внутреннее противорѣчіе, а равно идетъ въ разрѣзъ съ общей идеей экономическаго пониманія исторіи. За массой оговорокъ и смягченій и замѣчаній, тутъ же возстановляющихъ значеніе защищаемой доктрины Bernstein такъ и не даетъ яснаго рѣшенія и формулировки обсуждаемой имъ научной проблемы. Коренной дефектъ его изложенія заключается однако все въ томъ же ненаучномъ эмпиризмѣ въ отношеніи къ содержанію хозяйственной дѣятельности. Въ связи съ этимъ находится и странное представленіе о природѣ, какъ самостоятельной экономической силѣ.

Иначе истолковываетъ и защищаетъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію Hermann Greulich[1]. Приведя выдержки изъ сочиненій Маркса и Энгельса и въ особенности изъ упомянутыхъ выше писемъ послѣдняго, Greulich переходитъ къ изслѣдованію нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ исторіи для доказательства того, что матеріалистическое воззрѣніе на исторію не вовсе несостоятельно. Главнымъ образомъ онъ останавливается на крестовыхъ походахъ. При этомъ онъ признаетъ, что «идеальный моментъ, конечно, стоялъ на первомъ планѣ событія и опредѣлялъ форму цѣлаго»[2], что изъ господствующихъ классовъ тѣхъ временъ одинъ занимался военнымъ дѣломъ, другой имѣлъ въ своемъ исключительномъ вѣдѣніи искусства и науки, а также обученіе, и доставлялъ

[1]) Die materialistische Geschichtsauffassung. 2 Aufl. 1907. (1 A.-1897).
[2]) S. 15 f.

учителей, юристовъ, врачей. Къ важнымъ функціямъ церкви авторъ относитъ также попеченіе о бѣдныхъ и о больныхъ, мѣры на случай неурожаевъ, при чемъ приписываетъ этимъ функціямъ экономическій характеръ. И онъ находитъ возможнымъ заключить, что въ указываемыхъ имъ фактахъ «подъ идеалистической оболочкой проглядываетъ хозяйственная основа».

Въ конечномъ итогѣ должно признать, что Greulich не доказалъ опредѣляющую роль матеріализма въ исторіи. Разумѣется, нужно было бы многое въ исторіи переиначить или же устранить, прежде чѣмъ притти къ обоснованію ея на матеріалистической основѣ. Да и что за варварство представляла бы собой матеріалистически направляемая жизнь человѣчества!

Къ Greulich'у можно отнести меткое замѣчаніе Masaryk'а: «Матеріалисты въ этомъ отношеніи постоянно впадаютъ въ старую ошибку идеалистовъ: они слишкомъ быстро и легко принимаютъ, съ своей матеріалистической точки зрѣнія, каузальныя соотношенія въ соціальныхъ и историческихъ явленіяхъ. При болѣе точномъ разсматриваніи и изслѣдованіи доказательствъ, матеріалистическое объясненіе исторіи выказывается въ большинствѣ случаевъ, какъ некритическое утвержденіе мнимыхъ каузальныхъ связей и какъ неосновательное предпочтеніе матеріализма, для котораго экономическія условія» — въ ихъ, прибавимъ мы, искаженномъ вслѣдствіе произвольнаго отграниченія и расширенія границъ экономики представленіи — «кажутся единственной и реальной основой культурной жизни»[1]. Но крайности легко сходятся. Greulich самъ призываетъ къ идеализму и привноситъ его въ соціализмъ. И здѣсь, въ вопросѣ о проблемахъ соціализма Greulich, какъ прочемъ и вобще соціалисты[2], приходитъ къ неизбѣжному противорѣчію. Съ одной стороны, онъ тѣсно связываетъ научный соціализмъ и матеріалистическое пониманіе исторіи, признавая послѣднее важною составною частью перваго. Съ другой, онъ утверждаетъ: «Марксъ и Энгельсъ указываютъ рабочему классу, прямо въ соотвѣтствіи съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, еще гораздо болѣе великую историче-

[1]) O. c., § 29 S. 130.
[2]) См.: Stammler. O. c., § 13 S. 57.

скую задачу: ихъ самоосвобожденіе. А для этого необходима вѣдь, прежде всего, воля, сознательно направляющаяся къ цѣли». Односторонне относя современное объединеніе и приравненіе рабочихъ всѣхъ расъ въ ихъ мышленіи и историческомъ дѣйствіи къ экономическимъ факторамъ, авторъ однако высказываетъ въ своемъ заключеніи: «Это развитіе мышленія выглядитъ чисто механическимъ. Но такъ какъ оно происходитъ въ людяхъ, то совершается еще дальнѣйшее развитіе мышленія въ хотѣніе. И при этомъ возникаетъ идеализмъ, какого еще не было, съ тѣхъ поръ какъ люди обитаютъ землю».

Но дѣятельность мышленія и воли проявлялась во всѣ времена, равно какъ во всѣ времена имѣлъ мѣсто идеализмъ. Greulich не опровергъ наличія идеализма въ прежнія эпохи и активной роли его въ исторіи и, сверхъ того, не далъ своего опредѣленія идеализма въ его отношеніи къ историческому матеріализму. Въ виду всего этого мы должны признать его выступленіе въ защиту доктрины историческаго матеріализма неудачнымъ.

Дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ пересмотра и упроченія этимъ путемъ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію дѣлаетъ Max Adler въ своемъ «изслѣдованіи критикопознавательныхъ и соціологическихъ основъ марксизма»[1]. Онъ причисляетъ себя къ тѣмъ марксистамъ, которые не занимаются своего рода филологіей Marx'a, не базируются всецѣло на буквѣ и текстахъ въ трудахъ Marx'a. Основной проблемой матеріалистическаго воззрѣнія на исторію M. Adler признаетъ «вопросъ объ отношеніи матеріальнаго къ идеальному», и къ этому вопросу онъ относитъ свой пересмотръ названной доктрины[2]. По его выраженію, «матеріалистическое воззрѣніе на исторію опредѣляетъ отношеніе идеальнаго къ матеріальному такимъ образомъ, что оно дѣлаетъ, какъ извѣстно, послѣднее обусловливающимъ или, иначе, опредѣляющимъ элементомъ перваго», но отнюдь не въ томъ смыслѣ, «что матеріальнымъ, т. е. экономическими условіями жизни, создаются или производятся идейныя формы жизни, такъ что эти, въ идеѣ, обы-

[1]) Marxistische Probleme. 1913. См.: Vorwort. S. VII f.
[2]) Abschn. I.

чаѣ, правѣ, искусствѣ и т. д., были бы лишь своего рода рефлексомъ, безъ своей собственной, самостоятельной сущности». M. Adler опредѣляетъ указанное отношеніе ближе такимъ образомъ, что устраняетъ возможность абсурднаго вывода, но, несомнѣнно, расходится съ тенденціей, заключавшейся въ не вполнѣ ясномъ представленіи о матеріальномъ у Marx'a[1]. По толкованію Adler'a, «матеріальное, о которомъ говоритъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію, относится прямо и исключительно къ такимъ жизненнымъ условіямъ, именно къ хозяйственнымъ отношеніямъ, въ которыхъ люди находятся между собою,—стало быть, къ тому, что въ матеріальной природѣ вовсе не происходитъ; короче, это матеріальное не есть болѣе нѣчто вещественное, но нѣчто человѣческое и, какъ таковое, уже непремѣнно нѣчто духовное». «Такимъ образомъ, старая дразнящая дилемма духа и матеріи вовсе не примѣнима къ матеріалистическому воззрѣнію на исторію; правильно понятое матеріальное находится уже само собою въ одной области, именно въ психической, въ которой только и могутъ имѣть мѣсто жизненныя отношенія. Зависимость идеальнаго отъ матеріальнаго болѣе не представляетъ, стало быть, затрудненій, такъ какъ при этомъ дѣло идетъ лишь о зависимости одного рода психическаго отъ другого»[2]. Совершенно разъединяя матеріалистическое воззрѣніе на исторію отъ философскаго матеріализма, Adler приходитъ къ историческому оправданію перваго. «Выраженіе: «матеріалистическій» или «матеріальная основа» идеологіи и

[1]) Н. Н. Алексѣевъ. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. Ч. I. 1912. Стр. 252, находитъ возможнымъ «сказать, что матеріализмъ Маркса является остаткомъ того фетишизма, который общественныя отношенія считаетъ отношеніями между вещами, а не между личностями». Въ противоположность этому, «вообще Энгельсу былъ чуждъ тотъ, обоснованный преимущественно Марксомъ аспектъ теоріи, согласно которому экономическая субстанція соціальной жизни подлинно отожествлялась съ физической матеріей. Напротивъ, Энгельсъ въ своихъ разнообразныхъ формулировкахъ теоріи подчеркиваетъ, главнымъ образомъ, принципъ классовой борьбы и господства въ исторіи эгоистическихъ классовыхъ интересовъ». См. также стр. 247, н. с. Но въ отношеніи Engels'a это замѣчаніе не вполнѣ гармонируетъ съ приведенными выше выдержками. Господство собственно матеріальнаго момента въ матеріалистическомъ воззрѣніи на исторію признаютъ также V. Cathrein. Der Sozialismus. S. 130 ff., 161; H. Pesch. O. c., B. I. Abs. 113 f. S. 608 f.; М. Туганъ-Барановскій. Теоретич. основы марксизма. 1905. Стр. 63.

[2]) O. c., S. 4 f.

т. д., именно изъ этой исторіи возникновенія марксистскаго ученія нельзя понять иначе, какъ сознательную оппозицію къ спекулятивной, парящей, отвлекающейся отъ всякаго опыта философіи Hegel'я, въ противоположность которой должно вернуться на матеріальную основу опыта въ природѣ и исторіи. Матеріализмъ исторической и общественной теоріи Marx'а есть не что иное, какъ полемическое и программное выдвиганіе эмпирической точки зрѣнія, которое намъ нынѣ не представляется болѣе существеннымъ, ибо эта точка зрѣнія уже давно принадлежитъ къ прочному достоянію также соціальной науки»[1]. Другая существенная поправка, внесенная M. Adler'омъ въ разсматриваемую доктрину, заключается въ общесоціальной точкѣ зрѣнія, которая вовсе не имѣлась въ виду представителями идеи классовой борьбы. По выраженію Adler'a, «человѣкъ соціаленъ не потому, что онъ живетъ въ обществѣ, но онъ можетъ жить въ обществѣ, такъ какъ онъ уже непосредственно въ своемъ самосознаніи соціаленъ». Къ этому Adler присоединяетъ впрочемъ пустой софизмъ à la Marx: «Тѣмъ самимъ мы встрѣчаемся сейчасъ съ основной діалектикой въ смыслѣ реальнаго антагонизма въ дѣйствительности, а не только въ простомъ методѣ мышленія: соціальное дано лишь въ индивидуальномъ, такъ какъ оно переживается лишь въ этомъ и лишь отсюда познается и получаетъ опредѣленное выраженіе; и индивидуальное по всѣмъ своимъ духовнымъ свойствамъ необходимо и само по себѣ представляется соціальнымъ. Это несовпаденіе между сущностью и образомъ историческаго проявленія соціальнаго порождаетъ противорѣчіе на каждой ступени развитія соціальнаго, требуя всегда новыхъ соглашеній»[2]. Adler упускаетъ при этомъ, что въ общемъ итогѣ соединеніе и раздѣленіе дѣятельности происходитъ между индивидами, а не въ индивидахъ; что обусловленныя этимъ соціальныя понятія и установленія вырабатываются и поддерживаются совмѣстной и между-индивидуальной дѣятельностью, что соціальное разнообразно въ своихъ проявленіяхъ, при чемъ собственно индивидуальное есть лишь одна изъ разновидностей ихъ.

[1]) Abschn. III. S. 65 f.
[2]) Abschn. I S. 5 ff.

Въ вопросѣ о характерѣ обусловленности соціальныхъ явленій Adler равнымъ образомъ отклоняется отъ основанныхъ на принципѣ механической причинности воззрѣній Marx'a[1], приписывая основной закономѣрности человѣческой жизни нормативный характеръ, относительно «высшихъ единыхъ цѣлей въ каждомъ направленіи ея дѣятельнаго проявленія. Въ мышленіи, воленіи, чувствованіи наша духовная природа встрѣчается всегда и всюду съ полярностью основоположной оцѣнки истиннаго и ложнаго, праваго и неправаго, пріятнаго и непріятнаго. И эта неизсякающая полярность своимъ протяженіемъ дѣйствуетъ, какъ духовный мотивъ самосохраненія, чтобы сохранить и упрочить нашу духовную цѣлость (Integrität)». При этомъ «формальная общезначимость нормы есть лишь критико-познавательное выраженіе ея соціальнаго характера, ея своеобразія, придающаго уже единичному сознанію родовой характеръ». «Сознанные критеріи нашей духовной природы, стало быть, идеи истины, нравственности, права, искусства суть вмѣстѣ съ тѣмъ не что иное, какъ формы ставшаго соціальнымъ самосохраненія, какъ способъ, какимъ соціальный характеръ человѣческой жизни постоянно возстановляется среди процесса ея индивидуальнаго развитія». Средствомъ къ «этому діалектическому процессу» признается «закономѣрный родъ (Art), въ которомъ состоитъ вся жизнь внутри ея формъ вообще: и онъ есть цѣлесообразная дѣятельность, спеціально же у человѣка—не только цѣлесообразная, но и цѣлесознательная дѣятельность, человѣческій трудъ». «Такъ проявляетъ человѣческая жизнь формальный характеръ, нормативность, которая діалектически опредѣляетъ свое направленіе въ закономѣрности логическаго и цѣнности, этической ли или эстетической, и активный характеръ, цѣлесообразный трудъ, который стремится въ соотвѣтствіи съ той закономѣрностью опредѣлить все содержаніе жизни въ стремящемся къ общезначимости, стало быть, охватывающемъ все большій кругъ окружающихъ людей, процессѣ. Изъ этихъ психическихъ элементовъ получается идея прогресса, которую человѣкъ въ концѣ

[1]) См.: Hugo Rickes. Die philosophische Wurzel des Marxismus. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. 1906. H. 3. S. 430 f.

концовъ стремится сознательно и систематически реализовать въ исторіи, но которая иначе не могла бы стать элементомъ исторической закономѣрности. И болѣе того: здѣсь заключается не только основаніе для идеи, но и для реальности прогресса, для исторической необходимости его; ибо въ трудовомъ процессѣ, цѣлесознательно протекающемъ внутри идеальныхъ формъ единства, происходитъ соприкосновеніе человѣческой дѣятельности съ внѣшней причинностью». Какъ поясняется въ относящемся сюда примѣчаніи, «понятіе развитія, какъ прогресса, не есть поэтому естественное понятіе, и было большимъ заблужденіемъ предполагать возможность чисто естественно-научнаго обоснованія его, хотя бы съ помощью дарвинизма». Adler признаетъ однако имманентный характеръ причинной обусловленности соціальной жизни. «Внутренняя закономѣрность становится повсюду внѣшней причинностью. И та удивительная связь, которая соединяетъ міръ цѣнностей съ міромъ естественной необходимости, заключается въ томъ, что причинность въ области соціальной жизни болѣе не есть слѣпое дѣйствіе, какъ не есть уже и въ органическомъ, но детерминируется ея имманентными формальными отношеніями въ опредѣленныхъ направленіяхъ». Человѣческая причинность, по заключенію цитируемаго автора, есть «протекающая чрезъ посредство оцѣнки мотивація». «Но», продолжаетъ онъ, «для осуществленія этихъ оцѣнокъ необходима внѣшняя причинность, т. е. должна быть возможна внѣшняя причинность, и это есть, повидимому, сама собою разумѣющаяся, но великая и важная мысль матеріалистическаго воззрѣнія на исторію». «Внѣшняя причинность должна быть возможна, т. е. степень достигнутаго господства надъ природою и обществомъ опредѣляетъ степень осуществимости идеи». «Экономическія отношенія, или матеріальныя условія жизни, вообще имѣютъ, стало быть, то основоположное значеніе, которое выражается матеріалистическимъ воззрѣніемъ на исторію; ибо они обозначаютъ предѣлы возможностей развитія соціальной жизни, опредѣляютъ въ измѣняющемся видѣ ихъ общей структуры данное содержаніе ея [соц. жизни] идей, направленіе интереса въ ихъ преслѣдо-

ваніи, массу средствъ къ ихъ разработкѣ и проявленіе общественныхъ задачъ въ ихъ время». «Экономическія отношенія—беря это выраженіе для совокупности матеріальныхъ условій жизни—не суть мистическіе факторы производства духовной, т. е. исторической жизни; они не производятъ ничего, не уничтожаютъ ничего, не измѣняютъ ничего. Они опредѣляютъ только; они суть перемѣнныя детерминирующія въ формальномъ постоянствѣ соціальной жизни». При этомъ «экономическое не есть вещественная сила, противостоящая духовному въ исторіи». «Экономическое есть дѣйствующее въ исторіи духовное, лишь [стоящее] на низшей ступени данной соціальной связи, гдѣ оно еще непосредственно связано съ психическимъ самоупроченіемъ, т. е. съ полученіемъ средствъ къ производству и воспроизводству нашего существованія. Въ матеріальныхъ условіяхъ жизни соціальная жизнь относится, стало быть, лишь къ тѣмъ соціально-психическимъ своимъ формамъ (отношеній между людьми), которыя необходимы для сохраненія уже достигнутаго уровня своего общественнаго образованія. Поэтому обозначеніе экономическаго, какъ низшей ступени духовнаго, и должно понимать лишь относительно». Въ соотвѣтствіи съ приведенными сужденіями, «раздѣленіе историческаго процесса на вещественный-матеріальный и идеальный факторы совершенно некритично». «Матеріалистическое воззрѣніе на исторію понимаетъ историческій процессъ не дуалистически, но монистически, изъ закономѣрности соціальной жизни, которая можетъ быть единственно лишь психической»[1].

Въ общемъ воззрѣнія M. Adler'a, находящагося подъ вліяніемъ Канта, сводятся къ нематеріальному представленію матеріалистическаго воззрѣнія на исторію,—своего рода наибольшему возможному самоотреченію со стороны представителя этого воззрѣнія. Но предъ нами само собою возникаетъ вопросъ, что достигается съ помощью этого самоотреченія. Связанное съ этимъ опредѣленіе экономическаго имѣетъ метафизическій характеръ и не можетъ послужить къ положительному опредѣленію хозяйственной стороны жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалистическое

[1]) Abschn. I.

воззрѣніе и въ такомъ своемъ толкованіи не выдерживаетъ научной критики въ виду упущенія въ немъ идеи взаимозависимости, несовмѣстимой съ хотя бы и относительнымъ различеніемъ матеріально-хозяйственнаго и остального содержанія соціальной жизни, именно какъ реализованнаго уже и еще искомаго. Съ другой же стороны полный отказъ отъ матеріализма не можетъ быть смягченъ ни усиленными ссылками на «столь важное въ марксизмѣ понятіе соціальнаго противорѣчія» и на діалектическую идею, ни натянутыми выдержками изъ Marx'a и Engels'a[1].

Achille Loria въ своей недавней журнальной статьѣ о нападкахъ на историческій матеріализмъ[2] находитъ неудачнымъ и неблагопріятствующимъ распространенію этой доктрины самое наименованіе ея, вмѣсто котораго онъ предпочитаетъ наименованіе ея «историческимъ экономизмомъ». Другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ онъ признаетъ происхожденіе этой доктрины. Въ заключительной части этой статьи Loria дѣлаетъ безнадежную попытку совмѣстить идею взаимозависимости съ идеей преобладанія хозяйства[3]. «Никто», высказываетъ онъ, «не захочетъ оспаривать взаимозависимость всѣхъ явленій, и въ особенности тѣхъ, къ которымъ относится наше изслѣдованіе. Въ дѣйствительности, координированныя съ хозяйствомъ установленія не только воздѣйствуютъ на экономическія отношенія и частью модифицируютъ ихъ характеръ, но обезпечиваютъ также дальнѣйшее существованіе этихъ отношеній, обезвреживая или уничтожая антисоціальныя выступленія, которыя, въ случаѣ ихъ осуществленія, могли бы привести къ уничтоженію существующаго экономическаго строя. Но и признаніе взаимозависимости многихъ явленій никоимъ образомъ не можетъ повредить изслѣдованію причинности. Фактически извѣстное явленіе или состояніе должно однако существовать, прежде чѣмъ оно могло бы оказать воздѣйствіе на другое явленіе; оно должно, стало быть, возникнуть изъ болѣе ранняго явленія».

[1]) См., напр.: S. 4 Anm., S. 59.

[2]) Alte und neue Einwände gegen den historischen Materialismus. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolik. Nov. 1912. B. XXXV H. 3. S. 591—615.

[3]) S. 614 f.

«Наука опять-таки показываетъ намъ, что координированныя хозяйству установленія возникаютъ изъ экономическихъ отношеній, на которыя они затѣмъ обратно воздѣйствуютъ, длительность которыхъ они именно даже обезпечиваютъ, предшествующему существованію которыхъ они однако обязаны своимъ raison d'être. Такимъ образомъ координированныя установленія представляютъ, безъ сомнѣнія, существенный факторъ въ существованіи нынѣшняго экономическаго строя, который безъ него распался бы въ ничто. Эти установленія становятся однако такимъ факторомъ лишь послѣ того, какъ они сами образовались изъ этихъ экономическихъ отношеній, существовавшихъ уже до нихъ»[1].

Переходя къ разбору этихъ положеній, отмѣтимъ, прежде всего, необоснованность ихъ. Далѣе, мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ ошибочнымъ предположеніемъ, что установленія суть нѣчто внѣшнее хозяйственнымъ явленіямъ и исчерпываютъ собою кругъ тѣхъ послѣдующихъ явленій, во взаимозависимость къ которымъ становятся предшествующія и породившія ихъ экономическія отношенія. Затѣмъ, надлежитъ отмѣтить антиисторичность этого историческаго матеріализма или экономизма, не разъясняющаго, когда и какъ возникаютъ эти установленія и какъ могутъ существовать экономическія отношенія безъ нихъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ утвержденіемъ, подобнымъ тому, что матерія могла бы существовать безъ своей формы и имѣть

[1]) Въ своемъ извѣстномъ трудѣ: Les bases économiques de la constitution sociale. 2 ed., trad. de l'italien. Conclusion, P. 123. Loria утверждаетъ, что «всѣ не-экономическія формы, образующія основу (la trame) соціальнаго строя, представляются намъ, какъ необходимый результатъ, какъ надстройка экономическихъ отношеній, которыя одни даютъ ихъ реальное содержаніе и могутъ представить научное объясненіе ихъ сложнаго механизма». Подобнымъ же образомъ въ своихъ лекціяхъ по «Соціологіи» (русское изд. 1903 г., стр. 74 и сл.) Loria признаетъ экономическій факторъ исключительно присущимъ человѣческому роду, хронологически предшествующимъ всѣмъ другимъ соціальнымъ явленіямъ и имѣющимъ явно преобладающее значеніе въ структурѣ человѣческаго общества. См. также его: Corso completo di economia politica. 1910. § 3, 4. Здѣсь дается та поправка къ теоріи Marx'a, что не техническія орудія производства революціонируютъ экономическія основы соціальнаго строя, но что, напротивъ, примѣненіе техническихъ орудій обусловливается экономическими условіями общества. При этомъ Loria даетъ теоріи преобладанія экономической стороны соціальной жизни спеціальное развитіе въ отношеніи къ моменту землевладѣнія въ связи съ фактомъ прироста населенія. Относительно землевладѣнія и землепользованія съ точки зрѣнія теоріи народнохозяйственнаго распредѣленія см.: Н. Кохановскій. Политическая экономія. Общая часть. 1913 г. Стр. 117—136.

по существу тотъ же свой характеръ. Всѣ эти нелогичности, усугубляемыя принятіемъ причиннаго отношенія, направлены къ тому, чтобы опровергнуть логически необходимую идею взаимозависимости разнородныхъ проявленій соціальной жизни въ ихъ послѣдовательномъ и совмѣстномъ развитіи изъ «доили надъ-историческаго» источника—культурныхъ задатковъ въ человѣкѣ.

Изъ вышеизложеннаго, полагаемъ, вытекаетъ невозможность упрочить въ корнѣ ошибочное воззрѣніе историческаго матеріализма путемъ компромисса съ противными ему воззрѣніями и соотвѣтствующаго переистолкованія его. Отсюда можно было бы заключить въ пользу строго-ортодоксальнаго изложенія доктрины матеріалистическаго пониманія исторіи. Этого рода попытку сдѣлалъ Karl Kautsky. Слѣдуя въ этомъ Fr. Engels'y, онъ объединяетъ біологическій и историческій матеріализмъ, представленные ученіями дарвинизма и марксизма. Матеріалистическое пониманіе исторіи онъ начинаетъ происхожденіемъ человѣка изъ низшихъ живыхъ существъ и завершаетъ животнымъ происхожденіемъ морали[1].

Подобнаго рода построенія выходятъ изъ предѣловъ научнаго изученія соціальной жизни людей и всего менѣе удовлетворяютъ требованію, выставленному самимъ Каутскимъ, о фактическомъ обоснованіи матеріалистическаго воззрѣнія[2].

Между тѣмъ какъ въ своемъ спеціальномъ выраженіи соціальный матеріализмъ, несомнѣнно, потерпѣлъ неудачу въ своихъ попыткахъ преобразовать не только соціальную жизнь, но и прежде всего науку, та же идея соціальнаго, въ частности—экономическаго матеріализма представляется въ общемъ широко распространенной, если только отнести сюда матеріальное представленіе объ объектахъ и вообще содержаніи хозяйственной дѣятельности[3]. На ряду съ этимъ въ научной литературѣ представлена и идея преобладанія, основоположнаго значенія или предшествованія экономической стороны въ общей системѣ культурной жизни. Подобное воззрѣніе проводятъ, напр., извѣстный

[1]) Ethik und materialistische Geschichtsauffassung. 1906. См.: Hammacher, O. c., S. 403 f.

[2]) См. его: Bernstein und das sozialdemokratische Programm. S. 11.

[3]) См. выше, § 53 стр. 451 и сл.

этнографъ Friedrich Ratzel[1], американскій экономистъ Edwin Seligman въ своемъ извѣстномъ трудѣ объ экономическомъ истолкованіи исторіи[2], на которыхъ указываетъ и Г. В. Плехановъ[3], а также Franz Staudinger[4].

61. Обиліе заимствованій—здѣсь достаточно указать классическихъ экономистовъ, старыхъ матеріалистовъ, Гегеля, Фейербаха, Дарвина, Моргана—если и не дало эклектическаго характера научному соціализму, такъ какъ онъ комбинировалъ всѣ эти элементы лишь съ точки зрѣнія вспомогательныхъ средствъ, а не цѣлей и основоположныхъ идей[5], то способствовало привнесенію въ него множества погрѣшностей и противорѣчій, но вмѣстѣ съ тѣмъ однако облегчало его распространеніе въ кругу людей, увлекающихся использованными имъ въ качествѣ матеріала теоріями и воззрѣніями, и какъ бы позволило ему присвоить себѣ весь успѣхъ этихъ послѣднихъ за предѣлами строгой науки, въ восполненіе тѣхъ классовыхъ и политическихъ симпатій, которыя онъ долженъ былъ вызвать къ себѣ. Въ качествѣ же центральной и объединяющей всѣ эти разнородные элементы идеи служитъ опошленный и извращенный выводъ изъ той, неправильной въ своей изолированности, частичной истины, что экономика имѣетъ своей конечной цѣлью, опредѣляющей ея содержаніе, сравнительное сопоставленіе потребностей, а также средствъ къ ихъ удовлетворенію[6]. Не-научное и прежде всего не-историческое зафиксированіе результатовъ общаго отбора потребностей и средствъ въ данныхъ условіяхъ, съ отнесеніемъ его всецѣло къ дѣйствію матеріальныхъ силъ, и есть историческій матеріализмъ въ его основѣ.

Съ другой стороны, въ литературѣ, въ кругахъ ея дѣятелей и адептовъ, научный соціализмъ представилъ собой обо-

---

1) Völkerkunde. 2 Aufl. B. I. Abschn. I. Kap. 4 S. 21.

2) The Economic Interpretation of History. 1903. P. 153 seq.

3) Фр. Энгельсъ. Л. Фейербахъ. Перев. съ предисл. и примѣч. Г. В. Плеханова. 1906. Стр. 132 и сл.

4) Wirtschaftliche Grundlagen der Moral. 1907. S. 6. См.: Ed. Biermann. Jahrb. für Nationalök. u. Stat. 1908. B. XXXV. S. 685 f.; Hammacher. O c., S. 404, 406.

5) Ср.: G. Jäger. Sinn und Wert des Marxismus. S. 229 f., 235.

6) См. выше, §§ 1. 6.

собленное цѣлое, существующее на ряду съ экономической наукой и лишь отчасти входящее во взаимоотношеніе и взаимосодѣйствіе съ нею, но также и во взаимокритику. То чувство превосходства надъ экономикой и философіей, которое усвоили и распространяли K. Marx, Fr. Engels, а по отношенію къ первой и F. Lassalle, породило отчужденіе между научнымъ соціализмомъ и наукой вообще. Не только новѣйшіе успѣхи въ экономикѣ, но и въ исторіи, философіи, естествознаніи, техникѣ уже болѣе не вызывали къ себѣ интереса въ научномъ соціализмѣ, теоретическіе вопросы котораго въ значительной мѣрѣ ступевались предъ практическими проблемами соціальной политики. Тѣмъ не менѣе литература, созданная Марксомъ и Энгельсомъ и непосредственно ими вызванная, произвела такой эффектъ и получила такое значеніе, что не могла быть безслѣдно позабыта и сохраняетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти свое значеніе, пользуясь сочувствіемъ въ кругахъ послѣдователей Marx-Engels'a и подвергаясь критикѣ со стороны собственно научныхъ круговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературѣ этихъ послѣднихъ разсѣянъ рядъ замѣчаній, могущихъ имѣть свое значеніе какъ для окончательной оцѣнки соціальнаго матеріализма, такъ и для построенія научной системы экономики, и именно въ духѣ проводимыхъ въ настоящемъ трудѣ воззрѣній.

Въ ряду критиковъ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію заслуживаетъ вниманія историкъ-методологъ, Ernst Bernheim[1]. Разсматривая означенное воззрѣніе совершенно непредубѣжденно, онъ приходитъ къ заключенію, что «экономическій матеріализмъ соціалдемократіи обратился въ историко-философское воззрѣніе, пожалуй, наиболѣе одностороннее во всемъ этомъ направленіи: одна сторона человѣческой дѣятельности, матеріально-экономическая, представлена, какъ самостоятельно дѣйствующая сила и какъ основная причина всего соціальнаго развитія—та же ошибка мышленія, которой вообще страдаетъ матеріализмъ, разсматривающій conditio sine qua non, какъ causa efficiens. Недостатки соціалистическо-естественнонаучнаго

[1]) Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 3 Aufl. 1903. S. 671 ff.

направленія соединяются такимъ образомъ съ недостатками же конструктивной діалектики идеальной философіи собственно Гегеля». «Остроумная находчивость, ослѣпительная софистика, примѣняемыя соціалдемократическими историками въ практическомъ проведеніи теоріи, не могутъ скрыть односторонняго насилованія фактовъ». Bernheim впрочемъ приписываетъ экономическому матеріализму и немаловажную заслугу въ возбужденіи интереса къ историко-экономическимъ изслѣдованіямъ.

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ едва ли однако можно согласиться, такъ какъ въ немъ игнорируется совершенно независимое отъ этого и отчасти болѣе раннее возникновеніе исторической школы въ областяхъ права и экономики[1], съ другой же стороны—преувеличивается историческій элементъ въ матеріалистическомъ воззрѣніи, въ которомъ въ сущности преобладаютъ антиисторическіе элементы. Едва ли правильно говорить о заслугахъ школы, когда дѣло идетъ о констатированіи происходящаго развитія хозяйственныхъ условій и когда при томъ дѣятельность обсуждаемаго научнаго направленія выразилась почти только въ неправильной гносеологической конструкціи.

Wilhelm Wundt[2] относитъ экономическій матеріализмъ къ тѣмъ одностороннимъ, вырабатывающимся въ слишкомъ опредѣленныя во всемъ теоріи, воззрѣніямъ, которыя по мѣрѣ

---

[1]) Во всякомъ случаѣ присвоеніе этой заслуги научному соціализму представляетъ своеобразную точку зрѣнія, расходящуюся съ общепринятыми мнѣніями относительно происхожденія исторической школы въ области права и экономики. Едва ли также можно было бы утверждать, что упроченію и распространенію исторической школы способствовалъ интересъ къ исторіи, якобы вызванный научнымъ соціализмомъ, который по самой сущности, содержанію и направленію его скорѣе можно признать антиисторическимъ. Вообще при склонности основателей научнаго соціализма почерпать отдѣльные элементы своихъ теорій изъ различныхъ наукъ и научныхъ направленій, скорѣе можно было бы допустить то же и относительно историческаго элемента. Относительно происхожденія исторической школы см.: Ingram. History of Political Economy. Chap. VI; v. Scheel. Die Politische Oekonomie als Wissenschaft. Handbuch der Polit. Oekon., hrsg. v. Schönberg. 4 Aufl. B. I. Abh. II. § 26 ff.; Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrhundert. 1908. T. I. Abh. I, von. W. Lexis. S. 37 ff.; O. Spann. Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre. 1911. Abh. IX. 1; П. Новгородцевъ. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. 1896.

[2]) Logik der Geisteswissenschaften. 3. Aufl. S. 363 f.

развитія науки утрачиваютъ свою сущность. «По мѣрѣ того какъ культурно-историческія стремленія находили себѣ распространеніе у историковъ, хотя тѣ вліянія со [стороны указанныхъ воззрѣній] и оказывали дѣйствіе, однако при этомъ одностороннее оттѣненіе матеріальныхъ факторовъ культуры все отступало, и въ концѣ концовъ уже не можетъ быть рѣчи о попыткѣ сведенія всего историческаго развитія къ одному началу».

Th. Achelis въ своемъ очеркѣ соціологіи[1] высказывается критически о матеріалистическомъ міровоззрѣніи германскаго соціализма. По его замѣчанію, «роковая ошибка во всей этой конструкціи заключается въ послѣдовательномъ игнорированіи идеальныхъ факторовъ, въ механизаціи изготовленія предметовъ, имѣющихъ цѣнность, въ отождествленіи рода и цѣнности труда (количества и качества). Духовное и нравственное значеніе труда не находитъ себѣ должнаго признанія въ этомъ изслѣдованіи, признающемъ лишь внѣшнюю связь техническаго производства. Разумѣется, въ общественной теоріи не могутъ быть игнорируемы соціальные факторы въ ихъ наиболѣе обширномъ объемѣ (впрочемъ, сюда относились бы еще разные другіе моменты, какъ, напр., условія почвы, климата, жилищныя и т. д.), но точно также и нравственныя и духовныя отношенія; ибо въ концѣ концовъ всѣ организаціи и союзы сводятся къ одному союзу и къ живому творческому сознанію».

Одинъ изъ наиболѣе раннихъ критиковъ матеріалистическаго воззрѣнія, Paul Barth даетъ очеркъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ критическихъ замѣчаній въ своей «Философіи исторіи»[2], при чемъ основывается въ своихъ собственныхъ отправныхъ воззрѣніяхъ на идеѣ взаимодѣйствія. Въ указаніяхъ на это начало, въ письмѣ Engels'a отъ 27 окт. 1890 г., гдѣ идетъ рѣчь также о P. Barth'ѣ, послѣдній видитъ важную уступку ему и извѣстную модификацію матеріалистическаго воззрѣнія на исторію. Возражая въ цитируемомъ сейчасъ трудѣ противъ послѣдняго,

[1]) Soziologie. 2 Aufl. S. 17: см. также: S. 30 f.

[2]) Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. 1897. Abschn. II. Kap. VII. iv. § 2.

Barth допускаетъ, что идеологіи, даже высшія, какъ моралъ, религія, философія лишь сопутствуютъ экономическимъ установленіямъ. «Само собою разумѣется, что послѣднія, какъ и всѣ установленія, способствуютъ образованію міровозрѣнія живущихъ подъ ихъ дѣйствіемъ людей; но также необходимо, что не только они образуютъ содержаніе идей, какъ принимаютъ Marx и Engels. Ихъ доказательства здѣсь наименѣе состоятельны, какъ, напр., quidproquo Engels'a, который взамѣнъ содержанія средневѣковаго христіанства выдвигаетъ его внѣшнюю организацію, іерархію, которая якобы наравнѣ съ свѣтской представляется феодальною, и полагаетъ, что этимъ доказана зависимость религіозной идеологіи отъ экономическаго положенія». Какъ указываетъ Barth, не только представляетъ трудности поставленіе нѣкоторыхъ областей идеологіи въ тѣсное соотношеніе къ экономической структурѣ, но имѣетъ мѣсто и обратное воздѣйствіе, игнорируемое однако Marx'омъ и Engels'омъ, идеологій на народное хозяйство, «что однако вполнѣ очевидно и не можетъ отсутствовать, такъ какъ активный дѣятель народнаго хозяйства, человѣкъ, въ то же время является носителемъ идей, идеологій, и идеи руководятъ его дѣятельностью». Въ доказательство могущества и практическаго вліянія идей Barth ссылается на сосредоточеніе богатствъ въ средневѣковой церкви, на факты самопожертвованія во имя религіозныхъ идей у приверженцевъ различныхъ вѣрованій и сектъ. Онъ отмѣчаетъ также склонность Marx'a и его учениковъ къ глумленію надъ идеологіями съ цѣлью умалить ихъ въ глазахъ читателей. По мнѣнію цитируемаго критика, представляется погрѣшностью также смѣшеніе фактическаго предположенія и метода, какъ это допускаютъ относительно матеріалистическаго возрѣнія Engels и марксисты.

Не ограничиваясь такими общими соображеніями, Barth подвергаетъ далѣе экономическое воззрѣніе на исторію болѣе спеціальной критикѣ съ психологической и гносеологической точки зрѣнія[1]. Здѣсь устанавливается, что «всякая мысль, даже наиболѣе абстрактная, имѣетъ прямое или косвенное вліяніе на жизнь. Даже абстрактнѣйшая математическая формула,

[1]) O. c., Abschn. II. Kap. VII. v. S. 347—364.

надъ которой размышляетъ математикъ, оказываетъ двоякое дѣйствіе на его жизнь: 1) такъ какъ препятствуетъ ему, въ то время какъ онъ размышляетъ, дѣлать еще что-либо иное и заполняетъ часть его жизненнаго времени; 2) такъ какъ укрѣпляетъ въ немъ привычку къ послѣдовательному мышленію и конструированію, которая не исчезнетъ въ немъ и по отношенію къ проблемамъ жизни». Дальнѣйшее развитіе общественности, какъ и первоначальные зачатки его распространяются какъ на хозяйство, такъ и на духовную жизнь при взаимодѣйствіи между ними. Отмѣчая невыясненность понятія хозяйства у марксистовъ, Barth даетъ свое не-матеріальное толкованіе его, при чемъ однако не вполнѣ используетъ это для цѣлей критики, ограничиваясь лишь частнымъ выводомъ отсюда. «Воля жить», говоритъ онъ, «создаетъ мысль, какъ свое орудіе, чтобы съ помощью ея лучше достигать цѣли. Такимъ же орудіемъ представляется, какъ создаваемая отчасти уже мыслью, и экономія, въ которой сливаются то и другое, воля и мысль. Если поставить вопросъ, что означаютъ столь часто упоминаемое хозяйство или хозяйственныя условія, то окажется, что они означаютъ хозяйственныя стремленія и технологію, стало быть, волю и систему идей». «Воля подчинена идеямъ, и также и экономическая воля». Между тѣмъ Marx и Engels, а въ особенности марксисты, говоря постоянно объ экономическихъ условіяхъ, «забываютъ, что отношенія не суть силы, что они становятся силами, лишь если они воздѣйствуютъ на волю, и что воля не управляется условіями, но идеями объ условіяхъ. Это показываютъ сами марксисты. Они слѣдуютъ конструированному идеалу, который отнюдь не представляетъ простое отраженіе существующихъ отношеній, какъ должно было бы быть по ихъ теоріи». Barth возражаетъ также противъ принимаемыхъ марксизмомъ предположеній полной пассивности духовной дѣятельности и указаннаго нами выше внутренняго отраженія. «Ни одинъ гносеологъ (Theoretiker der Erkenntnis), также ни одинъ сенсуалистъ, допускающій, что душа получаетъ возможно много извнѣ, не согласится съ полной пассивностью души, такъ что она не могла бы образовать ничего новаго

изъ матеріала впечатлѣній. Даже Condillac, наиболѣе послѣдовательный изъ всѣхъ сенсуалистовъ, находитъ однако въ анализѣ извѣстную дѣятельность души; даже и у него она создаетъ въ концѣ концовъ нѣчто новое. Еще менѣе, чѣмъ гносеологъ, сможетъ психологъ признать, что новое представленіе съ его неизмѣненнымъ содержаніемъ дѣйствуетъ въ сознаніи, что оно не подвергается существенному измѣненію чрезъ запасъ сознанія, котораго оно касается, и лишь послѣ своего измѣненія вліяетъ на дѣятельность». Какъ поясняетъ Barth, «W. Wundt[1] показалъ, что психическій синтезъ создаетъ изъ простѣйшихъ элементовъ чрезъ ихъ соединеніе уже новое, представляющее нѣчто иное, нежели простую сумму элементовъ, и что онъ поэтому уничтожаетъ психофизическій параллелизмъ, если его разумѣть въ смыслѣ лишь внѣшняго соотвѣтствія. Аккордъ есть новый звукъ, а не сумма отдѣльныхъ звуковъ, картина есть нѣчто иное, нежели сумма линій и красокъ, или еще лучше, такъ какъ въ картинѣ единство могло бы объясняться изъ представленія оригинала, весь орнаментъ есть нѣчто иное, нежели сумма отдѣльныхъ линій, образующихъ его». Barth ссылается на то, что «самостоятельность идей обнаруживается въ ихъ распространеніи не только во времени, но и въ пространствѣ, при чемъ въ послѣднемъ отношеніи онѣ проявляютъ не меньшую силу и могутъ противодѣйствовать физическому и экономическому движенію». Самое поддержаніе человѣческаго общества стоитъ въ зависимости отъ не-матеріальныхъ условій. «Повидимому, лишь ростъ духовной энергіи дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе общества. Гдѣ онъ имѣетъ мѣсто, возникаютъ все новые самостоятельныя цѣнности, все новыя задачи, все новые идеалы. И идеальное, которое вовсе не существуетъ или еще не существуетъ, соединяетъ людей крѣпче, нежели реальное, уже существующее, изъ-за обладанія которымъ возникаетъ легко раздоръ». «Поэтому народы лишь до тѣхъ поръ обладаютъ міровой исторической силой, пока они имѣютъ общія всѣмъ соплеменникамъ задачи, идеалы. И народы, никогда не имѣвшіе ихъ, никогда не играли роли въ міровой исторіи, т. е.

[1]) См.: W. Wundt. Logik der Geisteswissenschaften. 3 Aufl. 1908. S. 269.

никогда не имѣли значенія для общаго дѣла человѣчества и для его развитія». «И такимъ образомъ, у собственно творческихъ расъ и народовъ, ихъ идеологіи были также могущественными двигателями ихъ дѣятельности[1]. Итакъ», заключаетъ Barth, «экономическое воззрѣніе на исторію представляется совершенно недостаточнымъ. Что такъ называемыя экономическія условія, которыя мы выше, чтобы разумѣть что-либо подъ этимъ безсодержательнымъ общимъ понятіемъ, должны были точнѣе обозначить, какъ экономическія стремленія и состояніе техники, образуютъ теченіе въ океанѣ исторіи, очевидно; но чтобы они представляли весь океанъ, это— ослѣпленіе». «И гдѣ историческій матеріализмъ желаетъ объяснить содержаніе прежней жизни, онъ терпитъ неудачу или приходитъ къ тривіальному положенію, что хозяйство есть предшествующее условіе высшей жизни, или же съ догматической претенціозностью заявляетъ, что хотя люди думали, что они слѣдуютъ какимъ-то идеологическимъ мотивамъ, но на дѣлѣ они побуждались какой-либо хозяйственной причиной, какъ будто марксистъ лучше зналъ бы, что чувствовали прежніе люди, нежели они сами». Изслѣдуя причины, вызвавшія возникновеніе опровергаемаго имъ ученія марксистовъ, Barth указываетъ также, что послѣднее было результатомъ не только стремленія къ единству воззрѣній, но и того грубаго опрощенія ихъ, которое съ оттѣнкомъ осужденія французы обозначаютъ выраженіемъ: simplisme. «Къ счастью», говоритъ въ заключеніе критикъ, «міръ идей не такъ безсиленъ, какъ представляется марксистамъ. Онъ проникаетъ также въ экономію и, какъ мы видѣли, препятствуетъ тому, чтобы она обратилась въ арену собственно страстей». Но если бы эти идейныя силы не смогли предупредить того хаоса и разрушенія, которые предусматривались марксизмомъ, то вопреки послѣднему современныя культурныя націи, подвергшіяся этому, были бы поглощены другими.

A. Eleutheropulos[2] противопоставляетъ два односторонніхъ

[1]) P. Barth здѣсь довольно близко подходитъ къ положеніямъ, которыя высказалъ въ своемъ трактатѣ Fr. List. См. его: Das nationale System der Polit. Oekonomie. S. XLIV. 16 f., 19 f., 22 ff. (Neudruck von H. Vaentig. 1904. S. 29, 63, 65 f., 68 f.).

[2]) Soziologie. 2 Aufl. S. 149 ff.

и потому неправильныхъ воззрѣнія—идеалистическое и матеріалистическое. Онъ признаетъ принадлежащее послѣднему «воззрѣніе на экономическія условія, какъ матеріальную причину, неточнымъ и вводящимъ въ заблужденіе». При этомъ признается ошибочнымъ какъ отрицаніе самостоятельности идеальныхъ факторовъ, такъ и самое выдвиганіе проблемы различенія самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ факторовъ развитія. Если намъ извѣстно хотя бы одно явленіе, вызванное также и нравственными причинами, то «это вполнѣ достаточно доказывало бы, что въ развитіи содѣйствуютъ также духовныя причины, производящія признаваемыя нравственными идеи, или иначе (выражаясь практически), что сознаніе должнаго есть одна изъ причинъ развитія». Критикъ останавливается также на вопросѣ о роли индивида. «Марксизмъ отрицаетъ индивида, какъ причину развитія, при чемъ обозначаетъ его, какъ продуктъ условій. Это однако прямо невѣрно. Но если бы это и было правильно, то не было бы никакого основанія, почему собственно индивидъ (великій человѣкъ), хотя бы онъ и былъ лишь продуктъ матеріальныхъ условій, не можетъ стать причиной дальнѣйшаго развитія. Мнѣніе, что въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ индивидъ, какъ продуктъ существующихъ условій, работаетъ лишь въ смыслѣ возможнаго развитія или, говоря точнѣе, такъ какъ развитіе съ подлежащимъ индивидомъ или безъ него шло бы однимъ путемъ, есть метафизическая конструкція, ни къ чему не примѣнимая». Наконецъ, оспаривается, какъ слишкомъ узкое, мнѣніе марксизма по вопросу о традиціи.

Georg Simmel[2] въ своей утонченной философской критикѣ историческаго матеріализма раскрываетъ внутреннее существо и присущіе ему недостатки въ этомъ ученіи. Въ краткомъ воспроизведеніи содержанія его допущена здѣсь та неточность, что къ обусловливаемымъ хозяйствомъ сторонамъ жизни отне-

[1]) Роль великихъ людей, по нашему мнѣнію, вытекаетъ изъ условій организаціи и дальнѣйшаго телеологическаго развитія соціальной жизни, къ которой принадлежитъ вся вообще дѣятельность людей. Сюда имѣетъ отношеніе то, что изложено нами выше о соціальныхъ понятіяхъ-установленіяхъ, о приложеніи начала цѣлесообразности и о случайности. (См. выше, §§ 9. 10).

[2]) Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 3 Aufl. 1907. S. 162—177.

сена техника, и марксово пониманіе хозяйства вообще предполагается правильнымъ. Между тѣмъ Marx сдѣлалъ предметомъ своихъ изслѣдованій собственно не область хозяйства, какъ такового, а кругъ жизненныхъ условій и стремленій рабочаго класса. Если примѣнить къ послѣднему соотвѣтствующее пессимистическое обозначеніе, его наука была пролетарскою и революціонною и представляла тѣмъ самымъ противоположность буржуазной, точнѣе — общесоціальной экономической наукѣ, при чемъ содержаніе и границы той и другой не соотвѣтствовали между собою. Самъ Simmel исходитъ въ своей критикѣ изъ того основного положенія, что жизнь представляетъ комплексъ непрерывныхъ, но неразрывно переплетенныхъ между собою и находящихся во взаимодѣйствіи рядовъ интересовъ. Поэтому въ научномъ изслѣдованіи «роль развитія изъ себя исторіи принадлежитъ каждому отдѣльному ряду въ ней въ такой же мѣрѣ, какъ и хозяйственному». Для историческаго же матеріализма «хозяйство есть скорѣе длящееся, въ основаніи исторіи самостоятельно развивающееся условіе всѣхъ иныхъ развитій, нижнее теченіе, не перемежающееся съ другими, но несущее ихъ въ каждомъ пунктѣ своего протеканія, вещь въ себѣ по отношенію къ прочимъ явленіямъ исторіи». Отмѣчая также — на нашъ взглядъ довольно сомнительную — заслугу историческаго матеріализма въ раскрытіи новыхъ причинныхъ соотношеній въ области историческаго изслѣдованія, Simmel подвергаетъ историческій матеріализмъ критическому анализу, при чемъ раскрываетъ произвольность и метафизическій характеръ этой доктрины. Въ соотвѣтствіи съ вышеприведеннымъ, по существу правильнымъ, мнѣніемъ своимъ, Simmel утверждаетъ, что «такъ какъ взаимодѣйствія такого рода развиваются въ безконечномъ и для нашего познанія безначальномъ процессѣ, то представляется произвольнымъ имѣть въ томъ пунктѣ, на которомъ мы желаемъ остановиться въ нашемъ выясненіи, конечную причину всѣхъ послѣдующихъ явленій ряда, ибо каждый членъ, чрезъ который идетъ рядъ, есть, естественно, условіе послѣдующихъ». Simmel указываетъ также, что матеріализмъ противорѣчитъ содержанію собственной теоріи, въ которой выступаетъ

психологическая мотивировка исторіи. Къ капитальнымъ ошибкамъ теоріи относится убѣжденіе въ томъ, что она представляетъ якобы «непосредственное воспроизведеніе дѣйствительности», натуралистическое изображеніе ея. Къ основнымъ дефектамъ теоріи принадлежитъ далѣе невыясненность, чѣмъ именно вызываются перемѣны въ хозяйственной жизни. «Такъ какъ якобы иного рода факты не обусловливаютъ форму производства, то каждая стадія хозяйства должна, какъ бы сама изъ себя и неоплодотворенная, содержать силы, которыя растутъ черезъ себя—партеногенесисъ хозяйственныхъ состояній. Чистая имманентность этого развитія обозначается выраженіями, что производственныя формы эпохи пережили себя, что новыя производственныя формы развились, что новыя общественныя формы находятся въ становленіи. Но все это представляетъ пустыя слова, какъ если бы дѣлали силу времени отвѣтственной за перемѣну въ немъ. Это почти то же, какъ если бы каждой хозяйственной эпохѣ сообщалась изначала мѣра жизненной силы, которая бы постепенно сама собою истощалась. Но откуда берутся у хозяйства это исчерпаніе съ одной стороны, растущія напряженія и нарожденія вновь съ другой, если исключить взаимодѣйствіе всѣхъ историческихъ факторовъ—это можетъ быть объясняемо лишь скрытой метафизикой, въ которой живетъ и впредь собственное движеніе идеи». Корень этой метафизики заключается въ одностороннемъ построеніи отдѣльныхъ рядовъ развитія, съ отвлеченіемъ отъ взаимодѣйствія всѣхъ историческихъ факторовъ. «Эту метафизику въ отдѣльномъ случаѣ трудно констатировать, такъ какъ она выступаетъ въ очень неравномѣрной рудиментарной мѣрѣ и какъ наивная привычка историческаго мышленія; но историческій матеріализмъ, такъ сказать, выдѣлилъ ее въ чистомъ видѣ тѣмъ, что одному ряду явленій придалъ самостоятельное развитіе, обусловливающее по отношенію къ другимъ, но не обусловливаемое, и, стало быть, предназначенное къ тому, чтобы его отдѣльныя историческія формы выростали чисто изъ самихъ себя, изъ директивы развитія изначала данной». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ выдѣленіи исторіи изъ совокупности происходящаго и въ построеніи ея изъ пере-

мѣшныхъ элементовъ послѣдняго Simmel усматриваетъ полный отказъ отъ наивнаго реализма, признаніе суверенитета категоріи надъ матеріей. Наконецъ, онъ указываетъ присущую историческому матеріализму погрѣшность по типу quaternio terminorum, вытекающую изъ двоякаго пониманія идеи: какъ метафизическаго понятія и какъ психологическаго факта, изъ которыхъ первое не имѣетъ реальнаго значенія и второе обладаетъ имъ. «Противопоставленіе: метафизическая идея, какъ двигатель исторіи — единично-естественныя причины ея единично-естественнаго протеканія, историческій матеріализмъ подмѣниваетъ на иное: идеальные интересы, какъ движущія силы — матеріальные интересы, какъ движущія силы исторіи».

Ludwig Stein[1], допуская, что экономическія условія производства могли предшествовать идеологическимъ формамъ, возражаетъ однако противъ матеріалистическаго воззрѣнія, что «post hoc еще не значитъ propter hoc до тѣхъ поръ, пока не доказана логическая причинная связь между звеньями: еще менѣе изъ этого слѣдуетъ, что эти экономическія условія производства, объемъ и границы которыхъ еще должны быть опредѣлены, суть единственный и конечный мотивъ и источникъ всѣхъ формъ общественнаго развитія». Далѣе, высказываются упреки въ слишкомъ узкомъ пониманіи категоріи труда, въ игнорированіи не-трудовой оцѣнки и въ механическомъ представленіи человѣческой личности.

Emil Hammacher[2] въ своемъ обширномъ изслѣдованіи философско-экономической системы марксизма основывается на томъ же положеніи, что между матеріальной и духовной областями общественной жизни, происходящими изъ одного общаго психическаго источника, существуетъ взаимодѣйствіе, при чемъ, вопреки матеріалистическому воззрѣнію на исторію, въ отдѣльныя эпохи можетъ имѣть преобладаніе то матеріальная, то духовная культура. Въ отграниченіи экономическаго Hammacher констатируетъ «два ряда развитія: его

[1]) Die soziale Frage im Lichte der Philosophie. 1897. (Перев. съ нѣм. П. Николаева. 1899. Лекція XXX). Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ: Die Anfänge der menschlichen Kultur. 1906. S. 65 f., L. Stein склоняется къ принятію основной идеи матеріалистическаго воззрѣнія.

[2]) Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. 1909.

убывающее значеніе какъ цѣли, возрастающее значеніе какъ средства», тогда какъ марксисты отмѣчаютъ лишь первый изъ этихъ рядовъ[1]. Въ этой болѣе полной формулѣ цитируемаго автора мы не столько можемъ усмотрѣть поправку и восполненіе неправильнаго по существу мнѣнія марксистовъ, какъ совершенно самостоятельное положеніе, смыслъ котораго заключается въ возрастающемъ сближеніи и соотвѣтствіи между отдѣльными сторонами культуры. Изъ обширной критики, содержащейся въ цитируемомъ произведеніи, мы можемъ отмѣтить лишь нѣкоторыя, болѣе существенныя или легче поддающіяся выдѣленію, замѣчанія. «Вмѣсто устанавливаемой Marx'омъ логической связи между естественно- и соціально-научнымъ матеріализмомъ онъ (wir) находитъ отношеніе несовмѣстимости»[2]. Отмѣчается также противорѣчіе между утвержденіемъ познанія a posteriori и указаніемъ задачъ будущаго, Hammacher ставитъ вопросъ, не представляетъ ли такимъ образомъ марксизмъ «идеологію пролетаріата, сознаніе котораго тѣмъ самымъ необходимо должно быть ложно»[3]. Историческій матеріализмъ признается значительно уступающимъ идеалистическому воззрѣнію на исторію, «такъ какъ онъ лишенъ интеллектуальнаго созерцанія, съ помощью котораго Hegel представлялъ исторію, какъ откровеніе абсолютнаго духа. Что у него было такой неопровержимой личной интуиціей, то остается у Marx'a и Engels'a совершеннымъ произволомъ»[4]. Съ психологической точки зрѣнія отмѣчаются затѣмъ, въ качествѣ существенныхъ погрѣшностей, предположенія всеобщности душевной жизни, постоянства ея и исключительности экономическихъ потребностей и интересовъ[5]. Hammacher не безъ остроумія упрекаетъ Marx'a и Engels'a въ томъ, что они не желали видѣть внутренніе «мотивы мотивовъ», лежащіе позади экономическаго, но и самъ впадаетъ въ односторонность, указывая въ качествѣ общаго содержанія душевной жизни борьбу за власть. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не только отвергаетъ эконо-

[1]) S. 495 f.; см. также: S. 187.
[2]) S. 402.
[3]) S. 410.
[4]) S. 428.
[5]) S. 432 f.

мическую мотивировку классовой борьбы, но и общее признаніе послѣдней, при чемъ ссылается на то, что при послѣднемъ предположеніи оказались бы невыяснимыми какъ внутренняя дѣятельность класса, такъ и общее у всѣхъ классовъ эпохи[1]. Далѣе, Hammacher усматриваетъ черты догматическихъ притязаній старой логики и метафизики въ томъ, что «съ помощью простого анализа понятія капиталистическаго общества Marx считаетъ возможнымъ найти форму новаго общества»[2]. Въ діалектической системѣ развитія, по мнѣнію критика, необходимо скрывается телеологическое начало прогресса соціальныхъ условій[3]; самую же діалектику Marx и Engels принимали, какъ фактъ опыта, оставляя ее безъ обоснованія[4].

Victor Cathrein[5] указываетъ на то, что «соціалисты для своихъ матеріалистическихъ утвержденій и предположеній либо вовсе не даютъ никакихъ доказательствъ, либо довольствуются тѣмъ, что повторяютъ утвержденія Фейербаха, Штрауса, Дарвина и др.». «Возможно ли однако», спрашиваетъ Cathrein, «выводить все идеальное, всѣ философскія, правовыя, нравственныя, политическія и религіозныя идеи и воззрѣнія изъ матеріальныхъ производственныхъ условій? Если матеріалистическое воззрѣніе на исторію имѣетъ притязаніе быть наукой, то оно должно быть въ состояніи уяснить намъ эту возможность, показать намъ, какъ выводится все мышленіе, вся идеологія изъ матеріальныхъ хозяйственныхъ условій. По этой теоріи человѣкъ есть продуктъ природы, какъ всѣ прочіе предметы; онъ есть лишь болѣе развитое животное. Какимъ же образомъ онъ приходитъ къ идеологіи, къ философскимъ, правовымъ, нравственнымъ и политическимъ идеямъ и воззрѣніямъ? На этотъ вопросъ мы не получаемъ отъ сторонниковъ матеріалистической теоріи исторіи сколько-нибудь дѣльнаго и вразумительнаго отвѣта».

Benno Erdmann[6], въ цитированной выше статьѣ, относится отрицательно къ основамъ разсматриваемаго воззрѣнія—мате-

[1]) S. 435 ff., 495.
[2]) S. 511 f.
[3]) S. 518.
[4]) S. 112 f.
[5]) O. c., S. 138 f.
[6]) O. c., S. 54 ff. (972 ff.).

ріалистической метафизикѣ и діалектическому методу, но проявляетъ сочувствіе къ ревизіонизму. «Лишь ортодоксія партійныхъ интересовъ», заключаетъ онъ, «препятствуетъ въ соціалдемократическомъ лагерѣ признанію того, что ревизіонисты — это тѣ изъ «товарищей», которые стараются считаться съ успѣхами научнаго и съ теченіемъ хозяйственнаго, столь мало предвидѣннаго Коммун. Манифестомъ, развитія послѣднихъ шести десятилѣтій. Кто, какъ свѣдущій, прочитываетъ произведенія этихъ учениковъ, знаетъ, что наиболѣе значительные изъ нихъ въ теоретическомъ отношеніи лишь отчасти являются еще держащимися теоріи отраженія, вовсе не являются матеріалистами, отнюдь не всецѣло — эмпириками. Философскій горизонтъ перемѣнился и для нихъ». При этомъ не представляетъ важности ни то, что они по-прежнему называютъ себя матеріалистами, ни то, что они считаютъ себя остающимися на прежней почвѣ ихъ традиціи. «И здѣсь есть, какъ всегда было и будетъ при дальнѣйшемъ развитіи какой-либо школы: вкладываютъ новыя мысли въ прежнія и думаютъ, что онѣ содержатся въ прежнихъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Erdmann признаетъ и положительную заслугу матеріалистическаго воззрѣнія, какъ первой попытки выяснить до сего недостаточно оцѣнивавшуюся область хозяйственныхъ отношеній и предъ изумленными очами современниковъ ввести ихъ въ задачи историческаго изслѣдованія. Выше уже былъ данъ разборъ этого послѣдняго мнѣнія.

Изъ той же сравнительной оцѣнки ортодоксіи марксизма и ревизіонистскаго движенія исходитъ въ посвященномъ послѣднему изслѣдованіи Ernst Günther[1]. Къ проблемѣ кризисовъ, какъ она представлена теоріей Marx-Engels'a, Günther замѣчаетъ: «Представленіе, якобы люди должны спокойно смотрѣть, какъ матеріальныя средства производства перерастаютъ ихъ голову, представляетъ, конечно, нелѣпость даже для наиболѣе строгаго сторонника матеріалистической теоріи исторіи. Какъ бы человѣческія идеи и установленія ни обусловливались ихъ матеріальной основой, какъ бы ни подчинялись они вліянію ея, никто не можетъ однако серьезно сомнѣваться въ

[1]) O. c., 1906. S. 229, 250.

томъ, что человѣческія цѣлеполаганія прежде всего воздѣйствуютъ на ходъ производства». Въ послѣдующей исторіи матеріалистическаго воззрѣнія Günther констатируетъ отпаденіе тѣхъ непосредственныхъ вліяній, при наличіи которыхъ оно непосредственно сложилось, именно вліянія гегеліанства. Взамѣнъ того, возрасло значеніе дѣйствительнаго экономическаго развитія и связанныхъ съ этимъ проблемъ. Дальнѣйшее развитіе матеріалистической теоріи исторіи могло итти однимъ изъ двухъ путей. Первый изъ нихъ заключался во внѣшнемъ усвоеніи и воспроизведеніи мыслей Marx'a и безконечномъ повтореніи ихъ, какъ у Каутскаго и ортоксальныхъ марксистовъ. «Ревизіонисты пошли другимъ путемъ, при чемъ они старались внутренно освободиться отъ порядка мышленія, который былъ имъ внутренно чуждъ. Они отказались отъ систематики, которая не идетъ къ нашему трезвому реалистическому времени. Вмѣсто того, чтобы и далѣе теряться въ общихъ абстракціяхъ, они стали на почву дѣйствительности. Это была революція здраваго человѣческаго смысла противъ философскихъ измышленій. Лучшимъ оружіемъ въ этой борьбѣ ревизіонизмъ обязанъ столь безгранично презираемой настоящими марксистами буржуазной національной экономіи».

Heinrich Herkner[1] въ своемъ извѣстномъ трудѣ по рабочему вопросу уклоняется отъ вполнѣ рѣшительной оцѣнки научнаго соціализма Marx-Engels'a. По мнѣнію Herkner'a, научный соціализмъ отличается отъ иныхъ направленій соціализма экономическимъ детерминизмомъ. Но «вопреки этому воззрѣнію, которое, повидимому, предписываетъ политическій квіэтизмъ, никто болѣе, какъ именно Marx и Engels, не поработалъ надъ организаціей политико-демократической партіи съ соціалистической программой». Обращаясь къ оцѣнкѣ матеріалистическаго воззрѣнія, Herkner признаетъ неподлежащимъ сомнѣнію, «что въ немъ заключается весьма цѣнное побужденіе къ болѣе глубокому проникновенію и лучшему уразумѣнію соціальныхъ явленій. Исторіографія, право, политика, національная экономія, всѣ они почерпнули въ тѣхъ остроумныхъ афоризмахъ чрезвычайное споспѣшествованіе. Къ

[1]) O. c., Abs. 91 S. 611 ff.

сожалѣнію, Marx и Engels, какъ и ихъ преемники, упустили предпринять систематическую обработку исторіи съ этой точки зрѣнія». Это замѣчаніе Herkner'a по существу аналогично приведеннымъ уже замѣчаніямъ Bernheim'a и Erdmann'a и вмѣстѣ съ ними должно быть признано неправильнымъ независимо отъ обусловливающихъ эти замѣчанія мотивовъ, будетъ ли то сочувствіе къ исторіи или къ марксизму. Приведя также возраженія Stammler'a и Simmel'я, Herkner замѣчаетъ относительно цитированныхъ нами писемъ Engels'a: «Но если допустить, что въ сложной игрѣ безчисленныхъ, перекрещивающихся и обоюдно дѣйствующихъ силъ экономическія силы представляются лишь наиболѣе вліятельными, то вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и строгая опредѣленность историческаго развитія». Въ заключеніе Herkner указываетъ и на проблему телеологіи на ряду съ каузальной точкой зрѣнія.

Georg Jäger отмѣчаетъ недостатокъ реализма въ марксизмѣ. «Реалистическій радикализмъ матеріалистической діалектики» «противостоялъ безпомощно фактическому разнообразію исторической и индивидуальной жизни. Его единый экономическій законъ развитія не былъ въ состояніи объяснить эти пестрыя формы бытія, изъ которыхъ экономическія силы только и получаютъ опредѣленное развитіе и образъ дѣйствія». Вмѣстѣ съ тѣмъ «отношеніе между дѣйствительностью и субъектомъ и его разумнымъ мышленіемъ» не получаетъ себѣ яснаго и категорическаго рѣшенія со стороны матеріалистическаго постулата[1]. Далѣе, отмѣчаются недостатокъ исторической правды въ марксизмѣ, выразившійся въ отрицаніи національнаго развитія права, и государственно-политическое направленіе, усвоенное марксизмомъ въ Германіи[2]. Jäger указываетъ наконецъ на абсурдность совмѣщенія общаго предположенія матеріализма и допущенія, что «общее ядро сознанія есть результатъ историческихъ и соціальныхъ причинъ», ибо не существуетъ соціальнаго или мірового мозга и нельзя предполагать измѣненія въ структурѣ мозга вмѣстѣ съ историческими и общественными усло-

[1]) O. c., S. 243 f.
[2]) S. 253 f.

віями. То же противорѣчіе вытекаетъ и изъ принятія цѣнности, какъ основоположной идеи и какъ объективно-реальнаго факта[1].

Wilhelm Lexis[2], въ своемъ очеркѣ системъ, направленій и методовъ науки о народномъ хозяйствѣ, отмѣчаетъ фактическую неправильность того исходнаго положенія матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, что «общественный строй съ измѣненіемъ порядка производства съ своей стороны, въ силу неизбѣжно дѣйствующей причинности, равнымъ образомъ соотвѣтственно измѣняется. Но это», возражаетъ Lexis, «отнюдь не подтверждается опытомъ во всѣхъ случаяхъ; и еще менѣе можно говорить съ полной увѣренностью о неизбѣжности фактической побѣды стремленій, направленныхъ на приспособленіе права къ споспѣшествованію производству. Въ дѣйствительности, представители матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, вопреки выдвиганію естественной закономѣрности предвѣщаемаго ими развитія, молчаливо предполагаютъ однако, что движеніе исходитъ отъ человѣческихъ цѣлеполаганій и стремленій воли; но они открыто принимаютъ, что эти стремленія выступаютъ во всей массѣ пролетаріата съ такой равномѣрностью, что въ своей совокупности проявляются, какъ непреодолимая сила съ чисто каузальнымъ дѣйствіемъ. Въ дѣйствительности это, конечно, только гипотеза, и опытъ по сіе время отнюдь не былъ благопріятенъ для марксистскихъ предсказаній». Lexis, такимъ образомъ, дѣлаетъ представляющую значительный интересъ попытку такого толкованія внутренней сущности матеріалистическаго воззрѣнія, по которому сущность послѣдняго сводится къ принятію массового телеологическаго начала взамѣнъ чисто каузальнаго и классовыхъ вожделѣній взамѣнъ матеріализма.

Max Lorenz высказываетъ рядъ критическихъ замѣчаній со стороны логической послѣдовательности и систематики въ марксизмѣ. Въ частности, онъ отмѣчаетъ несовмѣстимость двухъ изъ принимаемыхъ марксизмомъ положеній: пріоритета ма-

[1]) S. 265 f.

[2]) Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrhundert. 1908. T. I. Abh. I. S. 26.

теріи надъ духомъ и тождества бытія и мышленія, т. е. тѣхъ же матеріи и духа[1]. Lorenz указываетъ далѣе на суровые, но якобы неопровержимые упреки, которые Engels высказываетъ противъ Дарвина въ томъ, «что онъ останавливается какъ разъ тамъ, гдѣ прерывается нить происхожденія», а равно и противъ всей естественной науки—въ томъ, что «она останавливается тамъ, гдѣ у нея прерывается нить происхожденія. Она до сихъ поръ не пришла къ тому, чтобы создавать органическое помимо происхожденія, хотя бы даже простую протоплазму или иное бѣлковое тѣло изъ химическихъ элементовъ»[2]. Изъ того неудовольствія, которое проявляетъ въ данномъ случаѣ Engels, Lorenz дѣлаетъ выводъ, что «матеріализмъ есть своего рода вѣра и продуктъ воли». Цитируемый авторъ отмѣчаетъ далѣе субъективный и идеалистическо-революціонный характеръ діалектическаго процесса, представляющаго такимъ образомъ противоположность протеканію явленій дѣйствительности[3]. Устанавливая также различіе по существу между понятіями развитія и прогресса, Lorenz ставитъ въ вину марксизму неразличеніе этихъ понятій и непослѣдовательность въ этомъ отношеніи[4].

Особенно детальной и суровой критикѣ подвергаетъ марксизмъ Th. Masaryk. Среди многихъ противорѣчій въ марксизмѣ онъ отмѣчаетъ относящееся къ гносеологическому обоснованію всей системы, выразившееся въ принятіи чуждой имъ діалектики. «Для оцѣнки философской глубины имѣетъ значеніе, что Marx и Engels усвоили методъ чуждой и противорѣчащей имъ метафизической и теоретико-познавательной системы»[5]. Указывается также противорѣчіе между дарвинизмомъ и эволюціонизмомъ съ одной стороны и діалектикой и историческимъ матеріализмомъ съ другой. «Дѣло идетъ вѣдь не только лишь о фактѣ, что міръ и общество развиваются, но преимущественно о томъ, какъ и какими средствами они развиваются». Кромѣ того, огульное сближеніе дарвинизма и матеріализма

[1]) O. c., S. 22 ff.
[2]) S. 33 f. См.: Engels. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. S. 65.
[3]) O. c., S. 44.
[4]) S. 67 ff.
[5]) O. c., §9 S. 49.

во всемъ ихъ содержаніи, а не въ отдѣльныхъ лишь частяхъ также вызываетъ противъ себя возраженіе[1]. Затѣмъ, историческій, иначе экономическій матеріализмъ Marx-Engels'a остается не только не доказаннымъ, къ чему ими не дѣлалось даже попытокъ, но и невозможнымъ[2]. «Матеріализмъ и крайній объективизмъ Marx'a невозможенъ, непослѣдователенъ въ самомъ себѣ: безъ сознанія нѣтъ исторіи, безъ психологіи—нѣтъ соціологіи,—нѣтъ даже историческаго матеріализма. Все разнообразіе и полнота соціальной и исторической жизни сами по себѣ сводятся къ психической дѣятельности; общество есть общеніе сознающихъ индивидовъ»[3]. Masaryk отмѣчаетъ также крайнюю неопредѣленность и различнѣйшій смыслъ понятія «хозяйственныхъ условій», которому сторонниками историческаго матеріализма придается весьма различное содержаніе и объемъ[4]. Въ особенности Masaryk останавливается на общей проблемѣ научности, требованіямъ которой марксизмъ вообще не удовлетворяетъ. Marx и Engels не дали и не уяснили себѣ классификаціи и системы соціальныхъ наукъ. «Какъ неясно представленіе Engels'a о сущности новой философіи и ея развитіи, такъ не выяснено и не расчленено и его понятіе науки и всей системы наукъ». Самъ по себѣ научный соціализмъ «не есть самостоятельная область знанія. Marx желалъ основать новое міровоззрѣніе; соціализмъ есть для него наименованіе этого новаго міровоззрѣнія, иначе—философіи»[5]. Что особенно существенно для матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, гносеологія и методика исторіи не получили себѣ у Marx'a и Engels'a надлежащей разработки[6]. «Marx и Engels возражаютъ противъ всякаго идеологическаго объясненія и заявляютъ, что они удовольствуются позитивистическимъ констатированіемъ фактовъ». Но «научное выясненіе исторіи не можетъ уклониться отъ вопроса о цѣнности историческихъ фактовъ и развитія въ цѣломъ», и Marx и Engels не остаются вѣрны позитивизму. При этомъ, «хотя Marx и настаиваетъ

[1]) § 10 S. 51.
[2]) § 33 S. 138 f.
[3]) § 38 S. 155. f.
[4]) § 28 S. 120 f., § 26 S. 113, § 28 S. 128, § 35 S. 148 f.
[5]) §§ 16, 18.
[6]) § 30 f.

на позитивизмѣ, онъ со своимъ матеріализмомъ обращается въ идеолога. Идеологія заключается не только въ томъ, чтобы не видѣть матерію тамъ, гдѣ она есть, но и въ томъ, чтобы видѣть ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ». «Наконецъ, Marx своимъ матеріалистическимъ догматизмомъ повредилъ исторіи тѣмъ, что онъ очень часто ставилъ на мѣсто эмпиріи произвольную дедукцію и матеріалистическую конструкцію; его матеріализмъ представилъ насиліе не только надъ логикой, но и надъ чувствованіями; экономическій матеріализмъ есть сплошное насиліе надъ исторіей»[1]. Въ конечномъ итогѣ Masaryk даетъ суровую оцѣнку марксизма: «Матеріализмъ Marx'a представляетъ довольно сложное мыслительное построеніе. Marx дѣлаетъ очевидную попытку синтеза различныхъ, созрѣвавшихъ въ его время воззрѣній. Объективный критикъ едва ли признаетъ этотъ синтезъ удачнымъ. Философія его и Engels'a носитъ характеръ эклектизма. При всей ихъ критикѣ имъ не хватало критической и творческой силы, чтобы слить различные элементы современныхъ направленій въ одно гармоническое цѣлое»[2]. Masaryk упрекаетъ основателей матеріалистическаго воззрѣнія и въ дилетантизмѣ. «Marx, какъ и Engels безпрерывно мѣняли свои взгляды. Различныя опредѣленія Engels'a представляютъ прямо дилетантскую систему. Кто видитъ истину лишь въ совокупномъ историческомъ развитіи, тотъ не остановится предъ тѣмъ, чтобы со дня на день прибавлять все иные и новые взгляды»[3]. То же констатируется и у ихъ учениковъ. Въ связи съ этимъ теорія историческаго матеріализма характеризуется крайней неопредѣленностью и безсодержательностью. «Marx самъ мѣнялъ свои взгляды съ теченіемъ времени; еще болѣе мѣнялъ свои и Marx'a взгляды Engels, и у учениковъ этотъ процессъ развитія еще не закончился. По всему видно, что болѣе критическіе марксисты работаютъ въ томъ направленіи, чтобы точнѣе формулировать и систематически разработать теорію историческаго матеріализма. Замѣтно также, что все болѣе и болѣе отступаютъ отъ матеріализма. Внимательный читатель встрѣтитъ и иныя воззрѣнія у правовѣрныхъ марксистовъ.

[1]) § 31 S. 133 f.
[2]) § 22 S. 89; см. также § 32 S. 137.
[3]) § 32 S. 138.

Если обозрѣвать всѣ эти опредѣленія и объясненія Marx'a и его послѣдователей, то можно заблудиться въ этомъ ученіи историческаго матеріализма. На каждомъ шагу мы находимъ у Маркса и марксистовъ такія опредѣленія и ограниченія первоначальнаго ученія, что въ концѣ концовъ отъ него почти ничего не остается. Различныя попытки къ выясненію находятся между собою въ противорѣчіи, и никто не признаетъ ихъ въ отдѣльности законченными и точными»[1]. Вообще «Marx и Engels. а также и ихъ болѣе поздніе ученики, съ теченіемъ времени такъ утончали экономическій матеріализмъ, что отъ него въ концѣ концовъ не остается ничего болѣе, какъ ученіе, что экономическія условія играютъ въ исторіи гораздо большую роль, нежели признавали историки до Маркса»[2].

H. Pesch, курсъ котораго одобренъ органами римско-католической церкви и который самъ все же проводитъ матеріалистическое представленіе о сущности хозяйства[3], признаетъ опроверженіе матеріализма дѣломъ философіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рядъ возраженій противъ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію[4]. Онъ указываетъ прежде всего, что «выставляемый на показъ эмпиризмъ Marx'a и Engels'a отнюдь не предохранилъ ихъ отъ апріоризма худшаго вида». Какъ онъ утверждаетъ далѣе, «матеріалистическое воззрѣніе на исторію, 1) какъ матеріалистическое, заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе и 2) несогласимо съ ясными фактами исторіи и потому несостоятельно, какъ воззрѣніе на исторію». H. Pesch указываетъ также, что «теорія Marx-Engels'a при рѣзкомъ выдвиганіи историческаго метода и вопреки этому слишкомъ мало наблюдала историческія частности». «Тѣмъ болѣе есть основаній противопоставлять матеріалистическому воззрѣнію именно такія историческія частности, въ которыхъ не-экономическіе моменты не только непосредственно, но и въ послѣдней инстанціи оказывали рѣшающее воздѣйствіе на историческое движеніе, на политическія и экономическія образованія. Того, что экономическіе моменты повсюду или

[1]) § 26 f. S. 115 f.; см. также § 27 S. 120.
[2]) § 33 S. 141.
[3]) См., напр.: O. c., B. I. Abs. 8. S. 9.
[4]) Abs. 113 f. S. 308 ff.

большею частью имѣли мѣсто при этомъ, еще недостаточно для обоснованія экономическаго матеріализма». Въ вопросѣ объ отношеніи между техникой и хозяйствомъ H. Pesch устанавливаетъ наличіе взаимодѣйствія и взаимозависимости между ними, при чемъ «скорѣе техника остается служебнымъ средствомъ хозяйства, поэтому подчинена цѣлямъ, которыя избираетъ себѣ человѣкъ и которыя опредѣляютъ его дѣятельность». Цитируемый критикъ допускаетъ, что «преувеличенная оцѣнка хозяйственнаго въ матеріалистическомъ воззрѣніи на исторію въ извѣстной мѣрѣ могла способствовать тому, что въ настоящее время вліяніе хозяйства на историческія перемѣны встрѣчаетъ къ себѣ, по крайней мѣрѣ, большее вниманіе». Но гораздо болѣе интереса представляетъ другое заключеніе его: «Матеріалистическое воззрѣніе на исторію во всякомъ случаѣ съ очевидностью доказало — и въ этомъ его заслуга, — что историческое воззрѣніе, относящееся равно ко всѣмъ сторонамъ историческаго процесса съ точки зрѣнія матеріализма, остается и должно оставаться небылицей (Unding), даже если оно конструируется столь одаренными людьми, какъ Marx и Engels».

E. Philippovich[1] выступаетъ противъ свойственнаго всѣмъ вообще одностороннимъ воззрѣніямъ предположенія, что одна какая-либо сторона культуры опредѣляетъ собою остальныя. «Основанное на внутренней природѣ различныхъ группъ общественныхъ отношеній и на установленныхъ съ помощью историческаго опыта фактахъ, разсмотрѣніе подтверждаетъ, вопреки этимъ воззрѣніямъ, вышеуказанное взаимодѣйствіе, съ отклоненіемъ односторонихъ конструкцій. Въ виду историческаго и ежедневно накопляющагося опыта невозможно сомнѣваться въ томъ, что каждое изъ упомянутыхъ общественныхъ соотношеній можетъ быть достаточно сильно, чтобы придать общественному сложному цѣлому отпечатокъ своего рода». «Поэтому, если хозяйственные интересы и представляютъ великую общественную силу, то однако не единственную, и болѣе глубокое проникновеніе въ историческое развитіе показываетъ намъ, что она не есть также и сильнѣй-

[1]) Grundriss usw. B. I. 10 Aufl. § 39 S. 125 f.

шая изъ общественныхъ силъ».

G. Schmoller[1] видитъ въ экономическомъ матеріализмѣ обоснованный протестъ противъ крайняго идеализма въ исторіи, но также и крайнее преувеличеніе правильной мысли самимъ Марксомъ и въ особенности его послѣдователями. Въ своей критикѣ Schmoller вкратцѣ резюмируетъ главныя возраженія по существу: «Противъ преувеличеній въ формулировкѣ мысли должно отмѣтить, что, разумѣется, всѣ высшія культурныя области обусловлены матеріальными экономическими условіями и находятся подъ ихъ воздѣйствіемъ, но что, также несомнѣнно, духовно-моральная жизнь представляетъ самостоятельный, существующій самъ по себѣ рядъ развитія и, въ качествѣ такового, господствуетъ надъ экономической дѣятельностью, видоизмѣняетъ и образуетъ ее. Marx не только упускаетъ это, но и оказывается не въ состояніи, вслѣдствіи своего односторонняго національно-экономическаго, вполнѣ примыкающаго къ Рикардо, міра представленій, предпринять психологическій анализъ хозяйствующаго человѣка, постигнуть значеніе нравственныхъ, правовыхъ и политическихъ установленій. Было успѣхомъ въ его воззрѣніи на исторію то, что онъ отказался отъ начертанія утопическихъ плановъ будущаго; но въ то же время онъ вовсе отказался отъ объясненія психологическаго чуда, которое предполагаетъ его историческая и соціальная философія: существующій, представляемый Marx'омъ, какъ недостойный, міръ предполагаетъ господство во всѣхъ людяхъ низкаго эгоизма собственности и стремленія къ пріобрѣтенію; будущій, ожидаемый имъ міръ болѣе не знаетъ этого качества, при чемъ не объясняется, какъ оно такъ внезапно исчезаетъ». Къ основамъ системы марксизма Schmoller относитъ также фикцію равенства всѣхъ людей и непомѣрную переоцѣнку физическаго труда. Въ общемъ въ произведеніяхъ Marx'a, также какъ Rodbertus'a и Lassalle'я онъ видитъ «спекулятивные результаты штудированія Рикардо и болѣе раннихъ соціалистовъ, модифицированные нѣмецкой философіей и идеями политическаго радикализма 30-хъ и 40-хъ годовъ».

[1]) Grundriss usw. T. I. Abs. 41 S. 96 f.

Особый интересъ могли бы представить критика и оцѣнка соціальнаго матеріализма со стороны Stammler'a, собственное ученіе котораго представляетъ въ значительной мѣрѣ обращенную аналогію къ названному воззрѣнію научнаго соціализма. Но Stammler мало озабочивается безпристрастной и всесторонней критикой послѣдняго, обращаясь къ ней преимущественно въ цѣляхъ упроченія и обоснованія собственной теоріи[1]. Какъ замѣчаетъ Stammler, «матеріалистическое воззрѣніе на исторію признаетъ хозяйственныя условія основою всего человѣческаго общества и культуры. Это положеніе не закончено. Не достаетъ съ самаго начала яснаго уразумѣнія понятія соціальнаго хозяйства и экономическихъ феноменовъ», которыя, по мнѣнію Stammler'a, должны служить къ закономѣрному объясненію человѣческой исторіи[2]. Stammler отрицаетъ также всякую аналогію между областью естествознанія и соціальной жизнью. «Поэтому ученіе Дарвина и все, что соотвѣтственно принадлежитъ къ нему, вообще совершенно безразлично для соціальнаго хозяйства»[3]. Едва ли можно согласиться съ тѣмъ до извѣстной степени меркантилистическимъ толкованіемъ разсматриваемой доктрины, которое даетъ Stammler въ своемъ опредѣленіи: «Въ идеѣ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію заключается, какъ высшая точка зрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ конечная цѣль всякаго соціальнаго порядка, споспѣшествованіе общественному производству»[4]. Намъ представляется, что, признавая указанную проблему дѣломъ государства и капиталистическаго класса, марксисты тѣмъ послѣдовательнѣе должны были ограничиваться въ этомъ отношеніи объективнымъ изученіемъ того, что происходитъ въ дѣйствительности и въ основѣ чего они полагаютъ причинныя соотношенія. По существу правильно возражаетъ Stammler также противъ предположенія діалектическаго процесса: «Указаніе на т. н. діалектическій ходъ

[1]) Еще въ большей мѣрѣ этотъ служебный характеръ получила критика у Stammler'a въ его статьѣ: Materialistische Geschichtsauffassung. Handw. der Staatwiss. 3 Aufl. B. VI. S. 623–635.

[2]) § 51 S. 281; см. также: S. 285.

[3]) § 51 S. 287.

[4]) § 77 S. 427; ср.: § 78 S. 438.

развитія человѣческой исторіи не можетъ удовлетворить. Заявлять, что при конкретномъ осуществленіи опредѣленной соціальной жизни само собою создается ея отрицаніе и что она превращается въ извѣстномъ пунктѣ развитія въ свою противоположность, не означаетъ ничего иного, какъ неясное по своему смыслу выраженіе. Понятія отрицанія и превращенія въ противоположность, равно какъ и производимое отсюда понятіе соціальныхъ конфликтовъ, остаются неясными и шаткими; ибо въ изслѣдованіи дѣйствительныхъ движеній въ соціальной жизни людей дѣло не идетъ лишь о логической противоположности». Stammler раскрываетъ также внутреннее логическое противорѣчіе въ предположеніи, что между соціальнымъ хозяйствомъ и правовой системой существуетъ зависимость причиннаго характера, тогда какъ предшествующее, по его мнѣнію, не можетъ находиться въ причинной зависимости отъ послѣдующаго[1].

Johann Conrad[2] въ своемъ извѣстномъ курсѣ ограничивается въ этомъ отношеніи замѣчаніемъ, что «матеріалистическое воззрѣніе на исторію должно считаться окончательно опровергнутымъ въ богатомъ мыслью (geistvoll) трудѣ Stammler'a».

Какъ мы уже отмѣтили ранѣе, къ весьма рѣшительнымъ критикамъ ученія марксизма принадлежитъ ревизіонистъ Eduard Bernstein. Въ цитированномъ уже трудѣ своемъ онъ не только настаиваетъ на пересмотрѣ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію[3], но не останавливается и предъ общей критической оцѣнкой ученій Marx-Engels'a. Пользуясь образнымъ выраженіемъ, къ которому прибѣгли Marx и Engels, Bernstein замѣчаетъ: «Но не такъ просто обстоитъ съ постановкой на ноги діалектики. Каково бы ни было соотношеніе вещей въ дѣйствительности, какъ скоро мы покидаемъ почву установленныхъ опытомъ фактовъ, мы попадаемъ въ міръ отвлеченныхъ понятій, и если мы при этомъ слѣдуемъ законамъ діалектики, какъ ихъ установилъ Hegel, мы оказываемся, прежде чѣмъ успѣемъ замѣтить это, въ тискахъ саморазвитія понятія. Въ этомъ заключается великая опасность гегелевской логики про-

[1]) § 78 S. 433 f.
[2]) Grundriss usw. T. I. Nationalökonomie. 7. Aufl. § 114 S. 420.
[3]) См. выше, § 59 стр. 551, § 60 стр. 553.

тиворѣчій для науки». «Эта опасность становится тѣмъ большей, чѣмъ сложнѣе объектъ, о развитіи котораго идетъ рѣчь. При сколько-нибудь простомъ объектѣ опытъ и логическая способность сужденія предохраняютъ большею частью отъ того, чтобы съ помощью такихъ аналогій, какъ отрицаніе отрицанія, приходить къ такимъ заключеніямъ относительно возможныхъ перемѣнъ въ немъ, которыя лежатъ внѣ области вѣроятнаго. Но чѣмъ объектъ сложнѣе, чѣмъ многочисленнѣе его элементы, чѣмъ разнороднѣе ихъ природа и чѣмъ разнообразнѣе отношенія ихъ силъ, тѣмъ меньше могутъ намъ сказать такія аналогіи о его развитіи, ибо тѣмъ болѣе утрачивается всякое мѣрило оцѣнки, гдѣ мы рѣшаемъ на основаніи ихъ»[1]. Въ связь съ этимъ Bernstein ставитъ грубыя ошибки въ опредѣленіи момента предвидѣвшихся Marx'омъ и Engel'sомъ событій и перемѣнъ. Сюда же имѣетъ отношеніе также то «противорѣчіе, что крайняя, соотвѣтствующая пчелиному усердію генія, тщательность въ изслѣдованіи экономической структуры общества идетъ рука объ руку съ почти невѣроятнымъ игнорированіемъ наиболѣе очевидныхъ фактовъ, что то самое ученіе, которое исходитъ отъ опредѣляющаго вліянія экономіи на власть, доходитъ до настоящей вѣра въ чудеса относительно творческой силы власти, и что теоретическое возвышеніе соціализма до науки обращается такъ часто въ подчиненіе всего научнаго тенденціи». По выраженію Bernstein'a, гегелевская діалектика есть «предательскій элементъ въ доктринѣ Маркса, западня, стоящая на пути всякаго послѣдовательнаго разсмотрѣнія вещей»[2]. Въ главномъ трудѣ Marx'a Bernstein усматриваетъ «дуализмъ, заключающійся въ томъ, что этотъ трудъ стремится и быть научнымъ изслѣдованіемъ и все-таки доказать положенія, выработанныя задолго до написанія его, что въ основѣ его лежитъ схема, въ которой результатъ, къ которому развитіе должно привести, уже съ самаго начала былъ предустановленъ»[3].

---

[1]) O. c., S. 21 ff.
[2]) S. 25 f.; см. также S. 35 f.
[3]) S. 177.

Въ своей нѣсколько болѣе ранней статьѣ[1] Ed. Bernstein трактуетъ непосредственно относящійся къ научной проблемѣ матеріалистическаго воззрѣнія вопросъ: «въ какой мѣрѣ современный соціализмъ реалистиченъ и въ какой мѣрѣ онъ представляетъ идеологію». Прежде всего устанавливается здѣсь условность понятій реальнаго и матеріалистическаго. «То, чѣмъ человѣкъ усиленно занятъ въ своемъ умѣ, получаетъ для него,—будь то хотя бы только мысль, и при томъ завѣдомо для него—все болѣе и болѣе свойство реальности, пока наконецъ не утратится чувство различія между этимъ, лишь въ мышленіи реальнымъ, и между дѣйствительнымъ внѣ него, или даже послѣднее станетъ для него частью понятіемъ, первое же для его чувствованія и мышленія пріобрѣтаетъ всѣ аттрибуты дѣйствительнаго». «Сколь твердыми реалистами или матеріалистами мы ни предполагали бы себя, при болѣе строгой самопровѣркѣ мы однако подловимъ себя всегда на аргументированіи подобно всякому болѣе чистому идеалисту, какъ только мы отъ низкой обыденности обращаемся къ болѣе глубокимъ проблемамъ жизни. При этомъ мы всегда наталкиваемся на пункты, гдѣ мы не имѣемъ болѣе дѣла съ чувственно постигаемыми, доказуемыми фактами, но лишь съ выводами нашего разума, съ идеями, за которыми мы съ большей или меньшей вѣроятностью предполагаемъ нѣкоторую реальность, но не можемъ ее доказать. Всякій матеріализмъ въ концѣ концовъ такимъ образомъ лишь условенъ, и не тотъ стоитъ ближе къ спиритуалистическому образу мышленія, кто это признаетъ, но тотъ, кто это отрицаетъ. Ибо именно этимъ доказываетъ послѣдній, что для него выводы, представленія, мысли суть объективные факты». «Короче, чистый и абсолютный матеріализмъ точно также спиритуалистиченъ, какъ чистый или абсолютный идеализмъ. Оба просто отождествляютъ мышленіе и бытіе, хотя и съ различныхъ сторонъ. Они различаются въ конечномъ итогѣ лишь въ способѣ выраженія». Вмѣстѣ съ тѣмъ Bernstein отдаетъ рѣшительное предпочтеніе наименованію монизма предъ матеріализмомъ.

[1]) Das realistische und das ideologische Moment im Sozialismus. (Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus. 4 Aufl. 1904. T. II. S. 123—147).

Приведенныя разсужденія Bernstein'a, которыя впрочемъ надлежитъ сопоставить съ отрицаніемъ имъ же монистическаго толкованія матеріалистическаго воззрѣнія[1], не представляютъ собою парадоксъ или афоризмъ. Такъ интересовавшая Engels'a дилемма бытія и мышленія вообще допускаетъ лишь то непритязательное и вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримое рѣшеніе, что мышленіе есть одно изъ проявленій бытія, частный случай бытія. Съ болѣе узкой, а потому и скорѣе пріемлемой точки зрѣнія соціальнаго монизма всякое соціально постигаемое проявленіе человѣческой жизни должно признаваться реальнымъ; для отдѣльнаго же человѣка или группы людей, живущихъ болѣе или менѣе обособленной жизнью, проявленія личной или групповой жизни, хотя бы и чисто духовныя, могутъ представляться даже болѣе реальными, нежели внѣшне проявившіеся и тѣмъ самымъ матеріальные факты болѣе обширной общественной среды.

Обращаясь къ соціализму, Bernstein признаетъ безпорнымъ его возникновеніе изъ идеологіи, т. е. именно его обоснованіе на идеяхъ христіанства, справедливости, равенства и т. п. Что касается новаго, научнаго соціализма, то основатели его, Marx и Engels, исходили отъ матеріалистическаго воззрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняли изъ научнаго выясненія исторіи всякое идеалистическое обоснованіе исторіи, всякую вообще идеологію. Приведя соотвѣтствующую цитату изъ принадлежащей перу Marx'a Критики Готской программы, Bernstein замѣчаетъ: «Повидимому, невозможно рѣшительнѣе отвергнуть идеологію. Спрашивается только, осуществилъ ли на дѣлѣ и могъ ли осуществить марксизмъ то, что, повидимому, тутъ постулировалось». Съ другой стороны, Bernstein обращаетъ вниманіе и на то, что, напр., Engels признаетъ необходимость идеальныхъ силъ и побужденій, но лишь на основѣ создающихъ и опредѣляющихъ ихъ матеріальныхъ условій[2]. Bernstein и обращается къ характеристикѣ тѣхъ «идеальныхъ силъ, которыя историческій матеріализмъ признаетъ въ качествѣ обоснованныхъ движущихъ силъ соціалистиче-

[1]) См. выше, § 60 стр. 553.
[2]) См. выше, § 58 стр. 533 и сл.

скаго движенія». Bernstein указываетъ и выясняетъ здѣсь интересъ, познаніе, соціалистическое воззрѣніе на государство, общество, экономію, исторію, пролетарское воззрѣніе въ цѣломъ, понятіе цѣнности, всякую вообще теорію будущаго развитія, при чемъ повсюду находитъ интеллектуальные и моральные и отчасти иные идеологическіе элементы, въ то же время вполнѣ реальные. Какъ утверждаетъ Bernstein, «марксистскій соціализмъ не отличается отъ другихъ соціалистическихъ теорій тѣмъ, что онъ былъ бы совершенно свободенъ отъ всякой идеологіи. Это невозможно ни для одного ученія, обращеннаго къ будущему. Безъ идеологіи прекращается вообще всякая глядящая далеко впередъ преобразовательная дѣятельность. Марксизмъ освободилъ основу соціалистической теоріи отъ выведенія изъ предвзятыхъ идей и вмѣстѣ отъ произвольной конструкціи и поставилъ ее на твердую почву реалистическаго воззрѣнія на исторію, которое въ своихъ главныхъ чертахъ остается неопровергнутымъ». «Было лишь естественно, что [основатели ея] въ своей борьбѣ противъ обычной тогда безмѣрной переоцѣнки моральныхъ воззрѣній были вызваны на слишкомъ низкую оцѣнку ихъ». Собственно относительно матеріалистическаго воззрѣнія, хотя бы даже въ смягченной формулировкѣ его въ письмахъ Engels'a, Bernstein высказываетъ слѣдующее, не лишенное критическаго оттѣнка, замѣчаніе: «Если дебаты объ историческомъ матеріализмѣ что-либо выяснили, то именно фактъ, что (какъ въ своихъ статьяхъ: Чего хочетъ и можетъ достичь матеріалистическое воззрѣніе на исторію? установилъ Kautsky) сложность явленій, которыя должно выяснить, дѣлаютъ прямо невозможнымъ для индивида всестороннее познаніе ихъ. Никто не въ состояніи представить совершенно точную картину внѣшняго міра. Такъ и никакая общественная теорія не можетъ принять въ соображеніе всѣ частности соціальной жизни; при всѣхъ общихъ представленіяхъ необходимо остается безъ разсмотрѣнія остатокъ. Изслѣдуется, какіе факторы опредѣляютъ въ послѣдней инстанціи общественную жизнь, не утаивая отъ себя, что въ извилинахъ этой «послѣдней инстанціи» можетъ заключаться еще много модифи-

кацій. Во всякомъ случаѣ эта «послѣдняя инстанція» принимается слишкомъ легко»[1].

Въ своихъ полемическихъ статьяхъ въ «Neue Zeit» Bernstein въ извѣстной степени отрекается какъ отъ теоретическихъ, такъ и отъ конечныхъ практическихъ идей марксизма. «Откровенно признаюсь», высказываетъ онъ здѣсь, «я имѣю чрезвычайно мало разумѣнія и интереса къ тому, что вообще разумѣется подъ конечной цѣлью соціализма. Эта цѣль, какъ бы ни было, есть для меня ничто, движеніе—все. И подъ движеніемъ я разумѣю, какъ общее движеніе общества, т. е. соціальный прогрессъ, такъ и политическую агитацію и организацію для достиженія этого прогресса»[2]. «Весь историческій матеріализмъ ничего не подѣлаетъ съ фактомъ, что люди дѣлаютъ свою исторію, что люди имѣютъ головы и что построеніе головъ отнюдь не такъ механично, чтобы управляться исключительно лишь хозяйственнымъ положеніемъ. Почему рабочіе совершенно одинаковаго классоваго положенія держатся часто діаметрально различно? На ряду со всевозможными иными идеологіями на ихъ дѣйствія оказываютъ вліяніе историческія воспоминанія и традиціи»[3]. Нѣсколько позже (1899) онъ писалъ въ томъ же журналѣ: «Къ чему однако выводить соціализмъ изъ экономической необходимости? Къ чему деградировать предусмотрительность, правосознаніе, волю людей? Къ чему переносить столь часто неправильно понимаемую теорему о несвободѣ воли индивида на людей культурныхъ странъ, какъ общество? Я считаю все это несостоятельнымъ и излишнимъ. Общество дѣлаетъ уже теперь много не потому, что это абсолютно необходимо, но потому, что это лучше. И въ соціалистическомъ движеніи правосознаніе, стремленіе къ болѣе справедливому состоянію есть, по меньшей мѣрѣ, столь же дѣйствительный и важный факторъ, какъ матеріальная нужда». При этомъ въ правосознаніи онъ видитъ движущій факторъ общественнаго развитія[4].

Если свести всѣ указанныя нами сужденія Ed. Bernstein'a

[1]) O. c., S. 133.
[2]) Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus. T. II. S. 95.
[3]) Idem. T. II S. 106.
[4]) Idem. T. III. S. 10. f.

и, въ частности, сопоставить замѣчаніе его о «послѣдней инстанціи» съ аналогичнымъ замѣчаніемъ Энгельса[1] въ его письмѣ отъ 21 сент. 1890 г., то нельзя не притти къ заключенію, что отъ представителя научнаго соціализма, хотя бы и ревизіониста, было бы невозможно ожидать болѣе рѣшительной критики матеріалистическаго воззрѣнія. Въ общемъ можно признать, что, отвергая по существу теорію соціальнаго матеріализма, Bernstein избѣгаетъ лишь заявить это въ совершенно ясной, категорической и окончательной формѣ, а иногда называетъ себя даже сторонникомъ этого воззрѣнія въ принципѣ[2]. Ортодоксальные же марксисты, какъ A. Bebel въ своей рѣчи на Ганноверскомъ партейтагѣ въ 1899 г. и K. Kautsky въ своей полемикѣ съ Bernstein'омъ, считаютъ его критику «наиболѣе рѣзкимъ осужденіемъ, какое только можно себѣ представить» (Бебель), а самаго критика—отщепенцемъ марксизма.

62. Историческій матеріализмъ, будучи въ извѣстной степени порожденіемъ не чуждыхъ нѣмецкой научной и политической литературѣ схоластическихъ тенденцій, не получилъ подобнаго же крупнаго значенія не только въ научной, но и въ соціалистической литературѣ другихъ странъ и соотвѣтственно этому привлекъ къ себѣ въ гораздо меньшей степени вниманіе со стороны научной критики.

Въ этомъ отношеніи надлежитъ отмѣтить въ особенности критическія замѣчанія, которыя высказываетъ Benedetto Croce въ своей полемикѣ съ Antonio Labriola; такой характеръ лишь сопутствующихъ замѣчаній обезпечиваетъ имъ въ данномъ случаѣ ясность формулировки, а равно свободу отъ преувеличеній или односторонности, вообще присущихъ собственно полемическимъ выступленіямъ. Croce останавливается въ частности на мотивахъ возникновенія разсматриваемой нами здѣсь теоріи. По относящемуся сюда замѣчанію его, «историческій матеріализмъ возникъ изъ потребности отдать отчетъ объ

[1]) См. выше, стр. 540.

[2]) Ср: G. v. Schulze-Gävernitz. Marx oder Kant? 2 Aufl. 1909. S. 26; Hammacher. O. c., S. 165; Herkner. Arbeiterfrage. 5 Aufl. S. 675 ff.

извѣстной соціальной конфигураціи, а не изъ абстрактнаго изслѣдованія факторовъ исторической жизни, и образовался въ головахъ политиковъ и революціонеровъ, а не холодныхъ и разсудительныхъ кабинетныхъ ученыхъ»[1]. Признавая историческій матеріализмъ таковымъ лишь по имени, Croce указываетъ на наличіе въ немъ метафизическихъ элементовъ, воспринятыхъ изъ гегелевской діалектики понятій и обусловленныхъ недостаточностью того обращенія, которое продѣлалъ надъ нею Marx. «Въ дѣйствительности, идея Гегеля—и Marx», говоритъ Croce, «прекрасно зналъ это—не совпадаетъ съ идеями людей; и поворотъ головой вверхъ гегелевской философіи исторіи не можетъ представить утвержденіе, что идеи рождаются какъ рефлексъ матеріальныхъ условій. Логической противоположностью было бы слѣдующее: исторія не есть процессъ идеи или нѣкоторой разумной дѣйствительности, но система силъ; раціоналистической концепціи противоположна динамическая концепція»[2]. Въ противность опредѣленію Engels'омъ политической экономіи, какъ исторической науки, Croce утверждаетъ, «что изслѣдованія Маркса не суть историческія, но гипотетическія и абстрактныя, или же теоретическія. Было бы лучше сказать, что это суть изслѣдованія по экономической соціологіи, если бы только выраженіе: соціологія не принадлежало къ примѣняемымъ различно и произвольно»[3]. Указывается также на разногласія въ формулировкѣ ученія. «Кто пожелалъ бы», говоритъ Croce, «согласовать всѣ формулировки, какія дали ему Марксъ и Энгельсъ, тотъ натолкнулся бы на противорѣчивыя выраженія, которыя бы поставили осторожнаго и методическаго истолкователя въ невозможность установить, что представлялъ для нихъ вообще историческій матеріализмъ»[4]. Далѣе, критикъ относится отрицательно къ идеѣ классовой борьбы, какъ общаго правила: «Исторія есть борьба классовъ, если 1) существуютъ классы, 2) если между ихъ интересами имѣется антогонизмъ и 3) если у нихъ есть сознаніе

[1]) Materialismo storico ed economia marxistica. 2 ed. P. 25.
[2]) P. 17 seq.; см. также: P. 107.
[3]) P. 91.
[4]) P. 100 seq.

этого антагонизма». «Въ дѣйствительности, классы не всегда имѣли антагонистическіе интересы и очень часто не сознавали ихъ», а самое ученіе соціалистовъ предвидитъ исчезновеніе классовъ въ будущемъ и, стало быть, отсутствіе ихъ въ дальнѣйшей исторіи[1]. Croce дѣлаетъ однако нѣкоторую уступку противнымъ мнѣніямъ, допуская ограниченное значеніе руководства и указанія теорій историческаго матеріализма и классовой борьбы, а также допуская діалектическій законъ развитія при установленіи его a posteriori[2].

A.-D. Xenopol[3] въ своей «Теоріи исторіи» характеризуетъ и подвергаетъ критикѣ ученіе историческаго матеріализма, какъ направленное къ тому, чтобы «подчинить общее развитіе человѣческаго духа развитію средствъ существованія, т. е. экономическимъ условіямъ существованія», и не представляющее, также и по мнѣнію цитируемаго автора, собственно-матеріалистической теоріи. Xenopol отвергаетъ основную мысль этого ученія, какъ идущую въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ теченіемъ исторіи. «Безспорно, существуетъ множество историческихъ фактовъ, объяснимыхъ въ послѣдней инстанціи соображеніями экономическаго рода, по крайней мѣрѣ для одного изъ своихъ элементовъ». «Но есть много другихъ фактовъ, въ которыхъ экономика не играетъ никакой роли или только второстепенную роль и гдѣ послѣдняя инстанція объясненія не принадлежитъ ей. Теоретики историческаго матеріализма, хорошо сознавая, что слабая сторона ихъ доктрины есть ея примѣненіе къ фактамъ, избѣгаютъ, на сколько возможно, матеріалистическаго объясненія историческихъ событій. Если же случайно они приходятъ къ этому, они принуждены насильственно подгонять факты подъ свою теорію». Обращаясь къ мотивамъ созданія этой теоріи, Xenopol замѣчаетъ: «Мы признаемся, не понимаемъ необходимости проектированія въ прошломъ соціалистической теоріи исторіи ради оправданія настоящаго. Могло бы быть, что настоящее преобразованіе общества было бы вызвано экономическимъ факторомъ, безъ

[1]) P. 106 seq.
[2]) P. 99 seq., 105, 107.
[3]) Théorie de l'Histoire. P. 427—436.

того чтобы этотъ факторъ опредѣлялъ для этого все теченіе исторіи. Но мы не думаемъ, чтобы надлежало приписывать экономическому фактору и настоящее преобразованіе общества». Какъ высказываетъ критикъ далѣе, «существуетъ глубокое, неизмѣримое различіе между борьбою за существованіе въ царствѣ животныхъ и въ средѣ людей. Принципъ, господствующій въ первой, есть сила. Борьба между людьми происходитъ очень часто во имя морали и права—понятія безусловно несвойственныя животнымъ; и защитники матеріалистической теоріи исторіи не должны бы забывать, что соціалистическія притязанія не во имя силы, но именно права». Впадая и самъ въ односторонность, Xenopol высказываетъ въ заключеніе: «Соціальный вопросъ отнюдь не есть, по нашему мнѣнію, экономическій вопросъ, но именно наиболѣе трудная проблема, какую призвана разрѣшить идея справедливости».

Adolph Landry[1] видитъ въ теоріи марксизма большое преувеличеніе. «Остановимся», говоритъ онъ, «на правѣ. Можно ли полагать, что оно есть исключительно продуктъ экономическихъ факторовъ? Религіозныя концепціи, моральныя идеи, разумѣется, также участвуютъ въ возникновеніи юридическихъ нормъ; логическія потребности духа способствовали также осознанію и усвоенію этихъ нормъ; историческія случайности сыграли здѣсь также очень большую роль. И безъ сомнѣнія, направленіе религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій можетъ быть объяснено, въ извѣстной мѣрѣ, причинами экономическаго порядка; но оно не есть всецѣло результатъ этихъ причинъ». «Экономическіе факторы всегда играли значительную роль въ эволюціи человѣчества, но отнюдь не опредѣляютъ ее сами по себѣ».

Критика соціальнаго матеріализма представлена также въ русской научной литературѣ. Сюда принадлежитъ Н. И. Карѣевъ[2]. Онъ отмѣчаетъ научную отсталость этого воззрѣнія. «Въ своемъ ученіи экономическіе матеріалисты исходятъ изъ мысли, высказанной Марксомъ около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, игнорируя все то, что было сдѣлано за это время въ

[1]) Manuel d'économique. Alin. 10 p. 19 et suiv.
[2]) Введеніе въ изученіе соціологіи. 1897. Глава VI.

другихъ направленіяхъ соціалистической литературы». Затѣмъ, «у экономическаго матеріализма нѣтъ своей классификаціи наукъ, и его представители не подозрѣваютъ ея важности. Они хотятъ построить всю соціологію на одной политической экономіи, но не задаются вопросомъ, какое на это они имѣютъ право». «Экономическій матеріализмъ не имѣетъ и собственной методологіи, если не считать взятаго напрокатъ у гегельянцевъ діалектическаго метода». «Если чѣмъ изъ современной соціальной литературы и старается экономическій матеріализмъ воспользоваться для своихъ теоретическихъ цѣлей, то это относится лишь къ изученію первобытныхъ общественныхъ отношеній, въ которомъ такъ еще много гипотетическаго и, слѣдовательно, наиболѣе поддающагося проведенію предвзятыхъ взглядовъ». Цитируемый нами авторъ отвергаетъ также и обоснованіе экономическаго матеріализма ссылкою на отношеніе къ нему рабочаго класса и вообще попытками приписать этой теоріи «практическое значеніе, котораго по существу своему она вовсе не имѣетъ».

П. Милюковъ, въ введеніи къ своимъ «Очеркамъ по исторіи русской культуры»[1], высказывается противъ односторонніхъ взглядовъ на основу историческаго процесса. По относящемуся сюда замѣчанію его, «еще недавно въ основу историческаго процесса историки полагали развитіе духовнаго начала; въ наше время все болѣе распространяется противоположное мнѣніе, по которому все содержаніе исторіи сводится къ развитію матеріальныхъ потребностей. Оба эти взгляда представляются намъ одинаково односторонними, и споръ о первенствѣ того или другого элемента культурной исторіи кажется намъ тоже не особенно плодотворнымъ. Мы должны, конечно, отличать болѣе простыя явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ перечисленныя стороны исторической эволюціи къ какой-нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными». При этомъ острый характеръ спора о взаимномъ отношеніи разныхъ сторонъ культурной исторіи объясняется тѣмъ, что «отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ, или исключительно духовнымъ явленіямъ

[1]) 4 изд. 1900. Стр. 3 и сл. См. также стр. XX.

культуры, стараясь свести одни изъ этихъ явленій къ другимъ, объ спорящія стороны большею частью руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ».

Н. Н. Алексѣевъ[1] приходитъ къ отрицательному выводу относительно научнаго значенія историческаго матеріализма. По замѣчанію его, «Энгельсу столь же мало, какъ и Марксу, удается отыскать категоріи, при помощи которыхъ можно было бы болѣе или менѣе адэкватно выразить отношеніе между формирующимъ началомъ соціальной жизни и ея матеріей. У историческаго матеріализма не хватало для этого понятій. Философскія его предпосылки были слишкомъ элементарны». «Ни Марксъ, ни Энгельсъ не выполнили этой научной задачи. Многочисленные ихъ ученики и послѣдователи дали намъ чрезвычайно обильное количество попытокъ освободить отъ противорѣчій, исправить и дополнить ученіе историческаго матеріализма. Но такъ какъ они, по большей части, принципіально не хотѣли сойти съ той же философской почвы, на которой стояли Марксъ и Энгельсъ, то задача ихъ заранѣе была обречена на безплодность».

В. М. Хвостовъ[2] дѣлаетъ рядъ вѣсскихъ возраженій противъ историческаго матеріализма. Разсматривая его, какъ попытку упростить разнообразіе факторовъ историческаго процесса и по возможности свести историческій процессъ къ единству, онъ отрицаетъ необходимость связывать историческій матеріализмъ съ метафизическимъ матеріализмомъ, «хотя Марксъ и Энгельсъ въ значительной степени склонялись къ признанію матеріализма въ этомъ общемъ смыслѣ». Вопреки матеріалистическому воззрѣнію, авторъ утверждаетъ, «что чистое идейное развитіе, развитіе мышленія и чувства идетъ независимо отъ способовъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, что ихъ удовлетвореніе составляетъ лишь отрицательное условіе, безъ котораго немыслимо существованіе человѣка, но вовсе не причину, опредѣляющую ходъ и направленіе этого развитія», «что въ исторіи не одни экономическія отношенія представляютъ перемѣнную величину, но и психика человѣка,

[1]) Н. с., стр. 255.

[2]) Теорія историческаго процесса. 2 изд. 1914. § 19. Стр. 244—255.

способы его мышленія и чувствованія, и что самое накопленіе знаній объ окружающемъ мірѣ представляетъ факторъ, имѣющій самостоятельное значеніе». Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается, что всѣ историческія и соціальныя явленія суть явленія психическія, и что, слѣдовательно, «психическій характеръ имѣютъ и тѣ явленія, которыя мы называемъ экономическими или матеріальными потребностями и интересами». Нельзя однако принять даваемую В. М. Хвостовымъ классификацію стремленій и дѣятельности людей на два рода—поддержаніе своего физическаго существованія и познаніе окружающаго міра и самого себя. Человѣческіе интересы представляются гораздо болѣе разнообразными и не поддаются расчлененію на матеріальные и интеллектуальные. Ссылаясь на факты, авторъ показываетъ, что «гетерогонія цѣлей, переводящая просто пріятное въ разрядъ полезнаго, очень часто имѣетъ мѣсто въ исторіи», что возникновеніе новой потребности иногда обусловливается достигнутымъ изобрѣтеніемъ и что иногда потребность остается неудовлетворенной, несмотря на всю остроту ея, за отсутствіемъ необходимыхъ для ея удовлетворенія знаній. Замѣчаніе В. М. Хвостова относительно гетерогоніи цѣлей, несоотвѣтствующей утвержденіямъ историческаго матеріализма, можетъ быть представлено почти какъ общее правило относительно послѣдовательнаго развитія потребностей изъ потребностей роскоши въ потребности комфорта, а затѣмъ и въ потребности насущныя[1]. Обращаясь къ заданіямъ исторической науки, цитируемый авторъ справедливо полагаетъ, что «монизмъ въ исторіи на дѣлѣ былъ бы только ни на чемъ не основаннымъ упрощеніемъ историческаго процесса; между тѣмъ задача историка состоитъ не въ томъ, чтобы упрощать исторію во что бы то ни стало, но въ томъ, чтобы изучать ее во всей ея сложности». Наконецъ, такихъ авторовъ, которые, какъ Жоресъ, стремятся «слить въ единую и нераздѣльную концепцію матеріалистическое и идеалистическое пониманіе исторіи» «едва ли уже можно причислить къ историческимъ монистамъ; въ этихъ воззрѣніяхъ скорѣе слѣдуетъ

[1]) Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. В. I. Введеніе. 1909. Стр. 5; В. II. Общая часть. 1913. Стр. 32 и сл.

усматривать преодолѣніе историческаго матеріализма».

С. Булгаковъ[1] подвергаетъ экономическій матеріализмъ критикѣ съ той философской точки зрѣнія, которая выходитъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія и съ которой не имѣлъ въ сущности ничего общаго самъ марксизмъ, скорѣе уже занимавшійся общей проблемой міра или, по крайней мѣрѣ, человѣчества, скорѣе уже стремившійся къ умаленію или приниженію достигнутыхъ пріобрѣтеній культуры, нежели къ философскому возвышенію экономики. Не со всѣми взглядами и сужденіями цитируемаго автора можемъ мы также согласиться. Въ общемъ итогѣ С. Булгаковъ отрицаетъ научное значеніе разсматриваемаго ученія, но видитъ въ немъ отраженіе тоски, вызываемой въ разумныхъ существахъ зависимостью ихъ отъ мертвой, неосмысленной, чуждой имъ природы. По его мнѣнію, «экономическій матеріализмъ есть метафизика исторіи, которая, не сознавая своего дѣйствительнаго характера, считаетъ себя наукой, но не становится всецѣло ни той, ни другой. Въ этой его двойственности заложено противорѣчіе, его разъѣдающее». Далѣе отмѣчается «натягиваніе доказательствъ per fas et nefas относительно зависимости всей жизни и всей культуры отъ хозяйства въ политикоэкономическомъ смыслѣ, и [что] экономическая наука для философіи исторіи естественно получаетъ здѣсь то же значеніе, какъ логика Гегеля, т. е. онтологіи». «Но, конечно, политической экономіи въ дѣйствительности вовсе не принадлежитъ значеніе исторической онтологіи, она есть лишь спеціальная наука, какъ всякая другая, и эта попытка такого ея превращенія въ онтологію неизбѣжно ведетъ къ ряду натяжекъ, извращеній, насилій надъ фактами». Экономическій матеріализмъ «стремится, согласно мысли Маркса, превратить соціальную науку, включая сюда и исторію, въ естествознаніе, т. е. установить однообразные, неизмѣнные законы соціальной жизни, по которымъ можетъ быть напередъ предустанавливаемо все совершающееся въ исторіи». «Экономическій матеріализмъ остается безпомощенъ предъ антиноміей свободы и необходимости, которую онъ носитъ въ себѣ». «Экономическій матеріа-

[1]) Философія хозяйства. Глава IX. Стр. 294—321.

лизмъ совершенно игнорируетъ личность, приравнивая ее нулевой величинѣ, quantité negligeable». «Вѣра въ авторитетъ—такова гносеологія экономическаго матеріализма, ея логическая основа».

На правильныхъ въ общемъ воззрѣніяхъ основывается въ своемъ отрицаніи экономическаго матеріализма А. С. Шоръ[1]. Исходя изъ того, что между отдѣльными хозяйственными явленіями вообще существуетъ внутренняя причинная связь, онъ заключаетъ къ признанію «возможности воздѣйствія на хозяйство внѣшнихъ соціальныхъ силъ, т. е. силъ, не обусловленныхъ даннымъ состояніемъ хозяйства», а отсюда приходитъ къ тому, что «между различными областями общественной жизни существуетъ постоянное взаимодѣйствіе». Какъ замѣчается при этомъ, «нерѣдко приходится слышать утвержденіе, что исторія подтверждаетъ доктрину экономическаго матеріализма. Между тѣмъ, единственное, что можетъ подтверждать исторія,—это наличность взаимодѣйствія между хозяйствомъ и другими сторонами общественной жизни». Пріурочивая къ каждому роду дѣятельности особую систему координаціи силъ, Шоръ утверждаетъ, что «нѣтъ никакихъ основаній выдвигать на первый планъ хозяйственныя явленія, считая, что всѣ остальныя общественныя явленія имъ подчинены». Правиленъ и представляетъ интересъ и «тотъ выводъ, что главнымъ аргументомъ въ пользу доктрины экономическаго матеріализма является отсутсвіе опредѣленнаго объекта, соотвѣтствующаго понятію хозяйства». Ссылаясь далѣе на то, что «методъ классической политической экономіи, слѣдуя которому объясненія хозяйственныхъ явленій нужно искать въ отношеніи людей къ вещамъ, слѣдуетъ признать ошибочнымъ, вѣрнѣе—одностороннимъ», авторъ заключаетъ отсюда, что «въ такомъ случаѣ, съ нашей стороны было бы верхомъ непослѣдовательности признать ученіе экономическаго матеріализма о зависимости права и государства отъ хозяйственныхъ отношеній, т. е. отношеній изъ-за вещей и при посредствѣ вещей,—вѣдь и эти послѣднія сами не основаны на отношеніяхъ къ вещамъ». А. С. Шоръ признаетъ далѣе, что «эпоха, которую мы пере-

[1]) Основныя проблемы теоріи политической экономіи. Стр. 292 и сл.

живаемъ, отличается отъ предшествующихъ преобладаніемъ хозяйственныхъ интересовъ надъ остальными», но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ «весьма возможнымъ, что въ будущемъ политика пріобрѣтетъ такой же перевѣсъ надъ хозяйствомъ, какъ прежде». Наконецъ, судя по конечнымъ упованіямъ экономическаго матеріализма, цитируемый авторъ признаетъ это наименованіе несоотвѣтствующимъ, ибо подходящимъ названіемъ для него было бы — «экономическій идеализмъ».

Мы должны остановиться здѣсь еще на двухъ экономистахъ, которые, не будучи типическими представителями германской экономической науки, извѣстны въ ней своими выступленіями по обсуждаемому вопросу соціальнаго матеріализма. Это именно П. Б. Струве и М. И. Туганъ-Барановскій, въ своей критикѣ означеннаго ученія занявшіе позицію, близкую къ ревизіонистамъ[1].

П. Струве, въ цитируемой здѣсь статьѣ, разсматриваетъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію не въ полномъ его объемѣ, а лишь въ спеціальномъ примѣненіи къ развитію отъ капитализма къ соціализму[2]. Струве отмѣчаетъ между прочимъ, что, вопреки мнѣнію Маркса, «взглядъ, что весь правопорядокъ не соотвѣтствуетъ всему соціальному хозяйству, не реалистиченъ: правопорядокъ и соціальное хозяйство суть абстрактныя понятія, а вовсе не реальныя сущности или отношенія»[3]. Съ той же точки зрѣнія развитія Струве подвергаетъ критикѣ понятіе діалектики, при чемъ показываетъ, что дѣйствительное развитіе жизни представляется несравненно болѣе сложнымъ, нежели діалектическое воззрѣніе, которое уже поэтому, такъ сказать, методологически совпадаетъ съ революціонной идеей. Струве отмѣчаетъ также, что фактически нерѣдко имѣетъ мѣсто постепенное ослабленіе противорѣчій, и что, съ другой стороны, есть много общественныхъ процессовъ, въ которыхъ не можетъ быть рѣчи объ игрѣ противоположностей[4]. Мысль о постепенномъ возрастаніи

[1]) См.: P. v. Struve. Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. B. XIV. H. 5-6. 1899. S. 659, 700 Anm.; Hammacher. O. c., S. 461, 477.

[2]) O. c., S. 659.

[3]) S. 671.

[4]) S. 673 f.

противорѣчія между экономіей и правомъ цитируемый авторъ находитъ противорѣчащей матеріалистическому воззрѣнію на исторію[1]. Самую идею научнаго соціализма Струве признаетъ утопической въ силу того, что соціализмъ имѣетъ своимъ предметомъ практическіе идеалы, которые не могутъ быть доведены до совпаденія съ теоретическими взглядами. «Соціализмъ, по своей природѣ, какъ соціальный идеалъ, не можетъ ни перейти въ науку ни подчиниться наукѣ»[2]. Струве однако и самъ высказывается за утопію: за утопическій элементъ въ соціализмѣ и за утопическое сочетаніе его съ «основнымъ реалистическимъ воззрѣніемъ самого Маркса, его матеріалистическимъ, вѣрнѣе — экономическимъ воззрѣніемъ на исторію»[3].

М. И. Туганъ-Барановскій[4] держится того несогласимаго съ соціальнымъ матеріализмомъ воззрѣнія, что «производство необходимыхъ средствъ къ жизни есть не только основа политики, религіи и пр., но и наоборотъ, религія, политика и пр., представляютъ собою основу этого производства». Обращаясь въ особенности къ вопросу объ объемѣ понятія хозяйства, онъ устанавливаетъ невозможность такого ограничительнаго пониманія хозяйства, которое бы основывалось на противоположеніи потребностей необходимыхъ и не-необходимыхъ. Должно замѣтить однако, что и то пониманіе хозяйства, котораго держится цитируемый авторъ, представляется слишкомъ узкимъ и совершенно неуловимымъ, при чемъ корень ошибки лежитъ въ эмпиризмѣ. Положеніе, что «живопись истиннаго художника не есть хозяйство, но рисованіе фабричныхъ образцовъ является хозяйствомъ»[5], далеко отъ указанія опредѣленныхъ рамокъ хозяйственнаго. Совершенно правильно однако полагаетъ авторъ: «Безусловно ошибочно раздѣлять общественныя потребности на двѣ группы — хозяйственныя (потребности въ поддержаніи жизни) и нехозяйственныя (всѣ остальныя). Нѣтъ ни одной потребности, удовлетворенію которой не служило бы хозяйство». «Всѣ потребности чело-

[1]) S. 677.
[2]) S. 689 f., 702 f.
[3]) S. 703 f.
[4]) Теоретическія основы марксизма. 1905 Стр. 29.
[5]) Стр. 54.

вѣка даютъ поводъ къ хозяйственной дѣятельности, которая является, благодаря этому, всеобщей основой человѣческой дѣятельности». «Какую область соціальной дѣятельности мы бы ни взяли, повсюду мы увидимъ, что первый шагъ соотвѣтствующей дѣятельности заключается въ приспособленіи матеріальныхъ условій этой дѣятельности къ извѣстнымъ спеціальнымъ задачамъ ея, иными словами—въ хозяйствѣ»[1]. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія мы читаемъ также: «Новѣйшее историческое развитіе одновременно увеличило значеніе хозяйственнаго интереса, какъ сознательнаго мотива общественнаго поведенія среди другихъ сознательныхъ мотивовъ, и въ то же время значительно уменьшило значеніе матеріальныхъ факторовъ хозяйства, какъ опредѣляющаго момента общественнаго строя. Это показываетъ всего лучше, какъ ошибочно смѣшивать оба эти момента—субъективный и объективный, хозяйственный мотивъ и объективныя условія хозяйства»[2]. Если бы авторъ примѣнилъ подобное приведеннымъ разсужденіе также и къ другимъ моментамъ хозяйственной жизни, то и его пониманіе хозяйства получило бы надлежащій съ научно-теоретической точки зрѣнія объемъ и характеръ. Но авторъ предпочелъ теоретическій путь по отношенію къ потребностямъ и эмпирическій—по отношенію къ прочимъ моментамъ хозяйства, и въ результатѣ оказалось рѣзкое расхожденіе во взглядѣ. Такой эмпирическій,—мы бы сказали, не-научный—взглядъ прилагается въ частности къ понятію хозяйственнаго труда. Тѣ видовыя различія, которыя вытекаютъ изъ раздѣленія дѣятельности, принимаемаго въ соображеніе даже Энгельсомъ[3], представляются здѣсь основными категоріями—хозяйственной и не-хозяйственной дѣятельности[4]. Вообще критика марксизма у М. Туганъ-Барановскаго не могла получить общаго и вполнѣ рѣшительнаго характера, такъ какъ онъ самъ придерживается матеріалистической тенденціи въ области экономики и, не рѣшаясь окончательно и цѣли-

[1]) Стр. 56, 58. См. также стр. 63, гдѣ противоставляются «просто хозяйство» и матеріальные факторы хозяйства.
[2]) Стр. 86.
[3]) См. выше, § 59 стр. 542.
[4]) Стр. 62, 60.

комъ «отбросить матеріалистическое пониманіе исторіи, какъ одностороннюю и ошибочную историко-философскую систему», склоняется, напротивъ, къ тому мнѣнію, что «система эта, послѣ нѣкоторой реконструкціи, можетъ стать вполнѣ пригоднымъ орудіемъ научнаго изслѣдованія»[1]. Къ тѣмъ, скорѣе частнымъ возраженіямъ, которыми онъ поэтому ограничивается, принадлежитъ, напр., указаніе на присоединеніе, къ собственно матеріальнымъ факторамъ хозяйства, полового чувства и семейныхъ узъ, слѣдуя теоріи Моргана, тогда какъ по мнѣнію цитируемаго автора «нѣтъ никакихъ основаній признавать развитіе семьи самостоятельнымъ соціальнымъ процессомъ, находящимся внѣ вліянія экономическихъ условій»[2]. Однако, вопреки мнѣнію критика, мы не находимъ, чтобы было ошибочно видѣть въ любви факторъ, равносильный голоду, ибо голодъ не есть ни собирательное понятіе ни общій источникъ человѣческихъ потребностей, но принадлежитъ равнымъ образомъ къ физіологическимъ состояніямъ человѣка и, конечно, также «имѣетъ консервативный характеръ» — въ томъ же смыслѣ, разумѣется, какъ и вся природа. М. Туганъ-Барановскій упрекаетъ также историческій матеріализмъ Маркса и Энгельса въ слишкомъ низменномъ представленіи о человѣческой природѣ и въ игнорированіи высшихъ побудительныхъ мотивовъ человѣческаго поведенія, а равно и въ односторонности матеріалистическаго пониманія исторіи вслѣдствіе ложнаго понятія хозяйства[3]. Авторъ находитъ необходимымъ восполнить марксистское представленіе о будущемъ общественномъ строѣ признаніемъ постепенности соціальнаго развитія на протяженіи тысячелѣтій. Вмѣстѣ съ тѣмъ «экономическая необходимость, являющаяся не чѣмъ инымъ, какъ властью надъ человѣкомъ, черезъ посредство хозяйства, внѣшней матеріальной природы, постепенно уступаетъ мѣсто царству относительной свободы — сознательному творчеству людьми своихъ соціальныхъ условій существованія»[4]. Значительный интересъ представляютъ — несогласимыя съ матеріализмомъ — воззрѣнія автора по вопросу о

[1]) Стр. 52 и сл.; см. также стр. 56.
[2]) Стр. 33 и сл.
[3]) Стр. 52, 56.
[4]) Стр. 72—87.

классовой борьбѣ и классовыхъ интересахъ[1]. По мнѣнію его, «политическая исторія общества отнюдь не есть замаскированная исторія борьбы классовъ за свои экономическіе интересы, такъ какъ люди борются не только за богатство, но и за власть. Политическая исторія сохраняетъ, слѣдовательно, на ряду съ экономической, свое самостоятельное значеніе». Далѣе указываются «любовь къ самой войнѣ, являющейся въ этомъ случаѣ не средствомъ, а цѣлью». Наконецъ, «ученіе о господствѣ классовыхъ интересовъ совершенно безсильно объяснить истинную сущность морали, религіи, искусства и науки, ибо классовый интересъ не составляетъ критерія добра, истины и красоты. Человѣческая исторія есть нѣчто несравненно болѣе высокое, чѣмъ простая борьба общественныхъ группъ за средства къ жизни» и, прибавимъ мы, чѣмъ все содержаніе соціальнаго матеріализма.

---

[1]) Стр. 70 и сл.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

63. Въ предшествующемъ изложеніи мы уже старались выяснить существо и значеніе экономическаго принципа, какъ одного изъ руководящихъ принциповъ цѣлесообразной дѣятельности людей, представляющагося вмѣстѣ съ тѣмъ отличительнымъ критеріемъ хозяйства во всемъ его содержаніи, не исключая тѣхъ наиболѣе отдаленныхъ приложеній этого принципа, которыя выходятъ изъ рамокъ обыденнаго, неизбѣжно условнаго представленія о хозяйствѣ. При такомъ значеніи этого принципа онъ, конечно, не могъ быть вовсе чуждъ дѣятельности людей ни въ какую эпоху и ни въ какой странѣ[1], хотя и могло отсутствовать научное постиженіе его, а практическое проведеніе этого принципа могло быть весьма неполнымъ — какъ вслѣдствіе низкаго уровня культуры въ цѣломъ, такъ иногда и преобладанія какой-либо иной стороны ея — и весьма несовершеннымъ — вслѣдствіе неправильнаго пониманія его. Даже у современныхъ культурныхъ народовъ научное признаніе и практическое проведеніе экономическаго принципа представляются въ общемъ недостаточными и несовершенными.

Что касается формулировки принципа хозяйственности, то обычное представленіе его въ видѣ краткой и по своему содержанію условной формулы не представляетъ всѣхъ достоинствъ научнаго опредѣленія. Въ виду этого имѣютъ свою цѣнность попытки болѣе распространеннаго изложенія этого принципа, какъ это съ необходимой поправкой къ тому мы выше отмѣтили относительно принадлежащаго сюда положенія J. Kautz'a[2],

[1]) Ср.: Ad. Wagner. Grundlegung der Polit. Oekonomie. Th. I § 28 S. 80; Cort van der Linden. O. c., S. 51.

[2]) См. выше, § 45 стр. 377 и сл.

какъ это можно сказать и относительно нѣкоторыхъ формулировокъ этого принципа[1]. Въ болѣе полной характеристикѣ этого принципа, въ соотвѣтствіи съ практическими идеалами, умѣстны обозначеніе его, какъ спеціальнаго выраженія разумной цѣлесообразности, какъ стремленія или общаго постулата, варьирующаго въ постоянствѣ и мѣрѣ его осуществленія, а также болѣе подробное указаніе привходящихъ сюда моментовъ. Таковы—высшая квалификація хозяйствованія вообще, планомѣрность его и въ то же время вниманіе ко всѣмъ частностямъ, привходящимъ условіямъ и факторамъ, выборъ наиболѣе пригодныхъ средствъ и наиболѣе существенныхъ цѣлей, использованіе имѣющихся средствъ, предупрежденіе возможныхъ стихійныхъ, соціальныхъ и иныхъ препятствій и затрудненій, принятіе въ расчетъ остатковъ и отбросовъ, надлежащее соображеніе настоящаго и будущаго, правильное сопоставленіе цѣнности, качества и количества въ смыслѣ соотношенія между ними и по отношенію къ даннымъ и предвидимымъ обстоятельствамъ; къ общимъ задачамъ, разрѣшаемымъ подъ руководствомъ экономическаго принципа, принадлежитъ, наконецъ, опредѣленіе отношеній къ другимъ индивидамъ и къ общественнымъ группамъ—не съ близорукой точки зрѣнія даннаго момента, а съ точки зрѣнія упроченія и развитія своихъ хозяйственныхъ отношеній, при томъ такъ именно, чтобы не возникало рѣзкихъ конфликтовъ между хозяйственной дѣятельностью индивида и его участіемъ въ иныхъ отрасляхъ культурнаго общенія.

Практическое проведеніе экономическаго принципа имѣетъ въ своей основѣ сопоставленіе хозяйственнаго значенія цѣлей и средствъ. Такъ какъ хозяйственное значеніе можетъ быть соизмѣряемо лишь въ хозяйственной цѣнности, то отсюда вытекаетъ, что послѣдняя и служитъ основаніемъ для принципа хозяйственности въ его практическомъ примѣненіи[2]. При

[1]) M. Gioja, K. Knies въ Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. 1855, Ad. Held, Cort van der Linden, Gans-Ludassy, J. Lehr, E. v. Philippovich, G. Schmoller, J. Wolf, M. Block и др. См. также опредѣленіе экономіи у J. Steuart'a.

[2]) См.: Cort van der Linden, O. c., S. 57; Gans-Ludassy. Wirthsch. Energie. S. 400 f.; Schullern zu Schrattenhofen. Grundzüge der Volkswirtschaftslehre. S. 19. Противоположнаго мнѣнія: Henry Storch. Considérations sur la nature du revenu national. 1824. Chap. IV p. 42 et suiv.

этомъ мы имѣемъ въ виду цѣнность, вырабатываемую соціальнымъ общеніемъ или, точнѣе, экономическимъ обмѣномъ[1].

Общее культурное значеніе экономическаго принципа представляется на первый разъ сомнительнымъ. Нерѣдко съ нимъ связываются обостренныя условія соціальной жизни, которымъ и противопоставляются мягкость и человѣчность, особенно проявляющіяся при ослабленномъ проведеніи этого принципа. Въ дѣйствительности, однако, обостренный характеръ придается примѣненію экономическаго принципа тѣми соціальными условіями, что начало общаго интереса почему-либо стушевывается и получаютъ преобладаніе начала индивидуальное, возмездности и соревнованія. При этомъ точные расчеты согласно принципа хозяйственности замѣщаются, какъ его суррогатомъ, грубымъ и близорукимъ эгоизмомъ. Съ другой стороны, неполное проведеніе принципа хозяйственности ослабляетъ дѣловой оттѣнокъ во многихъ проявленіяхъ соціальной жизни. Косвеннымъ послѣдствіемъ этого является однако пониженіе общей продуктивности хозяйственной дѣятельности и конечныхъ результатовъ культуры въ цѣломъ, тогда какъ, напротивъ, болѣе строгое проведеніе хозяйственности, придавая всей вообще соціальной жизни болѣе дѣловой оттѣнокъ, расширяетъ возможность осуществленія культурныхъ задачъ общества, какъ въ области хозяйства, такъ и въ иныхъ. Развитіе хозяйственности находится во взаимозависимости съ развитіемъ раздѣленія и соединенія дѣятельности—этой основы культурнаго прогресса.

Съ изложенной точки зрѣнія, предубѣжденія противъ развивающагося соблюденія хозяйственности представляются неосновательными—тѣмъ болѣе, что это не исключаетъ также подобнаго же развитія въ соблюденіи руководящихъ принциповъ, присущихъ инымъ отраслямъ культуры. Съ этой же точки зрѣнія, выясненіе относящихся сюда мнѣній, какъ и порядка дѣятельности въ практической жизни, сравнительная оцѣнка различныхъ варіантовъ ихъ и намѣченіе пути къ достиженію наиболѣе правильнаго воззрѣнія и образа дѣйствія

[1]) См.: Н. П. Кохановскій. Политическая экономія. В. II. Общая часть. 1913. Стр. 114—158.

въ отношеніи къ экономическому принципу представляются одной изъ важныхъ проблемъ экономики. Къ сожалѣнію, однако приходится констатировать, что въ экономической литературѣ научная и практическая важность этой проблемы и ея центральное значеніе въ экономикѣ представляются далеко не общепризнанными, а пониманіе самаго принципа зачастую не совершеннымъ.

Если не придавать рѣшающаго значенія собственно внѣшней формулировкѣ вопроса, то нельзя будетъ не признать близкое сродство между правильнымъ пониманіемъ сущности хозяйства и такимъ же пониманіемъ характеризующаго его принципа[1]. При наличіи перваго второе является лишь восполненіемъ его. Съ этой точки зрѣнія правильное пониманіе хозяйственности въ не вполнѣ развитой формулировкѣ его обнаружилъ въ своихъ произведеніяхъ уже Аристотель, при томъ какъ въ отношеніи къ не-спекулятивной, такъ и спекулятивной системѣ хозяйственной дѣятельности, изъ которыхъ второй приписывается стремленіе: «откуда бы и какъ съ помощью оборота достичь наибольшей прибыли»[2]. Нѣсколько раньше Ксенофонтъ[3] опредѣлялъ экономію, какъ искусство хорошаго завѣдыванія какъ собственнымъ, такъ и порученнымъ чужимъ хозяйствомъ.

Правильное пониманіе хозяйственности выказали James Steuart[4] и J. B. Say[5]. Въ извѣстной степени къ тому же обращены представленія Ad. Smith'a[6] объ экономическомъ значеніи высшей производительности труда и бережливости. Съ другой же стороны, Ad. Smith[7] придавалъ важное значеніе въ хозяйственной дѣятельности и хозяйственныхъ взаимоотношеніяхъ собственному интересу, который, по мѣрѣ умноженія послѣднихъ, ведетъ къ распространенію честности и пунктуальности.

---

1) M. Block. Les progrés de la science économique etc. T. I. Chap. X p. 273.
2) Politica. A. 1257 b.
3) Oeconomicum. Cap. I.
4) См. выше, § 52 стр. 443 и сл.
5) Cours complet d'économie politique pratique. 3 éd. 1852. T. II. Partie VII. Chap. X p. 236; по отношенію къ потребленію см. его же: Traité d'économie politique. Livre III ch. v.
6) Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Bk. I. chap. I—III, bk. II chap. III. См.: H. Storch. O. c., chap. IV.
7) Lectures on Justice, Revenue and Arms. P. 253 seq.

Наиболѣе раннія изъ ясныхъ формулировокъ экономическаго принципа принадлежатъ физіократамъ. Основатель физіократизма Fr. Quesnay[1] въ своемъ: Dialogue sur les travaux des artisans, устами представителя физіократическихъ воззрѣній (M. N.), въ довольно удачной формѣ выраженія, неоднократно повторяетъ выражаемую этимъ принципомъ идею: «Вы согласитесь, я полагаю, что достигать наибольшаго возможнаго увеличенія пользованій путемъ наибольшаго возможнаго пониженія издержекъ есть совершенство экономическаго поведенія». Перифразируя это, онъ высказываетъ далѣе: «Я бы желалъ не только наибольшаго возможнаго уменьшенія расхода, но еще и наибольшаго возможнаго уменьшенія тягостнаго труда при наибольшемъ возможномъ пользованіи. Мнѣ кажется, что это желаніе есть общее у людей; тѣ, кто можетъ законнымъ путемъ достичь этой выгоды, используютъ ее, на сколько возможно, больше, и пользуются ею даже безъ ущерба для общаго блага». Изложенная максима признается регулируемой высшими и непреложными законами естественнаго порядка, наиболѣе выгодными для соединенныхъ въ общество людей.

Marquis de Mirabeau[2], въ своей анонимно изданной «Теоріи налога», утверждалъ: «Это—физическій принципъ, который долженъ, какъ и всякій другой, распространяться и на умственную сферу, что чѣмъ менѣе можно затратить силъ для дѣла, выполняемаго во-время, тѣмъ лучше дѣйствуютъ».

Болѣе отдаленное изложеніе указаннаго принципа, при томъ въ духѣ классической школы, представилъ Charles Ganilh[3]. Опредѣливъ, что «богатство, въ его наиболѣе простомъ и наиболѣе общемъ смыслѣ, заключается въ излишкѣ проду-

[1]) Collection de principaux économistes. T. II. 1846. P. 192 suiv. Въ текстѣ подлинника значится: «d'obtenir la plus grande augmentation possible de jouissances, par la plus grande diminution possible de dépenses, c'est la perfection de la conduite économique». J. Rambaud. Cours, t. I § 8, даетъ измѣненный текстъ, хотя и въ кавычкахъ: «Obtenir la plus grande jouissance, a-t-il dit, avec le moins d'efforts possible, c'est la perfection de la conduite économique».

[2]) Théorie de l'Impot. MDCCLXI. P. 34 et suiv.: «C'est un princip phisique qui doit s'étendre au moral ainsi que tout autre, que moins on peut employer de forces à une opération, pourvu qu'elle se fasse à propos, mieux on opére».

[3]) Des systèmes d'économie politique etc. T. I. 1809. P. 6 et suiv. (2 éd. 1821.—P. 5 et suiv.).

ктовъ надъ потребленіемъ или дохода надъ расходомъ», авторъ утверждаетъ: «Влеченіе людей къ богатству есть общее, универсальное и, такъ сказать, прирожденное человѣческому роду».

Начало хозяйственности въ связи съ назначеніемъ безконечнаго прогресса труда, богатства и благосостоянія представилъ P. Rossi[1].

P.-I. Proudhon[2], приведя аналогичную цитату изъ P. Rossi, далѣе самъ указываетъ «великій экономическій законъ: производить съ наименьшими возможными издержками наибольшее возможное количество цѣнностей».

Весьма отчетливую формулировку содержанія экономическаго принципа далъ Frédéric Bastiat[3], исходившій при этомъ изъ сближенія отягощенія извѣстными чувствованіями съ одной стороны и усиліями съ другой. «Это убѣждаетъ насъ», по мнѣнію автора, «что мы имѣемъ лишь выборъ изъ золъ». «Изъ природы нашихъ внутреннихъ интересовъ вытекаетъ постоянное стремленіе повышать отношеніе нашихъ удовлетвореній къ нашимъ усиліямъ; и изъ интеллектуальной природы нашего духа вытекаетъ, что мы достигаемъ этого, для каждаго даннаго результата, повышеніемъ отношенія даровой полезности къ полезности оплачиваемой. Всякій разъ, какъ осуществляется прогрессъ этого рода, часть нашихъ усилій поступаетъ, такъ сказать, въ свободное распоряженіе; и мы имѣемъ выборъ либо предоставить себѣ болѣе продолжительный отдыхъ, либо работать для удовлетворенія новыхъ желаній, если бы въ нашемъ сердцѣ образовались таковыя достаточно могущественныя, чтобы побудить насъ къ дѣятельности. Таковъ принципъ всего прогресса въ экономическомъ строѣ». Какъ замѣчаетъ Bastiat далѣе, «никто не желаетъ растрачивать свои силы ради удовольствія ихъ растрачивать».

Въ приведенной формулировкѣ экономическій принципъ представляется своеобразно выраженнымъ, какъ принципъ экономическаго развитія, непосредственно проявляющій свое дѣйствіе въ

[1]) Цитировано у P.-J. Proudhon. Système des contradictions économiques. 3 éd. 1867. T. I, p. 102.

[2]) Système des contradictions économiques. 3 éd. T. I. 1867. P. 127. Упоминается у Schäffle. Das gesellsch. System usw. 3. Aufl. B. I. S. 2.

[3]) Harmonies économiques (1 éd.—1850). 9 éd. 1884. P. 52 et suiv., 229.

хозяйственной жизни отдѣльныхъ лицъ вообще. Эта формулировка, нѣсколько неожиданная у экономиста его направленія, достаточно рельефно оттѣняетъ характеръ этого принципа, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ его въ любопытномъ историческомъ освѣщеніи.

Итальянскій экономистъ Melchiore Gioja[1] посвятилъ особую главу «общему принципу экономіи». Здѣсь указываются «три цѣли экономіи: 1) свести усилія къ минимуму; 2) довести полезность до максимума; 3) производить съ добавочными усиліями то, что было бы невозможно для человѣка, не располагающаго ими». Въ болѣе подробномъ изложеніи далѣе, къ первой цѣли отнесено ограниченіе интенсивности усилія, продолжительности его, орудій и матеріала, мѣста и помѣщенія, ко второй—максимальное количество (путемъ утилизированія добавочныхъ продуктовъ и отбросовъ, концентрированія дѣйствія матеріи и повышенія размѣра предпріятія), высшее совершенство и наибольшую длительность продуктовъ, къ третьей —«приращеніе знанія, воли, силы человѣка, чтобы свести къ нулю сопротивленіе внѣшнихъ предметовъ, такъ чтобы имѣлъ мѣсто желаемый эффектъ, который былъ бы невозможенъ при иной комбинаціи обстоятельствъ». Какъ говоритъ авторъ, «вышеизложенные принципы представляются настолько очевидными, что иной читатель едва повѣритъ, что они ставятся подъ сомнѣніе ученѣйшими писателями». По заключительному замѣчанію автора, «основной принципъ экономіи простирается на каждый видъ человѣческой дѣятельности и служитъ къ опредѣленію выгоды».

Экономическій принципъ представляется близкимъ по духу экономическому ученію D. Ricardo, при томъ какъ въ смыслѣ телеологическаго правила дѣятельности, такъ и въ смыслѣ эгоистическаго мотива человѣческой воли. Въ частности, въ приложеніи къ своему изслѣдованію о высокой цѣнѣ слитковъ онъ высказываетъ слѣдующее относящееся сюда общее соображеніе: «Собственный интересъ регулируетъ всѣ торгово-промышленныя (trade) спекуляціи, и тамъ, гдѣ это можетъ

[1]) Nuovo prospetto delle scienze economiche etc. Serie prima. Tomo primo. 1815. Sezione seconda. P. 49—59.

быть ясно и удовлетворительно удостовѣрено, мы бы не знали, на чемъ остановиться, если бы мы допустили какое-либо иное правило дѣятельности»[1]. Въ своемъ письмѣ къ Malthus'y, по поводу цитированнаго изслѣдованія, Ricardo замѣчаетъ: «Не было бы отвѣтомъ мнѣ сказать, что людямъ неизвѣстенъ наилучшій и наиболѣе дешевый порядокъ веденія своего дѣла и платежа своихъ долговъ, ибо это—вопросъ факта, а не науки, и можетъ быть приводимо противъ почти каждаго предположенія политической экономіи»[2].

Замѣчательное по полнотѣ, систематичности и послѣдовательности проведенія пониманіе этого принципа проявилъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи Ch. Babbage[3].

Въ англійской классической литературѣ J. St. Mill, J. Cairnes, W. Bagehot придали экономическому принципу характеръ заложеннаго въ человѣческой природѣ стремленія къ богатству, между тѣмъ какъ Nassau Senior, J. N. Keynes и Henry Sidgwick приняли переходное пониманіе принципа-импульса[4].

Въ германской литературѣ L. H. Jakob[5], исходившій изъ того соотношенія между науками, что «національная экономія содержитъ ограничительные принципы для обѣихъ наукъ», полицейской и финансовой, что она представляетъ основаніе ихъ, а не простой придатокъ къ нимъ, что «національная экономія есть наука ограничивающая и направляющая государственную экономію» и отчасти поэтому вводится въ содержаніе послѣдней, формулировалъ слѣдующее «основное правило всякаго публичнаго хозяйства: «Не потреблять ничего, что не требуется необходимо для публичныхъ цѣлей, никакія иныя цѣли и средства не обращать въ публичныя, кромѣ тѣхъ, которыя сдѣлали такими природа и существо гражданскаго общества и понятіе общественнаго блага, и,

---

1) Works of D. Ricardo. Ed. by J. R. Mc.Culloch. 1871. p. 292.

2) Letters of D. Ricardo to Th. R. Malthus. Ed. by J. Bonar. 1887. p. 18. Ср.: Левитскій. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Стр. 116 примѣч.

3) Traité sur l'économie des machines et des manufactures. Trad. sur la 3 éd. par. Ed. Biot. 1833.

4) См. выше, § 19, въ особ. стр. 99, 105 и сл.

5) Grundsädze der National-Oekonomie. 1805. Vorrede. S. VII; § 11 S. 5, § 13 f. S. 6 f., § 925 S. 502.

наконецъ, всѣ публичныя средства и цѣли поддерживать путемъ возможно меньшаго потребленія».

Къ болѣе раннимъ формулировкамъ экономическаго принципа принадлежатъ таковыя у Fr. Hermann'a и K. Rau. Въ первомъ изданіи своего курса Hermann[1] даетъ слѣдующее опредѣленіе: «Каждое отдѣльное хозяйство имѣетъ въ виду полученіе возможно большаго числа благъ въ исключительное пользованіе. Его основной мотивъ (Grundtrieb) есть поэтому собственный интересъ (Eigennutz), положительная сторона котораго — мотивъ пріобрѣтенія, отрицательная — бережливость. Тотъ стремится въ обращеніи къ возможно большей оплатѣ собственнаго дѣйствія, эта — къ удовлетворенію потребностей съ наименьшимъ пожертвованіемъ благъ».

K. Rau видѣлъ въ экономическомъ принципѣ проявленіе естественнаго стремленія людей[2].

Гедонистическое изложеніе экономическаго принципа далъ впервые H. H. Gossen[3], въ слѣдующихъ теоремахъ: «Возможность повысить сумму жизненнаго удовлетворенія при данныхъ условіяхъ существуетъ для человѣка всякій разъ, какъ удается открыть новое удовлетвореніе, какъ бы мало оно ни было, или повысить уже извѣстное чрезъ развитіе его самого или чрезъ воздѣйствіе на внѣшній міръ». «Если силы человѣка не достаточны для доставленія себѣ всѣхъ возможныхъ средствъ удовлетворенія въ полной мѣрѣ, то онъ долженъ доставлять себѣ каждое [изъ нихъ] въ такой мѣрѣ, чтобы послѣдніе атомы каждаго имѣли для него равную цѣнность». Обычное представленіе о недостаточности имѣющихся средствъ къ удовлетворенію потребностей Gossen не принималъ однако за абсолютную истину.

Въ болѣе новой теоретической экономикѣ вопросъ объ

[1]) Staatswirthschaftliche Untersuchungen. (1 Ausg.). 1832. § 11 S. 12. См. также: § 12 S. 14 (см. выше, § 24 стр. 120).

[2]) Grudsätze der Volkswirtschaftslehre. 5 Ausg. 1847. § 7 S. 6 f.; 8 Aufl. 1868. Abth. I § 7 S. 7 f. Въ болѣе раннемъ изъ указанныхъ изданій этого труда Rau говоритъ о побужденіи (Antrieb), въ позднѣйшемъ—о цѣли (Zweck). Первое выраженіе стоитъ ближе къ классической формулировкѣ, второе не представляется значительно болѣе удачнымъ, такъ какъ имѣющіяся примѣчанія не указываютъ на перемѣну воззрѣнія по существу.

[3]) Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. (1 Ausg.—1853). Neue Ausg. 1889. S. 21, 33, 55. См. выше, § 28 стр. 178 и сл.

экономическомъ принципѣ возникъ какъ бы совершенно вновь и получилъ сколько-нибудь значительное вниманіе у нѣмецкихъ экономистовъ, также у итальянскихъ, русскихъ и у весьма немногихъ французскихъ и англійскихъ экономистовъ. При этомъ формулированіе принципа хозяйственности у отдѣльныхъ авторовъ дифференцировалось, и разногласія опредѣлились относительно характера этого принципа и предѣловъ его дѣйствія.

Если оставить въ сторонѣ отклоненія въ воззрѣніяхъ у нѣкоторыхъ авторовъ, то въ первомъ отношеніи можно свести различныя воззрѣнія къ слѣдующимъ группамъ: 1) отождествленіе съ эгоистическимъ импульсомъ, 2) гедонистическое пониманіе, 3) объективное и 4) телеологическое пониманіе. Въ соотвѣтствіи со всѣми принятыми нами выше заключеніями[1] должно отдать рѣшительное предпочтеніе, надъ всѣми прочими, сознательно- и соціально-телеологическому представленію экономическаго принципа, такъ какъ ни эгоистическое, ни гедонистическое, ни чисто объективное пониманіе не адэкватны общему содержанію какъ соціальной жизни вообще, такъ и хозяйственной въ особенности.

Во второмъ отношеніи существуетъ коренное различіе между распространеніемъ экономики на всю область дѣйствія экономическаго принципа и ограничительнымъ пониманіемъ первой по сравненію съ выходящимъ изъ предѣловъ ея дѣйствіемъ экономическаго принципа. Указанное сейчасъ различіе по обширности приложенія понятій экономики и экономическаго принципа представляется особенно важнымъ, такъ какъ изъ него вытекаетъ либо признаніе экономическаго принципа спеціально-экономическимъ, либо, напротивъ, представленіе его какъ всеобщаго принципа, не характеризующаго собою именно хозяйственную дѣятельность, какъ таковую. Тѣ экономисты, которые, какъ Fr. J. Neumann, H. Dietzel, E. v. Philippovich, L. v. Wiese, J. Rambaud, I. M. Кулишеръ, П. Струве, М. Туганъ-Барановскій и какъ Rudolf Stammler, даютъ ему обширное, выходящее изъ болѣе узкихъ рамокъ хозяйственной дѣятельности, толкованіе, вмѣстѣ съ этимъ разъеди-

[1]) См. выше, §§ 3, 6, 7, 8, 10, 13—16, 18, 19, 23—29.

няютъ по существу понятія хозяйствованія и экономическаго принципа и вынуждаются къ произвольному и неправильному толкованію обоихъ этихъ понятій, въ противность болѣе приблизившемуся къ истинѣ воззрѣнію M. Gioja.

64. Въ германской экономической наукѣ второй половины XIX в. разработка вопроса объ экономическомъ принципѣ принадлежитъ ряду экономистовъ. Такъ, Friedrich Hermann[1], во второмъ (посмертномъ) изданіи своего курса, указываетъ основное правило (Grundregel) экономіи, дѣйствующее при изготовленіи благъ, при непосредственномъ обмѣнѣ между индивидами и при примѣненіи полезностей: «при наименьшемъ пожертвованіи труда и имущества получать возможно много мѣновыхъ благъ». Существо хозяйства онъ видитъ въ подчиненіи человѣческой дѣятельности «хозяйственному принципу», какъ послѣдній и обозначается имъ. Самое указанное правило выводится изъ мотива самосохраненія.

Bruno Hildebrand[2] признавалъ, что «интеллектъ повышаетъ способность и силу человѣка достигать посредствомъ наименьшей затраты силъ наибольшихъ народнохозяйственныхъ результатовъ».

Въ этомъ краткомъ замѣчаніи вызываетъ противъ себя возраженія отнесеніе дѣйствія экономическаго принципа непосредственно къ народнохозяйственнымъ результатамъ.

Karl Knies[3] лишь вскользь отмѣчаетъ принципъ хозяйственности въ связи съ противопоставленіемъ индивидуальной и соціальной хозяйственности. Приписывая послѣдней рѣшительный перевѣсъ, онъ допускалъ лишь объективную индивидуальную хозяйственность, когда, напр., дѣло идетъ о возможно меньшей затратѣ топлива для достиженія опредѣленнаго теплового эффекта, но не тогда, когда дѣло шло бы о

[1]) Staatswirthschaftliche Untersuchungen. 1870. S. 59, 67; см. также: S. 7—10, 15.

[2]) Die gegenwärtige Aufgabe der Wissenchaft der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. B. 1. 1863. S. 141.

[3]) Die politische Oekonomie usw. S. 520 f. Въ Zeitschrift fur die ges. Staatswissenschaft. 1855 S. 469. Knies далъ представляющее интересъ опредѣленіе принципа хозяйственности, какъ стремленія «ничего полезнаго не оставлять безъ использованія и достигать наибольшаго полезнаго эффекта съ наименьшими средствами». (См.: E. Schroeder. Die polit. Oekonomie. 3 A. S. 19).

заработной платѣ или о взысканіи съ несостоятельнаго должника.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться по тому соображенію, что въ виду присущихъ народному хозяйству началъ самодѣятельности и собственнаго интереса, соревнованія, возмездности и уравновѣшивающаго ихъ начала солидарности народнохозяйственное распредѣленіе должно равнымъ образомъ подчиняться обще-экономическому принципу, послѣдній же, представляя собою руководящій критерій всей вообще хозяйственной дѣятельности, не исключаетъ ни этической, ни правовой, ни соціально-политической, ни иныхъ руководящихъ точекъ зрѣнія, не исключаясь также и ими и при томъ не совпадая съ близорукимъ преслѣдованіемъ личныхъ выгодъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

A. Emminghaus[1] различалъ между стремленіями и цѣлями частнаго и народнаго хозяйства: «Хозяйственное стремленіе индивида направлено не на то, чтобы произвести возможно много возможно годныхъ благъ извѣстнаго рода; онъ производитъ блага, которыя и по скольку они ему нужны, либо блага, процажа которыхъ обезпечиваетъ ему наивысшій чистый доходъ. Народное хозяйство имѣетъ цѣлью въ производствѣ благъ обогащеніе міра благъ».

Но устраняя по отношенію къ народному хозяйству критерій хозяйственности, заключающійся въ цѣнности благъ, Emminghaus не замѣняетъ его чѣмъ-либо болѣе опредѣленнымъ, какъ просто количество благъ безъ какого-либо соображенія съ родомъ и качествомъ послѣднихъ.

Въ примѣненіи къ производственной дѣятельности Hans v. Mangoldt[2] опредѣлялъ хозяйственность въ понятіи относительной производительности. По принадлежащему сюда опредѣленію, «лишь хозяйственнымъ работамъ слѣдуетъ приписывать также производительность, и именно въ болѣе широкомъ, техническомъ смыслѣ, если онѣ даютъ вообще полезный результатъ, въ болѣе узкомъ, хозяйственномъ смыслѣ, если онѣ даютъ результатъ, перевѣшивающій принесенное пожертвованіе».

[1]) Art.: Privatwirtschaft. Handwörterbuch von Rentsch. S. 680.
[2]) Volkswirthschaftslehre. (1868). S. 27.

Gustav Rümelin[1] утверждалъ, что «національная экономія открыто или молчаливо исходитъ изъ предположенія, что люди имѣютъ отъ природы проявляющуюся склонность получать служащія для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей внѣшнія средства въ возможномъ обиліи и при возможно маломъ возмѣщеніи». При этомъ онъ возлагалъ на науку изслѣдованіе массоваго дѣйствія этого мотива на основѣ правопорядка.

Въ этомъ мы можемъ видѣть то рудиментарное пониманіе начала хозяйственности, которое свойственно классической школѣ экономистовъ.

Albert Schäffle[2], опредѣляя хозяйство, какъ регулированіе производства и использованія располагаемыхъ въ ограниченномъ количествѣ внѣшнихъ средствъ въ направленіи возможно большей чистой пользы или какъ соразмѣреніе величинъ, основываетъ то и другое на принципѣ или законѣ хозяйственности. При этомъ означенному регулированію приписывается та цѣль, «чтобы съ возможно малымъ личнымъ пожертвованіемъ достигать возможно много споспѣшествованія личной жизни, т. е. съ возможно малыми издержками возможно много пользы, и тѣмъ обезпечивать возможно обильное снабженіе всей личной жизни». Подобнымъ же образомъ, хозяйственному соразмѣренію приписываются «слѣдующія особенности: 1) хозяйство должно вообще проводить величины минимума и максимума, достигать минимальныхъ (т. е. возможно малыхъ) издержекъ и максимальной (т. е. возможно большей) пользы. 2) Хозяйство имѣетъ дѣло съ разностями между величинами минимума и максимума. Лишь по сколько балансъ пользы и издержекъ представляетъ положительную величину, какъ излишекъ пользы надъ пожертвованіемъ (издержками), техника есть дѣйствительно хозяйство». Отъ хозяйственнаго принципа Schäffle восходилъ къ народохозяйственному принципу, распространяющемуся какъ на пріобрѣтательную дѣятельность, такъ и на распредѣленіе и относя-

[1]) Ueber den Begriff eines socialen Gesetzes. (1867). Reden und Aufsätze. (1875). S. 12 f.

[2]) Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. 3 Aufl. 1873. B. I. § 1 S. 1 f., § 12 S. 16 f., § 14 S. 20, § 27 S. 48, § 95 S. 166 f.

щемуся ко всей совокупности населенія съ принятіемъ во вниманіе индивидуальныхъ особенностей. Schäffle признавалъ также необходимость соблюденія начала экономіи во внутренней духовной дѣятельности, но безъ совмѣщенія этого съ внѣшней экономикой, имѣющей своимъ предметомъ народное хозяйство, опредѣляемое внѣшнимъ обмѣномъ.

Въ изложенныхъ воззрѣніяхъ Schäffle наиболѣе спорнымъ представляется намъ различеніе хозяйственнаго и народнохозяйственнаго принципа. Какъ начало хозяйственной цѣлесообразности, принципъ хозяйственности одинъ, но примѣненіе его комбинируется съ преобладаніемъ либо личнаго либо общаго интереса, равнымъ образомъ варьируясь также подъ вліяніемъ началъ возмездности и конкуренціи[1].

W. Roscher[2], ссылаясь на Fr. Hermann'a и Schäffle, высказалъ, что «всякое нормальное хозяйство, которое, конечно, должно быть различаемо отъ техники просто, направлено на то, чтобы достигать наивысшей личной пользы съ наименьшими издержками».

Karl Rodbertus-Jagetzow выказалъ правильное пониманіе хозяйственности въ тѣсной связи съ понятіемъ хозяйства уже въ первомъ своемъ научномъ трудѣ[3]. Исходя изъ несоразмѣрности между безграничностью и неутоляемостью потребностей съ одной стороны и человѣческимъ трудомъ и производимыми имъ хозяйственными благами съ другой и возражая противъ отождествленія хозяйствованія и труда, онъ опредѣлялъ хозяйство, какъ «завѣдываніе имѣющимися благами съ цѣлью возможно лучшаго удовлетворенія потребностей». Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ[4] Rodbertus приписываетъ состоянію изолированнаго хозяйства, на ряду съ извѣстными хозяйственными понятіями, «извѣстныя хозяйственныя дѣятельности: такія, которыя относятся къ производству и высшее правило которыхъ — производить съ возможно ма-

[1]) Представляется также неправильнымъ сводить содержаніе этики или иныхъ отраслей культуры къ дѣйствію экономическаго принципа, какъ это однако пытается сдѣлать A. Schäffle. См. объ этомъ: Wieser. Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirthsch. Werthes. S. 78.

[2]) Grundlagen der Nationalökonomie. 23 Aufl. § 11 S. 26.

[3]) Zur Erkenntnis usw. 1842. S. 4, 6.

[4]) Das Kapital. Vierter sozialer Brief. Herausg. von Th. Kozak. 1884. S. 74.

лыми издержками (трудъ), на сколько возможно, много продуктовъ; и такія, которыя относятся къ потребленію и высшее правило которыхъ, на сколько возможно, удовлетворять съ возможно малымъ количествомъ продуктовъ возможно много потребностей».

K. Marx[1] упоминаетъ экономическій принципъ въ значеніи конкретнаго положенія примѣнительно къ даннымъ условіямъ, при томъ не только лишь матеріально-хозяйственнымъ. Къ необходимымъ предположеніямъ капиталистическаго производства Marx относилъ надлежащее и полное использованіе оплачиваемой рабочей силы и цѣлесообразное потребленіе сырого матеріала и трудовыхъ средствъ.

Къ болѣе раннимъ принадлежитъ также формулировка относящагося сюда положенія у C. Menger'a,—именно какъ одного изъ четырехъ положеній, къ осуществленію которыхъ стремятся люди подъ вліяніемъ сознанія недостаточности запаса какого-либо рода благъ: «съ каждой данной частью запаса благъ, находящихся въ указанномъ количественномъ отношеніи, путемъ цѣлесообразнаго примѣненія достигать возможно большаго результата и опредѣленнаго результата—съ возможно малымъ количествомъ, или, иначе говоря, примѣнять наиболѣе цѣлесообразно къ удовлетворенію своихъ потребностей располагаемыя ими количества какъ потребительныхъ средствъ, такъ и средствъ производства»[2].

Hermann Bischof[3] въ опредѣленіи принципа хозяйственности слѣдовалъ A. Schäffle.

Adolf Held[4] въ свое опредѣленіе принципа хозяйственности вводитъ указаніе на необходимость его ограниченія по отношенію къ другимъ людямъ: «Принципъ хозяйственности, т. е. стремленіе получать блага съ возможно малымъ пожертвованіемъ и усиліемъ, долженъ быть ограничиваемъ принципомъ общественности (Gemeinsinns), согласно которому каждый обязанъ добровольно предоставлять другимъ людямъ, по меньшей мѣрѣ, то, что онъ отъ нихъ требуетъ». Такое ослож-

[1]) Das Kapital. B. I. 4 Aufl. Kap. V. S. 158 f.
[2]) Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 1872. Kap. II § 3 S. 53.
[3]) Grundzüge eines Systemes der Nationalökonomik. 1876. S. 5 f.
[4]) Grundriss usw. 1878. S. 9.

ненное толкованіе экономическаго принципа—прибавимъ мы—входитъ вообще въ его содержаніе, представляя собою различные оттѣнки пониманія также и въ этомъ отношеніи. Это вытекаетъ изъ необходимости считаться съ обще-соціальными условіями хозяйственной дѣятельности. Въ противномъ случаѣ идеаломъ хозяйственности было бы неправомѣрное обогащеніе въ его различныхъ видахъ.

Еще болѣе ограничиваетъ руководящее значеніе экономическаго принципа Gustav Cohn[1]. По его опредѣленію, «представляется лишь разумной цѣлесообразностью, если мы изъ существа всякаго хозяйства,—именно изъ того, что мы имѣемъ дѣло съ вещами, имѣющимися въ ограниченномъ количествѣ по отношенію къ нашей потребности,—дѣлаемъ выводъ: мы должны опредѣлить, на сколько возможно, благопріятно отношеніе имѣющагося въ ограниченномъ количествѣ къ нашей потребности, мы должны, на сколько возможно, преодолѣть ограниченность съ помощью расчетливаго благоразумія, которое дѣлаетъ ее способною служить для возможно болѣе обширной потребности». «Однако», говоритъ G. Cohn, «предѣлъ этой разумной цѣлесообразности, какъ абсолютнаго руководства для нашего хозяйственнаго поведенія простирается лишь по столько, пока человѣкъ противостоитъ вещамъ. Лишь экономія по отношенію къ внѣшней природѣ основывается на принципѣ хозяйственности, который самъ по себѣ неизмѣненъ. По сколько человѣкъ противостоитъ людямъ, это руководство оказывается непригоднымъ». Cohn признаетъ принципъ хозяйственности непримѣнимымъ какъ по отношенію къ затратѣ собственнаго труда, такъ и въ особенности по отношенію къ хозяйственнымъ интересамъ другихъ людей.

Изложенную точку зрѣнія нельзя однако признать правильной. Если бы обсуждаемый принципъ имѣлъ примѣненіе лишь по отношенію къ вещамъ и внѣшней природѣ, то онъ имѣлъ бы скорѣе характеръ техническаго правила. Сущность хозяйства заключается именно въ томъ, что повсюду, говоря вообще, наши интересы встрѣчаются съ интересами другихъ

[1]) Grundlegung. 1885. § 138 S. 198 f.

людей, при чемъ разграниченіе ихъ достигается съ помощью руководящихъ критеріевъ, принадлежащихъ различнымъ отраслямъ культуры; въ ряду этихъ критеріевъ выступаетъ принципъ хозяйственности, неспособный быть абсолютнымъ руководителемъ въ нашей дѣятельности, но такъ или иначе выполняющій свою роль совмѣстно со всѣми критеріями, конечное назначеніе которыхъ не только въ разграниченіи отдѣльныхъ сторонъ культуры, но именно въ поддержаніи и развитіи чрезвычайно сложной системы культурныхъ отношеній между людьми[1].

Слѣдуя K. Menger'у, Emil Sax[2] изъ основного экономическаго соотношенія — ограниченности средствъ и безграничной расширяемости цѣлей человѣческой жизни — заключаетъ къ необходимости такой постановки технической дѣятельности, напр., въ земледѣліи, «чтобы достигать съ наименьшей затратой наибольшаго дохода, чтобы выбирать наивыгоднѣйшіе плоды для воздѣлыванія, чтобы сберегать свою силу при этихъ утомительныхъ дѣятельностяхъ, выполнять ихъ въ надлежащее время и т. п.». Въ своемъ предшествующемъ трудѣ[3] E. Sax устанавливаетъ связь между экономическимъ принципомъ и экономіей. «Человѣческую дѣятельность, по сколько она соотвѣтствуетъ этой точкѣ зрѣнія, мы называемъ экономіей. Опредѣляемыя этимъ проявленія человѣческаго стремленія къ сохраненію и развитію своего существованія, даваемое этимъ поведеніе человѣка относительно обезпеченія внѣшнихъ условій своего существованія (въ полномъ содержаніи послѣдняго) суть экономическія явленія, какъ опредѣленіе цѣнности, исчисленіе стоимости, раздѣленіе труда. Техническія дѣятельности принадлежатъ сюда, лишь по сколько онѣ представляютъ случаи этихъ экономическихъ категорій». «Экономическія дѣйствія не суть также вполнѣ отличающіяся отъ иныхъ, исключительно такъ квалифицированныя дѣйствія: но экономія есть одна сторона нашей (технической) дѣятельности, и лишь отдѣльныя дѣйствія проистекаютъ исключительно изъ экономическихъ стремленій». Допу-

[1]) Ср.: M. Block. O. c., T. I p. 277.
[2]) Die neuesten Fortschritte der nationalökonom. Theorie. 1889. S. 7 ff.
[3]) Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie. 1884. S. 12 f., 17 f.

ская, что «только этой квалификаціей хозяйственная дѣятельность не отграничивается отъ иной, понятіе хозяйства только этимъ не опредѣляется—еще отсутствуютъ цѣль и объектъ опредѣленной дѣятельности», авторъ отвергаетъ отождествленіе этого принципа a priori съ разумнымъ вообще.

Подобнымъ же образомъ сопоставляетъ понятія хозяйственнаго принципа и хозяйства также Friedrich v. Wieser[1]. По опредѣленію его, хозяйственный принципъ, или «хозяйственная тенденція направлена на то, чтобы обезпечить возможно высшую пользу чрезъ бережливое примѣненіе ограниченныхъ запасовъ благъ—потребительныхъ, производственныхъ, равно какъ торговыхъ запасовъ». «Бережливость при потребленіи есть хозяйственное въ этихъ актахъ. Но столько они однако не различаются отъ актовъ снабженія благами съ помощью производства и покупки, и представляется необоснованнымъ ограничивать область хозяйства этими послѣдними». «Лишь часть совокупныхъ хозяйственныхъ дѣйствій объединяется въ наименованіи и понятіи хозяйства». «Такихъ разсѣянныхъ хозяйственныхъ стремленій внѣ хозяйства имѣется довольно». По мнѣнію автора, «теоретикъ не имѣетъ повода точнѣе отграничивать обыденное понятіе хозяйства. Въ хозяйствѣ хозяйственное стремленіе проявляется сравнительно въ чистомъ видѣ и тѣмъ чище, чѣмъ развитѣе хозяйство; въ другихъ областяхъ оно различно смѣшивается съ иными стремленіями и всегда перевѣшивается ими. Уразумѣніе хозяйственной тенденціи открываетъ поэтому уразумѣніе хозяйства, и тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ развитѣе хозяйство, но оно не открываетъ уразумѣнія иныхъ человѣческихъ дѣятельностей, въ которыхъ имѣютъ руководство совершенно иные мотивы». Wieser соглашается также съ мнѣніемъ, что «хозяйственность есть универсальный принципъ, простирающійся на сферу обмѣна матеріи (Stoffwechselsphäre) принципъ наиболѣе общаго дѣйствія».

W. Neurath[2] относилъ къ хозяйственной въ болѣе широкомъ смыслѣ «ту человѣческую дѣятельность, которая преслѣдуетъ цѣль все полнѣе снабдить человѣка внѣшними

[1]) Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtsch. Werthes. 1884. S. 75 ff. См. также его: Der natürliche Werth. 1889. S. 177.

[2]) Elemente der Volkswirtschaftslehre. 2 Aufl. 1892. S. 57 f.

матеріальными средствами или приспособить внѣшній міръ и заставить служить цѣлямъ человѣка». «Но въ болѣе строгомъ смыслѣ хозяйствованіе заключается въ дѣятельности, происходящей по принципу: достигать какъ можно больше пользы или выгоды посредствомъ возможно малыхъ издержекъ или пожертвованія. Подъ принципомъ разумѣется какъ положеніе (Grundsadz), такъ и основной мотивъ или основное стремленіе. Вышеупомянутый принципъ именуется хозяйственнымъ или экономическимъ принципомъ».

Gustav Schönberg[1] различалъ хозяйственную дѣятельность вообще и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, при чемъ приписывалъ этой послѣдней особый характеръ дѣятельности хозяйствующаго субъекта, вытекающій изъ общаго начала разумности человѣческой дѣятельности и основанный на томъ существенномъ предположеніи, что «при всякой дѣятельности, направленной къ пріобрѣтенію или расходованію матеріальныхъ благъ, стараются достигнуть цѣли пріобрѣтенія и потребленія при возможно маломъ пожертвованіи имущества и трудовой силы и прилагаютъ заботу къ тому, чтобы приносимое пожертвованіе сдѣлать возможно меньше, ни въ какомъ случаѣ не больше цѣнности того, что посредствомъ этого получается. Образъ дѣйствія, дѣятельность этого рода обозначаютъ специфически хозяйственной, противоположную—нехозяйственной и постулатъ этой дѣятельности—хозяйственностью». Shönberg присоединялъ къ этому оговорки, что наивысшее производство не есть единственная задача народнаго хозяйства, и производство не есть конечная цѣль, но лишь средство, а также, что въ отношеніи къ трудящимся этотъ постулатъ долженъ примѣняться съ соотвѣтствующими ограниченіями и смягченіями.

Ed. Schroeder[2] признаетъ хозяйственный принципъ «важнѣйшимъ элементомъ возникновенія всѣхъ соціальныхъ образованій». По опредѣленію его, принципъ хозяйственности «независимъ отъ процесса народнаго хозяйства, но представляетъ душу общечеловѣческаго явленія, хозяйства, и проникаетъ, какъ самъ по себѣ невидимый, лишь въ своихъ проявленіяхъ

[1]) Handbuch der politischen Ökonomie. 1 Aufl. B. I. 1. § 4. S. 9 f.

[2]) Die politische Ökonomie. 3 Aufl. 1897. Buch I. Abschn. B. 1.

ощутимый моментъ, всю хозяйственную дѣятельность людей. Это есть достиженіе высшей мѣры удовлетворенія человѣческихъ потребностей съ наименьшей затратой естественныхъ матеріаловъ и человѣческой силы».

Правильное воззрѣніе по этому вопросу выказалъ Cort van der Linden[1], слѣдующимъ образомъ опредѣляющій т. н. экономическій законъ: «Человѣкъ стремится всегда къ достиженію наибольшей выгоды съ наименьшимъ трудомъ. Совершенно неправильно пытались ослабить значеніе этого принципа тѣмъ, что разсматривали его, какъ выраженіе эгоизма, или ставили въ связь исключительно съ индивидуальными потребностями человѣка. Въ дѣйствительности онъ простирается гораздо дальше. Этимъ правиломъ должно руководиться и въ отношеніи другихъ. И въ тѣхъ случаяхъ, когда выступаютъ ради потребностей третьихъ лицъ или общества, стремятся къ наибольшей выгодѣ и избѣгаютъ труда». «Болѣе правильная формулировка экономическаго принципа: человѣкъ стремится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ къ высшей цѣлесообразности», находящей себѣ количественное выраженіе въ цѣнности.

Lothar Dargun[2] отождествляетъ принципъ хозяйственности съ цѣлесообразностью, при чемъ въ соотвѣтствіи съ общими своими воззрѣніями, предполагаетъ осуществленіе его на основѣ эгоизма либо альтруизма. По опредѣленію его, «хозяйство человѣческаго общества должно слѣдовать принципу хозяйственности, т. е. должно быть цѣлесообразнымъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить потребности въ матеріальныхъ благахъ. Оно можетъ это двоякимъ образомъ: либо на основѣ эгоизма либо на основѣ альтруизма».

Марксистъ Dr. H. Duncker[3] относитъ къ самому существу хозяйственной жизни людей все усиливающееся проведеніе хозяйственнаго принципа, т. е. достиженія возможно большаго результата посредствомъ относительно наименьшей затраты.

Julius v. Gans-Ludassy[4] опредѣляетъ хозяйственность въ связи

---

[1]) Lehrsätze über die ökonomischen Kategorien. S. 54 ff.
[2]) Egoismus und Altruismus in der Nationalökonomie. 1885. Cap. III S. 40.
[3]) Volkswirtschaftliche Grundbegriffe. 2 Aufl. 1910. S. 9.
[4]) Die wirtschaftliche Energie. System der ökonomischen Methodologie. 1893. Kap. VI: Abschn. II, III. 6. См. также: S. 430, 488.

съ общими своими воззрѣніями на конечную цѣль и назначеніе экономики. Соотношеніе между цѣлью и средствомъ онъ характиризуетъ присущимъ намъ стремленіемъ къ хозяйственной разницѣ, проявляющимся въ увеличеніи цѣли, если средство фиксировано, и въ уменьшеніи средства, если фиксирована цѣль. «Этимъ усиліямъ присуще качество цѣлесообразнаго и потому также экономическаго и хозяйственнаго». Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, «средство лишь тогда цѣлесообразно, если оно пригодно для выполненія цѣли. Чтобы быть пригодной для выполненія цѣли, примѣняемая къ этому дѣятельность не должна быть ни больше ни меньше, нежели требуетъ для своего осуществленія цѣль». «Если средство по сравненію съ цѣлью чрезмѣрно, то тѣмъ самымъ создается та нехозяйственность, которую мы признали расточительностью; если средство по сравненію съ цѣлью недостаточно, то этимъ создается та нехозяйственность, которую мы назвали скупостью. Въ обоихъ случаяхъ хозяйственныя дѣятельности, которыя были бы годны для выполненія цѣлей, потеряны, превратились въ недополученія и недовыручки; это показываетъ, что скупость есть въ экономическомъ смыслѣ расточительность». Gans-Ludassy признаетъ хозяйственность общимъ универсальнымъ началомъ. Онъ приходитъ къ положенію, «что всѣ дѣйствія цѣлесообразны, что всѣ дѣйствія, какъ цѣлесообразныя, экономичны и хозяйственны. Во всѣхъ дѣйствіяхъ затрачивается средство къ цѣли, затрачивается вслѣдствіе того, что средство меньше по цѣнности, нежели цѣль, которая должна быть посредствомъ этого достигнута». «Стремленіе сдѣлать хозяйственную разницу возможно больше есть всегда, имѣется въ каждомъ, не только въ каждомъ человѣкѣ, но и въ каждомъ живомъ существѣ. Это стремленіе есть предметъ хозяйственнаго наблюденія, хозяйствовѣдѣнія, экономики», но и не исключительная цѣль и предметъ экономики. Авторъ высказываетъ въ заключеніе, «что т. н. принципъ хозяйственности не можетъ быть признанъ ни прагматическимъ, ни императивнымъ. Если бы онъ означалъ, что человѣкъ дѣйствительно всегда достигаетъ съ помощью возможно малыхъ средствъ возможно большихъ цѣлей, то это ошибочно, ибо человѣкъ

лишь стремится къ тому, чтобы достигать наибольшихъ цѣлей съ возможно малыми средствами; однако онъ раздѣляетъ этотъ родъ дѣйствій со всѣмъ живущимъ. То, что до сего времени называли закономъ хозяйственности, есть не что иное, какъ законъ психической причинности». Въ виду всеобщности дѣйствія этого стремленія, оно не можетъ разсматриваться лишь какъ постулатъ, который относится вообще не къ общепризнанному и всеобщему, но лишь къ возможному. Относя именно къ хозяйственности не только высшую степень ея, но и всѣ возможныя ея степени, авторъ отождествляетъ ее съ цѣлесообразностью, какъ таковой. Отвергая то пониманіе принципа хозяйственности, которое далъ Schäffle, какъ слишкомъ узкое, Gans-Ludassy утверждалъ, что «мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ экономическимъ принципомъ, но съ міровымъ принципомъ, господствующимъ также и въ экономикѣ». «Хозяйственность существуетъ именно, какъ причинность, но она существуетъ не какъ особый, специфически экономическій принципъ хозяйственности, и есть поэтому не что иное, какъ форма общей причинности, по сколько она дѣйствуетъ въ царствѣ живыхъ существъ. Но съ другой стороны въ области хозяйства дѣло идетъ не объ объективно наибольшемъ и наименьшемъ, но о представляющемся таковымъ на основаніи оцѣнокъ, по существу субъективныхъ, при чемъ «всякая хозяйственность основывается, по крайней мѣрѣ, на двухъ отдѣльныхъ оцѣнкахъ». Разрѣшеніе проблемы хозяйственности зависитъ такимъ образомъ отъ разрѣшенія проблемы цѣнности.

Коренные недостатки изложеннаго сейчасъ воззрѣнія на хозяйственность заключаются въ отсутствіи разграниченія явленій культурной жизни и природы. Смѣшеніе причинности и цѣлесообразности, инстинкта, присущаго всѣмъ живымъ существамъ, и принципа, сознательно проводимаго въ своей дѣятельности людьми, чисто объективныхъ явленій и основанныхъ на субъективно-соціальныхъ оцѣнкахъ представляется очевидно неправильнымъ, точно также, какъ неправильно распространять на животныхъ явленія труда, потребленія, капитализма, понятія и нормы этики и пр. Къ существен-

нымъ погрѣшностямъ принадлежитъ также смѣшеніе общаго понятія цѣлесообразности съ хозяйственностью, представляющею лишь одно изъ проявленій первой. Устранивъ изъ своей теоретической системы эти дефекты, Gans-Ludassy могъ бы притти къ весьма цѣннымъ отправнымъ воззрѣніямъ на существо экономики и хозяйственности. Вводя же въ свою систему распространеніе ея на весь міръ живыхъ существъ, Gans-Ludassy низводитъ ее на уровень зачаточно-инстиктивныхъ проявленій жизни низшихъ существъ.

Bernhard Harms[1] трактуетъ экономическій принципъ какъ съ точки зрѣнія внутренней дѣятельности отдѣльнаго хозяйства, такъ и съ точки зрѣнія отношеній между отдѣльными хозяйствами. Какъ онъ замѣчаетъ, «планомѣрное пріобрѣтеніе и примѣненіе вещественныхъ благъ внутри отдѣльнаго хозяйства обнаруживается въ проведеніи экономическаго принципа, т. е. въ стремленіи хозяйствующаго субъекта достигать возможно большаго результата при наименьшей затратѣ труда и денегъ либо капитала. Въ этомъ стремленіи сходствуютъ между собою всѣ отдѣльныя хозяйства, безъ различія направленія ихъ дѣятельности, при чемъ, само собою разумѣется, принципіально безразлично, получаетъ ли экономическій принципъ и практически свое дѣйствіе. Рѣшающее значеніе имѣетъ лишь цѣлеполаганіе, которое отъ психологическихъ, заложенныхъ въ натурѣ человѣка основаній (преодоленіе чувствованій тягости при трудѣ, эгоизмъ, альтруизмъ) идетъ всегда въ направленіи экономическаго принципа». «Съ чисто абстрактной точки зрѣнія отдѣльныя хозяйства земного шара свои взаимноотношенія полученія и даванія согласно экономическому принципу—въ томъ смыслѣ, что каждое хозяйство получаетъ блага оттуда, гдѣ ихъ можно получить наиболѣе дешево, и отдаетъ то, что приводитъ къ наилучшему отношенію обмѣна—развиваютъ съ тѣмъ темпомъ, съ какимъ дѣлаетъ успѣхи техническое и экономическое преодолѣніе пространственнаго разъединенія». Harms разсматриваетъ экономическій принципъ, какъ основанный на на-

[1]) Probleme der Weltwirtschaft. Volkswirtschaft und Weltwirtschaft. 1912. S. 90, 96, 328 f., 401.

блюденіи «неизмѣннаго во времени и въ пространствѣ факта, который былъ тогда, когда человѣкъ жилъ въ кочующихъ племенахъ, и есть теперь, когда онъ достигъ высшей ступени цивилизаціи». Исходя изъ этого, признается возможнымъ построить научную теорію хозяйственной жизни при предположеніи исключительнаго господства этого принципа, но также и представить хозяйственную жизнь во всей полнотѣ соціальнаго строя, вмѣстѣ съ причинами, противодѣйствующими полному проявленію экономическаго принципа. Но съ другой стороны Harms тутъ же опредѣляетъ экономическій принципъ, какъ правило цѣлесообразности, не имѣющее ничего общаго съ мотивомъ эгоизма: «Общаго мотива человѣческой дѣятельности нельзя вообще установить. Другое дѣло, что къ каждой цѣли, изъ какихъ бы мотивовъ она ни проистекала, стремятся съ помощью наименьшаго средства, т. е. съ наименьшею возможною затратою труда или капитала».

Wilhelm Hasbach, не безъ противорѣчія себѣ, съ одной стороны опредѣляетъ хозяйствованіе соблюденіемъ, въ отношеніи къ матеріальнымъ благамъ, основаннаго на разумѣ экономическаго принципа, или принципа наименьшей затраты, съ другой же стороны замѣчаетъ: «Правильно высказано Dietzel'емъ, что т. н. экономическій принципъ не ограничивается хозяйствомъ. [Но] вовсе безъ вниманія осталось, что принципъ наименьшей затраты имѣетъ не только раціоналистическій, но и эстетическій характеръ»[1].

C. Herckenrath[2] примѣнительно къ излагаемой имъ теоріи потребностей опредѣляетъ человѣческую хозяйственность, какъ «стремленіе удовлетворять потребности имѣющимися средствами возможно обильно и въ порядкѣ ихъ значенія и создавать эти средства въ наибольшемъ количествѣ».

Albert Hesse[3], опредѣляя народное хозяйство, «какъ нѣкоторую совокупность находящихся во взаимноотношеніяхъ хозяйственныхъ единицъ», указываетъ, что «каждое отдѣльное

---

[1]) Güterverzehrung und Güterhervorbringung. 1906. S. 64 ff.

[2]) Die ökonom. Bedingungen des sozialen Lebens. T. I. Bedürfnis, Genuss und Wert. S. 13.

[3]) Die Werturteile in der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. III B. 43. H. 1-2. 1912. S. 184.

хозяйство направлено на пріобрѣтеніе средствъ къ удовлетворенію потребностей и руководится точкой зрѣнія достигать максимума результата съ минимумомъ затраты».

Otto Heyn[1] ставитъ въ связь экономическій принципъ съ наукой о хозяйствѣ, но приписываетъ имъ гедонистическое содержаніе: «Наука о хозяйствѣ должна учить человѣка хозяйствованію, т. е. показывать ему, какъ онъ долженъ располагать, чтобы возможно совершеннѣе достигать преслѣдуемой косвенно, посредствомъ всѣхъ другихъ цѣлей, главной цѣли: обладать возможно большей удовлетворенностью (Wohlbehagen), и именно такимъ образомъ, чтобы онъ получалъ при возможно маломъ расходованіи цѣледостиганія (пользы) возможно большій выигрышъ въ цѣледостиганіи, и именно въ достиженіи главной цѣли».

Friedrich Kleinwächter[2] даетъ слѣдующее опредѣленіе: «Принципъ каждаго (разумнаго) хозяйства или существо хозяйственности заключается въ достиженіи относительно наибольшаго эффекта съ относительно наименьшей затратой (пожертвованіемъ)».

Julius Lehr[3] придавалъ понятію хозяйственности телеологическій характеръ. По его опредѣленію, «подъ этимъ наименованіемъ разумѣется лишь, что хорошо продумано и направлено на хорошій результатъ. Этому соотвѣтствуетъ въ домашнемъ хозяйствѣ понятіе домовитости (Häuslichkeit)». Изъ соотношенія между силами и средствами человѣка и его потребностей «вытекаетъ требованіе такъ упорядочить всѣ наши жизненныя условія, чтобы согласно принципа хозяйственности данныя силы и средства были примѣняемы къ возможно полному и всестороннему удовлетворенію при постоянномъ укрѣпленіи хозяйственной силы». Гораздо труднѣе признается та же проблема хозяйственности съ точки зрѣнія совокупно-общественной.

Wilhelm Lexis[4] тѣсно связываетъ принципъ хозяйствен-

[1]) Theorie des wirtschaftlichen Werths. I. 1899.

[2]) Lehrbuch der Nationalökonomie. 2 Aufl. 1909 S. 2.

[3]) Die Grundbegriffe der Nationalökonomie. 2 Aufl., v. M. v. Heckel. S. 74, 84. (1 Aufl.—S. 93, 181).

[4]) Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 1910. S. 15, 17; Art.: Selbstinteresse. Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II. S. 781 ff. (См. выше, § 24 стр. 143 и сл.).

ности съ началомъ собственнаго интереса, при чемъ придаетъ ихъ дѣйствію характеръ соціальной необходимости, изъемля изъ этого расходованіе полученнаго дохода. Весь вопросъ изслѣдуется въ примѣненіи къ капиталистическому предпріятію[1].

Но возвращаясь вслѣдъ за тѣмъ къ вопросу объ экономическомъ принципѣ, Lexis приходитъ уже къ чисто телеологическому толкованію его: «Хозяйственный принципъ, какъ мотивъ, вызываетъ у различныхъ лицъ отнюдь не всегда одинаковое дѣйствіе, не можетъ быть, поэтому, сравниваемъ съ всегда одинаково дѣйствующей естественной силой. Все же должно признать, что въ крупномъ предпріятіи производственномъ и торговомъ этотъ принципъ въ общемъ проявляетъ дѣйствіе и правильно примѣняется. Онъ есть не что иное, какъ принципъ раціональнаго веденія дѣла, который имѣетъ лишь хозяйственно-техническое значеніе и соблюдается также тѣми, кто ведетъ предпріятіе по порученію другихъ, а не непосредственно въ собственномъ интересѣ»[2].

Въ двухъ этихъ, по существу противорѣчивыхъ опредѣленіяхъ хозяйственнаго принципа Lexis исходилъ изъ различныхъ воззрѣній. Самый вопросъ объ экономическомъ принципѣ не нашелъ себѣ при этомъ надлежащаго мѣста въ экономической теоріи Lexis'a.

Franz Oppenheimer[3], подобно Gans-Ludassy, распространяетъ обсуждаемый принципъ за предѣлы соціальной жизни и даже больше того — за предѣлы міра живыхъ существъ. Опредѣливъ, что «хозяйствовать означаетъ дѣйствовать по принципу наименьшаго средства», Oppenheimer высказываетъ: «Стремленіе съ наименьшимъ средствомъ къ наивысшей цѣли перешло къ человѣку изъ его біологической исторіи, какъ неотъемлемое наслѣдство. Оно покоится глубоко уже въ анорганическомъ, даже въ космическомъ».

Не касаясь самаго этого воззрѣнія по существу, нельзя не замѣтить, что авторъ даетъ здѣсь слишкомъ узкое приложеніе своимъ общимъ воззрѣніямъ на природу человѣка и міра.

[1]) См. цитату выше. § 25 стр. 143.
[2]) O. c., S. 18.
[3]) Theorie der reinen und politischen Oekonomie. 2 Aufl. 1911. S. 27 f.

Heinrich Pesch[1] опредѣляетъ понятіе хозяйственности «идеею цѣлесоотвѣтственнаго, гармоніею между пожертвованіемъ и желаемымъ результатомъ, устраненіемъ всякаго безполезнаго расточенія матеріала и силы. Нехозяйственное представляется неразумнымъ, какъ противорѣчащее разумному соотношенію между средствомъ и цѣлью. Понимаемое въ этомъ смыслѣ, хозяйственное означаетъ не столько родъ дѣятельности и пр., не только, что дѣятельность принадлежитъ къ хозяйству, къ хозяйственной жизни, но и качество этой дѣятельности». «Хозяйственный принципъ», поясняетъ авторъ, «есть впрочемъ лишь примѣненіе общаго закона практическаго разума къ хозяйственной области. Всегда и всюду практическій разумъ требуетъ, чтобы избирались лишь такія средства, которыя стоятъ въ правильномъ отношеніи къ цѣлямъ, желаемымъ результатамъ». Но какъ тутъ же замѣчаетъ авторъ, не замѣчающій своей непослѣдовательности, «выраженіе: хозяйственность можетъ быть примѣняемо въ переносномъ смыслѣ къ предметамъ и отношеніямъ, которые не принадлежатъ къ хозяйственному порядку». H. Pesch требуетъ подчиненія экономическаго принципа принципу солидарности и при такомъ этическомъ ограниченіи перваго признаетъ его «высокую практическую цѣнность для всей хозяйственной жизни, такъ какъ онъ исключаетъ безполезное, неразумное расточеніе матеріала и силы въ каждомъ здоровомъ хозяйствѣ».

E. v. Philippovich выясняетъ хозяйственность съ объективной стороны: «Затрата усилій и благъ сопоставляется съ желаемой цѣлью. Берутся за дѣло, лишь если ожидаютъ пользу, если результатъ обѣщаетъ быть больше, нежели пожертвованіе. Стараются свести послѣднее къ наименьшей мѣрѣ и организовать свои дѣятельности и затраты благъ такимъ образомъ, чтобы онѣ приносили наибольшую пользу. Такое поведеніе есть слѣдствіе разумнаго стремленія къ цѣли. Это—принципъ, заложенный въ человѣческой природѣ и именно не только въ матеріальной области, но дѣйствующій въ хозяйственной области съ такой исключительностью, что получилъ наименованіе хозяйственнаго или экономическаго принципа»[2]. «Хо-

[1]) Lehrbuch der Nationalökonomie. B. I. Abs. 12 S. 13 f., Abs. 29 S. 34 f.
[2]) Grundriss der politischen Ökonomie. B. I. 10 A. § 1 S. 2.

зяйственный принципъ», высказываетъ онъ далѣе, «показываетъ намъ направленіе дѣятельности людей, заботящихся о хозяйственности. Онъ не говоритъ вовсе о томъ, какой мотивъ лежитъ въ основѣ этой дѣятельности». «Эгоизмъ и соблюденіе хозяйственнаго принципа однако не совпадаютъ. Въ отношеніи человѣка къ природѣ, въ завѣдываніи и примѣненіи данныхъ запасовъ благъ для удовлетворенія собственной потребности хозяйственность можетъ проявиться безъ того, чтобы могла быть рѣчь объ эгоизмѣ». «Эгоизмъ есть поведеніе людей, лежащее въ основѣ не принципа хозяйничанья вообще, но лишь принципа хозяйственнаго обмѣна. Онъ заключается не въ соблюденіи собственнаго интереса просто, но въ соблюденіи собственнаго интереса въ противность интересу другихъ». Далѣе Philippovich отмѣчаетъ, что подъ вліяніемъ ошибки, легкомыслія и различныхъ побужденій можетъ имѣть мѣсто большее или меньшее нарушеніе принципа хозяйственности, но что отдѣльные случаи этого не измѣняютъ общаго характера хозяйственной дѣятельности; болѣе же значительное нарушеніе хозяйственности отражается на экономическомъ положеніи даннаго хозяйства и даже можетъ привести къ разоренію[1].

Julius Platter[2], обосновывая необходимость хозяйственности тѣмъ, что удовлетвореніе потребностей дѣлаетъ необходимымъ трудъ, въ общемъ опредѣляетъ её правильно, «какъ стремленіе возможно цѣлесообразнѣе примѣнять нашу трудовую силу и ея продукты—блага, такъ чтобы достигать опредѣленнаго результата съ возможно меньшей затратой силы и возможно большаго результата съ опредѣленной затратой силы». Platter усматриваетъ въ этомъ общій принципъ разумной дѣятельности: «Объ эгоизмѣ не должно быть при этомъ рѣчи; мы должны будемъ поступать такимъ же образомъ—въ соотвѣтствіи съ разумомъ, желаемъ ли мы удовлетворять чужія или свои потребности. Мы ведемъ тогда хозяйство хорошо. Можно, конечно, поступать и неразумно и все-таки хозяйничать—именно плохо».

[1]) O. c., § 40 S. 126 ff.
[2]) Grundlehren der Nationalökonomie. § 9 S. 23 f.

Gustav Schmoller даетъ слѣдующую относящуюся сюда характеристику: «Добродѣтель хозяйственности есть планомѣрно расчетливая, мудро достигающая высшаго результата съ наименьшими средствами человѣческая дѣятельность, обращена ли она непосредственно на хозяйственныя или иныя цѣли»[1]. Нѣсколько далѣе хозяйственность опредѣляется, какъ «свойство, развивающееся сначала въ домашнемъ хозяйствѣ, затѣмъ распространяющееся на всякую хозяйственную, въ производномъ же смыслѣ—на всю внѣшнюю человѣческую дѣятельность, тотъ разумъ, который тщательно используетъ средства для опредѣленной цѣли, предусмотрительно сберегаетъ силы и издержки, постоянно занятъ тѣмъ, чтобы достичь съ наименьшими средствами наибольшаго результата. Это есть свойство, которое на столько же основывается на точномъ знаніи и обладаніи техническими средствами для какого-либо результата, какъ и постоянномъ вниманіи. Она есть результатъ опыта, воспринятія добраго примѣра, она стоитъ въ связи съ нравственнымъ самообладаніемъ и умственнымъ развитіемъ. Счетоводство и бухгалтерія, сопоставленіе затраты съ результатомъ въ денежныхъ цѣнностяхъ, запись каждаго расхода съ приходомъ нужны тамъ, гдѣ она должна явиться и развиваться». «Она есть хозяйственная добродѣтель большой массы населенія, прежде всего—средняго класса. Отсутствіе хозяйственности у низшихъ классовъ есть важное обстоятельство для ихъ хозяйственнаго положенія». «Будучи въ сродствѣ съ наклонностью къ пріобрѣтенію, она однако не совпадаетъ съ послѣдней и не представляетъ просто слѣдствіе ея». «Склонность къ пріобрѣтенію есть болѣе свойство отдѣльныхъ лицъ,—хозяйственность есть или должна быть у всѣхъ. Хозяйственность включаетъ прилежаніе, любовь къ порядку, терпѣніе, упорство, но прежде всего бережливость»[2].

Въ общей картинѣ хозяйственности, мастерски представленной Schmoller'омъ, существо хозяйственной дѣятельности вообще и принципъ хозяйственности представлены въ нераз-

[1]) O. c., Teil I Abs. 2 S. 3.
[2]) Abs. 21 S. 39 f.

рывной связи. Принципъ хозяйственности не выступаетъ, какъ внѣшняя сила, какъ законъ, вытекающій изъ разумной природы человѣка, но какъ соціальное явленіе, съ различной степенью приближенія къ обычной абсолютной формулѣ своего выраженія. Въ этомъ и заключается внутренняя сущность хозяйства въ представленіи G. Schmoller'a.

Ed. Spranger[1] разсматриваетъ принципъ выгодности или хозяйственности, какъ критерій хозяйственной стороны соціальной жизни. Формулировку этого принципа онъ приписываетъ классической національной экономіи.

Подобнымъ же образомъ Dr. Stephinger[2] приписываетъ идеямъ хозяйственной цѣнности и принципа хозяйственности, какъ образующимъ систему сужденій хозяйственной оцѣнки, руководящее значеніе въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ.

H. Schullern zu Schrattenhofen[3] кратко отмѣчаетъ, какъ цѣль человѣческаго хозяйства: «съ наименьшими пожертвованіями достигать широкаго удовлетворенія потребностей», что практически сводится къ положенію: «съ возможно малыми пожертвованіями получать возможно цѣнныя блага». Принципъ хозяйственности можетъ быть, по мнѣнію цитируемаго автора, разложенъ на нѣсколько постулатовъ.

Andreas Voigt[4], въ своемъ докладѣ на первомъ соціологическомъ съѣздѣ, опредѣлялъ общее понятіе хозяйственной дѣятельности чрезъ принципъ хозяйственности. «Хозяйствовать означаетъ распоряжаться средствами согласно принципа хозяйственности, т. е. такъ, чтобы достигать ими возможно многаго». «Господство хозяйственнаго принципа абсолютно не обозначаетъ господства какого-либо опредѣленнаго мотива, но лишь стремленіе къ максимуму результата, совершенно безъ различія, почему и чего ради къ этому стремятся».

Психологическій моментъ привнесъ въ общее опредѣленіе принципа Ad. Wagner. «При всякой дѣятельности», говоритъ онъ, «направленной на удовлетвореніе потребностей, человѣкомъ

[1]) Die Stellung der Werturteile in der Nationalökonomie. Schmollers Jahrbuch. J. 38. H. 2. 1914. S. 29, 53.

[2]) Zur Methode der Volkswirtschaftslehre. 1907. S. 122.

[3]) Grundzüge der Volkswirtschaftslehre. 1911. S. 19.

[4]) Verhandlunden des Ersten Deutschen Soziologentages. S. 256, 264.

руководить—и можетъ и часто долженъ также руководить—принципъ экономическій или хозяйственности, вполнѣ психологическій принципъ, т. е. стремленіе предпринимать добровольно лишь такой трудъ, при которомъ, по внутренней оцѣнкѣ человѣка, пріятность удовлетворенія превышаетъ тягость усилія (пожертвованія), равно какъ дальнѣйшее стремленіе къ возможно большей суммѣ (максимумъ) результата труда и вмѣстѣ съ тѣмъ къ возможности удовлетворенія возможно меньшей мѣрой (минимумъ) усилія или пожертвованія, не заключающихъ въ самихъ себѣ цѣль и вознагражденіе. Всегда имѣютъ при этомъ мѣсто», поясняетъ авторъ, «психическіе акты сравненія и взвѣшиванія, отъ результата которыхъ зависитъ принятіе на себя труда, усердіе, притомъ и ведущее къ высшему напряженію усердіе, а вмѣстѣ и успѣхъ труда».

Едва ли однако правильно признавать принципъ хозяйственности психологическимъ, если только не давать этому опредѣленію несвойственнаго ему обширнаго значенія. Примѣненіе этого принципа сопровождается сравненіемъ средствъ и цѣлей и ихъ сравнительной оцѣнкой. Хотя послѣдняя очень часто и не получаетъ при этомъ совершенно точнаго выраженія, она все же не утрачиваетъ свой экономическій характеръ и не становится специфически психологической. Самъ Wagner принимаетъ далѣе мнѣніе H. Dietzel'я, что «экономическій принципъ есть собственно всеобщій принципъ разумной, цѣлесообразной дѣятельности и соотвѣтственно этому долженъ быть формулируемъ болѣе общимъ образомъ». «Въ хозяйственной области», заключаетъ Wagner, «можно констатировать лишь болѣе точное дѣйствіе принципа при пріобрѣтеніи благъ (производство въ общ. см.) и при осуществленіи удовлетворенія (потребленіе)»[1].

Adolf Weber[2] признаетъ дѣятельность согласно хозяйственному принципу необходимой принадлежностью психологической природы человѣка, дѣлающаго лишь выводъ изъ желѣзной необходимости. «Дѣйствіе хозяйственнаго мотива еще усиливается фактомъ, что общественное существованіе людей вызываетъ

[1]) Grundlegung der politischen Oekonomie. 3 Aufl. Th. I. § 28 S. 80. (См. также выше, § 24 стр. 124 и сл.).

[2]) Die Aufgaben der Volkswirtschaftslehre als Wissenschaft. 1909. S. 6 f.

стремленіе возвыситься надъ другими людьми, подчинить ихъ собственнымъ цѣлямъ, достичь власти, въ свою очередь особенно тѣсно связанной съ богатствомъ, достиженіе котораго не отдѣлимо отъ хозяйственнаго принципа. Въ фактѣ этого принципа заключается въ значительной части объясненіе всего культурнаго развитія людей вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главный корень для науки соціальной экономики».

Adolf v. Wenckstern[1], пріурочивая принципъ хозяйственности къ раздѣленію труда и потребленія, даетъ ему слѣдующее выраженіе: «Человѣчество должно такъ раздѣлять трудъ и пользованіе, чтобы исполненный трудъ обезпечивалъ наивысшее пользованіе и чтобы подготовленное пользованіе обезпечивало наибольшія возможности къ новому труду, если возможно— на высшей ступени. Между трудомъ и пользованіемъ должно быть установлено отношеніе: возможно малымъ трудомъ создавать возможно большія возможности удовлетворенія, чтобы освободить трудъ для новыхъ задачъ, и, съ другой стороны, возможно меньшее удовлетвореніе должно создавать возможно большую трудовую силу. Это можно формулировать кратко, какъ хозяйственный принципъ, такимъ образомъ, что хозяйничать означаетъ: съ возможно малой затратой достигать возможно большаго результата».

Julius Wolf[2], въ соотвѣтствіи съ общей своей тенденціей, выдвигаетъ экономическій принципъ, какъ норму хозяйственной дѣятельности, обращающую цѣлесообразность въ законъ народнохозяйственныхъ явленій и сообщающую наукѣ о народномъ хозяйствѣ характеръ точной науки. По опредѣленію его, «экономическій принципъ есть принципъ оптимума, т. е. требованіе стремиться къ наибольшему результату (длящемуся, не хищническому—ни относительно вещей, матеріаловъ, ни относительно людей, силъ, совокупныхъ лицъ) съ наименьшей затратой силы,—другими словами, къ наибольшей разницѣ между результатомъ (дѣйствіе) и затратой силы (благъ) и, далѣе, къ достиженію наибольшаго дохода (съ народнохозяйственной точки зрѣнія)». Регулятивное значеніе принципа

[1]) Einführung in die Volkswirtschaftslehre. S. 35.
[2]) Nationalökonomie als exakte Wissenschaft. 1908. § 13 ff. S. 13 f.

оптимума Wolf обосновываетъ тѣмъ, что мѣра технической и экономической, направленной на доходъ, производительности не совпадаютъ—именно вслѣдствіе того, что, начиная отъ извѣстной границы, издержки становятся выше цѣнности дѣйствія и что до извѣстной верхней границы издержки представляются болѣе значительными, чѣмъ дальше, при чемъ эта граница и обозначаетъ оптимумъ. Другое проявленіе этого принципа J. Wolf связываетъ съ фактомъ понижающейся съ повышеніемъ количества ихъ полезности благъ или дѣйствій.

Изложенная теорія заключаетъ въ себѣ и цѣнные въ научномъ отношеніи элементы. Въ этой своей теоріи J. Wolf раскрываетъ существо экономическаго принципа и его регулятивное значеніе. Имѣетъ также значеніе и замѣчаніе о хищничествѣ въ хозяйствѣ. Въ развитіе этого замѣчанія можно прибавить, что хищничество въ хозяйственной дѣятельности имѣетъ относительный характеръ и что вмѣстѣ съ иными проявленіями нехозяйственности оно представляетъ вообще противоположность къ хозяйственности.

65. То вниманіе, которымъ пользуется въ нѣмецкой экономической литературѣ вопросъ объ экономическомъ принципѣ, не всегда выражается положительнымъ признаніемъ его. Довольно многочисленны также попытки ограничить и умалить значеніе экономическаго принципа въ экономикѣ, либо вытѣснить его прямое пониманіе и перетолковать его въ смыслѣ эгоистическаго мотива, либо, наконецъ, признать его не имѣющимъ прямого и исключительнаго отношенія къ хозяйственной области. Послѣднее мнѣніе имѣетъ особенно много сторонниковъ, къ которымъ принадлежатъ Alfred Amonn[1], Fr. J. Neumann, Joseph Schumpeter, Rudolf Stammler. Къ второму мнѣнію примыкаютъ Carl Fuchs, Ed. Heimann, W. Wygodzinski. Ко всей этой группѣ вообще принадлежатъ также Bücher, Diehl, H. Dietzel, Werner Sombart, Max Weber, L. v. Wiese.

Существенный недостатокъ въ относящихся сюда воззрѣніяхъ K. Bücher'a заключается не въ соотношеніи между понятіями хозяйства и хозяйственности, а въ отрицаніи ихъ

[1]) См. выше, § 47 стр. 419 и сл.

по отношенію къ первобытнымъ условіямъ существованія человѣческихъ обществъ. Цитируемый здѣсь трудъ K. Bücher начинаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Всякое научное изслѣдованіе хозяйства исходитъ отъ предположенія, что человѣку присуща хозяйственная природа, не свойственная никакому иному живому существу. Изъ этой хозяйственной природы проистекаетъ принципъ, которому подчиняются всѣ направленныя къ удовлетворенію потребностей дѣйствія человѣка, —принципъ хозяйственности (экономическій принципъ). Этотъ принципъ проявляется въ томъ, что человѣкъ всегда и всюду стремится достичь съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ (трудомъ) возможно высшаго удовлетворенія (принципъ наименьшаго средства). Предполагается поэтому, что всѣ хозяйственныя дѣйствія суть цѣлесознательныя, руководимыя сужденіями оцѣнки дѣйствія». Однако, ссылаясь на безконечное разнообразіе въ степени хозяйственности и на первоначальное поведеніе дѣтей, Bücher противопоставляетъ вышеизложенному обратное мнѣніе, что хозяйственная природа не прирождена человѣчеству, но пріобрѣтена имъ и что въ началѣ развитія человѣчества въ теченіи многихъ тысячелѣтій имѣлъ мѣсто періодъ чисто инстинктивнаго удовлетворенія потребностей. По поводу оспариваемаго имъ мнѣнія Bücher замѣчаетъ: «Культурный человѣкъ всегда имѣлъ большую склонность вкладывать свои собственныя воззрѣнія и чувствованія въ душу первобытнаго человѣка, но имѣлъ лишь ограниченную способность уразумѣть неразвитую душевную жизнь этого, такъ сказать, вычитать въ его душѣ». Свое обратное мнѣніе Bücher обосновываетъ данными историко-этнографическаго характера. Какъ утверждаетъ цитируемый авторъ, «предположеніе такого первобытнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ, не снабженный никакими иными вспомогательными средствами, какъ животное, долженъ вести борьбу за существованіе, принадлежитъ къ необходимымъ средствамъ всѣхъ наукъ о человѣкѣ, изслѣдующихъ съ точки зрѣнія историческаго развитія»[1]. «Разъ мы должны были допустить», заключаетъ авторъ, «что у выше стоящихъ естественныхъ народовъ имѣется чрезвычайно много

[1]) Die Entstehung der Volkswirtschaft. 5 Aufl. 1906. Abh. 1. S. 3 ff., 7 f.

нехозяйственнаго, что во всякомъ случаѣ сознательное примѣненіе экономическаго принципа представляетъ у нихъ скорѣе исключеніе, нежели правило, то мы не можемъ болѣе примѣнить понятіе хозяйства къ т. н. низшимъ охотникамъ и ихъ предшественникамъ». «Мы должны были бы, слѣдовательно, предполагать фактъ хозяйствованія тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ совмѣстно живущія общества, которыя въ пріобрѣтеніи и примѣненіи служащихъ ихъ цѣлямъ вещей поступаютъ по экономическому принципу. Такое состояніе замѣтно, конечно, уже у выше стоящихъ естественныхъ народовъ. Но многое однако напоминаетъ еще о до-хозяйственномъ періодѣ индивидуальнаго снискиванія пищи; хозяйство сдаетъ еще, такъ сказать, въ различныхъ пунктахъ»[1].

Цитированное воззрѣніе ограничиваетъ дѣйствіе хозяйственнаго принципа относительно прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ абсолютное толкованіе какъ самому принципу, такъ и человѣческой культурѣ въ цѣломъ. Уподобленіе первобытныхъ людей болѣе близкимъ къ намъ по культурному состоянію, разумѣется, ошибочно, но точно также ошибочно столь же мало обоснованное абсолютное противопоставленіе различныхъ эпохъ культурнаго развитія человѣчества. Пользуясь математической аналогіей, можно было бы сказать, что Bücher смѣшалъ въ одно величины противоположныя и величины, различающіяся между собою исключительно тѣмъ, что одна больше, другая меньше. Всѣ вообще культурно-историческія изысканія Bücher'а по отношенію къ «естественнымъ народамъ» представляются намъ основанными на произвольныхъ абстрактныхъ предположеніяхъ. Если, такимъ образомъ, мы не находимъ возможности предполагать въ людяхъ какую-то особую хозяйственную природу, то все же мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ отрицанію у первобытныхъ людей разума и воли, общенія между людьми и хотя бы весьма несовершенно проявляющейся хозяйственности.

Противъ признанія экономическаго принципа руководящимъ началомъ въ области хозяйственной дѣятельности высказывается Karl Diehl. Въ своемъ разборѣ курса Ad. Wagner'a

[1]) O. c., S. 27, 30.

онъ, оспаривая мнѣніе послѣдняго по этому вопросу, замѣчаетъ: «По объясненію Вагнера дѣло идетъ о двухъ (вещахъ): во-первыхъ, что люди добровольно берутся за работу, лишь когда удовлетворенность результатомъ труда имѣетъ перевѣсъ, и, во-вторыхъ, что вообще существуетъ стремленіе съ возможно малымъ трудомъ достигать возможно большаго полезнаго эффекта. Но ни то ни другое не есть основная максима хозяйственной дѣятельности. Что Вагнеръ называетъ здѣсь психологическимъ мотивомъ, въ свою очередь въ значительной степени обусловлено правопорядкомъ»[1]. Затѣмъ, въ своемъ разборѣ труда Shär'a, Diehl, стоя вообще на правильной точкѣ зрѣнія единства экономической науки, высказываетъ, что національная экономія не признаетъ экомическій принципъ въ качествѣ высшаго національноэкономическаго принципа, что это есть частнохозяйственный, но отнюдь не народнохозяйственный принципъ, и что принципъ наивысшей хозяйственности, или наивозможнаго сбереженія издержекъ, можетъ послужить въ національноэкономическихъ изслѣдованіяхъ лишь какъ презумпція къ методу изолирующей абстракціи[2]. Наконецъ, въ своемъ послѣдующемъ изслѣдованіи о наукѣ частнаго, народнаго и мірового хозяйства[3] Diehl заявляетъ: «Я оспариваю, что этотъ т. н. экономическій принципъ долженъ быть необходимымъ исходнымъ пунктомъ для національноэкономическихъ познаній. Этотъ т. н. экономическій принципъ есть технико-частнохозяйственный, но не національноэкономическій принципъ». «Я утверждаю, что онъ есть лишь техническій принципъ, что онъ можетъ далѣе обозначать также максиму пользы для отдѣльнаго хозяйственнаго субъекта, но не максиму, на которой можетъ быть основана общая хозяйственная теорія. Народнохозяйственная жизнь развивается не такъ, что отдѣльные люди удовлетворяютъ свои потребности по опредѣленнымъ психологическимъ мотивамъ, но такъ, что хозяйствующіе люди объединяются порядкомъ регулированія. Но какой принципъ лежитъ въ основѣ этого порядка регулированія, это съ своей

[1]) Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat III. F. B. 24 H. 1. 1902. S. 91.
[2]) Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. III. F. B. 43 H. 1-2 1912. S. 99.
[3]) Jahrbücher für Nationalökon. u. Stat. III F. B. 46 H. 4. 1913. S. 439.

стороны очень различно—въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы дѣло съ феодально-цеховымъ порядкомъ, капиталистическимъ порядкомъ или еще иной формой организаціи».

Изложенное сейчасъ мнѣніе представляется однако неправильнымъ, ибо техническій принципъ не можетъ имѣть хозяйственнаго содержанія, частнохозяйственный принципъ не можетъ быть предполагаемъ при отрицаніи самостоятельной области частнаго хозяйства и особой частнохозяйственной науки и, наконецъ, народнохозяйственная жизнь не можетъ заимствовать свою руководящую максиму изъ правопорядка. Воззрѣнія Diehl'я представляютъ собою искаженіе теоріи Stammler'а, въ которой вообще не предполагаются ни техническій ни частнохозяйственный принципы.

Heinrich Dietzel[1] признаетъ, что во всякой своей разумной дѣятельности люди руководятся принципомъ сбереженія (Sparprincip), наиболѣе краткая общая формула котораго: «максимумъ пользы за минимумъ стоимости». Мотивомъ, непосредственно побуждающимъ къ соблюденію принципа сбереженія, онъ указываетъ стремленіе быть въ готовности къ удовлетворенію потребностей въ будущемъ. Dietzel признаетъ, что «хозяйственность хозяйственной дѣятельности обезпечивается въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ хозяйственность нашей остальной дѣятельности. Рѣшеніе, какъ должно дѣйствовать, чтобы дѣйствовать хозяйственно, равно какъ сужденіе, удалось ли и въ какой мѣрѣ дѣйствовать такъ, достигается въ области хозяйства съ гораздо меньшими затрудненіями, нежели гдѣ-либо внѣ ея. Такимъ образомъ хозяйство есть прежде всего арена, на которой можно наблюдать сущность и дѣйствіе принципа сбереженія. Всеобщій методъ раціональной дѣятельности выступаетъ внутри этой особенной категоріи наиболѣе явственно. Этимъ оправдывается приравненіе береженія и хозяйствованія». Но съ другой стороны, Dietzel признаетъ ошибочнымъ отождествленіе хозяйства съ цѣлесообразной дѣятельностью вообще, какъ и игнорированіе «факта, что хозяйственный принципъ есть общій принципъ

[1]) Theoretische Socialökonomik. Allgem. Theil. § 5 S. 175 ff.; см. также: S. 18, 83.

разума». «Соціальная экономика имѣетъ дѣло не съ совокупностью благъ, на которыхъ сберегается, но лишь съ одной категоріей ихъ — вещественными». Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ утверждаетъ цитируемый авторъ, «заблужденіе, якобы береженіе и хозяйственная дѣятельность равнозначущи, отразилось неблагопріятно и на ученіи о хозяйственныхъ благахъ».

На нашъ взглядъ, однако, Dietzel погрѣшаетъ въ своемъ произвольномъ и слишкомъ узкомъ опредѣленіи хозяйственныхъ благъ, а также хозяйственной дѣятельности. Соблюденіе техническихъ требованій, основныхъ требованій этики, права и пр. принадлежитъ также къ правиламъ разума и мудрости. Принципъ хозяйственности поэтому нельзя отождествлять съ принципомъ разумной дѣятельности вообще, какъ это въ сущности дѣлаетъ Dietzel.

Carl Fuchs[1] опредѣляетъ принципъ хозяйственности, какъ «стремленіе достичь преднамѣренной цѣли, въ области хозяйства — пріобрѣтенія благъ, съ возможно малой затратой въ вознагражденіи, издержкахъ, стало быть, возможно дешево, возможно бережливо». «Но и возможно большее потребленіе благъ представляется задачею народнаго хозяйства; раздѣленіе должно быть поэтому таково, чтобы это достигалось, и гдѣ одно противорѣчитъ другому, тамъ дѣло идетъ о томъ, чтобы найти правильный компромиссъ — въ этомъ суть всѣхъ проблемъ народнаго хозяйства. Но этимъ самымъ сказано, что — и почему именно — принципъ хозяйственности, хозяйственный эгоизмъ никогда не можетъ быть господствующимъ принципомъ народнаго хозяйства. Такъ какъ всѣ потребности всѣхъ не могутъ быть удовлетворены, въ хозяйственной области не существуетъ общей гармоніи интересовъ, но всегда конфликты интересовъ, и вообще уже принадлежность къ совокупному цѣлому имѣетъ слѣдствіемъ, что индивидъ необходимо — либо добровольно (и именно въ силу нравственности или же благоразумія, т. е. утонченнаго эгоизма) либо вынужденно — долженъ быть во вниманіе къ другимъ ограниченъ въ преслѣдованіи своего собственнаго интереса возможно дешеваго полученія благъ».

[1]) Volkswirtschaftslehre. 2 Aufl. 1909. S. 11, 21 f.

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается рядъ противорѣчій, при чемъ принадлежащія къ нимъ одностороннія сужденія относятся къ опредѣленію экономическаго принципа. C. Fuchs характеризуетъ этотъ принципъ, какъ индивидуалистическое стремленіе, дѣйствующее также и внѣ области хозяйства, не распространяющееся на потребленіе благъ, тождественное съ хозяйственнымъ эгоизмомъ, но не совпадающее съ утонченнымъ эгоизмомъ и ограничиваемое соціальной средою. Въ своей большей части это опредѣленіе представляется неправильнымъ.

Eduard Heimann[1] отвергаетъ принципъ хозяйственности по тѣмъ соображеніямъ, что этотъ принципъ могъ бы проявить свое дѣйствіе при отсутствіи соціальныхъ и естественнотехническихъ препятствій. Heimann возвращается поэтому къ классической конструкціи экономическаго человѣка и началу эгоизма. Другими словами, Heimann, отказываясь отъ законной научной абстракціи въ пониманіи хозяйственнаго принципа и въ виду неприложимости къ нему эмпирической точки зрѣнія, возвращается къ методу абстрактно-дедуктивнаго изслѣдованія, исходя изъ произвольныхъ презумпцій. Подобное рѣшеніе обсуждаемой нами научной проблемы должно быть признано совершенно несостоятельнымъ.

Противъ мнѣнія, что всякая дѣятельность людей, при которой соблюдается экономическій принципъ, представляется въ силу этого хозяйственной, высказался также Fr. J. Neumann[2]. Въ качествѣ аргумента онъ указываетъ на то, что и техникъ, если только онъ дѣйствуетъ разумно, соблюдаетъ этотъ принципъ. При этомъ, очевидно, не предполагается, что одна и та же дѣятельность совмѣщаетъ въ себѣ и техническую и хозяйственную и прочія присущія ей стороны. Оговорка же автора, что техникъ, въ отличіе отъ хозяйствующаго субъекта, стремится просто къ достиженію наибольшаго результата съ наименьшими средствами, представляется непонятной, пока не выяснено, въ какомъ смыслѣ берутся эти величины, для

[1]) Methodologisches zu den Problemen des Wertes und des wirtschaftlichen Prinzips. Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik. B. 37. H. 3. Nov. 1913. S. 794 ff.

[2]) Grundlagen der Volkswirtschaftslehre. 1889. S. 4 ff.

которыхъ техника не даетъ, напр., никакой опоры. Придя къ отрицательному заключенію относительно экономическаго принципа, какъ критерія хозяйственной дѣятельности, Neumann признавалъ необходимость гораздо болѣе узкаго пониманія хозяйства.

J. Schumpeter[1], разбирая нѣкоторыя опредѣленія экономики, высказывается противъ опредѣленія ея чрезъ экономическій принципъ. «Ибо этотъ принципъ имѣетъ гораздо болѣе обширную область примѣненія, имѣетъ ту же общность, что и логическое правило. Но если съ одной стороны это опредѣленіе слишкомъ обширно, то съ другой стороны оно однако содержитъ не все, что нужно: хозяйственный принципъ самъ по себѣ недостаточенъ, чтобы представить и разрѣшить наши проблемы».

Werner Sombart[2] утверждаетъ, что съ одной стороны принципъ хозяйственности распространяется и на дѣйствія, не принадлежащія къ хозяйственной дѣятельности, съ другой же —хозяйственная дѣятельность можетъ и не согласоваться и часто не согласуется съ принципомъ хозяйственности, содержаніе котораго выражается въ стремленіи достигнуть возможно большаго результата съ возможно малой затратой или, другими словами, затратить возможно менѣе для достиженія извѣстнаго результата.

Rudolf Stammler[3], въ своей соціально-научной теоріи отправляющійся отъ отрицанія внутренняго самоурегулированія хозяйственной стороны соціальной жизни, относится отрицательно и къ экономическому принципу. Приступая къ обсужденію послѣдняго, онъ прежде всего заявляетъ, что этотъ принципъ, на которомъ особенно настаиваетъ Adolf Wagner, не представляетъ единаго высшаго понятія in abstracto. Stammler воспроизводитъ затѣмъ то опредѣленіе экономическаго принципа, какое далъ Wagner, присоединяя къ этому свои собственные поясненія и выводы. Выясненіе смысла этого принципа Stammler считаетъ возможнымъ лишь съ помощью

[1]) Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. 1908. S. 31.
[2]) Technik und Wirtschaft. 1901. S. 5.
[3]) Wirtschaft und Recht usw. Abs. 28 S. 149 ff.

тезиса эвдемонизма: «Если человѣкъ ставитъ себѣ цѣлью лишь свою субъективную удовлетворенность, то умѣстны лишь такія средства, которыя и на дѣлѣ обезпечиваютъ или повышаютъ его наслажденіе. Оказывается ли въ отдѣльномъ случаѣ это «если», представляется открытымъ вопросомъ. Эта цѣль не есть ни единственная ни необходимая и не заключаетъ въ себѣ общезначимаго закона человѣческихъ цѣлей». «Это положеніе даетъ указаніе, какъ слѣдуетъ гипотетически вести себя. Но при своемъ примѣненіи въ практической жизни оно зависитъ отъ конкретной обстановки, при которой должно послѣдовать его примѣненіе. Эта обстановка не создается имъ a priori, но предполагается сама по себѣ. И лишь къ данной обстановкѣ можно приложить его, какъ формальную максиму дѣйствующаго. Принципъ хозяйственности не создаетъ такимъ образомъ, особаго объекта научнаго разсмотрѣнія, но можетъ найти себѣ примѣненіе лишь внутри отдѣльныхъ отраслей знаній о человѣческой дѣятельности и поведеніи, тогда какъ разграниченіе этихъ отраслей знаній должно происходить по основоположнымъ качествамъ трактуемаго объекта независимо отъ экономическаго принципа. Слѣдовательно, ссылкою на экономическій принципъ нельзя получить единое высшее понятіе хозяйства in abstracto, какъ своеобразный цѣлостный объектъ научнаго познанія. Этотъ такъ называемый принципъ хозяйственности не представляетъ собой естественно-необходимаго и неизмѣннаго «должно», съ нарушеніемъ котораго человѣкъ вообще не могъ бы существовать; онъ можетъ быть лишь субъективной максимой, относительно общенаблюдаемымъ порядкомъ, какимъ люди, преслѣдуя свои цѣли, стараются удовлетворить свои потребности. Этотъ «экономическій» порядокъ не исключаетъ и иныхъ, противорѣчащихъ ему возможностей, и въ отдѣльныхъ случаяхъ люди подъ разнообразными вліяніями подчиняются имъ. И поэтому онъ можетъ проявиться какъ при абстрактно представляемомъ изолированномъ существованіи, такъ и внутри соціальнаго хозяйства;—и тамъ и здѣсь въ болѣе или менѣе сильной степени. Но ни одинъ экономистъ не въ правѣ отказаться отъ того, чтобы привлечь въ кругъ своего научнаго изслѣдованія

и то соціальное сотрудничество, при которомъ поступаютъ въ названномъ смыслѣ нехозяйственно».

Stammler приходитъ, такимъ образомъ, къ отрицательному выводу, который можно представить, какъ устраненіе принципа хозяйственности изъ содержанія науки о народномъ хозяйствѣ, при чемъ «объектомъ національной экономіи остается конкретная организація опредѣленно урегулированнаго сотрудничества, направленнаго къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей». Итакъ, наука о конкретномъ, регулируемомъ извнѣ, со стороны права?! Но какое содержаніе могла бы имѣть подобная наука, помимо описательнаго или прикладного? Нельзя также признать правильными отнесеніе принципа хозяйственности собственно къ удовлетворенію потребностей ни связанное съ этимъ признаніе его чисто субъективной максимой, тогда какъ онъ долженъ быть относимъ, очевидно, ко всему содержанію хозяйственной дѣятельности, ни также отнесеніе его къ лишь абстрактно представляемому изолированному существованію людей. Такой же характеръ имѣетъ и подстановка «нехозяйственнаго» взамѣнъ «болѣе или менѣе хозяйственнаго» въ заключительной цитатѣ. Обращаясь также съ придирчивой критикой противъ отнюдь не идеальной формулировки этого принципа у Wagner'a, Stammler придаетъ этой своей критикѣ общее значеніе. Сгосе замѣчаетъ объ этомъ: «Штаммлеръ пространно полемизируетъ противъ взгляда на экономію, какъ самостоятельную науку, имѣющую собственные законы и восходящую къ первоначальному и неразложимому экономическому принципу». По мнѣнію Штаммлера, «есть дилемма между разсмотрѣніемъ технолого-естественнымъ и соціальнымъ: ничего третьяго нѣтъ. Онъ повторяетъ это много разъ и всегда въ тѣхъ же выраженіяхъ. Но дилеммы, которою онъ такъ неудачно вдохновился у Канта, нѣтъ, а имѣетъ мѣсто трилемма: кромѣ конкретныхъ соціальныхъ фактовъ и технолого-естественныхъ знаній есть третье—экономическій принципъ, или гедонистическій постулатъ, какъ его можно назвать. Штаммлеръ утверждаетъ, что эта третья вещь неравноцѣнна съ двумя первыми, что она имѣетъ второстепенное значеніе. Мы, признаемся, не понимаемъ, что это должно означать. Онъ долженъ былъ

показать, что этотъ принципъ сводится къ двумъ первымъ, т. е. къ техникѣ или къ соціальнымъ условіямъ; но онъ этого не сдѣлалъ, и мы не знаемъ, какъ это можно было бы сдѣлать»[1].

Max Weber[2] ограничиваетъ роль и значеніе экономическаго принципа, признавая его лишь евристическимъ принципомъ. Какъ онъ утверждаетъ, хозяйственный принципъ «формулируетъ свои сужденія слѣдующимъ образомъ: если бы нѣкто зналъ всѣ свои теперешнія и будущія потребности съ божественнымъ всевѣдѣніемъ и по отношенію къ нимъ былъ въ состояніи принять рѣшеніе, съ одной стороны, и если бы онъ съ божественнымъ всевѣдѣніемъ зналъ также имѣющіеся запасы и необходимыя затраты труда для покрытія этихъ потребностей въ благахъ—возможные и наличные, соображаемые съ своей стороны съ тѣмъ, какія потребности имѣются у столькихъ-то другихъ людей, которые бы хотѣли имѣть и эти блага, если бы онъ все это зналъ,—какъ онъ дѣйствовалъ бы, подчиняясь принципу покрытія возможно многихъ своихъ потребностей наличными средствами?» Weber утверждаетъ, что «никогда въ дѣйствительности человѣкъ не находится въ такомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе эта теоретически предположенная дѣятельность, чистый продуктъ мышленія, представляется цѣннымъ въ евристическомъ отношеніи при анализѣ дѣйствительной дѣятельности. Ибо опытъ показываетъ, что дѣйствительная дѣятельность проявляетъ извѣстныя тенденціи приближенія къ такой чисто раціональной дѣятельности, и особенно во время экономическаго раціонализма, какъ наше. Мы были бы совершенно не въ состояніи проанализировать дѣйствительную дѣятельность людей въ хозяйственной области, если бы предварительно мы не представили себѣ строго раціональную дѣятельность людей, какъ она въ дѣйствительности не бываетъ, даже и на биржѣ». M. Weber въ заключеніе сравниваетъ это предположеніе раціональной дѣятельности съ таковою же въ военной стратегіи, при чемъ—весьма не кстати для себя—конкретизируетъ это сравненіе на опредѣленномъ историческомъ фактѣ.

---

[1]) Materialismo storico ed economia marxistica. P. 151 s.

[2]) Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. 1911. S. 329 f.

Это сравненіе съ областью военнаго дѣла само по себѣ правильно и могло бы быть взято также изъ всѣхъ другихъ отраслей культуры. Нельзя оспаривать также, что человѣческая дѣятельность всегда базируется на болѣе или менѣе вѣроятныхъ и болѣе или менѣе полныхъ предположеніяхъ, а иногда бываетъ даже подсознательной. Но изъ всего этого не слѣдуетъ, что экономическій принципъ имѣлъ бы лишь научно-гевристическое значеніе, а не имѣлъ бы характера практически проявляющагося стремленія или правила цѣлесообразности въ одномъ изъ ея спеціальныхъ проявленій[1], при чемъ такое практическое стремленіе или правило находитъ себѣ поддержку и въ другихъ отрасляхъ культуры и становится также объектомъ научнаго изслѣдованія. Въ общемъ, воззрѣніе Weber'a есть неудачное видоизмѣненіе старыхъ воззрѣній, представителями которыхъ были J. St. Mill и J. Cairnes.

Leopold v. Wiese[2] въ вопросѣ объ экономическомъ принципѣ обнаруживаетъ нѣкоторую двойственность мнѣнія. Имѣя въ виду экономическій принципъ, онъ даетъ слѣдующее опредѣленіе существа хозяйства: «Хозяйничать означаетъ не только снабженіе матеріальными благами, но и покрытіе потребленія, при чемъ стремятся достигнуть возможно большаго результата съ возможно малой затратой». «Регулированіе всего хозяйства», продолжаетъ онъ, «(и вмѣстѣ, всего производства) экономическимъ принципомъ не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ выдвинуто на первый планъ нашихъ изслѣдованій». «На сколько наука о народномъ хозяйствѣ представляется не только описательной, но и нормативной наукой и «чистой экономикой», она измѣряетъ явленія, которыми она занимается, масштабомъ названнаго принципа. Равнымъ образомъ, въ практикѣ онъ представляетъ критерій хозяйственности». Но вслѣдъ за этимъ Wiese высказываетъ, что «экономическій принципъ представляетъ spezificum изъ болѣе общаго принципа бережливости, по сколько дѣло идетъ объ уменьшеніи издержекъ, и принципа максимума, по сколько стремятся къ повышенію дохода. Въ этихъ болѣе универсальныхъ положе-

[1]) См. замѣчаніе D. Ricardo, приведенное выше, на стр. 618.

[2]) Wirtschaft und Recht der Gegenwart. B. I. Politische Oekonomie. 1912. I. Einleitung. § 2 S. 3 f.

ніяхъ онъ выходитъ далеко за предѣлы хозяйственной жизни». «Этимъ, конечно, ослабляется значеніе экономическаго принципа, какъ отличительнаго признака хозяйства по отношенію къ техникѣ, праву и пр.», такъ что становится невозможнымъ опредѣленіе хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ производства однимъ лишь экономическимъ принципомъ. Такое, очевидно, неправильное заключеніе о производномъ и составномъ характерѣ «принципа» проистекаетъ все изъ того же предубѣжденія противъ приданія полнаго объема понятію хозяйственной дѣятельности. Wiese такъ проникнутъ этимъ, что находитъ возможнымъ говорить о [хозяйственномъ] доходѣ отъ нехозяйственнаго труда.

Наконецъ, W. Wygodzinski[1], лишь исходя изъ гипотезы «хозяйственнаго человѣка», приписываетъ ему «просвѣщенный эгоизмъ», который направляетъ человѣка къ соблюденію принципа наименьшаго средства, выражающемуся въ стремленіи къ достиженію максимума хозяйственныхъ потребностей съ минимумомъ хозяйственныхъ затратъ. Такая формулировка представляетъ экономическій принципъ выводомъ абстрактно-дедуктивнаго изслѣдованія, какъ у нѣкоторыхъ представителей классической школы.

66. Во французской литературѣ принципъ хозяйственности трактуется лишь нѣкоторыми экономистами. Сюда принадлежитъ болѣе близкій германской экономической литературѣ Maurice Block[2]. Онъ указываетъ слѣдующія различныя формулировки этого принципа: «стремиться получить наибольшій результатъ съ наименьшимъ усиліемъ; производить съ возможно наименьшими издержками (при равномъ качествѣ); примѣнять наиболѣе дѣйствительныя средства». Какъ правильно замѣчаетъ цитируемый авторъ, «этотъ принципъ содержится въ выраженіи: экономія, понимаемомъ въ смыслѣ хорошаго завѣдыванія, т. е. взвѣшеннаго примѣненія капиталовъ, равно какъ продуктовъ, избѣгая безполезныхъ или преувеличенныхъ издержекъ и не впадая въ скупость. Эконо-

[1]) Einführung in die Volkswirtschaftslehre. S. 10 f. См. выше, § 25 стр. 132.
[2]) Les progrès de la science économique etc. T. I. 1890. Chap. X p. 273, 277.

мятъ чрезъ предвидѣніе, т. е. сохраняютъ средства для удовлетворенія будущихъ потребностей». По дальнѣйшему объясненію цитируемаго автора, «экономическій принципъ есть разсудительное примѣненіе силъ и матеріаловъ къ удовлетворенію потребностей въ настоящемъ и будущемъ. Противники думали принизить его говоря: но вѣдь то, что вы описываете, есть просто дѣйствіе разума». «Дѣйствительно, разумъ рекомендуетъ экономить и предусматривать будущее и, болѣе спеціально, сносить терпѣливо меньшее зло въ настоящемъ, либо чтобы избѣжать большаго зла въ будущемъ, либо также чтобы доставить себѣ удовольствіе вполнѣ компенсирующее». «Принципъ наименьшаго усилія — основанный на свойствахъ человѣческой природы: 1) быть очень чуткими къ страданію и къ удовольствію, 2) примѣнять разумъ, чтобы избѣгать перваго и доставлять себѣ второе, — можетъ быть, лучше выясняетъ экономическое явленіе, чѣмъ эгоизмъ, который столь продолжительное время былъ выдвигаемъ впередъ въ подобномъ случаѣ». По вопросу о соціальномъ значеніи этого принципа M. Block высказываетъ, что, въ противность обособленію началъ каждой науки въ теоріи, въ практическомъ примѣненіи эти разнородныя начала комбинируются и взаимно умѣряются, и что, доведенное до крайности, даже summum jus обращается въ summa injuria. «Кромѣ того, производитель въ производствѣ встрѣчается лицомъ къ лицу съ природой, и преимущественно къ производству и примѣняется экономическій принципъ».

Бельгійскій экономистъ Émile de Laveley[1], не называя принципа хозяйственности, ввелъ его въ свое опредѣленіе политической экономіи, какъ «науки, опредѣляющей, какіе законы должны принять люди, чтобы имѣть возможность съ возможно наименьшими усиліями доставить себѣ возможно болѣе полезныхъ вещей для удовлетворенія своихъ потребностей, распредѣляя [эти вещи] согласно справедливости и потребляя ихъ согласно разума». Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится и даваемое нѣсколько выше опредѣленіе: «Какіе законы должны быть приняты людьми, чтобы достичь,

[1]) Éléments d'économie politique. 2 éd. L. I chap. I § 1 p. 2 et suiv.

посредствомъ труда, наиболѣе полнаго и наиболѣе разумнаго удовлетворенія своихъ потребностей,—вотъ проблема, разрѣшенія которой ищетъ политическая экономія».

Joseph Rambaud[1], ссылающійся на Fr. Quesnay, даетъ слѣдующее, принадлежащее сюда, опредѣленіе: «Подъ экономическимъ принципомъ разумѣютъ тотъ постулатъ разума и опыта, что человѣкъ, непреодолимо побуждаемый къ исканію своего счастья, столь же непреодолимо побуждается стремиться къ максимуму того, что онъ разсматриваетъ, какъ результатъ или пользованіе, съ минимумомъ того, что онъ называетъ усиліемъ или страданіемъ. Съ точки зрѣнія пользованія (de la jouissance), каково бы оно ни было, это есть принципъ гедонистическій; съ точки же зрѣнія обладанія благами и удовлетворенія потребностей физическаго порядка, это—экономическій принципъ въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова». Въ соотвѣтствіи съ своимъ ограничительнымъ опредѣленіемъ области хозяйства, Rambaud замѣчаетъ: «Этотъ принципъ имѣетъ универсальное примѣненіе, разумѣется, и за предѣлами политической экономіи».

Charles Gide[2] приписываетъ психологической или австрійской школѣ возобновленіе стараго классическаго принципа подъ именемъ гедонистическаго принципа: «достигать максимума удовлетворенія съ минимумомъ усилія».

Изъ англійскихъ экономистовъ W. Stanley Jevons[3]—также представитель психологическаго направленія—далъ слѣдующее опредѣленіе: «Удовольствіе и тягостность суть, безъ сомнѣнія, послѣдніе объекты экономическаго расчета. Удовлетворять наши потребности въ высшей мѣрѣ, обезпечивать наибольшее количество того, что желательно, цѣною наименьшаго не-желательнаго, другими словами—довести удовлетворенность до максимума есть проблема экономики».

John Neville Keynes[4] признаетъ эту постановку проблемы экономики слишкомъ психологической и недостаточно соціаль-

---

[1]) Cours d'économie politique. T. I. 1910. § 8 p. 15 et suiv.

[2]) Cours d'économie politique. 2 ed. 1911. p. 8.

[3]) Theory of Political Economy. 4 ed. 1911. chap. III p. 37; также: chap. I p. 23.

[4]) The Scope and Method of Political Economy. 3 ed. 1904. p. 91 note, p. 119

ной. Самъ онъ признаетъ стремленіе къ богатству, хотя и не единственнымъ, но все же преобладающимъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности, и поэтому заключаетъ: «Абстракція, въ силу которой люди расположены въ своихъ хозяйственныхъ оборотахъ дѣйствовать, имѣя исключительно въ виду извѣстную ближайшую цѣль, именно достиженіе максимума цѣнности съ минимумомъ усилія и пожертвованія, имѣетъ тѣмъ не менѣе свое мѣсто, и весьма значительное мѣсто, въ политической экономіи».

Въ итальянской литературѣ Luigi Cossa[1] указываетъ на первомъ мѣстѣ въ ряду презумпцій политической экономіи начало выгоды (il tornaconto): «Въ экономическомъ строѣ главный и обычный двигатель человѣческой дѣятельности есть выгода, которая здѣсь побуждаетъ искать наибольшей пользы съ возможно меньшей суммой силъ, пожертвованій и рисковъ (законъ наименьшаго средства)». Cossa признаетъ этотъ принципъ, въ представленіи экономической науки, чисто психическимъ, а не моральнымъ явленіемъ, такъ какъ законъ наименьшаго средства не связанъ необходимо ни съ нравственно корректнымъ ни съ некорректнымъ использованіемъ богатствъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ начало выгоды не должно смѣшивать съ чисто индивидуальнымъ интересомъ (исключающимъ всякое отношеніе къ семьѣ) и въ особенности съ эгоизмомъ, выражающимся въ преобладаніи собственнаго интереса въ ущербъ правамъ другого».

Benedetto Croce[2] предполагаетъ экономическій принципъ, проявляющій свое дѣйствіе чрезъ экономическіе феномены, т. е. понятія-установленія.

Augusto Graziani[3] выводитъ экономическій принципъ изъ того, что «это отношеніе между безграничностью потребностей и трудностью пріобрѣтенія благъ привноситъ въ человѣческое поведеніе, въ нормальныхъ условіяхъ, критерій экономіи — во всѣхъ дѣйствіяхъ, относящихся къ пріобрѣтенію богатствъ». Въ виду указаннаго отношенія индивидъ «естественно стремится достичь максимальнаго результата съ наименьшей

[1]) Introduzione allo studio dell' economia politica. 3 ed. P. 87 s., 124 s.
[2]) O. c., p. 151—4.
[3]) Istituzioni di economia politica. 3 ed. 1908. P. 2 s.

затратой, наибольшей пользы съ наименьшей суммой пожертвованій. Сила и время, посвященныя одной цѣли, отнимаются отъ другихъ цѣлей; поэтому надлежитъ получать наибольшую пользу отъ располагаемыхъ средствъ, получая съ помощью ихъ наибольшее и наиболѣе согласованное удовлетвореніе. Этотъ принципъ наименьшаго средства», продолжаетъ авторъ, «неправильно обозначать выраженіемъ: эгоизмъ, по крайней мѣрѣ, понимая его въ значеніи обыденнаго словоупотребленія и въ свойственномъ моральной наукѣ». Выясняя различіе между двумя этими понятіями, Graziani указываетъ, что примѣненіе этого принципа можетъ имѣть результатомъ наиболѣе полное удовлетвореніе потребностей безъ всякаго отношенія къ другимъ индивидамъ, къ этическому характеру дѣйствія и къ болѣе отдаленной цѣли индивидуальной дѣятельности, при чемъ присоединяетъ къ этому оговорку, что, конечно, никакой актъ не представляется нравственно индиферентнымъ.

Изъ болѣе раннихъ экономистовъ Fedele Lampertico[1], ссылаясь на Schäffle, приписывалъ однако еще гораздо болѣе обширное значеніе принципу экономіи. «Великій законъ экономіи», утверждалъ онъ, «проявляется во всей вселенной, законъ, который обыкновенно характеризуется, какъ законъ наименьшаго средства, вслѣдствіе того, что съ помощью его при наименьшей затратѣ достигается наибольшій полезный результатъ». «Наука, называемая экономикой, въ особенности предназначается постигать и изслѣдовать въ своей области, т. е. по отношенію къ своему объекту, законъ, управляющій экономическимъ обоснованіемъ вселенной, законъ, не допускающій ни малѣйшаго недостатка въ томъ, что необходимо, и ни малѣйшаго излишка въ томъ, что необходимо». По дальнѣйшему замѣчанію автора, экономика, имѣя своимъ предметомъ «законъ экономіи, также и законъ соотвѣтствія между результатомъ и затратой, разсматриваетъ блага не только по ихъ качеству, но и по ихъ количеству».

По мнѣнію Ugo Mazzola[2] «экономія предполагаетъ, что дѣйствіе имѣетъ мѣсто, когда тягость-стоимость предста-

[1]) Economia dei popoli e degli stati. Introduzione. 1874. Cap. I.
[2]) I dati scientifici della finanza pubblica. 1890. p. 18.

вляетъ меньшую величину, нежели тягость-потребность. Говоря точнѣе, такъ выражается понятіе гедонистическаго расчета, понимаемаго вообще, какъ сопоставленіе величинъ пріятныхъ и непріятныхъ»,—«не сопоставленіе двухъ различныхъ (хотя бы обоюдно превратимыхъ) качествъ, какъ страданіе и удовольствіе, но наоборотъ, какъ расчетъ двухъ тождественныхъ качествъ разной мѣры: тягость-потребность и тягость-стоимость. Дѣйствіе осуществляется, когда второе меньше перваго, и въ обратномъ случаѣ—не осуществляется». Въ этомъ своемъ воззрѣніи цитируемый авторъ довольно близко подходитъ къ воззрѣніямъ Fr. Bastiat и, съ другой стороны, W. Stanley Jevons'a.

Achille Loria, въ переработанномъ имъ очеркѣ политической экономіи Emilio Nazzani[1], высказываетъ: «Въ экономическомъ порядкѣ главный двигатель человѣческихъ дѣйствій есть индивидуальная выгода, которая побуждаетъ человѣка избѣгать страданія, утомленія, труда, желать удовольствія (богатства) для достиженія чрезъ то наибольшаго богатства съ наименьшимъ усиліемъ».

Maffeo Pantaleoni[2] въ основу своей экономической теоріи принялъ гедонистическій принципъ. По опредѣленію цитируемаго автора, «экономическая гипотеза, согласно которой люди побуждаются въ производствѣ, потребленіи, распредѣленіи и обращеніи богатства, исключительно желаніемъ получить максимумъ удовлетворенія своихъ потребностей, допускаемаго обстоятельствами и съ возможно наименьшимъ индивидуальнымъ пожертвованіемъ, можетъ быть принята, какъ постулатъ условнаго факта, вслѣдствіе чего было бы безразлично изслѣдовать, согласуется ли онъ болѣе или менѣе строго съ дѣйствительной жизнью».

Camillo Supino[3], въ своемъ курсѣ политической экономіи, исходитъ изъ несоразмѣрности между потребностями и средствами ихъ удовлетворенія, откуда и заключаетъ къ необходимости для политической экономіи изысканія болѣе эконо-

[1]) Sunto di economia politica. 12 ed. 1911. p. 8.

[2]) Pantaleoni. Principi di economia pura. 1890. Ch. II § I. (Transl. by T. B. Bruce. 1898.)

[3]) Principi di economia politica. 3 edit. 1908. p. 5 s.

мическаго метода полученія или использованія необходимыхъ средствъ къ удовлетворенію потребностей. «И поэтому наша наука находитъ свою точку отправленія и свое основаніе въ законѣ минимальнаго средства. Этотъ законъ въ дѣйствительности обнаруживается въ каждомъ экономическомъ явленіи, такъ какъ если производство есть уничтоженіе полезности для обладанія большей полезностью, то потребленіе есть пожертвованіе, происходящее въ виду соотвѣтствующаго пользованія; и если въ обмѣнѣ каждый старается дать возможно менѣе и получить возможно болѣе, въ распредѣленіи каждый желаетъ имѣть наибольшее вознагражденіе за услугу, оказываемую имъ, также какъ пользующійся ею желаетъ оплатить ее возможно ниже. Этотъ законъ служитъ для различенія политической экономіи отъ технологіи». «Этотъ законъ даетъ, наконецъ, политической экономіи характеръ и строгость науки, такъ какъ, если у извѣстныхъ человѣческихъ дѣйствій можетъ быть опредѣлена цѣль, именно—возможно наибольшее удовлетвореніе потребностей, и можетъ быть опредѣлено средство, именно—наименьшее усиліе, то мы всегда въ состояніи установить тотъ единый путь, который, среди столькихъ вліяній каприза, произвола или случая, лучше отвѣчаетъ экономическому постулату».

Въ своей болѣе ранней журнальной статьѣ C. Supino[1], исходя изъ того же соотношенія потребностей и необходимыхъ для удовлетворенія ихъ средствъ, заключаетъ отсюда, что каждый старается «посвятить для всякой отдѣльной потребности возможно меньшее количество благъ, такъ какъ всякое безполезное расходованіе ихъ означаетъ лишеніе другихъ удовлетвореній. Съ другой стороны, блага недостижимы иначе, какъ посредствомъ труда, причиняющаго непріятность, тягость, пожертвованіе извѣстнаго количества жизни, предназначенное на производство того, что необходимо для приращенія жизни». «Но количество жизнедѣятельности, которымъ каждый можетъ располагать, ограничено закономъ природы, вслѣдствіе чего человѣкъ побуждается примѣнять воз-

[1]) La teoria del valore e la legge del minimo mezzo. Giornale degli Economisti. 1889. Vol. IV. Fasc. 4. p. 424—449.

можно меньше труда для полученія благъ, необходимыхъ для отдѣльной потребности; ибо трудъ, въ большемъ количествѣ посвященный производству, нежели потребно, есть безполезное расходованіе жизни, есть препятствіе для полученія иныхъ полезностей и иныхъ удовлетвореній». «Законъ наименьшаго средства есть основаніе всей соціальной экономіи, такъ какъ въ силу этого закона человѣкъ 1) создаетъ прогрессъ производства, стараясь все болѣе сокращать трудъ и увеличивать количество или повышать качество продуктовъ, 2) побуждается къ обмѣну, стараясь отдавать менѣе полезные продукты для полученія болѣе полезныхъ, 3) регулируетъ потребленіе, предназначая для того минимальное количество благъ и стараясь получить наибольшее возможное удовлетвореніе». Какъ замѣчаетъ Supino въ заключеніе, «при необходимости теоретической, раціональной, чистой экономіи, она не можетъ найти себѣ прочнаго основанія, кромѣ какъ базируясь на законѣ наименьшаго средства и разсматривая внутренній экономическій процессъ, какъ выраженіе расчета цѣнности, представляющей слѣдствіе этого закона».

67. Въ русской экономической литературѣ Э. Вреденъ[1], исходя изъ несоразмѣрности въ ростѣ силъ и способностей человѣка съ энергіею потребностей, заключаетъ, что человѣкъ «долженъ стараться объ одномъ: съ наименьшими усиліями одолѣвать наивозможно большій гнетъ отъ зависимости міровой, или удовлетворять наивозможно большему количеству потребностей. Затѣмъ онъ долженъ, для возможности борьбы съ зависимостью міровой, неизбѣжно свои потребности подчинять такому хозяйственному разграниченію, чтобы удовлетворять сначала тѣмъ, безъ которыхъ невозможно дальнѣйшее существованіе, а за ними уже приступить къ удовлетворенію разнаго рода другимъ. Всякая дѣятельность съ такимъ характеромъ есть уже хозяйственная и только дѣятельность, которая отличается расчетливостью, соображеніемъ или соразмѣреніемъ своего слабосилія съ необъятностью потребностей, и должна и можетъ составлять предметъ ученія о хо-

[1]) Курсъ политической экономіи. 2 изд. 1880. § 2 и сл., стр. 6 и сл.

зяйствѣ, или науки политической экономіи».

Графъ С. Ю. Витте[1] характеризуетъ хозяйственную дѣятельность «стремленіемъ человѣка достичь наибольшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями. Этому основному хозяйственному принципу сознательно или безсознательно слѣдуютъ всѣ; однако, далеко не всѣмъ удается съ одинаковымъ успѣхомъ провести его въ своей дѣятельности. Важнѣйшей помѣхой осуществленію основного принципа хозяйственной дѣятельности является недостатокъ техническихъ знаній».

П. И. Георгіевскій[2] пріурочиваетъ понятіе экономическаго принципа къ понятію хозяйства. «При этомъ», высказываетъ цитируемый авторъ, «въ виду безграничности потребностей и крайней, сравнительно, ограниченности силъ, которыми располагаетъ человѣкъ, а потому и невозможности удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, человѣкъ долженъ руководиться экономическимъ принципомъ, который, съ ограниченіями, обусловленными требованіями этики, и ложится въ основаніе хозяйственной дѣятельности его и который можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: въ производствѣ—стремиться получить возможно большее количество цѣнностей при возможно меньшихъ затратахъ, а при потребленіи—возможно меньшимъ количествомъ цѣнностей удовлетворить возможно большему количеству потребностей, въ порядкѣ ихъ настоятельности». Какъ поясняетъ авторъ въ 2-мъ томѣ своего курса, должно стремиться не столько къ сокращенію потребностей, сколько къ возможно большему производству цѣнностей (благъ).

А. Д. Билимовичъ[3], въ своемъ изслѣдованіи явленій расцѣнки въ сферѣ хозяйственной жизни, «при построеніи механизма рыночныхъ цѣнъ отправляется отъ положенія, что человѣкъ руководится въ обмѣнѣ и распредѣленіи только стремленіемъ къ возможно большей хозяйственной выгодѣ», при чемъ однако признаются и отклоняющія вліянія другихъ мотивовъ.

---

[1]) Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ. Лекція I. Стр. 1.

[2]) Политическая экономія. 1 изд. Т. I. Стр. 30, т. II стр. 292.

[3]) Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Ч. I. Стр. 19 и сл. (Университетскія Извѣстія. Кіевъ. 1914. № 1).

Вл. Дмитріевъ[1], въ своемъ критическомъ разборѣ курса М. Туганъ-Барановскаго, высказался за признаніе хозяйственнаго расчета необходимымъ признакомъ, отличающимъ хозяйственную дѣятельность отъ не-хозяйственной. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вл. Дмитріевъ возражаетъ противъ отождествленія хозяйственнаго принципа и принципа экономіи силъ (энергіи). «Принципъ экономіи энергіи (въ разговорномъ языкѣ нерѣдко называемый принципомъ экономіи силъ или средствъ) требуетъ, чтобы данная полезная работа была выполнена съ наименьшей затратой энергіи. Въ основѣ этого принципа лежитъ, такимъ образомъ, стремленіе человѣка къ наименьшему расходованію своихъ силъ—врожденная человѣку нелюбовь къ труду и любовь къ потенціальной праздности (къ свободѣ ничегонедѣланія). Напротивъ, подъ вліяніемъ хозяйственнаго принципа человѣкъ стремится получить наибольшее количество полезной работы, какое только возможно при наивысшемъ использованіи работоспособности организма. Задача хозяйственнаго, планомѣрнаго приложенія труда сводится къ такому его распредѣленію во времени, и между отдѣльными операціями, при которомъ оказывается возможнымъ затратить въ процессы созданія полезностей не наименьшее, а наибольшее количество трудовой энергіи,—какое только способенъ развить организмъ въ данный промежутокъ времени». «Легко понять», замѣчаетъ Вл. Дмитріевъ, «что требованія обоихъ принциповъ въ отношеніи къ отдѣльнымъ случаямъ приложенія человѣческой энергіи могутъ оказаться совершенно противорѣчащими одинъ другому». «Наличность хозяйственнаго расчета всегда предполагаетъ недостаточность общаго количества труда, какимъ располагаетъ человѣкъ сравнительно съ потребностью въ немъ (въ этомъ трудѣ)».

Мысль о различеніи принципа экономіи силъ и хозяйственнаго принципа представляется не лишенною своего основанія, хотя и не вполнѣ правильно формулированною. Принципъ экономіи силъ можно понимать, какъ случай частичнаго приложенія хозяйственнаго принципа, именно безъ прямого сопоставленія средствъ и цѣлей нерѣдко

[1]) Русская Мысль. Ноябрь 1909. Стр. 120 и сл.

не совпадающій съ полнымъ соблюденіемъ послѣдняго принципа. Сюда относятся сбереженіе силъ согласно требованій гигіены, а также экономическій ходъ машины. Съ этой же точки зрѣнія и формулировка хозяйственнаго принципа у Вл. Дмитріева представляется одностороннею, при томъ въ противоположномъ направленіи.

В. Я. Желѣзновъ[1] устанавливаетъ необходимость въ хозяйственной дѣятельности «расчета человѣческихъ силъ, человѣческой выгоды, выражаемаго въ наиболѣе общей формѣ въ видѣ соразмѣренія затраты и получки, пожертвованія и удовлетворенія. Иначе говоря, хозяйственную дѣятельность проникаетъ экономическій принципъ, принципъ хозяйственности, согласно которому хозяйствующій субъектъ стремится получить съ наименьшими усиліями, затратами и пожертвованіями возможно большіе результаты, т. е. возможно большее удовлетвореніе потребностей».

А. А. Исаевъ[2] указываетъ на расчетъ, какъ на отличительную черту хозяйственной дѣятельности человѣка. По опредѣленію Исаева, хозяйственная сторона дѣятельности человѣка состоитъ въ классифицированіи потребностей и опредѣленіи количества труда, необходимаго для удовлетворенія каждой. Далѣе выясняется источникъ и характеръ расчета: «Хозяйственный расчетъ... вытекаетъ изъ нашего чувства самосохраненія; это чувство выражается въ стремленіи человѣка увеличивать имущество и бережно расходовать его; это чувство побуждаетъ человѣка напрягать силы для полученія наибольшихъ матеріальныхъ выгодъ. Это движущее начало преобладаетъ въ хозяйственной жизни, и въ наукѣ, со времени Адама Смита, большею частью, исходятъ изъ посылки, что человѣкъ дѣйствуетъ въ хозяйствѣ подъ вліяніемъ только самолюбія». Исаевъ находитъ однако необходимымъ, для болѣе полнаго изученія хозяйственныхъ явленій, «признавая начало самолюбія господствующимъ, указать и на другую силу: начало общественности». Такимъ образомъ, А. А. Исаевъ основываетъ хозяйственную дѣятельность и хозяйственный расчетъ на чувствѣ эгоизма, примыкая въ этомъ вопросѣ къ

[1]) Очерки политической экономіи. 7 изд. Стр. 5.
[2]) Начала политической экономіи. 7 изд. Стр. 11—13.

воззрѣніямъ Ад. Смита, который, очевидно, также не вовсе отрицалъ начало общественности[1].

І. М. Кулишеръ[2] указываетъ, что руководствуясь хозяйственнымъ принципомъ, человѣкъ «старается достигнуть наибольшаго результата съ наименьшими затратами», «старается произвести необходимые ему предметы, затрачивая при этомъ возможно меньше труда, пріобрѣсти нужныя ему вещи возможно дешево». «Конечно», высказывается далѣе, «этотъ принципъ расчетливости свойственъ не одной лишь хозяйственной дѣятельности, а всякой разумной дѣятельности». «Однако, въ хозяйственной дѣятельности эта бережливость, расчетливость проявляется наиболѣе рѣзко, болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Поэтому принципъ наилучшаго удовлетворенія потребностей съ наименьшими затратами мы и называемъ хозяйственнымъ и признаемъ хозяйство хорошимъ или дурнымъ въ зависимости отъ того, на сколько оно слѣдуетъ этому принципу».

А. А. Мануиловъ[3] признаетъ, что «разумное хозяйствованіе требуетъ, чтобы съ помощью производимой затраты энергіи достигался наибольшій результатъ или, что то же самое, чтобы желательный результатъ былъ достигаемъ съ наименьшими пожертвованіями». «Это одно изъ предположеній, при которыхъ экономика изслѣдуетъ интересующія ее явленія». Въ то же время цитируемый авторъ не отвергаетъ того «основного возраженія, что тотъ же принципъ обнаруживается, хотя и въ менѣе опредѣленной формѣ, и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности; и этого достаточно для того, чтобы утверждать, что онъ не можетъ считаться специфическимъ признакомъ хозяйствованія». Значеніе экономическаго принципа для экономики ограничивается также и въ томъ отношеніи, что «понятіе экономическаго принципа уже предполагаетъ понятіе цѣнности и поэтому не можетъ быть признано первоначальнымъ признакомъ хозяйствованія. Таковымъ является понятіе хозяйственной цѣнности».

Въ изложенномъ сейчасъ воззрѣніи намъ представляются неправильными слишкомъ узкое и въ то же время эмпири-

[1]) См. выше, § 8 стр. 34.
[2]) Политическая экономія. Стр. 5.
[3]) Политическая экономія. В. I. 1914. Стр. 66 и сл.

ческое представленіе содержанія хозяйственной дѣятельности и науки о ней, откуда и вытекаетъ несоотвѣтствіе между сферою экономики и экономическаго принципа, а также предположеніе какой-то логической послѣдовательности въ присоединеніи къ понятію хозяйствованія отдѣльныхъ признаковъ его. Съ отказомъ отъ такого предположенія отпадетъ и различіе между первоначальнымъ или не-первоначальнымъ характеромъ цѣнности и экономическаго принципа[1].

Д. Д. Моревъ[2] относитъ къ самому понятію хозяйства «стремленіе съ возможно меньшею затратою труда удовлетворять наибольшему количеству потребностей». По опредѣленію его, «основной законъ хозяйственности, или благоразумной экономіи, заключается въ томъ, чтобы при добываніи возможно меньшею затратою труда пріобрѣтать возможно большее количество средствъ къ жизни, а въ потребленіи— возможно меньшимъ расходованіемъ добытыхъ средствъ достигать наиболѣе полнаго удовлетворенія потребностей».

Р. М. Орженцкій[3], приведя мнѣнія нѣкоторыхъ экономистовъ по этому вопросу, высказываетъ свое мнѣніе, что «экономическій принципъ не служитъ критеріемъ экономическаго явленія и самъ въ своемъ общемъ выраженіи не содержитъ въ себѣ экономическаго элемента; специфически же хозяйственная его такъ сказать репутація создана ему одной особой его формой, въ которой, дѣйствительно, находитъ частичное выраженіе экономическое явленіе». Орженцкій при этомъ высказывается противъ формулировки его въ смыслѣ достиженія объективно наибольшаго результата посредствомъ объективно наименьшихъ средствъ: «Съ этой объективной точки зрѣнія ни одна дѣятельность не могла бы соотвѣтствовать экономическому принципу», въ смыслѣ наивысшаго осуществленія его, «а съ точки зрѣнія силъ и возможности, лежащихъ въ самихъ факторахъ, экономическій принципъ наибольшаго дѣйствія сведется къ простому констатированію факта, что всякій факторъ во всякихъ конкретно данныхъ условіяхъ

[1]) Ср. мнѣніе C. Supino. Giornale degli Economisti. 1889. Vol. IV p. 449 (см. выше, § 66 стр. 663).

[2]) Руководство политической экономіи. Изд. 5. § 4 стр. 8, § 6 стр. 14.

[3]) Ученіе объ экономич. явленіи. Стр. 33—37, 56—66.

производитъ тотъ именно результатъ, какой онъ въ силахъ произвести, и въ этой формулировкѣ.... представляетъ собою общую схему всѣхъ явленій міра». Поэтому, въ примѣненіи къ сферѣ человѣческой дѣятельности «мы должны понимать его не въ объективномъ смыслѣ наибольшей чистой пользы, а въ субъективномъ смыслѣ стремленія къ таковой по собственному каждаго разумѣнію и оцѣнкѣ», т. е. въ смыслѣ цѣлесообразнаго поведенія. По опредѣленію Орженцкаго, «экономическій принципъ совпадаетъ съ цѣлесообразностью постольку, посколько въ послѣдней средства и цѣль поддаются измѣренію или сравнимой между собою оцѣнкѣ. Экономическій принципъ есть количественная сторона принципа цѣлесообразности». «Экономическій принципъ въ общемъ своемъ выраженіи требуетъ лишь возможности какого бы то ни было сравненія средствъ и цѣли, лишь бы оно давало возможность опредѣлить, что одно субъективно больше, другое субъективно меньше. Но, съ другой стороны, онъ не исключаетъ возможности и вполнѣ точнаго соизмѣренія; послѣдній случай будетъ, слѣдовательно, частнымъ проявленіемъ экономическаго принципа». «Въ отношеніи соизмѣримости средствъ и цѣлей всѣ цѣлесообразныя дѣйствія могутъ быть раздѣлены.... на дѣйствія съ объективными и субъективными цѣлями. Объективную цѣль имѣютъ техническіе пріемы; требуется совершить опредѣленную работу опредѣленными средствами; посколько достигаемая цѣль можетъ быть измѣрена въ единицахъ объективной мѣры и затрачиваемыя средства также, можетъ имѣть мѣсто экономическій принципъ въ своей точно опредѣленной количественной формѣ». «Подобнымъ образомъ экономическій принципъ въ своей точной формѣ постоянно осуществляется въ техникѣ».

Въ приведенной сейчасъ выдержкѣ вопросъ о характерѣ и способѣ соизмѣренія представленъ, какъ кажется, едва ли правильно. Соизмѣреніе средствъ и цѣлей съ точки зрѣнія экономическаго принципа, очевидно, должно имѣть экономическій характеръ, будетъ ли оно доведено до степени точной экономической оцѣнки средствъ и цѣлей или представитъ лишь нѣкоторое приближеніе къ этому. Въ тѣхъ случаяхъ,

когда экономическая оцѣнка средствъ и цѣлей предполагается извѣстной или болѣе или менѣе постоянной, экономическое сопоставленіе ихъ можетъ происходить и въ объективныхъ измѣреніяхъ. Изъ сказаннаго однако слѣдуетъ, что и въ подобныхъ случаяхъ дѣйствіе экономическаго принципа имѣетъ экономическій характеръ и значеніе и относится къ области экономики.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ субъективно цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ, къ которымъ относитъ тѣ, послѣдствіемъ которыхъ представляются измѣненія психическаго состоянія индивида, либо производныхъ психическихъ явленій, которыя называются соціальными. По отношенію къ этимъ дѣйствіямъ авторъ допускаетъ полное и точное соразмѣреніе цѣли и средствъ въ однихъ случаяхъ, а въ другихъ—сравненіе лишь въ общей неточной мѣрѣ. «Внѣ экономической области экономическій принципъ не находитъ примѣненія въ своей точной количественной формѣ, но онъ не перестаетъ дѣйствовать лишь въ неточной общей формѣ сравненія средствъ съ цѣлями. Относя это различіе къ особымъ свойствамъ экономической дѣятельности, авторъ приходитъ къ заключенію, что «экономическій принципъ ни въ своей общей формѣ, ни въ той спеціальной, въ какой онъ примѣняется къ экономической дѣятельности, не можетъ служить признакомъ, опредѣляющимъ послѣднюю».

Въ этомъ разсужденіи намъ представляется ошибочнымъ предположеніе возможности точнаго измѣренія субъективныхъ цѣлей, а, стало быть, и точнаго соизмѣренія средствъ и цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и предположеніе о различіи въ данномъ отношеніи между экономической и внѣ-экономической областью. Корень разногласія заключается однако въ вопросѣ, существуютъ ли дѣйствія экономическія и не-экономическія, какъ полагаетъ цитируемый авторъ[1] или же, вообще говоря, всѣ конкретныя дѣйствія имѣютъ экономическую и внѣ-экономическія стороны.

Въ то время какъ въ цитированномъ уже трудѣ Р. Орженцкій приходитъ лишь къ отрицательному заключенію относительно экономическаго принципа, въ своей новой журнальной

[1]) Стр. 65 и сл.

статьѣ[1] онъ характеризуетъ этотъ принципъ съ положительной стороны. Авторъ отправляется при этомъ отъ чистой теоріи, представляющей сочетаніе абстрактно-дедуктивнаго направленія классической школы и объективныхъ психо-физіологическихъ воззрѣній въ духѣ Fr. Engels'a. Въ качествѣ исходной истины для принадлежащей сюда дедукціи Орженцкій указываетъ «положеніе, что поведеніе человѣка вытекаетъ изъ стремленія къ наилучшему удовлетворенію присущихъ ему потребностей съ наименьшими жертвами. Этотъ т. н. экономическій принципъ извѣстенъ намъ изъ опыта внутреннихъ переживаній и подтверждается наблюденіемъ поведенія другихъ индивидовъ. Онъ представляетъ собой не что иное, какъ изображеніе способа функціонированія психики въ области сознательно-произвольныхъ дѣйствій, способа, присущаго психикѣ и составляющаго ея прирожденное свойство». «Экономическій принципъ не есть форма или способъ познанія хозяйственныхъ явленій, не есть познавательная категорія изслѣдующаго хозяйственныя явленія ума, а есть способъ отправленія, функціонированія чувственно-волевого аппарата хозяйствующаго индивида». «Въ экономическомъ же принципѣ», продолжаетъ его опредѣленіе авторъ, «заключается свойство психики оцѣнивать объекты въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, какъ благо и зло, сравнивать цѣнности по знаку и величинѣ и направлять расходованіе волевой энергіи въ сторону наибольшаго чистаго излишка положительной цѣнности или наименьшей отрицательной цѣнности». «Въ экономическомъ принципѣ содержится способность психики оцѣнивать: но что именно оцѣнивается, этого въ законахъ оцѣнки не содержится». Принимая, что «жизненное назначеніе сознательно-произвольной системы дѣйствій и инстиктивнаго поведенія одинаково — и тѣ и другіе одинаково служатъ цѣли поддержанія существованія, одинаково представляютъ реакцію организма на внѣшнія воздѣйствія среды, а въ силу этого одинаково должны обладать цѣлесообразностью, которая вообще является отличительнымъ признакомъ жизни», Орженцкій приходитъ далѣе къ заклю-

[1]) Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія. Юридическій Вѣстникъ. 1914. Кн. V (I). Стр. 196—209.

ченію, что «формы поведенія имѣютъ объективную біологическую цѣлесообразность, и развитіе соціальной жизни подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и вся остальная природа». «Изученіе общественныхъ явленій съ точки зрѣнія дѣйствій, а не мотивовъ дѣйствующихъ индивидовъ, представляетъ собою объективный методъ изученія; послѣдній приближаетъ общественныя науки къ наукамъ естественнымъ. Онъ и долженъ быть положенъ въ основу какъ эмпирическаго, такъ и точнаго изученія (чистой теоріи) хозяйства и его исторіи».

Изложенныя воззрѣнія вызываютъ противъ себя то возраженіе, что общая проблема гносеологіи всего міра живыхъ существъ не можетъ быть разрѣшена цѣпью абстрактныхъ разсужденій, не основанныхъ хотя бы на данныхъ одной какой-либо отрасли жизни и игнорирующихъ болѣе чѣмъ существенныя различія между отдѣльными категоріями жизни. Въ то время какъ абстрактная теорія классической школы выводилась изъ предположенія о стремленіи къ наибольшей выгодѣ, Р. Орженцкій отправляется отъ предположенія единства объективной біологической цѣлесообразности, къ которой — независимо отъ субституируемой мотивировки — имъ и сводится экономическій принципъ.

Д. И. Пихно[1] связываетъ экономическій принципъ съ существомъ хозяйственной дѣятельности. «Въ соображеніи и оцѣнкѣ», говоритъ цитируемый авторъ, «отношенія между жертвами (затратами) и результатомъ (хозяйственнымъ благомъ) выражается экономическая сторона или экономика хозяйственной дѣятельности». «Экономическій принципъ, какъ въ примѣненіи къ окружающимъ человѣка внѣшнимъ силамъ природы, такъ и въ отношеніяхъ людей другъ къ другу, выражается въ возможно полной утилизаціи и сбереженіи производительныхъ силъ. Говоря иначе, экономическій принципъ требуетъ: пользоваться всѣми доступными производительными силами и извлекать изъ нихъ все благо, которое они могутъ дать, и въ то же время тратить эти силы въ наименьшихъ количествахъ (наиболѣе бережливо) при осуществленіи каждой отдѣльной хозяйственной задачи». Достиженіе этого ставитъ себѣ

[1]) Основанія политической экономіи. 1890. § 4 стр. 6 и сл.

цѣлью каждое частное и общественное хозяйство.

Г. Ѳ. Симоненко[1] ввелъ сущность экономическаго принципа въ свое опредѣленіе политической экономіи.

Напротивъ, М. А. Сириновъ[2] устраняетъ изъ экономической теоріи экономическій принципъ. Несмотря на то, что «подобный взглядъ усвоило безчисленное множество экономистовъ всѣхъ странъ», цитируемый авторъ утверждаетъ, что «введеніе въ опредѣленіе экономическаго явленія признака: хозяйственный расчетъ принципіально недопустимо», при чемъ воспроизводитъ также доводы Dietzel'я, Gans-Ludassy и Орженцкаго. Онъ настаиваетъ на томъ, что «ни съ объективной, ни съ субъективной точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія методологіи общественныхъ наукъ принципъ хозяйственнаго расчета не можетъ быть признанъ характеризующимъ экономическое явленіе».

П. Струве[3], въ своемъ новомъ трудѣ, замѣчаетъ: «Принципъ «экономіи» или «наименьшей траты силъ», получившій названіе хозяйственнаго, или экономическаго принципа, былъ выдвинутъ впервые при разсмотрѣніи «хозяйства», или точнѣе «хозяйствованія», но по существу этотъ принципъ имѣетъ, конечно, универсальное значеніе, т. е. приложимъ ко всякой человѣческой дѣятельности. Имъ хозяйствованіе опредѣляется формально-психологически. Такое хозяйствованіе можно иначе назвать раціональнымъ. Подчиненіе хозяйствованія принципу наименьшей траты предполагаетъ количественное сравненіе или измѣреніе какъ актовъ, такъ и результатовъ хозяйствованія. Внѣ возможности подобнаго измѣренія не можетъ быть раціональнаго хозяйства. Измѣреніе и измѣримость актовъ и результатовъ хозяйствованія есть основа явленія денегъ и опредѣляетъ собою ихъ существо».

Въ этой цитатѣ авторъ какъ бы совмѣщаетъ два воззрѣнія, сводящіяся къ универсальному и къ спеціальному представленію о принципѣ экономіи. Изъ отнесенныхъ къ приведенной выдержкѣ двухъ примѣчаній одно относится къ универсальному

---

[1]) Политическая экономія. Стр. 11.

[2]) Политическая экономія, какъ наука. В. II. Гл. XIV, стр. 73 и сл.; см. также стр. 2. Авторъ даетъ при этомъ неточныя свѣдѣнія о происхожденіи теоріи экономическаго принципа.

[3]) Хозяйство и цѣна. Ч. I. 1913. Стр. 4—5.

значенію экономическаго принципа—въ примѣненіи къ философіи и правовѣдѣнію, другое—нѣсколько схоластически связанное съ выраженіемъ: раціональный—указываетъ на то, что «ratio означало въ римскомъ правѣ бухгалтерскій счетъ».

М. И. Туганъ-Барановскій[1] признаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, «что принципъ этотъ, дѣйствительно, свойствененъ хозяйственной дѣятельности и что хозяйственная дѣятельность тѣмъ полнѣе достигаетъ своихъ цѣлей, чѣмъ болѣе она ему слѣдуетъ», но въ то же время находитъ его непригоднымъ для выдѣленія специфически хозяйственной дѣятельности изъ ряда другихъ. «Всякая разумная цѣлесообразная дѣятельность», замѣчаетъ авторъ, «должна слѣдовать этому принципу». «Желая установить отличительный признакъ хозяйства, экономисты натолкнулись на принципъ гораздо болѣе широкаго значенія—на основной принципъ всякой разумной дѣятельности вообще. Но именно поэтому принципъ этотъ не можетъ быть конститутивнымъ признакомъ понятія хозяйства».

Л. В. Федоровичъ[2] признавалъ хозяйственною дѣятельность, вызываемую потребностями и направленную къ созданію средствъ для ихъ удовлетворенія, при томъ совершающуюся согласно основному экономическому началу или принципу: «съ наименьшими усиліями удовлетворить наибольшему количеству потребностей, т. е. достичь наиболѣе удовлетворительныхъ результатовъ».

Л. В. Ходскій[3] изъ несоразмѣрности между развитіемъ потребностей и средствъ для ихъ удовлетворенія заключаетъ, что необходимо, чтобы какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общества «въ своемъ хозяйствѣ, съ одной стороны, постоянно руководились стремленіемъ съ наименьшими усиліями пріобрѣтать наибольшую сумму цѣнностей, а съ другой—удовлетворяли бы послѣдними свои нужды, начиная съ самыхъ настоятельныхъ и переходя къ менѣе необходимымъ лишь тогда, когда за покрытіемъ первѣйшихъ потребностей, остается не случайный избытокъ. Такой разсчетъ въ пріобрѣтеніи цѣнностей и въ ихъ расходованіи составляетъ основной, руково-

[1]) Основы политической экономіи. 2 изд. Стр. 5 и сл.
[2]) Теорія политической экономіи. Ч. I. Стр. 3.
[3]) Политическая экономія въ связи съ финансами, 4 изд. Т. I. Стр. 13.

дящій принципъ хозяйства». Авторъ ограничиваетъ однако проведеніе этого принципа тѣмъ, чтобы при этомъ не нарушались чужія права.

Л. В. Ходскій, какъ и C. Supino и Э. Вреденъ, относитъ къ содержанію экономическаго принципа также предпочтеніе болѣе настоятельныхъ потребностей предъ менѣе настоятельными. Должно однако замѣтить, что вопросъ о сравнительномъ значеніи и общемъ составѣ потребностей, какъ и о совокупномъ составѣ продуктовъ производства, труднѣе поддается разрѣшенію согласно экономическаго принципа, нежели частные вопросы производства извѣстнаго продукта или извѣстной потребности, и именно вслѣдствіе того, что указанные общіе вопросы представляютъ общую проблему культурной жизни въ совокупности.

Наконецъ, отмѣтимъ, что по опредѣленію А. И. Чупрова[1] «политическая экономія, въ отличіе отъ техническихъ наукъ, изучаетъ дѣйствія человѣка, направленныя на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, съ точки зрѣнія доставляемыхъ ими выгодъ и вызываемыхъ ими пожертвованій». Здѣсь, стало быть, въ опредѣленіе политической экономіи также введенъ экономическій принципъ.

---

[1]) Курсъ политической экономіи. Изд. 1913 г. Стр. 7.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 1.—Наименованіе науки, изслѣдующей хозяйственную сторону культуры, представляется вообще различнымъ въ отдѣльныя эпохи и въ отдѣльныхъ странахъ. Различія проявлялись въ пользованіи выраженіями: экономія или экономика, въ присоединеніи къ нимъ, въ особенности же къ первому выраженію, того или иного эпитета, какъ политическій, государственный, національный, соціальный, либо въ примѣненіи описательныхъ обозначеній науки, какъ наука о народномъ хозяйствѣ, о народномъ богатствѣ, о богатствѣ народовъ, либо же въ оригинальныхъ словообразованіяхъ, какъ хрематистика (Аристотель), лаоплузіогнозія (въ смыслѣ National-Oekonomie-Kunde, J. Graf v. Soden), каталлактика (Whately), плутологія (Hearn), плутономія (Guyard), эргономія (Courcelle-Seneuil). Изъ древнихъ греческихъ философовъ Аристотель различалъ между экономикой, какъ наукой или искусствомъ, и экономіей, какъ хозяйствованіемъ, хозяйственной дѣятельностью. Онъ сопоставлялъ экономику съ такими искусствами и знаніями, какъ врачебное, военное, судостроенія, реторика, архитектоника, государственное[1]. Въ приписываемомъ Аристотелю сочиненіи объ экономикѣ различаются четыре системы экономіи, т. е. хозяйствованія: государева, намѣстничья, политическая и индивидуальная экономія[2]. Такое же различіе между двумя означенными выраженіями показываетъ намъ греческій словарь[3]. Наименованіе нашей науки политической экономіей впервые примѣнилъ, какъ извѣстно, Antoine de Montchrétien въ своемъ, изданномъ въ 1615 г., посвященномъ королю и ко-

[1]) Ethica Nicomachea. A. 1094 a, b.

[2]) Oeconomica. B. 1345 b. Ср.: Rau. Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. Abth. I. 8 Ausg. § 3 Anm. c.; Knies. Die Politische Oekonomie usw. 1883. S. 1.

[3]) Мы располагали впрочемъ лишь словарями: Griechisch-deutsches Schulwörterbuch. Von Dr. G. Ed. Benseler. 11. Aufl., bearb. v. Dr. Ad. Kaegi. 1900; Taschenwörterbuch der griechischen und deutschen Sprache, v. Prof. Dr. H. Menge. На древне-греческое словоупотребленіе ссылаются также K. Rau. O. c., 8 Aufl. Abth. I. § 2 S. 4; Ad. Wagner. Grundlegung der politischen Oekonomie. 3 Aufl. § 29 S. 83; G. Cohn. Wirtschaftswissenschaft und Wirtschaftspolitik. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. J. 66. H. 1. 1910. S. 36; R. T. Ely. Outlines of Economics. p. 82 seq.; Л. В. Федоровичъ. Теорія политич. экономіи. Ч. I, Стр. 10.

ролевѣ-матери и имѣющемъ чисто практическое направленіе, Traicté de l'oeconomie politique[1]. Близкими къ этому выраженіями: Politikal Oeconomies, Politicks and Oeconomicks пользовался въ XVII в. также William Petty[2]. Наименованіе науки политической экономіей было не чуждо также физіократамъ[3], хотя цѣлью ихъ стремленій была болѣе всеобъемлющая наука. Это же наименованіе примѣняли J. Steuart, Ad. Smith, въ XIX в. въ англійской литературѣ—Earl of Lauderdale[4], Th. R. Malthus[5], D. Ricardo, James Mill[6], J. St. Mill и съ ними—большинство экономистовъ класической школы. Во французской литературѣ это названіе прочно укоренилось съ начала XIX вѣка. Въ итальянской литературѣ это выраженіе равнымъ образомъ господствуетъ. Напротивъ, экономисты нео-класическаго направленія въ англійской и американской литературѣ пользуются почти исключительно выраженіемъ: экономика (Economics). Выраженіе: національная экономія примѣнилъ впервые Ad. Ferguson[7]. Наименованіе соціальной экономіи возникло во французской литературѣ въ XVIII в., въ новѣйшее же время оно получило здѣсь отчасти спеціальное примѣненіе по отношенію къ соціальной политикѣ[8]. Въ германской экономической наукѣ наблюдается гораздо большее разнообразіе. Отчасти подъ вліяніемъ склонности къ чисто нѣмецкимъ выраженіямъ распространено наименованіе наукой о государственномъ, а затѣмъ, правильнѣе,—о народномъ хозяйствѣ. Историческія обстоятельства обусловливали, вѣроятно, склонность къ обозначенію науки національной или, позже, соціальной. На ряду съ этимъ здѣсь довольно распространено наименованіе науки экономикой[9]. Что

[1]) Éd. par Th. Funck-Brentano. 1889. Ученый издатель этого произведенія относитъ его автора, вмѣстѣ съ Генрихомъ IV, Sully, Richelieu и Colbert'омъ, къ особой школѣ государственныхъ экономистовъ, которой даетъ наименованіе: «l'école de l'économie politique patronale». Это наименованіе признаетъ правильнымъ H. Baudrillart въ статьѣ о Montchrétien. Nouveau Dictionnaire d'économie politique. T. II. 1896. p. 327.

[2]) The Economic Writings of Sir William Petty. Ed. by Charles Henry Hull. 1899. Vol. I. p. LXXI, 181, 60.

[3]) Dupont de Nemours. Abrégé des principes de l'économie politique. (Collection des principaux Économistes. T. II), а равно заглавіе 2-го тома изданнаго имъ собранія физіократической литературы: Discussions et développements sur quelques-unes des notions de l'économie politique, и небольшое сочиненіе близкаго къ нему же маркграфа Карла Фридриха Баденскаго: Abrégé de l'économie politique. Ранѣе того этимъ наименованіемъ пользовался J.-J. Rousseau. Article: Économie politique dans l'Encyclopédie. 1755.

[4]) An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth. 1804. p. 3, 9, 39 et passim.

[5]) Principles of Political Economy. 1820; Definitions in Political Economy. MDCCCXXVII.

[6]) Elements of Political Economy. 3 ed. 1826.

[7]) Essay on the History of Civil Society. Part III Sect. IV.

[8]) Ср.: Ch. Gide. Cours d'économie politique. 2 éd. p. 3.

[9]) Относительно различныхъ наименованій нашей науки сообщаютъ свѣдѣнія W. Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 23 Aufl. § 16 Anm. 1; J. Kautz. Die National-Oekonomik als Wissenschaft. § 94 Anm. 1 S. 285; H. Dietzel.

касается послѣдняго наименованія вообще, то за него высказывались первоначально[1] нѣкоторые германскіе экономисты, и именно Schmitthenner[2], Rau[3], Uhde (1849), а также французскіе экономисты, изъ нихъ раньше другихъ—J. Garnier. Но какъ названный сейчасъ экономистъ, такъ и P. Leroy-Beaulieu, John Neville Keynes, Л. В. Федоровичъ, а также германскіе экономисты Schmitthenner, K. Rau, K. Knies, W. Roscher, G. Cohn, Ad. Wagner, признавая предпочтительность такого наименованія, дѣлаютъ однако уступку распространившемуся словоупотребленію. Ch. Gide[4] относитъ наименованіе экономики къ чистой политической экономіи, т. е. къ отвлеченной части или же къ отвлеченному изложенію нашей науки. Рѣшительными сторонниками этого наименованія представляются такимъ образомъ лишь немногіе экономисты во Франціи и Германіи и большинство современныхъ экономистовъ Англіи и С.-А. Соед. Штатовъ. При этомъ нѣкоторые экономисты обосновываютъ различными доводами предпочитаемое ими такое наименованіе. Такъ, Ad. Landry[5] указываетъ на смѣшеніе въ словѣ: экономія какъ изученія экономическихъ фактовъ, такъ и совокупности этихъ же фактовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ несоотвѣтственными эпитеты: политическій, національный, народный, присоединяемые къ обозначенію науки. Выраженію же: экономика Landry приписываетъ преимущества краткости и соотвѣтствія съ подобными же наименованіями математики, механики, физики, этики и т. д. P. Leroy-Beaulieu[6], лишь отчасти пользующійся этимъ наименованіемъ, высказываетъ: «Всѣ выраженія, которыми вообще пользуются, за исключеніемъ экономики, весьма неточно обозначаютъ излагаемую нами науку и недостаточно соотвѣтствуютъ всему содержанію ея области». A. Marshall[7] отдаетъ предпочтеніе болѣе обширному термину: экономика (Economics) предъ болѣе узкимъ: политическая экономія. Edwin Seligman[8] возражаетъ противъ обозначенія нашей науки въ цѣломъ политическою и вмѣстѣ съ тѣмъ ссылается на аналогичное наименованіе другихъ наукъ, какъ физика, математика и даже политика. Gustav Cohn[9], въ своей новой журнальной статьѣ, ссылается

Theoretische Socialökonomik. S. 51 ff.; G. Cohn. Wirtschaftswissenschaft und Wirtschaftspolitik. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. J. 66. 1910. H. I. S. 35 ff; Ad. Landry. Manuel d'Économique. p. 7 et suiv.

[1]) Современникъ A. de Montchrétien'a кардиналъ Richelieu включилъ въ составленный имъ проектъ устава академіи и коллегіи статью: «Les professeurs enseigneront en la première classe la morale, l'économique, la politique et la métaphysique». См.: Introduction par Th. Funck-Brentano къ указанному выше изданію трактата A. de Monchrétien.

[2]) Zwölf Bücher vom Staate. B. I. 2 Aufl. 1839. § 244. S. 325 f.

[3]) O. c., 5 Ausg. 1847. § 2 Anm. e. S. 3.

[4]) O. c., p. 3.

[5]) O. c., p. 6 et suiv.

[6]) Traité théorique et pratique d'économie politique. 3 ed. T. I. p. 9.

[7]) Principles of Economics. 5 ed. p. 43.

[8]) Principles of Economics. 1905. p. 6—8.

[9]) Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. 1910. J. 66 H. 1. S. 35 f.

на греческое словоупотребленіе въ отношеніи нашей и иныхъ наукъ, при чемъ объясняетъ перемѣну въ наименованіи науки въ новѣйшей англійской литературѣ также реакціей противъ старой классической литературы. Heinrich Dietzel[1] замѣчаетъ: «Называть науку объ экономіи экономіей такъ же странно, какъ и науку о государствѣ—государствомъ». Это мнѣніе воспроизводитъ также Harms[2]. R. Dietrich[3] признаетъ иностранное наименованіе: экономика наилучшимъ, наиболѣе краткимъ и наиболѣе благозвучнымъ. Въ русской литературѣ Л. В. Федоровичъ[4] признаетъ, подобно тому какъ и H. Dietzel, наиболѣе научнымъ, хотя и мало употребительнымъ, названіемъ науки объ общественномъ хозяйствѣ наименованіе ея соціальною экономикою, при чемъ ссылается также на греческое словоупотребленіе. Наименованіе ея національной экономикой или наукой о народномъ хозяйствѣ придаетъ, по его мнѣнію, обособленный, мѣстный характеръ въ зависимости отъ національныхъ особенностей народа или его принадлежности къ данному государству». Должно однако замѣтить, что въ наименованіи нашей науки всякій эпитетъ, какъ соціальный или общественный, національный, политическій и т. д., представляется либо излишнимъ плеоназмомъ—никто не говоритъ о соціальномъ правѣ въ общемъ смыслѣ—или же неточнымъ и все же излишнимъ опредѣленіемъ науки. Въ противоположность вышеприведеннымъ мнѣніямъ, G. Schmoller[5] высказывается противъ замѣны выраженія «Volkswirtschaft» принятымъ у американцевъ и отчасти у англичанъ выраженіемъ: Economics, при чемъ приписываетъ послѣднему односторонность абстрактно-дедуктивной школы, разсматривающей хозяйство, какъ объективный процессъ, лишенный соціальнаго характера. Но это мнѣніе Шмоллера не подтверждается первоначальнымъ словоупотребленіемъ и, представляя собою по существу произвольное перенесеніе характеристики школы на принятое ею наименованіе науки и опровергаясь въ этомъ отношеніи обратнымъ мнѣніемъ G. Cohn'a, теряетъ всякое значеніе, если принять во вниманіе, что наука о хозяйственной, какъ и о всякой иной сторонѣ культуры, необходимо представляется соціальною—при томъ не только какъ проявленіе культуры сама по себѣ, но и по реальному содержанію своему. Несмотря на то, что въ русской литературѣ это наименованіе встрѣчается лишь въ видѣ исключенія[6], мы отдали ему предпочтеніе, какъ въ виду лингвистической правильности его, подкрѣпляемой аналогичными наименованіями другихъ наукъ, такъ и въ

[1]) Theoretische Socialökonomik. S. 51 Anm. 1.
[2]) Probleme der Weltwirtschaft. Volkswirtschaft und Weltwirtschaft. S. 319.
[3]) Schmollers Jahrbuch für Gesetzg,, Verw. und Volkswirtschaft. J. 37. H. 1913. S. 73 (605).
[4]) Теорія политической экономіи. Ч. I. Стр. 10.
[5]) Art.: Volkswirtschaft usw. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. VIII S. 429.
[6]) Этимъ выраженіемъ пользуется отчасти А. А. Мануиловъ. Политическая экономія. В. I. 1914.

виду его краткости и наибольшаго, по сравненію съ другими наименованіями, соотвѣтствія съ вводными вопросами науки, имѣющимъ отвлеченный характеръ. Этимъ мы однако не хотимъ сказать, чтобы это наименованіе не соотвѣтствовало содержанію нашей науки въ ея цѣломъ. Въ наиболѣе же полномъ объемѣ содержаніе ея исчерпывается, какъ намъ кажется, сочетаніемъ выраженій: экономика и экономическая политика.

Къ стр. 4.—C. R. C. Herckenrath. Die ökonom. Bedingungen des sozialen Lebens. T. I. S. 13, высказывается въ этомъ же направленіи: «Въ основѣ всѣхъ движеній людей лежитъ потребность, но эти потребности представляютъ предметъ весьма различныхъ наукъ, и экономика, имѣя дѣло съ потребностями, еще не притязуетъ на то, чтобы замѣстить физіологію, психологію и этику, и даже медицину. Ибо она трактуетъ тѣ же предметы, но съ особенной, собственной точки зрѣнія».

Къ стр. 5.—A. Schäffle. Das gesellsch. System usw. 3 Aufl. B. I § 94. S. 165, высказывалъ: «Было бы ошибочнымъ мнѣніемъ предположеніе, что цѣнообразованіе имѣетъ мѣсто лишь въ хозяйствѣ». «Всякій своеобразный культурный (sittlich) процессъ обусловленъ своеобразнымъ цѣноопредѣленіемъ своихъ силъ, продуктовъ и конечныхъ дѣйствій. Политическая дѣятельность основывается на политическихъ, выраженіе художественнаго чувства—на эстетическихъ, изслѣдованіе—на научныхъ, религіозная жизнь—на религіозныхъ, воспитаніе—на педагогическихъ сужденіяхъ цѣнности; факторы производства благъ и культурные продукты, или блага, происходящія изъ этого производства, представляютъ величины политической, эстетической, научной, религіозной, педагогической цѣнности. Существуютъ такимъ образомъ внѣ-хозяйственныя цѣнности, но въ нормальныхъ условіяхъ культуры онѣ находятся въ гармоніи съ хозяйственной цѣнностью».—Къ понятію цѣнности см. также: М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. 2 изд. Стр. 38 прим. 1.—Неокантіанцы Windelband-Rickert'овскаго направленія принимаютъ, въ качествѣ одной изъ основъ наукъ о культурѣ, цѣнности. См.: Rickert. Grenzen der naturwiss. Begriffsbildung. S. 573; Б. Кистяковскій. Въ защиту научно-философскаго идеализма. Вопросы филос. и психол. 1907. Кн. 86. Стр. 57—109.

Къ стр. 6.—См. также: Alfred Amonn. Objekt und Grundbegriffe der theoret. Nationalökonomie. S. 19 ff., 29, 50, 54; Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. S. 63 ff. Ср.: Н. Алексѣевъ. Соціальная философія Р. Штаммлера. Вопросы филос. и психол. Кн. 96. 1909. Стр. 7.

Къ стр. 7 и сл. прим. 2.—См. также: W. Hasbach. Güterverzehrung und Güterhervorbringung. S. 75; Th. Masaryk. Die philosoph. und soziolog. Grundlagen des Marxismus. S. 151. Изъ нихъ Masaryk, давая соціологическую классификацію общественной жизни и историческаго развитія, относитъ сюда также «біологическую орга-

низацію населенія». Hasbach относитъ къ областямъ общественности также «мѣропріятія обороны», а нравственность и право соединяетъ въ одну область.—Приведенная ссылка на русское изданіе Rickert'a относится къ его: Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 2 Aufl. S. 21. См. его же: Grenzen der naturwissensch. Begriffsbildung. Кар. IV § VII—Уже G. Rümelin. Reden und Aufsätze. (1875). S. 10, утверждалъ: «Соціальныя науки не только зависятъ отъ психологіи, но и обратно, въ одинаковой мѣрѣ воздѣйствуютъ на неё способствуя и оплодотворяя».

Къ стр. 8.—Относительно національности см.: Эд. Мейеръ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Перев. 1904. Стр. 36—40; L. Gumplowicz. Grundriss der Soziologie. 2 Aufl. S. 195 f.

Къ стр. 9.—G. v. Rümelin. Die Bevölkerungslehre. (Handbuch der Polit. Oekonomie, herausgeg. v. G. v. Schönberg. B. I. 1 Aufl.—S. 1204; 4 Aufl.—S. 828), утверждалъ объ этомъ: «Ученіе о населеніи не есть отрасль или составная часть народнохозяйственной науки, но координированный членъ общественныхъ наукъ, стоящій къ ней лишь въ отношеніи тѣснаго взаимодѣйствія, необходимаго вспомогательнаго знанія. Но оно простирается во всѣхъ направленіяхъ и за предѣлами хозяйственныхъ вопросовъ; оно затрогиваетъ также физіологическія, антропологическія, политическія, историческія проблемы; констатируемые имъ порядки должны даже имѣть значеніе для всего историческаго развитія человѣчества, какъ одинъ изъ основныхъ и могущественнѣйшихъ факторовъ».—Подобнымъ же образомъ Ad. Wagner. Grundlegung usw. § 191 S. 446, признаетъ, что ученіе о населеніи есть болѣе, чѣмъ часть въ системѣ науки политической экономіи, и «въ извѣстномъ смыслѣ есть особая, самостоятельная общественная наука на ряду съ политической экономіей».

Къ стр. 9 и сл.—H. Rickert. Kulturwissenchaft und Naturwissenschaft. 2 Aufl. S. 21, замѣчаетъ объ этомъ: «Хотя техническія изобрѣтенія совершаются большей частью съ помощью естествознанія, но они сами не принадлежатъ къ объектамъ естественно-научнаго изслѣдованія», и «лишь въ культурной наукѣ находитъ себѣ мѣсто ихъ развитіе».—Того же мнѣнія держится Dr. ing. W. v. Oechelhaeuser. Technische Arbeit einst und jetzt. Vortrag. 1906. Онъ высказываетъ здѣсь, «что утверждаемая нынѣ полная зависимость творческой техники отъ теоретическаго естествознанія не существуетъ, но что по всѣмъ даннымъ, вплоть до новѣйшаго времени, техника идетъ своимъ путемъ вполнѣ самостоятельно, попрежнему создаетъ изобрѣтенія сама по себѣ, по отношенію къ которымъ очень часто естественно-научная теорія вырабатывается лишь позднѣе, что и направленіе техники развивается отнюдь не изъ естественно-научной теоріи только, но въ гораздо большемъ числѣ случаевъ изъ практической потребности профессіи, изъ условій конкуренціи и сбыта и т. д., и что прежде всего, на ряду съ научнымъ познаніемъ и методомъ, дѣйствуетъ въ качествѣ

двигающей впередъ исконной силы талантъ механической изобрѣтательности, развитію которой естествоиспытатель du Bois-Reymond приписываетъ превосходство современной культуры».—Dr. G. Zoepfl. Nationalökonomie der technischen Betriebskraft. 1903. Buch I, замѣчаетъ, что въ исторіи развитія современной техники «можно прежде всего замѣтить, какъ одна проблема вызываетъ другую, и что весь рядъ изобрѣтеній представляетъ какъ бы цѣпь логическихъ умозаключеній». Онъ признаетъ при этомъ тѣсную взаимозависимость между перемѣнами въ техникѣ и экономическими и соціальными условіями людей.

Къ стр. 12.—Къ опредѣленію исторіи см.: P. Barth. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. A. § 1.—Напротивъ, Ch. Gide. Cours d'économie politique, p. 1 et suiv., утверждая, что существуетъ столько же самостоятельныхъ соціальныхъ наукъ, какъ и разнородныхъ отношеній между людьми, находитъ излишней особую науку исторіи—по тому соображенію, что «каждая соціальная наука—и даже каждая естественная наука—имѣетъ свою исторію, которая представляетъ изученіе спеціальныхъ фактовъ ея области, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ послѣдовательности во времени. Но подобнымъ же образомъ и иную сторону культуры можно было бы счесть излишней, отнеся по частямъ ея содержаніе къ остальнымъ. Помимо того, этотъ взглядъ на исторію представляется неправильнымъ, такъ какъ изслѣдованіе общаго содержанія культурной жизни въ ея движеніи представляетъ самостоятельную и спеціальную точку зрѣнія, различающуюся отъ общаго динамическаго направленія соціальной жизни и науки вообще.

Къ стр. 13 и сл.—См. также: W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. S. 10; H. Rickert. Grenzen der naturwiss. Begriffsbildung. S. 530.

Къ стр. 16.—Идею универсальности хозяйственной стороны культуры проводятъ A. Schäffle. Das gesellsch. System usw. B. I. § 27 S. 47 ff.; Fr. v. Wieser. Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirthsch. Werthes. S. 75 ff.; A. Voigt. Wirtschaft und Recht. Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. S. 249—265. Нерѣдко однако можно встрѣтить противоположное этому убѣжденіе въ безусловной недопустимости универсальнаго представленія о хозяйственной жизни. На этомъ убѣжденіи основано матеріалистическое пониманіе хозяйственной дѣятельности и хозяйственныхъ благъ у весьма многихъ экономистовъ.

Къ стр. 16 прим. 1.—Подобно тому, какъ Rodbertus, высказался о трудѣ также Zachariä. Vierzig Bücher vom Staate. Band VII. 1843. Buch 36. S. 30.

Къ стр. 17.—См.: Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. Введеніе. 1909. Стр. 29—32.

Къ стр. 18 и сл.—Прогрессъ можно опредѣлить, какъ динами-

ческое выраженіе культуры. Съ этой точки зрѣнія отождествленія обоихъ понятій представляется очевидной неразъединимость ихъ. Динамическій характеръ культуры исключаетъ возможность неподвижнаго равновѣсія, неподвижнаго сохраненія ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже внѣшнія условія и физіологическая сторона жизни людей необходимо требуютъ прогреса культуры. Что касается двухъ возможныхъ конечныхъ цѣлей культуры и ея прогресса, то обычно и вообще обѣ эти цѣли преслѣдуются совмѣстно, но можетъ имѣть перевѣсъ одна изъ нихъ. При этомъ, по отношенію какъ къ указаннымъ цѣлямъ, такъ и ко всему содержанію ея движеніе культуры представляетъ результатъ компромиссовъ и противоборствованій разнообразныхъ личныхъ и общественныхъ стремленій и вѣяній. Въ этомъ сложномъ процессѣ осуществленія и выработки культуры, очевидно, не могутъ найти себѣ признанія и проведенія въ полной мѣрѣ стремленія всѣхъ и каждаго. Вслѣдствіе этого прогрессъ въ своихъ отдѣльныхъ моментахъ еще не даетъ общаго удовлетворенія и всеобщаго признанія его таковымъ. Впослѣдствіи однако достигнутые успѣхи облегчаютъ дальнѣйшее движеніе впередъ, уже, можетъ быть, въ интересахъ иныхъ стремленій и интересовъ и иныхъ элементовъ человѣческаго общества.—Къ опредѣленію прогресса см.: § 33 стр. 212, а также примѣчаніе къ стр. 48 (Hildebrand).—Постепенность упадка и прогресса и невозможность предусмотрѣть ихъ отмѣчалъ Ad. Ferguson. Essay on the History of Civil Society. p. 412 seq.—Правильное въ общемъ опредѣленіе прогресса даетъ R. Michels. Probleme der Sozialphilosophie. 1914. Кар. IV. S. 63 ff. Въ качествѣ необходимыхъ элементовъ идеи прогресса Michels указываетъ «дѣятельность мышленія, заключающуюся въ сравненіи двухъ или нѣсколькихъ стадій развитія изслѣдуемаго предмета» и масштабъ, какъ средство для осуществленія этого сравненія. По цитируемому опредѣленію—въ этой своей части представляющемуся намъ не вполнѣ правильнымъ,—«этотъ масштабъ есть присущій сравнивающему, пріобрѣтенный частью традиціею, частью изъ эмпиріи его жизни, комплексъ убѣжденій, его міровоззрѣніе». «Сужденіе, которое выводится изъ сравненія и указываетъ на состояніе прогресса или регресса или же застоя, представляетъ собою сужденіе оцѣнки. Понятіе прогресса требуетъ, чтобы сравнивающій признавалъ послѣднюю стадію эпохъ развитія болѣе цѣнною, нежели лежащую во времени позади. Ибо прогрессъ означаетъ, какъ показывается уже этимологически, улучшеніе». «Различіе во мнѣніяхъ въ сужденіи о томъ, означаетъ ли конкректное событіе или конкретное развитіе прогрессъ либо регрессъ человѣчества, объясняется отчасти тѣмъ, что каждая перемѣна обстоятельствъ приноситъ одной части человѣчества пользу, другой же—напротивъ, ущербъ». «Прогрессъ никогда не является таковымъ для всѣхъ». «Прогрессъ по его природѣ слагается изъ столь разнородныхъ элементовъ и сопровождается столь разнообразными дѣйствіями, что практически едва ли возможенъ про-

грессъ въ одной области, безъ того чтобы онъ не вызвалъ за собою въ иной области вредныя, регресивныя дѣйствія. Почти каждый прогрессъ въ одномъ направленіи обусловливаетъ регрессъ или, по крайней мѣрѣ, застой въ иной области». «Относительно реальности экономическаго прогресса рѣшаетъ будущее».

Къ стр. 19.—Къ опредѣленію культуры см.: P. Barth. O. c., B. Abschn. II Kap. IV, S. 252 ff. Въ своемъ заключительномъ замѣчаніи объ этомъ (S. 261) Barth опускаетъ изъ вида собирательный характеръ понятія культуры.

Къ стр. 20 прим. 4.—См. подобныя же мнѣнія: Ad. Ferguson. O. c., p. 4, 8 f., 13; J. H. Hartog. Dissertatio politico-juridica de origine, caussis, atque progressibus societatis civilis. MDCCCV; R. Whately. Introductory Lectures on Political Economy. 1831. Lect. IV; Fr. Ratzel. Völkerkunde. B. I. S. 21; A. Eleutheropulos. Soziologie. 2 Aufl. S. 55 ff.; В. Іерузалемъ. Введеніе въ философію. Перев. Стр. 172; В. М. Хвостовъ. Предметъ и методъ соціологіи. Вопросы филос. и психол. 1909. Кн. 99. Стр. 634. См. также стр. 37 прим. 2 настоящаго труда и § 14 стр. 79 и сл.—Изъ упомянутыхъ сейчасъ авторовъ Ferguson высказываетъ: «Прогрессъ человѣчества отъ предполагаемаго состоянія животныхъ ощущеній и до пріобрѣтенія разума, пользованія рѣчью и общественности, сообразно этому, съ силою воображенія представлялся и его ступени обозначались со смѣлостью изобрѣтательности, что должно было бы побудить насъ допустить, на ряду съ данными исторіи, внушенія фантазіи и принять, пожалуй, за прототипъ нашей природы въ ея первоначальномъ состояніи какое-либо изъ животныхъ, внѣшность которыхъ имѣетъ наибольшее сходство съ нашею». «Но вопреки тому, что вытекло съ пера выдающихся писателей, мы принуждены замѣтить, что люди всегда являлись среди животныхъ высшею расою, что ни обладаніе подобными органами, ни внѣшнее подобіе, ни употребленіе руки, ни постоянное общеніе съ этимъ высшимъ искусникомъ, не дали возможности какимъ-либо инымъ породамъ соединить ихъ природу или изобрѣтенія съ его; что въ его наиболѣе грубомъ состояніи онъ оказывается стоящимъ выше ихъ и, въ его крайней дегенераціи, никогда не падаетъ до ихъ уровня. Короче, онъ во всякомъ состояніи есть человѣкъ; и мы не можемъ познать ничего въ его природѣ изъ аналогіи иныхъ животныхъ».—Hartog приложилъ къ своей диссертаціи между прочими слѣдующіе тезисы (quaestiones): «I. Человѣческое общество родилось съ человѣкомъ. II. Исторія человѣческаго рода не даетъ ни одного достовѣрнаго примѣра людей, живущихъ въ обособленіи и внѣ общенія съ другими людьми». «VII. Общество, называемое естественнымъ, и то, которое мы именуемъ гражданскимъ (civilem), не суть разныя, но лишь представляющія два состоянія, два modi vivendi въ человѣческомъ обществѣ».

Къ стр. 20 прим. 5.—Обычное пониманіе относящихся сюда су-

жденій Аристотеля оспариваетъ, перетолковывая ихъ съ помощью очевидныхъ натяжекъ, C. Menger. Untersuchungen usw. S. 168, Anhang VII S. 267 ff.

Къ стр. 21 прим. 1.—Ср.: W. Roscher. Grundlagen usw. § 14 S. 39.

Къ стр. 21 и сл.—См. стр. 527 прим. 1.

Къ стр. 26 и сл.—См. также: J. Tucker (Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. § 16 Anm. 4 S. 44); Thomas Chalmers. Political Economy. Vol. I. 1848. p. XIV; Th. Bernhardi. Versuch einer Kritik der Gründe usw. S. 44 f.; G. Simmel. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 3 Aufl. S. 168 f.; René Maunier. L'économie politique et la sociologie. 1910. Livre II; Д. И. Пихно. Основанія политич. экономіи. § 4 стр. 7. См. также далѣе, главу IV.

Къ стр. 28.—Э. Гуссерль. Логическія изслѣдованія. Перев. 1909. Стр. 168 прим. 1, пользуется выраженіемъ: «экономика мышленія» «для обозначенія научной совокупности изслѣдованій въ области экономіи мышленія». Гуссерль видитъ въ этомъ эмпиристическое, именно «біологическое обоснованіе логики и гносеологіи посредствомъ принципа наименьшей затраты силъ». Телеологическое пониманіе проведено здѣсь впрочемъ также (стр. 170 и сл.). Телеологическое же пониманіе хорошо выразилъ Г. Гефдингъ. Современная философія. Перев. 1907. Стр. 154. Объ «экономіи всей системы нашихъ знаній» упоминалъ уже A. Cournot. Traité de l'enchainement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire. (1861). Nouv. éd., 1911. p. 75.— Въ корнѣ ошибочнымъ представляется мнѣніе, что «сущность умственнаго труда въ противность физическому можно установить въ томъ, что онъ достигаетъ съ меньшей затратой силы болѣе значительныхъ результатовъ», какъ утверждаетъ однако G. Simmel. Soziale Differenzierung. Кар. 6. S. 123. Это мнѣніе столь же ошибочно, какъ и воззрѣніе физіократовъ и отчасти также Ad. Smith'a о болѣе высокой производительности земледѣлія. Вообще о соблюденіи принципа наименьшей затраты можно судить на основаніи сравненія затратъ и результатовъ по ихъ экономической оцѣнкѣ либо чрезъ суммарное сопоставленіе въ этомъ отношеніи аналогичныхъ процессовъ дѣятельности въ ихъ затратахъ и результатахъ. Ни тотъ ни другой пріемъ сопоставленія не приложимъ однако къ случаю, который имѣетъ въ виду Simmel.

Къ стр. 28 и сл.—О примѣненіи хозяйственности къ завѣдыванію чужимъ хозяйствомъ см.: Xenophontis Oeconomicus. Cap. I. 2—4.

Къ стр. 29.—Adam Smith. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Ed. by E. Cannan. 1896 p. 234, 253 seq., высказываетъ объ этомъ: «Честность не принадлежитъ къ наиболѣе преобладающимъ добродѣтелямъ у некультурныхъ людей. Коммерція распространяетъ честность и пунктуальность». «Съ распространеніемъ въ странѣ коммерціи честность и пунктуальность всегда сопутствуютъ ей. Въ гру-

бой и варварской странѣ эти добродѣтели почти неизвѣстны. Изъ всѣхъ націй въ Европѣ голландцы, наиболѣе коммерческіе, наиболѣе вѣрны своему слову». «Это отнюдь нельзя приписывать національному характеру, какъ нѣкоторые полагаютъ». «Гораздо болѣе сводится это къ собственному интересу, тому общему принципу, который направляетъ дѣйствія человѣка и побуждаетъ человѣка дѣйствовать извѣстнымъ образомъ съ точки зрѣнія выгоды и который на столько же глубоко укорененъ въ англичанинѣ, какъ и въ голландцѣ. Купецъ опасается потерять свою репутацію и совѣстливъ въ соблюденіи всякаго обязательства. Если кто-либо заключаетъ, можетъ быть, двадцать сдѣлокъ въ день, онъ не можетъ такъ много выиграть при попыткѣ обмануть своихъ ближнихъ, какъ самый фактъ обмана причинилъ бы ему ущерба. Когда люди заключаютъ между собою сдѣлки рѣдко, мы найдемъ, что они до нѣкоторой степени склонны къ обману, такъ какъ они могутъ болѣе выиграть отъ ловкой штуки, нежели потерять, роняя тѣмъ свою репутацію».

Къ стр. 32 и сл.—F. Lassalle. Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch (Politische Reden und Schriften. Herausg. v. E. Blum. B. III. S. 22 f., 27 ff.), противопоставляетъ индивидуалистическому направленію этого экономиста, что «все историческое развитіе вышло изъ общественности и безъ таковой культура вовсе не могла бы и возникнуть», что «экономическая область есть область общественныхъ соотношеній, область солидарности или общественности» и что «этимъ разумнымъ вниманіемъ къ общности и солидарности, которыя можно лишь игнорировать, но не упразднить игнорированіемъ, впервые создаютъ, а не желаютъ упразднить вмѣняемость, собственную отвѣтственность и свободу индивида».—Теоретическое выясненіе этого вопроса въ связи съ историческими характеристиками даетъ E. v. Philippovich. Individuelle Verantwortlichkeit und gegenseitige Hilfe im Wirtschaftsleben. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. B. XIV H. VI S. 547—570.

Къ стр. 34.—Всѣ указываемые здѣсь соціальные принципы государство примѣняетъ также въ своихъ отношеніяхъ къ индивидамъ и отдѣльнымъ общественнымъ группамъ.

Къ стр. 34 прим. 1.—См. также: Fr. Hermann. Staatswirthschaftliche Untersuchungen. (1 Ausg.). 1832. S. 15.

Къ стр. 35 примѣч. 2.—David Hume. An Enquiry Concerning the Principles of Morals. Reprinted from the ed. of 1777. 1907. Section V part II p. 53 seq., обосновываетъ это въ слѣдующемъ разсужденіи: «Себялюбіе (self-love) есть въ человѣческой природѣ принципъ такого обширнаго дѣйствія, и интересъ каждаго индивида вообще такъ тѣсно связанъ съ общественнымъ, что заслуживаютъ извиненія тѣ философы, которые воображали, что вся наша забота объ обществѣ можетъ быть сведена къ заботѣ о нашемъ собственномъ счастьѣ и сохраненіи». «Они ставили вопросъ, возможно ли, чтобы мы могли имѣть вообще забо-

ту объ обществѣ или какое-либо безкорыстное чувство относительно благополучія или горя другихъ; они находили, что проще разсматривать всѣ эти чувства, какъ видоизмѣненія себялюбія; и они открыли, по крайней мѣрѣ, предлогъ для этого единства принципа—въ томъ тѣсномъ единствѣ интереса, которое такъ замѣтно между обществомъ и каждымъ индивидомъ. Но несмотря на это частое смѣшеніе интересовъ», «мы нашли случаи, въ которыхъ частный интересъ отдѣленъ отъ общественнаго, даже противоположенъ ему, и все же мы видѣли, что нравственное чувство сохраняется, несмотря на такое разъединеніе интересовъ. И гдѣ бы только эти различные интересы ощутительно конкурировали, мы всегда находили явственный подъемъ чувства и болѣе живое влеченіе къ добродѣтели и ненависть къ пороку, или, какъ мы собственно называемъ, признательность и возмездіе. Побуждаемые этими примѣрами, мы должны отказаться отъ теоріи, которая всякое моральное чувство относитъ къ началу себялюбія. Мы должны принять болѣе общественное влеченіе и допустить, что интересы общественные, даже сами по себѣ, не вовсе безразличны для насъ».—Въ этомъ же направленіи высказывается А. Яроцкій. О возможности индивидуалистическаго обоснованія альтруистической морали. Вопросы филос. и психол. 1913. Кн. 117. Стр. 174—225.

Къ стр. 37.—Существо культуры въ каждой отрасли ея проявленія заключается въ сочетаніи соціальнаго сознанія и воли съ индивидуальными сознаніемъ и волею, при чемъ соотношеніе между ними необходимо предполагаетъ нѣкоторый авторитетъ и давленіе соціальнаго сознанія и воли въ отношеніи къ индивидамъ, при сохраненіи нѣкоторой мѣры самоопредѣленія у индивидовъ. Такимъ образомъ, не въ принужденіи заключается характерное свойство права и государства, а въ особой отрасли примѣненія этого соотношенія.

Къ стр. 40 и сл.—Понятіе причинности мы мыслимъ не въ томъ обширномъ значеніи, которое бы охватывало всякаго рода обусловливающую зависимость явленій, за исключеніемъ, можетъ быть, случайностей, но въ обычномъ смыслѣ противопоставленія объективной причинности и сознательно-волевого цѣлеполаганія.

Къ стр. 41.—См. отдѣльное примѣчаніе къ стр. 454—456.

Къ стр. 41 и сл.—См. замѣчаніе относительно силъ природы: C. Menger. Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbes. S. 157 Anm. 51.

Къ стр. 42.—См.: П. И. Георгіевскій. Политическая экономія. 4 изд. Т. 1. Стр. 3, 8; М. А. Сириновъ. Теоретическая политическая экономія, какъ наука. Вып. I. Стр. 79, 86, 174 и сл.; H. Eisenhart. Positives System der Volkswirthschaft, oder Oekonomische Socialtheorie. 1844. Eingang.

Къ стр. 42 прим. 2.—Приведенное опредѣленіе находится въ цитированномъ сочиненіи A. Cournot. Traité de l'enchainement des idées fondamentales etc. 1911. Alin. 59 p. 67. Мы не оспариваемъ

и другого опредѣленія случайности у A. Cournot, въ его Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique. Nouv. éd. 1912. Alin. 30 p. 38: «События, вызванныя комбинаціей или стеченіемъ иныхъ событій, которыя принадлежатъ къ независимымъ одни отъ другихъ дѣйствіямъ, суть то, что называютъ случайными (fortuit) событіями, или результатами случая».—Не имѣя возможности подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ и не касаясь въ частности методологической основы статистическаго метода, отмѣтимъ лишь, что недостатокъ телеологическаго пониманія соціальной жизни и вызвалъ воззрѣніе, представителемъ котораго является также и В. Веретенниковъ (Н. с., стр. 44), что «для изученія историческаго процесса нужно принять тѣ пріемы и методы, которые употребляются при изслѣдованіи случайныхъ явленій; такіе методы разработаны и въ своей совокупности носятъ названіе метода статистическаго».

Къ стр. 43.—За начала цѣли и оцѣнки въ области соціальныхъ наукъ высказываются W. Ed. Biermann. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1905. III F. B. 30. H. 1. S. 120; R. Eisler. Grundlagen der Philosophie des Geisteslebens. S. 97 ff.; R. Eisler. Der Zweck. 1914. S. 162.—Къ разсматриваемому здѣсь вопросу см. также: Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. Введеніе. 1909. Стр. 32—43.

Къ стр. 48.—Bruno Hildebrand. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. B. II. 1864. S. 24, признавалъ однако законъ культурнаго прогресса всего человѣчества въ цѣломъ. Но если изъ общаго понятія культуры, или соціальной жизни, вытекаетъ въ идеѣ необходимость прогресса, то этимъ не исключается и возможность регресса, даже общечеловѣческаго, послѣ того какъ развитіе культуры зашло бы въ своего рода тупики, чему и указываетъ примѣры исторія. Съ другой стороны, въ предисловіи къ своему болѣе раннему произведенію: Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. S. V, Bruno Hildebrand высказывалъ еще стремленіе «въ области національной экономіи проложить путь для основательнаго историческаго направленія и метода и развить эту науку въ ученіе объ экономическихъ законахъ развитія народовъ».

Къ стр. 54 прим. 1.—Idem. 7 ergänzte Auflage. 1910. § 116 S. 428 f.

Къ стр. 55 и сл.—Въ этомъ же смыслѣ высказывается А. Ф. Эттингенъ. Численный методъ въ приложеніи къ духовно-нравственнымъ явленіямъ. (Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе. Перев. подъ ред. проф. Янсона. 1879. Стр. 220 и сл.).

Къ стр. 57.—Въ 10-мъ изданіи 1 тома своего курса (1913), по сравненію съ 6 изд. (1906) Philippovich вновь ввелъ отдѣльныя упоминанія соціальной закономѣрности (см.: O. c., 10 Aufl., S. 3, 22 f.)

Къ стр. 57 и сл.—Въ отрицаніи историческихъ законовъ мнѣніе

Sombart'a раздѣляетъ G. v. Below. Historische Zeitschrift. B. 86. 1900. S. 15 f.

Къ стр. 58 и сл. примѣч. 5.—Въ цитируемой статьѣ Biermann'a см. также S. 602 f.

Къ стр. 61.—Противъ предположенія причинныхъ связей и законовъ въ области соціальныхъ явленій высказывается также М. А. Спиновъ. Н. с., вып. I гл. XXIII.

Къ стр. 62.—Приведенныя ссылки относятся къ слѣд. мѣстамъ подлиннаго изданія: 1) Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Polit. Oekonomie insbes. Von C. Menger. 2) S. 164, 180. 3) S. 87. 4) Buch II Cap. III. 5) S. 163 f., 145 f., 180 ff.

Къ стр. 64 и сл.—Относительно опіекуренія въ Китаѣ и относящихся сюда мѣропріятій государства мы имѣли случай представить свѣдѣнія въ «Землевладѣніи и земледѣліи въ Китаѣ». 1909.

Къ стр. 65.—Bruno Hildebrand. Die gegenwärtige Aufgabe der Wissenschaft der Nationalökonomie. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1863. B. I. S. 22, 141, указываетъ на экономическія установленія, не смѣшивая ихъ съ правительственными мѣропріятіями.—W. Arnold. Cultur und Rechtsleben. 1865. S. 95, высказался объ этомъ: «Всякій хозяйственный институтъ можетъ быть съ другой стороны обозначенъ, какъ правовой институтъ. Общая и отдѣльная собственность, земельная и капитальная собственность, ленное владѣніе, заемъ, поземельный оброкъ, обмѣнъ, деньги, купля, аренда, наемъ, ссуда, процентъ и всѣ иныя подъ разными наименованіями суть одинаково хозяйственныя, какъ и правовыя понятія. Разумѣется, этимъ не сказано, что и хозяйственное и правовое значеніе понятій одинаково, ни тѣмъ болѣе, что всѣ хозяйственныя понятія въ то же время должны быть правовыми и всѣ правовыя—въ то же время хозяйственными. Ибо тогда право и хозяйство, юриспруденція и національная экономія совершенно совпали бы».

Къ стр. 69.—Во французской литературѣ René Maunier. O. c., Introduction, подвергаетъ сравнительно подробному изслѣдованію экономическіе феномены, которымъ онъ приписываетъ не оригинальный характеръ, но традиціонность и обязательность и къ которымъ онъ относитъ семью, предпріятіе, обмѣнъ, цѣнность.—Сюда же имѣетъ отношеніе замѣчаніе Р. Орженцкаго въ его статьѣ: «Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія». Юридич. Вѣстникъ. 1914. Кн. V (I). Стр. 202. «Положеніе индивида въ обществѣ», утверждается здѣсь, «характеризуется тѣмъ, что онъ не имѣетъ ни надобности, ни возможности, ни способности выдумывать, изобрѣтать свое поведеніе или извлекать его всякій разъ изъ своей общечеловѣческой природы; его роль ограничивается лишь тѣмъ, что путемъ воспитанія, внушенія, принужденія или подражанія онъ усваиваетъ

себѣ нѣкоторое количество цѣнностей, цѣлей, формъ и нормъ поведенія, чаще всего изъ ближайшей окружающей его среды, рѣже изъ болѣе далекихъ по времени или мѣсту источниковъ, и въ нужныхъ случаяхъ осуществляетъ усвоенныя цѣли, цѣнности, формы и нормы поведенія».

Къ стр. 70 прим. 1.—Реальность народнаго хозяйства въ этомъ смыслѣ отстаивалъ W. Roscher. Grundlagen usw. B. I. § 12 S. 32.

Къ стр. 78.—Въ качествѣ мотивовъ дѣятельности Sax различаетъ въ индивидуализмѣ и въ коллективизмѣ, какъ въ цѣломъ, эгоизмъ, мутуализмъ и альтруизмъ, при чемъ, въ противоположность Dargun'у не сводитъ мутуализмъ къ сочетанію эгоизма и альтруизма, не имѣющему самостоятельнаго характера. См.: Sax, Grundlegung der theoret. Staatswirthschaft. S. 19, 24 f.; Sax. Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie. S. 51 ff.; Dargun. Egoismus und Altruismus. S. 26 ff.

Къ стр. 80 прим. 1.—См. также: René Maunier. O. c., p. 3; М. А. Сиринovъ. Н. с., в. II гл. II стр. 9 и сл.

Къ стр. 89 и сл.—A. Emminghaus. Art.: Privatwirthschaft. Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre. 1866. S. 682, различалъ частнохозяйственныя и народнохозяйственныя понятія капитала, денегъ, земельной ренты, цѣны и цѣнности, приписывая тѣмъ и другимъ различное содержаніе и объемъ. Въ болѣе раннемъ изданіи своего труда (O. c., 5 Aufl. 1847. § 53 f. S. 69 f.) Rau различаетъ въ приращеніи благъ частнаго хозяйства случаи одновременнаго умноженія народнаго достоянія и простого перенесенія благъ внутри народнаго хозяйства. Опредѣляя капиталъ, какъ совокупность благъ, служащихъ къ полученію другихъ благъ, Rau заключаетъ, что «частно- и народнохозяйственное понятія капитала въ одинаковой мѣрѣ основаны на сущности обоихъ хозяйствъ, и двоякое значеніе того же выраженія не можетъ быть избѣгнуто, какъ бы ни было это неудобно при первоначальномъ изученіи науки».— Этой условной и въ научномъ отношеніи безплодной точкѣ зрѣнія должно предпочесть различеніе двухъ народно- или, точнѣе, соціально-хозяйственныхъ понятій капитала: производственнаго и владѣльческаго, изъ коихъ первый относится къ ученію о производствѣ и второй—къ ученію о распредѣленіи. Объ этомъ см.: Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. В. II. Общая часть. Стр. 20 и сл., 95 и сл.

Къ стр. 92 и сл.—См.: К. Г. Воблый. Вопросъ о методѣ въ исторіи политической экономіи. Журналъ Мин. Нар. Просв. Ноябрь 1907. Стр. 39—45.

Къ стр. 94.—См.: R. Maunier. O. c., p. 48.

Къ стр. 94 примѣч. 1.—Untersuchungen usw. Buch I Cap. 7 S. 79.

Къ стр. 113 и сл.—R. Maunier. O. c., p. 47, отвергаетъ гипотезу экономическаго человѣка, «ибо она отрицаетъ очевидность, именно, что явленія цѣнности, какъ и всѣ иныя экономическія явленія,

суть соціальныя явленія, которыя зависятъ всегда въ извѣстной мѣрѣ отъ особенностей тѣхъ обществъ, въ которыхъ они совершаются».

Къ стр. 118 и сл.—Различіе категорій въ нашей наукѣ есть схоластическій пріемъ, противорѣчащій требованіямъ научнаго реализма. Въ самомъ дѣлѣ, въ основу этого различенія полагаются точки зрѣнія, не принадлежащія къ существу экономики и входящія въ науку лишь съ формально-методологической стороны ея.—Вопросъ о различеніи естественныхъ и соціальныхъ, или же логическихъ и историческихъ категорій подвергаетъ критическому разбору М. А. Спиновъ. Н. с., вып. II стр. 49 и далѣе.—F. Lassalle. Herr Bastiat-Schulze v. Delitsch (Gesamtwerke, herausg. v. E. Blum. B. III. S. 191) пользуется выраженіемъ: категоріи для обозначенія понятій-установленій, при чемъ различаетъ экономическія и правовыя категоріи, приписывая однако тѣмъ и другимъ историческій характеръ. См. также его сочиненіе: Das System der erworbenen Rechte. T. I. (Gesamtwerke. B. IV S. 51 f.) Наши критическія замѣчанія, такимъ образомъ, не имѣютъ сюда отношенія.

Къ стр. 121.—K. Rau. Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. 5 Ausg. 1847. Vorrede S. XII, слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ присущее хозяйственной дѣятельности стремленіе: «Наука о народномъ хозяйствѣ имѣетъ задачею представить, какія дѣйствія оказываетъ поведеніе людей по отношенію къ пріобрѣтенію, владѣнію и потребленію вещественныхъ благъ въ общемъ, въ средѣ всего народа». «Она не можетъ не предполагать при своихъ выводахъ тѣ побужденія (Beweggründe), по которымъ вообще дѣйствуютъ люди; она должна, слѣдовательно, исходить отъ презумпціи, что всякій преслѣдуетъ въ обращеніи свою собственную выгоду. Эгоизмъ (Selbstsucht) этимъ ни прославляется ни поощряется, но признается въ качествѣ постоянной силы (dauernde Triebkraft), помимо которой нельзя было бы констатировать ни одного народнохозяйственнаго закона. Признавая вполнѣ благородство и красоту образа мышленія, готоваго на всякую жертву изъ любви къ другимъ или ко всему [обществу], должно однако признать, что это не можетъ стать господствующимъ правиломъ въ хозяйственныхъ сношеніяхъ между людьми, равно какъ и то, что если бы это однако произошло, то подлежали бы устраненію ученія о цѣнѣ, заработной платѣ и пр. Тѣ болѣе благородныя побужденія, въ соотвѣтствіи съ заповѣдями христіанства и нравственности, должны устранять извращенія, преувеличенія и злоупотребленія, которыя могли бы наступить при безпощадномъ господствѣ страсти къ пріобрѣтенію; нельзя только предъявлять къ наукѣ о народномъ хозяйствѣ требованіе поучать ничтожеству и незначительности земныхъ благъ,—подобно тому, какъ въ агрономіи нельзя будетъ ожидать предписанія не препятствовать нуждающимся въ собираніи колосьевъ послѣ жатвы или въ пастьбѣ въ полѣ. Во всякомъ родѣ дѣятельности должно различать свойственные ей принципы отъ всюду проявляющихся общихъ нравственныхъ

законовъ». Въ дальнѣйшемъ изложеніи K. Rau характеризуетъ указанное стремленіе къ собственной выгодѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ хозяйственности. Онъ отмѣчаетъ именно, что «стремленіе, по которому люди обычно дѣйствуютъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ, есть требованіе достигать наибольшей выгоды въ вещественныхъ благахъ съ наименьшимъ трудомъ и съ наименьшей затратой части имущества» (§ 7.1). Связь между частными хозяйствами, обусловленная этимъ стремленіемъ и примѣненіемъ раздѣленія труда, «эта связь, которая поддерживаетъ цѣлостность человѣческаго общества, потому такъ прочна, что исходитъ изъ побужденій эгоизма, которыя дѣйствуютъ въ общемъ неуклонно» (§ 8.3). Обращаясь къ вопросу о возможности народнохозяйственныхъ законовъ и положеній, Rau обосновываетъ ихъ тѣмъ, что «при ближайшемъ разсмотрѣніи можно распознать дѣйствіе общихъ причинъ, которыя создаютъ извѣстное единообразіе въ образѣ дѣйствій людей. Онѣ основаны: 1) на законахъ физическаго міра»; «2) на неизмѣнномъ отношеніи человѣка къ вещественнымъ благамъ, какъ необходимымъ средствамъ къ достиженію его высшихъ цѣлей. Поэтому достиженіе, сохраненіе и примѣненіе вещественныхъ благъ есть предметъ соразмѣрнаго общаго стремленія (§ 7.1) и происходитъ по одинаковымъ хозяйственнымъ принципамъ, хотя въ отдѣльности потребности и средства къ удовлетворенію ихъ представляются различными, а также и вліяніе высшихъ, сверхчувственныхъ побужденій проявляется въ неодинаковой мѣрѣ» (§ 11). Въ послѣднемъ изданіи цитируемаго труда (8 Ausg., 1868) выпущено цитированное мѣсто изъ предисловія къ 5-му изданію, нѣсколько измѣнено опредѣленіе хозяйственности, а изложеніе прочихъ цитируемыхъ здѣсь §§ подверглось полной переработкѣ по существу, съ отказомъ отъ прежняго обоснованія экономическихъ законовъ; въ опредѣленіи хозяйственности выраженіе: стремленіе было замѣнено «цѣлью» (Zweck), а равно выпущено выраженіе: требованіе. Въ приведенномъ выше болѣе раннемъ изложеніи воззрѣнія Rau приближались къ воззрѣніямъ вышеупомянутыхъ англійскихъ экономистовъ, а также C. Menger'a.— Fr. Hermann. Staatswirthsch. Untersuchungen (1 Ausg.). § 13 S. 18, правильно указываетъ на противорѣчіе у Rau между обоснованіемъ человѣческаго общенія на побужденіяхъ эгоизма (O. c., § 8) и признаніемъ попеченія правительства о хозяйственныхъ цѣляхъ въ государствѣ (§ 14).

Къ стр. 129.—B. Harms. Probleme der Weltwirtschaft. Volkswirtschaft und Weltwirtschaft. S. 329 Anm. 1, отрицаетъ общій мотивъ человѣческой дѣятельности, но принимаетъ принципъ наименьшаго средства.

Къ стр. 131.—Eduard Heimann. Methodologiches zu den Problemen des Wertes und des wirtschaftlichen Prinzips. Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik. B. 37 H. 3. Nov. 1913 S. 758—807, относясь отрицательно къ собственно хозяйственному принципу, высказы-

вается «за старую конструкцію homo oeconomicus» и за «эгоизмъ классиковъ». Въ итогѣ его мнѣніе—«вывести національную экономію изъ пустоты неопредѣленной мотивацін и поставить её на твердую почву эгоистическаго принципа, господствующаго въ мірѣ хозяйства; ибо въ наукѣ есть лишь одна мораль, честность». Но хозяйственный эгоизмъ и честность—это проблема весьма трудно осуществимая и выходящая изъ рамокъ экономики. Въ общемъ Heimann не представилъ новыхъ аргументовъ въ пользу старой теоріи.—R. Liefmann. Die Entstehung des Preises aus subjektiven Wertschätzungen. Archiv für Sozialwiss. u. Sozialpolitik. B. XXXIV H. 1. 1912. S. 4, признаетъ объектомъ теоретическаго разсмотрѣнія «поведеніе экономическаго человѣка въ мѣновомъ оборотѣ», отождествляя таковое съ экономическимъ принципомъ, или «стремленіемъ къ наибольшей выгодѣ».

Къ стр. 133.—Въ своемъ послѣдующемъ трудѣ: Das Verhältnis der Privatwirtschaftslehre zur Nationalökonomie. 1913. M. Weyermann возвращается къ проблемѣ экономическаго человѣка для обоснованія своей частнохозяйственной науки (объ этомъ см. далѣе, стр. 246—260). Классическую теорію экономическаго человѣка онъ признаетъ слишкомъ простой, подводящей подъ одинъ шаблонъ самыя различныя формы хозяйственной дѣятельности и по отношенію къ рабочимъ ведущей ad absurdum. Въ виду этого имъ выдвигается задача конкретизаціи и спеціализаціи экономическаго человѣка при посредствѣ частнохозяйственной науки.

Къ стр. 141.—См. также: E. Philippovich. Das Eindringen der sozialpolitischen Ideen in die Literatur. (Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrhundert. 1908. T. II. Abh. XXXI. S. 51).

Къ стр. 142.—Относительно воззрѣнія Neumann'a ср.: Below. Historische Zeitschrift. B. 86. 1900. S. 15 Anm.

Къ стр. 149 и сл.—К. Г. Воблый. Вопросъ о методѣ въ исторіи политической экономіи. Журн. Министр. Нар. Просв. Ноябрь 1907. Стр. 13, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ научную дѣятельность Маркса: «Правда, Марксъ не чуждался и историческаго, индуктивнаго метода; въ видѣ примѣра можно указать на его блестящія характеристики англійскаго хозяйства; но вообще въ теоріи онъ былъ удивительно абстрактенъ и схоластиченъ. По своей методологіи Марксъ вполнѣ принадлежалъ къ старой школѣ».

Къ стр. 163 и сл.—Въ своей статьѣ въ Bank-Archiv. J. XII. № 1. 1 Okt. 1912. S. 2, Brentano высказываетъ: «Rerum cognoscere causas есть задача всей науки. Ученіе, сознательно уклоняющееся отъ этой задачи, довольствуясь тѣмъ, что его теоріи правильны, по крайней мѣрѣ, при принятыхъ имъ предположеніяхъ, и относительно ихъ несоотвѣтствія съ дѣйствительностью утѣшаясь тѣмъ, что ея условія иныя, нежели предполагаемыя имъ, можетъ, разумѣется, послужить для болѣе или менѣе остроумныхъ людей возбуждающей

ихъ jeu d'esprit; оно однако отказывается представить и выяснить жизнь; и всего менѣе оно можетъ удовлетворить въ наиболѣе реальной изъ всѣхъ наукъ—о хозяйственной жизни народовъ. Отсюда и пренебреженіе къ абстрактной народнохозяйственной наукѣ у людей жизни».

Къ стр. 169 и сл.—Къ характернымъ продуктамъ абстрактной школы принадлежитъ также ученіе о распредѣленіи народнохозяйственнаго дохода по тремъ факторамъ производства. См.: Н. И. Кохановскій. Политическая экономія. В. II. Общая часть. Стр. 81 и сл.—Вопреки мнѣнію Malthus'a, проблема населенія, допускающая лишь относительное рѣшеніе ея, заключается не въ естественныхъ и физіологическихъ условіяхъ, а въ установившемся для даннаго населенія строѣ и условіяхъ народнаго хозяйства въ цѣломъ и отдѣльныхъ хозяйствъ.

Къ стр. 173 и сл.—См. также: B. Croce. O. c., p. 267—273.—Вмѣстѣ съ тѣмъ мы высказываемся противъ психологическаго направленія также въ иныхъ соціальныхъ наукахъ, въ частности—въ правѣ. Мы присоединяемся поэтому къ заключенію П. И. Новгородцева[1]: «Опытъ реформы юриспруденціи путемъ превращенія ея въ опытно-психологическую науку... надо отвергнуть во имя автономіи юриспруденціи».

Къ стр. 176.—См. цитируемый въ текстѣ его трудъ: Die neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorie. S. 8 f.

Къ стр. 177 и сл.—Индивидуально-субъективная точка зрѣнія, присущая этому направленію экономики, идетъ въ разрѣзъ съ элементарными фактами раздѣленія и соединенія дѣятельности (въ производствѣ) и потребленія.—См. также критическія замѣчанія у К. Г. Воблаго. Журн. Мин. Нар. Просв. Ноябрь 1907. Стр. 44 и сл.

Къ стр. 178.—Впервые и при томъ весьма ясно формулировалъ гедонистическій принципъ Jeremy Bentham[2]. Онъ далъ этому принципу наименованіе принципа пользы или принципа наивысшаго счастья (principle of utility; the greatest happiness or greatest felicity principle). При этомъ онъ опредѣлялъ счастье, какъ пользованіе пріятнымъ, избѣжаніе непріятнаго (enjoyment of pleasures, security from pains). «Подъ принципомъ пользы разумѣется тотъ принципъ, который одобряетъ или не одобряетъ всякое дѣйствіе въ соотвѣтствіи съ проявляющейся въ немъ тенденціей къ увеличенію или уменьшенію счастья той стороны, объ интересахъ которой идетъ дѣло». «Подъ пользою разумѣется то свойство какого-либо объекта, въ силу котораго оно направлено къ тому, чтобы произвести пользу, выгоду, удовольствіе, благо или счастье (все это сводится въ настоящемъ случаѣ къ одному и тому же) или (что опять-таки ведетъ къ тому же) предотвратить ущербъ, непріятность, бѣдствіе или несчастье для той

[1]) Психологическая теорія права и философія естественнаго права. Юридическій Вѣстникъ. 1913. Кн. III. Стр. 13.

[2]) Introduction to the Principles of Morals and Legislation. (First printed—in 1780 and first published—in 1789). MCMVII. Ch. I, VII.

стороны, интересы которой имѣются въ виду». Самый принципъ опредѣляется, какъ «умственный актъ, чувство, чувство одобренія» или же неодобренія.—Ср.: Art.: Bentham, by J. Bonar. Dictionary of Political Economy, ed. by Palgrave. Vol. I. p. 133.

Къ стр. 178 прим. 8.—См. также гедонистическую формулировку хозяйственнаго принципа у O. Heyn. Theorie des wirtschaftlichen Werths. 1899. S. 5.

Къ стр. 178 и сл.—W. Wundt. Logik der Geisteswissenschaften. 3 Aufl. 1908. S. 557 Anm., даетъ, представляющую интересъ и особенно цѣнную въ виду компетентности автора, характеристику этого направленія: «Представители математической экономической теоріи, Jevons и Walras сумѣли избѣжать того осложненія проблемъ, которое возникаетъ вслѣдствіе обращенія къ психологическимъ основамъ теоріи чувствованій. Это представилось для нихъ возможнымъ лишь вслѣдствіе того, что они ввели на мѣсто психологическихъ внѣшнія экономическія понятія, какъ спросъ, продложеніе, цѣна и т. п., чрезъ то обойдя привнесеніе тѣхъ измѣнчивыхъ психическихъ факторовъ, но и не давши психологически объясняющей теоріи. Математическая теорія возможна такимъ образомъ лишь чрезъ абстракцію отъ всѣхъ особенныхъ психологическихъ законовъ чувствованій на основаніи чисто логически-экономическаго опредѣленія хозяйственныхъ понятій. Вслѣдствіе этого однако всѣ особенныя количественныя показанія соотношеній экономическихъ величинъ становятся чисто-гипотетическими, и нельзя предполагать, чтобы хотя бы лишь въ одномъ случаѣ они совпадали съ дѣйствительностью». Wundt однако уклоняется отъ окончательной критической оцѣнки этой теоріи на основаніи изложеннаго.

Къ стр. 181.—Нѣсколько ограничиваетъ значеніе психологіи для экономики P. H. Wicksteed. Political Economy and Psychology. Dictionary of Political Economy, ed. by Palgrave. Vol. III p. 140 seq. Какъ утверждается здѣсь, «экономистъ отправляется отъ психологическихъ и физическихъ данныхъ, которыя онъ не имѣетъ надобности анализировать, удовлетворяясь лишь тѣмъ, что они истинныя. Но различіе въ томъ, что въ то время какъ его данныя частью физическія, частью психологическія, его выводы (quaesita), въ послѣднемъ итогѣ, всецѣло психическіе». «Такъ какъ законы политической экономіи, представляясь, въ концѣ концовъ, законами человѣческаго поведенія, суть психическіе, а не физическіе, и, слѣдовательно, психологія входитъ въ политическую экономію нѣсколько больше, нежели подобные же элементы физики и технологіи».

Къ стр. 193.—C. Menger. Untersuchungen usw. Anh. IX S. 288 ff., посвящаетъ послѣднія страницы этого своего труда опроверженію этическаго направленія. «Въ дѣйствительности», высказываетъ онъ въ заключеніе, «эта мысль коренится съ одной стороны въ отрицаніи природы и своеобразныхъ задачъ теоретическихъ и практическихъ наукъ о народномъ хозяйствѣ, съ другой же—въ слишкомъ низкой

оцѣнкѣ хозяйственной стороны народной жизни, по сравненію съ другими, признаваемыми за болѣе высокія, и въ вытекающемъ отсюда стремленіи части нашихъ экономистовъ оцѣниваемый ими низко предметъ изслѣдованія облагородить этическимъ направленіемъ послѣдняго, —какъ будто бы достоинство науки заключается въ ея предметѣ и достоинство тѣхъ, кто ею занимается,—въ характерѣ этого предмета, а не въ важности, глубинѣ и оригинальности результатовъ ихъ изслѣдованія! Стремленіе къ этическому направленію нашей науки есть частью пережитокъ стараго и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, пережитокъ средневѣковаго аскетическаго міровоззрѣнія, въ значительной же степени есть однако жалкая опора научной посредственности, подобно тому какъ въ свое время этическое направленіе исторіографіи». «Нѣкоторые экономическіе писатели», замѣчаетъ Menger, «ищутъ этическое направленіе теоретической національной экономіи въ томъ, что они разсматриваютъ явленія народнаго хозяйства съ точки зрѣнія морали, изслѣдуя, напр., какія блага съ точки зрѣнія послѣдней могутъ быть признаны таковыми, т. е. истинными благами, какія цѣны, проценты на капиталъ слѣдуетъ признать нравственно предосудительными. Въ этомъ однако заключается не этическое направленіе національно-экономическаго изслѣдованія, но моральное сужденіе объ отдѣльныхъ явленіяхъ народнаго хозяйства, которое отнюдь не можетъ затрогивать результаты теоретическаго изслѣдованія въ области народнаго хозяйства».—См. также § 54 стр. 459 нашего труда.

Къ стр. 207 и сл.—Изложенныя воззрѣнія Herkner'a представляются сходными съ тѣми, которыя проводилъ J. Graf von Soden. Die National-Oekonomie. B. I. 1815. § 14 S. 12, § 17 S. 14. Назначеніе національной экономіи онъ видѣлъ въ заботѣ о высшемъ благосостояніи каждаго въ общественномъ строѣ. «Принципъ національной экономіи—высшій нравственный законъ благожеланія, гуманности». Въ этомъ направленіи и должно проявляться вліяніе національной экономіи на государственное хозяйство, т. е. экономическую политику.

Къ стр. 211 и сл.—R. Eisler. Der Zweck. S. 178 f., высказываетъ объ этомъ: «Понятіе цѣли имѣетъ въ соціальныхъ наукахъ не только экспликативное значеніе. Оно создаетъ также возможность оцѣнки, критики и нормированія соціальнаго поведенія и соціальныхъ образованій. Имѣя въ виду цѣли, которымъ служатъ эти образованія, мы разсматриваемъ, дѣйствительно ли они пригодны для достиженія этихъ цѣлей и происходитъ ли это наилучшимъ образомъ, съ надлежащими средствами. Изслѣдуется, достигается ли максимумъ желаемаго, преднамѣреннаго съ минимумомъ не-цѣлесообразныхъ, побочныхъ дѣйствій и слѣдствій. Оцѣнка соціальнаго факта направляется сообразно результату этого телеологическаго изслѣдованія и можетъ, конечно, достигнуть высокой степени объективности».—Проблему особыхъ системъ оцѣнокъ трактуетъ Jonas Cohn. Beiträge zur Lehre von den Wertungen (Zeitschrift für Philosophie und philosoph. Kritik.

Bd. 110).—Болѣе интереса представляетъ подобнаго же содержанія статья Ed. Sprangerʼa. Die Stellung der Wertuteile in der Nationalökonomie. Schmollers Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw. J. 38. H. 2. 1914. S. 33—57 (557—581). Авторъ признаетъ своей задачей «показать, что въ названныхъ наукахъ проявляютъ дѣйствіе формы категорій, не вполнѣ обособленныя отъ переживаній оцѣнки, что собственное проведеніе оцѣнки (Wertverhalten) и категорія пониманія: соотношеніе цѣнности (Wertzusammenhang) находятся во внутренней взаимозависимости». По замѣчанію автора, «чистый позитивизмъ, который хочетъ дозволить національной экономіи лишь констатированіе фактическихъ соотношеній (данныхъ зависимостей), въ которыя включаются также соотношенія между экономическими фактами и этическими воззрѣніями, обосновалъ свои основоположенія на естествознаніи. «Наука есть познаніе причинъ», это уже для физики слишкомъ узкое положеніе—не приводитъ въ восторгъ и нѣкоторыхъ представителей духовныхъ наукъ». Напротивъ, по мнѣнію автора, «кто хочетъ уразумѣть (истолковать) простѣйшій процессъ хозяйственно-соціальнаго рода, нуждается при этомъ въ субъективномъ условіи (Ausstattung): онъ долженъ именно быть въ состояніи человѣческія оцѣнки (Werterfahrungen) и цѣлеполаганія, эти цѣнности воспроизводить въ себѣ». Экономика, «какъ оцѣнивающая и постулирующая, избираетъ своимъ субъектомъ—и въ этомъ ея произвольная граница—націю, какъ цѣлое. Поэтому въ этомъ пунктѣ находитъ себѣ предѣлъ и интернаціональность науки». Намъ представляется однако, что цитируемый авторъ преуменьшаетъ здѣсь или даже игнорируетъ здѣсь международную основу и развитіе культуры, въ частности, хозяйственной.—Spranger указываетъ лишь три отдѣльныхъ категоріи соціальныхъ оцѣнокъ, на ряду съ общей культурной оцѣнкой: «I. 1) Вопросъ объ экономически лучшемъ или цѣнномъ; 2) вопросъ о политически лучшемъ; 3) вопросъ о нравственно лучшемъ. II. Вопросъ о культурно лучшемъ». «Каждый изъ этихъ вопросовъ означаетъ новую точку соотношенія. Принимаемыя въ качествѣ данныхъ хозяйственно-соціальные факты избираются и систематизируются совершенно иначе въ зависимости отъ приложенія того или иного масштаба. Такъ, напр., хозяйственно лучшее не всегда совпадаетъ съ нравственно-лучшимъ». «О чистой хозяйственной исторіи и чистой хозяйственной теоріи можно было бы собственно говорить лишь тамъ, гдѣ всякое хозяйственное явленіе (Geschehen) уже въ простомъ представленіи отнесено къ хозяйственной сторонѣ, какъ къ центру, и обсужденіе цѣнности (Wertbeurteilung, критика), слѣдуетъ чисто изъ принципа хозяйственности. Такъ представлялось абстрактной классической національной экономіи, и въ этой научной абстракціи есть извѣстная послѣдовательность, именно классическая». «Каждый изъ этихъ трехъ масштабовъ есть абстракція. Жизнь точно также не можетъ основываться лишь на нравственной основѣ, какъ и на политической только или только хозяйственной. Хозяйственный

идеалъ, политическій идеалъ и нравственный идеалъ представляются поэтому несогласованными, часто враждебными одинъ другому. Поэтому же эти абстракціи не могутъ представить собою послѣднее и высшее. Немыслимо также подчинить нравственному идеалу все иное, ибо и онъ съ своей стороны обусловленъ хозяйственными и политическими условіями». «Кто хочетъ дѣйствительно поставить цѣли жизни въ ея конкретной переплетенности, тотъ не можетъ ограничиться одной изъ этихъ абстрактныхъ идей. Онъ долженъ будетъ выставить цѣлостно-культурный идеалъ, охватывающій всѣ факторы соціально-телеологическаго сложнаго цѣлаго. Но этотъ совокупный идеалъ возможенъ лишь тогда, если осознаны законныя взаимозависимости, которыми проникнуты хозяйственное, политическое, этическое». «Система культурныхъ цѣнностей есть система упорядоченныхъ зависимостей, въ которой нельзя измѣнить одинъ пунктъ безъ того, чтобы не проявилось обратное воздѣйствіе въ сотнѣ другихъ пунктовъ». Призывы къ строгому позитивизму и отрицаніе оцѣнокъ базируются именно не на методологическихъ принципахъ, но на возникновеніи новыхъ, еще не опредѣлившихся идеаловъ. Что касается «источника тѣхъ нормъ, которыя предписываютъ для этого исторически индивидуальнаго телеологическаго сложнаго цѣлаго высшую цѣнность и должное», то имъ признается «установленіе духа (Setzung des Geistes) изъ автономной силы, изъ его внутренней и чистой закономѣрности. «При этомъ однако должно имѣть въ виду, «что конечнымъ идеаломъ представляется не хозяйственное состояніе и не политическій или нравственный строй общества, но общій образъ культуры, заключающей въ себѣ всѣ эти стороны. Поэтому, по сколько экономистъ выступаетъ на этотъ путь изъ своей науки, онъ болѣе не является просто экономистомъ и не политикомъ или моралистомъ, но культурнымъ философомъ и долженъ поэтому мыслить философскія соотношенія, отправляясь отъ которыхъ онъ дерзнулъ проектировать будущій видъ жизни».—Вышеприведенныя выдержки характеризуютъ собою воззрѣнія, которыя, несмотря на крайнее ограниченіе сторонъ культуры, представляютъ цѣнное освѣщеніе той общей проблемы соціальныхъ наукъ, въ связи съ которой мы стремились въ нашемъ трудѣ опредѣлить существо и содержаніе экономики и экономическаго принципа.

Къ стр. 212.—Имѣютъ значеніе и слѣдующія замѣчанія, которыя высказываетъ Dr. Stephinger въ своемъ трудѣ: Zur Methode der Volkswirtschaftslehre. 1907. Кар. IV S. 122: «Наука о народномъ хозяйствѣ образуетъ свои опредѣленія чрезъ отнесеніе дѣйствительности къ культурной идеѣ цѣнности народнохозяйственной человѣческой дѣятельности, именно идеѣ, что человѣкъ, желающій быть такимъ образомъ занятымъ, отсюда получаетъ культурную задачу стремленія къ народнохозяйственной цѣли». «Идеи хозяйственной цѣнности и принципа хозяйственности даютъ систему хозяйственныхъ оцѣнокъ, которая дѣлаетъ возможнымъ констатированіе хозяйственнаго прогресса,

но лишь въ отношеніи къ роду народнохозяйственной дѣятельности, т. е. къ техникѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ этого слова; хозяйственная цѣнность есть лишь относительная. Эмпирическая народнохозяйственная политика въ смыслѣ установленія положительныхъ общезначимыхъ цѣлей не возможна».

Къ стр. 215 и сл.—Въ своей работѣ, посвященной памяти Карла Маркса. Das Lebenswerk von Karl Marx. 1909. S. 53 (также въ Archiv für Sozialwiss. und Sozialpol. März 1908. B. XXVI H. 2. S. 445), W. Sombart, говоря о заслугахъ Маркса, высказываетъ между прочимъ: «Онъ вывелъ національную экономію изъ туманной области телеологіи, въ которой она погрязла, и поставилъ ее на твердую почву сплошь каузальнаго, свободнаго отъ всякой этической или утилитаріанской примѣси разсмотрѣнія. Что это означало, мы можемъ постичь, обративъ свой взоръ къ экономистамъ, которые прошли мимо Маркса: какъ они еще нынѣ безпомощно мечутся между причинностью, апріорной телеологіей и дилетантской этикой, какъ оріентирующими принципами».—Но и по общему направленію своей научной и соціально-политической дѣятельности и по своимъ конечнымъ стремленіямъ и по своимъ воззрѣніямъ въ области рабочаго вопроса Marx былъ проникнутъ телеологической идеей и идеей хозяйственной оцѣнки. Было бы, конечно, ошибочно предполагать, что помимо строгой каузальности и объективизма съ одной стороны и апріорной телеологіи и дилетантской этики не можетъ быть еще какой-либо иной и при томъ удовлетворяющей требованіямъ научной критики основы для соціальныхъ наукъ вообще и экономики въ частности.

Къ стр. 232.—Fr. List. Das nationale System der Politischen Oekonomie. S. 208, ссылаясь на J.-B. Say, противопоставляетъ частную и общественную экономію, при чемъ въ послѣдней различаетъ политическую или національную и космополитическую или міровую экономію. Конечною цѣлью служило при этомъ для List'а установленіе различныхъ направленій экономіи, а не расчлененіе ея на нѣсколько отдѣльныхъ наукъ.

Къ стр. 236.—A. Emminghaus[1] допускаетъ, на основаніи противопоставленія понятій, цѣлей и задачъ частнаго и народнаго хозяйства, и частнохозяйственную науку, при чемъ различаетъ въ ней общую частнохозяйственную науку и спеціальныя частнохозяйственныя науки, а въ каждой изъ послѣднихъ еще и общую часть спеціальной частнохозяйственной науки. Изъ нихъ общая частнохозяйственная наука должна разрабатывать правила, какимъ образомъ каждый субъектъ частнаго хозяйства долженъ поставить и вести свое хозяйство, спеціальныя же науки посвящены отдѣльнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности, при чемъ «общія части всѣхъ этихъ частнохозяйственныхъ наукъ заимствуютъ свои правила изъ принциповъ народнаго

[1]) Art.: Privatwirtschaft. Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre, von H. Rentzsch. S. 680 ff.

хозяйства, спеціальныя же части заимствуютъ ихъ изъ принциповъ другихъ раціональныхъ наукъ, напр., естественныхъ наукъ».—Въ дѣйствительности однако экономическіе элементы всѣхъ этихъ наукъ принадлежатъ совокупной экономической наукѣ, остальные же выходятъ за предѣлы экономическихъ знаній. Схема Emmirghaus'a въ общемъ представляетъ систему камеральнаго образованія, своего рода прикладную энциклопедію.—Emanuel Herrmann. Prinzipien der Wirthschaft. Wien. 1873. S. IX, видѣлъ въ различіи между частнымъ и народнымъ хозяйствомъ «лишь внѣшнее основаніе для раздѣленія научнаго труда. Въ область науки объ отдѣльномъ хозяйствѣ включаются лишь тѣ изслѣдованія, которыя ограничиваются лишь отдѣльными предпріятіями или хозяйствами, тогда какъ наука о совокупномъ или народномъ хозяйствѣ должна собственно разсматривать лишь связь только, взаимоотношенія всѣхъ предпріятій и хозяйствъ,—однимъ словомъ, совокупный организмъ хозяйства».—Такое внѣшнее разъединеніе экономики представляется однако несостоятельнымъ. Изслѣдованіе предпріятія или хозяйства помимо его отношеній къ другимъ сводилось бы къ выясненію того внутренняго процесса дѣятельности, который по существу принадлежитъ къ прикладной технической дѣятельности. Изученіе же взаимоотношеній было бы неполнымъ, если бы оно ограничивалось лишь самыми сношеніями, не доходя до обоснованія ихъ въ хозяйственной дѣятельности и, стало быть, также организаціи вообще.

Къ стр. 248 и сл. прим. 3.—См. также: Roscher. Grundlagen usw. § 13 S. 35.—К. Г. Воблый. Н. с., Журн. Мин. Нар. Просв. Дек. 1907 Стр. 218 и сл.—Извѣстную уступку въ этомъ отношеніи представляетъ Abriss der Soziologie v. A. Schäffle, herausg. von K. Bücher. Einleitung S. 1 f.

Къ стр. 251.—Для правильнаго пониманія нашего сравненія необходимо принять во вниманіе, что Weyermann-Schönitz. O. c., S. 58 f., 74 ff., допускаютъ для частнохозяйственной науки экономическій принципъ, или стремленіе къ высшей рентабельности, въ качествѣ принципа выбора (Auswahlprinzip) въ отношеніи ко всей постановкѣ капиталистическаго предпріятія, но не въ качествѣ общепринятаго для всѣхъ вообще частныхъ хозяйствъ идеала.

Къ стр. 260 и сл.—J. F. Schär[1], оставаясь на почвѣ своей особой науки о торговомъ предпріятіи, открываетъ особые частнохозяйственные мотивы, при чемъ доказываетъ ихъ подчиненность народнохозяйственному принципу. Въ качествѣ частнохозяйственнаго принципа торговаго предпріятія Schär указываетъ достиженіе возможно высшей торговой прибыли, а въ качествѣ тенденцій, принуждающихъ торговое предпріятіе къ подчиненію народнохозяйственному принципу,—тенденцію къ вытѣсненію, раздѣленіе труда и тенденцію введенія новыхъ звеньевъ

[1]) Allgemeine Handelsbetriebslehre. B. I. T. III.

въ совокупную организацію торговли.—Оставляя въ сторонѣ спеціальныя соображенія коммерческаго веденія дѣла, мы должны однако признать, что указываемые Schär'омъ моменты не имѣютъ строго частнохозяйственнаго характера и по существу представляютъ специфическое выраженіе общеизвѣстныхъ народнохозяйственныхъ моментовъ, какъ народнохозяйственный принципъ, раздѣленіе и соединеніе дѣятельности и конкуренція.

Къ стр. 267.—За особую частнохозяйственную науку высказываются также и другіе представители торгововѣдѣнія, что, конечно, вполнѣ понятно, но при этомъ расходятся вообще между собою во взглядахъ, что, разумѣется, вредитъ общей основной ихъ идеѣ. Кромѣ цитируемыхъ въ § 35, сюда принадлежатъ также A. Calmes и H. Nicklisch. Изъ нихъ Calmes[1], примыкая къ цитированной въ § 37 (стр. 281 и сл.) статьѣ L. Brentano, высказывается противъ опредѣленія частнохозяйственной науки у Weyermann-Schönitz'a, въ которой Calmes видитъ народнохозяйственное ученіе о предпріятіи (Volkswirtschaftliche Erwerbswirtschaftslehre). Обращаясь къ опредѣленію «правильной области частнохозяйственной науки», онъ принимаетъ въ качествѣ исходнаго пункта частнохозяйственной науки «частнохозяйственную или лучше отдѣльнохозяйственную точку зрѣнія, разсматриваніе отдѣльнаго хозяйства какъ самоцѣльнаго, а не разсмотрѣніе его съ точки зрѣнія всеобщей, народнаго хозяйства». «Частнохозяйственное разсмотрѣніе, должно замѣтить, не означаетъ, что предметомъ частнохозяйственной науки представляются лишь внутреннія состоянія и явленія отдѣльнаго хозяйства, стало быть, въ особенности ученіе о предпринимательствѣ и управленіи (Betriebs- und Verwaltungslehre), но также и внѣшнія явленія, обращеніе капиталовъ, денегъ, кредита, товаровъ, освѣдомленія и пр., идущія отъ одного хозяйства къ другому, суть предметъ частнохозяйственной науки, по сколько они представляются въ своемъ частнохозяйственномъ значеніи, т. е. по отношенію къ цѣлеполаганію отдѣльнаго хозяйства, а не въ соціально-экономическомъ. Основываясь на томъ, что «частнохозяйственная точка зрѣнія допускаетъ ясное ограниченіе частной и національной экономіи», Calmes утверждаетъ, что «частно- и народнохозяйственная науки, суть различныя дисциплины», но въ виду близости ихъ по объекту и въ терминологіи—науки-сестры.—Calmes, такимъ образомъ, исходитъ изъ необоснованнаго и недоказуемаго, въ виду его несостоятельности, предположенія о несовпаденіи частнохозяйственнаго и народнохозяйственнаго цѣлеполаганія и междухозяйственнаго оборота, не задаваясь вопросомъ, каково было бы въ такомъ случаѣ содержаніе народнохозяйственной науки.—H. Nicklisch. Allgemeine kaufmännische Betriebslehre als Privatwirtschaftslehre des Handels (und der Industrie). B. I. 1912, различаетъ народнохозяйственную и частнохозяйственную науки, исходя

[1]) Über das Verhältnis der Privatwirtschaftslehre zur Volkswirtschaftslehre. Bank-Archiv. J. XII. № 3. 1 Nov. 1912. S. 40—42.

изъ противопоставленія точекъ зрѣнія общаго блага и отвѣтственнаго руководителя отдѣльнаго хозяйства. Но отсюда онъ приходитъ лишь къ относительному различію въ обширности поля зрѣнія и перспективы и въ научномъ значеніи понятій. Къ тому же, по опредѣленію автора, «народное хозяйство означаетъ совокупность отдѣльныхъ хозяйствъ въ предѣлахъ опредѣленной области. Получая примѣненіе внутри отдѣльныхъ хозяйствъ (не исключая здѣсь чисто потребительнаго хозяйства), экономическій принципъ господствуетъ надъ народнымъ хозяйствомъ. Это господство въ совокупной хозяйственной дѣятельности народа съ своей стороны воздѣйствуетъ на отдѣльныя хозяйства, въ особенности на т. н. доходныя хозяйства (Ertragswirtschaften), по сколько оно ведетъ къ процессу отбора между ними». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ къ ничего не говорящему опредѣленію частнохозяйственной науки, какъ «ученія о фактахъ и о соединеніяхъ фактовъ въ пространствѣ и времени, образующихъ жизнь частнаго хозяйства», при чемъ сюда отнесены какъ научная дисциплина въ строгомъ смыслѣ слова, такъ и частнохозяйственная политика или техника. Въ литературѣ Nicklisch видитъ себѣ мало опоры. Какъ отмѣчаетъ онъ, «Schär обозначаетъ [частнохозяйственную науку] даже какъ спеціальную область народнохозяйственной науки. Онъ (ich) полагаетъ однако, что это выраженіе должно быть однако не такъ строго понимаемо, какъ оно высказано». «Большинство авторовъ разсматриваетъ ее, какъ техническую науку (Kunstlehre), при чемъ однако всегда предполагается, что положенія и правила, которыя она должна представить систематически, получаются чрезъ изслѣдованіе фактическихъ условій. Weyerman-Schönitz требуютъ, какъ и онъ (ich), систему знаній—безъ того, чтобы сдѣлать попытку выполнить это». Самое содержаніе науки, если судить по первому тому вышеназваннаго труда, представляетъ соединеніе вопросовъ экономической теоріи, частью разсматриваемыхъ съ общей и частной точекъ зрѣнія, съ вопросами прикладнаго торгововѣдѣнія.

Къ стр. 267 прим. 2.—См. также: Kleinwächter. Die volkswirtschaftliche Produktion im Allgemeinen. (Handbuch der Politischen Oekonomie. 4 Aufl. B. I. Abh. V § 22 S. 216); Werner Sombart. Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation. Archiv für Soziale Gesetzg. und Statistik. B. 14 H. 3-4. 1899. S. 321.

Къ стр. 268 прим. 1.—См. также: Юридическій Вѣстникъ. Кн. IX(I). Стр. 270 и сл.; E. Lederer. Die ökonomische und sozialpolitische Bedeutung des Taylorsystems. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. 38 H. 3.—И здѣсь, какъ и вообще, вопросы технической производительности и соціальнаго значенія ея нельзя сливать въ одно, но не должно также предполагать между ними несоотвѣтствіе или даже антогонизмъ. Все сводится къ соотвѣтствующему развитію также другихъ сторонъ культуры.

Къ стр. 277 и сл.—Къ этому же вопросу обращается G. Zoepfl въ

статьѣ: Weltwirtschaftliche Praxis und wissenschaftliche Wirtschaftspolitik. Weltverkehr und Weltwirtchaft. J. 1911/12. № 9. Dez. 1911. S. 385—397, обосновывая вмѣстѣ съ тѣмъ свои права пріоритета по отношенію къ наукѣ о міровомъ хозяйствѣ. Zoepfl указываетъ на то, что въ существующихъ изложеніяхъ народнохозяйственной науки и политики вопросы мірового хозяйства не находятъ себѣ должнаго выясненія. «Нельзя отрицать, что наша германская національная экономія постепенно приняла слишкомъ одностороннее направленіе, ограничивая изслѣдуемую ею область отечествомъ и нѣкоторыми старыми европейскими культурными государствами, все болѣе углубляясь въ исторію ея, но недостаточно принимая во вниманіе распространеніе міровыхъ экономическихъ отношеній и экономическое развитіе обширнаго остального міра». Однако и самъ авторъ признаетъ, что «за послѣдніе годы поле зрѣнія національной экономіи постепенно расширялось, при чемъ и отдаленныя и заморскія страны все болѣе вовлекались въ область изслѣдованія и въ сравнительное научное изслѣдованіе, а также и монографическіе труды о чужихъ народныхъ хозяйствахъ появляются все чаще и получаютъ все большее значеніе. Zoepfl не принимаетъ также во вниманіе, что система извѣстной науки должна быть проникнута извѣстнымъ единствомъ культурныхъ и экономическихъ идей и оцѣнокъ, должна основываться на опредѣленномъ фокусѣ зрѣнія, а это можетъ быть достигнуто лишь при преимущественномъ вниманіи къ экономическимъ условіямъ опредѣленной группы странъ. Zoepfl высказывается здѣсь также противъ отождествленія науки о міровомъ хозяйствѣ и сравнительной народнохозяйственной науки, признавая между ними взаимодѣйствіе и предполагая рядъ вспомогательныхъ наукъ относительно первой, какъ этнографія, соціологія, экономическая географія, политическая географія, статистика, сравнительная политика и ученіе о государствѣ, сравнительное правовѣдѣніе и международное право и, конечно, обширная наука политической экономіи. Въ заключеніе онъ воспроизводитъ свое опредѣленіе существа мірового хозяйства, какъ «совокупности хозяйственныхъ отношеній народныхъ хозяйствъ между собою на основаніи хозяйственной дѣятельности внѣ государственныхъ границъ» — несомнѣнно, искусственно выдѣляемой частичной группы хозяйственныхъ отношеній, которая допускаетъ изученіе ея развѣ въ прикладной или описательной дисциплинѣ, не имѣющей самостоятельнаго значенія и характера. Основныя понятія и начала политической экономіи Zoepfl подвергаетъ соотвѣтствующей переработкѣ въ теоретической части своего курса науки о міровомъ хозяйствѣ.

Къ стр. 279 и сл.—E. Schmalenbach[1] приписываетъ частнохозяйственной наукѣ характеръ прикладной, технической дисциплины, распространяющейся на дѣятельность банковъ, торговопромышленныхъ

[1]) Die Privatwirtschaftslehre als Kunstlehre. Zeitschrift für Handelswissenschaftliche Forschung. J. 6. März 1912. H. 6.

предпріятій и даже публичныхъ хозяйственныхъ предпріятій, за исключеніемъ земледѣлія. Предметомъ этой дисциплины онъ признаетъ профессіональную дѣятельность разнаго рода, а также технику междухозяйственнаго обращенія. Онъ предпочелъ бы называть эту дисциплину «наукой о хозяйственномъ управленіи».

Къ стр. 288 (§ 37).—Diehl[1] предполагаетъ такимъ образомъ двѣ самостоятельныя области изученія: народнохозяйственную науку и торговую технику. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ присоединяется къ воззрѣніямъ тѣхъ, которые понимаютъ частнохозяйственную науку въ смыслѣ торговой техники. Имѣющая различныя наименованія «частнохозяйственная наука есть часть дисциплинъ, которыя представляютъ важность для хозяйственной организаціи и хозяйственнаго преуспѣянія предпріятій и которыя все же разсматриваютъ эту экономическую сущность съ другой точки зрѣнія, нежели національная экономія». «Подобно тому, какъ обѣ дисциплины, занимающіяся естественнонаучною», какъ ошибочно предполагаетъ Diehl, «техникою земледѣлія и промышленности, стоятъ внѣ національной экономіи, такъ должна быть внѣ ея дисциплина, которая должна представить коммерческо-ариѳметическую сторону (kaufmännisch-kalkulatorische Seite) торговыхъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ предпріятій. Было бы, пожалуй, цѣлесообразно предпослать общее частнохозяйственное ученіе, въ которомъ выяснились бы общія частнохозяйственныя начала торговли, а затѣмъ въ особыхъ частяхъ—частнохозяйственное ученіе коммерческихъ, земледѣльческихъ и промышленныхъ предпріятій». «Всѣмъ этимъ дисциплинамъ свойственъ отличающій ихъ частнохозяйственно-техническій моментъ, либо съ коммерческо-ариѳметической стороны (ученіе о торговомъ предпріятіи) либо съ естественно-научной (техническая экономика). Отдѣльныя коммерческія, промышленныя и земледѣльческія предпріятія интересуютъ экономиста (Nationalökonomen) не сами по себѣ, но лишь изъ-за народнохозяйственныхъ взаимоотношеній между ними». «Внутреннія детали въ организаціи отдѣльныхъ предпріятій представляютъ для него интересъ, лишь по сколько онѣ нужны для уразумѣнія народнохозяйственной связи. Совершенно наоборотъ, частнохозяйственнаго изслѣдователя интересуютъ отдѣльныя предпріятія лишь сами по себѣ. Онъ разсматриваетъ отдѣльныя предпріятія и изслѣдуетъ начала внутренней организаціи предпріятій, на основаніи которыхъ они приходятъ къ возможно высшимъ поступленіямъ и прибылямъ. Народнохозяйственныя отношенія интересуютъ его, лишь по сколько внутреннія начала предпріятія и организаціи находятся подъ вліяніемъ этой народнохозяйственной связи, благопріятнымъ или же препятствующимъ». Далѣе Diehl отвергаетъ предлага-

[1]) Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III. B. 46 H. 4. 1913. S. 461 ff.

[2]) Dietrich. Begründung einer Betrieb-Wissenschaft. Schmollers Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw. i. D. R. J. 37. H. 2. 1913. S. 68—121.

емое Dietrich'омъ пониманіе частнохозяйственной науки, какъ ученія о предпріятіи, представляющаго частичную дисциплину хозяйственной науки. Какъ указываетъ Diehl, содержаніе такой частичной дисциплины «либо имѣетъ чисто-техническій характеръ, принадлежитъ, стало быть, къ технологіи или технической экономикѣ, либо, по сколько дѣло идетъ о народнохозяйственныхъ предпріятіяхъ,—къ теоретической національной экономіи или же къ промышленной политикѣ». Diehl приходитъ такимъ образомъ къ тому общему заключенію, что «содержаніе т. н. частнохозяйственной науки либо имѣетъ техническую природу и поэтому представляетъ предметъ ученія о земледѣльческомъ, торговомъ или промышленномъ предпріятіи, либо имѣетъ народнохозяйственную природу; въ этомъ случаѣ въ обычномъ составѣ и системѣ нашей науки есть довольно мѣста и случая для привнесенія т. н. частнохозяйственныхъ точекъ зрѣнія».—Изложенныя воззрѣнія Diehl'я требуютъ нѣкоторыхъ частныхъ поправокъ въ отношеніи къ пониманію имъ техники и ученія о предпріятіи. Обѣ эти отрасли знаній принадлежатъ къ области соціальныхъ знаній, образуя въ нихъ особую группу, имѣющую своимъ предметомъ и особыя отношенія между предпріятіями, но только съ технической и указанной прикладной стороны существующихъ конкретныхъ соотношеній.

Къ стр. 292 и сл.—См. также далѣе, § 41 стр. 320 и сл.

Къ стр. 302.—Относительно мірового хозяйства см. также: П. И. Георгіевскій. Политическая экономія. 4 изд. Т. I. Стр. 38 и сл.

Къ стр. 305.—Теорія главныхъ ступеней экономическаго развитія націй и соотвѣтствующаго имъ промышленнаго воспитанія націи вызываетъ противъ себя еще рядъ иныхъ замѣчаній. Сюда принадлежитъ не-историчность представленія, что въ жизни націи промышленное развитіе происходитъ лишь однократно. Затѣмъ, международное раздѣленіе дѣятельности основано не на противопоставленіи добывающей, обрабатывающей и торговой дѣятельности, а равно и не на противопоставленіи странъ умѣреннаго и жаркаго пояса, такъ какъ страны мало развитыя въ экономическомъ отношеніи и страны жаркаго пояса вообще не могутъ представить значительнаго рынка ни по ввозу ни по вывозу и, въ частности, отнюдь не могутъ обезпечить все возрастающую міровую потребность въ средствахъ продовольствія. Какъ по этому послѣднему соображенію, такъ и въ виду очевидной взаимозависимости въ развитіи отдѣльныхъ отраслей, земледѣліе неправильно ставить въ особое положеніе относительно послѣдующаго развитія и состоянія и таможеннаго покровительства. Далѣе, въ противность мнѣнію Листа, внутренній сбытъ продуктовъ получаетъ полное развитіе и преобладающее значеніе лишь съ распространеніемъ массоваго производства для народнаго потребленія и съ развитіемъ соотвѣтствующаго потребленія, а также внѣшняго (активнаго) кредитованія и внѣшней предпріимчивости, ослабляющихъ напряженность расчетнаго баланса.

Вообще исторія указываетъ намъ болѣе общій и болѣе постоянный принципъ міровой экономической эволюціи: перевороты и постепенныя измѣненія въ потребленіи, производствѣ и распредѣленіи, связанные съ развитіемъ новыхъ отраслей ихъ и техники и въ зависимости отъ соціальныхъ и естественныхъ условій странъ, нарушаютъ установившіяся экономическія взаимоотношенія между отдѣльными странами и тѣмъ вызываютъ необходимость въ особыхъ мѣропріятіяхъ со стороны государства для достиженія и упроченія равновѣсія.

Къ стр. 305—312, 353 и сл.—См. характеристику и оцѣнку принадлежащей сюда классификаціи и прочихъ сужденій W. Sombart'a: B. Harms. Darstellung und Kritik der Wirtschafts- und Betriebssystematik im Sombartschen Kapitalismus. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volkswirtschaft i. D. R. J. 29 H. 4. 1905.

Къ стр. 312.—Относительно идеализаціи давняго прошлаго см. также: J. Lehr. Grundbegriffe der Nationalökonomie. 2 Aufl. S. 2 f.

Къ стр. 321.—См.: W. Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 23 Aufl. § 14 S. 39, а также § 46 стр. 372 нашего труда.

Къ стр. 346, 348.—W. Lexis, въ своихъ статьяхъ: Naturalwirtschaft[1], Geldwirtschaft[2], Kreditwirtschaft[3], различаетъ двѣ ступени натуральнаго хозяйства: а) замкнутаго хозяйствованія и б) натуральнаго обмѣна. Подъ денежнымъ хозяйствомъ онъ разумѣетъ «ступень народнаго хозяйства, на которой обмѣнъ уже необходимо требуетъ средства обращенія и платежа, которое представлялось бы общепризнаннымъ, какъ таковое». Въ качествѣ высшей формы денежнаго хозяйства Lexis принимаетъ обусловливаемую значительнымъ развитіемъ текущихъ денежныхъ требованій и долговыхъ обязательствъ и выражающуюся въ новой техникѣ банковаго оборота, въ извѣстной мѣрѣ особую, ступень, обозначаемую, по его мнѣнію, не вполнѣ удачно кредитнымъ хозяйствомъ. Какъ указывается въ третьей изъ цитируемыхъ здѣсь статей, B. Hildebrand ввелъ наименованіе кредитнаго хозяйства для идеальнаго состоянія, которое должно послѣдовать за господствующимъ въ настоящее время денежнымъ хозяйствомъ». «Повидимому, Hildebrand имѣлъ въ виду организацію рабочихъ товариществъ, которыя, безъ значительнаго собственнаго капитала, должны были бы пользоваться кредитомъ отъ государства и частныхъ лицъ». «Если въ настоящее время говорятъ о кредитномъ хозяйствѣ, то подъ нимъ разумѣютъ уже не идею Hildebrand'a, но систему кредитнаго обращенія, основанную на депозитной и чековой операціяхъ и въ Англіи и Америкѣ сильно понизившую значеніе банкнотъ, какъ средствъ обращенія. Эта система отнюдь не противопоставляется денежному хозяйству, но представляетъ лишь высшее техническое развитіе его».

Къ стр. 348.—Рѣшительно отвергаетъ классификацію экономиче-

[1]) Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II. S. 433 f.
[2]) Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. I. S. 1000 f.
[3]) Wörterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II. S. 198 f.

скаго развитія, данную Hildebrand'омъ, Achille Loria[1]. Онъ ссылается при этомъ на факты, указывающіе, что не всегда имѣлъ мѣсто переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, что обращенію полноцѣнныхъ денегъ иногда (въ колоніяхъ) предшествовало обращеніе кредитныхъ знаковъ, что у нѣкоторыхъ племенъ хозяйственная жизнь всецѣло замыкалась въ отдѣльныхъ общинахъ. Какъ заключаетъ Loria, «теорія Гильдебранда не составила эпохи, не оставила прочныхъ слѣдовъ въ исторіи политической экономіи». Относящимся къ разсматриваемой проблемѣ теоріямъ Гильдебранда, Бюхера, Зомбарта и Рошера Loria противопоставляетъ собственную классификацію формъ техники и экономіи. Къ первымъ онъ относитъ а) примитивную изолированную промышленность (industria), б) промышленность въ трудовыхъ ассоціаціяхъ и в) промышленность съ помощью машинъ. «Но для изслѣдованія экономическихъ формъ, выводимыхъ изъ трехъ техническихъ формъ, онъ (noi) принимаетъ новый критерій, который представляется важнѣйшимъ,—уже не трудовую ассоціацію, но степень ассоціаціи труда съ собственностью на производственныя средства. Отсюда вытекаетъ три основныхъ системы: а) производство изолированное и независимое, въ которомъ трудъ обладаетъ капиталомъ, почему производитель является въ то же время капиталистомъ и рабочимъ, б) производство, въ которомъ трудъ отчасти участвуетъ въ капиталѣ; в) производство, въ которомъ производственныя средства всецѣло принадлежатъ капиталу и абсолютно недоступны для труда». Этой схемѣ Loria не приписываетъ однако строгаго характера математической классификаціи. Большее значеніе онъ придаетъ противопоставленію не-дифференцированнаго и дифференцированнаго хозяйства. Первое представляетъ три разновидности: «а) коллективное хозяйство (древнія эпохи), б) корпоративное (средніе вѣка), в) кооперативное (новыя времена)». Второе представляетъ слѣдующія важнѣйшія разновидности: «а) хозяйство рабское, б) крѣпостное, в) наемное».—Обращаясь къ критикѣ изложенныхъ воззрѣній должно признать доводы противъ теоріи Гильдебранда неубѣдительными. Такіе факты, какъ пріостановка или даже регрессъ въ экономическомъ развитіи или отклоненія въ экономическомъ развитіи колоній, а равно сомнительныя данныя изъ быта малокультурныхъ племенъ, не могутъ опровергнуть теоретическую классификацію ступеней экономическаго развитія. Въ частности, бумажныя деньги, въ противоположность бакнотамъ, представляются скорѣе разновидностью денегъ—именно худшею изъ нихъ, нежели формою кредитнаго обращенія. Что касается собственныхъ классификацій Loria, то всѣ онѣ имѣютъ частичный характеръ, не характеризуя собою общую постановку хозяйственной жизнедѣятельности въ совокупности, а представляя лишь нѣкоторыя параллели частью изъ разныхъ историческихъ эпохъ, частью изъ

[1]) Corso completo di economia politica. Libro I. Parte I Cap. III. § 12—17. P. 30—58.

одной и той же эпохи. Строго научнаго характера подобныя классификаціи не могутъ имѣть.

Къ стр. 356 и сл., 362.—Разнорѣчіе между классификаціей наукъ на двѣ (науки о природѣ и науки о культурѣ) и на три основныхъ группы ихъ (науки естественныя, историческія или общественныя и умственныя) можно было бы, по нашему мнѣнію, примирить съ помощью слѣдующей согласительной классификаціи, исходя въ ней изъ положенія, что наука есть вообще одна изъ отраслей или сторонъ культуры: естествознаніе, имѣющее своею областью природу; соціальныя науки, имѣющія своею областью общество людей и его культуру; отвлеченныя науки, не имѣющія опредѣленнаго реальнаго объекта съ присущимъ ему своеобразнымъ характеромъ.

Къ стр. 357.—Двѣ группы наукъ: о природѣ и объ историко-общественной дѣйствительности принимаетъ также W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Buch I.

Къ стр. 364.—Въ томъ трудолюбивомъ, но недостаточно систематическомъ и недостаточно послѣдовательно развитомъ собраніи мыслей, какимъ представляется гносеологическій трактатъ Knies'a[1] заключается и слѣдующее, ближе подошедшее къ существу хозяйства, опредѣленіе: «Хозяйственная дѣятельность проявляется впрочемъ не только въ созданіи и полученіи хозяйственныхъ благъ, но и въ пріобрѣтеніи и расходованіи таковыхъ. Результатъ хозяйства обусловленъ не только трудолюбіемъ, осмотрительностью и т. д., примѣненными къ созданію и полученію вещественныхъ благъ, но и правильнымъ примѣненіемъ, истинной экономіей потребленія, въ которомъ какъ неправильныя соотношенія въ отдѣльности, такъ и скаредное воздержаніе и расточительность вообще вредны. Если частное хозяйство имѣетъ въ виду преимущественно само себя, то, напротивъ, для народнаго хозяйства отдѣльныя хозяйства представляютъ интересъ предпочтительно въ ихъ отношеніяхъ къ совокупности. Также и въ народномъ хозяйствѣ, на ряду съ созданіемъ благъ, потребленіе ихъ представляетъ вторую основную часть хозяйственныхъ явленій. Третью важную часть въ изслѣдованіи его»—здѣсь авторъ отклоняется впрочемъ въ сторону чисто практическихъ проблемъ—«образуетъ раздѣленіе совокупной массы произведенныхъ хозяйственныхъ благъ для потребленія въ отдѣльныхъ мѣстахъ».

Къ стр. 372.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Roscher[2] опредѣлялъ хозяйство также чрезъ хозяйственность. «Всякое нормальное хозяйство», высказываетъ онъ, «которое должно, конечно, отличаться отъ техники просто, направлено къ тому, чтобы достигать наивысшей личной пользы съ наименьшей затратой въ стоимости».

[1]) Die politische Oekonomie usw. S. 159 f. См. отзывъ объ этомъ произведеніи: Max Weber. Roscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volkswirtschaft i. D. R. J. 29 H. 4. 1905. S. 90 (1324).

[2]) Grundlagen der Nationalökonomie. § 11 S. 26.

Къ стр. 379.—Противъ предположенія особаго народнаго духа высказывается М. А. Спиновъ. Политическая экономія какъ наука. В. II. Стр. 27 и сл.

Къ стр. 400 и сл.—По вопросу о психологической теоріи мотивацiи отрицательно высказывается A. Amonn. Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. S. 57 f.

Къ стр. 429.—J. St. Mill[1] признавалъ соціальный характеръ политической экономіи; въ этомъ сказалось какъ вліяніе отношеній J. St. Mill'я къ A. Comt'y[2], такъ и разносторонность общественныхъ и научныхъ интересовъ и стремленій англійскаго экономиста. Но онъ недостаточно оттѣнялъ, что хозяйство есть лишь одна изъ сторонъ соціальной жизни людей. Характерно уже самое заглавіе его трактата: «Принципы политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ соціальной философіи». Въ концѣ своихъ вступительныхъ замѣчаній къ этому трактату J. St. Mill высказываетъ: «По сколько экономическое положеніе націй зависитъ отъ состоянія физическихъ знаній, оно является предметомъ естественныхъ наукъ и основанныхъ на нихъ искусствъ. Но по сколько имѣются моральныя или психологическія причины, зависящія отъ установленій или соціальныхъ отношеній или отъ принциповъ человѣческой природы, изслѣдованіе ихъ принадлежитъ не къ естественной, а моральной и соціальной наукѣ и представляется объектомъ политической экономіи».

Къ стр. 431 и сл.—É. de Laveley[3] посвятилъ первую главу своего извѣстнаго труда о соціализмѣ новымъ стремленіямъ въ политической экономіи. Онъ признаетъ ее здѣсь моральной наукой въ тѣсномъ, собственномъ значеніи этого выраженія, распространяя его впрочемъ на всѣ науки, занимающіяся человѣческими дѣяніями, при чемъ эти науки онъ противопоставляетъ точнымъ и естественнымъ. «Моральныя науки», утверждается здѣсь, «не ограничиваются описаніемъ того, что есть, онѣ говорятъ также, что должно быть». Въ отношеніи къ политической экономіи, «недостаточно изучить то, что происходитъ въ одной странѣ, потому что способы производства и распредѣленія различны у разныхъ націй; но это только самая малая часть работы экономиста. Нужно еще, чтобы онъ также указалъ, какъ люди должны устроиться, какъ они должны производить и распредѣлять богатство для того, чтобы имѣть возможно больше предметовъ, составляющихъ ихъ благосостояніе. И то еще не все; нужно, чтобы онъ нашелъ практическія средства для достиженія указанной имъ цѣли». Рѣшительно отвергается авторомъ идея естественныхъ законовъ человѣческихъ обществъ. «Я ищу въ области политической экономіи этихъ естественныхъ законовъ, о которыхъ всегда говорятъ, и не нахожу

[1]) Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy. Ed. by W. J. Ashley. 1909. p. 21.

[2]) J. K. Ingram. History of Political Economy. Chap. V p. 149.

[3]) Современный соціализмъ. Перев. съ франц. подъ ред. М. А. Антоновича.

ихъ. Я понимаю употребленіе этихъ словъ, когда дѣло идетъ о явленіяхъ въ физическомъ мірѣ, которыя дѣйствительно, судя по тому безконечно малому, что намъ извѣстно объ нихъ, кажется, повинуются непреложнымъ законамъ. Я даже допускаю ссылку на естественные законы относительно животныхъ, которые живутъ и питаются одинаково, но не относительно человѣка, существа способнаго къ усовершенствованію, котораго нравы, обычаи, учрежденія безпрестанно измѣняются. Законы, управляющіе производствомъ и особенно распредѣленіемъ богатства, очень различны въ разныхъ странахъ и въ разныя времена: гдѣ же и когда естественные законы имѣли свою силу?» «Экономисты забываютъ, что основаніемъ всего экономическаго режима у цивилизованыхъ народовъ служатъ законы, данные законодателями, которые, слѣдовательно, можно измѣнить, если это понадобится, но не тѣ мнимые, непреложные естественные законы, которымъ слѣдуетъ слѣпо и всегда подчиняться». «Теорія естественныхъ законовъ имѣла еще два прискорбныхъ послѣдствія: она отдалила всякое понятіе объ идеалѣ, къ которому нужно стремиться, и особенно съузила заключенія политической экономіи».

Къ стр. 432.—Ch. Gide[1] исходитъ изъ противопоставленія наукъ физическихъ и естественныхъ съ одной стороны и соціальныхъ съ другой. Объектомъ послѣднихъ являются люди. «Они живутъ въ обществѣ, они не могли бы жить иначе: между ними образуются отношенія, и послѣднія-то и представляютъ объектъ группы различныхъ наукъ, называемыхъ соціальными. Сколько различныхъ отношеній между людьми—отношенія моральныя, юридическія, экономическія, политическія, религіозныя и отношенія рѣчи, служащія средствомъ для всѣхъ прочихъ—столько отдѣльныхъ наукъ, которыя именуются этикой, правомъ, политической экономіей, политикой, наукой о религіяхъ или же объ языкахъ». Разграниченіе этихъ наукъ онъ признаетъ не столь опредѣленнымъ и болѣе искусственнымъ, какъ въ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ разнородными объектами.

Къ стр. 432 и сл.—Сюда же принадлежатъ замѣчанія B. Croce[2] въ приложенныхъ къ цитируемому въ текстѣ изданію двухъ письмахъ объ экономическомъ принципѣ. Какъ указывается здѣсь, «экономія познаетъ не вещи и физическіе предметы, а дѣйствія. Физическій предметъ есть просто сырой матеріалъ экономическаго дѣйствія: будучи измѣряемъ, онъ остается въ физическомъ мірѣ, не переходя въ экономическій». Относя къ экономіи лишь сознательныя дѣйствія человѣка, Croce исключаетъ отсюда проявленія инстинкта, а равно отрицаетъ возможность экономіи животныхъ, и также доказываетъ самостоятельность экономіи по отношенію къ исторіи, политикѣ, механикѣ, психологіи, гносеологіи и этикѣ. Хотя экономическія дѣйствія и сопровождаются чувствованіями, ихъ однако не должно

[1]) Cours d'économie politique. 2 éd. 1911. p. 1 et suiv.
[2]) O. c., p. 263—273.

отождествлять. «Экономія не есть психологическая наука». Экономическій фактъ не есть, слѣдовательно, фактъ гедонистическій, ни, вообще, механическій». «Эгоистическое не есть нѣчто лишь различное отъ этическаго факта, но антитеза этическаго факта, есть безнравственно». Напротивъ, экономическій фактъ не представляетъ «антитезы къ этическому факту, но находится въ мирномъ отношеніи обусловливающаго къ обусловливаемому». Не удовлетворяясь однако выдѣленіемъ собственно-экономическихъ явленій, Croce берется за едва ли разрѣшимую абстрактно задачу установить различіе между экономическими и иными явленіями. Различая въ человѣческой дѣятельности факты познаванія и волевые, онъ относитъ къ экономіи лишь послѣдніе и поэтому признаетъ ее наукой практической въ противоположность логикѣ, эстетикѣ и даже техникѣ.

Къ стр. 434.—Д. И. Пихно[1] разсматривалъ хозяйство также «съ общественной стороны. Хозяйственная дѣятельность не есть изолированная дѣятельность отдѣльныхъ личностей; она осуществляется въ человѣческихъ обществахъ, вызываетъ многочисленныя отношенія между людьми и проходитъ черезъ всю народную жизнь, какъ постоянный элементъ и особая область этой жизни. Будучи сама общественнымъ явленіемъ, хозяйственная дѣятельность, съ одной стороны, подвергается воздѣйствію другихъ областей общественной жизни (вліяніе государственнаго строя, частнаго и публичнаго права, морали, образованія и пр.), а съ другой—оказываетъ на всѣ области общественнаго быта огромное вліяніе».

Къ стр. 451 прим. 1.—Также: H. Sidgwick. The Principles of Political Economy. 3 ed. p. 395 seq.; W. Hasbach. Güterverzehrung und Güterhervorbringung. S. 64; Herckenrath. O. c., S. 13; A. Hesse. Jahrbücher für Nationalökon. und Stat. 1912. F. III. B. 43. H. 1-2 S. 184; J. Lehr. Die Grundbegriffe der Nationalökonomie. 2 Aufl. S. 12 f. (1 Ausg.—S. 10); Ed. Spranger. Schmollers Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volkswirtschaft i. D. R. J. 38 H. 2 S. 53 (577); Ad. Wagner. Grundlegung der polit. Oekonomie. § 29 S. 81, § 56 S. 143; C. Supino. Principi di Economia Politica. P. 4 s. См. также выше, § 46 стр. 384 и сл., а равно § 64 стр. 629 и сл.

Къ стр. 451 прим. 2.—Ch. Gide. Cours d'écon. polit. 2 éd. p. 2 et suiv., опредѣляетъ политическую экономію, какъ имѣющую своимъ объектомъ отношенія между общественно живущими людьми, направленныя къ удовлетворенію ихъ матеріальныхъ потребностей.

Къ стр. 451 и сл. прим. 4.—Также: И. Иванюковъ. Политическая экономія. Изд. 3. Стр. 1.

Къ стр. 451 и сл.—А. А. Мануиловъ. Политическая экономія. Вып. I. 1914. Стр. 56, относитъ къ экономикѣ «область матеріальнаго быта, или матеріальной культуры».

---

[1]) Основанія политической экономіи. § 4 стр. 7.

Къ стр. 454—456.—Вѣсскій доводъ противъ опредѣленія экономики задачею отысканія научныхъ законовъ заключается въ сужденіяхъ, которыя высказываетъ W. Wundt[1] по вопросу о роли научныхъ законовъ въ наукахъ и которыя представляются тѣмъ болѣе пріемлемыми, что не заключаютъ въ себѣ категорическаго отрицанія научныхъ законовъ въ области соціальной жизни. Различіе въ содержаніи естественныхъ и соціальныхъ наукъ Wundt видитъ именно въ томъ, что въ первыхъ научныя опредѣленія и теоретическія объясненія почти не играютъ роли, уступая мѣсто конкретнымъ изслѣдованіямъ, въ послѣднихъ же, напротивъ, возможно точному опредѣленію понятій въ ихъ взаимной связи принадлежитъ рѣшительное преобладаніе, изслѣдованіе же законовъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. «Полученіе исчерпывающихъ опредѣленій естественно-научныхъ понятій, какъ, напр., матеріи, свѣта, электричества и т. д. никогда не разсматривается какъ задача такихъ абстрактныхъ математическихъ ученій (Grundlegungen)». «Абстрактныя теоріи довольствуются здѣсь также первыми приближеніями или же прямо гипотетическими фикціями, относительно которыхъ можно принять, что онѣ могутъ доставить общую теоретическую связь разсматриваемой области явленій. Цѣль абстрактнаго изслѣдованія направлена не на опредѣленіе понятій, но на отысканіе законовъ, которымъ могутъ быть подчинены всѣ эмпирически наблюдаемыя явленія. Совершенно иначе относится абстрактная экономическая теорія къ своимъ объектамъ. Отысканіе дѣйствительныхъ законовъ хозяйственной жизни она должна большею частью предоставить конкретному изслѣдованію. Всѣ ея усилія направлены, напротивъ, на точное опредѣленіе понятій, и она достигаетъ ихъ тѣмъ, что выдѣляетъ ихъ изъ всѣхъ соединеній, въ которыхъ они всегда находятся въ дѣйствительности, и разсматриваетъ ихъ лишь по отношенію къ входящимъ въ нихъ хозяйственнымъ факторамъ. Чрезъ эти опредѣленія хозяйственныя понятія приводятся между собою въ разнообразныя отношенія» и именно лишь между собою. «Такимъ образомъ, старанія экономистовъ-теоретиковъ отнюдь не направлены прежде всего на то, чтобы показать, что формулированныя ими соотношенія понятій имѣютъ эмпирическую значимость, но на то, чтобы эти понятія въ совокупности образовали свободную отъ внутреннихъ противорѣчій, связную систему. Въ этомъ заключается практическій доводъ въ пользу того, что[2] абстрактная экономическая теорія должна разсматривать своею задачею не установленіе законовъ дѣйствительной хозяйственной жизни, но точное опредѣленіе экономическихъ понятій и ихъ взаимоотношеній». «Съ этимъ воззрѣніемъ относительно по преимуществу опредѣлительнаго или лишь въ ограниченной мѣрѣ объяснительнаго значенія абстрактной экономической теоріи находится

[1]) Logik der Geisteswissenschaften. 3. Aufl. S. 553 ff.

[2]) Начиная отсюда, остальная часть приводимой выдержки напечатана въ подлинникѣ въ разбивку.

въ полномъ соотвѣтствіи, что большинство т. н. теорій ея, какъ цѣнности, цѣны, заработной платы и т. д. въ дѣйствительности не суть теоріи, но опредѣленія, и что именно очень часто вмѣсто дѣйствительной теоріи явленій должна выступать просто совокупность различныхъ опредѣленій одного и того же понятія. Такъ, теорія цѣнности классической національной экономіи состоитъ по существу лишь изъ совокупности отклоняющихся одно отъ другого опредѣленій понятія цѣнности, какъ потребительной, мѣновой, рѣдкостной цѣнности, съ помощью которыхъ должна удовлетворяться общая логическая потребность въ томъ, чтобы для каждаго отдѣльнаго явленія цѣнности имѣлось общее понятіе, подъ которое оно можетъ быть подведено».—Не останавливаясь болѣе на развитіи относящихся сюда положеній у цитируемаго автора, въ дальнѣйшемъ отмѣчающаго, какъ вполнѣ умѣстный, фактъ обоснованія въ новѣйшей экономикѣ болѣе простыхъ и единыхъ понятій на психологическихъ мотивахъ, замѣтимъ только, что конкретное исканіе научныхъ законовъ и не могло бы дать ничего иного, кромѣ только экономическихъ установленій и понятій реальной жизни, что приведенная характеристика соціальныхъ наукъ имѣетъ формально-гносеологическое значеніе и отнюдь не можетъ разсматриваться, какъ ограниченіе въ стремленіи теоретической экономики поставить свои понятія въ связь съ реальными понятіями - установленіями. Именно присущность этихъ послѣднихъ экономической жизни и обусловливаетъ тотъ характеръ теоретической экономики, который констатируетъ, но оставляетъ безъ выясненія W. Wundt. Разъ въ основѣ человѣческой дѣятельности лежатъ понятія и установленія, то, естественно, они требуютъ научнаго изслѣдованія и отчасти научнаго корректированія. Вмѣстѣ съ тѣмъ совмѣщеніе въ соціальной жизни, а равно и наукѣ, понятій-установленій съ объективными научными законами едва ли можно было бы признать допустимымъ.

Къ стр. 456 прим. 2.—Также: M. Block. Les progrès de la science économique. T. I. chap. II. p. 70; Frank W. Blackmar. Economics. p. 33; J. Graf von Soden. Die National-Oekonomie. B. I. S1815. VIII; Br. Hildebrand. Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Vorrede. (см. выше, на стр. 688 примѣч. къ стр. 48); K. Knies. Die politische Oekonomie usw. S. 351, 361, 458, 473 ff., 483 f. (см. также: M. Weber. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volkswirtschaft i. D. R. J. 30 H. 1. 1906. S. 120); Fr. Engels. Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 3 Aufl. Abschn. II. S. 149; А. А. Мануиловъ. Политическая экономія. Вып. I. Стр. 110; Г. Ѳ. Симоненко. Политическая экономія въ ея новѣйшихъ проявленіяхъ. Стр. 11.

Къ стр. 467—472.—Относительно статьи Р. М. Орженцкаго. Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія. Юридическій Вѣстникъ. 1914. кн. V (I), см.: § 67 стр. 670 и сл. нашего труда.

Къ стр. 478.—См. также выше, § 65 стр. 651 и сл.

Къ стр. 497 прим. 4.—См. также: E. Hammacher. Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. S. 468 Anm. 2.

Къ стр. 499.—Лежащій въ основѣ такъ называемаго закона Грэшама принципъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе обширное дѣйствіе, обнаруживающееся во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда совмѣстно выступаютъ однородные, но разнокачественные элементы при количественномъ преобладаніи худшихъ изъ нихъ; это бываетъ какъ по отношенію къ предметамъ массоваго потребленія и ко всѣмъ массовымъ организаціямъ услугъ, такъ и вообще въ области массовыхъ соціальныхъ соотношеній. При указанныхъ условіяхъ проявленія этого принципа его дѣйствіе вполнѣ объясняется проникающимъ соціальную жизнь стремленіемъ къ единообразію и къ одному общему уровню ея. Этотъ принципъ представляется такимъ образомъ антагонистическимъ по отношенію къ принципу соціальнаго прогресса, или, лучше, оба эти принципа представляютъ собою два противоположныхъ направленія въ развитіи соціальной жизни.—D. Ricardo[1] въ приложеніи къ своему изслѣдованію о высокой цѣнѣ слитковъ, трактуя о платежномъ балансѣ и о равновѣсіи въ внѣшнемъ перемѣщеніи драгоцѣнныхъ металловъ, слѣдуя своей точкѣ зрѣнія на природу хозяйственнаго интереса, поясняетъ: «Собственный интересъ регулируетъ всѣ торговыя спекуляціи, и тамъ, гдѣ онъ могъ бы быть удостовѣренъ ясно и легко, мы бы не знали, на чемъ остановиться, если бы допустили какое-нибудь иное правило дѣятельности».—Закону Грэшама далъ его наименованіе Macleod въ 1858 г.; см. также его Elements of Economics. Vol. I. p. 270 seq. Здѣсь указывается на относящіеся сюда факты и замѣчанія уже начиная съ древности (Аристофанъ), а самому принципу дается простое и чисто реальное объясненіе. См. также: C. A. Harris. Gresham's law. Dictionary of Political Economy. Vol. II. p. 262 seq. Какъ высказывается здѣсь, «это есть принципъ, имѣющій свои корни, очевидно, въ обычныхъ побужденіяхъ (instincts) коммерческой жизни». —P. H. Wicksteed[2] подобнымъ же образомъ замѣчаетъ: «Если законъ ренты представляетъ что-либо, то это есть формулировка принциповъ, которые, можно полагать, регулируютъ поведеніе людей, обезпеченныхъ извѣстными обладаніями и привилегіями, движимыхъ извѣстными мотивами и при наличіи извѣстныхъ физическихъ фактовъ и законовъ».

Къ стр. 500.—Представляютъ интересъ также замѣчанія, которыя высказываетъ P. v. Struve[3] въ своей статьѣ о Марксовой теоріи соціальнаго развитія: «Хозяйственное въ соціальныхъ явленіяхъ, хотя боль-

[1]) The Works of D. Ricardo. Ed. by McCulloch. p. 292.

[2]) Political Economy and Psychology. Dictionary of Political Economy. Vol. III. p. 141.

[3]) Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. B. XIV H. 5-6. 1899. S. 668 f.

шею частью и регулируется правомъ, существуетъ однако само по себѣ». «Хозяйственное и правовое могутъ выступать въ соціальныхъ явленіяхъ въ разнообразнѣйшихъ, опредѣляющихъ ихъ взаимоотношеніе комбинаціяхъ. Отношеніе категорій: форма—матерія есть лишь жалкое средство привести это разнообразное отношеніе къ одной формулѣ. Но эта формула оказывается рѣшительно вводящей въ заблужденіе, по сколько Stammler направляетъ ее къ тому, чтобы отрицать генетическую причинную связь между единичнымъ хозяйственнымъ и единичнымъ правовымъ и признать невозможными общественные хозяйственные акты, независимые отъ условія правового регулированія. Что хозяйство, какъ цѣлое, не можетъ воздѣйствовать на право, какъ цѣлое, вытекаетъ изъ того, что оба совокупныя понятія представляютъ одинъ и тотъ же реальный субстратъ: въ хозяйствѣ содержится право и обратно. Но было бы чрезмѣрнымъ расширеніемъ понятія правового представлять всѣ соціальнохозяйственныя дѣйствія и явленія, какъ регулируемыя правомъ». «Экономическое явленіе можетъ также быть массовымъ проявленіемъ правонарушеній, вообще же важнѣйшее хозяйственное въ немъ, т. е. то, что собственно и дѣлаетъ его экономическимъ явленіемъ, можетъ имѣть такое содержаніе, для котораго правоотношенія несущественны».

Къ стр. 507 прим. 2.—См. также: H. Pesch. Lehrbuch der Nationalökonomie. B. I. § 114 S. 309.

Къ стр. 507 прим. 3.—См. также: P. v. Struve. Die Marxsche Theorie der Sozialen Entwicklung. Archiv für soziale Gesetzg. und Stat. 1899. B. XIV H. 5-6. S. 702 f.

Къ стр. 508 прим. 1.—Мнѣніе Энгельса раздѣляетъ Лоріа. Соціологія. Стр. 75 и сл. Противнаго мнѣнія держится Ratzel. Völkerkunde. B. I. S. 24.

Къ стр. 511 прим. 2.—Приведенное мнѣніе Штаммлера раздѣляютъ также: Eleutheropulos. Soziologie. 2 Aufl. S. 150 Anm. 1; B. Croce. O. c., S. 26.

Къ стр. 518.—Marx отмѣчаетъ также экономическое значеніе нематеріальныхъ условій производства. Kapital. B. I. IV Aufl.: 1) Kap. I. S. 26. Сравн.: Ed. Bernstein. Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus. II. S. 140 Anm.; 2) Kap. V. S. 159 Anm. 17. Сравн.: Hammacher. Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. S. 434.

Къ стр. 521.—Вопросъ объ отношеніи между мышленіемъ и бытіемъ нашелъ себѣ обсужденіе и въ другомъ произведеніи[1] Engels'a. «Великій основной вопросъ», говорится здѣсь, «всей, въ особенности же новѣйшей философіи есть вопросъ объ отношеніи мышленія и бытія. Уже съ очень давняго времени, когда люди, еще вовсе неосвѣдомленные о строеніи своего тѣла и находясь подъ вліяніемъ сновидѣній, пришли къ

[1]) L. Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. § II S. 13 ff.

представленію, что ихъ мышленіе и чувствованіе есть дѣятельность не ихъ тѣла, но особенной, живущей въ ихъ тѣлѣ и покидающей его при умираніи, души,—уже съ этого времени должны были они составить себѣ представленія объ отношеніи этой души къ внѣшнему міру». Сюда же подгоняетъ Engels и вопросъ объ естественно-научномъ познаваніи: «Вопросъ объ отношеніи между мышленіемъ и бытіемъ имѣетъ еще и другую сторону: какъ относятся наши мысли объ окружающемъ насъ мірѣ къ самому этому міру? Въ состояніи ли наше мышленіе познать дѣйствительный міръ, можемъ ли мы въ нашихъ представленіяхъ и понятіяхъ о дѣйствительномъ мірѣ возсоздать правильное отраженіе дѣйствительности?» Мы останавливаемся въ выдержкѣ изъ произведенія Engels'а на томъ выраженіи, къ которому прямо пріурочивается теорія отраженія (см. объ этомъ стр. 534 нашего труда).—Къ этому же вопросу въ его первой части высказывается также А. Лабріола[1]: «Мы считаемъ неопровержимымъ тотъ принципъ, что не формы сознанія опредѣляютъ человѣческое бытіе, но, наоборотъ, бытіе опредѣляетъ формы сознанія. И эти формы сознанія въ силу того, что онѣ опредѣляются реальными условіями жизни, составляютъ часть исторіи».—Вопросъ о мышленіи и бытіи можетъ быть однако сведенъ къ вопросамъ о дѣятельности и бытіи, либо о субъектѣ и объектѣ. Обѣ эти антитезы относятся къ антитезѣ наукъ о культурѣ и о природѣ. Соотношеніе между тѣми и другими науками выражается въ ихъ сліяніи въ одной общей для нихъ отрасли культуры. Отношеніе же между субъектомъ и объектомъ могло бы быть разсматриваемо лишь въ собственно соціальныхъ наукахъ, но и въ нихъ не можетъ имѣть преобладающаго значенія, которое, очевидно, принадлежитъ въ нихъ соціальнымъ взаимоотношеніямъ. Сюда можетъ быть отнесено замѣчаніе G. Jäger'а[2]: «Содержаніе мышленія образуетъ его сущность и можетъ быть выясняемо лишь въ своей исторической и общественной связи».

Къ стр. 522 примѣч. 2.—Приводимая у Cathrein'а цитата находится въ Критикѣ Готской программы.

Къ стр. 523.—Th. Bernhardi[3] возражаетъ противъ подобнаго же матеріалистическаго воззрѣнія классической школы: «Хотя исторія всѣхъ народовъ показываетъ, что люди всюду строили раньше храмы, нежели дома, пѣли гимны высшимъ силамъ раньше, чѣмъ обратиться къ тому, чтобы умножить до чрезвычайности свои физическія потребности множествомъ условныхъ потребностей и въ отношеніи къ матеріальному благосостоянію все повышать свои требованія съ изобрѣтательностью, тѣмъ не менѣе философская школа, къ которой принадлежитъ Ад. Смитъ, отправляется всегда отъ предположенія, что отнюдь не высшія и болѣе благородныя умственныя качества человѣка,

[1]) Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію. Стр. 11.

[2]) Sinn und Werth des Marxismus. Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volkswirtschaft. J. 34 H. 3. 1910. S. 258 (1170).

[3]) Versuch einer Kritik der Gründe usw. 1849. S. 52.

но исключительно его физическія стремленія и ощущаемыя имъ животныя потребности побудили стремиться подняться надъ крайней нуждою совершенно голаго, бѣднаго, ограниченнаго, почти безсознательнаго существованія и возвыситься надъ животнымъ. Равнымъ образомъ отъ его животныхъ стремленій ожидается дальнѣйшее облагороженіе человѣка». «Собственную, самостоятельную цѣнность науки и искусства, даже всякаго духовнаго стремленія вообще, эта школа, естественно, не можетъ признать, можетъ быть, даже и понять».

Къ стр. 527 прим. 1.—См. въ настоящемъ трудѣ стр. 21 и сл., а также: A. Eleutheropulos. Soziologie. 2 Aufl. S. 34 f.— K. Knies. Die politische Oekonomie usw. 2 Aufl. 1883. S. 251, высказываетъ объ этомъ же: «Указываемые дарвинизмомъ факторы развитія созданій новаго рода либо вообще измѣненныхъ : наслѣдственность, внѣшнее приспособленіе и естественный подборъ, не имѣютъ отношенія къ заключающемуся лишь внутри человѣка причиненію».—Противъ дарвинистическаго обоснованія и направленія научнаго соціализма рѣшительно выступилъ А. А. Лабріола. Н. с., § IV, стр. 11 и сл., вмѣстѣ съ тѣмъ высказываясь здѣсь всего менѣе въ духѣ соціальнаго матеріализма: «Я сказалъ уже, что наша теорія разсматриваетъ историческій процессъ объективно и до извѣстной степени, такъ сказать, натурализируетъ его, отправляясь отъ очевидныхъ данныхъ. Это выраженіе «натурализировать историческій процессъ» ввело въ заблужденіе писателей, которые пытались распространить на исторію человѣчества законы и методы мышленія, оказавшіеся удачными при изученіи природы вообще и животнаго міра въ частности». «Сочли возможнымъ примѣнить законы и принципы, которымъ подчиняется животная жизнь, къ исторической жизни человѣческихъ обществъ. Дарвинизмъ политическій и соціальный, какъ эпидемія, охватилъ умы многихъ писателей». «На первый взглядъ кажется, что есть нѣчто основательное и заслуживающее вниманія въ упомянутыхъ попыткахъ, которыя, впрочемъ, сильно страдаютъ и злоупотребленіемъ аналогіями и поспѣшностью въ заключеніяхъ». «Мы не имѣемъ еще возможности созерцать болѣе или менѣе полную картину дѣйствительной жизни первобытнаго человѣка и опредѣлить характеръ того интервала, благодаря которому жизнь человѣка оказалась оторванной отъ жизни животнаго». «Даже и въ примитивной жизни дикаря создалась уже извѣстная искусственная среда, которая является условіемъ дальнѣйшаго прогресса». «Исторія жизни человѣческихъ обществъ начинается, когда создалась уже искусственная среда».«То, что люди создаютъ, живя группами, реагируетъ въ свою очередь на нихъ самихъ. Ихъ открытія и изобрѣтенія, расширяя все больше и больше искуственную среду, породили не только привычки и обычаи, но также отношенія и связи сосуществованія, соотвѣтствующія опредѣленному способу производства и воспроизведенія необходимыхъ средствъ къ жизни». «Исторія должна, слѣдовательно, прежде всего и больше всего заняться опредѣленіемъ и

изслѣдованіемъ этой искусственной среды, ея происхожденіемъ, составомъ, измѣненіями и преобразованіями. Назвать все это продолженіемъ и частью природы значитъ ровно ничего не сказать». «Прогрессировали и прогрессируютъ, конечно, не сами естественныя условія. Прогрессируютъ только люди, постепенно открывая въ природѣ средства, дающія имъ возможность создавать новыя, все болѣе и болѣе усовершенствованныя орудія труда». «Люди сами дѣлаютъ свою исторію, по скольку человѣкъ въ состояніи изобрѣтать и совершенствовать орудія труда, побѣждать силы природы и создавать, такимъ образомъ, искусственную среду; сложные результаты этой среды реагируютъ въ свою очередь на него и, непрерывно измѣняясь, являются условіемъ и причиной его развитія; поэтому нѣтъ никакого основанія сводить исторію, дѣло человѣческихъ рукъ,—къ простой борьбѣ за существованіе. Хотя эта борьба измѣняетъ и совершенствуетъ органы животныхъ, способствуя иногда даже выработкѣ новыхъ органовъ, но все же она не вызываетъ того непрерывнаго и прогрессивнаго развитія, которое мы называемъ историческимъ процессомъ. Нельзя смѣшивать нашу теорію съ дарвинизмомъ и тѣмъ болѣе—съ мистической концепціей фатализма. Если вѣрно то, что исторія опирается на прогрессъ техники, т. е. что развитіе производительныхъ силъ порождаетъ соотвѣтствующія общественныя отношенія, то не менѣе вѣрно и то положеніе, что это развитіе техники является въ одно и то же время причиной и слѣдствіемъ различныхъ проявленій жизни, которыя мы называемъ, абстрагируя ихъ въ психологіи, воображеніемъ, разумомъ, мыслью и т. д. Видоизмѣняя постепенно соціальную среду, человѣкъ преобразовалъ самого себя».—Необходимо однако отмѣтить, что на ряду съ этимъ цитируемое произведеніе заключаетъ въ себѣ и противоположныя утвержденія въ духѣ соціальнаго матеріализма.

Къ стр. 534 прим. 1.—Ludwig Woltmann. Der historische Materialismus. Teil III Кар. 2 S. 285—294, поддерживаетъ теорію отраженія, ссылаясь на данныя естествознанія. Эта аргументація представляется однако неправильной, такъ какъ высшая духовная дѣятельность не является предметомъ естествознанія и не постигается имъ.—Противъ теоріи отраженія Dr. G. v. Schulze-Gävernitz. Marx oder Kant? S. 18 f.

Къ стр. 536 и сл.—Съ точки зрѣнія эволюціи науки, система соціальнаго матеріализма представляетъ утрированіе основныхъ воззрѣній классической школы, къ которой примыкалъ и Марксъ: односторонней и индивидуалистической абстракціи экономическаго человѣка и собственно экономическаго матеріализма. Съ другой стороны, соціальный матеріализмъ есть только весьма несовершенное выраженіе телеологической точки зрѣнія или, лучше, попытка механическаго истолкованія подмѣченныхъ телеологическихъ соотношеній въ исторіи. Къ кореннымъ дефектамъ соціальнаго матеріализма принадлежитъ въ поразительной мѣрѣ расходящееся съ общей идеей и конечной цѣлью научнаго соці-

ализма отсутствіе соціальнаго пониманія, замѣна его строго объективнымъ объясненіемъ всѣхъ явленій соціальной жизни. Относительно послѣдняго см., напр.: А. Лабріола. Н. с., § IV стр. II.

Къ стр. 553.—Принадлежностью Эд. Бернштейна къ школѣ Marx-Engels'a обусловливаются какъ его увлеченіе полемикою съ партійными единомышленниками, такъ и, напротивъ, смягченія и ограниченія въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ изложенія. Сравн. его Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Vorwort. S. IX f.

Къ стр. 556.—Сравн. о Bernstein'ѣ: Hammacher. O. c., S. 461, 465.

Къ стр. 566 и сл.—См.: René Maunier. L'économie politique de la sociologie. chap. I p. 34 et suiv.; H. Dietzel. Theoretische Sozialœkonomik. S. 105; Hammacher. O. c., S. 436.

Къ стр. 567 прим. 5.—См. также: Hammacher. O. c., S. 68; Н. Н. Алексѣевъ. Науки общественныя и естественныя. Ч. I. Стр. 218.

Къ стр. 569.—H. Rickert. Die Grenzen der naturwissensch. Begriffsbildung. S. 531, замѣчаетъ объ этомъ: «Исторія трактуетъ главнымъ образомъ духовныя явленія. Слыша о матеріалистическомъ воззрѣніи, можно было бы усомниться въ этомъ. Но въ дѣйствительности это воззрѣніе не имѣетъ своею задачею вопросъ, представляются ли объекты исторіи физическими или психическими. Даже если бы было правильно, что всѣ историческія движенія опредѣляются матеріальными интересами, т. е. стремленіемъ къ вещамъ, посредствомъ которыхъ обезпечивается и доставляется физическое существованіе, то все же направленныя на матеріальныя блага стремленія сами по себѣ суть волевые акты, т. е. психическія явленія, и о нихъ-то и должно трактовать матеріалистическое воззрѣніе на исторію».

Къ стр. 575.—R. Eisler. Der Zweck. 1914. S. 168 f., высказываетъ объ этомъ: «Въ качествѣ содержанія индивидуальнаго, а также коллективнаго воленія, различнаго рода идеи: хозяйственныя, техническія, политическія, религіозныя, нравственныя идеи, находящіяся въ отношеніи взаимодѣйствія, становятся факторами соціальнаго становленія, но такъ, что каждая идея коренится въ собственномъ направленіи воли и сознанія и обладаетъ своей собственной тенденціей развитія. Стало быть, нѣтъ того, чтобы, какъ учитъ крайнее экономическое воззрѣніе на общество и исторію, порядокъ производства первоначально или даже исключительно опредѣлялъ соціальное и идеологическое развитіе, хотя онъ также съ своей стороны всегда оказываетъ большее или меньшее вліяніе на особенное направленіе соціальнаго становленія».

Къ стр. 592.—R. Stolzmann. Der Zweck in der Volkswirtschaft. S. 77, правильно характеризуетъ: «Марксизмъ внѣ міра и не-реаленъ до крайности. Онъ оставляетъ непроходимую пропасть между прошедшимъ и будущимъ. Не существуетъ логическаго перехода отъ гиперматеріалистически мыслимаго прошлаго къ абстрактному человѣку будущаго въ его гиперидеалистической неестественности».—Это замѣча-

ніе справедливо въ особенности относительно заявленій Engels'a въ его Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Abschn. III. II.

Къ стр. 599.—Подобно тому, какъ Croce, такъ и ссылающійся на него Charles Turgeon[1] замѣчаетъ: «Ни Марксъ ни Энгельсъ не дали своей концепціи историческаго матеріализма спеціальнаго и окончательнаго изложенія. Они высказывались объ этомъ на протяженіи полувѣка, отрывочно и разбросанно, въ многочисленныхъ трудахъ, гдѣ она проявляется въ бѣглыхъ и нерѣшительныхъ оттѣнкахъ».

Къ стр. 603.—Представляютъ интересъ также критическія замѣчанія Ю. Делевскаго въ его брошюрѣ: Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. 1906. Какъ высказывается здѣсь, «существуютъ элементы соціальной жизни, возникновеніе которыхъ уже потому не можетъ быть объяснено развитіемъ производительныхъ силъ и экономическихъ отношеній, что само производство и даже сама человѣческая жизнь предполагаетъ уже существованіе этихъ элементовъ». Далѣе, Делевскій приходитъ «къ закону взаимодѣйствія между всѣми факторами историческаго процесса, считая въ томъ числѣ и производительныя силы. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи ни объ одномъ изъ факторовъ, какъ объ основной причинѣ». Авторъ сопоставляетъ движущія силы исторіи и индивидуальной дѣятельности: «Если экономическіе импульсы не охватываютъ всѣхъ проявленій человѣческой природы, а составляютъ лишь одну изъ категорій мотивовъ—хотя бы и важнѣйшихъ—человѣческой дѣятельности, то какъ примирить съ этимъ взглядъ, что экономическій факторъ есть основная движущая сила исторіи, обусловливающая всѣ формы проявленія человѣческой природы?» Какъ указывается далѣе, «человѣкъ самъ есть дитя природы, и его психика всегда находится подъ непосреднственнымъ ея воздѣйствіемъ». «Дѣйствіе человѣка на природу не ограничивается одной лишь производительною дѣятельностью: оно направлено всегда на удовлетвореніе не только матеріальныхъ нуждъ, но и запросовъ умственныхъ и эстетическихъ». «Дѣятельность человѣка направлена во всякое время не только на внѣшнюю природу, но и на окружающую его соціальную среду. Существованіе человѣка предполагаетъ извѣстныя семейныя отношенія и, въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи, родъ, племя и т. д.; это, въ свою очередь, предполагаетъ извѣстныя формы солидарности, координаціи, субординаціи, а, слѣдовательно, нормы политическія, правовыя, моральныя, властвующія какъ законъ или обычай. Никакая общественная жизнь невозможна безъ допущенія хотя бы молчаливаго признанія подобныхъ нормъ. Подчиненіе разнообразныхъ надстроекъ исключительно производственному моменту противорѣчитъ, стало быть, тому, что намъ извѣстно объ элементарныхъ свойствахъ человѣческой природы». Какъ заключаетъ Ю. Делевскій, «историче-

[1]) La conception matérialiste de l'histoire d'après Marx et Engels. Revue d'économie politique. 25-e année. 1911. № 3 p. 273.

ская теорія, отводящая центральное мѣсто принципу развитія производительныхъ силъ, которое стоитъ выше человѣческихъ побужденій и, помимо воли и сознанія людей, осуществляетъ нѣкоторую историческую миссію, носитъ на себѣ печать несомнѣнныхъ вліяній метафизическихъ пережитковъ».—См. также обширный трудъ того же автора: Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи. 1910.

Къ стр. 610 примѣч. 2.—Сравн.: Ю. Делевскій. Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. Стр. 9.

Къ стр. 613.—См. выше, § 26 стр. 168 и сл., а также стр. 28 и сл. и примѣчаніе къ стр. 29, на стр. 685 и сл.—Въ этомъ сочетаніи экономическаго принципа и экономическихъ оцѣнокъ заключается та экономическая система, которую искаженно представилъ G. Cassel[1] въ своемъ принципѣ стоимости (Kostenprinzip).—Дѣйствіе экономическаго принципа соединяетъ съ оцѣнкой также B. Croce. O. c., p. 263 s.

Къ стр. 614, 622 и сл., 627 и сл.—По своей сущности и въ своемъ теоретическомъ опредѣленіи экономическій принципъ представляется вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ. Этому нисколько не противорѣчатъ какъ затруднительность и, можно сказать, даже невозможность вполнѣ точнаго проведенія этого принципа въ практической дѣятельности, такъ и невозможность абсолютнаго рѣшенія общей проблемы соціальныхъ взаимоотношеній.

Къ стр. 620.—Первую формулировку гедонистическаго принципа далъ собственно J. Bentham. См. на стр. 694 и сл. примѣчаніе къ стр. 178.

Къ стр. 634.—Fr. v. Gottl-Ottlilienfeld. Der wirtsch. Charakter der technischen Arbeit. S. 32, признаетъ руководящее значеніе т. н. принципа хозяйственности, но его формулировку съ помощью двухъ превосходныхъ степеней находитъ неудачной, отдавая предпочтеніе альтернативной формулировкѣ по отношенію къ нимъ.

Къ стр. 636 и сл.—Къ характеристикѣ экономическаго принципа W. Lexis обращается также въ своей небольшой статьѣ: Wirtschaft. Wœrterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II S. 1373 f. Свое изслѣдованіе онъ и здѣсь ограничиваетъ предполагаемой имъ еще и для настоящаго времени эпохой денежнаго хозяйства. Въ качествѣ практически дѣйствующихъ авторъ принимаетъ частнохозяйственные принципы, и въ особенности второй изъ нихъ: для имѣющихъ трудовой доходъ служитъ «руководящимъ принципомъ стремленіе получить за свой трудъ наивозможно высокое вознагражденіе, какъ жалованіе или заработную плату»; самостоятельные предприниматели и дѣльцы «слѣдуютъ принципу, что должно съ возможно меньшими издержками достигать возможно большаго барыша. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства этому принципу хозяйственности соотвѣтствовала бы формула:

[1] Der Ausgangspunkt der theoretischen Oekonomie. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. J. 58 H. 4. 1902. S. 668—698.

съ наименьшею затратою труда и капитала должно достигать возможно большаго объективнаго полезнаго результата. При существующемъ общественномъ строѣ тотъ частнохозяйственный принципъ долженъ заступать мѣсто народнохозяйственнаго и въ общемъ итогѣ, но отнюдь не во всѣхъ частностяхъ, ведетъ къ тѣмъ же результатамъ; онъ проистекаетъ изъ собственнаго интереса и, безъ сомнѣнія, есть по столько эгоистиченъ», но ограничивается въ своемъ дѣйствіи правомъ и можетъ быть смягченъ моральными соображеніями. По отношенію къ потребленію «можно выставить принципъ хозяйственности, какъ стремленіе къ возможно большему удовлетворенію съ наименьшими издержками. Но этотъ принципъ не имѣетъ здѣсь того же техническаго значенія», какъ въ производствѣ, въ виду невозможности точнаго количественнаго учета издержекъ и результата въ потребленіи.— W. Lexis отправляется здѣсь такимъ образомъ отъ слишкомъ реальнаго представленія еще не осуществленнаго общественнаго строя, характеризуемаго непосредственнымъ дѣйствіемъ народнохозяйственнаго принципа. Этому противопоставляется существующій порядокъ, представляемый, какъ сложное цѣлое, слагающееся изъ разнородныхъ элементовъ. Коренной недостатокъ изложеннаго воззрѣнія въ разсматриваемомъ здѣсь отношеніи заключается, безъ сомнѣнія, въ слишкомъ абсолютномъ пониманіи экономическаго принципа.

Къ стр. 637.—R. Liefmann[1], въ своей новой теоріи цѣны, исходитъ отъ особеннаго понятія дохода (Gewinn oder Ertrag), разумѣя подъ нимъ «превышеніе пользы надъ стоимостью». По его мнѣнію, «цѣлью всей хозяйственной дѣятельности является возможно большая польза съ возможно малой стоимостью». «Хотя еще и нынѣ хозяйствующіе субъекты въ своей дѣятельности находятся подъ вліяніемъ всевозможныхъ иныхъ мотивовъ на ряду съ хозяйственнымъ стремленіемъ къ наибольшему доходу, однако для нашей хозяйственной жизни, съ ея развитіемъ самостоятельныхъ пріобрѣтательныхъ хозяйствъ, мы можемъ съ увѣренностью предположить, что, по меньшей мѣрѣ, 99% всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій опредѣляются исключительно хозяйственнымъ принципомъ, т. е. стремленіемъ къ наибольшему доходу». Абстрагируя отъ всѣхъ иныхъ мотивовъ, авторъ приходитъ къ разсмотрѣнію поведенія homo oeconomicus, присоединяя къ этому предположеніе, «что онъ дѣйствительно знаетъ свою наибольшую выгоду, къ которой стремится. И это предположеніе исполняется въ хозяйственной жизни, безъ сомнѣнія, не такъ обще, какъ первое». Вмѣстѣ съ тѣмъ, не безъ противорѣчія къ изложенному, высказывается: «Этотъ экономическій принципъ, это стремленіе къ наивозможно большему результату съ наивозможно малыми средствами, къ наивозможно большему удовлетворенію съ наивозможно малымъ затрудненіемъ, къ наивозможному перевѣсу пріятныхъ чувствованій надъ непріятными—

[1]) Die Entstehung des Preises aus subjektiven Wertschätzungen. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXIV H. I. 1912.

какъ бы ни пожелала обозначить это психологія,—этотъ экономическій принципъ имѣетъ значеніе далеко за предѣлами собственно хозяйственныхъ дѣйствій, но надъ послѣдними господствуетъ такъ безусловно, что получилъ отсюда свое наименованіе».—Должно замѣтить однако, что въ противность мнѣнію Liefmann'a экономическій принципъ есть именно лишь общій принципъ, указывающій направленіе воли и сознанія въ области хозяйствованія, дающій общее руководство по отношенію къ каждому моменту хозяйствованія, но отнюдь не подводящій балансоваго итога, или сальдо баланса къ данному моменту хозяйственной дѣятельности. Экономическій принципъ руководитъ человѣкомъ и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы избѣжать убытка или свести его къ минимуму. Помимо того, вообще примѣненіе экономическаго принципа сообразуется съ хозяйственными оцѣнками, но не сопровождается точнымъ учетомъ всѣхъ элементовъ и результатовъ данной дѣятельности.—См. также § 35 стр. 257.

Къ стр. 658 и сл.—Henry Sidgwick. Economic Science and Economics. Dictionary of Political Economy. Vol. I p. 677 seq., высказываетъ: «Такъ какъ и въ пріобрѣтеніи и въ примѣненіи богатства имѣетъ основное значеніе избѣгать растраты какъ труда, такъ и его продуктовъ, то экономія (Economy) стала обозначать въ современныхъ языкахъ вообще принципъ стремленія къ достиженію или способъ достиженія желаемой цѣли съ возможно наименьшей затратой средствъ; и выраженія: экономія, экономическій (Economy, economic, economical) часто употребляются въ этомъ смыслѣ, даже безъ какого-либо отношенія къ производству, распредѣленію или потребленію богатства». Въ видѣ примѣровъ авторъ указываетъ выраженія: экономія силы, экономія времени. Также и въ своемъ курсѣ: The Principles of Political Economy. 3 ed. p. 396, тотъ же авторъ, различая между наукой и искусствомъ политической экономіи опредѣляетъ послѣднее чрезъ экономическій принципъ. «Мы можемъ опредѣлить экономію вообще, какъ искусство или методъ достигать наибольшей возможной суммы какого-либо желательнаго результата при наименьшей возможной стоимости; стоимость же бываетъ двухъ родовъ: либо (1) перенесеніе тягости, неудобства или чего-либо нежелательнаго, либо (2) пожертвованіе чего-либо желательнаго, какъ цѣли или средства».

Къ стр. 659.—B. Croce. O. c., p. 261—273, останавливается на выясненіи экономическаго принципа въ связи съ общимъ опредѣленіемъ экономики въ приложенныхъ къ 2-му изданію его Критическихъ опытовъ двухъ письмахъ. Онъ ставитъ этотъ принципъ въ тѣснѣйшее отношеніе къ экономикѣ, какъ собственный принципъ ея, но при этомъ указываетъ на то, что этотъ принципъ еще недостаточно выясненъ въ его особенностяхъ, ни надлежаще опредѣленъ въ его отношеніяхъ къ принципамъ другихъ наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ четыре главныхъ толкованія этого принципа, которыя признаетъ неправильными: механическое, гедонистическое, технологическое и эгоисти-

ческое. Онъ утверждаетъ, что какъ экономическая наука, такъ и ея принципъ имѣютъ свое собственное содержаніе и независимы отъ другихъ наукъ. Показывая не-механическій характеръ этого принципа, авторъ высказываетъ: «Къ экономическому факту примѣнимы выраженія: одобреніе или неодобреніе. Человѣкъ въ экономическомъ отношеніи ведетъ себя хорошо или дурно, съ выгодою или съ ущербомъ, съ пользою или безъ, въ итогѣ—экономически. Экономическій фактъ есть поэтому фактъ оцѣнки (положительной или отрицательной); механическій же фактъ есть простой фактъ, къ которому можно относить одобреніе или порицаніе лишь метафорически». Cross настаиваетъ на «глубокомъ различіи между механическимъ и телеологическимъ, между просто фактомъ и фактомъ цѣнностнымъ».

ЦИТИРУЕМЫЕ ТРУДЫ.

Achelis, Th. Soziologie. 2 verbess. Aufl. Leipzig. 1908.

Adler, Max. Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft. (Marx-Studien. Herausg. v. M. Adler uud R. Hilferding. B. I. Wien. 1904).

Adler, M. Marxistische Probleme. Beiträge zur Theorie der materialistischen Geschichtsauffassung und Dialektik. Stuttgart. 1913.

Amonn, A. Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Wien. 1911.

Aristoteles. Ethica Nicomachea. Lipsiae. MCMXII.

Aristoteles. Oeconomica. Lipsiae. MDCCCLXXXVII.

Aristoteles. Politika. Griechisch und Deutsch, von Fr. Susemihl. Leipzig. 1879.

Arnold, W. Cultur und Rechtsleben. Berlin. 1865.

Babbage, Ch. Traité sur l'économie des machines et des manufactures. Trad. de l'anglais sur la 3 éd. par. Éd. Biot. Bruxelles. 1833.

Bagehot, W. Economic Studies. Ed. by R. H. Hutton. 7 ed. London. 1908.

Barth, P. Die Philosophie der Geschichte als Sociologie. Leipzig. 1897.

Bastiat, Frédéric. Harmonies économiques. 9 éd. Paris. 1884. (Oeuvres complètes. T. VI).

Batbie, A. Cours d'économie politique. Paris. (1865). T. I.

Baudrillart, H. Montchrétien. Nouveau Dictionnaire d'économie politique. T. II.

Baudrillart, M. H. Des Rapports de l'économie politique et de la morale. 2 éd. Paris. 1883.

Béchaux, A. Le droit et les faits économiques. Paris. 1889.

Below, G. v. Über Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker, mit besonderer Rücksicht auf die Stadtwirthschaft des deutschen Mittelalters. Historische Zeitschrift. B. 86. (N. F. B. 50). H. 1. 1900.

Bentham, J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford. MCMVII.

Bernhardi, Th. Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigenthum angeführt werden. St.-Petersburg. 1849.

Bernheim, Ed. Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 3 и 4 völlig neu bearb. und verm. Auflage. Leipzig. 1903.

Bernstein, Ed. Die verschiedenen Formen des Wirtschaftslebens. 2 durchges. Auflage. Berlin.

Bernstein, Ed. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart. 1899.

Bernstein, Ed. Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus. Gesammelte Abhandlungen. Berlin. 1904.

Biermann, W. Ed. Die Sozialphilosophie in der neuesten Literatur. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III. B. XXX H. 1. 1905, B. XXXV. H. 5. 1908.

Biermann, W. Ed. Sozialwissenschaft, Geschichte und Kulturwissenschaft. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III. B. XXVIII H. 5. 1904.

Biermann, W. Ed. W. Wundt und die Logik der Sozialwissenschaft. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III. B. XXV H. 1. 1903.

Biermann, W. Ed. Zur Methodenlehre der historischen und sozialen Wissenschaften. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. № 143. Montag, 29 Juni 1903.

Bischof, H. Grundzüge e. Systemes der Nationalökonomik oder Volkswirthschaftslehre. Graz. 1876.

Bissing, W. Die Kultur des alten Ägyptens. 1913.

Blackmar, Frank W. Economics. New York. 1907.

Blanchard, G. Cours d'économie politique. Paris. (1909). T. I.

Block, M. Les progrès de la science économiques depuis Ad. Smith. Revision des doctrines économiques. Paris. 1890. T. I.

Böhm-Bawerk, E. v. Capital und Capitalzins. 2 Aufl. 2 Abth. Positive Theorie des Capitales. Innsbruck. 1902.

Böhm-Bawerk, E. v. Kapital. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. V.

Böhm-Bawerk, E. v. Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre. Innsbruck. 1881.

Böhm-Bawerk, E. v. Werth. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. VIII.

Bonar, J. Bentham. Dictionary of Political Economy, ed. by Palgrave. Vol. I.

Bonar, J. Elements of Political Economy. 2 ed. London. 1904.

Bonar, J. Philosophy and Political Economy in some of their Historical Relations. London. 1893.

Bonn, M. J. Eine neue Wissenschaft? Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXIII. H. 3. 1911.

Bonn, M. J. Das Wesen der Weltwirtschaft. Archiv für Sozial-

wissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXV H. 3. 1912.

Brentano, L. Ethik und Volkswirtschaft in der Geschichte. Rede. München. 1901.

Brentano, L. Die Klassische Nationalokonomie. Leipzig. 1888.

Brentano, L. Privatwirtschtftslehre und Volkswirtschaftslehre. Bank-Archiv. J. XII. № 1. 1 Okt. 1912.

Brentano, L. Über Werturteile in der Volkswirtschaftslehre. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXIII H. 3. 1911.

Briefs, G. Weyermann-Schönitz. Wissenschaftliche Privatwirtschaftslehre. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III. B. 43. H. 5. 1912.

Bücher, K. Arbeit und Rhythmus. 4 neubearb. Aufl. Leipzig. 1909.

Bücher, K. Die Entstehung der Volkswirtschaft. 5 stark verm. und verbess. Auflage. Tübingen. 1906.

Bullock, Ch. J. Introduction to the Study of Economics. 3 ed. New York. 1908.

Cairnes, J. E. The Character and Logical Method of Political Economy. 2 and enlarged edition. London. 1875.

Calmes, A. Über das Verhältnis der Privatwirtschaftslehre zur Volkswirtschaftslehre. Bank-Archiv. J. XII. № 3. 1 Nov. 1912.

Carver, Th. N. The Distribution of Wealth. New York. 1911.

Cassel, G. Der Ausgangspunkt der theoretischen Oekonomie. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. J. 58. H. 4. 1902.

Cathrein S. J., V. Der Sozialismus. 9, bedeutend verm. Aufl. Freiburg i. B. 1906.

Cauwès, P. Cours d'économie politique. 3 éd. Paris. 1893. T. I.

Chalmers, Th. Political Economy in connexion with the Moral State and Prospects of Society. Edinburgh. MDCCCXLVIII. Vol. I.

Cherbuliez, A.-E. Précis de la science économique et de ses principales applications. Paris. 1862. T. I.

Clark, J. B. Essentials of Economic Theory. New York. 1907.

Cohn, G. System der Nationalökonomie. B. I. Grundlegung. Stuttgart. 1885.

Cohn, G. Wirtschaftswissenschaft und Wirtschaftspolitik. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. J. 66. H. 1. 1910.

Cohn, Jonas. Beiträge zur Lehre von den Wertungen. Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd. 110.

Comte, A. Cours de Philosophie Positive. 5 éd. identique à la première. T. I, IV. Paris. 1907, 1908.

Conrad, J. Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. T. I. Nationalökonomie. 4 Auflage. Jena.

Idem. 7. Auflage. Jena. 1910.

Cort van der Linden, P. W. A. Lehrsätze über die ökonomischen Kategorien. Zeitschrift für Litteratur und Geschichte der Staatswissenschaften. Herausg. von K. Frankenstein. B. III. H. 1-2. 1894.

Cossa, L. Introduzione allo studio dell' economia politica. (3

edizione). Milano. 1892.

Cournot, A. Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique. Nouv. éd. Paris. 1912.

Cournot, A. Traité de l'enchainement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire. Nouv. éd. Paris. 1911.

Courcelle-Seneuil, J. G. Économie politique. Nouveau Dictionnaire d'économie politique. T. I.

Croce, B. Materialismo storico ed economia marxistica. 2 ed., con l'aggiunto di nuovi saggi sul principio economico. Milano. 1907.

Dankwardt, H. Nationalökonomisch-civilistische Studien. Mit e. Vorworte v. *W. Roscher*. Leipzig. 1862. (Idem: *W. Roscher*. Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte. B. I. Abh. III).

Dargun, L. Egoismus und Altruismus in der Nationaloekonomie. Leipzig. 1885.

Diehl, K. A. Hesse' Natur und Gesellschaft. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III. B. XXVIII H. 6. 1904.

Diehl, K. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Nationaloekonomie für die praktische Wirtschaftspolitik. Akademische Antrittsrede. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III. B. XXXVII H. 3. 1909.

Diehl, K. Nationaloekonomie und Handelsbetriebslehre. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III. B. 43 H. 1-2. 1912.

Diehl, K. Privatwirtschaftslehre, Volkswirtschaftslehre, Weltwirtschaftslehre. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III. B. 46 H. 4. 1913.

Diehl, K. Ueber die nationaloekonomischen Lehrbücher von Wagner, Schmoller, Dietzel und Philippovich mit besonderer Rücksicht auf die Methodenfrage in der Sozialwissenschaft. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III. B. XXIV H. 1. 1902.

Dietrich, R. Begründung einer Betrieb-Wissenschaft. Schmollers Jahrbuch für Gesetgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. J. 37. H. 2. 1913.

Dietzel, H. Selbstinteresse und Methodenstreit in der Wirtschaftstheorie. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. VII.

Dietzel, H. Theoretische Socialoekonomik. Leipzig. 1895. (Lehr- und Handbuch der politischen Oekonomie, herausg. v. Ad. Wagner. 2 Hauptabtheilung).

Dilthey, W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig. 1883.

Dokumente des Sozialismus. Hefte für Geschichte, Urkunden und Bibliographie des Sozialismus. Herausg. v. Ed. Bernstein. B. II. 1903.

Döring, A. Philosophische Güterlehre. Berlin. 1888.

Droz, J. Économie politique ou principes de la science des richesses. Paris. 1829.

Dühring, E. Cursus der National- und Socialoekonomie. 3, theil-

weise umgearb. Aufl. Leipzig. 1892.

Duncker, H. Volkswirtschaftliche Grundbegriffe. 2 verm. Aufl. Stuttgart. 1910.

Dunoyer, Charles. De la Liberté du Travail. Paris. 1845. T. I.

Ehrenberg, R. Bisherige Ergebnisse und nächste Aufgaben der exaktvergleichenden Wirtschaftsforschung. Archiv für exakte Wirtschaftsforschung (Thünen-Archiv). B. III. H. 3. 1910.

Ehrenberg, R. Handelspolitik. Jena. 1900.

Ehrenberg, R. Keine Privatwirtschaftslehre! Bank-Archiv. J. XII. № 4. 15 Nov. 1912.

Ehrenberg, R. Selbstinteresse und Geschäftsintesse. Thünen-Archiv. Organ für exakte Wirtschaftsforschung. B. I. H. 3. 1905.

Eisenhart, H. Positives System der Volkswirtschaft, oder Oekonomische Socialtheorie. Leipzig. 1844.

Eisler, R. Grundlagen der Philosophie des Geisteslebens. Leipzig. 1908.

Eisler, R. Der Zweck. Seine Bedeutung für Natur und Geist. Berlin. 1914.

Eleutheropulos, A. Soziologie. 2 erweit. und verm. Auflage. Jena. 1908.

Ely, R. T. Outlines of Economics. New York. 1903.

Ely, R. T., and Wicker, G. R. Elementary Principles of Economics. New York. 1908.

Emminghaus, A. Privatwirthschaft. Handwoerterbuch der Volkswirthschaftslehre, bearb. v. H. Rentzsch. Leipzig. 1866.

Emminghaus, A. Volkswirthschaft. Handwörterbuch der Volkswirthschaftslehre, bearb. v. H. Rentzsch. Leipzig. 1866.

Engels, Fr. Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 3 durchges. und verm. Aufl. Stuttgart. 1894.

Engels, Fr. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Mit Anhang: K. Marx über Feuerbach. 5 Aufl. Stuttgart. 1910.

Engels, Fr. Die Lage der Arbeitenden Klasse in England. 4 Aufl. Stuttgart. 1913.

Engels, Fr. Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats. 14 Aufl. Stuttgart. 1913.

Enquête sur la Sociologie. Les documents du progrès. 2-e année. Février 1908.

Erdmann, Benno. Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft i. D. R. J. 31. H. 3. 1907.

Eulenburg, Fr. Naturgesetze und Soziale Gesetze. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXII H. 3. 1911.

Fawcett, H. Manual of Political Economy. 7 ed. London. 1888.

Ferguson, Adam. An Essay on the History of Civil Society. A new edition. Basil. MDCCLXXXIX.

Feuchtschwanger, L. (Besprechung). Jahrbuch für Gesetzgebung, Vervaltung und Volkswirtschaft i. D. R. J. 36. H. 1. 1912.

Fisher, Irving. Elementary Principles of Economics. New York. 1913.

Flux, A. W. Economic Principles. London. 1904.

Földes, B. Individualprinzip, Sozialprinzip und sozialethisches Problem. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III B. XXVIII H. I.

Fuchs, C. J. Volkswirtschaftslehre. Leipzig. 1909.

Fulda, Fr. C. Grundsäze der oekonomisch-politischen oder Kameralwissenschaften. Tübingen. 1816.

Ganilh, Ch. Des systèmes d'économie politique. Paris. 1809. T. I. Idem. 2 éd. Paris. 1821.

Gans-Ludassy, J. v. Die wirtschaftliche Energie. Theil I. System der ökonomistischen Methodologie. Jena. 1893.

Garnier, J. Traité d'économie politique sociale ou industrielle. X éd. par R. Doucet. Paris. 1907.

Gehrig, H. Der sozialpolitische Gehalt von Smiths Untersuchung über Natur und Ursachen des Nationalreichtums und Ricardos Grundsätzen der Volkswirtschaft und Besteuerung. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III B. 43. H. 1-2.

George, Henry. Progress and poverty. Authorised edition. London. 1906.

Gide, Charles. Cours d'économie politique. 2 éd. Paris. 1911.

Gide, Ch., et Rist, Ch. Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris. 1909.

Gioja, Melchiorre. Nuovo prospetto delle scienze economique. Serie I. T. I. Milano. 1815.

Goldscheid, R. Darwin als Lebenselement unserer modernen Kultur. Wien. 1909.

Gomberg, L. Handelsbetriebslehre und Einzelwirtschaftslehre. Leipzig. 1903.

Gossen, H. H. Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, und der daraus fliessenden Regeln für menschliches Handeln. Neue Ausgabe. Berlin. 1889.

Gothein, E. Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. III Aufl. B. IV.

Gottl-Ottlilienfeld, Fr. v. Der wirtschaftliche Charakter der technischen Arbeit. Vortrag. Berlin. 1910.

Grabski, Stan. Zur Erkenntnislehre der volkswirtschaftlichen Erscheinungen. Leipzig 1910.

Graziani, A. Istituzioni di economia politica. 2 edizione interamente riveduta. Roma. 1908.

Greulich, H. Die materialistische Geschichtsauffassung. 2 durchgeseh. Aufl. Berlin. 1907.

Gross, G. Wirtschaftsformen und Wirtschaftsprinzipien. Ein Bei-

trag zur Lehre von der Organisation der Volkswirtschaft. Leipzig. 1888.

Gumplowicz, L. Grundriss der Soziologie. 2 durchges. und verm. Aufl. Wien. 1905.

Günther, E. Revisionistische Bewegung in der deutschen Sozialdemokratie. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft i. D. R. J. 29 H. 4. 1905, J. 30 H. 1. 1906.

Guyot, Yves. La science économique. Ses lois inductives. 4 éd. entièrement refondue. Paris.

Hammacher, E. Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus. Leipzig. 1909.

Harms, B. Darstellung und Kritik der Wirtschafts- und Betriebssystematik im Sombartschen Kapitalismus. Jahrbuch für Gesetzgebung, Vervaltung und Volkswirtschaft i. D. R. J. 29 H. 4.

Harris, C. A. Greshams Law. Dictionary of Political Economy. Vol. II.

Hartog, J. H. Dissertatio politico-juridica de origine, caussis, atque progressibus societatis civilis. Trajecti ad Rhenum. MDCCCV.

Hasbach, W. Güterverzehrung und Güterhervorbringung. Jena. 1906.

Haushofer, M. Grundzüge der politischen Ökonomie. Abt. I. Grundzüge der Nationalökonomie. 3 vollständig neu bearb. Aufl. Berlin. 1894.

Heimann, Ed. Methodologisches zu den Problemen des Wertes und des wirtschaftlichen Prinzips. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXVII H. 3. Nov. 1913.

Held, Ad. Grundriss für Vorlesungen über Nationalökonomie. 2 Aufl. Bonn. 1878.

Held, Ad. Nationaloekonomie. Bluntschli's Staatswoerterbuch in drei Bänden, bearb. und herausg. v. Loening. B. II. 1871.

Held, Ad. Über einige neue Versuche zur Revision der Grundbegriffe der Nationaloekonomie. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. J. 14. B. II H. 3. 1876.

Herckenrath, C. R. C. Die oekonomischen Bedingungen des sozialen Lebens. T. I. München. 1912.

Herkner, H. Die Arbeiterfrage. 5 erweit. und umgearb. Auflage. Berlin. 1908.

Herkner, H. Der Kampf um das sittliche Werturteil in der Nationaloekonomie. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. J. 36. H. 2. 1912.

Hermann, Fr. Staatwirthschaftliche Untersuchungen. München. 1832.

Idem. 2 verm. und verbess. Ausgabe. München. 1870.

Herrmann, Emanuel. Prinzipien der Wirthschaft. Wien. 1873.

Hesse, A. Der Begriff der Gesellschaft in H. Spencer's Soziologie. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III. B. 21 H. 6.

Hesse, A. Die Werturteile in der Nationaloekonomie. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III. B. 43. H. 1-2. 1912.

Heyn, O. Theorie des wirtschaftlichen Werths. 1899.

Hildebrand, B. Die gegenwärtige Aufgabe der Wissenschaft der Nationaloekonomie. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. B. I. 1863.

Hildebrand, Bruno. Die Nationaloekonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt a. M. 1848.

Hildebrand, B. Naturalwirthschaft, Geldwirthschaft und Creditwirthschaft. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. B. II. 1864.

Hildebrand, B. Vorwort. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. B. I. 1863.

Hufeland, G. Neue Grundlegung der Staatswirthschaftskunst, durch Prüfung und Berichtigung ihrer Hauptbegriffe von Gut, Werth, Preis, Geld und Volkswermögen mit ununterbrochener Rücksicht auf die bisherigen Systeme. Biesen. 1807. B. I.

Idem. Wien. 1815.

Hume, D. An Enquiry Concerning the Principles of Morals. Reprinted from the edition of 1777. Chicago. 1907.

Huth, H. Die Bedeutung der Gesellschaft bei Ad. Smith und Ad. Ferguson im Lichte der historischen Entwickelung des Gesellschaftsgedankens. Inaugural-Dissertation. 1906.

Ihering, R. v. Der Zweck im Recht. 4 Auflage. 2 Bände. Leipzig. 1904, 1905.

Ingram, John. K. A History of Political Economy. Second ed. London. 1910.

Ingram, J. K. Die nothwendige Reform der Volkswirthschaftslehre. Uebersetzt und eingeleitet von H. v. Scheel. Jena. 1879.

Jäger, H. (Referat). Deutsche Literaturzeitung. 1909. № 51/52.

Jäger, G. Sinn und Wert des Marxismus. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft i. D. R. J. 34. H. 3. 1910.

Jakob, L. H. Grundsätze der National-Oekonomie oder National-Wirthschaftslehre. Halle. 1805.

Jevons, W. Stanley. The Principles of Economics and other papers. London. 1905.

Jevons, W. Stanley. The Theory of Political Economy. 4 ed. London. 1911.

Johnson, A. Introduction to Economics. New York. 1909.

Johnson, W. E. Economic Man. Dictionary of Political Economy, ed. by Palgrave. Vol. I.

Jones, R. Literary Remains Consisting of Lectures and Tracts on Political Economy. Ed. by W. Whewell. London. 1859.

Kautsky, K. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik. Stuttgart. 1899.

Kautsky, K. Ethik und materialistische Geschichtsauffassung.

Stuttgart. 1906.

Kautz, J. Theorie und Geschichte der National-Oekonomik. Th. I. Die National-Oekonomik als Wissenschaft. Wien. 1858. T. II. Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomik und ihrer Literatur. Wien. 1860.

Keynes, J. N. Abstract Political Economy. Dictionary of Political Economy, ed. by Palgrave. Vol. I.

Keynes, J. N. The Scope and Method of Political Economy. 3 ed. London. 1904.

Kindermann, C. Volkswirtschaft und Kunst. Jena. 1903.

Kinkel, J. Die sozialökonomischen Grundlagen der Staats- und Wirtschaftslehren von Aristoteles. Leipzig. 1911.

Kirschner, P. Die Unzulänglichkeit des privat- und gemeinwirtschaftlichen Organisationsprinzips in der Volkswirtschaft. Inaugural-Dissertation. 1908.

Kistiakowski, Th. Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin. 1899.

Kleinwächter, Fr. Lehrbuch der Nationalökonomie. 2 umgearb. Auflage. Leipzig. 1909.

Kleinwächter, Fr. Die volkswirtschaftliche Production im Allgemeinen. (Handbuch der Politischen Oekonomie. 4 Aufl. B. I Abh. V).

Knies, K. Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte. Neue Auflage. Braunschweig. 1883.

Kochmann, W. Das Taylorsystem und seine volkswirtschaftliche Bedeutung. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXVIII H. 2. 1914.

Kraus, S. Ein Beitrag zur Erkenntnis der sozialwissenschaftlichen Bedeutung des Bedürfnisses. Leipzig. 1906.

Das Kommun. Manifest. 6 autorisierte deutsche Ausgabe. Mit Vorreden v. *K. Marx und Fr. Engels*. Berlin. 1898.

Idem. 7 Ausgabe. Mit e. Vorwort v. K. Kautsky. Berlin. 1906.

Kudler, J. Die Grundlehren der Volkswirthschaft. Wien. 1846. Erster oder theoretischer Theil.

Lampertico, Fedele. Economia dei popoli e degli stati. Introduzione. Milano. 1874.

Landry, Ad. Manuel d'Économique. Paris. 1908.

Lassalle, Ferd., Politische Reden und Schriften. Herausg. v. E. Blum. Leipzig. B. I, III, IV.

Lauderdale, The Earl of. An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth, and into the Means and Causes of its Increase. Edinburgh. 1804.

Laveley, É. de. Éléments d'économie politique. 2 éd. Paris. 1884.

Lederer, E. Oekonomische und sozialpolitische Bedeutung des Taylorsystems. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXVIII H. 3.

Lehr, J. Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft. Leipzig. 1893. Leipzig. 1893.

Lehr, J. Die Grundbegriffe der Nationalökonomie. 2 Aufl., herausg. von M. v. Heckel. Leipzig. 1901. (Hand- und Lehrbuch der Staatswissenschaften, begründet v. K. Frankenstein, fortgesetzt v. M. v. Heckel. Abt. I. B. 1).

Leroy-Beaulieu, Paul. Traité théorique et pratique d'économie politique. 3 éd. Paris. 1900. T. I.

Leseine. L. Introduction générale à l'étude de l'Économie politique. Paris.

Leslie, S. E. Cliffe. Essays in Political Economy. 2 ed. Dublin. 1888.

Levasseur, E. Précis d'économie politique. Nouv. éd. Paris. 1906.

Lexis, W. Allgemeine Volkswirtschaftslehre. Berlin. 1910. (Die Kultur der Gegenwart. T. II. B. X. 1.).

Lexis, W. Geldwirtschaft. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Afl. B. I.

Lexis, W. Gesellschaftlicher Darwinismus. Woerterbuch der Volkswirtschaft. Herausg. v. L. Elster. 3 Auflage. B. I.

Lexis, W. Gesetz. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. IV.

Lexis, W. Gut. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. I.

Lexis. Kameralwissenschaft. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. V.

Lexis, W. Kreditwirtschaft. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II.

Lexis, W. Naturalwirtschaft. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II.

Lexis, W. Selbstinteresse. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II.

Lexis, W. Systematisierung, Richtungen und Methoden der Volkswirtschaftslehre. (Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrhundert T. I. 1908. Abh. I).

Lexis, W. Das Wesen der Kultur. (Die Kultur der Gegenwart, herausg. v. Paul Hinneberg. T. I. Abt. I. Berlin. 1906. Abh. I).

Lexis, W. Wirtschaft. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II.

Liberatore, M. Grundsätze der Volkswirtschaft. Uebers. Innsbruck. 1891.

Liefmann, R. Die Entstehung des Preises aus subjectiven Wertschätzungen. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXIV H. 1. 1912.

Liefmann, R. Theorie des Sparens uud der Kapitalbildung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. J. 36. H. 4. 1912.

Liefmann, R. Das Wesen der Wirtschaft und der Ausgangspunkt der Nationaloekonomie. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. F. III. B. 46. H. 5. 1913.

Liefmann, R. Wirtschaft und Technik. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. (B. 102) F. III B. 47 H. 6. 1914.

Lifschitz, F. Zur Kritik der Boehm-Bawerkschen Werttheorie. Leipzig. 1908.

List, Fr. Das nationale System der Politischen Oekonomie. Neudruck, eingeleitet v. H. Waentig. Jena. 1904.

Lorenz, M. Die Marxistische Socialdemokratie. Leipzig. 1896.

Loria, A. Alte und neue Einwände gegen den historischen Materialismus. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXV H. 3. Nov. 1912.

Loria, A. Les bases économiques de la constitution sociale. 2 éd., trad. de l'italien.

Loria, A. Corso completo di economia politica. Compilato e ordinato per cura del G. Fenoglio. Torino. 1910.

Lotz, J. Fr. E. Handbuch der Staatswirthschaftslehre. Erlangen. 1821. B. I.

McCulloch, J. R. The Principles of Political Economy. 2 ed., corrected aud greatly enlarged. London. MDCCCXXX.

Macleod, H. D. The Elements of Economics. Vol. I. London. 1881.

Macvane, S. M. The Working Principles of Political Economy. 4 ed., revised. New York. 1897.

Malthus, T. R. Principles of Political Economy considered with a view to their Practical Application. 2 ed. London. 1836.

Mangoldt, H. v. Grundriss der Volkswirthschaftslehre. 2 Auflage, bearb. v. Fr. Kleinwächter. Stuttgart. (1871).

Mangoldt, H. v. Volkswirthschaftslehre. Stuttgart. (1868).

Marshall, A. Principles of Economics. Vol. I. 5 ed. London. 1907.

Marx, K. Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 3 Aufl. Hamburg. 1885.

Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. 4 durchges. Auflage. Herausg. v. Fr. Engels. B. I, III. Hamburg. 1890, 1894.

Marx, K. Misère de la Philosophie. Reponse à la Philosophie de la Misère de M. Proudhon. Avec une Préface de Fr. Engels. Nouv. éd. Paris. 1908.

Marx, K. Theorien über den Mehrwert. Herausg. v. K. Kautsky. B. I. Stuttgart. 1905.

Marx, K. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. Herausg. v. K. Kautsky. Stuttgart. 1897.

Masaryk, Th. G. Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus. Wien. 1899.

Maunier, R. L'économie politique et la sociologie. Paris. 1910.

Mazzola, *Ugo.* I dati scientifici della finanza pubblica. Roma. 1890.

Mayr, G. v. Begriff und Gliederung der Staatswissenschaften. 3 umgearb. und verm. Auflage. Tübingen. 1910.

Mehring, Fr. Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie. 5 Aufl. Stuttgart. 1913. B. I.

Menger, C. Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. Wien. 1872.

Menger, C. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere. Leipzig. 1883.

Michels, R. Probleme der Sozialphilosophie. Leipzig. 1914.

Mill, James. Elements of Political Economy. 3 ed., revised and corrected. London. 1826.

Mill, J. St. Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. 3 ed. London. 1877.

Mill, J. St. Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy. Ed. by W. J. Ashley. London. 1909.

(Mirabeau, Le Marquis de). Théorie de l'impot. MDCCLXI.

Montesquieu. Esprit des Lois. Paris. 1872.

Montchrétien, A. de. Traicté de l'oeconomie politique. Éd. par Th. Funck-Brentano. Paris. 1889.

Müller, Adam. Die Elemente der Staatskunst. III Theile. Berlin. 1809.

Neumann, Fr. J. Grundlagen der Volkswirtschaftslehre. Tübingen. 1889.

Nazzani, E. Sunto di economia politica. 9 ed. Torino. 1903.

Idem. Ripubblicato con aggiunte e prefazione di A. Loria. (12 ed.). Forli. 1911.

Neumann, Fr. J. Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. J. 48. H. 3. 1892.

Neumann, Fr. J. Wirtschaftliche Gesetze nach früherer und jetziger Auffassung. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. F. III. B. 16. H. I. 1898.

Neurath, W. Elemente der Volkswirtschaftslehre. 2 Auflage neu bearbeitet und vermehrt. Wien. 1892.

Nicklisch, H. Allgemeine kaufmännische Betriebslehre als Privatwirtsthaftslehre des Handels (und der Industrie). B. I. 1912.

Nogaro, B. Éléments d'Économie politique. Paris. 1913.

Nogaro, B. L'expérience bimétalliste du XIX-e siècle et la théorie générale de la Monnaie. Revue d'économie politique. L'année 22. Octobre 1908.

Oechelhaeuser, Dr. ing. W. v. Technische Arbeit einst und jetzt. Vortrag. Berlin. 1906.

Oppenheimer, Fr. Theorie der reinen und politischen Ökonomie. 2 unver. Aufl. Berlin. 1911.

Otzen, R. Kulturwerte der Technik. Festrede. Berlin. 1912.

Pantaleoni, M. Pure Economics. Translated by T. Boston Bruce. London. 1898.

Pareto, Vilfredo. Cours d'économie politique. T. I—II. Lausanne. 1896, 1897.

Pesch, H. Lehrbuch der Nationalökonomie. Erster Band. Grundlegung. Freiburg im B. 1905.

Petty, Sir W. The Economic Writiugs. Ed. by Ch. H. Hull. 1899. Vol. I.

Philippovich, E. v. Das Eindringen der sozialpolitischen Ideen in die Literatur. (Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrhundert. 1908. T. II. Abh. XXXI).

Philippovich, E. v. Grundriss der Politischen Oekonomie. B. I. Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 10, neu bearb. Auflage. Tübingen. 1913.

Philippovich, E. v. Individuelle Verantwortlichkeit und gegenseitige Hilfe im Wirtschaftsleben. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. B. XIV H. VI. 1905.

Philippovich, E. v. Über Aufgabe und Methode der politischen Oekonomie. Akademische Antrittsrede. Freiburg i. B. 1886.

Physiocrates. Paris. 1846. (Collection des Principaux Économistes. T. II).

Pierson, N. G. Principles of Economics. Translated from the Dutch by Wotzel. Vol. I. London. 1913.

Platter, J. Grundlehren der Nationalœkonomie. Berlin. 1903.

Platter, J. Custav Cohns ethische Nationalœkonomie. Wien. 1886.

Pohle, L. Die gegenwärtige Krisis in der deutschen Volkswirtschaftslehre. Leipzig. 1911.

Prion, W. Handelsbetriebslehre oder Privatwirtschaftslehre. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXXIV H. 3 Mai 1912.

Proudhon, P.-J. Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère. 3 éd. Paris. 1867. T. I.

Rambaud, J. Cours d'économie politique. Tome premier. Paris. 1910.

Raper, Ch. Lee. The Principles of Wealth and Welfare. New York. 1906.

Ratzel, Fr. Vœlkerkunde. 2 Aufl. B. I.

Rau, K. H. Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. 5 verm. und verbess. Auflage. Heidelberg. 1847.

Idem. 8 verm. und verbess. Auflage. Abth. I. Leipzig. 1868.

Resch, P. Die Entwickelungsstufen der Volkswirthschaft. Graz. 1886.

Ricardo, D. Letters to Th. R. Malthus. 1810—1823. Ed. by J. Bonar. Oxford. 1887.

Ricardo, D. The Works. By J. R. McCulloch. New Edition. London. 1871.

Richter, Ed. Die Vergleichbarkeit naturwissenschaftlicher und geschichtlicher Forschungsergebnisse. Halbmonatshefte der Deutschen Rundschau. 1903/4. № 14. 15 April 1904.

Rickert, H. Geschichtsphilosophie. (Die Philosophie im Beginn des XX Jahrhunderts. Festschrift für K. Fischer, herausg. v. W. Windelband. B. II. Heidelberg. 1905).

Rickert, H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Tübingen. 1902.

Rickert, H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 2 umgearb. und verm. Auflage. Tübingen. 1910.

Riekes, H. Die philosophische Wurzel des Marxismus. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. J. 62 H. 3. 1906.

Riekes, H. Wert und Tauschwert. Berlin. 1899.

Rodbertus-Jagetzow, C. Das Kapital. Vierter socialer Brief an v. Kirchmann. Herausg. v. Th. Kozak. Berlin. 1884.

Rodbertus-Jagetzow, C. Zur Beleuchtung der sozialen Frage. T. I. Unveränderter Abdruck meines zweiten und dritten Socialen Briefes an v. Kirchmann. 2 Auflage, herausg. v. M. Wirth. Berlin. 1890.

Rodbertus-Jagetzow, C. Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände. Erstes Heft. Fünf Theoreme. Neubrandenburg. 1842.

Roesler, H. Vorlesungen über Volkswirthschaft. Erlangen. 1878.

Roscher, W. Ansichten der Volkswirthschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte. 3 verbess. und verm. Aufl. B. I. Leipzig 1878.

Roscher, W. Geistliche Gedanken eines National-Oekonomen. Dresden. 1895.

Roscher, W. Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. München. 1874.

Roscher, W. Grundlagen der Nationalœkonomie. 23 verm. und verbess. Auflage bearbeitet von R. Pœhlmann. Stuttgart. 1900. (System der Volkswirtschaft. B. I).

Roscher, W. Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft. Nach geschichtlicher Methode. Gœttingen. 1843.

Roscher, W., und Jannasch, R. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. Leipzig. 1885.

Rossi, P. Cours d'économie politique. 4 éd., revue et augmentée. de leçons inédits recueillies par M. A. Porée. T. I. Paris. 1865.

Rümelin, G. v. Bevoelkerungslehre. Handbuch der Politischen Oekonomie, herausg. v. G. v. Schœnberg. B. I.

Rümelin, G. Reden und Aufsätze. Freiburg. (1875).

Rümelin, G. Reden und Aufsätze. Neue Folge. Freiburg i/B. 1881.

Salz, A. Beiträge zur Geschichte und Kritik der Lohnfondstheorie. (Münchener Volkswirtsch. Studien. St. 70). Stuttgart. 1905.

Sartorius, A. Freiherr von Waltershausen, A. Begriff und Entwicklungsmœglichkeit der heutigen Weltwirtschaft. Rede. Strassburg. 1913.

Sax, E. Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. Wien. 1887.

Sax, E. Die neuesten Fortschritte der nationalœkonomischen Theorie. Vortrag. Leipzig. 1889.

Sax, E. Das Wesen und die Aufgaben der Nationalœkonomie. Wien. 1884.

Say, J.-B. Cours complet d'économie politique pratique. 3 éd. par H. Say. T. I, II. Paris. 1852. (Collection des Principaux Éco-

nomistes. Vol. X, XI).

Say, J.-B. Traité d'économie politique. 6 éd. entièrement revue par l'auteur et publiée par H. Say. Paris. 1841. (Collection de Principaux Économistes. T. IX).

Schäffle, A. Abriss der Soziologie. Herausgeg. v. K. Bücher. Tübingen. 1806.

Schäffle, A. Bau und Leben des Socialen Kœrpers. 2 Auflage. In 2 Bänden. Tübingen. 1896.

Schäffle, A. Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. 3 durchaus neu bearb. Aufl. in 2 Bänden. Tübingen. 1873.

Schäffle, A. Zur Causalität und Teleologie in der Sozialwissenschaft. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. J. 36 H. 4. 1880.

Schär, J. Fr. Allgemeine Handelsbetriebslehre. B. I. 2 verm. Aufl. Leipzig. 1913.

Scheel, H. v. Die Politische Oekonomie als Wissenschaft. (Handbuch der politischen Oekonomie. Herausg. v. G. v. Schönberg. 4 Aufl. B. I. T. I. Abh. II).

Schmalenbach, E. Die Privatwirtschaftslehre als Kunstlehre. Zeitschrift für Handelswissenschaftliche Forschung. J. 6. März 1912.

Schmitthenner, Fr. Zwœlf Bücher vom Staate. B. I. 2 Auflage. Giessen. 1839.

Schmoller, G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. T. I. Leipzig. 1900.

Idem. Ergänzt und vermehrt. Leipzig. 1908.

Schmoller. G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. T. II. Leipzig. 1904.

Schmoller, G. Über einige Grundfragen der Socialpolitik und Volkswirtschaftslehre. Leipzig. 1898.

Schmoller, G. Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und- methode. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. VIII.

Schmoller, G. Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften. Leipzig. 1888.

Schön, J. Neue Untersuchung der Nationaloekonomie und der natürlichen Volkswirthschaftsordnung. Stuttgart. 1835.

Schönberg, G. v. Die Volkswirtschaft. (Handbuch der Politischen Oekonomie, herausg. v. G. v. Schoenberg. 4 Aufl. B. I. Tübingen. 1896).

Schroeder, Ed. A. Die politische Oekonomie. 3 umgearb. und verm. Aufl. Leipzig. 1897.

Schullern zu Schrattenhofen, H. Ritter v. Grundzüge der Volkswirtschaftslehre. Wien. 1911.

Schulz, W. Die Bewegung der Produktion. Eine geschichtlich-statistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft. Zürich. 1843.

Schulze, Fr. G. Nationaloekonomie oder Volkswirthschaftslehre.

Leipzig. 1856.

Schulze-Gävernitz, G. v. Marx oder Kant? Rede. 2 unver. Aufl. Freiburg i. B. 1909.

Shumpeter, J. Die neuere Wirtschaftstheorie in den Vereinigten Staaten. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. J. 34 H. 3. 1910.

Schumpeter, J. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationaloekomie. Leipzig. 1908.

Schwiedland, E. Art technique et économie politique. Revue d'économie politique. 27-e année. 1913. № 5.

Schwiedland, E. La population au point de vue économique. Revue d'économie politique. 25-e année. 1911. № 1.

Schwiedland, E. Die psychologischen Grundlagen der Wirtschaft. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. J. VIII H. 1. 1905.

Scialoja, Ant. Les principes de l'économie sociale exposés selon l'ordre logique des idées. Traduit et annoté par H. Devillers. Paris. 1844.

Seager, H. R. Introduction to Economics. 3 edition, revised and enlarged. London. 1910.

Seligman, E. The Economic Interpretation of History. New York. 1903.

Seligman, E. Principles of Economics. London. 1905.

Senior, N. W. Political Economy. (Encyclopoedia Metropolitana). 2 ed. London. 1850.

Shadwell, J. L. A System of Political Economy. London. MDCCCLXXVII.

Sidgwick, H. Economic Science and Economics. Dictionary of Political Economy. Vol. I.

Sidgwick, H. The Principles of Political Economy. 3 ed. London. 1901.

Sidgwick, H. Political Economy. Dictionary of Political Economy, ed. by Palgrave. Vol. III.

Simmel, G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 3 erweiterte Auflage. Leipzig. 1907.

Simmel, G. Soziologie. Leipzig. 1908.

Simmel, G. Ueber das Wesen der Sozial-Psychologie. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXVI H. 2. März 1908.

Simmel, G. Über sociale Differenzierung. Leipzig. 1890.

Sismondi, J.-C.-L. Simonde de. Nouveaux principes d'économie politique. 2 éd. Paris. 1827. T. I.

Skarbek, Le comte Fr. Théorie des richesses sociales. Paris. MDCCCXXIX. T. I.

Smith, Adam. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Edited by Edwin Cannan. London. 1904.

Smith, Adam. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Reported by a Student in 1763 and edited with an Introduction

and Notes by E. Cannan. Oxford. 1896.

Soden, J. Graf von. Die National-Oekonomie. Wien. 1815. B. I.

Sombart, W. Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation. Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. B. XIV H. 1-2, 3-4. 1899.

Sombart, W. Das Lebenswerk von K. Marx. Jena. 1909. (Idem. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXVI H. 2. März 1908).

Sombart, W. Sozialismus und Soziale Bewegung. 6 verm. und fortgeführte Auflage. Jena. 1908.

Sombart, W. Technik und Wirtschaft. Vortrag. Dresden. 1901.

Spann, O. Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre auf dogmengeschichtlicher Grundlage. Leipzig. 1911.

Spann, O. Wirtschaft und Gesellschaft. Dresden. 1907.

Spann, O. Zur Logik der sozialwissenschaftlichen Begriffsbildung. (Aus den Festgaben für Fr. J. Neumann). Tübingen. 1905.

Spencer, H. The Principles of Sociology. Vol. II. New York. 1900.

Spranger, Ed. Die Stellung der Werturteile in der Nationaloekonomie. Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft i. D. R. J. 38 H. 2. 1914.

Stammler, R. Materialistische Geschichtsauffassung. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. VI.

Stammler, R. Recht. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. VII.

Stammler, R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 2 verbess. Auflage. Leipzig. 1906.

Staudinger, Franz. Wirtschaftliche Grundlagen der Moral. Darmstadt. 1907.

Stein, L. Die Anfänge der menschlichen Kultur. Leipzig. 1906.

Stephinger. Zur Methode der Volkswirtschaftslehre. Karlsruhe. 1907. (Volkswirtsch. Abhandlungen der Badischen Hochschulen. B. IX Ergänzungsheft 5).

Steuart, James. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. In two volumes. London. MDCCLXVII. Vol. I.

Stolzmann, R. Der Zweck in der Volkswirtschaft. Berlin. 1909.

Storch, Henri. Considérations sur la Nature du Revenu National. Paris. 1824.

Storch, H. Cours d'économie politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. St.-Petersbourg. 1815. T. I.

Struve, P. v. Die Marx'sche Theorie der sozialen Entwicklung. Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. B. XIV H. 5-6. 1899.

Supino, C. Principi di economia politica. 3 ed. riveduta et ampliata. Napoli. 1908.

Supino, C. La teoria del valore e la legge del minimo mezzo. Giornale degli Economisti. Vol. IV Fasc. 4. Bologna. 1889.

Taylor, Fr. W. The Principles of Scientific Management. New

York. 1914.

Torrens, R. An Essay on the Production of Wealth. London. 1821.

Turgeon, Ch. Comment expliquer les mouvements de la population humaine. (Revue d'économie politique. 27-e année. 1913. №№ 4, 5).

Turgeon, Ch. La conception matérialiste de l'histoire d'après Marx et Engels. Revue d'économie politique. 25 année. 1911. № 3.

Turgot. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses. (Oevres de Turgot. Nouv. éd. par M. Eugène Daire. T. I. Paris. 1844.—Collection des Principaux Économistes. T. III).

Veblen, Thorstein. G. Schmollers Economics. Quarterly Journal of Economics. Vol. XVI. № 1. Nov. 1901.

Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. Reden und Vorträge und Debatten. Tübingen. 1911.

Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik in Wien. 1909. Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 132. 1910.

Verworn, Max. Naturwissenschaft und Weltanschauung. Rede. Leipzig. 1904.

Vierkandt, A. Die Gründe für die Erhaltung der Cultur. (Sonderabdruck aus: *Wundt*, Philosophische Studien. Bd. XX).

Voigt, A. Teleologische und objektive Volkswirtschaftslehre an Beispielen erläutert. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. N. F. J. IV H. 8-9. 1913.

Wagner, Adolph. Grundlegung der politischen Oekonomie. 3 neu bearb. und stark erweit. Auflage. Th. I. Grundlagen der Volkswirtschaft. Leipzig. 1892. (Lehr- und Handbuch der politischen Oekonomie. Erste Hauptabth.).

Wagner, Ad. Theoretische Sozialoekonomik oder Allgemeine und theoretische Volkswirtschaftslehre. Abt. I. Leipzig. 1907.

Waha, R. de. Die Nationaloekonomie in Frankreich. Stuttgart. 1910.

Walker, Amasa. The Science of Wealth: a Manual of Political Economy, embracing the Laws of Trade, Currency, and Finance. 7 ed. Philadelphia.

Walker, Francis A. Political Economy. 3 ed. London. 1892.

Weber, Ad. Die Aufgaben der Volkswirtschaftslehre als Wissenschaft. Tübingen. 1909.

Weber, M. Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntniss. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XIX. H. 1. 1904.

Weber, M. Roscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationaloekonomie. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft i. D. R. J. 29 H. 4. 1905.

Weber, M. R. Stammler's Ueberwindung der materialistischen Geschichtsauffassung. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B. XXIV H. I. 1907.

Weisengrün, P. Die Entwickelungsgesetze der Menschheit. Leipzig. 1888.

Wenckstern, Ad. v. Einführung in die Volkswirtschaftslehre. Leipzig. 1903.

Wendt, Ulrich. Die Technik als Kulturmacht in sozialer und in geistiger Beziehung. Berlin. 1906.

Weule, K. Die Urgesellschaft und ihre Lebensfürsorge. 10 Aufl. Stuttgart. 1912.

Weyermann, M. Das Verhältnis der Privatwirtschafslehre zur Nationaloekonomie. Antrittsrede. Bern. 1913.

Weyermann, M., und Schönitz, H. Grundlegung und Systematik einer wissenschaftlichen Privatwirtschaftslehre und ihre Pflege an Universitäten und Fach-Hochschulen. Karlsruhe. 1912.

Weyermann, M., und Schönitz, H. Ueber das Verhältnis der Privatwirtschaftslehre zur Volkswirtschaftslehre. Bank-Archiv. J. XII. № 10. 15 Febr. 1913.

Whately, R. Introductory Lectures on Political Economy. London. 1831.

Wicksteed, P. H. Political Economy and Psychology. Dictionary of Political Economy. Vol. III.

Wiedenfeld, K. Weltwirtschaft. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II.

Wieland, K. Die historische und die kritische Methode in der Rechtswissenschaft. Rede. Leipzig. 1910.

Wiese, L. v. Einleitung. Privatwirtschaft, Volkswirtschaft und Technik. (Wirtschaft und Recht der Gegenwart. Herausg. v. L. v. Wiese. B. I. Tübingen. 1912).

Wieser. Gut. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. V.

Wieser, Fr. v. Der natürliche Werth. Wien. 1889.

Wieser, Fr. v. Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirthschaftlichen Werthes. Wien. 1884.

Windelband. Geschichte und Naturwissenschaft. Rede. 3 unver. Aufl. Strassburg. 1904. (Idem: *Windelband, W.* Präludien. 4 verm. Aufl. B. II. Abh. 5).

Wirminghaus, A. Theorie der Massenerscheinungen. Woerterbuch der Volkswirtschaft. 3 Aufl. B. II.

Wolf, J. Der Aufstieg der theoretischen Nationaloekonomie. Zeitschrift für Socialwissenschaft. N. F. J. IV H. 8-9. 1913.

Wolf, J. Nationaloekonomie als exakte Wissenschaft. Ein Grundriss. Leipzig. 1908.

Wundt, W. Logik der Geisteswissenschaften. 3 umgearb. Auflage. Stuttgatt. 1908. (Logik. Band III).

Woltmann, L. Der historische Materialismus. Düsseldorf. 1900.

Wygodzinski, W. Einführung in die Volswirtschafts-Lehre. Leipzig. 1912.

Xenophontis Oeconomicus. (Scripta minora. Fasc. 1). Lipsiae. MCMX.

Xenopol, A.-D. La Théorie de l'histoire. 2 éd. des Principes fondamentaux de l'histoire. Paris. 1908.

Zachariä, K. S. Vierzig Bücher vom Staate. 2 umgearb. Aufl. Heidelberg. B. VII. 1843.

Zeuss, R. Ad. Smith und der Eigennutz. Tübingen. 1889.

Zöpfl, G. Kolonien und Kolonialpolitik. Handwoerterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. B. V.

Zoepfl, G. Nationaloekonomie der technischen Betriebskraft. Jena. 1903.

Zöpfl, G. Weltwirtschaftliche Praxis und wissenschaftliche Wirtschaftspolitik. Weltverkehr und Weltwirtschaft. J. 1911/12. № 9. Dez. 1911.

Алексѣевъ, Н. Н. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. Ч. I. Москва. 1912.

Алексѣевъ, Н. Н. Основныя философскія предпосылки психологической теоріи права Л. I. Петражицкаго. Юридическій Вѣстникъ. 1913. Кн. IV.

Алексѣевъ, Н. Н. Соціальная философія Штаммлера. Вопросы философіи и психологіи. 1909. Кн. 96 (1).

Антоновичъ, А. Я. Курсъ политической экономіи. Кіевъ. 1886.

Атлантикусъ. Взглядъ въ государство будущаго. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Я. Желѣзнова. Кіевъ. 1906.

Билимовичъ, А. Д. Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Ч. I. Университетскія Извѣстія. Годъ LIV. № 1. Кіевъ. 1914.

Богдановъ, А., и Степановъ, И. Курсъ политической экономіи. С.-Петербургъ. 1910. Т. I.

Булгаковъ, С. Философія хозяйства. Ч. I. Міръ какъ хозяйство. Москва. 1912.

Веретенниковъ, В. Случайность въ историческомъ процессѣ и статистическій методъ. Журналъ Мин. Нар. Просв. Ноябрь 1913.

Витте, С. Ю. Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ. С.-Петербургъ. 1912.

Воблый, К. Г. Вопросъ о методѣ въ исторіи политической экономіи. Журналъ Мин. Нар. Просв. Ноябрь и Декабрь 1907.

Войтинскій, Вл. Рынокъ и цѣны. Съ предисл. М. И. Туганъ-Барановскаго. С.-Петербургъ. 1906.

Вреденъ, Э. Курсъ политической экономіи. 2 перераб. изд. С.-Петербургъ. 1880.

Георгіевскій, П. И. Политическая экономія. 4 изд. 2 тома. С.-Петербургъ. 1904.

Герингъ, С. Логика экономіи. С.-Петербургъ. 1909.

Гефдингъ, Г. Современная философія. Перев. подъ ред. Д. В. Викторова. Москва. 1907.

Гуссерль, Э. Логическія изслѣдованія. Ч. I. Перев. съ нѣм. подъ ред. С. Л. Франка. Спб. 1909.

Делевскій, Ю. Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. С.-Петербургъ. 1906.

Делевскій, Ю. Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи. С.-Петербургъ. 1910.

Желѣзновъ, В. Я. Очерки политической экономіи. 7 изд., значительно переработ. и дополн. Москва. 1912.

Журналъ Общаго Собранія Общества имени А. И. Чупрова. Юридическій Вѣстникъ. Кн. IX(I). 1915.

Загорскій, С. О. К. Марксъ, классики и кризисъ исторической школы въ Германіи. Москва. 1909.

Иванюковъ, И. Политическая экономія какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій. Изд. 3. Москва. 1891.

Исаевъ, А. А. Начала политической экономіи. 7 дополн. изд. С.-Петербургъ. 1908.

Исаевъ, А. А. Составныя части и методы политической экономіи. Ярославль. 1887.

Іерузалемъ, В. Введеніе въ философію. Перев. С.-Петербургъ. 1903.

Карѣевъ. Н. Введеніе въ изученіе соціологіи. С.-Петербургъ. 1897.

Кистяковскій, Б. Въ защиту научно-философскаго идеализма. Вопросы философіи и психологіи. Кн. 96. 1909.

Ковалевскій, М. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. С.-Петербургъ. 1899.

Ковалевскій, М. Современные соціологи. С.-Петербургъ. 1905.

Кохановскій, Н. И. Политическая экономія. Вып. I. Введеніе. Владивостокъ. 1909. Вып. II. Общая часть. 4 пересмотр. изд. Владивостокъ. 1913. (Литограф. изд.)

Кржижановскій. Методы изслѣдованія хозяйственнаго значенія техники въ сочиненіяхъ проф. А. И. Чупрова. Записки И. Харьк. Университета. 1909. Кн. 3-я.

Кулишеръ, І. М. Политическая экономія. С.-Петербургъ. 1911.

Кулишеръ, І. Экономическая исторія, какъ наука, и періоды въ хозяйственномъ развитіи народовъ. Русская мысль. Іюль 1908.

Лавеле, Э. де. Современный соціализмъ. Перев. съ франц. подъ ред. М. А. Антоновича. С.-Петербургъ. 1882.

Кэри. Руководство къ соціальной наукѣ. Перев. съ англ., кн. Л. Н. Шаховского. С-Петербургъ. 1869.

Левитскій, В. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Ярославль. 1890.

Левъ, Джемсъ. Наша политическая экономія съ точки зрѣнія японцевъ. Перев. съ англ. Изд. Посредника. 1907.

Лоріа, А. Соціологія. Перев. С.-Петербургъ. 1903.

Мануиловъ, А. Къ вопросу о предметѣ и характерѣ теоретиче-

ской экономіи. Юридическій Вѣстникъ. 1913. Кн. I.

Мануиловъ, А. А. Политическая экономія. В. I. Москва. 1914.

Мануиловъ, А. Вопросы экономической теоріи въ новой книгѣ П. Б. Струве. Вѣстникъ Европы. Октябрь 1913.

Мейэръ, Эд. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Перев. съ нѣм. А. Малинина. Москва. 1904.

Мейеръ, Э. Экономическое развитіе древняго міра. Перев. Москва. 1906.

Милль, Д. С. Система логики. Перев. съ англ. В. Н. Ивановскаго. Москва. 1900.

Милюковъ. П. Очерки по исторіи русской культуры. 4 исправл. и дополн. изд. 1900. Ч. I.

Моревъ, Д. Д. Руководство политической экономіи. Изд. 5. С.-Петербургъ. 1899.

Новгородцевъ, П. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Москва. 1896.

Новгородцевъ, П. И. Психологическая теорія права и философія естественнаго права. Юридическій Вѣстникъ. Кн. III. Москва. 1913.

Орженцкій, Р. Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія. Юридическій Вѣстникъ. 1914. Кн. V (I).

Орженцкій, Р. М. Понятіе объ экономическомъ явленіи. Записки И. Новорос. Университета. Т. 93. Одесса. 1903.

Петражицкій Л. І. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, въ особенности объ этическихъ мотивахъ и ихъ разновидностяхъ. С.-Петербургъ. 1904.

Пихно, Д. И. Основанія политической экономіи. Кіевъ. 1890.

Погодинъ, А. Распространеніе культуры въ доисторическія времена. Журн. Мин. Нар. Просв. Іюнь 1900.

Рыкачевъ, А. М. Деньги и денежная власть. Ч. I. Деньги. С.-Петербургъ 1910.

Святловскій, В. В. Конспектъ лекцій по политической экономіи. С.-Петербургъ. 1910.

Святловскій, В. В. Примитивно-торговое государство, какъ форма быта. С.-Петербургъ. 1914.

Симоненко, Г. Ѳ. Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900.

Сириновъ, М. А. Теоретическая политическая экономія, какъ наука. Вып. I. С.-Петербургъ. 1910.

Сириновъ, М. А. Политическая экономія, какъ наука. Вып. II. С.-Петербургъ. 1910.

Скворцовъ, А. Основанія политической экономіи. С.-Петербургъ. 1898.

Соболевъ, М. Н. Элементарный учебникъ политической экономіи. С.-Петербургъ.

Струве, П. Политическая экономія и бухгалтерія. Русская Мысль. Ноябрь 1913.

Струве, П. Б. Проблема производства и проблема вмѣненія въ политической экономіи. Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института. Отдѣлъ наукъ эконом. и юрид. Т. XIII. 1910.

Струве, Петръ. Хозяйство и цѣна Ч. I. Москва. 1913.

Туганъ-Барановскій, М. И. Основы политической экономіи. 2 перераб. изд. С.-Петербургъ. 1911.

Туганъ-Барановскій. М. И. Соціальная теорія распредѣленія Извѣстія С.-Петерб. Политехнич. Института. Отд. наукъ экономич. и юрид. Т. XX. 1910.

Туганъ-Барановскій, М. Теоретическія основы марксизма. С.-Петербургъ. 1905.

Федоровичъ, Л. В. Теорія политической экономіи. Одесса. 1901. Ч. I.

Хвостовъ В. М. Предметъ и методъ соціологіи. Вопросы философіи и психологіи. Кн. 99. 1909.

Хвостовъ, В. М. Теорія историческаго процесса. 2-е, исправл. и дополн. изд. Москва. 1914.

Хвостовъ, М. Изученіе экономическаго быта древности. Журн. Мин. Нар. Просв. Іюнь 1900.

Ходскій, Л. В. Политическая экономія въ связи съ финансами. 4 пересмотр. и дополн. изд. Т. I. Политическая экономія. С.-Петербургъ. 1908.

Чупровъ, А. И. Курсъ политической экономіи. Москва. Изд. 1913.

Шоръ, А. С. Основныя проблемы теоріи политической экономіи. С.-Петербургъ. 1907.

Штейнъ, Л. Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Перев. съ нѣм. П. Николаева. Москва. 1899.

Энгельсъ, Фр. Л. Фейербахъ. Перев. съ предисл. и примѣч. Г. В. Плеханова. С.-Петербургъ. 1906.

Эттингенъ, А. Ф. Численный методъ въ приложеніи къ духовно-нравственнымъ явленіямъ. (Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе. Перев. под. ред. проф. Янсона. С.-Петербургъ. 1879).

Яроцкій, А. О возможности индивидуалистическаго обоснованія альтруистической морали. Вопросы философіи и психологіи. Кн. 117. 1913.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
7	8 снизу	правовая, политическая	правовая и политическая
9	11 сверху	Фи-	«Фи-
10	20 снизу	обусловленными[5].	обусловленными[4].
»	19 »	Schwiedland[4]	Schwiedland[5]
20	12 »	немъ то	немъ, то
» примѣч.	1 »	1252, B	1252 b,
41 »	2 »	Wirminghaus.	Wirminghaus,
42 »	8 »	Веретеннковъ	Веретенниковъ.
48	20 сверху	связью и	связью, и
80	14 снизу	въ—лицѣ	—въ лицѣ
90 примѣч.	2 »	Grundlagen	Grundlegung
117	3 сверху	Robertus'a[1].	Rodbertus'a[1].
141	17 снизу	эмпирической,	эмпирической
»	8 »	основанія	обоснованія
150	19 сверху	Въ итальянской	**25.** Въ итальянской
178 примѣч.	9 снизу	принадлежитъ	принадлежатъ
191 »	1 »	4, 6	4—6.
202	11 »	Тактика	Та критика
249	1 сверху	экономія	аналогія
265 примѣч.	1 снизу	начной	научной
268	3 сверху	жизни со	жизни, со
284 примѣч.	1 снизу	14 Nov.	15 Nov.
303 »	1 »	50 a. Fr. E.).	50 a (v. Fr. E.).
353	9 сверху	разработки	работы
372	9 »	ихъ способности,	потребности людей, чѣмъ разнороднѣе ихъ способности,
394	12 снизу	Хозяйничанье	Хозяйствованіе
406	15 сверху	экономистовъ	экономистовъ,
441 примѣч.	19 »	5 изд.	4 изд.
444	17 снизу	идетъ не томъ	не о томъ
447 примѣч.	7 »	Le progrès	Les progrès
451 »	22 сверху	стр. 387,	стр. 384—387,
456 »	16 »	Le progrès	Les progrès
507 »	12 снизу	Voltmann	Woltmann
508 »	4 »	Стр. 29,	Стр. 29, 53;
511 »	11 »	всего	всегда
545	3 »	области могутъ	области, могутъ
556	16 сверху	доктрины	доктрины,
557	9 снизу	прочемъ	впрочемъ,
560	19 сверху	самимъ	самымъ
615 примѣч.	8 снизу	Oeconomicum.	Oeconomicus.
» »	1 »	Justice, Revenue	Justice, Police, Revenue
656 »	1 »	273, 277	273—277
659 »	1 »	3 ed.	2 ed.
668 »	1 »	Ученіе	Понятіе
679 »	7 »	H.	H. 2
694	20 сверху	его трудъ	трудъ Sax'a

ЗАМЕЧЕНИЯ ОПЕЧАТОК.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
7	8 снизу	правовой, политической	правовой и политической
9	11 сверху	фи-	«фи-
10	20 снизу	обстоятельствами.	обстоятельствами».
	18 »	Wahrheitliebe»	Wahrheitliebe»
20	12 »	ность то	ность, то
1	1 »	1232. В	1232 г.
11	2 »	Winnipfluss,	Winnipfluss,
42	8 »	Перестановка	Перестановка.
68	20 сверху	связи с	связи, с
80	14 снизу	ея лишь	— ея лишь
90	2 »	Grundlagen	Grundlagen
117	8 сверху	Hoherte'n'	Hoherten'
141	17 снизу	ственной,	ственной
	8 »	основания	обстоятельства
150	19 сверху	Въ отдаленной	Въ. Въ отдаленной
175	9 снизу	принадлежать	принадлежать
191	1 »	4, 6	4—6.
202	11 »	Тактика	Та практика
210	1 сверху	полиция	полиция
265	1 снизу	должна	должна
268	3 сверху	книги со	книг, со
284	1 снизу	11 Nov.	13 Nov.
301	1 »	30 a Fr. E.	30 a (r. Fr. E.
352	9 сверху	разработка	работа
372	9 »	вся способности,	интересовать людей, чтоб разговорами изъ отечества.
391	12 снизу	Vorstellungen	Vorstellungen
406	15 сверху	заключаетъ	заключаетъ,
411	10 »	5 вед.	1 вед.
444	17 снизу	идетъ не тамъ	не о томъ
447	7 »	la prairie	Les prairie
461	22 сверху	стр. 347.	стр. 341—387.
520	16 »	La prairie	Les prairie
607	12 снизу	Volkmann	Wolkmann
636	4 »	Стр. 39.	Стр. 39. 39.
641	11 »	мота	мота
645	3 »	область могуч	область, могуч
658	10 сверху	должны	должны,
697	9 снизу	пр.-сост.	напротивъ
709	19 сверху	самыхъ	самыхъ
815	8 снизу	Despondicum.	Despondicum.
1	1 »	Jeffen, Ne-ma	Jeffen, Pulex, Ne-ma
650	1 »	270, 277	273—277
659	1 »	3 ed.	2 ed.
668	1 »	Vespa	Ilmaris
670	7 »	H.	H. ?
691	20 сверху	его труда	труда Sax's

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Очеркъ финансовъ Германской Имперіи. Спб. 1894. 128 стр. (Изъ Вѣстн. фин., пром. и торг. 1894. №№ 13, 14, 15 и 16).

Очерки бумажно-денежнаго обращенія. Спб. 1895. 62 стр.

Результаты германской биржевой реформы 1896 года. Стр. 12. (Изъ Вѣстн. фин., пром. и торг. 1897. № 44).

Volkswirtschaft. Gesetzgebung und Literatur in Russland im Jahre 1897. Ins Deutsche übers. von Alfanowitsch. (Jahrbuch der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre. Berlin. Jahrgang. iv. S. 911—943).

Очеркъ экономическаго положенія Японіи. Владив. 1903. (Изв. Вост. Инст., т. V). 131 + iv стр. (Цѣна 5-го тома «Изв. Вост. Инст.» —3 р. 50 к.).

Объ общихъ началахъ современнаго строя высшихъ учебныхъ заведеній. (Записка, доложенная въ засѣданіи Конференціи Восточнаго Института). Владив. 1906. 10 стр. Ц. 20 к.

Записка о студенческихъ организаціяхъ. (Извлеченіе изъ протокола засѣданія Конференціи Восточнаго Института). Владив. 1908. 5 стр. Ц. 10 коп.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Владив. 1909. viii + 156 + xvii стр. («Изв. Вост. Инст.», т. XXIII, вып. 2-й). Ц. 1 р.

Краткое обозрѣніе системы мѣръ и денегъ въ Китаѣ. Владив. 1909. Ц. 20 к. (Изъ 2-го выпуска XXIX тома Извѣстій Восточнаго Института).

Grundbesitz und Landwirtschaft in China. (Selbstanzeige). (Blätter für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre. Berlin. März 1910. № 9).

Обозрѣніе преподаванія по предмету Политической экономіи. Владив. 1911. Ц. 20 к.

Обозрѣніе преподаванія по предмету Государственнаго устройства Россіи и главнѣйшихъ державъ. Владив. 1912. Ц. 20 к.

Программа преподаванія въ Восточномъ Институтѣ по предметамъ Русскаго гражданскаго и торговаго права и судопроизводства. 2-е изд. Владив. 1912. Ц. 20 к.

Политическая экономія. Лекціи читанныя въ Восточномъ Институтѣ. Вып. I-й. Введеніе. 1909. 84 стр. Ц. 1 р. 15 коп.—Вып. II. Общая часть. 4-е пересмотр. изд. 1913. 351 стр. Ц. 5 р.— Вып. III-й. Особенная часть. 1909. 132 стр. Ц. 1 р. 75 коп.— Вып. IV-й. Особенная часть. 1902. Стр. 71.—(Литограф. изданіе).

Д-ръ О. Франке. Земельныя правоотношенія въ Китаѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями *Н. И. Кохановскаго.* Владив. 1908. 7 + vi + 145 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Готовится литограф. изданіе:

Политическая Экономія. Лекціи читанныя въ Восточномъ Институтѣ. Вып. I. Введеніе. Вып. III. Особенная часть. 4 пересмотр. изд.

Изданія Восточнаго Института, выпущенныя въ 1915 г.

(за исключеніемъ очередныхъ №№-ровъ «Извѣстій В. И.»).

4464-738

П. П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Владивостокъ. 1915. XVI; 486; 88 стр. Цѣна 5 руб. 50 коп.

4396-402; 4403-63

В. М. Мендринъ. Исторія сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. Въ XXII книгахъ. Переводъ съ японскаго съ примѣчаніями и комментаріями. Книга V. Кусуноки. Съ приложеніемъ очерка Сансю но дзинки— Три священныхъ сокровища Японіи (съ 3 страницами рисунковъ), сравнительной таблицы датъ по календарямъ лунному и солнечному, хронологическаго перечня императоровъ, родословной фамиліи Кусуноки, двухъ алфавитныхъ указателей и одного портрета. Владивостокъ. 1915. xvii; 232 стр. Цѣна 2 руб.

889-898

Образцы монгольскихъ дѣловыхъ бумагъ. Собралъ и издалъ и. д. профессора Восточнаго Института *Г. Ц. Цыбиковъ*. Переписалъ для литографіи лекторъ Гелекнима. Владивостокъ. 1915. iii; 52 стр. (Литограф. изд.). Цѣна 1 руб.

Н. И. Кохановскій. Экономика и экономическій принципъ въ ихъ отношеніи къ общей системѣ соціальныхъ наукъ. Владивостокъ. 1915. xvi; 724; xxv стр. Цѣна 5 руб.

4739-853

Извѣстія Восточнаго Института. Томы 51—52.

П. П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. I—III. Лингвистистическое введеніе въ изученіе китайскаго языка. Начальныя чтенія по китайскому языку. Приложенія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Владивостокъ. 1915. xvi; 484 стр. Цѣна 4 руб. 50 коп.

4263-319

Извѣстія Восточнаго Института. Томъ 56, вып. 1—2.

П. П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. IV. Китайскіе тексты для упражненій. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Владивостокъ. 1915. iv; 88; iv стр. Цѣна 1 руб.

● *Складъ изданій въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ городѣ Владивостокѣ, Приморской области. Полный списокъ изданій высылается безплатно.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА 1915 ГОДА.

Подписная цѣна: съ доставкой во Владивостокѣ и съ пересылкой въ другіе города 4 рубля въ годъ. За перемѣну адреса на иногородній 40 коп. Подписка принимается въ Библіотекѣ Восточнаго Института, Владивостокъ, Приморской области.

Въ виду того, что Редакція, включивъ, по независящимъ отъ нея причинамъ, въ „Извѣстія“ 1914 года нѣкоторыя работы въ незаконченномъ видѣ, вынуждена дать окончаніе ихъ въ 1915 году, подписчикамъ „Извѣстій Восточнаго Института“ 1915 года предоставляется право пріобрѣтать полные комплекты изданія 1914 года по пониженной цѣнѣ 4 р. съ доставкой и пересылкой, вмѣсто 6 р. съ доставкой во Владивостокѣ и 8 р. съ пересылкой въ другіе города.

Вышли слѣдующіе выпуски 1915 года:

№ 1. 30-го января. Томъ 56, выпускъ 2-й. 4320-36

П. П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. IV. Китайскіе тексты для упражненій. Выпускъ 2-й (стр. 49-88). Лекціи 34-64. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. IV; 49-88; IV стр.

№ 2. 15-го февраля. Томъ 52, выпускъ 1-й. 4337-49

П. П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. II. Начальныя чтенія по китайскому языку. Выпускъ 2-й (стр. 321-420). Лекціи 33-64. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. VI; 321-420 стр.

№ 3. 31-го марта. Томъ 50. 4366-87

В. М. Мендринъ. Исторія сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. Въ XXII книгахъ. Переводъ съ японскаго съ примѣчаніями и комментаріями. Книга V. Кусуноки. Съ приложеніемъ очерка Сансю но дзинки—Три священныхъ сокровища Японіи (съ 3 страницами рисунковъ), сравнительной таблицы датъ по календарямъ лунному и солнечному, хронологическаго перечня императоровъ, родословной фимиліи Кусуноки, двухъ алфавитныхъ указателей и одного портрета. XVII; 232 стр. Цѣна 2 руб.

№ 4. 29-го апрѣля. Томъ 52, выпускъ 2-й. 4388-95

П. П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. III. Приложенія. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. IV; 421-484; XVI стр.

№№ 5—7. 15-го іюля. Томы 53—55.

Н. И. Кохановскій. Экономика и экономическій принципъ въ ихъ отношеніи къ общей системѣ соціальныхъ наукъ. xvi; 724; xxv стр. Цѣна 5 руб.

Печатаются и готовятся къ печати:

В. М. Мендринъ. Исторія сіогуната въ Японіи. Кн. VI. *В. М. Мендринъ.* Сёгёбунъ. Ч. 2-ая. Историко-описательная часть. *В. М. Мендринъ.* Сіогунъ и Сейи тайсіогунъ. *В. М. Мендринъ.* Сансю по дзинки. Три священныхъ сокровища Японіи. *А. Поповъ* и *З. Матвѣевъ.* Библіографія Японіи. *Г. И. Сорокольтовъ.* Матеріалы по начальному образованію въ Японіи. *Г. Ц. Цыбиковъ.* Пособіе для практическаго изученія монгольскаго языка. *А. В. Гребенщиковъ.* Элементы маньчжурскаго письменнаго языка. *Протоколы* засѣданій Конференціи Восточнаго Института за 1912—13 акад. годъ. *Списокъ* поступленій Библіотеки Восточнаго Института за 1913-1915 годы.

Цѣна 5 рублей.

15
19
-й г. из
13-14 ак.
г.

ИНСТИТУТА.
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРНОГО